

Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный музей городской скульптуры
Отдел «Нарвские Триумфальные ворота»
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
Высшая школа технологии и энергетики
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
Санкт-Петербургское военно-историческое общество

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

**Материалы
XII Международной военно-исторической конференции
22–23 ноября 2019 г.**

Санкт-Петербург
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Научное издание

*Печатается по решению Оргкомитета конференции
в соответствии с условиями созыва
XII Международной военно-исторической конференции
«Военная история России XIX–XX вв.»*

Военная история России XIX–XX веков. Материалы XII Международной военно-исторической конференции / Под ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича, В. А. Мосунова. Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2019 г.: Сб. научных статей. — СПб.: СПбГУПТД, 2019. — 782 с.

ISBN 978-5-7937-1860-8

Конференция «Военная история России XIX–XX вв.» посвящена различным аспектам военной отечественной истории двух прошедших веков: социально-политических, экономических, культурных. Участники конференции из России, Ближнего и дальнего зарубежья рассматривают в своих докладах как чисто военные вопросы, так и частные проблемы, в том числе связанные с историей военной повседневности. Особое внимание уделено важным для российской военной истории и нашего города событиям, юбилей которых приходится на 2019 год: 250-летию создания ордена Св. Георгия (1769), боям под Петроградом (1919) и началу Советско-финляндской войны (1939).

На обложке:

*Звезда ордена Св. Георгия 1-й и 2-й ст. Последняя четверть XIX в.
Фирма Keibel, СПб. Отдел действующих образцов Технического комитета
Главного интендантского управления.
Собрание Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск
и войск связи*

Проект реализован при поддержке
Комитета по культуре Санкт-Петербурга

ISBN 978-5-7937-1860-8

© СПбГУПТД, 2019
© ГМГС, 2019
© Коллектив авторов, 2019

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 5

Татьяна Николаевна ИЛЬИНА

Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (хранитель фонда)
Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: tat. i54@yandex.ru

ЗА СЛУЖБУ И ХРАБРОСТЬ. К 250-ЛЕТИЮ ВОЕННОГО ОРДЕНА СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ

Статья посвящена коллекции знаков ордена Св. Георгия в собрании старейшего военного музея России — Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Орденскую коллекцию заложил в 1826 г. в Артиллерийском музее император Николай I, поместив на хранение награды своего старшего брата — Александра I, которые использовались во время траурных церемоний от Таганрога до Петербурга. В 1855 г. сюда поступили георгиевские награды самого Николая I. В 1937 г. в музей поступили уникальные георгиевские награды из музеев полков и великого князя Михаила Николаевича. Образцовые кресты и медали, Георгиевское оружие, Георгиевские трубы пришли из бывшего музея Главного интендантского управления. Ныне музейная коллекция продолжает пополняться. Она не только отражает героические страницы российской военной истории, но позволяет подробно изучить историю бытования, изготовления, модификации главного военного ордена страны.

Ключевые слова: Русская императорская армия, орден Св. Георгия, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Музейную коллекцию ордена Святого Георгия составляют исторические памятники различных типов. Это, в первую очередь, вещественные памятники — орденские звезды, знаки, ленты, георгиевские знамена и штандарты, георгиевские трубы; документальные источники, как законодательные, так и делопроизводственные — статуты, приказы, грамоты, анкеты; изобразительные — живописные и графические портреты кавалеров, иллюстрации их подвигов, а также фотоматериалы. Все они представляют собой глубокие, выразительные исторические источники не только по истории ордена и российской наградной системы в целом, но и по военной истории России. Экспозиционные комплексы таких памятников отличаются яркой выразительностью, доступностью для посетителей музеев всех возрастных и образовательных уровней. Прежде всего, несколько слов об истории музея, которая во многом определяла формирование этой коллекции.

Музей — ровесник Петербурга, основан по воле Петра I в ходе Северной войны, в августе 1703 г., чтобы собирать и хранить «для памяти на вечную славу» русские и трофейные пушки, ружья и прочие «достопамятные» предметы. Вначале он располагался на территории Петропавловской крепости, затем на Литейной стороне Петербурга. В 1868 г. он переехал в здание Санкт-Петербургского арсенала на территории Кронверка у Петропавловской крепости, где располагается и поныне.

Формирование коллекции Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия в Артиллерийском историческом музее

К концу XVIII в. Достопамятный зал, как тогда назывался музей, облагодавал богатыми и разнообразными коллекциями военно-исторических памятников. Поэтому император Николай I избрал его местом для хранения наград своего покойного брата — Александра I. По воле Николая I ордена, «бывшие в процессии при печальном шествии из Таганрога до Чесмы, отосланы для хранения в С.-Петербургский арсенал»¹. Вскоре в Арсенал передали русские и иностранные ордена, использовавшиеся в других траурных церемониях, связанных с Александром I. Иностранные ордена передали управляющему Министерством иностранных дел для отсылки «к тем европейским дворам, коим они принадлежали»². Другие российские ордена Александра I отослали в Капитул³. Основные этапы формирования коллекции ордена Святого Георгия следующие.

Этап 1. «Александровский» (1826–1855)

Начало формирования георгиевской коллекции имеет точную дату — 26 апреля 1826 г. В этот день повелением императора Николая I была основана орденская коллекция Артиллерийского музея (в то время — Достопамятного зала Арсенала).

В 10 часов 50 минут 19 ноября 1825 г. в Таганроге скончался император Александр I⁴. Регламенты многочисленных траурных церемоний предусматривали участие в них наград императора. В печальном

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 28. Л. 71 об.; Д. 3. Л. 37 об.

² РГИА. Ф. 516. Оп. 28/1618. Д. 131. Л. 256 об.

³ Там же. Ф. 472. Оп. 8. Д. 3. Л. 63.

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 12. Л. 1–40 (Акт о болезни и кончине блаженной памяти императора Александра Павловича); *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. С. 186–194; РГИА. Ф. 472. Оп. 8 (25/1004). Д. 6. Л. 292–307.

кортеже, перевозившем из Таганрога тело почившего в Бозе императора, находились принадлежавшие ему знаки орденов Св. Анны, Св. Владимира, Св. Георгия, Белого Орла, Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного, а также медаль в память Отечественной войны 1812 года и колодка на семь орденов и медалей⁵.

29 декабря траурный кортеж двинулся из Таганрога в сторону Петербурга. За время следования пришлось организовать 57 ночлегов. Российские ордена участвовали в траурных церемониях прощания с императором в Харькове, Белгороде, Курске, Туле, Твери, Москве, Новгороде. 3 февраля кортеж прибыл в Москву. В списке орденов императора Александра, участвовавших в траурных церемониях, значится и «орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, который государь император удостоивал всегда носить».

26 апреля 1826 г. командир Санкт-Петербургского арсенала генерал-майор С. И. Зуев (1769–1836) расписался в перечне орденов Александра I, участвовавших в траурном шествии из Таганрога и принятых им на хранение в Достопамятном зале⁶. Среди семи десятков наград поступили «кресты ордена Св. Георгия 4-го класса — 2 шт.», «коллекция крестов и медалей, нашитых и содержащих при себе 7 орденов и медалей»⁷ — знаменитая колодка, запечатленная на портретах императора. Открывает эту колодку знак ордена Св. Георгия 4-й степени. Так началось формирование коллекции ордена Святого Георгия в Артиллерийском музее (*ил. 1, 2*). После 1826 г. эта коллекция эпизодически пополнялась. Так, в 1835 г. на хранение в Достопамятный зал Санкт-Петербургского арсенала был передан возвращенный в Россию знак ордена Святого Георгия 4-й степени австрийского императора Франца I⁸.

Этап 2. «Николаевский» (1855–1917)

Начало второго этапа относится к 1855 г. 18 февраля этого года скончался император Николай I. Руководствуясь опытом предшественников, награды отца, использовавшиеся во время траурных церемоний, Александр II 5 июля 1855 г. передал в Достопамятный зал. Тогда в Арсенал поступило 23 орденских знака Николая I, включая ленты и цепь. Среди орденов значились колодка с наградами Николая Пав-

⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 9. Л. 54.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 72.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 8. Л. 51 об. — 55 об.

⁸ *Талызин И. Д.* Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб., 2006. С. 89.

Ил. 1. Колодка с орденами и медалями императора Александра I. 1816–1825 гг.

1. Знак ордена Святого Георгия 4-й степени.
2. Медаль «В память Отечественной войны 1812 года».
3. Австрийский Военный орден Марии-Терезии.
4. Прусский Железный крест 2-го класса.
5. Шведский Военный орден Меча рыцарской степени Большого креста 1-го класса.
6. Австрийский Армейский (Пушечный) крест «В память войны 1813–1814 гг.»^{1*}.
7. Пруская медаль «В память войны 1813–1814 гг.». По гурту полустертая надпись: «AUS EROBERTEM GESCHÜTZ» («Из трофейных орудий»)²*.

^{1*} C. H. Gelbke. Abbildung und Beschreibung der Ritterorden und Ehrenzeichen samtllicher Souverane Europas. Berlin, 1832. Tab. 22. S. 22. № 14, 15. В этом альбоме указана иная дата учреждения креста — «по прибытии в Париж 31 мая 1815 года»; Gerhard Hertzsch. Das Armeekreuz 1813/1814 im Volksmund Kanonenkreuz genannt. Zeitschrift der Österreichischen Gesellschaft für Ordenskunde, S. I., s. a. 8 s.

^{2*} В альбоме C. H. Gelbke (Abbildung und Beschreibung der Ritterorden und Ehrenzeichen samtllicher Souverane Europas) приведены изображения наград европейских государств того времени и их описание на немецком и французском языках. Перевод названия альбома таков: «Описание рыцарских орденов, крестов заслуг, знаков отличия всех домов, суверенов и других правительств Его Величества Фридриха-Вильгельма III короля Пруссии, описанных скрупулезно и опубликованных. К. Х. фон Гельбке — майором королевской артиллерии на службе у короля Пруссии, кавалером орденов Почетного Легиона, Даннеброга и ордена Военных Заслуг Вюртемберга. Литографии Г. Реймера. Берлин 1832 г.». В этом альбоме (таблица 1, страница 1), изданном при жизни Фридриха-Вильгельма III, приведена несколько иная, чем на медали в колодке Александра, надпись на гурте прусской медали «В память войны 1813–1814 гг.»: «AUS FEINDICHEM GESCHÜTZ» («Из вражеских орудий»).

ловича и «орден Святого Георгия 4-й класса за XXV лет, золотой, один»⁹. Тридцать лет Николай I почти непрестанно воевал, неоднократно находился в действующей армии, но орденом Святого Георгия за боевое отличие награжден не был. Лишь в августе 1838 г. «по истечении 25 лет действительной службы» император Николай I пожелал иметь установленный для этого орден Святого Георгия 4-й степени. При этом он выразил желание, чтобы и здесь был соблюден принятый порядок, и орден ему поднесли в положенное время только после рассмотрения Думой его послужного списка¹⁰. Выслуга 25-летней службы исчислялась на 22 августа 1840 г., после чего пожелание императора было исполнено¹¹ (ил. 3, 4).

Ил. 2. Знак ордена Святого Георгия 4-й степени, который Александр I принял 13 декабря 1805 г. и «удостаивал всегда носить»

Этап 3. Военно-историко-бытовой музей (1937–1950-е). Михайловский фонд

Третий этап поступления орденских реликвий начался в 1937 г., когда в состав Артиллерийского исторического музея (АИМ) влился Военно-историко-бытовой музей (ВИБМ). ВИБМ был создан в Ленинграде в 1930 г. на основе музеев полков русской гвардии и армии, военно-учебных заведений, Главного интендантского управления, Михайлов-

⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21 (Д. 3). Оп. 92/1. Д. 9. Л. 193 об. — 195; *Талызин И. Д.* Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб., 2006. С. 91.

¹⁰ Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. СПб., 1891. С. 19.

¹¹ В литературе встречается две даты награждения Николая I выслужным орденом святого Георгия 4-й степени: в справочнике Ю. А. Кузьмина (с. 239) — 1 декабря 1838 г., в документах РГИА указаны даты исчисления сроков службы императора для вручения ему знаков отличия беспорочной службы: 1840 год — 25 лет службы, 1845–30 лет, 1850–35 лет (РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 1896. Л. 1).

Ил. 3. Колодка с орденами и медалями императора Николая I.

1. Орден святого Георгия 4-й степени за 25 лет службы^{1*}.
2. Крест «За 25 лет беспорочной службы в офицерских чинах». (*Dienstauszeichnung — Kreuz für Offiziere*). Королевство Пруссия. Награжден в 1840 г.
3. Медаль «За Турецкую войну» 1828–1829 гг. Николай Павлович награжден медалью в 1829 г. В приказе Николая I кавказским войскам говорилось: «В ознаменование толликих заслуг ваших престолу и отечеству повелеваю: носить всем, участвовавшим в военных действиях против турок в 1828-м и 1829-м годах, установленную мною медаль за Турецкую войну на ленте ордена Св. Влчм. и Победоносца Георгия»^{2*}.
4. Медаль королевского дома Гогенцоллернов в память событий 1848–1849 гг. (*Hohenzollerische Denkmünze*)^{3*}.
5. Военный орден Вильгельма. Нидерланды. Николай Павлович награжден 11 мая 1817 г.^{4*}
6. Орден Военных заслуг. Вюртемберг. Николай I получил орден в 1838 г.^{5*}

^{1*} РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 1896. Л. 1.

^{2*} Кузнецов А. Награды: энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 1998. С. 111, 142, 207; Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. Т. 1 (1701–1917). М., 1992. С. 265.

^{3*} Надписи «Seinen bis in den Tod getreuen Kriegern» («Его верным до смерти воинам») на медали нет. Sydney B. Vernon. Vernon's collectors' guide to orders, medals and decorations. USA. 2000. P. 175; Спасский И. Г. Иностраные и русские ордена до 1917 г. Л., 1963. С. 87; R. Werlich. Order and decorations of all nations. USA, 1974. P. 180–181 (встречается наименование медали: «За заслуги», «За преданность своему королю во время событий 1848–1849 гг.»).

^{4*} РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 525. Ю. А. Кузьмин называет иную дату награждения — 11 мая 1826 г. (Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. С. 239).

^{5*} Гаврилова Л. М. Державные кавалеры. Иностраные ордена российских императоров. М., 2010. С. 244.

*Ил. 4. Знак ордена Святого
Великомученика и Победоносца
Георгия IV степени за XXV лет службы
императора Николая I. 1840 г.*

*Ил. 5. Великий князь Михаил Николаевич.
Неизвестный художник. Конец XIX в.
Портрет из собрания*

ского и Суворовского музеев, а также предметов, взятых из Эрмитажа (т. н. Эрмитажный фонд) и АИМ (Артиллерийский фонд).

Термин «Михайловский фонд» означает, что предметы до 1918 г. находились в музее великого князя Михаила Николаевича (ил. 5), который всю жизнь собирал памятники русской военной истории, в чем ему активно помогали многие представители дома Романовых. После смерти в 1909 г. Михаила Николаевича — последнего кавалера ордена Св. Георгия 1-й степени — на основе его коллекций наследники создали музей, назвав его Михайловским. После революции его постигла участь военных музеев. В 1930 г. оставшиеся в Ленинграде после переездов и дележа по разным городам и организациям экспонаты вошли в состав ВИБМ. В 1937 г. сохранившиеся в Ленинграде предметы из ВИБМ вошли в состав Артиллерийского исторического музея.

Эти предметы отличаются не только уникальностью, но и разнообразием. Среди них — знаки ордена Св. Георгия всех степеней (ил. 6, 7). Кому они принадлежали, можно только предполагать. Вполне допустимо, что знаки ордена 1-й степени принадлежали самому Михаилу Николаевичу или императору Александру II. Гордостью собрания являются два скромных креста 4-й степени: они принадлежали отцу и сыну — великим князьям Николаю Николаевичу-старшему и Николаю

Ил. 6. Крест ордена Св. Георгия 1-й степени. Собрание великого князя Михаила Николаевича

Ил. 7. Звезда ордена Св. Георгия. Собрание великого князя Михаила Николаевича

Николаевичу-младшему (ил. 8, 9). В Михайловском музее хранились также фотографии георгиевских кавалеров, скульптура, множество подарков великому князю от подшефных полков, в том числе от 13-го драгунского Военного ордена полка, который сам по себе являлся «живым памятником Военному ордену».

Этап 3. ВИБМ. Полковой фонд

В музеях полков русской гвардии и армии, военно-учебных заведений были собраны уникальные памятники их истории. В 1918 г., когда решили собрать музеи уничтоженной Русской армии в едином государственном хранилище, местом для сбора избрали залы Артиллерийского

Ил. 8. Крест ордена Св. Георгия 4-й ст. великого князя Николая Николаевича старшего. 1840-е гг.

Ил. 9. Крест ордена Св. Георгия 4-й ст. великого князя Николая Николаевича младшего. 1840-е — 1857 гг.

исторического музея. Залы пустовали, поскольку коллекции музея находились в это время в эвакуации в Ярославле. Настало время возвращаться, и музей потребовал освободить залы. Три четверти собранных материалов вывезли и отправили в Москву. Из оставшихся материалов в 1930 г. сформировали ВИБМ, который своей экспозиции не открыл, но активно выдавал предметы на различные выставки. Из бывших полковых собраний поступили георгиевские награды: из л.-гв. Кирасирского полка — кресты ордена Св. Георгия, в т. ч. за 25 лет службы.

Среди знаков отличия Военного ордена нижних чинов поступил уникальный крест — еще без но-

Ил. 10. Штаб-горнист роты Его Величества л.-гв. Кексгольмского Императора Австрийского полка старший унтер-офицер Яков Осипович Чайка. Фотография из музея полка

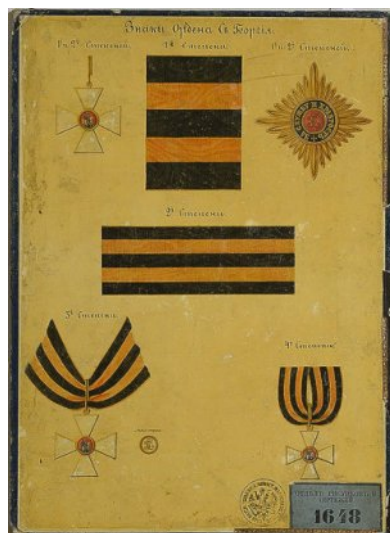
Ил. 11. Колодка с наградами штаб-горниста Я. О. Чайки. 1. Знак отличия Военного ордена святого Георгия 4-й степени № 68056. 2. Медаль «В память Русско-турецкой войны 1877–1878гг.». 3. Медаль «За усердие». 4. Медаль «В память священного коронования императора Николая II 14 мая 1896 г.». 5. Крест Заслуг. Серебряный с короной. Австро-Венгрия. Вена. 6. Крест Заслуг. Золотой без короны. Австро-Венгрия. Вена. 7. Большая серебряная медаль «За храбрость» (1-го класса). Австро-Венгрия. Лейпзек. 8. Малая серебряная медаль «За храбрость» (2-го класса). Австро-Венгрия. Вена. 9. Юбилейная медаль «В память 50-летия шефства Франца Иосифа I над лейб-гвардии Кексгольмским Императора Австрийского полком». 10. Медаль «В память 60-летия вступления на престол Императора Австрийского Франца-Иосифа I». 11. Крест «За переход через Дунай в 1877 г.». Румыния. 12. Знак отличия «За заслуги» (За военные заслуги). Китайская империя Цин. 1910 г.

Этап 3. ВИБМ. Главное интендантское управление — Военно-хозяйственный фонд

В. Х. Ф. — такую аббревиатуру можно видеть на предметах из бывшего собрания Главного интендантского управления, куда в обязательном порядке представлялись образцы всего, что касалось формы одежды, снаряжения Русской армии. Военно-хозяйственным фондом (ВХФ) назвали хранившиеся в отделах отмененных и действующих образцов Главного интендантского управления образцовые ордена, медали, знаки, их рисунки и таблицы. Эти предметы ценны заложенной в них точной информацией о высочайше утвержденных знаках, звездах, лентах, правилах их складывания и ношения, георгиевском оружии (ил. 14–17; изображение образцовой звезды ордена Св. Георгия помещено на обложке сборника).

Ил. 14. Как складывать ленту в колодке медали в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Подпись генерал-адъютанта Д. А Милютина. 14 сентября 1878 г. Образцовый рисунок из собрания Главного интендантского управления

Ил. 15. Знаки ордена Св. Георгия 1-й, 2-й, 3-й и 4-й степеней. Образцовая таблица из собрания Главного интендантского управления

УТВЕРЖДАЮ.

20го Июля 1917 г.
Военный Министръ

Ви-М. Александрович

РИСУНОКЪ
лавровой вѣтки
на ленточкѣ ордена Св. Георгія 4-й степени
жалуемого солдатамъ.

ПРИМЪЧАНІЕ: Рисунокъ вѣтки на ленточкахъ Георгіевскихъ крестовъ, пожалованныхъ офицерамъ, такой же, но цвѣтъ ея по цвѣту креста.

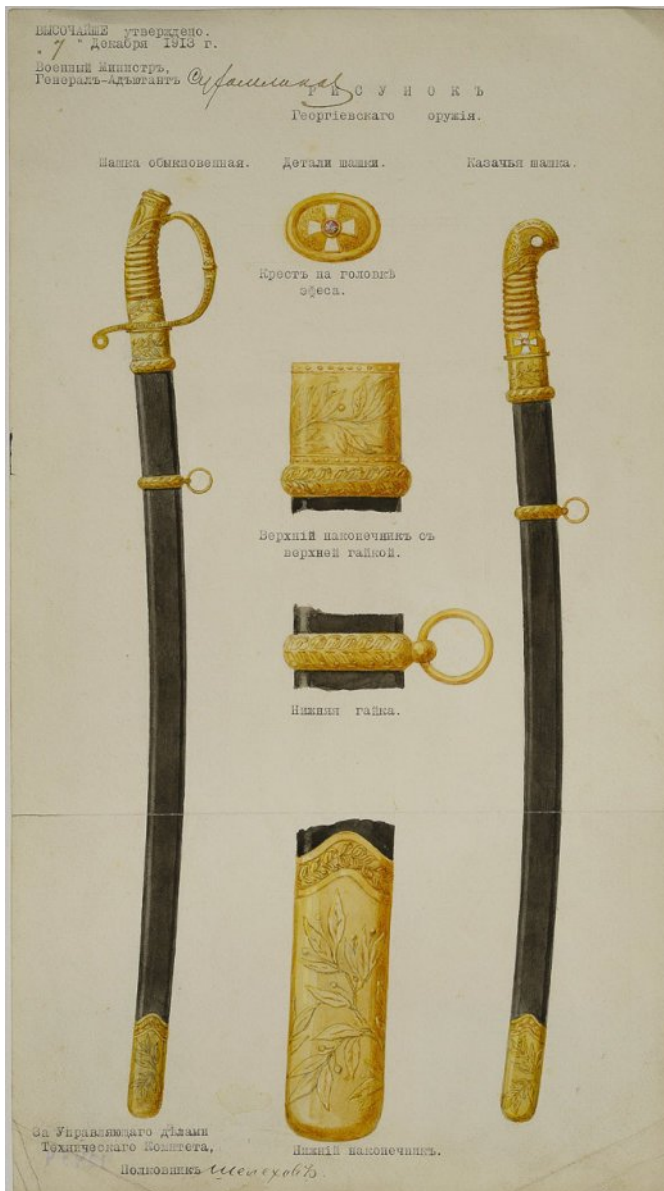
И. д. Управляющаго дѣлами

Техническаго Комитета,

Генераль-Маіоръ

Александрович

Ил. 16. Лавровая веточка на колодке ордена Св. Георгия 4-й степени, жалуемого солдату. 20 июня 1917 г. Образцовый рисунок из собрания Главного интендантского управления

Ил. 17. Георгиевское оружие. Подпись военного министра В. А. Сухомлинова. 7 декабря 1913 г. Образцовый рисунок из собрания Главного интендантского управления

Этап 3. ВИБМ. Трофейная комиссия

Главная характеристика поступивших реликвий Трофейной комиссии — материалы о георгиевских кавалерах Первой мировой войны. Согласно докладной записке выдающегося знатока русской военной истории, специалиста в области геральдики, знаменоведения П. И. Белавенца¹², поданной 21 декабря 1910 г., был составлен доклад начальника Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества (1906–1915) генерал-майора князя В. Н. Орлова (1868–1927) о необходимости учреждения «Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен».

5 марта 1911 г. император утвердил доклад. Была составлена «Памятная записка о задачах и назначении высочайше учрежденной Трофейной комиссии», согласно которой комиссии надлежало «теперь же повсеместно объявить о присылке описаний боевых трофеев. <...> Составление такого полного описания будет служить вечным памятником боевой славы наших предков, познание которых воспитывает последующие поколения в любви к престолу и Родине»¹³.

С августа 1914 года главной задачей Трофейной комиссии стал сбор реликвий и трофеев Первой мировой войны¹⁴.

Начались поездки по фронтам с литераторами, художниками и фотографами, из которых привозили множество фотографий, записей о подвигах и зарисовок. Художники делали ценные для будущих работ эскизы. Всего в постоянном составе Трофейной комиссии числились 10 художников, еще 78 было прикомандировано¹⁵. Все они в окопах и госпиталях, под пулями и снарядами делали зарисовки эпизодов войны, писали портреты её героев. Члены Трофейной комиссии определили для себя программу работ:

С героя снять фотографию, с его слов записать подвиг, проверив его документально по данным в орденских войсковых думах. Со слов очевидца нарисовать, если возможно, картинку-иллюстрацию. Напечатать в красках таблицы, украшенные георгиевским крестом, и в русском стиле. В таковую таблицу впечатывать портрет, воспроизведенный автотипным способом, и текст: краткую биографию и описание самого подвига, а если есть картинка подвига, то и картинку. Таблицы предполагалось бы послать: родителям и семье — 3. В школы и на родину — 10. В полк, где служит (или слу-

¹² М. С. Глинка. Хранитель. К 100-летию со дня рождения В. М. Глинка. СПб., 2003. С. 90–91.

¹³ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/68–9.

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/14. Д. 12. Л. 20.

¹⁵ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/67.

жил) — 30. В Государеву ратную палату, Артиллерийский музей, Публичную библиотеку и Военный архив — 10. Оставить в запасе — 7. Всего 60 экземпляров¹⁶.

К концу 1916 г. подвели итоги:

Записано, зарисовано и зарегистрировано героев, имеющих офицерские георгиевские кресты или георгиевское оружие, все четыре степени солдатского георгиевского креста, или один крест, полученный за выдающиеся подвиги — 1554 человека. Сделано фотографических снимков — 1000. Зарисовано знамен — 96 (с деталями — 260). Нарисовано портретов — 150. Нарисовано картин: масляными красками и акварелью — 120. Нарисовано пером — 1000. Напечатанные четыре выпуска брошюр «Герои и трофеи Великой народной войны» с начала августа 1916 года разошлись в 37542 экземплярах. Георгиевские таблицы-памятки выпущены на 58 героев и бесплатно разосланы семьям этих героев, учебным заведениям, где они получили образование, и в полки, где они служили и служат¹⁷.

Революционные вихри разметали уникальные материалы, собранные Трофейной комиссией, часть материалов погибла. В Артиллерийском музее сохранились разрозненные материалы Трофейной комиссии: георгиевские таблицы, рисунки, иллюстрирующие подвиги, живописные и графические портреты героев, их фотографии. Многие герои, запечатленные на фотографиях, долгое время оставались безымянными. Ключом к установлению имен стали номера, проставленные на рисунках, фотографиях, анкетах. Под этими номерами герои числились в списке Трофейной комиссии.

Этап формирования коллекции 1943–1980-х гг. характерен поступлением в музей наград участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в том числе Орденов Славы трех степеней. Орден Славы стал преемником Георгиевского креста, во многом повторяя статьи его статута.

Этап 4. 1980-е — настоящее время

Современный этап формирования коллекции характерен поступлениями не столь многочисленными, но значимыми. Прежде всего, наши слова благодарности благородным людям — дарителям музея. Люди понимают, сколь недолговечной может быть судьба георгиевских наград после ухода из жизни тех, кто в семье понимает и ценит их значимость. Поэтому передают эти семейные реликвии в музей на вечное хранение. Музей хранит признательность Николаю Николаевичу и Иустине Нико-

¹⁶ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 11/67, 11/68–197.

¹⁷ Там же. Инв. № 11/67–23.

лаевне Владиславским, передавшим в музей награды, георгиевское оружие, наградные документы своего отца — участника Русско-японской и Первой мировой войн полковника Владиславского.

Георгиевский крест своего прадеда — участника Первой мировой войны — подарил музею В. Ф. Мезенев.

Уникальные знаки ордена Св. Георгия во фрачном ювелирном исполнении подарил музею А. Н. Кайгородцев.

В 2018 г. дочь последнего руководителя главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов Георгия Александровича Будиченко Наталья Георгиевна передала в музей, кроме прочего, восемь георгиевских крестов. Эти памятники восполняют пробелы в музейных собраниях, позволяют правдиво рассказывать о тяжелых периодах революции и Гражданской войны в русской истории, о жизни и нравственных ценностях русских людей в изгнании. Благодаря уникальным спискам георгиевских кавалеров, опубликованным С. Б. Патрикеевым, удастся установить имена владельцев некоторых из них.

20 марта 1992 г. вышло постановление Верховного Совета Российской Федерации № 2557 о восстановлении ордена Св. Георгия. 8 августа 2000 г. Указ Президента Российской Федерации № 1463 утвердил статут ордена Святого Георгия, положение о знаке отличия — Георгиевском Кресте и их описание. Награждения орденом не проводились, поскольку статут предполагал награждения только за отличия в боях с внешним врагом. Кроме того, вызывало удивление положение о том, что младшие офицеры награждались не орденом, а его знаком отличия. 13 августа 2008 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации о внесении изменений в статут ордена. После 2008 г. начались награждения орденом и его знаками отличия. 7 ноября 2010 г. Указ Президента Российской Федерации № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» подтвердил: орден Святого Георгия и знак отличия — Георгиевский Крест входят в государственную наградную систему.

Мемориальных наград музей на данном этапе не получал, это еще впереди, но основа коллекции современных знаков заложена: с Монетного двора получили знаки как офицерских орденов, так и солдатских знаков отличия (*илл. 18*). В заключении следует отметить, что собранная музеем коллекция ордена Св. Георгия отличается полнотой и разнообразием уникальных памятников. Георгиевские памятники — глубокие, яркие источники, рассказывающие об истории России, ее союзников и противников, о своих владельцах, о русской гвардии и армии, ее традициях, ценностях и реликвиях.

Полнота коллекции позволяет изучить важнейшие этапы и детали истории главного военного ордена страны. Они иллюстрируют следующие законоположения:

20 января 1816 г.: указ об уменьшении размера орденских знаков.

26 ноября 1816 г.: указ Правительствующему сенату: для отличия боевых и выслужных орденов на обеих сторонах горизонтальных лучей крестов ордена Св. Георгия 4-го класса за выслугу лет отныне полагалось наносить золотом надпись: «25 лѣтъ» или «18 камп» (18 кампаний)¹⁸.

11 марта 1832 г.: высочайше утверждена записка министра финансов: разрешено делать знаки отличия Военного ордена из серебра 83¹/₃ пр., до этого их изготавливали из серебра 95 пр.¹⁹ Также испрашивалось разрешение делать знаки отличия Св. Анны из серебра 83¹/₃ пр., которые с 1797 г. делали из серебра 72 пр.

15 июля 1854 г.: на ходатайство Капитула об отмене шитых орденских звезд и изготовлении вместо них звезд кованых император Николай I дал свое высочайшее соизволение. Всем кавалерам высших степеней орденов было повелено выдать кованые звезды вместо прежних шитых.

1855: повеление изготавливать звезды глянцевыми (до этого делали матовыми), во всех — 10 золотников серебра.

15 мая 1855 г.: указ императора Александра II об отмене награждения орденом Св. Георгия 4-й степени за 25 лет, 18 и 20 кампаний и о награждении взамен орденом Св. Владимира 4-й степени с соответствующими надписями.

Ил. 18. Крест ордена св. Георгия 1 степени. Образец. 2008 г. СПб монетный двор

¹⁸ РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 26. Л. 465.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 318. Л. 2.

19 февраля 1856 г.: император Александр II в день своего рождения издал указ, по которому знак отличия Военного ордена был разделен на четыре степени.

3 апреля 1857 г.: император Александр II отменил обязательный ранее возврат кавалером в Капитул младшей степени ордена при пожаловании старшей степенью, а также возврат орденских знаков после смерти кавалера. Этот шаг вызвал значительный расход металла для изготовления орденских знаков. Поэтому решено было перейти к их изготовлению из золота 56 (583) пробы вместо золота 72 (750) пробы.

1 сентября 1869 г.: указ о причислении Золотого оружия к ордену Святого Георгия.

3 октября 1877 г.: высочайше утверждено решение Капитула императорских и царских орденов, согласно которому цвет медальона крестов ордена Св. Георгия должен быть красного цвета, размеры крестов ордена 1-й и 2-й степеней должны были делаться одинаковыми, крест ордена Св. Георгия 3-й степени должен был быть равен по размеру крестам Св. Владимира и Св. Анны вторых степеней, носившимся на шее.

11 марта 1878 г.: приказом по Военному ведомству № 64 велено лицам, имевшим украшенное алмазами Золотое оружие в случаях, когда они носят оружие без украшений, иметь при оружии георгиевский темляк, а на эфесах — крест ордена Св. Георгия.

3 августа 1878 г.: высочайше утвержден устав о награждении медалями «За храбрость» на георгиевской ленте нижних чинов за боевые отличия при исполнении обязанностей пограничной службы. Медали четырех степеней: 1-я степень — золотая с бантом, 2-я степень — золотая без банта, 3-я степень — серебряная с бантом, 4-я степень — серебряная без банта. Все медали нумеровались. По каждой степени нумерация велась отдельно. Пожалованным нижним чинам присваивалось право на получение добавочного жалованья наравне с чинами, награжденными знаком отличия Военного ордена.

22 января 1906 г.: приказ по Военному ведомству № 49:

Во внимание к крайне тяжелой и усердной службе нижних чинов при обстоятельствах настоящего времени допустить в виде поощрения теперь и впредь до полного успокоения страны награждение наиболее достойных из нижних чинов <...> медалями с надписью «За храбрость» на георгиевской ленте четырех степеней, установленной для награждения за боевые отличия чинов пограничной стражи.

4 ноября 1909 г.: Николай II подтвердил разрешение награждать медалями с надписью «За храбрость» на георгиевской ленте четырех степеней

чинов полиции, а также лиц, в полиции не состоящих, за подвиги и храбрость, проявленные в борьбе с вооруженными нарушителями общественного порядка.

Июнь 1912 г.: восстановлены традиционные отличия на георгиевских знаменах — георгиевские ленты с серебряными кистями на знаменах образца 1883, 1897 и 1900 г. На цельнотканых знаменах обр. 1900 г. надписи-отличия было приказаношивать на широкой георгиевской ленте под иконой.

9 декабря 1916 г.: Совет Министров особым журналом положил на все время действия высочайше утвержденного 10 октября 1916 г. положения Совета Министров о замене золота и серебра, употребляемых при изготовлении медалей и орденских знаков, иными материалами.

Январь — февраль 1917 г.: на Монетном дворе начали чеканить георгиевские кресты и медали из недорогих металлов, на них появились буквы «ЖМ» и «БМ» — «желтый» и «белый металл».

3 июля 1917 г.: приказ по армии и флоту № 26 «О награждении офицеров солдатскими Георгиевскими крестами. О награждении солдат офицерским орденом Св. Георгия 4-й степени».

Это лишь краткий перечень законоположений, которые ярко иллюстрирует и позволяет изучить собранная Музеем коллекция ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

Список литературы

- Высочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001.
- Гаврилова Л. М.* Державные кавалеры. Иностранные ордена Российских императоров. М., 2010.
- Глинка М. С.* Хранитель. К 100-летию со дня рождения В. М. Глинка. СПб., 2003. Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских статутков. СПб., 1891.
- Кузнецов А.* Награды: энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 1998.
- Кузнецов А., Чепурнов Н.* Наградная медаль. Том 1 (1701–1917). М., 1992.
- Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
- Спасский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 г. Л., 1963.
- Талызин И. Д.* Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб., 2006.
- C. H. Gelbke.* Abbildung und Beschreibung der Ritterorden und Ehrenzeichen samtlicher Souverane Europas. Berlin, 1832.
- Hernach, Gerhard.* Das Armeekreuz 1813/1814 im Volksmund Kanonenkreuz genannt. Zeitschrift der Österreichischen Gesellschaft für Ordenskunde. S. I., s. a.
- Sydney B. Vernon.* Vernon's collectors' guide to orders, medals and decorations. USA, 2000.
- Werlich, Robert.* Order and decorations of all nations. USA. 1974.

Tatiana Nikolaievna ILYINA

Honored Culture Worker, Ph. D. in History, Senior Research Fellow (fund curator),
Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: tat. i54@yandex.ru

For service and bravery. For the 250-years of the Military Order of the Great Martyr and Victor St. George

The article devotes to the collection of the Military Order of St. George in the Military Historical Museum of the Artillery, Engineers and Signal Corps in Saint-Petersburg. The orders collection founded the emperor Nicholas I. He sent in 1826 to the museum the awards of his elder brother, which were used during the funeral ceremonies from Taganrog to St. Petersburg. The article provides a brief description of the St. George awards of Alexander I. The St. George orders belonged to the emperor Nicholas I entered to the museum in 1855. The unique St. George awards had been sent to the museum in 1937 from the former regiments museums of the Russian army and from the museum of the Grand Duke Michael. The samples of the St. George orders, medals, weapon and trumpets entered from the former museum of the Main Commissary department. The museum collection supplements now. It shows not only the Russian military history, but history, production and modification of the Military Order of St. George.

Keywords: Russian army, Saint George order, Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps.

УДК 94 (47).072.5

ББК 63.3 (2) 47

Александр Иванович САПОЖНИКОВ

доктор исторических наук, заведующий отделом газет
Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sapozhnikov@nlr.ru

ДЕЙСТВИЯ ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПОЛКОВ В СТАРОЙ ПРУССИИ В 1812–1813 ГГ. ОТ КЁНИГСБЕРГА ДО ДАНЦИГА

В статье рассматриваются военные действия армии Витгенштейна в декабре 1812 – январе 1813 г. начиная с ввода русских войск в Восточную Пруссию и заканчивая осадой Данцигской крепости.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, армия Витгенштейна, корпус Макдональда, донские казацкие полки, кампания 1813 года.

Этот доклад является логичным продолжением доклада на прошлогодней конференции, в котором были рассмотрены действия донских полков в армии Витгенштейна в декабре 1812 г.¹ На этот раз речь пойдет о последующих событиях в Старой Пруссии. Так тогда традиционно именовали две провинции: Восточная Пруссия (главный город Кёнигсберг, совр. Калининград) и Западная Пруссия (главный город Данциг, совр. *Gdańsk*). Хронологически это период с 24 декабря 1812 г. (вступление русских отрядов в Кёнигсберг) по 25 января 1813 г. (расформирование казачьего корпуса атамана М. И. Платова)². В течение этого месяца русские войска с боями прошли более 200 километров: вступили в древнюю прусскую столицу Кёнигсберг, не позволили противнику закрепиться на рубеже реки Вислы, обложили мощную крепость Дан-

¹ *Сапожников А. И.* «Экспедиция против Магдональда»: донские казацкие полки в армии Витгенштейна в декабре 1812 г. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2018. С. 49–96. Большую помощь в подготовке докладов оказал московский исследователь С. В. Худяков, за что я ему очень признателен.

² Даты приведены по старому стилю (юлианскому календарю). Некоторые отечественные историки предпочитают использовать новый стиль, поскольку занимаются адаптацией для русскоязычного читателя сочинений иностранных авторов. При описании действий русской армии в 1813–1815 гг. такой пересказ малоинформативен, а общая картина получается односторонней. Необходимо вводить в научный оборот русские документы, хранящиеся в архивах во множестве. В исследовании, основанном на них, перевод дат на новый стиль лишен смысла.

циг, отбросили противника уже за Одер. Прусские войска под командой генерал-майора Ф. Бюлова, располагавшиеся в Старой Пруссии, удалились в провинцию Померания, чтобы не участвовать в боевых действиях на стороне французов. Это важнейшие события, предопределившие заключение русско-прусского военного союза.

В европейской историографии события в Старой Пруссии на рубеже 1812–1813 гг. хорошо изучены, достаточно назвать фундаментальные труды военных историков О. Остен-Сакена и Ф. Ребуля, опубликованные в начале XX в.³ Они ввели в научный оборот широкий пласт документов французского и прусского командования, однако русские источники остались для них практически недоступны.

В отечественной историографии ситуация удручающая. Последняя неделя 1812 г. выпала из сферы внимания русских историков из-за отсутствия четкого разграничения между окончанием Отечественной войны и началом Заграничного похода. Провести разделительную черту непросто, поскольку две группировки русских войск перешли прусскую и польскую границы в разное время. Д. П. Бутурлин закончил свою книгу описанием сражения при Лабиау 22 декабря. Переводчик его книги, а им был военный историк А. И. Хатов, заметил допущенный пробел и дополнил авторский текст постраничными примечаниями с кратким описанием событий до 31 декабря. М. И. Богданович завершил описание Отечественной войны 1812 г. вступлением в Кёнигсберг 24 декабря, а описание Заграничного похода начал с 31 декабря. Какие же события произошли в потерянную русскими историками неделю?

Вступление в Кёнигсберг в ночь на 24 декабря

19 (31) декабря маршал Э. Макдональд во главе 7-й пехотной дивизии дивизионного генерала Ш. Гранжана выступил форсированными маршами из Тильзита, располагавшегося у русско-прусской границы, к Кёнигсбергу. Весь день и новогоднюю ночь полки шли без остановок под проливным дождем и преодолели за 22 часа более 40 верст. Находившиеся вблизи Тильзита русские войска (отряды Дибича 2-го и Ягодина 2-го, авангарды Шепелева и Голенищева-Кутузова, корпус Штейнгеля) спохватились поздно. В Пруссии встречали Новый год, накануне прусский генерал-лейтенант Л. Йорк подписал конвенцию о нейтралитете своего корпуса, лишив тем самым Макдональда значительных сил. Отмечая военно-дипломатический успех и календарный праздник,

³ *Osten-Saken und von Rhein O. Militärisch-politische Geschichte der Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. 1–2. Berlin, 1903–1906 (2-й том в двух книгах); Reboul F. Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1–2. Paris, 1910–1912.*

русские генералы забыли о необходимости организовать наблюдение за противником, что и позволило ему сбежать. Императора Александра I бездеятельность разгневала, началось служебное расследование, большинство виновных генералов сразу же «заболели». Но все закончилось ничем, победителей не судят.

Спohватившийся генерал от кавалерии граф П. Х. Витгенштейн, а именно он командовал этими войсками, спешно занялся организацией преследования, для чего переформировал 21 декабря авангардные отряды и дал им новые назначения:

— авангард генерал-майора Д. Д. Шепелева, усиленный полками из расформированных отрядов Властова и Дибича 2-го (всего 6000 пехоты и 1500 кавалерии, с 18 орудиями), был отправлен на Лабиау;

— авангард генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова, усиленный отрядом Галате (всего 4000 кавалерии и казаков) — на Велау;

— отряд генерал-майора К. К. Сиверса (по расписанию 1200 всадников, фактически 190 драгун и 250 казаков) должен был обеспечить связь между авангардами, двигаясь между ними⁴.

22 декабря авангард Шепелева достиг дивизию Гранжана в Лабиау, вступил в бой и заставил противника поспешно отступить к Кёнигсбергу. Вечером из древней прусской столицы выступила кавалерийская бригада бригадного генерала Ж. М. Кавеньяка, занявшая позицию у м. Лаут (*Lauth*, в 12 км к востоку от Кёнигсберга)⁵.

23 декабря по левому берегу Старого Прегеля к Штейнбеку (*Steinbeck*, в 18 км к юго-востоку от Кёнигсберга) подошел отряд полковника П. П. Сухтелена (полк Иловайского 12-го под командой есаула З. С. Катасонова 1-го и команда от полка Кутейникова 6-го) из авангарда Голенищева-Кутузова. У Штейнбека он столкнулся с четырьмя эскадронами неприятельской кавалерии, которые опрокинул и преследовал до южных ворот Кёнигсберга⁶.

⁴ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию, в 1812-м году. 2 изд. Ч. 2. СПб., 1838. С. 313; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. СПб., 1860. С. 385; Рапорт К. К. Сиверса П. Х. Витгенштейну от 23 декабря 1812 г., Грос-Пожермен // Война 1813 года: Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба (далее: МВУА_1813). Отд. 1. Т. 3. Пг., 1917. С. 17.

⁵ *Reboul F. Campagne de 1813...* Т. 1. P. 282.

⁶ Рапорт И. И. Дибича 2-го П. Х. Витгенштейну от 7 апреля 1813 г., Дессау // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 50. Д. 3. Л. 99–102. Дибич 2-й, вверивший казачий отряд флигель-адъютанту барону П. Сухтелену, тем самым предоставил ему возможность отличиться. Полковой командир генерал-майор В. Д. Иловайский 12-й, будучи старше по чину Сухтелена, сказался больным, в послужных списках офицеров его полка период с января по март 1813 г. выпущен, как будто полк не участвовал в боевых действиях.

В тот же день по правому берегу Нового Прегеля к Лауту подошел отряд полковника Ф. В. Ридигера из авангарда Шепелева; к Арнау — отряды генерал-майора К. К. Сиверса и полковника И. Н. Галате⁷. Под командой Ридигера находились его Гродненский гусарский полк, а также донские полки Родионова 2-го, Чернозубова 8-го и Лащилина. Состав отряда Сиверса приведен ниже, при цитировании его рапорта. Отряд Галате имел следующий состав: донской Селиванова 2-го, волонтерные Яхонтова и Боде полки, запасные эскадроны Рижского драгунского и Польского уланского полков (всего около 500 всадников).

Впоследствии Шепелев и Сиверс подали самостоятельные рапорты о вступлении в Кенигсберг, свидетельствующие о соперничестве между ними. Оба генерала незадолго перед этим были присланы главнокомандующим М. И. Кутузовым в войска Витгенштейна, чтобы получить возможность отличиться, и вскоре получили чины генерал-лейтенанта: Шепелев — за вступление Кёнигсберг, Сиверс — за взятие Пиллау.

Шепелев утверждал, что первыми в Кёнигсберг вступили казачьи полки под командой Ридигера, но среди полков без объяснения причин упомянул полк Селиванова 2-го, не принадлежавший к его авангарду. Сиверс настаивал, что первым был майор И. А. Селиванов 2-й, принявший командование отрядом Галате; а Ридигер с Гродненским гусарским полком вступил в город после него. По сути, спор сводился к вопросу о подкомандности на тот момент майора Войска Донского И. А. Селиванова 2-го, главного героя события, оказавшегося впоследствии забытым.

Начнем с факта бесспорного: в ночь на 24 декабря войска Макдональда покинули Кёнигсберг, отступив вдоль балтийского побережья, по так называемой «береговой» дороге. В город сразу же вступили казаки, тесня отступившего противника, заставляя его бросить все тяжелое.

По горячим следам Шепелев отрапортовал Витгенштейну:

Во исполнение повеления вашего сиятельства, благодарение Богу, победоносное воинство Его Императорского Величества вытеснило неприятеля из города Кенигсберга. Четыре казачьих полка генерал-майора Родионова 2-го, подполковника Чернозубова 8-го, Лащилина и майора Селиванова 2-го, находящиеся под командой полковника Ридингера [Ридигера] и наблюдавшие [...] неприятельские движения; и при малом его отступлении [...], несмотря на темноту ночи, воспользовались оным. 23 декабря в половине первого часа казаки сделали на неприятеля натиск, и по сильной перестрелке вошли в город [...] и взяли около 1300 человек пленными. Полковник Ридингер со всем своим отрядом, подкрепляя казаков, вошел вслед за ними в город. Быстрота, с которой войска ворвались в город, принудила неприятеля бро-

⁷ Рапорт Ю. Н. Галате П. Х. Витгенштейну от 23 декабря 1813 г., Арнау // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 114. Галате сообщил, «что он теперь находится под командой у графа Сиверса, который находится в окружности сего места».

сечь в реку до [...] орудиев с зарядными ящиками и оставить до 8000 человек усталых и отставших. Все взятые в плен отряда генерал-майора Властова 23-го егерского полка штаб- и обер-офицеры возвращены. Немедля нимало по занятии города [...] полка, под командою полковника Ридингера находящиеся, отправлены вслед за неприятелем. Вскоре по занятии Кенигсберга вступил и я в оный со всем вверенным мне отрядом, который на другой день же отправлен преследовать [...]. Сверх сего, взяты в сей столицы магазины [...] число провианта и фуража⁸.

К сожалению, рапорт дошел до нас в ветхом состоянии, часть текста утрачена. Малоизвестный Шепелеву полковник Ф. В. Ридигер ошибочно назван Ридингером, при этом не пояснялось, как под его командой оказался донской полк Селиванова 2-го из отряда Галате. По получении известия от Шепелева, Витгенштейн отрапортовал Кутузову, правильно назвав фамилию хорошо известного ему Ридигера:

Неприятель из сего города вытеснен четырьмя казачьими полками: генерал-майора Родионова 2-го, подполковников Чернозубова 8-го, Лащилина и майора Селиванова, под командою полковника Ридигера, которые с самого вечера наблюдали движение неприятеля и при малейшем его отступлении, невзирая на темноту ночи, воспользовались оным. И 23 числа сего месяца во 2-м часу пополудни полковник Ридигер упомянутыми казаками сделал сильный натиск, и по упорной перестрелке вошли в город на плечах неприятеля, где взято около 1300 человек пленными⁹.

Генерал-майор К. К. Сиверс настаивал, что первым в Кёнигсберг вступил именно полк Селиванова 2-го, выполнявший его указания. До последнего времени об отряде Сиверса известно было немного: 21 декабря Витгенштейн вверил ему кавалерийский отряд (всего 440 всадников), один из рапортов Сиверса (от 23 декабря) опубликован¹⁰. Вот почему ценным источником является рапорт Сиверса от 28 декабря, найденный псковским исследователем К. Б. Жучковым в фондах РГВИА. В нем подробно описаны действия отряда, к сожалению, в датах допущена погрешность: все они почему-то на день позже описыва-

⁸ Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну, полученный 26 декабря 1812 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 529 и об.

⁹ Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 26 декабря 1812 г., Велу // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 400–401 (*Сообщено К. Б. Жучковым*).

¹⁰ Рапорт К. К. Сиверса П. Х. Витгенштейну от 23 декабря 1812 г., Грос-Пожермен // МВУА_1813. Т. 3. С. 17. К сожалению, не удалось познакомиться с оригиналом рапорта К. К. Сиверса П. Х. Витгенштейну от 24 декабря о вступлении его отряда в Кенигсберг. Получение его отмечено в журнале входящих бумаг канцелярии Витгенштейна. См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 113 и 151.

емых событий. Пруссия жила по григорианскому календарю, вероятно произошел сбой при переводе дат по юлианскому календарю.

Согласно этому рапорту, Сиверс 21 [20] декабря прибыл в м. Сомерау (*Somerau*, к юго-востоку от Тильзита), где принял под команду три эскадрона Ямбургского и один эскадрон Митавского драгунских полков¹¹. Перейдя в Попелкен (*Popelcken*), Сиверс нашел там два донских полка под командой полковника Войска Донского А. А. Ягодина 2-го и отряд полковника И. Н. Галате из авангарда Голенищева-Кутузова, которые присоединил к себе. Однако в м. Битенен (*Bittehnen*) он встретил Голенищева-Кутузова, забравшего у него отряд Галате. 22 [21] декабря Сиверс из-за разлития реки Дейме (*die Deime*) задержался в м. Гертлаукен (*Gertlaucken*). 23 [22] декабря он переправился через Дейме у м. Гольдбах (*Goldbach*). Далее он пошел на м. Шерлакен (*Scharlacken*), чтобы зайти противнику в тыл, но в пути узнал, что тот уже отступил от Лабиау. Сиверс отправил казачью партию тревожить отступавшего противника на марше, а сам пошел к Кенигсбергу по проселочным дорогам, между большими дорогами из Лабиау и Тапиау. 24 [23] декабря Сиверс прибыл в м. Арнау (*Arnau*). Описание дальнейших событий, наиболее интересное для нас, приведем дословно:

Неприятель, ретируясь по дорогам из Лабиау и из Тапиау к Кёнигсбергу, заметил действия моих отрядов на его фланги и, предвидя мое намерение отрезать его от Кенигсберга, ускорил свое отступление до корчмы Лауте, где соединяются обе помянутые дороги в 5-ти верстах от Кенигсберга, и занял позицию позади плотины. Я, прибыв к оной, присоединил к моему отряду прибывший тут отряд графа Галатея, следовавший по дороге из Вейлау и Тапиау. Неприятель, приметив мое приближение, поставил батарею из 12 орудий против плотины, которую надлежало переходить; вправо и влево в лесу засажена была пехота, почему я при наступлении ночи принужден был оставить казачий майора Селиванова полк на аванпостах для замечания за движениями неприятеля. Между тем генерал-майор Шепелев прогнал неприятеля из Лабиау, на другой день прибыл в Кеймен, где и сделал на третий день растах; я же в сие время с моим отрядом был с казаками авангарда Шепелева и отрядом графа Галатея против неприятельской позиции при корчме Лауте. Того же числа в ночь получил я сведение от казачьих полков, что неприятель ретируется, то полковник граф Галатей, преисполненный усердием и рвением к службе Его Императорского Величества, преследуя неприятеля, имел несчастие на гололедице упасть и жестоко ушибиться так, что и ныне еще

¹¹ Это были свежие эскадроны, прибывшие в авангард Шепелева накануне. Шепелев в рапорте сообщил: «Сего числа в 10 часов пополудни прибыли во вверенный мне авангард полки: Ямбургский драгунский в трех эскадронах, состоящий из 150 человек на конях, и Митавский драгунский в одном эскадроне из 43 человек». См.: Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 декабря 1813 г., в 11-м часу пополудни // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 444 об.

находится в болезни. Я после сего, не теряя ни малейшего времени, поспешил вслед за казаками, с которыми майор Селиванов, командир казачьего отряда графа Галатея первый вошел в Кенигсберг, а за ним полковник Ридигер с Гродненским гусарским полком от авангарда генерал-майора Шепелева <курсив мой — А. С.>, казаки же между тем преследовали неприятеля за город. Гусарскому и всем прочим кавалерийским полкам приказал я занять площадь и главную улицу города, оставаясь у прусского коменданта, объявил себя командующим и занялся сделать нужное распоряжение для сохранения тишины и спокойствия жителей и по другим предметам. Генерал-майор Дибич, войдя чрез Фридландския ворота в 7-м часов утра, выступил тотчас вслед за неприятелем к Бранденбургу. Генерал-майор Шепелев вступил в 2 часа пополудни с пехотою его авангарда и, являсь ко мне, остался на роздых до другого дня; получив же повеление Вашего Сиятельства, на третий день выступил в Бранденбург вслед за неприятелем. Я с моим отрядом остался в городе...¹²

В рапорте Сиверс ненавязчиво подчеркнул, что он старше Шепелева в чине, и что тот дал своей пехоте два дня отдыха. Упомянутый генерал-квартирмейстер И. И. Дибич 2-й временно командовал отрядом заболевшего полковника К. Теттенборна из авангарда Голенищева-Кутузова. В отличие от Сиверса, отряд Дибича 2-го вступил в город не через восточные, а через южные ворота на левом берегу Прегеля. Впоследствии Витгенштейн так описал обстоятельства вступления в древнюю прусскую столицу:

В ночь оставил неприятель Кенигсберг и был преследован нашими казаками, из коих полка Чернозубова 8-го с одним эскадроном Гродненского гусарского полка из авангарда генерал-майора Шепелева и Селиванова 2-го отряда полковника графа Галате, над которыми принял начальство генерал-майор граф Сиверс, вошли первые в город Кенигсберг¹³.

Напомню, что в первом рапорте Витгенштейн отдал пальму первенства полковнику Ридигеру, но затем, вероятно, получил уточняющие сведения. Приведенные выше документы свидетельствуют, что первым вступил в Кёнигсберг майор Войска Донского И. А. Селиванов 2-й. За это отличие его представили к награде генералы Сиверс и Дибич 2-й (в его первом отряде полк пробыл несколько дней). Селиванов 2-й стал кавалером ордена св. Анны 2 ст. с алмазами. В наградном представлении, подписанном Сиверсом, сказано:

¹² Рапорт К. К. Сиверса П. Х. Витгенштейну от 28 декабря 1812 г., № 139, Кёнигсберг // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 57. Д. 17. Л. 130–133об.

¹³ Сапожников А. И. «Экспедиция против Магдональда»... С. 92.

Находясь с полком на аванпостах против занимаемой неприятелем при корчме Лауте позиции, когда неприятель ночью предпринял ретираду, то по данному от меня наставлению делал ему столь сильный натиск, что неприятель не успел известить о своем отступлении многие партии, бывшие в разъездах, кои по сближении моем с полками к городу были забраны. Ворвался с неприятелем в город, храбро поражая его, не допустил остановиться, и продолжая преследовать чрез город с быстротою, содержал полк в наилучшем порядке так, что не происходил жителям города при таковом случае ни малейшего беспокойства и обид, за что отлично заслуживает одобрения¹⁴.

Дибич 2-й представил Селиванова 2-го к награде с формулировкой:

Во время преследования под командою полковника Галате и при наблюдении и обеспокоивании неприятеля во время ретирады его к Тильзиту, отличался особенною расторопностию, и с вверенным ему полком обще с подполковником Чернозубовым первые вошли в город Кенигсберг, и в сражении при Бранденбурге кидался с вверенным ему полком вместе с ретирующимся неприятелем в местечко, несмотря на сильной огонь неприятеля, воспрепятствовал ему зажечь мост¹⁵.

Удивительно, но это отличие не отмечено в послужном списке И. А. Селиванова 2-го.

Нуждаются в уточнении действия донских полков из отряда полковника Войска Донского А. А. Ягодина 2-го, изначально состоявшего из четырех полков (его имени, полковника Г. Д. Иловайского 9-го, войскового старшины И. М. Сучилина 2-го, войскового старшины А. Д. Грекова 17-го; всего 800 казаков). Сиверс присоединил его к себе 20 декабря в составе только двух полков (Ягодина 2-го и Иловайского 9-го), из Кёнигсберга оба полка отправили в осадный отряд под Пиллау. Полк Грекова 17-го с 15 декабря находился в авангарде Шепелева, впоследствии он вместе с полком Сучилина 2-го поступил в отряд подполковника Е. И. Бедряги. В результате отряд полковника А. А. Ягодина 2-го оказался расформирован, сам он проболел первую половину 1813 г., вероятно, вследствие неудачи под Тильзитом. Это был один из выдающихся полковых командиров Войска Донского, он сумел оправдаться своей службой и получил в 1814 г. долгожданный генеральский чин.

¹⁴ Рапорт К. К. Сиверса П. Х. Витгенштейну от 23 января 1813 г. // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 49. Д. 1. Л. 216.

¹⁵ Рапорт И. И. Дибича 2-го П. Х. Витгенштейну от 7 апреля 1813 г., Дессау // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 50. Д. 3. Л. 99–102.

Капитуляция Пиллау

Крепость Пиллау (совр. Балтийск) контролировала вход в залив (*Frisches Haff*, совр. Калининградский залив), а, следовательно, морской путь в Кёнигсберг и далее во все прибрежные города до Эльбинга включительно, а также сухопутную дорогу по Фрише-Нерунгу (*Frische Nehrung*, совр. Балтийская коса). Непрístupную цитадель Пиллау французы не смогли взять в 1807 г. Гарнизон под командой бригадного генерала П. Кастелла состоял из полутора тысяч солдат, но треть из них были пруссаки, не желавшие больше сражаться на стороне Наполеона¹⁶. Горожане разделяли антифранцузские настроения. Прусским комендантом крепости был подполковник фон Э. Тресков¹⁷.

26 декабря Сиверс отправил из Кёнигсберга к Пиллау отряд полковника Кавалергардского полка барона М. И. Палена (два эскадрона Рижского драгунского полка под командой майора Н. П. Кульнева и сотня казаков полка Иловайского 9-го под командой урядника Д. Ф. Горохова)¹⁸. У Фишхаузена (к востоку от Пиллау) передовая партия пленила прусский отряд фуражиров (80 прусских солдат под командой капитана), но находившийся поблизости польский отряд с боем отступил в крепость.

Спустя неделю, к Палену прибыли подкрепления: два эскадрона Митавского драгунского полка, рота Брянского пехотного полка, рота 44-го егерского полка, два орудия.

6 января гарнизон совершил вылазку к с. Альт-Пиллау (к востоку от цитадели). При её отражении отличился урядник Д. Ф. Горохов,

который, вскочив с несколькими казаками в середину оной колонны французской, многих переранил и, расстроив оную, привел в большое замешательство; сие было последнее покушение неприятеля из крепости Пиллау¹⁹.

Впоследствии Сиверс представил бравого урядника к чину хорунжего, описав его заслуги следующим образом: «Находясь во все время блокады и обложения крепости Пиллау с вверенною ему сотнею казаков в команде майора Кульнева, содержал посты с примерным бережением так, что неприятель при всех вылазках не мог никогда выполнить

¹⁶ *Reboul F.* Campagne de 1813... Т. 1. P. 396–397.

¹⁷ *Priesdorff K.* Soldatisches Führertum. Bd. 3. Hamburg, 1938. S. 494. № 1235.

¹⁸ Рапорт М. И. Палена П. Х. Витгенштейну от 2 февраля 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 174–176.

¹⁹ Рапорт М. И. Палена П. Х. Витгенштейну от 2 февраля 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 175. См. также: Рапорт М. И. Палена К. К. Сиверсу от 7 января 1813 г., Фишхаузен // Там же. С. 60.

успешно предприятия своего, притом храбростию своею много наносил им вреда»²⁰. В послужном списке Горохова отмечено: «1813-го генваря с 6-го в преследовании за французами при городах Королевце [Кёнигсберге] и Пиллау, где за оказанную противу неприятеля храбрость Всемилостейше произведен в чин хорунжего»²¹.

В гарнизоне крепости, составленном из французов, поляков и пруссаков, начались несогласия. 10 января прибывший в Кёнигсберг прусский генерал Йорк сообщил Витгенштейну, что Тресков готов присоединиться к Таурогенской конвенции о нейтралитете, после чего французам придется покинуть Пиллау. В рапорте Кутузову Витгенштейн подчеркнул: «Пиллау есть действительно такая крепость, что по теперешнему времени взять её приступом весьма трудно, а ежели и возьмем, то будет стоить нам большой потери людей»²². Кутузов разрешил Йорку вступить в переговоры с Тресковым на условии ухода французского гарнизона за Одер²³. Как и при заключении Таурогенской конвенции, активное участие в переговорах принял подполковник русской службы К. Клаузевиц, но впоследствии известный военный теоретик не любил вспоминать о своих успехах в начале 1813 г. в качестве переговорщика с прусскими офицерами.

Одновременно к крепости продолжали стягивать войска. К 14 января прибыл шеф Брянского пехотного полка генерал-майор Е. С. Горбунцов, принявший командование осадным отрядом (пять эскадронов драгун, четыре роты пехоты, два орудия легкой артиллерии и 150 казаков)²⁴.

²⁰ Список отличившимся господам штаб и обер-офицерам, состоящим в отряде генерал-лейтенанта графа Сиверса при блокаде и обложении крепости Пиллау. 25 марта 1813 г. // РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153 г. Св. 8. Д. 114. Л. 3 об. Николай Петрович Кульнев (1775–1816), майор Рижского драгунского полка. В начале 1813 г. принял командование полком. За отличие при Пиллау произведен в подполковники (12 мая 1813 г.). В составе отряда Чернышева отличился в рейдах на Гальберштадт (18 мая) и к Лейпцигу (25 мая). С 1814 г. полковник, с 1815 г. командир Рижского драгунского полка. См.: Послужной список полковника Н. П. Кульнева за 1814 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2531. Л. 4 об – 5.

²¹ Послужной список сотника Д. Ф. Горохова за 1822 г. // ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 302. Л. 133, 136. Примечательно, что казаки называли Кенигсберг по-славянски Королевцем.

²² Письмо П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 10 января 1813 г. // Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии (далее: Поход...). М., 1964. С. 33.

²³ Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 11 января 1813 г. // М. И. Кутузов. Сб. док. Т. 5. М., 1956. С. 99.

²⁴ Рапорт К. К. Сиверса М. И. Кутузову от 14 января 1813 г., Кёнигсберг // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 183–184. (Сообщено К. Б. Жучковым).

14 января в Кёнигсберг приехали из Пиллау два парламентаря (прусский и французский) для переговоров о сдаче крепости. По-видимому, они оказались трудными. 17 января Витгенштейн приказал Штейнгелю отправить из Эльбинга обратно к Пиллау двухтысячный отряд пехоты, батареиную роту и 50 казаков. Они должны были прибыть за три дневных перехода²⁵.

Сохранилось расписание отряда генерала Горбунцова на 24 января: три эскадрона Ямбургского уланского полка (216 человек); два эскадрона Митавского драгунского полка (84); батальон 44-го егерского полка (474); батальон Брянского пехотного полка (647); Тульский (774), Навагинский (450) и Невский (308) пехотные полки; 2-й морской полк (499); отряд Санкт-Петербургского ополчения (487); отряд Новгородского ополчения (231); два орудия легкой роты № 57 (25); батареинная рота № 14 (204); донские полки Ягодина 2-го (13 обер-офицеров, 4 урядника, 169 казаков), Иловайского 9-го (1 штаб-офицер, 5 обер-офицеров, 13 урядников, 260 казаков); команда от полка Селиванова 2-го (10 казаков); казачья команда (1 обер-офицер, 1 урядник, 46 казаков)²⁶.

Сиверс поспешил прибыть к Пиллау, чтобы лично возглавить осаду на завершающем этапе. 25 января он подвел войска на пушечный выстрел и устроил батареи на высотах против крепости и укрепления Нейтаф (*Neutief*). Затем Сиверс от имени прусского короля потребовал капитуляции. На следующий день она была подписана. В 10 часов утра 27 января французский гарнизон покинул крепость²⁷. На укреплениях Пиллау нашли 134 орудия разного калибра, еще 19 орудий — в арсенале²⁸.

Сиверс нарушил субординацию, отрапортовал о капитуляции не только Витгенштейну в Прейсиш-Штаргард (совр. *Starogard Gdański*), но и напрямую Кутузову, находившемуся за 200 верст в польском Плоцке²⁹. В награду он получил чин генерал-лейтенанта³⁰. Понятно, что

²⁵ Приказ П. Х. Витгенштейна Ф. Ф. Штейнгелю от 17 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 88.

²⁶ Ведомость войскам, находящимся при блокаде крепости Пиллау под командою генерал-майора и кавалера Горбунцова, генваря 24-го дня 1813-го года // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3842. Л. 98 и об.

²⁷ Рапорт К. К. Сиверса П. Х. Витгенштейну от 27 января 1813 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 375 – 376 об. (*Сообщено К. Б. Жучковым*).

²⁸ Из журнала военных действий с 6 по 8 февраля 1813 г. // Поход... С. 70.

²⁹ Рапорт К. К. Сиверса М. И. Кутузову от 27 января 1813 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 374. (*Сообщено К. Б. Жучковым*).

³⁰ Высочайшим приказом от 8 февраля 1813 г. Сиверс произведен в генерал-лейтенанты «за благоразумные распоряжения при овладении крепости Пиллау». В послужном списке К. К. Сиверса сказано: «1813 г., января 27, покорил прусскую приморскую кр.

Витгенштейну это не понравилось, он счел рапорт Сиверса неосновательным и недостаточно подробным³¹. Главным действующим лицом при заключении капитуляции Витгенштейн считал не Сиверса, а своего начальника штаба генерал-майора Ф. Ф. Довре³², в послужном списке которого сказано: «С января 1813 г. находился при блокаде крепости Пиллау и, будучи оставлен для переговоров с комендантом этой крепости, принудил его 27 января сдать крепость»³³. Подполковник К. Клаузевиц также был представлен к награде: «По особой доверенности один был послан несколько раз в крепость парламентаром для переговоров, доказывал много знаний, искусства и расторопности, и благоразумием способствовал к удачному успеху»³⁴.

После капитуляции Пиллау донские полки Ягодина 2-го и Иловойского 9-го отправили в блокадный корпус под Данцигом³⁵.

Бранденбург, 24 декабря

Вернемся к рассмотрению событий на основном направлении, последовавшими за вступлением в древнюю прусскую столицу. Начнем с рапорта Ридигера:

По занятии города Кенигсберга я тотчас послал два казачьи полка под командою подполковника Чернозубова 8-го к преследованию неприятеля, который с быстротою шел вслед за ним, не давая нигде ему останавливаться, и все покушения, какие он не предпринимал, были истребляемы, так что и мосты, которые к удержанию нашего преследования были зажжены, скорым его наступлением уничтожены, во время преследования его до Бранензбурга [Бранденбурга] взято в плен три офицера, до 300 человек нижних

Пиллау, и по заключенной капитуляции значительный французский гарнизон должен был возвратиться чрез Рейн в пределы Франции; за овладение этой крепостью и за замечательную капитуляцию произведен в генерал-лейтенанты». «Замечательность» капитуляции заключалась, вероятно, в том, что гарнизон отправился сразу за Рейн. Это обстоятельство произвело сильное впечатление на общественные настроения в Германии: стало ясно, что отныне французы помышляют только о возвращении на родину.

³¹ Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кузузову от 1 февраля 1813 г. // Поход... С. 59.

³² Сапожников А. И. «Экспедиция против Магдональда»... С. 94.

³³ Военная галерея 1812 года. 1812–1912. СПб., 1912. С. 75.

³⁴ Список отличившимся господам штаб и обер-офицерам, состоящим в отряде генерал-лейтенанта графа Сиверса при блокаде и обложении крепости Пиллау // РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153 г. Св. 8. Д. 114. Л. 3.

³⁵ Журнал военных действий от 5 февраля 1813 г. // Поход... С. 67.

чинов и отбито три ящика с аптекою и снарядами, которые и отправлены в Кенигсберг³⁶.

Ридигер не упомянул, что 24 декабря преследование возглавил генерал-квартирмейстер И. И. Дибич 2-й, временно командовавший прежним отрядом полковника К. Теттенборна, в состав которого входили: Иловайского 12-го, Перекопский крымско-татарский и Ставропольский калмыцкий полки (всего в трех полках 700 казаков), два орудия конной артиллерии. Будучи старшим по чину, Дибич 2-й присоединил к себе донские полки Чернозубова 8-го и Родионова 2-го из отряда Ридигера.

К сожалению, не удалось обнаружить синхронного рапорта Дибича 2-го о бое при Бранденбурге (совр. Ушаково), но его подробное описание имеется в реляции Витгенштейна:

24 числа с рассветом генерал-майор Дибич 2-й, прошедши чрез город, преследовал неприятеля по дороге к Бранденбургу, присоединив к себе полки Чернозубова 8-го и Родионова 2-го, которые преследовали неприятеля около семи верст от Кенигсберга и отбили у него часть обозу и более 100 человек пленных. Генерал-майор Дибич с отрядом настиг неприятельскую кавалерию около 1000 человек на дороге близ местечка Бранденбурга, расстроив оную действием конных орудий, приказал наступать казачьим полкам на неприятеля, который, не выждав атаки оной, бросился в величайшем беспорядке на свою пехоту к местечку Бранденбургу, причем был быстро преследован нашей кавалерией и препровожаем действием артиллерии, и оставил нам одно орудие. Генерал-майор Дибич, желая принудить неприятеля к скорейшему отступлению из местечка Бранденбурга и спасти, если возможно, мосты чрез реку Фришинг, протекавшую через город, атаковал неприятельскую кавалерию под самым Бранденбургом и, прогнав ее до пехоты, действовал беспрестанно по ним из конных орудий. Тогда неприятель открыл также со своей стороны огонь из 8 орудий и остановил дальнейшее стремление наших казаков стрелками и пешими колоннами. Причем, несмотря на жестокий огонь неприятельских орудий, наши два орудия действовали с большим искусством по неприятельским колоннам. Таким образом, продолжалась канонада более часу, когда генерал-майор Дибич, увидя, что неприятель держится всеми силами, простирающимися до 10 000 человек под командой маршалов Нея и Магдональда, при Бранденбурге, прекратил действие артиллерии. После чего также неприятель перестал стрелять и сражение продолжилось одной ружейной перестрелкой. Между тем успели казачьи полки Лащилина 1-го и Селиванова 2-го на подкрепление, и генерал-майор Дибич, увидя в тоже время, что неприятель начинает ретироваться за город, наступал всем своим отрядом; казачий полк Иловайского 12-го, обойдя неприятельский арьергард влево чрез Фришинг, обще с быстрым наступлением всех прочих полков принудил его оставить местечко. Неприятель старался зажечь мосты, но казачий полк Селиванова 2-го бросился

³⁶ Рапорт Ф. В. Ридигера Д. Д. Шепелеву от 26 декабря 1812 г. // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 45. Д. 2. Л. 47.

в город, прогнал неприятеля из оною и потушил с помощью обывателей мост, неприятельские стрелки покушались несколько раз опять ворваться в местечко, но были всегда опрокинуты нашими казаками, и в то же время Иловайского 12-го полк, который был поддерживан Перекопским татарским и Ставропольским калмыцким, принудил кавалерию правого неприятельского фланга к отступлению, и неприятель, будучи беспрестанно преследован и беспокоен нашими казаками, ретировался до деревни Патерзорти. В сем деле и преследовании неприятеля взято одно орудие и более 200 пленных, с нашей стороны убит Иловайского 12-го полка поручик Ефремов, два гусара Изюмского гусарского полка и пять казаков и ранено около 20 нижних чинов. Неприятель уже ночью оставил свою позицию и был в продолжение целого 25 числа беспрестанно преследован и беспокоен казаками отряда генерал-майора Дибича. Причем он оставил шесть орудий и много лафетов, и взято в плен три офицера и 300 человек нижних чинов³⁷.

Из наградных представлений видно, что Сухтелен командовал в тот день казачьими полками на левом фланге. Отличились полковые командиры Чернозубов 8-й и Селиванов 2-й. Полк Иловайского 12-го, которым из-за болезни полкового командира командовал есаул З. С. Катасонов 1-й, обошел противника с правого фланга³⁸.

Браунсберг, 26–27 декабря

В 40 километрах к западу от Бранденбурга находился город Браунсберг (*Braunsberg*, совр. *Braniewo*), где противник попытался укрепиться. К 26 декабря маршал Макдональд собрал на линии из Браунсберга через Мюльхаузен (*Mühlhausen*, совр. *Młynary*) до Прейшиш-Голланда (*Pr. Holland*, совр. *Pasłęk*) почти 24 тысячи солдат. Историки зачастую пишут снисходительно об остатках армии Наполеона в конце 1812 г. Но эта численность не должна удивлять. Под командой Макдональда были три пехотные дивизии: 7-я Гранжана, 30-я Эдле и 34-я Маршана (бывшая Луазона). Сомнение вызывает боеспособность только последней из них, вскоре отправленной Макдональдом напрямую из Фрауенбурга в Данциг. Маршал И. Мюрат, на тот момент командовавший остатками армии Наполеона, приказал Макдональду удерживать Браунсберг. Через город протекала река Пассарга, т. е. был водный рубеж, местность не позволяла активно использовать кавалерию³⁹.

³⁷ Сапожников А. И. «Экспедиция против Макдональда»... С. 93.

³⁸ Рапорт И. И. Дибича 2-го П. Х. Витгенштейну от 7 апреля 1813 г., Дессау // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 50. Д. 3. Л. 99–102.

³⁹ *Reboul F. Campagne de 1813*... Т. 1. P. 290–294.

Первым к Браунсбергу приблизился 26 декабря отряд Дибича 2-го⁴⁰. За ним авангард Голенищева-Кутузова, который отразил: «Неприятель взял позицию при Браунсберге и открыл сильную канонаду, которая не причинила ни малейшего вреда»⁴¹. Голенищев-Кутузов узнал, что от Браунсберга и далее на запад вдоль побережья шла лесистая местность с многочисленными дефиле, малоподходящая для действий его регулярной кавалерии. Он оставил перед Браунсбергом — в Хаммерсдорфе (*Hammersdorf*, совр. *Młoteczno*) — казачий отряд Иловайского 4-го (800 казаков), а сам пошел в обход на Прейсиш-Голланд. Вечером 26 декабря казаки попытались перейти Пассаргу, но дивизия Маршана отбросила их обратно⁴².

27 декабря в Хаммерсдорф прибыл авангард Шепелева, где нашел отряд Иловайского 4-го⁴³. По мнению Шепелева, у противника в Браунсберге, окруженном болотами и засеками, было до 10 тысяч солдат⁴⁴. Он отправил отряд подполковника Е. И. Бедряги (Сводный гусарский полк и, вероятно, донской Грекова 17-го полк) в обход города справа, а отряд Иловайского 4-го — слева. Заметив обходные движения кавалерии, противник уничтожил мосты и в ночь на 28 декабря оставил город⁴⁵.

В Браунсберге решительного боя не произошло. Шепелев не напирал, справедливо уповав на обходное движение отряда Голенищева-Кутузова к Прейсиш-Голланду⁴⁶. Макдональд также полагал, что удержаться в Браунсберге невозможно, поскольку русские отряды могли перейти Пассаргу выше по течению и опередить его в Мюльхаузене и Прейсиш-Голланде.

По французской версии, три дивизии Макдональда отступили от Браунсберга по разным дорогам. По побережью — во Фрауенбург (совр. *Frombork*, в 9 км к западу от Браунсберга) отступила дивизия

⁴⁰ Рапорт И. И. Дибича П. Х. Витгенштейну от 26 декабря 1812 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 115 об.

⁴¹ Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова Ф. Ф. Штейнгелю от 26 декабря 1812 г., при Браунсберге (копия) // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3514. Ч. 2. Л. 330–331.

⁴² *Reboul F. Campagne de 1813... Т. 1. Р. 295.*

⁴³ Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 февраля 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 192; Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 27 декабря 1812 г., № 885, Хаммерсдорф // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 115 об.

⁴⁴ Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 27 декабря 1812 г., № 887, Хаммерсдорф // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 115 об.

⁴⁵ Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 28 декабря 1812 г., в 6 часов пополудни // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 116; Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 февраля 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 192.

⁴⁶ К сожалению, не удалось познакомиться с рапортами Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 28 и 29 декабря, отмеченными в журнале входящих бумаг канцелярии Витгенштейна. См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 152 об. – 153.

Маршана, далее она направилась напрямую в Данциг. Сам Макдональд при отступлении из Браунсберга удалился от побережья, сформировав две колонны: дивизия Эдле направилась на Эльбинг, дивизия Гранжана — на Мюльхаузен⁴⁷.

По русской версии, Макдональд отступил во Фрауенбург, его преследовали авангард Шепелева, отряды Иловайского 4-го и Бедряги. В тот же день авангард Шепелева вступил в Фрауенбург, где противник оставил одну пушку и три зарядных ящика. 29 декабря Шепелев оставался в Фрауенбурге, откуда рапортовал, что противник отступил в двух направлениях — на Трунц и Мюльхаузен, но обе эти колонны следуют на Эльбинг. Сам Шепелев 30 декабря пошел за колонной (14 тысяч солдат), двигавшейся на Трунц, а казаков отправил преследовать колонну (1000 солдат), выступившую на Мюльхаузен⁴⁸.

Трунц, 30 декабря

29 декабря Макдональд занял позиции по линии Трунц — Мюльхаузен. В Трунце находился он сам с дивизией Эдле, в Мюльхаузене — дивизия Гранжана⁴⁹. 30 декабря к Трунцу подошел Шепелев. Произошедший там бой подробно описан в его рапорте:

Позиция маршала Макдональда под Трунцом была самая выгодная. Перед сим селением находятся высокие горы, окруженные лесами. Открытая плоскость пред горами простирается вплоть до д. Гаселау, на которую входить должно из узкого прохода, в лесу находящегося, и выстраиваться не иначе, как под выстрелами неприятеля. Такое положение и весьма превосходные силы неприятельские, простирающиеся тогда до 6 тысяч человек, представляли мне большие затруднения сбить маршала Макдональда и тем отнять у него способ к отдохновению после весьма поспешной и утомительной ретираты его. Имея однако же предписание вашего сиятельства тревожить сколь можно более неприятеля и противиться его намерениям, я решился воспользоваться перед светом темнотою. Выступил из леса в 6-м часу пополудни, выстроился на открытом месте и прежде, чем неприятель мог удостовериться в движении моем и позиции, которую я принял, я приказал барону Розену выслать из центра стрелков своих, генерал-майору графу Игельштруму с правого фланга, а полковнику Лялину с левого учинить на неприятельские фланги самое быстрое нападение, сбить оные с позиции и занять мосты, на коих фланги сии находились, кавалерии же обходить оба

⁴⁷ *Reboul F. Campagne de 1813... Т. 1. Р. 296–297.*

⁴⁸ Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 29 декабря 1812 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 116 об.; Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 29 декабря 1812 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 116 об.; Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 30 декабря 1812 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 152 об.

⁴⁹ *Reboul F. Campagne de 1813... Т. 1. Р. 300.*

фланга. Неприятель, изумленный сим непредвиденным нападением, не зная в точности количество сил наших, но быв атакован вдруг со всех сторон, оставил тотчас место, им занятое. Он был весьма поспешно преследован и беспрестанно поражаем кавалериею. Маршал Макдональд, ретируясь, принужден был оставить 4 пушки и до 690 человек пленными⁵⁰.

По мнению Шепелева, Макдональд превосходил его в силах, но, тем не менее, отступил. У французского маршала были причины для спешки: от Вислы его могли отрезать прибывшие к Прейсиш-Голланду русские войска (Платова, Штейнгеля и Голенищева-Кутузова).

Войсковая группировка Чичагова

Выше рассматривались действия отрядов, преследовавших Макдональда по «береговой» дороге вдоль побережья. Авангард Голенищева-Кутузова от Браунсберга направился в обход к Прейсиш-Голланду. Туда же двигались корпуса Платова и Штейнгеля, двигавшиеся через центр Восточной Пруссии.

Войсковую группировку в Восточной Пруссии (армия Витгенштейна, 3-я армия Чичагова, корпус Платова) с 14 декабря возглавлял адмирал П. В. Чичагов. Когда передовые отряды вступили в Кёнигсберг, основные силы находились на реке Прегель у Велау (совр. Знаменск) и Инстербурга (совр. Черняховск). Затем эти многочисленные войска выступили к Висле. Организация их марша в зимнее время оказалась непростой задачей. Порой колонны наступали на пятки впереди идущим или обгоняли на марше. Передвижение войск осуществлялось несколькими эшелонами по различным дорогам, во избежание пересечений маршрутов.

24 декабря корпус Штейнгеля перешел из Велау в Фридланд; Витгенштейн с корпусом Берга и отрядом Левиза вступил в Велау⁵¹; туда же прибыл корпус Платова. В отличие от войск Витгенштейна, вступивших в Восточную Пруссию из России, перейдя Неман у Юрбурга и Тильзита, корпус Платова и 3-я армия Чичагова вторглись в неё со стороны Польши (у Вирбалена). Во главе 3-й армии шли авангард Чаплица и отряд Воронцова. 23 декабря передовой отряд Орурка из авангарда Чаплица получил отдых в Инстербурге. Вечером через город прошел корпус

⁵⁰ Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 февраля 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 193–194.

⁵¹ Рапорт П. Х. Витгенштейна П. В. Чичагову от 24 декабря 1812 г., № 729, Шираву // МВУА_1812. Т. 21. С. 200–201. Расписания войск Витгенштейна на 23 декабря 1812 г. и 1 января 1813 г. опубликованы в: МВУА_1813. Т. 3. С. 17–23, 27–33.

Платова, заночевавший в окрестностях⁵². 24 декабря через Инстербург прошел отряд Воронцова, получивший приказ занять место «левее пред авангардом Чаплица», т. е. двигаться южнее других колонн. Во главе отряда Воронцова шла казачья бригада полковника Войска Донского Г. А. Луковкина (его имени, подполковника Ф. А. Барабанщикова 2-го и подполковника С. И. Пантелеева 2-го полки). Она сумеет отличиться уже после переправы через Вислу.

Напомню, что трехнедельная (с 2 по 20 декабря) задержка атамана М. И. Платова в Ковно вызвала недовольство императора. 19 декабря из Главной квартиры отправили в казачий корпус генерал-адъютанта А. И. Чернышева для службы в качестве дежурного генерала⁵³. Атаман счел за лучшее выделить честолюбивому генералу самостоятельный отряд и отправить подальше вперед, т. е. активно преследовать противника. 24 декабря отряд Чернышева выступил из Велау форсированными маршами через Мельзак к Висле⁵⁴. В отряд отобрали «полторы тысячи лучших казаков на исправных лошадях». Это были команды казаков из полков Андриянова 2-го, Быхалова, Жирова, Иловайского 11-го, Власова 3-го, Денисова 7-го, Сулина 9-го и Атаманского, четыре орудия под командой есаула В. А. Андреева из 2-й роты донской артиллерии. В полумарше за Чернышевым двигалась казачья бригада подполковника М. Г. Власова 3-го, вскоре присоединившаяся к нему. В марше за бригадой Власова 3-го шел корпус Платова. В течение следующей недели корпус Платова проследовал через Прейсиш-Эйлау (совр. Багратионовск) и Мельзак (совр. *Pieniężno*) к Прейсиш-Голланду.

Состав корпуса Платова можно реконструировать на основе более поздних сведений: Атаманский, подполковника И. И. Андриянова 2-го, полковника С. А. Белгородцева, полковника В. А. Быхалова 1-го, подполковника М. Г. Власова 3-го, войскового старшины А. М. Гревцова 2-го, генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го, полковника С. Е. Грекова 5-го, полковника Т. Д. Грекова 18-го, генерал-майора В. Т. Денисова 7-го, войскового старшины И. И. Жирова, генерал-майора А. В. Иловайского 3-го, генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го, полковника И. В. Иловайского

⁵² Рапорт М. И. Платову М. И. Кутузову от 23 декабря 1812 г., Энткунткампен (*Jentkuntkampen*) // Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Сб. док. (далее: Дк_1812–1814). Ростов-на-Дону, 2012. С. 316.

⁵³ Приказ М. И. Кутузова М. И. Платову от 19 декабря 1813 г. № 1310 // Подробный журнал исходящих бумаг... // Труды МОИРВИО. Т. II. М., 1912. С. 264. Но подлинник приказа Кутузова почему-то опубликован с другой датой — 14 декабря. См.: Дк_1812–1814. С. 311.

⁵⁴ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 25 декабря 1812 г., Велау // Дк_1812–1814. С. 317–318.

10-го, бывший полковника Т. Д. Иловайского 11-го, войскового старшины Д. Д. Комисарова, войскового старшины Г. Г. Мельникова 4-го, войскового старшины Т. В. Ребрикова 3-го, подполковника Н. С. Сулина 9-го, генерал-майора В. А. Сысоева 3-го, полковника К. И. Харитоновна 7-го, 1-й Башкирский, Симферопольский конно-татарский полки, две роты донской артиллерии⁵⁵. К казачьему корпусу был прикомандирован кавалерийский отряд генерал-майора Н. В. Дехтерева (два эскадрона Ольвиопольского гусарского, один эскадрон Арзамасского конно-егерского и один эскадрон Житомирского уланского полков; всего 570 кавалеристов).

Корпус Платова в таком составе, безусловно, был крупнейшим казачьим соединением эпохи 1812 года: более 20 казачьих полков, обе роты донской артиллерии и прикомандированный отряд регулярной кавалерии. Конечно полки на тот момент были уже обессилены, но оставалось около 7 тысяч человек. Известен строевой состав («перечневый рапорт») корпуса Платова на 17 декабря:

— кавалерии иррегулярной — 24 штаб-офицера, 180 обер-офицеров, 200 урядников, 5127 казаков, всего 5531 человек;

— кавалерии регулярной — 7 штаб-офицеров, 56 обер-офицеров, 104 унтер-офицера, 915 рядовых, всего 1082 человек;

— артиллерии иррегулярной — 2 штаб-офицеров, 12 обер-офицеров, 49 урядников, 383 казака, всего 446 человек;

— артиллерии регулярной — 1 обер-офицер, 5 унтер-офицеров, 34 солдата, всего 40 человек⁵⁶.

В авангарде корпуса Платова шел отряд Чернышева, который 27 декабря вступил в Мюльхаузен. Платов усилил его бригадой Власова 3-го (его имени и Сулина 9-го полки). Следом за отрядом Чернышева, в 10 верстах, следовал отряд полковника С. Е. Грекова 5-го (два донских полка), в марше за ним — корпус Платова⁵⁷. Однако 28 декабря отряд противника (два батальона 128-го и 129-го полков под командой штаб-офицера Лабурда)⁵⁸, прибывший из Эльбинга, вытеснил отряд Чернышева из Мюльхаузена. Чернышев направился в обход озера Драунзее,

⁵⁵ Расписание квартир и содержание постов корпуса генерал от кавалерии графа Платова полков, [25 января 1813 г.] // МВУА_1813. Т. 3. С. 202.

⁵⁶ Рапорт о состоянии войск от 22 января 1813 г. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее: СИМ). Вып. 16. Пг., 1917. С. 95.

⁵⁷ Приказ М. И. Платова С. Е. Грекову 5-му от 27 декабря 1812 г. // Дк_1812–1814. С. 320.

⁵⁸ *Reboul F. Campagne de 1813...* Т. 1. P. 298–299.

чтобы зайти противнику во фланг у Вислы⁵⁹. 30 декабря он находился в Тиргарте (*Thiergarth*, совр. *Zwierzno*, к западу от Прейсиш-Голланда).

Платов выступил к Висле вслед за Чернышевым. Одновременно выступил и пехотный корпус Штейнгеля. 25 декабря корпус Штейнгеля перешел из Фридланда (совр. Правдинск) в Прейсиш-Эйлау, где на следующий день его обогнал корпус Платова. 27 декабря Платов был уже в м. Домнау (*Domnau*, совр. Домново)⁶⁰. Утром 28 декабря Платов приехал в Мельзак, а в полночь — в Прейсиш-Голланд. Он планировал далее двигаться на Мариенвердер (совр. *Kwidzyn*), чтобы отрезать противника, стягивавшего силы в Эльбинг⁶¹.

Штейнгелю, вероятно, повезло с дорогой (через Прейсиш-Эйлау, Ландсберг и Вормдит), поскольку его пехота догнала на марше казаков. Утром 28 декабря основные силы корпуса Штейнгеля были в Беленгофе (*Behlenhof*, к востоку от Прейсиш-Голланда), где к ним присоединился отряд Голенищева-Кутузова, совершивший обходной марш⁶². Вечером один из полков Штейнгеля догнал корпус Платова в Прейсиш-Голланде.

29 декабря Платов и Штейнгель встретились у Прейсиш-Голланда и условились о совместных действиях, поскольку у последнего было мало кавалерии. По их оценкам у Макдональда было до 10 тысяч солдат при 15 орудиях, из них в Мюльхаузене до 4 тысяч. По мнению атамана, у Штейнгеля было мало пехоты для решительного сражения⁶³. Платов приказал Иловайскому 5-му отправить партию — к Мюльхаузену, а Дехтереву — к Поммерендорфу (*Pommehrendorf*, совр. *Pomorska Wieś*)⁶⁴.

⁵⁹ Письмо М. И. Платова Е. И. Чаплицу от 28 декабря 1812 г. // Дк_1812–1814. С. 321.

⁶⁰ Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 27 декабря 1812 г., № 279, Домнау // МВУА_1812. Т. 21. С. 203.

⁶¹ Письмо М. И. Платова П. Х. Витгенштейну от 28 декабря 1812 г., без № // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 116.

⁶² Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 28 декабря 1812 г., № 286, Мельзак // Дк_1812–1814. С. 320. Это утренний рапорт, последующие рапорты этого дня написаны уже в Прейсиш-Голланде.

⁶³ Рапорт М. И. Платова П. Х. Витгенштейну от 28 декабря 1812 г., без № // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 116; Рапорт М. И. Платова П. Х. Витгенштейну от 29 декабря 1812 г., № 291 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 116. Рапорты (2) Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 29 декабря 1812 г., Амт Беленгов [*Behlenhof*, к востоку от Прейсиш-Голланда] // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 116 и об.

⁶⁴ Приказ М. И. Платова Н. В. Дехтереву от 29 декабря 1812 г., Прейсиш-Голланд // Дк_1812–1814. С. 322.

Мюльхаузен, 30 декабря

Утром 30 декабря русские отряды вступили в Мюльхаузен, уже оставленный противником. Штейнгель поспешил отрапортовать Витгенштейну: «Сего числа поутру город Мюльгаузен мною занят»⁶⁵. На следующий день Платов рапортовал Кутузову о занятии Мюльхаузена⁶⁶. Каждый из них хотел быть первым, и в таком соперничестве командиров авангардных корпусов нет ничего необычного. Когда корпуса Платова и Штейнгеля сошлись, между ними сразу же возникли трения, о чем свидетельствуют рапорты последнего. Платова, как старшего в чине, сложившаяся ситуация вполне устраивала. Вероятно, именно старшинство атамана, которому Штейнгель был вынужден рапортовать, и стало причиной конфликта между ними.

Штейнгель настаивал, что Мюльхаузен заняли его войска, и даже упрекал казаков в бездействии:

В самый день рекогносцирования мною неприятеля 29-го декабря при Мюльгаузене, часть казаков корпуса графа Платова, прикомандированные на сей случай к моему корпусу, оказали себя слишком осторожными и недеятельными, чтобы они могли иметь какое-нибудь участие во взятии сего города; даже до того, что не решились напасть на отступающего неприятеля для преследования его; а между тем я получал беспрестанные уверения, что ему все пути к отступлению пресечены. Но на другой день, то есть 30 декабря по утру, когда я пошел атаковать неприятеля в Мюльгаузене, то не нашел его уже там, ибо он в ночь уже отретировался; что может также служить доказательством бездействия казаков⁶⁷.

Прибыв в Мюльхаузен, Штейнгель подчинил себе авангард Шепелева, находившийся у Трунца⁶⁸.

Занятие Эльбинга, 31 декабря, и выход на Вислу

30 декабря противника по дороге из Мюльхаузена в Эльбинг (совр. *Elbląg*) преследовали казаки Платова; корпус Штейнгеля и отряд Голенищева-Кутузова следовали за ними. Штейнгель остановился в Поммерндорфе. Авангард Шепелева, преследовавший по дороге из Трунца,

⁶⁵ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 30 декабря 1812 г., Мюльхаузен // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 554.

⁶⁶ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 31 декабря 1812 г., Эльбинг // Поход ... С. 18.

⁶⁷ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 25 февраля 1813 г., Кёнигсберг // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 45. Д. 2. Л. 198–201.

⁶⁸ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 30 декабря 1812 г., Мюльхаузен // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3522. Л. 117.

вступил в Домерау (*Domerau*). В ночь на 31 декабря противник оставил Эльбинг⁶⁹.

Русские войска вступили в Эльбинг с двух сторон: авангард Шепелева по дороге из Трунца; бригады Дехтерева и Иловайского 5-го по дороге из Мюльхаузена. Судя по синхронным рапортам Платова и Штейнгеля, и на этот раз между ними возник спор.

Платов, прибыв 31 декабря в Эльбинг, подал Кутузову и Чичагову рапорты аналогичного содержания. Из Мюльхаузена неприятеля преследовала к Эльбингу бригада Дехтерева с 4 орудиями донской артиллерии. В пять часов утра 31 декабря противник оставил Эльбинг⁷⁰. Атаман не настаивал, что первым в город вступил именно Дехтерев. Платов был старшим из генералов и мог претендовать на командование совместными действиями.

Шепелев, также прибывший в Эльбинг 31 декабря, отрапортовал Штейнгелю: «Авангард вверенного мне отряда под командою полковника Ридигера с содействием генерал-майора Иловайского 4-го занял г. Эльбинг, захватив 16 офицеров, до 700 рядовых»⁷¹. Одновременно Штейнгель уведомил и лично Платова, что Эльбинг занял отряд Ридигера, отметив при этом содействие генерала Иловайского 4-го⁷².

Впоследствии Штейнгель еще раз обратился к обстоятельствам вступления в Эльбинг, описав их более подробно:

С рассветом того же дня (31-го декабря) прибыл я с вверенным мне корпусом в квартиру гр. Платова, в деревню Серпиен [*Serpier*], но принужден был тут остановиться до 9-ти часов, потому что гр. Платов, дожидаясь еще уведомления от своих передовых постов и отрядов, до того времени, пока получил я донесение от бывшего под моим начальством авангарда генерала Шепелева о занятии им Эльбинга, в которой он вступил в 7 часов утра, выгнав бывшие там неприятельские войска и взяв несколько оных в плен. Сначала гр. Платов не хотел сему верить, ибо он от своих еще не получил о том никакого известия, но вскоре поступившие ко мне о сем формальные рапорты, кои я ему сообщил, его в том уверили. Из сего усмотреть можно, что гр. Платов, не имел никакого права, присваивать себе занятие сего города, столь же мало, как он имел участия на капитуляцию французских войска под Старым Борисовым, кои, будучи разбиты моим корпусом, оным же

⁶⁹ Рапорт Д. Д. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 31 декабря 1812 г., Эльбинг // МВУА_1813. Т. 2. С. 2–3.

⁷⁰ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 31 декабря 1812 г., № 295, Эльбинг // Поход ... С. 18–19; Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 31 декабря 1812 г., № 294, Эльбинг // МВУА_1813. Т. 2. С. 5–6.

⁷¹ Рапорт Д. Д. Шепелева Ф. Ф. Штейнгелю, 31 декабря 1813 г., Эльбинг (выписка) // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 199.

⁷² Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля М. И. Платову от 31 декабря 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 325.

принуждены были к сдаче. Я не отрекаюсь, что по старшинству его чина находился я под начальством графа Платова, но по справедливости должен он был в рапорте своем упомянуть о тех войсках, кои находились под моим начальством и кои, содействуя ему своими движениями, конечно, заслужили о себе отзыва. Не желая быть доносителем, ни осуждать сии дела сего прославленного военачальника, я ограничиваюсь только донесением о сем деле⁷³.

Воспоминание о событиях под Борисовым многое проясняет: это был застарелый конфликт между генералами, начавшийся еще на Березине при сдаче в плен французской дивизии Партуно. Штейнгель считал это заслугой его корпуса, Платов настаивал на участии казаков. По одной из версий, когда парламентар явился на казачий пост, то с ним не сумели объясниться по-французски, почему доставили в штаб Штейнгеля, где и приняли сдачу в плен⁷⁴.

С формальной точки зрения рапорт Шепелева является жалобой на действия вышестоящего лица: «По справедливости должен он был...», «не имел никакого права...». Платов, как старший генерал, отдавал приказы, что явно раздражало Штейнгеля. Утром Штейнгель вместе с Платовым находился в 13 верстах от Эльбинга, оба узнавали о происходившем в городе из рапортов.

Макдональд отступил из Эльбинга двумя колоннами на Роббах (*Robach*, совр. *Robakowiec*) и Sommerau (*Sommerau*, совр. *Zabrowo*), где

⁷³ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витенштейну от 25 февраля 1813 г., Кёнигсберг // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 45. Д. 2. Л. 198–201. Так же считали в штабе Штейнгеля. Ober-квартирмейстер корпуса Штейнгеля подполковник А. П. Теслев в частном письме сообщил: «Мы самыми форсированными маршами шли до Мариенбурга без малейшего сопротивления, ибо неприятель бежал весьма скоро. Когда мы пришли в Прейсиш-Эйлау, тогда говорили, что П[латов] с казаками идет вслед за нами, но сей казак вздумал остаться две недели в Ковне для разделения сокровищ, частью от неприятеля, а большею частью от обывателей заграбленных. Под Эльбингом он с нами соединился и без всяких дальностей так принял нас в руки, что без нас не хочет делать ни шагу. Образ преследования его, сколько я заметить мог, весьма странен. Он с места не тронется, если неприятель не ретируется, и даже тогда в пустые города входит через 5 и 6 часов. В Мюльгаузене не посмели два целых казачьих полка атаковать 100 рейтаров французских; они сами признаются, что они слишком богаты, чтобы ввергаться в опасность». См.: Письмо А. П. Теслева П. Теслеву от 5 января 1813 г. // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 411.

⁷⁴ Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.-Л.; 2012. С. 633. Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витенштейну от 25 февраля 1813 г., Кёнигсберг // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 45. Д. 2. Л. 198–201.

дивизии Гранжана и Эдле переправились через реку Ногат и направились к Данцигу⁷⁵.

Платов оставил один казачий полк в Эльбинге для поддержания порядка. Штейнгель отправил Финляндский драгунский и Селиванова 2-го полки на Заальфельд для прикрытия резерва Яшвиля, следовавшего на Мариенвердер⁷⁶. Вечером 31 декабря казаки Платова вступили в Мариенбург (совр. *Malbork*), также на реке Ногат⁷⁷.

Рейд отряда Чернышева в Мариенвердер

30 декабря к Чернышеву в Тиргарт приехал адъютант прусского генерал-майора Ф. Бюлова, управлявшего провинциями Восточная и Западная Пруссия. Бюлов был Кёнигсберге вместе с маршалом Мюратом, когда стало известно о подписании Йорком конвенции о нейтралитете его корпуса. Бюлов решил вывести формировавшиеся в Восточной Пруссии войска (до 7 тысяч солдат) в Западную Пруссию. Из Кёнигсберга он проследовал по маршруту: Крейцбург, Мельзак, Липштадт, Заальфельд, Ризенбург, куда прибыл 27 декабря. Там Бюлов задержался, поскольку в Мариенвердере собирались остатки 4-го и 9-го корпусов под командой вице-короля Евгения Богарне и маршала К. Виктора. 29 декабря он уведомил Богарне, что его необученные войска не смогут принять участие в боях, и отправил своего адъютанта ротмистра Ф. Калла⁷⁸ к Чернышеву, чтобы узнать о намерениях русского командования.

Калл доверительно сообщил Чернышеву, что прусские войска хотели бы присоединиться к русским, но Бюлов считает неприемлемым для себя подписание конвенции без разрешения короля. Чернышев отправил к Бюлову в Ризенбург (*Reisenburg*, в 20 км к востоку от Мариенвердера)

⁷⁵ *Reboul F. Campagne de 1813... T. 1. P. 366.*

⁷⁶ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 31 декабря 1812 г., Эльбинг // МВУА_1813. Т. 2. С. 2–3.

⁷⁷ Приказ М. И. Платова А. И. Чернышеву от 1 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 325.

⁷⁸ Письмо Ф. Бюлова Ф. Ф. Штейнгелю от 29 января 1813 г. // МВУА_3. С. 167; *Prittwitz K. Beiträge zur Geschichte des Jahres 1813. Bd. 1. Potsdam, 1843. S. 55* (постраничное примечание); *Droysen J. G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York von Wartenburg. Bd. 2. Berlin, 1852. S. 6*. Чернышев, писавший по-французски, назвал посланца *le capitain prussien Kallen*. Впоследствии в русских документах этого офицера, неоднократно приезжавшего к русским генералам, именовали по-разному, но всегда с чином ротмистра: Каллен, Колли, Коль. Известно, что майор Г.-Ф. фон Калл (*Kall*) командовал прусской кавалерией в арьергарде войск Бюлова. В русский лагерь ездил его младший брат — лейтенант Филипп фон Калл, впоследствии командовавший эскадронам казаков в прусской гвардии и погибший 15 (27) апреля 1813 г. Он был уроженцем Восточной Пруссии, возможно, владел польским или русским языком.

капитана графа А. И. Мусина-Пушкина для дальнейших переговоров. Судя по местонахождению Бюлова, он должен был прикрывать войска Богарне, собиравшиеся в Мариенвердере. Прусский генерал отказался подписывать какие-либо документы, но согласился поддерживать тайные сношения и не препятствовать наступлению русских войск. Он выступил к Грауденцу, чтобы там перейти Вислу, и далее двигаться на Тухель и Кониц. Вероятно Калл рассказал Чернышеву об удручающем положении войск Богарне в Мариенвердере, поскольку тот признавал, что ему «удалось получить очень интересные сведения, о которых я тотчас же поставил в известность генерала Платова»⁷⁹. Если учесть, что Калл затем принял участие в нападении на Мариенвердер, можно заподозрить пруссаков в «наводке». Уведя войска из Ризенбурга в Грауденц, Бюлов оголил войска Богарне в Мариенвердере...

30 декабря Платов разрешил отряду Чернышева (2 тысячи казаков) совершить рейд в Мариенвердер⁸⁰. Чернышев сразу же выступил из Тиргарта, оставив там один казачий полк и два орудия⁸¹. Пройдя за сутки около 50 верст, он прибыл в Вайсхоф (*Weisshof*, к северу от Мариенвердера)⁸².

Чернышев тщательно продумал нападение на Мариенвердер. Были сформированы три колонны (в каждой по 50 стрелков, 50 спешенных казаков с пиками, 100 конных для подкрепления, 50 коноводов, резерв и одно орудие). Возглавили колонны донские офицеры: полковник И. Е. Ефремов, подполковники И. И. Андриянов 2-й и Х. П. Кирсанов. Первая колонна Кирсанова, в которой стрелками командовал ротмистр московского ополчения П. А. Есипов, увязла в бою за форштадт. Вторая колонна Ефремова, где стрелками командовал капитан граф А. А. Мусин-Пушкин, первой ворвалась в город, именно она захватила генерала, 4 офицеров и курьера Наполеона. Третья колонна Андриянова 2-го, в которой стрелками командовал корнет Кавалергардского полка О. Д. Шёппинг, заняла город основательно и преследовала противника, отступившего к Нойенбургу (*Neuenburg*, на левом берегу Вислы). У Нойенбурга имелось мостовое укрепление с 15 медными пушками, но противник не сумел там закрепиться. Во время преследования Андриянов 2-й разгромил эскадрон баденской кавалерии, пленив 47 солдат. Два полка под командой войскового старшины Г. П. Победнова (Дени-

⁷⁹ Рапорт А. И. Чернышева М. И. Кутузову от 1 января 1813 г., Нойенбург // Поход... С. 22–24.

⁸⁰ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 31 декабря 1812 г., Эльбинг // Поход... С. 19.

⁸¹ Впоследствии этот полк забрал М. И. Платов. См.: Приказ М. И. Платова А. И. Чернышеву от 1 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 325.

⁸² Рапорт А. И. Чернышева М. И. Платову от 1 января 1813 г. // Там же. С. 327.

сова 7-го и Жирова) перешли Вислу и загнали противника в Нойенбург. В бою за Мариенвердер погиб сотник С. Крутов из полка Жирова. Чернышев сетовал на отсутствие пехоты, вследствие чего не смог пленить Богарне и Виктора. Маршалы вырвались из города под прикрытием пехоты, остановить её казаки не смогли⁸³. В плен попали бригадный генерал Ф. Пьерр де Вьянте, 4 офицера и 200 солдат; захвачены 15 медных пушек⁸⁴.

Сообщение о разгроме казаками Андриянова 2-го эскадрона баденской кавалерии подтверждается иностранными источниками. Баденской бригадой командовал генерал-майор В. Хохберг (с 1817 г. баденский маркграф Вильгельм), который впоследствии встречался с Чернышевым на Венском конгрессе, обсуждал ночное нападение на Мариенвердер, и описал его в мемуарах. Богарне и Виктор не хотели оставлять правый берег Вислы без приказа главнокомандующего Мюрата. Они ожидали нападения, но казаки атаковали внезапно ночью, причем пруссаки провели их к особняку, занимаемому Богарне⁸⁵. Если бы казаки действовали более решительно, они могли бы захватить Богарне, Виктора и до 8 генералов, которых сопровождала немногочисленная пехота, причем большинство солдат не имели патронов. Хохберг собрал остатки бригады в Нойенбурге: боеспособных солдат оказалось всего 42, из них составили отряд под командой капитана Пфнора, а всех безоружных отправили в Кюстрин. При поспешном отступлении из Мариенвердера забыли отряд гусар под командой лейтенанта Бахелина, находившийся в Грос-Кребсе. Днем этот отряд подошел к Мариенвердеру, уже занятому казаками, и попал в плен⁸⁶.

1 января казаки Чернышева заняли Нойенбург, где захватили 16 офицеров и 350 солдат, освободили из плена 2 русских офицеров и 32 рядовых⁸⁷. В тот же день в Мариенвердер прибыл отряд Воронцова из 3-й армии. Он удивился, встретив там Чернышева, который по его сведениям находился в двух маршах к северу. Раздосадованный Воронцов отрапортовал Чичагову:

⁸³ Письмо А. И. Чернышева А. А. Аракчееву от 1 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 326.

⁸⁴ Рапорт А. И. Чернышева М. И. Платову от 1 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 328.

⁸⁵ *Holzhausen P.* Die Deutschen in Russland. Leben und Leiden auf der Moskauer Heerfahrt. Berlin, 1912. S. 200.

⁸⁶ *Wilhelm von Baden.* Denkwürdigkeiten des Generals der Infanterie Markgrafen Wilhelm von Baden aus den Feldzügen von 1809 bis 1815. Bd. 1. Heidelberg, 1906. S. 215–216. Лабом почему-то считал, что баденский эскадрон был послан из Мариенвердера на разведку и казаки его разгромили: они взяли в плен всех, кого не убили. Единственный спасшийся солдат вернулся в город и предупредил об опасности. См.: *Labaume E.* Histoire de la chute de l'empire de Napoléon. Т. 1. Paris, 1820. P. 47.

⁸⁷ Рапорт А. И. Чернышева М. И. Платову от 1 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 328.

По повелению вашего высокопревосходительства идти с отрядом к Мариенвердеру я в оной город сего числа пришел, в который уже вчера казаки отряда генерал-адъютанта Чернышева вошли. Вице-король Итальянский, маршал Виктор и более 20 генералов, большей частью больных, и много офицеров и других здесь были почти без всякого прикрытия, но казаки генерал-адъютанта Чернышева, не имея с собой пехоты, ни захватить оных, не помешать им выйти из города не были в состоянии⁸⁸.

Чичагов потребовал от Платова объяснений, каким образом отряд Чернышева оказался в Мариенвердере⁸⁹.

Маршруты движения основных сил Витгенштейна и Чичагова

31 декабря на Вислу у Эльбинга вышли корпуса Платова и Штейнгеля, отряды Шепелева и Голенищева-Кутузова. На следующий день к Мариенвердеру прибыл отряд Воронцова, шедший в авангарде 3-й армии Чичагова. Эти отряды вступили в провинцию Западная Пруссия. Остальные войска Витгенштейна и Чичагов задержались на марше, к концу декабря они находились еще в провинции Восточная Пруссия.

Витгенштейн разделил основные силы на две колонны, с которыми первоначально выступил на Мариенвердер. Первая колонна (корпуса Берга и Левиза), при которой находился и сам Витгенштейн, проследовала по маршруту: Велау, Фридланд, Шиппенбейль, Гейльсберг, Гутштадт. Затем Витгенштейн получил приказ Чичагова повернуть с этой колонной на Мариенбург. Вторая колонна (резерв под командой генерал-лейтенанта князя Л. М. Яшвиля) двигалась на Мариенвердер.

Маршруты войск Витгенштейна пересекались с маршрутами движения 3-й армии Чичагова, которая отставала всего на один марш, следуя также несколькими колоннами. Основные силы 3-й армии (корпуса Ланжерона и Воинова) прошли по маршруту Гумбинен — Шиппенбейль — Бартенштейн — Гейльсберг⁹⁰.

⁸⁸ Рапорт М. С. Воронцова П. В. Чичагову от 1 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 1. В дневниковой записи недовольный Воронцов высказался более категорично: «Пришел по утру в Мариенвердер и, кажется, что ежели бы Чернышев накануне не сделал пустую атаку со своими казаками, то вице-король, Виктор, до 20 генералов и несколько сот офицеров были бы в наших руках». См.: *Воронцов М. С. Дневные записки. 1813. // 1812–1814: [Реляции, письма, дневники]: Из Собр. Гос. Ист. музея. М., 1992. С. 287.*

⁸⁹ Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 4 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 10.

⁹⁰ *Малиновский С. С. «Журнал военных действий, прежде бывшей Дунайской армии, а после переименованной в 3-ю Западную, под предводительством адмирала Чичагова, а наконец генерала Барклая де Толли в 1812 году» // МВУА_1812. Т. 17. СПб., 1911. С. 232.*

Отъезд Витгенштейна

1 января Витгенштейн из Гутштадта уехал в Кёнигсберг для «излечения ушиба руки», сдав командование Штейнгелю⁹¹. Практически одновременно заболели генерал-лейтенант Д. Д. Шепелев и генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов. Вероятно болезнь не обошла стороной генерал-майора Е. И. Властова и полковника Войска Донского А. А. Ягодина 2-го. Четверо последних были главными действующими лицами под Тильзитом 19 декабря, когда колонна маршала Макдональда беспрепятственно ушла в Кёнигсберг. «Эпидемию» спровоцировал приезд полковника Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части Ф. Я. Эйхена для расследования обстоятельств, позволивших корпусу Макдональда избежать окружения. Однако в российском обществе посчитали, что болезни у генералов вызвало подчинение популярного «спасителя Петрополя» Витгенштейна сухопутному адмиралу Чичагову, имевшему после Березины дурную репутацию в армии.

Действительно, главнокомандующий М. И. Кутузов, получив рапорт Витгенштейна, поданный минуя Чичагова, сделал ему замечание по поводу нарушения субординации⁹². В ответ Витгенштейн заверил:

Я обо всех действиях вверенных мне войск и движениях их, доношу господину адмиралу Чичагову и испрашиваю всякой раз его утверждения, как и сегодня еще получил его предписание, чтобы мне взять направление вместо Мариенвердера на Мариенбург, что непременно выполнено будет; и я по получении еще первых двух повелений вашей светлости состою уже давно под командою его господина адмирала⁹³.

По подписании этого рапорта Витгенштейн «ушиб руку» и сдал командование. На 1 января 1813 г. войска Витгенштейна располагались следующим образом: корпус Штейнгеля в Эльбинге, корпус Берга в Прейсиш-Голланде, корпус Левиза в Либштате (*Liebstadt*, к востоку от Прейсиш-Голланда), резерв Яшвиля находился на марше в Мариен-

⁹¹ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. В. Чичагову от 1 января 1813 г., Эльбинг // МВУА_1813. Т. 2. С. 3. Штейнгель также подал рапорт об «увольнении для излечения», но был вынужден остаться.

⁹² Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 28 декабря 1812 г. // М. И. Кутузов. Т. 5. С. 35.

⁹³ Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 31 декабря 1812 г., Гутштадт // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 22. (*Сообщено К. Б. Жучковым*).

вердер⁹⁴. В командование корпусом Штейнгеля вступил генерал-майор П. М. Каховский.

Действия отрядов Шепелева и Иловайского 4-го, 1–3 января

1 января Платов приказал Шепелеву переправиться в Пальшау (*Palschau*, совр. *Palczewo*, на правом берегу Вислы) через Вислу и прибыть в Штублау (*Stüblau*, совр. *Steblewo*), где будут находиться четыре полка из корпуса Платова⁹⁵. В тот же день Шепелев атаковал противника, занимавшего позицию в Пальшау, сбил его огнем с батареи и занял местечко⁹⁶. Из донских полков у него был полк подполковника И. Н. Лацилина (командующий есаул Г. И. Золотарев).

В полночь на 2 января две колонны противника, следовавшие по замерзшей Висле в Данциг, внезапно атаковали отряд Шепелева. Однако 24-й егерский полк и гродненские гусары под командой Ридигера отбросили нападавших за Вислу, взяв 40 пленных⁹⁷.

2 января Шепелев получил приказ Витгенштейна сдать командование старшему офицеру и прибыть в Кёнигсберг⁹⁸. Несколько дней отрядом прокомандовал полковник Д. В. Лялин, затем командиром отряда назначили генерал-майора И. И. Алексеева.

Перед этим был отозван или заболел генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов. 31 декабря Штейнгель приказал генерал-майору Иловайскому 4-му вступить в командование отрядом Голенищева-Кутузова и выступить на Мариенбург, руководствуясь указаниями Платова⁹⁹. Каков был на тот момент состав отряда Иловайского 4-го, уточнить не удалось. Известно только, что Штейнгель дал ему конно-артиллерийскую

⁹⁴ Рапорт П. Х. Витгенштейна П. В. Чичагову от 1 января 1813 г., Гутштадт // МВУА_1813. Т. 2. С. 4.

⁹⁵ Приказ М. И. Платова Д. Д. Шепелеву от 1 января 1812 г., Мариенбург // Дк_1812_1814. С. 326–327.

⁹⁶ Рапорт Д. Д. Шепелева Ф. Ф. Штейнгелю от 3 января 1813 г., Нейтейх // МВУА_1813. Т. 2. С. 9. Более подробное описание боя см.: Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 февраля 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 194–195.

⁹⁷ Рапорт Д. Д. Шепелева П. Д. Каховскому от 2 января, 1813 г., Нейкирх // МВУА_1813. Т. 3. С. 37 (см. копию в МВУА_1813. Т. 2. С. 9). В полковой истории гродненцев сообщается, что бригада генерала Башлю, спешившая в Данциг, наткнулась на гусарские посты между Пальшау и Нейкирхом. Башлю с боем пробился за Вислу. См.: *Цехановецкий В. П.* История 18 драгунского Клястицкого ... полка. Варшава, 1886. С. 159.

⁹⁸ Рапорт Д. Д. Шепелева П. Д. Каховскому от 2 января, 1813 г., Нейкирх // МВУА_1813. Т. 3. С. 37 (копия МВУА_1813. Т. 2. С. 9).

⁹⁹ Рапорт И. Д. Иловайского 4-го Ф. Ф. Штейнгелю от 4 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 45.

роту № 3¹⁰⁰. 1 января Платов усилил отряд Иловайского 4-го донскими полками [?] под командой войскового старшины А. М. Гревцова 2-го и приказал следовать к Данцигу, пообещав отправить вслед за ним бригады Иловайского 3-го, Иловайского 5-го и Дехтерева¹⁰¹.

Утром 2 января казаки Платова вступили в Диршау (*Dirschau*, совр. *Tczew*, выше Пальшау по течению), взяв 400 пленных. Неприятель отступил в двух направлениях. Противника, отступившего на Прейсиш-Штаргард, преследовала кавалерийская бригада Дехтерева, два казачьих полка и 4 орудия конной артиллерии. За неприятелем, направившимся к Данцигу, последовал авангард Шепелева. Для усиления Шепелева Платов отправил «две бригады Иловайских»¹⁰².

Впереди отряда Шепелева находился отряд Иловайского 4-го. 2–3 января этот отряд участвовал в стычках на большой дороге, ведущей из Диршау в Данциг. О них он отрапортовал так:

2-го сего месяца от 2-х часов пополудни до 8-ми я имел с неприятелем дело и с потерей принудил его отступить к Лангенау. 3-го числа имел дело от 8-ми часов пополуночи до 7-ми пополудни, преследуя наступательно обороняющиеся колонны неприятелей, которые в сей день имели значительную для них потерю¹⁰³.

В этих стычках участвовали донские полки Родионова 2-го и Чернозубова 8-го (из авангарда Шепелева), присоединившиеся к отряду Иловайского 4-го¹⁰⁴. Позже, с 17 января, в расписаниях появится новый

¹⁰⁰ Сапожников А. И. «Экспедиция против Магдональда»... С. 94.

¹⁰¹ Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому 4-му от 1 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 45.

¹⁰² Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 2 января 1813 г., Диршау // МВУА_1813. Т. 2. С. 7; Письмо М. И. Платова Ф. Ф. Штейнгелю от 2 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 36; Письмо М. И. Платова М. С. Воронцову от 2 января 1813 г., Диршау // Дк_1812–1814. С. 329.

¹⁰³ Рапорт И. Д. Иловайского 4-го Ф. Ф. Штейнгелю от 4 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 45.

¹⁰⁴ В послужном списке Родионова 2-го отмечено: «1813-го генваря 2-го между Диршау и Данцигом при деревне Рузенберг, 3-го при деревне Лянгнаву в делах с неприятелем, преследуя его, и имея всегда поверхности, в сии дела убито их до тридцати, с 4-го по 27-е находился с тремя полками при блокаде Данцига, команду аванпостами». См.: Послужной список генерал-майора М. И. Родионова 2-го за 1816 г. // ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 226. Л. 11-14об, 20-20об. В послужном списке есаула В. Т. Воинова из полка Чернозубова 8-го сказано: «23-го Кенигсберге, 24-го у занятия онога, 1813-го генваря 3-го при селении Русочине, а с того времени при блокаде города Данцига». См.: Послужной список есаула В. Т. Воинова за 1813 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3684. Л. 5–6. Примерно на середине пути из Диршау в Данциг находились друг за другом селения Розенберг (*Rosenberg*), Лангенау (*Langenau*), Руссочин (*Russoczin*).

отряд полковника М. И. Родионова 2-го (его имени и Чернозубова 8-го полки)¹⁰⁵.

3 января Платов приказал Иловайскому 4-му расположиться в Розенберге и Лангенау, отправив казачьи партии к Данцигу. Справа от отряда Иловайского 4-го, т. е. восточнее, находились бригады Иловайского 3-го и Иловайского 5-го. В селении Грос-Цундер (*Gr. Zünder*) — пехота отряда Шепелева, которым в те дни командовал полковник Д. В. Ялин¹⁰⁶. В действительности произошло следующее: в течение 3 января передовые партии Иловайского 4-го преследовали неприятеля от Лангенау до Сент-Альбрехта (*St. Albrecht*), одна из партий вступила в Прауст (*Praust*)¹⁰⁷.

Первая попытка обложения Данцига

Платов 3 января оставался в Диршау, но казаки уже подходили к предместьям Даницга¹⁰⁸. Как старший из генералов, он возглавил обложение Данцига, распоряжался действиями своего корпуса, отряда Иловайского 4-го, авангарда Шепелева и корпуса Каховского.

Впоследствии Платов неоднократно утверждал, что с 3 января казаки обложили крепость. В действительности, с западной стороны казачьи посты отсутствовали. Полному обложению крепости помешал начавшийся сумбур на уровне армейского командования.

Кутузов еще 28 декабря предписал Чичагову собрать 3-ю армию и войска Витгенштейна у Гутшадта (совр. *Dobre Miasto*, в 120 км к востоку от Вислы), разрешив только легким отрядам преследовать противника до Вислы, но реку не переходить¹⁰⁹. Этот приказ Чичагов получил 2 января в Вормдите (совр. *Orneta*), и сразу же разослал соответствующие распоряжения Платову и Штейнгелю. Штейнгель 3 января отрапортовал, что вернул отряды, уже перешедшие Вислу. Отряды Шепелева и Иловайского 4-го находятся в дельте Вислы и контролируют переправы через неё. Шепелев отправил отряд Бедряги для пресечения связи между Пиллау и Данцигом по Балтийской косе. Прежний корпус Штейнгеля разместится у Нейтейха (*Neuteich*, совр. *Nowy Staw*, в центре дельты Вислы), корпуса Берга и Левиза — у Преисиш-Голланда. Колонне Яшвиля, двигавшейся

¹⁰⁵ Расположение авангарда 17 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 88.

¹⁰⁶ Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому 4-му от 3 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 332.

¹⁰⁷ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. В. Чичагову от 6 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 13.

¹⁰⁸ Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 4 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 10–11.

¹⁰⁹ Приказ М. И. Кутузова П. В. Чичагову от 28 декабря 1812 г. // МВУА_1812. Т. 19. С. 255.

на Мариенвердер, послан приказ остановиться¹¹⁰. Штейнгель еще не знал, что отряд Иловайского 4-го Платов задержал на левом берегу Вислы. В тот же день, 3 января, Чичагов сообщил Кутузову новое распределение войск на кантонир-квартиры на правом берегу Вислы¹¹¹.

Платов, продвинувшийся за Вислу дальше всех, получил приказ Чичагова о возвращении войск только 4 января. В соответствии с ним, он должен был отвести казачий корпус в окрестности Нейтейха (в дельте Вислы), впрочем, ему разрешили совершать рейды за Вислу и тревожить гарнизон Данцига¹¹². Атаман сразу же разослал по полкам приказы о возвращении, но предупредил Чичагова, что повелел «отступить исподволь, чтобы не подать неприятелю вида моего отступления»¹¹³. В действительности Платов приказал находившимся под Данцигом бригадам Иловайского 3-го и Иловайского 5-го «остановиться в теперешнем расположении»¹¹⁴. Напомню, что не все полки Платова находились под Данцигом: кавалерийская бригада Дехтерева двигалась из Прейсиш-Штаргарда на Кониц, отряд Чернышева — из Ошие на Камин. Платов приказал им вернуться в Диршау.

Иловайский 4-й вернулся 5 января в Розенберг. Он получил противоречивые приказы: от Штейнгеля — о возвращении за Вислу; от Платова — «остановиться Вам непременно в вашем нахождении и посылать партии с надежнейшими людьми на добрых лошадях, чтобы они наблюдали о движении неприятеля около Данцига, а особливо по левую сторону одного города»¹¹⁵. Противоречивые приказы ввергли Иловайского 4-го в ступор: он не выполнил последующий приказ атамана поставить заставу в м. Грос-Саалау (*Gr. Saalau*), на дороге из Данцига в Кониц, и послать разезды влево — на другие дороги, ведущие в крепость¹¹⁶. Платов полагал, что вместе с Иловайским 4-м находится бригада Родионова 2-го.

Бригада Дехтерева вернулась к Платову быстро, после чего её забрали в 3-ю армию. Отряд Чернышева вернулся спустя несколько дней.

¹¹⁰ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. В. Чичагову от 3 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 7.

¹¹¹ Рапорт П. В. Чичагова М. И. Кутузову от 3 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 1. С. 4.

¹¹² Письмо П. В. Чичагова М. И. Платову от 3 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 331–332.

¹¹³ Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 4 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 10–11.

¹¹⁴ Приказ М. И. Платова А. В. Иловайскому 3-му от 4 января 1813 г. // Дк_1812_1814. С. 335.

¹¹⁵ Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому 4-му от 4 января 1814 г., Диршау // Дк_1812–1814. С. 337; Рапорт И. Д. Иловайского 4-го Ф. Ф. Штейнгелю от 5 января 1813 г., Розенберг // МВУА_1813. Т. 3. С. 50.

¹¹⁶ Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому 4-му от 5 января 1813 г., Диршау // Дк_1812–1814. С. 340.

Действия отряда Чернышева на левом берегу Вислы

1 января, прибыв в Нойенбург, Чернышев отправил ротмистра Калла к генералу Бюлову в Тухель (*Tuchel*, совр. *Tuchola*), чтобы условиться о беспрепятственном проходе его отряда¹¹⁷. К тому времени Чернышев уже столкнулся с отрядами из войск Бюлова, переправившимися через Вислу в Меве и Нойенбурге. Сам Бюлов проследовал через крепость Грауденц, откуда забрал 8 резервных батальонов генерал-майора А. Тюмена. Из Грауденца Бюлов направился через Ошие (*Osche*, совр. *Osie*), Тухель, Кониц (совр. *Chojnice*) на Нойштеттин (*Neustettin*, совр. *Szczecinek*). При вступлении в Ошие казакам пришлось поделить город с прусскими войсками: те остались в казармах, а казачий лагерь разбили на городской площади¹¹⁸.

5 января Бюлов прибыл в Нойштеттин. Чтобы избежать участия в боевых действиях против русской армии, Бюлов увел свои войска в провинцию Померания, где у Кольберга формировалась Померанская бригада генерала Л. Борстеля (6 тысяч солдат).

Чернышев из Нойенбурга направился через Ошие и Тухель к Камину (*Kamin*, совр. *Kamień Krajeński*). Он знал, что в Камин прибыли подразделения гвардии под командой маршала Э.-А. Мортье, двигавшиеся из Прейсиш-Штаргарда на Познань¹¹⁹. Из Тухеля Чернышев 5 января уведомил Воронцова, что ночью нападет на отряд Мортье (3000 солдат, 17 орудий¹²⁰).

В ночь на 6 января Чернышев атаковал противника в Камине, выбил из города и преследовал до Цемпельбурга (*Zempelburg*). Казаки взяли в плен несколько офицеров и более 200 нижних чинов¹²¹.

В послужных списках офицеров полков Денисова 7-го, Иловайского 11-го, Андриянова 2-го и Быхалова стычка при Камине отмечена под 5 января. Наиболее подробно она описана в послужном списке Власова 3-го:

¹¹⁷ Рапорт А. И. Чернышева М. И. Кутузову от 1 января 1813 г., Нойенбург // Поход... С. 22–24.

¹¹⁸ *Leggiere M. Napoleon and Berlin: the Franco-Prussian war in north Germany, 1813. Norman, 2002. P. 36.*

¹¹⁹ Рапорт А. И. Чернышева М. И. Кутузову от 6 января 1813 г., Камин // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3920. Л. 9 об.

¹²⁰ Письмо А. И. Чернышева М. С. Воронцову, полученное 5 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 14–15.

¹²¹ Рапорт А. И. Чернышева М. И. Кутузову от 6 января 1813 г., Камин // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3920. Л. 9 об.

Генваря 5-го 1813 года выбил из селения Карвиц <?> и местечка Камина пехотные неприятельские колонны и преследовал оные до местечка Сембельбурга, делая им большой вред, за что произведен в полковники¹²².

Марш войск Мортье прикрывали 1-й и 2-й полки шеволежер-улан гвардии, арьергардом командовал шеф эскадрона П. Жермановский (*Jerzmanowski*). В записке П. Дотанкура по истории 1-го полка шеволежер-улан гвардии стычка при Камине описана почему-то под 8 (20) января:

Арьергардный отряд под командой шефа эскадрона Жермановского, был атакован главными силами (*un gros*) казаков между Тухелью и Каминем; это дело было довольно горячим, маршал Мортье, штаб-квартира которого находилась в Камине, счел необходимым поддержать этот отряд пехотным батальоном гвардии. Противника отбросили, отряд потерял двух человек и двух лошадей убитыми, несколько ранеными¹²³.

Мортье отступил из Цемпельбурга на Познань. Казаки Чернышева вклинились между прусскими и французскими войсками, прервав связь между ними. Но тут Чернышев получил приказ Платова о возвращении и выступил обратно¹²⁴, оставив три полка под командой полковника И. Е. Ефремова у Коница. 9 января Чернышев прибыл к Платову в Остервик (*Osterwick*, в 20 км к югу от Данцига). Приказ о возвращении его разочаровал. Как генерал-адъютант Чернышев имел право личного рапорта императору, он пользовался доверенностью Кутузова и Аракчева. Чернышев предложил реформировать казачий корпус (24 полка) в три летучих отряда и отправить их вперед: к Штеттину, к Ландсбергу, на Познань¹²⁵. Как показывают последующие события, в Главной квартире с этим предложением согласились. По инициативе честолюбивого генерал-адъютанта, стремившегося к самостоятельному командованию летучим отрядом, легендарный казачий корпус расформировали. Понятно, что Витгенштейн, который был младше Платова в чине, эту идею поддержал. Высокий чин Платова и его популярность мешали командованию...

¹²² П. с. генерал-майора М. Г. Власова за 1822 г. // ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 304. Л. 2–12.

¹²³ *Rembowski A.* Sources documentaires concernant l'histoire du régiment des cheveu-légers de la Garde de Napoléon I. Varsovie, 1899. P. 253–255.

¹²⁴ Рапорт А. И. Чернышева М. И. Кутузову от 6 января 1813 г., Камин // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3920. Л. 9 об.

¹²⁵ Письмо А. И. Чернышева императору Александру I от 9 января 1813 г. // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 842. Л. 26–30; Рапорт А. И. Чернышева М. И. Кутузову от 10 января 1813 г. // Поход... С. 31–33; Письмо А. И. Чернышева А. А. Аракчееву от 10 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 350.

«Особая экспедиция» подполковника Е. И. Бедряги

Крепости Пиллау и Данциг связывала дорога по песчаной косе Фрише-Нерунг (совр. Балтийская или Вислинская коса), которую русское командование поспешило взять под контроль. Из Фрауенбурга Шепелев отправил туда отряд подполковника Изюмского гусарского полка Е. И. Бедряги.

В начале войны подполковник Е. И. Бедряга 2-й был назначен бригадным командиром 9-й кавалерийской дивизии сводных полков. Фактически он командовал Сводным гусарским полком (по два резервных эскадрона Изюмского и Елисаветградских гусарских полков).

Шепелев дал Бедряге отряд, имевший следующий состав: Сводный гусарский полк, донские полки Грекова 17-го и Сучилина 2-го, 40 егерей из 25-го егерского полка под командой подпоручика Р. Дойнатовича, 2 орудия из конно-артиллерийской роты № 23 под командой подпоручика Ф. С. Азанчевского.

В ночь на 31 декабря отряд Бедряги перешел по льду Хаф (*Haff*, совр. Вислинский залив) из Толькемита (*Tolkemit*, совр. *Tolkemicko*) в Кальберг (*Kahlberg*, совр. *Krynica Morska*), и далее продвинулся в Проббернау (*Pröbberнау*, совр. *Przebrno*). Тем самым он пресек сообщение между закрывшимися гарнизонами Пиллау и Данцига¹²⁶. В полдень 1 января отряд Бедряги выступил из с. Штутгов (*Stuthof*, уже на материке) и вдоль побережья направился к Данцигу. Из с. Посварки (*Posewark*) Бедряга выбил отряд противника и преследовал до с. Бонзак (*Bohnsack*, в 8 верстах от Данцига)¹²⁷.

4 января отряд Бедряги выбил противника из с. Бонзак, преследовал за с. Нойфер (*Neufähr*), где столкнулся с отрядом дивизионного генерала Ф. Детре, у которого имелось 5 орудий, и вернулся в Бонзак¹²⁸. Бедряга просил усилить его пехотой¹²⁹. К 10 января к нему прибыл батальон 5-го сводного егерского полка (из корпуса Левиза). Известен строевой состав отряда Бедряги на 16 января: конно-артиллерийской роты № 23 (два орудия) — 31 человек; 25-го егерского полка — 44; 5-го сводного егерского полка — 706; Сводного гусарского полка — 254; полк Грекова 17-го (1 штаб-офицер, 6 обер-офицеров, 3 урядника, 112 казаков); полк

¹²⁶ Рапорт Т. Е. Бока Ф. Ф. Довре от 31 декабря 1812 г., Проббернау // МВУА_1813. Т. 3. С. 25–26. Штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка Т. Е. Бок находился в отряде Бедряги.

¹²⁷ Рапорт Е. И. Бедряги Д. Д. Шепелеву от 1 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 34–35.

¹²⁸ Рапорт Е. И. Бедряги Д. Д. Шепелеву от 4 января 1813 г. // Там же. С. 46.

¹²⁹ Рапорт Е. И. Бедряги П. Д. Каховскому от 6 января 1813 г., Бонзак // МВУА_1813. Т. 3. С. 52–53.

Сучилина 2-го (1 штаб-офицер, 2 обер-офицера, 6 урядников и 158 казаков)¹³⁰. 20 января полки Грекова 17-го и Сучилина 2-го решили отправить в корпус Левиза¹³¹. К Левизу, контролировавшему у Данцига дистанцию от Шудделькау (*Schüddelkau*) до Оливы (*Oliwa*), полки Грекова 17-го и Сучилина 2-го прибыли 25 января, их распределили по разным отрядам¹³².

Действия отряда Воронцова на левом берегу Вислы

Воронцов 3 января перешел Вислу в Мариенвердере и направился вверх по течению. 5 января он был в Шветце¹³³. В его отряде по-прежнему находились донские полки Луковкина, Барабанщикова 2-го и Пантелеева 2-го.

Утром 6 января полк Луковкина вступил в Бромберг (совр. *Bydgoszcz*), где застал неприятельскую партию, прибывшую для уничтожения складов, и захватил в плен 7 конно-егерей. В городе нашли большие запасы (200 тысяч пудов муки, тысячу пудов свинца, 7 барок с комиссариатскими вещами). На следующий день в Бромберг приехал Воронцов, вскоре его вытеснил оттуда отряд пехоты противника, прибывший из Торна. Однако спустя несколько часов отряд Воронцова отбил город, о чем рассказано в его дневниковой записи: «Барабанщикову велел с полком идти в Фордон и послать партии в Шулиц, им взад. Ему же и Луковкину, который остался на большой дороге в ночь, — послать тревожить неприятеля в город, отчего в 2 часа полуночи он из оног вышел, не взяв ничего с собою, даже больных своих до 300 человек. Наши тотчас же вошли в город»¹³⁴. 8 января Воронцов вернулся в Бромберг¹³⁵.

11 января Воронцов был в Фордоне (к востоку от Бромберга, на левом берегу Вислы). Он отправил на разведку к Торну полк Барабанщикова 2-го по левому берегу, полк Пантелеева 2-го — по правому берегу Вислы. 10 января партия из полка Пантелеева 2-го захватила капитана Дерасса, адъютанта Бертье. 11 января Воронцов в очередной раз вернулся в Бромберг.

¹³⁰ Рапорт Е. И. Бедряги Ф. Ф. Довре от 10 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 70–71.

¹³¹ Рапорт И. И. Алексеева Ф. Ф. Штейнгелю от 21 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 133.

¹³² Рапорт Ф. Ф. Левиза П. Х. Витгенштейну от 26 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 157.

¹³³ Рапорт М. С. Воронцова П. В. Чичагову от 5 января 1813 г., Швеци // МВУА_1813. Т. 2. С. 14.

¹³⁴ *Воронцов М. С. Дневные записки...* С. 287.

¹³⁵ Рапорт М. С. Воронцова П. В. Чичагову от 8 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 18.

Возобновление обложения Данцига

Утром 4 января Штейнгель из Эльбинга уведомил Чичагова, что поскольку Платов обложил Данциг своим корпусом, отрядами Алексеева и Иловайского 4-го, а корпус Каховского для их поддержки находится в дельте Вислы, то он не решился снять блокаду крепости и просит подтвердить приказ о возвращении за Вислу¹³⁶. Чичагов, получив рапорт Штейнгеля в Прейсш-Голланде вечером 4 января, разрешил войскам остаться под Данцигом¹³⁷.

5 января Платов сообщил Чичагову, что по первому приказу отвел казачьи полки к Висле, но, получив новый приказ, велел им вернуться на прежние места¹³⁸. По мнению Платова казачьи полки располагались следующим образом: полк Быхалова при м. Хохцеит (*Hochzeit*, к востоку от Сент-Альбрехта); полк Белгородцева неподалеку от него в м. Мигенгаль (*Müggenhahl*); бригады Иловайского 3-го и Иловайского 5-го вправо от них до моря; отряд Иловайского 4-го влево до Оливы. В резерве находились бригада Дехтерева и донская артиллерия. Два казачьих полка (вероятно подразумевался отряд Бедряги) отряжены к укреплению Вейксельмюнде (*Weichselmünde*)¹³⁹. Платов еще не знал, что Иловайский 4-й не взял под контроль дороги из Данцига в западном направлении, несмотря на посланные ему приказы от 4 и 5 января¹⁴⁰.

Пока войска перемещались под Данцигом взад-вперед, в Главной квартире Кутузова отреагировали на начавшуюся «эпидемию» среди командиров в войсках Витгенштейна. Кутузов приказал Витгенштейну отправить корпус Штейнгеля на Мариенбург, с остальными войсками прибыть в Мариенвердер и перейти Вислу¹⁴¹. Чичагову он велел высту-

¹³⁶ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. В. Чичагову от 4 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 5.

¹³⁷ Письмо П. В. Чичагова М. И. Платову от 4 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 336.

¹³⁸ Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 5 января 1813 г., Диршау // МВУА_1813. Т. 2. С. 13.

¹³⁹ Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 7 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 17. В этом рапорте еще упомянута бригада генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го, но в тот же день атаман предписал полковнику С. Е. Грекову 5-му принять под командование бригаду нового состава (его имени, Мельникова 4-го, Грекова 1-го и 1-й Башкирский полки) и состоять под командой генерал-майора А. В. Иловайского 3-го. Полк Ребрикова 3-го был оставлен в Мариенбурге при обозе и артиллерии. См.: ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1163а. Л. 1.

¹⁴⁰ Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому 4-му от 4 января 1813 г., Диршау // Дк_1812–1814. С. 337; Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому от 5 января 1813 г., Диршау // Там же. С. 340.

¹⁴¹ Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 3 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 37.

пить с 3-й армией в Польшу — из Гутштадта на Лебау (совр. *Lubawa*) — и расположиться между корпусом Витгенштейна и Главной армией¹⁴². Таким образом, 3-й армии отводилась роль промежуточного звена; а под командой Витгенштейна, после присоединения прусского корпуса Йорка, должна была собраться 60-тысячная армия.

6 декабря Чичагов приехал в Эльбинг с намерением возглавить блокаду Данцига. Утром он приказал блокировать Данциг отрядами Алексеева и Иловайского 4-го. Корпус Платова должен был продвигаться на запад и расположиться в Беренте (*Behrendt*) и Лауенбурге (*Lauenburg*), т. е. уже на границе провинции Померания (главный город Штеттин, совр. *Szczecin*). Казаки Платова должны были прикрыть блокадные войска со стороны Одера. Чичагов разослал по войскам новую диспозицию¹⁴³, а вечером получил приказ Кутузова уйти с 3-й армией в Польшу¹⁴⁴.

В полночь на 8 января Платов, прибывший в Сперлингсдорф (*Sperlingsdorf*, к востоку от Прауста), уведомил Чичагова о возобновлении блокады. Атаман в очередной раз расписал местонахождение его постов, на этот раз более подробно. В Хохейте, на большой дороге, стоял полк Быхалова, полк Белгородцева (под командой майора Московского ополчения Д. В. Караулова) — в Мигенгале (*Müggenhahl*). Бригады Иловайского 3-го, Грекова 1-го и Иловайского 5-го вправо от него до самого моря: в селениях Ростау (*Rostau*), Ландау (*Landau*), Воцлав (*Wotzlar*), Рейшенберг (*Reichenberg*) и Нейфер (*Neufähr*), а также почти у крепости в Квадендорфе (*Quadendorf*, к востоку от Данцига). По утверждению Платова, отряд Иловайского 4-го наблюдал всю дистанцию от Хохейта влево до Оливы, он перечислил селения, где якобы имелись казачьи посты: Циплау (*Zipplau*), Гишкау (*Gischkau*), Страшин (*Srtaschin*), Бенкау (*Benkau*), Шудделькау (*Schüddelkau*), Пицкендорф (*Pietzkendorf*). Как показали последующие события — Иловайский 4-й посты там так и не поставил... Сам Платов с Ольвинопольским гусарским полком (два эскадрона) и донской артиллерией стоял в Сперлингсдорфе; эскадроны из Арзамасского конно-егерского и Житомирского уланского полков — в Остервике. Два казачьих полка находились у укрепления Вейксельмюнде. Платов собирался, согласно приказу Чичагова, выступить

¹⁴² Письмо М. И. Кутузова П. В. Чичагову от 3 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 11.

¹⁴³ Приказ П. В. Чичагова Ф. Ф. Штейнгелю от 6 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 50–51; Приказ П. В. Чичагова М. И. Платову от 6 января 1813 г. // Дк_1812_1814. С. 340–341.

¹⁴⁴ Приказ П. В. Чичагова Ф. Ф. Штейнгелю от 6 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 1. С. 7.

с корпусом к Беренту и Лауенбургу, но ждал смены его постов другими войсками¹⁴⁵.

Еще 7 января Чичагов послал Штейнгелю и Платову сообщения о полученном приказе Кутузова. Атаману он предложил на выбор: отправиться с 3-й армией в Польшу или остаться с Витгенштейном под Данцигом, вернув кавалерийскую бригаду Дехтерева¹⁴⁶. Атаман предпочел остаться и отправил бригаду Дехтерева к Чичагову¹⁴⁷. Именно в это время в бригаду приехал шеф Арзамасского конно-егерского полка генерал-майор И. В. Хрущев, который как старший в чине принял командование. Приказ, полученный от донского атамана, имевшего чин генерала от кавалерии, почему-то вызвал недоумение у генерал-майора регулярной армии, о чем Дехтерев сообщил главнокомандующему:

Генерал-майор Хрущев по приключившейся у него болезни, вследствие повеления, последовавшего к нему от его сиятельства генерала от кавалерии графа Платова <курсив мой — А. С.>, предписал мне вчерашнего числа с полками Арзамасским и Житомирским драгунским и Ольвиопольским гусарским из состава корпуса Платова выступить и следовать до Швица¹⁴⁸.

Вероятно, генерала Хрущева сразила наповал необходимость рапортовать казачьему атаману. Причем, это был заурядный генерал, ничем себя не проявивший. Надо ли удивляться, что генерал-губернатора Финляндии, генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля эта необходимость явно угнетала. Попутно замечу, что после отправки бригады Дехтерева, в корпусе Платова с 9 по 23 января находились 2-й и 3-й егерские полки из корпуса Штейнгеля, для прикрытия артиллерии¹⁴⁹.

8 января к Данцигу вернулся отряд Алексеева. Сам он с пехотой расположился в Грос-Цундере. Впереди в Герцберге стоял Гродненский гусарский полк. Справа, в Готтесвальде — полк Лащилина, посылавший партии до Бонзака для связи с отрядом Бедряги. На левом фланге для связи с полками Иловайского 3-го находился Ставропольский калмыцкий полк. Алексеев не смог придвинуться к крепости, поскольку все селения впереди заняли казаки Платова. Генерал-квартирмейстер

¹⁴⁵ Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 7 января, в 12 часов ночи, с. Сперлингсдорф // МВУА_1813. Т. 2. С. 16–17.

¹⁴⁶ Приказ П. В. Чичагова М. И. Платову от 7 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 1. С. 7–8.

¹⁴⁷ Рапорт М. И. Платова П. В. Чичагову от 8 января 1813 г. // Там же. Т. 2. С. 92.

¹⁴⁸ Рапорт Н. В. Дехтерева П. В. Чичагову от 11 января 1813 г. // Там же. С. 22.

¹⁴⁹ Рапорт П. Д. Каховского Ф. Ф. Штейнгелю от 9 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 66–67; Приказ М. И. Платова полковнику А. П. Турчанинову от 23 января 1813 г. // Дк_1812_1814. С. 372.

И. И. Дибич 2-й приехал к Платову в Сперлингсдорф, чтобы условиться о размещении войск под Данцигом¹⁵⁰.

8 января полковник Быхалов услышал от пастора в Хохцейте, что якобы накануне из Данцига выступил к Нойштадту (*Neustadt*) 4-тысячный отряд для встречи идущего из Штеттина 6-тысячного подкрепления¹⁵¹. Действительно, несмотря на неоднократные утверждения Платова, что он с 3 января обложил Данциг¹⁵², связь гарнизона с внешним миром не прерывалась. В журнале осады комендант крепости дивизионный генерал Ж. Д. Кампредон отметил, что 4–8 января продолжали прибывать отряды, в частности, из дивизии Маршана¹⁵³. Получив сообщение от Быхалова, Платов запросил Иловайского 4-го:

Так как Вы там с отрядом находитесь для наблюдения с левой стороны Данцига движения неприятеля, то меня крайне удивляет, что Вы мне об этом ничего не рапортуете; буде же оно вероятно, то тотчас мне об оном донесите¹⁵⁴.

Из ответа Иловайского 4-го стало ясно, что с западной стороны крепость никто не контролирует. Атаман разгневанно отписал ему:

Я получил от Вашего превосходительства расписание тех мест, в которых отряд Ваш расположен, и весьма удивляюсь, что вы всем отрядом прикрываете одну только дорогу, из Диршау в Данциг идущую. Дороги и селения, о которых Вам предписано было и лично Вам приказано, по сроку не заняты, а особливо Олива; она нужнее всех должна быть занята, во-первых, чтобы прервать их коммуникацию из города и в город, а во-вторых, отнять все продовольствие, которого они от одного места получают. Ежели еще она Вами не занята, то поспешите её занять, и мне о сем донесте. На места же Ваши прежние генерал-майор Алексеев с пехотой и кавалериею пришел, заняв те места, и примкнет своим левым флангом к Вашему правому, разумеется, стоя лицом к городу¹⁵⁵.

¹⁵⁰ Рапорт И. И. Алексеева Ф. Ф. Штейнгелю от 8 января 1813 г., Грос-Цундер // МВУА_1813. Т. 3. С. 66; Письмо М. И. Платова Ф. Ф. Штейнгелю от 8 января 1813 г., Сперлингсдорф // МВУА_1813. Т. 3. С. 65.

¹⁵¹ Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому 4-му от 8 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 345–346.

¹⁵² Рапорт М. И. Платову М. И. Кутузову от 12 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 351.

¹⁵³ Documents militaires du lieutenant-general de Campredon. Defense de Dantzig en 1813. Paris, 1888. P. 52.

¹⁵⁴ Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому 4-му от 8 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 345–346.

¹⁵⁵ Приказ М. И. Платова И. Д. Иловайскому 4-му от 9 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 348.

Не доверяя больше Иловайскому 4-му, Платов отправил в Оливу бригаду Быхалова (его имени и Гревцова 2-го полки)¹⁵⁶. 10 января вслед за Быхаловым Платов срочно отправил бригаду Иловайского 3-го к Шудделькау с приказом занять посты, прежде назначенные отряду Иловайского 4-го — от Лёблау на юге, до Оливы на севере. Правый фланг бригады Иловайского 3-го должен был примкнуть к м. Коваль (*Kowal*), занятому казачьим полком из отряда Алексеева. Левый фланг — к Оливе, занятой бригадой Быхалова. Сам Иловайский 3-й должен остановиться в м. Маттерн¹⁵⁷. Платов отправил только что вернувшегося Чернышева проверить посты на всей дистанции, занимаемой бригадами Иловайского 3-го и Быхалова, особенно Оливу¹⁵⁸. 10 января Алексеев прибыл в Прауст, и нашел там отряд Иловайского 4-го. Алексеев отрапортовал Штейнгелю:

Генерал-майор Иловайский 4-й, не получаю до прибытия моего от генерала от кавалерии графа Платова предписания о расположении войск командуемого им отряда, оставался здесь.

Алексеев отправил к Платову генерал-майора князя Н. Г. Репнина, чтобы договориться о расположении войск. Согласно новому расписанию, к югу от крепости посты должны были содержать отряд Алексеева, к северу — корпус Платова; их фланги смыкались у Шудделькау. Иловайского 4-го решили удалить из блокадных войск, предписав выступить с отрядом 11 января на Прейсиш-Штаргард и далее¹⁵⁹. При этом у него забрали большую часть полков (Изюмский гусарский, Кутейникова 6-го, Ставропольский калмыцкий, Перекопский крымско-татарский, конно-казачий Тверского ополчения). После этого у Иловайского 4-го осталось всего три полка: его имени, Иловайского 12-го и Казанский драгунский. По сути, прежний отряд генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова, которым Иловайский 4-й прокомандовал всего 10 дней, расформировали. 11 января Иловайский 4-й отрапортовал, что сдал посты под Данцигом бригаде Иловайского 3-го и выступил на Прейсиш-Штаргард¹⁶⁰. 13 января он оставил в Прейсиш-Штаргарде Казан-

¹⁵⁶ Приказ М. И. Платова В. А. Быхалову 2-му от 9 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 348.

¹⁵⁷ Приказ М. И. Платова А. В. Иловайскому 3-му от 10 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 349–350.

¹⁵⁸ Приказ М. И. Платова А. И. Чернышеву от 10 января 1813 г., Остервик // Дк_1812–1914. С. 349.

¹⁵⁹ Рапорт И. И. Алексеева Ф. Ф. Штейнгелю от 11 января 1813 г., Прауст // МВУА_1813. Т. 3. С. 75.

¹⁶⁰ Рапорт И. Д. Иловайского 4-го Ф. Ф. Штейнгелю от 11 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 76.

ский драгунский полк и отправился далее на Лобсен (*Lobsen*, к востоку от Шнейдемуля)¹⁶¹. В Лобсене Иловайский 4-й оставался вплоть до февраля.

Инцидент с Иловайским 4-м привел к тому, что генерал-адъютанту А. И. Чернышеву, присланному в казачий корпус в качестве дежурного генерала, пришлось оправдываться перед главнокомандующим М. И. Кутузовым. Чернышев пояснил, что отряд Иловайского 4-го отправили на левый фланг как самый надежный, поскольку у него имелась регулярная кавалерия и артиллерия. Платов заверил Чернышева, что трижды приказывал Иловайскому 4-му занять Оливу. После назначения на левый фланг вместо отряда Иловайского 4-го казачьих полков под командой Иловайского 3-го, Чернышев лично расставил посты¹⁶².

12 января Платов отрапортовал Кутузову о полной блокаде Данцига бригадами Быхалова, Иловайского 3-го, Иловайского 5-го, отрядом Алексеева и корпусом Штейнгеля¹⁶³. Платов был старшим по чину генералом: от Штейнгеля, временно командовавшему войсками Витгенштейна, он получал рапорты, отвечая ему письмами; по мере разрастания конфликта они стали обмениваться отношениями. Платов хотел дождаться прибытия Витгенштейна, сдать ему командование блокадой, и после этого выступить к Одеру¹⁶⁴. По удивительному совпадению, день в день — 12 января — Кутузов уведомил Витгенштейна, что корпус Платова «остается в теперешнем его расположении впредь до повеления»¹⁶⁵. И опять же день в день — 12 января — Витгенштейн попросил Платова расположить полки в Лауенбурге, Бютове (*Bütow*) и Конице, т. е. уйти в провинцию Померания, и оттуда посылать партии к Одеру¹⁶⁶. Подчеркну, эти три документа датированы одним днем, но написаны независимо друг от друга и были получены адресатами спустя день-два.

Продолжал разрастаться конфликт Платова и Штейнгеля. Сначала Штейнгель, с подачи Витгенштейна, направил Платову запрос о достоверности слухов о пропуске обозов из Данцига в Померанию. 12 января Платов опроверг обвинения, указав, что в Оливе находятся два казачьих

¹⁶¹ Рапорт И. Д. Иловайского 4-го Ф. Ф. Штейнгелю от 13 января 1813 г., Преишиш-Штаргард // МВУА_3. С. 79.

¹⁶² Рапорт А. И. Чернышева М. И. Кутузову от 22 января 1813 г. // Поход... С. 44

¹⁶³ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 12 января 1813 г., № 47, Лёблау // Дк_1812-1814. С. 351-352.

¹⁶⁴ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 12 января 1813 г., № 48, Лёблау // Дк_1812-1814. С. 353.

¹⁶⁵ Сообщение П. М. Волконского П. Х. Витгенштейну от 12 января 1813 г., Иоганнсбург // М. И. Кутузов. Сб. док. Т. 5. М., 1956. С. 100.

¹⁶⁶ Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Платову от 12 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 76.

полка (бригада Быхалова), в Конице — три полка (бригада Ефремова), в Беренте — два полка (бригада Власова 3-го); миновать посты которых невозможно¹⁶⁷. Ответ атамана Штейнгель пересказал в рапорте Витгенштейну, сопроводив комментариями:

Сходственно с предписанием Вашего Сиятельства, кое я имел честь вчера получить, рапортовал я графу Платову о вывозе подрядчиками из Данцига амундционных и прочих вещей, на что он отношением от 12-го числа из Остервика отвечал сими словами: «Сие показание сделано совершенно несправедливо, разве может быть прежде 3-го числа генваря, в которой день я со всех сторон обложил город Данциг», и в дополнение сего продолжал: «Что в Оливе два полка, в Конице три, в Беренте два также расположены». Однако между тем, как я уже вашему сиятельству и доносил, носился слух, что кроме вывоза взошли туда два батальона. Относительно до продовольствия блокирующих войск, кои совершенно разорили жителей в окрестностях Данцига, доносил я графу Платову, неужгодно ли ему будет приказать забрать находящийся в Нейштате магазин, который от него не более 6 миль. На сие отвечал он в том же отношении, что сей город занят еще неприятелем, и далеко от расположения блокирующих войск, и по малочисленности полков столь большую дистанцию занимать до времени не может, однако я уже между тем сделался с прусским комиссаром о поставке блокирующим войскам из одного города провианта и фуража без занятия его нашими войсками. Равно я поставляю за должность донести вашему сиятельству и то, что не проходит дня, чтоб не приходили ко мне по несколько людей с просьбами о залогах против злоупотребления казаков, кои, шатаясь с кошами, берут столько подвод и отнимают после и лошадей, что недостает их у жителей для перевозу провианта и отправления по казенной надобности, о чем я рапортовал и графу Платову¹⁶⁸.

Безусловно, конфликт Платова и Штейнгеля стал еще одним доводом в пользу расформирования казачьего корпуса и отзыва атамана в Главную квартиру императора.

Возвращение Витгенштейна и отзыв Платова в Главную квартиру

В действительности, Иловайский 3-й еще 12 января занял Нойштадт. В тот же день одна из его партий вступила в Лауенбург. 14 января двухтысячный отряд противника (пехота и кавалерия) выступил из Данцига и направился к Оливе, намереваясь сбить посты бригады Быхалова. Туда поспешил сам Быхалов с подкреплением и загнал противника в кре-

¹⁶⁷ Письмо М. И. Платова Ф. Ф. Штейнгелю от 12 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 77.

¹⁶⁸ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 13 января 1813 г., Диршау // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 45. Д. 2. Л. 77 и об.

пость¹⁶⁹. 15 января Кутузов сделал Витгенштейну выговор за длительное лечение в Кенигсберге:

Государь император с особым удовольствием увидит скорое возвращение к вверенному вам корпусу, ибо теперешние обстоятельства требуют личного вашего командования над оным. Я уверен, что вы, уважая сие мое предположение, отправитесь к своему месту¹⁷⁰.

Он подчеркнул, что речь идет о самостоятельном командовании армией:

по сближении адмирала Чичагова к крепости Торунь останетесь вы непосредственным командиром вверенного вам корпуса, который по присоединении корпуса Йорка составит армию в 60 тысяч человек¹⁷¹.

Одновременно Кутузов предписал Витгенштейну сменить казачьи посты корпуса Платова под Данцигом легкими войсками, расположив за ними для подкрепления корпуса Штейнгеля и Берга. Платову Кутузов послал приказ прикрыть осадные войска Витгенштейна с запада, заняв посты в Стольпе (*Stolp*), Нойштеттине, Руммесбурге (*Rummessburg*) и Шнайдемюле (*Schneidemühl*), т. е. уже в соседней провинции Померания. Расположившись таким образом, Платов должен был отправить сильные партии к Одеру¹⁷².

Еще не зная о новом приказе Кутузова, Платов 17 января прибыл в Бушкау (совр. *Buszkowy Górne*, в 20 км к юго-западу от Данцига). В тот же день он заверил главнокомандующего, что дал Чернышеву 10 полков и вновь отправил в преследование противника к Одеру. Это были бригады Быхалова (2 полка), Власова 3-го (5 полков) и Ефремова (3 полка). Атаман поторопился отрапортовать, выступление отряда Чернышева затянулось на несколько дней. Остальные полки корпуса Платова под командой генерала А. В. Иловайского 3-го продолжали

¹⁶⁹ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 17 января 1813 г., № 60, Бушкау // Дк_1812–1814. С. 358. Вылазка 14 января отмечена в послужных списках офицеров полка Быхалова.

¹⁷⁰ Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 15 января 1813 г. // М. И. Кутузов. Т. 5. С. 127.

¹⁷¹ Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 15 января 1813 г. // Поход... С. 35. В тот же день начальник Главного штаба князь Волконский уведомил Чичагова, что корпус Витгенштейна выходит из-под его команды. См.: Рапорт П. М. Волконского П. В. Чичагову от 15 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 2. С. 31. Армию Чичагова отправили для блокады Торна. См.: Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 15 января 1813 г. // М. И. Кутузов. Т. 5. С. 127.

¹⁷² Приказ М. И. Кутузова М. И. Платову от 15 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 356.

наблюдать за Данцигом, совместно с отрядом Алексеева¹⁷³. Сам Иловайский 3-й находился в Маттерне (*Mattern*), а его посты протянулись от Шудделькау до Оливы¹⁷⁴.

В те дни, 17–18 января, под Данцигом едва не произошло столкновение: к крепости приближался корпус Левиза, но казаки Платова еще не освободили занимаемые селения. Алексеев в очередной раз отправил князя Н. Г. Репнина к Платову, чтобы договориться о размещении войск¹⁷⁵. 18 января Алексеев подал Штейнгелю четыре рапорта, и наконец обратился с личным письмом, в которых просил задержать корпус Левиза на марше. Он так пояснил ситуацию:

Здесь окружности столь разорены французами, а особливо бывшими перед нами казаками, что с величайшим трудом располагаются для продовольствия войска, составляющие авангард, и коль скоро сближаются корпуса, то оное будет совершенно невозможно¹⁷⁶.

Благодаря этой интенсивной переписке, сохранились подробные сведения о составе отрядов Иловайского 3-го и Алексеева на 17 января. Под командой Иловайского 3-го находилось 11 казачьих полков (его имени, Грекова 5-го, Мельникова 4-го, Ребрикова 3-го, Грекова 1-го, Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, Харитонов 7-го, Симферопольский крымско-татарский¹⁷⁷. Атаманский полк и донская артиллерия находились при Платове. Полк Андриянова 2-го был отправлен в Гроссендорф (*Grossendorf*, совр. *Władysławowo*, на побережье, в начале Хельской косы), откуда по косе и замерзшему морю неприятель мог пробраться в Данциг.

В отряде Алексеева также имелись казачьи полки, распределенные по передовым отрядам. Главная квартира Алексеева находилась в Войнове (*Wojanow*, в 5 км к югу от Прауста). С востока на запад по окружности крепости расположились следующие отряды, в составе которых, помимо регулярных войск, имелись и казачьи полки. В отряде Бедряги — полки Грекова 17-го и Сучилина 2-го. В отряде полковника Экель-

¹⁷³ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 17 января 1813 г., № 60, Бушкау // Дк_1812–1814. С. 357–358.

¹⁷⁴ Рапорт И. И. Алексеева Ф. Ф. Штейнгелю от 18 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 99.

¹⁷⁵ Рапорт поручика князя Горчакова 1-го Ф. Ф. Штейнгелю от 17 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 89.

¹⁷⁶ Письмо И. И. Алексеева Ф. Ф. Штейнгелю от 18 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 96.

¹⁷⁷ Рапорт И. И. Алексеева Ф. Ф. Штейнгелю от 18 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 99.

на — полк Лащилина и Ставропольский калмыцкий. В отряде Родионова 2-го: его имени и Чернозубова 2-го полки. В отряде Ридигера — полк Кутейникова 6-го. В отряде Долона — Перекопский конно-татарский. В резерве для подкрепления этих отрядов находились две пехотные колонны¹⁷⁸.

Очередная стычка произошла, вероятно, 17 января (в общем рапорте дата неопределенная): из Данцига выступил отряд противника (5 тысяч пехоты и 6 тысяч кавалерии при 2 орудиях), который попытался выбить два полка казаков из с. Брентау и Ненкау. Иловайский 3-й со своей бригадой подоспел на помощь. Противника загнали обратно, взяв в плен 1 поручика и 4 рядовых¹⁷⁹.

17 января, Александр I принял решение об отзыве Платова в Главную квартиру. Накануне начальник Главного штаба князь П. М. Волконский заверил атамана, что он должен рапортовать напрямую Кутузову, и только поддерживать для координации действий связь с Чичаговым и Витгенштейном¹⁸⁰. Понятно, что это было очень неудобно, буквально на следующий день в Главной квартире передумали... Очередное отстранение донского атамана от командования (третий раз за полгода) обставили с утонченной вежливостью. Главнокомандующий от имени императора пригласил его в Главную квартиру, подчеркнув: «При личном с вами свидании Его Величество желает переговорить с вашим сиятельством касательно Донского войска и поблагодарить вас за все подъятые труды в сию кампанию»¹⁸¹. 18 января Штейнгель был вынужден остановить двигавшиеся к Данцигу войска и пожаловаться Витгенштейну:

По полученному мною рапорту от генерал-майора и кавалера Алексеева, узнал я, что еще и сего числа граф Платов находился в Бушкау, а войска в прежнем расположении, и что он не думал идти, а только один отряд господина генерал адъютанта Чернышева командирован по дороге к Одеру; почему я приказал одному корпусу генерал лейтенанта Берга занять предписанные в диспозиции селения, а корпусу генерал лейтенанта Левиза для подкрепления нашего авангарда идти только до Остервика; дабы, наблю-

¹⁷⁸ Расположение авангарда 17 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3. С. 89–90.

¹⁷⁹ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 23 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 371. Подтверждение этого боестолкновения удалось найти в послужном списке есаула М. К. Кубанова из полка Грекова 5-го: «генваря 17-го числа при сильной вылазке из крепости Данцига на Шиделкавский [*Schüddelkau*], Ненкавский [*Nenkau*] и Пицкендорфский [*Pietzkendorf*] пункты неприятельских войск; в отражении оных и прогнании в Данциг». См. Послужной список есаула М. К. Кубанова за 1813 г. // РГВИА, ф. 489. Оп. 1. Д. 3332. Л. 6.

¹⁸⁰ Приказ М. И. Кутузова М. И. Платову от 16 января 1813 г. // М. И. Кутузов. Т. 5. С. 133.

¹⁸¹ Предписание М. И. Кутузова М. И. Платову от 17 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 361.

дая выгоды продовольствия, сколько можно быть ближе к означенным местам на случай отступления графа Платова. Касательно до продовольствия я принужден нахожусь донести вашему сиятельству, что оно в самом худом состоянии, при всем старании прусского правительства, ибо все окружающие селения лишились средства продовольствия от фуражировки казаков¹⁸².

Таким образом, корпус Левиза пришлось остановить в Остервике, поскольку Платов не спешил покидать насиженные места. К Штейнгелю 18 января прибыл ротмистр Калл с сообщением Бюлова,

что его корпус, будучи около Кольберга расположен, занимает окружность от Рюгенвальде, Шлаве, Польнов, Бублиц, Бальденбург, Гаммерштейн, Ландек, Рацебург, Марк-Фридланд и все селения от сего места до Кольберга и просит, чтоб предписано было нашим войскам оные не занимать и что он намеревается собрать там свои войска в числе 19000, коих будет готовить к будущим движениям, в чем он и надеется успеть чрез 15 дней¹⁸³.

Штейнгель попросил Платова отправить вперед сильный отряд, чтобы вклиниться между корпусом Бюлова у Кольберга и 10-ти тысячными войсками Богарне в Познани, и прервать связь между ними. 19 января Штейнгель уведомил Платова, что корпус Левиза сменит посты Иловайского 3-го на левом фланге блокады Данцига. Платов сразу же отдал соответствующее распоряжение Иловайскому 3-му, повелев после смены войсками Левиза расположить казачьи полки от Путцига через Нойштадт, Лусино (*Lusino*), Визецин (*Wyszeczyn*), Поблоц (*Poblotz*), Милоезево (*Miloszewo*), Мирхау (*Mirchau*), Михукцин (*Miechuczyn*), Бароцин (*Borszystowa*), Штендзик (*Stendzyc*), Скорцевинг (*Skorzewen*) до Берента¹⁸⁴.

Сохранилось письмо Платова Витгенштейну, которое было начато 19 января, а закончено на следующий день. В результате описание двухдневных событий оказалось приурочено к одному дню. Приписки, сделанные 20 января, видны по публикации черновика этого письма¹⁸⁵. Возможно некоторый сумбур в изложении вызван тем, что 19 января,

¹⁸² Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 18 января 1813 г. // РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 45. Д. 2. Л. 92 и об. (Сообщено К. Б. Жучковым).

¹⁸³ Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 18 января 1813 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 97. (Сообщено К. Б. Жучковым).

¹⁸⁴ Письмо М. И. Платова Ф. Ф. Штейнгелю от 19 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 365–366; Приказ М. И. Платова А. В. Иловайскому 3-му от 19 января 1813 г. // Там же. С. 366.

¹⁸⁵ Письмо М. И. Платова П. Х. Витгенштейну от 19 января 1813 г. (черновик) // Дк_1812–1814. С. 367–368.

Платов получил с Дона сообщение о смерти жены¹⁸⁶. Платов начал письмо с рассказа о своих действиях после перехода Вислы 1 января и высказал недоумение, что Штейнгель не сообщал о них Витгенштейну. Затем атаман рассказал о расположении его полков и заметил с явной обидой:

Мне весьма чувствительно, что Ваше сиятельство в отношении делаете мне по сему предмету свое предложение. Неужели Вы помышляете, что я, находясь впереди, мог бы что-нибудь упустить из виду и не сделать следующего распоряжения.

В заключении он уведомил о вызове в Главную квартиру, и что после его отъезда казачий корпус поступит в подчинение Витгенштейну¹⁸⁷.

23 января Платов отрапортовал Кутузову: «На всех пунктах блокады под городом Данцигом имевшиеся от меня посты сменены от корпуса графа Витгенштейна, а полки команды моей занимают от моря при селении Гроссендорф по большой дороге чрез Нейштат, Штендзик, Берент до Кониц»¹⁸⁸. Атаман в очередной раз поспешил с рапортом, поскольку на двух постах — в Ненкау (*Nenkau*) и Питцендорфе (*Pitzkendorf*) — посты Иловайского 3-го еще не сменили. 23 января из крепости выступила колонна (800 солдат) и попыталась сбить казачий пост в Ненкау. Отражение атаки возглавил лично генерал-майор А. В. Иловайский 3-й: колонна была разбита, убиты более 500 человек; в плен взяты 1 полковник, 1 подполковник, 1 майор, 21 обер-офицер, 49 унтер-офицеров, 163 рядовых¹⁸⁹.

25 января Платов, уезжая из Бушкау в Главную квартиру в польский Плоцк, оставил 13 полков под командой Иловайского 3-го от Путцига (*Putzig*, на побережье) до Берента, для прикрытия блокады Данцига. Остальные 10 полков поступили в отряд Чернышева¹⁹⁰. Это были полки: Быхалова, Власова 3-го, Грекова 18-го, Жирова, бывший Иловайского 11-го, Сысоева 3-го, Гревцова 2-го, Денисова 7-го, Сулина 9-го и Комисарова¹⁹¹. Полки составляли три бригады: полковника В. А. Быхалова

¹⁸⁶ Письмо А. И. Чернышева А. А. Аракчееву от 19 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 365.

¹⁸⁷ Письмо М. И. Платова П. Х. Витгенштейну от 19 января 1813 г. (подлинник) // МВУА_1813. Т. 3. С. 102.

¹⁸⁸ Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 23 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 371.

¹⁸⁹ Письмо М. И. Платова П. Х. Витгенштейну от 24 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 375.

¹⁹⁰ Письмо М. И. Платова П. Х. Витгенштейну от 25 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 373.

¹⁹¹ «Расписание квартир и содержание постов корпуса генерала от кавалерии графа Платова казачьих полков» // МВУА_1813. Т. 3. С. 202. Состав отряда Чернышева изменился: атаман забрал у него полк Андриянова 2-го и дал полки Грекова 18-го, Гревцова 2-го, Сулина 9-го, Комисарова и Сысоева 3-го.

(два полка), полковника лейб-гвардии Казачьего полка И. Е. Ефремова (три полка), подполковника М. Г. Власова 3-го (пять полков)¹⁹².

Под командой Иловайского 3-го остались полки: его имени, Атаманский, Андриянова 2-го, Белгородцева, Грекова 1-го, Грекова 5-го, Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, Мельникова 4-го, Ребрикова 3-го, Харитонов 7-го, 1-й Башкирский, Симферопольский конно-татарский, рота донской артиллерии¹⁹³. Атаманский полк и донская артиллерия по приказу Платова были подчинены генерал-майору Иловайскому 5-му и расположены отдельно — в Шёнеке¹⁹⁴, где они были забыты до 11 марта¹⁹⁵. Витгенштейн начал распоряжаться полками корпуса Платова еще до затянувшегося отъезда атамана. 24 января он рапортовал Кутузову:

А как отношением ко мне генерал-адъютанта князя Волконского от сего января за № 84 уведомлен был я, что за отбытием генерала от кавалерии графа Платова к Главной армии, казаки его корпуса по повелению вашей светлости поступят ко мне под начальство, почему я и назначил им быть в Штаргарте, что в Пomerании, и Ландсберге, а разъезды их должны были быть до самого Одера¹⁹⁶.

Однако в Старгард (совр. *Stargard*) и Ландсберг казачий корпус так и не прибыл, вместо этого его расформировали. Несколько казачьих полков из корпуса Платова Витгенштейн назначил в блокадные войска под Данцигом: Грекова 1-го, Грекова 5-го, Харитонов 7-го, Иловайского 10-го и Симферопольский конно-татарский. Под непосредственной командой самого Иловайского 3-го остались два донских полка (его имени и Иловайского 5-го), волонтерный Яхонтова, 24-й егерский полки, эскадрон Ямбургского уланского полка, два орудия конно-артиллерийской роты № 1¹⁹⁷. Уже 26 января, т. е. на следующий день после отъезда

¹⁹² Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 17 января 1813 г. // Дк_1812–1814. С. 358; Предписание М. И. Платова А. И. Чернышеву от 17 января 1813 г. // Там же. С. 359–360.

¹⁹³ Расписание расположения корпуса генерала от кавалерии Платова и содержание постов казачьими полками // МВУА_1813. Т. 3. С. 203.

¹⁹⁴ Корпусы под начальством генерала от кавалерии графа Витгенштейна по рапорту 1 февраля 1813 г. // СИМ. Вып. 16. С. 111–120.

¹⁹⁵ Приказ П. Х. Витгенштейна командиру Атаманского полка от 11 марта 1813 г. // РГ-ВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3922. Л. 15 об; Рапорт Н. В. Иловайского 5-го П. Х. Витгенштейну от 12 марта 1813 г., Прейсиш-Штаргард // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3905. Л. 26; Рапорт от Н. В. Иловайского 5-го П. Х. Витгенштейну от 16 марта 1813 г., Кониц // Там же. Л. 27.

¹⁹⁶ Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 24 января 1813 г., Прейсиш-Штаргард // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 324-325об. (*Сообщено К. Б. Жучковым*).

¹⁹⁷ Квартирная ведомость расположения войск при блокаде крепости Данциг, которая остается до прибытия войск из-под Пиллау. 28 января 1813 г. // МВУА_1813. Т. 3.

Платова, Иловайский 3-й рапортовался больным и сдал командование подполковнику М. Г. Чернозубову 8-му¹⁹⁸. Где в это время находились все генералы и полковники Войска Донского, в войсках Витгенштейна их было несколько — уточнить не удалось...

Иловайский 3-й проболел недолго, вскоре он оказался под крепостью Штеттин во главе всего лишь двух донских полков (его имени и Кутейникова 6-го). Стать преемником Платова у него не получилось... Так завершилась история корпуса Платова, крупнейшего казачьего соединения в эпоху 1812 года. В сентябре 1813 г. атаман Платов вновь получит под команду отряд из шести полков, который только из уважения к его высокому чину называли корпусом.

Список литературы

- Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. СПб., 1860.
- Бутурлин Д. П.* История нашествия императора Наполеона на Россию, в 1812-м году. 2 изд. Ч. 2. СПб., 1838.
- Военная галерея 1812 года. 1812–1912. СПб., 1912.
- Война 1813 года: Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отд. 1. Т. 1–3. Пг., 1914–1917.
- Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Сб. док. Ростов-на-Дону, 2012.
- Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006.
- М. И. Кутузов. Сб. док. Т. 5. М., 1956.
- Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 17–21. СПб., 1911–1912.
- Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964.
- Сапожников А. И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.-Л.; 2012.
- Сапожников А. И.* «Экспедиция против Магдональда»: донские казачьи полки в армии Витгенштейна в декабре 1812 г. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2018. С. 49–96.
- Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 16. Пг., 1917.
- Труды Московского отделения Императорского Русского военно-исторического общества. Т. II. М., 1912.
- 1812–1814: [Реляции, письма, дневники]: Из Собр. Гос. ист. музея. М., 1992.
- Дехановецкий В. П.* История 18 драгунского Клястицкого ... полка. Варшава, 1886.
- Documents militaires du lieutenant-general de Campredon. Defense de Dantzig en 1813. Paris, 1888.
- Droysen J. G.* Das Leben des Feldmarschalls Grafen York von Wartenburg. Bd. 2. Berlin, 1852.

С. 165. Полка Чернозубова 8-го в этом расписании нет, поскольку на тот момент он числился в корпусе Берга.

¹⁹⁸ Рапорт А. И. Иловайского 3-го П. Х. Витгенштейну от 26 января 1813 г. // Там же. С. 159. Показательно, что он сдал командование донскому офицеру из корпуса Витгенштейна.

- Holzhausen P.* Die Deutschen in Russland. Leben und Leiden auf der Moskauer Heerfahrt. Berlin, 1912.
- Labauve E.* Histoire de la chute de l'empire de Napoléon. T. 1. Paris, 1820.
- Leggiere M.* Napoleon and Berlin: the Franco-Prussian war in north Germany, 1813. Norman, 2002.
- Osten-Saken und von Rhein O.* Militärisch-politische Geschichte der Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. 1–2. Berlin, 1903–1906.
- Priesdorff K.* Soldatisches Führertum. Bd. 3. Hamburg, 1938.
- Prittwitz K.* Beiträge zur Geschichte des Jahres 1813. Bd. 1. Potsdam, 1843.
- Reboul F.* Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1–2. Paris, 1910–1912.
- Rembowski A.* Sources documentaires concernant l'histoire du régiment des cheveu-légères de la Garde de Napoléon I. Varsovie, 1899. P. 253–255.
- Wilhelm von Baden.* Denkwürdigkeiten des Generals der Infanterie Markgrafen Wilhelm von Baden aus den Feldzügen von 1809 bis 1815. Bd. 1. Heidelberg, 1906.

Alexander SAPOZHNIKOV

Doctor of History, Head of Newspapers department, National Library of Russia
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: sapozhnikov@nlr.ru

The actions of the Don Cossack regiments in Old Prussia in 1812–1813. From Königsberg to Danzig

The article discusses the military operations of the Wittgenstein army in December 1812 – January 1813, starting with the entry of Russian troops into Königsberg and ending with the siege of the Danzig fortress.

Keywords: Russian army, Don cossacks, campaign in Russia in 1812, army of Wittgenstein, Corps of Macdonald, Campaign of 1813.

УДК 94 (47).073/081

ББК 63.3 (2) 51

Алексей Николаевич ГРЕБЕНКИН

доктор исторических наук, доцент,
сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации
(Орел, Россия)

E-mail: angrebyonkin@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МАЛОЛЕТНИХ ГОРЦЕВ В КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

Статья посвящена анализу процесса подготовки малолетних горцев в кадетских корпусах России в XIX в. и выявлению его сущностных черт. На основе анализа документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива рассмотрены общее и военное образование горцев, охарактеризована воспитательная политика. Особое внимание уделено религиозному воспитанию, которое осуществлялось весьма деликатно во избежание возникновения реакции отторжения. Автор приходит к выводу, что специфика процесса обучения и воспитания малолетних горцев была обусловлена не столько их социокультурными особенностями, сколько политикой России на Кавказе. Руководство готовило их не к военной карьере, а к административной и культурной деятельности в Кавказском регионе в качестве представителей имперской администрации и — одновременно — местной элиты. Это предопределило почти полное исключение из подготовок специально-военной составляющей и создание условий для того, чтобы воспитанники не перестали быть носителями национальной культуры и не утратили связь со своими родственниками на Кавказе.

Ключевые слова: Российская империя, военное образование, малолетние горцы, мусульмане, кадетские корпуса, Кавказ.

Первые малолетние горцы появились в стенах российских военно-учебных заведений в конце 1820-х гг. Они предназначались для пополнения офицерского состава сформированного годом ранее лейб-гвардии Кавказско-Горского взвода, давшего начало Собственному Его Императорского Величества конвою. Командующий Императорской Главной квартирой генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, от которого исходила инициатива организации военной подготовки кавказцев, требовал проводить ее в максимально деликатной форме, чтобы не вызвать реакции отторжения. При этом руководителям заведений и педагогам необходимо было принимать во внимание не только специфику социокультурного облика кавказцев, резко выделявшую их из кадетской среды, но и тот комплекс политических задач, с которым было сопряжено привлечение горцев в конвой Николая I. Конвойцы мыслились не столько как компо-

нент императорской охраны, сколько как новая, преданная российскому правительству и приобщенная к европейской культуре кавказская элита, которая должна была содействовать подчинению своих соплеменников царской администрации. Малолетние горцы зачислялись исключительно в петербургские кадетские корпуса «с той целью, дабы малолетние дворяне присоединенных к России земель получили воспитание под непосредственным Высочайшим надзором и чтобы они привыкали с юных лет к отечественным милостям Государя Императора и возвращались впоследствии на родину с чувствами благодарности и преданности Его Императорского Величества»¹.

Учреждение нового военно-учебного заведения, специально предназначенного для подготовки офицеров-горцев, было признано нецелесообразным. Во-первых, численность таких кадет была не настолько велика, чтобы ими можно было укомплектовать вновь открытый корпус или даже особое отделение в одном из корпусов. Во-вторых, кавказцы, выделенные в педагогических целях из основной массы кадет, все же не должны были быть полностью от нее изолированы. Введение в процесс подготовки горцев элементов инклюзивной системы образования было призвано облегчить процесс их адаптации к условиям жизни в кадетском корпусе, содействовать обучению русскому языку, знакомству с русской культурой и в целом ликвидации социокультурного барьера между ними и Российской империей. Кроме того, условия «инкубатора», как показал опыт воспитания «новой породы людей» в Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе в последней трети XVIII в., не позволяли воспитать энергичных, волевых, не боявшихся трудностей людей.

Первый шаг на пути к созданию системы военного образования и воспитания горцев был сделан в 1829 г., когда 17 воспитанников были зачислены в Дворянский полк, игравший в то время роль ускоренных курсов по подготовке офицеров. А. Х. Бенкендорф, понимая, что вольнолюбивым кавказцам будет непросто привыкнуть к жестким условиям «кадетского монастыря», а дикие нравы тогдашних воспитанников быстро превратят новичков в мишень для насмешек, издевок и побоев, постарался придать горцам особый статус. Он предписал не подвергать их принятым в Дворянском полку наказаниям (взыскания должен был накладывать курировавший горцев прапорщик Туганов, хорошо знакомый с их нравами), следить, чтобы прочие воспитанники не насмехались над горцами и, напротив, содействовать налаживанию между ними дружеских отношений. Кавказцы были освобождены даже от строевой подготовки — предполагалось, что рано или поздно они сами попросят

¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 433. Л. 6 об.

учить их «ружием и маршировке». Особое внимание уделялось религиозному воспитанию — горцам разрешалось умываться несколько раз в день, их посещал эфендий. Руководству заведения вменялось в обязанность не кормить их свининой и ветчиной, следить, чтобы прочие воспитанники не мешали кавказцам во время молитвы, а также «наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет их веры ничего худого не говорили и не советовали переменять оную»². Наконец, горцам, в большинстве своем происходившим из знатных и богатых фамилий, гарантировалось сохранение привычного образа жизни. Одежду кавказцев чистили служители, назначаемые из их собственных крепостных, им разрешалось надевать оружие (хотя прапорщику Туганову вменялось в обязанность постепенно отучить своих подопечных от этого обычая), иметь собственные постели, складывать возле них оружие и одежду, принимать гостей из числа своих соплеменников, курить трубки вне классов и даже ездить на лошадях. В классы горцы ходили вместе с прочими воспитанниками, но жили они в отдельных спальнях («каморах»). Главный директор Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-адъютант Н. И. Демидов полагал, что

появление в каморах людей в необыкновенной одежде, отправляющих молитвы, а тем более частые омовения свои совсем особенным образом, должно непременно породить в воспитывающихся любопытство и суждения; но кто поручится, чтоб <...> дворяне <...> не в состоянии будут воздержаться от насмешек³.

Кроме того, только в отдельных спальнях можно было принимать гостей, беседовать с эфендием, курить и пользоваться иными полагавшимися горцам привилегиями. В баню горцев решено было водить отдельно — большинство их уже прошло процедуру обрезания, и однокашники, обратив внимание на необычный вид половых органов кавказцев, могли задавать им бестактные вопросы, дразнить и насмехаться.

Но даже эти меры предосторожности оказались не в силах сделать процесс вхождения горцев в чуждую им социокультурную среду безболезненным. Они подавали рапорта об отчислении из Дворянского полка и возвращении в родительские дома. Со своей стороны, руководство заведения не проявило достаточной выдержки и не озаботилось принятием дополнительных педагогических и административных мер. Напротив, оно стало жаловаться на беспокойный характер горцев и просить об исключении их из числа воспитанников.

² РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

³ Там же. Л. 11 об. — 12.

Ситуация изменилась к лучшему благодаря личному вмешательству Николая I. Царь отметил, что дурное поведение горцев — это всего лишь проявление их нравственных недостатков⁴. После этого «горцы, оценив такое великодушие Государя Императора, просили о зачислении в военно-учебные заведения их детей и родственников, в результате чего было принято 40 малолетних горцев княжеских фамилий и определено в Дворянский полк, в Александровский, Павловский и 2-й кадетские корпуса»⁵. В течение одного лишь 1830 г. «прислано было в Санкт-Петербург 51 малолетних сыновей горских князей и узденей»⁶. Многие из них принадлежали к числу местной аристократии. Так, в 1833 г. из 6 кумыков, находившихся на воспитании во 2-м кадетском корпусе, 4 имели княжеские титулы. Хотя в лейб-гвардии Кавказско-Горский взвод неохотно зачисляли чеченцев, отличавшихся крайней недисциплинированностью, культуртрегерская миссия не позволяла закрывать перед ними двери кадетских корпусов. Поэтому во 2-м и Александровском кадетских корпусах обучалось по 1 чеченцу, а в Павловском их было 6. К началу 1850-х гг. среди учившихся в корпусах горцев оказалось немало представителей сословия фарсалаков — свободных людей незнатного происхождения, и руководство заведений признало необходимым закрыть фарсалакам доступ в корпуса.

Правила поведения, адресованные кадетам, распространялись на горцев с определенными изъятиями. Так, когда директор 2-го кадетского корпуса генерал-лейтенант А. И. Маркевич, которому до 1832 г. подчинялся Дворянский полк, спросил у А. Х. Бенкендорфа, как следует поступать с кавказскими воспитанниками при совершении ими проступков, то получил следующий ответ: «Подвергать тем же наказаниям, как и дворян, только телесных наказаний не делать»⁷.

Разумеется, особый статус горцев предполагал присвоение им специальной формы. Кавказцы, помещенные на воспитание во 2-й и Павловский кадетские корпуса, носили «платье национальное, построенное из темно-синего сукна»⁸. Парадная форма, носимая в отпуску, была светло-синего цвета. Согласно «Описи черкесскому парадному платью», ее элементами являлись:

⁴ Петин С. И. Собственный его императорского величества конвой: Ист. Очерк. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1899. С. 59.

⁵ Гадушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества конвой. М.: Рейттарь, 2004. С. 29.

⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 425. Л. 3 об.

⁷ РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 76. Л. 7 об., 9 об.

⁸ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2870. Л. 1 об.

1) шапка из белого сукна на вате, снизу с черной опушкой из мерлушки, выше коей обшито вокруг серебряным с позолотой широким позументом и накрест в восемь рядов таковым же узеньким позументом, сверху же обтянутая серебряными нитками шишечка; 2) чекмень из тонкого голубого сукна с рукавами по локоть, обшитый серебряным узким позументом по борту и по подолу в один ряд, а воротник в три ряда, на чекмене на груди патронники и карманы из черного бархату обшитые серебряным широким позументом, патроны карельской березы в оправе слоновой кости на серебряных шнурах, прикрепленные к серебряной бляшке; 3) шаровары синего сукна обшитые по боковым швам и с низу вокруг серебряным узким позументом; 4) пара наговиц, верхняя половина из синего, а нижняя из черного сукна, обшитые сверху, посредине и снизу серебряным узким позументом и на оных штрипки из красного сафьяну; 5) к оным наговицам из красного сафьяну подвязки, обшитые в три ряда серебряным узким позументом; 6) два бешмета из белого демикотону с длинными рукавами, все они на белой миткалевой подкладке; 7) пояс из красного сафьяну обшитый серебряным позументом в два ряда, с серебряными пряжками и пуговицами; 8) башмаки из красного сафьяну с черной поверху широкой оторочкой, обшитой вокруг серебряным позументом и золотыми шнурами, а также вдоль башмака по носку серебряным шнурком⁹.

В 1833 г. императрица Александра Федоровна распорядилась, чтобы горцам, воспитывавшимся в Александровском кадетском корпусе, была бы присвоена такая же форма, что и кавказцам, находившимся во 2-м и Павловском корпусах.

Малолетние горцы, находившиеся на воспитании в 1-м кадетском корпусе, носили черкески из темно-синего сукна с напатронниками, летние шаровары изготавливались из черного демикотона, зимние — из темно-синего сукна, шапка была красной, обшитой серебряным галунчиком, пояс — также красным. Любопытно, что дети крымских татар, обучавшиеся в 1-м корпусе, носили обычную кадетскую форму. В отпуск горцы ходили в своей обычной форме, дети крымских татар — в «кадетских мундирах с галуном на воротнике, в кивере и португее с тесаком»¹⁰. Парадная форма надевалась горцами лишь во время парадов, а также в дни царских и высокотожественных праздников. Судя по описанию, она была роскошной:

Черкеска с маленькими рукавами голубого сукна, обшитая серебряными галунчиками с напатронниками на груди, бешмет под оную надевается белого демикотону с длинными рукавами. Шаровары и наколенники синего сукна и с черными камашами <так! — А. Г.>, обшитыми серебряным галунчиком. Чимачи или башмаки красного сафьяна, вышитые золотом и серебром, наде-

⁹ Там же. Л. 10 и об.

¹⁰ Там же. Л. 5.

ваются, когда они верхами. Шапка белого сукна, обшитая галунчиком. Пояс красного сафьяна в серебряной оправе»¹¹.

Руководство следило за тем, чтобы внешний вид горцев был безупречным. Так, в январе 1835 г. великий князь Михаил Павлович во время посещения кадетских корпусов заметил, что «на горцах бешметы черного демикотона не имеют благовидной наружности»¹² (очевидно, они были сильно изношены), и повелел использовать в качестве повседневной одежды зеленое суконное национальное платье без галунов. С этой же целью в начале 1850-х гг. кожаные пояса с галунной обшивкой, быстро изнашивавшиеся и терявшие приличный вид, были заменены простыми ремнями.

В 1851 г. штабс-ротмистр Дударов, заведовавший горцами, обучавшимися в кадетских корпусах, обратил внимание на то, что ношение представителями разных кавказских племен национальных костюмов придает общему фронтовому строю нежелательную пестроту, и предложил ради однообразия присвоить воспитанникам общую форму. Цесаревич Александр Николаевич, который в то время возглавлял военно-учебное ведомство, распорядился одевать горцев с разрешения их родителей в обыкновенные кадетские мундиры. Однако кавказцы неохотно облачались в кадетские куртки, поэтому к полному упразднению национальных костюмов эта мера не привела.

Стремясь по возможности устранить барьеры в общении кавказцев с основной массой кадет, правительство долгое время выступало против их полного обрусения. Даже ненасильственная русификация делала невозможным выполнение окончившими корпуса горцами той политической и культурной миссии на Кавказе, к которой они главным образом и готовились. В ноябре 1833 г. Николай I обратил внимание на то, что «состоящие в кадетских корпусах малолетние горцы забывают природный их язык, единственно от того, что в продолжение времени воспитания их в сих заведениях не имеют с кем на языке своем разговаривать»¹³. Чтобы они не лишались бы тем самым средства общения с соплеменниками, император приказал главе военно-учебного ведомства великому князю Михаилу Павловичу решить совместно с министром иностранных дел К. В. Нессельроде вопрос о предоставлении горцам возможности общаться с носителями языка. Предполагалось, что чиновники Министерства иностранных дел будут еженедельно, в определенные часы, приходить в корпуса, чтобы разговаривать с воспитанниками. Поначалу эта обязанность была возложена на титулярного советника Чорбаджоглу, состоявшего

¹¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2870. Л. 5 об.

¹² РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2917. Л. 1.

¹³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2873. Л. 4.

го при учебном отделении восточных языков Министерства иностранных дел. Ему было назначено пособие на разъезды в размере 60 р. в месяц. Однако в феврале 1834 г. Чорбаджоглу, явившийся к Главному директору Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-адъютанту И. О. Сухозанету для получения дальнейших указаний, объявил ему, что он владеет турецким языком, но не знает ни одного горского наречия. Поэтому для ведения разговоров с кавказцами А. Х. Бенкендорфом был назначен штабс-ротмистр лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона М. Таганов «с производством ему для разъездов по 60 р. в месяц из сумм военно-учебных заведений»¹⁴.

В этих же целях руководство следило за тем, чтобы малолетние горцы, находившиеся на воспитании в корпусах, не утрачивали связь со своими семьями. В марте 1837 г. поручик Закавказского Конно-Мусульманского полка Ирза-Бек попросил узнать, жив ли его сын Мамад Мама Ирза Бек оглы, поступивший в 1-й кадетский корпус в декабре 1835 г. и с тех пор приславший ему всего одно письмо. Директор корпуса П. П. Годеин, получив уведомление об этом, приказал Мамаду Бек-оглы немедленно написать письмо отцу. Кадет, со своей стороны, уверял, что он неоднократно писал отцу на Кавказ. В январе 1843 г. командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерал-майор Ф. К. Клугенау запросил сведения о сыне прапорщика Умалат Бека Кум-Таркалинского Мирзе, поступившем в 1-й кадетский корпус еще в марте 1841 г. и с тех пор ни разу не писавшем домой. По приказанию П. П. Годеина Мирза Умалат Бек, находившийся в добром здравии, написал родителям письмо, которое было послано генерал-майору Клугенау. С 1850 г. контроль за тем, пишут ли горцы письма домой, осуществлялся на постоянной основе.

В Дворянском полку и кадетских корпусах горцы, как и прочие воспитанники, поначалу обучались «русскому языку, арифметике и другим наукам»¹⁵. Впоследствии их учебная подготовка стала осуществляться на основе особых правил. Обучение в кадетских корпусах России во 2-й четверти XIX в. предполагало прохождение приготовительного, общего и специального курсов. В специальные классы, где преподавались военные науки: тактика, артиллерия, фортификация, — горцы, за редким исключением, не переводились. Поскольку некоторые общеобразовательные дисциплины продолжали изучаться и в специальных классах, программа обучения горцев столь важному для воспитания предмету,

¹⁴ Там же. Л. 13 об.

¹⁵ Ключков Д. А. На охране российской государственности. К 80-летию создания Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М.: Фонд «Русские витязи»; СПб., ИПК «Гангут», 2016. С. 89.

как русская история, была скорректирована таким образом, чтобы они завершали ее полный курс в общих классах¹⁶.

Непредоставление горцам права получения специально-военного образования было обусловлено как объективными причинами, так и сугубо политическими соображениями. Поначалу ключевую роль играли причины объективного свойства: ввиду крайне слабой начальной подготовки учеба давалась большинству горцев нелегко. Руководство относилось к ним более снисходительно, чем к основной массе воспитанников, однако допускало возможность исключения малоспособных кавказцев, не подававших надежды к исправлению. Например, в сентябре 1840 г. из 1-го кадетского корпуса был исключен 16-летний горец Исмаил Анзоров, который за 5 лет пребывания в заведении дошел лишь до второго пригготовительного класса. При этом по немецкому языку и рисованию он имел 0 баллов по 12-балльной шкале, по французскому языку — 3 балла, по естественной истории — 4, по арифметике — 5, а средний балл составлял 4,25. В выданном Анзорову свидетельстве первоначально указывалось, что он исключается «по тупости понятий и лености в науках»¹⁷, однако затем эта фраза была вычеркнута.

В мае 1839 г. великий князь Михаил Павлович направил военному министру А. И. Чернышеву рескрипт, в котором отмечал, что горцы первых наборов не переводились в специальные классы либо из-за ограниченности своих способностей, либо из-за достижения 18-летнего возраста к моменту окончания общего курса — чересчур возмужалых воспитанников неохотно оставляли в заведении, опасаясь их дурного влияния на младших кадет. Однако к концу 1830-х гг. ситуация, по мнению великого князя, изменилась: горцы, поступив в кадетские корпуса в раннем возрасте,

подают надежду к успешному развитию умственных их способностей и некоторые, окончивая науки в общем курсе, должны поступить в курс специальный; ибо, по молодости, на основании постановлений, выпущены из заведения быть еще не могут¹⁸.

Глава военно-учебного ведомства в рескрипте предлагал два варианта выстраивания траектории обучения кавказцев. Первый, основной вариант исходил из того, что пребывание малолетних горцев в корпусах преследует цель «смягчив их нравы, обращать на родину преданны-

¹⁶ Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 16 июня 1853 г. № 1754. П. 6.

¹⁷ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5460. Л. 29 об.

¹⁸ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 503. Л. 1.

ми Правительству»¹⁹, и не сопряжено с задачами военной подготовки. В этом случае кавказцев следовало, не переводя их в специальные классы, выпускать в офицеры даже в том случае, если они еще не достигли 18-летнего возраста. Второй вариант представлял собой исключение из общего правила и предполагал оставление наиболее развитых и отлично учившихся горцев в корпусах для прохождения специального курса. Великий князь советовал не возвращать таких выпускников на Кавказ, а оставлять их на службе во внутренних областях Российской империи либо на западной границе,

ибо трудно поручиться, чтобы из всех этих юношей, которым прилежно ввухают в доме воспитания чувство глубочайшей признательности к милостивым попечениям государя императора, ни один, находясь потом в кругу своих соотчичей, не был бы совращен ими с пути благодарности и в таком случае не употребил бы приобретенных им познаний во вред самой России²⁰.

Николай I, ознакомившись с рескриптом, одобрил план своего младшего брата. Тем самым горцы были фактически лишены права на перевод в специальные классы. Кроме того, секретным отношением военного министра к великому князю Михаилу Павловичу от 28 мая 1839 г. № 26 было запрещено воспитанников военно-учебных заведений из горцев выпускать на службу в артиллерийские части, расположенные на Кавказе. Таким образом, если горцы первых наборов не попадали в старшие классы из-за слабых учебных успехов, то отстранение кавказцев от специальной военной подготовки в более позднее время имело политическую подоплеку — горцы не должны были стать чересчур искусственными в военном деле, чтобы осмелиться бросить вызов русскому правительству.

Любопытно, что руководство военно-учебных заведений долгое время допускало возможность производства в офицеры горцев, выпущенных из кадетских корпусов по болезни задолго до окончания полного курса наук, рассматривая это как легкое средство склонить на свою сторону кавказцев. В 1838 г. штабс-капитан Конно-Мусульманского полка М. Риза-Бек обратился к начальнику штаба великого князя Михаила Павловича по управлению военно-учебными заведениями полковнику Я. И. Ростовцеву с просьбой произвести в офицеры его сына, бывшего воспитанника 1-го кадетского корпуса Мамат Риза-Бека, признанного неспособным по состоянию здоровья продолжать учение и отправленного на Кавказ. Инспектор классов корпуса коллежский советник А. Я. Кушакевич сообщил, что кадет М. Риза-Бек был исключен из 1-го

¹⁹ Там же. Л. 1 об.

²⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 503. Л. 1 об. — 2.

класса общего курса, в котором систематическое изучение наук только начиналось, и к тому же отличался исключительно слабыми учебными успехами по всем преподаваемым дисциплинам, кроме Закона Божьего (Закон Божий — 11 баллов, французский язык — 1 балл, немецкий — 1, русский — 3, география — 2,5, древняя история — 3, арифметика — 0,5, геометрия — 1, рисование — 2, чистописание — 5, средний балл — 3). Поэтому, по мнению инспектора, М. Риза-Бек не мог быть удостоен офицерского чина; кроме того, необоснованное производство этого воспитанника могло

иметь вредное влияние на успехи и даже поведение всех горцев, которые при всех усилиях начальства сделаются равнодушными, тем более что все они вообще <...> имеют весьма малую охоту к наукам²¹.

Кушакевич полагал, что горцам трудно достичь не только 2-го артиллерийского класса, но и 2-го армейского (в то время артиллерийские специальные классы давали углубленную математическую подготовку — А. Г.), однако их вполне можно довести до 3-го или даже 4-го классов общего курса, откуда выпускать с офицерским званием. Прочие же воспитанники могли покидать корпус лишь юнкерами.

В пользу того, что правительство не желало давать возможность способным горцам получить полноценную военную подготовку, свидетельствует следующий случай. В 1839 г. воспитанник 2-го кадетского корпуса Арслан Мирза Дударов Инусов, не произведенный в офицеры после окончания общего курса из-за малолетства, удостоился перевода в 1-й артиллерийский класс, который успешно окончил в следующем году. При этом прекрасно учившийся Дударов Инусов с нравственной стороны зарекомендовал себя далеко не лучшим образом: в документах отмечалось, что он имел «характер предприимчивый, дерзкий, настойчивый, хитрый и даже, можно сказать, злой»²². Эта характеристика не позволила ему перейти во 2-й артиллерийский класс. Выпуск из корпуса до завершения специального курса не давал Дударову права на зачисление в артиллерийскую часть, а на Кавказ его, как уже имевшего определенные познания в военных науках, начальство отправлять опасалось. Великий князь Михаил Павлович представил Дударова к назначению в один из полков, расквартированных на западной границе России. В то же время командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Е. А. Головин ходатайствовал о прикомандировании его к Волгскому полку Кавказского линейного казачьего войска. Николай I, со своей стороны, все же считал возможным выпустить сообрази-

²¹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5460. Л. 51.

²² РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 513. Л. 4 об.

тельного и развитого горца в артиллерию. Заслушав доклад великого князя об умственных способностях и характере Дударова, он повелел «при удостоении его к производству в офицеры назначить в артиллерию 2-го пехотного корпуса»²³. В феврале 1841 г. Дударов был произведен в прапорщики с назначением в 5-ю артиллерийскую бригаду. Таким образом, он получил назначением сообразно полученному образованию, хотя и не на Кавказ, куда стремился всей душой. По-видимому, он сумел заручиться поддержкой руководства Отдельного Кавказского корпуса: в составленном тогда же, в феврале 1841 г., списке горцев, удостоенных к производству в офицеры с назначением на службу в кавказские линейные казачьи войска, мы видим фамилию Инусова. Он предназначался к переводу в Волгское войско (на самом деле в Волгский полк). После выпуска Дударов не оставлял надежд проходить службу на Кавказе. В январе 1842 г. молодой прапорщик стал хлопотать о переводе в артиллерию Отдельного Кавказского корпуса, ссылаясь на то, что, проживая вдали от родных мест, он лишен возможности помогать жившим в бедности престарелым больным родителям и малолетним братьям и сестрам. Просьбу Дударова поддержали начальник артиллерии корпуса генерал-лейтенант Н. Ф. Козлянинов и командир корпуса генерал от инфантерии Головин, однако великий князь Михаил Павлович, являвшийся не только начальником военно-учебных заведений, но и генерал-фельдцейхмейстером, отклонил представление. В июле 1845 г. Дударов, по-прежнему находившийся в чине прапорщика, написал письмо начальнику штаба военно-учебных заведений генерал-майору Я. И. Ростовцеву с просьбой исходатайствовать перевод в Кавказскую гренадерскую артиллерийскую бригаду. Однако Ростовцев ответил, что перевод бывшего кадета от штаба не зависит и что Дударову надлежит подать рапорт по команде.

В дальнейшем руководство военно-учебных заведений придерживалось аналогичной позиции. Она находила поддержку и в войсках. В 1844 г. полевой провиантский комиссионер губернский секретарь Тарутин направил на высочайшее имя составленную им записку о плане военных действий для покорения Кавказа, в которой отмечал:

В учебных наших заведениях образуются многие из кавказских пород; образование ума не всегда бывает образованием сердца, влечение которого всегда родина, любовь к ней никогда не изглаживается. Азиатский ум бывает пламенен и хитер; одна нега его усыпляет. Со временем из этих ученых беглецов может найтись такой, который заразясь славой, высшим назначением человека, найдет себе подобных подручных, сольет все породы Кавказа в одну, устроит заводы и фабрики и учредит правильное управление. Кавказ

²³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 513. Л. 5 и об.

всем изобилует по царству ископаемому: есть сера, селитра, медь, свинец, железо, чугун, серебро и золото. Недостает ученых мастеров; но для этого найдутся удалые беглецы, и если руки природных жителей неспособны к работе, то они употребят на то пленных²⁴.

Николай I согласился с Тарутиным, отметив:

Мысль эта не без основания, и надо строго обращать внимание на нравственные качества горских воспитанников, производя тех только, которые с сей стороны благонадежны²⁵.

Долгое время воспитанники, принявшие христианство, также не переводились в специальные классы и выпускались в офицеры по окончании общего курса. Лишь в 1856 г. по распоряжению Александра II горцам-христианам было разрешено оканчивать полный курс кадетских корпусов, получая, таким образом, специальное военное образование.

В условиях господства авторитарно-репрессивной педагогической системы кадеты-кавказцы пользовались значительными послаблениями, о которых их товарищи не могли даже мечтать. Д. А. Клочков отмечал, что «малолетним горцам предоставили исключительное положение по сравнению с остальными кадетами, их окружали вниманием педагогов»²⁶. Любопытно, что на горцев достаточно рано были распространены некоторые правила, касавшиеся учебных наград. Эта мера, как и производство в офицеры вне правил, должна была возбудить в них любовь к благодетельному начальству. В 1837 г. директор 2-го кадетского корпуса генерал-майор Ф. Я. Миркович в докладе принцу П. Г. Ольденбургскому, исправлявшему должность Главного начальника Пажеского, всех кадетских корпусов и Дворянского полка, отмечал, что «вверенного ему корпуса некоторые воспитанники из горцев заслуживают поощрение по весьма хорошему поведению и успехам в науках»²⁷. Горцам было даровано право получать ефрейторские, унтер-офицерские и даже фельдфебельские звания. На погоны этих «чиновных» кадет нашивались введенные в 1831 г. галунные нашивки. Кавказцы, добровольно отказавшиеся от производства в офицеры и оставшиеся в корпусе еще на год «для усовершенствования в науках», получили право ношения на левом рукаве золотой галунной нашивки.

²⁴ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5557. Л. 1 и об.

²⁵ Там же. Л. 1 об. – 2.

²⁶ *Клочков Д. А.* «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества конвой. 1829–1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб.: ООО ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 22.

²⁷ РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 1253. Л. 1.

В 1851 г., согласно рапорту заведовавшего горцами штабс-ротмистра Дударова, горцы, зачисленные в корпуса в малолетнем возрасте, учились довольно успешно и при строгом надзоре за их прилежанием могли оканчивать курс наравне с воспитанниками-христианами. Дурно учились лишь те, которые оказались на школьной скамье уже возмужалыми и с трудом адаптировались к порядкам заведения. В Дворянском полку такие горцы составляли особый класс. Они плохо знали русский язык, не понимали учителей и покидали заведение почти необразованными. Дударов предлагал зачислять в кадеты кавказцев не старше 10 лет, чтобы дать им возможность с раннего возраста привыкнуть к учебе, а в Дворянский полк принимать лишь после предварительного пребывания в губернских кадетских корпусах. Кроме того, штабс-ротмистр полагал, что горцев, не дошедших до 4-го класса, следует выпускать юнкерами или отсылать на родину. Впоследствии глава военно-учебного ведомства одобрил эту меру. Что касается фронтовой службы, то в ней, по мнению Дударова, кавказцы «оказали <...> столь значительные успехи, что могут быть употребляемы везде наравне с воспитанниками из христиан»²⁸.

Военная подготовка горцев, которые должны были со временем стать образцовыми кавалеристами, также отличалась спецификой. На время лагерных сборов они сводились в «особый взвод в 12 рядов при двух офицерах и двух юнкерах от Горского полуэскадрона Конвоя Его Величества»²⁹. Этот взвод мог участвовать в маневрах «вместе с л.-гв. Кавказско-Горским полуэскадром под командой его юнкеров и офицеров»³⁰. Такой порядок сохранялся вплоть до 1861 г., когда число кадет-горцев, могущих ездить на лошадях, сократилось до 16 человек. Поскольку из них нельзя было составить полноценный взвод с унтер-офицерами, Александр II распорядился «взвода малолетних горцев при отряде военно-учебных заведений более не составлять»³¹.

Главное место в воспитании горцев отводилось религии. В 1834 г. Главный начальник Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великий князь Михаил Павлович отметил, что

в <...> военно-учебных заведениях не вполне еще обращено должное внимание на обучение воспитанников из магометан правилам их исповедания и на соблюдение ими обрядов, постановленных Алкораном³².

²⁸ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2477. Л. 3–3 об.

²⁹ *Галушкин Н. В.* Указ. соч. С. 31.

³⁰ *Клочков Д. А.* Конные эскортные части и подразделения России. М.: Фонд «Русские Витязи», 2014. С. 41.

³¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 1981. Л. 1.

³² Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка от 13 декабря 1834 г. № 26. П. 5.

С 1835 г. в кадетских корпусах началось регулярное отправление мусульманского богослужения и преподавание Закона Божьего по плану, разработанному муллами Сулеймановым и Хантемировым. Чтобы горцы имели возможность участвовать в религиозных церемониях совместно со своими единоверцами, руководство охотно предоставляло им отпуска. Так, 8 января 1835 г. по просьбе мулл Михаил Павлович «повелеть изволил всех магометан, в военно-учебных заведениях находящихся, уволить с 8 января на три дня для богослужения»³³. Такой же трехдневный отпуск был предоставлен воспитанникам-мусульманам 16 марта 1836 г. по случаю праздника Курбан-байрам. Совместные богослужения обычно проходили в арендованных комнатах в доме купца Косиковского у Полицейского моста. В ноябре того же года по случаю наступления поста Рамазан-байрам горцам отвели особые покои, чтобы они могли беспрепятственно молиться и делать омовения в положенное время. Кроме того, было повелено «иметь для стола их говядину от заклания рукой магометанина»³⁴. Аналогичные распоряжения были отданы и в следующем году. В 1838 г. по ходатайству мулл воспитанники-горцы, отпущенные на празднование Курбан-байрама, в первый день были привезены в дилижансах в Павловский кадетский корпус для слушания богослужения, а второй и третий дни провели в своих помещениях и питались за общим столом. В 1846 г. к ставшим традиционными приказаниям о мероприятиях, приуроченных к празднованию Курбан-Байрама, было прибавлено следующее:

Как законом Магомета воспрещается в посту есть и пить что-либо днем, то воспитанникам сего закона отпускать обед не ранее 7 часов вечера, а завтрак, если кто пожелает, не позже 2 часов 30 минут утра³⁵.

В сентябре 1846 г. по просьбе магометанского учителя военно-учебных заведений муллы Рахманкулова кадеты-горцы старше 15 лет были отпущены на соборную молитву, проходившую в доме купца Тычинкина на Литейной улице. В 1847 г. Рамазан пришелся на лагерное время, поэтому особый покой для проведения всех положенных обрядов был отведен в Английском дворце в Петергофе. Такой же порядок был принят и в 1851 г.

Какой-либо общей программы преподавания Закона Божьего кадетам-мусульманам не было. В начале 1860-х гг. в 1-м кадетском корпусе изучению этого предмета посвящалась одна лекция в неделю. Программа, разработанная муллой, выглядела следующим образом:

³³ РГВИА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 10249. Л. 1 об.

³⁴ РГВИА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 10249. Л. 4.

³⁵ РГВИА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 7345. Л. 3а.

а) первые понятия о Боге и об обрядах веры, а в особенности о пятидневных молитвах (намаз), предписываемых законом к неперемennomу исполнению;

б) о совершенстве и свойствах Божества невидимого, но понимаемого и чувствуемого в величии видимого творения и в явлениях правды и истины;

в) о догматах веры, заповедях Божиих и о символе веры Катехизис;

г) о веровании всему тому, что передано людям от пророка Мухаммеда;

д) о веровании в пророков и ангелов и всему, что чрез них ниспосылается от Бога;

е) познания о всех пророках, их жизни и чудесах;

ж) о разделении веры на секты и заблуждении сектаторов отклонением их от истинной веры;

з) о шерияте, т. е. о законе, изложенном в стихах Корана, по которому мусульмане должны поступать во всех делах своих, и о наказаниях за отступления и нарушения установленных в законе правил;

и) о 30-дневном посте, именуемом Рамазаном, установленном в память призвания Богом Мухаммеда к пророчеству, о его значении и важности, а также о совершаемых во время поста обрядах и молитвословиях. О празднике Курбан, установленном в воспоминание принесения Ибрагимом в жертву Богу сына своего Исхака;

й) богословие³⁶.

Кроме того, использовались и иные средства религиозного воспитания кавказцев. По отзыву муллы Хантемирова,

правительство, заботясь о воспитании юных горцев, дабы тем показать диким племенам Кавказа превосходство образования и порядка пред невежеством и своеволием, гибельным для них самих, не оставляет притом без внимания и самомаleastших обстоятельств в жизни, действующих на душу и чувства в моральном отношении³⁷.

Так, на похоронах кадет-горцев присутствовали их родственники, служившие в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне, что подчеркивало тесную связь воспитанников с царской охраной и самим императором.

Деятельное участие в религиозном воспитании горцев в первой половине 1840-х гг. принимал эфендий лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Алиев, который не только внушал им, что правительство велит неусыпно следить за ними и наказывать как можно строже за малейшие провинности, но и позволял себе критиковать методы преподавания, используемые муллой Хантемировым, и даже подстрекать воспитанников 1-го и Павловского кадетских корпусов и Дворянского полка жаловаться на муллу своему начальству. В 1845 г. это привело

³⁶ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 6195. Л. 3 об., 5.

³⁷ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2350. Л. 1 об.

к серьезному конфликту между Хантемировым и Алиевым. Руководство военно-учебных заведений, примирив их, приказало им вместе посещать горцев, чтобы не подавать повода к новым взаимным обвинениям, а контроль за ходом преподавания Закона Божьего и религиозного воспитания горцев был возложен на четырех юнкеров лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона (так называемых старшин). Дальнейшее расследование показало, что главным виновником ссоры был Алиев, однако Хантемиров действительно мало занимался с горцами, познания которых были весьма скудны. Поэтому великий князь Михаил Павлович предложил отстранить Хантемирова и Алиева от воспитания горцев и возложить обязанности законоучителя на муллу и старшего ахуна Рахманкулова, состоявшего при Гвардейском корпусе. В феврале 1846 г. Рахманкулов приступил к исполнению своих новых обязанностей преподавателя магометанского законоучения в Пажеском корпусе, 1-м, 2-м, Павловском и Александровском кадетских корпусах и Дворянском полку, а командующий лейб-гвардии Кавказско-Горским полуэскадром штабс-ротмистр Куденетов выбрал четырех старшин, которым было приказано посещать корпуса каждые 2 недели «для разговоров с малолетними и личного удостоверения в том, как обучают исповедуемому ими закону»³⁸.

Однако институт старшин просуществовал всего несколько месяцев. После его учреждения упоминавшиеся выше поездки офицеров полуэскадрона в корпуса для разговоров с воспитанниками, производившиеся с 1834 г., были прекращены, и старшины возбудили ходатайство о перечислении им полагавшихся этим офицерам разъездных денег. Стесненное в средствах руководство военно-учебных заведений решило избавиться от лишних расходов, сославшись на то, что обязательное посещение корпусов муллой и частые приезды родственников горцев не позволят им забыть свой родной язык. Кроме того, управляющий делами Императорской Главной квартиры и Собственного Его Императорского Величества конвоя генерал-майор А. Ф. Львов признал возложение на старшин контроля за ходом религиозного воспитания кадет бесполезным, полагая, что с введением систематического преподавания Закона Божьего «корпусным начальством приняты все меры для основательного обучения малолетних исповедуемой ими религии»³⁹. Поэтому в июле 1846 г. назначение в корпуса старшин было отменено, а чинам полуэскадрона предоставили возможность «посещать своих единозем-

³⁸ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2350. Л. 23 об.

³⁹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 3291. Л. 4 об.

цев, когда они сами того пожелают, без всякой со стороны заведений за то платы»⁴⁰.

Однако принятые меры религиозной подготовки, несмотря на свою кажущуюся солидность, оказались недостаточными. В 1851 г. заведовавший горцами-кадетами штабс-ротмистр Дударов отметил в своем рапорте начальнику штаба военно-учебных заведений генерал-лейтенанту Я. И. Ростовцеву, что религиозное воспитание кавказцев находилось в упадке. Большая часть занятий употреблялась на изучение арабской азбуки, поэтому горцы выходили из корпусов, не имея почти никаких представлений об исламе. Дударов отмечал, что он занимался составлением мусульманского катехизиса на русском языке, чтобы дать воспитанникам средство усвоить основы своей религии. Кроме того, он полагал вредным посылать малолетних горцев в помещения лейб-гвардии Кавказско-Горского полускадрона и другие подобные места, где они общались с престономародьем и не столько молились, сколько развлекались. Вместо этого штабс-ротмистр предлагал устроить в одном из корпусов особую комнату для проведения мусульманского богослужения и приглашать для этого муллу, который получал бы вознаграждение из средств, полагавшихся ему, Дударову. Кроме того, по его мнению, в хутбе (пятничной проповеди) имена султанов и халифов должны были быть заменены именами императора Николая I и цесаревича Александра Николаевича. Наконец, Дударов предложил освобождать горцев от занятий только в «одни праздники русские и в первостепенные магометанские, и именно: все пятницы, пост Рамазан и Курбан»⁴¹. Все эти предложения впоследствии были утверждены Главным начальником военно-учебных заведений цесаревичем Александром Николаевичем. В том же рапорте Дударов спрашивал у Ростовцева, как быть с горцами-христианами, выдававшими себя за мусульман, и Ростовцев приказал запретить им исполнять мусульманские обряды. Со своей стороны, цесаревич отметил, что «нельзя Дударову учить двум религиям»⁴², и велел назначить для воспитания мусульман, обучавшихся в кадетских корпусах, представителей как суннитского, так и шиитского духовенства.

В том же 1851 г. было принято правило, что обучавшиеся в корпусах мусульмане-шииты должны освобождаться от занятий для празднования Новруза (праздника Нового года), а воспитанники обоих направлений ислама — на время Рамадана и следующего за ним трехдневного праздника Ураза-байрам⁴³. В 1852 г., по инициативе мусульманских законоу-

⁴⁰ Там же. Л. 9 и об.

⁴¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2477. Л. 7 об.

⁴² Там же. Л. 14.

⁴³ Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 17 мая 1851 г. № 1328. П. 5.

чителей, получившей одобрение кавказских муфтия и муджтахиды, было отменено освобождение воспитанников-мусульман по пятницам от занятий как вредившее их учебным успехам и приучавшее к праздности⁴⁴. Цесаревич Александр Николаевич, также поддержавший это ходатайство, отмечал в своем письме заместителю кавказскому генерал-адъютанту князю М. С. Воронцову, что

через упущение учащимися одной лекции в неделю нить науки для них беспрестанно пресекается и им становится крайне затруднительным продолжать курс наравне с другими воспитанниками, отчего они мало делают успехов в науках и сидят по несколько лет в одном классе⁴⁵.

Обращение горцев в христианство осуществлялось с исключительной осмотрительностью: так, в 1855 г. кадет 1-го кадетского корпуса Чермоев был допущен к крещению лишь после его неоднократных просьб в течение года. Кроме того, Чермоев должен был получить разрешение родителей на перемену веры, однако, поскольку они не отвечали на письма сына, ему пришлось ждать достижения 16-летнего возраста. Крещеные кавказцы по своему статусу уже ничем не отличались от прочих кадет: они не подчинялись главному воспитателю горцев ротмистру Дударову (он был человеком образованным, деятельным и храбрым, однако имел репутацию мусульманина-фанатика) и носили вместо национальных костюмов обычные кадетские куртки.

Вместе с тем необходимо отметить, что пищевые ограничения, принятые в православии, распространялись на горцев так же, как и на иностранных кадет. Так, в первую и последнюю недели Великого поста, а также по средам и пятницам во все продолжение этого поста горцы имели постный стол наравне с прочими воспитанниками.

Постепенно число горцев, помещаемых в кадетские корпуса на предназначенные для них вакансии, уменьшалось. Н. А. Крылов, поступивший в 1-й кадетский корпус в 1841 г., писал в своих воспоминаниях, что кавказцев среди его товарищей было «человек двадцать». С. П. Зыков, учившийся в корпусе в то же время, полагал, что число горцев не превышало 10 человек. Поскольку в 1840-х гг. количество кандидатов на поступление в кадетские корпуса резко возросло, в 1847 г. великий князь Михаил Павлович предложил помещать «горцев и детей Кавказского и Закавказского края» не только в столичные, но и в московские, а также в провинциальные кадетские корпуса. Николай I согласился с этим мнением лишь частично, повелев «детей горцев Кавказского и Закавказско-

⁴⁴ Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 11 апреля 1852 г. № 1499. П. 2.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2535. Л. 4.

го края определять только в кадетские корпуса здешние и московские»⁴⁶. Позиция императора, очевидно, была обусловлена тем, что в столицах за горцами было легче присматривать. Кроме того, в провинции не было мулл и, соответственно, возможности организации религиозного воспитания мусульман.

По мере затухания Кавказской войны помещение горцев в кадетские корпуса утрачивало актуальность. На этом фоне сопряженные с ним издержки стали выглядеть более рельефно, нежели прежде. В мае 1853 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказский генерал-адъютант князь М. С. Воронцов направил Главному начальнику военно-учебных заведений великому князю Александру Николаевичу письмо, в котором охарактеризовал неудобства, связанные с пребыванием кавказцев в военно-учебных заведениях. По его мнению, резкая перемена обстановки и климата губительно воздействовали на психику и физическое здоровье малолетних горцев. Их родители, за весьма редкими исключениями, также не стремились отправлять своих сыновей на воспитание в Петербург. В целом нахождение в корпусах приносило горцам более вреда, нежели пользы: они

большую частью, тяготясь своим положением и теряя охоту к учению <...> отдаляются от русских до того, что даже свободно объясняться на языке нашем не могут. Таким образом, одни из них остаются почти в первобытном состоянии, воздерживаясь несколько от врожденных наклонностей к лени и своеволию, уверенностью, что по достижении совершеннолетнего возраста их выпустят из корпуса офицерами, другие, менее благоразумные, не заботясь даже о сохранении этого преимущества, предаются привычкам дикой жизни вполне, чтобы получить скорее свободу и воротиться на родину⁴⁷.

После выпуска на службу они не становились частью русского офицерского корпуса, а держались особняком и по-прежнему тосковали о вольной жизни. Воронцов полагал, что такие привилегии, как ношение национального платья и возможность верховой езды, поддерживали в горцах во все время их пребывания в кадетских корпусах память о Кавказе и мешали их слиянию с кадетской массой. Исходя из этих соображений, кавказский наместник полагал ограничить число горцев, помещаемых в столичные военно-учебные заведения, и расширить способы получения ими образования непосредственно на Кавказе. Великий князь Александр Николаевич согласился с мнением Воронцова (возражение цесаревича вызвало лишь утверждение, что горцы не учиваются русскому языку) и присовокупил, что «военное воспитание

⁴⁶ Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 25 апреля 1847 г. № 850. П. 8.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 740. Л. 3 об. – 4.

для горцев не совсем удобно в политических видах и более вредно, чем полезно»⁴⁸. Итогом стало сокращение числа обучавшихся в Петербурге кавказцев на треть и предоставление им вакансий в Ставропольской и Екатеринодарской гимназиях.

Таким образом, особенности обучения и воспитания малолетних горцев в кадетских корпусах Российской империи были обусловлены как социокультурной спецификой представителей различных кавказских народностей, так и политикой России на Кавказе. Низкий уровень начальной подготовки и возмужалость большинства абитуриентов первых наборов делали невозможным оставление их в специальных классах корпусов, где преподавались военные дисциплины, заставляли пересматривать программы общеобразовательных предметов с тем, чтобы их изучение укладывалось в рамки общего курса. Впоследствии, в конце 1830-х гг., допуск горцев в специальные классы был фактически запрещен ввиду нежелания правительства давать им полноценную военную подготовку. В то же время желание возбудить в горах и их семьях любовь к России и ее императору побуждали щедро раздавать учебные награды и даже производить в офицеры воспитанников, не окончивших курса. Воспитание велось таким образом, чтобы, адаптируя горцев к жизни в России, не дать им утратить связь с Кавказом. Многочисленные льготы и привилегии, сохранение национального платья, напоминание о необходимости поддерживать переписку с родителями, забота о том, чтобы горцы не забывали свой родной язык — все это не только формировало чувство признательности к русскому правительству, но и позволяло воспитанникам оставаться представителями кавказской элиты.

Особое внимание уделялось религиозному воспитанию, которое, несмотря на все изъяны своей организации, все же позволяло сохранять присущую горцам социокультурную специфику. Процесс христианизации носил естественный характер и не ускорялся руководством военно-учебных заведений, а, напротив, притормаживался с тем, чтобы горцы не разорвали связь со своими родственниками-мусульманами. На воспитанников, принявших христианство, смотрели как на отрезанный ломоть, который, вероятно, станет со временем полноценной частью офицерского корпуса, но компонентом кавказской национальной администрации не будет являться никогда.

О том, что помещение горцев в корпуса было продиктовано почти исключительно политическими соображениями, говорит тот факт, что по мере затухания войны на Кавказе внимание к ним правительства, некогда обостренное, стало заметно ослабевать. К 1860-м годам горцы почти утратили свой особый статус, и только их принадлежность к му-

⁴⁸ Там же. Л. 1.

сульманству, которая, впрочем, в представлении большинства руководителей военно-учебных заведений отныне являлась лишь терпимым злом, несколько выделяла их из общей кадетской массы.

Список литературы

- Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества конвой. М.: Рейтарь, 2004. 416 с.
- Клочков Д. А. Конные эскортные части и подразделения России. М.: Фонд «Русские Витязи», 2014. 504 с.
- Клочков Д. А. На охране российской государственности. К 80-летию создания Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М.: Фонд «Русские витязи»; СПб., ИПК «Гангут», 2016. 648 с.
- Клочков Д. А. «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества конвой. 1829–1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб.: ООО ОЛМА Медиа Групп, 2014. 348 с.
- Петин С. И. Собственный Его Императорского Величества конвой: Ист. очерк. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1899. [16], 436, VII с.

Alexey Nikolaevich GREBENKIN

Dr. of History (*doctor istoricheskikh nauk*), Assistant Professor (*docent*), employee (*sotrudnik*), Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (Orel, Russia)
E-mail: angrebyonkin@mail.ru

Features of training and education of young mountaineers in the cadet corps of Russian Empire in the XIX century

This article is devoted to the analysis of the process of training of young mountaineers in the cadet corps of Russia in the XIX century and the identification of its essential features. On the basis of the analysis of documents from the funds of the Russian state military-historical archive the general and military education of mountaineers are considered, the educational policy is characterized. Special attention is paid to religious education, which was carried out very delicately in order to avoid a reaction of rejection. The author comes to the conclusion that the specifics of the process of training and education of young mountaineers was due not so much to their sociocultural characteristics as to the policy of Russia in the Caucasus. The administration prepared them not for military careers, but for administrative and cultural activities in the Caucasus region as representatives of the Imperial administration and — at the same time — the local elite. This predetermined the almost complete exclusion of the special military component from training and the creation of conditions for the pupils not to cease to be carriers of national culture and not to lose touch with their relatives in the Caucasus.

Keywords: Russian Empire, military education, young mountaineers, Muslims, cadet corps, Caucasus.

УДК 94(47).073

ББК 63.3 (2) 47

Ксения Владимировна ДОНИК

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: extale@mail.ru

К. И. ОППЕРМАН И КНЯЗЬ А. С. МЕНШИКОВ У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО ДЕПАРТАМЕНТА В МОРСКОМ ВЕДОМСТВЕ (1826–1831)

Статья посвящена начальному этапу реализации министерской реформы в Морском ведомстве, а именно созданию морского Строительного департамента. На основании впервые вводимых в научный оборот документов личного архивного фонда князя А. С. Меншикова исследована роль инженер-генерала К. И. Оппермана в деле разработки проектов будущей морской Строительной части. Взаимодействие Меншикова и Оппермана рассмотрено в качестве начала формирования собственной сети доверия будущего главы флота.

Ключевые слова: Морское министерство, Меншиков, Опперман, Николай I, реформы, сети доверия.

Преобразования морского управления в начале царствования Николая I затронули все важные подразделения береговой части, одной из важнейших среди них была строительная, отвечавшая за все постройки, относящиеся ко флоту, за исключением вопросов кораблестроения. Введение и становление во флотском управлении министерской системы, отражающей устройство Военного министерства, привело во флот определенное количество офицеров из структурных частей этого ведомства, в частности, Главного штаба его императорского величества. Одним из них был инженер граф Карл Иванович Опперман. Его деятельность на посту главы Строительного департамента Морского министерства известна лишь в самых общих чертах в историографии, затрагивавшей тему морских административных реформ, и настоящий очерк является первой попыткой описания и изучения сотрудничества Оппермана с новым флотским управлением, возникшим в 1827–1831 гг.

Существовавшее с начала XIX столетия управление Строительной сферой морского хозяйства можно характеризовать как *рассеянное* с точки зрения контролирующего государства и не вполне соответствующее тому состоянию государственных учреждений, которые возникли и развились в результате министерской реформы в других ведомствах в первой четверти XIX в. К моменту централизаторских преобразований Николая I морская строительная часть (как и само

условное Морское министерство в целом) в логике рационализирующихся бюрократических институтов выглядела весьма анахроничной. Истоки этого административного устройства восходили к началу века, когда в 1805 г. по проекту П. В. Чичагова управленческая структура флота приобрела обновленную форму. В его докладе 4 апреля 1805 г., заменившем специальный законодательный акт о переменах в морской администрации, Строительная часть не была обозначена как отдельная экспедиция Адмиралтейств-коллегии, в которой сосредотачивались все решения по военным и хозяйственным распоряжениям во флоте. Она оказывалась в компетенции Адмиралтейского департамента — особого подразделения морских учреждений, который занимался ученой и «художественной» частью¹.

Художественной частью, как следовало далее из проекта, и являлась собственно строительная. Задачи Адмиралтейского департамента заключались

в ведении всех гражданских строений, как-то Адмиралтейств, казарм, магазинов и других зданий, строения гаваней, всех морских укреплений, маяков и содержания их в надлежащей исправности².

Компетенция Адмиралтейств-департамента по строительной части была смешанной: помимо состояния зданий, входящих в зону ответственности морского ведомства, департамент также отвечал за все фабрики и заводы, включая контроль качества производимых на них материалов и вещей³. В ведении части находились также маяки.

Исполнительными органами Адмиралтейского департамента были *портовые строительные экспедиции*. Особенность их учреждения заключалась в нерегулярном составе, исключающем наличие определенных штатов. Экспедиции состояли из ряда необходимых специалистов «морских, инженерных и артиллерийских чинов», которые служили «по истребованию их от начальства»⁴. Таким образом, их служба в экспедициях являлась временной (до тех пор, пока они были востребованы), жалованье перечислялось из сумм департамента, отпускаемых из Казначейской экспедиции *в соответствии с штатами* (т. е. установленной росписью выплаты денег чинам за их службу), выслуга также считалась по роду основной службы. После выполнения работ они могли быть

¹ Высочайше утвержденный доклад Комитета для образования флота «О преобразовании Морского департамента», 4 апреля 1805 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 28. СПб., 1830. № 21699. С. 960.

² Там же.

³ Там же. С. 962.

⁴ Там же.

возвращены на прежнее место; перевод же инженеров, механиков и пр. в экспедиции как на постоянное место службы возможен был только с разрешения императора⁵.

Реализация различного рода строительных и ремонтных работ в портах и гаванях начиналась с разработки плана в экспедициях, а затем представления через Адмиралтейский департамент этого плана министру, который его утверждал и передавал на дополнительное рассмотрение «или к инженерному, или к артиллерийскому начальству по принадлежности дела для отобрания их мнений»⁶, и лишь после этого отправлял обратно в департамент для исполнения. Такой длительный порядок изучения проектов по строительной части был предусмотрен для масштабных работ: если их объемы и финансовые затраты были невелики, а компетенций департамента и экспедиций могло быть достаточно, экспедиции сами представляли планы своих мероприятий, утверждавшихся министром и направляемых им обратно для исполнения.

Предполагалось, что строительные экспедиции в Балтийском флоте будут находиться в самых крупных портах, отвечая за состояние зданий и необходимые работы в маленьких⁷. Таким образом, первоначально строительные экспедиции были учреждены в Кронштадте и Ревеле. Позже, в 1806 г., по докладу товарища министра военных морских сил был учреждена Петербургская строительная экспедиция, которая соединила в себе область деятельности главного адмиралтейского архитектора, отвечавшего за все строительные работы в Адмиралтействе, и особенную местную экспедицию, наблюдавшую за состоянием казарм ведомства⁸.

В портах экспедиции были подчинены также главному командиру порта и обязаны были «принимать повеления» о починках, докладывая о работах в департамент. Согласно проекту Чичагова строительные экспедиции должны были докладывать контрольным экспедициям о всех своих действиях по заготовлению материалов для работ и при выполнении планов по постройке и ремонту зданий и гаваней⁹. Этим условием ограничивался весь спектр контрольных процедур.

Таковы были законодательные основы функционирования Строительной части Морского министерства и установленный в 1805 г. порядок делопроизводства. Как и следовало ожидать, практика суще-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Высочайше утвержденный доклад товарища министра военных морских сил. Об учреждении экспедиции для Петербургских адмиралтейских строений, 15 августа 1806 // ПСЗРИ [Собрание Второе] Т. 29. СПб., 1830. № 22242. С. 691.

⁹ Там же. С. 962.

ственным образом скорректировала идеализм делопроизводственного механизма в особенности по части контроля, чиновникам которого строительные экспедиции в портах не считали нужным докладывать о своих решениях. Неочевидность состава, компетенций и отчетности Строительной части, несовершенство аппарата управления, ветхость построек в Балтийских портах, усугубившаяся после наводнения 1824 г., привели к тому, что она стала одной из самых захудалых сфер морского хозяйства, и с концепцией Николая I о «возрождении флота» соседствовать не могла. Строительная часть стала готовиться к преобразованию одной из первых, с 1826 г., и особенностью этого процесса стало пристальное внимание Николая I, выразившееся в первую очередь в фигуре его «агента», первоначально отправленного на осмотр и ревизию состояния портовых сооружений — К. И. Оппермана.

Инженер-генерал граф К. И. Опперман был фигурой, весьма близкой Николаю еще до его вступления на престол. Пользовавшийся репутацией одного из лучших фортификаторов своего времени, Опперман осуществлял руководство учебными курсами будущего императора, преподавал ему тактику¹⁰. В 1817 г. великий князь был назначен генерал-инспектором по инженерной части, что соответствовало его увлеченности военно-инженерным делом¹¹. После своего назначения он принимал участие в вопросах преобразования Инженерного комитета; особые отношения у Николая установились с лейб-гвардии Саперным батальоном, шефом которого он был и благосклонность которому демонстрировал всю жизнь¹². Командиром батальона был инженер-генерал К. И. Опперман — его наставник, глава Инженерного департамента, которому после вступления на престол, Николай доверил и морскую Строительную часть.

Таким образом, выбор фигуры Оппермана был более чем продуман. Он характеризовался рядом критериев, которым отвечали те, кто в период морских преобразований командировался к флотским делам, не будучи причастным к этому ведомству по службе. На протяжении длительного времени Опперман был лично знаком с Николаем, с 1815 г. служил в Главном штабе его императорского величества. Личное доверие и принадлежность к сухопутному штабу — две черты, которые выделяют группу офицеров, определенных Николаем I после 1826 г. к преобразованию военной части флота. Опперман был среди них самым первым.

¹⁰ *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 64.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 65.

Общие сведения его служебной биографии отражают официальное назначение Оппермана на должность главы Строительного департамента по морской части в 1827 г. Но как правило, внимание лишь к факту официального назначения затеняет контекст и связанные с ним обстоятельства появления той или иной фигуры «извне» во флоте в это время. В результате в историографии можно обнаружить феномен «внезапных», ничем не объяснимых назначений, как это случилось, например, с князем А. С. Меншиковым¹³.

В данном очерке для нас важно установить, когда и в связи с чем Опперману поручаются морские вопросы и каким образом личное доверие императора и его видение преобразований влияет на ход административных изменений и их конечный результат. Документы из архивного фонда главы флота в 1828–1855 гг. адмирала князя Меншикова свидетельствуют о том, что к морским вопросам Опперман обратился несколько раньше своего официального определения в 1827 г., а его роль в «славном пятилетии» морских реформ, взаимоотношениях с морской администрацией и лично с князем Меншиковым выходит за рамки функции «исполнителя поручений» и позволяет отнести его фигуру в число одного из создателей новой структуры ведомства.

Фактически работа Оппермана над морскими вопросами началась с порученного ему осмотра Кронштадтского порта на предмет состояния построек после 1824 г. Из рапорта от 26 сентября 1826 г. следует, что приказ о ревизии строительной-хозяйственной части Кронштадта был инициирован Николаем I, который отдал распоряжение Опперману через начальника Главного штаба И. И. Дибича. Смысл его заключался в том, чтобы Опперман командировал «надежнейшего штаб-офицера» в Кронштадт для осмотра всех построек, принадлежащих ведомству, и составления сметы на ремонтные работы¹⁴. Опперман проводил ревизию сам и разделил все постройки Кронштадта на пять разрядов в зависимости от их состояния. Всего по описям осмотра насчитывалось 372 здания. Репрезентация их состояния в ведомостях была выстроена таким образом, что вскрыла определенные зависимости между назначением постройки и ее состоянием. Так, в первой ведомости, которая включала здания, «*требующие одного так называемого ремонтного исправления*», насчитывалось 101 строение, среди которых в основном были здания, приспособленные под административные нужды, и на-

¹³ Тарле Е. В. Крымская война: В 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 82.; Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море и Восточном Средиземноморье. М.: Наука, 1989. С. 68.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 6. Предложения о устройении морской гражданской строительной части. Л. 20.

ходившиеся, как правило, в хорошем состоянии. Те же, что требовали «ремонтного исправления» — почти всегда относились к постройкам, предназначавшимся под военные и хозяйственные цели, или же жилого назначения. Описания, составленные Опперманом для императора, который с момента его назначения можно сказать лично присматривал за ходом этой ревизии, являли картину беспорядка, выражавшегося в акцентированном несоответствии того, как должно быть, тому, как есть на самом деле. Например, о складском помещении была составлена следующая запись: «досчатый сарай, в коем хранится провиант — крыши частью ветхи, полы местами погнили...»; или «досчатый сарай для хранения рангоута — крыша местами течет»¹⁵. При этом жалобы на плохое состояние провианта или снастей для кораблей были очень частыми. По мере приближения к пятой категории построек, которые определены были офицерами и самим Опперманом к сносу из-за невозможности их ремонта, число домов для матросов, кузниц, слесарен, сараев для хранения провизии, мастерских, казарм для нижних чинов, построек, относящихся к инфраструктуре порта (пекарен, аптек, госпитальных хозяйственных зданий) возрастало. К сносу Опперманом было определено 31 строение¹⁶.

По всей видимости, вместе с поручением «освидетельствования» порта Опперман одновременно получил и обязательство составить возможный план приведения Строительной части в порядок. Вместе с описью портовых построек он представил «мысли, произошедшие из подробного обсуждения дела». В этой записке, предназначавшейся для генерал-инспектора великого князя Михаила Павловича и императора, Опперман перечислял недостатки прежнего управления Строительной частью — тем самым, даже не называя имен, вступая в конфронтацию с главой флота и командиром порта. Опперман настаивал на том, что Кронштадт нужно содержать в лучшем состоянии «не только для необходимости, но даже и для приличия»¹⁷, а принимая столь универсальное для морского министра вице-адмирала А. В. Моллера (младшего) объяснение проблем отсутствием необходимых сумм, тем не менее писал о необходимости рационального управления: «нужно, чтобы и самые распоряжения главного морского начальства производились чрез тех, кто имеет достаточную в строительной части опытность, соединяя в него и содержание в равном порядке Кронштадтских гаваней и морских батарей»¹⁸. Однако при отсутствии постоянного штата в части

¹⁵ Там же. Л. 25 об. — 26.

¹⁶ Там же. Л. 70–74.

¹⁷ Там же. Л. 21 об.

¹⁸ Там же. Л. 21 об. — 22.

и высокой коррумпированности доступа к подрядам такое управление было нереализуемым. Для того, чтобы исправить существующее положение дел, соблюдая два требования императора о Военном ведомстве как образце и выгодах казны, Опперман в сентябре 1826 г. впервые представил свои идеи о местных портовых строительных управлениях. По его замыслу, на смену строительным экспедициям в портах должны были прийти строительные комитеты на манер тех, которые были им созданы в Динабургской и Бобруйской крепостях. Такая модель управления строительными делами была одобрена императором и была в целом необременительна для казны, т. к. условия крепости не предполагали разрастания бюрократического штата, в особенности гражданских чиновников. Председателем комитета являлся комендант крепости, а должности инспекторов занимали инженеры, «в тех крепостях на службе находящиеся»¹⁹. Комитетам по штату полагался лишь один чиновник, состоящий на жалованье из строительных сумм. Такой лаконичный состав, по мысли Оппермана, более соответствовал и требованию профессионализации управления строениями, в силу того, что управлявшие знали те проблемы, которые решали. Опперман предлагал упразднить созданные после наводнения 1824 г. экспедиции поправления портов, объединив их компетенции с новыми комитетами, определить количество смотрителей за строениями (таких как смотрители казарм в армии) и всячески экономить отпускаемые на ремонт и постройку зданий деньги, включая ликвидацию транспортных подрядов и оплачиваемой доставки материалов: для всех работ в порту материалы должны были подвозить транспорты военного флота²⁰. Координировать работу комитетов должен был инженер, «известный своим познанием и опытностью» и состоящий при морском министре: на эту должность он рекомендовал двух инженеров, один из которых, по всей видимости, был ему хорошо знаком — генерал-лейтенант Л. Л. Карбоньер²¹.

Столь критический взгляд, формировавший образ крайней безхозности Кронштадта как порта, требовал соответствующего реагирования главы флота вице-адмирала А. В. Моллера. 19 октября 1826 г. Дибич отправил ему копии документов Оппермана. Для Моллера важно было отклонить упреки Оппермана в неэффективном управлении, поэтому его аргументация относилась к той универсальной формуле, которую часто использовали во флоте этого времени как защищавшиеся от ревизоров, так в ряде случаев и представители новой администрации, если пытались

¹⁹ Там же. Л. 23.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

кому-либо покровительствовать. Моллер вместе с Адмиралтейств-коллегией утверждали в рапорте Михаилу Павловичу и Дибичу, что

здания те пришли в упадок с *давнего времени* и причина сему, как я имел счастье донести вашему императорскому высочеству есть стесненное положение общих государственных финансов и крайнее потому ограниченное <...> ассигнование средств Морскому министерству²².

Скудное финансирование строительных нужд ведомства, по подсчетам Адмиралтейств-коллегии, наблюдалось с 1810 г., в особенности после войны 1812 г., когда ассигнования на Строительную часть в сметах упали до $\frac{1}{6}$ «против действительной надобности»: так, на первый после наводнения 1825 год министерство запросило по сметам на строения 1 756 939 руб., а отпущено было лишь 229 019 руб²³. Снижение общих сумм финансирования флота «к выгодам казны» было следствием видения флота как вторичного по отношению к армии института военных сил — видения, сложившегося еще в начале XIX столетия²⁴.

Помимо этой «объективной» причины, нельзя не учитывать высокий уровень коррупционных явлений, парализовавших морскую администрацию Балтийского флота: суммы только подсчитанных убытков в результате расследования в Кронштадте в 1826–1827 гг. исчислялись шестизначными цифрами, в коррупцию была вовлечена вся портовая администрация во главе со старшим братом А. В. Моллера — вице-адмиралом Ф. В. Моллером — Главным командиром Кронштадтского порта, уволенным в итоге с поста за беспорядки²⁵.

Таким образом, ситуация в конце 1826 г. для флотской администрации, на наш взгляд, ощутимо трансформировалась — если еще до начала следствий в Кронштадте она отражала скорее нежелание власти распутывать клубок морских проблем и ответственностей, то с осени 1826 г. после нескольких ревизий в порте она превратилась в напряженное холодное недоверие по отношению к старой административно-морской верхушке; а пассивное сопротивление административной реформе части морского генералитета лишь усугубило положение. Николай I постепенно вывел все рычаги в будущих переменах из рук Адмиралтейств-кол-

²² Там же. Л. 76 об.

²³ Там же.

²⁴ *Аренс Е. И.* История Русского флота. Царствование императора Александра I. СПб., 1899. С. 16–17.

²⁵ *Доник К. В.* Кронштадтское следствие 1827 г. и князь А. С. Меншиков: к вопросу о формировании флота в начале царствования Николая I // Историческая память России и декабристы. 1825–2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.) // СПб.; Иркутск, 2019. С. 426–435.

легии и министра. Реформы перепоручались — тем, кто был определен заниматься морскими вопросами из армии под формулировкой «наведение порядка». Этот контекст структурировал и взаимоотношения между всеми участниками процесса преобразований. Строительная часть была здесь едва ли не самым ярким примером.

Моллер отринул часть идей Оппермана по экономным перевозкам материалов, предлагал полностью отделить Строительную часть от Морского ведомства и подчинить ее общему с Военным Инженерному департаменту, стремясь, по всей видимости, уловить момент и передать Строительную часть со всеми ее проблемами Опперману — тому, кто как будто и предназначался для этого. В этом моменте его интересы совпадали с идеями Николая I, который через Дибича (в его отношении к Моллеру от 19 октября 1826 г.) велел Моллеру сообщить, не сочтет ли тот целесообразным отделить морскую Строительную часть от морского управления²⁶. Эта позиция Николая I диктовалась все тем же желанием перевести решение всех самых критических вопросов во флоте под контроль военных.

Однако для Оппермана это приходило в противоречие со всей его концепцией повышения компетентности т. е. *профессионализации* управления в строительной сфере ведомства. В ответной записке на рапорт Моллера Опперман выступил против создания межведомственного Инженерного департамента, аргументируя это разрастанием бюрократического элемента, негибкостью в решении масштабных задач и отсутствием у военных инженеров достаточного опыта для постройки, например, гаваней; он настаивал на *особом* составе морской Строительной части, где сосредотачивались бы те, кто особенно знает гидротехнику — такие инженеры служили, в частности, в ведомстве путей сообщения²⁷.

По мысли Оппермана, Морское министерство, лучше зная проблемы своих строений и используя постоянный специализированный штат, могло действовать более эффективно. Как представляется, за этими позициями Моллера и Оппермана стояли две административные логики — уходящая, стремящаяся освободиться от той сферы, которая так и не стала экспедицией и тем самым удалить от себя нововведения, сохранив прежнее коллегиальное устройство; и новая — совпадающая с интересами учитывающего и контролирующего государства — министерская. Ее последовательным проводником с декабря 1826 г. и стал Опперман вместе с новым негласным куратором морских преобразований — князем Александром Сергеевичем Меншиковым.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 6. Предложения о устройении морской гражданской строительной части. Л. 76.

²⁷ Там же. ЛЛ. 80–82.

30 ноября 1826 г. по распоряжению Николая Опперман отправил Моллеру пакет бумаг с «изложением мыслей относительно будущего устройства Строительной части», преобразуемой в министерский департамент. Опперман, не имея возможности не учесть мнение императора, в итоге предлагал два варианта преобразования инженерно-строительной части. *Первый*, на котором настаивал он сам, заключался в том, чтобы создать Инженерный департамент Морского министерства, аналогичный тому, который существовал в Военном ведомстве, приспособив внутреннее деление под нужды флота²⁸.

Поскольку количество морских строений и объектов, требующих специального инженерного обслуживания, во флоте было меньше, чем в армии, то Опперман предлагал разделить внутреннее устройство департамента на три отделения (искусственная (собственно строительная) часть, хозяйственное и отчетное), чертежную и архив²⁹.

Поскольку сам Опперман вполне мог быть не осведомлен о дальнейших планах и сроках преобразования флотского административного аппарата, в «записке» он упоминал Адмиралтейств-коллегию как вышестоящий центральный орган, в подчинении которого находился бы новый департамент. Вполне возможно, что окончательно замыслы императора по ее упразднению стали ему известны позднее. Спроектированный Опперманом департамент находился бы в тех же взаимоотношениях с коллегией, как военный Инженерный департамент с Военным советом и, соответственно, с министром³⁰.

Относительно устройства строительных учреждений в портах Опперман повторял свою идею строительных комитетов подобных тем, которые были в крепостях. Однако в отличие от крепостных, они должны были состоять под председательством Главного командира порта³¹. В проекте Опперман настаивал на высоком уровне профессионализации служащих Инженерного департамента Морского министерства: штат, по его мнению, должен был включать офицеров из Корпуса военных инженеров, инженеров путей сообщения, опытных канцелярских чиновников, знакомых с нюансами делопроизводства и бухгалтерии по морским строительным вопросам³².

В своей «записке» с проектом Опперман много внимания уделял обоснованию от отказа от плана Моллера (и императора) реформировать морскую строительную часть отдельно от ведомства, следуя сво-

²⁸ Там же. Л. 3 об.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 4 об.

³² Там же..

ей логике о специализированном, приспособленном только под нужды флота департаменте. Его устав с росписью компетенций и обязательств, комплект специалистов, штат, финансирование и дальнейшая работа должны были определяться морской администрацией под те проблемы, которые перед ней стояли.

Второй способ организации Строительной части, который привел Опперман, отражал воззрения Николая I и заключался в создании департамента общего для армии и флота подчинения с комитетами на местах. Не являясь сторонником такого пути, Опперман описал все возможные проблемы, сопровождающие структуры с широкими полномочиями, важнейшими из которых были вопросы распределения финансирования, задержки делопроизводства и затраты времени, увеличение переписки и штата чиновников, снижение числа экспертных решений³³.

К проекту Опперманом был приложен фрагмент французского указа об организации корпуса инженеров путей сообщения³⁴ и мнение полковника Рокура «Морские работы»³⁵, судя по которым можно сделать вывод о влиянии французского опыта на идеи Оппермана в особенности в моменте разделения морских и военных инженерных учреждений: Рокур писал о том, что во Франции сухопутные инженеры не имеют никакого отношения и не вмешиваются в строительные дела флота, если только случайно не окажутся в порту по делам службы и не будут в силу этого на время задействованы портовым начальством³⁶. В России, как следует даже из привлечения Оппермана и Рокура, инженеры военного ведомства создавали инженерно-строительные учреждения моря.

28 ноября 1826 г. «в распоряжение» морского министра Николаем I через И. И. Дибича был командирован генерал-адъютант князь А. С. Меншиков. Его появление во флоте при Моллере внешне по несущественному поводу — для помощи в справках по Военному ведомству, на деле означало окончательное отстранение действующей администрации в лице Моллера и Адмиралтейств-коллегии от преобразований. В первые дни декабря 1826 г. Меншикову будут переданы документы по самым важным вопросам — в том числе по созданию Строительной части, которая должна была как можно скорее приступить к ремонтам в портах.

3 декабря 1826 г. Меншиков получил от генерал-адъютанта И. Г. Бибикова по приказанию Николая через Дибича записку Оппермана с пла-

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ «Décret portant organisation du corps des ingénieurs des ponts et chaussées», фр.

³⁵ «Des travaux maritimes», фр.

³⁶ Там же. Л. 10.

ном преобразования Строительной части Морского ведомства «для совокупного рассмотрения *по возложенному на Вас поручению*»³⁷.

А. С. Меншиков и К. И. Опперман имели давние и дружественные отношения, восходившие к службе в Главном штабе. А. С. Меншиков с 1816 по 1824 г. возглавлял Канцелярию начальника Главного штаба князя П. М. Волконского. К. И. Опперман обращался к Меншикову не только по служебным, но и по частным вопросам. Основным источником, сохранившим след этих взаимоотношений, являются письма Оппермана к Меншикову, содержащиеся в личном архивном фонде князя. Письма и записки Оппермана распадаются на две части: те, что были сформированы в отдельную единицу хранения и те, которые встречаются среди канцелярских документов, записок служебного характера, смет, проектов, посланных Опперманом Меншикову уже в период их совместной работы над созданием инженерно-строительного подразделения во флоте. Письма Оппермана за период 1811–1826 гг. носят служебный и частный, дружеский характер, не являясь все же перепиской близких друзей и имея в своих текстах указание на пространство должностного почтения, не лишеного, однако, доверия, основанного на многократном выполнении различной степени просьб и поручений, длительном личном знакомстве и совместной службе.³⁸

Как показала практика, такой выбор Николая I был удачен и в дальнейшем послужил действенным инструментом для достижения нужных результатов. Появление Меншикова и Оппермана в Морском ведомстве, отразившееся в переписке взаимодействия на протяжении всего периода преобразований можно рассматривать в качестве начала формирования особой сети доверия князя Меншикова во флоте.

После того, как Меншиков получил упомянутое Бибиковым поручение, в декабре 1826 г. им была начата разработка плана перехода от коллегиальной к министерской системе в Морском ведомстве. По всей видимости, начало 1827 г. было периодом обсуждения будущего устройства Строительной части между Меншиковым и Опперманом. В записке от 12 февраля 1827 г. Опперман, ссылаясь на разговор с князем, пересылал ему пример образцовой ведомости, используя формуляр которой «Инженерный департамент получает ежегодные сведения о всех строениях и со всех мест»³⁹. 27 февраля при сопроводительном письме к Меншикову Опперман отправил проект учреждения Инженерного департамента Морского министерства.

³⁷ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Разные сведения по строительной части. Л. 1.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 176. Письма Оппермана Меншикову. Л. 1–124.

³⁹ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Разные сведения по строительной части. Л. 12. Пер. с фр.

Сопроводительное письмо сообщало Меншикову об итогах ознакомления Николая I с проектами Оппермана об отдельном морском и общем межведомственном инженерных департаментах. Опперман писал, что составил итоговый проект, основываясь *на воле императора* учредить один департамент на два ведомства с разделенным подчинением⁴⁰. В историографии такое сопротивление рациональным идеям Оппермана связывалось с желанием императора «ввести в морскую строительную часть такие же порядки, какие были уже заведены в сухопутном ведомстве»⁴¹.

Однако помимо этого, на наш взгляд, неосуществимость в полной мере проекта Оппермана на тот момент объяснялась также тем, что Николай не хотел отдавать его осуществление Моллеру и коллегии, которая в связи с появлением министерства должна была быть упразднена. Меншиков до 20 июня 1828 г. не имел никакой должности в Морском ведомстве, все это время выполняя роль «ока государева» и его правой руки во флоте, не привлекая внимания к происходившим переменам. Николай I хотел сохранить лично за Опперманом контроль над созданием Инженерного департамента. В первом параграфе проекта Оппермана значилось, что новое учреждение по части искусственной (строительной) подчиняется Военному министерству, а по хозяйственной — морскому министру «впредь до составления общего по Строительной части устава»⁴².

За таким решением Николая можно также усматривать его нежелание перекладывать на Оппермана морские денежные дела — хозяйственную часть по строениям, которая под надзором Меншикова должна была быть ревизована, пересчитана и перераспределена между Морским и Военным ведомством, которое брало на себя работы по восстановлению многих построек в Кронштадте. Собственно, расчетами между двумя министерствами в дальнейшем и занимался Меншиков, следивший, чтобы во время этих операций не произошло утайки средств или «передачи» хищения, за которое потом мог понести ответственность сам Опперман⁴³.

Внутреннее устройство департамента полностью соответствовало всем предложениям Оппермана осени 1826 г. Учреждение было разде-

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 43. О Строительном департаменте по морской части и о присоединении одного к управлению генерал-инспектора по инженерной части. Л. 1.

⁴¹ Чубинский В. Г. Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. СПб., 1869. С. 177.

⁴² РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 43. О Строительном департаменте по морской части. Л. 2.

⁴³ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 464. По расчетам Морского министерства. Л. 130–134.

лено на три стола, его возглавлял директор и вице-директор; в портах создавались комитеты, которые первым делом после открытия должны были обривизовать порты по части построек и донести в департамент.

Вторая «записка» содержала предложения о назначении ведущих чиновников департамента: в качестве директора Л. Л. Карбоньера и вице-директора коллежского советника Бутковского, рекомендованных лично Опперманом⁴⁴. В качестве временной меры в новом департаменте открывалось только одно отделение — *строительное*, так как учреждение хозяйственного и отчетного не могло произойти до министерской реформы и переучета в связи с этим денег и материалов, а контрольно-отчетные правила лишь предстояло создать.

И Опперман и Меншиков, знавшие трудности внутренних механизмов делопроизводства в военных учреждениях не могли не понимать, что «раздвоенный» департамент не сможет быстро приступить к решению проблем с Кронштадтскими казармами, которые Николай приказал срочно ремонтировать и строить. По всей видимости, Меншиков уговорил Оппермана временно пойти на ту меру, против которой он выступал в споре с Моллером. 5 марта 1827 г. Меншиков во всеподданнейшем докладе императору писал:

Генерал Опперман вручил мне <...> записки о преобразовании Строительной части, но входя в суждение неудобств, могущих произойти от двух начальств, *из коих Морское может быть помехой к водворению порядка* в распоряжениях по части хозяйственной, он согласился, что удобней будет строительное отделение Исполнительной экспедиции, заведывающее гражданскими зданиями отстранить на время от Морского министерства, и по приведении сей части в желаемое устройство и ясность, подчинить опять оную на том основании, какое по опыту признано будет лучшим⁴⁵.

Как правило, когда Меншиков отправлял Николаю предложения каких-либо решений, исходящих не от царя, он сразу формировал черновик указа Сенату, который Николай обычно подписывал, сопровождая резолюциями на полях или правкой. На предложение объединить временно два департамента в один под началом военного Инженерного Николай I согласился и подписал указ, подготовленный Меншиковым⁴⁶. Его резолюция постановляла, что доклады по новой морской Строительной части должен был делать лично Опперман, минуя Дибича, в подчинении которого Опперман состоял. Таким образом, К. И. Опперман в это время получил радикально противоположный своим планам результат, если учитывать вопросы подчинения и ответственности, которой у него

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 43. О Строительном департаменте по морской части. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Л. 9.

⁴⁶ Там же. Л. 9–10 об.

теперь в значительной степени прибавилось. Но само устройство департамента в точности соответствовало его «запискам». На практике большую роль играл Карбоньер и Меншиков, который продолжал оказывать Опперману посильное участие, если департамент требовал справок, пересылки поручений Опперману или быстрого реагирования императора, когда сам Опперман был в разъездах.

Подписанные 6 и 7 марта два указа Сенату создавалось учреждение с измененным для удобства и меньшей канцелярской путаницы названием — Строительный департамент по Морской части, компетенции которого определялись Общим учреждением министерств и который возглавлялся директором Карбоньером, но был «под непосредственным начальством инженер-генерала Оппермана»⁴⁷. Причину отделения нового департамента от его ведомства сформулировали при помощи расхожего канцелярского штампа того времени: вместо «помехи», которой было Морское министерство в бумагах Меншикова и Оппермана, появилось «успешное течение дел»⁴⁸.

Для нового Строительного департамента необходимы были штаты. Механизм работы князя Меншикова и Оппермана над созданием штатов отражает небольшое письмо последнего, в котором он спрашивает, кто из них будет составлять штаты — сам ли Опперман или князь Меншиков в момент образования министерства вместе со штатными росписями других частей⁴⁹? Для памяти Меншиков пометил на письме: «ответил, что распоряжения в его воле»⁵⁰. Штаты нового департамента были утверждены 3 мая 1827 г.⁵¹, а через три дня появился рескрипт на имя Оппермана, содержащий отдельные распоряжения по морскому Строительному департаменту; они касались оборота денежных сумм, правил представления отчетов, особенностей устройства низших строительных учреждений в ряде портов и пр.⁵².

⁴⁷ О бытии Строительному департаменту по морской части под непосредственным начальством инженер-генерала Оппермана, 7 марта 1827 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 942. С. 222.

⁴⁸ О присоединении Строительного отделения Исполнительной экспедиции Адмиралтейств-коллегии к Главному управлению генерал-инспектора по Инженерной части, 6 марта 1827 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 943. С. 222.

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Разные сведения по Строительной части. Л. 20.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Именной [указ], данный Сенату с приложением штатов Строительного департамента по морской части, Кронштадтского и Ревельского комитетов и Инженерным чином при морской Строительной части, 3 мая 1827 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 1072. С. 409.

⁵² Высочайший рескрипт, данный на имя инженер-генерала Оппермана о разных распоряжениях по Строительной морской части, 6 мая 1827 // ПСЗРИ [Собрание Второе].

Фактически департамент начал работу 12 мая⁵³. После его создания Опперман, однако, не стал отстраненным наблюдателем происходящего с его детищем; он занимался разными вопросами, насколько это возможно установить по бумагам Меншикова. Так, осенью 1827 г. он лично осматривал строения Ревельского порта. Результаты своей поездки в Ревель Опперман сообщал в рапортах начальнику Главного штаба И. И. Дибичу и великому князю Михаилу Павловичу. В них отразились те проблемы, которые в целом были уже известны по Кронштадту: относительно хорошая сохранность зданий гражданских и крайняя ветхость строений, предназначавшихся для проживания нижних чинов. Их казармы, писал Опперман, находились «в совершенном расстройстве», рассеянность их жизни приводила к отсутствию «присмотра» за ними⁵⁴.

В задачи ревизии входил не только осмотр строений, но и проверка работы местного Строительного комитета Ревельского порта. Опперман предлагал делать кадровые замены офицеров, а также доносил о сложностях взаимоотношений с Адмиралтейств-коллегией, которая приказом Главному командиру адмиралу Спиридову велела удерживать морские суммы, предназначавшиеся для передачи из всех строительных подразделений в распоряжение Военного ведомства, которому теперь подчинялся Строительный департамент⁵⁵.

Между Опперманом и коллегией к этому времени существовала переписка, зашедшая в тупик из-за разных взглядов на количество требуемых Опперманом денег. В этом конфликте посредником выступил Меншиков, который, учитывая отсутствие единых бухгалтерских правил у двух ведомств, нашел ошибки у всех. По его представлению, указом на имя Оппермана от 27 ноября 1827 г. все расчеты были прекращены. В дальнейшем действия Оппермана не могли не соприкоснуться с формальной главой морского министерства, поэтому, вероятно, в подшивке писем Меншикову встречаются просьбы о совете, что отвечать на послание Моллера, которое Опперман пересылал князю⁵⁶.

Переподчинение Строительного департамента Морского министерства Военному привело к тому, что в «Предварительном образовании

Т. 2. СПб., 1830. № 1076. С. 416–417.

⁵³ Об открытии Строительного департамента по морской части, 16 июня 1827 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 1181. С. 339.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 98. Об осмотре генералом Опперманом в 1827 году Ревельских строений и о последних по сему предмету разрешениях. Л. 3.

⁵⁵ Там же. Л. 4.

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 176. Письма Оппермана Меншикову. Л. 95А. Письмо Моллера не сохранилось.

Морского министерства» 1827 г. положение о департаменте, конечно, не отразилось.

Итоги административных решений, выработанных по инициативе Николая I Опперманом и Меншиковым стали началом масштабного каменного фортификационного и гражданского строительства в Кронштадте; в историографии даже при весьма критичном отношении к фигуре самого императора и его времени, опыт создания такой структуры под руководством военных оценивался достаточно высоко⁵⁷.

Идеи Оппермана о специализированном морском инженерном департаменте, который бы имел достаточно возможностей для решения морских строительно-технических задач были реализованы уже после его смерти. Скоропостижная кончина, которая настигла его во время эпидемии холеры в Петербурге в 1831 г. была описана одним из современников⁵⁸.

Меншиков, потеряв Оппермана и будучи начальником Главного Морского штаба, сделал основной своей опорой и доверенным лицом по Строительной части Л. Л. Карбоньера, а Николай I, понимая, что Морское министерство уже полностью находится под контролем адмирала князя Меншикова, согласился на перевод Строительного департамента под морское управление. Подчинение Морскому штабу в этот раз произошло изданием указов об изменении делопроизводственных процедур, порядке сношений учреждений между собой и присоединением канцелярии Строительного департамента по морской части к Канцелярии начальника Главного Морского штаба⁵⁹.

В «Образовании Морского министерства» 1836 г. Строительный департамент занял свое место среди остальных департаментов ведомства, сохранив структуру. После смерти назначенного по совету Оппермана Л. Л. Карбоньера в 1836 г. морской Строительный департамент был подчинен начальнику Морского штаба князю Меншикову уже как непосредственному его главе. Таким образом завершился процесс не только создания и апробации административной структуры департамента, но и установления ведомственного и личного контроля Меншикова

⁵⁷ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 96–97.

⁵⁸ Холерное кладбище на Куликовом поле // Русская Старина. 1878. № 7. С. 487.

⁵⁹ О предоставлении начальнику Главного Морского штаба определения и увольнении штатных чиновников Строительного департамента по морской части, 3 сентября 1831 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 6. СПб., 1832. № 4780. С. 1.; Об обращении выписок журнала сего комитета [министров] в Строительный департамент по морской части следующих к г. начальнику Главного Морского штаба, 22 сентября 1831 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 6. СПб., 1832. № 4814. С. 61.; Об учреждении при Канцелярии Главного Морского штаба 3 отделения для дел Строительной морской части, 26 сентября 1831 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. Т. 6. СПб., 1832., № 4827. С. 69.

над этой сферой морского хозяйства; процесс, в целом в 1828–1836 гг. характеризовавший постепенную консолидацию административной власти во флоте вокруг нового штаба и фигуры его начальника.

Список литературы

- Аренс Е. И.* История Русского флота. Царствование императора Александра I. СПб., 1899.
- Высочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018.
- Доник К. В.* Кронштадтское следствие 1827 г. и князь А. С. Меншиков: к вопросу о формировании флота в начале царствования Николая I // Историческая память России и декабристы. 1825–2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.) // СПб.; Иркутск, 2019. С. 426–435.
- Золотарев В. А., Козлов И. А.* Российский военный флот на Черном море и Восточном Средиземноморье. М.: Наука, 1989.
- Раздолгин А. А., Скориков Ю. А.* Кронштадтская крепость. Л., 1988.
- Тарле Е. В.* Крымская война: В 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2011.
- Чубинский В. Г.* Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. СПб., 1869.

Ksenia Vladimirovna DONIK

independent researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: extale@mail.ru

K. I. Opperman and Prince A. S. Menshikov at the origins of the creation of the Construction Department at the Naval Ministry (1826–1831)

The article is devoted to the initial stage of the implementation of the ministerial reform in the Maritime Department, namely the creation of the Maritime Construction Department. On the basis of documents introduced for the first time into the research field from the personal archive fund of Prince A. S. Menshikov, the role of engineer-general K. I. Opperman in the development of projects for the future offshore construction was investigated. The interaction of Menshikov and Opperman is considered as the beginning of the formation of their own network of trust of the future head of the fleet.

Keywords: Ministry of the Sea, Menshikov, Opperman, Nicholas I, reforms, trust networks

УДК 94 (47).07/08

ББК 63.3 (2) 51

Ирина Владимировна ОЛИМПШЕВА

старший преподаватель, Государственный университет гражданской авиации
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: wubornova@yandex.ru

РОЛЬ ВОЕННЫХ КАДРОВ В ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ В ИМПЕРАТОРСКОМ УЧИЛИЩЕ ПРАВОВЕДЕНИЯ (1835–1918)

Статья посвящена роли кадровых военных в процессе обучения и воспитания будущих судебных деятелей в Императорском училище правоведения. Военными чинами в училище были попечители, директора, инспектор воспитанников, а также, некоторое время воспитатели. Все они привнесли в училище требовательность и дисциплину.

Ключевые слова: Императорское училище правоведения, военные кадры, воспитание, правоведы.

Императорское училище правоведения было создано в 1835 г. для «образования юношества на службу по части судебной». Это было закрытое учебное заведение, где молодые люди стремились получить юридические знания в теории для того, чтобы в последующем реализовать их на практике. Несмотря на закрытость учебного заведения, оно было сугубо гражданским, готовившим специалистов для гражданской службы. Тем не менее, кадровые военные играли значительную роль в процессе формирования личностных и деловых качеств будущих судебных деятелей.

Согласно § 66 устава училища 1838 г., главным непосредственным начальником являлся попечитель, которому подчинялись «директор и все прочие чины». За все время существования училища у него было два попечителя — Петр Георгиевич и Александр Петрович Ольденбургские. Оба были военными.

Петр Георгиевич Ольденбургский еще при крещении был пожалован в полковники лейб-гвардии Преображенского полка, непосредственно на службу в полк он прибыл в 1830 г. в возрасте 18 лет, а спустя год был назначен командиром его 2-го батальона. В 1832 г. «за отличие по службе» принц П. Г. Ольденбургский был произведен в генерал-майоры, а в 1834 г. — в генерал-лейтенанты. Военную службу Петр Георгиевич совмещал со службой в Правительствующем Сенате. В 1835 г. император Николай I назначил П. Г. Ольденбургского попечителем Император-

ского училища правоведения¹. Вся дальнейшая жизнь Петра Георгиевича оказалась связана с этим учебным заведением.

У его сына Александра Петровича Ольденбургского была не столь стремительная военная карьера. При крещении он был произведен в прапорщики Преображенского полка. Александр Петрович получил строевое образование в рядах 1-го Кадетского корпуса. Кроме того, он прослушал полный курс в Императорском училище правоведения.

Непосредственную службу в полку он начал в звании подпоручика в 1864 г. За время службы А. П. Ольденбургский неоднократно принимал участие в боевых действиях. За мужество и героизм, проявленные во время Русско-турецкой войны (1877–1878), он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, Золотым оружием с надписью «За храбрость», орденом Св. Владимира 2-й степени, а также иностранными орденами².

16 мая 1881 г. состоялось назначение Александра Петровича попечителем училища с оставлением в должности командующего 1-й Гвардейской пехотной дивизией и в звании генерал-адъютанта³. Обязанности попечителя А. П. Ольденбургский исполнял до начала Первой мировой войны, когда состоялось его назначение Верховным начальником санитарной и эвакуационной части всех фронтов при Ставке Русской армии⁴.

Непосредственное руководство училищем осуществлял директор, которому подчинялись все остальные должностные лица. Все директора были военными, получившими образование в военных учебных заведениях. Исключение составлял только первый директор — Семен Антонович Пошман, который начал свою службу в Государственной коллегии иностранных дел в должности архивариуса. С 1815 по 1824 г. он проходил военную службу и был уволен по семейным обстоятельствам в звании полковника. В 1827 г. Семен Антонович вновь возвратился на гражданскую службу.

10 июня 1835 г. начался последний этап в служебной деятельности Семена Антоновича — он был назначен директором Училища правоведения. Обязанности директора он исполнял до своей смерти в 1847 г.⁵

¹ Полный послужной список его императорского высочества Принца Петра Георгиевича Ольденбургского. 1880 г. // РГИА. Ф. 1106 (Ольденбургские, принцы). Оп. 1. Д. 18. Л. 3 и об.

² По части директора. О назначении его высочества принца Александра Петровича Ольденбургского Попечителем Училища и об отъездах его за границу. 1881–1914 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения). Оп. 1. Д. 3980. Л. 34, 36, 37.

³ Там же. Л. 1.

⁴ По части директора. Полный послужной список директора училища генерал-майора Захария Васильевича Мицкевича // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5486. Л. 139.

⁵ Дело по части директора. Дело об определении статского советника Пошмана директором сего училища, о поручении ему управления училищем во время отсутствия // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4011. Л. 121, 137–138, 144.

На посту директора С. А. Пошмана сменил князь Н. С. Голицын, служивший в основном в Генеральном штабе. С 1834 г. подполковник Н. С. Голицын исполнял обязанности адъюнкт-профессора, а затем профессора стратегии и военной истории в Императорской военной академии Генерального штаба⁶. Его служба в училище продолжалась до 7 декабря 1849 г., когда на его место был назначен генерал-майор Александр Петрович Языков, состоящий при армии и при Министерстве внутренних дел⁷. Это назначение было неслучайно. Революционные события в Европе в 1848 г., а также задержание по делу М. В. Буташевича-Петрашевского правоведа В. А. Головинского привело Николая I к мысли о необходимости усиления дисциплины в училище.

Для этого был предпринят ряд мер. Во-первых, попечитель возлагал большие надежды на А. П. Языкова, руководство которого строилось «на двух неизменных правилах: учение и повиновение»⁸. Кроме того, по предложению П. Г. Ольденбургского по аналогии с должностью батальонного командира в военно-учебных заведениях, в училище была введена должность инспектора воспитанников. Его основная задача состояла в наблюдении за нравственным и физическим воспитанием воспитанников и, прежде всего, за их дисциплиной и выправкой. Поэтому было принято решение назначить на эту должность офицера с оставлением в военном звании, с предоставлением всех прав и преимуществ, которые имеют штаб-офицеры военно-учебных заведений. Первым инспектором был назначен подполковник А. И. Рутенберг, который одновременно преподавал в Артиллерийском училище воинские уставы и гипсологию.

Согласно утвержденной попечителем инструкции, инспектор помимо прочего должен был наблюдать за обучением воспитанников «выправке и маршировке на основании правил воинского устава школы рекрутской»⁹. Для обучения воспитанников военной выправке по просьбе П. Г. Ольденбургского начиная с 16 августа 1849 г. ежедневно в училище направлялись 10 унтер-офицеров из запасных батальонов лейб-гвардии Егерского и Московского полков¹⁰.

⁶ Дело по части директора. Дело о назначении действительного статского советника князя Голицына директором училище // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3892. Л. 7

⁷ Там же. Л. 71.

⁸ Копии с докладов директора училища правоведения генерал-майора Языкова о воспитаннике Карпеке — принцу П. Г. Ольденбургскому. Дела о других воспитанниках и др. 1835–1853 гг. // ОР ИРЛИ РАН. Ф. 315 (В. П. Мордвинов). Оп. 1. Д. 72. Л. 4–5.

⁹ Дело директора. Об определении подполковника Рутенберга инспектором воспитанников. 1849–1874 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355 (Императорское училище правоведения). Оп. 1. Д. 4030. Л. 3 и об., 5, 9а, 10.

¹⁰ Дело директора. Об определении в Императорское училище правоведения офицеров воспитателями. 1849–1860 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4565. Л. 1, 3.

Еще одним нововведением стало назначение на должности воспитателей вместо гражданских лиц гвардейских и армейских чинов, которые могли избираться из всех родов войск. К офицерам-воспитателям предъявлялись высокие требования: они должны были иметь отличное образование, быть «испытанной нравственности», состоять в офицерском звании не менее шести лет и быть в звании не ниже поручика, но не выше майора¹¹.

Согласно архивным данным, в конце 1850 г. среди лиц, занимающих должности в Училище правоведения, числилось 10 военных чинов — директор, инспектор воспитанников, 4 классных воспитателя, 4 дежурных офицера¹². Однако со временем выяснилось, что комплектовать штат воспитателей кадровыми военными трудно. Поскольку в армии испытывали дефицит квалифицированных кадров, император запретил назначать на должности воспитателей офицеров Генерального штаба и кавалерии¹³.

В 1856 г. император Александр II приказал назначать в военно-учебные заведения только раненых офицеров, а позднее вообще запретил назначать офицеров на должности воспитателей во всех гражданских учебных заведениях¹⁴.

После смерти генерал-майора А. П. Языкова директором училища был назначен Иван Самойлович Алопеус, окончивший Михайловскую артиллерийскую академию. Он отдал училищу значительную часть своей жизни, пройдя путь от воспитателя до директора. Император Александр III высоко оценил заслуги Ивана Самойловича, и высочайшим указом от 7 ноября 1890 г. он был переведен на службу в Правительствующий Сенат¹⁵.

На смену И. С. Алопеусу пришел командир лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майор Александр Ильич Пантелеев¹⁶, получивший образование в школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. А. И. Пантелеев участвовал в военных действиях и за взятие Плевны был

¹¹ Канцелярия директора. Выписки из Свода законов, постановлений, касающихся Императорского училища правоведения и другие материалы по истории училища. 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 2. Д. 39. Л. 43.

¹² Дело по части директора. Об определении офицеров воспитателями. 1849–1860 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 2. Д. 39. Л. 20.

¹³ Там же. Л. 14, 25 и об.

¹⁴ Канцелярия директора. Выписки из Свода законов, постановлений, касающихся Императорского училища правоведения и другие материалы по истории училища. 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 2. Д. 39. Л. 59.

¹⁵ Там же. Л. 212.

¹⁶ Дело об определении генерал-майора Александра Ильича Пантелеева директором Императорского училища правоведения. 1890–1898 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3989. Л. 3.

награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами¹⁷. В должности директора А. И. Пантелеев состоял до 4 февраля 1897 г., когда высочайшим указом он был назначен помощником шефа жандармов.

Следующим директором в течение 5 лет был генерал-майор Александр Иванович Роговской, который до назначения длительное время являлся адъютантом принца Александра Петровича Ольденбургского¹⁸.

На посту директора его сменил полковник Василий Васильевич Ольдерогге, окончивший Павловское военное училище. На службу в училище он был переведен после тяжелого ранения. До назначения директором Василий Васильевич в течение пяти лет занимал должность инспектора воспитанников¹⁹. Исполняя обязанности директора, В. В. Ольдерогге «умело руководил делами училища и заботился о лучшей постановке преподавания в училище»²⁰.

Последним директором училища был Захарий Васильевич Мицкевич, который, как В. В. Ольдерогге и А. И. Роговской, учился в Павловском военном училище. После назначения в 1902 г. инспектором воспитанников вся его дальнейшая служба была связана с Училищем правоведения. Все это время Захарий Васильевич числился по Военному ведомству, в 1904 г. был произведен в полковники, а в 1910 г. «за отличие» — в генерал-майоры. Назначение его на должность директора состоялось 13 июня 1912 г. 27 сентября 1914 г., отправляясь на фронт, А. П. Ольденбургский возложил на З. В. Мицкевича обязанности попечителя²¹, которые тот исполнял вплоть до ликвидации училища 1 сентября 1918 г. В общей сложности 16 лет из 38 своей службы З. В. Мицкевич отдал Училищу правоведения.

Кадровые военные в Императорском училище правоведения сыграли большую роль в формировании будущих юристов. Методы их воспитания сочетали строгость и требовательность по отношению к воспитанникам, и мягкость и сердечность в общении с ними. Они прививали воспитанникам понятие о чести и долге, достоинстве человека и государственного служащего. Они воспитывали у правоведа ответственное

¹⁷ Там же. Л. 29, 83.

¹⁸ Дело об определении генерал-майора Александра Ивановича Роговского на должность директора Училища. 1897–1902 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4024. Л. 10.

¹⁹ Дело по части директора. Дело о назначении полковника л.-гв. Егерского полка Ольдерогге инспектором воспитанников училища. 1895–1912 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3982. Л. 8, 14.

²⁰ Новое время, 1911, № 12684 // Антология юридического некролога / [сост.: В. М. Баранов и др.]. — [2-е изд., доп.]. — Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2005. С. 619.

²¹ Полный послужной список директора училища генерал-майора Захария Васильевича Мицкевича // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5486. Л. 1, 6, 139

отношение к своему делу и принятому решению, уважительное отношение к старшим, и в том числе к своему руководству.

Благодаря значительному числу военных среди личного состава, воспитанники отличались хорошей выправкой, умели держать осанку и были физически развиты. Как впоследствии отмечал правовед В. П. Мещерский, «военная школа давала блестящие результаты: мы держали себя стройно и имели бравый вид»²².

Список литературы

Антология юридического некролога / [сост.: В. М. Баранов и др.]. — [2-е изд., доп.]. — Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2005. — 1007 с.
Мещерский В. П. Мои воспоминания. Часть первая (1850–1865 гг.). СПб.: Типография князя В. П. Мещерского, 1897. 454 с.

Irina Vladimirovna OLYMPIEVA

senior lecturer, State University of civil aviation (St. Petersburg)

E-mail: wubornova@yandex.ru

The role of military personnel in the training of lawyers in the Imperial school of law (1835–1918)

The article is devoted to the role of military personnel in the process of training and education of future judicial figures in the Imperial school of law. Military ranks in the School were Trustees, Directors, inspector of pupils, as well as, for some time, educators. All of them brought to the School demands and discipline.

Keywords: Imperial school of jurisprudence, military personnel, education, legal scholars.

²² Мещерский В. П. Мои воспоминания. Часть первая (1850–1865 гг.). СПб.: типография князя В. П. Мещерского, 1897. С. 14.

УДК 94 (47).073

ББК 63.3 (2) 47

Сергей Сергеевич МИГУНОВ

младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, аспирант института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sergejsumigunov@gmail.com

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ МИНКВИЦ — КОМАНДИР ВИЛЕНСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ГАРНИЗОНА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НИКОЛАЕВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ

Жизнь и деятельность Д. П. Минквица, принявшего участие в ключевых сражениях и войнах своего времени, содержит ряд весьма интересных вопросов, актуальных для дальнейшего изучения.

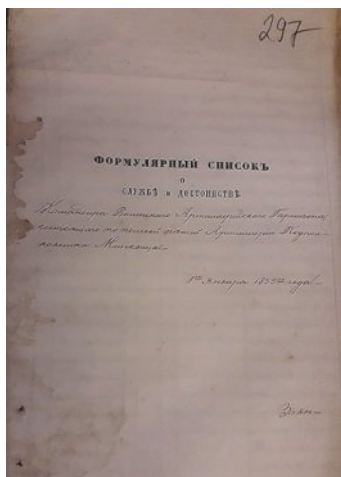
Ключевые слова: Русская армия, артиллерия, Вильна, Ревель, Крымская война, Венгерская кампания.

Судьба Дмитрия Петровича Минквица изучена гораздо менее подробно нежели биографии его более известных родственников — А. Ф. и Ю. Ф. Минквицев. Однако даже неполные сведения о его жизни дают возможность приступить к изучению биографии этого представителя известного рода, человека, деятельность которого была связана с историей нескольких военных кампаний Русской армии середины XIX столетия, в частности, с Венгерским походом и Балтийской кампанией Крымской войны. Этот текст является попыткой проследить служебный и жизненный путь Минквица в период до Крымской войны и его службы в Виленском гарнизоне.

Дмитрий Петрович Минквиц происходил из дворян Эстляндской губернии. С датой рождения есть определенная путаница, но на момент составления послужного списка (1855) ему было 44 года. В это время он был женат первым браком на вдове, полковнице Марии Ивановне Козловой, детей у супругов не было¹. Информации о дате смерти Д. П. Минквица нам найти не удалось.

Согласно послужному списку, вершиной его карьеры к 1855 г. стала должность командира Виленского артиллерийского гарнизона. К мо-

¹ ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 100. Д. 27. Л. 297 об.

Ил. 1. Титульный лист формулярного списка подполковника Д. П. Минквица. 1852 г. ВИМАИВУС. Ф. 25. Оп. 100. Д. 27. Л. 297.

менту поступления в 1852 г. на эту должность он сделал образцовую офицерскую карьеру. В чине прапорщика Минквиц сражался в Русско-турецкой войне (1828–1829), участвовал в поражении турецкой армии у селения Кулевчи и во взятии редутов у крепости Шумлы и в сражении на реке Камчик. Наградой за участие в этих боевых действиях стал орден Св. Анны 4-й степени. Также Минквиц участвовал во взятии Адрианополя и ряда более

мелких населенных пунктов. Был ранен, в плену не был.

Подобным образом для него сложилась кампания по подавлению Венгерского восстания (1848–1849). Чин подполковника, последний, присвоенный перед началом службы в Виленском гарнизоне, был получен за отличие в сражении при городе Вайцен (нынешний венгерский город Вац). В ходе Венгерской компании Минквиц участвовал в переходе через Карпаты и ряде боестолкновений с повстанцами, среди которых выделяется перестрелка и последовавший за ней бой у Вайцена².

За годы службы Д. П. Минквиц неоднократно поощрялся. В частности, он был кавалером ордена святого Георгия 4-й степени, в 1835 г. был награжден орденом святого Станислава 3-й степени, в 1844 г. получил пенсию с учетом полученной на Русско-турецкой войне (1828–1829) контузии. Ее лечением он занимался еще в 1838 г., спустя почти десять лет после окончания войны.

Все эти сведения, несмотря на кажущийся обыденным их характер, играют исключительно важную роль для понимания развития карьеры Дмитрия Петровича в период, предшествовавший двум главным кампаниям в его жизни.

Виленский гарнизон, ставший с 1852 г. местом службы Дмитрия Петровича, находился в этот период в центре внимания в том числе и потому, что Вильна была одним из городов, откуда излишки материальной части артиллерии направлялись в Ревель, где тамошний начальник гарнизона Карлевич руководил приемом их на баланс для отражения

² Там же. Л. 299.

возможных атак английского флота с моря в ходе Балтийской кампании Крымской войны.

В предыдущей статье мы затронули вопросы о сложностях материального снабжения в гарнизонах Западных и Остзейских губерний в период Балтийской кампании Крымской войны³. Под руководством Дмитрия Петровича была развернута работа по усовершенствованию технического оснащения в Виленском гарнизоне. При его участии производилась модернизация в частях, расположенных в городах западных губерний Российской империи.

В 1854 году Д. П. Минквиц был командирован в Несвиж и Слоним для ознакомления с возможностью найти место для перенесения туда складов для пехотных парков. Минквиц также участвовал в передаче излишков материальной части артиллерии из Вильны в Ревель для отражения возможной атаки английского флота в Финском заливе.

Несмотря на кажущийся скудным набор биографических сведений о Дмитрие Петровиче Минквице, нужно отметить его незаметную на первый взгляд, но все же решающую роль в точечном и узком, но важном вопросе перевооружения Виленского гарнизона в конце николаевского царствования и содействию, наряду с другими гарнизонами западных губерний, Ревелю в ходе вторжения английского флота в Финский залив в 1854 г.

Sergei Sergeievich MIGUNOV

Junior Researcher of the Military Historical Museum of artillery,
engineer and signal corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: sergejismigunov@gmail.com

Dmitry Petrovich Minkwitz — chief of the Vilna's artillery garrison in the last years of the Nicolas I reign

The life and work of D. p. Minkwitz, who took part in the key battles and wars of his time, contains a number of very interesting questions relevant for further study.

Keywords: Russian army, artillery, Vilna, Reval, Crimean war, Hungarian uprising of 1848–1849.

³ С. С. Мигунов. Вооружение Балтийского порта и Ревеля в период Крымской войны (1853–1856) // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2018. С. 173–177.

УДК 94 (47) 08

ББК 63.3 (2) 51

Владимир Игоревич ХОЗИКОВ

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vkhozikov@mail.ru

ЧАСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В КОМПЛЕКСЕ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (1861–1881 ГГ.)

Статья посвящена участию частной промышленности в исполнении государственных оборонных заказов по линии Военного и Морского министерств Российской империи. На конкретных примерах рассматриваются и анализируются основные тенденции во взаимоотношения между руководством ведомств и предпринимателями в основных отраслях ВПК.

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс, оборонно-промышленный корпус, история Санкт-Петербурга, российские предприниматели.

С момента возникновения в России комплекса предприятий, работающих в интересах вооружённых сил, частная промышленность вплоть до середины XIX столетия играла в данной сфере достаточно скромную роль. Бурное развитие научно-технического прогресса, начавшееся во второй трети позапрошлого века, дало определённый толчок взаимоотношениям государства и предпринимателей, сделав привлечение последних к исполнению военных заказов в некоторых случаях даже необходимым и неизбежным в силу ограниченности производственных и кадровых ресурсов, имевшихся в распоряжении казны. Однако, как убедительно показывает пример Петербурга, ставшего с первых десятилетий своего существования основным и крупнейшим военно-промышленным центром России, изменение технико-экономических условий не принесло принципиальных изменений во взаимоотношения государства с негосударственным сектором¹.

Задачи и средства

К началу 1860-х годов комплекс военных предприятий Петербурга составляли крупные казённые производства: ручное, прежде всего

¹ Подробнее см.: *Хозиков В. И.* Частные предприятия в системе ВПК-ОПК Санкт-Петербурга (1703–1861) // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2018, С. 3–48

огнестрельное, оружие изготавливали на Сестрорецком оружейном заводе, артиллерию — в Петербургском арсенале, порох и боеприпасы — на Охтинском пороховом заводе, в Охтинском капсюльном заведении, Кронштадтской и Петербургской артиллерийских лабораториях, боевые ракеты — в Петербургском ракетном заведении, полный цикл кораблестроительных работ обеспечивали Главное, Новое и Кронштадтское адмиралтейства, а также Охтинская верфь, Кронштадтский паровой завод и Ижорские адмиралтейские заводы; приборы и точные механические изделия для армии и флота поставляли главным образом специализированные мастерские в структурах Военного и Морского министерств.

Большинство этих предприятий были практически ровесниками го­рода, появившись ещё при Петре I.

Наряду с ними, к началу капиталистической эпохи в России в системе ВПК так или иначе успели поучаствовать порядка тридцати петербургских частных предприятий и предпринимателей. Для большинства из них военные заказы оказались лишь незначительным эпизодом; к моменту отмены крепостного права продолжали существовать и работать на оборону лишь единицы — завод Ф. К. Берда и Балтийский завод Карра и Макферсона занимались изготовлением корабельных двигателей², заводы генерал-адъютанта Н. А. Огарёва и подполковника В. Н. Пешкова выпускали артиллерийские снаряды³, подрядчик С. Г. Кудрявцев вёл строительство нескольких кораблей на государственных верфях⁴; небольшой заказ на изготовление экспериментального образца оружейного лафета имел бывший завод И. Нобеля и сыновей⁵, механик Я. Октоберский занимался выполнением разовых заказов на поверочный и измерительный инструмент и прицельные приспособления. Весь остальной спектр вооружений для армии и флота в Петербурге изготавливался государственными предприятиями. (Отметим, в частности, что завод Берда, фактически бывший самым со-

² См. напр.: Отчет о действиях Кораблестроительного департамента Морского министерства за 1860 год, представленный контр-адмиралом Воеводским // Морской сборник. 1861. Т. LII. № 4. Апрель. Приложение. С. 14–16, 24, 26–27.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40. Д. 412. Л. 278, 286.

⁴ Отчет о действиях Кораблестроительного департамента ... за 1860 год. С. 15, 19

⁵ Лафет из котельного железа для береговых батарей // Артиллерийский журнал. 1860. № 7. Перечень занятий в заседаниях Временного артиллерийского комитета за апрель 1860 г. С. 428–429; Об освидетельствовании построенного на заводе г. Нобеля берегового лафета из котельного железа // Артиллерийский журнал. 1860. № 11. Перечень занятий в заседаниях Временного артиллерийского комитета за август 1860 г. С. 766–768. После объявления в 1859 г. банкротства владельцем завода И. Нобелем предприятие перешло к его кредиторам, по решению которых на должность управляющего был назначен один из сыновей бывшего хозяина — Людвиг Нобель.

временным отечественным предприятием полного кораблестроительного цикла, на котором, в том числе, был выстроен первый в России пароход, к выполнению заказов в области военного кораблестроения привлекался лишь как поставщик механизмов, при том, что начиная с 40-х годов XIX столетия Россия заказывала строительство боевых пароходов на частных заграничных заводах).

Таково было распределение производственных сил в крупнейшем военно-промышленном центре Российской империи к началу 1860-х гг., которые принесли коренные изменения как в структуру рынка труда, так и в техническую и технологическую сферы.

Если ранжировать военно-технические задачи, стоявшие перед оборонными ведомствами России во второй половине 1850-х гг., по степени приоритетности, на первые места следует поставить: переход от гладкоствольного к нарезному стрелковому оружию и от парусных и колёсных к винтовым кораблям, а также повышение эффективности, прежде всего дальности и точности, артиллерии за счёт разработки новых систем орудий и снарядов. Первые две из них к началу 1860-х гг. в целом можно было считать решёнными. Большая часть армии уже получила дульнозарядные винтовки, окончание перевооружения шло по составленному на несколько лет вперёд графику. Для флота была разработана и выполнялась программа винтового кораблестроения, соответствовавшая как имеющимся производственным ресурсам, так и поставленной военно-стратегической цели: обладание третьими по мощности среди европейских стран морскими силами. Что касается артиллерии, то работы в этом направлении также велись, однако в значительно менее лихорадочном темпе и со значительно меньшим объёмом привлечённых ресурсов.

Начало нового десятилетия принесло определённую смену приоритетов. Информация, поступающая из ведущих стран Европы (некоторые из которых для России одновременно являлись и потенциальными противниками), диктовала необходимость ускорить разработку и принятие на вооружение артиллерийских орудий новых систем, прежде всего нарезных, а также обладающих значительно более высокими, по сравнению с предшествовавшими, прочностными характеристиками — для увеличения порохового заряда и, соответственно, калибра, веса используемых боеприпасов и дальности. В конструкторском плане эти задачи к началу 1860-х гг. далеко нельзя было считать решёнными — поиски как наилучшей системы нарезных орудий, так и снарядов к ним, продолжались, вопрос о материалах для изготовления новых пушек также оставался открытым⁶. Однако военно-политическая обстановка

⁶ Только в конце февраля 1861 г. генерал-фельдцейхмейстеру был подан доклад с предложением прекратить испытания орудий из ожелезненной стали завода Огарёва в свя-

требовала хотя бы промежуточных решений в плане срочного внедрения в производство и поставки в войска артиллерии нового поколения, в любом случае обладавшей лучшими, по сравнению с гладкоствольной, характеристиками.

Ещё одной, новой задачей, важность решения которой росла на глазах, причём также для обоих оборонных ведомств, морского и сухопутного, стало освоение технологии изготовления брони, создание броневоего производства, разработка проектов бронированных кораблей для флота и бронированных укреплений — для берега.

Что касается последнего пункта, то почин здесь принадлежал Морскому министерству. В 1860 г. Кораблестроительный департамент поставил вопрос о немедленном начале строительства в Петербурге железных броненосных кораблей⁷, в 1861 г. контракт на строительство первого экспериментального броненосного корабля, лодки «Опыт», был заключён с Балтийским заводом Карра и Макферсона⁸, который быстро справился с заказом и спустил лодку на воду уже через четыре месяца⁹; тогда же, осенью 1861 г., заказ на строительство первого строевого бронированного корабля — плавучей батареи «Первенец» был размещён за границей, на английском Темзовском заводе¹⁰, далее началось обсуждение вариантов создания собственного производства брони и железного кораблестроения. (В то же время на петербургских верфях, в соответствии с принятой ранее программой продолжалось строительство ряда небронированных кораблей.)

Вопрос с нарезной артиллерией представлялся куда более насущным, сложным, и многоплановым. Уже в 1861 г., когда необходимость срочного перевооружения всех видов артиллерии на нарезные системы стала вполне очевидной задачей, военное ведомство оказалось вынужденным обратиться к услугам частной промышленности. Первые на-

зи с решением о принятии на вооружение стальных орудий // Архив ВИМАИВиВС, Ф. 5. Оп. 5. Д. 650. Л. 47 и об.

⁷ Отчет о действиях Кораблестроительного департамента ... за 1860 год. С. 274

⁸ Лодка была начата постройкой в конце мая 1861 г., контракт на постройку был заключен в июле того же года См.: Отчет о действиях Кораблестроительного департамента Морского министерства за 1861 год, представленный контр-адмиралом Воеводским 2 марта 1862 года // Морской сборник. 1862. Т. LIX. № 6. Июнь. Приложение. С. 18–19.

⁹ Корреспонденция из портов. С.-Петербург // Морской сборник. 1861. Т. LV. № 10. Октябрь. Ч. IV. Смесь. С. 221.

¹⁰ Манн К. А. Обзор деятельности Морского управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880. Ч. 1. С. 497–498; Отчет о действиях Кораблестроительного технического комитета в 1862 г., представленный генерал-майором Чернявским // Морской сборник. 1863. Т. LXVII. № 8. Август. Ч. II. Официальный отдел. С. 166.

резные орудия русской армии — медные 4-фунтовые пушки — были приняты на вооружение в августе 1860 г.¹¹, и главный поставщик артиллерии для сухопутных войск, Петербургский арсенал, сразу был перегружен заказом на полевые нарезные орудия¹², арсеналы же в Брянске и Киеве, уступавшие столичному как в технологическом, так и в кадровом потенциале, и традиционные подрядчики Морского ведомства — Александровский литейный завод в Петрозаводске и уральские горные заводы — вообще едва ли бы справились с задачей, поскольку в силу удалённости от центра просто не могли в сжатые сроки внедрить новую технологию производства, требующую приобретения и установки сложного оборудования¹³ и постоянного контроля со стороны заказчика.

В связи с этим 22 февраля 1861 г.¹⁴ генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил направил военному министру доклад с предложением разместить заказ на нарезку имевшихся в большом количестве гладкоствольных чугунных 12 ф. и 24 ф. крепостных орудий и изготовление к ним снарядов на частных предприятиях. Соответствующие предложения были сделаны петербургским заводам генерал-адъютанта Н. А. Огарёва, полковника В. Н. Пешкова, Сименса и Гальске, Ф. К. Берда, Ф. Ишервуда, П. Ф. Семянникова и В. А. Полетики, Растеряева (Петербургскому металлическому заводу), С. Вяткина, а также механику К. Барту, бывшему Гальванопластическому заведению, бывшему заводу Нобеля и сыновей, и заводу Главного общества железных дорог¹⁵.

Металлический завод, заводы Берда и Ишервуда от заказа отказались, Огарёв уведомил о готовности только отливать снаряды, Гальванопластическое заведение — только нарезать орудия, остальные предприниматели согласились взять полный подряд. После переговоров заказ по главному на тот момент принципу выбора исполнителя —

¹¹ *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России // М., Издательство Московского университета, 1953. С. 138–139.

¹² Так, в начале февраля 1861 г. инспектор местных арсеналов генерал-майор Маникин-Неуструев докладывал начальнику ШГФ, что выполнение поступившего в Петербургский арсенал срочного и внепланового заказа на нарезку и отделку двух экспериментальных пушек системы Маркизио займёт больше трёх месяцев и всё равно замедлит выполнение основного срочного заказа на нарезку 92 4-фунтовых орудий // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 695. Л. 8–9.

¹³ Отметим, что станки для нарезки пушек поставлялись только частными предпринимателями, либо зарубежными, либо петербургским механиком Карлом Бартом.

¹⁴ Здесь и далее все даты указаны по старому стилю.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 287. Л. 2 об. Фактически это были почти все существовавшие в Петербурге крупные и средние металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия, и большая часть основных заводов данного профиля, имевшихся в Российской империи.

наименьшей запрошенной цене (отметим, что ни одно из указанных производств в принципе не имело опыта нарезки орудий, а абсолютное большинство, кроме завода Огарёва и Гальванопластического заведения, вообще никогда не занимались какими-либо работами, связанными с артиллерией) — был оставлен за Невским заводом П. Ф. Семянникова и В. А. Полетики. 17 ноября 1861 г. Артиллерийский департамент Военного министерства подписал с ними контракт на нарезку ста чугунных 12-фунтовых и 24-фунтовых орудий, по 50 каждого калибра, к 1 апреля 1862 г.¹⁶

По иному пути, в отличие от Военного министерства, пошло Морское ведомство. Вместо того, чтобы выбирать исполнителей среди существующих предприятий, оно начало переговоры с петербургским промышленником Н. И. Путиловым об организации в столице или её ближайших окрестностях крупного частного производства, ориентированного прежде всего на выполнение заказов флота на изготовление артиллерийских орудий и снарядов. Выбору такого пути, следует отметить, во многом способствовали несколько субъективных факторов. Во-первых, Н. И. Путилов как промышленник и предприниматель был известен высшему военно-морскому руководству с самой лучшей стороны ещё со времён Крымской войны, когда он сумел решить считавшуюся неисполнимой задачу — организовать в течение всего четырёх месяцев изготовления трёх десятков паровых машин для канонерских лодок¹⁷. Во-вторых, Н. И. Путилова связывали неформальные отношения с управляющим Морским министерством Н. К. Краббе. В-третьих, Путилов смог наладить деловое партнёрство с ведущим российским разработчиком технологий производства стали и стальных изделий — горным инженером П. М. Обуховым, а также с хорошо известным Морскому министерству подрядчиком С. Г. Кудрявцевым, располагавшим значительным капиталом, который он был готов вложить в новое дело; таким образом, в лице трёх компаньонов флот мог приобрести сразу организатора, технологию и финансовый ресурс¹⁸.

Однако, несмотря на очевидную заинтересованность в соглашении обеих сторон, переговоры шли небыстро. Объяснением и даже оправданием этому может служить не только свойственная государственным ведомствам неторопливость, но и то, что даже если бы новое производство появилось «вдруг и сразу», заказывать ему было бы просто нечего — утверждённых проектов орудий и снарядов для этого ещё не существовало. Вообще надо отметить, что в этот достаточно короткий момент

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 287. Л. 156–157 об.

¹⁷ Подробнее см.: *Хозиков В. И.* Указ. соч., С. 30–31.

¹⁸ История отечественного судостроения. — СПб., «Судостроение», 1996. Т. 2, С. 62–63.

(1861–1864 гг.) Морское ведомство в плане разработки артиллерии действовало в значительной степени с оглядкой на сухопутное ведомство и было склонно устанавливать на корабли нарезные орудия не собственной разработки, а созданные и опробованные Военным министерством.

Вопрос о комплексном развитии производств, способных решить ключевые технические проблемы вооружённых сил, специально обсуждался на заседаниях межведомственного «Комитета об укреплении приморских пунктов и о сокращении расходов на новые сооружения в прочих крепостях империи». 2 мая 1862 г., обсудив сложившуюся ситуацию, Комитет вынес следующее заключение:

Главнейшие затруднения, встречаемые нами при выполнении разных предположений по обеспечению приморских пунктов, сообразно состоянию военного искусства, заключаются в отсутствии у нас таких заводов, которые могли бы в более или менее близкий срок исполнять заказы по постройкам инженерным, морским и по вооружению артиллерией. Предположим, что изложенные выше соображения наши по укреплению Кронштадта и Керчи были бы совершенно правильны; каких огромных пожертвований они потребовали бы для выполнения! А между тем мы бы и в десятки лет не справились с этим делом; броня для постоянных укреплений и судов, орудия для их вооружения, всё это составляет такое дело, с которым не совладают наши заводы; если бы они и могли направить свою деятельность на успешное изготовление заказанных им предметов соответствующих настоящим требованиям, то малейшая перемена в размерах и качествах брони, в системе или калибре орудий, поставили бы заводы, по младенческому состоянию у нас техники, в крайнее затруднение. Невозможность следить за всеми усовершенствованиями в военном искусстве резче всего выказалась в нашей артиллерии. Не по недостатку изобретательности между людьми, знающими эту часть, или нераспорядительности лиц, поставленных во главе этого дела, а единственно по отсутствию хорошо-устроенных и богатых искусными мастерами заводов, мы в течении последних шести лет могли лишь следить мыслию за всеми улучшениями и изменениями в артиллерии, которая не в записках и брошюрах, а осуществлялась на деле во всех почти государствах Европы и в Америке. Мы не в состоянии были не только идти наравне с другими, но даже следовать по указанному уже пути, потому что как только мы сколько нибудь успевали ознакомиться с принятой системой орудий или снарядов, как являлось новое изобретение, тотчас же осуществляемое в Англии, Франции, Бельгии и других, по развитому состоянию у них правительственных и в особенности частных заводов и ставящее нас в новое затруднение. В таком положении мы находимся уже шесть лет и нет причины, чтоб это состояние не продолжилось так долго и до тех пор, пока наша фабричная и заводская производительность не разовьётся на более широких началах¹⁹.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 1. Л. 447–449.

Поставив «диагноз», Комитет сформулировал и базовую рекомендацию для преодоления очевидного производственно-технологического кризиса военной промышленности:

В то же время признаётся Комитетом совершенно необходимым обратить внимание Министерства финансов на улучшение наших казённых заводов литейных и ковалных, а также и частной заводской промышленности, и предложить те меры, которые найдёт оно возможным принять для развития этого дела и для ближайшего участия в нём специалистов тех частей, которые наиболее нуждаются в металлических произведениях наших Уральских и Олонецких заводов и без успеха которых не может осуществиться желание правительства привести границы наши в обеспеченное состояние, а именно кораблестроителей, артиллеристов и военных инженеров. Так как предмет этот имеет в настоящее время первостепенную важность, ибо в нём заключается разрешение задачи об укреплении портов наших, то Комитет полагал бы сбережение, какое ныне делается от прекращения инженерных сооружений, или часть этого сбережения, обратить на развитие казённых заводов. Хотя дело это, по мнению Комитета, только тогда пойдёт вполне успешно и выгодно для казны, когда оно будет по преимуществу находиться в частных руках. Обязанность правительства в этом отношении состоит в выводе частных капиталов и деятельности на этот вид промышленности, гарантировав их такими узаконениями, которые могли бы окупить с прибылью устройство и действие заводов²⁰.

Очевидно, что ставя подобные задачи общегосударственного масштаба, Комитет выходил за рамки стоявших перед ним узкопрофильных целей, однако масштаб существовавшей проблемы был таков, что не давал возможности отыскать решения на локальном, ведомственном уровне. Весомости выводам Комитета придавал его состав — первые три подписи под приведёнными выше заключениями принадлежали великим князьям, братьям правящего императора: генерал-адмиралу Константину Николаевичу, генерал-фельдцейхмейстеру Михаилу Николаевичу и генерал-инспектору по инженерной части Николаю Николаевичу.

Однако говорить о том, чтобы даже высказанные на столь высоком уровне рекомендации получили какое-то практическое воплощение, не приходится. 1862 год, как и предыдущие, прошёл в опытах, экспериментах и обсуждениях разных проектов — одним из немногих практических решений стал состоявшийся в августе 1862 г. заказ Военного министерства прусскому промышленнику А. Круппу относительно небольшой партии из 14 стальных 9-дюймовых орудий²¹. Производственных возможностей для изготовления таких пушек в России на тот момент

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 1. Л. 449–450 об.

²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 1. Л. 51 об. Ранее, в марте того же года принадлежавшей Министерству финансов Князе-Михайловской фабрике были заказаны

не существовало. Крупп согласился произвести только отливку орудийных болванок; их конечную отделку и нарезку, для которой не удалось найти исполнителя в Пруссии, планировалось произвести в России — по системе, которую ещё только предстояло утвердить и на производстве, которое ещё только планировалось создать. Отметим, что Военное министерство также было вынуждено приостановить выполнение упомянутого выше заказа на нарезку орудий, данного заводу Семянникова и Полетики, первоначально из-за неготовности поставить заводу требуемое количество пушек, а затем в связи с затянувшимися экспериментами по выбору оптимальной системы нарезки²².

Что касается кораблестроения и броневого производства, то развивавшаяся до поры до времени весьма неспешно ситуация резко изменилась весной 1862 г., когда в Петербург пришли сообщения о произошедшем в ходе Гражданской войны в США морском сражении на Хэмптонском рейде²³. Из этой информации в России сделали окончательное заключение о полной утрате деревянными кораблями боевого значения. Морское министерство было вынуждено резко приостановить все текущие кораблестроительные работы²⁴ и в срочном порядке заняться составлением программы по строительству бронированных кораблей береговой обороны и переделке в бронированные уже доведённых до высокой степени готовности стоявших на стапелях фрегатов и корветов. При этом производственной базы для броненосного и металлического кораблестроения на момент принятия такового решения по-прежнему не имелось, создавать её предстояло с нуля. Для этого на Галерном островке, по соседству с Новым Адмиралтейством была выделена специальная площадка²⁵, а в Россию пригласили английского частного промышленника К. Митчела, с которым 19 марта 1862 г. был заключён контракт на строительство второй бронированной плавучей батареи «Не тронь меня». Для этих работ англичанин обязался полностью оборудовать верфь на Галерном островке. Митчел получил право заказывать необходимые материалы по своему усмотрению в России

160 12-фунтовых и 150 24-фунтовых стальных пушек, однако предприятие оказалось не в состоянии справиться с этим заказом. — Там же. Л. 51.

²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 288. Л. 9–11 об., 23, 45; Там же. Д. 289. Л. 79–80.

²³ В ходе первого дня боя казематный броненосец южан «Мерримак» в одиночку уничтожил несколько деревянных кораблей северян, обладавших значительно более мощным артиллерийским вооружением; на второй день подоспевший к месту сражения броненосец северян «Монитор», первый в мире корабль, оснащённый вращающейся башней, нанёс «Мерримаку» тяжёлые повреждения и заставил его отступить.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 2002. Л. 712 и об.; Ф. 921. Оп. 2. Д. 139. Л. 49, 51, 58–59.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 67. Л. 62 и об.

или за границей, подбирать мастеров и рабочих из англичан или русских. Морское министерство брало на себя все строительные работы, организационную поддержку в решении административных и экономических вопросов и доставку заказанных Митчеллом механизмов и материалов²⁶. Митчел сам спроектировал как корабль, так и строительную площадку для ней — мастерскую, эллинг и комплекс вспомогательного оборудования²⁷. Одновременно российскому морскому агенту в Великобритании был дан ряд поручений относительно закупки брони и сбора информации о броневом производстве²⁸. (Упомянутая выше броненосная лодка «Опыт» летом 1862 г. провела первую кампанию в режиме опытной эксплуатации²⁹.)

Промышленность в обстановке «военной тревоги»

В такой переходной, как относительно новых систем вооружений, так и предприятий-изготовителей, ситуации Россия вошла в 1863 год, принесший, дополнительно к технологическим вызовам, ещё и военно-политический — угрозу новой войны с Великобританией и Францией в связи с начавшимся в Польше мятежом, который Россия энергично подавляла. Основной сценарий возможной войны в целом совпадал с картиной недавно закончившейся Восточной (Крымской) — агрессия превосходящих сил противника с моря, однако направлением главного удара в этот раз предсказуемо должен был стать не юг страны, а её столица.

4 марта 1863 г. Александр II, ввиду чрезвычайных обстоятельств, повелел «дело железного судостроения, как совершенно новое, вести по усмотрению управляющего Морским министерством», фактически дав неограниченные полномочия по выбору верфей и исполнителей контрактов³⁰. Неделий позже, 11 марта, была утверждена программа действий по постройке броненосных кораблей³¹. На первом этапе было решено заложить 11 броненосцев для обороны балтийского побережья

²⁶ История отечественного судостроения. СПб.: «Судостроение», 1996. Т. 2. С. 53–54.

²⁷ Отчет о действиях кораблестроительного технического комитета в 1861 г., представленный генерал-майором Чернявским // Морской сборник. 1863. № 8. II. С. 165–256, цит. с. 167–173.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 67. Л. 104 и об., 106 и об., 110–111, 155–156.

²⁹ Извлечение из отчета командира Гвардейского экипажа, Свиты Е. И. В. контр-адмирала Аркаса за 1862 г. // Морской сборник. 1863. Т. LXVII. № 8. Август. Ч. II. Официальный отдел. С. 267.

³⁰ РГАВМФ. Ф. 921. Оп. 2. Д. 292. Л. 26.

³¹ Адмиралтейства и заводы Балтийского флота // Морской сборник. 1864. Т. LXXV. № 11. Ноябрь. Ч. III. Неофициальный отдел. С. 67.

по образцу так впечатлившего военно-морское командование американского «Монитора». Все корабли были построены в 1863–1865 гг. в основном на петербургских предприятиях. Ввиду существовавшей военной угрозы работы велись в двухсменном круглосуточном режиме. В проекте впервые в истории российского кораблестроения активно участвовали частные предприятия и предприниматели: два броненосца, позднее получившие названия «Броненосец» и «Латник», полностью строил Балтийский завод Карра и Макферссона; два, «Единорог» и «Стрелец» — на базе Галерного островка подрядчик С. Г. Кудрявцев (машины и башенные установки поставил завод Берда); два, «Лава» и «Перун» — Невский завод Семянникова и Полетики (двигатели поставляли казённые Ижорские заводы), два, «Вещун» и «Колдун», заказали бельгийскому обществу «Коккериль и Ко» с условием сборки в Петербурге; ещё два, «Тифон» и «Ураган», строились на казённом Новом Адмиралтействе (двигатели поставил завод Берда, башенные установки — Ижорские заводы); наконец, контракт на 11-й монитор «Смерч» взял англичанин Митчел, строивший корабль на своей площадке на Галерном островке (башня и машина были заказаны английскому заводу «Модслей»)³². Таким образом, можно вполне определённо сказать, что первая серия броненосных кораблей Российского флота была выстроена при преобладающем участии частных предприятий — и это в условиях более чем полуторавековой традиции исключительно казённого кораблестроения³³.

В. А. Полетика, выступивший в начале 1864 г. с циклом публичных лекций по машиностроению³⁴, охарактеризовал проделанную работу следующими словами:

Ожидания войны понудили нас начать вооружения, и энергия, развитая при этом деле Морским ведомством, указала нам самим, что мы можем сделать, если дружно примемся за дело. Здесь, в Петербурге, почти не существовавшее до сего времени железное кораблестроение в течение нескольких месяцев развилось до огромных размеров. Там, где ещё в мае месяце прошедшего года были пустые места, стоят теперь огромные верфи с оканчивающимися в них броненосными судами, и вместо ничтожных машиностроительных заведений появились огромные механические заводы. До 8000 котельщиков, слесарей и литейщиков явились сюда со всех концов России, и если враждебному нам флоту вздумается завернуть к Кронштадту,

³² Адмиралтейства и заводы Балтийского флота, С. 61; История отечественного судостроения. — СПб.: «Судостроение», 1996. Т. 2. С. 53–54.

³³ Не считая, конечно, начавшихся в 50-х гг. XIX в. заказов винтовых корабельных двигателей частным петербургским заводам — Нобеля и сыновей, Ф. К. Берда, Балтийскому Карра и Макферссона и Гальванопластическому заведению.

³⁴ Первая лекция г. Полетики. // Биржевые ведомости. 1864. 4 января. № 4.

то мы встретим его броненосной эскадрой из 14 судов, из которых только батарея «Первенец» сделана в Англии, а все остальные сооружены в течение этого года здесь, в Петербурге, и иностранные заводчики, приезжающие сюда затем, чтобы проведать, что у нас подельвается, находят, что суда эти сооружены весьма недурно, по крайней мере много лучше того, как бы им желалось³⁵.

Разумеется, промышленника, лично участвовавшего в описываемых событиях, нельзя назвать совсем беспристрастным экспертом, и для баланса можно привести, к примеру, мнение тогдашнего помощника главного командира Кронштадтского порта по морской части контр-адмирала И. А. Шестакова (в будущем — морского министра Российской империи), так охарактеризовавшего происходящее в мемуарах:

Получивши шесть миллионов во время прошлогодней грозы, Морское министерство бросилось на монитеры с детской предприимчивостью и начало строить вдруг одиннадцать, хотя ещё в прошлую кампанию мы убедились в невыгоде фабрикации большого числа судов по тому же чертежу. Технический комитет протестовал против брони из дюймовых пластов, утверждая, что по всем опытам броня в одну толщу несравненно прочнее. Министерство возражало, что дюймовые плиты доступны нашим средствам, а между тем дозволило контрактами выписывать их из-за границы, откуда легко было добыть и толстые плиты. Вся операция создания броненосного флота была поручена директору кораблестроительного департамента Воеводскому, человеку, почти ничем не командовавшему, ничего не видевшему и ознакомившемуся с английскими заводами только в предыдущем году в беглом путешествии при совершенном незнании английского языка. Как директор он заключал контракты и следил за исполнением их. При всех достоинствах Воеводского позволительно спросить, с какой целью нарушались коренные законы в отсутствии всяких необычных обстоятельств? Где нашли данные для столь исключительного доверия? <...> Просто хотели поразить числом внезапно созданных броненосных судов, вовсе не думая об их качествах. Никто не помышлял, что новый броненосный флот в течение 30 или 40 лет своего существования будет образцом негодности и памятником невежества создавших его³⁶.

Не ставя, впрочем, целью, выяснять вопрос о технических и боевых качествах построенных в 1863 г. мониторов, следует признать, что «поразить числом внезапно созданных броненосных судов» в тот момент действительно удалось, а кроме психологического эффекта лихорадочная кораблестроительная компания дала безусловный толчок к форми-

³⁵ Полетика В. А. О железной промышленности в России. Публичные лекции. СПб.: издание Н. П. Рейхельта, 1864. С. 111–112.

³⁶ Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. СПб.: «Судостроение», 2006. С. 404–405.

рованию промышленной базы, на создание которой в более спокойных условиях ушло бы значительно больше времени.

Не менее серьёзных мобилизационных мер в ситуации военной угрозы требовало и решение вопроса с артиллерией, орудиями и снарядами, как для сухопутной обороны, так и для вновь заложенных «мониторов». При совпадении интересов разных ведомств имелась реальная возможность сконцентрировать все имеющиеся ресурсы на наиболее актуальных задачах, в том числе объединением усилий связанных с их решением министерств. Одним из шагов к достижению соответствующей цели стало создание ещё одного межведомственного органа — Комитета по изготовлению артиллерийских орудий для крепостей и флота, в состав которого вошли представители трёх министерств — Военного, Морского и Финансов, и пяти структур этих министерств, напрямую связанных с военной промышленностью: Главного артиллерийского управления³⁷, Главного инженерного управления, Кораблестроительного департамента, Артиллерийского управления Морского министерства и Горного департамента Министерства финансов. Уточним, что предложение создать такой комитет военный министр Д. А. Милютин высказал ещё в конце 1862 г., но окончательно, повелением Александра II вопрос решён 25 марта 1863 г.³⁸

Уже на первом заседании 18 апреля 1863 г. Комитет вынес заключение о необоснованности по географическим, экономическим, организационным и прочим критериям развития артиллерийского производства в исторически традиционных районах — на Урале и в Карелии и вынес рекомендацию:

³⁷ Артиллерийское ведомство, в сферу ответственности которого так или иначе входили почти все казённые предприятия ВПК, работавшие на сухопутные силы, в конце 1862 г. претерпело важные организационные изменения. Существовавшее почти полтора столетия двоевластие, между Штабом генерал-фельдцейхмейстера и Артиллерийским департаментом Военного министерства, было упразднено, и взамен двух ведомств появилось одно — Главное артиллерийское управление (ГАУ) со специальным научно-техническим подразделением — Артиллерийским комитетом (артком ГАУ), на который легли основные заботы по разработке нового оружия и внедрению его в производство (непосредственное руководство казёнными предприятиями, правда, сохранилось за созданными в предыдущий период отраслевыми управлениями инспекторов местных арсеналов, оружейных и пороховых заводов). В сферу ответственности арткома, сменившего ранее ведавшего этими вопросами Артиллерийское отделение Военно-учёного комитета (АО ВУК), вошли и многочисленные задачи, связанные со взаимодействием с привлечёнными к исполнению военных заказов частными предприятиями, в том числе организация приёмки готовых изделий.

³⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 1. Л. 1 и об., 126–127.

Комитет же с своей стороны полагает, что в виду настоятельной потребности в самых больших стальных орудиях необходимо все денежные средства, какие государство может для этого пожертвовать, устремить на учреждение в Петербурге или его окрестностях одного обширного пушечного завода, соответствующего обоюдным потребностям флота и сухопутной артиллерии. Кроме значительного сокращения времени, потребного на устройство фабрики, предлагаемая мера имеет на своей стороне ещё и следующие выгоды: а) достигается возможность вводить немедленно все принимаемые у нас изменения в конструкции стальных пушек; б) получается близкий и удобный контроль за выделкой орудий со стороны артиллерийского ведомства и флота; в) достигается возможность вводить усовершенствования в механической отделке орудий и исправлять повреждения машин — обстоятельство, которое на Урале бывает причиной значительных остановок и потери времени; и г) получаются весьма важные выгоды, заключающиеся в удобстве доставки орудий для флота и всех важнейших крепостей империи³⁹.

Фактически это частное определение во многом подтвердило заданный ранее «петербургоцентричный» вектор развития отечественной военной промышленности, которому в последующие полстолетия предстояло достигнуть апогея. Что же касается текущего дела, то в качестве потенциальных организаторов пушечного производства рассматривались четыре частных предпринимателя — два немецких, Бергер и Крупп, один английский — капитан Блекли⁴⁰, и один российский, Н. И. Путилов, с которым, напомним, Морское министерство уже вело переговоры о создании сталепушечного предприятия для исполнения заказов флота. Государство заведомо не видело в своей среде специалистов, достаточно компетентных для решения стоящей задачи, и бралось лишь поддержать начинание административными мерами и заказами.

Примечательно также, что в то время, как представители Морского министерства ставили подписи под предложением создать в столице или её окрестностях единый сталепушечный завод для работы в интересах и армии и флота, управляющий ведомством Н. К. Краббе уже представил (14 апреля 1863 г., т. е. за четыре дня до упомянутого выше заседания комитета) императору Александру II доклад об организации такого завода частным товариществом Н. И. Путилова, П. М. Обухова и С. Г. Кудрявцева, — более того, уже на следующий день император этот доклад утвердил⁴¹. Высочайшее соизволение на основании завода, в дальнейшем и до нашего времени известного как Обуховский, было дано в виде исключения на участие частных лиц в оборонном предприятии (в соответствии с тогдашним законодательством — ст. 36 Св. Закон.

³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 1. Л. 158–159 об.

⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 20. Д. 2. Л. 217–238.

⁴¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 1. Л. 291–299 об.

Т. XI Уст. пром. фабр. и завод., частные лица не имели права устраивать пушечные заводы). 4 мая 1863 г. Морское министерство уже заключило с Кудрявцевым и Путиловым контракт на изготовление нарезных орудий из стали на пока существовавшем только на бумаге производстве. Окончательно вопрос был решён 31 мая 1863 г. указом Александра II об основании завода⁴².

С точки зрения нашего времени можно было бы увидеть в таком повороте событий некрасивую двойную игру, но исходя из реалий описываемой эпохи, понимая, что Н. К. Краббе не мог не представлять, насколько существующие бюрократические процедуры могут затянуть одно только согласование вопроса о создании междуведомственного предприятия, сложно осудить проявленную им инициативу. Что примечательно, Краббе уже 20 апреля 1863 г. направил военному министру Д. А. Милютину копию одобренного Александром II доклада об организации в окрестностях Петербурга сталелитейного производства, и в артиллерийском ведомстве это сообщение никакой, по крайней мере, видимой негативной реакции не вызвало — руководство ГАУ, с одной стороны, как ни в чём не бывало продолжало ранее начатое обсуждение с Путиловым и Кудрявцевым условий создания сталепушечного завода для сухопутных сил (параллельно обсуждая тот же вопрос с петербургскими представителями Бергера и Круппа), а, с другой, дало предписание своим отделением сообщить, какие заказы могли бы быть даны сталелитейной фабрике Обухова и Путилова, организуемой по их контракту с Морским министерством⁴³.

Параллельно артиллерийское ведомство спешно выбирало предприятия для размещения заказов на снаряды к стальным орудиям, заказанным за границей. Следует сразу отметить, что, пожалуй, ни в одной другой сфере военного производства смена технологических эпох применительно к участию частной промышленности в системе ВПК не отразилась столь явно, как в изготовлении артиллерийских снарядов.

В эпоху гладкоствольной артиллерии поставки снарядов армии и флоту практически полностью обеспечивали казённые заводы Горного ведомства, прежде всего, расположенные на Урале и в южных губерниях, а также в непосредственной близости от столицы — Кронштадтский, Петербургский и созданный на базе последнего Александровский литейные заводы. Со второй половины 1850-х гг. в связи с начавшимися опы-

⁴² Господину управляющему делами Комитета министров. Об устройстве управления Обуховского сталелитейного завода (сборник документов). СПб., 1885. С. 7–8; *Канте-рев Н. А.* Обуховский сталелитейный завод. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1913. С. 14

⁴³ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 1. Л. 290 и об., 388–390.

тами по увеличению дальности гладкоствольных орудий за счёт изменения формы снарядов, а несколько позднее — и с экспериментами с первыми нарезными орудиями, возникла потребность в постоянном изготовлении относительно небольших (как правило от 100 до 500 штук) партий нестандартных артиллерийских снарядов, технологически гораздо более сложных в производстве, нежели традиционные бомбы и ядра. Государственные производства, ориентированные на изготовление крупных партий давно освоенных изделий, а, главное, находящиеся далеко от столицы (все три упомянутые выше казённых петербургских литейных завода к середине XIX в. перестали существовать в прежнем качестве), совершенно не подходили для исполнения такой задачи, требовавшей постоянного кураторства со стороны АО ВУК, соответственно на переходный период частные петербургские заводы становились единственными возможными площадками для разработки и изготовления новых боеприпасов.

Основными исполнителями заказов артиллерийского ведомства на изготовление опытных партий снарядов для гладкоствольных и нарезных орудий в конце 1850-х — начале 1860-х гг. стали уже упоминавшиеся выше два частных петербургских завода — генерал-адъютанта Н. А. Огарёва и подполковника (позднее полковника) В. Н. Пешкова, причём параллельно с изготовлением боеприпасов здесь же проходили обучение офицеры, которых готовили в военные приёмщики⁴⁴. По понятным причинам дальше опытных партий изготовление экспериментальных снарядов для гладкоствольных орудий не пошло — эпоха этой артиллерии закончилась. Но с первыми же крупными заказами нарезных пушек возник и вопрос об изготовлении для них необходимых комплектов снарядов.

Первый в России снаряд для принятого на вооружение нарезного орудия был разработан Н. В. Маиевским в 1860 г., параллельно с самой пушкой⁴⁵. Однако, как указывал в конце 1861 г. Н. Эгерштром, снабжение этими снарядами армейской артиллерии фактически остановилось, поскольку они

хотя и были своевременно заказаны частным заводам, но до сих пор не изготовлены в требуемом количестве, частью за недостатком технических средств, частью же технических знаний наших заводчиков.

Для устранения недостатка в снарядах в том же 1861 году Военному ведомству пришлось срочно заказать Уральским и Олонеким горным заводам более 160 тыс. обыкновенных и картечных 4-фунтовых гранат,

⁴⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 287. Л. 77 и об.

⁴⁵ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: «Наука», 1973. С. 373.

в том числе 45 тыс. в виде экстренного наряда⁴⁶. Разумеется, это было лишь временным решением вопроса — на повестке дня стояло скорейшее расширение перечня калибров нарезной артиллерии, принятых на вооружение и, соответственно, создание надёжной производственной базы для изготовления для них боеприпасов. Неслучайно Н. Эгерштром в уже цитированной статье указывал:

На будущее время следует по возможности озаботиться развитием в России сталелитейного производства и пригласить частных заводчиков северной и южной России, Царства Польского, Остзейского края и Финляндии к отливке снарядов, не рассчитывая на удаленные от наших северных, западных и южных границ казенные горные заводы⁴⁷.

В штабе генерал-фельдцейхмейстера также полагали, что именно упомянутым выше частным заводам (Огарёва и Пешкова) следует заказать первые крупные партии снарядов для крепостных нарезных орудий, поступающих на вооружение, однако в артиллерийском департаменте Военного министерства с этим мнением категорически не согласились, указав, что таковые снаряды надо заказать

в виде самого экстренного наряда горным заводам, тем более, что до сего времени заказы продолговатых снарядов частным заводам, а именно генерал-адъютанта Огарёва и подполковника Пешкова, давались малыми партиями и, невзирая на то, из этих заводов Пешкова оказался совершенно неисправным, а Огарёва от приготовления снарядов, не отлитых первым, отказался.

Более того, отстаивая своё мнение, управляющий АД ВМ даже подчёркивал, что его ведомство

не имеет никаких способов осведомиться о торговых и технических средствах частных заводов вообще и потому ни в каком случае не может ручаться в том, что заводы эти в состоянии приготовить снаряды непременно к назначенному сроку и совершенно годные к употреблению⁴⁸,

то есть прямо признал, что не может считать частную промышленность мобилизационным резервом в такой сфере, как производство боеприпасов — по той причине, что не знаком с её возможностями (и при этом никак не обозначив, считает или не считает важным получить об этих возможностях точные сведения).

⁴⁶ Эгерштром Н. Сведения о снабжении нарезными орудиями сухопутной артиллерии. // Инженерный журнал. 1862. № 1. Смес. С. 6–7.

⁴⁷ Там же. С. 12.

⁴⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 287. Л. 82.

1863 год положил этой полемике конец: в условиях, когда был дорог каждый день, говорить о заказе снарядов на Урале и даже в Карелии не приходилось; выбор всё-таки свёлся к петербургским частным заводам. К этому времени первопроходцы снарядного дела для нарезной артиллерии уже прекратили существование — завод В. Н. Пешкова остановился в 1861 г., генерал-адъютант Н. А. Огарёв продал своё предприятие в 1863 г. (после чего оно вошло в полосу затяжного кризиса), и приглашения участвовать в конкурсе на заказ снарядов получил примерно тот же круг петербургских частных заводов, которым двумя годами ранее было предложено взяться за нарезку орудий — всего 26 частных петербургских заводов и предпринимателей, известных наличием у них литейного производства⁴⁹.

Круг потенциальных исполнителей достаточно быстро сузился до завода Никольса и Плинке, Клифуса, Н. И. Путилова, арендовавшего для этой работы бывший завод Нобеля и сыновей на Петербургской стороне⁵⁰, купца И. Г. Фронштейна, также арендовавшего литейное производство бывшего Петербургского гальванопластического заведения⁵¹, и Торгового дома братьев Туляковых — последние занимались изготовлением экипажей, однако на их предприятии имелась чугунолитейная мастерская. Цена, запрошенная за работу, была одной из самых низких среди прочих претендентов, а на величину расходов при заключении государственного контракта обращали внимание даже в условиях военной угрозы. В ГАУ при этом принятое решение объясняли тем, что

казак тяжеловесных чугунных 9-, 8- и 6-дюймовых бомб Главное артиллерийское управление предоставило не одному, а нескольким заводчикам по объявленным ими ценам без предварительных торгов, с той целью, чтобы назначением заказа побудить частные заводы приобрести механизмы и все приспособления, нужные для выделки снарядов, и тем образовать для будущих заказов несколько подготовленных к выделке снарядов частных заводов, конкуренция которых могла бы понизить в значительной степени существующие цены на снаряды⁵².

Однако задумка развить частное снарядное производство просуществовала всего несколько месяцев — после разрыва на Волковом поле одной из стальных крупновских пушек, произошедшего, как установили артиллерийские специалисты, из-за некачественно изготовленного снаряда, ГАУ резко изменила планы и фактически заставило частные заводы в рамках уже заключённых контрактов оставить за собой только

⁴⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 1. Л. 606.

⁵⁰ Там же. Д. 2, Л. 149 об.

⁵¹ Там же. Ф. 6. Оп. 20. Д. 2. Л. 54 и об.

⁵² Там же. Д. 3. Л. 1–2.

наиболее простые операции в виде отливки снарядных болванок, передав все более сложные и тонкие работы по их окончательной отделке спешно организованным для этой цели в Петербурге казённым мастерским на базе Технической артиллерийской школы и Старого арсенала, для которых у частных промышленников была выкуплена часть оборудования, ранее приобретённого ими при оборудовании снарядного производства⁵³.

Обстановка «военной тревоги» продержалась чуть больше года — к лету 1864 г. польский бунт был в целом усмирён, а ожидавшаяся англо-французская интервенция так и не состоялась. Мобилизационный ажиотаж вокруг срочных заказов артиллерии, снарядов и кораблей, соответственно, ослабел, напротив, более насущным вопросом стало сокращение военных расходов. Наметившееся было сотрудничество Морского и Военного министерств в решении общих технических и производственных проблем быстро разладилось, каждое ведомство, с учётом стоявших перед ним задач, двинулось собственным путём.

Частные предприятия и кораблестроение в 1864–1881 гг.

По итогам строительства первой серии отечественных броненосных кораблей — 11 «мониторов» для Балтийского флота — в России появились три частных кораблестроительных предприятия полного цикла — петербургские заводы Берда, Балтийский Карра и Макферссона и Невский Семьянникова и Полетики.

Уже 9 марта 1864 г. Александр II повелел начать постройку ещё восьми «железных броненосных судов»⁵⁴. К концу лета 1864 г. Морское министерство подготовило проекты для этой новой серии усовершенствованных броненосных кораблей. Отметим, что тогда же Александр II разрешил

по предполагаемой постройке восьми броненосных судов вести дело на тех же основаниях, какие были приняты при постройке первых броненосных судов и с тем же уполномочием, какое высочайше предоставлено было управляющему Морским министерством в 1863 г.⁵⁵,

⁵³ Там же. Л. 599–600 об., 641–651; Д. 5, Л. 113–115; Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 3. Л. 28, 55, 89–94, 411 и об., 486–490 об.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

⁵⁵ РГАВМФ. Ф. 921. Оп. 2. Д. 292. Л. 26.

то есть вновь дал Морскому ведомству самые широкие полномочия по взаимодействию с частными предпринимателями, которые в итоге и стали главными исполнителями указанных проектов⁵⁶.

Постройка первых четырёх кораблей в том же 1864 г. и в январе 1865 г. была предоставлена: одного, получившего название «Князь Пожарский», заводчику Митчелу, одного — заводу Семянникову и Полетики и двух, позднее названных «Русалка» и «Чародейка» — подрядчику, коммерции советнику Кудрявцеву. Корабли было «назначено приготовить к спуску на воду в августе 1867 г., а окончательно достроить и сдать в июле 1868 г.»⁵⁷. По другим четырём кораблям, проекты которых изменялись и дорабатывались, решения были оформлены уже в 1865 г.: один было решено строить казёнными средствами в Новом Адмиралтействе Петербурга, два на заводе Семянникова и Полетики и один на заводе Карра и Макферсона⁵⁸.

Таким образом, если суммировать распределение основных, связанных со строительством броненосцев, кораблестроительных заказов в 60-х годах XIX в. картина получится следующая. Из 19 кораблей первой и второй серий всего один (трёхбашенный «Адмирал Грейг») строился на казённой верфи — в Новом Адмиралтействе. Все остальные были построены или на частных заводах, или на государственных площадках, арендованных частными лицами; поставки важнейших механизмов (в том числе машины для «Адмирала Грейга») и оборудования также были выполнены прежде всего частными заводами, российскими и иностранными. К ним также следует добавить три плавучие батареи: «Первенец», построенную иностранным частным заводом, «Не тронь меня», построенную в России частным предпринимателем К. Митчел-

⁵⁶ В то же время был фактически закрыт вопрос о создании в Петербурге частного броненосного производства, возникший ещё в апреле 1863 г., когда Морское министерство пригласило русских заводчиков к поставке броневых плит для русского флота. Вскоре обсуждение сконцентрировалось на проекте единого, работающего в интересах как Военного, так и Морского министерств, броненосного и пушечного завода, предложенного совместно Ф. К. Бердом и английским промышленником капитаном Блекли, однако, после смерти Берда в 1864 г. Блекли отказался реализовывать замысел в одиночку, а государство больше не пыталось как-либо взаимодействовать по данной теме с отечественными предпринимателями, предпочтя на первых порах закупать броню напрямую у иностранных промышленников и параллельно развивать казённое бронепрокатное производство на Ижорских заводах. См.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 20. Д. 2. Л. 625 и об., 633–637; Д. 3. Л. 159–170; Д. 5, Л. 734–737; Морской сборник». 1863. Т. LXV. № 4. Апрель. Приложения, объявления. С. 1–3.

⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 38. Л. 3; История отечественного судостроения. СПб.: «Судостроение», 1996. Т. 2. С. 36.

⁵⁸ РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

лом, и «Кремль», построенную частным петербургским заводом Семяникова и Полетики. Таким образом, в описываемое время произошло радикальное изменение в структуре отечественного кораблестроения (которое на этот момент, в связи с ликвидацией Архангельского адмиралтейства и временным прекращением работы казённых верфей в Николаеве и Севастополе было полностью сосредоточено в Санкт-Петербурге): из полностью или почти полностью казённого на протяжении 160 лет оно превратилось в отрасль с очевидным преобладанием частной промышленности.

Наибольший объём заказов в указанное десятилетие достался Балтийскому заводу Карра и Макферссона. 12 мая 1865 г. был заключён контракт с Морским министерством на строительство корпуса фрегата «Адмирал Лазарев» на сумму 868 842 руб.; 12 апреля 1866 г. — на изготовление судовых механизмов фрегатов «Адмирал Грейг» и «Адмирал Лазарев» на сумму 457 200 рублей; 11 октября 1866 г. — на изготовление судового механизма фрегата «Минин»; 26 июля 1867 г. — на изготовление пятой части железного дока за 282 000 руб., и 29 ноября 1867 г. — на изготовление дополнительных механизмов фрегатов «Адмирал Грейг» и «Адмирал Лазарев» на сумму 46 961 руб., а 13 мая 1869 г. — на изготовление дополнительного механизма фрегата «Минин» за 19 100 руб. Кроме того, заводу заключил контракты на изготовление механизма императорской яхты «Ливадия» с установкой его в Николаеве за 292 000 руб. (15 мая 1869 г.), на перевозку в Николаев механизма «Ливадии» на 56 100 руб. и изготовление пяти вспомогательных котлов к центробежным помпам для пяти броненосных фрегатов второй серии на 12 845 рублей (12 августа 1869 г.), на дополнительное укрепление первой части железного дока на 94 285 руб. (25 ноября 1869 г.); на изготовление железных кожуховых и машинных бимсов для яхты «Ливадия» с доставкой в Николаев (4 июля 1870 г.) и на изготовление 50 медных бортовых рам для яхты «Ливадия» с установкой за 14 500 руб. (4 февраля 1871 г.). 10 августа 1870 г. завод подписал договор с Морским министерством на изготовление корпуса корвета «Александр Невский» за 973 000 руб., 8 февраля 1871 г. — на изготовление котлов для парохода «Нева» за 16 206 руб., 23 июня 1871 г. — на поставку железа для «поповок» «Новгород» и «Киев» на 94 407 руб. Всего же в течение шести лет Балтийский завод Карра и Макферссона заключил контрактов с Морским министерством на 4 102 642 руб. 19½ коп.⁵⁹

⁵⁹ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 9372. Л. 22 об. — 23 об., 24 об. — 25 об., 26 об., 30 об., 31 об., 32 об., 33 об., 45 об.

Значительную долю контрактов получил Невский завод Семяникова и Полетики. 17 мая 1865 г. Морское министерство заключило с ним контракт на постройку корпусов фрегатов «Адмирал Спиридов» и «Адмирал Чичагов» на сумму 1 592 400 руб.; 23 мая 1866 г. — на изготовление судовых механизмов для фрегатов «Адмирал Спиридов» и «Адмирал Чичагов» на сумму 460 000 руб., 8 октября 1866 г. — на постройку корпуса фрегата «Минин», а 13 декабря 1867 г. — на изготовление центробежных и пожарных помп и вентиляторов для фрегатов «Адмирал Спиридов» и «Адмирал Чичагов» на сумму 33 060 руб. Также в 1869 г. завод получил ещё пять крупных флотских контрактов: 9 апреля на поставку разных сортов железа для постройки монитора «Крейсер», 6 мая — на постройку для Сибирской флотилии винтовой шхуны «Ермак» с механизмом, а 14 июля — на постройку, также для Сибирской флотилии, винтовой шхуны «Тунгус» с механизмом; кроме того, были заключены два договора на поставку железа на Кронштадтский пароходный завод⁶⁰.

Однако выглядящие весьма впечатляюще на бумаге данные и цифры казённых заказов — ещё в предыдущее десятилетие ни одно частное предприятие и мечтать не могло о таких заказах от Морского министерства — в реальной жизни не принесли не только ослепительного успеха, но даже возможности для устойчивого существования.

В силу ряда причин, но, в немалой степени, из-за нестабильности заказов Морского министерства, исполнение которых по вине заказчика нередко растягивалось на многие годы⁶¹, оба завода к концу 1860-х гг. оказались в сложном финансовом положении. Семяников и Полетика сочли лучшим выходом из ситуации отказ от единоличного владения своим предприятием и 9 сентября 1869 г. заключили с П. И. Губониным и Э. М. Мейером договор на передачу его с 1 января 1870 г. в собственность «Русского общества паровозостроительных и горных заводов», в котором они вошли в число семерых участников, утратив, таким образом, контроль. Договор предусматривал безусловное завершение всех контрактных обязательств Семяникова и Полетики перед Морским министерством (заключавшихся на тот момент в достройке фрегатов «Адмирал Спиридов», «Адмирал Чичагов» и «Минин», а также шхун «Ермак» и «Тунгус»), дальнейшие же перспективы завода и старые, и новые собственники связывали, прежде всего, не с военными заказами, а с развитием производства локомотивов — неслучайно в управлен-

⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 921. Оп. 2. Д. 292. Л. 18, 23, 35 об., 88–91.

⁶¹ Печальный антирекорд принадлежит фрегату «Минин», считающемуся кораблём с самым продолжительным сроком постройки не только в отечественной, но и мировой практике — 14 лет. См.: История отечественного судостроения. СПб.: «Судостроение», 1996. Т. 2. С. 38.

ющие был нанят бывший главный механик Варшавско-Венской и Варшавско-Бромбергской железных дорог инженер Бассон. Ставку на паровозное производство Семянников и Полетика предполагали сделать ещё до того, как начали переговоры с потенциальными партнёрами, однако собственных средств для развития этого направления у них оказалось недостаточно, перспектив получить новые контракты с государством практически не было⁶².

20 марта 1870 г. Александр II утвердил устав «Русского общества механических и горных заводов», а 27 сентября того же года Адмиралтейств-совет утвердил разрешение Семянникову и Полетике передать обществу контрактные обязательства по строительству «броненосных и других судов» для Морского министерства⁶³. Так что предпринятый ими шаг позволил сохранить предприятие, из круга же исполнителей оборонных заказов, за отсутствием таковых, Невский завод вышел на несколько десятилетий. Даже завершение контракта по строительству корпуса «Минина» завод в итоге передал государству: 6 сентября 1872 г. Адмиралтейств-совет принял решение об отмене предоставления «Русскому обществу механических и горных заводов работ» по окончанию фрегата «Минин» в изменённом виде, а уже 11 октября того же года управление Кронштадтского порта уведомило контору Петербургского порта об окончательном расчёте с Невским заводом «Общества» по фрегату «Минин» в связи с переходом достройки фрегата к казне⁶⁴.

Карр и Макферссон пошли по иному пути, сделав попытку выпутаться из сложного положения собственными силами. Это решение оказалось неудачным. Долги Балтийского завода росли, превысив к началу 1870-х гг. 3 млн. руб., предприятие оказалось под угрозой банкротства (показательный пример: 14 января 1872 г., пока шло очередное собрание кредиторов, в заводскую контору пришёл судебный пристав, чтобы изъять из кассы 460 рублей на погашение долга вдове печника; не найдя наличных, он арестовал для последующей продажи находившуюся в конторе мебель, которая к тому моменту и так находилась в залоге у Морского министерства, так что представителям заимодавцев срочно пришлось изыскать возможность к расчёту по этому иску и просить судебные органы не прибегать к реализации имущества, из-за чего «не на чем будет ни сидеть, ни писать, и негде будет хранить заводские книги и бумаги»⁶⁵), и кредиторам, в числе которых на первом месте было

⁶² РГАВМФ. Ф. 921. Оп. 2. Д. 292. Л. 50, 88–91.

⁶³ Там же. Л. 3, 9–10.

⁶⁴ Там же. Л. 196 и об.

⁶⁵ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 9372. Л. 9–10.

Морское министерство, чтобы не допустить краха важного производства, пришлось лихорадочно искать варианты его спасения.

6 ноября 1872 г. общее собрание кредиторов «несостоятельных должников Карра и Макферссона» обсудило вопрос «о продаже Балтийского завода капитану 1-го ранга князю Ухтомскому», и большинством голосов участников дело решили положительно. Князь предлагал принять на себя удовлетворение претензий Морского министерства и Министерства путей сообщения, кроме того, внести 120 тыс. руб. на удовлетворение претензий частных кредиторов, ещё 8000 руб. на содержание конкурсного управления и принять на себя все расходы по заключению купчей⁶⁶.

16 октября 1873 г. Адмиралтейств-совет утвердил решение об отсутствии у Морского министерства претензий к конкурсному управлению по делам Карра и Макферссона в связи с заключением сделки между министерством и новыми владельцами Балтийского завода⁶⁷. Однако Балтийский завод так и не смог выйти из кризиса. Проблемы у предприятия, несмотря на смену владельца, остались прежними: так как деньги на покупку предприятия были взяты в кредит под большие проценты и свободного оборотного капитала не имелось, князь Ухтомский пошёл фактически тем же путём, который ранее выбрали для себя Полетика и Семянников — обратился к содействию частных лиц, убедив войти с ним в партнёрство и образовать акционерное общество. Таким образом, в 1873 г. в Англии было учреждено, совместно российскими и британскими подданными, в том числе с участием бывшего главного инженера-строителя английского Королевского флота Рида, английское акционерное общество The Baltic Iron Ship Building and Engineering Company limited, на которое были переведены, как имущество, так и долги Балтийского завода⁶⁸. Новая компания исходатайствовала в 1874 г. разрешение императора на открытие в Петербурге «Ответственного агентства» и затем приняло на себя по договорам с Морским министерством следующие работы: по фрегату «Минин» — корпус и механизмы, по фрегату «Герцог Эдинбургский» — корпус и механизмы, по клиперу «Пластун» — корпус и механизмы, по клиперу «Стрелок» — корпус⁶⁹.

Правление Английского общества вначале повело дела весьма широко. Было куплено много новых станков, для приведения их в действие

⁶⁶ Там же. Л. 97 и об., цит. л. 97.

⁶⁷ Там же. Л. 131.

⁶⁸ Исторический очерк существования и деятельности Балтийского судостроительного и механического завода. СПб.: тип. О. Кранц, 1896. С. 2.

⁶⁹ Извлечение из отчётов Балтийского судостроительного и механического завода. 1877–1892 гг. СПб., Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1893. С. 2.

в мастерских установили 10 новых паровых машин, на берегу Невы построили 80-тонный кран-треногу; все мастерские завода и обе его части, отделённые друг от друга Кожевенной линией, были соединены рельсовыми путями, были приобретены необходимые для перевозки грузов паровозы. Для расширения спектра возможностей предприятия и ввиду имевшихся сложностей с поставками железа новые собственники организовали на заводе прокатный и железоделательный отдел и, кроме того, попытались заняться постройкой локомотивов⁷⁰.

Однако, истратив большую часть собранных при образовании общества денег на покупку завода, новые владельцы для создания оборотного капитала были вынуждены выпустить ещё 10 000 негарантированных акций и 1500 облигаций, вновь заложив имущество предприятия. Щедрых вложений в техническое развитие оказалось недостаточно для правильного дальнейшего развития, сказались и неправильная оценка экономической ситуации в целом и, как выяснилось впоследствии, неправильное ведение отчётности и бухгалтерских книг, не дававших верного представления об экономике предприятия, в результате всего через полтора года работы фирма, а вместе с ней и завод вторично оказались на грани банкротства. Положение правления «Английского общества» с долгами Морскому министерству, Министерству финансов, Городскому кредитному обществу и различным частным лицам было столь запутанным что в августе 1875 г., спустив фрегат «Герцог Эдинбургский», оно не нашло лучшего варианта, как вообще прекратить дальнейшие работы⁷¹.

К 1876 г. неспособность правления общества завершить заказы Морского министерства стала очевидной. В такой обстановке, учитывая стратегическую значимость предприятия, государство приняло решение взять дело в свои руки. С этой целью была придумана следующая схема. Морское министерство обратилось в Министерство финансов с просьбой оказать обществу помощь покупкой от князя Ухтомского, главного акционера и дебитора общества, 5480 акций по их номинальной цене в 146 руб. с условием, чтобы эти деньги за вычетом 229 000 руб., требовавшихся для выкупа заложенных князем акций, были полностью обращены на возмещение обществу числившегося за Ухтомским долга. Одновременно Министерство финансов поставило два условия, потребовав, во-первых, преобразовать Английское общество в Русское, кото-

⁷⁰ Дмитриев Н. И., Колтычев В. В. Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб.: типография Морского министерства в Главном адмиралтействе, 1909. С. 894–895; Исторический очерк существования и деятельности Балтийского судостроительного и механического завода. СПб.: тип. О. Кранц, 1896. С. 2.

⁷¹ Дмитриев Н. И., Колтычев В. В. Указ. соч. С. 894–895.

рое действовало бы на основании российских законов об акционерных обществах, и, во-вторых, дать Балтийскому заводу новое управление, допустив к нему уполномоченное лицо от Морского министерства. Приобретя таким образом от князя Ухтомского более половины общего количества акций, Морское министерство получило контрольный пакет и на ближайшем общем собрании акционеров, состоявшемся 6 ноября 1876 г., провело постановление о преобразовании компании в русское акционерное общество под названием «Балтийское железоделательное, судостроительное и механическое общество». Немедленно было решено отказаться от начатых бывшими владельцами железопрокатного и локомотивного производств, и завод, как и прежде, вернулся к специализации по машиностроению и кораблестроению в интересах флота⁷².

Для оздоровления предприятия следовало навести порядок в его экономике, чем энергично занялся управляющий, действительный статский советник М. Ковалевский. 21 февраля 1877 г. он подал в правление Общества следующую записку:

Я уже имел честь докладывать правлению о необходимости безотлагательного введения правильной расценки произведений завода, при помощи которой имелась бы постоянная возможность с точностью знать прибыльность и убыточность деятельности завода не только в общем выводе, но и по каждой из отдельных отраслей его производства (цехов). Стоимость заводу его произведений, слагаясь из материала, заработной платы и накладных расходов, требует, для правильного её учёта, правильного распределения и верного учёта этих трёх элементов между произведениями завода. Приступая к введению соответственной этим требованиям системы расценки и счетоводства на Балтийском заводе, я имел честь представлять правлению таблицу всех накладных расходов Балтийского завода с подразделением их на расходы общие, цеховые и материального склада и, получив утверждение этой таблицы правлением, поручил делать выборку из дел завода о размере всех накладных расходов за истекший 1876 год. При отсутствии на Балтийском заводе соответствующей вышеперечисленным требованиям системы расценок и счетоводства я не могу давать большой веры полученным мною цифрам, но должен, по необходимости, руководствоваться ими впредь до определения более точных цифр расхода путём верного учёта в течение времени до 1 июля текущего 1877 года. <...> Контора завода будет вести полное и самостоятельное счетоводство, независимое от счетоводства правления, и, обмениваясь с ним полугодовыми текущими счетами, представлять правлению полугодовые краткие отчёты и один годовой подробный отчёт о деятельности завода помимо всяких справок и сведений, в которых правление может во всякое время встречать надобность⁷³.

⁷² Исторический очерк существования и деятельности Балтийского судостроительного и механического завода. СПб.: тип. О. Кранц, 1896. С. 3–4.

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 416. Оп. 3. Д. 13. Л. 48–49.

Следующим шагом стало пополнение оборотных средств предприятия, на что решением императора 4 апреля 1877 г. было повелено отпустить из Государственного казначейства 966 390 руб. Одновременно Александр II обязал министра финансов и управляющего Морским министерством совместно решить вопрос, что будет выгоднее «в интересах флота и Государственного казначейства», приобрести ли Балтийский завод в казну или поддержать его существование его как завода частного? Обсуждение не заняло много времени, и в начале мая министр финансов Рейтерн в записке, поданной императору Александру II совместно с управляющим Морским министерством генерал-адъютантом Лесовским через генерал-адмирала великого князя Константина, дал чёткое объяснение, почему, став фактическим владельцем завода, государству совершенно не стоит стремиться к формальной реализации полученного права. Авторы записки указывали:

Продолжительный опыт как у нас, так и за границей доказывает, что промышленные учреждения, к числу которых по своему назначению должен быть отнесён Балтийский завод, не могут преуспевать при условии казённого управления ими. Главнейшими тому причинами следует признать: обязательные формы такого управления, невозможность одними казёнными работами занять производительно все части сколько-нибудь обширного заводского предприятия, приём же частных заказов при несовместимости с казённым управлением допущения кредита частным лицам делается крайне затруднительным; отсутствие личного интереса со стороны управляющих и служащих в прибыльности или убыточности операции; издержки, вызываемые содержанием всех заводских сооружений в таком виде, который требуется от всяких казённых зданий, но в большей части случаев не соответствует требованиям от частных заводов; и, наконец, сложности и дороговизне контроля, которым подчинены все казённые учреждения.

Независимо невыгоде действия казённых заводских учреждений в экономическом отношении, тот же всемирный опыт указывает, что и в техническом отношении казённые заводы почти всегда далеко уступают заводам частным, и опять-таки не вследствие личных качеств управляющих казёнными заводами, а по отсутствию тех побуждений к постоянному совершенствованию изделий завода, которые частные заводы находят в коммерческой конкуренции.

Кроме этих причин, которые заставляют нас признавать невыгодным для правительства вообще увеличивать число своих собственных заводов, когда есть малейшая возможность заменить их пользованием заводами частными, в отношении собственно к Балтийскому заводу приобретение его в казну, по нашему мнению, было бы невыгодно ещё и потому, что как завод, принадлежащий ныне акционерному обществу, он, без предварительной ликвидации общества, не может быть приобретён в казну иначе как с переводом на казну всех обязательств общества, ныне на нём лежащих; а так как имущество завода по своей стоимости не покрывает всех долгов

общества правительству и частным лицам, то приобретением Балтийского завода в собственность казны не только не возместились бы настоящие затраты правительства на этот завод, но оно лишилось бы всякой возможности пополнить эти затраты из будущих прибылей завода. Ликвидация же дел общества, владеющего ныне Балтийским заводом, повлекла бы за собой продолжительную остановку по производящимся на заводе работам для Морского ведомства⁷⁴.

Исходя из этих доводов, авторы записки сочли правильным сохранить формально частный характер Балтийского завода окончательно утвердив уже составленный устав российского «Балтийское железоделательное, судостроительное и механическое общество», окончательно закрыв, таким образом, английскую страницу в его истории.

Морское министерство, — указывали авторы доклада, — владеющее ныне более чем половинным числом акций общества, будет иметь преобладающее влияние в направлении деятельности нового общества Балтийского завода и тем устранятся те неправильные и нерасчётливые действия, которые привели настоящее общество к несостоятельности.

Кроме того, для дальнейшего оздоровления предприятия и гарантии завершения уже взятых им заказов, Рейтерн и Лесовский рекомендовали, вдобавок к уже выданных ему государством девятистам шестидесяти шести тысяч трёхсот девяноста рублей, продолжить кредитование из средств Государственного казначейства. По расчётам правления, с которыми государственные мужи согласились, на действие Балтийского завода в том размере, какой был необходим для скорейшего окончания постройки фрегатов «Герцог Эдинбургский» и «Минин» и двух клиперов, с июня 1877 по январь 1878 г. требовалось 1 125 000 руб. и на уплату приходившихся на этот срок долгов предприятия ещё 150 000, всего 1 275 000 руб. С января 1878 г. планировалось, что Балтийский завод будет в состоянии будет, за погашением обременяющих его долгов частным лицам, продолжать работать на те средства, которые будут следовать ему от Морского министерства за производимые работы те, которые планировалось предоставить в 1878 г. 16 мая 1877 г. император утвердил все эти предложения⁷⁵, а всего через четыре дня, 20 мая, поставил свою подпись и над уставом «Русского Балтийского железоделательного и механического общества», ставшего новым владельцем завода. Непосредственное ведение дел, согласно уставу, вверялось правлению из трёх директоров, по приглашению которого обязанности управляющего Балтийским заводом принял на себя бывший помощник директора

⁷⁴ Там же. Л. 63–66.

⁷⁵ Там же.

Русского общества пароходства и торговли и управляющий принадлежащим этому обществу судостроительным и ремонтным заводом отставной капитал-лейтенант Михаил Ильич Кази. Уже в первый период его руководства Балтийским заводом были не только доведены до конца унаследованные от прежнего руководства работы по заказам Морского ведомства, но и в том же 1877 г. принят новый экстренный заказ по постройке 30 миноносков (минных лодок), завершённый в 1878 г., а также построены клиперы «Опричник», «Пластун» и «Стрелок»⁷⁶.

Что касается завода Берда, то его кризисная полоса началась гораздо раньше и продлилась гораздо дольше, чем на двух вышеназванных более молодых предприятиях. Точкой отсчёта, по всей видимости, стал 1864 г., когда скоропостижно скончался владелец завода, сын его основателя Ф. К. Берд. Третье поколение собственников, к которым перешли бразды правления, оказалось гораздо слабее предшественников как в плане технических знаний, так и руководящих навыков. Именно в этих причинах, прежде всего, следует искать объяснения неудач при выполнении ряда важнейших заказов Морского министерства — прежде всего, механизмов для крупнейших отечественных кораблей своего времени, броненосного фрегата (крейсера) «Генерал-адмирал» и броненосца «Крейсер» («Пётр Великий»), которые были изготовлены со значительным несоответствием проектным условиям, конструктивными и технологическими дефектами⁷⁷. Всё это привело к быстрому подрыву репутации производства, попытки освоить новые для себя сферы, в частности, изготовление крупнокалиберных бронебойных снарядов, не принесли желаемого результата.

Последний шанс вернуть былое имя завод получил в октябре 1876 г., когда ему был отдан заказ на первый в истории Российского флота миноносец — с этим классом кораблей Морским руководством связывались большие надежды, поэтому успешное выполнение контракта сулило не только материальный успех. Владельцы предприятия явно понимали это — не случайно инициатива в деле принадлежала именно им: 23 октября 1876 г. Д. Ф. Берд в письме контр-адмиралу Пилкину предложил Морскому ведомству построить корабль, специально предназначенный для действия торпедами («минами Уайтхеда»), приложив к обращению спецификацию, в которой в основных чертах определялся облик будущего миноносца. 17 декабря 1876 г. Берд заключил с Петербургской конторой над портом контракт на постройку «одного быстроходящего вин-

⁷⁶ Дмитриев Н. И., Колтычев В. В. Указ. соч., С. 895–896; Исторический очерк существования и деятельности Балтийского судостроительного и механического завода. С. 3–4; История отечественного судостроения. Т. 2. С. 113, 116.

⁷⁷ История отечественного судостроения. Т. 2, С. 59.

тогового судна, предназначенного для действия минами» за 100 тыс. руб. Спуск на воду корабля, названного «Взрыв», состоялся 1 августа 1877 г. О больших надеждах, которые связывались с кораблём как с представителем нового класса, свидетельствует тот факт, что на церемонии присутствовали высшие чины флота во главе с генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем — такой чести не всегда удостоивались и корабли более крупных классов. Однако спуск прошёл крайне неудачно: на половине пути судно легло боком и коснулось грунта ахтерштевнем, для осмотра винта его снова пришлось поднять на эллинг. Вторичный спуск оказался более удачным, чего не скажешь о результатах испытаний: «Взрыв», как показали пробы, имел невысокую остойчивость, а вместо обещанной 17-узловой скорости давал едва 13,5⁷⁸.

Столь же неудачными оказались и два других первенца малого флота нового поколения, спущенные заводом Берда в том же 1877 г. миноноски «Бычок» и «Черпаха», вооружённые шестовыми минами. Взятые обязательства — корабли должны были развивать ход до 15 узлов — завод выполнить не смог, максимальная скорость не превысила 11,5 узлов. Неудачной оказалась конструкция шестового вооружения. Много нареканий вызвало и применение стальных топок. В общем, из-за ряда просчётов, неизбежных ввиду отсутствия опыта постройки кораблей подобного класса, мореходные и боевые качества миноносок оказались крайне низкими⁷⁹.

В итоге семье Бердов, бывшей в первой половине века едва ли не эталоном успеха (достаточно вспомнить расхожую присказку: «Как дела? — Как у Берда, только труба пониже и дым пожиже») так и не удалось поправить дела, и в 1881 г. они почли за лучшее продать своё предприятие вновь созданному «Обществу Франко-русских заводов, бывших Берда».

«Частный сектор» в производстве артиллерии и снарядов

Главный совместный проект Военного и Морского министерств, наметившийся в 1863 г. — поддержка частного сталепушечного завода — сам собой сошёл с повестки дня, едва в нём отпала сиюминутная надобность. Морское министерство, реальные потребности которого в артиллерии с учётом объёмов кораблестроения составляли несколько десятков орудий в год, окончательно сделало ставку на проходившее мучительный период становления товарищество Обуховского завода.

⁷⁸ История отечественного судостроения. Т. II. С. 130–138; *Черников И. И.* Миноносное судно «Взрыв» // Судостроение. 1981. № 4. С. 64.

⁷⁹ *Афонин Н. Н.* Миноноски постройки 1877–1878 гг. // Судостроение. 1981. № 3. С. 59.

Военное ведомство, которому ежегодно требовались сотни орудий для перевооружения пехотных и кавалерийских батарей, осадной артиллерии и крепостей, ждать, когда предприятие выйдет на предполагаемую мощность, не могло. Военный министр Д. А. Милютин позднее описывал положение дел так:

Большие надежды возлагались на этот завод. В высшей степени было важно для нас, при тогдашнем введении стальных орудий и брони, стать в независимое положение от заграничных заводов. К сожалению, надеждам нашим не суждено было скоро осуществиться. При всех достоинствах инженера Обухова и энергии (иногда чрезмерной) Путилова, при сильной поддержке Морского министерства, дела завода велись так, что бедный Кудрявцев вскоре оказался разорённым; потребовались новые крупные субсидии от казны, а нашей артиллерии ещё долго приходилось прибегать к помощи Круппа⁸⁰.

Для нарезки и окончательной отделки поступавших из-за границы орудий в Петербурге были организованы две казённые мастерские — флотская на Ижорских заводах и ГАУ в помещениях Старого арсенала на Литейной. А Обуховский завод в 1868 г. из-за накопившихся долгов перешёл в собственность государства в лице Морского ведомства⁸¹. В дальнейшем в течение всего рассматриваемого периода частные предприятия привлекались к изготовлению артиллерии только на вспомогательных ролях — в качестве производителей лафетов передков и зарядных ящиков, заказов на орудия им даже не предлагали, да и названные работы по артиллерийской технике ГАУ предоставляло частным заводам весьма неохотно, прежде всего тогда, когда не имелось возможности выполнить работу силами казённых предприятий. Соответствующие заказы предоставлялись ежегодно, однако общее их число было явно недостаточным, чтобы стабильно обеспечить даже несколько крупных заводов; кроме того, выбор, стандартно делавшийся по критерию «казённой выгоды», то есть наименьшей из предложенных цен, обычно ставил в заведомо проигрышные условия крупные предприятия, и организационно и экономически не заинтересованные в работе незначительного объёма.

К примеру, в августе 1873 г., представляя начальству доклад о заказе частным заводам 50 железных станков для ½-пудовых гладкостенных мортир, начальник 2-го отделения ГАУ указал, что

⁸⁰ Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 427.

⁸¹ Кантерев Н. А. Указ. соч. С. 23–26; Колчак В. История Обуховского завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб.: Типография Морского министерства, 1903. С. 28–29

возложить приготовление этих станков на местные арсеналы оказывается неудобным, по весьма значительному количеству данных им нарядов на приготовление артиллерии, и потому заказ этот признаётся необходимым исполнить на частных заводах посредством вызова известных заводчиков⁸².

Предложения принять заказ были посланы заводчикам Берду, И. Е. Голубеву, Людвигу Нобелю, Лесснеру, Лаврову, заводам Илиса и Бутца, Никольс и Плинке, доверенному Райволовского завода, Русскому обществу горных и механических заводов, компании С.-Петербургского металлического завода, а также в Литейный механический завод Г. В. Стругова и Ко, в Емельяновский чугунно-литейный и механический завод (бывший Броуна); показательно, что из 11 приглашённых к торгам заводов заявки на участие в конкурсе представили два: правление компании С.-Петербургского металлического завода и заводчик Г. В. Стругов от лица С.-Петербургского акционерного общества «Архимед». Заказ, по господствующему принципу наименьшей стоимости, был отдан последнему и благополучно исполнен им к концу апреля 1874 г.⁸³

В этой истории, характерной для описываемого времени, показательно всё — и внешний демократизм Военного ведомства, формально не делавшего различия между потенциальными подрядчиками в зависимости от их величины и производственных возможностей, и демонстративное отсутствие интереса к сделанному предложению со стороны практических всех ведущих столичных предприятий и, наконец, победитель, представлявший собой скорее крупную мастерскую, нежели машиностроительный завод.

В течение рассматриваемого период ГАУ ежегодно предлагало частным предприятиям в среднем от пяти до десяти относительно крупных, объёмом чаще всего в несколько десятков, гораздо реже — сто и более тысяч рублей, контрактов, потенциально представлявших интерес для ведущих промышленных предприятий Петербурга. Чаще всего речь шла о производстве снарядов⁸⁴, реже, как указано выше, орудийных лафетов,

⁸² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 3/2. Д. 277. Л. 9.

⁸³ Там же. Л. 34.

⁸⁴ Следует признать, что становлением современного для своего времени снарядного производства российская военная промышленность во многом обязана именно частным промышленникам, начиная с Н. И. Путилова, который, указывая на свой приоритет в разработке технологии изготовления стальных снарядов, с полным основанием писал: «Я без субсидий правительства ввёл впервые это производство». В принципе, не отрицали это и власти, давая, к примеру такую оценку: «С 1864 года открывается ряд обширных опытов над снарядами, предназначенными для пробивания брони, с целью выяснить те условия, которым они должны удовлетворять. К опытам привлекаются все русские заводчики, желающие ввести это производство

передков и зарядных ящиков, ещё реже — на станочное оборудование для казённых военных заводов⁸⁵. С учётом, что годовой оборот крупного частного предприятия, такого, как заводы Путилова, Голубева, Нобеля, Берда, Семянникова и Полетики, Металлического и др., в 1860–70-х гг. составлял от одного до двух млн. руб., несложно подсчитать, что даже в совокупности заказы ГАУ едва ли могли обеспечить даже одно производство, не говоря уже о десяти и более — и это без учёта конкуренции со стороны мелких и средних подрядчиков.

«Ружейная драма» и частные предприниматели

С завершением перевооружения армии с гладкоствольных на нарезные ружья, произошедшим в начале 1860-х гг., в области производства стрелкового оружия воцарилось временное затишье, окончившееся с началом перехода ведущих армий мира с дульнозарядных на казнозарядные винтовки, обеспечивавшие одновременно значительное — в 5–10 раз увеличение скорострельности, а также повышение дальнбойности и меткости огня. Так начиная с середины 1860-х гг., к не сходящим с повестки дня задачам постоянного усовершенствования артиллерии, снарядов, металлургического производства и кораблестроения, перед отечественной военной промышленностью появился новый вызов, метко окрещённый в оружейведческой литературе «винтовочной» или «ружейной драмой».

Частных предприятий, занимающихся изготовлением армейского стрелкового оружия, в Российской империи традиционно не было: вин-

в своих мастерских. Результатом появляется уверенность в том, что снаряды наших заводов могут быть не только не хуже, но во многих отношениях даже лучше зарубежных. Наконец, опыты выявили также, что пробивающее действие снарядов из надлежащим образом закалённого чугуна значительно сильнее, чем снарядов из мягкой кованой стали, легко деформирующихся при пробивании. Таким образом, был решён вопрос в пользу снарядов из закалённого чугуна наших заводов, которые могут обеспечить потребности артиллерии в случае даже весьма экстренных требований». Однако, ни очевидные факты, ни признание заслуг не обеспечили частным промышленникам устойчивых заказов артиллерийских боеприпасов. Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: «Наука», 1973. С. 375; Очерк преобразований в артиллерии в период управления генерал-адъютанта Баранцова. 1863–1877. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. С. 330–332.

⁸⁵ См., напр.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 3/2. Д. 201. Л. 70–71 об.; Ф. 6. Оп. 3/2. Д. 873. Л. 38–44 об.; Ф. 6. Оп. 6/3. Д. 213. Л. 7, 108; Ф. 6. Оп. 18/2. Д. 362. Л. 48–49 об.; Ф. 6. Оп. 24/1. Д. 650. Л. 153–165; РГАВМФ. Ф. 921. Оп. 7. Д. 17. Л. 22.

товками и пистолетами армию и флот традиционно снабжали три крупных казённых производства — Ижевский, Сестрорецкий и Тульской оружейные заводы, а когда они не справлялись с заказами, необходимые закупки делались за границей. Однако уже в начале 1860-х гг. в связи с предстоявшей необходимостью освободить казённых работников от крепостной зависимости и провести техническую модернизацию руководству артиллерийского ведомства стала очевидна невозможность успешного решения этих задач в рамках существующей административной системы. Как отмечал, например, один из ведущих российских теоретиков-оружейников В. Л. Чебышев в лекциях по управлению казёнными оружейными производствами зимой 1862–1863 гг.,

в последнее время официально признано, что при той администрации, которая существует в наших технических заведениях, они далее совершенствоваться не могут⁸⁶.

В качестве решения был избран способ, ранее уже опробованный, сперва в XVIII в., когда ряд казённых заводов и фабрик, в том числе горных, был отдан в руки предпринимателей⁸⁷, а позднее, в середине XIX столетия, при передаче от Министерства финансов обществу железных дорог петербургского Александровского литейного завода, — т. н. арендно-коммерческое управление, означавшее, что предприятие, оставаясь в собственности казны, поступает на определённый срок в ведение арендатора, получающего право руководить им как частным при условии обязательного выполнения определённого объёма государственных заказов.

Первые предложения передать оружейные заводы, точнее, один из них, Сестрорецкий, в арендно-коммерческое управление, поступили ещё в 1859 г., когда с ними выступили бельгийский фабрикант Малерб и командир завода Леман, однако оба получили отказ⁸⁸. В начале 1862 г. командир Тульского оружейного завода генерал-майор К. К. Стандершельд представил генерал-фельдцейхмейстеру проект условий передачи завода с 1 января 1863 г. в управление «на коммерческом праве и на основаниях вольного труда». Проект был последовательно рассмотрен и одобрен самим начальником артиллерии, руководством ГАУ и Воен-

⁸⁶ Чебышев В. Об администрации казённых артиллерийских технических заведений // Артиллерийский журнал. 1864. № 4. Отдел неофициальный. С. 263.

⁸⁷ Лаппо-Данилевский А. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб.: Тип. В. С. Балашев и Ко, 1899. С. 63.

⁸⁸ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. 1721–1967. Очерки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1968. С. 34; Цыбульский В. А. История Сестрорецкого инструментального завода имени С. П. Воскова (1721–1917). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Л.: Ленинградское отделение института истории АН СССР, 1958. С. 3–4.

ным советом, далее представлен Александру II и, по утверждению императором 27 апреля 1862 г., стал основанием для перевода на арендно-коммерческое управление не только самого завода (а управлять им в течение пяти лет взялся сам генерал-майор Стандершельд), но и двух других оружейных заводов, которые также были переданы их бывшим командирам. Сестрорецкий завод на основании высочайшего повеления от 13 декабря 1864 г. принял полковник О. Ф. Лиlienфельд, а Ижевский — полковник Д. С. Фролов, также утверждённым императором 9 октября 1865 г. положением Военного совета⁸⁹. Такое сочетание частной заинтересованности с сохранением возможности полного государственного контроля представлялось военным специалистам лучшим из возможных вариантов. Полной передачи оружейного производства в частные руки опасались. Уже цитировавшийся В. Л. Чебышев, например, выдвигал такой аргумент:

Предоставить же полную свободу фабрикантам и полагаться на осмотр комиссии, которой приносилось бы оружие совсем готовое, невозможно. <...> Чтобы быть казне вполне обеспеченной, ей придётся иметь на каждом заводе своих агентов, и не одного, а нескольких; а тогда едва ли она соблюдёт свои выгоды. В этом случае, т. е. при трудности и дороговизне проверки произведений, сами политико-экономы оправдывают изготовление их на казённых фабриках⁹⁰.

Заключение, как можно предположить, было сделано чисто умозрительно — поскольку частных оружейных заводов в России до сих пор не существовало, то и практического опыта, на котором могли бы основываться подобные умозаключения, не имелось.

В состоянии частно-государственного партнёрства российские оружейные заводы встретили начавшееся во второй половине 60-х гг. XIX в. массовое перевооружение ведущих армий мира на казнозарядные винтовки. Как писал позднее Д. А. Милютин:

Только что успели мы закончить перевооружение всей нашей армии 6-линейными нарезными винтовками, как уже во всех государствах поднят был вопрос о ружьях, заряжаемых сзади с металлическим патроном. Дело это было ещё так ново, что везде приступали только к испытанию первых, весьма несовершенных, изобретений, которые вскоре потом забывались с появлением новых механизмов⁹¹.

⁸⁹ Майков П. Об отдаче оружейных заводов в арендно-коммерческое управление их командирам // Оружейный сборник. 1866. № 2. Отдел II. С. 57–59.

⁹⁰ Чебышев В. Об администрации казённых артиллерийских технических заведений // Артиллерийский журнал. 1864. № 5. Отдел неофициальный. С. 388.

⁹¹ Цит. по: Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М.: Издательство Московского университета, 1953. С. 139.

Результаты австро-прусской войны 1866 г. показали как подавляющее превосходство пехоты, вооружённой казнозарядными винтовками, так и то, что новое перевооружение Русской армии откладывать больше нельзя. Первоначально в ноябре того же года был утверждён образец капсюльной винтовки системы Тьерри-Нормана, и оружейным заводам было предписано переделать по этой системе к июлю 1867 г. 115 000 винтовок. Одновременно, понимая, что силами одних оружейных заводов быстро армию не перевооружить, ГАУ предложило привлечь к делу и частных предпринимателей. В докладе, поданном военному министру говорилось:

В начале же ноября Главное управление полагало бы объявить на переделку наших винтовок торги, пригласив к соучастию, кроме управляющих заводами и тульских оружейников, заявивших уже желание принять на себя переделку, и другие лица на общем торговом положении⁹².

Торги на переделку 162 000 для частных предпринимателей были назначены на 18 мая 1867 г., однако на них никто не явился, кроме уполномоченных от тульских оружейников, которые предложили условия, не устраивавшие Военное ведомство. Тогда ГАУ по приказанию военного министра обратилось к петербургскому фабриканту Шафу, который ещё ранее предлагал допустить его к переделке винтовок без торгов. Шаф договорился о партнёрстве с Людвигом Нобелем и подтвердил готовность переделать значительное количество винтовок на своих петербургских заводах⁹³. Кроме того, ГАУ достигло соглашения и с другими частными лицами. О готовности взяться за переделку заявили предприниматели Мейнгард в Либаве и Больман в Киеве⁹⁴.

Переделка винтовок по системе Тьерри-Нормана едва началась, когда опытным путём было доказано значительное преимущество т. н. игольчатых винтовок перед капсюльными и уже 28 марта 1867 г. утверждён образец игольчатой винтовки системы Карле. Торги были приостановле-

⁹² Доклад ГАУ военному министру от 5 сентября 1866 г. за № 19235 о переделке наших шестилинейных винтовок для заряжания с казённой части // Оружейный сборник. 1866. № 4. Правительственные распоряжения. С. 65–69.

⁹³ Контракт ГАУ на переделку винтовок с Шафом и Нобелем был заключён 15 июля 1867 г., однако меньше чем через год Нобель обратился в управление с просьбой рассмотреть его в связи с невыполнением партнёром взятых на себя обязательств. Рассмотрев ситуацию, ГАУ признало Шафа «неисправным», договорённость была отменена и на основании положения Военного совета 1 мая 1868 г. артиллерийское ведомство заключило отдельный контракт с Нобелем на переделку 80 тыс. винтовок по системе Карле. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5/2. Д. 671. Л. 20 об.

⁹⁴ Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890. № 2. Отдел I. С. 36–37.

ны, а заводам дано предписание дать предложения как об изготовлении новых винтовок этой системы, так и переделки старых. В течение всего 1867 г. не было выпущено ни одной винтовки, ни переделанной, ни новой системы Карле. Их производство началось только в 1868 г., заказы получили казённые Ижевский, Сестрорецкий и Тульский заводы, а также петербургский завод Людвига Нобеля, завод Больмана и Виноградова в Киеве, товарищество бывших тульских оружейников, заводчик Мейнгардт в товариществе с иностранцами Шмельцером и Роненфельдом в Либаве⁹⁵.

И снова повторилась уже знакомая история: едва винтовка Карле начала вводиться в производство, как возникло предложение о замене её другой, разработанной чехом С. Крнка⁹⁶. Параллельно Морское министерство, которое, как и несколько лет назад, при выборе производителя артиллерийских орудий не стало дожидаться решения вопроса сухопутным ведомством, а заключило контракт с Обуховым и Путиловым, представило свой образец казнозарядной винтовки. Его разработал начальник Морского музея в Петербурге лейтенант Н. М. Баранов, а производство уже налаживалось на заводе Путилова. Для решения вопроса, какой системе отдать предпочтение, Александр II, по предложению ГАУ, разрешил 11 февраля 1869 г. составить комиссию, в состав которой, наряду с представителями ГАУ и казённых оружейных заводов, впервые были включены и частные предприниматели: заводчики Нобель, Путилов, Струков, Больман, Виноградов и уполномоченные от либавских фабрикантов. Комиссии было предложено ответить, какая система более подходит для внедрения в производство исходя из того, что к 1 мая 1870 г. следует переделать не менее 400 тыс. винтовок, а работа будет распределена между казёнными оружейными и частными заводами.

Комиссия постановила, что переделка винтовок по системе Крнка могла быть произведена на 43% быстрее, чем по системе Баранова; испытание стрельбой принесло дополнительные очки винтовке Крнка по сравнению с винтовкой Баранова — она била кучнее с обеих тестовых дистанций в 600 и 700 шагов. На основании этих результатов 20 марта 1869 г. состоялся доклад, утверждённый Александром II. Было решено принять для переделки систему Крнка⁹⁷.

Но на этом «ружейная драма» не кончилась. Ещё через год, в 1870 г., на вооружение была принята новая, четвёртая за последнее четырёхле-

⁹⁵ Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. С. 173.

⁹⁶ Мавродин В. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л., Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 66–67.

⁹⁷ Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890. № 2. Отдел I. С. 50–56.

тие винтовка Бердана № 2, безусловно, превосходившая своих предшественниц, однако для внедрения в производство требовавшая серьёзной модернизации существовавших заводов, в частности, внедрения новых, способных к более точной работе станков⁹⁸.

Несмотря на очевидные экономические и технологические трудности, с которыми было связано предстоящее перевооружение, несмотря на все сопутствующие риски, с которыми могло быть связано производство новых винтовок (а события «ружейной драмы» подробно освещались и в специализированной, и в общественно-политической печати), в течение 1871 г. Военное ведомство получило ряд обращений от частных лиц, желающих заключить контракты на изготовление «берданок». Обращались и никому не известные люди, вроде отставного гвардии штабс-капитана Александра Николаевича Хвостова, который в качестве обратного адреса указал: «Большая Конюшенная, дом Башмакова, в контору нотариуса Лысенкова»; и имевшие определённую репутацию и связи, как, например коммерческий агент военного министерства коммерции советник Яков Яковлевич Фейгин, предложивший дать ему заказ на изготовление от 500 тыс. до 1 млн. винтовок в течение семи лет, с началом поставки через один год после заключения договора и с обязательством «устроить» в Петербурге завод с передачей его в собственность Военного ведомства в случае, если объём заказа достигнет 1 млн. винтовок (в обеспечение своей надёжности Фейгин обещал представить денежные залоги на сумму до 1 млн. рублей); и даже лица, почти приближенные к императору, такие,

⁹⁸ Для большинства частных заводчиков полное техническое перевооружение предприятий, необходимое для внедрения в производство новой винтовки, было невозможно в силу отсутствия необходимых средств. Так, многолетний член Арткома ГАУ Н. А. Снегсоров, которого связывали с Людвигом Нобелем не только деловые, но и дружеские отношения, вспоминал: «В 1869 г. завод его оканчивал крупную и выгодную работу по переделке ружей и был хорошо для этого рода работ укомплектован машинами и персоналом; заработок был хороший, до 300 000 рублей (он и послужил основанием для его дальнейших предприятий), но не предвиделось заказа, однородного с заканчиваемым, и возникал призрак разорения тем самым путём, которым был разорён его отец. В ту же пору он был удручён кончиной своей первой супруги, причём на руках его осталось трое малолетних детей. Наши разговоры в ту пору вращались на этих обстоятельствах. Я советовал ему довольствоваться тем материальным благосостоянием, которое Бог ему дал, и не подвергать риску ни своего положения, ни положения своих детей: закрыть завод и жить доходом с капитала. После многих возвращений к этому предмету (весьма естественных) вот его характерный ответ: — Я не могу следовать вашему совету: правда я стал довольно богат, но люди, трудами которых я стал богат, остались бедняками и между ними есть такие, которые работали ещё с отцом моим». См.: В память о Людвиге Эмануиловиче Нобеле. СПб.: Тип. Артиллерийского журнала. 1889. С. 15–16.

как действительный статский советник барон Александр Борисович Фитингоф. Последний выступил с инициативой

принять в своё распоряжение Ижевский и Сестрорецкий оружейные заводы и приспособить их на свой счёт к выделке, в течение семи лет до 750 000 ружей малого калибра последнего образца.

К предложению Фитингофа отнеслись наиболее серьёзно, возможно, в силу его положения. 4 июня 1871 г. товарищ генерал-фельдцейхмейстера А. А. Баранцев внёс его предложения, а также и все другие инициативы частных лиц, собравшиеся к тому моменту, на рассмотрение Военного совета. В сопроводительном докладе он подробно изложил собственный взгляд на дело, отметив, что

значительный итог контрактной суммы в этом случае может составить приманку для многих спекуляторов, которые, не имея должного понятия о всех условиях, необходимых для успешного ведения дела, но надеясь на продолжительность срока и разные льготы, какие можно будет исходатайствовать впоследствии, постараются захватить эту операцию в свои руки во что бы то ни стало. <...> Признаётся возможным переустройство заводов для машинной выделки из них оружия, и притом каждого отдельно, доверить только таким лицам, которые будучи хорошо известны Военному министерству, представляли бы по личным своим познаниям и качествам известную гарантию в том, что они принимают на себя подобную операцию, берутся за дело, с которым они вполне знакомы и могут его успешно выполнить.

7 июля Военный совет рассмотрел доклад Баранцева и во всём с ним согласился. После этого, частным интересантам разослали стандартные ответы:

Главное артиллерийское управление по приказанию товарища генерал-фельдцейхмейстера уведомляет, что по изменившимся обстоятельствам и ввиду выяснившейся возможности всё необходимое количество этих ружей изготовить своевременно на наших казённых оружейных заводах, Военное министерство не предполагает обращаться для приобретения их к предпримчивости частных лиц⁹⁹.

Окончательное решение в итоге было принято в пользу уже проверенной схемы арендно-коммерческого управления. Наибольшие сложности при этом представляло налаживание производства винтовок Бердана на Ижевском оружейном заводе, наименее оснащённом и наиболее отдалённом от Петербурга производстве. В качестве управляющего был выбран уже хорошо знакомый с изготовлением «берданок», в том числе благодаря зарубежным командировкам, капитан П. А. Бильдерлинг (также лично хо-

⁹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5/2. Д. 714. Л. 13 и об., 15–16 об., 52 и об., 59, 60 об., 83.

рошо знакомый товарищу генерал-фельдцейхмейстера, на дочери которого он был женат). Учитывая сложность предстоящей задачи Бильдерлинг договорился о партнёрстве с Людвигом Нобелем, которому предстояло не только быть представителем компаньона в Петербурге, но и провести модернизацию Ижевского завода, а также усилить его мастеровыми своего завода, знакомыми с работой на современных станках. Решение оказалось верным; позднее Бильдерлинг так подвёл итог совместной работы:

Чтобы дать понятие о количестве потребовавшихся <для Ижевского завода — *В. Х.*> станков и машин, укажем, что для изготовления, например, ружейной коробки, кромековки, необходимо до 56 операций, а так как некоторые из них производятся на нескольких станках, то для одной коробки нужно было более 75 станков; затвор требовал более 10 операций; штык, кромековки, 48 операций и проч. Общее число различных станков, изготовленных заводом Л. Нобеля в период 1871–1872 года для Ижевского завода, превышало 1000 штук¹⁰⁰.

Также, не имея прямых доказательств, можно предполагать, ссылаясь на косвенные аргументы, что Бильдерлинг в лице своего петербургского компаньона Людвиг Нобеля и арендатор Сестрорецкого оружейного завода генерал-майор О. Ф. Лилиенфельд координировали свои действия по основным вопросам взаимоотношений с государством, прежде всего, когда требовалось добиться каких-либо льгот или изменения ранее завершённых условий. Так, в конце ноября 1873 г. Нобель и Лилиенфельд с разницей всего в один день и с почти одинаковыми аргументами обратились в ГАУ с просьбой изменить сроки поставок винтовок Бердана в связи с невыдачей вовремя образца¹⁰¹.

Смена поколений

В течение двадцати рассмотренных лет военная промышленность России претерпела значительные изменения. Продолжалась концентрация оборонных и ориентированных на исполнение военных заказов предприятий в Санкт-Петербурге, достигая по ряду отраслей — электротехника, приборостроение, кораблестроение — практически стопроцентного объёма. Произошёл невиданный ранее по темпам обновления прогресс во всех областях вооружений и военной техники, который вызвал полное переоборудование и модернизацию производств, а также значительно

¹⁰⁰ Бильдерлинг П. А. Деятельность Людвиг Эммануилович Нобеля как участника при выполнении на Ижевском оружейном заводе правительственных заказов // Памяти Людвиг Эммануилович Нобеля. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1889. С. 31–32.

¹⁰¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 3/2. Д. 274. Л. 59–62 об., 63–65.

повысил требования к качеству как рабочей силы, так и инженерных и конструкторских работников. Практически с нуля сформировался рынок свободного труда, на котором казённым предприятиям нередко приходилось конкурировать с частными. Наконец, участие частной промышленности в исполнении военных заказов из эпизодического и случайного стало постоянным фактором, который, правда, ещё не принимался в расчёт при долгосрочном военном планировании — негосударственные предприятия, как и прежде, государство воспринимало в основном как подспорье на трудные времена, а не как постоянного партнёра.

Нельзя при этом сказать, что власти совсем не учитывали интересов частной промышленности — доказательством обратного служит хотя бы то, что в пользу частных чаще всего решались вопросы об отмене штрафных санкций в случаях задержки со сдачей военной продукции¹⁰², а такие задержки были скорее правилом, нежели исключением из них. В экстренных случаях государство шло ещё дальше и даже выходило за рамки действующих законов, например, для поддержки завода Семяникова и Полетики при исполнении контракта на нарезку крепостных орудий ГАУ согласилось принять в качестве обеспечительного залога не деньги, ценные бумаги или недвижимость, как того требовали действующие нормы, а оборудование, сверлильный и нарезательный станки¹⁰³. А в 1868 г. то же предприятие решением Адмиралтейств-совета по ходатайству главного командира Петербургского порта вообще было освобождено от обеспечения залогами исправного выполнения подрядов по постройке корпусов фрегатов «Адмирал Спиридов», «Адмирал Чичагов» и «Минин» и механизмов первых двух фрегатов

в том внимании, что эти заводчики в течение 10 лет оказали свою исправность по построению для Морского ведомства судов и механизмов, и что поименованные фрегаты и механизмы были доведены ими в то время более нежели до половины полной готовности¹⁰⁴.

Такие примеры можно приводить и ещё. Однако обозначившаяся ещё в середине XIX в. тенденция (закономерность) — о частных предприятиях вспоминали тогда, когда было необходимо получить срочный результат, требовавший гибкости, оперативности в управленческих решениях и освоения новых технологий, полностью подтвердилась в начале второй половины столетия, когда стремительно развивавшаяся научно-техническая революция одновременно затронула практически

¹⁰² См. напр: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 3/2. Д. 209. Л. 115–117; Оп. 18/2. Д. 362. Л. 149 и об; Оп. 24/1. Д. 650. Л. 350.

¹⁰³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 288. Л. 86 об.

¹⁰⁴ РГАВМФ. Ф. 921. Оп. 2. Д. 292. Л. 188 и об.

все области вооружения и военной техники. При этом образ действия государства не претерпел каких-либо изменений: к услугам частных производителей обращались за помощью, когда казённые производства не справлялись со стоявшими задачами, и от них отказывались при первой же возможности, руководствуясь стремлением к формальной экономии и нисколько не задумываясь о создании промышленного резерва, потребность в котором всё больше ощущалась с каждой новой военной кампанией, особенно связанной с участием технологических развитых противников (очевидно, что на протяжении всего столетия понятие «казённой выгоды» трактовалось не с государственной/государственнической, а присущей частным собственникам логикой: а именно исключительно сквозь призму минимизации расходов — и неважно, какой ценой). Исключения, безусловно были, например, при модернизации оружейных заводов, однако, они не меняли общего правила.

С одной стороны, без участия частных предприятий не обходился ни один этап технического развития, с другой стороны, когда наиболее сложная фаза каждого из этих этапов оказывалась пройденной, государство так или иначе выталкивало предпринимателей из круга постоянных исполнителей военных заказов. На случайно к концу эпохи Александра II сферу ВПК так или иначе покинули все наиболее яркие, знаковые фигуры уходящего времени: Семяников и Полетика, Карр и Макферсон (а также сменивший их в качестве основного владельца Балтийского завода князь Ухотмский), Людвиг Нобель (фактически сделавший свой завод более чем на полтора десятилетия механическим производством для другого семейного предприятия — Товарищества нефтяного производства братьев Нобель), Н. И. Путилов, Е. Голубев, семья Берд, причем не в силу естественных, прежде всего возрастных причин, а по вполне очевидным экономическим обстоятельствам.

Забегая вперёд, можно указать, что в последующие три десятилетия сопоставимых по значению личностей в петербургской промышленности не появится. Таким образом, речь может идти именно о тенденциях — и никак не о случайных совпадениях. Вместе с периодом «бури и натиска» закончилось и «время героев». На общем фоне удивительную устойчивость демонстрировала только компания Металлического завода, верная своему изначально провозглашённому принципу: «производство всяких металлических изделий, могущих быть выгодными для завода», и не рисковавшая делать основную ставку на военные заказы.

Список литературы

Адмиралтейства и заводы Балтийского флота // Морской сборник. 1864. Т. LXXV. № 11. Ноябрь. Ч. III. Неофициальный отдел

- Афонин Н. Н.* Миноноски постройки 1877–1878 гг. // Судостроение. 1981. № 3.
- Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973.
- В память о Людвиге Эмануиловиче Нобеле. СПб., Тип. Артиллерийского журнала, 1889.
- Господину управляющему делами Комитета министров. Об устройстве управления Обуховского сталелитейного завода (сборник документов). СПб., 1885.
- Дмитриев Н. И., Колтычев В. В.* Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб.: Типография Морского министерства в Главном адмиралтействе, 1909.
- Доклад Главного артиллерийского управления военному министру от 5 сентября 1866 г. за № 19235 о переделке наших 6-линейных винтовок для заряжания с казенной части // Оружейный сборник. 1866. № 4. Правительственные распоряжения.
- Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М.: МГУ, 1953.
- Извлечение из отчета командира Гвардейского экипажа Свиты Е. В. контр-адмирала Аркаса за 1862 год // Морской сборник. 1863. Т. LXVII. № 8. Август. Ч. II. Официальный отдел.
- Извлечение из отчетов Балтийского судостроительного и механического завода. 1877–1892 гг. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1893.
- Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890. № 2. отдел I.
- Исторический очерк существования и деятельности Балтийского судостроительного и механического завода. СПб.: тип. О. Кранц, 1896.
- История отечественного судостроения. СПб.: Судостроение, 1996. Т. 2.
- Каптерев Н. А.* Обуховский сталелитейный завод. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1913.
- Корреспонденция из портов. С.-Петербург // Морской сборник. 1861. Т. LV. № 10. Октябрь. Ч. IV. Смесью.
- Латно-Данилевский А.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб.: Тип. В. С. Балашев и Ко, 1899.
- Лафет из котельного железа для береговых батарей // Артиллерийский журнал. 1860. № 7.
- Перечень занятий в заседаниях временного артиллерийского комитета за апрель 1860 г.
- Мавродин В. В., Мавродин Вал. В.* Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984.
- Майков П.* Об отдаче оружейных заводов в арендно-коммерческое управление их командирам // Оружейный сборник. 1866. № 2. Отдел II.
- Мани К. А.* Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. Ч. 1.
- Милотин Д. А.* Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003.
- Об освидетельствовании построенного на заводе г. Нобеля берегового лафета из котельного железа // Артиллерийский журнал. 1860. № 11. Перечень занятий в заседаниях временного артиллерийского комитета за август 1860 г.
- Отчет о действиях Кораблестроительного департамента Морского министерства за 1860 г., представленный контр-адмиралом Воеводским // Морской сборник. 1861. Т. LII. № 4. Апрель. Приложение.
- Отчет о действиях Кораблестроительного технического комитета в 1861 г., представленный генерал-майором Чернявским // Морской сборник. Т. LXVII. 1863. № 8. Август. Ч. II. Официальный отдел.
- Отчет о действиях Кораблестроительного технического комитета в 1862 г., представленный генерал-майором Чернявским // Морской сборник. 1863. Т. LXVII. № 8. Август. Ч. II. Официальный отдел.
- Очерк преобразований в артиллерии в период управления генерал-адъютанта Баранцова. 1863–1877. СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877.

- Полетика В. А.* О железной промышленности в России. Публичные лекции. СПб.: Издание Н. П. Рейхельта, 1864.
- Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. 1721–1967. Очерки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1968.
- Цыбульский В. А.* История Сестрорецкого инструментального завода имени С. П. Воскова (1721–1917 гг.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Л.: Ленинградское отделение института истории АН СССР, 1958.
- Чебышев В.* Об администрации казённых артиллерийских технических заведений // Артиллерийский журнал. 1864. № 4. Отдел неофициальный.
- Черников И. И.* Миноносное судно «Взрыв» // Судостроение. 1981. № 4.
- Шестаков И. А.* Полвека обыкновенной жизни. СПб.: Судостроение, 2006.
- Эгерстром Н.* Сведения о снабжении нарезными орудиями сухопутной артиллерии // Инженерный журнал. 1862. № 1. Смесь.

УДК 94 (47).082

ББК 63.3 (2) 51

Андрей Владимирович ГРОМОВ

Старший научный сотрудник, (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: schnurrig@mail.ru

СУДЬБА СТАРИННОЙ КОРЕЙСКОЙ ПУШКИ ИЗ СОБРАНИЯ ВИМАИВИВС. ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА К. И. ВЕБЕРА

Статья посвящена проблемам изучения и атрибуции уникальной корейской пушки XVIII в., подаренной ваном Кореи Коджоном русскому представителю в Сеуле К. И. Веберу в годы Японо-китайской войны (1894–1895). В статье освещена история появления такого типа орудий в вооруженных силах Кореи, а также проблемы русско-корейского военного сотрудничества в XIX в.

Ключевые слова: история дипломатии, К. И. Вебер, российская миссия в Корее, история артиллерии, Японо-китайская война, история музейных коллекций.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится одна из крупнейших в мире на сегодняшний день коллекций артиллерийских орудий, произведенных в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII–XIX вв. Она насчитывает более 70 предметов, среди которых большую часть составляют трофеи времен восстания ихэтуаней (1899–1901), привезенные из Маньчжурии и Пекина¹. Но среди них есть и небольшая группа орудий, попавших в фонды АИМ в результате дипломатического и военно-технического сотрудничества Российской империи с цинским Китаем (в 1840–60-х гг.) и с Кореей в конце XIX — начале XX в.

К числу подобных исторических реликвий, без сомнения, принадлежит и уникальная корейская пушка, отлитая в правление вана Чонджо²,

¹ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 182. Л. 132–138 об. (Ведомость орудиям и оружию, выбранному из конфискованного китайского артиллерийского имущества, согласно сведениям, доставленным штабом Квантунской области, для передачи в Артиллерийский исторический музей в С.-Петербург. Копия); Л. 140–142 (Список предметов, выбранных для Артиллерийского музея, из ведомости, представленной окружным артиллерийским управлением Приамурского военного округа при рапорте от 6 сентября 1902 г. за № 10015. Копия).

² Чонджо (정조, 正祖) — 22-й правитель государства Чосон (время правления — 27 апр. 1776 — 18 авг. 1800). См.: *Концевич Л. Р.* Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М., Восточная литература РАН, 2010. Т. 1. С. 659.

и оказавшаяся в России в виде дипломатического подарка³ вана Коджона⁴ известному русскому дипломату, чрезвычайному представителю России в Корее, Карлу Ивановичу Веберу⁵.

Хотя события Русско-японской войны и неудачи русской армии в Цусиме и Порт-Артуре перечеркнули достигнутые русской дипломатией за предыдущий период успехи, но без сомнения усилиями русских дипломатов в этот период были заложены те дружественные русско-корейские связи, что существуют и поступательно развиваются до сих пор.

История этого удивительного «подарочного» орудия, как и контекста его передачи в дар представителям русской дипломатической миссии, уже сама по себе заслуживает отдельного изучения. Кроме того и судьба этой пушки внутри музея (уже после попадания ее в фонд АИМ в 1906 г.) представляет собой интереснейшую страницу в истории формирования артиллерийской коллекции ВИМАИВиВС.

К концу 60-х гг. XIX в. корейское государство Чосон стало объектом активного военно-политического вмешательства со стороны колониальных держав — США, Великобритании, Германии, Франции и др. Аналогичное вмешательство в дела Кореи осуществлял в это время также цинский Китай, считавший территорию Кореи своим прямым и непосредственным протекторатом. При этом в самой Корее не признавали главенства Цин, так что де-факто она была независимой. Кроме того, главенство цинского Китая на полуострове жестко оспаривалось не только самой Кореей, но и Японией, провозгласившей в этот период курс на вестернизацию (в рамках т. н. «реставрации Мэйдзи») и последующую экспансию в регионе.

В начале 1870-х гг. корейская правящая династия Ли переживала глубокий кризис. Страной довольно долго правил принц Ли Ха Ын (отец вана Коджона), более известный под своим титулом Тэвонгун (т. е. принц-регент), который олицетворял наиболее реакционный консерватизм и изоляционизм, совершенно несовместимый с быстро меняющейся вокруг ситуацией на международной арене. «Патриотическая» (изоляционистская) линия Тэвонгуна приобрела в этот период самые странные, в т. ч. и отталкивающие формы. Так, именно по настоянию Тэвонгуна в 1866 г. были убиты сторонники христианских миссионеров

³ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 8. Л. 103 об. — 105. № 347.

⁴ Коджон (고종, 高宗) — 26-й правитель государства Чосон (13 дек. 1863 — 17 мая 1895), 1-й император Кореи (17 мая 1895 — 21 янв. 1907). См. *Концевич Л. П.* Хронология... С. 660.

⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 7. Л. 26 об. № 91; Ф. 22. Оп. 92. Д. 62. Л. 34, 104; Ф. 3Р. Оп. 33. Д. 42. Л. 5.

(в т. ч. и миссионеры-французы), что привело к неизбежной карательной экспедиции со стороны французского экспедиционного корпуса⁶.

Когда соседняя с Кореей Япония встала на путь европейской модернизации, Тэвонгун также был резко против. Он заявил, что одеваясь и ведя себя как европейцы подданные японского императора «потеряли человеческий облик» и разговаривать с ними отныне нужно только как с «варварами»⁷. Более того, почти одновременно с уничтожением европейской христианской миссии (все в том же 1866 г.) партия консерваторов довела дело до того, что находившиеся тогда в Сеуле японские дипломаты были убиты прямо на улице. Последний выживший член японской дипломатической миссии был фактически выслан назад в Японию с оскорбительным письмом в адрес японского императора и всего государства в целом⁸.

Вместо того, чтобы бороться с охватившей страну коррупцией и чиновничьим произволом, партия консерваторов во главе с самим Тэвонгуном пыталась противостоять переменам, и исключительно военными методами. Так, среди прочего Тэвонгун разрабатывал и совершенно фантастические проекты, типа железного *кобуксона* в духе XVII столетия (он утонул во время испытаний прямо в порту) или летательного аппарата с крыльями из журавлиных маховых перьев, чтобы бомбить приходящие корабли европейских и американских «варваров»⁹.

При этом основания для неприязни к приезжим колонизаторам у патриотов, и правда, были. В этот период в Корею настойчиво проникали европейские и американские авантюристы, пытавшиеся навязать ее правительству неравноправные договоры, а иногда — с целью элементарного грабежа: известен инцидент с американским вооруженным судном «Генерал Шерман», команда которого прибыла в Корею с целью разграбить древние гробницы на р. Тэдонган в окрестностях Пхеньяна. Все в том же 1866 г. корабль был сожжен разгневанными жителями Кореи, а вся команда его погибла¹⁰. Эти события повлекли американскую

⁶ Пак Б. Б. Российский дипломат К. И Вебер и Корея. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 121; *Cumings B. Korea's Place in the Sun. A Modern History.* New York — London, W. W. Norton & Company, 1997. P. 96.

⁷ Пак Б. Д. Россия и Корея. Издание 2-е, дополненное. М.: Издательство ИВ РАН, 2004. С. 106.

⁸ Там же. С. 106.

⁹ *Breen M. The Koreans. Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies.* Thomas Dunne Books, 1998. З. 98.

¹⁰ Пак Б. Б. Борьба западных держав за открытие корейских портов и позиция России (1866–1871). Документы // Россия и народы стран Востока. Иркутск. 1993. С. 132.

карательную экспедицию, организованную в 1871 г. американским послом в Пекине Ф. Лоу и контр-адмиралом ВМС США Дж. Роджерсом¹¹.

Эти события совпали также с мощными народными движениями (восстание *тонхаков* и др.) для подавления которых в т. ч. привлекались и иностранные вооруженные силы.

Так что уже к началу Японо-китайской войны 1894–1895 гг. на территории Кореи присутствовали китайские¹² и японские военные контингенты, а еще в 1876 г. Япония (с помощью артобстрела со своих канонерок) навязала Корее неравноправный договор в Канхвандо¹³. Аналогичные неравноправные договоры впоследствии заключили с Кореей Великобритания и ряд других государств. При этом король Коджон, осознавая уровень иностранной угрозы и глубину социальных противоречий внутри страны, был настроен на курс реформ и вестернизацию, но консерваторы во главе с Тэвонгуном блокировали его во дворце, превратив самого Коджона почти в заложника.

В этот момент почти любая крупная держава могла мгновенно, и не встречая никакого организованного отпора, ввести в Корею свои войска под предлогом защиты своих сограждан или охраны дипломатической миссии, что неуклонно вело к тому, что Корея как государство могла вообще утратить свою независимость. В этот важный момент в Корею прибыл выдающийся российский дипломат К. И. Вебер.

Еще работая в Тяньцзине в должности консула, К. И. Вебер совершает ознакомительную поездку в Корею (июнь–июль 1882 г.), благодаря чему собрал выдающийся материал о реальном политическом, экономическом и военном состоянии дел в государстве Чосон. Именно эти материалы в итоге легли в основу первого русско-корейского договора, подписанного в Сеуле в 1884 г. Тогда же сам К. И. Вебер впервые выступил против цинской агрессии на полуострове, заслужив этим самым доверие при дворе корейского короля. Благодаря этому король (ван) Кореи Коджон впервые начал задумываться о перестройке вооруженных сил государства на европейский манер, планируя сделать это под руководством русских офицеров-инструкторов.

После военного переворота в Сеуле, когда прояпонские «реформаторы» Ким Ок Кюн и др. захватили власть (1884 г.), а командующий цинскими войсками в Корее Юань Шикай начал неограниченно злоупотреблять полномочиями, подавляя народные мятежи, К. И. Вебер блестяще нейтрализовал попытки тех и других изменить статус-кво

¹¹ *Cummings B.* Korea's place in the Sun, A Modern History. New York — London, W. W. Norton & Company, 1997. P. 97.

¹² Пак Б. Б. Российский дипломат К. И. Вебер... С. 42.

¹³ Там же. С. 13.

в государстве и выступил на стороне легитимного вана Кореи. С одной стороны, он защищал население Кореи от произвола цинских властей, с другой — пресекал попытки японских военно-политических кругов захватить Корею, превратив ее в полуколонию.

В итоге после серии мятежей и переворотов, заговорщики были изгнаны из страны (не без участия оккупационных войск Цин) и, несмотря на заключенный ими договор с Японией (8 авг. 1884 г.), до 1895 г. японская сторона на какой-то период стала воздерживаться от открытой поддержки насильственных изменений на полуострове. С учетом разгоревшейся в регионе войны (в 1894 г. начался вооруженный конфликт между Японией и цинским Китаем) добиться гарантий какой-либо безопасности для Сеула было действительно настоящим подвигом.

В итоге за несколько лет своей деятельности в Корее К. И. Вебер сумел добиться расположения вана Коджона, став его личным другом. Благодаря этому после убийства королевы Мин Мёнсон японскими и корейскими заговорщиками (8 окт. 1895 г.)¹⁴ и вспышки новой волны насилия он смог публично разоблачить последних (так что глава японской дипломатической миссии барон Миура был выслан). Чуть позже К. И. Вебер сумел также спасти жизнь самого короля Коджона, эвакуировав буквально его из-под носа у заговорщиков.

Период с 30 января (11 февраля) 1896 г. по 8 (20) февраля 1897 г., когда правитель Кореи жил под охраной русских моряков и военных¹⁵ на территории российской дипломатической миссии, стал уникальным примером сотрудничества в истории русско-корейских дипломатических отношений и, безусловно, усилил русское влияние в регионе. Роль России в деле спасения независимости Кореи как государства была высоко оценена королем Коджоном. В страну были направлены военные инструкторы из России для подготовки новой корейской армии¹⁶ и, очевидно, как раз в этот период дипломатические усилия К. И. Вебера были отмечены многочисленными подарками.

Хотя нет никаких письменных распоряжений вана Коджона о передаче указанного орудия (№ МЧА 09/68) сотрудникам русской дипломатической миссии (такие документы, очевидно, просто не сохранились) нет никакого сомнения в том, что указанное орудие было передано России как раз в этот период. Таким образом, упомянутое орудие, находящееся сегодня в фондах ВИМАИВиВС, представляет собой уникальную *исто-*

¹⁴ Симбирцева Т. М. Убийство во дворце Кёнбоккун // Восточная коллекция: ежеквартальный журнал. 2004. № 3 (18). С. 127–142; Пак Б. Б. С. 177–179.

¹⁵ В т. ч. с крейсера «Адмирал Корнилов».

¹⁶ О деятельности с 1895 г. в Корее русских офицеров-инструкторов во главе с подполковником Д. В. Путятой см.: Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: ИВ РАН, 2004. С. 278–286.

рическую реликвию, символизируя в т. ч. самый ранний этап установления русско-корейской дружбы.

Теперь о самой пушке. Орудие представляет собою ствол $\frac{3}{4}$ фунт. (40-мм) каморнозарядной гладкоствольной пушки типа китайских *фоланьцзи пао* (佛狼機砲) конца XVI — 1-й половины XIX в. (ил. 1–2).

Длина ствола (полная, без утраченного винграда) — 103 см, до каморы — 52 см. Материал изготовления — бронза; калибр — 41 мм; вес — 57,6 кг. На дульной части — утолщение в виде 4 литых колец. Мушка — литая прямоугольная. Цапфы тонкие, цилиндрические ближе к казенной части, по центру оси ствола, с надетым на них коротким железным стержнем; ствол без дельфинов; запальное отверстие на зарядной каморе. На казенной части — 4 бронзовых литых кольца с выточками; сверху — прямоугольный вырез для вкладной зарядной каморы; по сторонам и снизу казенной части — прямоугольной формы отверстия для крепления каморы. Торель конусообразная с 5 выточками; имеет цилиндрический прилив с отверстием по оси для установки железнокованного винграда (ил. 3).

Прицельное устройство: между вертлюжной частью и казней находится литой прилив в виде прямоугольной стойки с небольшой прорезью для прицеливания.

Утраченный винград был, по-видимому, железный в виде длинного правила с круглой шишкой.

Вкладная камора не сохранилась, по описанию бронзовая, на заднем срезе — поперечный прямоугольный паз для фиксации ее клином, сверху литая продольная рукоятка в виде скобы и запальное отверстие.

Атрибуция описанного «подарочного» орудия, как и попытки проследить путь его попадания в фонд АИМ, оказались на удивление непростыми: на протяжении ряда десятилетий оно вообще считалось утраченным в ходе эвакуации 1918 г., а находившийся в фондах АИМ ствол (уже без зарядной каморы) был записан предположительно как «китайский». Лишь в итоге продолжительных архивных исследований и перевода в 2019 г. имевшихся на стволе надписей это орудие удалось полноценно атрибутировать и в полной мере отождествить его с упомянутой пушкой, принадлежавшей когда-то К. И. Веберу.

Согласно старой музейной описи, созданной еще при Н. Е. Бранденбурге (т. н. «Красной книге»), это орудие было передано в дар музею в 1898 г. от бывшего чрезвычайного посланника России в Корею г. Вебера. Орудие получено г. Вебером от корейского короля и ранее находилось в г. Сеуле¹⁷.

¹⁷ АВИМАИВнС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 8. Л. 105.

Ил. 1. Пушка, принадлежавшая К. И. Веберу (общий вид). ВИМАИВиВС. № МЧА 09/68

Ил. 2. Пушка № МЧА 09/68 (вид сверху)

Однако в более поздней описи, создававшейся в 1920-е гг. после окончания реэвакуации музейных коллекций, находившихся до 1923 г. в г. Ярославле (и там едва не погибших¹⁸), оно уже значилось как «китайская» пушка, по-видимому, захваченная в Китае при подавлении Боксерского восстания¹⁹. В аналогичном качестве оно проходило впоследствии и по всем фондовым документам, и в переписке АИМ с всевозможными учреждениями²⁰, начиная уже с 1906 г., когда оно по недоразумению было спутано с вкладной зарядной камерой китайского орудия эпохи Мин (№ МЧА 015/3), поступившей в фонды музея как раз в 1906 г. из Сибирского флотского экипажа (ил. 4).

Ил. 3. Пушка № МЧА 09/68 (казенная часть, малая надпись)

¹⁸ Рудакова Л. П. Памятники АИМ в эвакуации. Ярославль. 1917–1925 годы / Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Вып. X. СПб., 2015. С. 458–471.

¹⁹ АВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 112. Д. 4. Л. 293–294. № 785.

²⁰ Рапорты ГАУ от руководства АИМ относительно атрибуции данной пушки и проч. АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 71. Л. 125–126; Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 61. Л. 42 и др.

Проверить эту версию можно было только переведя имеющиеся на стволе надписи, что и было сделано в ходе исследований ствола № МЧА 09/68 в 2019 г. Малая надпись на казенной части, поверх бронзового цилиндра, гласит (в китайском прочтении):

天柱上 — *тяньчжу шан* — небесный столп; заряжаемый 皿 卅八
— *минь хуан ба* — горшком (сосудом); желтый, 8.

Большая надпись (на казенной части справа) гласит: 巳酉造
— *Цзю цзао* — сделана в год под циклическими знаками Цзю (корейское прочтение — *Кию*).

上皿 卅佛狼機重九十六斤 — *шанминь хао фоланьци чунь цзюшлю цзинь* — заряжается сосудом (горшком, посудой, утварью); тип *фоланьци* (корейское прочтение — *пульланги*) вес 96 цзинь (*ил.* 5).

Упомянутый в надписи *год под циклическими знаками Цзю* (или в другом прочтении — *Кию*) — это 46-й год 60-летнего цикла. Начался в ночь 15/16 декабря 1789 г., закончился в ночь 5/6 декабря 1790 г. (т. к. отсчет очередного Нового года осуществлялся от новолуния). Поскольку первое новолуние года Цзю наступило 16 декабря 1789 г., то год отливки пушки по григорианскому календарю — 1789/1790. И, соответственно, 1790 г. — это 14-й год правления чосонского вана Чонджо (второе имя — Хянун).

Что до обозначения веса пушки, не следует забывать, что хотя текст написан на т. н. «ханча» (т. е. китайскими иероглифами), но создавался все же в Корее. Поэтому речь следует вести о корейских *кынах* (1 кын = 0,6 кг). Так что содержание надписи «вес 96 *кын*» (т. е. 57,6 кг) полностью соответствует результатам взвешивания пушки.

Орудия такого типа, как и их современные реплики, в наши дни чрезвычайно редки. Как минимум одно из них представлено в наши дни в Военном мемориале Республики Корея (г. Сеул, *ил.* 6).

Еще два аутентичных образца таких пушек упоминаются в новейших публикациях российских и южнокорейских исследователей. Так, например, корейское орудие, хранящееся сегодня в государственном музее «Старые дворцы» (музей Когун, г. Сеул, Республика Корея), относится к тому же типу казнозарядных с складной камерой орудий, что и орудие К. И. Вебера из собрания ВИМАИВиВС. Длина указанного образца несколько меньше — всего 78,2 см, а надпись (также китайскими иероглифами) гласит следующее: «<Орудие> отлито в 11 месяце года кию²¹, вес 52 кын <31,2 кг>, 1 ствол, 5 съемных камер. Подразделение Чаньёнён»²².

²¹ Дата соответствует 1789 г. и означает 13-й год правления вана Чонджо.

²² Канг Сам Хе, Пастухов А. М., Язунов М., Багшин Е. А. Корейское ружье XVIII в. в собрании Чунченского национального музея / Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском

Ил. 4. Зарядная камора к китайской пушке эпохи Мин. ВИМАИВиВС. № МЧА 015/3

*Ил. 5. Пушка
№ МЧА 09/68
(большая надпись)*

Ил. 6. Пушка типа «тульланги» из экспозиции Военного мемориала Республики Корея (г. Сеул). Фото любезно предоставлено сотрудником музея г. Ду Вон Чо в 2018 г.

Орудия такого типа появились на Дальнем Востоке в 1510-х гг. вместе с португальцами и, соответственно, китайское название таких пу-

регионе с древнейших времен до середины XX века: сб. науч. ст. В 2 т. Т. 2. Изд. 2-е. Владивосток: Изд. Дальневосточного федерал. ун-та, 2012. С. 228–229. К рисунку 18 (С. 246. Фото — сверху слева).

шек — *фоланьци пао*, по-видимому, является искажением от арабского слова *ференги* (т. е. — «европеец») — через посредство мусульманских торговцев и дипломатов в Индокитае и странах Юго-Восточной Азии. В Корею эти орудия попадают в годы т. н. Имджинской войны (1592–1598) вместе с военной помощью из Китая и именуются на корейский лад *пультанги* или *пультанги по* (불랑기포).

В конце периода Чосон орудия *пультанги* составляли основную часть артиллерийского парка Кореи, периодически принимая участие в отражении иноземных вторжений. Если в Имджинскую войну с их участием были разбиты армии Тоётоми Хидэёси, то в 1871 г. те же орудия (увы, безуспешно) участвовали в отражении американской военной агрессии²³.

В Корее же под них была разработана и специальная терминология, и система калибров. Так, пушка *пультанги* состоит из «матери» (*монхо*), т. е. собственно ствола, и «сына» (*чанхо*), т. е. сменной зарядной каморы²⁴, поскольку камору после выстрела вынимают, словно ребенка из чрева матери.

Что до калибра, то и орудие из собрания ВИМАИВиВС, и большинство его ближайших аналогов из музеев Кореи относятся к т. н. калибру «желтый», о чем свидетельствует и надпись на стволе № МЧА 09/68.

Всего основных калибров орудий в артиллерии государства Чосон было четыре:

«Небо» (天字銃筒, 천자총통) — калибр 130 мм; тип боеприпаса: гигантские «генеральские» стрелы-ракеты весом 30 кг и железные ядра весом 6,5 кг.

«Земля» (地字銃筒, 지자총통) — калибр 89–105 мм; тип боеприпаса: «генеральские» стрелы-ракеты весом 16,5 кг и железные ядра весом 4 кг.

«Черная» (玄字銃筒, 현자총통) — калибр 75–79 мм; тип боеприпаса: большие стрелы весом 3,5 кг и железные ядра весом 1,5 кг. «Желтая» (黃字銃筒, 황자총통) — калибр 40–50 мм; тип боеприпаса: стрелы весом 1,5 кг и железные ядра весом 0,5 кг.

Более мелкие орудия (в т. ч. и орудие из музея «Когун») относились к калибру «Победа» (勝字銃筒, 승자총통) — тип боеприпаса: железные ядра, картечь, стрелы и т. п.

Изначально все орудия упомянутых четырех калибров были дульнозарядными, а соответствующие калибрам обозначения (типа «желтая», «черная» и т. д.) к *пультанги* в тот период не применялись. Эти обозначения, по-видимому стали применяться к ним только в XVII–XVIII вв.

²³ См.: Marine Amphibious Landing in Korea, 1871. Compiled By Miss Carolyn A. Tyson. Historical branch, G-3 Division Headquarters, U. S. Marine Corps, 1977, p. 10–11, 18–19.

²⁴ Канг Сам Хе, Пастухов А. М., Ягутов М., Багрин Е. А. Указ. соч. С. 229. К рисунку 19 (с. 247).

И в этом смысле пушка № МЧА 09/68 из собрания ВИМАИВиВС, датированная XVIII в. и с иероглифом (黃) на стволе, как кажется, подтверждает эту гипотезу²⁵.

Вообще, учитывая древнее происхождение такого рода орудий и их чрезвычайную редкость уже к концу XIX в.²⁶, подарок вана Коджо-на был по-настоящему впечатляющим.

Наконец, главный вопрос — источник путаницы двух музейных предметов — корейской пушки вана Чонджо и упомянутой бронзовой вкладной каморы № МЧА 015/13, на протяжении многих лет оставался никем не выясненным. Но на сегодня, по результатам исследований, проведенных в архиве ВИМАИВиВС, можно считать вполне установленным нижеследующее:

В официальном отношении ГАУ от 19 января 1906 г. № 3055, направленном на имя заведующего АИМ Д. П. Струкова, зарядная камора (№ МЧА 015/13) уже была охарактеризована как «артиллерийский ствол». Там, в частности, говорится:

Препровождая при сем ручную корейскую пушку, доставленную из Владивостока командующим Сибирским флотским экипажем для хранения во вверенном Вам музее, ГАУ предлагает о получении ее донести²⁷.

Следом за этим, когда сама эта камора была послана в Императорскую Академию наук для перевода имеющихся на ней надписей, ее по прежнему характеризовали как «пушку», хотя ответ из Академии был вполне однозначным:

Вследствие отношения от 20 февраля с. г. № 16 имею честь сообщить музею, что возвращаемая при сем камора пушки имеет грубо высеченную китайскую надпись, в переводе гласящую следующее: «5-го калибра пушечка весом в 7 гинов (= 8 рус. ф.). Заряд пороху 1 лан 5 цяней (около 4 ½ лотов) Вань-ли 34 года, 9 месяца. Мастер Сун». Вань-ли — название годов правления Шэнь-цзуна, императора Минской династии 1573–1620 гг. 34-й год его царствования соответствует 1606 году. Подписано: непременный секретарь, академик Сергей Кизенберг²⁸.

Усугубило подобную ситуацию с путаницей то обстоятельство, что на момент поступления пушки в Артиллерийский музей, там уже нахо-

²⁵ Аналогичным образом это относится к малокалиберной пушке тип *пульланги* калибра «Победа» (№ МЧА 09/15), датированной XVIII в. и прибывшей в фонд АИМ в 1903 г.

²⁶ Всего известно не более десяти (!) таких пушек с аналогичным дизайном, и почти все они отлиты не в Корею, а в императорских мастерских Китая, начиная с правления под девизом Канси (1654–1722 гг.)

²⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 71. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 123.

дильсь 72 китайских орудия разных типов, пришедших по приказанию ГАУ из числа трофеев подавления восстания ихэтуаней. Все эти пушки оставались неатрибутированы ни в 1906 г., ни в дальнейшем — вплоть до начала эвакуации фондов АИМ в Ярославль летом—осенью 1917 г. Как результат — в годы Гражданской войны и эвакуации эта ошибка с атрибуцией данной пушки была закреплена в ряде документов музея, и до недавнего времени этот ствол продолжал считаться «китайским».

Что касается дальнейшей деятельности самого К. И Вебера, то он по невыясненным причинам был отозван с Корейского полуострова и вопреки неоднократным просьбам императора²⁹ Коджона переведен в Мексику. Его преемники не отличались инициативностью и во многом испортили русско-корейские отношения, слишком часто (и нередко бесцеремонно) оказывая давление на корейскую сторону, так что уже в 1898 г. русские военные инструкторы были отозваны из Кореи. В 1904–1905 гг. Российская империя проиграла войну Японии, утратив с трудом достигнутое политическое влияние на Дальнем Востоке.

Несмотря на это, деятельность К. И. Вебера оставила в Корее добрые впечатления, заложив серьезный фундамент для дружественных российско-корейских отношений в будущем. И таким образом, данное орудие — дипломатический подарок короля Коджона К. И. Веберу — является не только уникальным памятником оружейного дела стран Азиатско-Тихоокеанского региона XVII–XVIII вв., но и реликвией русско-корейских военно-дипломатических отношений в последней четверти XIX столетия.

Список литературы

- Канг Сам Хе, Пастухов А. М., Ягутов М., Багрин Е. А. Корейское ружье XVIIIв. в собрании Чунченского национального музея / Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до середины XX века: сб. науч. ст. В 2 т. Т. 2. Изд. 2-е. Владивосток: Изд. Дальневосточного фед. ун-та, 2012. С. 220–249.
- Концевич Л. Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М., Восточная литература РАН, 2010. Т. 1. 810 с.
- Пак Б. Д. Россия и Корея. Изд. 2-е, доп. М.: Издательство ИВ РАН, 2004. 520 с.
- Пак Б. Б. Борьба западных держав за открытие корейских портов и позиция России (1866–1871). Документы // Россия и народы стран Востока. Иркутск. 1993. С. 123–144.
- Пак Б. Б. Российский дипломат К. И Вебер и Корея. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 409 с.

²⁹ 17 октября 1897 г. ван Коджон провозгласил Корею империей, а себя — императором. В соответствии с этим название страны было изменено с Чосон (조선) на Тэхан (대한 — «Великая Хан»).

- Рудакова Л. П.* Памятники Артиллерийского исторического музея в эвакуации. Ярославль. 1917–1925 годы / Сборник исследований и материалов военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. X. СПб., 2015. С. 458–471.
- Breen M.* The Koreans — Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies. Thomas Dunne Books, 1998. 304 p.
- Cumings B.* Korea's Place in the Sun A Modern History. New York — London, W. W. Norton & Company, 1997. 544 p.
- Marine Amphibious Landing in Korea, 1871. Compiled By Miss Carolyn A. Tyson. Historical branch, G-3 Division Headquarters, U. S. Marine Corps, 1977. 24 p.

Andrej Vladimirovich GROMOV

Senior researcher of Military-historical museum of artillery, engineers and communication forces (St. Petersburg, Russia)

E-mail: schnurrig@mail.ru

The fate of ancient Korean cannon from the collection of Military-historical Museum of artillery, engineers and communication forces. In memory of the outstanding Russian diplomat K. I. Weber

The article is devoted to the problems of studying and attribution of the unique Korean cannon of the XVIII century, presented by Korean king Gojong to the Russian representative in Seoul K. I. Weber during the Sino-Japanese war (1894–1895). The article highlights the history of the appearance of this type of guns in the armed forces of Korea, as well as the problems of Russian-Korean military cooperation in the XIX century.

Keywords: history of diplomacy, K. I. Weber, Russian mission in Korea, history of artillery, Sino-Japanese war, history of Museum collections.

УДК 94 (47).083.4

ББК 63.3 (2) 522

Николай Равильевич СЛАВНИТСКИЙ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Государственного музея истории Санкт-Петербурга

(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: slavnitski@bk.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГАРНИЗОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ В 1904–1905 гг.

Работа посвящена повседневной жизни гарнизона Санкт-Петербургской крепости в 1904–1905 гг. — в период Русско-японской войны и Первой русской революции. На основе документальных материалов комендантского управления крепости рассмотрено участие частей гарнизона в различных церемониях, а также ряд бытовых моментов жизни солдат и офицеров. Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что революционные события сказывались на дисциплине солдат гарнизона, которая в те годы сильно падала. Отметим также, что небольшая часть солдат была летом 1905 г. отправлена в действующую армию на Дальний Восток, но участия в боевых действиях они не принимали.

Ключевые слова: Русско-японская война, Санкт-Петербургская крепость, Революция 1905–1907.

1904 и 1905 годы знаменательны двумя событиями — Русско-японской войной и Первой революцией. Санкт-Петербургская крепость находилась практически в центре столицы Российской империи, поэтому жизнь ее гарнизона эти события должны были неизбежно затронуть. И в то же время мы рассмотрим повседневную жизнь солдат и офицеров в те годы. Основной источниковой базой работы стали приказы по гарнизону крепости, анализ которых и позволяет установить, что в те годы происходило в крепости.

Во-первых, выделим церемониальные моменты, связанные с днями рождения и тезоименитства представителей императорской фамилии — 23 апреля отмечался день тезоименитства императрицы Александры Федоровны¹, 6 мая — день рождения императора Николая II², 14 мая — день коронации их императорских величеств³, 25 мая — день рождения императрицы Александры Федоровны⁴, 22 июня — день тезоименит-

¹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 4. Д. 537. Л. 163.

² Там же. Л. 185–186.

³ Там же. Л. 201 об.

⁴ Там же. Л. 220.

ства императрицы Марии Федоровны⁵, 21 октября — день вступления на престол императора Николая II⁶, 6 декабря — день тезоименитства Николая II. В эти дни со стен крепости производилась салютационная стрельба (101 холостой выстрел по сигнальной ракете, которую пускали с набережной реки Невы, против монумента императору Петру I). В таких случаях чинам роты крепостной артиллерии полагалось быть в полной готовности на бастионах крепости, имея орудия заряженными к 12 часам дня. Генералам, штаб- и обер-офицерам предписывалось в этот день присутствовать на официальных собраниях: на обедах и балах — в парадной форме, в театрах и на концертах — в обыкновенной⁷.

Кроме того, в дни рождения и тезоименитства императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны проводились церковные парады⁸. Подробностей данных церемоний в источниках, к сожалению, не зафиксировано, но, скорее всего, они ничем не отличались от аналогичных парадов, проходивших в столицах. Происходили они, вероятнее всего, в цейхгаузе, и в них были задействованы команды из двух-трех частей, входивших в состав гарнизона крепости (к примеру — от Петербургской местной команды 5-й роты 92-го пехотного полка и команды Петербургского артиллерийского склада)⁹.

Отметим и другие церемонии, которые напрямую касались гарнизона крепости — заупокойная литургия и панихида по императоре Петре I, проводившаяся 30 мая в Петропавловском соборе. На ней полагалось быть офицерским чином комендантского управления, а также наряжать от Петербургской местной команды и роты Санкт-Петербургской крепостной артиллерии по полуроте под командой офицеров, имея в каждом взводе по 10 рядовых (форма одежды — обыкновенная)¹⁰.

20 февраля 1905 г. отмечалась годовщина со дня освобождения крестьян, в тот день состоялась литургия и молебен по Александру II, на которых велено было присутствовать всем офицерам гарнизона, свободным от наряда (форма одежды — обыкновенная)¹¹.

11 мая проходил праздник Преполовения, который являлся «крепостным праздником». В 1904 г. вследствие войны с Японией его не стали проводить, а в 1905 г. он состоялся. Накануне празднования торжественно переносили из Домика императора Петра I в Петропавловский собор

⁵ Там же Д. 536. Л. 29 об.

⁶ Там же. Л. 167.

⁷ Там же. Д. 537. Л. 163.

⁸ Там же. Д. 536. Л. 29, 208; Д. 537. Л. 219 об.

⁹ Там же. Д. 537. Л. 219 об.

¹⁰ Там же. Л. 225.

¹¹ Там же. Л. 71.

чудотворный образ Спасителя, для встречи которого предписывалось «вывести к 5½ часам вечера от всех частей войск, расположенных в крепости, всех свободных от службы нижних чинов»¹².

В рассматриваемый период проводились также и церемонии, связанные с Русско-японской войной. В частности, 23 мая 1905 г. в Петропавловском соборе состоялась панихида по павшим воинам. На нее предписывалось командировать людей от каждой роты и команды «под командой офицера». Кроме того, на панихиде должны были присутствовать генералы, штаб- и обер-офицеры гарнизона крепости. Форма одежды — обыкновенная¹³. 16 августа того же года там же был отслужен напутственный молебен отправляющимся на Дальний Восток в действующую армию 23 нижним чинам Петербургской местной команды. На этой церемонии офицерам предписывалось быть в сюртуках¹⁴. А 9 октября 1905 г. в Петропавловском соборе состоялась благодарственное молебствие по случаю заключения мира с Японией¹⁵.

Кроме того, 16 августа 1905 г. Санкт-Петербургскую крепость посетил персидский шах. В связи с этим было приказано «командиру роты крепостной артиллерии и начальникам команд Петербургской местной и окружного артиллерийского склада для встречи его величества шаха Персидского <...> поставить вверенных им нижних чинов шпалерами по обе стороны главного проезда от Петровских ворот к Петропавловскому собору. Форма одежды: мундир, фуражка»¹⁶.

С артиллерийскими салютами связан любопытный приказ от 31 октября 1905 г.:

Объявляю командирам и начальникам команд гарнизона крепости, что в дни салютационной стрельбы будет производиться подробный осмотр стекол в казарменных помещениях крепости два раза, до стрельбы и после стрельбы, причем в окончательном выводе будут признаваться надлежащими вставке за казенный счет только те стекла, которые действительно разбиты от салютационной стрельбы, остальные же будут вставляться на счет квартирующих в крепости частей войск¹⁷.

По всей видимости, имели место случаи, когда выбитые по каким-то причинам (скорее всего, конечно, по неосторожности) стекла списывали на артиллерийскую стрельбу, и в связи с этим пришлось наводить порядок.

¹² Там же. Л. 191–192.

¹³ Там же. Л. 216 и об.

¹⁴ Там же. Д. 536. Л. 67 об.

¹⁵ Там же. Л. 152 об.

¹⁶ Там же. Л. 78.

¹⁷ Там же. Л. 191 об.

Теперь перейдем к бытовым моментам. Освещение крепости с августа осуществлялось «с 9 часов вечера до 3 часов утра и приемный покой двумя 3-линейными лампами, с 8 1/2 часов вечера до 3 часов утра»¹⁸. В зимнее время, разумеется, временные промежутки увеличивались. Здесь, к слову, отметим, что на летнее время части гарнизона переводили из казарм в лагерь, размещавшийся на том же Заячьем острове (за Кронверкскими воротами)¹⁹. Части гвардейских полков в это же время отправлялись в Красное Село²⁰.

В гарнизоне на территории крепости существовала баня с прачечной. Пользовались ей в те годы следующим образом:

С 1 августа 1905 г. по 1 августа 1906 г.: по понедельникам и вторникам нижним чинам постоянного гарнизона крепости (1-я группа), по средам — 2-му батальону лейб-гвардии Стрелкового полка (2-я группа), по четвергам, пятницам и субботам — лейб-гвардии Павловскому полку (3-я группа); с августа 1906 г. по 1 августа 1907 г.: по понедельникам 2-му батальону лейб-гвардии Стрелкового полка (2-я группа), по вторникам и средам — постоянному гарнизону крепости (1-я группа), по четвергам, пятницам и субботам — лейб-гвардии Павловскому полку (3-я группа)²¹.

Выделим также несколько любопытных приказов, из которых можно отметить социальный состав гарнизона. 4 августа 1904 г. было предписано «унтер-офицерам наблюдательной команды и жандармским» «наблюдать за исполнением, чтобы в помещении у Васильевских ворот отнюдь не стирали белья, не сушили его и не держали ли бы кур и другой птицы»²². В сентябре следующего года был издан похожий приказ:

Начальник инженеров крепости донес мне, что в настоящее время производятся работы по устройству сквера внутри Алексеевского рavelина, но к сожалению, куры, принадлежащие нижним чинам наблюдательной команды и чинам, проживающим во флигелях в Алексеевском рavelине, ежедневно раскапывают куртины. Вследствие сего предлагаю всем, живущим в крепости, и строжайше предписываю нижним чинам гарнизона, имеющим для своих надобностей кур, отнюдь не выпускать их бродить по крепости²³.

Из этих документов видно, что гарнизон крепости, в том числе наблюдательная команда, комплектовались из крестьян, которые на месте службы быстро обзаводились различной живностью.

¹⁸ Там же. Л. 40.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 3112. Л. 11.

²⁰ Там же. Д. 3114. Л. 24, 26.

²¹ Там же. Оп. 4. Д. 537. Л. 230.

²² Там же. Оп. 2 доп. Д. 370. Л. 10.

²³ Там же. Оп. 4. Д. 536. Л. 92 об.

В то же время в приказе от 4 ноября 1905 г. «строжайше воспрещалось» нижним чинам «избивать камнями диких уток, плавающих на реке Неве и Кронверкском проливе»²⁴. С чем была связана подобная жестокость, сказать сложно, скорее всего, солдаты таким образом просто забавлялись.

Остановимся также на дисциплине. С этим в те годы дело обстояло не лучшим образом. К примеру, в августе 1904 г., когда фельдфебель обходил лагерь после отбоя, он столкнулся с двумя солдатами (рядовым и ефрейтором), находившимися в нетрезвом виде, которые вышли из палатки, а на вопросы фельдфебеля отвечали «дерзко», при этом ефрейтор — «держа в зубах папиросу, не бросая ее»²⁵. Правда, до суда это дело не дошло, комендант крепости А. В. Эллис ограничился тем, что подверг виновных кратковременному аресту (на несколько суток).

В те же дни произошел более вопиющий случай. Младший часовой ученик Василий Пухов зашел в комнату для телеграфистов, вскоре туда же пришел поговорить по телефону дежурный адъютант капитан Кузнецов. В это время в соседней комнате раздались громкие голоса,

и рядовой Василий Пухов побежал сообщить находившимся там нижним чинам, что у телефона находится офицер; писарь комендантского управления Игнатий Кольнин, будучи выпивши, бросил в рядового Василия Пухова тарелку и поранил ему осколком голову²⁶.

Ранее, в июне, похожий случай произошел с рядовым А. Степановым, который «за неисполнение приказа дежурного по команде и оскорбление его словами» по приговору полкового суда 87-го пехотного Нейшлотского полка был переведен «в разряд штрафованных»²⁷.

И в том, и в другом случае обращает на себя внимание, что на офицеров солдаты стали реагировать с меньшим почтением, и авторитет офицеров (а также младших командиров) стал в это время падать. Связано это, на наш взгляд, с разрушением сословного строя общества — если раньше офицеры являлись представителями высшего сословия, то в конце XIX и начале XX в. среди них уже появилось значительное количество выходцев из низших слоев, и солдаты воспринимали их как равных себе, поэтому далеко не всегда реагировали на их приказания должным образом.

В те годы произошла также попытка отравления солдат гарнизона. 10 сентября 1904 г. в котле с супом из гороха обнаружили крупинки яр-

²⁴ Там же. Л. 199.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 901. Л. 9–11.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 1.

ко-зеленого цвета, которые при исследовании оказались «французской зеленью», состоявшей главным образом из мышьяка и меди²⁸. Подозрение пало на одного из рядовых Петербургской местной команды (Григория Золотова), который во время варки зашел на кухню, где некоторое время находился один и, соответственно, мог подсыпать яд²⁹. Однако следователь пришел к выводам, что улики против Золотова являются относительно слабыми и содержать его под арестом «не представляется необходимым»³⁰. Да и эксперты позже пришли к выводу, что в карманах Золотова яда не имелось. Хотя на одежде были следы зеленоватого оттенка, но они могли являться следствием трения денег в карманах, к тому же аналогичные следы обнаружили и у других солдат³¹. Суд под председательством генерал-майора Томашевича признал Г. Золотова невиновным по обвинению в покушении на причинение расстройства здоровья нижним чинам команды посредством отравления пищи по недоказанности обвинения³².

Очевидно, что революционные события сказывались на дисциплине солдат гарнизона, которая в те годы сильно упала. Отметим также, что небольшая часть солдат была летом 1905 г. отправлена в действующую армию на Дальний Восток, но участия в боевых действиях они не приняли.

Nikolay Ravilyevich SLAVNITSKIY

Ph. D. in History, Senior Research Fellow of State Museum of History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E-mail: slavnitski@bk.ru

The daily life of the garrison of the St. Petersburg fortress in 1904–1905

The work is dedicated to the daily life of the garrison of the St. Petersburg Fortress in 1904–1905 — during the Russian-Japanese war and the first Russian revolution. Based on the documentary materials of the commandant's command of the fortress, the participation of garrison units in various ceremonies, as well as a number of everyday moments in the lives of soldiers and officers, are considered. An analysis of the documents allows us to conclude that the revolutionary events affected the discipline of the garrison soldiers, which fell heavily in those years. We also note that in the summer of 1905 a small part of the soldiers was sent to the army in the Far East, but they did not take part in the hostilities.

Keywords: Russo-Japanese War, St. Petersburg Fortress, Revolution 1905–1907.

²⁸ Там же. Л. 16.

²⁹ Там же. Л. 22.

³⁰ Там же. Л. 31.

³¹ Там же. Л. 71 и об.

³² Там же. Л. 73–74.

ББК 63.3 (2) 521
УДК 94 (47) 083.4

Александр Владимирович ЛЫСЁВ

кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: lysevalex@mail.ru

ИНТЕРНИРОВАНИЕ РУССКИХ СУДОВ В ШАНХАЕ (1904–1905): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Морское сражение в Жёлтом море 28 июля 1904 г. привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей вот уже вторую сотню лет. По нему собраны все возможные виды исторических источников, которые всесторонне изучены и проанализированы. Работа с ними началась непосредственно ещё в ходе Русско-японской войны, и своей актуальности она не теряет до сих пор. Однако на фоне стратегических последствий, которые оказало это столкновение 1-й Тихоокеанской эскадры и японского Объединённого флота на ход кампании на Дальнем Востоке, судьбы отдельных кораблей, не вернувшихся на свою базу в Порт-Артур, освещаются достаточно сжато и кратко. Между тем, оказавшиеся в силу обстоятельств в нейтральных портах русские корабли вынуждены были оставаться там вплоть до подписания мирного договора. Интернирование исключило эти корабли из числа участников боевых действий. Но на судах оставались в полном составе их команды, продолжалась повседневная жизнь. Внимание исследователей уделялось ей лишь весьма эпизодически — в целом данная тема раскрыта, на наш взгляд, недостаточно. Некоторые аспекты повседневной жизни в вынужденной изоляции освещены в настоящей статье.

Ключевые слова: Порт-Артур, Шанхай, Русско-японская война, быт, досуг, эскадра.

Дата 28 июля 1904 г. по праву вошла в историю как веха, коренным образом изменившая течение не только войны на море, но и ход всей русско-японской кампании. Изменившая, к сожалению, не в пользу России. По сути, произошла беспрецедентная для морских сражений вещь — в ходе столкновения двух противоборствующих флотов один из них утратил свои позиции настолько, что уже не смог больше выступать в качестве организованной военной силы, сопоставимой с силами противника. Хотя до этого объективно именно такой силой являлся.

И это при том, что ни один из его кораблей не был потоплен неприятелем непосредственно в ходе самого сражения. Более того, в ходе двух этапов дневного эскадренного боя, проведённого как минимум на равных русскими и японцами, уничтоженных судов ни у одной из сторон не было вообще. Вместе с тем, стратегические последствия этого столкновения поистине оказались колоссальными.

Как известно, основная часть 1-й Тихоокеанской эскадры вечером того рокового дня легла на обратный курс и благополучно достигла

Порт-Артура, увы, не выполнив поставленной задачи — прорваться во Владивосток. Часть русских кораблей последовала иными курсами и вынуждена была зайти в нейтральные порты. Вне всякого сомнения, даже не зная сложившейся после дневного боя общей обстановки, их командиры изначально воспринимали такие нейтральные порты лишь как промежуточные точки, которые позволят исправить полученные повреждения и продолжить выполнение поставленной боевой задачи. Ярким примером тому может служить история крейсера «Новик»: придя в Циндао, он принял уголь и направился во Владивосток вокруг Японии. Можно рассуждать о недостаточной координации действий на русской эскадре, о просчётах в её управлении и допущенных ошибках, но упрекнуть её командиров и нижних чинов в том, что они искали спасения в нейтральных портах, нет никакого основания. Более того, известен приказ контр-адмирала В. К. Витгефта, отданный семафором в середине дня 28 июля младшему флагману начальнику отряда крейсеров контр-адмиралу Николаю Карловичу Рейценштейну:

В случае боя начальнику крейсеров действовать по усмотрению.

О дальнейшем Н. К. Рейценштейн писал вскоре после произошедших событий:

Не спору и спорить не буду, что кабинетный тактик и стратег вероятно найдёт ошибки, оплошности; ну а сделал бы он так в огне, как думает в кабинете — на это не ответить¹.

Именно флагман крейсерского отряда «Аскольд» и пришёл первым в китайский порт Шанхай после морского боя в Жёлтом море. На следующий день к нему присоединился эскадренный миноносец «Грозовой». Помимо упоминавшегося «Новика», в нейтральные порты зашёл — как они изначально рассчитывали лишь временно для исправления повреждений и пополнения запасов в соответствии с нормами международного права — ещё ряд русских кораблей. Как известно, броненосец «Цесаревич», эскадренные миноносцы «Бесшумный», «Бесстрашный» и «Беспощадный» пришли в Циндао, эскадренный миноносец «Решительный» с особым заданием — в Чифу, крейсер «Диана» — в Сайгон.

Итак, 30 июля 1904 г. «Аскольд» встал на якорь в Шанхае в устье реки Вузунг. Следует отметить, что Шанхай был выбран из-за наличия в нём дока, позволявшего исправить полученные крейсером повреждения в морском бою. И именно ввиду отсутствия подходящего дока был отвергнут в качестве места ремонта Циндао. К тому же из Шанхая было два выхода в открытое море. Всё это также свидетельствует о том,

¹ В. Я. Крестьянинов, С. В. Молодцов. Крейсер «Аскольд». СПб., 1993. С. 109.

что совершивший прорыв под огнём всего японского флота флагман русских крейсеров продолжал сохранять свой решительный настрой. В кают-компаниях и кубриках крейсера в те дни вспоминали историю «Варяга» и «Корейца» и были готовы в случае появления японских блокирующих сил повторить их подвиг.

При помощи русских дипломатических представителей удалось быстро решить вопрос с докованием и исправлением повреждений. Уже 31 июля с высокой водой «Аскольд» вошёл в реку Вампо, где встал у стенки завода под кран.

Перед этим сразу же по прибытии в Шанхай на любезно приславший приветствие и предложение своих услуг французский крейсер «Монткальм», находившийся в Шанхае в качестве стационара, были переправлены несколько тяжелораненых в минувшем бою чинов аскольдовской команды. Им спасли жизнь французские медики. Примечательно, что когда носилки с русскими ранеными, отобранными французским флагманским врачом, срочно прибывшим на русский крейсер, поднимали на палубу «Монткальма», его офицеры и команда были построены и отдавали воинские приветствия, а оркестр играл русский гимн.

Казалось, история «Варяга» в Чемульпо повторялась, но финал её ещё был открыт и он вовсе не обещал в тот момент выведения крейсера из боевых действий в текущую военную кампанию. Затем в шанхайский госпиталь были направлены двое офицеров и два десятка тяжелораненых русских матросов.

А, между тем, кипела работа по исправлению повреждений. С ростверка «Аскольда» сняли катера и шлюпки, демонтировали повреждённые первую и пятую дымовую трубы и в ночь с 1 на 2 августа завели судно в док. Была закуплена партия высококачественного кардиффского угля для продолжения похода. 3 августа согласно международным правилам крейсер осмотрела комиссия из местных властей, заключившая, что с имеющимися повреждениями корабль выйти в море не может, а потому имеет право на ремонт в нейтральном порту.

Н. К. Рейценштейн держал связь по телеграфу со штабом заместителя на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева. Приходившие оттуда телеграммы сообщали, что по агентурным данным возможны диверсии на крейсере прямо в порту. Для их предотвращения вокруг дока, на сходнях, трапах, мостиках, рубках выставили вооружённых русских часовых. Работы по восстановлению корабля шли круглосуточно.

В игру включился и японский консул в Шанхае. Он потребовал от китайских властей, чтобы работы по восстановлению «Аскольда» были завершены в течение 48 часов, в противном случае он грозил обострением японо-китайских отношений вплоть до вмешательства открытой военной силой.

7 августа к Шанхаю подошёл отряд японских кораблей под командованием контр-адмирала С. Уриу, к слову сказать, участника боя против «Варяга» и «Корейца» в Чемульпо. Шанхай блокировали японский броненосный крейсер «Токива», крейсера «Нанива» и «Нийтака», миноносцы «Хибари» и «Удзура». В связи с осложнением русско-китайских отношений из-за продолжавшейся стоянки неразоружённых русских кораблей наш посланник из Пекина направил запрос министру иностранных дел графу В. Н. Ламсдорфу, обращая внимание, что японцы могут устроить провокацию на «Аскольде», чтобы рассорить Россию с Китаем. Так наши корабли в Шанхае оказались заложниками большой международной политики.

А адмирал Рейценштейн продолжал готовиться к прорыву. Предполагалось выходить без «Грозового» и, развив максимальную скорость, идти во Владивосток вокруг Японии. 8 августа японские корабли вошли в устье реки Вузунг. Китайские власти под давлением японцев потребовали от русских выйти в море не позднее 10 августа, иначе под вопросом оказывался нейтралитет Китая в текущей войне. Несмотря на все усилия, ремонт «Аскольда» к этому времени ещё не мог быть закончен. Принимая во внимание это обстоятельство, из Петербурга пришёл приказ — «Аскольду» и «Грозовому» разоружиться. В большой политической игре нейтралитет такой державы, как Китай, оказался важнее крейсера и миноносца. Можно только догадываться с каким чувством на русских судах 11 августа исполнили приказ спустить флаги. Артиллерийские замки, прицелы, мины, боеприпасы, стрелковое оружие были выгружены с русских кораблей и сданы на хранение в китайский арсенал. Война для их команд закончилась...

Необходимо отметить, что «Аскольд» и «Грозовой» были не единственными русскими военными кораблями, интернированными в Шанхае. У пристани русского общества Восточно-китайской железной дороги, куда были переведены корабли-участники боя в Жёлтом море, уже стояла также получившая приказание спустить флаг ещё в начале войны канонерская лодка «Манджур». Перед войной она находилась в распоряжении дипломатических представительств России на Дальнем Востоке, а также занималась охраной промыслов. «Манджура» начало войны застало непосредственно в Шанхае.

Конечно, сколько продлится война и чем она закончится, в августе 1904 г. на интернированных русских судах знать не могли. Пережив горечь от спуска флагов, было необходимо налаживать повседневный быт в китайском порту. В командование судами, находящимися в Шанхае, вступил контр-адмирал Н. К. Рейценштейн. 6 августа 1904 г. он издал приказ № 15:

Вследствие жаркого времени и палящего солнца разрешаю господам офицерам носить при форме белый шлем образца как у меня, а стоящим господам офицерам на вахте и на карауле на постах предписываю быть в шлемах. Вместе с тем предлагаю командиру крейсера «Аскольд» <капитану 1-го ранга К. А. Грамматчикову — А. Л.> купить для постов необходимое число шлемов.

После поступившего из Петербурга распоряжения о спуске флага в Шанхае появился приказ по русским кораблям за № 16 от 11 августа 1904 г., который, в частности, предписывал:

С этого момента спуска флага суда считаются разоружёнными, а потому никаких вооружённых караулов не иметь, иметь только вахтенных и дневальных без всякого оружия. Спуск флага и вымпела не означает окончания кампании, нет только видимых отличий, но все чины считаются в кампании и всё расходуется, как в кампании².

Приказ № 19 от 22 сентября 1904 г. вносил следующие уточнения:

На всех разоружившихся судах, находящихся в Шанхае, служба обязательно должна вестись как подобается судам, стоящим на рейде. Суда должны содержаться в полном порядке, полной исправности, безукоризненной чистоте <...> На судах вести регулярно занятия с командой, как то делается на судах в кампании, стоящих на рейде³.

Конечно, многие обычные занятия, предусмотренные для команд судов, стоящих на рейде, вследствие специфического положения подчинённых Рейценштейну кораблей, проводить было нельзя. Однако никто не мог помешать занятиям по обучению личного состава грамотности, занятиям по специальностям, особенно материальной части артиллерии, а также гимнастике. Поощрялись и пользовались большой популярностью занятия греблей. Такие мероприятия стали проводиться с 28 сентября 1904 г. Перед этим ровно два месяца понадобилось, чтобы окончательно навести порядок и полностью ликвидировать все повреждения после боя в Жёлтом море.

На «Аскольде» была прекрасно оборудованная слесарная мастерская. В неё поочерёдно привлекали для обучения различным ремёслам матросов не только с крейсера, но и с канонерской лодки и миноносца. Капитан 1-го ранга К. А. Грамматчиков приобрел для этих целей необходимые расходные материалы и инструменты. Все занятия проводи-

² РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 800 (Приказы исполняющего должность младшего флагмана начальника отряда крейсеров капитана 1-го ранга Рейценштейна). Л. 5. Н. К. Рейценштейн носил чин контр-адмирала с 12 июля 1904 г.

³ Там же. Л. 7–9.

лись с 9 до 10½ часов утра и с 2 до 4 часов дня. Время с 4 до 5½ часов вечера ежедневно кроме суббот и дней, когда служилась всенощная, отводилось для личной гигиены, развлечения команд, а также прогулок на берегу.

Корабли стояли у пристани, перед которой располагалась прекрасная ровная площадка. По договорённости с местными властями её разрешили использовать для групповых занятий гимнастикой. Там же проводились массовые игры. Большой популярностью пользовались так называемые «гигантские шаги» — хождение на ходулях. Все эти мероприятия сопровождались живой музыкой — на берег отправлялся корабельный оркестр. В город в первые месяцы матросов не отпускали, пока данный вопрос не был согласован командованием с китайскими властями.

Канонерская лодка «Манджур» и миноносец «Грозовой» стояли рядом борт о борт. При этом на «Манджуре» места было много, а команды мало. На «Грозовом» наблюдалась обратная ситуация. Команда жила крайне скученно — обычная история на минном флоте. В этой связи половинное число команды миноносца было переведено на канонерскую лодку. Вахтенную службу несли общую по двум судам.

14 октября 1904 г. в обычном порядке, принятом на Русском флоте, личный состав, начиная с полночи, снял с фуражек белые чехлы «за наступлением холодного времени».

К зиме 1904—1905 гг. была достигнута договорённость с китайскими властями об увольнении русских моряков в город. Однако не обошлось без эксцессов. Так, в частности, кочегар 1-й статьи Терентий Агеев оказался виновен в том, что

2/15 декабря 1904 года, идя в значительно нетрезвом виде от улицы в пристань и желая напугать и отогнать пристававших к нему рикш, схватил первый подвернувшийся ему предмет — плотничью шляхту <разновидность топора — *А. Л.*>, замахнулся ею и, подымая её, нанёс без намерения, нечаянно, рану проходящему мимо постороннему китайцу, следствием чего <...> и была смерть этого китайца. <...> Матрос 2-й статьи Яков Дьяк виновен в том, что оказывал сопротивление арестовавшей его полиции, чем произвёл буйство и нарушил приличие, подобающее воинскому чину⁴.

Агеев был помещён в тюрьму французского муниципалитета. Собравшийся на крейсере русский суд присудил ему 4 года каторги с отбыванием наказания по возвращении в Россию. 21 декабря «высочайшей милостью» Агеев был освобождён из тюрьмы. Матрос Дьяк был отправлен под арест на 5 суток. После случившихся инцидентов, осознавая их угрозу внешнеполитическим отношениям, Рейценштейн 23 декабря 1904 г. писал российскому генеральному консулу в Шанхае:

⁴ Там же. Л. 18.

Когда команда гуляет на плацу для пользования гимнастическою, везде, где только можно проникнуть в город, стоят дневальные и, кроме того, ходит обход, а потому всякого, кто бы проник за ограду, дневальные удалили бы. <...> Водки у матросов тоже нет. <...> Были приняты все меры, <...> чтобы всё было спокойно⁵.

5 декабря 1904 г. был выпущен приказ № 11 (Рейценштейн к этому времени изменил нумерацию приказов) о говении команд:

Время говения назначаю с 8-го сего декабря и до 22-го сего декабря. Во время говения командам предлагаю господам командирам судов давать по возможности нижним чинам постную пищу, причём в постную пищу давать рыбу свежую, но непременно по освидетельствованию врача, и дача солёной или копчёной рыбы безусловно воспрещается.

При этом в Великий пост 1905 г. имели место следующие особенности (приказ № 18 от 26 февраля 1905 г.):

Вследствие затруднения доставать постную пищу в предстоящий Великий пост разрешается давать команде постную пищу на первой и четвёртой неделе Великого поста и по понедельникам, средам и пятницам и на Страстной неделе. Если не найдётся возможности давать всю неделю постную пищу, то давать её в среду, четверг, пятницу и субботу⁶.

Продолжая подводить печальные итоги боя в Жёлтом море (на крейсере «Аскольд» 28 июля 1904 г. из офицеров погиб мичман А. М. Рклицкий), контр-адмирал Рейценштейн писал командующему флотом Тихого океана вице-адмиралу Н. И. Скрыдлову 5 декабря 1904 г.:

Каюта мичмана Рклицкого разрушена дотла, уцелела икона. Писал матери Рклицкого, прося разрешения оставить <ее> на крейсере до конца войны. Из вещей остались погоны, кортик высылаю⁷.

По этому же невесёлому поводу он писал в Главный морской штаб:

Согласно телеграмме № 5422 имею честь Главному морскому штабу донести: в бою 28 июля сего года попавшим и разорвавшимся в каюте покойного мичмана Рклицкого снарядом каюта совершенно разрушена дотла, все вещи превращены в труху, уцелела только икона преподобного отца Серафима Саровского, которая находится на крейсере, и письмом к матери мичмана Рклицкого я просил её разрешения оставить икону на крейсере до конца войны. Из груды трухи могут быть выбраны только вещи, показанные в рапорте

⁵ РГАВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 806 (Документы и рапорты командира крейсера «Аскольд»). Л. 312.

⁶ Там же. Д. 800. Л. 15, 32.

⁷ Там же. Д. 806. Л. 289.

командира крейсера 1-го ранга «Аскольд», которые и посылаются отдельной посылкою. Оставшиеся у покойного 15 рублей денег при сем прилагаются⁸.

Жизнь, тем не менее, продолжалась. Потерявшие во время боевых действий имущество офицеры ходатайствовали о выделении средств на обзаведение новым. Так пострадавший лейтенант Н. Ф. Мисников написал контр-адмиралу Рейценштейну записку следующего содержания:

Прошу зависящего распоряжения вашего превосходительства о выдаче пособия на обзаведение имуществом взамен утерянного в Порт-Артуре на крейсере 1-го ранга «Баян».

На записке поставлена резолюция адмирала:

Командиру крейсера 1-го ранга «Аскольд» выдать лейтенанту Мисникову пособие на обзаведение вещами в размере годового оклада жалования⁹.

Из распоряжения Н. К. Рейценштейна командующему миноносцем «Грозовой» лейтенанту А. А. Бровцыну следовало, что дополнительные средства (предположительно, за выполнение задания, связанного с отлучкой из места дислокации своего корабля) выдавались мичману барону Р. Р. Мирбаху:

Согласно телеграмме командующего флотом № 1174 мичману барону Мирбаху следует, оставляя морское довольствие, выдавать полфунта стерлингов суточных¹⁰.

Поступали в адрес чинов вынужденно находившихся в Шанхае русских судов и денежные пожертвования. Так, некая госпожа Г. Месс пожертвовала в пользу раненых 300 долларов, которые были переданы через командира «Аскольда» капитана 1-го ранга К. А. Грамматчикова. А редактор местной газеты «L'Echo de Chine» пожертвовал 250 долларов, собранных своими служащими, также для раздачи русским раненым. Причём, как уведомлял Грамматчикова Рейценштейн, редактор

особенно отметил тяжело раненых, видимо, желая, чтобы эти тяжело раненые получили больше. Означенную сумму препровождаю вашему высокоблагородию для раздачи. Сумма эта должна быть самостоятельной и ничего общего с суммой пожертвования Г. Месс не должна иметь¹¹.

За время нахождения в Шанхае известно как минимум о трёх намерениях русских моряков вступить в законный брак. Об этом свидетель-

⁸ Там же. Л. 306.

⁹ Там же. Л. 111.

¹⁰ Там же. Л. 276.

¹¹ Там же. Л. 275, 277.

ствуют следующие документы. 9 декабря 1904 г. командир «Аскольда» капитан 1-го ранга К. А. Грамматчиков сообщил Н. К. Рейценштейну:

Рапорт мичмана вверенного мне крейсера <К. Д.> Ордовского-Танаевского о разрешении ему вступить в первый законный брак с потомственной дворянкой девицей Евгенией Ильиничной Михайловой 23-х лет от роду. При сем на разрешение вашему превосходительству представляю и при этом доношу, что мичман Ордовский-Танаевский по послужному списку значится холост, от роду 24-х лет. Приложение: телеграмма попечителя невесты полковника Андреева <резолуция Рейценштейна: на рассмотрение командующего флотом¹²>.

16 декабря 1904 г. на стол Грамматчикову лег рапорт младшего судового врача крейсера «Аскольд» лекаря Б. В. Гладкого:

Желаю вступить в первый законный брак с дочерью шкипера дальнего плавания Линдбладг девицею Евгенией, 19-ти лет от роду, прошу ходатайства вашего высокоблагородия¹³.

Данный рапорт был переслан сначала младшему флагману, затем командующему флотом. Был сделан запрос отцу невесты в Гельсингфорс, который прислал своё согласие на брак.

А в рапорте № 712 от 8 ноября 1904 г. контр-адмирал Н. К. Рейценштейн сообщил командующему флотом:

Сего числа получил нижеследующую телеграмму от лейтенанта <В. А.> Нидермиллера: великий князь <Алексей Александрович> генерал-адмирал разрешил мичману <К. Г.> Житкову вступить в брак без внесения установленного реверса с девицею <...> Нордман, выезжающею в Шанхай¹⁴.

В январе 1905 г. заболел оспой один из нижних чинов канонерской лодки «Манджур». Эпидемию удалось предотвратить благодаря строгим карантинным мерам. «Манджур» и соприкасавшийся с ним миноносец «Грозовой» были изолированы и от берега, и от крейсера «Аскольд». Сообщение с ними осуществлялось по телефону и семафором. Карантин продлился с 17 по 28 января. Случай заболевания, к счастью, оказался единичным, и карантин был достаточно быстро снят¹⁵.

16 мая 1905 г. в Шанхай пришёл русский пароход «Свирь», доставивший трагичную весть о поражении вице-адмирала З. П. Рожественского в Цусимском сражении. На следующий день прибыл транспорт «Корея», также входивший во 2-ю Тихоокеанскую эскадру. А 22 мая английский

¹² Там же. Л. 301.

¹³ Там же. Л. 312.

¹⁴ Там же. Л. 272.

¹⁵ Там же. Д. 800. Л. 27.

пароход «Квейлин» привёл на буксире в Шанхай израсходовавший весь уголь и даже пытавшийся идти под самодельным парусом эскадренный миноносец «Бодрый» — один из немногих русских кораблей, уцелевших после Цусимы и оставшихся в строю под Андреевским флагом. Все эти суда поступили в подчинение контр-адмиралу Н. К. Рейценштейну. Вскоре, однако, Николай Карлович по причине ухудшения состояния здоровья после лечения в шанхайском госпитале отбыл в Россию.

9 сентября 1905 г. телеграмма Главного морского штаба известила интернированные в Шанхае суда, что после ратификации мирного договора с Японией им надлежит готовиться к переходу во Владивосток и войти в состав Сибирской флотилии. 2 октября поступило уведомление о ратификации договора, и 11 октября 1905 г. русские суда в Шанхае снова подняли Андреевские флаги. Уводил корабли во Владивосток сменивший 21 октября Грамматчиков на должности командира «Аскольда» капитан 2-го ранга К. В. Стеценко. Так закончилась шанхайская эпопея.

Любопытна дальнейшая судьба кораблей — основных участников «шанхайского сидения». Все они пережили Первую мировую войну и саму Российскую империю. Крейсер «Аскольд» в 1918 г. попал в руки англичан, был выкуплен Советской Россией в 1922 г., но ввиду плохого технического состояния был продан на слом в Гамбург. Канонерская лодка «Манджур» продолжила стационарную службу в китайских портах, затем находилась в составе белого флота на Дальнем Востоке. В октябре 1922 г. «Манджур» покинул Россию в составе белой эскадры контр-адмирала Г. К. Старка и оказался в Маниле, где его продали японцам. Долгие годы бывшая канонерка курсировала в качестве торгового судна между Осакой и островом Чеджудо, а в апреле 1945 г. была потоплена американской авиацией. Миноносец «Грозовой» отличился в октябре 1916 г. в Баренцевом море, когда его огнём была потоплена немецкая подводная лодка U-56. В 1917 г. «Грозовой» перешел для ремонта в Англию, был реквизирован англичанами и передан белогвардейскому командованию, которое увело его в Бизерту. В 1924 г. корабль разделил судьбу последней эскадры под Андреевским флагом.

Список литературы

Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В. Крейсер «Аскольд». СПб., 1993. 224 с.

Alexander Vladimirovich LYSEV

Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: lysevalex@mail.ru

Internment of Russian ships in Shanghai in 1904–1905: some aspects of everyday life

The sea battle in the Yellow sea on July 28, 1904 attracted and continues to attract the attention of researchers for the second hundred years. It contains all possible types of historical sources, which are comprehensively studied and analyzed. Work with them began directly during the Russian-Japanese war, and it does not lose its relevance to this day. However, against the background of the strategic consequences that this collision of the 1st Pacific squadron and the Japanese combined fleet had on the entire course of the campaign in the far East, the fate of individual ships that did not return to their base in Port Arthur is covered quite succinctly and briefly. Meanwhile, the Russian military vessels brought by force of these or those circumstances to neutral ports were compelled to remain there up to signing of the peace Treaty. Internment exclude these ships from the participants of the continued fighting. But on ships remained in full composition their team, lasted daily life. The attention of researchers was paid to it only very sporadically — in General, this topic is disclosed, in our opinion, is not enough. Some aspects of this daily life in forced isolation will be covered in this article.

Keywords: Port Arthur, Shanghai, Russian-Japanese war, everyday life, naval squadron.

УДК 94 (47).083.4

ББК 63.3 (2) 521

Михаил Романович ИВАНЧЕНКО

аспирант 1-го курса, институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mikhailtmb96@gmail.com

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОРЯКОВ КРЕЙСЕРА «ЖЕМЧУГ» О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ (1904–1905 ГГ.)

Статья посвящена источникам личного происхождения моряков крейсера «Жемчуг» о походе 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимском сражении (1904–1905 гг.). Раскрыто содержание источников, показано, как их авторы воспринимали события Русско-японской войны, как относились к своим сослуживцам. На основе анализа текста источников продемонстрировано, насколько слова участников Цусимского сражения соответствуют действительности и чем вызвано искажение фактов в источниках.

Ключевые слова: крейсер «Жемчуг», воспоминания, дневники, письма, Цусимское сражение, Русско-японская война.

Крейсер «Жемчуг» был заложен 1 июня 1902 г. на Невском заводе, спущен на воду 14 августа 1903 г. После прохождения основных испытаний, 29 августа 1904 г. крейсер «Жемчуг» вошел в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, отправленной на Дальний Восток и разгромленной в Цусимском сражении 14–15 мая 1905 г.

В ходе Цусимского сражения действия крейсеров «Олег», «Аврора» и «Жемчуг» подверглись широкой критике — вместо прорыва на север во Владивосток, согласно приказу вице-адмирала З. П. Рожественского, эти три корабля в ночь с 14 на 15 мая 1905 г. сменили курс и ушли на юг, а 21 мая были интернированы в американском порту Манила¹.

На фоне крейсеров 1 ранга «Олега» и «Авроры» крейсер 2 ранга «Жемчуг», имевший меньшие размеры, огневую мощь и значение в действиях флота в Русско-японской войне, оказался не так заметен и в историографии. Из источников, написанных моряками «Жемчуга» за 1904–1905 гг., в исследованиях упоминается лишь дневник мичмана Г. А. Тавастшерны².

¹ Хромов В. В. Крейсера типа «Жемчуг» // Морская коллекция. М., 2005. № 1. С. 6–28.

² Емелин А. Ю. Кризис офицерского состава русского флота накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Елагинские чтения. СПб., 2005. Вып. III.

Тем не менее, среди источников по истории Русско-японской войны на море встречаются и созданные участниками Цусимского сражения на борту крейсера «Жемчуг». Помимо дневника Г. А. Тавастшерны, это воспоминания лейтенанта Ф. А. Матисена, боцманмата С. М. Войтенко и машиниста Т. И. Голядкина.

Федор Андреевич МАТИСЕН (1872–1921) — лейтенант, вахтенный начальник крейсера «Жемчуг» (1904–1905)³. Известный военный гидрограф, член Русского географического общества и Российской академии наук. В своем показании следственной комиссии он указал, что:

Мое описание боя, посланное моему знакомому из Манилы тотчас по приходе туда, было напечатано в газете «Новое Время» 12, 13 и 14 июля 1905 г. в №№ 10545, 10546, 10547⁴.

Редакция «Нового Времени» не стала печатать полное имя автора корреспонденции, подписав ее первой буквой его фамилии («М.»)⁵.

Ф. А. Матисен начал описание Цусимского сражения следующими словами:

Страшным кошмаром встают беспорядочные воспоминания о бое. Дать полную связную картину всего ужасного события нет возможности. Человек не приспособлен для восприятия таких сложных впечатлений.

Но, несмотря на тяжелые переживания прошедшего боя, гибели своих товарищей и кораблей эскадры, Ф. А. Матисен последовательно и детально описал дневную часть сражения, участие в нем крейсера «Жемчуг» и происходившее на борту корабля. Описание Цусимского сражения сопровождается схемами и рисунками, поясняющими слова Ф. А. Матисена. Однако с наступлением ночи понять происходящее стало почти невозможно:

Трудно описать все подробности того, что происходило в темноте <...> Еще какие-то суда следовали за нами. Справа раздавалось несколько выстрелов; кто-то открыл боевой фонарь; затем все погрузилось в темноту.

³ *Челомбитко А. Н.* Офицеры флота, корпусов, гражданские и медицинские чины, судовые священники Морского ведомства — участники Русско-японской войны 1904–1905 гг. Б. м., 2016. С. 243.

⁴ Показание вахтенного начальника лейтенанта Матисена // Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отдел IV. Кн. 3. Выпуск 5. Пг., 1914. С. 101.

⁵ Война. 2-я эскадра Тихого океана. «Жемчуг». Манила, Филиппинские о-ва. 14 мая 1905 г. // Новое Время (Санкт-Петербург). 1905. 12, 13, 14 июля.

Ночью удавалось точно фиксировать на бумаге только скорость хода крейсера и время. Ф. А. Матисен переживал, что «может быть запись грешит неправильным расположением моментов, может быть она неполная»⁶. Однако явных противоречий с другими описаниями Цусимского боя нам выявить не удалось. Далее Ф. А. Матисен перечислил основные, на его взгляд, причины поражения 2-й Тихоокеанской эскадры в столкновении с японским флотом:

- 1) окраска русских кораблей (черный с желтым) делала их удобной мишенью для неприятеля, в то время как окраска японских кораблей (серый цвет) размывала их очертания на горизонте и затрудняла слежение и наведение орудий;
- 2) преимущество в скорости японских кораблей;
- 3) преимущество построения японских отрядов, сформированных из однотипных кораблей, имеющих примерно равную скорость хода;
- 4) место сражения находилось вблизи мест базирования японского флота;
- 5) лучшая стрельба японских комендоров.

И здесь мы видим близость оценки Ф. А. Матисена к выводам о причинах поражения, устоявшимся в историографии⁷. Однако он воздерживается от критики руководства флотом Российской империи и действий командующего 2-й Тихоокеанской эскадры З. П. Рожественского, ограничившись одной фразой:

Жаль, если от причин понятных и, может быть, устранимых гибнет родной флот, решается судьба войны и уносится столько человеческих жертв напрасно!

Георгий Александрович ТАВАСТШЕРНА (1885–1905) — мичман, вахтенный офицер крейсера «Жемчуг»⁸. Погиб 14 мая 1905 г. в ходе Цусимского сражения. В 1907 г. в журнале «Морской сборник» был опубликован его дневник⁹, причем полное имя автора было заменено первой буквой его фамилии («Т.»). Восстановить имя человека, написавшего дневник, довольно просто — под известное описание (офицер крейсера «Жемчуг» с фамилией, начинающейся на букву «Т», убитый

⁶ Там же.

⁷ *Лихарев Д. В.* Цусимское сражение 14–15 мая 1905 г. Историографические проблемы. Уссурийск, 2009. С. 57–126.

⁸ *Челомбитко А. Н.* Офицеры флота, корпусов, гражданские и медицинские чины, духовые священники Морского ведомства — участники Русско-японской войны 1904–1905 гг. Б. м., 2016. С. 375.

⁹ Дневник офицера, убитого под Цусимой // *Морской сборник*. СПб., 1907. № 10. С. 23–34.

14 мая 1905 г. во время Цусимского сражения), подходит мичман Георгий Александрович Тавастшерна¹⁰.

Первая запись дневника была сделана 22 апреля 1905 г. Г. А. Тавастшерна начинает свой дневник так: «Рассмотрим немного события предыдущих дней», а именно с 25 марта по 22 апреля 1905 г. Далее следуют записи за каждый день вплоть до 13 мая. Дневник обрывается за день до начала боя на словах: «Что день грядущий мне готовит?»

Судя по всему, Г. А. Тавастшерна в день начала Цусимского сражения уже не успел ничего написать, кроме небольшого заголовка: «Корейский пролив, 14 мая, пятница». Запись от 14 мая на страницах «Морского сборника» дана в виде многоточия. Согласно отчету командира «Жемчуга» капитана 2 ранга П. П. Левицкого, около 4 часов дня

один из снарядов попал в среднюю дымовую трубу и разорвался. Осколки попали в орудие № 1 <...> пробиты переднюю трубу и осыпали мостик, где было два тяжело раненых и один легко. При этом был убит мичман Тавастшерна, легко ранен прапорщик Спадовеки и контужен патроном в голову мичман Ратьков, выведены из строя вся прислуга орудия № 1 и несколько человек от подачи и уборки раненых¹¹.

В архиве А. С. Новикова-Прибоя сохранилась машинописная копия отрывков из дневника мичмана Г. А. Тавастшерны¹², что говорит об интересе, проявленном писателем к этому источнику. В дневнике описаны действия 2-й Тихоокеанской эскадры у берегов Юго-Восточной Азии, частая смена стоянок в водах французских владений, опасения перед возможными нападениями японских кораблей, ожидание 3-й Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала Н. И. Небогатова и соединение с ней. Все эти события неоднократно описаны в источниках и разобраны в исторической литературе. Интерес может вызвать восторженное отношение Г. А. Тавастшерны к своей эскадре и ее командирам З. П. Рожественскому и Н. И. Небогатову:

Отряд Небогатова пришел в блестящем виде, сделав переход от Ливавы до Индокитая в 2 месяца и 20 дней. <...> Сегодня появился блестящий приказ адмирала Рожественского, в котором он говорит, что с присоединением

¹⁰ Офицерский состав II эскадры Тихого океана // С эскадрой адмирала Рожественского. Сборник статей, посвященных двадцатипятилетию похода II-й эскадры Тихого океана. Прага, 1930. С. 20.

¹¹ Отчет о бое 14 мая 1905 г. в Цусимском проливе командира крейсера II-го ранга «Жемчуг» // Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отдел IV. Книга третья. Выпуск 2-й. СПб., 1907. С. 193.

¹² «Дневник офицера, убитого под Цусимой». Печатное. Отрывок. // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 461. 4 л.

отряда Небогатова силы наши значительно возросли и почти равны японским. <...> Приказ вызвал везде огромное воодушевление¹³. <...> Сегодня <13 мая> с утра до вечера боевые эволюции, которые, кстати сказать, флот делает блестяще¹⁴.

Подобный позитивный взгляд на боевой потенциал русской эскадры противоречил с мнениями целого ряда участников Цусимского сражения и, в первую очередь — с позицией командующего эскадрой вице-адмирала З. П. Рожественского¹⁵. Однако в то же время нельзя не признать, насколько важно для военного иметь накануне сражения веру в свои силы и боевой настрой. Судя по строкам дневника, Г. А. Тавастшерна этими качествами обладал.

Публикуя этот небольшой по объему дневник, редакция журнала «Морской сборник», скорее всего, преследовала цель познакомить читателей с подробностями похода 2-й Тихоокеанской эскадры, с обстановкой, в которой проходило это плавание. Также, безусловно, это была дань памяти погибшему молодому мичману, которому 8 мая 1905 г., за несколько дней до гибели, исполнилось двадцать лет. Неслучайно тот же «Морской сборник» в 1915 г. поместил на своих страницах дневник другого морского офицера, погибшего в Цусимском сражении — капитана 1 ранга Е. Р. Егорьева, командира крейсера «Аврора»¹⁶.

Здесь уместно снова вспомнить последние слова дневника Г. А. Тавастшерны, написанные за день до начала сражения: «Что день грядущий мне готовит?» Данный источник не может не вызвать эмоциональный отклик у читателя, что тоже могло побудить редакцию журнала опубликовать этот дневник.

Сергей М. ВОЙТЕНКО — боцманмат крейсера «Жемчуг»¹⁷. С 1895 г. он служил на флоте, был зачислен в 8-й Балтийский флотский экипаж. Проходил обучение на крейсере «Генерал-адмирал» в составе учебной команды строевых квартирмейстеров. Участвовал в Русско-японской войне и в Цусимском сражении на крейсере «Жемчуг»¹⁸,

¹³ Дневник офицера, убитого под Цусимой // Морской сборник. СПб., 1907. № 10. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ См., напр.: *Лихарев Д. В.* Вице-адмирал З. П. Рожественский в оценках советских и российских историков // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2008. № 2. С. 90.

¹⁶ *Егорьев Е.* Вокруг старого света // Морской сборник. Пг., 1915. № 8, 9.

¹⁷ Алфавит 2-й Тихоокеанской эскадры. Ч. 1. А-И // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6985. Л. 182 об. – 183; *Войтенко С. М.* Письмо к А. С. Новикову-Прибою // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 468. Л. 3 об.

¹⁸ *Войтенко С. М.* Письмо к А. С. Новикову-Прибою. Л. 2.

стоял 2-м вахтенным на шкафуте во 2-й вахте¹⁹, <a> во время боя находился на рострах корабля около мичмана Радькова, стоявшего у <дальномера> Бар<ра и> Струда и определявшего дистанцию неприятельского флота в кабельтовых. Моя обязанность была на циферблате менять цифры дистанций в кабельтовых²⁰.

В 1938 г. завязалась переписка С. М. Войтенко и А. С. Новикова-Прибоя²¹, в ходе которой С. М. Войтенко прислал писателю свои воспоминания о Цусимском сражении. Воспоминания²² являются развернутым ответом на вопросы А. С. Новикова-Прибоя о настроениях команды и о характере офицеров крейсера.

По словам С. М. Войтенко, «команда была настроена бодро, никто из нижних чинов не падал духом²³». Возможно, он имеет в виду ту часть команды, которая находилась на верхней палубе, поскольку при взгляде на моряков «Жемчуга» во внутренних помещениях корабля очевидцы замечали, что «глаза у всех ненормальные, испытывали все страх²⁴». Подобное разделение настроений «верхней» и «нижней» команды боевого корабля было отмечено и на крейсере «Олег» мичманом М. М. Домерщиковым²⁵. Офицерам крейсера «Жемчуг» С. М. Войтенко дает следующие характеристики:

Кают-компания имела два лагеря: 1-й лагерь состоял из следующих офицеров — 1) Матисен, 2) Игнат<ьев>, 3) Димитрисев, 4) мичман Радьков Николай Михайлович, 5) мичман Тавастшерна Александр (отчество не помню). К этим пяти офицерам склонялся и командир корабля «Жемчуг» Левицкий Павел Павлович. <...> Команда его уважала не как командира, как человека по отношению к команде²⁶.

С. М. Войтенко упомянул о библиотеке для нижних чинов, устроенной лейтенантом Ф. А. Матисеном, где были собраны «журналы, приложения к «Ниве», журнал «Синий огонек», петербургские газеты. Лейтенанта спрашивали:

¹⁹ Он же. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 460. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 22.

²¹ Там же. Л. 3 об.

²² *Войтенко С. М.* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 460. 23 л.

²³ Там же. Л. 9.

²⁴ *Голядкин Т. И.* Письмо к А. С. Новикову-Прибою и ответы на вопросы его // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 469. Л. 1.

²⁵ *Д[о]мерщиков Л. [М.] Д. [М.]* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 331. Л. 2.

²⁶ *Войтенко С. М.* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 460. Л. 12–13.

«Зачем вам, Федор Андреевич, нужно возиться с этой мелюзгой?» Он отвечал: «Это мое личное дело, господа офицеры, вы можете не возиться, я желаю возиться»²⁷.

Несмотря на то, что Морское министерство выделяло деньги на судовые библиотеки для нижних чинов, далеко не на всех кораблях они могли удовлетворять запросы команды²⁸. Про лейтенанта Н. И. Игнатьева автор воспоминаний писал, что этот офицер называл матроса «кум», когда хотел отдать ему приказание. Звучало это всегда как теплая, вежливая просьба. Лейтенант В. И. Дмитриев, согласно С. М. Войтенко, любил награждать своих гребцов чарками водки²⁹.

Во «втором лагере» кают-компания С. М. Войтенко видел следующих офицеров:

старший офицер лейтенант Вяземский Сергей Сергеевич, по командной кличке «Яшка-перец» и его правая рука лейтенант барон Врангель, имел известную кличку «Братец-грешок», минный офицер лейтенант Линден, мичман Кисел <ев>, <...> были непримиримые враги команды. Главный был барон Врангель. Во время своей вахты и вне вахты малейшие вещи, ошибки матроса, сейчас подходит: «Ага, за тобой, братец, грешок». Берет в памятную книжку фамилию, в срочном порядке доносит паразиту Вяземскому, тот, в свою очередь, вручает наказания для виновного³⁰.

Интересно сравнить эти оценки со взглядом человека, входившего в кают-компанию крейсера «Жемчуг» — старшего судового механика штабс-капитана А. В. Новикова. В письмах к своей жене он характеризовал офицеров «Жемчуга» так:

<29 октября 1904 г.> Старший офицер по-прежнему показывает свою полную беспомощность, немного он стоит как старший офицер. <...> Старший лейтенант у нас Матисен, существо наивно-философского направления, но как человек — против него ничего не имею. Старший артиллерийский офицер Игнатьев — неунывающий малый, всегда весел, дело свое знает и служить умеет, как кают-компанец человек весьма приятный, играет на балалайке, на панино <...>. Минный офицер Линден — вид озабоченный, трудно соображает, старателен, на походах укачивает, поэтому отлеживается, в бою ненадежен, носит на себе следы английского воспитания, поэтому весьма скорбит, что крейсер не дает всех удобств, которые бы он желал. Штурманский офицер симпатичный малый, неглупый и свое дело

²⁷ Там же. Л. 11.

²⁸ Подробнее см.: *Новиков-Прибой А. С.* Что и как читали матросы? // Литературная газета. 23 марта 1977; *Новикова Л. И.* Военно-морские библиотеки России: история формирования и развития фондов: XVIII — первая четверть XX вв. Диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук. СПб., 2007. 206 с.

²⁹ *Войтенко С. М.* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 460. Л. 11–12.

³⁰ Там же. Л. 9.

знает, — лейтенант Дмитриев. Мичман Тавастшерна — мичман как мичман. Мичман Ратьков — эмбрион. Прапорщик Спадовеки — симпатичный малый. Доктор Викторов болезненно самолюбив, драчлив, когда напьется, думает, что у него много дела, изрядно спит, но в общем довольно симпатичный человек <...> неистово накуривает у меня <...>

<23 декабря 1904 г.>. Кают-компания настроена у нас против старшего офицера, который абсолютно ничего не делает, глуп сверхъестественно, не заводит никакого порядка, <...> имеет нахальство говорить о собачьих обязанностях старшего офицера. Павел Павлович в общем милый человек, но страшно любит услуживать начальству³¹.

Заметно, как похоже оценивали офицеров «Жемчуга» С. М. Войтенко и А. В. Новиков, с той разницей, что А. В. Новиков отмечал в своих характеристиках как профессиональные, так и человеческие качества. С. М. Войтенко же фокусировал внимание на отношении офицеров к нижним чинам крейсера.

Стоит также прокомментировать ту часть воспоминаний С. М. Войтенко, в которой описан ряд эпизодов Цусимского сражения. Он писал, что крейсер «Жемчуг» в этом бою огнем своих орудий правого борта потопил японский крейсер. По описанию С. М. Войтенко, этот японский крейсер был сопоставимого с «Жемчугом» размера, имел три мачты и четыре трубы³².

Только три японских миноносца пошли ко дну в ходе Цусимского сражения. Иных потерь в кораблях японского флота в научной литературе не значится³³. То, что пишет С. М. Войтенко, напоминает версию о гибели японского миноносца от огня крейсера «Варяг» 27 января 1904 г., которая также не находит подтверждения. Подобные истории появляются из-за «стремления дать подвигу материальное воплощение»³⁴ в виде придуманных потерь противника.

Констатируя, что свидетельство С. М. Войтенко не соответствует действительности, можно было бы поставить точку. Однако описанный им «японский крейсер» напоминает другой корабль, с которым крейсер «Жемчуг» сошелся в своем последнем бою. Речь идет о трехтрубном германском легком крейсере «Эмден», команда которого в ходе Первой Мировой войны установила на свой корабль в целях маскировки

³¹ Новиков А. В. Письма к жене // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 464. Л. 14 и об., 57 и об., 60—61 об., 137—138 об., 144, 144 об., 147, 147 об.

³² Войтенко С. М. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 460. Л. 16—17.

³³ См., напр: *Крестьянинов В. Я.* Цусимское сражение 14—15 мая 1905 г. СПб., 2003. С. 221.

³⁴ *Соломонов Б. В.* Бронепалубный крейсер «Варяг»: судьба корабля и подробности знаменитого боя // Апрель В. П. На «Варяге». Жизнь после подвига. М., 2013. С. 313—314.

фальшивую четвертую дымовую трубу. Это позволило «Эмдену» безнаказанно проникнуть в гавань порта Пенанг ночью 15 октября 1914 г., сблизиться с «Жемчугом» и расстрелять его в упор. В ходе скоротечного боя русский крейсер «Жемчуг» и подошедший французский миноносец «Муске» были уничтожены огнем германского крейсера «Эмден»³⁵.

Рискнем предположить, что С. М. Войтенко, описав потопление огнем «Жемчуга» четырехтрубного крейсера 14 мая 1905 г., на страницах воспоминаний «отомстил» за гибель своего корабля в октябре 1914 г. Или же разные события через 20–30 лет смешались воедино в памяти и в изложении С. М. Войтенко.

Похожее слияние разных событий в воспоминаниях С. М. Войтенко встречается не единожды:

На «Авроре» оказался убит командир и старший офицер, у него были наказанные матросы, и во время боя выставил виновных на бак, чтоб они сложили свои головы от японских снарядов, но невинные жертвы не пострадали ни один, а когда разбило боевой марс на «Авроре» и слетела стеньга с марселей, то этим рангоутом убило двоих паразитов: командира и старпома³⁶.

На самом деле, падение стеньги фок-мачты «Авроры» не было связано с гибелью командира крейсера Е. Р. Егорьева и ранением старшего офицера «Авроры» А. К. Небольсина от осколков японских снарядов³⁷. Что касается наказанных матросов, то их отправили на верхний мостик, а не на бак, однако, как и писал С. М. Войтенко, они выжили в сражении³⁸. Интересно, что эта история про матросов, да и в целом про события на «Авроре» до Цусимского сражения и во время него, стали известны среди команды крейсера «Жемчуг».

Трофим Иванович ГОЛЯДКИН (родился в 1878 г.) — машинист крейсера «Жемчуг»³⁹. Во время Цусимского сражения «управлял левой машиной»⁴⁰.

³⁵ Хромов В. В. Крейсера типа «Жемчуг» // Морская коллекция. М., 2005, № 1. С. 30–31.

³⁶ Войтенко С. М. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 460. Л. 22.

³⁷ Поленов Л. Л. Крейсер «Аврора». Л., 1987. С. 119, 121, 127, 128.

³⁸ Иванченко М. Р. Воспоминания моряков крейсера «Аврора» о заграничном плавании 1903–1906 гг. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VIII Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2015 г. Сб. научных статей. СПб., 2015. С. 112 №. doi:10.26907/2542-0402.2015.112.109-112. Письмо к А. С. Новикову-Прибою // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 362; Пастухов Т. А. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 357.

³⁹ Алфавит 2-й Тихоокеанской эскадры. Ч. 1. А-И // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6985. Л. 269 об. — 270; Голядкин Т. И. Письмо к А. С. Новикову-Прибою и ответы на вопросы его // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 469. Л. 1, 3.

⁴⁰ Там же. Л. 1.

Летом 1935 г. Т. И. Голядкин отправил несколько писем⁴¹ А. С. Новикову-Прибою с отзывом на его роман «Цусима», с воспоминаниями о Цусимском сражении и с ответами на вопросы писателя. Т. И. Голядкин положительно отозвался о романе «Цусима»:

прочитав эту книгу, остался очень доволен, описано довольно хорошо, и без слез читать не вытерпишь, <...> так как я участник Цусимского боя⁴².

Вспоминая это сражение, Т. И. Голядкин несколько раз упомянул о страхе, который испытали находившиеся в машинном отделении,

когда передавали в машинное отделение, что победа на японской стороне, и первое судно, броненосец «Ослябя», погиб, <...> и когда делаешь какое-либо распоряжение по машинному отделению <...> когда «Урал» наскочил на корму «Жемчуга», то на всю команду навел страх⁴³.

Уже оговаривалось, что команда на верхней палубе в бою действовала увереннее, чем те моряки, кто был во внутри корабля. Очевидно, что первые могли хорошо знать и видеть всю обстановку, в то время как остальные не знали почти ничего о происходящем сражении, что давало рост панике и страху. Не сразу узнали в машинном отделении, что крейсер «Жемчуг» ночью сменил курс и стал, вопреки ожиданиям, удаляться от Владивостока.

Матросы стали роптать, <...> тогда командир судна <...> собрал нас на шканцах и произнес речь: <...> «Братцы, мы действительно сбились, но над нами какой-то Божий перст, что мы блуждали по одному и тому же месту, здесь начался наш бой, и наши братья — здесь, на дне моря. Вот мы потому и не могли с этого места сойти, пока не разобрались, где находимся». А потом еще добавил, что эта война позорна, и русские этого не потерпят, отомстят, и это море назовется не Японским, а Русским⁴⁴.

Подобное обращение с речью командира корабля к экипажу играло важную роль в регулировании настроений среди большого числа офицеров и нижних чинов. Однако в источниках пересказ таких речей встречается редко, что делает данное свидетельство Т. И. Голядкина особенно ценным. Стоит отметить упомянутый мотив мести за поражения в Русско-японской войне, который постепенно станет лейтмотивом пропаганды очередного конфликта России и Японии в 1945 г⁴⁵.

⁴¹ Там же. 5 л.

⁴² Там же. Л. 1.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 1, 2.

⁴⁵ *Иванов А. А.* Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения: Учебно-методическое пособие. СПб., 2017. С. 16, 17.

А. С. Новиков-Прибой в одном из своих писем⁴⁶ отправил Т. И. Голядкину список вопросов. К сожалению, этот список обнаружить не удалось, а сами ответы Т. И. Голядкина⁴⁷, похоже, подверглись воздействию воды, текст стал размытым и в некоторых местах неразборчивым. На многие вопросы Т. И. Голядкин не смог ответить, поскольку то, что спрашивал у него А. С. Новиков-Прибой, он «не видел, был в машине»⁴⁸.

Несмотря на эти затруднения, текст в целом читается и удается понять смысл заданных Т. И. Голядкину вопросов. Они большей частью касались отдельных членов экипажа, их поведения в плавании и в бою, их взаимоотношений с остальной командой крейсера «Жемчуг».

Например, о лейтенанте крейсера «Жемчуг», бароне Д. М. Врангеле, Т. И. Голядкин пишет, что среди машинистов он имел кличку «Враг», а во время сражения

был ранен в левый бок, у него вышибло несколько ребер и показались легкие и печенки. Когда его принесли в лазарет, он просил <...>: «Дайте мне хлороформа, ведь я знаю, что тяжело ранен» и, умирая он просил прощения у всех матросов за произведенные обиды, но через какого матроса он просил это прощение — я не помню⁴⁹.

Очевидно, что гибель лейтенанта Д. М. Врангеля и его предсмертное раскаяние перед матросами «Жемчуга» врезались в память моряков крейсера и были описаны в источниках с некоторыми разночтениями⁵⁰. Наиболее подробно смерть Д. М. Врангеля описывает С. М. Войтенко, который называл этого лейтенанта «главным врагом команды»⁵¹:

<Цусимское сражение, 14 мая 1905 г.> На кормовом элеваторе на площадке стоял лейтенант барон Врангель, как командир кормового погонного орудия и пулеметной части, был ранен осколком смертельно, попал осколок в грудную клетку и вышел между лопаток. Он успел спуститься по трапу с площадки и упал у бизань-мачты около часового, стоявшего по боевому расписанию под флагом. Но не так скоро скончался, почти около двадцати минут лежал в предсмертной агонии и говорил: «Все от меня отказались, вероятно, я всем опротивел своим поведением по службе, больше всего я, вероятно, команде опротивел». Часовой под флагом стоял строевой

⁴⁶ *Новиков-Прибой А. С.* Письмо к Т. И. Голядкину // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 466. Л. 1.

⁴⁷ *Голядкин Т. И.* Письмо к А. С. Новикову-Прибою и ответы на вопросы его // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 469. Л. 3–5 об.

⁴⁸ Там же. Л. 3 об., 4.

⁴⁹ Там же. Л. 3 об.

⁵⁰ *Войтенко С. М.* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 460. Л. 18, 19; *Новиков А. В.* Письма к жене // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 464. Л. 80–85 об.

⁵¹ *Войтенко С. М.* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Ед. хр. 460. Л. 9.

квартирмейстер парень московский Алядкин, призванный с запаса, ответил ему: «Да, Ваше Благородие, это Вы верно сказали, что опротивели команде, Вас команда за время похода благословила, что <бы> Вас первого снаряда первый осколок не миловал». Когда Алядкин замолчал, то барон Врангель дополнил: «Верно, Алядкин, это я знал, что со мной получится за мой поступок, так хоть ты меня прости, ибо я помираю!» Часовой ему сказал: «Пуцай Бог прощает Ваши поступки, ежели Он есть». После этих переговоров с часовым барон скончался⁵².

Подводя итог рассмотрению источников личного происхождения моряков крейсера «Жемчуг» о событиях Русско-японской войны, отметим, что еще многие воспоминания, дневники, письма участников Цусимского сражения ждут своего исследователя. Не отрицая, что многие из этих источников вряд ли смогут «перевернуть» наше представление о морском сражении 14–15 мая 1905 г., они важны для понимания происходившего на каждом из кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры, для выяснения подробностей биографий и психологических портретов участников тех событий.

Список литературы

- Емелин А. Ю.* Кризис офицерского состава русского флота накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. // Елагинские чтения. СПб., 2005. Вып. III. С. 31–42.
- Иванов А. А.* Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения: Учебно-методическое пособие. СПб., 2017. 72 с.
- Иванченко М. Р.* Воспоминания моряков крейсера «Аврора» о заграничном плавании 1903–1906 гг. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VIII Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2015 г. Сб. научных статей. СПб., 2015. С. 104–124.
- Крестьянинов В. Я.* Цусимское сражение 14–15 мая 1905 г. СПб., 2003. 271 с.
- Лихарев Д. В.* Вице-адмирал З. П. Рожественский в оценках советских и российских историков // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2008. № 2. С. 86–94.
- Лихарев Д. В.* Цусимское сражение 14–15 мая 1905 г. Историографические проблемы. Уссурийск, 2009. 168 с.
- Новикова Л. И.* Военно-морские библиотеки России: история формирования и развития фондов: XVIII — первая четверть XX вв. Диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук. СПб., 2007. 206 с.
- Поленов Л. Л.* Крейсер «Аврора». Л., 1987. 263 с.
- Соломонов Б. В.* Бронепалубный крейсер «Варяг»: судьба корабля и подробности знаменитого боя // Апрель Б. П. На «Варяге». Жизнь после подвига. М., 2013. С. 309–317.
- Хромов В. В.* Крейсера типа «Жемчуг» // Морская коллекция. М., 2005. № 1. 34 с.

⁵² Там же. Л. 18, 19.

Mikhail Romanovich IVANCHENKO

1st year post-graduate student, Institute of History, St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: mikhailtmb96@gmail.com

Personal narratives of sailors of cruiser «Zhemchug» about Russo-Japanese war 1904–1905

The article is devoted to the personal narratives of the sailors of the cruiser «Zhemchug» about the campaign of the 2nd Pacific squadron and the battle of Tsushima (1904–1905). The content of the sources is revealed, and it is shown how their authors perceived the events of the Russo-Japanese war, how they treated their comrades. Content analysis of the narratives demonstrates if the participants of the battle of Tsushima wrote truth or lie and what caused the misrepresentation of facts in the narratives.

Keywords: cruiser «Zhemchug», memories, diaries, letters, Tsushima battle, Russo-Japanese war.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 523

Анатолий Евгеньевич САФАЕВ

Библиотекарь, отдел газет Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: safaev.ae@gmail.com

НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ АВИАЦИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1911 ГОДА. ХРОНИКА СОБЫТИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ¹

Статья посвящена начальному периоду истории российской авиации — второй половине 1911 года. Предметом рассмотрения является материал, содержащийся в публикациях отдела хроники ведущих российских газет. Данная статья является продолжением статьи «Начало российской авиации. 1910–1911 гг. Хроника событий по материалам газетных публикаций», опубликованной в материалах XI Военно-исторической конференции².

Ключевые слова: Императорский всероссийский аэроклуб, итоги перелета Петербург–Москва, парашют Г. Е. Котельникова, первое участие авиации в военном параде, севастопольская школа Отдела воздушного флота, царскоевильская авиационная неделя, Л. В. Зверева, авиация в маневрах Гренадерского корпуса под Москвой, 2-я московская авиационная неделя, авиационная разведка, авиация в киевских и варшавских военных маневрах, перелет М. Ф. де Кампо-Сципио Варшава–Петербург, общество «Авиата», харьковская воздухоплавательная выставка, И. И. Сикорский, 1-я киевская авиационная неделя, авиационные дни в Ново-Николаевске, использование авиации в Итало-турецкой войне 1911–1912 гг., авиация во флоте, конструкторский конкурс летательных аппаратов.

Главным авиационным событием 1911 года в России стал перелет Петербург–Москва, состоявшийся в первой половине июля. Всю вторую половину месяца газеты активно обсуждали его итоги. Те, кто считал перелет провальным, призывали прекратить «безрассудную гоньбу за призами, а поставить дело строже и солиднее»³, а также увеличить подготовительный период подобных мероприятий настолько, насколько это будет необходимо для максимального обеспечения безопасности участников.

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

² Сафаев А. Е. Начало российской авиации. 1910–1911 гг. Хроника событий по материалам газетных публикаций // Военная история России XIX–XX веков: Материалы XI Международной военно-исторической конференции. 23–24 ноября 2018 г. СПб., 2018. С. 320–350.

³ Вель. Итоги // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 июля.

Другие старались мыслить более широко. Соглашаясь, что не всё было сделано организаторами перелета для достижения полного успеха, они понимали, что в таком опасном деле, как завоевание воздушного пространства, без жертв обойтись нельзя. Любое событие, какие бы последствия оно за собой не влекло, давало авиаторам, организаторам мероприятий, конструкторам и изготовителям аэропланов бесценный опыт.

25 июля⁴, выступая в зале Тенишевского училища с лекцией о перелете Петербург–Москва, инженер-механик А. Г. Розенблюм, который во время этого перелета являлся помощником спортивного комиссара на контрольном пункте одного из этапов в Вышнем Волочке, попытался обоснованно ответить на нападки, звучавшие со всех сторон в адрес организационного комитета перелета. По его мнению, молодые авиаторы фактически оказались не готовы к большой физической и психологической нагрузке, что выразилось в огромной усталости и общем перенапряжении. А. Г. Розенблюм рассказал то, чему он был свидетелем как очевидец и непосредственный участник событий, а именно в каком удручающем состоянии находились авиаторы после приземления в Вышнем Волочке. Что же касается аварий, то, по мнению лектора, большая их часть явилась «следствием непростительно халатного отношения фирм, стоявших за спиной авиаторов»⁵. Действительно, у некоторых авиаторов, имевших возможность о себе позаботиться, проблем было меньше. Вот что сообщал корреспондент газеты «Современное слово»:

Янковский обслуживается лучше остальных участников перелета. Его сопровождают три автомобиля с механиками и три комплекта запасных частей. Один автомобиль уезжает вперед на пункт, где намерен спуститься авиатор, второй стоит на полпути, а третий следует за авиатором. В Вышнем Волочке, где Янковский при падении на лес сильно поломал свой моноплан «Блерио», последний в течение менее суток был отремонтирован почти заново⁶.

Как бы там ни было, итоги перелёта стоит признать удовлетворительными, достаточно сравнить его с подобными перелётами в Западной Европе. На перелет Петербург–Москва записалось 12 авиаторов, вылетело восемь, в Москву прилетел один. Потери: один погибший

⁴ Здесь и далее даты приводятся, как они указаны в российских газетах того периода, т. е. по старому стилю.

⁵ Хроника: Лекция о перелете Петербург–Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 27 июля.

⁶ А. М. Полет Петербург–Москва // Современное слово. 1911. 15 июля.

Ил. 1. Тело авиатора К. Н. Шиманского на месте катастрофы. Голос Москвы: иллюстрированное обозрение. 1911. 31 июля

(К. Н. Шиманский, *ил. 1*), двое получили тяжелые ранения, один ранен, семеро потерпели серьезные аварии⁷.

На перелете Париж–Мадрид с обязательными спусками на этапах из 16 записавшихся авиаторов прилетел только один (Ведрин), один авиатор погиб, несколько получили ранения. На перелет Париж–Рим–Турина записалось 40 человек, до Рима долетело лишь четверо, до Турина — ни одного. При этом случилось пять аварий, две из которых (Лукка и Фрей) были очень тяжелыми. На круговой перелет Париж–Брюссель–Лондон–Париж записалось 60 авиаторов, прилетело всего 9. В первый день четверо разбились насмерть, дальше было еще семь серьезных аварий. Круговой перелет по Северной Германии Берлин–Гамбург–Ганновер–Кёльн–Берлин не смог выполнить ни один авиатор. Из 13 этапов победитель (Кёниг) преодолел лишь 11. И это несмотря на то, что условия полетов были чрезвычайно облегчены: перегоны не превышали 100–150 км, а после каждого пройденного этапа полагалось 1–2 дня

⁷ Вель. Итоги // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 июля.

отдыха⁸. Весь перелет был рассчитан на 30 дней. Эта неспешность позволила немцам обойтись без серьезных катастроф и без жертв.

Следует отметить еще один важный момент. Несмотря на то, что перелет по Северной Германии был организован по инициативе газеты «Berliner Zeitung am Mittag», он имел вполне практические военные цели. Во-первых, маршрут полета был составлен с учетом «возможного в будущем театра войны»⁹:

Были выбраны такие пункты, как военный порт Киль и германо-французская граница на Рейне. Полет захватил и Северо-Германскую низменность и побережья омывающих Германию морей, несколько горных кражей, в том числе Гарц и Рейнский фабрично-заводской район¹⁰.

Во-вторых, «почти все авиаторы имели в качестве пассажиров офицеров генерального штаба»¹¹. В-третьих, часть авиаторов проверяла в перелете аппараты немецкого производства. И именно на них были достигнуты наилучшие результаты, что было отмечено дополнительными денежными призами от прусского военного министерства. Авиаторы Кёниг, Фолмеллер и Бюхнер, используя аппараты «Альбатрос» (мотор «Gnome», 70 л. с.), «Голубь» Румплера-Этриха (мотор завода Даймлера, 70 л. с.) и «Aviatik» (мотор «Argus», Германия, 100 л. с.) соответственно, обошли фаворитов, летевших на французских аэропланах¹². Если сравнивать отношение немецкого военного ведомства к круговому германскому перелету с отношением российского военного ведомства к перелету Петербург–Москва, то становится очевидным, что российское военное ведомство не проявило должного интереса к данному событию.

Не оценило должным образом наше военное ведомство и разработанный Глебом Евгеньевичем Котельниковым ранцевый парашют для летчиков. В августе 1911 г. Котельников передал чертежи своего изобретения в воздухоплавательный отдел инженерного ведомства, но отношением от 13 сентября 1911 г. за № 715 тот уведомил изобретателя, что его прибор «принят быть не может, так как он ничем не обеспечивает надежности открытия парашюта после его выбрасывания из ранца, тогда как основным качеством спасательного прибора должна быть безот-

⁸ Перелет Петербург–Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 15 июля.

⁹ *Иванович Г.* Германские аэропланы и результаты германского кругового полета // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 13 июля.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

казность его действия»¹³, а произведенные «опыты с моделью не могут считаться убедительными, так как они производились в малом количестве и с моделью малых размеров»¹⁴.

Общественный запрос на создание средства спасения для авиаторов появился сразу после трагической гибели капитана Л. М. Мациевича во время Всероссийского праздника воздухоплавания в сентябре 1910 г. Через несколько дней после трагического события, свидетелями которого было огромное количество зрителей, редакцией газеты «Новое время», взявшей на себя заботу по сбору средств на помощь семье погибшего авиатора и увековечивание его памяти, «было получено несколько писем от людей с высшим техническим образованием, в которых они предлагают специалистам разработать парашюты для летунов»¹⁵. Отношение авиаторов к идее парашюта, как ни странно, было в то время скептическим. Автор статьи в «Новом времени» писал:

Я обратился к нашим летчикам с вопросом, насколько, по их мнению, такой парашют применим. Мнение было чрезвычайно единодушно: при настоящем устройстве аэропланов никакой парашют устроен быть не может¹⁶.

Испытания Воздухоплавательным отделом прибора Котельникова начались лишь 6 июня следующего года в деревне Сализи. Испытания проводились с аэростата. Вместе с тем в Севастополе М. Н. Ефимов с высоты 100 м провел успешный опыт сбрасывания манекена с прибором с «Фармана», а 26 сентября штабс-капитан Горшков сделал это с высоты 80 м с «Блерио». Результаты были блестящие. В докладной записке на имя военного министра В. А. Сухомлинова, датированной 6 октября 1912 г., Г. Е. Котельников писал:

Несмотря на очевидный успех моего прибора при разнородных испытаниях его, в настоящее время г<осподин> начальник Воздухоплавательной школы в донесении своем на имя Воздухоплавательного отдела Генерального штаба дает о моем приборе отзыв, из которого видно, что: 1) вообще спуск на парашюте надо считать опасным, так как при ветре, имея достаточную поступательную скорость, спускающийся может разбиться о встречное дерево или забор; 2) что пилот при аварии аэроплана предпочитает планирующий спуск и 3) что парашют применим исключительно на войне при гибели всего экипажа управляемого шара, но и в этом случае авиатор, отдавший предпочтение спуску на парашюте в плен неприятелю, перед смертью все равно

¹³ Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. — 2 изд., перераб. — М.: Машиностроение, 1981. С. 268–269. Прил. 12 (Докладная записка изобретателя парашюта Котельникова военному министру Сухомлинову).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кр-ко И. Праздник авиации // Новое время. 1910. 28 сентября.

¹⁶ Там же.

будет расстрелян неприятельскими пулями. Приняв во внимание, что все человечество озабочено изысканием средств обезопасить летчиков от гибели именно в мирное время, когда они готовятся к серьезной деятельности на войне и часто гибнут напрасно, тогда как могли бы оказаться в нужный момент полезными сынами родины и что именно на войне-то никто не думает заботиться о спасении, а горя единым желанием исполнить свой долг перед Родиной, идя на верную смерть, подобные заключения г<осподина> начальника Воздухоплавательной школы представляются по меньшей мере <...> странными и наивными. <...> Считаю долгом положить <sic!> вашему высокопревосходительству, что такое странное отношение к столь важному и полезному делу, как спасение нужных людей и аппаратов для меня, русского офицера, и непонятно и обидно¹⁷.

Возмущение изобретателя вполне понятно — вопрос с финансированием не решен, больше года было фактически потеряно. Остается загадкой, почему военное ведомство проигнорировало столь нужную и перспективную разработку ещё в 1911 г., почему оно не профинансировало, хотя бы минимально, данный проект, почему не попыталось подключить к работам нужных специалистов, таких, как, например, аэронавт Ю. М. Древницкий? На счету Ю. М. Древницкого на момент окончания Первого всероссийского праздника воздухоплавания уже было 459 спусков с шара на парашюте, в том числе и опыт спуска, правда, не специально подготовленного, а вынужденного, в силу сложившихся обстоятельств, с высоты 4000 м¹⁸. Конечно, Ю. М. Древницкому не могли отдать приказ — он не был военным, но если бы удалось вовлечь его в это дело, если бы была создана конструкторско-испытательная команда, наделенная определенными возможностями и ресурсами, то к первой мировой войне российская авиация могла подойти с большим потенциалом.

31 июля Николай II утвердил рисунок флага для летательных аппаратов и строений Отдела воздушного флота Комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования:

Флаг имеет форму равнобедренного треугольника; по длине флаг разделен на две части: в первой части три горизонтальные полосы <...>: белая, синяя и красная; остальная часть флага белая и в ней помещен синий вензель из инициалов Отдела воздушного флота (ОВФ)¹⁹.

¹⁷ Дузь П. Д. Указ. соч. С. 268–269. Прил. 12. (Докладная записка изобретателя парашюта Котельникова военному министру Сухомялинову).

¹⁸ К. Ш. Праздник авиации // Новое время. 1910. 2 октября.

¹⁹ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 6 августа.

Накануне, 30 июля 1911 г., авиация впервые участвовала в военном параде²⁰. Парад по случаю дня рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича проходил в лагерях 1-й бригады 13-й пехотной дивизии под Севастополем. На учебном лётном поле школы авиации, находившемся неподалеку от лагерей, в 7:30 утра были поставлены в одну линию 15 аэропланов. На правом фланге выстроились руководители и офицеры специального и общего классов школы, а перед фронтом летательных аппаратов — нижние чины школы авиации. В 8 часов к фронту подъехал принимавший парад начальник 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Ф. М. Вебель. Его встретил рапортом начальник школы авиации полковник генерального штаба С. И. Одинцов. Поздоровавшись с нижними чинами, генерал-лейтенант Ф. М. Вебель обратился с приветственной речью к офицерам школы, после чего отбыл к войскам своей дивизии. Сразу после его отъезда на старт были выведены 6 аппаратов и поставлены в две линии. В одной линии располагались два «Блерио» (гоночный и двухместный), в другой — четыре «Фармана». Размеры поля не позволяли одновременно выпустить большее количество аэропланов. Первым взлетел на гоночном «Блерио» лейтенант Дыбовский, вслед за ним поднялся на двухместном «Блерио» лейтенант барон Буксгевден с пассажиром штабс-ротмистром Миллером. Затем на «Фарманах» поднялись в воздух штабс-капитан Виктор-Берченко, поручик Макеев с пассажиром подпоручиком Гаусманом, штабс-капитан Земитан и поручик Туношенский.

Пока авиаторы взлетали, на лагерном поле 13-й пехотной дивизии прошел торжественный молебен, и принимавший парад генерал-лейтенант Ф. М. Вебель обошел фронт и поздравил войска с торжественным днем. В момент, когда полковой оркестр исполнял государственный гимн, над строем уже кружили 6 аэропланов, «сливая шум своих винтов со звуками гимна и восторженным “ура”»²¹. По окончании мероприятия все аппараты без происшествий благополучно вернулись на воздухоплавательное поле.

Севастопольская школа Отдела воздушного флота стала главным поставщиком летных кадров для армии. Качество подготовки авиаторов было отменным. Обучающиеся должны были сначала освоить биплан («Фарман»), сдать экзамен, а затем научиться управлять монопланом («Блерио»). Обилие аппаратов обеих систем и большое количество пригодных для полетов дней позволяло учащимся в совершенстве освоить

²⁰ Парад войскам 13-й пехотн. дивизии при участии школы авиации // Крымский вестник. 1911. 31 июля.

²¹ Там же.

летное дело. Успешное участие в военных маневрах подтвердило высокий уровень подготовки. «Вестник воздухоплавания» писал:

На маневрах они произвели фурор. Еще оттуда полк<овник> Одинцов телеграфировал в школу: «Маневры кончились блестяще, вызывая общий восторг от командующего войсками до рядового включительно; школа подержала свое доброе имя; выпущенные ею летчики, участники маневров варшавских, киевских и петербургских, покрыли ее славой»²².

10 сентября «Новое время» опубликовало беседу с авиатором М. Н. Ефимовым²³, только что возвратившимся в Петербург из Киева, где он с 30 августа по 1 сентября принимал участие в военных маневрах. Из беседы можно узнать некоторые подробности о тех событиях. В киевских воздушных маневрах участвовали со стороны, наступавшей на Киев, М. Н. Ефимов, штабс-ротмистр Миллер и кондуктор Жуков; с другой стороны — офицеры севастопольской школы Ильин, Линно, Никифоров и Макаров, всего 6 аэропланов Отдела воздушного флота. Машины поднялись из Киева и летели двумя треугольниками (2 аппарата впереди и 1 сзади). Пролетев 40 верст, авиаторы спустились на поле, где проходили маневры. Летчики получили задания по выявлению местонахождения неприятеля. М. Н. Ефимов отметил, что полеты совершались на небольшой высоте, в случае же войны все то же самое придется выполнять на значительных высотах. В одном из эпизодов маневров М. Н. Ефимов не рассчитал количество бензина и вынужден был опуститься на территории между своим и неприятельским лагерями. К нему подскакала конница и объявила, что он в плену, а аппарат его уничтожен. Сам авиатор сказал:

Я думаю, что в военное время я успел бы добраться до своих раньше, нежели подоспел бы неприятель. Вообще же маневры удались чрезвычайно, летали во всякое время — днем и ночью, в безветрие и при ветре; аварий не было ни одной²⁴.

Что касается маневров Варшавского военного округа, в которых принимали участие части 14-го (генерал-лейтенанта Брусилова), 19-го (инженер-генерала Саранчова) и 23-го армейских корпусов²⁵, то отде-

²² *Вестник*. В школе О. В. Ф. в Севастополе // Вестник воздухоплавания. 1911. № 13–14. С. 49–50.

²³ К. Ш. Воздушные маневры. (Беседа с М. Н. Ефимовым) // Новое время. 1911. 10 сентября.

²⁴ Там же.

²⁵ К большому маневру войск Варшавского военного округа // Варшавский дневник. 1911. 28 августа.

лом воздушного флота было командировано туда 13 аэропланов. Они были разбиты на два авиационных отряда, один в составе восьми аппаратов «Блерио», другой — пяти «Фарманов». Начальниками отрядов были штабс-капитан Виктор-Берченко и лейтенант барон Буксгевден. Под их началом летали товарищи по школе — офицеры Земитан, Дыбовский, Андреади, Никольский, Макеев, Прищепов, Туношенский, Абрамович, Гельгар и Бахмутов. Общее руководство осуществляли начальник авиационной школы полковник генерального штаба С. И. Одинцов и управляющий делами Отдела воздушного флота, адъютант великого князя Александра Михайловича капитан 2 ранга Н. Ф. Фогель. Полеты продолжались в течение семи дней. Они проходили на большой высоте, в отличие от киевских, в условиях боевой обстановки. Аэропланы использовались только для разведки и связи²⁶.

Участники маневров поручики Линно, Никольский и Никифоров высочайшим приказом по Военному ведомству от 1 октября были произведены с 10 августа в штабс-капитаны²⁷.

Утром 17 сентября другие участники недавних маневров, поручик Андреади и штабс-капитан Земитан на двух «Блерио», и поручики Туношенский и Прищепов на двух «Фарманах» совершили полет в Южную бухту Севастополя и сделали несколько кругов над императорской яхтой «Штандарт», на которой отдыхала царская фамилия²⁸. Это был последний день пребывания государя с семьей в Севастополе. В середине того же дня «Штандарт» ушел в Ялту.

А спустя ровно месяц, в полдень 26 октября, в Ливадии великий князь Александр Михайлович представил Николаю II постоянный и переменный составы Севастопольской офицерской школы воздухоплавания Отдела воздушного флота²⁹. *Постоянный состав*: начальник школы полковник генерального штаба Одинцов, заведующий хозяйством штабс-капитан 52-го Виленского пехотного полка Земитан, заведующий хозяйством капитан гатчинского отряда корпуса инженеров-механиков флота Александров, штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка Виктор-Берченко, лейтенант 2-го Балтийского флотского экипажа барон Буксгевден, лейтенант Черноморского флотского экипажа Дыбовский и поручик лейб-гвардии саперного батальона Макеев. *Переменный состав* (специальный класс): штабс-ротмистр лейб-гвардии

²⁶ Хроника: Воздухоплавание // Новое время. 1911. 9 сентября.

²⁷ Высочайший приказ по военному ведомству: Октября 1-го дня, в Ливадии // Русский инвалид. 1911. 7 октября.

²⁸ *Винтик*. В школе О. В. Ф. в Севастополе // Вестник воздухоплавания. 1911. № 13–14. С. 49–50.

²⁹ Севастопольская школа авиации в Ливадии // Крымский вестник. 1911. 30 октября.

Драгунского полка Миллер, поручик лейб-гвардии Семеновского полка Лобановский, поручик лейб-гвардии Конного полка Ильин, штабс-капитан 7-й воздухоплавательной роты Линно, штабс-капитан Сибирского воздухоплавательного батальона Никифоров, штабс-капитан 1-й Кавказской воздухоплавательной роты Никольский, поручик 3-й воздухоплавательной роты Туношенский, поручики 11-го гренадерского Фанагорийского полка Прищепов и Поплавко, поручик 4-й Сибирской воздухоплавательной роты Макаров, поручик 51-го Литовского пехотного полка Андреади, поручик корпуса инженеров-механиков флота Стаховский, корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Бахмутов, подпоручик запасного конно-артиллерийского дивизиона Гельгар, адъютант 50-го Белостокского пехотного полка подпоручик Абрамович, подпоручик 49-го Брестского пехотного полка Якубов и вольнонаемный руководитель школы потомственный почетный гражданин Севастополя М. Н. Ефимов.

При представлении присутствовали: Свиты Его Величества генерал-майор князь Орлов, флигель-адъютант полковник А. А. Дрентельн, дежурный флигель-адъютант ротмистр граф Ф. М. Нирод и адъютант великого князя Александра Михайловича капитан 2 ранга Н. Ф. Фогель³⁰.

Его Величество обходил офицеров, удостоивая их милостивыми вопросами, благодарил за ревностное отношение, усердие и приложенные ими труды на пользу русской авиации и пожелал им полного успеха в этом новом деле. По окончании представления Государь Император изволил сняться с офицерами в общей группе³¹.

Сразу после встречи Александр Михайлович в своем дворце в Ай-Тодоре дал завтрак для всех чинов школы. Около 4 часов дня офицеры переменного и постоянного составов возвратились в Севастополь³². К этому времени в школу подъехал военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов. Вернувшиеся из Ялты авиаторы продемонстрировали ему фигурные полеты на аппаратах «Фарман» и «Блерио». Одновременно в воздухе находилось до десяти аэропланов, некоторые летали до Балаклавы и обратно и до Херсонесской бухты. «Военный министр смотрел полеты в продолжение часа, оставшись весьма довольным достигнутыми школой успехами»³³. Вечером того же дня В. А. Сухомли-

³⁰ Там же.

³¹ Телеграммы министра императорского двора. I // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 27 октября.

³² Севастопольская школа авиации в Ливадии // Крымский вестник. 1911. 30 октября.

³³ Хроника // Крымский вестник. 1911. 28 октября.

нов в отдельном салон-вагоне курьерского поезда отбыл из Севастополя в Петербург³⁴.

С середины июля в Императорском всероссийском аэроклубе началась подготовка к авиационным состязаниям в Царском Селе, приуроченным к открывающейся 10 августа Юбилейной царскосельской выставке. В организационный комитет вошли граф Я. Н. Ростовцев, инженер Л. А. Розенцвейх и С. С. Усов. Для соревнования авиаторов было отведено место на Софийском плацу³⁵. Для платной публики предполагалось устроить скамейки и расставить стулья. Было запланировано первые три дня авиационной недели посвятить фигурным состязаниям, а далее организовать перелеты в ближайшие пригороды с вручением почетных призов³⁶. Лучшего из летчиков, помимо денежного приза, ждал «высочайший» подарок — ценная фарфоровая ваза Императорского завода. На самой выставке аэроклуб решил на своем стенде представить всю свою деятельность в трех отделах: научно-техническом, спортивном и комитете по сбору пожертвований, выставив летательные аппараты тяжелее и легче воздуха, фотографии, имеющие отношение к воздухоплаванию, диаграммы полетов³⁷.

После закрытия записи желающих принять участие в состязаниях, в списке участников царскосельской авиационной недели оказалось 12 авиаторов: братья М. Н. и Т. Н. Ефимовы, В. А. Лебедев, Г. В. Янковский (*ил. 2*), М. Г. фон Лерхе (*ил. 3*), М. Ф. де Кампо-Сципио, А. А. Агафонов, В. С. Масленников (*ил. 4*), Н. Д. Костин, А. Е. Раевский, поручик Г. В. Алехнович и женщина-пилот Л. В. Зверева³⁸. В состязаниях предполагали принять участие также авиаторы Г. С. Сегно и А. М. Габер-Влынский, но ввиду незначительности суммы призов, не позволяющих покрыть расходы по перевозке аппаратов и содержанию механиков, отказались от участия. По той же причине к ним чуть было не присоединился и Б. С. Масленников³⁹.

Авиационная неделя в Царском Селе открылась 15 августа. Началась она с инцидента. Между авиаторами и организационным комитетом аэроклуба возникло недоразумение по поводу условий участия летчиков в состязаниях. Организаторы не соглашались удовлетворить требования

³⁴ Хроника // Крымский вестник. 1911. 28 октября.

³⁵ Хроника: Царскосельская авиационная неделя // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 27 июля.

³⁶ Хроника: Авиационная неделя в Царском Селе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 3 августа.

³⁷ Хроника: В аэроклубе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 10 августа.

³⁸ К. Ш. Царскосельская авиационная неделя // Новое время. 1911. 13 августа.

³⁹ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 14 августа.

*Ил. 2. Авиатор Г. В. Янковский.
Голос Москвы: иллюстрированное обозре-
ние. 1911. 18 сентября*

*Ил. 3. Авиатор М. Г. фон Лерхе.
Голос Москвы: иллюстрированное обо-
зрение. 1911. 18 сентября*

*Ил. 4. Б. С. Масленников.
Голос Москвы: иллюстрированное обо-
зрение. 1911. 17 июля*

авиаторов, и те, в свою очередь, отказались участвовать в соревнованиях. Переговоры длились около двух часов. Лишь к 7 часам вечера стороны пошли друг другу на уступки и публика, собравшаяся еще к 5 часам, наконец, увидела полеты⁴⁰.

Первым поднялся поручик Г. В. Алехнович на биплане системы Я. М. Гаккеля с надписью на хвосте «1911. Гаккель. Гатчина» и большим национальным флагом. Следом за ним взлетели М. Ф. де Кампо-Сципио на «Мо-

⁴⁰ Царскосельская авиационная неделя: Первый день // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 августа.

ране», М. Г. фон Лерхе на «Этрихе» и Г. В. Янковский на «Блерио». В разгар полетов, когда уже начало темнеть, из Гатчины прилетел М. Н. Ефимов и под громовые аплодисменты публики красиво по спланировал на летное поле. Пробыв на земле всего 6 минут, Ефимов вновь поднялся с целью вернуться в Гатчину, но, проплутав в темноте, вынужден был вернуться на Софийское поле. В конце дня случилось два небольших происшествия. Сначала у Кампо-Сципио при посадке соскочила шина и его «Моран» потерпел небольшую аварию. Затем у фон Лерхе лопнула тяга. Было уже темно. Не разобравшись, вызвали карету скорой помощи, но тревога оказалась ложной⁴¹. До того, как лопнула тяга, фон Лерхе успел поучаствовать в оригинальном состязании: расстреле аэроплана с автомобиля. За «Этрихом» гнался автомобиль с офицерами, которые выпускали по нему ракеты из пулемета. Это действие, при наступившей темноте, представляло очень красивую картину. Победа осталась за аэропланом — офицерам не удалось ни разу попасть в него. Первый однодневный приз за продолжительность полета без спуска выиграл М. Ф. де Кампо-Сципио, продержавшись в воздухе 45 минут. Первое место за высоту полета занял Г. В. Янковский (650 м)⁴².

На следующий день полеты возобновились. Летали Г. В. Алехнович, М. Ф. де Кампо-Сципио, Б. С. Масленников и Г. В. Янковский. Полет поручика Алехновича на «Гаккеле» закончился неудачей. Вследствие порчи мотора авиатору пришлось садиться в канаву. Разломанный аппарат солдаты перенесли на руках к ангарам⁴³. У аэроплана были сломаны шасси, пропеллер и левое крыло. Сам авиатор не пострадал. В разгар полетов взлетел поручик Никольский и улетел в направлении Гатчины. На несколько минут поднялся и Н. Д. Костин, но официальные полеты на тот момент уже были завершены, поэтому его полет не был засчитан.

Г. В. Янковский и Б. С. Масленников соревновались на приз за военную разведку. Им нужно было сверху различить разложенные фигуры и их цвета. За высоту первый приз взял Г. В. Янковский, за продолжительность полета — Б. С. Масленников и Г. В. Янковский, за военную разведку — они же.

Общее сочувствие и сожаление вызвала на аэродроме гибель в Ельце поруч<ика> Золотухина. <...> В школе авиации Щетинина он сдал недавно

⁴¹ К. III. Царскосельская авиационная неделя: Первый день // Новое время. 1911. 16 августа.

⁴² Царскосельская авиационная неделя: Первый день // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 августа.

⁴³ К. III. Царскосельская авиационная неделя: Второй день // Новое время. 1911. 17 августа.

пилотский экзамен на «Фармане». В Ельце у него был 2-местный «Блерио». Первый же полет на нем оказался для него роковым⁴⁴.

Третий день царскосельской авиационной недели пришелся на 20 августа. Было большое стечение публики и много иностранных гостей, среди которых были сиамский принц Чахрабон, сербские гости и болгарская миссия. Всех почетных гостей встречал генеральный комиссар юбилейной выставки полковник С. Н. Вильчковский. Полеты открыл М. Н. Ефимов, прилетевший из Гатчины. Он присоединился к своему брату Т. Н. Ефимову, М. Ф. де Кампо-Сципио, Г. В. Алехновичу и Г. В. Янковскому. В таком составе пять аэропланов стартовали для перелета в Красное Село и обратно. Пока они отсутствовали, публику развлекали полетами Б. С. Масленников и М. Г. фон Лерхе. Все участники перелета благополучно вернулись из Гатчины, затратив на перелет от 20 до 24 минут. Чуть позже Ефимов младший и Кампо-Сципио соревновались в фигурных полетах. Первый приз за красоту полета присудили Т. Н. Ефимову. Г. В. Янковский совершил полет в соревновании на высоту. Ему удалось подняться на 1100 м. Вечером из Гатчины на двух «Фарманах» прилетели авиаторы А. А. Агафонов и П. В. Евсюков⁴⁵.

21 августа прошел заключительный день полетов. Погода испортилась, порывы ветра доходили до 10 м/с, все время накрапывал дождь. Летать было трудно и опасно. Публику на трибунах обходил солдат с черной доской, на которой было написано, что до полного окончания дождя полеты не начнутся. Тем ни менее, в начале седьмого вечера поручик Г. В. Алехнович рискнул взлететь на «Гаккеле». При выходе на линию трибун, по словам авиатора, ветер сносил аэроплан прямо на публику с такой силой, что противодействовать ему было почти невозможно. Все же через 6 минут Г. В. Алехнович благополучно садится. Его примеру следует М. Ф. де Кампо-Сципио. При посадке его «Моран» левым крылом коснулся земли. Казалось, что авария неминуема, но, качнувшись несколько раз как «ванька-встанька», аэроплан остановился и принял правильное положение. Три раза пытался подняться на «Фармане» А. А. Агафонов. Все три раза неудачно, вследствие проблем с мотором. Н. Д. Костину, в отличие от Агафонова, взлететь удалось, но на втором вираже его снесло за трибуны. Ему пришлось сесть в огороде около деревни Комиссарово в 8 верстах от Павловска. К счастью, удалось не повредить аппарат. Конкурсный перелет с военной разведкой по маршруту Царское Село—Гатчина и обратно, а также состязание

⁴⁴ Царскосельская авиационная неделя: Второй день // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 августа.

⁴⁵ Царскосельская авиационная неделя: Третий день // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 августа.

в метании снарядов с аэроплана, вследствие неблагоприятной погоды, были отменены⁴⁶.

Но главным событием того дня стали не эти полеты. Тимофей Ефимов около семи часов вечера взлетает на «Блерио» на приз за высоту. Исчезнув за низкими облаками, аэроплан исчез с поля зрения и до ночи на аэродром не вернулся. Уже в темноте Янковский тоже полетел на приз за высоту, понимая, что если Ефимов не сядет на аэродроме, то приз достанется ему, и сел уже через 4 минуты. Для Ефимова зажгли костры, а публика покидала Софийский плац с чувством тревоги за судьбу авиатора. Высказывались всевозможные предположения и догадки. В отчете о заключительном дне авиационной недели корреспондент газеты «Новое время» писал:

Несколько дней назад Т. Н. Ефимов говорил мне, что, может быть, он полетит на всемирный рекорд высоты; но трудно было предположить, что авиатор пойдет на столь большую высоту в такой поздний час и при такой неблагоприятной погоде⁴⁷.

Очевидно, что когда Т. Н. Ефимов озвучивал в том разговоре идею побить всемирный рекорд высоты, он еще не знал, что нужно будет превзойти не рекорд Марселя Лоридана 3280 м от 25 июня (8 июля)⁴⁸ и даже не рекорд полковника Феликса 3350 м от 23 июля (5 августа)⁴⁹, а установленный буквально в эти же дни рекорд авиатора Гарро — 4250 м⁵⁰ («Вестник воздухоплавания» дает цифру полета Гарро чуть ниже — 4080 м и приводит диаграмму полета)⁵¹.

Ввиду того, что ко времени закрытия официального хронометража на аэродроме не было получено никаких сведений о судьбе улетевшего авиатора, организационным комитетом была послана губернатору Санкт-Петербурга телеграмма с просьбой отдать местной администрации распоряжение о его розыске. Были сделаны соответствующие распоряжения всем уездным полицейским управлениям⁵². В 6 часов утра 22 августа в жюри царскосельской авиационной недели было доставлено донесение от комиссара С. А. Мезенцева, в котором он сообщал, что

⁴⁶ Полеты в Царском Селе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 23 августа.

⁴⁷ К. III. Царскосельская авиационная неделя: Четвертый день // Новое время. 1911. 22 августа.

⁴⁸ Н. В. Новости воздухоплавания за границей // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 31 июля.

⁴⁹ Н. В. Еще новый рекорд // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 2 августа.

⁵⁰ События дня // Новое время. 1911. 23 августа.

⁵¹ Новый рекорд высоты — 4080 м // Вестник воздухоплавания. 1911. № 13–14. С. 57.

⁵² Полеты в Царском Селе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 23 августа.

авиатор Т. Н. Ефимов благополучно опустился около поселка Колпино. Сесть на аэродроме авиатор не мог из-за темноты и тумана. Сданный ему барограф показал 1100 м⁵³.

Призы царскосельской авиационной недели распределились приблизительно так: Г. В. Янковский получил около 3000 рублей, М. Ф. де Кампо-Сципио — около 2000 рублей, М. Г. фон Лерхе — около 700 рублей. Императорский приз — фарфоровую вазу, переданную генеральным комиссаром Юбилейной выставки полковником С. И. Вильчковским оргкомитету, получил Г. В. Янковский как взявший наибольшее количество призов⁵⁴. Императорский всероссийский аэроклуб планировал продолжить состязания авиаторов 28, 29 и 30 августа на Коломяжском аэродроме, но на заседании вечером 25 августа принял решение дополнительные дни отменить⁵⁵.

Первая русская женщина-пилот Л. В. Зверева в неделе участия так и не приняла. Зверева сдала пилотский экзамен лишь в начале августа 1911 г. Экзаменовал ее ответственный секретарь Императорского всероссийского аэроклуба И. С. Аствацатуров в присутствии пилотов А. А. Агафонова и Ф. Ф. Колчина и офицеров воздухоплавательной школы. Л. В. Зверева совершила два полета, причем при втором полете она достигла высоты 60 м, а спустилась в самый центр посадочного круга, поразив этим присутствующую публику⁵⁶.

Несколько участников царскосельской авиационной недели (Янковский, фон Лерхе, Масленников, братья Ефимовы) получили приглашения от Московского общества воздухоплавания (МОВ) принять участие во 2-й московской авиационной неделе, начало которой было запланировано на 10 сентября⁵⁷. А до начала недели военным комитетом Московского общества воздухоплавания было организовано участие авиации в маневрах гренадерского корпуса. Участию сопутствовала серьезная подготовка. Члены военного комитета В. П. Рябушинский, М. И. Шишкевич, С. П. Михеев, ученик авиационной школы И. А. Калинин и инструктор А. М. Габер-Влынский произвели разведку местности до деревни Никольской, где планировали базироваться авиационные разведчики. По пути предполагаемого полета были отмечены и нанесены на карту ориентиры и намечены места, удобные для спуска⁵⁸.

⁵³ Хроника: Царскосельская авиационная неделя // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 24 августа.

⁵⁴ К. Ш. Царскосельская авиационная неделя // Новое время. 1911. 23 августа.

⁵⁵ Хроника: В аэроклубе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 27 августа.

⁵⁶ По России: Первая русская женщина-пилот // Варшавский дневник. 1911. 19 августа.

⁵⁷ Московская жизнь: Авиационная неделя // Голос Москвы. 1911. 6 сентября.

⁵⁸ Воздухоплавание на маневрах // Голос Москвы. 1911. 1 сентября.

Вечером 1 сентября А. М. Габер-Влынский вылетел в район маневров на аппарате «Дух» системы Фармана, построенного (кроме мотора «Гном») из русских материалов на заводе Ю. А. Меллера. Этот аэроплан был приобретен в собственность Московским обществом воздухоплавания на пожертвования казанской железной дороги. Перед полетом председатель военного комитета генерал М. И. Шишкевич вручил авиатору карту с ориентирами. На месте ожидаемой посадки выехавшие ранее В. П. Рябушинский, С. П. Михеев, В. А. Юнгмейстер и механик Докучаев разложили костер и выставили белый флаг. Преодолев порядка 15 верст А. М. Габер-Влынский, несмотря на то, что уже над деревней мотор стал давать перебои, благополучно спустился.

Утром следующего дня авиатор, имея пассажиром-разведчиком причисленного к генеральному штабу капитана Калинина, вылетел с задачей определения линии сторожевого охранения противника и направления его движения. Из-за недостаточной тяги мотора аэроплан вынужден был через 2–3 версты спуститься и был атакован «неприятельским» разъемом, но высланный в помощь взвод гусар выручил и отогнал «противника». Дальше для облегчения аппарата А. М. Габер-Влынский летел без пассажира. Кое-какие наблюдения авиатору произвести удалось, но мотор опять начал работать с перебоями, и пилоту стало не до разведки. Почти у цели полета мотор окончательно отказался работать, и аэроплан был принужден спуститься. Позже причиной слабой работы мотора было признано загрязнение бензина⁵⁹.

6 сентября А. М. Габер-Влынский на военном «Фармане» с пассажиром генерал-майором М. И. Шишкевичем и штабс-капитан В. А. Юнгмейстер (*ил. 5*) на «Дух» вылетели с аэродрома и опустились на бивуаке 1-й гренадерской дивизии. Ещё в пути М. И. Шишкевич определил и нанес на карту расположение двух батарей и трех рот. Следующий полет совершил ученик военной авиационной школы Московского общества воздухоплавания подпоручик Самойлов на «Дух», имея задачу определения пунктов расположения бивуаков «противника» (2-й гренадерской дивизии с артиллерией и казачьим полком). Разведка была успешной. Суть проходивших маневров заключалась в том, что более слабый отряд получил задание задержать наступление сильного противника на Москву.

Удачное разрешение таких пассивных задач исключительно основывается на удачности разведки, позволяющей своевременно разгадать пути наступления противника и, таким образом, дающей время подвести к главному

⁵⁹ Воздухоплавание на маневрах гренадерского корпуса // Голос Москвы. 1911. 3 сентября.

Ил. 5. Авиатор штабс-капитан Юнгмейстер. Голос Москвы: иллюстрированное обозрение. 1911. 18 сентября

пункту удара резервы. Таким образом, для аэропланов представляется отличный случай показать свою работу⁶⁰.

7 сентября разведчики совершили 6 полетов: три — А. М. Габер-Влынский с пассажиром, офицером генерального штаба капитаном Калининым, и три — без пассажира штабс-капитан Юнгмейстер и подпоручик Самойлов. По результатам разведки было установлено, что противник готовит обход левого фланга. На разборе маневров начальник московского отряда отметил, что все 6 донесений летчиков впоследствии подтвердились разведкой пехоты и конницы. Вечером оба аэроплана, управляемые А. М. Габер-Влынским и штабс-капитаном В. А. Юнгмейстером, благополучно

вернулись на аэродром⁶¹.

2-я московская авиационная неделя открылась в воскресенье 11 сентября. В списке участников состязаний было много опытных авиаторов: инструктор московской военной авиационной школы А. М. Габер-Влынский («Фарман»), Б. С. Масленников («Фарман»), Б. И. Россинский («Фарман»), М. Г. фон Лерхе («Этрих»), Г. В. Янковский («Блерио»), Т. Н. Ефимов («Блерио»). Анонсировалось также участие победителя перелета Петербург–Москва А. А. Васильева, однако этого не случилось. Вне конкурса летали только что выдержавшие экзамен ученики военной авиационной школы штабс-капитан Юнгмейстер и подпоручик Самойлов⁶².

В первый день недели прошли привычные соревнования: на продолжительность и высоту полета (оба первых приза у Г. В. Янковского), на планирующий спуск и фигурные полеты (дважды победил А. М. Габер-Влынский)⁶³. Во второй авиационный день было много

⁶⁰ С. М. Московская жизнь: Воздухоплавание на маневрах гренадерского корпуса // Голос Москвы. 1911. 8 сентября.

⁶¹ Там же.

⁶² Вторая авиационная неделя: 1-й день // Голос Москвы. 1911. 13 сентября.

⁶³ Там же.

зрелищных интересных состязаний: взрыв порохового погреба (победил Б. И. Россинский), расстрел аэроплана римскими свечами с автомобиля (приз разделили поровну М. Г. фон Лерхе, Б. И. Россинский, Б. С. Масленников и А. М. Габер-Влынский), подъем по спирали в высоту (победил Г. В. Янковский), преследование аэростата (1-й приз у Г. В. Янковского)⁶⁴. Любопытно, что Б. И. Россинский именно в дни 2-й московской авиационной недели (13 сентября) выдержал испытание экзаменационной комиссии Московского общества воздухоплавания на звание пилота⁶⁵.

Всем 2-я московская авиационная неделя запомнилась не рекордными полетами, а скандалом. Авиатор М. Г. фон Лерхе сделал секретарю Московского общества воздухоплавания Н. И. Штробиндеру от лица авиаторов заявление, что им не внушает достаточного доверия контроль по продаже билетов, установленный обществом. Дело в том, что авиаторы, согласно договору с обществом, должны были получать 75% сбора. В результате между фон Лерхе и Штробиндером «произошло объяснение, которое в результате г. Штробиндер признал некорректным со стороны г. Лерхе»⁶⁶. Из-за инцидента были отменены полеты. Собрание спортивного комитета общества воздухоплавания под председательством полковника С. П. Михеева постановило исключить М. Г. фон Лерхе из числа участников 2-й московской авиационной недели⁶⁷.

21 сентября газета «Голос Москвы» опубликовала открытое письмо М. Г. фон Лерхе, в котором он объяснил суть инцидента с Н. И. Штробиндером. Фон Лерхе выразил недоумение по поводу того, что личный конфликт был подан господином Штробиндером как оскорбление Московского общества воздухоплавания. Извиняясь перед спортивным комитетом за то, что инцидент имел место в помещении общества, М. Г. фон Лерхе, тем ни менее, заявил, что «всегда готов принять условия г. Штробиндера, если он чувствует себя оскорбленным»⁶⁸.

Сами авиаторы выразили сожаление по поводу несправедливого решения комитета, всецело обрушившегося на М. Г. фон Лерхе, хотя он сделал заявление не от себя, а от лица всех авиаторов. К тому же, как они считали, в заявлении не было ничего обидного для комитета. Авиаторы готовы были в знак солидарности отказаться от дальнейшего участия в соревнованиях, но, учитывая просьбу самого фон Лерхе не от-

⁶⁴ Вторая авиационная неделя: Второй день // Голос Москвы. 1911. 14 сентября.

⁶⁵ Воздухоплавание // Голос Москвы. 1911. 14 сентября.

⁶⁶ Внутренние известия: Московская жизнь // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 20 сентября.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Письмо в редакцию // Голос Москвы. 1911. 21 сентября.

казываться из-за него от полетов, решили выразить ему солидарность материально и продолжать состязания⁶⁹.

Третий день авиационной недели открывали А. М. Габер-Влынский и Б. И. Россинский в состязании «захват аэроплана». Авиатор должен был спуститься в условленное место и посадить пассажира, который устроит взрыв. Одновременно со взрывом по знаку распорядителя из леса выскакивали всадники, задача которых — успеть захватить аэроплан до того как он успеет забрать своего пассажира и подняться в воздух. Оба авиатора не смогли выполнить задание, поэтому приз остался неразыгранным. Далее Г. В. Янковский, Т. Н. Ефимов и присоединившийся к участникам соревнований М. Н. Ефимов состязались в полетах на скорость. Победу одержал Г. В. Янковский, показав скорость 79 км/ч. Затем вне конкурса на «Дуксе» летали штабс-капитан Юнгмейстер и поручик Самойлов⁷⁰.

На этом 2-я московская авиационная неделя практически закончилась. В последний день летали всего три авиатора. Сначала Т. Н. Ефимов попытался побить всероссийский рекорд высоты А. А. Васильева, но ему удалось подняться лишь на 650 м. Затем А. М. Габер-Влынский и братья Ефимовы разыграли приз в 250 рублей В. П. Рябушинского на скорость. Все три авиатора летали на одном и том же аппарате («Дукс»). Победил А. М. Габер-Влынский⁷¹.

Газеты признали авиационную неделю на московском аэродроме неудавшейся, причем как в спортивном, так и в материальном отношении. Прибыль за три дня состязаний составила всего 3300 рублей. Общество получило 825 рублей дохода. Заработавший больше всех из авиаторов А. М. Габер-Влынский получил всего 543 рубля 25 копеек. А Б. С. Масленников после вычетов за бензин ещё остался должен организаторам 10 руб. 25 коп.⁷²

М. Ф. де Кампо-Сципио, еще один участник царскосельской авиационной недели, по ее окончании подал заявление в Императорский всероссийский аэро клуб на перелет Варшава–Петербург. Перелет с пассажиром планировался на «Авиате», биплане усовершенствованной конструкции военного типа, с двойным управлением и мотором «Гном» в 70 л. с.⁷³ Аэро клуб на заседании 2 сентября отметил большое практическое значение перелета и принял решение оказать авиатору

⁶⁹ Московская жизнь: Недоразумения на аэродроме // Голос Москвы. 1911. 18 сентября.

⁷⁰ Московская жизнь: Вторая авиационная неделя // Голос Москвы. 1911. 20 сентября.

⁷¹ Московская жизнь: На аэродроме // Голос Москвы. 1911. 27 сентября.

⁷² В о-ве воздухоплавания // Голос Москвы. 1911. 28 сентября.

⁷³ Хроника // Новое время. 1911. 1 сентября.

содействие, а также учредить почетный приз⁷⁴. Совет всероссийского аэроклуба возбудил ходатайство перед министерством внутренних дел о разрешении авиатору М. Ф. де Кампо-Сципио совершить на аэроплане перелет из Варшавы в Петербург, а сам авиатор 31 августа выехал в Варшаву для подготовки перелета⁷⁵.

Рано утром 13 сентября М. Ф. де Кампо-Сципио с пассажиром А. Венцели вылетел на аппарате типа «Фарман», построенном в мастерских «Авиаты» на Мокотовском поле, в направлении на Радзымин. Авиаторов сопровождали два автомобиля с запчастями и инструментом для починки на случай поломки аппарата в пути⁷⁶. Поскольку биплан имел двойное управление, а пассажиром М. Ф. де Кампо-Сципио был один из его московских учеников, то была возможность управлять аппаратом поочередно. Весь запланированный путь составлял расстояние порядка 1200 верст. Для облегчения ориентировки авиаторы летели вдоль шоссе Варшава–Петербург. Перелет должен был занять три дня с двумя ночлегами⁷⁷.

На подлете к Радзымину случилась поломка. Пришлось приземлиться и исправлять поломавшуюся трубку масленки. Потратив на это 20 минут, авиаторы возобновили полет и благополучно долетели до Острова, потом еще 15 верст, но в 20 верстах от Ломжи была замечена поломка, угрожавшая порчей мотора. Около деревни Вышомерж летчики опять опустились на землю и устранили неисправность. При помощи сбежавшихся крестьян аэроплан перетащили с вспаханного поля на пригорок. Оттуда попытались взлететь, но аппарат не послушался руля и налетел на один из тополей, высаженных вдоль шоссе. Летчики успели остановить мотор и уцепились за ветки дерева. Аэроплан был полностью разбит, уцелел лишь мотор. Авиаторы сидели на дереве, пока крестьяне не разыскали лестницы и не сняли их оттуда. Вскоре прибыли автомобили, потерявшие за Островом аэроплан из вида. Обломки аэроплана и уцелевший мотор были сняты с дерева и вместе с авиаторами были отправлены на машинах в Варшаву⁷⁸.

Следует отметить, что общество «Авиата» вообще проявляло высокую активность в деле организации авиационных мероприятий. Так, в период с 31 июля по 7 августа общество организовало на Мокотовском поле несколько полетных дней.

⁷⁴ Хроника: Воздухоплавание // Новое время. 1911. 4 сентября.

⁷⁵ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 3 сентября.

⁷⁶ Спорт: Перелет Варшава-Петербург // Варшавский дневник. 1911. 14 сентября.

⁷⁷ Хроника // Варшавский дневник. 1911. 8 сентября.

⁷⁸ Хроника // Варшавский дневник. 1911. 15 сентября.

Открывал первый авиационный день М. Ф. де Кампо-Сципио на моноплане «Этрих» с мотором системы «Даймлер». Следом летали Г. В. Янковский на «Блерио» (мотор «Гном»), Г. С. Сегно с пассажиром на биплане «Авиатик», М. Г. фон Лерхе на «Этрихе» и сверх программы Супневский. Впервые варшавская публика увидела полет выше 500 м (Г. В. Янковский)⁷⁹.

1 августа из-за плохой погоды летали только наиболее опытные М. Ф. де Кампо-Сципио («Этрих») и Г. В. Янковский («Блерио»). Несмотря на неблагоприятные условия, Янковскому удалось подняться на 1200 м⁸⁰. 3 августа ситуация повторилась. Снова была плохая погода, и снова летали только М. Ф. де Кампо-Сципио и Г. В. Янковский. Из-за сильного ветра оба авиатора даже не смогли опуститься перед трибунами и сели за оградой Мокотовского поля⁸¹.

Триумфальным для общества «Авиата» стал день 6 августа. Первым на «Этрихе» поднялся ученик «Авиаты» Х. Н. Славороссов. Следом тоже на «Этрихе» взлетел М. Г. фон Лерхе в соревновании на время и на высоту. Обе задачи он выполнил с успехом, побив варшавский рекорд С. И. Уточкина. Полет М. Г. фон Лерхе продолжался 1 час 25 минут, а высота достигала 1300 м. Завершал день полетом на высоту Г. В. Янковский, но он даже близко не смог подобраться к результату фон Лерхе⁸².

Последний полетный день открывал на «Этрихе» еще один ученик «Авиаты» — М. Залеский. За ним летали Г. В. Янковский на «Блерио» и Г. С. Сегно с пассажиром на «Этрихе». Последним поднялся М. Ф. де Кампо-Сципио на приобретенном им новом аппарате системы «Морана». Это был последний полет авиационной недели. Далее Мокотовское поле заняли осенние скачки⁸³.

Сразу по окончании августовских полетных дней «Авиата» приступила к подготовке запланированного на осень окружного перелета до 600 верст из Варшавы через ряд польских городов обратно в Варшаву. Представители общества выезжали по намеченному маршруту, организуя остановочные пункты. Предполагалось в местах остановок в больших городах устраивать «авиационные дни» с состязаниями участников перелета за особые призы⁸⁴. Планировалось участие более 10 авиаторов: Г. С. Сегно, М. Г. фон Лерхе, М. Залеского и поручика Т. К. Кайданова

⁷⁹ *И. Л. Спорт* // Варшавский дневник. 1911. 1 августа.

⁸⁰ *И. Л. Спорт* // Варшавский дневник. 1911. 2 августа.

⁸¹ *И. Л. Спорт* // Варшавский дневник. 1911. 4 августа.

⁸² *И. Л. Спорт* // Варшавский дневник. 1911. 7 августа.

⁸³ *Спорт* // Варшавский дневник. 1911. 8 августа.

⁸⁴ *Хроника* // Варшавский дневник. 1911. 16 августа.

на монопланах «Этрих», Супневского и Г. В. Янковского на «Блерио», М. Ф. Кампо-Сципио на «Моране», Х. Н. Славороссова и Скаржинского на бипланах «Авиата». Из Парижа обещали прибыть авиаторы Минтер и Раценцкий. Окружной перелет планировался с размахом. Организаторы полагали иметь для каждого аэроплана автомобиль с технической помощью и запасом бензина, который следовал бы за аппаратом по ближайшему шоссе. Кроме этого, через каждые 10 верст были запланированы спасательные посты. В Лодзи, Петрокове и Радоме предполагалось выдавать денежные призы первым прилетевшим авиаторам⁸⁵. Но перелет не состоялся. В середине сентября общество «Авиата» приняло решение отложить его до весны будущего года⁸⁶.

23 августа в Харькове в зале Совета съезда горнопромышленников Юга России открылась воздухоплавательная выставка, устроенная воздухоплавательным отделом местного отделения Императорского русского технического общества. На церемонии открытия выставки присутствовали харьковский губернатор камергер М. К. Катеринич, исполняющий обязанности начальника гарнизона генерал-майор князь А. Г. Вачнадзе, городской голова профессор А. К. Погорелко и другие официальные лица Юга России, а также члены Технического общества и выставочного комитета во главе с товарищем председателя воздухоплавательного отдела В. Е. Мороховцем⁸⁷.

Целью выставки помимо популяризации воздухоплавательного дела было основание «фонда капитала, необходимого на устройство в Харькове авиационной школы»⁸⁸. Выставочный зал Совет съезда горнопромышленников Юга России предоставил безвозмездно⁸⁹.

Организаторы выставки направили телеграммы об успешном открытии первой харьковской авиационной выставки председателю Общества воздушного флота великому князю Александру Михайловичу и министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву. В телеграмме Александру Михайловичу также выражалась благодарность за помощь в получении ряда выставочных экспонатов⁹⁰. От обоих были получены ответные поздравительные телеграммы^{91, 92}.

⁸⁵ Хроника // Варшавский дневник. 1911. 17 августа.

⁸⁶ Хроника // Варшавский дневник. 1911. 23 сентября.

⁸⁷ Открытие авиационной выставки // Южный край. 1911. 24 августа.

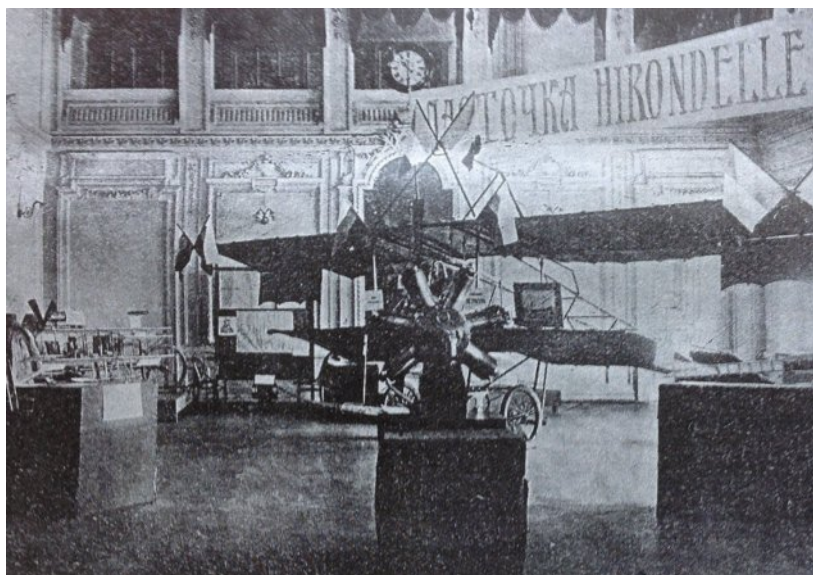
⁸⁸ *Н-ский Ал.* Авиационная выставка // Южный край. 1911. 4 сентября.

⁸⁹ Закрытие авиационной выставки // Южный край. 1911. 16 сентября.

⁹⁰ Открытие авиационной выставки // Южный край. 1911. 24 августа.

⁹¹ *Н-ский Ал.* Авиационная выставка // Южный край. 1911. 25 августа.

⁹² Местная хроника: Телеграмма министра // Южный край. 1911. 27 августа.

Ил. 6. Авиационная выставка в Харькове (левая сторона зала). Южный край: иллюстрированное приավление к № 10394. 1911. 11 сентября

Ил. 7. Авиационная выставка в Харькове (правая сторона зала). Южный край: иллюстрированное приավление к № 10394. 1911. 11 сентября

Главными экспонатами выставки являлись два аэроплана. В левой стороне выставочного зала располагался биплан «Ласточка» инженера-конструктора А. К. Лелье (*ил. 6*), в правой царил биплан Сикорского (*ил. 7*). «Ласточка» была снабжена мотором «Анзани» (25 л. с.), но в последующем А. К. Лелье планировал заменить его на бензиновый ротационный авиационный мотор собственной конструкции. Этот мотор в незавершенном виде также экспонировался на выставке. На «Ласточке» уже производились пробные полеты, но пока аппарат лишь делал прыжки длиной до 150 м на высоте двух метров⁹³.

Наибольший интерес на выставке вызывал аэроплан русского конструктора Игоря Ивановича Сикорского, построенный в России и из отечественных материалов. В отличие от «Ласточки», это был «рабочий» аппарат. На нем Сикорский и его ученики совершили около ста полетов⁹⁴.

Ещё одним интересным экспонатом выставки был семицилиндровый мотор «Гном» (50 л. с, 1200 об/мин). Этот агрегат, несмотря на ресурс работы всего 100 часов, в то время считался благодаря достижению большой равномерности движения наиболее перспективным авиационным мотором.

Севастопольская военная авиационная школа с разрешения великого князя Александра Михайловича предоставила в экспозицию около 50 фотографических снимков, а также пропеллеры, стойки и другие элементы аэропланов. Кроме того, в витрине фирмы А. Вернера можно было увидеть высотомеры, барометры, фотографические аппараты для съемок с высоты, специальные компасы и другое оборудование, имеющее отношение к воздухоплаванию, а на стенде магазина Коровина — авиаторские куртки, гамашы, гетры и т. п. Оставшееся пространство занимали модели различных аэропланов⁹⁵.

28 августа в Харьков приехал И. И. Сикорский. При входе в выставочный зал он был встречен музыкой военного оркестра и аплодисментами публики. Сикорский «сел на свой аппарат и прочел популярную лекцию об авиатике вообще и о своем аппарате в частности»⁹⁶. Лекция с восторгом была встречена публикой. Вечером того же дня авиатор уехал обратно⁹⁷. А уже через пару дней Сикорский на аэроплане своей системы вместе с поручиками Ильиным, Линно и Никифоровым

⁹³ Открытие авиационной выставки // Южный край. 1911. 24 августа.

⁹⁴ *Н-ский Ал.* Авиационная выставка // Южный край. 1911. 25 августа.

⁹⁵ Открытие авиационной выставки // Южный край. 1911. 24 августа.

⁹⁶ Местная хроника: Авиационная выставка // Южный край. 1911. 30 августа.

⁹⁷ Там же.

на «Фарманах» в качестве разведчиков успешно участвовали в маневрах при Гуровщине⁹⁸.

Успех лекции И. И. Сикорского подвиг организаторов выставки к тому, что начиная с 2 сентября начались бесплатные вечерние лекции по различным вопросам авиации для посетителей выставки. Первую лекцию «О несущих поверхностях» прочел инженер Р. И. Лагунов, вторая (его же) была посвящена условиям равновесия аппаратов в воздухе, третья — авиационным моторам, четвертая — профессора технологического института П. В. Шепелева — гироскопам и способам противодействия их вредному влиянию на аппараты, пятая — метеоролога Д. К. Педаева — атмосферным условиям воздухоплавания. Лекции велись по определенной системе, принятой распорядительным комитетом, и планировалось эти лекции издать отдельным сборником, который представлялся как популярный курс по авиатике⁹⁹. Кроме того, 2 сентября под редакцией секретаря воздухоплавательного отдела Технического общества Г. Я. Окулич-Казарина вышел первый номер авиационного журнала «Тяжелее воздуха»¹⁰⁰.

Нельзя не отметить, что огромный интерес к выставке проявили учащиеся гимназий и школ. Они приходили большими группами, некоторые достигали 130 человек. Комитет выставки, идя навстречу желанию учащихся познакомиться с авиацией, даже установил для групповых посещений специальный тариф входной платы в 20 копеек с трех человек, что равнялось цене обычного ученического билета¹⁰¹.

Выставка, наверное, имела бы ещё больший успех, но ее пик пришелся как раз на даты трагических событий, связанных с покушением на П. А. Столыпина и последовавшей затем его смертью. Надеясь увеличить сбор, распорядительный комитет продлил выставку на три дня до 14 сентября¹⁰². В итоге выставку посетили 8623 человека¹⁰³.

Несмотря на то, что не удалось собрать достаточное количество средств на открытие школы авиации, 28 сентября под председательством В. Е. Мороховца состоялось заседание комиссии по организации в Харькове школы авиации воздухоплавательного отдела Технического общества, на котором были выработаны положения о школе и намечена программа теоретического курса¹⁰⁴. Тем же вечером на заседании совета

⁹⁸ Телеграммы: Полет авиаторов // Южный край. 1911. 2 сентября.

⁹⁹ *Н-ский Ал.* Авиационная выставка // Южный край. 1911. 4 сентября.

¹⁰⁰ Авиационная выставка // Южный край. 1911. 3 сентября.

¹⁰¹ Местная хроника: Авиационная выставка // Южный край. 1911. 1 сентября.

¹⁰² Местная хроника: Авиационная выставка // Южный край. 1911. 11 сентября.

¹⁰³ Закрытие авиационной выставки // Южный край. 1911. 16 сентября.

¹⁰⁴ Местная хроника: Школа авиации // Южный край. 1911. 29 сентября.

харьковского отделения Русского технического общества был разработан план мероприятий для изыскания средств. На этом же заседании по итогам выставки было «постановлено, согласно заключению воздухоплавательного отдела, представить авиатора-конструктора И. И. Сикорского к почетной медали Технического общества»¹⁰⁵. Ближе к концу года стало понятно, что собрать необходимый капитал в 10 000 рублей не получится, поэтому было решено перенести открытие школы на начало мая 1912 г.

Школа будет рассчитана на 20 человек. Приниматься в нее будут лица, получившие образование не ниже 6 классов реального училища. На первых же порах для школы будет приобретено три собственных аппарата систем «Блерио», «Фарман» и обязательно — Сикорского¹⁰⁶.

О том, какой авторитет имел И. И. Сикорский, можно судить по загадочной мистификации, происшедшей в Харькове. Об этом рассказала газета «Южный край»¹⁰⁷. Утром 18 сентября к постовому городскому подъехал на извозчике какой-то господин, одетый в авиаторский костюм с авиаторскими очками на глазах, и попросил указать место, где можно было бы приобрести медикаменты для оказания помощи авиаторам, упавшим в 6 верстах от Новой Баварии. Он сообщил, что был в числе трех пассажиров, летевших в Харьков из Киева с И. И. Сикорским. Не долетев до Новой Баварии, аэроплан упал, а два пассажира и сам Сикорский получили повреждения. Городовой через пристава донес об этом полицмейстеру К. Н. Бочарову, а тот, в свою очередь, уведомил вице-председателя воздухоплавательного отдела Технического общества В. Е. Мороховца. Сразу после получения известия воздухоплавательный отдел в полном составе во главе с Мороховцом экстренно выехал в Новую Баварию. С ними выехали заведующий станцией скорой помощи доктор Н. А. Молохов и, в качестве механика, местный авиатор-конструктор С. В. Гризодубов с инструментом. Кроме того, воздухоплавательный отдел отправил в Новую Баварию плотников и слесарей. Но самое тщательное обследование местности, продолжавшееся до самого вечера, ни к чему не привело. Утром следующего дня группа членов воздухоплавательного отдела снова выехала в Новую Баварию, так как полиция снова подтвердила сообщение с деталями, заставлявшими верить в правдоподобность слуха. Позже из агентской телеграммы стало

¹⁰⁵ Местная хроника: Заседание совета технического Общества // Южный край. 1911. 29 сентября.

¹⁰⁶ Провинциальная хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 10 ноября.

¹⁰⁷ Местная хроника: Мистификация // Южный край. 1911. 20 сентября.

известно, что «И. И. Сикорский из Киева не выезжал и 18 сентября своим полетом открыл киевскую авиационную неделю»¹⁰⁸.

Первая киевская авиационная неделя, организованная Киевским обществом воздухоплавания, действительно стартовала 18 сентября на Куреневском аэродроме. Аэродром построили на куреневских лугах на берегу Почайны специально для авиационной недели, возведя буквально за 5 дней трибуны, ангары, сигнальную мачту и буфет. Это место было примечательно тем, что годом ранее здесь «испытывал свои первые аэропланы и учился на них летать И. И. Сикорский»¹⁰⁹.

Первый день недели вышел неудачным с финансовой точки зрения. Из-за плохой погоды полеты начались лишь после 5 часов вечера и проходили при довольно сильном ветре. Дорогие трибуны и логи были почти пустыми, организаторы понесли убытки. Не побоялся взлететь лишь И. И. Сикорский на своем биплане. Позже к нему присоединился М. Ф. де Кампо-Сципио на «Моране», что было весьма смело, поскольку «Моран» (переделанный Мораном «Блерио») — это моноплан, «заточенный» на скорость, но не обладавший устойчивостью биплана. Публика с тревогой следила за отчаянной борьбой «Морана» с воздушными вихрями. К счастью, полеты завершились благополучно¹¹⁰.

Второй день авиационной недели был назначен на 24 сентября. В промежутке на аэродром привезли ещё два биплана Сикорского, что позволило ему 22 сентября провести экскурсию для членов механического и воздухоплавательного кружков при Киевском политехническом институте. Экскурсанты посетили аэродром с целью ознакомления с конструкцией бипланов системы Сикорского. Конструктор продемонстрировал им 3 типа бипланов своей системы: нормальный (мотор «Argus», 50 л. с.), облегченный (мотор «Anzani», 40 л. с.) и учебный (мотор «Hilz», 30 л. с.). Закончив пояснения, Сикорский совершил полет на своем биплане нормального типа. Благодаря тихой погоде, ему удалось установить два всероссийских рекорда:

Высота 500 метров и парящий спуск в продолжение 1 мин. 22 сек. являются рекордными для полета русского авиатора на аэроплане собственной системы¹¹¹.

¹⁰⁸ Там же

¹⁰⁹ *Адлер Георгий*. Хроника воздухоплавания: Первая киевская авиационная неделя. Первый день // Киевлянин. 1911. 19 сентября.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ *А.* Хроника воздухоплавания: Новые рекорды И. И. Сикорского // Киевлянин. 1911. 23 сентября.

Это был уже не первый рекорд И. И. Сикорского. В августе на Сырецком стрельбище авиатор совершил полет на биплане собственной конструкции продолжительностью 36 минут 38 секунд. Этот полет был запротоколирован спортивной комиссией Киевского общества воздухоплавания как первый русский рекорд продолжительности полета русского авиатора на аэроплане собственной системы. А поскольку первый воздухоплавательный съезд постановил, что общества, один из членов которых совершит 30-минутный полет на аэроплане собственной системы, получают два голоса во Всероссийском воздухоплавательном союзе, то благодаря этому полету И. И. Сикорского Киевское общество воздухоплавания стало первой воздухоплавательной организацией, имеющей в союзе два голоса¹¹².

Вечером того же второго дня авиационной недели М. Ф. де Кампо-Сципио поднялся на своем «Моране» и взял направление на Киев. Достигнув города, авиатор десять минут кружил над его центром, после чего благополучно вернулся на аэродром¹¹³. Возможно, это было сделано для того, чтобы подогреть интерес к авиационной неделе и привлечь зрителей на трибуны.

24 сентября полет над Киевом совершил на своем биплане нормального типа и И. И. Сикорский¹¹⁴. Дело в том, что организаторы киевской авиационной недели не успели закончить насыпку дороги к аэропорту, поэтому публичные состязания 24 сентября не могли состояться, а второй день авиационной недели был перенесен на 26 сентября. Не желая терять времени, М. Ф. де Кампо-Сципио днем 24 сентября вылетел на «Моране» в сопровождении автомобиля в Житомир. В Житомире и Бердичеве он назначил на 25 сентября публичные полеты, пообещав при этом организаторам киевской авиационной недели вернуться ко второму дню соревнований¹¹⁵.

26 сентября погода опять испортилась. С утра всё было обложено тучами, периодически накрапывал дождь. В середине дня сильный ветер тучи разогнал, но летать при таком ветре было невозможно. Второй соревновательный день фактически был сорван. В 5 часов вечера, когда скорость ветра уменьшилась до 6–7 метров в секунду, И. И. Сикорский решил лететь. Ему удалось совершить несколько прекрасных полетов,

¹¹² По России: Рекордный полет И. Сикорского // Варшавский дневник. 1911. 26 августа.

¹¹³ А. Хроника воздухоплавания: Полет графа де Кампо-Сципио над Киевом // Киевлянин. 1911. 23 сентября.

¹¹⁴ А. Хроника воздухоплавания: Полет И. И. Сикорского над Киевом // Киевлянин. 1911. 25 сентября.

¹¹⁵ А. Хроника воздухоплавания: Полет графа де Кампо-Сципио из Киева в Житомир // Киевлянин. 1911. 25 сентября.

вытянув на себе весь авиационный день. Кроме него, никто в тот день не летал¹¹⁶. Ввиду крайне неблагоприятных погодных условий дальнейшие соревнования авиационной недели были отменены¹¹⁷.

5 октября в Белой Церкви состоялся публичный полет И. И. Сикорского, который чуть было не закончился трагически. Авиатор поднялся на биплане своей системы при ветре до 10 м в секунду на незначительную высоту и, пролетев над скаковым ипподромом, на котором собралась в большом количестве публика, направился в сторону товарной станции. Неожиданно мотор прекратил работу. Сикорскому пришлось совершать планирующий спуск на единственно возможную площадку — двор товарной станции, окруженный с трех сторон заборами, постройками и телеграфными проводами, а с четвертой стороны — крутым обрывом. Авиатору хватило хладнокровия и мастерства перелететь телеграфные провода и, круто спустившись вниз, выровнять свой аэроплан уже у самой земли и остановиться в нескольких шагах от обрыва. Аппарат получил лишь незначительные повреждения¹¹⁸.

Добралась авиация и до Сибири. 28 и 29 августа прошли два авиационных дня в Новониколаевске (совр. Новосибирск). Полеты на местном ипподроме совершал авиатор Я. И. Седов. Он закончил авиационную школу в Мурмелоне (Франция) и некоторое время состоял помощником главного инструктора отдела воздушного флота, после чего отправился на Дальний Восток. На своем аппарате системы Фармана с мотором 60 л. с. авиатор совершил ряд удачных полетов в Харбине, Владивостоке и Благовещенске. За полеты в Иркутске (6 полетов в июле 1911 г.) и Томске (3 публичных полета в начале августа того же года) Я. И. Седов получил неофициальное звание «Первого авиатора в Сибири»¹¹⁹.

В первый день авиатор совершил два полета: первый над ипподромом продолжительностью 4,5 минуты, второй — в сторону города и обратно — был более длительным. Перед полетами механик давал публике объяснения по устройству аэроплана¹²⁰. Во второй день Я. И. Седов совершил всего один полет продолжительностью 8 минут. Он вновь

¹¹⁶ А. Хроника воздухоплавания: Второй день киевской авиационной недели // Киевлянин. 1911. 27 сентября.

¹¹⁷ А. Хроника воздухоплавания: Прекращение киевской авиационной недели // Киевлянин. 1911. 30 сентября.

¹¹⁸ Хроника воздухоплавания: Полет И. И. Сикорского в Белой Церкви // Киевлянин. 1911. 6 октября.

¹¹⁹ П. Ш. Местная жизнь: К полетам авиатора Я. И. Седова // Обская жизнь. 1911. 27 августа.

¹²⁰ П. Шмыга. Местная жизнь: Авиация в Н.-Николаевске // Обская жизнь. 1911. 1 сентября.

долетел до города, обогнул Закаменскую церковь и, развернувшись, вернулся на ипподром, совершив путешествие в 5 верст. Публика, несмотря на то, что она видела, по сути, только взлет и посадку, тем ни менее была в восторге¹²¹. 8 сентября Я. И. Седов продолжил свое турне по Сибири двумя полетами на ипподроме в Омске¹²², а затем 11 сентября поднялся в воздух в Петропавловске. Из Сибири, где в это время уже выпал снег и наступили морозы, авиатор уехал сначала в Самару, где совершил полет 20 сентября, а затем в Оренбург. В Оренбурге он летал 25, 26 сентября и 1 октября¹²³.

Впервые реальное использование авиации в военных целях было осуществлено во время Итало-турецкой войны, начавшейся 16 (29) сентября 1911 г. и продолжавшейся чуть больше года. Итальянская армия обладала значительным числом аэропланов и опытными авиаторами, многие из которых участвовали в итальянском круговом полете и в маневрах под Римом. С началом войны большинство итальянских аэропланов было отослано в Сиракузы, а с взятием Триполи — в распоряжение командующего оккупационной армией в организованный на берегу моря под Триполи воздухоплавательный парк. С этого момента началась эра военного применения авиации. 9 (22) октября капитан Пиатца, победитель итальянского кругового полета, вылетев из Триполи, произвел на «Блерио» воздушную разведку. Этот полет был безрезультатным, но уже на следующий день воздушные разведчики сообщили о приближении неприятельской конницы, что позволило успешно отбить нападение¹²⁴. Через несколько дней итальянцы использовали впервые аэроплан для бомбометания: «Авиатор Гавотти бросил в турецкие войска четыре бомбы с высоты 200 метров»¹²⁵.

В отношении военной авиации Италия значительно превосходила своего противника. У Турции было всего два аэроплана, незадолго до войны приобретенных у Германии, а управляемых воздушных шаров не было вовсе. О турецких авиаторах тогда вообще никто ничего не слышал¹²⁶. Турция даже приглашала на военную службу русских авиаторов, обещая оклад в 5000 руб. в месяц¹²⁷. Среди авиаторов ходил слух, что С. И. Уточкин получил предложение из Турции принять участие в военных дей-

¹²¹ П. Шмыга. Местная жизнь: Полет над городом // Обская жизнь. 1911. 2 сентября.

¹²² Разные известия: Полеты Седова // Вестник воздухоплавания. 1911. № 15. С. 32.

¹²³ Седов Я. И. По городам Сибири на аэроплане // Вестник воздухоплавания. 1911. № 17. С. 26–28.

¹²⁴ Разные известия // Вестник воздухоплавания. 1911. № 15. С. 39–40.

¹²⁵ Бросание бомб с аэропланов // Крымский вестник. 1911. 26 октября.

¹²⁶ Разные известия // Вестник воздухоплавания. 1911. № 15. С. 40.

¹²⁷ Телеграммы: Приглашение авиаторов // Южный край. 1911. 25 сентября.

ствиях в качестве летчика, что в Турцию для переговоров об условиях выезжал его уполномоченный, и даже озвучивалась сумма предложенного Уточкину вознаграждения в 25 000 франков¹²⁸. Но симпатии российских подданных были скорее на стороне итальянцев. В прессе сообщалось о решении авиаторов Г. В. Янковского и М. Г. фон Лерхе «через итальянского посла в Петербурге предложить итальянскому военному министерству свои услуги в качестве добровольцев-авиаторов»¹²⁹. Туркам удалось заполучить двух бельгийских авиаторов: «Ван ден Борн и Тик поступили на турецкую службу и отправились в Триполитанию»¹³⁰. Нашлись желающие поучаствовать в войне с турецкой стороны и в России.

Несколько русских авиаторов, отправившихся из Румынии в Египет для следования в Турцию на театр военных действий, были задержаны в Александрии, где распоряжением местных властей им было воспрещено переходить границу, так как их аэропланы были признаны предметами военной контрабанды. Приговоренные еще к уплате крупных пошлин, авиаторы обратились в александрийский судебный трибунал с иском к турецкому правительству, не заплатившему им договоренные суммы...¹³¹

В ноябре севастопольская офицерская воздухоплавательная школа торжественно отпраздновала первую годовщину своего существования. В морском собрании, в присутствии председателя Отдела воздушного флота великого князя Александра Михайловича, состоялся торжественный акт, на котором был прочитан доклад о деятельности школы.

Годичный отчет обрисовал прекрасное состояние школы авиации и блестящий успех ее многочисленных учеников — офицеров разных оружий, достигших звания <...> военных летчиков¹³².

В распоряжении школы находилось 40 аэропланов различных систем. Военные авиаторы школы за истекший год смогли установить несколько рекордов. Поручик Андреади 11 августа установил всероссийский рекорд на продолжительность полета с пассажиром без спуска, пробыв в воздухе 2 ч. 35 мин¹³³. («Санкт-Петербургские ведомости» приписы-

¹²⁸ Провинциальная хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 25 ноября.

¹²⁹ Разные известия: Авиаторы-добровольцы // Вестник воздухоплавания. 1911. № 15. С. 31.

¹³⁰ Иностранная военная хроника: Италия и Турция: В Триполитании // Русский инвалид. 1911. 14 декабря.

¹³¹ Иностранная военная хроника: Африка: Аэропланы — военная контрабанда? // Русский инвалид. 1911. 30 декабря.

¹³² Внутренние известия: Севастополь // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 19 ноября.

¹³³ Телеграммы С. Петербургского агентства: Севастополь // Варшавский дневник. 1911. 21 августа.

вают этот рекорд лейтенанту Дыбовскому)¹³⁴. 30 сентября поручик Андреади, перелетев на гоночном «Блерио» из Севастополя в Симферополь и обратно, «достиг высоты 2500 метров, побив, таким образом, всероссийский рекорд высоты полета на аэроплане, установленный во время петербургской авиационной недели авиатором А. А. Васильевым (1660 метров)»¹³⁵. А уже 9 октября подпоручик Гельгар при полете на «Блерио» через Ай-Петри побил и этот рекорд высоты, поднявшись на 2850 м¹³⁶. 4 декабря подпоручику Альбокринову с пассажиром рядовым Захаровым на «Фармане» удалось подняться на рекордную высоту 2500 м¹³⁷.

28 ноября летчик севастопольской школы поручик Андреади предпринял попытку перелета Севастополь–Одесса. Поднявшись на «Блерио» из Севастополя, он взял курс на Симферополь, но, не долетев до города, заметил неисправность мотора. Пришлось прервать перелет и опуститься в нескольких верстах от Симферополя. Из Севастополя были высланы вспомогательные средства. Несколько дней Андреади, починив аэроплан, ожидал благоприятной погоды, но усилились морозы, и авиатор решил отложить перелет в Одессу на более благоприятное время. «Блерио» был доставлен обратно в Севастополь¹³⁸.

У руководителей школы были вполне прогрессивные по тому времени взгляды на состав обучающихся. К обучению авиационному делу были допущены «несколько рядовых разных частей войск и нижних чинов судов Черноморского флота»¹³⁹. В конце октября блестяще сдал экзамен на звание летчика рядовой л.-гв. Преображенского полка Дмитрий Семишкура, которого, отправляясь в севастопольскую школу, взял с собой штабс-капитан С. И. Виктор-Берченко. Способный солдат быстро усвоил приемы управления аэропланом и получил разрешение на самостоятельные полеты. В результате был назначен экзамен, который рядовой Семишкура выдержал, превосходно выполнив все требования, предъявляемые к военным летчикам¹⁴⁰.

Правда, с октября вероятность попадания нижних чинов в школу стала практически невозможной. Дело в том, что

Отдел воздушного флота решил всех летчиков, поступающих в севастопольскую авиационную школу отдела, посылать предварительно в Петербург

¹³⁴ Внутренние известия: Севастополь // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 19 ноября.

¹³⁵ Хроника: Всероссийский рекорд высоты полета // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 9 октября.

¹³⁶ Внутренние известия: Севастополь // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 19 ноября.

¹³⁷ Внутренние известия: Севастополь // Русский инвалид. 1911. 17 декабря.

¹³⁸ Внутренние известия: Севастополь // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 10 декабря.

¹³⁹ Внутренние известия: Севастополь // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 19 ноября.

¹⁴⁰ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 30 ноября.

на специально открытые при Политехническом институте офицерские теоретические курсы по воздухоплаванию¹⁴¹.

При курсах имелась превосходно оборудованная аэродинамическая лаборатория. Руководить теоретической подготовкой будущих офицеров-летчиков были приглашены известные специалисты: профессор Николаевской инженерной академии полковник В. Ф. Найденов, профессор Санкт-Петербургского политехнического института А. А. Лебедев и заведующий змейковым отделом Константиновской обсерватории профессор В. В. Кузнецов¹⁴².

Решение готовить из офицеров не только людей, умеющих управлять летательными аппаратами, но и технически грамотных специалистов, было абсолютно правильным. Важно было также во всех аспектах авиационного дела учитывать лучший иностранный опыт. 30 ноября на общем собрании членов Императорского всероссийского аэроклуба преподаватель воздухоплавания Института инженеров путей сообщения профессор Н. А. Рынин прочитал доклад по результатам командировки на 5-й воздухоплавательный конгресс в Турине. Профессор посетил ряд крупных научных западных центров, где познакомился с постановкой дела научного воздухоплавания, с устройством аэродинамических лабораторий и т. д. Свой продолжительный доклад Н. А. Рынин проиллюстрировал диапозитивами¹⁴³. Кстати, участникам туринского конгресса на озере Лаго-Маджоре демонстрировали гидроплан «Форланини», развивший на воде невероятную для того времени скорость 75 км/ч¹⁴⁴.

Как раз об использовании авиации в войне на море был доклад военного инженера механика Н. А. Яцука, состоявшийся в начале декабря в помещении Императорского всероссийского аэроклуба. Он так и назывался: «Воздухоплавание в морской войне». Рассказав о том, каким подспорьем для нашего флота при отсутствии необходимого количества линейных кораблей явятся воздухоплавательные аппараты в борьбе с более сильным флотом, докладчик отметил, что

Русский морской военный флот должен в возможно ближайшем будущем обзавестись достаточным количеством боевых летательных аппаратов, специально приспособленных для морских сражений¹⁴⁵.

¹⁴¹ Хроника: Высшее образование летчиков // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 19 октября.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Хроника: В аэроклубе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 2 декабря.

¹⁴⁴ Хроника: Возвращение проф. Н. А. Рынина // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 2 ноября.

¹⁴⁵ Хроника: О роли воздухоплавания в морской войне // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 14 декабря.

Кроме того, Н. А. Яцук считал, что необходимо готовить кадры военных летчиков специально для флота, и готовить их исключительно из морских офицеров. Говоря о подготовке личного состава, он также указал на «необходимость практического инженерного образования для летчиков»¹⁴⁶. В первом выпуске Севастопольской авиационной школы было 4 морских офицера, которых направили на работу по обучению моряков для воздухоплавательных парков флота. А отдел воздушного флота передал морскому ведомству 5 летательных аппаратов: 2 — системы «Антуанет», 2 — Мориса Фармана и 1 — «Бреге»¹⁴⁷. Инженеру-механику капитану Александрову, поставленному во главе образованного при Морском министерстве специального воздухоплавательного отдела, было поручено заняться практическими вопросами применения летательных аппаратов во флоте¹⁴⁸.

Дать импульс развитию военной авиационной промышленности был призван организованный в сентябре 1911 г. Военным ведомством конкурс летательных аппаратов, построенных (за исключением двигателей) русскими конструкторами на русских заводах. Проходил он на военном Корпусном аэродроме за Московской заставой. На участие в конкурсе записались: московский воздухоплавательный завод «Дукс» Ю. А. Меллера, киевский конструктор И. И. Сикорский, инженер Я. М. Гаккель, инженер Н. В. Ребиков и авиатор В. А. Лебедев¹⁴⁹.

Ряд конкурсных требований был сформулирован ещё при перелете Петербург–Москва для так и оставшегося неразгаданным конструкторского приза. Основными были: удобство сборки-разборки и перелет на 90 верст с посадкой для заправки и возвращения, т. е. всего 180 верст. Срок испытаний был назначен в 20 дней начиная с 1 сентября. Руководство испытаниями было поручено специальной комиссии из представителей Главного инженерного управления, Генерального штаба и Отдела военных сообщений с начальником авиационного отдела Санкт-Петербургской воздухоплавательной школы подполковником С. А. Ульяниным во главе¹⁵⁰. «Санкт-Петербургские ведомости» писали:

В деле нашего отечественного воздухоплавания испытания эти должны составить целую эпоху, так как, во-первых, дадут возможность воочию убедиться, насколько шагнула у нас вперед эта отрасль промышленности,

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ *Никар*. Военная авиация // Вечернее время. 1911. 29 ноября.

¹⁴⁸ Спорт: Воздухоплавание // Вечернее время. 1911. 29 ноября.

¹⁴⁹ Хроника: Конкурс летательных аппаратов // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 28 августа.

¹⁵⁰ Хроника: Первый военный конкурс русских аэропланов // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 2 сентября.

а, во-вторых, помогут ей двигаться дальше еще более усиленным темпом при помощи денежных субсидий¹⁵¹.

К сожалению, конкурс не оправдал надежд. К 1 сентября на аэродром были доставлены и собраны лишь три аэроплана: моноплан системы «Дукс» типа Блерио (мотор «Гном», 50 л. с.), построенный на заводе Ю. А. Меллера, биплан системы «Пта» типа Анри Фармана (мотор «Гном», 70 л. с.), построенный в Петербурге в мастерских товарищества «Русское воздухоплавание», и биплан оригинальной конструкции инженера Я. М. Гаккеля (мотор «Аргус», 70 л. с.). И. И. Сикорский и Н. В. Ребиков свои аппараты не представили. Кроме того, на Корпусной аэродром был доставлен незаявленный русский биплан системы Фармана, построенный в Риге на Русско-Балтийском заводе¹⁵². Но он не был допущен к состязаниям, так как не являлся складным¹⁵³.

Вскоре выяснилось, что снимать с состязаний, если следовать требованиям конкурса, нужно и всех остальных конкурентов. Дело в том, что при осмотре аэропланов оказалось, что они все снабжены винтами заграничного производства. Это нарушало условия конкурса, поскольку исключение делалось только для моторов, которые у нас промышленным способом не производились¹⁵⁴.

Впрочем, все участники выбыли из конкурса сами. Аппарат Гаккеля получил сильные повреждения вследствие падения от ветра палатки, в которой он хранился¹⁵⁵. 9 сентября в присутствии комиссии потерпел аварию «Пта», пилотируемый авиатором Костиным. Костин поднялся на 10 м, но при первом же повороте аэроплан стал давать сильный крен и упал на землю. Аппарат был разбит вдребезги. Авиатор в бессознательном состоянии был отправлен в лечебницу Красного Креста за Московской заставой. Врачи констатировали общие ушибы тела и рассеченную рваную рану головы¹⁵⁶. А 20 сентября разбился А. А. Васильев на моноплане «Дукс». При первом взлете на высоте около 25 м аппарат клонул носом и перевернулся. Авиатор оказался на земле, а сверху его практически накрыл аэроплан¹⁵⁷. Рентгеновское исследование в клини-

¹⁵¹ Н. В. К конкурсу русских аэропланов. I // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 1 сентября.

¹⁵² Хроника: Воздухоплавание // Новое время. 1911. 2 сентября.

¹⁵³ Хроника: Конкурс русских летательных аппаратов // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 13 сентября.

¹⁵⁴ Хроника: Воздухоплавание // Новое время. 1911. 13 сентября.

¹⁵⁵ Хроника: Конкурс аэропланов // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 23 сентября.

¹⁵⁶ Хроника: Воздухоплавание: Падение авиатора Костина // Новое время. 1911. 10 сентября.

¹⁵⁷ Хроника: Воздухоплавание: Падение авиатора А. А. Васильева // Новое время. 1911. 21 сентября.

ческом военном госпитале показало два сложных перелома левой ноги и подозрение на повреждение одного из позвонков. Несмотря на сильные боли в ноге и во всем организме, а также разбитую правую сторону лица, Васильев смог рассказать о катастрофе:

Ветер был сравнительно невелик, но порывы очень сильные. Поднявшись по прямой, я начал делать вираж, но аппарат на повороте потерял продольную остойчивость и дал сильнейший крен. Тогда, видя неминуемую гибель, я хотел выключить мотор и, приблизившись к земле, сесть на хвост. Было поздно! Моноплан наклонился, клюнул носом и перевернулся. Я все-таки успел вылезти из сидения и <...> прыгнул с аппарата¹⁵⁸.

К счастью, к концу года Васильеву удалось оправиться от полученных увечий, и 14 декабря он даже выехал в Париж на открывшуюся 3 (16) декабря 3-ю воздухоплавательную выставку¹⁵⁹.

13 и 14 сентября в Гатчине комиссия главного инженерного управления под председательством полковника Н. И. Утешева производила дополнительное испытание на конструкторский приз русского «Фармана» завода С. С. Щетинина. На этом аэроплане авиатор А. А. Агафонов при перелете Петербург–Москва получил первый приз за перелет с пассажиром. В этот раз аппарат пилотировал старший пилот завода и главный инструктор гатчинской школы летчиков С. С. Щетинина И. В. Евсюков. Аэроплан выполнил все условия блестяще: посадка и взлет на засеянном овсом поле, полет с максимальной грузоподъемностью, взлет с помощью одного пассажира-механика, достигнутая скорость в полете — 70 верст в час. Сборка аппарата была произведена за 1 час 10 минут при нормативе в 2 часа. Стоверстный перелет без спуска был выполнен А. А. Агафоновым с пассажиром Ф. Ф. Колчиным ещё на первом этапе перелета Петербург–Москва от Петербурга до Чудова (112 верст)¹⁶⁰.

Понимая, что конкурс не задался, главное военное управление сначала продлило его до 1 октября, а в середине октября по представлению управления военный министр разрешил русским конструкторам, «представившим аэропланы на <...> конкурс, но не успевшим выполнить условий последнего, вследствие аварии или по другим причинам, вновь

¹⁵⁸ К. Ш. Катастрофа с авиатором А. А. Васильевым // Новое время. 1911. 22 сентября.

¹⁵⁹ Общественная жизнь: Состояние здоровья авиатора Васильева // Русский инвалид. 1911. 17 декабря.

¹⁶⁰ Хроника: Воздухоплавание // Новое время. 1911. 18 сентября.

приступить к демонстрированию вне конкурса своих летательных аппаратов на корпусном аэродроме в присутствии специальной комиссии»¹⁶¹.

Параллельно было принято решение о проведении весной 1912 г. в окрестностях Петербурга нового военно-конструкторского конкурса летательных аппаратов тяжелее воздуха, построенных в России. При Главном военно-инженерном управлении была образована комиссия под председательством начальника воздухоплавательного отдела военного ведомства полковника В. А. Семковского, которой было поручено разработать подробную программу и условия будущего конкурса¹⁶².

На страницах «Русского инвалида» был поднят вопрос о том, каким должен быть новый военный конкурс. Рассматривалось два варианта: французский и английский. Французский конкурс, который проходил в октябре–ноябре 1911 г., был национальным, т. е. к участию допускались аппараты только французского производства (включая моторы). Англия свой конкурс, намеченный на июнь 1912 г., объявила интернациональным, допустив к участию в нем заграничные фирмы, обеспечив себе возможность получить лучшие в мире аэропланы, а не только лучшие в своем отечестве. При этом английское военное министерство оставило за собой право передать заказы любой фирме, аппараты которой выполнят все поставленные требования. А каждый аэроплан, который будет заказан правительством выступавшим на конкурсе фирмам, должен быть построен обязательно в Англии¹⁶³.

Все эти требования английского конкурса представляются в высшей степени симпатичными и для русского конкурса. Ведь и для нас важно увидеть и получить тип аэроплана, наиболее отвечающего военным целям вообще, а не только поощрить ту русскую фирму, которая сумеет лучше построить чужую или собственную модель...¹⁶⁴

Удручающие результаты нашего первого конструкторского конкурса показали, что пока наши аэропланы не могут конкурировать с лучшими мировыми образцами.

Следовательно, было бы, пожалуй, рискованно, если бы, не допустив к участию в конкурсе несомненно более технически развитых иностранцев, наше военное ведомство связало себя обязательством приобрести порядочное количество таких машин, относительно которых не может быть никакой

¹⁶¹ Хроника: К конкурсу русских летательных аппаратов // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 19 октября.

¹⁶² Хроника: Воздухоплавательный конкурс // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 22 октября.

¹⁶³ К. В. Задачи русского конкурса военных аэропланов // Русский инвалид. 1911. 8 декабря.

¹⁶⁴ Там же.

уверенности в их преимуществах перед другими типами аппаратов, строящихся исключительно за границей. Раз вопрос идет о выборе типа аэроплана для армии, нельзя думать только об одном поощрении аэропланного строительства¹⁶⁵.

В частности, при интернациональном конкурсе предлагалась следующая схема:

Из премированных в конкурсе, владельцы аэропланов русского производства получают определенные заказы, а заграничные конструкторы или фирмы, вместе с продажей своих аппаратов, уступают Военному министерству право воспроизводства их моделей на русских заводах¹⁶⁶.

Военный конкурс 1911 г. Россия провела по французскому варианту. Но насколько оправдано это было? Для Франции закрытый тип конкурса был логичен. У французов в конкурсе участвовало 36 аппаратов, а число записавшихся достигло 120. Причем все аэропланы были не только произведены, но и разработаны во Франции и снабжены исключительно отечественными моторами. После предварительных испытаний осталось 9 претендентов, остальные не смогли выполнить условий конкурса. Предварительные испытания заключались в посадке на три различных типа полей, в испытании на скорость (не менее 60 км/ч на протяжении 60 км) и подъем на высоту 500 м за 15 минут с полезной нагрузкой в 300 кг. Главным испытанием было состязание на скорость с той же полезной нагрузкой на протяжении 300 км между Реймсом и Амьеном и обратно. Безоговорочную победу одержал моноплан «Ньюпор», оснащенный мотором «Гном» 100 л. с.. «Ньюпор» опередил на 35 минут ближайшего конкурента (биплан «Бреге»), показав среднюю скорость почти 117 км/ч. Пилотировал «Ньюпор» авиатор Вейман, но эксперты отметили, что этот аэроплан победил не потому, что его пилот обладал наибольшим искусством или мотор имел наибольшую мощность, а благодаря конструктивным особенностям и великолепной аэродинамике¹⁶⁷.

Надо сказать, что Отдел воздушного флота мгновенно отреагировал на результаты французского конкурса и уже в ноябре купил 14 аэропланов «Ньюпор» для Севастопольской авиационной школы. Для приемки новых аэропланов и для обучения особенностям полета на «Ньюпоре» во Францию были командированы лейтенант Дыбовский и поручик Ильин.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ К. В. О задачах русского конкурса военных аэропланов // Русский инвалид. 1911. 22 декабря.

¹⁶⁷ *Helice*. Итоги военного конкурса аэропланов в Реймсе // Вестник воздухоплавания. 1911. № 17. С. 2–7.

Французский конкурс скорректировал и программу обучения пилотов. Если офицеры первого выпуска севастопольской школы уделяли в учебе большое внимание «Фарманам», то вторая группа обучающихся в количестве 25 человек, приступивших к занятиям осенью, и 20 офицеров, прибывших в Севастополь в январе после теоретических курсов при Санкт-Петербургском политехническом институте, сделали ставку на обучение полетам на монопланах. Начальник севастопольской школы полковник С. И. Одинцов сообщил в беседе с корреспондентом газеты «Вечернее время», что «в ближайшее время решено приобретать лишь монопланы; “Фарманы” и другие бипланы признаны устарелыми»¹⁶⁸.

По итогам 1911 г. Франция, безусловно, являлась ведущей мировой авиационной державой. По данным газеты *Matin*, в распоряжении французского военного министерства в 1912 г. предполагалось иметь 234 аэроплана, а на покупку и содержание аппаратов, содержание аэродромов и на дирижабли было ассигновано 4 421 750 фр. (около 1 650 000 руб.)¹⁶⁹. Всего с учетом авиационных школ, содержания личного состава и других расходов палата депутатов ассигновала на военную авиацию 7 200 000 франков¹⁷⁰. На конец 1911 г. Франция имела 10 дирижаблей (плюс 6 в постройке и на испытаниях), 170 казенных аэропланов и 76 офицеров-летчиков¹⁷¹.

Россия считала себя второй авиационной державой, основываясь на количестве аэропланов и подготовленных пилотов, а Германию — третьей. Формально это действительно было так. Германия на конец 1911 г. насчитывала 9 военных дирижаблей, 15 аэропланов и 50 офицеров-летчиков¹⁷². Но у Германии уже сложилась мощная авиационная промышленность, которая производила конкурентоспособные аэропланы собственных оригинальных систем. К середине 1911 г. в Германии было официально зарегистрировано 16 аэроплановых заводов, которые еще и готовили пилотов¹⁷³. Кроме того Германия имела несколько мощных заводов, производивших авиационные моторы. Немецкие моторы были менее известны, но объективно были лучше французских. Моторы ведущих немецких производителей — Даймлера и общества «Аргус» — были не ротативными, а построенными по перспективному типу «блок»

¹⁶⁸ Никар. Военная авиация // Вечернее время. 1911. 29 ноября.

¹⁶⁹ Военная авиация во Франции в 1912 г. // Вечернее время. 1911. 26 ноября.

¹⁷⁰ Иностранная военная хроника: Франция: Военная авиация // Русский инвалид. 1911. 30 декабря.

¹⁷¹ 1911-й военный год за границей // Русский инвалид. 1912. 1 января.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Иванович Г. Германские аэропланы. V // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 11 октября.

с возможностью водяного охлаждения. Эти моторы были более безопасными, экономичными и дешевыми¹⁷⁴. Исходя из всего вышесказанного, второй авиационной державой на тот момент считать Россию было бы, наверное, неправильно.

Самым слабым местом российской авиации было отсутствие отечественного авиационного мотора. В случае войны зависеть от иностранных поставок было слишком рискованно. Нельзя сказать, что в России не пытались создать аэропланый двигатель. В августе 1911 г. на Гатчинском аэродроме производились опыты с ротационным мотором оригинальной конструкции для аэроплана, построенным на одном из заводов в Риге¹⁷⁵. Но этот мотор был слишком «сырой», и авиационный отдел офицерской воздухоплавательной школы обнаружил в нем несколько дефектов.

Еще один ротационный мотор сконструировал в Киеве штабс-капитан Гриницкий. Двигатель был схож с «Гномом», но обычный «гномовский» карбюратор был заменен на карбюратор Клоделя. На стенде мотор давал хорошую тягу. К разработке проявил интерес И. И. Сикорский, пообещав испытать мотор на своем аэроплане. А Главное инженерное управление поручило следить за ходом испытаний специальной комиссии¹⁷⁶.

Брянский завод также построил двигатель для аэроплана. Этот мотор был сделан по проекту русского изобретателя А. Г. Уфимцева¹⁷⁷, который в сентябре 1911 г. получил патент (№ 19997) на это изобретение¹⁷⁸.

Новому конструкторскому конкурсу явно требовалось расширение, и, прежде всего, распространение его на область моторостроения. В «Вестнике воздухоплавания» также была озвучена мысль, что ненужно в конкурсе пытаться получить все лучшие качества в одной модели аэроплана, а необходимо поощрять конструкторов частичными призами за конкретные конструкторские решения¹⁷⁹. Уже тогда следовало, например, подумать о вооружении аэропланов. Конструкторский конкурс вполне мог помочь в этом плане. Но, к сожалению, в то время наше

¹⁷⁴ *Иванович Г. Германские аэропланы. I* // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 26 августа.

¹⁷⁵ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 30 августа.

¹⁷⁶ Хроника: Важное русское изобретение // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 6 октября.

¹⁷⁷ Внутренние известия. Московская жизнь: Выставка воздухоплавания // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 16 ноября.

¹⁷⁸ *Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России.* — 2 изд., перераб. — М.: Машиностроение, 1981. С. 211.

¹⁷⁹ *Конструктор.* Конкурс русских летательных аппаратов // Вестник воздухоплавания. 1911. № 13–14. С. 44–46.

Ил. 8. Новый французский аэроплан с пулеметом. *Zeitbilder: Beilage zur Vossischen Zeitung*. — Berlin, 1914. — № 21. — 17 Feb.; (приложение к газете *Vossische Zeitung* от 17 февраля)

военное ведомство рассматривало аэроплан лишь как средство разведки. И это при том, что было известно, что во Франции уже в 1911 г. делались попытки устанавливать на аэропланах небольшие скорострельные орудия и пулеметы. В частности, над этим работали Вуазен и французский офицер Андрэ, сконструировавший особый тип авиационной митральезы (пулемет)¹⁸⁰. В итоге это позволило французам к началу 1914 г. воплотить в жизнь некоторые оригинальные конструкторские идеи по установке пулемета на аэроплан (ил. 8).

В России авиационный год закончился все же на мажорной ноте. В последних числах декабря в Киеве И. И. Сикорский на новом трехместном биплане военного типа своей конструкции совершил полет с пассажирами со скоростью 111 км/ч, «установив новый всероссийский рекорд скорости аэропланов всех систем и всемирный рекорд для бипланов с двумя пассажирами»¹⁸¹. Закончить обзор событий 1911 года хочется цитатой из газеты «Санкт-Петербургские ведомости», воспроизводящей реакцию газеты на данное событие: «Всемирный... Первый всемирный рекорд. Сколько радости и гордости заключается в этом одном слове!»¹⁸²

Список литературы

Сафаев А. Е. Начало российской авиации. 1910–1911 гг. Хроника событий по материалам газетных публикаций // Военная история России XIX–XX веков: Материалы XI Международной военно-исторической конференции 23–24 ноября 2018 г. СПб., 2018.

Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. — 2 изд., перераб. — М.: Машиностроение, 1981.

¹⁸⁰ Н. Я. О бое в воздухе // Вестник воздухоплавания. 1911. № 13–14. С. 18–19.

¹⁸¹ Телеграммы: Киев, 29 декабря // Русский инвалид. 1911. 30 декабря.

¹⁸² А. Воздухоплавание в новом году // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 31 декабря.

Виттик. В школе О. В. Ф. в Севастополе // Вестник воздухоплавания. 1911. № 13–14.
Седов Я. И. По городам Сибири на аэроплане // Вестник воздухоплавания. 1911. № 17.

Anatoly SAFAEV

Librarian, Department of Newspapers, National Library of Russia
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: safaev.ae@gmail.com

The beginning of Russian aviation. The latter half of the year 1911. Chronicle of events according to Russian newspapers.

The article is concerned with an early period of Russian aviation history — events during the second half of 1911. The subject of the investigation is the material contained in Chronicles of leading Russian Newspapers. This article is a sequel of the article entitled “The beginning of Russian aviation. 1910–1911. Chronicle of events according to Russian newspapers” to have been published in the XI conference proceedings.

Keywords: Imperial All-Russian Air Club; repercussions of the St. Petersburg-Moscow Flight; Kotelnikov’s parachute; first participation of aviation in a military parade; Sevastopol’ School of the Air Fleet Department; Aviation Week in Tsarskoye Selo; L. V. Zvereva; participation of aviation during the grenadier corps maneuvers near Moscow; Second Moscow Aviation Week; Air Reconnaissance; air-operations during military maneuvers near Kiev and Warsaw; M. F. de Campo-Scipio’s Flight from Warsaw up to St. Petersburg; «Aviata» Society; Kharkov Aviation Exhibition; I. I. Sikorsky; First Kiev Aviation Week; Aviation Days in Novo-Nikolaevsk; air-operations during Italo-Turkish War of 1911–1912; naval aviation; Aircraft engineering awards.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 52

Антон Юрьевич ФОМИН

аспирант, младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a. fomin1511@gmail.com

К ВОПРОСУ О КОНТАКТАХ А. И. ГУЧКОВА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВОЕННОЙ СРЕДЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ¹

Статья построена на основе материалов оперативной разработки А. И. Гучкова, сохранившихся в фонде Департамента полиции. Поскольку на Гучкова падали подозрения в подготовке военного переворота, политический сыск в первую очередь интересовали контакты политика с офицерами и генералами Русской армии. Полученные агентурные данные подтверждали наличие у Гучкова обширных связей в военном мире, но сколько-нибудь надежных свидетельств о существовании военного заговора в распоряжении тайной полиции не имелось.

Ключевые слова: А. И. Гучков, В. А. Сухомлинов, А. А. Поливанов, Департамент полиции, военный переворот.

Среди видных думских политиков лидер «октябристов» А. И. Гучков, несомненно, был наиболее близок к армии. Его амбиции в отношении вооруженных сил простирались далеко за пределы «дозволенного» Основными государственными законами. Гучков различными способами старался вмешиваться в дела обороны, мало считаясь с буквой закона, традициями и духом монархии Романовых, в соответствии с которыми управление военной машиной империи являлось призванием и монополией царствующего дома.

Государственные преобразования 1905–1906 гг. в теории должны были минимально затронуть прерогативы короны в сфере обороны, но на практике полностью отстоять прежние порядки было невозможно. Народное представительство в лице Государственной думы не могло обойти вниманием столь важную область национальных интересов.

Сторонники сближения с Думой находились и среди военных. Последние надеялись, что сотрудничество с народным представительством может явиться эффективным средством исправления пороков систе-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90046 «Российское офицерство и публичная политика в период думской монархии (1906–1914)».

мы, повлекших за собой поражение России в войне с Японией. Гучкову удалось не только установить неформальные контакты с представителями высшей военной администрации, но и снискать определенную популярность среди офицерства. Его вмешательство в военные дела вызывало раздражение у императора и сильно беспокоило военного министра В. А. Сухомлинова, не без оснований полагававшего, что Гучков ведет интриги с целью посадить в министерское кресло генерала А. А. Поливанова («помощника» военного министра). Еще во времена III Государственной думы политические противники фабриковали против Гучкова обвинения в составлении заговора с целью осуществления военного переворота по турецкому образцу. Таким образом, контакты лидера «октябристов» с военными неизбежно стали предметом интереса тайной полиции.

Сухомлинов, министр внутренних дел А. А. Макаров и директор Департамента полиции в 1909–1912 гг. Н. П. Зуев считаются создателями одиозной системы политического сыска в армии. Наблюдение за Гучковым являлось частью мероприятий по надзору за настроениями военных². Сухомлинов, как и любой кадровый военный, не приветствовал внедрение провокаторов в войска³. И, тем не менее, он санкционировал инициативу МВД. Вероятнее всего, военным министром двигало желание получать сведения о деятельности лиц, угрожавших его положению, к числу которых, безусловно, относился Гучков.

В марте 1913 г. чиновники Департамента полиции составили на Гучкова объемное досье (впоследствии дополнявшееся), в котором обобщались добытые политическим сыском сведения о его контактах с военными. В оперативной разработке А. И. Гучков проходил как «объект наблюдения “Первый”»⁴.

В самом начале 1911 г. газета «Голос Москвы» — неофициальный рупор Союза 17 октября и лично Гучкова — напечатала «интервью» с генерал-майором Н. П. Поливановым. Названный генерал высказал несколько политически смелых суждений. Например, он заявил, что одна из ключевых проблем Русской армии заключается в том, что «основанием власти считается не закон, а личные взгляды, отсюда нередки случаи большого произвола начальствующих, конечно, чрезвычайно

² Хутарев-Гарнишевский В. В. «Осиное гнездо провокации». Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10. С. 85.

³ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 80.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243 Д. 144. О наблюдении за деятельностью и сношениями А. И. Гучкова. Л. 119.

вредно влияющие и на дисциплину, и на дух армии»⁵. Этот генерал считал, что наилучшим средством борьбы с произволом и злоупотреблениями станет «самая широкая гласность, без возможности оглашать военные секреты, но с полным оглашением всех отрицательных явлений жизни армии»⁶. Но наиболее жестко он отозвался о некоторых воинских начальниках (не исключая и высших), раскритиковав критерии отбора на командные должности:

Нередко бывает, что ответственный пост в армии поручается лицам, преданность которых русским интересам и русским историческим заветам более сомнительна, и иногда заведомо известно, что такие лица своими соплеменниками назначены на случай восстания как командиры восстаний.

Этот пассаж и привлек внимание политического сыска. Н. П. Поливанов по сути публично обвинил в государственной измене воинских начальников с «нерусскими» фамилиями. Это было немислимо для действующего военного (тем более генерала). И в целом, судя по стилистике и направленности «интервью», за ним угадывался скорее политик октябристского толка, нежели военный.

Полиция намеревалась выяснить, состоял ли генерал-майор Н. П. Поливанов в каких бы то ни было сношениях с Гучковым, однако было установлено, что такого человека попросту не существовало. Сыску не удалось установить, кто скрывался под этим псевдонимом⁷. Но интервью, разумеется, неслучайно приписывалось генералу (к тому же с довольно известной фамилией) — это должно было прибавить ему вес в информационном пространстве. Нельзя исключать, что эти слова принадлежали самому Гучкову. Во всяком случае, он наверняка одобрял соображения «генерала», поскольку они были созвучны его собственным взглядам, и мог иметь прямое отношение к публикации «интервью»⁸.

После скандального «интервью» Департамент полиции продолжил собирать сведения о военных, контактировавших с Гучковым. Наибо-

⁵ Голос Москвы. 1911. 1 января.

⁶ Там же.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243 Д. 144. Л. 9. Примечательно, что в бумагах департамента полиции допущена ошибка — «генерал-майор», дававший интервью, обозначен как М. Н. Поливанов, тогда как в выпуске газеты приводятся инициалы Н. П. Это говорит о небрежности полицейских чиновников, но не меняет сути дела — не существовало ни генерал-майора Н. П. Поливанова, ни генерал-майора М. Н. Поливанова.

⁸ Гучков не раз (в том числе с думской кафедры) категорично высказывался о неудовлетворительности высшего командного состава Русской армии. Обвинения в измене и симпатиях к противнику лиц, находящие которых на ответственных должностях Гучков считал нежелательным, также входило в его арсенал приемов политической борьбы.

лее действенным методом была перлюстрация адресованной политику корреспонденции. 25 марта 1913 г. Гучкову адресовал письмо ротмистр Исидор Данилович Пантелеев, командовавший эскадронам в 17-м Черниговском гусарском полку, квартировавшем в Орле. Пантелеев жаловался Гучкову на то, что в год празднования 300-летия дома Романовых ранены на последней войне офицеры, а также «старые ротмистры и капитаны» были обойдены монаршими милостями. Им не дали даже очередной награды, в то время как тем, кто прослужил столько же лет на административных должностях, было предоставлено право на производство в штаб-офицерские чины. Пантелеев обосновал свое обращение к Гучкову тем, что последний заслужил репутацию защитника армии и офицерства:

Не подходит солдату жаловаться, но Вам не стыдно нам жаловаться. Вы стали для нас родным после того, как сделали для себя заветными вопросы государственной обороны и неустройства армии. Всю Вашу борьбу за нас мы знаем, и пусть вам будут удостоверением те благословения, которые шлют вам все истинные солдаты, любящие свою армию. Знайте, что офицеры Вас считают благороднейшим сыном нашей общей родины. Верю, что поможете, если в силах будете это сделать⁹.

По запросу Особого отдела Департамента полиции Орловское жандармское управление прислало характеристику на Пантелеева. В ней отмечалось, что 40-летний ротмистр так до конца и не оправился от ранения, полученного на войне с Японией, а «среди сослуживцев особым расположением к себе не пользуется, по характеру малообщителен и вообще держится обособленно». Офицер, поделившийся своим недовольством с политиком и дерзнувший обратиться к нему за заступничеством, выставлялся в довольно маргинальном свете, но отмечалось, что в распоряжении жандармов не имелось «сведений, компрометирующих его в политическом отношении»¹⁰.

Перлюстрации также подверглось адресованное Гучкову письмо командира 62-го Суздальского пехотного полка полковника Александра Николаевича Голицинского от 20 апреля 1913 г. Взволнованное письмо командира прославленного суворовского полка отражало атмосферу военной тревоги, вызванной событиями на Балканах. Полковник Голицинский (в отличие от ротмистра Пантелеева), очевидно, был знаком с Гучковым. Он доверительно делился с политиком негодованием против нерешительных военных приготовлений правительства, рассказывал о ропоте и недовольстве нижних чинов. По его мнению, слабая, выжидательная позиция правительства в отношении оказания помощи

⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243 Д. 144. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 50.

балканским славянам являлась едва ли не частью сознательного плана по революционизированию армии. У полковника складывалось ощущение, что столичные ведомства саботировали национальные интересы:

Вопрос, повергающий меня в уныние <...> — это систематическое толкание нас, армии, кем-то, имеющим власть, влево и влево¹¹.

Голицинский отмечал, что действия правительства входили в диссонанс с патриотическим энтузиазмом войск:

Задержка призывных 10-го года для всех была понятна, и понимали это и рядовые. Нужно было видеть Суздальцев-Суворовцев, чтобы судить о их готовности стать в защиту братьев славян, но им было непонятно и обидно, что им объяснили, что задержка их была ввиду невыслуги ими трехлетнего срока¹².

Затребованная на Голицинского характеристика была безупречной. Участник обороны Порт-Артура и георгиевский кавалер, он был аттестован как образцовый воинский начальник:

Полковник Голицинский <...> выдающийся полковой командир в отношении поддержания в полку воинской дисциплины и боевой подготовки. К подчиненным строг, но справедлив, полк содержит в образцовом порядке и, заботясь о нуждах нижних чинов, воспитывает их в преданности Престолу и Отечеству, и всеми зависящими от него средствами охраняет от тлетворного влияния извне¹³.

Такой отзыв должен был отбить подозрения в нелояльности полковника существующему строю, однако факт оставался налицо — он критиковал действия властей в письме политику, не пользовавшемуся расположением императора и военного министра.

Следующее вскрытое в «черном кабинете» письмо на имя Гучкова датировалось 8 сентября 1913 г. Оно привлекло внимание Особого отдела Департамента полиции еще более высоким градусом недовольства и общим глубоким пессимизмом по поводу происходившего в стране и армии. Его автор, в прошлом один из адъютантов генерала Мищенко, а к тому моменту командир 1-го Семиреченского казачьего полка, полковник Константин Николаевич Хогондоков, по всей видимости, состоял с Гучковым в товарищеских отношениях¹⁴. В пространном

¹¹ Там же. Л. 39.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 49.

¹⁴ Хогондоков был должен Гучкову денег, а ранее просил его помочь раздобыть «коляску» для полка.

письме Хогондоков разъяснял Гучкову мотивы своего решения подать в отставку. Он жаловался на тяжелые условия службы в отдаленном Туркестанском крае, считал, что его недооценивают, и не видел для себя дальнейших перспектив в рядах армии.

Какой расчет держать офицера с боевым опытом, георгиевского кавалера и офицера Генерального штаба в глуши на командовании полком? <...> На таких полках можно держать хороших офицеров, которым или нельзя дать более ответственных полков, или не хотят этого делать. Ни к той, ни к другой группе относиться не желаю <...> Малым удовлетвориться на военной службе не могу, а большого надо слишком долгим и глупым терпением, высиживанием добиваться. Не сердитесь и поймите, — писал Хогондоков¹⁵.

Он также возмущался нерешительностью и некомпетентностью правительства, неспособного верно оценить стратегический момент и отстаивать «жизненные» интересы страны:

Так и не развоевались мы ни с австрийцами, ни с турками. А жаль. Босфор-то был вот как близок; Дарданеллы рядом и наш Черноморский флот так легко мог бы всегда появиться <...> на Средиземном море. Жаль. И балканских идиотов жаль, и Болгарию жаль. И как глупо потеряли мы миллион штыков в тылу у Австрии. Ну и что за смысл с утра до вечера и всю жизнь падать в казармах и манежах, тирах, маневрах, если мы не смеем и не умеем пользоваться своей армией для решения столь простых <...> и большими буквами написанных задач. Смотреть на все это <...> стыдно. Что они берегут?! Нас или себя?¹⁶

Особенно мрачные наблюдения Хогондоков сделал во время персидской экспедиции русской армии, в которой он участвовал в качестве начальника Хорасанского отряда. Наиболее тяжелое впечатление на полковника произвело российское консульство в Мешхеде:

Боже мой. Какие мошенники это русское консульство. Воры, грабители, взяточники. Стыдно и тошно на них глядеть и больно за русское имя. А англичане как англичане. Чисто все и энергично. Было бы очень недурно произвести ревизию дел консульства и собрать справки о той вопиющей наглости, с которой чины его обдeldывают дела свои под русским флагом. <...> Здесь не консульство русское, а гнездо русских гадов. <...> Несчастливая страна <Персия — А. Ф.>, которая даже при русских <...> порядках почувствует себя счастливой и благодетельствованной. Вот бы генерал-губернатором Хорасана я бы с радостью сделался. Много и просто можно сделать... Смешно, но верно.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243 Д. 144. Л. 94.

¹⁶ Там же. Л. 94 об.

Гучков получал от военных и письма, в которых не высказывалось столь «крамольных» суждений. Не вся корреспонденция, адресованная Гучкову, подвергалась перлюстрации, ведь политик находилась под негласным надзором довольно непродолжительное время. Однако Департаменту полиции удалось составить список лиц «военного звания, находившихся в письменных сношениях с Гучковым». Помимо обозначенных выше с Гучковым состояли в переписке флигель-адъютант М. М. Веселкин, подполковники В. В. Блонский и Н. А. Морозов, полковники В. П. Ганенфельдт и П. А. Залесский, генералы С. А. Федоров, А. Ф. Жиркевич, А. И. Ипатов-Горанский, Е. И. Мартынов, А. Н. Куропаткин¹⁷. Кроме того, с 25 февраля по 27 апреля 1913 г. Гучков находился под наружным наблюдением. «Наружка» установила, что в эти два месяца политик «имел личные сношения» с генералами А. А. Поливановым, А. Ф. Редигером, А. Н. Куропаткиным, Е. И. Мартыновым, Д. С. Бутурлиным, Ф. Е. Мейендорфом, С. А. Добронравовым, И. Ю. Поповичем-Липовацем, С. И. Зилоти, полковниками К. Н. Хогондоковым, В. М. Родзевичем, Х. Я. Оскановым и капитаном М. Г. Новиковым, а также адмиралом А. И. Воеводским¹⁸.

Политик встречалась со многими видными военными, но в 1913–1914 гг. не был уличен ни в письменных, ни в личных «сношениях» с генералом В. И. Гурко. Между тем связи Гучкова именно с этим деятелем являлись предметом особого интереса политического сыска. Целью «разработки» контактов Гучкова было обнаружение нитей предполагаемого «военного заговора», а по слухам (и доносам), доходившим до военного министра, ядром «заговора» являлась возглавлявшаяся генералом Гурко группа офицеров Генерального штаба, консультировавшая Комиссию по государственной обороне III Думы.

За Гучковым удалось установить наблюдение уже после прекращения деятельности кружка генерала Гурко, но «охранка» явно рассчитывала обнаружить следы мнимого «заговора». Интерес подогревали недоброжелатели Гучкова, продолжавшие сообщать о неких тайных собраниях с участием военных, на которых обсуждалось совершение в России переворота.

В анонимном «листке», поступившем в Департамент полиции 3 апреля 1913 г., указывалось, что «у А. И. Гучкова происходило конспиративное заседание, на нем присутствовало много военных»¹⁹. Незвестный информатор утверждал, что центральной темой «заседания» были военные перевороты на Балканах:

¹⁷ Там же. Л. 149–150.

¹⁸ Там же. Л. 119.

¹⁹ Там же. Л. 44.

На этом собрании А. И. Гучков делал доклад о низвержении Александра Баттенбергского особой военной партией, подобие коей существует и в настоящее время в Сербии и от которой все зависит. Затем А. И. Гучков подробно ознакомил собрание с положением дел на Балканах. На этом собрании присутствовал между прочим какой-то полковник <...> Сибирского резервного полка, который высказывался, что военный министр Сухомлинов опозорил себя сыском, что армия относится недоброжелательно к военному министру, и выразил пожелание наступления войны, во время коей не было бы затруднительно совершить переворот. В собрании было также высказано, что партия, стремящаяся к перевороту в России, назревает, и был поднят вопрос о деньгах²⁰.

Стояло ли что-то в действительности за этим наветом, выяснить не удалось, поскольку новый товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов В. Ф. Джунковский распорядился прекратить слежку за Гучковым. По его же инициативе была упразднена агентура политического сыска в войсках²¹. В этом вопросе им двигало неприятие системы доносительства и провокации, разлагавшей «полковую семью»²², а с Гучковым Джунковского связывали дружеские отношения²³.

Гучков был снова взят под наблюдение 31 марта 1916 г. В это время в распоряжении Департамента полиции оказалась анонимная записка на 15 листов, в которой говорилось, что Гучков и генерал А. А. Поливанов привлекли на свою сторону великого князя Николая Николаевича и готовят государственный переворот. Их главной помехой якобы почему-то являлся военный министр Сухомлинов. Его было решено оклеветать и тем самым убрать с дороги. Приводимые в записки доказательства намерений Гучкова, мягко говоря, слабы и недостаточны. В качестве таковых подаются маршруты его поездок и созданная недоброжелателями, мнимая репутация «заговорщика»:

А. И. Гучкова в публике прозвали русским Юань Шикаем, так как ему приписывают, что он спит и видит осуществить то, что проделал в Китае последний в смысле государственного переворота. Съездив в Китай, Турцию и Португалию и изучив на месте способы и приемы переворотов в разных странах, а также бывшие у нас бунты во Владивостоке, Севастополе и Кронштадте и дождавшись такого благоприятного времени, как война 1914 г., Гучков начал действовать²⁴.

²⁰ Там же.

²¹ Хутарев-Гарнишевский В. В. «Осиное гнездо провокации»... С. 87.

²² Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 178–181.

²³ Хутарев-Гарнишевский В. В. «Осиное гнездо провокации»... С. 86.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243 Д. 144. Л. 126.

Остальная часть записки была посвящена оправданию находившегося под следствием Сухомлинова, доказательству мудрости и правильности проводимых им на посту мероприятий²⁵. Очевидная тенденциозность этого текста не дает считать его заслуживающим доверия источником о деятельности Гучкова.

Во время острейшего политического кризиса накануне революции 1917 г. Гучков действительно предпринимал шаги для подготовки «дворцового переворота» (о чем он рассказывал Н. А. Базили)²⁶. Но даже тогда, по выражению самого Гучкова, «сделано было много для того, чтобы быть повешенными, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»²⁷.

Тем более не приходится говорить о каком-то заговоре военных с целью свержения Николая II до начала Первой мировой войны. Т. н. «младотурки» генерала Гурко, по всей видимости, были настроены оппозиционно, к чему их подталкивали итоги Русско-японской войны²⁸, но вся их заговорщическая деятельность сводилась к обсуждению с депутатами законопроектов военного ведомства, а также связанных с ними политических и стратегических вопросов. Обвинения в заговоре являлись плодом инсинуаций политических противников Гучкова.

Лицом, наиболее заинтересованным в том, чтобы дать этим обвинениям ход, являлся военный министр Сухомлинов, а доносчиком, из-за которого за членами кружка генерала Гурко закрепилось прозвище «младотурок», был капитан П. М. Михайлов, по оплошности взятый самим Гучковым на должность делопроизводителя думской Комиссии обороны²⁹. Контакты Гучкова с офицерами и генералами русской армии свидетельствовали о распространении оппозиционных настроений среди части военной элиты, что в полной мере проявилось в мартовские дни 1917 г., но никак не о существовании некой «военной партии» и тем более офицерского «тайного общества», готовившего государственный переворот.

²⁵ Там же. Л. 129–139.

²⁶ *Гучков А. И.* Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 15–32.

²⁷ Цит. по: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917 гг. Л., 1967. С. 303.

²⁸ В. И. Гурко был председателем военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны, а основу кружка «младотурок» составляли его сотрудники по комиссии / *Чирков А. А.* Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 42.

²⁹ *Гучков А. И.* Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 81.

Список литературы

- Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917 гг. Л., 1967.
- Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- Хутарев-Гарнишевский В. В. «Осиное гнездо провокации». Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10.
- Чирков А. А. Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2.

Anton Yurevich FOMIN

postgraduate student, junior research associate, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: a.fomin1511@gmail.com

The article is based on the materials of the secret-service investigation of A. I. Guchkov, preserved in the archive fund of the Police Department of Russia. Since Guchkov was suspected of preparing a military coup, the domestic intelligence was primarily interested in the politician's contacts with officers and generals of the Russian army. The obtained intelligence data confirmed that Guchkov had wide connections in the military world, but there was no reliable evidence of a military conspiracy at the disposal of the secret police.

Keywords: A. I. Guchkov, V. A. Sukhomlinov, A. A. Polivanov, Police Department of Russia, military coup.

УДК 94 (47) 07

ББК 63.3 (2) 52

Николай Юрьевич НИКОЛАЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института (Волжский, Россия)

E-mail: nikcam@mail.ru

«ВОЙНА ОТВРАТИТЕЛЬНА, НО НЕИЗБЕЖНА...»: М. И. ДРАГОМИРОВ О ВОЙНЕ И ВЕЧНОМ МИРЕ

В статье выявлена позиция известного военного и государственного деятеля конца XIX — начала XX в. М. И. Драгомирова на проблемы войны и мира. Взгляды Драгомирова были сформированы под влиянием современной ему социально-политической и философской мысли, популяризовавшей идеи социал-дарвинизма, волонтаризма и биологизма. Войну генерал оценивал как стихийное, неизбежное, обусловленное человеческой природой социальное явление. При этом он признавал жестокий и антигуманный характер вооруженных конфликтов. Однако установление вечного мира Драгомиров считал концом человеческой цивилизации, так как войны даже с учетом приносимых ими огромных жертв и разрушений способствовали социально-культурному и научно-техническому прогрессу человечества.

Ключевые слова: М. И. Драгомиров, публицистика, война, мир, милитаризм.

Вторая половина XIX — начало XX в. ознаменовались резким усилением международной напряженности, повсеместным ростом военных расходов и небывалым военно-техническим прогрессом. Ответом на беспрецедентный рост милитаризма стало усиление общественного движения, пропагандировавшего идеи разоружения, третьейского разбирательства и кодификации гуманитарного права. Набиравшие популярность идеи миротворчества рекрутировали в число своих приверженцев писателей, ученых, политиков и общественных деятелей.

В свою очередь, представители зарождавшейся «социологии войны» в лице военных деятелей и публицистов предлагали свое видение природы вооруженных конфликтов. В их трактовке войны рассматривались как имманентное состояние человечества, извечно сопутствовавший всемирной истории социально-политический феномен, имевший помимо негативных черт и безусловное позитивное содержание. В этом ряду «защитников войны» выделяется фигура видного военного деятеля рубежа XIX–XX вв. М. И. Драгомирова, известного своими независимыми суждениями на многие актуальные вопросы современной ему общественно-политической жизни¹.

¹ Лукомский А. С. Очерки моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 101–108; 2001. № 4. С. 48–73.

Предметом научных изысканий неоднократно становились взгляды Драгомирова на военно-патриотическое воспитание, тактическое обучение офицерского и рядового состава, реформирование Русской армии и пр.² Между тем, особый интерес представляют суждения генерала по проблемам войны и мира, которые, на наш взгляд, недостаточно освещены в отечественной историографии³. В существующих исследованиях, критика Драгомирова антивоенных взглядов оценивается в основном комплиментарно. В то же время позиция его оппонентов (Л. Н. Толстого, И. С. Блюха) рассматривается в русле романтического идеализма, далекого от понимания суровых реалий геополитического противостояния рубежа XIX–XX вв.

Генерал активно публиковался в научно-популярных изданиях, ориентированных преимущественно на поддержку военной политики правительства. Так в 1896–1897 гг. на страницах военно-литературного журнала «Разведчик» развернулась заочная полемика, в ходе которой Драгомиров подробно изложил свои взгляды на природу вооруженных конфликтов и перспективы достижения вечного мира. Поводом для его выступления стало издание антивоенного труда известным филантропом и предпринимателем И. С. Блюхом, который вызвал резкую отповедь со стороны генерала⁴.

По мнению Драгомирова, устранение военных конфликтов из человеческого общежития немислимо и опасно, так как «противоречит основному закону природы»⁵. В человеческом социуме, утверждал он, как и в царстве природы происходил бесконечный процесс творения, который немислим без предварительного разрушения. Разница между ними состояла лишь в созидаемом предмете и разрушаемом материале.

² *Бескровный Л. Г. М. И. Драгомиров // Драгомиров М. И. Избранные труды. М., 1956. С. 3–39; Лобов В. Н. Русский военный мыслитель и педагог // Военная мысль. 1990. № 2. С. 43–51; Пашиков В. И. Военно-педагогическое наследие генерала М. И. Драгомирова // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 3. С. 161–163; Юдин С. С. Генерал М. И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации 1881 г. // Российская история. 2016. № 6. С. 46–55.*

³ *Гусева О. Г. Эволюция взглядов военных мыслителей России на войну как общественное явление (Последняя четверть XIX – первая четверть XX века). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 35 с.*

⁴ *Блюх И. С. Исторический очерк развития идеи разрешения мирным путем международных столкновений // Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношении. Т. 5. СПб., 1898. С. 1–51.*

⁵ *Драгомиров М. И. Открытое письмо г. Блюху. По поводу его сочинения // Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: Сб. ориг. и пер. ст. М. И. Драгомирова за 1895–1905 гг.: В 2 т. Кн. 1. СПб., 1909. С. 131.*

Человеческому инстинкту самосохранения, — указывал Драгомиров, — противно конечно допустить, что есть задачи, для решения коих сам человек, в свою очередь, является материалом, подлежащим разрушению; *но оно так и иначе быть не может* <курсив наш — Н. Н.>⁶.

Перманентный конфликт старого и нового, разрушаемого и создаваемого присутствовал на протяжении всей человеческой истории, и прекращение этой жестокой, но неминуемой коллизии будет означать духовную смерть человечества. Рассуждавших о неизбежном исчезновении войн по причине нарастающего осознания человечеством их преступного, «скверного» характера Драгомиров упрекал в нелогичности, так как, по его мнению, первое вовсе не вытекало из второго. Для генерала важнейшей проблемой метафизики войны являлась возможность (пусть и гипотетическая) ее устранения, а не пустые разглагольствования о моральной стороне военных конфликтов⁷.

Представляется, что именно спор о провиденциальном характере войны по-настоящему разделял позиции Блюха и Драгомирова. Блюх рассматривал человеческую историю как нарастающий процесс движения к вечному миру. Драгомиров же в приводимых аргументах видел лишь очередные свидетельства неустранимости военных конфликтов. Он вполне соглашался с мнением о том, что «война дело отвратительное, бесчеловечное, жестокое», но, в то же время, как и всякое стихийное, природное явление оно неизбежно и неотвратимо⁸.

Рассуждения М. И. Драгомирова о природе войны и невозможности достижения вечного мира вызвали известный отклик среди читателей, в том числе и критического характера⁹. Так, в январе 1897 г. на страницах «Разведчика» появилась небольшая заметка под названием «Возражение на письмо г. Блюху г. Антимилитариста»¹⁰. Социальному дарвинизму Драгомирова автор противопоставлял контовский принцип интеллектуальной и культурной эволюции человека. Исторический прогресс уже уничтожил многие, столь привычные раньше социальные язвы,

⁶ Там же. С. 132.

⁷ Там же. 132–134.

⁸ Там же. С. 136–137.

⁹ Статья была перепечатана газетой «Новое время» в № 7434 от 6 ноября 1896 г. и вызвала широкий отклик у читателей. См.: *Толстой Л. Н. Carthago delenda est* (1896). История писания и описание рукописи // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 39. Статьи 1893–1898. М., 1956. С. 256–257.

¹⁰ Статья была подписана псевдонимом М. Г. К сожалению, мы не смогли обнаружить настоящую фамилию Антимилитариста. Однако можно предположить, что под псевдонимом М. Г. скрывался известный российский литературовед, философ и публицист М. О. Гершензон. См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957. С. 142.

в том числе религиозные преследования, рабство, крепостное право и пр. Схожая судьба, по мнению Антимилитариста, постигнет и войну, которая постепенно изживет себя как грубый и неэффективный способ защиты государственных интересов. «Существование известного зла, — утверждал автор, — еще не узаконяет его как нечто вечное»¹¹.

Серьезное возражение у Антимилитариста вызывало декларируемое Драгомировым тождество законов природы и войны. Безусловно, природа — это царство необходимости, однако человек, в отличие от животного, обладал свободой, которая позволяла ему жить в соответствие со своими субъективными намерениями, желаниями и целями. Именно по этой причине военные конфликты устранимы, ибо «делом войны управляет *не* природа, а сам человек, с его свободой волей, которой он владеет, а не наоборот <курсив автора — Н. Н.>»¹².

Милитаризм подобен плесени и гнили, отвлекавшей человечество от плодотворной творческой деятельности.

Только мир обогащает век — убеждал Драгомирова Антимилитарист, — такими плодотворными умами, которые под влиянием духа милитаризма неизбежно направились бы на изобретение средств истребления; и, вероятнее, что взамен их, этих людей ума и науки, мы имели бы блестящих полководцев, овладевших тайной (положим, великой) будить вовремя в человеке зверя и пользоваться его разрушительной силой¹³.

Особенно возмутило оппонента генерала утверждение, будто прекращение вечного конфликта между старым и новым и торжество вечного мира будет означать духовный конец человечества. Данный тезис Драгомирова он считал в корне ошибочным. Напротив, после прекращения войн «начнется новая эра, совершенной, новой, чисто духовной, возвышенной жизни человека», который, наконец, сможет использовать эпоху мира для полной реализации своего интеллектуального и духовного потенциала¹⁴.

В том же номере «Разведчика» был помещен ответ М. И. Драгомирова, в котором он вновь изложил свои взгляды на проблемы войны и мира, сосредоточившись на высказанных Антимилитаристом возражениях. Последовательно развивая идеи органической социологии, генерал указывал на тождество природы и общества, функционировавших по общим законам. Под сомнение ставил он и наличие у человечества

¹¹ Драгомиров М. И. Возражение на письмо г. Блюха г. Антимилитариста и ответ г. Антимилитаристу // Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: Сб. ориг. и пер. ст. М. И. Драгомирова за 1895–1905 гг.: В 2 т. Кн. 1. СПб., 1909. С. 139.

¹² Там же. С. 138.

¹³ Там же. С. 139.

¹⁴ Там же.

свободы воли, «которое существует в пределах довольно ограниченных». Рассуждение оппонента о войне как грубом способе достижения политических задач он находил эмоциональными и бездоказательными.

Вежливый или грубый способ война, — писал Драгомиров, — к делу не относится, ибо были, есть и будут такие цели, которых иначе как путем войны достичь нельзя¹⁵.

Попытку Антимилитариста представить историю человечества как постепенный и последовательный отказ от войн Драгомиров парировал ссылкой на обилие кровопролитных конфликтов в XIX в¹⁶. Оспаривал он и тезис о вредоносном воздействии войны на научно-технический прогресс. Человечеству, считал генерал, в равной степени нужны и Наполеоны, и Эдисоны. Великие умы избирали свою стезю вне зависимости от внешних обстоятельств, и развитие милитаризма ни в коей мере не влияло на появление новых изобретений. Что же до великих полководцев, то они, по мнению Драгомирова, способствовали историческому развитию, «создавая новый порядок вещей» <курсив автора — Н. Н.>».

Может быть и Вам небезынтересно, — риторически вопрошал он, — насколько стало легче жить в Европе благодаря наполеоновской буре и насколько мощное развитие получила с тех пор европейская жизнь, наша в особенности¹⁷.

Прежней осталась и категоричная оценка Драгомировым вечного мира как духовного конца человечества. Создание нового невозможно без борьбы со старым, и чем больше масштаб и глубина нововведений, тем беспощаднее и безжалостнее будет это противоборство. Альтернативой этому может стать лишь духовная деградация человека.

Может, это неприятно, — заявлял автор, — но верно: или жизнь и ее неминуемый спутник борьба, или вечный мир и во блаженном успении вечный покой¹⁸.

Напоследок генерал высказал пожелание, что человечество еще долго не изживет своего содержания, а, значит, при каждом значительном повороте в своем развитии «неминуемо будет прибегать к кровавой борьбе». Европейская цивилизация, предрекал Драгомиров, находилась накануне серьезных изменений в отношениях между трудом и капиталом. А, значит, неизбежны и ожесточенная борьба, и многочисленные

¹⁵ Там же. С. 140.

¹⁶ Там же. С. 141–142.

¹⁷ Там же. С. 143–144.

¹⁸ Там же. С. 144–145.

жертвы. Решить надвигающийся конфликт можно лишь с помощью силы, которая должна подкреплять право.

Укажите мне хотя бы одно общество, — осведомлялся он у своего оппонента, — которое существует без войска и полиции в том или другом виде: и тогда можно будет рассуждать о силе права, не нуждающегося в покровительстве права силы. — И сам тут же отвечал на собственный вопрос: — Но Вы такого общества не укажете¹⁹.

Полемика между Драгомировым и Антимилитаристом представляла собой не только локальное столкновение полярных позиций, но и свидетельствовало о масштабном противостоянии различных течений в гуманитарных науках. Проблемы войны и мира Драгомиров рассматривал в контексте популярных во второй половине XIX в. теорий биологизма, волюнтаризма, социального дарвинизма и утилитаризма. В его рассуждениях ощутимо присутствовало влияние философских, социологических теорий Д. С. Милля, Г. Спенсера, Л. Гумпловича, Ж. Гобино и пр. Заметны в сочинениях Драгомирова и отсылки к идеям Ф. Ницше — культу сверхчеловека, прагматичному подходу к морали и прославлению воли к власти²⁰. Разделял Драгомиров и теорию этнического и расового неравенства, через призму которых рассматривал человеческую историю и культуру.

В свою очередь, его оппонент выступал сторонником неизбежного социального и нравственного прогресса человечества, который в конечном счете приведет к исчезновению военных конфликтов. Эта точка зрения перекликалась со взглядами О. Конта, Э. Дюркгейма, Н. К. Михайловского и др. Выступал Антимилитарист и против применения принципов вульгарного биологизма при объяснении сложных общественных процессов. Он считал, что общество представляло собой специфическую область действительности, в которой существовали собственные законы развития и потому социальная борьба не должна отождествляться с биологической.

Суждения Драгомирова о воле и ее влиянии на всемирную историю можно обнаружить в его публицистике и в предшествующий период. К числу социальных проявлений волюнтаризма генерал относил религию, администрацию, суд и войско.

Все, что создала Воля в ущерб отдельной личности, — утверждал он, — дабы общественная жизнь была возможна, Ум подвергает анализу с точки зрения одних интересов этой личности; и, не находя созданием Воли ос-

¹⁹ Там же. С. 146.

²⁰ Драгомиров М. И. Военные заметки. СПб., 1894. 30 с.

нований в своей логике, начинает их отрицать и находить, что в них и нет никакой логики²¹.

Эти бесконечные противоречия между индивидуальным умом и коллективной волей, по мнению Драгомирова, отчетливо проявлялись в различных подходах к войне²². Жесткой критики автор подвергал тех военных деятелей, что увлеклись «гуманными фантазиями» и отказывались от применения оружия. В тот же момент, по словам Драгомирова, оно оказывалось в руках тех, кто проповедовал отказ от насилия и вооруженных конфликтов и направлялось в сторону тех, кто имел неосторожность выпустить «оружие из рук». В отношении коллег, убежденных, что «война явление нелепое», а военная профессия — «дело постыдное», генерал был категоричен и призывал их лучше отказаться от несения службы, чем «своим развратом развращать других»²³.

Антивоенные призывы Драгомиров считал столь же неуместными и тщетными, как протесты против старости и смерти. Генерал поддерживал позицию известного социолога и антрополога Г. Лебона о «неодолимой необходимости» вооруженных конфликтов и их огромной роли в человеческой истории. Именно благодаря войнам, вторил Лебону Драгомиров, древний человек смог вырваться из варварства, создать систему государственного управления, без которого немислимы ни искусство, ни наука, ни промышленность²⁴.

Драгомиров соглашался с Лебоном, что все великие войны в истории человечества (завоевательные, религиозные, династические) носили расовый характер. Видеть в масштабных столкновениях государств и народов лишь проявления властных амбиций правителей генерал считал упрощенным подходом к истории²⁵. Рост международных связей — культурных, экономических и политических — не только не снижал напряженность в отношениях между народами, но даже усиливал ее. Причиной тому было четкое понимание национального и расового антагонизма, возникавшего в ходе сближения²⁶. Изложение Драгомировым идей Лебона о неизбежности и (по крайней мере частичной) полезности войн, расовом их характере, необходимости призывной системы носило не просто доброжелательный характер, но свидетельствовало о полной и безусловной их поддержке.

²¹ Драгомиров М. И. Значение воли в жизни народов // Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: Сб. ориг. и пер. ст. М. И. Драгомирова за 1895–1905 гг.: В 2 т. Кн. 1. СПб., 1909. С. 18.

²² Там же. С. 20.

²³ Там же. С. 32.

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Там же. С. 35.

Рассматривая взгляды генерала на проблемы войны и мира, невозможно пройти мимо его общественно-литературной критики творчества Л. Н. Толстого. Мировоззренческие расхождения писателя и генерала можно проследить уже в 1868 г., когда молодой профессор тактики Академии Генерального штаба опубликовал обстоятельный разбор военной проблематики в романе «Война и мир»²⁷. В нем Драгомиров оспаривал военно-теоретические и историко-философские выводы писателя с позиций биологизма и субъективного идеализма.

Предваряя критический обзор, Драгомиров представил читателю свои мысли о природе войны и возможности достижения вечного мира. Он сразу объявил себя принципиальным противником тех исследователей, что объявляют войну рудиментом «дикости в человеческой натуре», с исчезновением которого настанет эпоха вечного мира. По его мнению, вечный мир недостижим в принципе,

потому что в природе все основано на борьбе, а человек не может быть выше какого бы то ни было из законов природы. <...> Война и только одна война, — убеждал читателей Драгомиров, — вызывает то страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека, в особенности воли, которое показывает всю меру его мощи и которое не вызывается никаким другим родом деятельности.

Неудивительно, что тезис Толстого о том, что «война — событие, противное человеческому разуму и всей человеческой природе», вызвал у Драгомирова полное несогласие. Он считал, что

война есть дело, противное *не всей человеческой природе, а только одной стороне этой природы, именно человеческому инстинкту самосохранения* <курсив автора — Н. Н.>. В человеке этот инстинкт играет <...> далеко не исключительную роль: так, в порядочном человеке и в порядочном народе он подчиняется чувству личного достоинства, которое находит опору в таких свойствах, как самоотвержение, отвага, упорство и т. п.

Если признать, что войны противны человеческой природе, рассуждал генерал, то человек никогда бы не воевал. Между тем бесчисленные примеры из истории убеждали в обратном; народы и государства воевали и продолжали воевать порой из-за самых нелепых и малозначи-

²⁷ Сочинение «Война и мир» графа Толстого с военной точки зрения» было опубликовано в 1868–1869 гг. в журнале «Оружейный сборник» и в дальнейшем неоднократно переиздавалось отдельным изданием. Переписка Толстого свидетельствует, что писатель не только читал данную работу Драгомирова, но и заинтересовался ей. См.: *Толстой Л. Н.* Письмо П. И. Бартеневу (Августа первая половина 1868 г.) // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 61. Письма 1863–1872. М., 1953. С. 204.

мых причин. Война, категорически утверждал Драгомиров, существует независимо от человеческой воли, а потому вечна и неистребима²⁸.

Отметим, что заочная дуэль писателя и генерала продолжалась и впоследствии, особенно после духовного переворота, пережитого Толстым в конце 1870-х гг. и его перехода на позиции радикального миротворчества. Труды Драгомирова неоднократно упоминались в публицистике Толстого, причем исключительно в негативном контексте. Например, составленную генералом «Солдатскую памятку» писатель называл не иначе, как «набор мнимо солдатских <...> глупо-ухарских слов, перемешанных с кощунственными цитатами из Евангелия»²⁹. Возмущенный содержанием «Открытого письма к г. Блюху», Толстой просил своего сваяка А. М. Кузминского поговорить с Драгомировым, чтобы тот не писал «таких гадких глупостей»³⁰. Исследователи творчества Толстого полагают, что писатель даже планировал написать объемную антивоенную статью с целью опровержения высказанных генералом аргументов³¹.

В качестве заключения, укажем, что взгляды М. И. Драгомирова на проблемы войны и мира представляли собой целостную систему фактического оправдания вооруженных конфликтов. По его мнению, войны суть результат действия биологического начала в человеческом сообществе, неискоренимые и неизбежные. На всем протяжении всемирной истории они служили мощным двигателем прогресса, а их прекращение грозило человечеству социальным застоєм и духовным регрессом. Следовательно, идея вечного мира, считал Драгомиров, представляла собой лишь обман и иллюзию, которой сентиментальные романтики неоправданно тешат себя и окружающих. В то же время, генерал не оспаривал «изнанку войны», ее кровавый и антигуманный характер, однако это принципиально не меняло характера его воззрений. Теоретической

²⁸ Драгомиров М. И. Война и мир гр. Толстого с военной точки зрения // Очерки: разбор «Войны и мира. Русский солдат. Наполеон I. Жанна д'Арк. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1898. С. 3–136. Критика Драгомировым литературных и общественно-политических воззрений Толстого не осталась незамеченной современниками и вызвала отклики, как защищающие позицию генерала, так и осуждающие ее. См.: Гейсман П. А. Граф Л. Н. Толстой и М. И. Драгомиров. СПб., 1897. 95 с.; Лопатин В. А. Граф Л. Н. Толстой и М. И. Драгомиров: (Разбор романа «Война и мир»). Варшава, 1900. 32 с.

²⁹ Толстой Л. Н. Офицерская памятка // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 34. Произведения 1900–1903. М., 1952. С. 284.

³⁰ Толстой Л. Н. Письмо А. М. Кузминскому (13–15 ноября 1896 г.) // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 69. Письма 1896. М., 1954. С. 205–207.

³¹ Толстой Л. Н. Carthago delenda est (1896). История писания и описание рукописи // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 39. Статьи 1893–1898. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 256–257.

основной мировоззренческих принципов Драгомирова, на наш взгляд, послужили популярные направления в современной ему философской и социологической мысли, в частности, биологизм, социал-дарвинизм, волюнтаризм и утилитаризм.

Список литературы

- Бескровный Л. Г.* М. И. Драгомиров // Драгомиров М. И. Избранные труды. М., 1956. С. 3–39.
- Гейсман П. А.* Граф Л. Н. Толстой и М. И. Драгомиров. СПб., 1897. 95 с.
- Гусева О. Г.* Эволюция взглядов военных мыслителей России на войну как общественное явление (Последняя четверть XIX — первая четверть XX века). автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 35 с.
- Драгомиров М. И.* Военные заметки. СПб., 1894. 30 с.
- Драгомиров М. И.* Возражение на письмо г. Блюха г. Антимилитариста и Ответ г. Антимилитаристу // Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: Сб. ориг. и пер. ст. М. И. Драгомирова за 1895–1905 гг.: В 2 т. Кн. 1. СПб., 1909. С. 137–146.
- Драгомиров М. И.* Значение воли в жизни народов // Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: Сб. ориг. и пер. ст. М. И. Драгомирова за 1895–1905 гг. В 2 т. Кн. 1. СПб., 1909. С. 17–42.
- Драгомиров М. И.* Открытое письмо г. Блюху. По поводу его сочинения // Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: Сб. ориг. и пер. ст. М. И. Драгомирова за 1895–1905 гг. В 2 т. Кн. 1. СПб., 1909. С. 131–137.
- Лобов В. Н.* Русский военный мыслитель и педагог // Военная мысль. 1990. № 2. С. 43–51.
- Лопатин В. А.* Граф Л. Н. Толстой и М. И. Драгомиров: (Разбор романа «Война и мир»). Варшава, 1900. 32 с.
- Лукомский А. С.* Очерки моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 83–109.
- Лукомский А. С.* Очерки моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 48–74.
- Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957. 387 с.
- Паиков В. И.* Военно-педагогическое наследие генерала М. И. Драгомирова // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 3. С. 161–163.
- Толстой Л. Н.* Письмо П. И. Бартеневу (Августа первая половина 1868 г.) // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 61. Письма 1863–1872. М., 1953. С. 204.
- Толстой Л. Н.* Письмо А. М. Кузминскому (13–15 ноября 1896 г.) // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 69. Письма 1896. М., 1954. С. 205–207.
- Толстой Л. Н.* Офицерская памятка // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 34. Произведения 1900–1903. М., 1952. С. 284–290.
- Толстой Л. Н.* Carthago delenda est (1896). История писания и описание рукописи // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 39. Статьи 1893–1898. М., 1956. С. 256–257.
- Юдин С. С.* Генерал М. И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации 1881 г. // Российская история. 2016. № 6. С. 46–55.

Nikolay Yuryevich NIKOLAEV

Ph. D. in History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Assistant Professor (*dotsent*)
of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of the Volzhsky Politechnical Institute (Volzhsky, Russia)

E-mail: nikkam@mail.ru

«War is disgusting, but inevitable...»:

M. I. Dragomirov about war and eternal peace

The article reveals the position of the famous military and statesman of the late XIX — early XX centuries M. I. Dragomirov on the problems of war and peace. Dragomirov's views were formed under the influence of contemporary socio-political and philosophical thought, which popularized the ideas of social Darwinism, voluntarism and biology. War, a General was evaluated as natural, inevitable, due to human nature and social phenomenon. At the same time, he recognized the brutal and inhumane nature of armed conflicts. However, the establishment of eternal peace Dragomirov considered the end of human civilization, as the war, even taking into account their huge sacrifices and destruction contributed to the socio-cultural and scientific and technological progress of mankind.

Keywords: M. I. Dragomirov, journalism, war, peace, militarism.

УДК 94 (47) 084.3

ББК 63.3 (2) 611

Алексей Павлович ПАВЛЕНКО

кандидат исторических наук, преподаватель, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

E-mail: Pavlenko-09@yandex.ru

ВОЕННЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ ЗИМОЙ 1917–1918 гг.: КАЗУСЫ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ФЛОТА¹

В статье рассматриваются случаи использования на красном Черноморском флоте старой дореволюционной символики в декабре 1917 — январе 1918 г. В этот период имели место групповое награждение офицеров солдатскими Георгиевскими крестами, присвоение по решению совета депутатов офицерского чина, использование печати с двуглавым орлом судовым комитетом.

Ключевые слова: Революция 1917 г., государственный символ, военный символ, Черноморский флот, Георгиевский крест, офицер.

Революция 1917 г. сопровождалась коренным изменением всей системы символов: государственных, военных, политических. Этот процесс напрямую затронул вооруженные силы, в том числе флоты. Изучению символов революции и конфликтов вокруг них посвящены известные работы Б. И. Колоницкого².

Новые данные исторических источников позволяют уточнить некоторые вопросы использования старой символики и несколько откорректировать уже существующие представления. Именно этому будет посвящено наше микроисторическое исследование. В фокусе нашего внимания будут три исторических казуса, связанных со «старыми» государственными символами, воинскими наградами и офицерскими чинами на красном Черноморском флоте в декабре 1917 — январе 1918 г.

Казус первый: офицерский чин. В течение 1917 г. матросская масса, прежде всего на Балтике, требовала отмены различных привилегий офицеров и даже воинских чинов. Некоторое время после прихода

¹ Выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-09-00081 «Старое» русское морское офицерство после 1917 г.: сплошное картографическое исследование)

² *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.

к власти большевиков офицерские чины еще сохранялись. Более того, производство в офицерские звания использовалось в качестве поощрения. 21 ноября 1917 г.³ на Всероссийском съезде военного флота было принято решение наградить производством в более высокие чины трех руководителей красного флота: капитан 1 ранга М. В. Иванов был произведен в контр-адмиралы, мичман Ф. Ф. Раскольников (Ильин) — в лейтенанты, машинный унтер-офицер И. И. Вахрамеев — в мичманы военного времени (вскоре произведен в лейтенанты⁴). Было предложено дать офицерский чин и П. Е. Дыбенко, однако он демонстративно отказался⁵.

16 декабря 1917 г. был принят декрет «Об уравнивании в правах всех военнослужащих». Первый пункт этого акта гласил:

Все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются⁶.

Однако уже после выхода декрета состоялось «демократическое» производство на Черноморском флоте, уже признавшем советскую власть. Приказом командующего транспортной флотилии Черного моря № 1516 от 24 декабря 1917 г. лейтенант Владимир Сергеевич Золотухин был произведен через чин в капитаны 2 ранга с 18 декабря 1917 г. Основанием для приказа о присвоении В. С. Золотухину нового звания послужило решение Исполнительного комитета совета матросских и офицерских депутатов Одесского порта, принятое 18 декабря 1917 г.⁷ Отметим, что ни у командующего транспортной флотилией, ни у исполкома не было формальных прав для такого производства.

Незадолго до этого, 24 ноября 1917 г., лейтенант отряда средств высадки В. С. Золотухин был избран товарищем председателя Исполни-

³ Все даты по старому стилю.

⁴ Приказы о производстве И. И. Вахрамеева имеют путаницу в датах. 21 ноября 1917 г. он был произведен в лейтенанты, 22 ноября того же года — в мичманы (именно так). К. Б. Назаренко считает, что эти «приказы датированы задним числом. Не исключено, что пронумерованные, но по какой-то причине не датированные приказы складывались в стопку, а затем в спешке на них были проставлены даты в том порядке, в каком они лежали на столе, то есть в порядке, обратном относительно нумерации» (*Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 72).

⁵ *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой Мировой войны. М., 2018. С. 126–128; *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 72.

⁶ Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* М., 1942. С. 136.

⁷ Научно-справочная библиотека РГАВМФ. Приказы командующего транспортной флотилии Черного моря. 1917 год. Л. 390.

тельного комитета совета матросских и офицерских депутатов⁸. Очевидно, присвоение чина капитан 2 ранга было наградой со стороны исполкома для революционного офицера. Вскоре последовал и карьерный рост. 21 декабря 1917 г. на общем собрании военных и вольнонаемных моряков транспортной флотилии командующим соединения был избран матрос А. Попов, а на период его нахождения в отпуске временным командующим по решению собрания стал В. С. Золотухин⁹. 23 декабря 1917 г. он официально сменил на посту командующего капитана 1 ранга В. Ф. Волькенау, издав соответствующий приказ № 1494¹⁰. Таким образом, приказ командующего о производстве В. С. Золотухина в капитаны 2 ранга подписал он сам.

Обращает на себя внимание хронология событий. Декрет с нормой об отмене чинов был опубликован 17 декабря 1917 г. (на следующий день после подписания)¹¹. 18 декабря исполком Совета депутатов принял решение о повышении в чине В. С. Золотухина, 24 декабря оно было оформлено приказом по флотилии. В условиях расстройств коммуникаций информация о принятии соответствующего декрета могла просто не дойти в короткий срок до Одессы.

Казус второй: Георгиевские кресты для офицеров. 24 июня 1917 г. Временным правительством было принято решение о возможности награждать офицеров армии солдатскими Георгиевскими крестами «за подвиги личной храбрости и доблести». 25 июля 1917 г. эта норма была распространена на военно-морской флот. Решение о награждении должна была принимать команда («за» должны высказаться не менее двух третьих личного состава)¹².

По оценкам Б. И. Колоницкого, Георгиевский крест в 1917 г. сохранял статус престижной награды. Однако среди матросов и солдат параллельно развивалось движение с требованием отказаться от орденов и медалей. После установления советской власти вручение орденов еще какое-то время продолжалось. Но 28 ноября 1917 г. Морская коллегия постановила временно приостановить любые награждения¹³. Декрет «Об уравнивании в правах всех военнослужащих» окончательно отменил все старые ордена и знаки различия¹⁴.

⁸ Там же. Л. 376 об.

⁹ Там же. Л. 388, 389 об.

¹⁰ Там же. Л. 388 об.

¹¹ Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах. С. 136.

¹² Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 141–142.

¹³ Там же. С. 141–153.

¹⁴ Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах. С. 136.

Однако не все следовали нормам этого декрета. 2 января 1918 г. приказом «по речным силам на Дунае и войскам гирл Дуная» № 8 комиссар речных сил на Дунае утвердил награждение Георгиевским крестом 4-й степени шести офицеров. Решение об их награждении было принято в период с 17 по 23 декабря 1917 г. на заседаниях георгиевской думы при начальнике речных сил на Дунае. За отличие в делах против неприятеля кресты получили:

1. Начальник речных сил на Дунае вице-адмирал Дмитрий Всеволодович Ненюков;
2. Штаб-офицер для связи при штабе 6-й армии лейтенант Людомир Станиславович Адамович;
3. Старший флаг-офицер по оперативной части штаба лейтенант Николай Николаевич Яковлев;
4. Обер-офицер сухопутного отдела штаба штабс-капитан Лев Георгиевич Карузо;
5. Флаг-офицер по распорядительной части поручик Андрей Андреевич Чайковский;
6. Командир посыльного судна «Нагенмор» подпоручик по адмиралтейству Михаил Петрович Артемьев¹⁵.

Особенно обращает на себя внимание получение солдатского Георгиевского креста Д. В. Ненюковым. В революционном 1917 г. этот адмирал пользовался авторитетом и уважением среди подчиненных. В апреле 1917 г. командующий Черноморским флотом А. В. Колчак решил перевести Д. В. Ненюкова с Дуная, где последний занимал должность начальника Экспедиции особого значения. За оставление адмирала в прежней должности дружно выступили комитет офицерских, солдатских и рабочих депутатов Килии, офицерская корпорация и союз моряков торгового флота экспедиции¹⁶. Сам Д. В. Ненюков так описал в мемуарах обстоятельства своего награждения:

Революционный комитет сейчас же избрал триумвират из солдата, матроса и прапорщика Нижерадзе, которые приняли у меня бразды правления. Из этих трех лиц самый несимпатичный был прапорщик, который явно стремился к провокации всех начальников, но, по счастью, ему этого не удалось. По его проискам сейчас же была назначена ревизия дел штаба, которой никаких упущений обнаружить не удалось. Наоборот, чины штаба, собравшись на пленарное заседание, решили мне преподнести по правилам, изданным

¹⁵ РГАВМФ. Ф. Р-1477. Оп. 1. Д. 548. Л. 92.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 283. Л. 103–107, 111–112.

Керенским, солдатский Георгиевский крест. Прапорщик скрежетал зубами, но все же был вынужден подписать мой патент¹⁷.

Казус третий: гербовый орел. Б. И. Колоницкий подробно описал процесс отказа от старых государственных символов в 1917 г., прежде всего, двуглавых орлов. В начале революции орлы с императорскими коронами нередко просто уничтожались. Временное правительство стало использовать изображение нового орла, лишённого монархических атрибутов. Большевики, решительно отказавшись от старых символов, иногда вынужденно использовали изображение двуглавого орла без корон¹⁸.

Об одном интересном случае использования старого символа свидетельствует документ РГАВМФ. 31 января 1918 г. судовой комитет транспорта «Дон», находившегося в Николаеве, выдал удостоверение с положительной характеристикой военному моряку (бывшему прапорщику) Тихону Андреевичу Балашеву¹⁹. Особое внимание привлекает печать судового комитета, которой заверен документ. Она представляет собой двуглавого орла (без монархических символов), за спиной которого два перекрещенных якоря. Для печатей судовых комитетов было характерно использование изображений якорей. Печать судкома «Дона» уникальна тем, что это необычный гибрид «демократического» орла и ставших традиционными для комитетов символа. Причем в конце января 1918 г. использование такой печати еще допускалось органом демократической власти революционных матросов.

В течение 1917 г. революционные символы вытесняли старую государственную и национальную символику. Очень ярко этот процесс проявился на флоте и в армии: отказ от погон, наград, званий, Андреевских флагов и т. д. Большевики, придя к власти, завершили разрыв со «старорежимной» символикой. Однако рассмотренные нами примеры показывают, что этот процесс был более сложным и продолжительным. Вручение дореволюционных наград и производство в чины продолжалось на Черноморском флоте даже после их официальной отмены советской властью. В описанных случаях матросы рассматривали это не как пережиток прошлого, а как почетную награду для офицеров, пользующихся их доверием. Использование же двуглавого орла с якорями — яркий пример свободного творчества, возможного в условиях революции.

¹⁷ Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920. М., 2014. С. 260.

¹⁸ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. С. 81–94.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. Р-1477. Оп. 1. Д. 548. Л. 496.

Список литературы

- Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: 6. и., 1942. С. 136.
- Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: Остров, 2001. 84 с.
- Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 350 с.
- Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой Мировой войны. М.: Яуза-каталог; Якорь, 2018. 384 с.
- Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М.: Квадрига; Русская панорама, 2011. 488 с.
- Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920 / Вступ. ст. и примеч. А. В. Посадского. М.: Кучково поле, 2014. 528 с.

Aleksey Pavlovich PAVLENKO

Candidate of Historical Sciences,
lecturer of Russian State Vocational Pedagogical University

E-mail: Pavlenko-09@yandex.ru

Military and state symbols on the Black Sea Fleet in the winter of 1917–1918: cases of the history of the revolutionary fleet

The article discusses the use of the old pre-revolutionary symbols in the Red Black Sea Fleet in December 1917 — January 1918. During this period, there were a group of officers awarded St. George Crosses, assignment of an officer rank by council of deputies, use of a seal with a double-headed eagle by a ship committee.

Keywords: The revolution of 1917, state symbol, military symbol, Black Sea Fleet, St. George Cross, officer.

УДК 94 (47).929
ББК 63.3 (2) 612.8

Дарья Ивановна БОЛОТИНА

кандидат культурологии, независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: dibolotina@gmail.com

СУДЬБА РУССКОГО ОФИЦЕРА И ЕГО АРХИВА. НИКОЛАЙ РАЕВСКИЙ: НОВЫЕ НАХОДКИ

Статья посвящена биографии Н. А. Раевского — офицера Русской императорской и Белой (ВСЮР) армий, пушкиниста, биолога, писателя, мемуариста, — и истории его уникального архива, в результате событий Второй Мировой войны и ареста в 1945 г. автора органами НКВД разделённого на несколько частей. Большая часть архива Н. А. Раевского попала в 1940-е гг. из Чехословакии в СССР, где оказалась распределена между спецхраном ЦГАОР (ныне ГАРФ) в Москве и Рукописным отделом Пушкинского Дома в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге). При этом небольшая, но значимая часть архива осталась в Чехословакии, и в настоящее время её местонахождение неизвестно. В статье анализируется ряд находок, которые удалось сделать в конце 2018 — начале 2019 г. в фонде Н. А. Раевского, отложившемся в ГАРФ и не привлекавшем ранее внимания исследователей. Рассматриваются также вопросы введения в научный оборот ранее неизвестных сочинений Н. А. Раевского, включая устные мемуары и переписку, хранящиеся в домашнем архиве его падчерицы, проблемы издания и переиздания его работ и перспективы поиска и реконструкции недостающей части архива.

Ключевые слова: Н. А. Раевский, Белое движение, пушкинистика, Русский заграничный исторический архив.

В нынешнем 2019 году исполнилось 125 лет со дня рождения выдающегося русского офицера, писателя и учёного Николая Алексеевича Раевского. Спектр талантов этого уникального человека необычайно широк, а его богатейший вклад в различные области науки и культуры до сих пор не изучен и не оценен до конца. В частности, потому, что до последнего времени оставался неизвестен даже специалистам ряд крупных его работ. Именно находка в нынешнем году в Государственном архиве Российской Федерации сразу нескольких трудов Н. А. Раевского и послужила поводом к написанию настоящей статьи. Но обо всём по порядку.

«Артиллерист, биолог, писатель» — рекомендовался когда-то сам капитан Раевский, по врождённой деликатности сильно сокращая список многообразных своих талантов. В действительности он был и артиллеристом, и математиком, и биологом со специализациями одновременно в таких непохожих областях, как энтомология и гематология, и филоло-

гом, знавшим восемь языков, и переводчиком, и историком литературы, введшим в научный оборот неизвестные данные о Пушкине и его окружении, и источниковедом, открывшим миру неизученные исторические документы, и военным историком и, наконец, литератором — публицистом, мемуаристом, романистом.

Однако даже этим перечень всё ещё не исчерпывается. Внимательное изучение недавно обнаруженных рукописей Н. А. Раевского позволяет говорить о том, что до настоящего времени он не оценён как серьёзный русский мыслитель, подвергший глубокому анализу духовно-историческую ситуацию в России конца XIX — первой четверти XX в. Осмысление им отечественной истории и её катастрофы (Русской смуты начала XX в.) в воспоминаниях и повестях может быть поставлено наряду с работами религиозных философов, таких, как И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.

Наконец, в истории русской культуры XX в., буквально расколотив на две — зарубежную и (под)советскую — Николай Раевский выступает как фигура объединяющая, очищающая и скрепляющая их в единую истинную русскую культуру: без советского антиисторизма, без компромиссов с совестью, но и без болезненного фанатизма или чувства собственной исключительности, присущего некоторым эмигрантам. Всё, что писал, о чём размышлял Николай Алексеевич, выходило предельно честно, искренне, с глубоким внутренним переживанием ответственности за то, что он оказался одним из деятельных со-творцов истории (а не только свидетелем русской катастрофы). Из такого чувства исторической ответственности вытекала острая потребность сохранить и максимально правдиво, без приукрашивания той или иной стороны, транслировать будущим поколениям русских людей правду об их истории.

Такая возможность соединения в личности и судьбе Н. А. Раевского разорванного полотна русской истории и культуры появилась по двум причинам. Во-первых, благодаря его чрезвычайно долгой жизни — 94 с половиной года, насыщенных невероятными событиями и напряжённым творческим трудом. А, во-вторых, благодаря тому, что во весь этот почти вековой срок Николай Алексеевич оставался человеком не просто принципиальным и кристально порядочным, но, главное, невероятно цельным. Отсюда — и глубина духовно-исторического анализа происходящего, и обостренное чувство моральной ответственности, и предельная правдивость и точность.

Вот как сам он описывал свой жизненный путь¹.

¹ Автобиография не имеющего гражданства Раевского Николая Алексеевича // Семейный архив Е. И. Беликовой

Родился 30 июня (ст. стиля) 1894 года в городе Вытегре Вологодской области. По национальности русский. Происходит из рода Раевских, внесенного в III часть родословной книги бывшей Петербургской губернии. Дворянское достоинство было пожаловано в 1848 году прадеду Николаю Федоровичу Раевскому, известному духовному писателю своего времени. <...> В 1913 году, окончив Каменец-Подольскую классическую гимназию с золотой медалью, поступил на естественное отделение физико-математического факультета [бывшего] Санкт-Петербургского университета. Пройдя 2 курса, 1 мая 1915 г. добровольцем поступил в Михайловское артиллерийское училище. По окончании 3-го ускоренного курса 1 ноября 1915 г. произведен в прапорщики полевой легкой артиллерии. Состоял в 3 батареях 1 Финляндского горного артиллерийского дивизиона, где занимал должность младшего офицера, участвовал в боях против австрийцев и германцев на Юго-Западном и Румынском фронтах. В 1916 году произведен в чин подпоручика, в 1917 году — в чин поручика. За боевые отличия награжден орденами Анны 4 степени с надписью «За храбрость», Станислава 3 степени и Анны 3 степени. В феврале 1918 г. по демобилизации армии ушел в запас. С февраля по август 1918 года проживал в городе Лубнах. С 19 марта 1918 г. состоял младшим офицером артиллерийского взвода при офицерском добровольческом отряде, носившем наименование Лубенского куреня. В сентябре 1918 г. добровольно вступил в сформировавшуюся на Дону Южную армию генерала Иванова². В составе второй батареи 1-й артиллерийской бригады названной армии участвовал в боях против частей Красной армии в бывшей Воронежской губернии в ноябре 1918 года. По расформировании Южной Армии в феврале 1918 г. перешел в составе своей части в Добровольческую армию генерала Деникина. Батарея была переименована в четвёртую батарею Дроздовской артиллерийской бригады. В качестве младшего офицера (командира орудия) этой батареи участвовал в боях против Красной армии. В 1919 и 1920 г. вместе с своей частью прибыл в марте 1920 г. в Крым и участвовал в боях против Красной армии в Северной Таврии. В 1919 г. был произведен в общем порядке в чин штабс-капитана, в 1920 г. в чин капитана. 1 ноября 1920 г. в составе армии генерала Врангеля уехал из г. Севастополя за границу. До 1 сентября 1921 г. находился в лагере армии у г. Галлиполи (Греция)³. 4 сентября 1921 г. в составе своей части на пароходе «Решид-Паша» прибыл в Болгарию. Батарея была расквартирована в городе Орхание (Северная Болгария). По расформировании армии генерала Врангеля в сентябре 1922 года проживал в городах Орхание и Софии. Давал частные уроки иностранных языков. 4 апреля 1924 года прибыл в город Прагу (Чехословакия) и поступил на естественный факуль-

² Речь идёт о генерале Николае Иудовиче Иванове, который в начале Первой мировой войны командовал Юго-Западным фронтом.

³ Н. А. Раевский указывает государственную принадлежность полуострова Галлиполи на период, в который была составлена «Автобиография». В 1920–1921 гг., в период пребывания частей Русской армии генерала П. Н. Врангеля в Галлиполи, территория полуострова формально относилась к Греции (согласно Севрскому договору 1920 г.), но в 1923 г. она возвращена Турции (по Лозанскому договору).

тет чешского Карлова университета, получив стипендию чехословацкого правительства. Одновременно состоял слушателем Французского института в Праге, который окончил 24 июня 1927 года. Представив диссертацию и выдержав установленные экзамены, получил 24 января 1930 г. ученую степень доктора естественных наук. С февраля 1930 г. по сентябрь 1934 г. давал частные уроки иностранных языков и занимался переводами медицинских работ для Государственного гигиенического института Чехословакии и ряда научных обществ. С октября 1934 г. по 31 декабря 1940 г. состоял помощником библиотекаря Французского Института. Продолжал давать частные уроки и делать переводы научных работ по медицине и естествознанию. С 1 января 1941 г. по 13 мая 1945 г. проживал безвыездно в г. Праге, давал частные уроки русского и иностранных языков. В политических партиях как в России, так и за границей не состоял. С апреля 1924 г. до апреля 1945 г. состоял членом Галлиполийского землячества в Праге (объединение б<ывших> офицеров и солдат армии генерала Врангеля, входившего в Русский общевоинский союз). В 1924 и 1925 г. был членом правления указанной организации. Иностранного подданства не принимал и в иностранных армиях не служил. Проживал по паспортам, установленным для русских эмигрантов. В браке не состоит и не состоял. Внебрачных детей не имеет. 21 июня 1941 г. был арестован чинами гестапо и находился в германской тюрьме в Праге до 16 августа того же года. При освобождении взята подписка о невыезде из Праги. 13 мая 1945 г. арестован в своей комнате в Праге советскими властями. 15 июля 1945 г. в г. Бадене у Вены военным трибуналом Центральной группы войск приговорён по ст. 58-й кодекса РСФСР к 5 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и 3-м годам поражения в правах. Отбывал заключение в лагерях на Украине, а с ноября 1949 г. — в Краслаге. Освобождён 9 мая 1950 г., местом проживания избран г. Минусинск. 26 мая 1950 г. по настоящее время состоит лаборантом городской больницы имени 5-го Съезда советов. Проживает по виду на жительство в СССР для лиц без гражданства, п. № 190.428, выданному ОВИР управления милиции Красноярского края 30 сентября 1951 г. В феврале 1954 г. возбудил ходатайство о принятии в советское гражданство. Владеет хорошо языками французским, немецким и чешским, понимает английский, итальянский и болгарский, знает латинский в объеме курса гимназии. Опубликовал собственные печатные работы по зоологии. Занимался пушкиноведением и обнаружил ряд новых материалов для биографии поэта. Ссылка на них имеется в 7-м томе временника «Пушкин» и в 15-м томе академического издания Пушкина.

Дополним эти сведения: в 1950–1961 гг. Николай Алексеевич заведовал клинико-диагностической лабораторией Минусинской больницы. Далее переехал в Алма-Ату, где погрузился в писательскую работу над пушкинской темой (впервые он обратился к ней ещё в эмиграции, в 1931 г.), одновременно состоя на государственной службе. В 1961–1977 гг. Н. А. Раевский — научный сотрудник Казахского института клинической и экспериментальной хирургии. Автор книг «Если заговорят портреты», «Портреты заговорили», «Друг Пушкина — Павел Воинович Нащокин», «Джафар и Джан», «Последняя любовь поэта»,

«Жизнь за Отечество», а также вышедших уже посмертно, в постсоветскую эпоху, исторических повестей, или, лучше сказать, «олитературенных» мемуаров «Добровольцы. Повесть крымских дней», «Дневник галлиполийца», «1918 год».

Неудивительно, что человек столь разносторонний и так напряженно творчески работавший (статьи, мемуары, научные труды, переводы и др.) всю жизнь, оставил после себя колоссальное творческое письменное наследие. Судьба архива Н. А. Раевского, как и судьба его самого, сложилась удивительно. Как и сам капитан, архив неоднократно подвергался смертельной опасности, но в итоге чудом сохранялся, во всяком случае, в значительной своей части. Хотя не всегда об этом знал автор.

Так, большую часть своих работ, а также дневников, привычку вести которые усвоил с детства, Н. А. Раевский, живя в межвоенный период в Чехословакии, постепенно продавал в Русский заграничный исторический архив (РЗИА). Вот как он рассказывал об этом в начале 1980-х гг., когда, почувствовав, что стремительно теряет зрение, записал на магнитофон обширные воспоминания о своей эмигрантской жизни и озаглавил их «Годы скитаний»:

<Во второй половине 1931 г. мне> пришлось расстаться с очень ценной для меня рукописью «Дневник галлиполийца», который я вел исправно во время всего нашего галлиполийского сидения. Мне было ясно, что это интересный исторический документ. Я подумывал даже о возможности его издать, но, списавшись с отцом (все это происходило несколькими месяцами раньше, когда переписка была еще возможна), я понял, что издавать эти записки было бы небезопасно для оставшейся в Каменце семьи. И я написал папе — это одно из моих последних писем — что я решил продать дневник Русскому архиву. Кстати сказать, представитель этого учреждения, разыскивавший интересные документы, давно уже мне сделал соответствующее предложение, но я первоначально отказался. Теперь медлить было нельзя⁴.

В 1935–1936 гг. РЗИА приобрёл у Николая Алексеевича ещё несколько работ:

Я был здоров, относительно молод, хорошо питался, и все это позволяло мне работать очень энергично по многу часов в сутки и сразу по нескольким направлениям. В эти годы я приступил к систематической обработке моих более ранних дневников. Я снабжал их примечаниями и необходимыми дополнениями, опытная машинистка переписывала их, и постепенно я продавал эти работы Русскому заграничному историческому архиву. Некоторые мне советовали хранить их у себя до лучших времен, когда бы их можно опубликовать, но я в наступление этих лучших времен верил все меньше

⁴ *Раевский Н.* Воспоминания. Годы скитаний. Кассета № 8. Дорожка № 1 // Личный архив Е. И. Беликовой.

и меньше и продолжал свою работу. Наиболее значительной по объему была машинопись, которой я дал название «Русский гарнизон в Болгарии». Это был очень подробный дневник, который я вел в годы, проведенные в городке Орхание. Насколько я помню, машинопись заключала примерно триста пятьдесят страниц нормального формата. К большому моему сожалению германцы после оккупации Чехословакии изъяли ее из архива, увезли к себе и работа эта, представлявшая, несомненно, некоторую историческую ценность, почти наверное безвозвратно пропала⁵.

Трудно сказать, почему Николай Алексеевич сделал такой вывод относительно «Русского гарнизона»... Но до конца жизни и эту рукопись, и другие свои дневники и повести, проданные в РЗИА, он считал утерянными. Его падчерица Елена Ивановна Беликова вспоминала, что некоторые из них уже в 1970–1980-х гг. Николай Алексеевич пытался восстановить по памяти. Тем не менее, они не пропали, а были вывезены советскими войсками из Праги в Москву в качестве трофея в 1945 г. в числе других материалов РЗИА. Николай Алексеевич не дожил буквально полгода-год до снятия с фондов бывшего РЗИА грифа секретности и не узнал, что ошибался, безнадежно похоронив основную часть своих работ.

Гораздо плачевнее сложилась судьба другого корпуса документов, главную часть которых составлял практически готовый двухтомный труд «Пушкин в Эрзерумском походе». В конце Второй Мировой войны Николай Алексеевич его передал на хранение знакомому доктору-п्राжанину. Однако в ходе послевоенных событий в Восточной Европе эти портфели пропали. Во всяком случае, попытки Н. А. Раевского найти их или их следы в Праге в 1980-х гг. успеха не принесли.

Больше всего повезло сравнительно небольшой части архива, относящейся к пушкиноведению. Она включала в себя найденные Николаем Алексеевичем за границей письма Пушкина, дневник Д. Ф. Фикельмон о дуэли Пушкина с Дантесом, копии бумаг и фотографий из замка Бродзяны, где жила сестра Н. Н. Гончаровой Александра Николаевна, и т. д., а также статьи самого Раевского, на основе которых он впоследствии издал свои замечательные книги «Если заговорят портреты» и «Портреты заговорили». Все эти материалы Н. А. Раевский, уже будучи арестованным, сумел отослать в Пушкинский Дом, куда затем писал с этапа:

Львов, п/я № 6, 18 февраля 1946 г. Глубокоуважаемый гражданин директор!!! Я был очень обрадован на днях официальным извещением о том, что мое письмо получено Пушкинским Домом. Относительно моих пушкинских материалов Вы получите ответ здешних властей, которым я дал все необходимые сведения. На всякий случай повторю их еще раз в настоящем частном

⁵ Там же. Кассета № 9. Дорожка № 4.

письме. Взятые у меня в Праге папки были просмотрены следственными органами в Дрездене в конце июня 1945 г. Когда выяснилось, что к моему делу эти бумаги не имеют отношения, я попросил переслать их в Пушкинский Дом, так как везти с собой дальше огромную и тяжелую связку я не мог. Мне была предоставлена возможность привести бумаги в порядок, снабдить папки примечаниями и написать препроводительное заявление в Пушкинский Дом. Следователь капитан Плясков любезно взял на себя труд организовать пересылку бумаг в Ленинград. Я надеялся поэтому, что мои материалы давно Вами получены. По-видимому, однако, пересылка оказалась тогда технически неосуществленной, и я думаю, что связка и по сие время находится в архиве Центральной группы войск. Капитан Плясков отнеся, во всяком случае, к моей просьбе с чрезвычайной внимательностью, и я не сомневаюсь в том, что бумаги так или иначе сохранены. Наиболее ценные документы (в том числе копии нового письма Пушкина и выписка из дневника гр. Фикельмон) были в свое время переписаны на машинке в нескольких экземплярах, один из которых депонирован за границей в надежном месте (в запечатанном пакете). Он должен был сохраниться несмотря на все чрезвычайные обстоятельства. Большая часть бумаг, в том числе ценные заметки, сделанные в замке А. Н. Гончаровой-Фризенгоф, имеются только в одном экземпляре, и восстановить их было бы невозможно. Прибавлю еще, что тогда же, в июне месяце, я доложил следственным властям в Дрездене о необходимости принять меры по охране замков в г. Теплиц (князя Кляри-и-Альдринген) и деревни Бродяны (*Brodiany*), где жила и умерла Александра Николаевна. Кроме того, я, по предложению представителя военного трибунала Центральной группы войск в г. Баден (*Baden bei Wien*), подал ему 16 июля 1945 г. подробное мотивированное заявление по тому же предмету. Я всячески старался сохранить для науки те ценные материалы, которые мне удалось разыскать, и, думаю, что в моем положении больше сделать не мог <...> Как сложится моя личная судьба, мне совершенно неизвестно, но я считаю своим долгом перед русской культурой сохранить так или иначе то, что мне удалось путем упорного труда разыскать и узнать. К сожалению, мой отъезд из Праги навсегда прервал исследования, от которых я был вправе ожидать дальнейших существенных результатов⁶.

К счастью, и тут Н. А. Раевский ошибся: его пушкиноведческие исследования были прерваны лишь на время. Их успешное возобновление стало возможным, в том числе, благодаря тому, что Пушкинский Дом сохранил присланные из Праги материалы. (Сегодня они составляют одну из жемчужин собрания этого замечательного исследовательского института.)

Наконец, четвёртая часть архива Н. А. Раевского сохранилась в семье его падчерицы Е. И. Беликовой — в основном, разумеется, послевоенные материалы, включая восстановленные по памяти взамен

⁶ Владимир Блеклов. Подвиг Николая Алексеевича Раевского // Проза.ру <электронный ресурс>. URL: <https://www.proza.ru/2012/01/07/1171>. Дата обращения 29.10.2019 г.

оставшихся в Праге. Тем не менее, родственники с лёгкой руки самого Н. А. Раевского после его смерти продолжали считать утраченным почти весь архив эмигрантского периода, несмотря на то, что друг Николая Алексеевича О. И. Карпухин нашёл и смог издать три повести, которые Раевский писал в эмиграции — «Дневник галлиполийца», «1918 год», «Добровольцы» (сначала, в девяностых, в журнальном варианте, а в 2010 г. — отдельной книгой под названием «Неизвестный Раевский»). Их рукописи Карпухин обнаружил в именном фонде Н. А. Раевского в ГАРФ, откуда, в свою очередь, материалы поступили из РЗИА. Но этот, достаточно обширный (260 единиц хранения) архивный фонд долгое время не привлекал должного внимания исследователей. А если и привлекал, то обращавшиеся к нему лица ограничивались просмотром только машинописных материалов, игнорируя рукописи — вероятно, по причине не всегда разборчивого почерка Н. А. Раевского.

Всё это не может не вызвать удивления, ведь даже краткое описание фонда Раевского (Р-5840) в архивном путеводителе производит впечатление: личные документы, дневники, обширная переписка с самыми разными корреспондентами, извещения, приказы, циркулярные письма от правления и начальника Галлиполийского землячества, статьи Николая Алексеевича и сделанные им переводы, фотографии, исследования «Пушкин и война» и «Новое о Пушкине», а также копии тех материалов, которые Раевский отослал в 1945 г. в Пушкинский Дом... При этом, судя по тому же описанию фонда, к мемуарным повестям и «Дневнику галлиполийца», оказывается, прилагаются оригинальные документы Гражданской войны! Но самым интригующим казался следующий пункт архивного путеводителя: «Воспоминания Н. А. Раевского о гражданской войне “Рыцари Белой мечты” (1920–1922, рук., с приложением документов и вырезок из газет)».

Таким образом, в центре Москвы, фактически на самом видном месте, долгие годы (даже с момента рассекречивания уже прошло три десятилетия!) лежали нетронутые, никому неизвестные и неисследованные материалы! У автора этих строк из всего описания фонда наибольший интерес, при внимательном размышлении, вызвали именно «Рыцари Белой мечты». Что это? Первый вариант «Добровольцев»? Или, может быть, черновик другой повести — «1918 год»? Или всё-таки совершенно особое, отдельное произведение, ранее неизвестное ни читателям, ни даже узким специалистам?

Серьёзная работа над материалами фонда Р-5840 началась лишь поздней осенью 2018 г., когда в преддверии 125-летия Н. А. Раевского московское издательство «Вече» переиздало под одной обложкой «Добровольцев» и «Дневник галлиполийца» (к сожалению, в сильно сокращённом виде). Результатом этой публикации стало знакомство издателей

с семьёй падчерицы Николая Алексеевича Е. И. Беликовой и обоюдное решение выпустить юбилейное собрание сочинений.

Уже первое совместное с Е. И. Беликовой посещение ГАРФ блестяще подтвердило догадку о том, что «Рыцари Белой мечты» — это неизвестные мемуары Н. А. Раевского о Гражданской войне. Причём, на своё счастье, кроме двух частей «Рыцарей...», я заказала в хранении ещё одну рукопись, также вызывавшую моё любопытство, хотя и более умеренное. В архивной описи она фигурировала под заголовком «Молодежь на войне. Воспоминания офицера об учащих добровольцах». Оказалось, что три эти обширные тетради дополняют друг друга (с незначительными повторами) и вместе как раз и представляют собой полный текст «Рыцарей Белой мечты», причём снабжённый предисловием, комментариями и другими необходимыми сведениями — фактически подготовленный к печати! Причём к одной из тетрадей были также подшиты в качестве приложения оригинальные документы, в том числе список личного состава батареи, в которой служил Н. А. Раевский в 1920 г. вместе с младшим братом Сергеем.

Разница же в заглавии объяснялась довольно просто: рукопись автор продавал в Пражский архив не одновременно и по частям. Помощь в уточнении этого вопроса оказала расшифровка устных мемуаров «Годы скитаний». Рассказывая о периоде 1935–1936 гг., Н. А. Раевский вспоминал:

В свое время, уезжая из Болгарии, я передал на сохранение одному лицу, казавшемуся мне вполне надежным, большую рукописную работу, носившую название «Учащиеся и война». Название было не точным, потому что речь шла, насколько я помню, об участии учащейся молодежи только в Гражданской войне. Тому же лицу я передал казавшуюся мне интересной переписку с чинами нашей батареи, перешедшими, как говорилось, на трудовое положение, но адресовавшими мне ряд интересных писем, а я в то время заведовал батареейной квартирой в городке Орхания, а по-болгарски Орхане. Оставил я на хранение все тому же лицу и несколько более-менее деликатных документов, которые я на всякий случай не хотел везти через границы. Когда затем я обратился с письмом в Болгарию с просьбой все это переслать мне по почте в Прагу, оказалось, что именуемое мною надежным лицо уехало куда-то, а куда девались мои материалы, не было известно. Я уже считал их пропавшими, но в один удачный день меня вызвали в архив, и, к своему удивлению, я увидел свою рукопись, присланную на продажу. В сопроводительном письме кто-то, решив, что меня уже нет на свете, написал, что рукопись эта принадлежала покойному Раевскому, ну а так как покойный Раевский явился собственной особой в архив, то рукопись была мне возвращена и через некоторое время я без всяких переделок уступил ее за незначительную цену все тому же архиву. Рукопись эту я считаю довольно неудачной, так как это была своего рода литературная проба, и, просмотрев ее,

я остался недовольным формой и содержанием. Переделывать все это было чрезвычайно сложно, и я продал архиву эту работу в том виде, в каком она была возвращена. Письма и документы, представлявшие известный интерес, видимо, пропали безнадежно⁷.

Несмотря на некоторые ошибки памяти: название «Молодёжь на войне» (а не «Учащиеся и война») Н. А. Раевский дал рукописи только в 1941 г., готовя её к продаже в архив, а документы-приложения всё-таки сохранились — ситуация становилась более или менее ясной. Фразу «я продал Архиву эту работу в том виде, в каком она была возвращена» следовало понимать в том смысле, что автор продал в 1936 г. только начало рукописи — первую тетрадь⁸ в 97 листов. Именно она фигурирует в описях ГАРФ под заглавием «Рыцари Белой мечты». Это первоначальное название воспоминаний Николай Алексеевич почему-то не любил, вероятно, считая его слишком пафосным или сентиментальным (таким же образом он оценивал и сам текст). При этом, как следует из авторского предисловия, полная рукопись «Рыцарей...» хранилась у него самого до весны 1941 г. Вот как он описывает обстоятельства её создания:

Ещё во время похода на Москву я решил, что если останусь жив, напишу книгу об учащих-добровольцах. В Крыму, в перерывах между боями, я начал заносить свои впечатления на бумагу. Образовалась уже порядочная пачка листов, но во время исхода из Севастополя она пропала вместе со всеми моими вещами. В Галлиполи не было времени писать воспоминания. Я приступил к ним в феврале 1922 г. в Орхании (Болгария), где стоял в то время Дроздовский артиллерийский дивизион, и окончил обширную рукопись (1059 страниц) 24 июня 1923 г. в том же городе⁹.

Детальное обследование и сличение трёх частей рукописи позволило выявить следующее: тетрадь, озаглавленная «Молодёжь на войне. Воспоминания офицера об учащих добровольцах»¹⁰ представляет собой в действительности первый, оригинальный экземпляр рукописи 1922–1923 гг. «Рыцари Белой мечты», выполненный химическим карандашом. Кое-где этот экземпляр исправлен или подновлён в местах выцветания карандаша, дополнен комментариями, а также вставками отдельных листов, и снабжён предисловием. Исправления, дополнения, сноски-комментарии в рукописи выполнены красными чернилами поверх химического карандаша. Вставки на отдельных листах, как и титульный лист с новым названием, выполнены чёрными чернилами

⁷ Раевский Н. Воспоминания. Годы скитаний. Кассета № 9. Дорожка № 4.

⁸ ГАРФ. Ф. 5840. Оп. 1. Д. 5г.

⁹ ГАРФ. Ф. 5840. Оп. 1. Д. 5б. Л. II.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5840. Оп. 1. Д. 5б.

на другой бумаге — нелинованной и более качественной, чем линованная бумага 1920-х гг. Пометки красными и вставки чёрными чернилами сделаны в 1941 г. перед продажей рукописи в РЗИА — очевидно, именно для продажи. Название «Молодёжь на войне» дано тогда же, в 1941 г. Первоначальное, самое раннее, название, читающееся по истёршемуся первому экземпляру рукописи — «За белой мечтой»¹¹. Во втором или третьем экземпляре¹² — тот же текст, что и в «Молодёжи...», но не полностью и написанный под копировальную бумагу — читается заглавие «Рыцари Белой мечты».

Таким образом, большая часть данного текста (включая повтор первых 97 листов, проданных в 1936 г.) была передана Н. А. Раевским в Пражский архив в 1941 г. после некоторого переосмысления и дополнительной работы:

Во время составления этих записок обстановка в Болгарии была очень тревожной. Правительство Стамболийского вело гонения против русских. Можно было опасаться обыска и изъятия рукописи. Это заставило меня заменить почти все фамилии псевдонимами. Перечтя теперь свои воспоминания, я всюду, где только позволила память, восстановил действительные фамилии (исключения оговорены в примечаниях). Через восемнадцать лет после окончания записок пришлось сделать немало разъяснений и оговорок, без которых читателю, особенно будущему, некоторые места текста остались бы неясными. Все эти примечания сделаны красными чернилами на полях рукописи. Они составлены в феврале–марте 1941 г. Эта рукопись — по всей видимости, последняя моя работа, посвященная Гражданской войне и Галлиполи. Я счел поэтому полезным написать добавления к некоторым местам моих записок. Они касаются преимущественно Южной армии, о которой имеются в печати лишь крайне скудные сведения, и пребывания 1-го корпуса в Галлиполи. Добавления написаны на отдельных вкладных листах и составлены в то же время, что и примечания¹³.

Кроме этих разъяснений, предисловие проливает свет на взаимоотношения текста «Рыцарей Белой мечты» с другими произведениями автора:

До настоящего времени рукопись «Молодёжь на войне» нигде опубликована не была. Ряд цитат из неё приведен в моих работах «Дневник галлиполийца» и «1918 год», составляющих собственность Русского заграничного исторического архива. В подлинном тексте цитированные места взяты в обыкновенные скобки. Квадратными скобками обозначены цитаты из «Дневника галлиполийца». Часть II^м (стр. 61–188) использована почти вся для работы «1918 год», принадлежащей архиву. Часть VI^м (стр. 493–641)

¹¹ ГАРФ. Ф. 5840. Оп. 1. Д. 5д. Л. 1.

¹² ГАРФ. Ф. 5840. Оп. 1. Д. 5г. Л. 4.

¹³ ГАРФ. Ф. 5840. Оп. 1. Д. 5б. Л. III–IV.

послужила одним из источников для моей повести «Добровольцы», которая приготовлена к печати¹⁴. В отличие от воспоминаний действующие лица, частью списанные с натуры, названы в ней вымышленными именами¹⁵.

При этом уже поверхностный анализ показал, что прямых текстологических совпадений между перечисленными произведениями крайне мало. «Рыцари Белой мечты» — вещь совершенно самостоятельная, к тому же заметно превышающая по объёму «Добровольцев», «Дневник галлиполийца» и «1918 год» вместе взятых. Можно только удивляться, почему ранее эта работа не привлекла внимания специалистов. Скорее всего, это связано с неразберихой вокруг заглавия, последовательности и полноты трёх составляющих произведение тетрадей, проданных автором в архив в разные годы, а также с трудностями при чтении почерка Н. А. Раевского — в отличие от переписанных на машинке дневников, «Добровольцев» и «1918 года», «Рыцари...» существуют только в рукописи, а это свыше тысячи мелко исписанных карандашом страниц.

Так или иначе, перед нами настоящее открытие. Уже с первых страниц стало очевидным, что перед нами — не только интереснейшие мемуары, по красоте и сочности языка и по перечню удивительных событий успешно соперничающие с приключенческими романами, но глубокое историко-философское произведение. Текст поражает глубиной анализа того, что случилось с Россией в годы революции и Гражданской войны. А, значит, мы вправе констатировать ещё одно, может быть, более важное открытие. Перечисляя многочисленные дарования Раевского, необходимо прибавить к ним талант выдающегося философа, мыслителя, к тому же отличавшегося редкой степенью внутренней нравственной ответственности по отношению к тому материалу, который он излагает. Н. А. Раевский считал этот духовно-исторический анализ ни много ни мало своей жизненной миссией. В «Рыцарях Белой мечты» он последовательно осмысляет всё то, чем жили наиболее достойные, искренние и пламенные молодые русские люди в предреволюционную эпоху и особенно в годы Смуты. Он исследует и размышляет над событиями, идеями, над тем, как подготавливалась революция, чем она была в сознании ее современников до того, как произошла, и как ими была воспринята после того, как разразилась, принесла чудовищно ядовитые плоды.

Как-никак, у нас, «слава Богу, был парламент». И то, о чём говорили в белом зале Таврического дворца, относительно свободной печатью разносилось по всей стране. Молодёжь жадно прислушивалась к этим речам и понемногу училась. Училась понимать, что форма и содержание — это

¹⁴ В эмиграции издана так и не была.

¹⁵ ГАРФ Ф. 5840. Оп. 1. Д. 56. Л. IV–V.

не одно и то же. Понемногу за отживающими формами начинала видеть великую свою Родину, училась любить ее и понимать ее интересы. Милюков пишет о проливах <Здесь я допустил анахронизм. П. Н. Милюков писал о проливах уже во время войны. — прим. Н. А. Раевского> <...> Значит, не правительству только, но самой России нужны проливы. И дальше уже все становилось понятным. Добром проливов не отдадут. Значит, неизбежна война и нужна победа... И в седьмом, восьмом классе уже иногда слышались невозможные прежде разговоры. Есть ли у нас тяжёлая артиллерия? Именно у «нас», русских, а не у «царского правительства». Отчего так медленно строят новые броненосцы? Правых не любили, им не верили. Но «левые» ведь в те времена кадеты были пределом допустимого, дальше начинались уже «преступные сообщества, присвоившие и т. д.», раз они говорят о национальных интересах, значит, это так и есть. Постепенно, читая в газетах разных направлений, прислушиваясь к тому, что говорят старшее поколение, споря в своей среде, молодежь становилась политически грамотной. Благодаря этому антигосударственные и антинациональные тенденции проявились всё меньше. Создалась возможность критического отношения к той или иной проповеди. Появилось то, что считалось почти неприличным лишь немного лет тому назад — здоровое национальное самосознание. Да, Государственная дума делала самим фактом своего существования великое дело. Она психологически подготовила тот огромный подъем по всей стране, и, в частности, у молодёжи, который обнаружился с начала войны и для многих был совершенно неожиданным¹⁶.

А затем с любовью, подробно и тщательно, ничего не упуская (даже ошибок), автор рисует панорамное житие тех самых «рыцарей», которые, не испугавшись кровавого революционного хаоса и не сломленные им, ринулись к правде — «за Белой мечтой». Подробный духовно-нравственный портрет того среза русского общества, о котором в те же 1920-е гг. главнокомандующий Добровольческой армией генерал А. И. Деникин скажет:

Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с запада и востока¹⁷.

С удивительной цельностью, бывшей стержневым качеством его натуры, но и с полным пониманием своей ответственности перед Историей — ничего, даже не самого достойного, не замалчивая и не затирая, Н. А. Раевский рисует главные черты своих соратников, «рыцарей Белой

¹⁶ ГАРФ Ф. 5840. Оп. 1. Д. 56. Л. 6 об. — 7.

¹⁷ Деникин А. И. Очерки Русской смуты. Т. 2. Минск, 2002. С. 238.

мечть»: беззаветный патриотизм, жертвенность, любовь к России, предпочтение собственной смерти позору и разрушению любимой Родины, желание быть верными долгу и положить душу свою за други своя.

Когда я вспоминаю эти годы, годы Гражданской войны, скитаний, холода, когда неотвязная мысль, «правы ли», снова и снова бередит совесть, тогда в ответ рождается другая мысль. В наши ряды шла поголовно вся русская учащаяся молодежь, она дала множество офицеров, она дала наиболее стойких, храбрых до безумия солдат, она безропотно гибла в неравной борьбе. Но когда же на протяжении всех русской истории русские учащиеся шли за движением, которое не имело идейной основы? А к нам шли, минуя тысячу препятствий, сражались так, как никогда и никто не сражался, и остались с нами до конца. Русская молодежь страстно искала подвига, искала и не находила. Когда-то гибла за свои убеждения в сибирских рудниках, томилась в одиночках каторжных тюрем, свято верила в революцию... И когда революцию захлестнуло красное хамство, молодежь пошла за белой мечтой. Мечтой о великой и истинно свободной России, России будущего. В наши ряды пошла она, а не в ряды красных. И для меня в одном этом факте уже заключается моральное оправдание белой борьбы¹⁸.

Здесь Н. А. Раевский перекликается со многими белыми мемуаристами, в том числе с командиром Дроздовской дивизии, в которой служил в 1919–1920 гг. — генерал-майором А. В. Туркулом:

Шестьсот пятьдесят дроздовских боев за три года Гражданской войны, более пятнадцати тысяч дроздовцев, павших за русское освобождение, так же, и как бои и жертвы всех наших боевых товарищей были осушены ствением в подвиге и в крови святой для нас правды¹⁹.

Работа над изучением «Рыцарей Белой мечты» только начинается. В настоящее время идёт титанический труд по компьютерному набору сложного рукописного текста — пожелтевшие от времени страницы плотно исписаны трудночитаемым мелким почерком, который приходится буквально расшифровывать... Но мы надеемся, что это произведение привлечет заслуженное внимание специалистов в будущем.

Однако «Рыцари Белой мечты» — далеко не единственная находка, которую удалось обнаружить в фонде Н. А. Раевского в ГАРФ. Совершенно уникальным документом оказался обширный очерк «Русский гарнизон в Болгарии», который автор считал почему-то изъятым нацистскими властями и утерянным для потомков. Более 300 страниц этого произведения также ждут своего благодарного исследователя, поскольку

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5840. Оп. 1. Д. 5б. Л. 2об. – 3.

¹⁹ Туркул А. В. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны, 1918–1920 гг. / Лит. обраб. И. Лукаша. Л., 1991. С. 45.

подробно и увлекательно повествуют о пребывании белогвардейских частей в эмиграции в Болгарии, в том числе об их участии в антикоммунистическом перевороте 1923 г. Как и «Рыцари...», «Русский гарнизон...» практически оказался вне поля зрения историков, о чём свидетельствуют почти чистые листы исследований в архивных делах.

Помимо этого, в фонде отложились некоторое количество неизвестных статей, конспектов Н. А. Раевского, в том числе содержащих анализ духовно-культурной атмосферы в эмиграции. Они представляют несомненный интерес для исследователей Русского Зарубежья и его организаций (например, РОВСа и Союза галлиполийцев).

Среди обширной и многообразной переписки Н. А. Раевского (в том числе представляющей исторический интерес — с сослуживцами по Белой армии) выделим подборку писем его отца Алексея Сергеевича из Советской России. Николай Алексеевич снабдил их предисловием и специальным комментарием, подготовив к изданию как любопытнейший документ эпохи, ёмко, правдиво характеризующий жизнь советских людей в первые годы после окончания Гражданской войны.

Наконец, ряд дел, найденных в фонде Н. А. Раевского — при условии дополнения их материалами, сохранившимися в домашнем архиве его падчерицы Елены Беликовой — возможно, позволят реконструировать наиболее крупные и оригинальные пушкиноведческие работы Н. А. Раевского «Пушкин и война» и «Пушкин в Эрзерумском походе». Николай Алексеевич был практически пионером в изучении феномена Пушкина как военного писателя. Результатом его научных трудов в данной области стал двухтомник, почти оконченный к 1945 г. — именно эта рукопись была среди бумаг, оставленных на хранение пражским знакомым и пропавших. В 1970-е гг. автор написал наиболее важные ее узлы заново, восстановив их по памяти. Но можно ли с уверенностью сказать, что текст воссоздан полностью? Доклады и статьи, отложившиеся в ГАРФ, во всяком случае, позволят расширить и уточнить то, что было выполнено в 1970-х. Это потребует серьёзной научной работы, но, в конечном счёте, реконструированный труд «Пушкин как военный писатель» может занять достойное место в собрании сочинений Н. А. Раевского.

Этот многотомник, однако, окажется неполным, если, кроме вновь найденных архивных материалов, не включить в него текст устных мемуаров «Годы скитаний». В них содержится целый ряд уникальных исторических фактов, которые не вошли ни в одну из работ и не упомянуты ни в одном из дневников. Прежде всего, это касается проекта показаний, которые должен был дать капитан Н. А. Раевский по делу другого офицера-дроздовца, капитана М. М. Конради, застрелившего 10 мая 1923 г. в швейцарской Лозанне крупного большевицкого деятеля В. В. Воровского. По решению генерала А. В. Туркула одним из клю-

чевых свидетелей в суде должен был стать именно Николай Алексеевич как глубоко чувствующавший и понимавший сущность Белого дела (а заодно прекрасно владеющий французским языком). Как известно, белогвардейцы стремились превратить процесс над Конради в суд над большевизмом.

Предоставим слово самому Н. А. Раевскому, который в конце жизни записал на магнитофон подробные воспоминания о своем пребывании в эмиграции и, в частности, о проекте его выступления в швейцарском суде. Капитан Раевский жил тогда вместе с боевыми товарищами в небольшом болгарском городке Орхание. Вызов в Софию стал для него полной неожиданностью.

В небольшой одноэтажный дом во дворе русского посольства, где помещалась канцелярия военного агента, я вошел <...> без замиранья сердца, как принято говорить, просто я был в совершенном недоумении, почему это военному агенту нужно было меня вызывать из Орхании? Я знал, что эту должность занимает, как обычно, полковник Генерального штаба, но лично я с ним еще не был знаком. Принял меня Фосс²⁰. Он, кстати сказать, другом моим не был, но все же между нами существовали очень хорошие товарищеские отношения. Я считал его прежде всего весьма толковым и очень убежденным человеком. Так вот, полковник²¹, весьма убежденный человек, усадил меня в своем отдельном помещении, где стоял несгораемый шкаф, свидетельствующий о том, что мой приятель причастен сейчас к каким-то секретным делам. Против обыкновения он заговорил со мной официальным и довольно торжественным тоном, что у него не было в обычае. С первых же слов я понял, что совершенно напрасно я пытался целую ночь напролет или около этого догадаться, зачем меня вызывают в Софию. Не догадался бы, если бы раздумывал не одну только эту ночь, а скажем, тысячу и одну, как в сказках соответствующего количества ночей. Сказал мне Фосс примерно следующее:

— Николай Алексеевич, командование возлагает на вас очень ответственную миссию. Как вы знаете, в скором времени в Лозанне начнется процесс Мориса Конради. По существу этот процесс Белой России против красной, и его надо выиграть. Да, Николай Алексеевич, надо его выиграть, и командование решило, что вы подходящее лицо, чтобы выступить на Лозаннском процессе. Генерала Крейтера и вас посылают в качестве свидетелей в Лозанну. Я перебил Фосса...

— Послушайте, ну какой же я свидетель по делу Конради? Я говорил с ним один раз в жизни несколько минут, да и то не очень-то уверен в том, что это был именно Конради.

²⁰ Клавдий Александрович Фосс— участник Белого движения на Юге России, капитан Дроздовского артиллерийского дивизиона. Руководитель канцелярии Русского общевойскового союза (1924–1927), затем «Внутренней линии» (контрразведки) РОВС.

²¹ Ошибка: К. А. Фосс состоял в чине капитана.

— Николай Алексеевич, дело ведь по существу совсем не в нем. Нужные сведения о Конради вы получите, а говорить вам надо будет о Белом движении. Вы это сумеете. Словом, я вас сейчас представлю полковнику, а затем оставайтесь в Софии и готовьтесь к процессу. Ну, об этом пока никому и ничего. Лучше, чтобы это дело пока оставалось в тайне.

Я долго, вероятно около часа, беседовал с военным агентом. Высказал ему, между прочим, свой взгляд на то, как следует защищать наше Белое дело перед лицом Европы. Потом в разговоре с Фоссом он меня поправил:

— Николай Алексеевич, не забывайте, не только перед лицом Европы, но фактически всего земного шара. Процесс мировой.

<...> Я поселился в общежитии дроздовцев, где мне предоставили койку и столик для бумагописания. Мне необходимо было представиться генералу Туркулу. Я его неоднократно видел на своих докладах в Галлиполи, но представлен ему еще не был: генерал был где-то в отъезде, и его Красная комната оставалась запертой. Я старался поменьше обращать на себя внимания, как в общежитии, так и в городе, где у меня было множество наших русских военных знакомых. По-видимому, конспиратором я был плохим, да и трудно было оставаться незамеченным в помещении, где многие меня знали, что называется, наизусть, и очень быстро догадались, что если Раевский изо дня в день что-то строчит и убирает свои бумаги в чемодан, то, очевидно, дело неспроста. <...> Дней через десять генерал Туркул вернулся, наконец, из своей поездки и сразу же вызвал меня в Красную комнату. Я вошел, вытянулся, как полагается, по военному, и начал было формулу представления:

— Ваше превосходительство, Дроздовского артиллерийского дивизиона...

Туркул меня прервал:

— Не будем терять время, капитан Раевский. Я вас знаю. Садитесь.

Обдумывая дальнейшую запись своих воспоминаний, я был в некотором затруднении. Предстояло рассказать о вещах, которые я обязался честным словом никогда никому не говорить. Но это было ровно 60 лет тому назад. Кроме меня, никого, кажется, из заинтересованных лиц уже нет в живых. <...>

— Вы знаете, Раевский, что убийство Воровского организовал я? Капитан Конради пожертвовал собой из патриотических соображений. Надо было организовать судебный процесс, на котором бы мы рассказали о том, что такое было белое движение, за что мы боролись и против кого мы боролись. <...>

Я признался генералу Туркулу, что совсем, собственно говоря, не знаю Конради. Не уверен даже в том, что его узнаю. Генерал показал мне фотокарточку.

— Узнаете?

— Да.

Я действительно, видимо, говорил с ним.

— А как он водил в атаку конвой! Всегда прямо на хвосте моей лошади. Вы видели?

— Видел, ваше превосходительство. Не раз.

— Ну, об этом расскажете как свидетель.

<...> За отведенным мне в дроздовском общежитии столиком я провел, в общем, немало часов. Составлял сначала конспект, потом подробное изложение тех принципов, которыми, по моему убеждению, надо руководствоваться во время пребывания в Лозанне. Краткое изложение я предполагал сделать в своей защитительной по существу речи. Их же я собирался проводить в так называемых кулуарных разговорах, а, может быть, и в интервью, которые придется давать корреспондентам газет и журналов. Я был убежден в том, что для всех этих выступлений и бесед необходимо, прежде всего, найти общий, так сказать, руководящий принцип, лейтмотив, брошенный и понятный для иностранцев. На мой взгляд, таким лейтмотивом могли служить печальные слова «Корниловского марша», этого неофициального гимна Добровольческой армии, который было принято выслушивать, сняв головные уборы:

За Россию и свободу, если в бой зовут,

То корниловцы и в воду и в огонь пойдут...

...Мы, Добровольческая армия, боролись за свободную Россию, Россию будущего, а советская тирания эту свободу в корне уничтожила. Я, правда, ясно сознавал, что многие и многие участники Белого движения — и седовласые генералы и семнадцати-восемнадцатилетние кадеты — были искренне убеждены в том, что они сражаются за Веру, Царя и Отечество. Как в былые времена. Не могу забыть одного добровольца нашего, нашей батареи, юношу-кадета лет семнадцать, если не шестнадцать. Он как-то сказал мне с горьким чувством:

— Может быть, это и неправда, но, господин капитан, оставьте нам хоть иллюзию того, что мы умираем за царя.

В армии приходилось считаться и с такими настроениями, но сейчас, громко говоря, перед лицом Европы, об этих смертниках-монархистах говорить нельзя. Я хорошо понимал, что, по существу, упраздненная в России монархия далеко не была каким-то чудовищем, которое словами Третьяковского можно назвать: «Чудовище обло, озорно, стозевно...» и так далее, и так далее. У нее, конечно, были свои хорошие стороны, но это дело будущих историков, может быть и поэтов, а сейчас перед лицом Европы, капитан Фосс все время мне повторяет: «Не забывайте, Николай Алексеевич, что говорить вы будете не перед лицом Европы, а перед лицом всего мира». Так вот, допустим, перед лицом всего земного шара о войнах-монархистах говорить нельзя. Павшая монархия в Европе, прежде всего, имеет, как принято говорить, плохую прессу. А вот лозунг «За Россию и свободу» — он, говоря фигурально, от полюса до полюса понятен и будет большинством граждан принят сочувственно. Я собираюсь говорить, прежде всего, в спокойном тоне. Эта защитительная, по существу, а не митинговая речь, но в основе своей она должна быть твердой, как оружейная сталь. «За Россию и свободу!» — за свободную Россию сражались и гибли добровольцы. Сражались за нее и капитан Морис Конради. У меня возникла была мысль о том, что если присяжные заседатели оправдают нашего товарища, то надо возложить на могилу Руссо, великого мыслителя и гуманиста, венки с нашими трехцветными лентами и надписью: «Борцы за свободу России — борцы

за свободу человечества». Вовремя я вспомнил о том, что эта демонстрация неосуществима. Прах Руссо ведь давно покоится в парижском Пантеоне. <...> Я был уверен, почти уверен в том, что <генерал В. К.> Витковский не будет возражать против основной мысли моего доклада: Белую борьбу на лозаннском процессе надо представить как борьбу за свободную Россию, а не за восстановление отечественной монархии. Сам я был твердо уверен в справедливости этого основного положения моей будущей лозаннской речи. <...> Национальная идея в моем понимании — это приобщение к общечеловеческому через национальное²².

По ряду организационных причин, а также из-за нехватки денежных средств поездка Н. А. Раевского в Лозанну не состоялась. Но суд, получивший широкий международный резонанс, большинством голосов всё-таки оправдал М. М. Конради, сочтя его поступок актом справедливого возмездия советскому режиму за его злодеяния. За 10 дней слушаний перед судьей и присяжными выступило около 70 свидетелей, рассказывавших о преступлениях большевиков, в частности, о голоде в Поволжье, вызванном их продовольственной политикой. Большое впечатление на швейцарцев произвели также подробности большевистской антирелигиозной кампании.

Что касается Николая Алексеевича Раевского, то, не сумев выступить в суде, он всё-таки зафиксировал основные принципы предполагаемой речи в защиту Белого дела в «Рыцарях Белой мечты». Эту рукопись он завершил в то же время, когда готовился к поездке в Лозанну, в июне 1923 г. Там впервые в его работах прозвучала истина Белого дела — русского национального дела, дела свободной России, необходимость сохранения, сбережения и приумножения великой отечественной истории и культуры. Именно как носитель духа и смысла Белого дела, как убеждённый белогвардеец, Н. А. Раевский всю жизнь и боролся против разрушителей тысячелетней России и её культуры — большевиков: сперва на фронтах Гражданской войны как офицер, а впоследствии, в эмиграции и после водворения в СССР — как мыслитель, публицист и писатель.

Список литературы:

Деникин А. И. Очерки Русской смуты. В 5 тт. Минск: «Харвест», 2002.

Неизвестный Раевский / Исследование, составление, комментарии О. И. Карпухина. М.: «Русский раритет», 2010.

Раевский Н. А. Если заговорят портреты. Алма-Ата: «Жазушы», 1965.

Раевский Н. А. Портреты заговорили // Раевский Н. А. Избранное. М.: «Художественная литература», 1978.

²² Раевский Н. Воспоминания. Годы скитаний. Кассета № 4. Дорожка № 1, 4 // Личный архив Е. И. Беликовой.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны, 1918–1920 гг. / Лит. обраб. И. Лукаша. Л., 1991.

Daria Ivanovna BOLOTINA

Ph. D. in Culturology (*kandidat kulturologii*),
independent researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: dibolotina@gmail.com

Fate of Russian officer and his archive. Nikolay Raevsky: new discoveries

The article deals with the biography of N. A. Raevsky — officer of Russian Imperial and White Army, biologist, Pushkin scholar, writer and memoirist — and with the story of his unique archive, which was divided because of World War II and because of Raevsky was arrested by NKGB. The greater part of the archive was moved from Czechoslovakia to USSR, then divided for Moscow October Revolution Archive (now State Archive of Russian Federation) and for Manuscript department of Pushkin's House in Leningrad (now St. Petersburg). Then small but important part of the archive was leaved in Czechoslovakia, and it whereabouts are currently unknown. The article analyses some unknown manuscripts from Raevsky's collection in State Archive of Russian Federation, which was discovered in 2018–2019. They have not attracted the attention of researchers before. The issues of introduction of previously unknown works of N. A. Raevsky into scientific circulation are also considered, including oral memoires and letters from home archive of his stepdaughter, and problems of publication ad re-publication his books and prospects of search and reconstruction of the missing part of the archive.

Keywords: N. A. Raevsky, White Deal, Pushkin scholastics, Russian Foreign Historical Archive.

УДК 94 (47) "1914/1918"

ББК 63.3 (2) 52

Константин Андреевич ТАРАСОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

E-mail: senderkeeper@mail.ru

ПОЛКОВНИК П. И. НАЗИМОВ. БИОГРАФИЯ СЕМЕНОВЦА-ИЗГОЯ

Статья посвящена биографии полковника л.-гв. Семеновского полка Павла Ивановича Назимова. Главное внимание уделено периоду Первой мировой войны, когда он служил командующим запасного батальона в Петрограде. Разбираются вопросы повседневной жизни запасной воинской части и участие ее в Февральском восстании 1917 г., из-за которых П. И. Назимов в 1924 г. были исключен из общества офицеров-семеновцев.

Ключевые слова: Семеновский полк, петроградский гарнизон, Февральское восстание 1917 г.

В императорской гвардии была очень сильна корпоративная культура. Общество офицеров с большим разбором принимало новых членов, обращая внимание не только на образование или деловые качества, но и на происхождение, моральный облик и т. д.¹. Существовал, однако, и механизм поддержания нравственных норм, соответствовавших «полковой семье». Если офицер совершал поступки, не соответствующие достоинству офицерского звания, суд чести из его сослуживцев мог вынести решение, принуждающее его покинуть полк. Имя такого офицера заносилось в «черную книгу». Бывший офицер л.-гв. Семеновского полка Ю. В. Макаров в своих воспоминаниях очень подробно описал, что означало для гвардейского офицера попасть в «черную книгу»:

Будет полковой праздник, даже поздравить не посмеешь. Фамилию твою с серебра сотрут. И вообще будет сделано так, как будто бы ты никогда в полку не служил, и никто из офицеров никогда тебя не знал... И сам никому не посмеешь сказать, что ты бывший семеновец... <...> А все те, которые

¹ *Чувардин Г. С.* Старая гвардия. Социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии» (1894–1914 гг.). Орел, 2002. С. 143.

теперь с тобой за столом сидят, и вино пьют, и шутят, и ты их на «ты» называешь, пройдут мимо тебя на улице и тебя не узнают... Черная книга!..²

Из «полковой семьи», как правило, исключали молодых офицеров за деяния, «не соответствующее высокому званию семеновца», когда они поддавались соблазнам столичной жизни. Бывали, однако, и исключения. Уже в эмиграции, 19 января 1924 г. полковник П. И. Назимов, прослуживший в Семеновском полку более 30 лет, получил письмо, в котором члены полкового объединения полка уведомляли, что, рассмотрев его поведение «за время войны и революции», они постановили исключить его из списков офицеров³.

Знавшие П. И. Назимова офицеры за глаза называли его «добрейшим и тишайшим, но совершенно не строевым и не боевым командиром», «мало военным» человеком и даже «шляпой»⁴. Действительно, на фотографиях мы видим не совсем стереотипного гвардейца — невысокого тучного человека. Но могло ли это явиться поводом занесения в «черную книгу» спустя семь лет после войны и революции? Сам П. И. Назимов в письме председателю объединения семеновцев Е. Ф. Новицкому выражал свое удивление:

Совершенно не представляю себе, в чем мне таком ужасном представляется обвинение, которое выражается словами, что «вина моя превыше того, что может быть забыто и прощено»⁵.

Задача данной статьи — разобраться в вопросе о том, какие именно качества офицера могли считаться предосудительными в чрезвычайных условиях мировой войны и революционного кризиса.

Павел Иванович Назимов родился в 1868 г. в семье майора И. И. Назимова⁶. Образование он получил в 1-м Кадетском корпусе, а затем в 1893 г. закончил военно-училищные курсы Московского пехотного юнкерского училища. Военную службу П. И. Назимов начал в 76-м пехотном Кубанском полку, но вскоре был переведен подпоручиком в элит-

² Макаров Ю. В. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 236.

³ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 27 марта 1924 // Bakhmeteff Archive, Rare book and Manuscript Library, Columbia University Libraries (BAR). Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

⁴ Макаров Ю. В. Указ. соч. С. 72, 364; Письмо Д. И. Ходнева А. В. Попову, 29 января 1952 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 3. Folder Semenovskii polk correspondence K-M.

⁵ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

⁶ Назимовы // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 36. Д. 16935.

ный гвардейский Семеновский полк⁷. В декабре 1905 г. штабс-капитан П. И. Назимов командовал ротой во время экспедиции Семеновского полка в Москву для подавления вооруженного восстания. За это он был награжден орденом Станислава III степени⁸. Однако эти события произвели на офицера неизгладимые впечатления. Сам П. И. Назимов отмечал позже:

Ни один командир не переживал такого состояния душевного ада, в каком оказался я в связи с событием участия полка в московской экспедиции 1905 г.⁹

По воспоминаниям М. К. Куприной-Иорданской, в январе 1906 г. Назимов посещал ее мужа и автора нашумевшего в это время «Поединка», содержащего острую критику порядков в армии. Он искал сочувствия известного писателя, говоря, что «стрелять в людей, непричастных к военным действиям, стрелять в женщин и детей — это ужасно». Капитан собирался передать А. И. Куприну свои записи, разоблачающие действия Семеновского полка в Москве. В итоге, согласно тем же воспоминаниям, офицер получил «тяжелое нервное расстройство» и был отправлен лечиться за границу¹⁰. Подтверждение этой истории можно найти в мемуарах Н. Н. Гусева, секретаря другого известного писателя — Л. Н. Толстого. Назимов посещал Ясную Поляну в мае 1909 г. и вел долгую беседу с Толстым:

Он говорил Льву Николаевичу, что служба ему тяжела, что он несколько раз хотел ее оставить, но либералы Ход-ский, Петрункевич, Куприн и другие уговаривали его не уходить «в такое тяжелое время». Говорил, что он старается сделать, что можно, для предотвращения излишних жестокостей, и что в революцию 1905 г. ему удалось спасти от расстрела одиннадцать человек¹¹.

С началом Первой мировой войны Семеновский полк отправился на фронт, а в Петрограде был сформирован запасный батальон, который должен был готовить для него пополнения. Семеновец И. В. Степанов, передавая услышанное от других офицеров, писал, что никто из полков-

⁷ Поляков С. А. Офицеры лейб-гвардии Семеновского полка в российских социально-политических условиях 1917 — сентября 1918 гг. Дисс. ... к. и. н. Орел, 2015. С. 257.

⁸ Чувардин Г. С. Указ. соч. С. 260.

⁹ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

¹⁰ Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М., 1966. С. 257–258.

¹¹ Эпизоды из жизни Л. Н. Толстого. Из воспоминания Н. Н. Гусева, бывш. секретаря Л. Н. Толстого // Красная нива. 1928. № 37. С. 14.

ников не хотел оставаться в тылу в годы войны для того, чтобы возглавить запасную воинскую часть. В итоге «выбрали наименее годного для войны Павла Ивановича Назимова, следуя принципу “на Тебе, Боже, что нам не гоже”»¹². Сам П. И. Назимов указывал, что еще в 1912 г. консилиум врачей пришел к выводу, что он должен оставить военную службу. Таким образом, он не был годен к службе на фронте по состоянию здоровья¹³. Деятельность полковника на своем посту в годы войны вызывала серьезные нарекания со стороны офицеров на фронте. И. В. Степанов вспоминал:

Назимов, не интересуясь полком, стремился сохранить в запасном батальоне возможно больше строевых офицеров и лучших унтер-офицеров, и через несколько месяцев отношения между действующим полком и запасным батальоном стали исключительно враждебными¹⁴.

Как и любой источник, данные мемуары нуждаются в проверке. Для этого можно использовать данные статистики, которая направлялась командованию запасными гвардейскими батальонами. В нашем распоряжении есть отчет, составленный в конце 1916 г. Согласно ему, из 67 офицеров запасного батальона лишь 48 находились на действительной службе, остальные числились прикомандированными к воинской части. Из них шестеро по состоянию своего здоровья в полной мере не могли нести службу даже в запасном батальоне. Иными словами, это кадровые офицеры, которые не были годны по здоровью переносить тяготы фронта, либо тяжело раненые или контуженные. К ним нужно прибавить 22 в чинах от подпоручика, поскольку такие чины в 1916 г. могло иметь только довоенное офицерство и командный состав военного времени, имевший фронтовой опыт. Среди оставшихся офицеров 10 были недавно выпущенными из училищ прапорщиками и еще 10 — прапорщиками запаса и военного времени, выпущенными до 1 октября. В итоге от общего числа офицеров запасной батальон готов был отправить на фронт только 12 человек¹⁵.

Для того, чтобы прокомментировать данные числа, нужно сопоставить их с ситуацией в других запасных батальонах гвардии. Во-первых,

¹² *Степанов И. В.* [Воспоминания] // BAR. *Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 7. Folder Stepanov, I. V.* “Semenovskie...”.

¹³ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. *Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.*

¹⁴ *Степанов И. В.* Указ. соч.

¹⁵ Сведения о состоянии офицерского состава в гвардейских запасных батальонах // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 296 об. — 297.

в запасном батальоне л.-гв. Семеновского полка был один из самых высоких процентов «прикомандированных» — 28,3% от общего числа. Это люди, которые числились на военной службе, но выполняли какие-либо другие обязанности. Больше было только в запасном батальоне л.-гв. Кексгольмского полка — 36,7%. В среднем же по гвардейским батальонам этот показатель был равен 16,7%. Процент офицеров довоенной подготовки среди «действительных» офицеров-семеновцев также сравнительно высок — 58,3%. Больше было только в запасных батальонах л.-гв. Преображенского и Финляндского полков (67,6% и 65,4% соответственно). В среднем же по гвардейским пехотным батальонам соотношение не превышало 50%.

Следует обратить внимание также на то, что в запасном батальоне Семеновского полка было очень немного прапорщиков, то есть недавно призванных на военную службу людей. Меньше было только в запасном батальоне л.-гв. Преображенского полка — 11 человек. Наконец, семеновцы в конце 1916 г. уведомляли начальство, что годных к отправке на фронт было лишь 25% от общего состава «действительных» офицеров. Опять же, меньше числилось только у преображенцев (они вообще были не готовы к выделению командного состава для передовой) и павловцев — 19,8%. В среднем же гвардейские батальоны рапортовали о готовности отправить почти 40% офицеров¹⁶.

В целом эти данные подтверждают мнение исследователей офицерского состава л.-гв. Семеновского полка в годы Первой мировой войны, которые пришли к выводу, что значительная часть офицерства имела тенденцию задерживаться в тылу, находя для этого различные предлоги. А некоторые офицеры оказались в составе запасного батальона, пробыв на фронте всего несколько месяцев в начале войны¹⁷. Следовательно, в каком-то смысле обвинения полковника П. И. Назимова в «придерживании» лучших кадров в запасном батальоне были обоснованы.

Однако даже И. В. Степанов, критически оценивавший поведение П. И. Назимова, считал, что в вопросе командования запасным батальоном «он заслуживает некоторого оправдания»¹⁸.

¹⁶ Сведения о состоянии офицерского состава в гвардейских запасных батальонах // РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 296 об. — 297.

¹⁷ Минаков С. С. Лейб-гвардии Семеновский полк: 1914–1924 гг.: Элитарная и социокультурная корпорация в условиях войны и революции. Дисс. ... к. и. н. Орел, 2006. С. 149–150, 152; Перельгин В. М. Профессиональная подготовка и ротация офицерских кадров лейб-гвардии Семеновского полка в 1914–1918 гг. Дисс. ... к. и. н. Орел, 2013. С. 133, 157–158, 195.

¹⁸ Степанов И. В. Указ. соч.

Преследуя интересы выучки, полковник Назимов тянул в свою сторону и всячески задерживал отправку на фронт, в то время как полк справедливо требовал пополнений — вспоминал он¹⁹.

Проблема в данном случае была действительно важная. Большие потери в командном составе в первые годы войны обусловили пополнение численности офицерства за счет прапорщиков военного времени, обученных на краткосрочных курсах. В итоге, как отмечают исследователи, новый офицерский состав не имел должной профессиональной подготовки, и его представители зачастую не пользовались авторитетом среди подчиненных²⁰. Соответственно, страдала и подготовка пополнений для фронта в запасных воинских частях.

Об этом писал и сам П. И. Назимов. В своих воспоминаниях он обратил внимание, что на место убывших на фронт и погибших в первых боях 1914 г. лучших подготовленных офицеров прибывали «совершенно неопытные для соответственных хотя бы и самых мелких командных ролей»²¹. Аналогично все здоровые унтер-офицеры были в конце концов отправлены на театр военных действий. В запасном батальоне их заменили побывавшие в боях раненые и контуженные²².

П. И. Назимов писал о том, что старался избавляться от плохо подготовленных прапорщиков военного времени и предпочитал производить в офицеры отличившихся унтер-офицеров. Вероятно, этим и объясняется такое небольшое количество прапорщиков, которое было отмечено в сводных данных конца 1916 г. Очевидно, что в данном смысле военный опыт являлся более важным для обучающего новобранцев, нежели краткий курс военного училища.

В своих воспоминаниях П. И. Назимов ставил себе в заслугу и то, что он уделял большое внимание нижним чинам, пытался им привить гордость за свою воинскую часть. Полковник считал, что от солдата можно потребовать дисциплину и точное исполнение всех его служебных обязанностей, но при этом солдат

ценил проявление к нему искренней заботливости, уважения в нем человеческого достоинства, словом, культурного к нему отношения²³.

¹⁹ Степанов И. В. Указ. соч.

²⁰ Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 102–103; Астахов А. Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 302; Гребенкин И. Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 104.

²¹ [Назимов П. И.] Семеновцы в революции // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 178. Л. 11.

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Л. 19.

Так или иначе, запасной батальон л.-гв. Семеновского полка был на особом счету у начальства, и по «блестящему благоустройству выдвинут на первое место». После смотра учебной команды в Царскосельском дворце император Николай II выразил П. И. Назимову «особую благодарность», трижды подав руку²⁴. Кроме того, полковник, по его собственным словам, пользовался

особым к себе вниманием и благодарностью и от начальника всех гвардейских частей Петроградского военного округа генерал-лейтенанта Чебыкина, и от инспектора всей гвардии великого князя Павла Александровича, и даже священной особы самого государя императора²⁵.

Тем не менее, действующий полк остро нуждался в пополнениях, в том числе и в хорошо обученном командном составе. По сути, П. И. Назимов оказался между молотом и наковальней. Неудивительно, что позже он писал, что «и злейшему своему врагу не пожелал бы быть в это время на своем месте»²⁶. По словам генерал-лейтенанта И. С. фон Эттера, командовавшего Семеновским полком в 1914–1915 гг., он «боролся беспрестанно» с «интригами и враждой к действующему полку» командира запасного батальона полковника П. И. Назимова и начальника хозяйственной части капитана Л. В. Дренякина. В этом генерал не преуспел, поскольку

они имели слишком сильную поддержку в своих петроградских начальниках и совершенно пренебрегали мнениями и желаниями командира полка²⁷.

Обвинения, впрочем, были взаимными. П. И. Назимов позже вспоминал «непрерывную травлю, которая исходила из действующего полка»²⁸. Он считал главной причиной обвинений деятельность «злого гения» подпоручика Б. П. Рогачева в действующем полку, а также старшего писаря С. А. Баландина в запасном батальоне²⁹.

П. И. Назимову было за что обвинять, по крайней мере, С. А. Баландина. Дело в том, что именно он в 1917 г. предал публичности некоторые

²⁴ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

²⁵ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 27 марта 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

²⁶ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

²⁷ Письмо И. С. фон Эттера Е. Ф. Новицкому, 16 ноября 1925 (?) г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 2. Folder Semenovskii polk correspondence. Etter I. S. von.

²⁸ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

²⁹ Там же.

аспекты жизни запасного батальона л.-гв. Семеновского полка, которые бросали серьезную тень на его командира. Вскоре после революции при батальонном комитете была создана инспекторская комиссия, которую как раз и возглавил старший писарь С. А. Баландин. Она должна произвести учет солдат, «фактически не несущих службы в батальоне и уклоняющихся вообще от таковой»³⁰. Результаты деятельности комиссии С. А. Баландин обнародовал в сентябре 1917 г.

По его собственным словам, за время службы в канцелярии батальона он был свидетелем многочисленных злоупотреблений. С. А. Баландин описывал, как за три дня до призыва на военную службу коридор канцелярии заполняли просители с рекомендательными письмами к полковнику П. И. Назимову с просьбой принять их в батальон. «Отказа никому не было». Подобные же солдаты поступали и через капитана Л. В. Дренякина, который в большинстве случаев накладывал резолюцию «ходатайствую о зачислении в музыкальную команду» вне зависимости от профессии новобранца. Инспекторской комиссии удалось установить, что за период войны по прошениям «охотников» было зачислено в батальон около 500 человек и переведено из других частей для «пользы службы» около 900 человек. Однако налицо таковых оказалось значительно меньше.

Выяснилось, что все они зачислялись в нестроевые роты, либо попросту с момента поступления на службу в батальоне не появлялись. Согласно выводам комиссии, последние получали от полковника П. И. Назимова удостоверение

в том, что такой-то действительно состоит на службе в зап<асном> бат<альоне> гв<ардии> Семеновского полка, и за переполнением казарм <ему> разрешается проживать на квартире у родственников³¹.

Так, С. А. Баландин назвал имена нескольких солдат, которые на самом деле не прекращали работу в столичных парикмахерских, а также тех, кто продолжал свою службу в Гвардейском экономическом обществе³². Еще одна часть военнослужащих находилась в распоряжении самого П. И. Назимова. Не менее 5 денщиков служили на двух квартирах полковника, несколько кучеров использовались для его беговых лошадей, имелась и домашняя прислуга. Кроме того, не менее 50 солдат в имени Назимовых в Тверской губернии проводили полевые и другие

³⁰ Баландин С. Лучше поздно, чем никогда (Правда о Семеновском полку) // Солдат. 1917. 14 сентября.

³¹ Там же.

³² Баландин С. Лучше поздно, чем никогда (Правда о Семеновском полку) // Солдат. 1917. 14, 20 сентября.

работы, ими была отремонтирована усадьба, выстроена ограда и возведен мост³³.

К сожалению, нельзя сказать, что такая печальная ситуация в запасном батальоне л.-гв. Семеновского полка была чем-то уникальным. Заметная часть военнослужащих запасных воинских частей по договоренности с начальством, официальной или неофициальной, не подлежала отправке на фронт. Как показывает в своих работах А. Б. Астахов, некоторые из них могли даже неплохо зарабатывать, участвуя в скачках, занимаясь промыслом, продолжая службу на гражданских специальностях³⁴. Гвардейские запасные батальоны имели в своем составе хоры и оркестры, доходившие до 150–160 человек. На имя начальника гвардейских запасных частей поступали жалобы о том, что полковые певчие и музыканты живут на частных квартирах, не занимаются строевой службой и, оставаясь в Петрограде, зарабатывают деньги на стороне³⁵.

Генерал-майор П. Э. Тилло, командир действующего Семеновского полка в 1916–1917 гг., был в курсе происходящего в запасном батальоне. В конце 1916 г. он указывал на поступающие на его имя «анонимные и подписанные жалобы и заявления о nepopядках и злоупотреблениях, происходящих в запасном батальоне»³⁶.

В результате, по сведениям П. И. Назимова, в сентябре 1916 г. в лесу возле Луцка состоялся офицерский суд чести над ним. При этом решение об исключении полковника из списков Семеновского полка, по его словам, не довели до его сведения. Позже он негодовал о том, что в такой форме это был «даже не шемякин суд, а конспиративный офицерский эксцесс революционного характера»³⁷. Судя по всему, главным упреком П. И. Назимову было не превышение служебных полномочий. По мнению генерал-майора П. Э. Тилло, полковник обвинялся в том, что он отказывался отправляться на передовую³⁸. Находившийся в это время

³³ Баландин С. Лучше поздно, чем никогда (Правда о Семеновском полку) // Солдат. 1917. 20 сентября.

³⁴ Астахов А. Б. Повседневность запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции // Вестник РГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 5. С. 80; *Он же*. Петроградский гарнизон накануне 1917 года: От повседневности прифронтового города к революции // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2017. № 1. С. 22.

³⁵ Геруа А. В. Полчища. София, 1923. С. 30; Астахов А. Б. Указ. соч. С. 22, 29.

³⁶ Рапорт П. Э. Тилло, 24 сентября 1916 г. // РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 380–380 об.

³⁷ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 27 марта 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

³⁸ Письмо П. Э. Тилло Е. Ф. Новицкому, 20 ноября 1929 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Tillo, P. E.

на фронте И. В. Степанов также считал, что «Назимов не был воякой и на фронт просто не хотел ехать»³⁹. Это уже было достаточное обвинение для занесения в «черную книгу». Ю. В. Макаров вспоминал, что в годы Первой мировой войны существовал неписанный закон, по которому офицерам, «кто по слабости человеческой после эвакуации и выздоровления засиживался в тылу, тем из полка ласково напоминали, что пора бы и назад, в строй». Тем же, кто этому не подчинялся, «после войны была обещана “черная книга”»⁴⁰.

После суда чести генерал-майор П. Э. Тилло предпринял попытку сместить полковника П. И. Назимова. 24 сентября 1916 г. он направил жалобу командованию гвардейских запасных частей об «отсутствии желания у запасного батальона идти навстречу своему полку»⁴¹. Он просил произвести замену командира. По данному заявлению была проведена специальная проверка. Согласно рапорту помощника начальника гвардейских запасных частей полковника В. И. Павленкова,

подготовка призываемых людей в запасной батальон л.-гв. Семеновского полка велась и ведется в настоящее время строго на основании соответствующих приказов, инструкций и распоряжений⁴².

Он отметил также хорошую боевую и строевую подготовку нижних чинов. Резюмируя, Павленков писал:

Из неоднократных бесед с полковником Назимовым я всегда выносил убеждение в его глубокой преданности интересам своего полка, в котором он состоит более 25 лет⁴³.

4 ноября 1916 г. смотр запасного батальона провел сам П. Э. Тилло. В своем отчете он отметил, что «видна забота и продуктивная работа командира батальона». Хозяйственную часть была им оценена «на отлично», а строевая подготовка батальона находилась в удовлетворительном состоянии. Кроме того, была

заметна дружная общая работа офицеров, и хотя направляющая роль командира батальона недостаточно тверда, все же дело налажено хорошо.

³⁹ Степанов И. В. Указ. соч.

⁴⁰ Макаров Ю. В. Указ. соч. С. 306.

⁴¹ Рапорт П. Э. Тилло, 24 сентября 1916 г. // РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 380 об.

⁴² Рапорт помощника начальника гвардейских запасных частей Павленкова 14 ноября 1916 г. начальнику гвардейских запасных частей // РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 107. Л. 383.

⁴³ Там же. Л. 383 об.

В итоге П. Э. Тилло вынужден был признать, что замена полковника П. И. Назимова другим лицом, не ознакомленным со сложной организацией запасного батальона, является нежелательной⁴⁴. Сам генерал П. Э. Тилло вспоминал, что в этот период командиры 1-й гвардейской пехотной дивизии были сильно озабочены качеством подготовки пополнений в запасных батальонах Петрограда. Они предлагали демобилизовать половину «непомерно больших и вредных» воинских частей, а другую половину отправить для обучения на фронт. Подобный проект был отвергнут.

Я просил, по крайней мере, сменить командира л.-гв. запасного Семеновского батальона, — писал Тилло позже, — то и в этом мне было категорически отказано, и недостойный офицер остался⁴⁵.

О том, что именно под воздействием петроградского начальства П. И. Назимов сохранил свою должность, вспоминал и И. В. Степанов. Якобы генерал А. Н. Чебыкин считал, что

теперь, когда дело, по его мнению, налажено, менять <начальника запасного батальона> уже поздно⁴⁶.

Наконец, на заступничество в этом деле великого князя Павла Александровича и генерала Чебыкина указывал позже и сам П. И. Назимов. Он писал о том, что попытка назначить на его место полковника А. М. Поливанова «встретила авторитетный отказ со стороны всего Главного начальства»⁴⁷.

Еще большей виной П. И. Назимова члены объединения Семеновского полка считали его роль в событиях Февральского восстания. Еще в 1922 г. Е. Ф. Новицкий писал Л. Г. Тимроту:

Говорят, что П. И. <Назимов> «приспособился» в мере большей, чем это подсказывалось интересами полка и Родины, и что репутация его замарана не только красной краской, которую можно и отмыть, но и черной, которая никогда не смывается⁴⁸.

⁴⁴ Там же. Л. 383 об. – 384.

⁴⁵ Письмо П. Э. Тилло Е. Ф. Новицкому, 20 ноября 1929 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Tillo, P. E.

⁴⁶ *Степанов И. В.* [Воспоминания].

⁴⁷ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 27 марта 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

⁴⁸ Письмо Е. Ф. Новицкого Л. Г. Тимроту, 21 апреля 1922 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Novitskii, E. O.

С ним солидарен был и И. С. фон Эттер, который писал, что Назимов заслужил исключение

главным образом, конечно, прогулкой под красными тряпками в Думу и произнесением приветственных речей изменникам государю императору⁴⁹.

Д. И. Ходнев, в то время офицер запасного батальона Финляндского полка, характеризовал полковников Назимова и Павленкова, замещавших некоторое время заболевшего генерала А. Н. Чебыкина накануне Февральского восстания, как «начальников далеко не энергичных, не властных, не настойчивых»⁵⁰. Качества не самые подходящие в условиях революционного кризиса. Подобная характеристика подтверждается свидетельством семеновца Р. Н. фон Бистрома. Он писал, что 27 февраля 1917 г. застал полковника П. И. Назимова в офицерском собрании растерянным и бледным. Назимов известил присутствовавших офицеров о начале перехода запасных батальонов на сторону восставших.

Я не стерпел, — вспоминал Бистром, — и спросил его: «Господин полковник, когда выступит наш батальон?» Назимов несколько выпрямился и замолчал; затем, посмотревши на меня, потом на Эссена, он приказал: «Поручик Эссен, соберите учебную команду и займите Николаевский вокзал. Поручик Бистром, вы остаетесь в моем распоряжении»⁵¹.

На самом деле П. И. Назимов отправил роту усиленного состава при двух офицерах на подавление выступления запасного батальона л.-гв. Волынского полка⁵². Позже днем этот отряд во главе с прапорщиками Н. К. Соловьевым и С. А. фон Эссенем, оказавшись на Литейном проспекте, перешел в распоряжение правительственных войск во главе с полковником А. П. Кутеповым, действовавшим в этом районе. Во время столкновений с восставшими у Артиллерийского переуллка оба офицера-семеновца получили смертельные ранения⁵³.

⁴⁹ Письмо И. С. фон Эттера Е. Ф. Новицкому, 16 ноября 1925 (?) г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 2. Folder Semenovskii polk correspondence. Etter, I. S. von.

⁵⁰ Ходнев Д. И. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 260.

⁵¹ Письмо Р. Н. фон Бистрома Е. Ф. Новицкому, 22 ноября 1929 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 2. Folder Semenovskii polk correspondence A-E.

⁵² Письмо Назимова П. И. Д. Л. Кандаурову, 26 марта 1921 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

⁵³ Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934. С. 168–169.

Вместе с тем, в апреле 1917 г. от имени комитета было опубликовано опровержение слухов о том, что запасный батальон л.-гв. Семеновского полка принимал участие в подавлении революции. В нем говорилось:

С первых дней возникновения народного движения командиром батальона было отдано непосредственное распоряжение всем начальникам караулов от батальона — несмотря ни на какие требования высшего начальства и ни при каких обстоятельствах в народ не стрелять⁵⁴.

Совершенно неслучайно это обращение было перепечатано в «Семеновских бюллетенях» в 1928 г.⁵⁵ Очевидно, оно должно было объяснить причину занесения П. И. Назимова в «черную книгу». Однако очевидец событий Р. В. Бржозовский, находившийся в это время в запасном батальоне Семеновского полка, писал своему бывшему сослуживцу А. А. Зайцову:

Конечно, П. И. <Назимов> не герой, но приказания такого <не стрелять в народ> не давал; возможно, после совершившихся фактов <он> вошел в соглашение с бат<альоном> ком<итетом> для своей реабилитации перед господином Керенским⁵⁶.

Факт участия солдат запасного батальона л.-гв. Семеновского полка в отряде полковника А. П. Кутепова показывает, что все-таки, по крайней мере, в первой половине дня П. И. Назимовым предпринимались меры для подавления революционного движения.

Вечером 27 февраля 1917 г. в центр Петрограда начали двигаться демонстрации из рабочих кварталов Московско-Заставского и Нарвского районов. Около 7 часов вечера к восставшим присоединились солдаты запасного батальона л.-гв. Егерского полка⁵⁷. Около 8 часов вечера толпы показались у казарм тех рот семеновцев, которые располагались по соседству, на Рузовской улице. На сторону демонстрантов перешла пулеметная команда, которая вывела солдат других близлежащих рот⁵⁸. А. А. Орлов, принявший командование 4-й ротой, вспоминал, что в 9 часов вечера к его казармам стали приближаться солдаты различных полков. Позвонив П. И. Назимову, Орлов получил через адъютанта

⁵⁴ Семеновцы о своем участии в революционном движении // Солдатское слово. 1917. 18 апреля.

⁵⁵ Семеновцы о своем участии в революц[ионном] движении // Семеновские бюллетени. 1928. № 6. 14/1 января. С. 13.

⁵⁶ Письмо Р. В. Бржозовского А. А. Зайцову, 25 ноября 1929 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Unidentified.

⁵⁷ Смирнов С. А. Выросли мы в пламени. Записки военного комиссара. Л., 1976. С. 10.

⁵⁸ Журавлев И. Н. Присоединение семеновцев // Правда. 1917. 17 марта.

прапорщика В. Я. Толмачева «категорическое приказание — держаться пассивно». В итоге ворвавшаяся в расположение полка группа солдат и штатских вывела часть семеновцев из казарм на улицы⁵⁹. Вместе с егерями они направились к Измайловскому проспекту. Ими были сняты посты измайловцев и петроградцев и в 11 часу вечера открыты казармы запасных батальонов. После этого часть семеновцев вернулась обратно на Загородный проспект⁶⁰.

Основные здания казарм Семеновского полка находились по другую сторону Царскосельского (Витебского) вокзала вдоль Загородного проспекта и Звенигородской улицы. Старший адъютант начальника Военной автомобильной школы, располагавшейся в том же квартале, вспоминал, что до 11 часов вечера запасной батальон Семеновского полка при офицерах и оружии вышел из своих казарм.

Перед строем полковник Назимов, с красным бантом в петлице, говорил речь. Он соглашался во главе семеновцев идти в Думу и там признать новую «народную» власть — писал он⁶¹.

Впрочем, данное красочное описание нуждается в проверке, поскольку сам мемуарист не был очевидцем этого зрелища. Как позже сообщалось в прессе, офицеры с полковником П. И. Назимов вывели солдат в направлении Таврического дворца, когда перед казармами появилась 20-тысячная толпа⁶².

Поведение Назимова можно интерпретировать как вынужденную демонстрацию лояльности революционному движению в тот момент, когда уже город был полностью охвачен восстанием, командование Петроградским военным округом бездействовало, а Временный комитет Государственной Думы заявил о том, что готов взять в свои руки наведение порядка. Причинами можно назвать также опасение разгрома казарм со стороны толпы, если солдаты не выйдут на улицы, и попытку сохранить полк как боеспособную часть, поскольку рядовые не выходили из повиновения своим офицерам.

Запасный батальон л.-гв. Семеновского полка во главе с Назимовым и часть солдат л.-гв. Петроградского полка пришли к Таврическому дворцу в 2 часа 40 минут 28 февраля, измайловцы — спустя почти три

⁵⁹ [Орлов А. А.] Записки полковника Алексея Алексеевича Орлова // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 5. Folder Orlov, A. A., “Zapiski”.

⁶⁰ Журавлев И. Н. Присоединение семеновцев // Правда. 1917. 17 марта; С. Д. Измайловец. Выступление измайловцев // Правда. 1917. 21 марта.

⁶¹ Цит по: Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. Т. 1. СПб., 2017. С. 328.

⁶² Семеновцы // Солдатское слово. 1917. 8 апреля.

часа, еще позже — егеря⁶³. В 8 часов утра военная комиссия при Временном комитете Государственной Думы уже давала распоряжения на имя П. И. Назимова занять Царскосельский вокзал, электростанцию, сберегательную кассу и

охранять весь район в пределах улиц Николаевской <ныне Марата>, Загородного, Владимирского проспектов, у Технологического института и прилегающий район⁶⁴.

В воспоминаниях самого П. И. Назимова этот эпизод отсутствует вовсе. Он писал о том, что семеновцы оказали отпор демонстрантам, так и не присоединившись к революции⁶⁵. Вместо этого караулы запасного батальона охраняли порядок на ключевых объектах района, в том числе у Государственного банка⁶⁶. Для того, чтобы продемонстрировать то напряжение, в котором находился командный состав, П. И. Назимов упомянул эпизод, когда батальонный адъютант прапорщик В. Я. Толмачев под воздействием событий помутился рассудком и был отправлен в госпиталь. Своей заслугой в эти дни П. И. Назимов считал то, что благодаря его авторитету среди солдатской массы ему удалось избежать возможных эксцессов с офицерами. Он подчеркивал, что лично организовал круглосуточную охрану офицерского флигеля и дома командира полка, где в это время находился генерал-майор П. Э. Тилло с семьей. Кроме того, под руководством полковника была замурована могила генерала Г. А. Мина в Введенском соборе, которую могли осквернить из-за карательной экспедиции л.-гв. Семеновского полка 1905 г.⁶⁷ П. И. Назимов в своих письмах Е. Ф. Новицкому указывал:

В это же время ночное посещение казарм у меня не прерывалось. Мне важно было, чтобы солдаты видели, что я их не бросил, а, с другой стороны, и мне необходимо было держать себя в курсе их настроения. <...> Слушал благодарности, что своими посещениями в такое тяжелое время я их подбадриваю⁶⁸.

⁶³ Февральская революция в Петрограде // Красный архив. 1930. Т. 4–5. С. 68, 70.

⁶⁴ Там же. С. 78.

⁶⁵ [Назимов П. И.] Семеновцы в революции. Л. 98.

⁶⁶ Там же. Л. 103.

⁶⁷ Письмо Назимова П. И. Д. Л. Кандаурову, 26 марта 1921 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.; Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

⁶⁸ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

Имея в виду все приведенные в данных воспоминаниях свидетельства, вместе с тем нужно сказать, что они носят самооправдательный характер, и их следует воспринимать критически. Тем не менее, П. И. Назимов оказался единственным из всех командиров запасных воинских частей Петрограда, кто был переизбран на свою должность общим собранием солдат⁶⁹. Позже он стал почетным членом батальонного солдатского клуба⁷⁰. Далее П. И. Назимов быстро пошел на повышение. В начале апреля 1917 г., оставаясь командиром запасного батальона, полковник вступил в командование 1-й гвардейской запасной бригадой⁷¹. В конце июля 1917 г. П. И. Назимов стал начальником всех гвардейских запасных частей Петрограда, уступив свое место в полку Р. В. Бржозовскому⁷². Нужно отметить, что гв. Семеновский резервный полк оставался одной из наиболее дисциплинированных воинских частей Петроградского гарнизона на протяжении всего 1917 года.

После Октябрьского переворота и демобилизации П. И. Назимов находился в своем поместье в селе Сидорково Тверской губернии. Впоследствии комиссар ЧК удивлялся, в какой роскошной обстановке он жил «на положении старого помещика»:

Имение Назимова состоит из барской виллы с хорошей обстановкой, домика экономки, состоявшего из нескольких комнат с хорошей мебелью, роялем и т. п., нескольких сараев, одного хлебного амбара, конюшни и каретника в одной постройке, двух птичников, двух тарантасов, двух кабриолеток и одних легковых саней. Живой инвентарь — четыре рысистые беговые лошади и одна лошадь рабочая, три дойные коровы, телка, коза, индейки и около 15 штук кур. 10 десятин пахотной земли и около 15 десятин с лесом.

При этом вел хозяйство П. И. Назимов самостоятельно, лично обрабатывая землю и ухаживая за скотиной, но при этом не платя никаких налогов и пользуясь покровительством местной милиции⁷³.

Внимание чекистов он привлек лишь потому, что накануне и во время крестьянского восстания в июле 1919 г. в Ясеновичской волости Тверской губернии распространилась информация о том, что руководит

⁶⁹ Семеновцы о своем участии в революционном движении // Солдатское слово. 1917. 18 апреля.

⁷⁰ Голос солдата. 1917. 10 мая.

⁷¹ Приказ по 1-й гвардейской запасной бригаде 11 апреля 1917 г. // РГВИА. Ф. 16094. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁷² Поляков С. А. Указ. соч. С. 58.

⁷³ Из докладной записки комиссара ЖЧК (железнодорожной ЧК) М. В. Клюева в коллегию ЖЧК Русевского узла о расследовании дела бывшего полковника П. И. Назимова // Знамя. Общественно-политическая газета Кувшинского района Тверской области <электронный ресурс>. URL: <http://kuvznama.ru/sidorkovo.html>. Дата обращения: 30.10.2019.

движением бывший полковник Семеновского полка Назимов. Расследование, однако, показало, что это были ложные слухи⁷⁴. Тем не менее, когда в имение был послан наряд для того, чтобы арестовать П. И. Назимова, он, заранее предупрежденный, по собственным словам, «скрываясь в лесу и затем продолжал скрываться по деревьям»⁷⁵. Каким путем ему удалось эмигрировать, к сожалению, неизвестно, однако уже в 1920 или 1921 г. он с женой оказался в вольном городе Данциге. До конца своей жизни в 1933 г. Назимов служил в чайной компании «Азиатик трейдинг»⁷⁶.

Подводя итоги, нужно сказать, что биография П. И. Назимова отразила все важные события истории России в непростую эпоху войн и революций. Его жизненный путь показывает нам поведение человека в экстремальных условиях. Картина эта далека от героической. Назимов участвовал в карательных мероприятиях — и раскаивался в этом, налаживал хорошие взаимоотношения с нижними чинами, при этом злоупотребляя своим служебным положением, принимал меры по пресечению революционного движения, но позже стремился сделать себе карьеру в новых условиях. Ему удалось вырваться из водоворота Гражданской войны, чтобы оказаться в эмиграции обычным служащим, лишенным права называть себя офицером Семеновского полка.

П. И. Назимова сложно назвать человеком со строгими принципами. Однако в «черную книгу» он был занесен не за трусость, не за коррупционность и даже не за революционный карьеризм. Как ни странно, все это могло быть прощено. Из высказываний его бывших сослуживцев следует, что главным проступком Назимова оказалось то, что все это он делал не на благо полка. В конечном итоге, от офицера одного из самых старых полков требовали, чтобы корпоративные интересы стояли выше его собственных.

Список литературы

Астахов А. Б. Петроградский гарнизон накануне 1917 года: От повседневности прифронтового города к революции // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2017. № 1. С. 17–38.

⁷⁴ *Соколов К. И.* Противостояние народа и власти в российской провинции после Октябрьской революции, 1917–1921 гг.: На материалах Тверской губернии. Дисс. ... к. и. н. Тверь, 1999. С. 146.

⁷⁵ Письмо П. И. Назимова Е. Ф. Новицкому, 12 февраля 1924 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 4. Folder Semenovskii polk correspondence. Nazimov, P. I.

⁷⁶ Письмо Д. И. Ходнева А. В. Попову, 29 января 1952 г. // BAR. Semenovskii Polk Records, 1720–1967. Box 3. Folder Semenovskii polk correspondence К-М; Незапытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 в шести томах. Т. 5: Н-П. М., 2004. С. 29.

- Астаилов А. Б.* Повседневность запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 5. С. 71–91.
- Астаилов А. Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. 714 с.
- Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. 527 с.
- Кожеев В. Л.* Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. 260 с.
- Минаков С. С.* Лейб-гвардии Семеновский полк: 1914–1924 гг.: Элитарная и социокультурная корпорация в условиях войны и революции. Дисс. ... к. и. н. Орел, 2006. 282 с.
- Перельгин В. М.* Профессиональная подготовка и ротация офицерских кадров лейб-гвардии Семеновского полка в 1914–1918 гг. Дисс. ... к. и. н. Орел, 2013. 299 с.
- Поляков С. А.* Офицеры лейб-гвардии Семеновского полка в российских социально-политических условиях 1917 — сентября 1918 гг. Дисс. ... к. и. н. Орел, 2015. 275 с.
- Соколов К. И.* Противостояние народа и власти в российской провинции после Октябрьской революции, 1917–1921 гг.: На материалах Тверской губернии. Дисс.... к. и. н. Тверь, 1999. 241 с.
- Чувадин Г. С.* Старая гвардия. Социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии» (1894–1914 гг.). Орел, 2002. 304 с.

Konstantin Andreevich TARASOV

Candidate of Historical Sciences, researcher fellow of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, associate professor of St. Petersburg State Electrotechnical University “LETI”, senior lecturer of National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E-mail: senderkeeper@mail.ru

Colonel P. I. Nazimov. Outcast officer biography

The article is devoted to the biography of Semenovskiy regiment colonel Pavel Ivanovich Nazimov. The main attention is paid to the period of the First World War, when he served as commander of the reserve battalion in Petrograd. The issues of the daily life of the reserve military unit and its participation in the February uprising of 1917 are examined to understand why P. I. Nazimov in 1924 was expelled from the society of Semenovskiy regiment officers.

Keywords: Semenovskiy regiment, Petrograd garrison, February uprising of 1917.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 611

Андрей Владиславович ГАНИН

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

СОПРОВОЖДАЛ ЛИ ПОДПОЛКОВНИК М. С. СВЕЧНИКОВ В. И. ЛЕНИНА ЧЕРЕЗ ФИНЛЯндиЮ В АПРЕЛЕ 1917 г.?

Статья посвящена разбору историографического мифа о якобы имевшем место сопровождении полковником М. С. Свечниковым возвращавшегося из эмиграции В. И. Ленина.

Ключевые слова: В. И. Ленин, полковник Свечников, возвращение Ленина из эмиграции.

Военной деятельности лидера большевистской партии В. И. Ленина посвящено множество работ. Казалось бы, в этом вопросе практически невозможно сказать что-то новое. Однако на проверку некоторые сюжеты, связанные с этой темой, оказались мифологизированы. Один из них касается сотрудничества с Лениным полковника М. С. Свечникова. Поскольку все, что связано с контактами лидера большевиков и старших офицеров Русской армии, представляет чрезвычайную важность с точки зрения уточнения обстоятельств прихода большевиков к власти и их взаимодействия с командным составом старой армии, попытаемся на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов проанализировать известные данные о сотрудничестве Свечникова и Ленина в апреле 1917 г.

Михаил Степанович Свечников (18.09.1881–26.08.1938) происходил из донских казаков, окончил три класса церковно-приходского училища, Донской кадетский корпус (1898), Михайловское артиллерийское училище (1901) и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911). Свечников имел обширный боевой опыт — участвовал в Китайском походе, Русско-японской и Первой мировой войнах. Исполнял должность начальника штаба крепости Осовец, был контужен и отравлен газами. Это был храбрый офицер, удостоенный многих боевых наград, включая орден Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевское оружие¹.

¹ Подробнее о М. С. Свечникове см.: Ганин А. В. «Быть коммунистом с 1919 года — это слишком поздно». Четыре мифа о первом большевистском нациде Михаиле Свечникове // Родина. 2019. № 6. С. 117–121.

*Ил. 1. Подполковник М.С. Свечников.
1917 г.*

27 января 1917 г. Свечников в чине подполковника занял пост начальника штаба 106-й пехотной дивизии, дислоцированной в Финляндии².

В дореволюционной биографии Свечникова не обнаруживается какой-либо склонности к леворадикальным или даже демократическим идеям. Его путь и интересы вполне традиционны для генштабиста. Офицер имел отличную аттестацию за 1916 г.³ Демонстрировал он монархические убеждения и лояльность императорской власти, гордясь производством в следующий чин лично от императора Николая II на смотре георгиевских кавалеров в Ставке⁴.

После Февральской революции офицер стал подлаживаться под революционные веяния, перешел с монархических позиций на республиканские и социалистические, вступил в партию эсеров, сотрудничал с финской социал-демократической партией, а в своих политических заявлениях подстраивался под переменчивые настроения дивизионного комитета. Впоследствии Свечников примкнул к большевикам.

Считается, что Свечников обеспечивал проезд Ленина и его спутников (всего ехали 33 человека), возвращавшихся из эмиграции, через территорию Финляндии в Россию, причем 2–3 апреля 1917 г. лично сопровождал их от Таммерфорса до Петрограда. До глубокого погружения в детали биографии М. С. Свечникова автор этих строк не имел оснований сомневаться в достоверности подобных утверждений⁵. Однако знакомство с основным массивом документов о деятельности Свечникова позволило пересмотреть целый ряд деталей его революционной био-

² РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 78. Л. 2 об.; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 463.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1355. Л. 154 об.

⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 218.

⁵ Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. Изд. 2-е. М., 2017. С. 171.

графии, в том числе поставить под сомнение вопрос о сопровождении Ленина через Финляндию.

Как оказалось, данные о контактах Свечникова с Лениным известны исключительно по свидетельству младшего сына Свечникова — Бориса⁶, причем примерно с 1980 г. Прямых альтернативных подтверждений эти свидетельства не имеют. Ни в «Биохронике» Ленина за апрель 1917 г., ни в опубликованных ленинских документах Свечников не упоминается. Сам Свечников, в отличие от других участников событий, имевших отношение к деятельности Ленина, также ни разу не обмолвился о знакомстве с лидером большевиков и оказанной ему поддержке. Между тем, в советское время Свечников неизбежно должен был упоминать о столь значимой революционной заслуге, если бы она имела место на самом деле.

Эта история вызывала вопросы еще в советское время. Не случайно 18 февраля 1980 г. заместитель директора Института марксизма-ленинизма М. П. Мчедлов обратился к Московскому городскому военному комиссару генерал-майору Ф. Н. Илларионову с запросом:

Нам стало известно, что в Мосгорвоенкомате хранится личное дело комбрига Свечникова Михаила Степановича, члена КПСС с мая 1917 г. Нас интересует вопрос: имеется ли в документах его личного дела (в автобиографиях или в анкетах) хотя бы одно упоминание о том, что в апреле 1917 года он руководил охраной группы политэмигрантов во главе с В. И. Лениным, возвращавшихся из Швейцарии в Россию через Швецию и Финляндию. В то время М. С. Свечников был начальником штаба 106-й пехотной дивизии 42-го армейского корпуса, дислоцированной в Финляндии, и вел активную военно-революционную работу. Сведения необходимы нам для уточнения обстоятельств проезда В. И. Ленина по территории Финляндии⁷.

13 марта 1980 г. на обороте этого письма помещена резолюция о том, что запрос исполнения не требует, а все данные сообщены ученому секретарю института по телефону. Подробностей о Ленине не нашлось, что подтверждают и материалы самого дела в Мосгорвоенкомате⁸.

В вышедшей в том же 1980 г. статье сына Свечникова и его соавтора, советского историка Ю. А. Геллера, оказалась нарушена хронология событий, и участие М. С. Свечникова в революционной деятельности лета—осени 1917 г. отнесено к весне того же года, что исказило его по-

⁶ *Аверьянов В. В.* «Финляндские войска» в событиях 1917 года в Петрограде (август — декабрь). Дисс. ...к.и.н. М., 1999. С. 9.

⁷ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 26.

⁸ Московский городской военный комиссариат. Д. АГ-109315.

литическую биографию⁹. Авторы отметили, что приказ заниматься обеспечением проезда Ленина Свечников получил от начальника дивизии 1 апреля 1917 г. Зачем начальнику дивизии понадобилось отдавать такой приказ, выходящий за рамки должностных обязанностей начальника штаба, не пояснялось. Тогда же якобы состоялось знакомство Свечникова с членом Русского бюро ЦК РСДРП(б) и членом Петербургского комитета РСДРП(б) Б. А. Жемчужиным и лидером местных финских социал-демократов в Таммерфорсе Марканеном. В целях конспирации Свечников выбрал фамилию отчима — Попов, ставшую его псевдонимом тогда и позднее¹⁰.

За проезд большевиков через Финляндию отвечал член ЦК РСДРП(б) А. Г. Шляпников, с которым в дальнейшем судьба сводила Свечникова еще не раз. Однако на допросе в 1938 г. Свечников показал, что со Шляпниковым познакомился только в 1918 г. при назначении на Каспийско-Кавказский фронт¹¹.

Я был тогда молодым членом партии, плохо разбирался в политической обстановке; Шляпников являлся для меня крупным партийным авторитетом, постоянно ссылавшимся на то, что он облечен доверием ЦК партии. Я целиком подпал под его влияние, полностью соглашался с его установками, проводил его директивы и в результате очутился в рядах «рабочей оппозиции»¹².

Следовательно, в апреле 1917 г. Свечников со Шляпниковым еще не познакомился, но, если бы офицер действительно сопровождал Ленина, такое знакомство было бы практически неизбежным.

Неубедительны утверждения и о том, что

Свечников сразу понял ситуацию и оценил доверие, оказанное ему большевиками. О Ленине он слышал уже много раз. И хотя его сведения были отрывочны (произведений Ленина не читал, биографии не знал), он понимал, что в Россию едет выдающийся революционер, вождь партии, сражающийся в первых революционных рядах¹³.

⁹ Геллер Ю. А., Свечников Б. М. 1917 год. Март–апрель // Дружба народов. 1980. № 4. С. 185.

¹⁰ Геллер Ю. А., Свечников Б. М. Краском из Усть-Медведицкой // Дон. 1981. № 2. С. 115. Это подтверждается тем, что при обмене партийных документов в 1936 г. Свечников записался как Свечников-Попов (копия документа из собрания РГАСПИ // Архив автора).

¹¹ Центральный архив ФСБ России. Д. Р-10466. Т. 1. Л. 53.

¹² Там же. Л. 54.

¹³ Геллер Ю. А., Свечников Б. М., 1917 год. Март–апрель. С. 186.

Приведем и продолжение этой версии. Для охраны группы Ленина Свечников якобы подобрал наряд из четырех надежных солдат во главе с унтер-офицером 422-го пехотного Колпинского полка Гудовичем (ефрейтор Гудович действительно фигурирует в документах дивизии как член правления дивизионного комитета от 422-го полка¹⁴). Подбором наряда занимался большевик поручик Муханов из дивизионного комитета.

По документам дивизии удалось установить, что речь идет о призванном из запаса бывшем земском начальнике Екатеринбургского уезда Пермской губернии поручике Борисе Владимировиче Муханове, который служил в 424-м полку и в 1917 г. был комендантом Таммерфорса¹⁵. В июле 1917 г. он был произведен в штабс-капитаны, а на октябрь 1917 г. служил офицером-ординарцем при Свечникове, ставшем начальником дивизии, причем с 3 сентября 1917 г. даже временно исполнял должность старшего адъютанта штаба дивизии по строевой части¹⁶. Таким образом, это был приближенный к Свечникову офицер.

По версии сына Свечникова, наряд отправился в Торнео. Свечников решил лично сопровождать Ленина от Таммерфорса, и якобы уже на подъезде к Петрограду Ленин пожал ему руку¹⁷. Свечников, по свидетельству сына, впоследствии именовал два дня сопровождения группы Ленина по Финляндии «самыми длинными сутками»¹⁸.

По этой же версии Свечников впервые увидел Ленина только при пересадке на станции Рихимяки. Далее он наблюдал встречи Ленина на станциях, слушал его разговоры в вагоне, якобы даже не допустил в вагон к Ленину пьяных офицеров, присутствовал при выступлении Ленина на Финляндском вокзале, а 4 апреля был в Таврическом дворце, где Ленин зачитал свои «апрельские тезисы»¹⁹.

Потомки Свечникова не настаивали на факте личного общения большевистского лидера со Свечниковым. По признанию Б. М. Свечникова и Ю. А. Геллера,

Свечников еще не был готов согласиться с Лениным по вопросам отношения к войне и к Временному правительству, <но> интуитивно понял, что здесь сегодня решается история и судьба его страны²⁰.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 105. Л. 145; Ф. 2971. Оп. 1. Д. 67. Л. 18.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 236. Л. 319; Д. 203. Л. 46, 51; Д. 208. Л. 41.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 208. Л. 394.

¹⁷ Геллер Ю. А., Свечников Б. М., 1917 год. Март–апрель. С. 188.

¹⁸ Там же. С. 184.

¹⁹ Козловский Ю. М. «Учитесь всему доброму...» // Вожатый. 1981. № 4. С. 8.

²⁰ Геллер Ю. А., Свечников Б. М., 1917 год. Март–апрель. С. 189.

В той же статье с элементами семейных воспоминаний отмечено:

Дети М. С. Свечникова помнят, что каждый год в один из таких апрельских дней отец, придя с работы, выпивал перед ужином пару рюмок (вообще-то он практически не пил и никогда не курил) и объявлял: в память Муханова, Жемчужина, Гудовича и других. Коротко и скупо рассказывал. Лицо его оживлялось²¹.

Невозможно, однако, представить, что спустя годы бывший полковник пил за караульного унтер-офицера, исполнявшего сугубо технические функции или же за члена дивизионного комитета, вся заслуга которого сводилась к составлению наряда на караул.

Документы 106-й пехотной дивизии историю с сопровождением Свечниковым Ленина не подтверждают. Если бы высокопоставленный офицер получил приказ сопровождать политических эмигрантов (что само по себе невероятно), в архиве дивизии должна была сохраниться цепочка документов, касающихся этого вопроса. Однако ничего подобного нет. В журнале военных действий штаба дивизии за интересующий нас период содержится только две записи — за 31 марта об осмотре лагеря у станции Парола и за 4 апреля о распоряжении Ставки на перевозку войск из Кавказской армии и намеченной передислокации частей дивизии²².

Аналогичная ситуация и с приказами по дивизии, в которых в обязательном порядке фиксировались все командировки представителей командного состава, в том числе начальника штаба дивизии. Но в конце марта — начале апреля, судя по приказам, Свечников никуда не командировался. Ближайшие его командировки состоялись лишь в начале мая — 3–6 мая по осмотру частей дивизии и 7–9 мая — в Петроград и Выборг²³. В деле «О командировании офицеров и чиновников по разным причинам» также нет никаких бумаг о командировании Свечникова куда-либо в начале апреля 1917 г. Для сравнения: его документы за майские командировки (включая распоряжения о командировании, командировочное удостоверение, рапорты об убытии и прибытии) имеются²⁴.

Журнал исходящих бумаг штаба дивизии за конец марта — начало апреля 1917 г. также не содержит ничего, относящегося к возможной встрече эмигрантов (отметим, что 1 апреля штаб рассылал пасхальные поздравления, а непосредственно на Пасху, 2 апреля, исходящих бумаг

²¹ Там же. С. 190.

²² РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 79. Л. 2об.

²³ Там же. Д. 105. Л. 116–119.

²⁴ Там же. Д. 201. Л. 222, 223, 241, 246, 247, 248.

не было)²⁵. Ничего нет об этом и в журнале входящих бумаг²⁶. Таким образом, приказа сопровождать эмигрантов никто не отдавал. Однако 27 марта был получен ответ штаба корпуса об ускорении производства Свечникова в полковники²⁷. Ожидание производства вряд ли могло сочетаться с самовольной отлучкой в военное время для сопровождения политических эмигрантов. 2 апреля 1917 г. Михаила Степановича произвели в полковники со старшинством с 25 июля 1915 г., однако в дивизии об этом узнали только 30 апреля²⁸.

В интересующий нас промежуток времени издавались приказы по дивизии: № 62 от 26 марта, № 63 от 29 марта, № 64 от 31 марта (с поздравлениями в связи с Пасхой) и № 65 от 6 апреля²⁹. Все они подписаны в том числе и Свечниковым. Следовательно, в те дни он находился в штабе дивизии. Сохранилась написанная рукой Свечникова с датой 1 апреля 1917 г. телеграмма от имени начальника дивизии в Петроград³⁰.

Удалось обнаружить и недатированное поздравление Свечникова всем частям дивизии, относящееся, вероятно, к 1 апреля:

Товарищи граждане офицеры и солдаты. Штаб дивизии со всеми командами сердечно поздравляет вас со светлым праздником и желает дальнейшего счастья и свободного существования³¹.

Также сохранились подписанные Свечниковым телефонограмма и целый ряд других документов, датированных 4 апреля, из которых следует, что в тот день он занимался вопросами выдачи бесплатных билетов до Петрограда женам солдат комендантской роты дивизии, вел переговоры по поводу табели срочных донесений, выписал несколько предписаний³². Наконец, в деле со входящими телеграммами за 1917 г. нет ни одной входящей телеграммы о встрече эмигрантов³³. Кроме того, дивизионный комитет сформировался только в середине апреля 1917 г., таким образом, поручик Муханов в то время еще не мог быть его представителем.

Не подтвердилось и утверждение Ю. А. Геллера и Б. М. Свечникова о том, что Свечников якобы лично рано утром 4 апреля предложил свою

²⁵ Там же. Д. 237. Л. 176 об. — 186 об.

²⁶ Там же. Д. 236. Л. 307–327.

²⁷ Там же. Л. 316 об.

²⁸ Там же. Д. 105. Л. 113.

²⁹ Там же. Л. 89–92 об.

³⁰ Там же. Д. 203. Л. 131.

³¹ Там же. Д. 200. Ч. 1. Л. 168.

³² Там же. Д. 136. Л. 465, 472, 475; Д. 200. Ч. 1. Л. 103; Д. 205. Л. 208, 209, 219, 234, 235.

³³ Там же. Д. 137.

статью «Дисциплина в армии» в петроградскую меньшевистскую газету «День»³⁴. В документах дивизии нашелся растиражированный и хранившийся вместе с приказами экземпляр этой статьи с датой 8 апреля 1917 г. и рукописной припиской самого Свечникова:

Эта статья послана мной в Совет солдатских и рабочих депутатов г. Петрограда, а также редакциям газ<ет> «Речь», «День», «Русский инвалид», «Народная армия»³⁵.

Следовательно, статья была отправлена по почте, а не передана лично. Таким образом, отпадает еще один аргумент в пользу того, что Свечников сопровождал эмигрантов и в итоге оказался в столице.

Нет упоминаний о командировке для сопровождения эмигрантов или возвращении из нее чинов 422-го пехотного Колпинского полка и в приказах по этому полку за конец марта — начало апреля 1917 г.³⁶ Таким образом, никаких командировок в период возвращения Ленина в Россию не производилось. В полку понедельник, 3 апреля, и вторник, 4 апреля 1917 г., считались праздничными днями после Пасхи, поэтому занятий с солдатами в эти дни не велось³⁷. Не производилось занятий также в пятницу, 31 марта, и в субботу, 1 апреля³⁸. Не было их и непосредственно на Пасху, в воскресенье. Таким образом, не исключена возможность отсутствия некоторых чинов полка в эти дни в расположенной части. Один из упоминаемых в связи с возвращением Ленина лиц, ефрейтор Гудович, 8 апреля был избран представителем полка в дивизионный комитет в качестве постоянного члена правления³⁹.

Более того, как недавно установил А. В. Смолин, группу эмигрантов с Лениным до Петрограда через территорию Финляндии сопровождали не чинов 422-го полка, а караул 1-й сотни Петроградского конного дивизиона пограничной стражи (Д. Андреев, Н. Лазарев, Л. Струков, С. Юратов), причем солдат Лазарев подписал расписку о принятии 33 эмигрантов⁴⁰. В некоторых случаях группы эмигрантов, ехавших через Финляндию, сопровождал представитель Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, однако нигде не отмечено, что такое

³⁴ Геллер Ю. А., Свечников Б. М. Краском из Усть-Медведицкой. С. 116.

³⁵ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 107. Л. 16 об.

³⁶ РГВИА. Ф. 2971. Оп. 1. Д. 66, 67.

³⁷ Там же. Д. 67. Л. 7.

³⁸ Там же. Д. 66. Л. 84.

³⁹ Там же. Д. 67. Л. 18.

⁴⁰ Смолин А. В. 1917 год: Торнео — дорога в Россию // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2015. № 2. С. 24–25.

сопровождение мог осуществлять начальник штаба дислоцированной в Финляндии дивизии.

При этом интересно, что через французскую миссию в Стокгольме министр-председатель Временного правительства, а от него и штаб Петроградского военного округа в марте получили данные о подготовке германцами засылки тайной агентуры через Финляндию, в том числе «для ведения анархической и пацифистской пропаганды среди рабочих классов»⁴¹. Соответствующее предупреждение было направлено в штаб 106-й дивизии, а в середине апреля сам Свечников разослал по дивизии эти сведения для активизации борьбы с агентами противника и охраны казарменных зданий⁴².

В целом представляется, что революционность Свечникова еще не распространялась на повседневные служебные обязанности. К примеру, 9 июля 1917 г. в дивизии была получена телеграмма из Петрограда, в которой среди прочего говорилось о следствии против Ленина. Свечников, как это было принято, расписался в ее получении и переслал далее в части дивизии⁴³. К этому можно добавить, что при обмене партийных документов в 1936 г. Свечников бесхитростно указал:

Состоял членом партии соц<иалистов>-рев<олюционеров> с II по V 1917 г. в гор<оде> Таммерфорсе — Финляндия⁴⁴.

Если эти сведения достоверны, тогда тем более неясно, зачем представителю партии эсеров сопровождать лидера большевиков.

Ленин прибыл на пограничный пункт в Торнео 2 апреля, а в Петроград — вечером 3 апреля. Свечников 31 марта, 1 и 4 апреля находился в дивизии, а между этими датами никуда не командировался. Никуда не командировались в те дни и чины 422-го пехотного Колпинского полка. Приказов сопровождать эмигрантов в дивизии не издавалось, а новейшие исследования показали, что сопровождал эмигрантов караул от Петроградского конного дивизиона пограничной стражи, а не от дивизии Свечникова.

Итак, доказательств того, что Свечников сопровождал Ленина в Петроград, не обнаружено. Ни Ленин, ни другие участники событий не упоминали о том, что их через Финляндию сопровождал штаб-офицер Русской армии. Не свидетельствовал об этом и сам Свечников. Однако документов за подписью М. С. Свечникова, датированных 2–3 апреля

⁴¹ РГВИА. Ф. 2421. Оп. 2. Д. 21. Л. 130.

⁴² Там же. Л. 130 об.

⁴³ Там же. Д. 137. Л. 303.

⁴⁴ Копия документа из собрания Российского государственного архива социально-политической истории // Архив автора.

1917 г., обнаружить не удалось, что оставляет некоторое пространство для предположений о возможности его самовольной поездки в Петроград с учетом праздничных дней в дивизии. Но такая самовольная отлучка из дивизии начальника штаба в военное время считалась воинским проступком и подлежала дисциплинарному взысканию, а если бы офицер отсутствовал дольше трех дней, это квалифицировалось как побег и влекло за собой исключение со службы с лишением чинов⁴⁵.

Завершая анализ этого эпизода, отмечу, что знакомство Свечникова с Лениным тогда или позднее, по-видимому, все же произошло, косвенным подтверждением чему служат обращения Свечникова в 1919 г. с докладом и личной просьбой прямо к большевистскому лидеру через головы непосредственного начальства⁴⁶.

Список литературы

Аверьянов В. В. «Финляндские войска» в событиях 1917 года в Петрограде (август — декабрь). Дисс. ...к.и.н. М., 1999.

Воинский устав о наказаниях. СПб., 1899.

Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. Изд. 2-е. М., 2017.

Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

Ганин А. В. «Быть коммунистом с 1919 года — это слишком поздно». Четыре мифа о переломе большевистском начдиве Михаиле Свечникове // Родина. 2019. № 6. С. 117–121.

Геллер Ю. А., Свечников Б. М., 1917 год. Март — апрель // Дружба народов. 1980. № 4.

Геллер Ю. А., Свечников Б. М. Краском из Усть-Медведицкой // Дон. 1981. № 2.

Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969.

Козловский Ю. М. «Учитесь всему доброму...» // Вожатый. 1981. № 4.

Смолин А. В. 1917 год: Торнео — дорога в Россию // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2015. № 2.

Andrei Vladislavovich GANIN

doctor of historical Sciences, leading researcher of the Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: andrey_ganin@mail.

Did Lieutenant Colonel M. S. Svechnikov accompany V. I. Lenin through Finland in April 1917?

The article deals with the historiographical myth about the alleged escort of Vladimir Lenin on his return from the exile by Colonel Svechnikov.

Keywords: Lenin, Colonel Svechnikov, Lenin's route through Finland.

⁴⁵ Воинский устав о наказаниях. СПб., 1899. С. 51–52.

⁴⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 316 и об.; Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969. С. 272.

УДК 94 (47).084.1

ББК 63.3 (4) 611

Алексей Викторович ОРЛОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mobus@mail.ru

ЭКОНОМИКА ВОЙНЫ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ В 1917 г.: МОЖНО ЛИ БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ МИРА?

В статье проанализирована экономическое положение России во время Первой мировой войны и его связь с Великой русской революцией 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, революция, война, промышленность, дороговизна, рабочий вопрос, государство, экономика.

На конференции «Война и оружие» в мае 2019 г. в ВИМАИВиВС мне посчастливилось утверждать, что 1917 год в истории России остался нераскрытым, а дискуссия о революции и судьбе России в 1917 г. не может быть даже убедительной, так как она крайне однобока и очень упрощена. Военная промышленность и рабочий вопрос занимали в этой дискуссии далеко не первое и вообще не подобающее место. Рабочий вопрос откровенно замалчивался или затирался.

Оценки 1917 года страдают по-прежнему сильной тенденциозностью и, на мой взгляд, полны пристрастия и перегибов. Но ведь есть и откровенная теория победы заговора в октябре 1917 г. и ошибок, допущенных в феврале, которые привели к падению династии и монархии. Точно также очень и очень мало пока выяснена история российской промышленности с точки зрения самих же её руководителей и владельцев, частных заводчиков и фабрикантов, инженеров, техников, той части интеллигенции, которой принадлежит заслуга творить и создавать. Как относились они к происходящему, как переживали это время, какими глазами смотрели в будущее, а не только в настоящее, которое их окружало? Во всяком случае, на книжных полках магазинов такие книги найти мне пока не удаётся. Я их не встречаю.

1917 год принёс в Россию не только революцию, но и новый уровень политического и общественного сознания. Экономическое положение России осложнялось не только довоенными проблемами, но и длительностью самой войны. Революция усугубила это осложнение, и дезорганизация, которая угрожала стране, выросла ещё более.

Главный вопрос моего исследования: можно ли было преодолеть кризис 1917 года в его дальнейшем развитии? Я оставляю в стороне вопрос, можно ли было уберечь династию от Февральского взрыва, т. е. революции. Революции, которую переворотом назвать не приходится. Это была настоящая революция. Если же оценивать победу большевиков в Октябре как развитие революции от Февраля к Октябрю, а для меня это именно так, то возникает вопрос: каким образом успех большевиков стал закономерным, а не цепью случайностей и стечением обстоятельств? Что повлияло на ход событий более: экономика или политика? В каком соотношении эти два фактора вели от одного кризиса к другому? А мы видим не один, а целую цепь кризисов.

Вот такая ситуация складывалась в промышленности на местах. Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов (ПОЗиФ) сообщал 3 июня 1917 г. в рубрике «Что делается на фабриках и заводах»:

Во Владимирской губернии под влиянием угроз со стороны рабочих принуждены были оставить службу: 1) заведующий (долголетний) ситцевой фабрики Покровской мануфактуры, 2) заведующий (долголетний) фабриками Товарищества мануфактуры Н. Т. Шапова и 3) помощник ткацкого мастера фабрики Г. М. Ямановского. <...> В Калужской губернии на писчебумажных фабриках В. Говарда рабочими насильственно удалён с фабрики директор-инженер, арестованный затем ими и отправленный в распоряжение уездного исполнительного комитета. <...> В Херсонской губернии смещены: 1) в адмиралтействе Русского общества пароходства и торговли — электротехник и литейщик и опытные мастера; 2) на судостроительном заводе К. О. Ревенского — мастер; 3) на заводе Общества химической промышленности — мастер, прослуживший 23 года; 4) на заводе земледельческих орудий «И. И. Гот» — мастер; 5) на канатном заводе Общества черноморских канатных заводов — проволочный мастер, прослуживший более 30 лет; 6) на джутовой фабрике Общества джутового производства — коммерческий директор и его личный секретарь; 7) на машиностроительном заводе Гуревича — два мастера; 8) на машиностроительном заводе Общества «Р. И. Т. Эльворти» — заместитель заведующего заводов и литейный мастер. В Черноморской губернии удалены по требованию рабочих на цементных заводах Черноморского цементного производства — заведующий и на механическом заводе Южно-русских механических заводов — директор. <...> В Тверской губернии на вагоностроительном заводе Балтийского общества в Твери 26 апреля рабочими сборно-столярной мастерской для сборки товарных вагонов вывезен на тачке мастер этой мастерской. Боясь подобных же насилий, прекратили посещение службы помощник мастера и помощник начальника мастерских. <...> Следует ещё упомянуть случай, имеющий место на Горловском артиллерийском заводе общества Беккер и Ко. На этом заводе возник конфликт между мастером и рабочими. Дело решено было перенести в примирительную камеру, но рабочие, не дожидаясь рассмотрения дела камерой, вывезли мастера на тачке, несмотря на то, что согласно

уставу камеры, удаление мастеров без разбора примирительной камерой, а тем более насильственное удаление или самосуд, недопустимы¹.

Надо напомнить, что 60% всей оборонной продукции по металлообработке и в особенности по артиллерийскому производству концентрировалось именно в Петрограде. Кроме того, значительнейшая часть машиностроения, авиастроения, химического производства и производства пороха и взрывчатых веществ в ещё большей доле были представлены именно в Петрограде.

Объяснить эти рабочие действия лишь большевистской партийностью нет возможности, так как ничем и нигде этого не доказано и по сей день. РСДРП(б) на тот момент явно ориентировалась как раз не на экономические требования рабочих, а на политическую борьбу с Временным правительством. Ни большевики, ни меньшевики повлиять на эту рабочую стихию едва ли могли своими чисто программными требованиями. Эсеры — тем более. Такие выступления рабочих активно поддерживались группами ультралевых анархистов.

Тот же орган ПОЗиФ сообщал в номере от 1 июля 1917 г. о прекращении деятельности машиностроительного завода И. А. Семёнова.

Благодаря закрытию завода остались незаконченными крупные заказы Главного артиллерийского управления, Управления военного воздушного флота, уполномоченного министра земледелия и др.

В рубрике «Что делается на фабриках и заводах» сообщалось:

Инцидент на Русско-Балтийском воздухоплавательном заводе. <...> 7 июня общее собрание рабочих Русско-Балтийского воздухоплавательного завода постановило устранить от должности директора завода инженера Яркового. Это постановление было объявлено Ярковному утром 8 июня через особого делегата, который заявил, что если он добровольно не подчинится постановлению общего собрания, придётся в отношении его применить насильственные меры. Но о мотивах, побудивших рабочих предпринять такие меры, Ярковному сообщено не было. <...> Конфликт на заводе Арматурно-электрического общества. Несколько недель тому назад на завод Петроградского арматурно-электрического акционерного общества был приглашён в качестве директора инженер-технолог Г. Орлов, с 5 июня вступивший в исполнение своих обязанностей. О вступлении инженера Орлова дирекция завода вывесила в мастерских соответствующее объявление. Но едва объявление это появилось, как заводской комитет со своей стороны прислал администрации завода заявление, в котором сообщается, что до тех пор, пока инженером Орловым не будет доставлено удостоверение с последнего места

¹ Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. 1917. №2. 3 июня. С. 4.

от заводского комитета, новый директор к исполнению своих обязанностей приступить не имеет права².

Капитальной важности вопрос и проблема — могла ли Россия воевать дальше при таких условиях? И, вместе с тем, другая сторона вопроса: только ли большевики были причиной Октябрьского переворота, можно ли было избежать успеха большевиков? Наконец, кто сыграл наибольшую роль в том кризисе власти, который привёл большевиков к переходу власти в их руки?

Экономические проблемы будут сопровождать этот поиск неразрывно и полно.

Вопрос, не решённый историками: выгодны ли были военные заказы для частной промышленности, в особенности в условиях 1917 г.? В военной промышленности рабочее движение сыграло огромную роль, роль решающую в революционном движении России. Поэтому о нём приходится говорить как о центральной проблеме революции наряду с солдатским движением и движением во флоте.

В промышленном отношении два городских центра, четыре региона в России выделялись как ведущие в деле оборонной индустрии: Петроград; Москва (шире — Центральный промышленный район); Донбасс и юг Украины; средний Урал. От развития и мощности этих центров, весьма удалённых друг от друга, зависел успех не только тыла, но и фронта в деле вооружения. Казённая промышленность далеко не доминировала в общей массе промышленной мощности России, и поэтому частная промышленность и в первую очередь крупная представляла преобладающую опору военной экономики страны.

За время войны значение Московского промышленного района, с точки зрения металлообработки и производства боеприпасов в первую очередь, заметно выросло по сравнению с Петроградским районом, уже не имевшим былой монополии в этом отношении. Москва требовала теперь для себя всё большего внимания, тем более, что окраинное положение Петрограда создавало множество труднейших проблем для снабжения его через всю страну с юга и Урала и также удорожало и провоз и готовый продукт. Для Москвы, однако, не хватало железнодорожных путей и не хватало топлива. В военное время строительство многотысячных вёрст новых дорог требовало и средств и времени.

Экономическая борьба, которая развернулась в промышленности сразу после победы Февральской революции, со стороны рабочих может быть без преувеличения названа внутренней войной в промышленности. Рабочие повели очень жёсткую и даже агрессивную борьбу не за одни

² Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. 1917. № 14. 1 июля. С. 3–4.

только улучшения и права для них. Речь шла о настоящем преследовании многих служащих, мастеров и управленцев, инженеров на предприятиях с целью их удаления по принципу недоверия и антипатий рабочих. Забастовочное движение приняло непримиримый и массовый характер и, что особенно важно в условиях войны, рабочие получили фактическое право бессрочных забастовок, не опасаясь никакого правового и силового преследования и пресечения их действий со стороны местной и официальной правительственной власти. Достаточно быстро возникали отраслевые профессиональные союзы рабочих, теперь легальные и без каких-либо ограничений, кроме их собственного устава.

Государственный кризис после Февраля не ослаб и, как известно, получил новое значение и масштабы.

Если всего только перечислить новые и прежние проблемы, ставшие для России в 1917 г. с падением Романовых, мы почувствуем огромный груз экономических и политико-юридических вопросов. Едва ли не первоочередным стал вопрос о том, какую войну ведёт Россия теперь, после Февраля, и будет ли она продолжать войну по-старому.

Особое совещание по обороне государства (далее ОСОГ) в заседании 1 июля 1917 г. заслушало

доклад помощника военного министра генерала от артиллерии А. А. Маниковского о ходе поставок предметов артиллерийского, военно-технического, интендантского и авиационного имущества за март–июнь месяцы сего года. Признавая в общем, вполне удовлетворительным положение Русской армии в деле снабжения её боевыми материалами, генерал от артиллерии А. А. Маниковский указывает на необходимость довести через министра иностранных дел от имени Особого совещания до сведения правительств тех союзных держав, которые доставляют России артиллерию тяжёлых калибров и ружейные патроны, о настоятельной и срочной потребности Русской армии в упомянутых предметах снабжения и о том, что неполучение в обусловленные сроки орудий, выстрелов к ним и ружейных патронов поставит армию в весьма тяжёлые условия и уменьшит её способности к активным действиям. Вполне разделяя изложенные соображения А. А. Маниковского, председатель Государственной Думы М. В. Родзянко замечает, что от имени Особого совещания надлежит довести также и до сведения Временного правительства о крайне тяжёлых условиях, в коих находится русская промышленность. На заводах царит полная дезорганизация, властей нет; особенно тревожным является положение в Донецком бассейне, где разрастающаяся анархия грозит полным прекращением или уменьшением количества получаемого угля. Необходимо принять экстренные меры к оздоровлению и укреплению русской промышленности, последние же налоговые акты правительства, наоборот, направлены, к её разрушению. Промышленность ныне только защищается от многочисленных на неё нападений со стороны рабочих и правительства; часть же заводов переходит в казну, и при таких условиях нельзя требовать от промышленности и заводчиков продуктивной работы

на нужды обороны. С своей стороны, председательствующий П. И. Пальчинский отмечает, что положение едва ли представляется столь угрожающим. Данные в отношении Юга России указывают на некоторый подъём производительности; так выплавка чугуна дошла в мае месяце до 40 млн пудов, количество погрузки вагонов с каменным углём в феврале было — 3305 вагонов, в мае — 2884 вагона, ныне снова 3275 вагонов. Правда, в Донском бассейне замечается наименьшее благополучие, но это зависит от общих причин и главным образом — от понижения производительности труда рабочих и военнопленных. Однако следует признать, что положение промышленности в смысле использования её для нужд обороны иное, чем в 1914–1915 гг. Тогда заводы не были оборудованы всем необходимым; ныне же надлежит признать, что оборудование превысило потенциальную возможность использования энергии предприятий. Несомненно, что ныне положение улучшается, и поэтому пока представляется преждевременным от имени Особого совещания обращаться по сему вопросу ко Временному правительству. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, не соглашаясь с изложенным мнением председательствующего, указывает, что обсуждаемый вопрос остаётся открытым, но в случае необходимости Особому совещанию не следует останавливаться даже перед крайней мерой — поставить армию в известность о тяжёлом положении работающей на оборону промышленности³.

Итак, мнения разделились. Правда, не столько в оценке текущего положения, сколько в другом вопросе: докладывать или нет Временному правительству о положении промышленности.

Однако такие оценки не были чем-то случайным.

Еще 20 мая 1917. г. председатель ОСОГ И. И. Пальчинский предлагал обсудить, «не представляется ли целесообразным образовать особую комиссию для установления тех оснований, которыми должны руководствоваться» казённые управления при увеличении заработной платы. На «Сормово» рабочие предъявили такие требования, при согласии на которые затраты по заработной плате достигнут 16 млн рублей. Правление «Сормово» согласилось на это при условии пересмотра казённых цен по оборонным заказам. Член Государственной Думы Н. В. Савич отметил, что источник требований об увеличении заработной платы заключается в двух факторах: 1) обесценении рубля и связанном с этим вздорожанием жизни и 2) демагогической агитации, толкающей рабочих на предъявление требований, выходящих за пределы действительной необходимости. Являющийся результатом влияния означенных сил рост трудовой расценки и цен на изделия не может быть оставлен вне воздействия со стороны государства — в смысле недопущения крайностей. Такого рода воздействие — в отношении предприятий, обслуживающих

³ Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917. Т. III. М., 1978. С. 518–519.

оборону — и должно было, по мнению Н. В. Савича, составлять главную цель образования предполагаемой комиссии.

Управляющий делами Центрального военно-промышленного комитета К. Н. Клопотов, не усматривая в учреждении новой комиссии средства, способного изменить к лучшему состояние военной промышленности, сообщил, что рабочий вопрос обсуждался на только что закончившемся всероссийском съезде военно-промышленных комитетов в Москве. Из слышанного на съезде он сделал вывод, что в заявляемых рабочими требованиях о повышении платы была определенная система: требования всё усиливались и предъявлялись на различных заводах, по-видимому, по плану.

В конце концов создавалось ненормальное положение, при котором один из классов населения получает возможность ставить себя в смысле условий оплаты труда в исключительные условия по сравнению с другими классами⁴.

Невозможно в рамках только этой статьи охватить важнейшие и сложные проблемы, которые превышали и названные. Сами промышленники совершенно иначе смотрели и оценивали положение собственных дел. И, конечно, Особое совещание не было чем-то изолированным. Там не звучало очень и очень многое из того, что было на улице. Почему? Потому что оно носило не только военно-промышленный характер. И сегодня уже давно понятно, что политическое положение гораздо сильнее определяло положение экономическое. Но так ли это было абсолютно?

Потребовалось лишь два полных месяца после Февраля, чтобы Временное правительство вынуждено было под давлением масс поставить вопрос перед союзниками о целях войны и поиске скорейшего мира или, как говорили тогда, выхода из войны. В промышленности продолжалось выполнение оборонных заказов, однако и рабочие, и солдатские массы на фронте переживали уже новые настроения, явно антивоенные.

С другой стороны, промышленность уже не показывала того замечательного роста, каким был отмечен 1916 г., и темпы промышленного роста или сильно замедлялись, или начали падать. Вопрос о производительности труда с первых же дней марта 1917 г. стал важнейшим центром внимания не только прессы, но и промышленных кругов и самого правительства и Военного министерства. Дело в том, что рабочие сразу после революции добились фактического перехода на 8-часовой рабочий день на большинстве предприятий, причём устанавливался этот режим явочным порядком, без законодательного его закрепления. Рабочие по сути требованием восьми часов ставили перед администрацией

⁴ Там же. Т. II. М., 1978. С. 344–345.

ультиматум, принуждая владельцев предприятий идти на его введение против их, владельцев, согласия. Дополнительное сверх восьми часов время становилось уже сверхурочными часами работы, которые должны были оплачиваться больше и дополнительно. При всём этом восемь часов работы не могли оплачиваться ниже прежнего уровня почасовой платы. В этих требованиях уже коренился назревающий конфликт владельцев и рабочих.

Противостояние в обществе нарастало после революции стремительно. Понятия «классовая война» и «классовые бои» стали утверждаться так жёстко и бескомпромиссно, что отнимали шансы для гражданского согласия. В промышленности и в деревне это обернулось тяжёлыми травмами и не просто частными столкновениями, но началом систематической борьбы одних против других, имущих и беднейших. Идейная и экономическая борьба за новые права и новое право захлестнули Россию.

В такой обстановке продолжение войны становилось не просто другим по характеру. Вопрос ставился о самом участии России в войне и, соответственно, политике расходов для её продолжения или выхода из войны. Мне представляется очень важным тот момент, что все составы Временного правительства от Февраля до Октября не решались на заявление о выходе России из «прежней войны». В то время как массы солдат и рабочих требовали прекращения войны, в смысле начала переговоров о мире между воюющими сторонами, правящие круги заявляли и о верности союзникам по Антанте, и о невыходе России самостоятельно и сепаратно из войны.

Для промышленности это означало вот что: или будут даны новые заказы для пополнения и усиления фронта вооружениями, или заказы новые не будут даны, или будут сокращены при окончании уже выданных.

Даже простое перечисление проблем, которые совершенно ясно нарастали для работы промышленности, может показать хотя бы сложность её положения. К ним относились:

- недостаток топлива для огромного большинства предприятий;
- серьёзные перебои или угрозы в снабжении сырьём, материалами и металлом;
- опасные финансовые потери и общий недостаток финансирования в связи с явной убыточностью выполнения работ на оборону;
- общая дороговизна и особенно дороговизна продуктов первой необходимости, особенно продовольственная проблема;
- недостаток рабочих рук, рост трудового дефицита;
- рост дезорганизации в работе транспорта и растущий недостаток транспортных средств (паровозов, вагонов, ремонта);

— трудности заграничного снабжения в связи с подводной войной Германии;

— большой недостаток иностранной валюты, ставший весьма серьёзной проблемой для внешнего снабжения российской промышленности импортным сырьём и оборудованием.

Надо учитывать то обстоятельство, что острота этих проблем не просто не устранялась, а именно росла, т. е. вела к ухудшению общего положения и отдельных отраслей (металлообработка, металлургия, кожевенное производство, химическая индустрия). Более всего тревожным становилась стремительное дорожание практически всех предметов промышленности как в тяжёлой индустрии (металлургия и металлообработка), так и в промышленности лёгкой (текстильная, кожевенная). Забастовочное движение 1917 года ещё больше усугубляло и без того напряжённое положение во всех без исключения отраслях.

Падение монархии создало вакуум власти, если оценивать характер пришедших на смену сил. Действительно, к власти пришли интеллигентные лица, бывшие в оппозиции Романовым, с монархическими убеждениями и конституционными взглядами. Ведь А. И. Гучков — новый военный министр — являлся председателем ЦВПК, А. И. Коновалов — новый министр торговли и промышленности — заместителем Гучкова в том же ЦВПК.

В своём труде генерал А. А. Маниковский отметил известную проблему, которая очень сильно отразилась на успешности военной индустрии в годы войны. Маниковский отмечал, что «помочь делу можно было не созданием десятков многолюдных совещаний и комиссий, а введением всеобщей промышленной повинности», которая подкреплялась бы и диктатурой снабжения в одних руках компетентных лиц ГАУ⁵. В этом смысле введение всеобщей промышленной повинности в 1917 г. становилось тем более невозможным, по сравнению с 1915 и 1916 гг. Этот путь начисто перекрывал возможность наведения порядка и дисциплины в рабочей среде, используя уголовное и чрезвычайное законодательство военного времени.

Революция тем не менее поставила вопрос об эффективности труда и увеличении производительности в промышленности. Это, несомненно, был важный момент развития. Речь шла ещё не о модернизации производств, но о более рациональном использовании имевшихся средств и ресурсов. Вопрос об этом ставили как раз сами рабочие коллективы, не владельцы предприятий в своём большинстве. Понятно и то, что для рабочих этот вопрос звучал более как стремление, чем в понимании всех реалий и проблем, связанных с успехом в достижении

⁵ Маниковский А. А. Боевое снабжение Русской армии. 1914–1918 гг. М., 1923. С. 171.

новых форм хозяйствования. Для этого требовалось ещё и укрупнение промышленности, т. е. дальнейшая её синдикализация и слияние, которому активно препятствовала политика как Министерства финансов и Государственного контроля, так и в целом прежнее правительство «эпохи самодержавия».

В 1915 г. наблюдалась нехватка мощностей для производства самых массовых снарядов — для 3-дм. артиллерии, не говоря о калибрах тяжёлой артиллерии, где затраты вырастали прогрессивно, а не пропорционально выше, чем при производстве артиллерии лёгкой.

Если все силы во время 1915–1916 гг. были брошены на снарядно-пушечное производство, то развитие железнодорожного транспорта и наращивание паровозного парка было резко сокращено и фактически приостановлено. В 1917 г. это дало о себе знать очень заметно. Транспорт стал серьёзнейшей проблемой для всей экономики и обслуживания городского населения как топливом, так и продовольствием.

Рабочие неоднократно обвиняли владельцев и управляющих в фактах саботажа в деле производства и даже снабжения сырьём, приписывая это желанию закрыть предприятие или сознательно подвести его к закрытию и роспуску рабочих⁶. Трудно сказать, насколько оправданными были именно такие действия владельцев предприятий. Однако они выглядели весьма логичными в условиях постоянных простоев от забастовок и недостатка то топлива, то материалов. И, естественно, при убыточности производства, которая грозила ещё большими убытками в случае сохранения такого положения.

В действительности положение самих промышленников в России оказывалось таково, что отношение к ним не менялось ни при царской власти, ни тем более теперь, в послефевральской России. Сами о себе они должны были ощущать подобно одному из заголовков органа ПОЗиФ — «без вины виноватыми»⁷. Ведь нельзя было обвинить промышленников в том, что они не были готовы идти на жертвы ради родины и фронта. Они готовы были мириться с тем, чтобы прибыли были ограничены, и в принципе готовы были на многие жертвы, которые их ждали и для которых их призывали умерить свои аппетиты. Обвинять владельцев предприятий в своекорыстии и алчности было вряд ли так уж справедливо, как громко и безудержно это делалось в России всей печатью, кроме деловой (то есть торговой и промышленной печатью).

Отношение к крупной промышленности было ещё более удивительным: чем больший капитал вы аккумулировали, чем большую лишь в объёме прибыль вы имели в зависимости от размаха дела, а вовсе не его

⁶ Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917–1918 гг. Л. Лениздат. 1947.

⁷ Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. 1917. № 16. 6 июня. С. 1.

рентабельности, тем больше недоброжелательства и негодования, обвинений и подозрений вы имели в свой адрес, невзирая на объяснения и опровержения.

Кроме того, налоговая политика Временного правительства с приходом к власти социалистов в мае 1917 г. резко меняется в сторону усиления обложения военной прибыли. Эта новая финансовая политика вступает в откровенное противоречие с политикой оборонного заказа, что было ясно подчёркнуто на заседании Особого совещания по обороне 17 июня 1917 г.⁸ Новая налоговая политика должна была покончить не только с прибыльностью оборонного заказа, но и повела бы к убыткам всей частной промышленности на несколько лет вперёд! Такая тенденция готовила целую волну банкротств множества предприятий.

Если промышленность не может дать сильную артиллерию, обеспечив наступление для решающего боя, если промышленность бессильна для перелома на четвёртый год войны, то, понятно любому, что для России это бойня и для России — это только бойня без победы.

Можно сказать, что торгово-промышленный класс оказался в изоляции. И это в то время, когда от работы промышленности зависела судьба и войны, и победы. И промышленники не имели какой-либо реальной поддержки ни в одном классе или слое населения, кроме Союза инженеров и корпорации техников. Кроме того, собственно класс промышленников оказался расколотым на два: Москвы и Петрограда. Москвичи подчёркивали свою автономность и даже мессианство, особенно московское купечество с его тяготением к торговле и крестьянству.

Вопрос о разгрузке Петрограда от чрезмерной концентрации производств и вывозе ряда предприятий вглубь России имел, конечно, не только экономическую причину, но и становился вопросом политической борьбы. Весьма показательно, что этот вопрос сделался в руках большевиков дополнительным козырем для агитации против Временного правительства. Можно ли было решить проблему борьбы с рабочим движением и большевизацией таким путём? Мне этот путь кажется совершенно провальным и ошибочным в его расчётах. Напомню только, что в одном Петрограде концентрировалось до 60% предприятий по совокупной стоимости их продукции, идущей на оборону страны.

Но могло ли Временное правительство, как оно это пыталось делать в июле и августе 1917 г., изолировать Петроград от Москвы и провинции путем перемещения воинских частей и другими мерами (опираясь, например, на казачество)? Как известно, попытки эти провалились ещё с первых же шагов, как это было с 1-м пулемётным полком и други-

⁸ Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917. III. 1978. С. 454–455. Журнал № 170.

ми частями, отказавшимися подчиняться распоряжениям правительства. Другой вариант — попытаться противопоставить мещанско-купеческую Москву пролетарскому в своём большинстве Петрограду. Это хорошо видно на примере работы Государственного совещания. Такая попытка провалилась ещё громче: десятки заводов и фабрик Москвы с многими тысячами рабочих протестовали против проведения Государственного совещания и участия в его работе социалистов-членов правительства. Московская всеобщая рабочая забастовка в начале августа совершенно отчётливо показала, что сравнить Петроград и Москву на почве раскола рабочего движения не удастся. Так фактически обнаружилась и глубокая трещина в отношении городских рабочих масс к министрам-социалистам, вошедшим в правительство в начале мая 1917 г.

Рабочее движение в 1917 г. претерпело большую и стремительную эволюцию от экономического анархизма (забастовок и нападений, рабочего террора на производстве) до государственного социализма, всё более и более большевизируясь в связи не только с войной, но и военной контрреволюцией, проявлением которой стало выступление генерала Корнилова в самом конце августа.

Рабочие стремились к немедленной этатизации (огосударствлению) промышленности. Это ещё не был чистый социализм, но несомненный шаг к нему. Ничего не меняла по существу положения «большая речь», произнесённая министром труда М. И. Скобелевым 30 мая в Таврическом дворце при открытии совещания рабочей конференции из представителей фабрично-заводских комитетов и советов старост Петрограда. Скобелев говорил:

Мы находимся в буржуазной стадии революции. Переход предприятий в руки народа не будет способствовать в настоящее время этой революции. Частичные выступления сейчас немыслимы. Путём захватов фабрик и заводов, путём частичных завоеваний можно вырвать улучшение экономического положения рабочих в данном месте, но это не решает вопроса об изменении условий труда рабочего класса в общем и целом. Вопрос об увеличении заработной платы может быть разрешён только в отношении всей рабочей массы, а не отдельных её частей⁹.

Как явление политическое и экономическое большевизм был совершенно антигосударственным. Да ещё и в условиях войны, когда в тылу должно было быть полное гражданское согласие всех социальных сторон и классов. Поэтому так нетрудно было объявить большевизм вне закона. Кроме того, преследовать его всем репрессивным аппаратом на полном основании для его ликвидации как «пятой колонны» в стране. Почему же это не удалось ни одному правительству, а эффект от пресле-

⁹ Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. №234. 3 июня. С. 3.

дований получился едва ли не обратный, да ещё и с ростом симпатий к большевикам в рабочей массе? Вопрос этот для меня представляется чрезвычайно важным, сверхважным.

Дело, похоже, именно в том, что большевики полностью поддерживали движение рабочих к захвату предприятий или контролю над ними и, по сути, к перевороту всей экономической структуры для утверждения немедленного социализма в форме рабочего самоуправления и государственного вмешательства в вопросы как собственности, так и управления частными и казёнными военными и невоенными предприятиями.

Но если рабочие выступали против продолжения войны и за мир без аннексий и контрибуций, то возникает вопрос о том, как они относились к выполнению оборонных заказов? Не стремились ли они забастовками дезорганизовать работу предприятий в интересах войны и обороны? Как раз этого мы не наблюдаем. Рабочие хотели работать, хотя бы и на оборону, и нуждались в заработке и труде. Правда, для рабочих вопрос заключался в том, чтобы по крайней мере были увеличены заказы на производство мирной продукции для рынка и массового потребления, и за счёт соответственно сокращения оборонных работ.

Для того, чтобы остановить рабочий террор в промышленности и рабочий диктат на предприятиях, был только один выход, на мой взгляд, — военная диктатура и подавление рабочего движения силовым путём. Для этого, однако, требовалось, чтобы армия была антирабочим инструментом в руках Временного правительства. По сути, это был путь чистой контрреволюции и никакой другой.

Между прочим, специфическим российским явлением было то, что для укрупнения промышленности выставлялись не только юридические (законодательные) препятствия, но и морально-нравственные. Синдикатские договора и слияния однородных предприятий в более крупные воспринимались почти однозначно как преследующие цель ещё большей наживы и подъёма цен. Ни одна политическая партия в России не поддерживала и не лоббировала интересы промышленности. Мало того, кампания против синдикатов неоднократно и перед войной сопровождалась призывами начать уголовное преследование таких синдикатов, как «Продамета», «Продуголь». Такие призывы вызывали ответную реакцию промышленников в виде опровержений и выяснения элементарных экономических проблем, реальных, а не надуманных представлениями. Капитал и капитализм воспринимались не только как финансовый, но и как промышленный едва ли не одинаково, как синонимы.

Рабочее движение достаточно ясно пересекалось и смыкалось с солдатским движением, а через него и с крестьянским. Общими были тре-

бования передела собственности, скорейшее заключение мира и выход из войны, критическое отношение не только к внешней политике Временных правительств, но и к союзу с Антантой в общих целях войны. Очень важным фактором солидарности являлась и движение матросов, весьма решительно настроенных на борьбу и с Временным правительством, и за прекращение войны. Организация солдатских и матросских (судовых) комитетов резко отграничивала их от командного состава иного социального происхождения и сближала с фабрично-заводскими комитетами рабочих в том смысле, что военные массы оказывались либо совершенно нейтральны в отношении рабочего движения, либо на стороне рабочих. Вряд ли было братство рабочих и солдат, хотя с матросами, видимо, сложнее, однако, можно с уверенностью говорить, что революция для всех из них была «их революцией», народной революцией, а не только пролетарской и солдатско-крестьянской.

Едва ли не самым убийственным оставался вопрос о финансовом положении страны, хотя он казался лишь среди прочих чисто хозяйственных вопросов. Известный в то время экономист профессор Мигунов 18 августа писал о современном положении.

Основной вопрос — транспорт. Расстройство транспорта — это наша ахиллесова пята. Ни обслуживание армии, ни снабжение городов и промышленных центров хлебом, ни вообще хозяйственная жизнь государства немислимы <...> нельзя особенно рассчитывать и на американскую помощь. Американские паровозы — слишком нежная машина, требующая тщательного ухода и особо высокого качества топлива. Это было бы конечно, неплохо, но вряд ли осуществимо. Нам необходимо повысить производительность своих паровозостроительных заводов и железнодорожных мастерских и ввести железную дисциплину на рельсовых путях. Рабочий вопрос выражается в бесконечных стачках и насилиях над промышленниками. Заработная плата за короткий промежуток времени повысилась в среднем приблизительно в раз в пять и сообразно с этим впятеро повысились цены на товары. Рубль таким путём был девальвирован, и положение рабочих классов, следовательно, в общем несколько не улучшилось. Рабочий день был сокращён до 8 и даже до 6 часов, производительность же труда во много раз понизилась¹⁰.

Заключение

Казалось бы, военно-экономический потенциал России к 1917 г. был готов продолжать войну и не было причин для её остановки. Россия могла продолжать войну, несмотря на весьма серьёзные технические недостатки. В действительности, накопленные проблемы и большие ошибки уже Временного правительства в политике привели (или вели)

¹⁰ Коммерческий Телеграф. 1917. №1249. 18 августа. С. 2.

к положению скорого банкротства. Напряжение в промышленности росло не в одном, а в нескольких направлениях сразу.

Совершенно бесполезно сравнивать положение России и СССР в двух мировых войнах для обоснования схожести их возможностей для продолжения войны. Это были две совершенно разные России. Старая Россия являлась слишком обременённой аграрным укладом и слабой промышленной базой для ведения именно такой войны, как война с Германией.

Уровень не только культурных, технических и технологических, но и груз социальных проблем царской России был чрезвычайно проблематичен для его решения в такие короткие и сверх-напряжённые сроки и в таких условиях как 1914–1917 гг.

Что погубило старую Россию окончательно?

Плохое из рук вон государственное управление.

Дороговизна, ставшая безотчётной.

Падение престижа власти и бессилие самой власти.

Война на фоне этих трёх факторов.

Революция не только против самодержавия, но и революция за мир, против войны и, наконец, революция большевиков.

Приближение и начало финансового краха.

Большевизация рабочих на заводах и фабриках происходила куда успешнее, чем большевизация армии. Для рабочих лозунг «долой войну» означал больше, чем последующая за окончанием войны безработица. Именно среди рабочих большевики сумели своими лозунгами, в том числе антивоенными, обеспечить себе большинство. На флоте, особенно и в первую очередь на Балтике, большевики фактически в союзе с анархистами также возобладали. В армии, что весьма важно, за большевиками шли пулемётчики и ряд пехотных частей, что обеспечило им нейтрализацию остальных частей в Петрограде, так как армия в армию стрелять не была настроена. Надо, однако, учесть и другое: что армия по мере дальнейшего развития революции всё более разлагалась в пользу заключения немедленного мира и демобилизации. Поэтому влияние на неё большевиков как на фронте, так и в тылу росло и росло, не падая.

Идеи социализма (марксизма) не были монополией большевиков, и поэтому совершенно неверно представлять дело так, будто большевики и были главными или ведущими распространителями социализма в империи и в 1917 г. после Февраля. Партия эсеров пользовалась большим влиянием на рабочих и была многочисленнее большевиков, во всяком случае, до августа 1917 г. Меншевики также имели немалое влияние, хотя и уступали большевикам и эсерам. Что же дало решительный перевес большевикам над другими социалистами? Во-первых, то, что Временное правительство с участием меньшевиков и эсеров с мая

1917 г. и вплоть до октября так и не сумело выполнить данных массам очень требовательных обещаний (мир и земельный передел, не говоря о проблемах продовольствия, транспорта и других). Во-вторых, у большевиков оказалась сильнейшая и дисциплинированная организация, не сопоставимая по этим свойствам с конкурентами. Большевики не колебались и в вопросе о диктатуре для решения захвата и удержания власти в своих руках.

Вопрос о финансовой (кредитно-финансовой), фискальной (налоговой) политике и системе взглядов на промышленность не является ни в коем случае отдельной и особой темой для обсуждения, говоря о положении оборонной промышленности. Для сегодняшнего дня вполне и довольно ясно, насколько неразрывна связь промышленности любого рода (оборонной в особенности) с финансированием и системой финансирования. Ошибка прежних исследователей заключалась в постоянном разделении вопросов производства, планирования и финансирования или в переоценке одного из этих факторов при недооценке или игнорировании, вольном или невольном, финансового фактора во времени, т. е. своевременного финансирования. Фактор времени надо оценивать именно с точки зрения реализации финансового вопроса в числе таких, как оборудование предприятий и снабжение их топливом, сырьём и рабочей силой, достаточно квалифицированной.

Апрельский кризис, июньский кризис, июльский кризис, поход Корнилова на Петроград в августе по своему накалу, страстям и физическому насилию чем не акты гражданского противостояния, симптомы уже зреющей гражданской войны? Рабочий террор в промышленности, захват помещичьих земель крестьянами в деревнях, убийства офицеров на флоте, раскол между солдатами и офицерами в армии и на фронте и открытое противостояние тех и других, раскол казачества по социальному признаку — подтверждения того же.

Тенденция, намечившаяся в 1916 г., открыто проявила себя и в 1917 г.: ведомства, крайне озабоченные положением и потрясением частной промышленности, стремились утвердить финансирование строительства целого ряда казённых заводов (электротехнического, вагоностроительного, металлургического, автомобильных, оптико-приборостроительного, проволочного).

Кризис промышленности в 1917 г. привёл не только к осложнению всей работы её отраслей в интересах обороны, но и вызвал:

- 1) рост антивоенных настроений рабочих;
- 2) требования борьбы с дороговизной и переходом предприятий на выпуск гражданской продукции массового потребления;
- 3) полное недоверие и отрицание частной промышленности в массовом рабочем сознании и среди населения, которое вело к требованиям

социализации промышленности или огосударствления её. Однако именно такая мера привела бы к взваливанию на плечи государства необходимости содержать и реструктурировать непомерное число промышленных предприятий, убивая частную инициативу, предприимчивость и полсевоенные инвестиции из-за границы и частных лиц (банков) в России.

Правильны, справедливы ли были выводы советской историографии об обречённости России, и не только царской, в мировой войне? Даже если бы не большевики, а, скажем эсеры и кадеты, что трудно себе представить как их союз, пытались продолжать «старую войну», они не сумели бы не потерпеть глубокого поражения в массах. Это очень хорошо продемонстрировали апрельский и июльский кризисы. Приказ № 1, 8-часовой рабочий день, требования земельного передела — это лозунги не столько большевиков и даже вовсе не большевиков (аграрный), чтобы говорить, что большевики и Ленин разрушили Россию и разожгли гражданскую войну больше, чем она могла бы произойти или случиться. Так называемая «революционная война», которая должна была бы прийти на смену «войне царя», потерпела полный и стремительный крах в провале июньского наступления на русском фронте. В экономике и промышленности, в частности, положение было не просто сложное, а критическое, близкое к настоящей катастрофе и явно непреодолимое в случае продолжения войны. Настоящая, а не бумажная и воображаемая война в промышленности развернулась по вопросам прав собственности, свободы собственности, социального выбора и новой государственности в России, именуемой социализмом. Для прежней России, и для России капитала и промышленного капитализма эта борьба стала приговором и уничтожением.

Могла ли в таких условиях военная промышленность гарантировать продолжение войны и «спасти» Россию от позорного мира? Могла ли Россия, теряя государственное управление, не способная к установлению социальной диктатуры для продолжения войны, тем не менее, продолжать войну? Экономическая и финансовая дезорганизация, не говоря о морально-политической стороне и нарастающей угрозе гражданской войны в стране, — всё вышесказанное не дают возможности ответить: да, могла продолжать мировую войну.

Итак, капитализм, который все ненавидели. Положение промышленников в России в 1917 г. было отчаянно трудным: со всех сторон на них и на них в первую очередь сыпались ненависть, упрёки, презрение и оскорбления за то, что они наживались на войне, «принудительное синдицирование промышленности» означало только одно — огосударствление, т. е. национализацию промышленности до фактической, а не только временной, вызванной войной и необходимостью рационального управления и финансирования. И в этом была серьёзнейшая

проблема, корень политической борьбы вокруг и за судьбу промышленности и в послевоенное время.

Список литературы

Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917. Т. II, III. М., 1978.

Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии 1914–1918 гг. М., 1923.

Рабочий контроль в промышленности Петрограда в 1917–1918 гг. Л. Лениздат. 1947.

Alexey Viktorovich ORLOV

candidate of historical Sciences, researcher, Military historical Museum of artillery, engineering and communications troops (St. Petersburg, Russia)

E-mail: mobus@mail.ru

War economy, industry and revolutionary Russia in 1917: was it possible to avoid the peace?

This article has information about the fall of the Romanovs and the revolution of 1917. The difficult economic situation in Russia. The economic struggle that unfolded in industry immediately after the victory of the February revolution.

Keywords: Revolution, war, industry, high cost, working question, state, economy

УДК 94 (47) 084.3

ББК 63.3 (2) 612

Кирилл Борисович НАЗАРЕНКО

д. и. н., профессор кафедры источниковедения истории России
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт Петербург, Россия)

E-mail: kirbornaz@yandex.ru

МЯТЕЖ МИННОЙ ДИВИЗИИ В ПЕТРОГРАДЕ В МАЕ–ИЮНЕ 1918 Г. В КОНТЕКСТЕ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ¹

Статья посвящена событиям мая–июня 1918 г. в Петрограде, когда часть экипажей кораблей Балтийского флота (Минная дивизия) совершили антисоветский мятеж. Это событие рассматривается как часть масштабного процесса подпольной антисоветской деятельности в Петрограде, в которой принимала участие и британская разведка. Новизна статьи состоит в том, что мятеж Минной дивизии интерпретируется как длительное состояние (с 11 мая по 24 июня 1918 г.). Такой взгляд на события позволяет оценить возможности органов советской власти по применению насилия к своим противникам в тот период как невысокие, а угрозу антисоветского переворота в Северной столице — как вполне реальную. Ключевым фактором провала этой деятельности стала пассивная поддержка большевиков значительной частью рабочего населения города, что наряду с решительной позицией руководства большевиков позволило сделать активность антисоветских сил бесплодной. Безусловно, раздробленность, взаимные счеты, нерешительность противников большевиков также сыграли свою роль.

Ключевые слова: история России, Гражданская война, антисоветское подполье, морское офицерство.

Весна 1918 г. в Советской России была временем бурных политических событий. Заключение Брестского мира вызвало огромные споры и положило начало раскола правящей большевистско-левоэсеровской коалиции, Германия продолжала территориальные захваты и угрожала возобновлением войны, вчерашние союзники по Антанте готовили интервенцию, а внутри страны формировались антисоветские заговоры. На окраинах уже польхали первые зарницы Гражданской войны. Одним из узлов этого клубка событий стал Петроград, а активным участником политических процессов — Балтийский флот, главные силы которого только что вырвались из Гельсингфорса в результате Ледового похода и были спасены

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00081 А «“Старое” русское морское офицерство после 1917 г.: Сплошное просопографическое исследование».

от захвата немцами и белофиннами. Этапом развития политической ситуации в Петрограде стали события мая–июня 1918 г. вокруг одного из соединений Балтийского флота — Минной дивизии. Эти события получили название мятежа, причём иногда термин употребляется в кавычках. Мятеж Минной дивизии стал предметом специального изучения в большой и интересной статье А. В. Шмелёва². Мы полагаем, что эта статья не исчерпывает проблему, поскольку А. В. Шмелёв не проследил в должной мере политический контекст этих событий, а фактическую канву можно дополнить, в частности, используя тогдашние газеты. К тому же ряд публикаций, появившихся после публикации статьи А. В. Шмелёва, позволяют по-новому взглянуть на некоторые факты и события. В числе этих публикаций, прежде всего, статьи А. В. Ганина³, А. А. Здановича⁴, П. Ю. Мажары⁵, И. С. Ратьковского⁶, Е. Ю. Сергеева⁷, К. А. Тарасова⁸, Ю. Х. Тотрова⁹ и работа британского историка Р. Бэйтона¹⁰.

Организация легких сил Балтийского флота в это время была сложной и постороннему человеку совершенно непонятной. В то время в газетах они назывались то «минными дивизионами», то «минной командой», то «минными отрядами», то «минной эскадрой». Ее моряков иногда именовали «минерами», что неверно по сути.

² Шмелев А. В. «Мятеж» Минной дивизии в июне 1918 года // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). СПб., 2012. С. 169–200.

³ Ганин А. В. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио. 2012. № 10. С. 27–36; *Он же*. Заговор моряков Селигеро-Волжской флотилии // Морской сборник. 2013. № 2. С. 71–82.

⁴ Зданович А. А. Британская военно-морская разведка в Петрограде в 1918 г. // Вопросы истории. № 11. 2017. С. 101–115.

⁵ Мажара П. Ю. Белое движение на Северо-Западе России в мемуарах политиков и журналистов (источниковедческий анализ) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 62–69.

⁶ Ратьковский И. С. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100–115.

⁷ Сергеев Е. Ю. «Заговор послов» против Советской России в 1918 году: Новая интерпретация «британского следа» // Международная жизнь. 2017. № 10. С. 103–124.

⁸ Тарасов К. А. Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март — июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 32–69; *Он же*. «Семёновцы — это честные белогвардейцы»: Как бывший Семеновский полк переметнулся от красных к белым // Родина. 2019. № 5. С. 108–111.

⁹ Тотров Ю. Х. Из истории английской разведки в России: «Дело Генмора» // Корттик. 2015. № 15. С. 20–36; *Он же*. Английская Секретная разведывательная служба в России // Исторические чтения на Лубянке: XX лет. М., 2017. С. 45–55.

¹⁰ Bainton R. Honoured By Strangers: Captain Cromie's Extraordinary First World War. L., 2015.

Согласно «Временному боевому расписанию флота Балтийского моря» от 16 мая 1918 г¹¹, в Петрограде выше Николаевского моста стояли:

- Дивизион строящихся миноносцев (8 новейших эсминцев, развите типа «Новик», не имели вооружения, были небоеспособны, хотя некоторые могли идти своим ходом);

- Дивизион ремонтирующихся миноносцев (8 единиц);
- Резервный дивизион сторожевых миноносцев (18 устаревших миноносцев);
- достраивающиеся корабли (2 крейсера, 3 посыльных судна);
- плавучие средства Петроградского порта (15 буксиров, спасательное судно, транспорт и др.);

Морские силы Невы и Ладожского озера (стояли на Неве выше Литейного моста):

- Минная дивизия (14 эсминцев новейшего типа «Новик», сведенные в 4 дивизиона, 3 вспомогательных судна)
- Охрана восточной и средней части Невы (3 канонерские лодки, 5 устаревших миноносцев, несколько моторных бронекатеров, вспомогательные суда).

Таким образом, формально в Минную дивизию входил 14 эсминцев (правда, новейшего типа), но фактически на Неве выше мостов стояло еще более 40 боевых кораблей, из которых боевой ценностью обладали, по меньшей мере, 18 миноносцев «резервного дивизиона сторожевых миноносцев», 3 канонерские лодки и 5 миноносцев из «охраны восточной и средней части Невы», если не считать строящихся и ремонтирующиеся корабли. Для внешнего наблюдателя вся масса кораблей, стоявших на Неве и растянувшихся от Николаевского моста до Усть-Ижоры, воспринималась как «Минная дивизия». Для простоты и мы будем называть «Минной дивизией» все корабли, стоявшие на Неве. Численность матросов кораблей, стоявших на Неве, определить довольно трудно. Полагаем, что только на обладавших боевой ценностью кораблях, стоявших на Неве, служило не менее 1,5 тыс. человек.

Почему же на Неве оказалось такое количество боевых кораблей? На то были две причины. Первая заключалась в том, что Ладожское озеро после отделения Финляндии перестало быть внутренним водоемом. Возникла опасность появления там финской флотилии. Совет флагманов и Совет комиссаров Балтийского флота, рассматривая военное положение, допускал появление на Ладоге даже финских подводных лодок¹². В связи с этим Шлиссельбургская крепость была включена в состав

¹¹ Временное боевое расписание флота Балтийского моря // Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 — декабрь 1918). Л., 1968. С. 166–171.

¹² [Конспект А. М. Щастного]. 14 мая 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 12.

морских крепостей и получила несколько морских орудий для обороны истока Невы. Для действий на Ладоге в конце апреля 1918 г. было решено перевести на озеро некоторое количество эсминцев. Кроме того, стоявшие на Неве корабли могли оказать помощь в обороне речного рубежа в случае вторжения немецко-финских войск.

Вторая причина заключалась в опасениях, что немцы внезапным ударом с моря захватят Кронштадт, а, может быть, комбинированным ударом с суши и с моря овладеют еще и Петроградом. В наши дни стало известно, что немецкое командование разрабатывало такие планы до сентября 1918 г.¹³. Тогда часть кораблей Балтийского флота можно было бы спасти от захвата или уничтожения, уведя в Ладожское озеро. Понятно, что на Неву можно было ввести лишь эсминцы. Глубоко сидящие в воде крейсера, не говоря уже о линкорах, не могли подняться по Неве выше Николаевского моста.

Идея перевода части эсминцев в Ладожское озеро принадлежала командующему флотом капитану 1 ранга А. М. Щастному¹⁴, который донес ее до Л. Д. Троцкого во время поездки в Москву 20 апреля. Сохранилась телеграмма Л. Д. Троцкого, одобряющая эту инициативу¹⁵. 21 апреля соответствующее приказание было отдано А. М. Щастным капитану 1 ранга А. П. Екимову, начальнику Минной дивизии, при их личной встрече на флагманском судне «Кречет»¹⁶.

В результате, однако, эсминцы смогли миновать мосты только 14 мая, и не поднялись выше Обухова, оставшись на Неве в черте города.

Сейчас вряд ли возможно до конца разобраться в том, почему Минная дивизия задержалась в Петрограде. Трудно сказать, какие препоны были следствием общей нечеткости работы органов управления в Советской России того времени, а какие — результатом целенаправленных действий тех или иных лиц. Проблемы возникли с разводкой мостов, поиском буксиров, недостатком топлива, прежде всего, нефти. Во время проводки эсминцев вспыхнул конфликт между А. М. Щастными и представителем Морской коллегии прапорщиком по морской части С. Е. Саксом вокруг назначения командира и комиссара Петроградского военного порта. Каждый из них предлагал свои кандидатуры, а С. Е. Сакс высказывал подо-

¹³ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. «Шлюсштайн» // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 150–153.

¹⁴ Протокол допроса А. М. Щастного следователем В. Э. Кингисеппом. 3 июня 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 114 об.

¹⁵ Копия телеграммы Л. Д. Троцкого № 67/М. 22 апреля 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 55.

¹⁶ Донесение начальника Минной дивизии Балтийского моря № 629. 23 мая 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 58.

зрение, что лучшие буксиры были переданы из состава флота и Петроградского порта Народно-промышленному комитету (НПК). Вероятно, в какой-то мере сюда мог примешиваться и корыстный интерес: передача ценного военного имущества в НПК была, в сущности, аналогом приватизации, о которой наши современники имеют отличное представление. Официальной мотивацией передачи ценностей НПК была попытка защитить их от конфискации немцами в случае их прихода в Петроград, точно так же как это было и на территории Финляндии несколькими месяцами раньше. А. М. Щастный оправдывал задержку исключительно отсутствием нефти в Петрограде, что делало невозможным движение «Новиков» своим ходом¹⁷. Однако практика показала, что эсминцы вполне можно было передвигать по Неве с помощью буксиров, работавших на угле. Кроме того, 23 июня, во время подавления мятежа Минной дивизии, некоторые эсминцы не только пытались отойти от причала своим ходом, но и прошли по Неве несколько километров¹⁸, то есть какое-то количество нефти на них было. Возникает вопрос — если А. М. Щастный считал угрозу оккупации Петрограда немцами реальной, то, казалось бы, следовало выводить эсминцы в Ладожское озеро любыми средствами, не дожидаясь нефти. Однако этого факта, на наш взгляд, мало, чтобы считать безусловно доказанным сознательную задержку А. М. Щастным эсминцев на Неве. В любом случае, результат был налицо — Минная дивизия застряла на Неве до августа 1918 г., а часть ее судов зимовала на реке.

Старший лейтенант «старого» и контр-адмирал советского флота В. А. Белли признавал в своих мемуарах, что «миноносцы оказались представленными вверх по Неве так, чтобы в случае успеха матросы могли объединиться с недовольной частью рабочих заводов»¹⁹. Действительно, в Петрограде в апреле–июне 1918 г. значительно обострилось недовольство рабочих. Причинами стали нарастающий кризис с сырьем и топливом, приводивший к закрытию предприятий, и, главное, тяжелейшее положение с продовольствием. С 29 апреля 1918 г. обычный продовольственный паек в Петрограде был уменьшен до $\frac{1}{8}$ фунта (51 г) хлеба в день²⁰. Правда, 1 мая он был повышен до $\frac{1}{4}$ фунта (102 г)²¹. Безусловно, петроградец 1918 г. питался несравненно лучше ленинградца декабря 1941 г. за счет существования черного рынка, позволявшего покупать продукты, хотя и по очень высоким ценам. В 1918 г. существовала возможность свободно уехать из го-

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Шошков Е. Н.* Наморси А. М. Щастный. СПб., 2001. С. 299.

¹⁹ *Белли В. А.* В советском военно-морском флоте. Воспоминания. СПб., 2013. С. 38.

²⁰ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929: Экономические конфликты и политический протест: Сборник документов. СПб., 2000. С. 101.

²¹ Там же.

рода, чем многие и воспользовались. Тем не менее, продовольственное положение города было очень сложным.

Главной причиной хлебного кризиса стало прекращение подвоза хлеба с Украины и Северного Кавказа. Украина была оккупирована Германией и Австро-Венгрией, а путь на Северный Кавказ был затруднен антисоветским восстанием донских казаков во главе с генерал-лейтенантом П. Н. Красновым.

Центральное советское правительство было вынуждено принимать чрезвычайные меры. 9 мая выходит декрет, подтверждающий государственную монополию хлебной торговли (введенную Временным правительством) и запрещающий частную торговлю хлебом. 13 мая 1918 г. декретом ВЦИК и СНК «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» были установлены основные положения продовольственной диктатуры. Ее цель заключалась в централизованной заготовке и распределении продовольствия, подавлении сопротивления кулаков и борьбе с мешочничеством.

Часть городского населения, в том числе и некоторые рабочие, считала необходимым восстановить свободу торговли хлебом, которая якобы могла коренным образом улучшить продовольственное положение горожан. Мешочников они считали своими спасителями, а не врагами справедливого распределения хлеба. Вопрос о необходимости борьбы с мешочничеством и посылки в деревню вооруженных отрядов для сбора хлеба вызывали бурные споры на митингах. Например, 27 мая 1918 г. на Обуховском заводе

был поставлен на обсуждение вопрос о посылке в деревню отрядов для отобрания у крестьян хлеба. Присутствовавший на собрании член Петроградского совета старался убедить аудиторию, что правительство не имеет целью внести вражду в среду рабочих и крестьян, что оно намерено бороться только с кулаками и деревенскими богатеями и всегда будет стоять на страже интересов беднейшего крестьянства. От дальнейшей защиты этой позиции ему пришлось отказаться вследствие негодующих протестов рабочих. <...> В результате постановлено: отрядов в деревню не посылать <...> и вследствие недоверия страны к Советской власти — подоходного налога не вносить²².

По словам одного из лидеров народных социалистов В. И. Игнатьева, именно он добился принятия на митинге такой резолюции:

Вскоре представилась возможность испытать наше влияние на Обуховских рабочих и матросов Минной дивизии, — на завод должны были

²² На Обуховском заводе // Петроградское эхо. № 70. 28 мая 1918 г. С. 1.

прибыть представители Петроградского губисполкома для агитации по созданию продотрядов. <...> Своей речью я сорвал посылку продотряда, а матросы насильно удалили с собрания представителя губисполкома²³.

Недовольство петроградских рабочих пытались использовать меньшевики, уже находившиеся в это время в оппозиции большевикам на полуправильном положении. В феврале 1918 г. они создали Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда (ЧСУФЗП)²⁴, которое должно было стать альтернативой советам и помочь аккумулировать недовольство рабочих. Главными лозунгами ЧСУФЗП стал созыв Учредительного собрания и восстановление свободы торговли. Еще больше накалило обстановку приближение выборов в Петроградский совет, назначенных на 16 июня. Оппозиционные партии, прежде всего меньшевики, рассчитывали значительно усилить свои позиции в этом органе.

Добавляло поводов для недовольства закрытие властями газет, агитировавших против Советской власти. В частности, 10–13 мая были закрыты кадетские газеты «Наш век» и «Современное слово», меньшевистский «Новый луч», эсеровская «Земля и воля»²⁵. Правда, закрытые газеты в те месяцы спокойно продолжали выходить, сменив название. Лишь после объявления красного террора в сентябре 1918 г. газеты закрылись окончательно.

Обуховский завод оказался в силу ряда обстоятельств одним из центров недовольства и местом активных действий ЧСУФЗП. Одной из важных причин его оппозиционности к советской власти было то, что завод был до революции казенным. На таких предприятиях условия труда и материальное положение рабочих были заметно лучше, чем на частных предприятиях. Кроме того, часть рабочих имела при заводе домики и огороды. Именно эти рабочие остались на заводе после значительного сокращения, произошедшего весной 1918 г. из-за прекращения военных заказов.

8 мая на заводе прошел митинг под антибольшевистскими лозунгами, аналогичный митинг состоялся и на Путиловском заводе. Масла в огонь подлил инцидент 9 мая в Колпино, на Ижорском заводе, где красноармейцы разогнали стихийный митинг, собравшийся по причине недостатка хлеба. В результате при не до конца выясненных обстоятельствах был убит один рабочий, шесть гражданских лиц были ранены пулями, а три

²³ *Игнатъев В. И.* Некоторые факты и итоги четырех лет Гражданской войны (1917–1921 г.) Ч. 1. (Октябрь 1917 г. — август 1919 г.) Петроград, Вологда, Архангельск. (Личные воспоминания). М., 1922. С. 14.

²⁴ Подробнее об этой организации см.: Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М., 2006.

²⁵ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 106.

красноармейца получили ножевые ранения²⁶. Слухи раздули этот инцидент чуть ли не во второе Кровавое воскресенье. «Колпинские расстрелы» широко обсуждались на митингах в мае 1918 г. 2 июля ЧСУФЗП пыталось организовать общегородскую забастовку протеста. Она не приобрела общегородского размаха, но в ней участвовало до 20 тыс. человек²⁷.

Минная дивизия оказалась в это время на Неве в непосредственной близости от Обуховского завода и политического центра города — Смольного. Ее матросы имели собственное лицо, если не политическое, то психологическое. Служба на сравнительно небольших кораблях, ведших активные боевые действия, значительно сильнее спланивала команды, чем служба на линкорах или крейсерах, которые к тому же большую часть Первой мировой войны простояли на якоре. Скажем, четыре новейших дредноута Балтийского флота за всю войну не сделали ни одного боевого выстрела. Морякам Минной дивизии была присуща меньшая революционность в 1917 г., чем их «братишкам» с линкоров²⁸. Мичман Г. А. Деньер писал матери из Шлиссельбурга в начале августа 1918 г., что на сторожевом судне «Куница», где он служил,

как и на всех маленьких кораблях, дисциплина существует, комитетов нет, <...> собраний не бывает никогда, приказания исполняются. Могу обрадовать, что это на всех мелких судах, а на Минной дивизии так и гораздо лучше²⁹.

В то же время матросы Минной дивизии отличались лихостью, иногда переходящей в полную разнузданность. Перед уходом из Гельсингфорса они разграбили здание таможни. Правда, по утверждению комиссара дивизии Е. Л. Дужека, в разграблении принимали участие команды лишь трех миноносцев³⁰. Во время следствия по делу А. М. Щастного (в июне 1918 г.) главный комиссар Балтийского флота левый эсер Е. С. Блохин показал, что

²⁶ Сообщение следственной комиссии, посланной в Колпино Петроградским советом // Петроградская правда. № 96. 14 мая 1918 г. С. 1.

²⁷ *Марголис А. Д.* Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. 1918 // Санкт-Петербург: Энциклопедия. [Эл. док.] URL: <http://encspb.ru/object/2860394643?lc=ru> Последнее посещение: 23.08.2019.

²⁸ *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918. М., 2017. С. 166–179.

²⁹ РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 34. Л. 72–73.

³⁰ Показания Е. Л. Дужека. 6 июня 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 130.

перед самым уходом они устроили дебош в Гельсингфорсе, разграбив таможенно, второй раз <провинились> в Петрограде, стащив муку из Смольного³¹.

Подробности последнего инцидента нам неизвестны, но он упоминается современниками, в том числе и самим А. М. Щастным³². Признаки недовольства Советской властью со стороны моряков Минной дивизии можно было заметить уже 1 мая 1918 г. Газета «Петроградское эхо» так описывала первомайские торжества:

Стройными колоннами дефилируют команды. <...> Во главе их идет представитель высшего морского офицерства, который отдает приказ «направо» и матросы, как один человек, становятся лицом к комиссарской трибуне. <...> По всей длине реки вытянулась наша Балтийская эскадра, расцветившаяся массой разноцветных сигнальных флажков. Картина была действительно внушительная: морские громады, чередующиеся с мелкими судами. На фоне Невы, покрытой идущим ладожским льдом, <зрелище> заставляло обращать на себя внимание. **Матросские отряды стоявших на рейде** <то есть на реке, — *К. Н.*> **кораблей не приняли участия в шествии. При этом матросы заявляли, что они «держат нейтралитет», так как еще совершенно не знакомы ни с Петроградским советом, ни с петроградским гарнизоном** <выд. нами — *К. Н.*>³³.

На политическую авансцену Минная дивизия вышла 10 мая. В этот день на эсминце «Победитель» было собрано пленарное заседание делегатов дивизии для обсуждения вопроса о ее переброске на Ладожское озеро. Председательствовал на собрании председатель судового комитета «Победителя» М. И. Уманский. Собрание продолжалось и 11 мая. Прения приняли общеполитический характер, в них приняли участие также офицеры, что было совершенно необычно для матросских митингов³⁴. 10 или 11 мая единогласно при 3 воздержавшихся была принята резолюция, которая и положила начало мятежу. Вопрос о дате ее принятия достаточно сложен, а свидетельства современников противоречивы. Председательствовавший на собрании М. И. Уманский указывает на 11 мая, тогда как комиссар гардемарин П. Ф. Гуркало свидетельствует, что уже в 18 часов 10 мая текст резолюции обсуждался в Адмирал-

³¹ Показания Е. С. Блохина. 5 июня 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 127 об.

³² [Разъяснение А. М. Щастного к пункту 5 рукописи «Мотивы ухода»] // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 18 об.

³³ Первое мая. Парад. На Неве // Петроградское эхо. № 59. 1918. 2 мая. С. 1.

³⁴ Протокол показания моряка военного флота Михаила Ивановича Уманского, эск<адренный> мин<оносец> «Победитель». 22 июля 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 201.

тействе представителями Морской коллегии большевиком лейтенантом Ф. Ф. Раскольниковым и С. Е. Саксом³⁵. Резолюция гласила:

Ввиду угрожающего положения в Петроградском округе, а вместе с ним и флоту от вражеского нашествия, [Минная дивизия] постановила: 1) Петроградскую коммуны ввиду ее полной неспособности и несостоятельности предпринять что-либо для спасения родины и Петрограда — распустить. 2) Всю власть по обороне и управлению Петроградским округом вручить морской диктатуре Балтийского флота. 3) Немедленно войти в тесную связь со всеми рабочими Петрограда и демобилизованными солдатами и офицерами армии на предмет взаимной поддержки и организации реальной силы для обороны Петрограда. 4) Просим командование флотом собрать пленарное заседание всех судовых комитетов, командиров, флагманов и комиссаров флота сегодня к 4-м часам дня³⁶ на <флагманском судне> «Кречете»³⁷.

Эту резолюцию поддержали 14 эсминцев — «Боевой», «Внимательный», «Внушительный», «Десна», «Забияка», «Изяслав», «Инженер-механик Дмитриев», «Инженер-механик Зверев», «Капитан Изъльметьев», «Лейтенант Ильин», «Победитель», «Свобода», «Уссуриец» и «Финн», в тот же день к ней присоединились эсmineц «Капитан Миклухо-Маклай» и линкор «Полтава»³⁸. 16 мая резолюцию поддержала команда крейсера «Олег»³⁹. Мичман Г. Н. Лисаневич, матрос машинист 2-й статьи Феодосий Ульянович Засимук (? — после 1918) и еще один матрос были отправлены собранием «в г. Кронштадт на большие суда с просьбой присоединиться к нашей резолюции»⁴⁰. М. И. Уманский отнес резолюцию на «Кречет» и отдал ее комиссару левому эсеру К. Д. Гржибовскому для передачи Е. С. Блохину⁴¹.

Следует особенно подчеркнуть, что лидерами этого выступления и инициаторами принятия резолюции были мичман Г. Н. Лисаневич и матрос Ф. У. Засимук. Г. Н. Лисаневич родился в семье генерала от кавалерии, крупного коннозаводчика. Окончил Морской корпус в ноябре 1914 г. — это был ускоренный выпуск, при нормальных условиях

³⁵ Протокол показания комиссара Балтийского флота Петра Филипповича Гуркало. 20 июля 1918 г. // Там же. Л. 204.

³⁶ Резолюция сохранилась только в копиях. В некоторых из них указано время «1 час дня».

³⁷ РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 109. Л. 41; Резолюция Минной дивизии. // Балтийские моряки... С. 163.

³⁸ Резолюция Минной дивизии. Копия // РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 82.

³⁹ Протокол № 122 заседания общего собрания команды крейсера «Олег» от 16 мая 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 229.

⁴⁰ Протокол показания моряка военного флота М. И. Уманского... Л. 201 об.

⁴¹ Там же.

Г. Н. Лисаневич и его однокашники должны были стать офицерами летом 1915 г. Он служил на Балтике, принял участие в Ледовом походе. В мае 1918 г. он стал временно исполняющим обязанности командира эсминца «Капитан Изильметьев». Его младший брат Михаил (1896? — 1917) окончил Морской корпус в 1916 г. и погиб в сентябре 1917 г. на подорвавшемся на mine в Ирбенском проливе эсминце «Охотник». О втором брате, Александре, известно лишь то, что он оказался в эмиграции. Третий брат, Борис (1905–1985) успел поучаствовать в Гражданской войне на стороне белых кадетом Одесского корпуса, покинул СССР в 1924 г., был танцором труппы Дягилева, в конце концов стал основателем туристической отрасли в Непале и близким другом непальского короля Трिбухвана (1906–1955)⁴².

Сложно сказать, каких политических взглядов придерживался Г. Н. Лисаневич. Известный мемуарист капитан 2 ранга Г. К. Граф расхваливает его за защиту царской власти от «клеветы» революционеров на митингах в Гельсингфорсе в 1917 г. даже с угрозой для жизни⁴³. С другой стороны В. И. Игнатьев, один из руководителей партии народных социалистов и антисоветского подполья в Петрограде, называет его «скорее большевиком, чем правым социалистом»⁴⁴. Мы полагаем, что Г. Н. Лисаневич не имел стройных и твердых политических взглядов, но как офицер был сторонником «твердой», «справедливой» и «народной» власти. Этот комплекс представлений, характерный для сравнительно наивного политически офицерства, прекрасно исследован востоковедом Г. И. Мирским на примере армий стран «третьего мира» в 50–70-е гг. XX в.⁴⁵

Выступление офицера в качестве вожака матросского движения было событием почти уникальным для второй половины 1917 — первой половины 1918 г. Второй такой случай имел место в Баку в июле 1918 г., когда лидером Центрокаспия стал мичман В. В. Леммлейн⁴⁶, кстати, однокашник Г. Н. Лисаневича по Морскому корпусу. Это лишний раз свидетельствует о росте авторитета офицеров в матросской среде после ухода с флота значительной части моряков и Ледового похода. Заметим, что офицерство весной 1918 г. было фактически лишено политических

⁴² Пересказ воспоминаний Б. Н. Лисаневича, в том числе о его братьях см.: *Песель М. Тигр на завтрак*. М., 2007.

⁴³ *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 351.

⁴⁴ *Игнатьев В. И.* Некоторые факты и итоги... С. 19.

⁴⁵ *Мирский Г. И.* Третий мир: общество, власть, армия. М., Наука, 1976. Мы сделали попытку применить методы Г. И. Мирского к анализу ситуации в России: *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России. 1917–1921 гг. М., 2011.

⁴⁶ *Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов... С. 73.

прав и не допускалось на собрания команд и митинги. Участие офицера в митинге рассматривалось как преступление, о чем прямо сказано в обвинительном заключении по делу Минной дивизии (сентябрь 1918 г.)⁴⁷. Понятно, что фактически офицеры иногда могли присутствовать и даже выступать на матросских собраниях, но офицер — лидер матросов был явлением единичным. О политическом кредо других лидеров мятежа известно крайне мало. Е. С. Блохин на суде над моряками Минной дивизии свидетельствовал, что

политические убеждения комиссаров были разнообразны, начиная от обронцев и кончая большевиками и даже анархистами, лично я примыкал к левым с<оциалистам>-р<еволюционерам>. Относительно политических убеждений т. Дужика, Гржибовского и Минаева могу сказать следующее: Гржибовский еще раньше зарекомендовал себя противником советской власти, еще во времена Керенского; относительно Дужика определенного ничего не могу сказать, судя по его рассуждению, он, в принципе, придерживаясь советской власти, был против нее только персонально. Об истинных его убеждениях предоставляется судить по его поведению и делам; что касается Минаева, то могу сказать определенно, ибо он вполне разделяет советскую власть, но был против только персонально, в частности, осуждал действия Раскольниковы⁴⁸.

Выражение «быть против персонально», очевидно, означает отказ признавать отдельных руководителей. О Ф. У. Засимуке известно только, что он служил машинистом на эсминце «Инженер-механик Зверев». 12 мая состоялось то совещание представителей кораблей и частей флота на флагманском «Кречете», которого требовала резолюция Минной дивизии, принятая накануне. Совещание, по словам Г. Н. Четверухина,

резко осудило резолюцию Минной дивизии, подчеркнув, что она вызвана преступной агитацией лиц, покушавшихся на завоевания революции, Советской власти, и просило правительство принять необходимые меры по борьбе с врагами революции⁴⁹.

К сожалению, мы не смогли обнаружить текст этой резолюции. Несомненно, что большинство моряков Минную дивизию не поддержало.

В тот же день, 12 мая, в два часа дня в помещении бывшего Морского корпуса было собрано пленарное заседание всех частей флота. Оно вошло в историю как «митинг в Морском корпусе». Митинг был созван

⁴⁷ Обвинительный акт, составленный судом Революционного трибунала гор. Кронштадта по делу контрреволюции и провокации в Минной дивизии (1 сентября 1918 г.) // Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.; Л., 1932. С. 127.

⁴⁸ РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 193.

⁴⁹ Четверухин Г. Н. Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 11. С. 90.

ради «ликвидации взбодораженного настроения» вновь назначенным главным комиссаром Балтийского флота И. П. Флеровским и членами совета 3-го съезда Балтийского флота⁵⁰. Председательствовал на нем М. И. Уманский, который «активно высказывался за свержение Петроградской коммуны»⁵¹. Председателем этого митинга называет себя также И. М. Лудри⁵². В принципе, на заседании могло быть несколько председательствующих, исполнявших свои обязанности по очереди. По свидетельству участника митинга, комиссара большевика П. Ф. Гуркало

заседание <...> было чрезвычайно бурное и крайне реакционное, это объясняется отчасти неопределенным личным составом заседания, между прочим, присутствием на нем командиров и флагманов. <...> Лисаневич, Засимук и целый ряд офицеров <>... обнаглели до того, что буквально призывали к генералу на белом коне с палкою в руках, ибо диктатура флота понималась в смысле диктатуры командного состава флота⁵³.

Оппозиционная большевикам газета «Новая жизнь», издававшаяся М. Горьким, по горячим следам так описывала произошедшее в Морском корпусе:

В порядке дня совещания моряков был поставлен вопрос об отношении к резолюции миного отряда, направленного против Петроградской коммуны. Резолюция эта уже обсуждалась отдельно на судах Балтийского флота, и для ее голосования было собрано специальное совещание по 2 представителя от каждого корабля Балтийского флота, как в Петрограде, так и в Кронштадте <имеется в виду совещание на «Кречете» — К. Н.>. Вторым вопросом стояли текущие дела⁵⁴.

Матросы пригласили на митинг представителей ЧСУФЗП, и «Новая жизнь» описывала митинг с их слов. Они опоздали к началу, поэтому не слышали речь Ф. Ф. Раскольниковца. Слова же А. В. Луначарского они передавали так:

Ему странно слышать, что матросы, действовавшие во главе рабочих в дни Октябрьской революции и создавшие первую в мире социалистическую республику, высказываются против Петроградской трудовой коммуны. Ведь этим они бросают вызов всему пролетариату, дают оружие в руки

⁵⁰ [Показания С. Е. Сакса, высланные В. Э. Кингисеппу]. 6 июня 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 150.

⁵¹ Обвинительный акт, составленный судом революционного трибунала гор. Кронштадта по делу контрреволюции и провокации в Минной дивизии (1 сентября 1918 г.). // Балтийский флот... С. 126.

⁵² Четверухин Г. Н. Спохохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 11. С. 90.

⁵³ Протокол показания Комиссара Балтийского флота П. Ф. Гуркало... Л. 204.

⁵⁴ Собрание представителей Балтийского флота // Новая жизнь. № 89. 1918. 14 мая. С. 2.

контрреволюции. Он никак не может допустить, чтобы революционные моряки могли выносить такие резолюции, на какие способны только контрреволюционеры. Ему тягостно подумать, что среди моряков нашлись люди, которые слушают нащептывания контрреволюционеров и подрывают Советскую власть. <...> Помните, сказал комиссар, что каждый удар по трудовой коммуне есть удар, направленный в сердце пролетариата. Моряки прерывали комиссара замечаниями и предлагали ему вопросы: Где хлеб? Где свобода? Где Россия? Ведь мы стоим на краю пропасти, — кричали матросы. Напрасно Луначарский призывал к терпению. На западе — говорил он — поднимается уже революция. В Ревеле, по полученным сведениям, началось восстание германского флота. Под шум собравшихся Луначарский сказал: Вы хотите распустить коммуну, но ведь за коммуной идет весь пролетариат. Он любит ее и умрет за нее!⁵⁵

Вполне уместен вопрос — почему на матросском митинге выступал именно нарком просвещения? Дело в том, что в 1918 г. А. В. Луначарский фактически был пресс-секретарем СНК, постоянно давая разъяснения по политическим вопросам как журналистам, так и гражданам при непосредственном общении. Затем выступали матросы.

Отдельные представители судов минного отряда рассказывали о мучительных переживаниях моряков, связанных с последствиями Брестского мира. До такого позора ни одна страна не дошла. Минный отряд до последней минуты нес боевую работу, и он знает, на что еще способен революционный флот. Видя, что кругом все разрушено, население голодает, и на фоне всего этого происходит дикое расхищение народного и общественного достояния, что последняя надежда — боевой флот — загнан в тупик, моряки минного флота пришли к убеждению, что дальше так продолжаться не может. Один матрос выражал недоумение, как Балтийский флот, флот боевой по своему духу, толкнули сначала в Гельсингфорс, затем выпихнули из Гельсингфорса и во льдах заставили пробираться в Кронштадт, что из Кронштадта упереться потом в Николаевский мост. Такой трагедии, по выражению оратора, не переживал еще ни один флот⁵⁶.

В завершение митинга выступил не названный по имени представитель ЧСУФЗП, который рассказывал о давлении советских органов на собрание уполномоченных⁵⁷. По словам С. Е. Сакса, на митинге

выступали Лисаневич и Засимук, слишком прямо говорившие о непригодности советской власти, говорили о необходимости свергнуть Трудовую коммуну Петроградской области и вообще играли на таких больных сторонах бытия, как отсутствие хлеба и вообще порядка. Их речи имели успех

⁵⁵ Речь Луначарского // Там же.

⁵⁶ Речи моряков // Там же.

⁵⁷ Доклад делегата уполномоченных // Там же.

лишь потому, что нервное настроение массы слишком воспринимает всякие новшества, и пользовались этим⁵⁸.

Сохранилось свидетельство о митинге одного из его главных участников — А. В. Луначарского.

Тов. Раскольников уведомил меня о том, что ведется интенсивная эсеровская, а за нею и офицерско-белогвардейская агитация в минной эскадре флота под нелепым лозунгом «Диктатуры флота в Петрограде». <...> Я очень хорошо помню матросское собрание на Васильевском острове <в Морском корпусе>, где мне и тов. Раскольникову пришлось вступать в дискуссию перед матросскими массами с руководителями этого движения. Выступал целый ряд офицеров с горячими патриотическими речами и один молодой лейтенант, фамилии которого я не помню, она позднее была выяснена <Г. Н. Лисаневич — *К. Н.*>, развивал целую определенную программу этой «диктатуры флота». <...> Мы доказывали, что за этой диктатурой стоит диктатура нескольких офицеров, помазанных жидким эсерством, и несколько лиц еще более неопределенных, со связями, уходившими через иронически улыбающегося Щастного в черную глубь. <...> Настроение среди матросов минной эскадры было такое, что во время речи тов. Раскольникова нельзя было быть уверенным, что кто-нибудь не выстрелит в него или что не произойдет рукопашной. Однако ответственные руководители матросских организаций флота с такой энергией отвечали минным эсерам и так определенно заявляли им, что «разделают их под орех» при малейшей попытке к восстанию, что шансы, казалось, уравнивались, и эсеровские подстрекатели стали говорить будто бы в примирительном тоне⁵⁹.

Не следует удивляться тому, что А. В. Луначарский называет Г. Н. Лисаневича лейтенантом — во-первых, в то время уже не носили знаков различия, а, во-вторых, среди штатских было принято называть молодых флотских офицеров лейтенантами, тогда как чин «мичман» был значительно менее известен вне флотской среды. Можно вспомнить Н. С. Гумилева: «Лейтенант, водивший канонерки под огнем неприятельских батарей...»⁶⁰. Что касается связей лидеров митингующих, «уходивших в черную глубь», то А. В. Луначарский пользовался здесь преимуществом послезнания, когда к 1922 г. вскрылась нелегальная антибольшевистская работа правых эсеров. Главный комиссар Е. С. Блохин, который отличался политической наивностью, вовсе не понял, что произошло. Даже в начале июня он считал,

что касается <Петроградской> коммуны, то это не потому, что она не нравится, а потому что они распоряжаются военной частью, они <авторы резо-

⁵⁸ [Показания С. Е. Сакса, высланные В. Э. Кингисеппу]. 6 июня 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 150.

⁵⁹ *Луначарский А. В.* Бывшие люди: Очерки истории партии эсеров. М., 1922. С. 41.

⁶⁰ *Гумилев Н. С.* Мои читатели.

люции — *К. Н.*> только против этого шли, когда им разъяснили, то они согласились. Резолюция была изменена. Лисаневича я знаю, когда он приходил в Центробалт, он говорил, может быть, не так, как нужно⁶¹...

В работах историков звучат утверждения о том, что на митинге в Морском корпусе резолюция Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука была «в основном одобрена», звучали призывы вручить власть в городе лично А. М. Щастному, а попытки А. В. Луначарского и Ф. Ф. Раскольникова переубедить собравшихся ни к чему не привели и их чуть ли не избили⁶². В изложении «Новой жизни» митинг завершился иначе:

Собрание должно было приступить к голосованию резолюции минного отряда <вынесенной 11 мая — *К. Н.*>. Один из моряков, подводя итоги высказанному на собрании, сделал резкое заявление по адресу Раскольникова. Оскорбленная этим часть матросов, заявила, что ввиду <про>изнесенного оскорбления комиссару они не дадут больше никому выступать и закрывают собрание. В зале поднялся такой шум, что президиум счел за лучшее прервать заседание, <митинг> так и не приступил к голосованию резолюции минного отряда⁶³.

Такой финал собрания подтверждает и П. Ф. Гуркало:

Я вышел на середину заседания и обратился к присутствующим с призывом, чтобы все сторонники Советской власти покинули заседание и вышли из зала, за мной пошли мои сотоварищи, а вскоре все покинули заседание, даже те, которые так яро поддерживали резолюцию <Минной дивизии>⁶⁴.

Таким образом, моряки не изгоняли с позором с митинга Ф. Ф. Раскольникова и А. В. Луначарского. Ни один источник не подтверждает призывов вручить власть А. М. Щастному. Этот мотив не звучал даже во время следствия и суда по его делу в июне 1918 г. Мы полагаем, что сам А. М. Щастный был бы против подобного рода лозунгов. Он вполне комфортно чувствовал себя внутри системы коллегиальных органов управления, которые фактически направлялись им, но создавали иллюзию демократических порядков. Вероятно, опыт Гражданской войны, когда белые формирования возглавили «генералы с палкой», отразился на мемуарных текстах, и современники начали «вспоминать» то, чего не было, но что логически вытекало из происходившего. Возможно, что в памяти

⁶¹ Стенограмма показаний Е. С. Блохина и Е. Л. Дужека. 5 июня 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 104.

⁶² *Точкин Ф. В.* К 90-летию Ледового похода Балтийского флота в 1918 г. // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 442.

⁶³ Закрытие собрания // Новая жизнь. № 89. 1918. 14 мая. С. 2.

⁶⁴ Протокол показания Комиссара Балтийского флота П. Ф. Гуркало... Л. 204.

произошло смешение событий 12 мая с собраниями делегатов Минной дивизии и митингами 25, 27 и 31 мая⁶⁵, о которых речь будет дальше.

В эти же дни в Кронштадте работал 3-й съезд моряков Балтийского флота, открывшийся 29 апреля. Согласно показаниям большевика машинного унтер-офицера эсминца «Самсон» Г. И. Силина на суде над моряками Минной дивизии в начале сентября 1918 г.,

до открытия съезда и во время перерывов в первые дни съезда в «оенный» м-оряк» Засимук и еще делегат от яхты «Штандарт», фамилии его я не знаю, вели определенную агитацию за свержение Советской власти. Они говорили буквально следующее: «3-й съезд Балт<ийского> фл<ота> имеет историческое значение, Балт<ийский> фл<от> поставил Советскую власть, он ее и должен убрать, потому что настало время⁶⁶.

Однако агитация Ф. У. Засимука и его сторонника не возымела действия. 13 мая съезд принял резкую резолюцию, осуждавшую выступление Минной дивизии, исключаящую Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука из числа моряков и содержащую секретный пункт об их аресте и передаче в ЧК⁶⁷. 18 мая постановление съезда было утверждено Коллегией наркоммора, в тот же день А. М. Щастному было «поставлено на вид», что он все еще не издал приказ об увольнении двух моряков⁶⁸. Заметим, что формулировка «поставить на вид» в то время означала форму взыскания, аналогичную современному выговору. Однако А. М. Щастный, пока оставался командующим, не только не издал приказа об аресте Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука⁶⁹, но и подписал 15 мая приказ о назначении Г. Н. Лисаневича временно исполняющим обязанности эсминца «Капитан Изыльметьев»⁷⁰.

18 мая С. Е. Сакс направил А. М. Щастному отношение с запросом о положении дел с увольнением Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука. А. М. Щастный и Е. С. Блохин ответили:

Командование флотом ожидало, что коллегия Народного комиссариата по морским делам пришлет хотя бы отпечатанный на машинке издаваемый

⁶⁵ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 226. Л. 9.

⁶⁶ РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 194.

⁶⁷ Постановление 3-го съезда моряков Балтийского флота в связи с вынесением Минной дивизией контрреволюционной резолюции. 13 мая 1918 г. // Балтийские моряки... С. 164.

⁶⁸ Предписание Коллегии народного комиссариата по морским делам начальнику морских сил Балтийского моря. 18 мая 1918 г. // Балтийские флот. 1932. С. 121.

⁶⁹ Стенограмма допроса А. М. Щастного. 27 мая 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 93.

⁷⁰ Мишанов В. Г. Дело Минной дивизии: Скорбные страницы истории // Андреевский флаг: Межрегиональный морской информационно-исторический вестник. 1992. № 2.

коллегией приказ об увольнении из флота военных моряков Лисаневича и Засимука, так как в тексте приказов по Балтийскому флоту и Морскому ведомству может быть расхождение⁷¹.

Эта отписка, иначе назвать ее трудно, сразу же вызвала критику со стороны С. Е. Сакса. Он указал, что назначение и увольнение личного состава (кроме занимающих ответственные посты) — право командования флотом, постановление съезда было подтверждено коллегией Наркомата по морским делам по телеграфу, поэтому дополнительный приказ не требовался, ввиду чрезвычайной ситуации увольнение могло быть произведено не приказом, а простым предписанием начальнику Минной дивизии⁷². На следствии А. М. Щастный оправдывался тем, что по техническим причинам приказ нельзя было напечатать типографским способом⁷³. Очевидна вся надуманность этой отговорки — приказ можно было написать от руки, а размножения секретного приказа в типографии вовсе не требовалась. По поводу этого приказа Е. С. Блохин, давая показания по делу А. М. Щастного, говорит:

Вы сами понимаете, что приказы издаются только для того, чтобы их слушались, поэтому когда я вижу, что каждый день за Лисаневичем ходит 10 матросов вооруженные, они не послушаются <приказа об аресте Г. Н. Лисаневича>, то я не приводил его в исполнение <...> время терпит, если сегодня или завтра издадим <приказ об аресте>, то все равно приказа не выполним⁷⁴.

Эта оценка представляется нам ключевой. Можно констатировать, что Минная дивизия оказалась в состоянии вялотекущего мятежа с 13 мая, когда выяснилась невозможность ареста ее лидеров флотскими властями. Такое состояние продолжалось больше месяца, до 23 июня 1918 г., когда попытка их ареста была все же предпринята, правда, и Г. Н. Лисаневич, и Ф. У. Засимук легко скрылись, но часть кораблей Минной дивизии была разоружена. Эта коллизия является прекрасной иллюстрацией того факта, что попытка «употребить власть» со стороны большевиков на флоте весной–летом 1918 г. могла просто провалиться.

Резолюция Минной дивизии сразу же вызвала большой интерес у руководства Наркомата по морским делам. 15 мая из Москвы был запрошен

⁷¹ Отношение А. М. Щастного и Е. С. Блохина представителю Коллегии НКМД С. Е. Саксу. 18 мая 1918 г. // РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

⁷² Рапорт С. Е. Сакса Л. Д. Троцкому. 19 мая 1918 г. // РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

⁷³ Стенограмма допроса А. М. Щастного. 27 мая 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 93.

⁷⁴ Стенограмма показаний Е. С. Блохина и Е. Л. Дужека. 5 июня 1918 г. // Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-86300. Л. 104.

ее текст, который был выслан в ночь на 16 мая⁷⁵. Однако телеграмма с резолюцией то ли была потеряна в Москве, то ли не дошла до адресата, поскольку ее снова запрашивали уже для следствия по делу А. М. Щастного 11 июня⁷⁶. Выслана она была только после повторного напоминания 20 июня⁷⁷. Отметим, что 14 мая, ввиду угрозы захвата белофиннами и немцами, был взорван форт Ино, прикрывавший подступы к Петрограду с северо-запада. Это событие вызвало в городе бурю возмущения и очередную волну слухов о неизбежности сдачи города немцам.

После митинга в Морском корпусе в Минной дивизии наступило затишье, которое было прервано лишь 25 мая. В этот день утром «общее собрание рабочих Обуховского завода и моряков Минной дивизии постановило о совместном выступлении против властей»⁷⁸.

Затем собрание делегатов Минной дивизии на эсминце «Капитан Изъльметьев» под председательством матроса эсминца «Самсон» И. И. Балакина⁷⁹ отклонило требование ареста Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука, заявив, что

ответственными являются пославшие, а не посланные. <...> Приведение в исполнение постановления съезда относительно т<оварищей> Засимука и Лисаневича поставит Минную дивизию <...> перед явной необходимостью оградить и защитить товарищей делегатов от насилий и несправедливости, использовав для этого в полной мере все доступные для Минной дивизии средства⁸⁰.

Это была недвусмысленная угроза защитить своих лидеров силой оружия. Вопрос о партийной принадлежности И. И. Балакина представляется спорным. Во время суда по делу о мятеже в Минной дивизии защитник назвал его большевиком и близким соратником П. Е. Дыбенко по матросским отрядам, сражавшимся на суше⁸¹. С другой стороны, согласно показанию на суде матроса эсминца «Лейтенант Ильин» В. Драпицына, И. И. Балакин говорил, что

⁷⁵ РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 109. Л. 9, 11.

⁷⁶ Там же. Л. 36.

⁷⁷ Там же. Л. 40.

⁷⁸ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 115.

⁷⁹ Обвинительный акт, составленный судом Революционного трибунала гор. Кронштадта по делу контрреволюции и провокации в Минной дивизии (1 сентября 1918 г.). // Балтийский флот... С. 126

⁸⁰ Резолюция пленарного заседания делегатов... // Балтийский флот... С. 121.

⁸¹ Протокол судебного заседания революционного трибунала г. Кронштадта 3 сентября 1918 г. по уголовному делу № 50 (Минной дивизии) // РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 68.

готов умереть за Советскую власть, только я всегда против отдельных личностей Советской власти, а именно Ленина и Троцкого»⁸²,

что определенным образом свидетельствовало о настроениях моряков — участники Кронштадтского мятежа 1921 г. тоже были за Советскую власть, но без большевиков. Там же была принята резолюция «О текущем моменте», в которой говорилось о поддержке Советской власти в принципе, но поскольку руководство партии большевиков

проявляет полную нетерпимость к другим политическим партийным организациям, реагируя на их деятельность чисто полицейскими приемами, далеко оставляющими за собою приемы самодержавия, <...> выходом из создавшегося положения может быть только созыв Всероссийского учредительного собрания на основе свободного всеобщего избирательного права. <...> Ближайшей мерой должны быть немедленные перевыборы советов, как местных, так и Совета народных комиссаров»⁸³.

По воспоминаниям старшего лейтенанта Г. Н. Четверухина,

25 мая на пленарном заседании делегатов Минной дивизии была принята новая резолюция, направленная против большевиков в советах, обвинявшая их в несостоятельности при решении стоящих задач, а также призывающая к созыву Учредительного собрания на основе свободного всеобщего избирательного права⁸⁴.

Таким образом, резолюция Минной дивизии полностью исходила из лозунгов ЧСУФЗП. Ее окончательную редакцию подготовил командир эсминца «Свобода» капитан 2 ранга П. П. Михайлов⁸⁵. На заседании обсуждалась также телеграмма начальника Морского генерального штаба капитана 1 ранга Е. А. Беренса от 21 мая о подготовке флота к взрыву, перепевалась тема назначения наград за взрыв флота. Представитель Совкомбалта П. Ф. Гуркало не смог переспорить К. Д. Гржибовского, Л. Е. Дужека, Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука. К. Д. Гржибовский и Л. Е. Дужек заявили, что «власть думает только <о том, чтобы> взорвать флот в угоду немцам»⁸⁶. Заметим, что разговоры о взрыве флота превратились к этому времени в своего рода психическое заболевание среди моряков. Логика происходящих событий отошла на задний план, уступив место иррациональным эмоциям.

⁸² РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 191 об.

⁸³ Резолюция пленарного заседания делегатов... // Балтийский флот... С. 121.

⁸⁴ Четверухин Г. Н. Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 11. С. 90.

⁸⁵ Протокол показания комиссара Балтийского флота П. Ф. Гуркало... Л. 205 об.

⁸⁶ Там же.

А. В. Шмелев в своей статье задается вопросом, «почему Гуркало их не арестовал?»⁸⁷. Мы полагаем, именно потому, что Минная дивизия не контролировалась флотским командованием и комиссарами и фактически находилась в состоянии мятежа. Один П. Ф. Гуркало не мог противостоять всему экипажу «Капитана Изыльметьева», несмотря на свой статус члена Совкомбалта. Можно присоединиться к оценке А. В. Шмелева, что

политическая резолюция <25 мая> значительно более зрелая, нежели резолюции 11 мая, и нет сомнений, что она уходит корнями в рабочую оппозицию в Петрограде под предводительством меньшевиков и эсеров⁸⁸.

27 мая на эсминце «Грозный» произошло новое заседание делегатов 24 эсминцев и 2 канлодок Минной дивизии под председательством И. И. Балакина, его товарищем (заместителем) был капитан 2 ранга П. П. Михайлов, а секретарем собрания — Г. Н. Лисаневич⁸⁹. Оно заявило о непризнании И. П. Флеровского в качестве главного комиссара флота, так «как <он> лицо в морском деле некомпетентное»⁹⁰, и заявило о необходимости сохранить в составе Совкомбалта комиссаров Минной дивизии Е. Л. Дужека и К. Д. Гржибовского⁹¹. Однако впечатление единства было ложным. 1 июня на пленарном собрании представителей морских частей в Кронштадте, представители канонерской лодки «Хивинец», миноносцев «Лейтенант Ильин», «Самсон» и «Константин» заявили, что

их команды не участвовали в резолюции Минной дивизии, а их туда вписали без их ведома⁹².

Анализ голосования представителей команд кораблей Балтийского флота по политическим вопросам в конце мая — начале июня 1918 г. показывает, как распределились симпатии команд. Резолюцию Минной дивизии о недоверии комиссару И. П. Флеровскому 27 мая поддержали команды эсминцев «Амурец», «Боевой», «Бурный», «Внимательный», «Внутренний», «Войсковый», «Всадник», «Гавриил», «Гайдамак», «Десна», «Изяслав», «Инженер-механик Зверев», «Инженер-механик Дмитриев», «Капитан Изыльметьев», «Москвитянин», «Орфей», «Победитель», «Свобода», «Усуриец». Среди подписей под резолюцией также значились канонерская лодка «Хивинец», эсминцы «Константин», «Лейтенант Ильин»

⁸⁷ Шмелев А. В. «Мятеж» Минной дивизии... С. 180.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Резолюция пленарного заседания делегатов Минной дивизии. 27 мая 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 81.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 226. Л. 6.

и «Самсон», но позднее их представители заявили, что они не поддерживали резолюцию⁹³.

Представители этих кораблей голосовали за резолюции, предложенную И. П. Флеровским с осуждением только что арестованного А. М. Щастного и предложенную командой крейсера «Баян» с осуждением выступления Минной дивизии. Таким образом, либо они действительно не поддержали резолюцию Минной дивизии с самого начала, либо быстро откололись от мятежников. Представители кораблей, подписавших резолюцию, либо голосовали против двух последних резолюций, либо отсутствовали при голосовании, что также подтверждает их позицию. Следовательно, более-менее твердо на антибольшевистских позициях стояли команды 19 эсминцев — немалая сила, но все же не составлявшая большинства в Балтийском флоте. Команды кораблей, стоявших в Кронштадте, поддерживали существующую власть почти поголовно.

29 мая произошло чрезвычайное заседание Петроградского совета с участием красноармейской конференции, конференции 1-го Городского района, центрального бюро профессиональных союзов, представителей Минной дивизии, находящейся на Неве, представителей фабрично-заводских комитетов и других организаций, посвященное аресту А. М. Щастного. На нем произошла перепалка между Г. Е. Зиновьевым и матросом эсминца «Десна» Коссаковским, который кричал, что

если флот не продан, то полупродан. Где наш адмирал, где наш выборный начальник Щастный? Нам навязывают в комиссары людей, совершенно неопытных в морском деле. Где наши избирательные права? Зачем нас загоняют на Ладого? Носятся слухи, что отдан приказ о том, чтобы взорвать флот⁹⁴.

Правда, другой матрос, Щетинин, заявил, что Коссаковского

во время революции совершенно не было во флоте и что только теперь он явился в Петроград для агитации⁹⁵.

В обвинительном заключении по делу о Минной дивизии (от 4 сентября 1918 г.), составленном очень неаккуратно, так что часто смешиваются происходившие в разное время события, вероятно, о митинге 31 мая⁹⁶ сказано, что состоялось «общее собранно матросов Петроградского округа», на котором выступали мичман Г. Н. Лисаневич, матросы

⁹³ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 266. Л. 6.

⁹⁴ Заявление матроса // Новая жизнь: Петроградское издание: Общественно-политическая и литературная социал-демократическая газета. № 103. 30 мая 1918 г. С. 3.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Текст построен так, что приведенное описание датировано 25 мая, но другие источники не приводят сведений о большом матросском митинге в этот день.

Ф. У. Засимук, И. И. Балакин, П. Г. Земский, а политику властей защищал лишь комиссар П. Ф. Гуркало. В результате «прошли резолюции совершенно антиправительственного характера, позорящие власть советов»⁹⁷. О самой резолюции 31 мая можно судить по тексту резолюции пленарного собрания представителей морских частей в Кронштадте 1 июня, которая была направлена против решений митинга 31 мая. В резолюции 1 июня говорилось:

Мы, моряки, горячо протестуем против подобных митингов, которые устраиваются <...> только для прочтения каких-то прокламаций явно контрреволюционного содержания с выступлением черно-белосотенных <так! — *К. Н.*> агитаторов и с явной целью создать ту почву, которая дала бы возможность кому-нибудь вроде Скоропадского задушить все завоевания революции, которые мы с таким трудом и потерей наших лучших сил завоевали. <...> С болью в сердце несем мы презрение нашим товарищам, бессознательно поддавшимся провокационной агитации и ставшим уже не моряками революционного флота, а игрушкой в руках контрреволюционеров. <...> Эти провокаторы, подобно Иуде, с сатанинским наслаждением будут любоваться, как мы будем душить друг друга. <...> Требуем немедленного исполнения постановления 3-го съезда Балтфлота о изъятии из нашей морской семьи таких лиц, как Засимук и Лисаневич⁹⁸.

Положение на флоте обострилось после ареста А. М. Щастного. 31 мая И. П. Флеровский, С. Е. Сакс и вновь избранные комиссары Кургало, Г. П. Галкин и П. Е. Байков (Егоров) докладывали Л. Д. Троцкому:

Есть ряд резолюций с кораблей, требующих освобождения Щастного. Особенно отличается Минная дивизия. Чтобы войти вплотную в жизнь флота, **необходимо иметь в руках реальную силу. Сейчас таковой нет** <выд. нами — *К. Н.*>. Репрессии сейчас делу помочь не могут, лишь подольют масла в огонь и вызовут нежелательные последствия в форме возможных стычек, размеры которых в связи с общим положением в Петрограде трудно предвидеть⁹⁹.

Эта телеграмма демонстрирует неуверенность комиссарского состава и боязнь слишком резкими действиями спровоцировать вооруженное антисоветское выступление матросов. Противостояние Советской власти с ЧСУФЗП в конце мая — начале июня 1918 г. отразилось на страницах «Вечернего слова»:

⁹⁷ Обвинительный акт, составленный судом революционного трибунала гор. Кронштадта по делу контрреволюции и провокации в Минной дивизии (1 сентября 1918 г.). // Балтийский флот... С. 125.

⁹⁸ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 226. Л. 9–10.

⁹⁹ РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 109. Л. 29–30.

С каждым днем все глубже и глубже становится пропасть между рабочими, стоящими на платформе чрезвычайного собрания уполномоченных, и сторонниками политики государственной власти. <...> Вот уже целую неделю на фабриках и заводах идут митинги, на которых идет ожесточенная борьба советской власти и оппозиции¹⁰⁰.

Белогвардеец Г. К. Граф в своих мемуарах глухо свидетельствует о том, что

на многолюдных митингах, на которых выступали и офицеры, там стали раздаваться речи против власти комиссаров и призывы к открытому восстанию. Наряду с этим, готовился и план овладения Петроградом после переворота на флоте¹⁰¹.

Действительно, весной 1918 г. в бывшей столице создается множество нелегальных антисоветских организаций, прежде всего из бывших офицеров. Они готовили вооруженное восстание. Существует прямое свидетельство об установлении связей антисоветского подполья с Минной дивизией.

В июне месяце <...> стала у Обуховского завода Минная дивизия, настроенная не в пользу Советской власти. Мы немедленно завязали с ней связь и ввиду исключительной важности района назначили сюда комендантом <...> капитана Ганджумова, энергичного работника¹⁰².

Речь идет о соединенной организации «Союза защиты Родины и свободы» и «Союза возрождения». Из воспоминаний В. И. Игнатьева следует, что нелегальная работа в Минной дивизии началась еще до митинга на Обуховском заводе 27 мая¹⁰³. Как мы знаем, Минная дивизия прошла мосты в ночь на 14 мая, поэтому правильнее будет считать, что заговорщики установили с ней контакт уже в середине мая. Один из руководителей нелегальной организации, вольноопределяющийся В. Б. Шкловский, впоследствии известный советский литературовед, вспоминал:

Мы ждали выступления, оно назначалось неоднократно, помню один из сроков — 1 мая 1918 года. <...> А мы собирались в ночи, назначенные на выступление, по квартирам, пили чай, смотрели свои револьверы¹⁰⁴.

Силы организации, которую представлял В. Б. Шкловский,

¹⁰⁰ Среди рабочих // Вечернее слово. 1918. № 48. 4 июня. С. 4.

¹⁰¹ Граф Г. К. На «Новике»..., С. 347.

¹⁰² Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги... С. 13.

¹⁰³ Там же. С. 14.

¹⁰⁴ Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие. Воспоминания 1917–1922. М., 2008.

состояли из броневых дивизиона <...> отдельных ячеек в <военных> частях, рабочих ячеек, охранного караула при литейно-пушечном заводе, организованного офицерства¹⁰⁵.

В. И. Игнатъев свидетельствовал:

В отношении Петрограда мы ждали окончания организационной работы в морском дивизионе <Минной дивизии — К. Н.>, опираясь на который, а также на броневой дивизион и наши районные управы, мы считали возможным устроить переворот¹⁰⁶.

В руководство этой организации, в частности, входил последний военный министр Временного правительства генерал-майор А. И. Верховский. За заговорщиками стоял «Союз защиты Родины и свободы» Бориса Викторовича Савинкова (1879–1925) и в целом правые эсеры.

Мы полагаем, что В. Б. Шкловский в своих записках (изданных в Берлине в 1923 г.) пользовался старым стилем. Если это так, то заговорщики намечали восстание на 14 мая по новому стилю. Таким образом, события в Минной дивизии 11–13 мая можно поставить в контекст этого восстания. Одобрение резолюции о морской диктатуре большинством моряков Балтийского флота уже означало бы моральную победу антисоветского восстания. Отмена вооруженного выступления могла быть связана с тем, что большинство матросов и 3-й съезд Балтийского флота отвергли резолюцию.

В первых числах июня в советских газетах была опубликована информация о раскрытии заговора «Союза защиты Родины и свободы».

Есть основание полагать, что к этой организации имел прямое отношение и Савинков, который намечался во главу нового правительства — военным диктатором¹⁰⁷, — сообщали газеты.

После ареста А. М. Щастного 27 мая 1918 г. волнения в Минной дивизии продолжались. Центральное руководство флота обсуждало вопрос о ее выводе из города. 4 июня Ф. Ф. Раскольников из Москвы запрашивал С. Е. Сакса о том, насколько далеко продвинулась работа в этом направлении¹⁰⁸. Полагаем, что дивизию в эти дни даже не пытались выводить из города, поскольку она находилась в состоянии вялотекущего мятежа и трогать ее было просто опасно.

По данным В. И. Игнатъева, в июне в Минной дивизии действовала нелегальная организация под руководством присяжного поверенного

¹⁰⁵ Игнатъев В. И. Некоторые факты и итоги... С. 12.

¹⁰⁶ Там же. С. 14.

¹⁰⁷ Заговор против советской власти // Вечернее слово. 1918. № 48. 4 июня. С. 2.

¹⁰⁸ РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 109. Л. 31.

Н. Н. Иванова. Она смогла представить доказательства своего влияния на матросов — якобы по ее приказу два миноносца перешли от Обуховского завода к Литейному мосту. Из контактов с Н. Н. Ивановым выяснилось, что его организация существует на германские деньги, но при этом во главе ее стоит Н. Н. Юденич¹⁰⁹. На встрече в 1919 г. в Архангельске Г. Н. Лисаневич рассказал В. И. Игнатьеву, что

матросы и он были введены в заблуждение рассказами Иванова о демократическом и антантофильском характере его организации¹¹⁰.

В то же время достоверно известно, что Н. Н. Юденич поддерживал тесные контакты с британским военно-морским атташе и главой разведывательной сети капитаном 1 ранга Ф. Кроми и придерживался «союзнической» ориентации¹¹¹. Вполне возможно, что Н. Н. Иванов был связан с Ф. Кроми и британской разведкой, а о контактах с немцами рассказал, чтобы «прошупать» В. И. Игнатьева. Нельзя исключать и того, что Н. Н. Иванов был просто жуликом, вытягивавшим деньги из всех организаций, до которых мог дотянуться, поскольку имел репутацию «человека авантюрного и беспринципного»¹¹².

Капитан 2 ранга Г. Е. Чаплин в своих воспоминаниях отмечал, что его организация (целиком зависевшая от Ф. Кроми) создала в Минной дивизии нелегальные ячейки, якобы только лишь для подрыва кораблей при угрозе передачи их немцам¹¹³. Позднее чекисты сделали вывод, что агенты «союзников» готовили восстание в Петрограде:

У них были свои группы: во флоте — минная дивизия, которую они все время стремились перетащить в Ладожское озеро. <...> Здесь, в Петрограде, была построена правильная организация, разбитая по районам, причем в каждом районе имелся уже приготовленный комендант, который должен был в момент восстания взять власть в свои руки в данном районе¹¹⁴.

Правда, сотрудники ВЧК считали, что восстание готовилось в июле–сентябре 1918 г. Мы полагаем, что эта деятельность началась, по меньшей мере, на два месяца раньше.

¹⁰⁹ *Игнатьев В. И.* Некоторые факты и итоги... С. 19.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ *Bainton R.* Honoured By Strangers... P. 189.

¹¹² *Мажара П. Ю.* Белое движение на Северо-Западе России... С. 64.

¹¹³ *Чаплин Г. Е.* Два переворота на Севере (1918 г.) // Белый Север 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 47 (примечание).

¹¹⁴ *Антипов Н.* Очерки из деятельности Петроградской чрезвычайной комиссии // Петроградская правда. 1 января 1919 г. С. 3.

На Обуховском заводе продолжали принимать антибольшевистские резолюции. 17 июня была объявлена форменная война властям:

Мы, рабочие Обуховского завода, <...> просим товарищей матросов поддержать нас в борьбе с диктатурой кучки людей властолюбивых, стоящих у власти, и заставить ее изменить политику, отказаться от упрямства, прекратить гражданскую войну, репрессии, созвать Учредительное собрание для организации власти всенародной, национальной, до которой должна быть временная социалистическая власть от всех социалистических партий. Доводим до сведения товарищей матросов, что мы, рабочие, уже истощены до крайности и дальше ждать не можем. Товарищи, пусть собрание уполномоченных фабрик и заводов примет меры воздействия на власть, **пусть объявит войну власти** <выд. нами — К. Н.>, и поддержите их в этой борьбе общими усилиями¹¹⁵.

На том же митинге в резолюции о пере выборах местных советов говорилось:

Советы не должны быть орудием для проведения противodemократической диктатуры, чиновничьими канцеляриями, полицейскими участками и **исполнителями велений победившей в Бресте германской реакции** <выд. нами — К. Н.>. Переизбранные советы должны поднять голос за восстановление всеобщего избирательного права, демократических учреждений и за созыв Всероссийского учредительного собрания. <...> Собрание верует, что всенародные усилия могут помочь России разорвать Брестский мир и возобновить войну с Германией за свободу, независимость и объединение разорванной на части России под знаменем «земли и воли»¹¹⁶.

Эти резолюции вызывали резкие отповеди большевистской печати:

Газета захлебывается от ненависти к Петроградскому совету. Известный вождь господ юнкеров г<осподин> Гоц угрожает нам новым восстанием белогвардейцев. Аршинными буквами в заголовке мы читаем об Учредительном собрании. Десятки статей посвящены тому, чтобы доказать, что советской власти осталось жить еще ровно (ну, ровнехонько) только три дня¹¹⁷.

Кульминация наступила после убийства 20 июня М. М. Володарского, который как раз ехал выступать на митинге на Обуховский завод. В убийстве были обвинены эсеры, хотя первоначально они это отри-

¹¹⁵ Обращение общего собрания рабочих Обуховского завода к Минной дивизии с призывом поддержать их в борьбе против диктатуры большевиков. 17 июня 1918 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 114–115.

¹¹⁶ На Обуховском заводе // Новая жизнь. № 117. 19 июня 1918 г. С. 2.

¹¹⁷ [Без заголовка] // Петроградская правда. № 128. 20 июня 1918 г. С. 1

цали, но впоследствии подтвердили¹¹⁸. После этого в Невском районе были арестованы активные эсеры, в ответ на аресты Обуховский завод 21 июня забастовал, раздавались призывы «большевиков <...> утопить в Неве»¹¹⁹. По воспоминаниям В. Б. Шкловского, сигналом к новой попытке восстания его организации должна была стать «предполагаемая забастовка, организованная совещанием уполномоченных <фабрик и заводов Петрограда>»¹²⁰. Неясно, о какой забастовке идет речь. Нельзя исключать, что имелась в виду как раз забастовка Обуховского завода 21 июня. Командир эсминца «Гавриил» капитан 2 ранга А. В. фон Берг свидетельствовал, что

перед праздником Троицы <23 июня — К. Б.> за несколько дней у нас стали появляться слухи о том, что предполагается разоружение нашего миноносца, что к нам могут явиться вооруженные люди с целью нас разоружить. <...> Слухи эти росли и волновали команду, так что последние ночи матросы ложились спать не раздеваясь¹²¹.

Председатель судебного комитета «Капитана Изыльметьева» И. И. Мильченко заявил на суде, что Г. Н. Лисаневич примерно в это же время предупредил его, что миноносец перейдет от Ижорского судостроительного завода к Обуховскому, хотя его турбины были разобраны и их ремонт был далек от завершения¹²². С другой стороны, ЧСУФЗП готовило общегородскую забастовку на 2 июля¹²³, к ней также могло быть приурочено восстание организации В. Б. Шкловского. Он пишет, что ожидаемая им и его товарищами забастовка «сорвалась»¹²⁴, поэтому восстание не состоялось.

Смертный приговор А. М. Щастному был вынесен 21 июня и появился в утренних газетах 22 июня¹²⁵. Там же было напечатано «Особое постановление» революционного трибунала об аресте Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука, которых следовало «привлечь к ответственности

¹¹⁸ Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. М., 1922. С. 28–29.

¹¹⁹ Козлов. Обуховский завод в годы Гражданской войны [Рукопись] // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 118.

¹²⁰ Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие... М., 2008.

¹²¹ РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 185.

¹²² Там же. Л. 114, 117, 119, 206.

¹²³ Телефонограмма М. С. Урицкого в районные советы Петрограда с указанием мер по срыву политической забастовки 2 июля. 28 июня 1918 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 141.

¹²⁴ Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие...

¹²⁵ См., напр.: Смертный приговор Щастному // Заря России. 1918. № 48. 22 июня. С. 3.

за контрреволюционную деятельность»¹²⁶. Вполне вероятно, что именно это известие подтолкнуло лидеров Минной дивизии к активным действиям. Уже в 19 часов 22 июня командир буксира «Цандер» получил приказание идти к Невскому судостроительному заводу в распоряжение командира эсминца «Капитан Изыльметьев» (Г. Н. Лисаневича)¹²⁷. Стоявшие непосредственно у Обуховского завода эсминцы «Изяслав», «Свобода» и «Гавриил» около 22 часов развели пары¹²⁸. Эти приготовления свидетельствуют о наличии каких-то планов действий у лидеров Минной дивизии. Во время следствия по делу о мятеже звучали показания о разговорах матросов со «Свободы» и «Изяслава», что

они обратно не вернутся и пойдут вверх по Неве к белогвардейцам <белофиннам — К. Н.>, иначе их все равно отдадут под суд и что командир «Свободы» <П. П. Михайлов> сделал такое предложение, а большевикам предложили уйти или их сбросят за борт¹²⁹.

В тот же день рабочие Обуховского завода вынесли резолюцию с ультимативным требованием освободить арестованного эсера Г. Еремеева не позднее 10 часов вечера¹³⁰, причем это требование по решению Г. Е. Зиновьева было выполнено¹³¹. В тот же день забастовщикам было объявлено, что если они не вернуться к работе, завод будет закрыт.

После того, как комиссар<, объявивший об этом,> сошел с трибуны, выступил матрос и кричал — вот каким языком разговаривают с нами комиссары. <...> В этот же день большевики решили начистоту поговорить с Минной дивизией¹³².

Комиссар завода И. П. Иванов и парторг Невского подрайона А. А. Антонов говорили с представителями матросов Минной дивизии

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Протокол показания командира буксира «Цандер» Ивана Петровича Тимма. 25 июня 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 148.

¹²⁸ Протокол допроса артиллериста миноносца «Изяслав» Александра Яковлевича Иванова. 28 июля 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 113.

¹²⁹ Протокол показания товарища А. Буш // РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 212. Такие же показания дал председатель судебного комитета эсминца «Константин» матрос Потехин (Протокол показания Потехина. 25 июня 1918 г. // Там же. Л. 203.)

¹³⁰ Выдержка из протокола общего собрания рабочих Обуховского завода и моряков Минной дивизии, представленная в Исполнительный комитет Петроградской коммуны. 22 июня 1918 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... СПб., 2000. С. 126.

¹³¹ Ответ председателя Петроградского Совета Г. Е. Зиновьева делегации рабочих Обуховского завода и моряков Минной дивизии. 22 июня 1918 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 126.

¹³² Козлов. Указ. соч. С. 119.

и заявили, что «если решитесь на восстание, будем поступать, как поступают с мятежниками, будем воевать»¹³³.

По меньшей мере, один эсминец — «Изяслав», команда которого ранее поддерживала антисоветские резолюции, — «заявил от лица матросов о верности Советской власти»¹³⁴. Те же И. П. Иванов и А. А. Антонов поставили вопрос о применении вооруженной силы против матросов, обратившись к комиссару М. М. Лашевичу (Гасковичу, 1884–1928).

Надо отметить, что 22 июня состоялись торжественные похороны М. М. Володарского, убитого правым эсером, которые

усилиями большевиков и левых эсеров были превращены в массовую демонстрацию поддержки советской власти¹³⁵.

Эта демонстрация произвела сильное впечатление и укрепила позиции большевиков. Инициатива проведения операции против Минной дивизии могла исходить как от местных партийных органов, которые находились «на переднем крае» идейной борьбы вокруг Обуховского завода, так и от флотских комиссаров, которые не могли не осознавать, что отвечать за задержку с арестом Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука, а также за весь вялотекущий мятеж Минной дивизии придется им. В официальных отчетах о разоружении Минной дивизии вопрос о том, кто был инициатором акции, не поднимается¹³⁶. П. Ф. Гуркало неуверенно свидетельствует, что решение о разоружении дивизии было принято Советом комиссаров Балтфлота 21 июня¹³⁷. Из Кронштадта были переброшены 500 матросов, «которыми был оцеплен весь Обуховский район»¹³⁸. Около 20 часов 22 июня была начата операция по разоружению дивизии. «Флагман» Г. Н. Лисаневича «Капитан Изыльметьев» пытался отойти от берега с помощью буксира (собственные турбины были разобраны), зацепился винтом за якорную цепь соседнего миноносца и не смог выполнить этот маневр. Пушки на эсминце были расчехлены, а Г. Н. Лисаневич подал команду «прислуга к орудиям», «но команда, по-видимому, растерялась и приказа не исполнила»¹³⁹.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Рабинович А. Большевики у власти. М., 2007. С. 365.

¹³⁶ Донесение И. П. Флеровского в Народный комиссариат по морским делам об аресте активных участников контрреволюционного выступления в Минной дивизии. 24 июня 1918 г. // Балтийские моряки... С. 191.

¹³⁷ Протокол показания комиссара Балтийского флота П. Ф. Гуркало... Л. 205 об.

¹³⁸ Донесение И. П. Флеровского... С. 191.

¹³⁹ Протокол показания Комиссара Балтийского флота П. Ф. Гуркало... Л. 206.

В историографии бытует романтический рассказ о том, как комиссар П. Ф. Гуркало, руководивший операцией, смог перепрыгнуть на борт «Капитана Изильметьева» и под угрозой ручной гранаты привел его команду к повиновению¹⁴⁰. Сам П. Ф. Гуркало описывает эту сцену в гораздо более спокойных тонах — когда он «отправился» на эсминец, то вступил в разговор со стоявшими на палубе ревизором гардемаринном Б. Н. Дубницким, который представился командиром корабля, и врачом П. К. Сивковым. В это время Г. Н. Лисаневич смог скрыться. Тайну спасения приоткрывают воспоминания его брата Бориса:

Георгия матросы спрятали в шлюпке, где, несмотря на проведенный обыск, его не нашли¹⁴¹.

Вполне возможно, Г. Н. Лисаневича спрятали в покрытой брезентом шлюпке, стоящей на палубе. Исчез также Ф. У. Засимук, о дальнейшей судьбе которого ничего не известно. П. Ф. Гуркало арестовал оставшихся офицеров, потребовал от команды выдать скрывшихся, «но команда молчала»¹⁴². Обыск результатов не дал. В каюте Г. Н. Лисаневича были найдены «бомбы» (ручные гранаты) и пулемет с тремя лентами¹⁴³, что было серьезным нарушением существовавшего порядка, поскольку по приказу офицеров лишили права хранения и ношения оружия на кораблях с августа 1917 г.

Около полуночи с 22 на 23 июня (по другим данным, около 2 часов ночи 23 июня) кронштадтцы появились у стенки Обуховского завода, где стояли эсминцы «Изяслав», «Свобода» и «Гавриил». Корабли отошли от берега по приказанию командира дивизиона капитана 2 ранга П. П. Михайлова. На суде обвиняемые, как и следовало ожидать, отрицали какие бы то ни было политические замыслы и объясняли отход эсминцев от стенки опасениями перед толпой неизвестных, появившихся на причале. В действительности на эсминцах готовились к бою. Лейтенант А. Я. Иванов, артиллерийский офицер эсминца «Изяслав», на суде говорил:

Команда требовала от меня приказа о подаче патронов к пушкам и зарядить орудие, словом, приготовить их к бою. Я пытался уговорить их не готовить орудий, так как для сопротивления у нас есть пулемет и ручное оружие. Несмотря на мои уговоры, патроны начали подавать. Я вышел на палубу и следил, чтобы патроны подавали правильно. Это было приблизительно в 23 ½ часа. Мне удалось отговорить от подачи кормовых патронов тем, что

¹⁴⁰ Шошков Е. Н. Наморси А. М. Щастный. СПб., 2001. С. 299.

¹⁴¹ Пессель М. Тигр на завтрак. М., 2007. С. 37.

¹⁴² Протокол показания Комиссара Балтийского флота П. Ф. Гуркало... Л. 206.

¹⁴³ Там же.

кормовые пушки будут мешать стрельбе соседнего миноносца «Гавриила». <...> Начать стрельбу можно было, по моему мнению, минут через 15 <...> были ли приготовлены орудия на миноносце «Свобода», я не знаю, а на миноносце «Гавриил» часть орудий была приготовлена¹⁴⁴.

Таким образом, А. Я. Иванов никак не связывал подачу снарядов к орудиям с появлением людей на берегу, а сама эта операция началась не менее чем за полчаса до самого раннего времени появления кронштадтцев.

Эсминец того же дивизиона «Константин» остался у стенки, поскольку его командир лейтенант Н. А. Бологов (1894–1969) не подчинился приказу П. П. Михайлова.

К бунтовщикам послали на катере комиссара матроса Ф. Г. Федорова, который безуспешно вел переговоры с командой «Гавриила». Утром 23 июня миноносцы поднялись вверх по Неве до села Рыбацкое. Возникло подозрение, что они собираются уйти в Ладожское озеро к финнам¹⁴⁵. Видимо, в этот момент к операции были привлечены несколько сот красноармейцев (для блокирования северного берега Невы, на случай если мятежники высадят десант), артиллерийская батарея и бронепоезд¹⁴⁶. По приказанию комиссара матроса И. В. Фрунтова канонерская лодка «Хивинец» снялась с якоря и приготовилась открыть огонь по мятежникам¹⁴⁷. Днем 24 июня с эсминцев по требованию П. Ф. Гуркало были посланы делегаты, которых удалось убедить сдаться¹⁴⁸. Мятежные эсминцы вернулись на свои места, их команды выдали нескольких моряков, считавшихся лидерами мятежа.

Так был бескровно ликвидирован мятеж Минной дивизии, однако ситуация в Петрограде оставалась напряженной. Г. К. Граф замечал, что

брожение на флоте и, главным образом, на миноносцах, продолжалось еще до начала июля. После целого ряда арестов среди офицеров и команд, а также бегства от почти неминуемого расстрела одного из главных инициаторов возмущений лейтенанта Г. Н. Лисаневича флот окончательно замер, то есть стал только сборищем кораблей без руководителей и личного состава¹⁴⁹.

2 июля И. П. Флеровский сообщил Л. Д. Троцкому, что он предлагает создать особый военно-морской суд, выбранный 4-м съездом Балтийского флота для суда над участниками мятежа. «В вопросе о карах во флоте

¹⁴⁴ Там же. Л. 113 и об.

¹⁴⁵ Там же. С. 189–190.

¹⁴⁶ Козлов. Указ. соч. С. 122.

¹⁴⁷ Донесение И. П. Флеровского... С. 191.

¹⁴⁸ Протокол показания Комиссара Балтийского флота П. Ф. Гуркало... Л. 206 об.

¹⁴⁹ Граф Г. К. На «Новике»... С. 346–348.

существует тенденция к жесточайшим»¹⁵⁰, — отмечал он. 30 июля в связи с делом Минной дивизии был арестован Е. С. Блохин¹⁵¹.

Точка в деле о мятеже Минной дивизии была поставлена 4 сентября приговором, вынесенным Кронштадтским революционным трибуналом. Обвинителем выступал главный комиссар Балтийского флота И. П. Флеровский, который, по некоторым сведениям, потребовал приговорить всех обвиняемых к расстрелу¹⁵². Вынесенные приговоры были существенно мягче. Были осуждены на 15 лет «принудительных работ», то есть заключения, — матросы И. И. Балакин (эсминец «Самсон»), К. Д. Гржибовский (эсминец «Войсковый»), Антон Ильич Минаев (линкор «Полтава»). Все трое — члены Совкомбалта, первые двое — эсеры, о партийной принадлежности последнего у нас сведений нет. Такой же срок получил капитан 2 ранга П. П. Михайлов, командир 3 дивизиона эсминцев и эсминца «Свобода». Матросы И. И. Мильченко и М. И. Уманский (эсминец «Капитан Изыльметьев»), П. Г. Земский (эсминец «Изяслав»), Д. Даниленко (эсминец «Самсон») и гардемарин Б. Н. Дубницкий (ревизор эсминца «Капитан Изыльметьев») были приговорены к 10 годам; матрос Е. Я. Цариков (эсминец «Капитан Изыльметьев») — к 5 годам; лейтенант А. Я. Иванов (артиллерийский офицер эсминца «Изяслав») и капитан 2 ранга А. В. фон Берг (командир эсминца «Гавриил») — к 3 годам; матрос П. Смирнов (эсминец «Изяслав») — к 6 месяцам. Матрос П. М. Баранов (эсминец «Капитан Изыльметьев») был оправдан¹⁵³. Суд заочно объявил вне закона матросов Е. Л. Дужека (комиссар Минной дивизии), Ф. У. Засимука (эсминец «Капитан Изыльметьев»), лейтенанта Г. Н. Лисаневича (командир «Капитана Изыльметьева»), которые скрылись. Скрылись еще несколько матросов. Отметим, что все осужденные, чья политическая принадлежность нам известна, были левыми эсерами. Вероятно, на приговор повлиял левоэсеровский мятеж, который задним числом хорошо «стыковался» с мятежом Минной дивизии. И. И. Балакин и П. Г. Земский были членами ЧСУФЗП¹⁵⁴, что характеризует их взгляды как близкие к меньшевистским.

Правосудие в революционную эпоху было своеобразным, оно сочетало суровые приговоры с быстрыми амнистиями. Уже в честь первой

¹⁵⁰ Телеграмма И. П. Флеровского Л. Д. Троцкому. 2 июля 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 115. Л. 29.

¹⁵¹ То же. 31 июля 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 115. Л. 34.

¹⁵² Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 125.

¹⁵³ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 226. Л. 1. Обвинительный акт, составленный судом Революционного трибунала гор. Кронштадта по делу контрреволюции и провокации в Минной дивизии (1 сентября 1918 г.) // Балтийский флот... С. 125–129.

¹⁵⁴ РГАВМФ. Ф. р-96. Оп. 1. Д. 6. Л. 117.

годовщины Октября сроки заключения всем осужденным были сокращены примерно в полтора раза¹⁵⁵, а через два года (15 ноября 1920 г.) они были освобождены¹⁵⁶. Офицеры, осужденные по делу Минной дивизии, занимали важные посты в Красном флоте — П. П. Михайлов дослужился до начальника морских сил Каспийского моря, А. В. фон Берг сразу же после освобождения командовал эсминцем «Новик».

Минная дивизия продолжала оставаться под подозрением. Как вспоминал командир эсминца «Амурец» лейтенант А. П. Белобров,

2 сентября <1918 г.> произошло чрезвычайное событие. К нам на миноносцец пришел комиссар Минной дивизии Буш, сразу в офицерский отсек. Мы все, офицеры, сидели в кают-компани. Буш вошел и задал вопрос, у кого из нас имеется огнестрельное оружие. Все молчали, и после некоторого перерыва только один я сказал, что у меня имеется револьвер системы «Браунинг». Буш на это сказал, что он должен этот револьвер отобрать. Он написал расписку в получении моего револьвера, а я ему передал мой — купленный на мои деньги — револьвер¹⁵⁷. Случай этот произвел ужасно неприятное впечатление. Полное недоверие! Нам удалось об этом сообщить на миноносцы, стоящие у Шереметьевки, и там офицеры, у которых имелись револьверы, предпочли выбросить свои револьверы за борт, чтобы не подвергаться такому позору, как это случилось со мной¹⁵⁸.

Вообще флотским офицерам было запрещено хранить и носить оружие с августа 1917 г., но запрет, во всяком случае в Минной дивизии, полностью игнорировался. В сентябре на судах, стоящих на Неве, были вновь обнаружены антисоветские листовки:

В редакцию доставлено анонимное письмо, адресованное на канонерскую лодку «Хивинец», в котором матросы призываются «опомниться и спасти дорогую нам всем родину». «Моряки в октябре начали первые разрушать Россию. Ваш долг — первыми начать ее спасение!» — пламенно взывает некий «гражданин». Таких листовок распространяется сейчас много и почти во всех говорится одно и то же: «Не советская власть плоха, а плохи евреи — руководители большевиков». И все листки, решительно все, кончатся призывом: «Прекратите гражданскую бойню!»¹⁵⁹

В Минной дивизии аресты продолжались и осенью 1918 г. А. П. Белобров вспоминал:

¹⁵⁵ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 125.

¹⁵⁶ РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 282. Л. 243.

¹⁵⁷ До 1918 г. офицеры покупали личное оружие, как холодное, так и огнестрельное, за свой счет. Поэтому возмущение А. П. Белоброва тем, что у него отобрали ценное имущество, можно понять только в контексте его длительной службы в советское время.

¹⁵⁸ Белобров А. П. Воспоминания военного моряка. 1894–1979. М.; СПб., 2008. С. 292.

¹⁵⁹ «Гражданская бойня» // Петроградская правда. № 195. 8 сентября 1918 г. С. 1.

В конце сентября 1918 г. начальник Минной дивизии А. П. Екимов и его начальник штаба В. В. Селитренников были арестованы. Они были отправлены под Вологду <в концлагерь>, а года через два Екимов возвратился в Петроград, и я с ним встречался, когда он служил в Убекобалте, <...> а В. В. Селитренников оказался командующим флотом во Владивостоке¹⁶⁰.

Подозрения в отношении моряков дивизии не были беспочвенными. 16 ноября 1918 г. ВЧК арестовала нелегальную группу есаула Александра Николаевича фон Экспарре (? — 1919), распространявшую поддельные ультиматумы Германии Совнаркому, «особенно в минной дивизии»¹⁶¹. В недавнее время выяснилось, что арест А. П. Екимова и В. В. Селитренникова был связан с раскрытием заговора на Селиггеро-Волжской флотилии¹⁶². Официально А. П. Екимова обвиняли в том, что он

и его подручные решили <...> перебазировать возможно больше кораблей в Ладожское и Онежское озера, чтобы в момент возможного решительного наступления интервентов с Севера перебросить боевые силы флота к Петрозаводску и Мариинской системе в район Вологды¹⁶³.

А. В. Ганин полагает, что «абсурдность этого обвинения, кажется, не требует особых комментариев»¹⁶⁴, но в свете цитированного нами донесения Ф. Кроми от 8 августа, обвинение отнюдь не выглядит бессмысленным, напротив, оно хорошо стыкуется с планами британцев.

Мнение о политической неблагонадежности Минной дивизии сохранилось еще долго. 26–27 декабря 1918 г. во время набега на Ревель англичанами были без сопротивления захвачены эсминцы «Спартак» и «Автроил». 21 октября 1919 г. подорвались на минах и погибли почти со всеми экипажами эсминцы «Гавриил», «Константин» и «Свобода». После этого распространились слухи о том, что их намеренно погубили белые заговорщики. Эти слухи сохранились в историографии в качестве факта¹⁶⁵.

Судьба лидера мятежа Г. Н. Лисаневича сложилась причудливо. До конца августа 1918 г. он, вероятно, скрывался в Петрограде и работал в тесном контакте с Ф. Кроми, который продолжал считать его

¹⁶⁰ Белобров А. П. Воспоминания военного моряка... С. 295.

¹⁶¹ Антипов Н. Очерки из деятельности Петроградской чрезвычайной комиссии // Петроградская правда. 1 января 1919 г. С. 4.

¹⁶² Ганин А. В. Новые документы об арестах... С. 27–36.

¹⁶³ Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 195.

¹⁶⁴ Ганин А. В. Новые документы об арестах... С. 30.

¹⁶⁵ Пухов А. Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год. М.-Л., 1939. С. 113–114.

лидером Минной дивизии, способным управлять ею¹⁶⁶. После гибели англичанина в перестрелке с чекистами 31 августа Г. Н. Лисаневич еще некоторое время находился в Петрограде, в ноябре 1918 г. он перебрался в Архангельск, где поступил на службу в белые вооруженные силы Северной области. Там он сражался так успешно, что заслужил производство в чин лейтенанта и Георгиевское оружие за то, что 3 августа 1919 г., командуя 2-й группой катеров-истребителей,

заставил неприятеля выбраться на берег и сам, вскочив на борт захваченного катера, спустил красный флаг, заменив его Андреевским¹⁶⁷.

Тем не менее, Г. Н. Лисаневич остался в Архангельске при его освобождении Красной армией. В конце февраля — начале марта 1920 г. он короткое время служил в штабе красных Морских сил Северного Ледовитого океана вместе с П. П. Михайловым, осужденным по делу Минной дивизии¹⁶⁸. В марте—октябре 1920 г. Г. Н. Лисаневич сидел в тюрьме, проходя проверку. Тогда же его как ценного специалиста амнистировали (в связи с объявлением вне закона по приговору Кронштадтского трибунала). Заметим, что, следуя букве закона, его могли расстрелять немедленно после установления личности, но не сделали этого. В 20-е гг. он несколько раз подвергался арестам, но работал в научно-исследовательских учреждениях, связанных с вооружением ВМФ. Его жизнь окончилась в 1938 г. расстрелом по обвинению в принадлежности к «Русской фашистской партии»¹⁶⁹.

Подводя итоги мятежа Минной дивизии, уместно задать вопрос: была ли идея установления «морской диктатуры» в отдельно взятом городе нелепой? Мы полагаем, что нет.

1 августа 1918 г. лозунг «морской диктатуры» был реализован в Баку в виде диктатуры Центрокаспия (Центральный комитет Каспийской флотилии). В ходе этих событий был распущен Бакинский совет, закрыты большевистские газеты. Лидером Центрокаспия был мичман В. В. Леммлейн¹⁷⁰. Он был горячим молодым человеком — в декабре 1916 г. был осужден за тяжелое ранение офицера и в качестве замены тюремному заключению подвергся разжалованию в матросы и был

¹⁶⁶ Bainton R. Honoured By Strangers... P. 189.

¹⁶⁷ Приказ командующего морскими силами и главного командира портов Северной области. 24 декабря 1919 г. // РГАВМФ. Ф. р-129. Оп. 2. Д. 47. Л. 116.

¹⁶⁸ РГАВМФ. Ф. р-382. Оп. 3. Д. 66. Л. 16–19 об.

¹⁶⁹ Лисаневич Георгий Николаевич // Назаренко К. Б. База данных «Офицеры флота». [Эл. док.] URL: офицерыфлота. рф Последнее посещение: 06.11.2019.

¹⁷⁰ Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011. С. 73.

отправлен на Каспийскую флотилию. После Февральской революции почти все офицеры, совершившие уголовные преступления, были амнистированы, и В. В. Леммлейн получил обратно чин мичмана, оставшись служить на Каспии. Вместе с ним в состав Центрокаспия входили еще два офицера — вероятно, это были мичман военного времени берегового состава Н. Бушев и мичман инженер-механик А. М. Печенов¹⁷¹. Сразу после прихода Центрокаспия к власти известный деятель белого движения в Закавказье Л. Ф. Бичерахов так оценил обстановку:

В Баку переворот, большевики от власти отстранены. Власть, по воле народа, взял Каспийский флот, установив диктатуру¹⁷².

По призыву Центрокаспия в Баку высадились английские войска, при нем были арестованы 26 бакинских комиссаров. Устранить угрозу захвата города турецкими войсками Центрокаспий не смог, но свергнуть большевиков сумел. Советская власть была восстановлена в Баку лишь два года спустя, в совершенно других политических условиях. После оккупации Баку турками В. В. Леммлейн ушел с англичанами в Иран, затем служил в белых войсках на Юге России и умер в эмиграции.

Любопытно, что первая попытка установления диктатуры Центрокаспия была очень похожа на волнения в Минной дивизии в мае 1918 г. В Баку в июне 1918 г. прапорщик флота С. Ф. Кириченко и матрос Иванов,

используя бланки канонерской лодки «Ардаган», разослали повестки предприятням и воинским частям города, приглашая на митинг, якобы созываемый командованием Каспийской флотилии. <...> У них нашли проект приказа о роспуске Бакинского совета¹⁷³.

Выяснилось, что С. Ф. Кириченко и Иванов действовали по заданию английской разведки¹⁷⁴. Другой пример подобного рода имел место на Кольском полуострове. Здесь исключительно важную роль сыграл старший лейтенант Г. М. Веселаго, занимавший пост управляющего делами Мурманского совета и ставший правой рукой его председателя А. М. Юрьева. Он также смог взять в свои руки руководство Центромуром, пользуясь большим влиянием на его председателя машинного унтер-офицера М. Ляуданского. Г. М. Веселаго целенаправленно организовывал приглашение на Мурман гардемарин и кадетов Морского корпуса из Петрограда, оставшихся не у дел после его закрытия в марте 1918 г., а также бывших флотских офицеров. В конце июня 1918 г.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975. С. 215–216.

¹⁷⁴ Там же. С. 216.

Г. М. Веселаго удалось реализовать свой план — заставить местный совет признать интервенцию Антанты и порвать с Москвой¹⁷⁵. В данном случае, «морской диктатуры» в чистом виде не было, но военные моряки сыграли значительную роль в свержении Советской власти. Правда, Г. М. Веселаго после временной победы белых попал под следствие, поскольку сотрудничал с красными, и был вынужден уехать в Сибирь, где принимал участие в Гражданской войне, а затем оказался в эмиграции.

Таким образом, реализация лозунга «морской диктатуры» в действительности означала свержение Советской власти. Можно предположить, что в случае удачного антисоветского восстания в Петрограде, поддержанного моряками Балтийского флота, установившаяся в городе «морская диктатура» пригласила бы в город английские войска с Кольского полуострова и, может быть, объявила бы войну Германии с целью сплотить все «патриотические» силы. Разумеется, немцы не могли бы спокойно смотреть на это, и финалом авантюры могла бы стать оккупация ими Петрограда (в полном соответствии с планом «Шлюссштайн»¹⁷⁶) и уничтожение или захват кораблей Балтийского флота, за судьбу которых так переживали моряки.

В Ашхабаде в июле 1918 г. к власти пришло Закаспийское временное правительство. Оно состояло из эсеров и меньшевиков и возглавлялось паровозным машинистом Ф. А. Фунтиковым. Некоторые историки даже считают его «единственным подлинно рабочим правительством в революционной России»¹⁷⁷. По составу и идеологии оно было двойником ЧСУФЗП. Результатом же деятельности этого «рабочего» правительства стало приглашение англичан для оккупации Закаспийской области и расстрел 26 бакинских комиссаров.

Говоря о лозунгах, под которыми выступало ЧСУФЗП и которые разделяли моряки Минной дивизии, — сложение власти большевистского СНК и созыв Учредительного собрания, прекращение Гражданской войны, отмена продразверстки и введение свободы закупки продовольствия для «демократических организаций и кооперативов»¹⁷⁸ — нельзя не оценить их как наивные и нереализуемые. Действительно, в условиях начавшейся Гражданской войны невозможно было представить себе демократически избранное Учредительное собрание — ни одна из сто-

¹⁷⁵ Подробнее см.: *Голдин В. И.* Север России на пути к Гражданской войне. Архангельск, 2018. Т. 1. С. 241, 374–376.

¹⁷⁶ *Рунасов А. И., Чистиков А. Н.* «Шлюссштайн».

¹⁷⁷ *Геллер М. Я., Некрич А. М.* История России. 1917–1995. М., 1996. Т. 1. С. 93.

¹⁷⁸ Резолюция общего собрания рабочих и служащих Обуховского завода о политических и экономических мерах борьбы с голодом. 17 июня 1918 г. // *Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»*... С. 113.

рон конфликта не желала видеть в нем своих противников. Прекратить Гражданскую войну можно было лишь победой одной из сторон. Любая попытка частично восстановить свободу торговли продовольствием тут же превратилась бы в диктатуру производителя хлеба и спекулянта-перекупщика над остальным населением страны.

Это понимали и многие современники. Действительно, ЧСУФЗП не удалось организовать массовые протесты против власти большевиков среди рабочих Петрограда, и вскоре совещание исчезло с политической сцены. Сама по себе мирная ликвидация мятежа Минной дивизии свидетельствовала об отсутствии большого протестного потенциала среди моряков. И даже известие о расстрельном приговоре А. М. Щастному, несомненно, популярному в Минной дивизии и на флоте в целом, не смогло подвигнуть ее моряков на вооруженное выступление.

Подводя итоги, отметим, что мятеж Минной дивизии несводим к событиям 22–24 июня. Он начался еще 11 мая, но протекал в «вялотекущей» форме. Тем не менее, представители Советской власти (прежде всего, главный комиссар Балтийского флота И. П. Флеровский) не имели власти над дивизией, которая отказывалась выдать своих лидеров Г. Н. Лисаневича и Ф. У. Засимука. Учитывая большое число антисоветских военных заговорщиков в городе, активность британской разведки, полуполициальную деятельность меньшевиков и недовольство заметной части рабочих, можно констатировать, что налицо были все условия для антисоветского переворота. Однако нельзя не учитывать фактор, оказавшийся на наш взгляд, ключевым — пассивную поддержку большевиков значительной частью рабочего населения города, что наряду с решительной позицией руководства большевиков позволило сделать активность антисоветских сил бесплодной. Безусловно, раздробленность, взаимные счеты, нерешительность противников большевиков также сыграли свою роль.

Список литературы

- Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011.
- Ганин А. В.* Заговор моряков Селигеро-Волжской флотилии // Морской сборник. 2013. № 2. С. 71–82.
- Ганин А. В.* Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио. 2012. № 10. С. 27–36;
- Геллер М. Я., Некрич А. М.* История России. 1917–1995. М., 1996. Т. 1.
- Голдин В. И.* Север России на пути к Гражданской войне. Архангельск, 2018. Т. 1.
- Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975.
- Зданович А. А.* Британская военно-морская разведка в Петрограде в 1918 г. // Вопросы истории. № 11. 2017. С. 101–115.
- Кутузов В. А., Лепетухин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987.

- Мажара П. Ю.* Белое движение на Северо-Западе России в мемуарах политиков и журналистов (источниковедческий анализ) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 62–69.
- Мирский Г. И.* Третий мир: общество, власть, армия. М., Наука, 1976.
- Мишанов В. Г.* Дело Минной дивизии: Скорбные страницы истории // Андреевский флаг: Межрегиональный морской информационно-исторический вестник. 1992. № 2.
- Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918. М., 2017. С. 166–179.
- Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России. 1917–1921 гг. М., 2011.
- Пессель М.* Тигр на завтрак. М., 2007.
- Пухов А.* Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год. М-Л., 1939.
- Рабинович А.* Большевики у власти. М., 2007.
- Ратьковский И. С.* Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100–115.
- Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* «Шлюсштайн» // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 150–153.
- Сергеев Е. Ю.* «Заговор послов» против Советской России в 1918 году: Новая интерпретация «британского следа» // Международная жизнь. 2017. № 10. С. 103–124.
- Тарасов К. А.* «Семёновцы — это честные белогвардейцы»: Как бывший Семеновский полк переметнулся от красных к белым // Родина. 2019. № 5. С. 108–111.
- Тарасов К. А.* Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март — июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 32–69.
- Тотров Ю. Х.* Английская секретная разведывательная служба в России // Исторические чтения на Лубянке: XX лет. М., 2017. С. 45–55.
- Тотров Ю. Х.* Из истории английской разведки в России: «Дело Генмора» // Кортик. 2015. № 15. С. 20–36.
- Точкин Ф. В.* К 90-летию Ледового похода Балтийского флота в 1918 г. // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 439–440.
- Шмелев А. В.* «Мятеж» Минной дивизии в июне 1918 года // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). СПб., 2012. С. 169–200.
- Шошков Е. Н.* Наморси А. М. Щастный. СПб., 2001.
- Bainton R.* Honoured By Strangers: Captain Cromie's Extraordinary First World War. L., 2015.

Kirill Borisovich NAZARENKO

Doctor of History, Professor, Department of source study on history of Russia,
St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: k.nazarenko@spbu.ru

The article is devoted to the events of May-June 1918 in Petrograd, when part of the crews of the ships of the Baltic Fleet (Mine Division) carried out an anti-Soviet rebellion. This event is seen as part of a large-scale process of clandestine anti-Soviet activity in Petrograd, in which British intelligence also took part. The novelty of the article is that the rebellion of the Mine Division is interpreted as a continuous state (from May 11 to June 24, 1918). Such a view of events makes it possible to assess the capabilities of the Soviet authorities in the use of violence against their opponents at that time as low, and the threat of an anti-Soviet coup in the Northern capital as quite real. The key factor in the failure of this activity was the passive support of the Bolsheviks by a significant part of the working population of the city, which, along with the decisive position of the Bolshevik leadership, made the activity of anti-Soviet forces fruitless. Of course, fragmentation, mutual accounts, indecision of the opponents of the Bolsheviks also played a role.

Keywords: History of Russia, Civil War, anti-Soviet underground, naval officers.

УДК 94 (47) 084.3

ББК 63.3 (2) 612

Антон Викторович ПОСАДСКИЙ

Поволжский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия)

E-mail: posadav68@mail.ru

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ НА ВОСТОКЕ: ПОТЕНЦИАЛ И СУДЬБА

В статье рассматривается судьба вооруженных формирований Белого движения на Востоке, возникших на территории и за счет ресурсов северной части Саратовской губернии. Эти формирования возникли в результате антибольшевистского настроения и активных действий жителей Вольского и Хвалынского уездов, а также поддержки, оказанной им КомУчем. Они первоначально относились к Народной армии, а впоследствии вошли в состав Российской армии А. В. Колчака. Автор прослеживает историю формирования и отчасти боевого применения указанных частей, показывает различия в составе и формировании Вольского и Хвалынского полков. Активное участие городских слоев в деле создания частей позволило сформироваться добровольческому костяку, который сохранял части боеспособными долгое время после ухода из родных мест.

Ключевые слова: Гражданская война, Народная армия, Саратовская губерния, Вольск, Хвалынский, военное строительство.

Северные уезды (Вольский, Хвалынский, отчасти Кузнецкий) Саратовской губернии стали летом 1918 г. ареной боевых действий и местом формирования белых частей. Оставляя в стороне повстанческие и партизанские формирования как Саратовской, так и степной части Самарской губернии, сосредоточим свое внимание на воинских частях, возникших на территории названных уездов. Судьба этих частей не раз затрагивалась в современной научной литературе¹.

¹ Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Русский путь, 2004; *его же*. Атаман А. И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. Гл. 6, 7; *его же*. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58; *его же*. «От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф. Е. Махин) // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2006. № 3; Петров А. А. История Вольской народной армии // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. тр. Вып. 7. Саратов: Научная книга, 2006. С. 84–95; Каревский А. А. К истории боевых соединений Поволжской народной армии: материалы к энциклопедии // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). № 21. 2013. С. 6–7; А. В. Кумаков, А. А. Симонов. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем: в 2 кн. Кн. 2. Саратов: ИД «Волга»,

В городе Балаково на левом берегу Волги в конце мая — июне 1918 г. трижды поднимались антибольшевистские восстания. Именно отвлечение красных сил на восстание в Балаково способствовало успеху городского восстания в Вольске 1 июля 1918 г.², поддержанного волостями уезда. Однако 12 июля под натиском красных город пришлось оставить. Часть вольцев отошла на кораблях в Сызрань, часть переправилась за Волгу. В результате кадры наскоро созданной «Вольской народной армии» превратились в Вольский полк. Вольск снова оказался в руках белых 6–12 сентября. Хвалынский же был под властью Комуча на протяжении 14 июля — 16 сентября и менее чем сутки 28–29 сентября.

Советская власть в Хвалынске пала бескровно 14 июля 1918 г. с помощью чехов, вольцев и сызранцев. Чехи ушли, оставив оружие, 2 пулемета и 700 винтовок. На 19 июля в городе зарегистрировались 90 офицеров, 4 врача, 25 военных чиновников и 161 доброволец³. Началось формирование Хвалынского батальона подполковника Сорокина. В его состав входила инструкторская (офицерская) рота, а также 4-я Балаковская рота. Надо полагать, что это ядро балаковских повстанцев, которое уцелело и ушло из родных мест на север. Балаковцы составили заметный контингент в отряде подполковника Ф. Е. Махина. Более того, советская Вольская дивизия, жестоко пострадавшая в боях в родных местах, будучи переброшенной на юг, взбунтовалась и утратила боеспособность. Как раз красные балаковские полки стали ядром восставших и сделали попытку уйти на левый берег, в родные места.

В Кузнецке оказалось достаточно добровольцев, в основном из учащейся молодежи, которые ушли на соединение с Народной армией в Сызрань. Там из них был сформирован Кузнецкий батальон, просуществовавший до января 1919 г. в составе 2-й Сызранской стрелковой дивизии⁴.

Приказом № 13 от 30 июля 1918 г. принявший командование войсками Хвалынского района подполковник Ф. Е. Махин отрешил от ко-

мандования Вольским полком полковника Полякова за невыполнение боевой задачи⁵. Командовавший хвалынцами капитан Суслов также был отстранен, ибо, будучи хорошим исполнителем полученных приказаний, «командовать полком в условиях подвижной войны <оказался> не подготовлен». Он рекомендовался на штабную должность⁶. Сформированный 7-й полк принял прибывший 21 августа из Самары полковник Розенбаум⁷.

5 августа начальник отдела формирования войск района полковник Ушаков выпустил печатное «объявление», которым предписывалось офицерам, врачам, ветеринарным врачам, военным чиновникам и ветеринарным фельдшерам, проживающим, хотя бы и временно, в Хвалынском уезде, незамедлительно зарегистрироваться.

7 августа начальник отдела формирований войск Сызранского района разъяснил, что местные кавалерийские формирования должны дать формируемой 2-й стрелковой дивизии четырехэскадронный полк, так что кавалерия Хвалынского района рассматривалась как составная часть 2-го Сызранского кавалерийского полка. Избыток кавалеристов должен был составить запасную часть при полку. Хвалынский батальон по сформировании трех рот приступал к формированию второго батальона с переименованием в 7-й Хвалынский стрелковый полк и проведением приказом после донесения о сформировании 2-го батальона⁸.

10 августа врид Вольского воинского начальника полковник Никольский уехал в большое татарское село Хвалынского уезда Старый Атлаш производить мобилизацию, откуда вернулся 21-го⁹. Очевидно, хвалынский воинский начальник полковник Ушаков как совмещавший должность начальника отдела формирования войск района¹⁰ не мог позволить себе столь длительных отлучек, так что по мобилизации в волостях работал вольский «гость».

К 12 августа в Хвалынском батальоне состояло налицо 945 человек и 28 лошадей, в Вольском полку — 667 человек и 32 лошади¹¹. Сохранилось несколько немногочисленных списков фронтовиков, желавших поступить в Народную армию. На одном из них есть рукописная приписка: «Список фронтовиков 145 человек (2 роты)»¹². Возможно, фронто-

2016; Симонов А. А. Гражданская война в уезде // Журавлев К. И., Симонов А. А., Сулейманова Н. И. Город Пугачев: история и современность: в 2-х тт. Т. 1. От основания до 1945 г. Саратов, 2016. С. 195–254; Ганин А. В. Махин Федор Евдокимович / Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы. Под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 124–128.

² См.: Посадский А. В. Вольск, 1 июля 1918 г.: пример успешного городского восстания // История Белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 года. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. С. 61–64.

³ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 8.

⁴ См.: Посадский А. В. О батальонном Кузнецкстрое и о людях Кузнецка. Поволжская молодежь в борьбе за Белое дело // Родина. 2008. № 3. Белое дело: веки истории. С. 58–62.

⁵ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁶ Там же. Д. 17. Л. 187.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 47.

⁸ Там же. Д. 16. Л. 101–103.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 25, 48.

¹⁰ Белая гвардия. Альманах (Москва). № 3. 1999/2000. С. 104.

¹¹ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 16. Л. 56, 58.

¹² Там же. Л. 66.

вики как-то самоорганизовались, возможно, речь идет о Вольском союзе фронтовиков, который был разоружен красной гвардией еще весной 1918 г.

В строевом отношении войска южного района формировали 2-ю стрелковую дивизию под командованием А. С. Бакича. К 15 августа в ее составе находились 5-й и 6-й Сызранские, 7-й Хвалынский и 8-й Вольский стрелковые полки и Кузнецкий добровольческий батальон как приданная дивизии часть. В составе Речной обороны имелся комендант пристаней и начальник речной обороны г. Хвалынска¹³. Вольского уездного воинского начальника на указанную дату не показано.

Полковник Ушаков докладывал 22 августа о приеме с 6 по 21 августа 1484 военнообязанных. Их распределили следующим образом: 938 в Хвалынский полк, 183 — в Вольский, 185 — в артиллерию, 52 — в команду связи при штабе войск района, 87 — в 1-й Вольский конный дивизион, 6 — в штаб, 16 — в управление воинского начальника, 11 человек отправились в Самару в штаб Речной обороны и 6 человек — в конский запас¹⁴. Прием военнообязанных и добровольцев продолжался и позднее.

22 августа последовал приказ полковника Розенбаума о переименовании батальона в 7-й Хвалынский полк. Из мусульман сформированной 8-й роты предлагалось сформировать 9-ю роту¹⁵. 29 августа последовал приказ по полку о сформировании в Хвалынске инструкторской (учебной) роты из 9 взводов — по числу строевых рот полка. В каждом взводе должны были состоять офицер и унтер-офицер, а все необученные чины — поступать в эту роту для обучения военному делу. По мере подготовки их следовало направлять в строевые подразделения. Обучать приказывалось рассыпному строю, знанию винтовки, стрельбе, обязанностям часового. Приказ требовал 8-ю роту на позицию, если она уже достаточно подготовлена¹⁶.

На 31 августа 1918 г. Народная армия Хвалынского района насчитывала 335 офицеров, 8 врачей, 31 военного чиновника, 118 мобилизованных унтер-офицеров, 1302 добровольца, 1825 военнообязанных, 658 лошадей, из которых 359 верховых. Из них за 31 августа прибыли 6 офицеров, 2 мобилизованных унтера, 2 военнообязанных и 6 добровольцев. 1 сентября поступило 4 офицера, 2 мобилизованных унтера, 8 добровольцев, 3 военнообязанных, 2 сентября — 3 офицера, 1 военный чиновник, 2 добровольца, 3 сентября — 1 офицер, 1 мобилизованный унтер,

¹³ Белая гвардия... № 3. С. 98, 99, 102.

¹⁴ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.

¹⁵ Там же. Д. 11. Л. 90.

¹⁶ Там же. Л. 128.

9 добровольцев, 12 военнообязанных, 4 сентября — 2 офицера, 1 врач, 5 добровольцев. В результате на 4 сентября: 345 офицеров, 9 врачей, 32 чиновника, 121 мобилизованный унтер-офицер, 1326 добровольцев, 1840 военнообязанных, те же 658 лошадей¹⁷. Всего мобилизация дала до 2000 человек и 400 лошадей¹⁸. Мобилизацию проводили еще и в 7 волостях левого бережного Николаевского уезда.

На 3 сентября в Хвалынском полку состояло 1490 человек¹⁹.

Основными формированиями войск района являлись: штаб командующего войсками с командой связи, инженерная команда при штабе, 7-й Хвалынский и 8-й Вольский стрелковые полки, Вольский конный дивизион, артиллерия (в сентябре начинала формироваться 6-я батарея), Липовский отряд из добровольцев Заволжья. Имелась также немногочисленная Хвалынская добровольческая дружина для вспомогательной службы. Хвалынский полк имел в составе 2 штаб- и 102 обер-офицеров, 49 унтер-офицеров, 1287 рядовых, 1021 винтовку, 8 пулеметов, 28 лошадей. 1021 человек, по числу винтовок, числился в командировке на фронте. В 8-м Вольском полку насчитывалось 191 обер-офицер, 18 унтер-офицеров, 648 рядовых, 600 винтовок, 9 пулеметов и 81 лошадь. 604 человека находились на фронте²⁰.

6 сентября, в день взятия Вольска, на позициях стояло 8 рот Хвалынского и 5 — Вольского полков²¹. Последний включал инструкторскую, четыре номерных и прикомандированную Сергиевскую роту.

Вольский уездный воинский начальник принял за 11 сентября 170 новобранцев 1897 и 1898 г. рождения²², то есть в занятой на считанные дни части Вольского уезда не без успеха прошла мобилизация.

К 20 сентября 1918 г. 2-я стрелковая дивизия состояла в войсках Сызранского района, а 20 октября была передана в состав Юго-Западной армии. В дивизии оставались 7-й Хвалынский, 8-й Вольский стрелковые полки и Кузнецкий батальон, названный в приказе «добровольческим»²³. Возможно, это явилось отражением объективного положения вещей, когда при отступлении мобилизованные расплылись и остались сравнительно немногочисленные добровольцы. Все полки дивизии отступили на Бузулук фактически в кадровом добровольческом составе²⁴.

¹⁷ Там же. Д. 16. Л. 139, 142, 147, 148, 154.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹⁹ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 16. Л. 152.

²⁰ Там же. Д. 18. Л. 31.

²¹ Там же. Д. 17. Л. 224.

²² Там же. Л. 197.

²³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 166. Л. 71–73; Ф. 39500. Оп. 1. Д. 11. Л. 242.

²⁴ Каревский А. А. К истории боевых соединений... С. 7.

Полковник Махин получил «пожарное» назначение спасти Самару. Приказом войскам Народной армии Самарского района № 1 от 6 октября он сообщил о вступлении в должность командующего войсками района «согласно личного распоряжения командующего Поволжским фронтом». Начальником штаба стал капитан Руссет, которому надлежало сформировать штаб из штаба войск Хвалынского района, которые подлежали расформированию²⁵.

В это время, 21 октября 1918 г., ситуация с вооружением в Хвалынском полку была следующей: в 1-й роте русских винтовок — 123, «Витерли» — 25, «Гра» — 7, в инструкторской роте — 24 русские винтовки, в пулеметной команде — 9 русских, 3 «Витерли», 2 годных и 1 негодный пулеметы Кольта, в разведческом отряде Айрапетова 21 русская винтовка, ручных гранат и бомб — штук 12 на весь полк²⁶. Если считать, что сведения документа по структуре полка исчерпывающие, то фактически полк был сведен в одну полнокровную строевую роту при слабой инструкторской в качестве офицерского резерва.

В период отступления осенью 1918 г. Вольский полк был одной из наиболее надежных и боеспособных частей. Он прикрывал отход на Бузулук²⁷. Уполномоченный Комуча по Хвалынскому уезду Каменский выехал из Самары в ночь на 6 октября 1918 г. с санитарными и перевязочными отрядами войск Хвалынского района. В Уфе он собрал около 100 солдат и офицеров, отставших от своих частей. Они вступили в русско-чешские полки²⁸.

В декабре 1918 г. и январе 1919 г. двухбатальонный Вольский полк имел до 500 штыков и более, а однобатальонный Хвалынский — около 200²⁹. Ко 2 марта 1919 г. Вольский полк также был сильнее — 380 штыков при 157 штыках у хвалынцев³⁰. К 15 апреля дивизия включала пять батальонов в четырех полках. Вольцы и хвалынцы имели по батальону в 200 штыков каждый³¹. К 23 июня 1919 г. вся 2-я стрелковая дивизия имела около 1300 штыков и сабель. Хвалынский и Вольский полки располага-

ли двумя сотнями штыков каждый и своими конными разведками³².

Некоторые сведения о 7-м Хвалынском полке вдали от родных мест дает сохранившийся комплект приказов за июль 1919 г. Весь месяц полком прокомандовал подполковник Мякшев. Согласно приказу № 204 от 21 июля, выдавались пасхальные деньги — по 3 руб. 70 коп. на стрелка из расчета бывших налицо на день Пасхи. Пасха в 1919 г. приходилась на 20 апреля. Мы склонны думать, что деньги получали и стрелки-мусульмане. В таком случае нижеприведенные данные показывают количество солдат, сохранившихся которые в подразделениях с 20 апреля по 21 июля. Одновременно документ показывает внутреннюю структуру полка.

1-я рота — 31 стрелок
 2-я рота — 19 стрелков
 3-я рота — 14 стрелков
 4-я рота — 39 стрелков
 5-я рота — 11 стрелков
 6-я рота — 11 стрелков
 7-я рота — 22 стрелка
 8-я рота — 10 стрелков
 9-я рота — 104 стрелка
 Пулеметная рота — 28 стрелков
 Комендантская команда — 42 стрелка
 Рота службы связи — 31 стрелок
 Нестроевая команда — 56 стрелков
 Околоток — 25 стрелков
 Штаб полка — 26 стрелков
 Рота разведчиков — 20 стрелков.
 Обоз I и II разряда.

Таблица 1. Численность списочного и наличного состава чинов 7-го Хвалынского полка за июль 1919 г. *

Число месяца	Число чинов по списку	Число чинов налицо
1	1449	1073
2	нет данных	нет данных
3	1416	1044
4	1412	1029
5	1388	1005
6	1390	1006
7	1390	1008
8	1354	998
9	1390	1005
10	1393	995
11	1398	997
12	нет данных	нет данных
13	1392	999
14	1392	994
15	1392	996
16	1389	984
17	1389	983
18	1389	983
19	1389	1000
20	1389	979
21	1381	973
22	1382	974
23	1382	958
24	1382	932
25	1381	903
26	1380	902
27	1383	905
28	1383	906
29	1382	899
30	1382	894
31	нет данных	нет данных

* Составлено по: РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1238.

²⁵ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

²⁶ Там же. Д. 18. Л. 54 и об.

²⁷ Петров А. А. История Вольской народной... С. 92–93.

²⁸ ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

²⁹ Боевые расписания Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий. Вступ. ст., подг. текста и коммент. А. В. Ганина // Белая гвардия. Альманах (Москва). № 8. Казачество России в Белом движении. 2005. С. 214, 216, 217.

³⁰ Ганин А. В. Черногорец на русской службе... С. 63.

³¹ Посадский А. В. От Царицына до Сызрани. Очерки истории Гражданской войны в Поволжье. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 110.

³² Белая гвардия. Альманах (Москва). № 5. 2001. С. 153.

Рота разведчиков именуется конной, упоминается возвращение группы разведчиков-татар после самовольной отлучки³³.

Приказом Южной армии № 41 от 20 июня 1919 г. поручики полка Молянов и Румянцев награждались орденом Анны II степени с мечами, подпоручики Зейферт, Вейнович, прапорщики Николаев Петр, Скинотворцев и Савич — орденом Анны III степени с мечами и бантом³⁴. Как минимум Зейферт и представитель священнической семьи Хвалынского уезда Скинотворцев являлись уроженцами Саратовской губернии. Среди офицеров в приказах упоминаются штабс-капитаны Толстов (Толстой), Рыбаков, Польшин³⁵. Штабс-капитан и два прапорщика Рыбаковых известны по войскам Хвалынского района, равно как и Толстой.

На 30 июня видим наибольшую укомплектованность полка за месяц. По списку 1461 чин, налицо 1074, 74 строевые лошади по списку при 70 налицо, 164 обозные лошади по списку, все налицо. Динамика изменений численности показана в таблице.

Численность списочного состава за месяц падала максимум на 7,3%, к концу месяца — на 5,4%. Численность наличного состава за месяц постепенно снижалась. На 30 июля она составила 83,24% от численности на 30 июня, то есть уменьшилась на одну шестую часть.

Можно полагать, во второй половине 1919 г. численность полков неуклонно падала. В то же время демарш Б. Фортунатова, самовольно покинувшего Волжский корпус с целью вернуться на Волгу, встретил сочувствие в полках 2-й Сызранской дивизии, — то есть в них оставались воюющие, которых манили родные края. 6 января 1920 г. Отдельная Оренбургская армия преобразовывалась в Отряд атамана Дутова в составе 1-й и 2-й Оренбургских казачьих дивизий и Отдельной Сызранской егерской бригады³⁶. «Егерский» статус можно рассматривать как признание боевых заслуг полков 2-й стрелковой дивизии, однако Вольский и Хвалынский полки свое самостоятельное существование прекращали. В то же время документально устанавливается пребывание саратовских уроженцев в рядах отряда генерала Бакича до самого финала его долгой эпопеи³⁷.

Приказом № 78 Иркутского военного округа 25 января 1919 г. в резерв чинов штаба округа (при управлении коменданта Ачинска) с 1 января 1919 г. зачислялся ряд офицеров Самарской местной бригады.

³³ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1238. Л. 29, 15.

³⁴ Там же. Л. 14.

³⁵ Там же. Л. 30.

³⁶ Ганин А. В. Черногорец на русской службе... С. 91, 104.

³⁷ См.: Посадский А. В. Поволжские крестьяне: от Волги на Восток и обратно // История Белой Сибири. Материалы 5-й Международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 21–24.

Бригада была сводной, объединяя управления воинских начальников Самарского, Вольского, Сенгилеевского, Сызранского и Бугурусланского уездов, принадлежавших к трем губерниям. Среди этих офицеров — знакомый нам Вольский воинский начальник полковник Никольский³⁸. Самарская местная бригада продолжала существовать осенью 1919 г., — она упоминается в списке эвакуированных частей и учреждений, включенных в состав «Войск, расположенных и действующих в Енисейской и части Иркутской губерний»³⁹.

Таким образом, строевые части из населения северных уездов Саратовской губернии прошли долгий боевой путь. Они представляли собой местную вооруженную импровизацию на основе широкого отклика горожан и достаточно лояльного отношения волостей. Кроме того, поддержку оказала раньше организовавшаяся власть и вооруженная сила по соседству (Самара, Сызрань). В результате повстанческие формации смогли стать боевыми частями, чему способствовала личность энергичного и популярного командира — Ф. Е. Махина. В родных уездах основной территорией стал Хвалынский уезд, противники большевиков из Вольска были вынуждены весьма быстро отступить из родных мест и переместились на хвалынскую территорию. При этом Вольский полк был меньше по размеру (к тому же пополнялся хвалынскими мобилизованными), но располагал большим офицерским кадром. Такая картина подтверждает известное развитие событий: из большого и богатого Вольска ушли самые непримиримые, а основной территорией, питавшей борьбу, на два месяца стал небольшой Хвалынский уезд. Доступная информация показывает вполне благополучное, без катастрофических потерь и развала, существование Хвалынцев летом 1919 г. и присутствие саратовских кадров до самого конца существования отряда А. С. Бакича.

Исследование истории вольских и хвалынских формирований имеет перспективу в сравнении с историей частей Казанского корпуса, в свете известных разногласий по поводу саратовского или казанского направления развития боевых операций Народной армии.

Список литературы

Боевые расписания Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий. Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. В. Ганина // Белая гвардия. Альманах (Москва). № 8. Казачество России в Белом движении. 2005. С. 213–218.

Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Русский путь, 2004. 240 с.
Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. 688 с.

³⁸ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1740. Л. 29.

³⁹ Там же. Д. 1400. Л. 13 об., 14.

- Ганин А. В. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.
- Ганин А. В. «От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф. Е. Махин) // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2006. № 3.
- Ганин А. В. Махин Федор Евдокимович / Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы. Под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 124–128.
- Журавлев К. И., Симонов А. А., Сулейманова Н. И. Город Пугачев: история и современность: в 2-х тт. Т. 1. От основания до 1945 г. Саратов, 2016. 592 с.
- Каревский А. А. К истории боевых соединений Поволжской народной армии: материалы к энциклопедии // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). № 21. 2013. С. 5–15.
- Кумаков А. В., Симонов А. А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем: в 2 кн. Кн. 2. Саратов: ИД «Волга», 2016. 720 с.
- Петров А. А. История Вольской народной армии / Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. тр. Вып. 7. Саратов: Научная книга, 2006. С. 84–95.
- Посадский А. В. Вольск, 1 июля 1918 г.: пример успешного городского восстания // История Белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 года. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 61–64.
- Посадский А. В. Поволжские крестьяне: от Волги на Восток и обратно // История Белой Сибири. Материалы 5-й Международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 21–24.
- Посадский А. В. О батальонном Кузнецкстрое и о людях Кузнецка. Поволжская молодежь в борьбе за Белое дело // Родина. 2008. № 3. Белое дело: вехи истории. С. 58–62.
- Посадский А. В. От Царицына до Сызрани. Очерки истории Гражданской войны в Поволжье. М.: АИРО-XXI, 2010. 400 с.

Anton Viktorovich POSADSKY

Volga region Institute of management-branch of the Russian Academy of national economy and public administration (Saratov, Russia)

E-mail: posadav68@mail.ru

Anti-Bolshevik formations of the Saratov Volga region in the East: potential and fate

The article deals with the fate of the armed formations of the White movement in the East, which arose on the territory and at the expense of resources of the Northern part of the Saratov province. These units arose as a result of the anti-Bolshevik mood and active actions of the inhabitants of Volsky and Khvalynsky counties, as well as the support given to them by Komuch. They originally belonged to the people's army, and later became part of the Russian army of A. V. Kolchak. The author traces the history of the formation and partly combat use of these units, shows the differences in the composition and formation of the Volsky and Khvalynsky regiments. Active participation urban strata in fact create parts of allowed shape volunteer backbone of, which retained parts of combat-ready a long time after departure from home seats.

Keywords: Civil war in Russia, People's army, Saratov province, Volsk, Khvalynsk.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Олеся Витальевна АЛЕКСЕЕВА

Научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва, Россия)

E-mail: alexeevalesya@mail.ru

1919 ГОД В БЕРЛИНЕ: ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА ЭМИГРАНТА

В настоящей публикации ставилась задача донести выдержки из исторического источника — рукописного дневника, выражающие отношение представителя военной эмиграции к событиям 1919 г.

Ключевые слова: Берлин, дневник эмигранта, русская военная эмиграция.

Страницы дневника¹ Владимира Алексеевича Каменского, капитана л.-гв. Егерского полка, участника Первой мировой войны, позволяют дополнить сведения о жизни бывших офицеров Русской императорской армии, оказавшихся после Великой войны и хаоса Гражданской вне территории России, не потерявших надежду на успех Добровольческой армии, информация о положении которой присутствует в данном источнике.

В. А. Каменский родился в Ораниенбауме 4 августа 1891 г., происходил из потомственных дворян Петроградской губернии, православного вероисповедания, выпускник Александровского кадетского корпуса и Пажеского корпуса (1911 г.), подпоручиком л.-гв. Егерского полка выступил 3 августа 1914 г. в поход против Германии и Австро-Венгрии, участвовал в Люблинской (1914 г.)² и Ломжинской (1915 г.)³ операциях.

В марте 1918 г. был окончательно расформирован л.-гв. Егерский полк, в штабе которого Каменский после болезни служил под Киевом, где его застал выход 4-го Универсала об отделении Украины от России. Поиски случайных заработков для содержания семьи при чехарде вла-

¹ На правах рукописи из частной коллекции за рубежом.

² Д. Владиславов 20 августа, стычка у д. Рыбчевиче 21 августа, у д. Уршулин 24–27 августа и у м. Кржешов 2 сентября.

³ Бой у д. Бажиково 3–4 февраля, у д. Высокие Дуже и Кобылина 5–15 февраля, Сыпнево-Горки с 7 по 14 апреля, у д. Высокие Дуже с 21 апреля по 12 мая, у д. Добжиково с 20 мая по 8 июня.

стей⁴, известие о расстреле государя⁵, зверства петлюровщины⁶, особенно в отношении офицеров, стали причиной исхода из Украины, в т. ч. в недалекую Германию. 28 января 1919 года В. А. Каменский с семьей приехал в Берлин, ставший одним из центров русской эмиграции, вынужденной выживать в побежденной, униженной условиями Версальского мира Германии. Запись в дневнике от 26 апреля после публикации еще не подписанных условий:

По всей Германии в знак траура на одну неделю закрылись все кафе, кинема и театры. Могли быть поставлены лишь пьесы, соответств<ующие> духу времени. Наша хозяйка Fr. Seidel плакала и говорила, что такого удара Германия ещё ни разу не получала, и это равно смерти Германии... Русские говорили, что это то же, что и Германия сделала с Россией (Брест-Литовский мир), и что, если бы победила Германия, то условия были бы ещё строже.

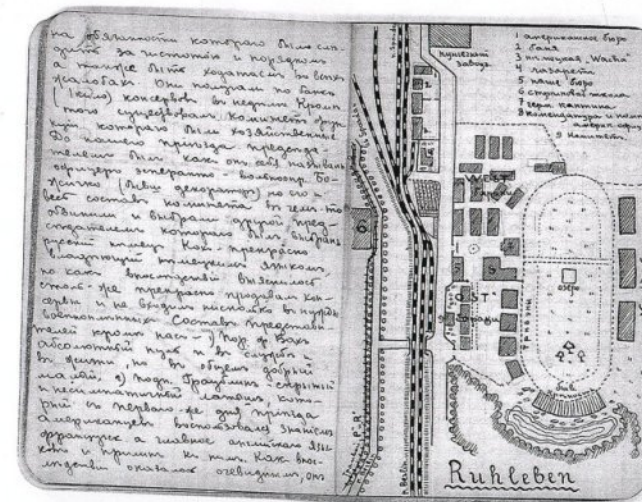
В первые месяцы 1919 г. в Берлине Каменский, как и все эмигранты, был озабочен поиском работы:

Все русское небольшое общество встречалось обыкновенно по воскресеньям в посольской церкви. Это были преимущественно беженцы из Киева. <...> Встретил в церкви Шевцова, он мне предложил ехать с ним вместе в комиссию для оказания помощи нашим военнопленным, которых насчитывалось к тому времени 250 000. Я согласился, и нам посчастливилось, т. к. мы были назначены в самый ближайший к Берлину лагерь — Рулебен (между Srandau и Berlin'ом). Условия: 10 марок суточных, оплата счетов до 30 м. в сутки и 4 посылки с консервами. Несмотря на продолжающуюся забастовку, мы с большим трудом добрались до лагеря. Там уже находилось два русских офицера, которые и посвятили нас во все дела, которых оказалось немного. Так как жить в лагере не представлялось возможным, да и этого не требовала

⁴ Семь с половиной месяцев правления Павла Скоропадского, генерала Российской императорской армии, ставшего 28 апреля 1918 г. гетманом Украины, внесли некоторое оживление в положение русского офицерства на Украине; запись в дневнике от 2 мая 1918 г. в Киеве: «Отправился в штаб гетмана <...> там русский дух, там Русью пахнет, много офицеров, большинство русских, в погонах».

⁵ Строки в дневнике, Киев, 21 июля: «В Екатеринбурге расстрелян Государь... Во всех церквях служили панихиды по Государю, причем в Георгиевском соборе панихиды шли почти весь день и церковь была полна молящимися, которые плакали»; 24 июля: «Трамваи ходят очень редко, а потому пошли пешком вместе с Красовским и с Матюшиным в Георгиевскую церковь, где была обедня и панихида по Государю, служили шефские части гвард<ейской> кавалерии, масса народа, женщины, да и большинство мужчин плакало до истерики».

⁶ «Гетман издал Универсал о федерации с Россией, чем сильно не угодил украинцам, и началось восстание в Белой Церкви под предводительством Петлюры». «Петлюровцы расправлялись с пленными офицерами по-зверски, что свидетельствуют 33 трупа и убитый Каульбарс».

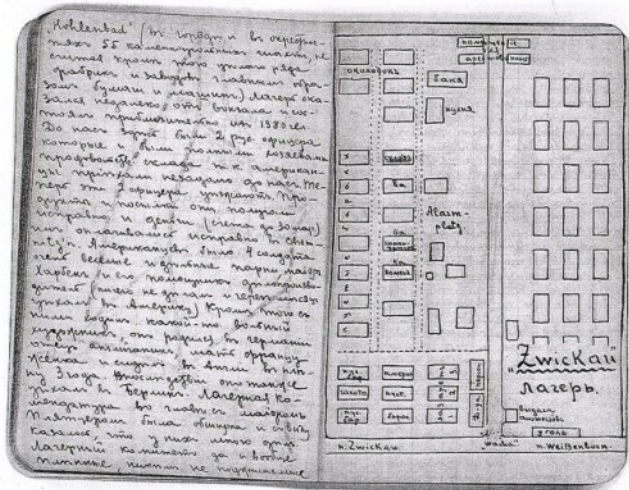

Ил. 1. В дневнике дана авторская топографическая схема германского лагеря военных Рулебен

служба, то мы в этот же день вернулись домой. <...> Приехали американцы (офицеры и солдаты), которые и взяли в свои руки все дело снабжения. <...> Пленных было около 3800 чел., взятых преимущественно в начале войны (самсоновская армия), состав их был недурной, и каждому из них пришлось много пережить, особенно на принудительных работах на шахтах или под огнем на франц<узском> фронте. Все они горели одним желанием — во что бы то ни стало попасть домой, и трудно было с ними говорить о чем-либо другом. По-видимому, они не верили газетам и не желали верить, что делается в России. Американцы сваливали вину в деле задержки на немцев, а последние говорили, что виноваты союзники. В каждом бараке был старший, на обязанности которого было следить за чистотой и порядком, а также быть ходатаем во всех жалобах.

Живя с семьей в Берлине, Каменский ежедневно ездил в лагерь Рулебен (ил. 1), работа его «заклучалась, в общем, в бездействии, или, вернее, в сознании того, что ничего сделать нельзя». Ему был поручен западный участок лагеря, который он ежедневно обходил, следил за чистотой, жалобы пленных передавал американцам, «и на этом дело обыкновенно кончалось»; работа в Рулебене закончилась после отправки перед Пасхой 1919 г. всех пленных в лагери Гроссен и Мюнхеберг.

26 апреля Каменскому было получено назначение в лагерь Цвикау (Zwickau, ил. 2), южнее Берлина и западнее Дрездена, для работы в Комиссии помощи военнопленным, где у него была возможность общаться с заключенными, например, упоминается его частый собеседник, во-

Ил. 2. Германский лагерь военнопленных Цвикау

еннопленный инженер Кокорев, которого он называет «удивительным пленным»: «Был у инж. Кокорева — все горюет о родине». Между членами Комиссии, в которой присутствовали американцы, немцы и др., отношения были далеки от почтенных:

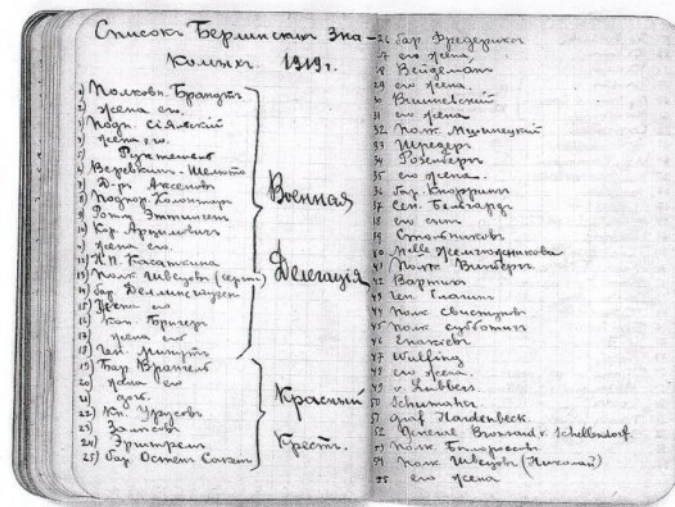
Американцы считают нас большевиками, а немцы — просто шпионами, выходит, что быть просто честным человеком уже не так легко в теперешнее время.

Обязанность постоянного нахождения при лагере исключала проживание с семьей, поэтому новости о жизни русских в Берлине он узнавал из писем жены Кати:

Начинают создаваться массы формирований, все куда-то едут, кто в Либаву, кто через Англию на Мурман, а некоторые через Константинополь в Добровольческую армию.

Дневниковые записи полны эмигрантских надежд на успех армий Юденича, Деникина и Колчака, на возможность перемен в охваченной революционным пожаром России:

В воскресенье 25-го <мая> в посольской церкви был молебен по случаю взятия Петергофа войсками ген. Юденича <...> и впервые молились о представителе Русской державы — адмирале Колчаке.

Ил. 3. Список берлинских знакомых В. А. Каменского

На страницах своего дневника автор приводит содержание разговоров с офицерами союзных армий, с которыми работал в Комиссии помощи военнопленным, запись от 14 июля:

С г<осподи>ном Лео часто говорим по-немецки, он поправляет наши ошибки — между прочим, он жаловался на жестокую дисциплину в герм<анской> армии и рассказывал, что старые солдаты терпеть не могли молодых — кадет, и если эти последние скверно с ними обращались, то их во время атаки убивали свои же, а потом говорили, что он погиб смертью храбрых.

Среди берлинских знакомых (ил. 3) Каменского — В. Ф. Винберг, с которым автор дневника состоял в офицерской дружине генерала Кирпичева в Киеве. Эмигрировавший в Германию Винберг выпускал газету «Призыв», сведения из которой автор цитирует в дневнике:

Вышла новая русская газета «Призыв» Винберга. <...> У Колчака все неудачи, про удачу Деникина тоже пишут смутно, а с Мурмана все английские войска уходят, таким образом, политическое положение России неважное.

Полковник В. П. Сияльский, начальник канцелярии Русской военной миссии в Берлине, способствовал привлечению Каменского на службу в эту организацию. Братья А. В. и Б. В. Геруа, также выпускники Пажеского корпуса, неоднократно упоминаются в дневнике, как в непосредственном общении, так и в переписке — обещание Б. В. Геруа, предсе-

дателя Особой миссии по оказанию материальной помощи белым армиям в Великобритании, организовать выезд в Англию семье Каменского за счет британского правительства. Вероятно, личные качества В. А. Каменского, его профессионализм, гостеприимная семья привлекают и такую фигуру, как Н. А. Монкевиц, занимавший в 1910–1914 гг. важнейшие посты в российской разведке и контрразведке, эмигрировавший в 1918 г. во Францию; в 1919 г. он — начальник Русской военной миссии в Берлине. Запись от 8 июня:

Катя меня познакомила с ген. Монкевиц, который приехал из Франции, является представителем Колчака и начальником Потоцкого. Он, по-видимому, очень хитрый, но джентльмен и очень вежливый, был у нас, и мы у него пили чай, он недавно в Париже видел Бориса Геруа.

29 августа:

Все с нетерпением ждут приезда Монкевица из Франции, который поехал за деньгами и вообще выяснить положение русских офицеров в Германии. Меня лично его возвращение также сильно интересует, т. к. он хотел получить место в Париже и взять меня и всю семью с собой.

Кроме того, автор ожидал обещанного Борисом Геруа разрешения на проезд семьи в Англию за счет правительства, а Монкевиц уговаривал Каменского ехать во Владивосток. Дневник от 29 сентября:

До сего времени ещё нет разрешения в Англию; от Монкевица письма из Парижа приходят часто, он уговаривает, ввиду неопределенного ответа от Геруа, ехать 5 октября через Брест на Владивосток на пароходе «Могилёв» на казенный счет. Геруа прислал телеграмму относительно меня, что «esprez accomplir votre demande», и мы не знаем, что делать.

8 ноября:

От Монкевица получили письмо из Парижа, он очень не в духе, т. к., по-видимому, сидит без денег и всё ожидает место на пароходе из Англии в Америку. Обещали ему к 15 ноября.

Ещё в июле в дневнике зафиксирована информация о срыве поставок продовольствия для армии Юденича и выводе английских частей из северной России:

Англичане заняли Ригу и американцы Либаву. Германские войска уходят из Литвы и из Прибалтийского края, их заменяют постепенно латышские, эстонские и литовские части, которые, однако, все враждуют между собою. Положение белогвардейск<их> отрядов ген. Юденича под Петроградом неважное. Не имея помощи от союзников, ему пришлось отступить, главным образом из-за недостатка съестн<ых> продуктов, до Ямбурга.

8 августа:

Из военных новостей: армия ген. Деникина заняла Полтаву и Камышин, зато Колчак все отступает, и вопрос о его признании союзниками что-то очень туманен. На севере англичане покидают пределы России.

29 августа:

Из ряда полученных бумаг из русской военной миссии можно заключить, что скоро всех офицеров отправят в Добровольческ<ую> армию.

7 сентября:

Из русской миссии сообщили, что в Zwickau, вероятно, останется лишь один офицер, и проектируют на эту должность меня. <...> Заметно, что союзники за последнее время решили покончить с большевизмом. Так, некоторые французские и английские газеты предсказывают падение Петрограда в сентябре и Москвы — к Рождеству.

Однако все яснее становилось поведение союзников и их цели; запись в дневнике 15 сентября:

Приехал, наконец, Швецов из командировки, он был в Риге, Нарве, Митаве и Ревеле, и впечатление его от роли союзников очень плачевное. Не говоря уже об американцах, которые только занимаются торговлей, но англичане, в руках которых сосредоточено в настоящее время главным образом управление северо-западным краем, ведут двойную игру и вовсе не желают восстанавливать Великую Россию. <...> Кто действительно действует вполне самостоятельно, это полк<овник> Бермонт, у которого отряд в 6000 чел., одет в полунемецкую форму, но дух русский и далек от всяких ориентаций. <...> Русские офицеры из лагерей отзываются, собираются все в Helmstedt'e и оттуда отправляются на Юг России. <...> Из политических новостей: Деникин занял Киев, вытеснив оттуда петлюровцев, но зато на севере не особенно хорошо и даже проскользнуло известие, что Юденич окружен и его судьба совсем неизвестна. <...> Из Русского Кр<асного> Креста пришло предписание ехать всем офицерам в лагерь Helmstedt, где ожидать дальнейшей отправки.

17 сентября Каменский получил место обер-офицера для поручений при русской военной миссии. Запись от 8 ноября:

Моя служба заключается в доставлении необходимых виз, а также справок относительно могущих отправок офицеров к Юденичу. <...> У Юденича положение очень неважное, он постепенно отступает опять к Ямбургу и уже не раз было в газетах, что армия Юденича окружена. Также не особенно утешительные вести приходят из армии Колчака, которая также отступает, и даже Омск собираются эвакуировать. Что касается до Деникина, то, несмотря на упорные бои, фронт его продолжает держаться, если не считать небольших неудач в виде оставления Орла и Воронежа. Газета «Призыв» не перестает ругать

союзников, особенно французов, за то, что они ничего не помогают нам, а наоборот, в сообщении было, что на северном фронте у большевиков появились французские танки. Из Helmstedt'a получили письмо, <...> теперь там очень много офицеров, бежавших из армии Вирголича и Бермонта и ожидающих отправки к Деникину или к Юденичу. <...> Колчак продолжает отходить, Юденич отошел до Нарвы.

24 ноября:

Сияльский сказал, что место у меня обеспечено 5–6 тысяч в комиссии по сбору орудий и снаряжения, которые немцы должны отдать России под председательством ген. Никифорова. <...> Положение в России очень скверное, Колчак и Деникин отступают, не говоря уже про армию Юденича.

2 декабря:

Дела у Колчака неважны — подтверждается занятие Омска большевиками, у Деникина в тылу вспыхнуло восстание под начальством разбойника Махно, который оперировал в районе Екатеринослава и Александровска. Для подавления восстания, которое было быстро ликвидировано, пришлось снять с фронта много войск и вследствие этого оставить Курск, Бахмач... Ген. Вальтер очень мрачно смотрит на все и думает, что большевизм будет очень долго в России, и даже возможно, что советское правительство будет признано иными державами.

14 декабря:

Вчера я приехал из командировки, был в Мюнхене, Лейпциге и в Халле, где покупал книги для шведского военного агента. <...> Встретил д-ра Аксенова, который тоже в командировке по объезду лагерей для пленных. <...> Сияльский меня устраивает при военной миссии. <...> Мне предстоит много командировок, очень возможно, поеду на Юг России и вернусь обратно. <...> Мне пришло на ум съездить к <королю> Александру Сербскому и достать у него денег или белья для нашего Кр<асного> Креста, об этом уже говорил Сияльскому, и он советовал действовать самостоятельно.

24 декабря:

Дела на юге очень скверные. Отданы следующие города: Харьков, Полтава и проч. Весь неуспех Добр<овольческой> армии объясняется вспыхнувшими восстаниями в районе Екатеринослава и Полтавы под руководством разбойника Махно. <...> В Берлин прибыл Бермонт. <...> Его отряд частью находится в Нейсе, частью разбежался, и отдельные офицеры прибывают к нам с просьбою отправить их в Добр<овольческую> армию. В конце декабря отправляется из Гамбурга в Новороссийск большой пароход, который забирает много офицеров. Приехал и был у нас ген. Сальков, он из Праги хочет проехать в армию Юденича. <...> Сегодня в посольской церкви была панихида по бывш. папам, т. к. завтра по старому стилю наш корпусной праздник. Были: ген. Гурко, Безак, Гершельман (1-й ар. бр.), <...> Дитмар, Урусов, Дейч.

До настоящего времени приводятся различные объяснения причин поражения Добровольческой армии, безусловно, не было единого мнения и среди участников событий; у В. А. Каменского на страницах дневника подчеркивается ненадежность союзников, их предательство и ведение двойной игры, что подтверждается современными авторами:

С парламентской трибуны британский премьер Ллойд-Джордж (наш союзник, между прочим) вполне открыто выразил сомнение в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России. Британцам вторит их новый, ещё более либеральный, американский союзник — Вильсон, который, как известно, добивался справедливого мира для всех, кроме России... В России принято было своих англосаксонских друзей-соперников недооценивать⁷.

Победителями Гражданской войны была поругана и предана забвению завоеванная победа Русской императорской армии в Великой войне — Первой мировой, подвиги войсковых частей и отдельных воинов. Дабы сохранить память о жертвах и подвигах русской армии, офицеры в эмиграции кропотливо работали над восстановлением и написанием истории Великой войны. В. А. Каменский написал книгу «Лейб-егеря в войну 1914–1917 гг.», изданную в Париже в 1954 г., сотрудничая в журнале «Военная быль», публиковал сообщения и статьи о русских военных традициях: «Производство в офицеры»; «Воспоминания об Александровском», «Денщики», «Военно-историческая комиссия при Гвардейском объединении». Дополнением к биографии одного из представителей русской военной эмиграции В. А. Каменского являются представленные тексты из его рукописного дневника.

Список литературы

Леонтьев М. В. Большая игра. М.-СПб.: Астрель, 2008.

Olesya Vitalievna ALEKSEEVA

Researcher at the State Historical Museum (Moscow, Russia)

E-mail: alexeevalesya@mail.ru

1919 in Berlin: according to pages of the emigrant's diary

In this publication, the task was to convey excerpts from a historical source—a handwritten diary, expressing the attitude of the representative of the military emigration to the events of 1919.

Keywords: Berlin, emigrant's diary, russian military emigration.

⁷ Леонтьев М. В. Большая игра. М.-СПб.: Астрель, 2008. С. 40, 144.

Петр Юрьевич МАЖАРА

кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: pmazhara@mail.ru

**ПРОФЕССОР А. Н. БЫКОВ
И ЕГО «ПРАВИТЕЛЬСТВО»:
К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВАХ
ПЕТРОГРАДА В 1919 ГОДУ¹**

Статья посвящена непростому вопросу о возможных альтернативах для Петрограда в условиях наступления Белой Северо-Западной армии в 1919 г. В центре внимания политические планы белогвардейского командования, включавшие в себя создание нового правительства во главе с профессором Технологического института А. Н. Быковым. Быков был видным деятелем кадетской партии, специалистом в области законодательства по охране труда. Подробно анализируется кадровый состав предполагаемого кабинета и причины, по которым делался выбор кандидатур.

Ключевые слова: кадровая политика, А. Н. Быков, Белое движение на Северо-Западе России, Петроград, исторические альтернативы.

Переломные эпохи в истории неизбежно порождают дискуссии об исторических развилках, размышления о возможных альтернативах в развитии исторических событий. Современная историография революции и Гражданской войны полна подобных споров. Петроград в 1919 г. уже не был столицей и, несмотря на его центральную роль в революционных потрясениях, едва ли взятие города Белой армией изменило бы ход событий в стране в целом. Однако история похода Северо-Западной армии на Петроград в 1919 г. закономерно ставит перед исследователем вопрос: какой была бы жизнь и судьба города в случае взятия его войсками генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича (1862–1933)?

Пролить свет на этот вопрос до некоторой степени позволяют известные на сегодняшний день сведения о планах белогвардейцев. Предмет настоящей статьи — планы белогвардейского командования в сфере политической организации жизни в Петрограде после чаемой победы над большевиками.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-09-00081.

Общая логика необходимости военной диктатуры², которая, в частности, привела в Сибири к перевороту Александра Васильевича Колчака 18 ноября 1918 г., не означала отсутствия своеобразия различных белогвардейских режимов, определяемого хотя бы личностью диктатора. Достаточно известен факт, что в планы Н. Н. Юденича по взятии Петрограда входила организация нового правительства, которое должен был возглавить Александр Николаевич Быков (1860–1919), профессор Технологического института. Генерал Юденич имел репутацию человека консервативных и даже крайне правых политических установок³.

Тем не менее при организации фронта на Северо-Западе, на наш взгляд, генерал оказался способен к прагматическому подходу в политике, ища союзников по борьбе в либеральных кругах⁴ (другое дело, что впоследствии он мог в них и разочаровываться). Однако в своих политических действиях Н. Н. Юденич, безусловно, был ощутимо ограничен волей лидера Белого движения в России, Верховного Правителя А. В. Колчака, а равно и объективными требованиями действовать в согласии с представителями союзников по Антанте и нововозникшим государством Эстония⁵.

Отметим, что в цели союзной военной миссии на Балтике генерала Х. Гофа (впоследствии отозванного из-за конфликтов с русскими белогвардейцами) входили поддержка временных правительств новообразованных прибалтийских государств в отстаивании своей независимости от России и от немецкого влияния; изучение отношений между эстонцами, финнами и русскими для успешной координации их усилий в борьбе с большевиками.

10 августа 1919 г. в Ревеле заместитель Гофа генерал Фрэнк Марш (некогда представлявший Британию на Кавказском фронте, которым командовал Н. Н. Юденич) оповестил некоторых русских политиче-

² Н. Н. Юденич говорил о необходимости диктатуры с представителем союзной миссии (генералом Р. Хэйкингом). См.: *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.) СПб., 1999. С. 358.

³ Мемуаристы, принадлежавшие к левому политическому спектру, прямо называли его черносотенцем (*Горн В. Л.* Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 400–405; *Маргулис М. С.* Год интервенции. Книга 3. Берлин, 1923. С. 60–70).

⁴ Подробнее см.: *Мажара П. Ю.* Крайне правые политические силы в Белом движении на Северо-Западе России (1918–1920) // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / Отв. ред. М. А. Воскресенская, А. С. Крымская, Е. В. Петров. М., 2017. С. 405–419.

⁵ Последнее обстоятельство было, по-видимому, особенно тяжелым для Н. Н. Юденича, предпочитавшего искать союза с Финляндией и Маннергеймом, что оказалось политически невозможным осенью 1919 г.

ских и общественных деятелей о необходимости собраться на срочное совещание в английском консульстве. От имени держав Согласия Марш потребовал организовать «правительство Северо-Западной области России» (сокращенно Северо-Западное правительство). Британскому руководству миссии это было необходимо для достижения цели улучшения отношений русских белогвардейцев и эстонцев. На следующий день, 11 августа 1919 г., наскоро организованный новый орган власти (чья легитимность, впрочем, вызывала понятные сомнения) опубликовал свой первый официальный документ — заявление о признании независимости Эстонии.

Юденич отнёсся к возникновению навязанного англичанами правительства резко отрицательно, но всё же счёл необходимым войти в его состав с целью отстаивания интересов армии. Таким образом, позиция генерала по вопросу эстонского суверенитета формально была двойственной: как подчинённый Колчака Юденич не имел никакого права признавать независимость нового государства до решения будущего Учредительного собрания, а как военный министр Северо-Западного правительства он всё же нёс долю ответственности за решения этого правительства, пусть и принятые вопреки воли армии и его лично.

Главой Северо-Западного правительства стал нефтепромышленник Степан Георгиевич Лианозов (Лианосян), который ранее входил в т. н. Политическое совещание при генерале Юдениче. Это создавало внешнюю видимость определенной преемственности. Тем не менее в целом новый политический кабинет выделялся главнокомандующему Северо-Западным фронтом злом, с которым, однако, до поры до времени было необходимо мириться. «Левизна» Северо-Западного правительства также представлялась русским военным кругам неприемлемой⁶.

Очевидно, что успех похода на Петроград дал бы генералу возможность вести диалог со своими политическими попутчиками с позиции силы, а возможно, и вовсе прекратить его. В те дни, когда решалась судьба города, министр снабжения, торговли и народного здоровья Северо-Западного правительства М. С. Маргулиес, будучи в Гельсингфорсе, записал в свой дневник следующее: 22 октября 1919 г. — «Варшава звонит Гессену, что в телеграмме Юденича я объявлен самозванцем, о чем де

будет в газетах и т. п.»⁷, 24 октября 1919 г. — «в Выборге Кальмановичу сказали, что Северо-Западного правительства уже нет, а в Гельсингфорсе А. А. Давыдов предложил ему “не компрометировать себя поступлением на службу несуществующего правительства”»⁸, 25 октября 1919 г. — «заходил А. И. Каминка; он имел вчера беседу с генералом Гулевичем, показавшим ему пресловутую телеграмму, которой он ставится во главе всех русских дел в Финляндии на правах генерал-губернатора, а гражданским помощником ему назначается сенатор Иванов»⁹.

Эти записи нуждаются в комментарии: С. Р. Варшавер — финансист, член правления ссудо-сберегательной кассы русской колонии в Финляндии; И. В. Гессен — деятель политического совещания при Н. Н. Юдениче; С. Е. Кальманович — юрист и общественный деятель; А. И. Каминка — юрист и общественный деятель; генерал-лейтенант А. А. Гулевич — представитель Н. Н. Юденича в Финляндии¹⁰. Но для настоящей статьи в первую очередь важно отметить: дневниковые записи Маргулиеса показывают, что продолжать мириться с какой-либо политической ролью Северо-Западного правительства по взятии Петрограда Юденич не собирался. Маргулиес и его коллеги понимали это и раньше. Так, ещё 17 октября 1919 г. Маргулиес сделал следующую запись:

Мы понимаем, что ехать нам в Петроград, — это значит украсить собой какой-нибудь фонарь, ибо на генерала Юденича насыдут черносотенцы, «Национальный центр», немецкие агенты и все будут убеждать изъять нас из обращения¹¹.

Отметим упоминание организации «Национальный центр», или же «Всероссийский национальный центр» (ВНЦ), антисоветской организации, сформировавшейся в 1918 г. из числа деятелей правых политических партий, в основном кадетов и октябристов. Хотя подпольное петроградское отделение ВНЦ было разгромлено ВЧК в основном ещё летом 1919 г. во время первого наступления белогвардейцев на Петроград, остатки белогвардейской агентуры действовали и в октябре 1919 г. У командования Северо-Западной армии был расчёт на эти силы: согласно планам военной операции, по достижении войсками линии Обводного канала в осажденном городе должно было вспыхнуть антибольшеви-

⁶ Среди членов правительства Лианозова были эсеры П. А. Богданов, А. С. Пешков и другие левые политические деятели. Раздражающим фактором для Н. Н. Юденича также было присутствие в качестве министра без портфеля юриста Н. Н. Иванова, некогда представлявшего юридические интересы великих князей, но с легкостью нашедшего при этом общий язык с эстонскими политиками в 1919 г., а также с одиозной фигурой «бабки» С. Н. Булак-Балаховича, которого в итоге Н. Н. Юденич своим приказом исключил из чинов армии.

⁷ *Маргулиес М. С.* Год интервенции. Книга 3. Берлин, 1923. С. 62.

⁸ Там же. С. 63–64.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 253–278; *Чуваков В. Н.* Незабываемые могилы: Российское Зарубежье: Некрологи 1917–1997 в 6 т. Т. 1. М., 1999. С. 495, Т. 2. М., 1999. С. 88, 266.

¹¹ *Маргулиес М. С.* Год интервенции. Книга 3. Берлин, 1923. С. 51.

ское восстание. По всей очевидности, у Н. Н. Юденича был также замысел образовать новое городское правительство, опираясь в первую очередь на петроградцев. Генерал знал петроградское подполье, ведь 1918 год он сам провёл в этой среде, покинув город и перебравшись в Финляндию лишь в ноябре. За год многое изменилось, но, вероятно, какие-то расчёты на старые связи у Юденича были. К сожалению, об обстоятельствах его подпольной жизни в Петрограде практически ничего неизвестно. Нет достоверных сведений и о его контактах с профессором Технологического института А. Н. Быковым. Однако после ареста и расстрела летом 1919 г. бывшего гласного городской думы Вильгельма Ивановича Штейнингера, связанного с Н. Н. Юденичем, ключевой фигурой петроградского отделения ВНЦ стал именно Александр Николаевич Быков.

Кем был этот человек? Ещё в 1890-е гг. инженер-технолог Быков заявил о себе как о человеке, всерьёз задумывавшимся не только о технологической стороне промышленного дела, но и о социальной. В 1896 г. на Всероссийском торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде Быков представил обстоятельный доклад по теме «Как обеспечить воскресный отдых фабричным рабочим?». Материалы этого доклада были изданы отдельной брошюрой в Санкт-Петербурге. В 1901 г. под псевдонимом «Ф. П. Павлов» вышла солидная книга «За десять лет практики (отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений из фабричной жизни)»¹². Автором книги был не кто иной, как А. Н. Быков, успевший послужить и в Москве, и в Смоленске, и в Харькове. В 1905 г., во время Первой русской революции, в Ростове-на-Дону вышла новая книга Быкова под псевдонимом «Ф. П. Павлов»¹³.

В январе 1907 г. на экономическом и техническом отделениях Санкт-Петербургского политехнического института начался курс лек-

ций по фабричному законодательству специально приглашенного для этого из Технологического института А. Н. Быкова. Аналогичный курс лекций также был прочитан студентам Технологического института. В 1909 г. лекции были напечатаны¹⁴. В предисловии автор указывал, что прочитанные им курсы лекций для техников и для экономистов несколько отличались по своему содержательному наполнению, публиковался же некоторый обобщающий вариант для слушателей разных специальностей¹⁵. Завершался курс лекций следующими словами:

Как рациональное покрытие парового котла, паропровода и парового цилиндра изоляционным слоем, устраняющим чрезмерную и напрасную утерю тепловой энергии, оказывается необходимым условием правильной работы даже и в наиболее совершенной паровой машине, так и рациональное рабочее законодательство, не заключая само в себе творческих или созидательных элементов, на долгие и долгие годы должно быть признано неустранимым условием правильной охраны труда в сложном аппарате современной промышленности¹⁶.

Позднее в печати появился ещё ряд работ профессора Быкова, касающихся проблемы обеспечения социальной защиты рабочих: «Промышленный травматизм, его размеры, значение и возможность борьбы с ним», «Страхование рабочих как фактор промышленности и русские страховые законы» (обе работы — СПб., 1913). Дочь профессора Быкова, Татьяна, студентка Высших женских курсов, преподавала географию в организованных Русским техническим обществом вечерних классах для рабочих¹⁷.

А. Н. Быков был членом партии кадетов, при этом, по-видимому, он больше тяготел к разработке программных установок партии и реализации её социальных проектов. Примечательны его слова, произнесённые на митинге в конце 1917 г.: «Сила партии не в штыках, а в разуме, критике и политической честности»¹⁸. Штыков у партии на тот момент просто не было, но примечательны призывы мыслить, и мыслить критически. Членство в партии, по-видимому, также способствовало и организации лекций Быкова. В 1908 г. во главе Технологического института встал кадет Дмитрий Степанович Зернов. Заметную роль в деятельности

¹² Павлов Ф. П. За десять лет практики (отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений из фабричной жизни). М., 1901. Приведём здесь примечательный отзыв современного читателя, оставленный в Интернете, в руки которому книга попала, по-видимому, случайно: «Большая редкость — книга, написанная производственным менеджером среднего звена. Автор — заведующий ткацким отделением на большой текстильной фабрике — рассказывает о фабричной жизни. Мемуарист немножечко печалится об убогой жизни рабочих, но все же воспринимает происходящее вокруг него как данность. Это делает книгу достаточно свободной и откровенной. Картины фабричной жизни и нравов, лишённые социалистической тенденциозности, выглядят непривычно. Фабричная инспекция изображается как тотально идиотское учреждение» (Сайт Library 6. <http://library6.com/3596/item/297555> Состояние на 04.11.2019).

¹³ Павлов Ф. П. Германское страхование и другие способы обеспечения рабочих. Ростов-на-Дону, [1905]. Среди других псевдонимов, которые использовал Быков в печати, — «инженер-технолог», «А. Северянин».

¹⁴ Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909.

¹⁵ Там же. С. 3–4.

¹⁶ Там же. С. 272.

¹⁷ Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биографический словарь: Электронная версия. Сайт РНБ. http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=15 Состояние на 27.02.2019

¹⁸ Тимохина Д. А. Санкт-Петербургская организация конституционно-демократической партии в 1905–1917 гг.... Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2017. С. 142.

партии кадетов играли в те годы и преподаватели Политехнического института Михаил Владимирович Бернацкий, Владимир Матвеевич Гессен, Николай Андреевич Гредескул, Борис Эммануилович Нольде. Упомянутый уже инженер В. И. Штейнингер, который, по-видимому, был лично близок Быкову, также был видным деятелем петербургского отделения партии кадетов и Русского технического общества. Летом 1919 г. Штейнингер был расстрелян как петроградский связной разведки Северо-Западной армии. Вслед за ним были арестованы и расстреляны и другие деятели ВНЦ, а юрист-международник Б. Э. Нольде бежал в Финляндию¹⁹. Вероятно, Быков в дальнейшем рассматривался Петроградской ЧК как ключевая фигура кадетского подполья вследствие того, что другие были расстреляны или обезврежены (Н. А. Гредескул в это время перешёл на марксистские позиции, его публичные выступления тех лет выглядят сегодня своего рода предтечей сменевеховства). Осенняя кампания ЧК против петроградского подполья привела к расстрелу Быкова. Почему же именно Быков?

В юбилейном издании «Чекисты Петрограда...», подготовленном к 70-летию КГБ (ВЧК), его авторы, основываясь на следственных делах, писали следующее:

Илья Романович [Кюрц] вместе с [Юрием] Германом на английские денежки <...> по указанию Юденича сформировал ему «удобное» временное правительство во главе с профессором А. Н. Быковым²⁰.

Расстрелянный в 1931 г. в Москве Илья Романович Кюрц (Гедройц) предстал в этой книге как агент главы британской резидентуры в Петрограде Пола Дюкса, впрочем, покинувшего город ещё до наступления осени 1919 г. По данным В. С. Измозика, члена президиума Общества изучения истории отечественных спецслужб, Кюрц в 1920-е гг. был агентом ОГПУ²¹. В мемуарах Дюкса, первое издание которых увидело свет ещё в 1922 г., среди его героев (все имена, естественно, Дюксом были изменены) действуют персонажи, чьими услугами Дюкс пользовался, не доверяя им до конца, опасаясь работы и на ЧК (например, человек

по фамилии Зоринский, чье хобби — «контрразведка»)²². Неизвестно, когда началось сотрудничество бывшего агента «охранки» Кюрца с ВЧК–ОГПУ: после его ареста осенью 1919 г., что подтверждается статьей Измозика, или до этого события. Во всяком случае, крайне маловероятной представляется версия из книги «Чекисты Петрограда...» о том, что решающую роль при «формировании правительства Быкова» играли английские «денежки», если принять во внимание тот факт, что англичан в принципе устраивало Северо-Западное правительство С. Г. Лианозова.

А вот Юрий Герман действительно представляется человеком лояльным не англичанам, но Н. Н. Юденичу. Он не был расстрелян, смерть, по-видимому, настигла его в 1921 г. при попытке нелегально перейти границу с Финляндией²³. «Формирование правительства Быкова» было плодом компромисса между Германом, за которым стояли белые генералы, и Кюрцем, за которым к осени 1919 г. уже не было фигуры Пола Дюкса.

Кто же должен был войти в новое правительство? Наиболее подробный список кандидатур можно найти в книге «Чекисты Петрограда...»: Альбрехт М. Д. — министр путей сообщения, Вебер С. Ф. — министр финансов, Воронцов А. А. — министр народного просвещения, Завойко М. С. — министр внутренних дел, Карташев А. В. — министр религиозных культов, Люндеквист В. Я. — военный министр (?), Развозов А. В. — морской министр и Бахирев М. К. — товарищ морского министра²⁴.

Инженер-путеец Михаил Давидович Альбрехт (1880–1920) был расстрелян в январе; бывший товарищ министра финансов (1909–1917) Сергей Федорович Вебер (1857–1927) был освобожден от ареста в 1920-е гг. и умер своей смертью; судьба А. А. Воронцова нам неизвестна; внук адмирала Василия Степановича Завойко (1812–1898) Михаил Степанович Завойко (1879–1920) был расстрелян в январе; министр исповеданий Временного правительства Антон Владимирович Карташев (1875–1960) в 1919 г. находился в Финляндии и умер в эмиграции во Франции; контр-адмирал Александр Владимирович Развозов (1879–1920) умер в тюрьме во время операции по поводу аппендицита; вице-адмирал Михаил Коронатович Бахирев (1868–1920) был расстрелян в январе. Полковник Владимир Яльмарович Люндеквист (1884–1920)

¹⁹ Подробнее см.: Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже Революции. Л., 1987. С. 317; Тактический центр. Документы и материалы / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2012. С. 729. Отметим, что деятель ВНЦ М. В. Бернацкий в то время ведал финансами А. И. Деникина.

²⁰ Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда... С. 371–372.

²¹ Измозик В. С. И. Р. Кюрц: царский разведчик, белогвардейский заговорщик, агент ОГПУ // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения «Гороховая-2». СПб., 2016. Вып. XIV. С. 229–239.

²² Dukes P. Red Dusk and the Morrow: Adventures and Investigations in Red Russia. Garden City, N. Y., Toronto, 1922. P. 67.

²³ Измозик В. С. Петроградская боевая организация (ПБО) — чекистский миф или реальность? // Исторические чтения на Лубянке: Избранное. 1997–2007 / Под ред. А. А. Здановича и др. М., 2008. С. 140–149.

²⁴ Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда... С. 372.

также был расстрелян в январе, он рассказывал следователям о том, что был независим от Н. Н. Юденича, который видел в должности военного министра либо своего заместителя А. П. Родзянко, либо полковника А. П. Ливена²⁵. Конфликт Юденича и Родзянко²⁶, а также тяжелое состояние здоровья Ливена в это время²⁷ свидетельствуют о том, что пост министра скорее достался бы Люндеквисту. Член политического совещания при Юдениче Карташев пользовался личным доверием генерала, поэтому появление его фамилии в списке выглядит закономерно. Расстрелянные Бахирев и Завойко, а также Развозов были рекомендованы контр-адмиралом Владимиром Константиновичем Пилкиным, которому Юденич после взятия Петрограда предполагал вверить Балтийский флот.

Когда было решено наступление ген[ерала] Юденича на Петербург, я уведомил Бахирева, что главком, вполне ему доверяя, заранее утверждает его распоряжения, и все обещания, которые ему в зависимости от обстановки придется давать, будут исполнены по взятии Петербурга. По имеющимся сведениям, курьеру удалось доставить указанное сообщение²⁸, — вспоминал об этом В. К. Пилкин в эмиграции.

Вообще роль морского офицерства в предполагаемом правительстве должна была быть значительной. Здесь сказывалось доверие Н. Н. Юденича к В. К. Пилкину. При этом белогвардейцы искренне тревожились за дальнейшую судьбу флота, учитывая нежелание британских союзников видеть российский Балтийский флот сильным²⁹. Сохранение боеспособного Балтийского флота должно было стать одной из важных задач будущего правительства.

Возвращаясь к списку кандидатур в министры, отметим, что фамилии Вебера и Воронцова, по-видимому, оказались в списке относительно

²⁵ Кутузов В. А., Лепетухин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда... С. 372.

²⁶ О конфликте см. мемуары Родзянко: *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1920 [на обложке указан 1921].

²⁷ *Бережанский Н. Г.* П. Бермондт в Прибалтике в 1919 году: Из записок бывшего редактора // *Историк и современник*. Т. 1. Берлин, 1922. С. 5–87.

²⁸ *Пилкин В. К.* Два адмирала // Пилкин В. К. В белой борьбе на Северо-Западе. Дневник: 1918–1920. М., 2005. С. 496–497. Более логичным кажется назначение вице-адмирала Бахирева министром, а контр-адмирала Развозова его товарищем.

²⁹ «Кован [командующий союзной эскадрой на Балтике] (а, может быть, и Англия) поддерживают идею расчленения России <...> уничтожение нашего флота, конечно, и кто знает, чем черт не шутит, может быть даже передачу Кронштадта Эстонии», — писал 25 октября 1919 г. по этому поводу в своем дневнике В. К. Пилкин. (*Пилкин В. К.* В белой борьбе на Северо-Западе. Дневник: 1918–1920. М., 2005. С. 199).

случайно. Единственной фигурой, связанной с А. Н. Быковым, а не с белым генералитетом или Кюрцем, представляется инженер, музыкант и поэт М. Д. Альбрехт³⁰.

Почему же в качестве «главы правительства» ещё осенью был расстрелян А. Н. Быков? О его знакомстве с Н. Н. Юденичем или В. К. Пилкиным точных сведений у нас нет, нет сведений и о его взаимоотношениях с И. Р. Кюрцем. Возможно, профессор Быков, ратовавший за рациональное законодательство по охране труда рабочих, был не слишком интересен петроградским чекистам, в отличие от агента «охранки» Кюрца. Кадета Быкова можно было объявить главой белогвардейского «правительства» и спешно расстрелять. Но при этом интересно отметить, что именно специалист по охране труда намечался во главе петроградского правительства, учитывая непокорный характер петроградского пролетариата³¹.

В качестве послесловия отметим, что дочь А. Н. Быкова Татьяна, заведующая канцелярией историко-филологического факультета III Петроградского государственного университета, в декабре 1919 г. сменила место работы и стала библиотекарем студенческой библиотеки Горного института. С 1930 г. она работала в Публичной библиотеке, принимала самое деятельное участие в эвакуации книг в годы Великой Отечественной войны, в 1948 г. стала заведующей отделом редких книг. После увольнения на пенсию в 1973 г. продолжала работать на общественных началах вплоть до своей кончины в 1975 г. Её имя внесено в книгу почёта Публичной библиотеки³².

Список литературы

Бережанский Н. Г. П. Бермондт в Прибалтике в 1919 году: Из записок бывшего редактора // *Историк и современник*. Т. 1. Берлин, 1922. С. 5–87.

Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. 282 с.

Горн В. Л. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. 416 с.

Измозик В. С. И. Р. Кюрц: царский разведчик, белогвардейский заговорщик, агент ОГПУ // *Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения «Гореховая-2»*. СПб., 2016. Вып. XIV. С. 229–239.

³⁰ *Мищенко-Атэ [Альбрехт] М. Д.* День испытания: Драматургия, ритмическая проза, поэтические опыты / Под ред. М. фон Альбрехта, Е. Федоровой. М., 2009.

³¹ Наибольшее количество забастовок в РСФСР в 1919 г. наблюдалось именно в Петрограде (Подробнее см.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929: Экономические конфликты и политический протест: Сборник документов / Под ред. Е. И. Макарова, С. Н. Потолова, У.-Г. Розенберга, В. Ю. Черняева. СПб., 2000. С. 14, 175–198.

³² Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биографический словарь: Электронная версия. Сайт РНБ. http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=15 Состояние на 05.11.2019

- Измозик В. С. Петроградская боевая организация (ПБО) — чекистский миф или реальность? // Исторические чтения на Лубянке: Избранное. 1997–2007 / Под ред. А. А. Здановича и др. М., 2008. С. 140–149.
- Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. 454 с.
- Мажара П. Ю. Крайне правые политические силы в Белом движении на Северо-Западе России (1918–1920) // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / Отв. ред. М. А. Воскресенская, А. С. Крымская, Е. В. Петров. М., 2017. С. 405–419.
- Маргулис М. С. Год интервенции. В 3-х кн. Книга 3. Берлин, 1923. 320 с.
- Мищенко-Атэ [Альбрехт] М. Д. День испытания: Драматургия, ритмическая проза, поэтические опыты / Под ред. М. фон Альбрехта, Е. Федоровой. М., 2009. 255 с.
- Павлов Ф. П. [Быков А. Н.] Германское страхование и другие способы обеспечения рабочих. Ростов-на-Дону, [1905]. 105 с.
- Павлов Ф. П. [Быков А. Н.] За десять лет практики (отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений из фабричной жизни). М., 1901. 174 с.
- Пилкин В. К. В белой борьбе на Северо-Западе. Дневник: 1918–1920. М., 2005. С. 481–497.
- Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1920 [на обложке указан 1921]. 168 с.
- Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.) СПб., 1999. 440 с. Тактический центр. Документы и материалы / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2012. 758 с.
- Тимохина Д. А. Санкт-Петербургская организация конституционно-демократической партии в 1905–1917 гг. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. 314 с.
- Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2 т. Т. 2. М., 2007. 672 с.
- Чуваков В. Н. Незабываемые могилы: Российское Зарубежье: Некрологи 1917–1997 в 6 т. Т. 1. М., 1999. 659 с. Т. 2. М., 1999. 648 с.
- Dukes P. Red Dusk and the Morrow: Adventures and Investigations in Red Russia. N. Y., Toronto, 1922. 365 p.
- Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биографический словарь: Режим доступа: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=15 (дата обращения 05.11.2019)

Petr Yurievich MAZHARA

Ph. D. in History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Chief Expert (*glavnii spetsialist*), Russian State Naval Archives (St. Petersburg, Russia)

E-mail: pmazhara@mail.ru

Professor Alexander N. Bykov and his “government”: Considering political alternatives for Petrograd in 1919

The article is dedicated to a complex problem of historical alternatives for Petrograd during the offense of White North-Western army in 1919. The article is focused on political plans of the White command, which included the organization of the new government with professor of the Technological institute Alexander N. Bykov at the head of it. Bykov was a prominent figure in Constitutional Democratic Party specializing in the sphere of legislation of labor protection. The author analyzes the personalities of the candidates to the government and tries to find the reasons why those people were chosen.

Keywords: administration, Alexander N. Bykov, White movement in the North West of Russia, Petrograd, historical alternatives.

УДК 94 (438).081

ББК 63.3 (4Пол)

Владзимеж НОВАК

доктор гуманитарных наук, адъюнкт отдела истории безопасности в Институте наук о безопасности, отделение общественных наук, Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце (Седльце, Польша)

E-mail: wlodzimierz.nowak@vp.pl

БОИ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ГЕНЕРАЛА Э. РЫДЗ-СМИГЛОГО С 1-Й КОННОЙ АРМИЕЙ С. М. БУДЕННОГО ПОД БЕРЕСТЕЧКОМ И БРОДАМИ (29 ИЮЛЯ — 4 АВГУСТА 1920 Г.)

Бои под Бродами следует отнести к числу самых ожесточенных сражений польско-советской кампании 1920 г., в ходе которой обе стороны понесли значительные потери. 1-я Конная армия после Бродов на несколько дней утратила боеспособность и была направлена в район Козина на восстановление. Из-за разногласий среди командования Красной армии С. М. Буденный вместо того, чтобы поспешить под Варшаву на помощь войскам М. Н. Тухачевского, безуспешно штурмовал Львов и Замосць. 31 июля 1920 г. советская конница была разбита польской 1-й кавалерийской дивизией полковника Ю. Руммеля.

Ключевые слова: Войско Польское, Красная армия, Советско-польская война, 1-я Конная армия, Украинский фронт, Украина, С. М. Буденный, Э. Рыдз-Смиглый, кавалерия.

Вступление

Двукратный прорыв польского фронта конницей С. М. Буденного под Самгородком–Озерной и на линии реки Случь в июне 1920 г. вынудил Главное командование Войска Польского (ГКВП) изменить отношение к использованию конницы. Речь шла об организации эффективных боевых действий на просторах Украины во время польско-советской кампании 1920 г. В связи с этим было сформировано кавалерийское соединение, которому предстояло усилить вновь сформированную польскую 2-ю армию генерала Казимежа Рашевского в боях против советской конницы. Решение об этом было принято 2 июля 1920 г. по инициативе ГКВП и одобрено Советом обороны государства, положив начало формированию Оперативной кавалерийской группы (ОКГ)¹.

¹ Centralne Archiwum Wojskowe (далее — CAW). I.301.7.122. Приказ ГКВП N 7710/L.20 от 2 июля 1920 г.; Bitwa lwowska 25 VII–18 X 1920. Dokumenty operacyjne. Cz. I

Командование этим соединением было поручено генералу Яну Савицкому, а обязанности начальника штаба — подполковнику Мариану Пшевлочкому. Должности командиров отдельных соединений получили: 1-й кавалерийской дивизии — полковник Юлиуш Руммель, 2-й кавалерийской дивизии — полковник Мариан Окша-Ожеховский, 4-й кавалерийской бригады — полковник Густав Орлич-Дрешер. Состав кавалерийских полков, предназначенных для ОКГ, несколько раз менялся до того, как группа генерала Савицкого вступила в бой против 1-й Конной армии². В качестве места срочной реорганизации польской конницы были назначены Замосць и Грубешов. Туда направили штаб кавалерийской дивизии, командиров всех полков, эскадронов и даже начальников подразделений. Из внутренних районов Польши туда выдвигались резервные «маршевые эскадроны»³. Для усиления польских войск ГКВП также приняло решение перебросить с севера в район Здолбунова 1-ю кавалерийскую бригаду.

Опыт боевых действий на Украине показал ГКВП, что здесь самым опасным противником польских войск являлась 1-я Конная армия. Исходившую от нее опасность не следовало недооценивать. На этом направлении маршал Юзеф Пилсудский развернул новую 2-ю армию, которой предстояло вынести на себе тяжесть боев против конницы Буденного⁴.

Между тем командующий войсками советского Юго-Западного фронта А. И. Егоров 23 июля 1920 г. издал директиву, в которой содержались важные распоряжения⁵. Они имели, как выяснилось позже, оперативно-стратегическое значение, поскольку повлияли на судьбу Польско-советской войны на волыньско-подольском театре военных действий. Директива Егорова определила новые направления наступления. 12-я армия должна была, «выставив заслон в сторону Бреста, развивать главный удар самым решительным образом в общем направлении Холм — Красник — Аннополь» и занять «переправы через Вислу и Сан в районе Аннополя и Низко 15 августа». 1-й Конной армии предписывалось «стремительным рейдом главной массы конницы овладеть не позднее 29 июля районом Львов — Рава-Русская, выбросив передовые

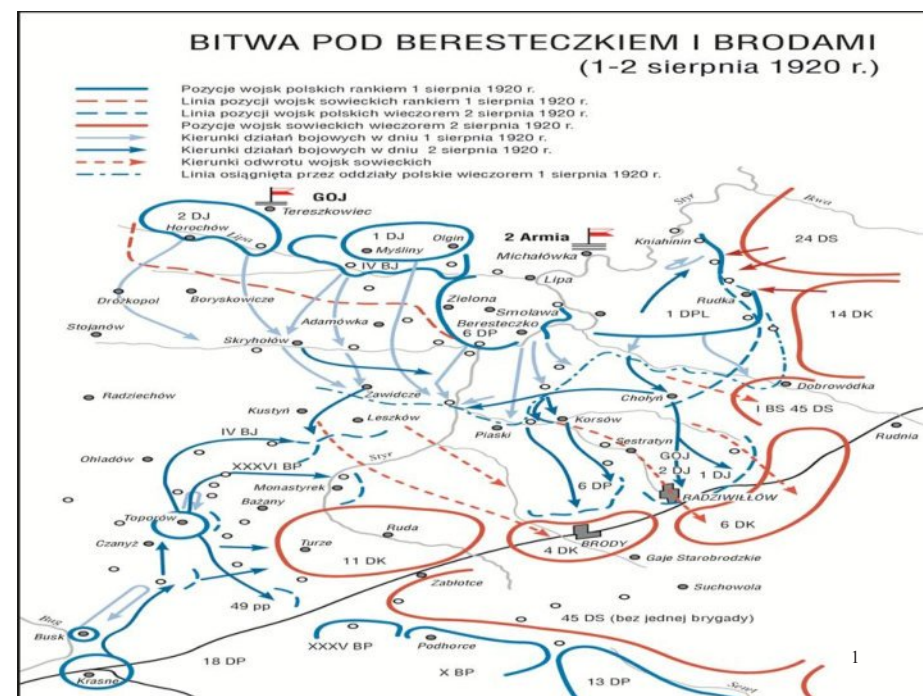
(25 VII–5 VIII). Red. M. Tarczyński. Warszawa, 2002. S. 41.

² Подробнее об этом: J. Grobicki. Organizacja taktyczna polskiej kawalerii strategicznej w latach 1914–1920 // Przegląd kawaleryjski. 1934. T. 9. N 10 (108). S. 371–372 (grafikon I).

³ SAW. I.311.4.80. Приказ I отдела ГКВП о формировании маршевых эскадронов от 26 июня 1920 г.

⁴ Подробнее об этом см.: L. Wyszczelski. Kampania ukraińska 1920 roku. Warszawa, 2009; он же. Kijów 1920. Warszawa, 1999..

⁵ Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками. 1920 г. М., 1925. С. 236.

Ил. 1. Сражение под Берестечком и Бродами 1–2 августа 1920 г. Легенда:

- Позиции польских войск утром 1 августа 1920 г.
- Позиции советских войск утром 1 августа 1920 г.
- Позиции польских войск вечером 2 августа 1920 г.
- Позиции советских войск вечером 2 августа 1920 г.
- Направления боевых действий 1 августа 1920 г.
- Направления боевых действий 2 августа 1920 г.
- Направления отступления советских войск
- Линия, на которую вышли польские войска вечером 1 августа 1920 г.

части для захвата переправ через Сан в районе Синява — Перемышль»⁶. На 14-ю армию возлагалась задача «сломить сопротивление противника на линии реки Збруч и силами ударной своей группы решительно наступать в общем направлении Тарнополь — Перемышляны — Городок»⁷.

⁶ Bitwa lwowska... S. 162.

⁷ Директива Егорова армиям фронта № 613/сек 4111/оп «О задачах в наступлении на львовском направлении». См.: Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922). Т. 3. М., 1974. С. 227. Приказ начштаба войск Юго-Западного фронта № 23 от 24 июля 1920 г. о направлении главных сил 1-й Конной армии на Львов.

Директива от 23 июля означала отказ от положений предыдущей директивы от 11 июля 1920 г., предусматривавшей участие 12-й армии и конницы Буденного в сражении за Варшаву. Таким образом, изменение направления действий войск советского Юго-Западного фронта вело к наступлению по расходящимся линиям: армии Западного фронта должны были наступать на северо-запад, а войска Юго-Западного фронта — на юго-запад. Командование войск, действовавших в южной части театра военных действий, не осознавало угроз, которые могли возникнуть из-за того, что в центре фронта образовался обширный разрыв⁸.

Маршал Пилсудский, планируя противодействие советским войскам, определил свои главные стратегические идеи так:

<...> Северный фронт выигрывает время, <пока> в глубине страны <идет> энергичная подготовка резервов, <чтобы> покончить с Буденным и привлечь с юга крупные силы для контрнаступления, которое я планировал из района Бреста. <...> Я надеялся, что многочисленные войска в Полесье <...> смогут удержать район Бреста и таким образом прикрыть концентрацию войск на юге для мощного удара. Но необходимым условием для этой концентрации было лишение противника сильного козыря в виде конницы Буденного. <...> Конница Буденного являлась движущей силой южной группировки противника, и я не сомневался, что если удастся избавиться от нее или, по крайней мере, значительно ослабить, то мне не составит труда высвободить крупные силы с юга, чтобы сконцентрировать их в районе между Ковелем и Брестом и вместе с почти не пострадавшей в боях Полесской группой использовать для контрнаступления в северном направлении⁹.

Существенную роль для дальнейшего развития ситуации в волинско-подольском районе сыграло окружение польской 18-й пехотной дивизии главными силами Буденного в районе Бродов и отступление группы генерала Мечислава Линде за реки Липу и Стырь. Важным событием стало также то, что польская разведка перехватила содержание директивы Егорова от 23 июля 1920 г. Учитывая эти обстоятельства, командующий польского Юго-Восточного фронта генерал Эдвард Рызд-Смиглый в ночь с 24 на 25 июля отдал приказ, в котором, в частности, говорилось:

Целью командования фронта является безусловное удержание линии Збруча, временный отвод фронта через Медоборы на Броды и энергичное наступление 2-й армии с целью отбросить Конную армию, подставляющую нам фланг и тылы¹⁰.

⁸ М. Wrzosek. *Wojny o granice Polski Odrodzonej 1918–1921*. Warszawa, 1992. S. 294.

⁹ J. Piłsudski. *Pisma zbiorowe*, Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. T. 7. Warszawa, 1937. S. 101–102.

¹⁰ САУ. I. 310.7. Оперативный приказ № L. dz. 19721/III от 24/25 июля 1920 г.

В это же время реорганизованная в районе Замостья 4-я кавалерийская бригада полковника Орлич-Дрешера уже находилась под Берестечком в распоряжении генерала Рашевского. Основная часть сил не смогла достичь 24 июля Берестечка и Смолявы и не оказала помощь группе генерала Линде. Сюда подоспел только 8-й уланский полк, который в ночь с 23 на 24 июля объединился в Холонове со сводным эскадром этого отряда, до сих пор остававшегося на Стыри. Объединенный отряд насчитывал 584 сабли при 8 пулеметах. Ранним утром вместе со взводом 4-го дивизиона конной артиллерии 8-й уланский полк выдвинулся в направлении Берестечка.

Бои под Берестечком

Командир 8-го уланского полка подполковник Хенрык Бжезовский выделил 5-й эскадрон в авангард, а 3-й эскадрон — во фланговое прикрытие, обеспечив таким образом выдвижение главных сил полка. В Диковинах патрули 3-го эскадрона обнаружили дивизион советской конницы. Поручик Ежи Сосновский разделил свое подразделение на две группы и фланговой атакой овладел деревней, захватив, среди прочего, канцелярию, полевую кухню, а также пленных, в том числе полковой оркестр. 5-й эскадрон в фольварке Наренчин наткнулся на противника, который открыл сильный огонь. Подполковник Бжезовский, введя в действие основные силы, в том числе взвод конной артиллерии, вынудил большевиков отступить в направлении Берестечка и далее за Стырь на Редков и Остров. Вскоре 1-й и 3-й эскадроны овладели Берестечком, а остальные эскадроны заняли окрестные деревни¹¹.

Ночью командование 4-й кавалерийской бригады получило приказ как можно скорее перейти в наступление на противника, находящегося между 3-й и 18-й пехотными дивизиями, и установить связь с 6-й армией. Общее направление атаки — Броды. После установления тактической связи с силами 6-й армии генерал Рызд-Смиглый приказал использовать 4-ю кавалерийскую бригаду на северном крыле 6-й армии для продолжения борьбы с Конной армией и поддержания боевой связи с 2-й армией¹².

¹¹ K. Krzeczunowicz. *Ostatnia kampania konna. Działania jazdy polskiej przeciw Armii Konnej Budiennego w 1920 roku*. Londyn, 1971. S. 159–166; *On же*. *Ułani księcia Józefa*. *Historia 8 Pułku Ułanów* ks. Józefa Poniatowskiego 1784–1945. Londyn, 1960. S. 146–147; T. Śmigielski. *Zarys historii wojennej 8-go Pułku Ułanów* ks. Józefa Poniatowskiego. Warszawa, 1929. S. 23–24.

¹² F. A. Arciszewski. *Studja taktyczne z historii wojen polskich 1918–21*. T. 2: Ostróg — Dubno — Brody. *Walki 18 Dywizji Piechoty z konną armją Budiennego* (1 lipca — 6 sierpnia 1920). Warszawa, 1923. S. 149 (схема 15).

25 июля 1-й легкоконный полк из состава 4-й кавбригады получил новый приказ — занять село Смержов. Полк, двигаясь колонной с 1-м эскадром в авангарде, был обстрелян артиллерией противника и вынужден развернуть стрелковые цепи. На правый фланг командир полка направил 4-й и 3-й эскадроны, которые заняли Смержов. Они закрепились в старых окопах к югу от села. Ночью противник занял Щуровичи и стал оказывать сильное давление, переходя в контратаки¹³.

На следующий день около полудня 1-й легкоконный полк был смещен 16-м уланским и двинулся к Смержову, а затем в направлении Завидче. В этом селе противник располагал гарнизоном силой около 3 эскадронов. Большевицкая кавалерия чувствовала себя уверенно и трижды атаковала полуэскадрон подпоручика Зигмунда Соколовского, который не отступил, но получил тяжелые ранения. Из отданных приказов следует, что 1-й легкоконный полк должен был взаимодействовать с 16-й уланским полком и занять Щуровичи. Выполняя эти приказы, уланы 16-го полка спешили и заняли оборонительные позиции. Майор Людвик Кмициц-Скшиньский, который командовал 16-м полком, для действий в конном строю оставил только 1-й эскадрон поручика Яна Шлэнского, который утром успешно атаковал под Завидче сотню большевиков, захватив пулемет на тачанке и знамя 36-го кавалерийского полка¹⁴. Около 15.00 большевики силой около бригады 6-й кавалерийской дивизии при поддержке огня артиллерии и пулеметов обрушили мощные атаки на позиции 16-го уланского полка¹⁵. Атаки советской конницы были с трудом отбиты великопольскими уланами, противник оставил в предполье много убитых и раненых¹⁶.

В то время, когда 16-й уланский полк вел упорный бой с превосходящими силами противника, 1-й легкоконный полк ввиду того, что участок дороги между Смержовым и Завидче находился под огнем, обошел под прикрытием холмов позиции противника. Когда эскадроны полка отошли примерно на 3 км от Смержова, ротмистр Глоговский получил приказ полковника Орлич-Дрешера вернуться и силами 1-го и части

3-го эскадронов 1-го легкоконного полка атаковать село. Энергичная и решительная контратака шеволежеров¹⁷ заставила отступить более сильную конницу противника¹⁸.

Используя этот успех, командующий 4-й бригады полковник Орлич-Дрешер продолжил наступление на Щуровичи¹⁹. 16-й уланский полк наступал с севера, 1-й легкоконный полк — с запада, 2-й легкоконный — с юга, а 8-й уланский полк остался в резерве, одновременно обеспечивая операцию с тыла. Противник пытался оказывать сопротивление, ведя сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Сосредоточенная атака польской конницы заставила советскую кавалерию отступить за Стырь. На мосту под Щуровичами энергично и отчаянно действовал 2-й эскадрон 2-го легкоконного полка, который молниеносно переправился на восточный берег реки, заняв плацдарм, а конные части заняли Щуровичи.

27 июля полки бригады заняли участок от Мервы до Станиславчика в таком порядке: 1-й эскадрон 8-го уланского полка — от Мервы до Стремилече, 16-й уланский полк — от Смержова до Щуровичей, 2-й легкоконный — от Ляшкова (совр. Березовка) до Грицевели, основные силы 8-го уланского полка — от Станиславчика до Монастырька, 1-й легкоконный полк — в резерве командира бригады в Завидче²⁰. Требовалось обеспечить переправы через Стырь и, прежде всего, плацдармы на восточном берегу реки в Щуровичах и Бродском Монастырьке.

Утром следующего дня основные силы Буденного предприняли наступление на участке 4-й кавалерийской бригады. В Станиславчике в 9.00 противник подтянул к плацдарму 4 пушки с пулеметами и, ведя прицельный огонь, заставил 2-й эскадрон 8-го уланского полка оставить Бродский Монастырек. Используя этот успех, большевики начали обходить эскадроны 8-го уланского полка.

Подполковник Бжезовский приказал отступить на западный берег реки и занять там огневые позиции за песчаными дюнами. Его полк сдерживал атаки большевицкой конницы, пытающейся форсировать

¹³ *J. Karcz i W. Kryński. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów Józefa Piłsudskiego. Warszawa, 1931. S. 72.*

¹⁴ *K. Krzecunowicz. Ostatnia kampania konna... S. 167–168; K. Kosiarski. Zarys historii wojennej 16-go pułku ułanów. Warszawa, 1929. S. 11.*

¹⁵ «Ротмистр Глоговский, который находился при начальнике бригады, стал свидетелем масштабной советской атаки силой не менее бригады на стрелковую цепь 16-го уланского полка. Эта бригада стремительно пролетела сквозь цепь 16-го уланского полка и ворвалась в село Смержов, заняв его центральную и восточную части». См.: *J. Karcz i W. Kryński. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów... S. 72.*

¹⁶ *T. Machalski. Ostatnia epopeja. Działania kawalerii w 1920 roku. Londyn, 1969. S. 120; K. Kosiarski. Zarys historii wojennej 16-go pułku ułanów... S. 11.*

¹⁷ В 1919–1939 гг. три полка кавалерии, где служили офицеры из легионов Пилсудского, носили престижное название легкоконных. Они продолжали традиции шеволежеров — легкоконных полков княжества Варшавского наполеоновской эпохи. — *Прим. ред.*

¹⁸ *J. Karcz i W. Kryński. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów... S. 72–73.*

¹⁹ 26 июля во второй половине по приказу генерала Рашевского 7-й пехотный полк сменил 8-й уланский и 2-й легкоконный полки, которые ранее занимали участок по реке Стырь между Берестечком и Гумнищами. Таким образом, перед наступлением на Щуровичи бригада полковника Орлич-Дрешера была в полном составе. *K. Raszewski. Wspomnienia z własnych przeżyć do końca roku 1920. Poznań, s. a. S. 269.*

²⁰ *T. Machalski. Ostatnia epopeja... S. 120; K. Krzecunowicz. Ostatnia kampania konna... S. 168–169.*

Стырь. Артиллерия противника, ведя прицельный огонь, нанесла, однако, отряду Бжезовского большие потери. Оказавшиеся в сложном положении поляки получили помощь от улан князя Юзефа Понятовского (8-го уланского полка). Это был дивизион 2-го легкоконного полка ротмистра Рудольфа Руппа, который прикрывал эскадроны со стороны Мазярни. Около 17.00 в связи с тем, что советская кавалерия форсировала реку в Бродском Монастырьке, командир полка приказал отступить через Завидче и Ляшков на Николаев²¹.

Около полудня артиллерия Буденного открыла сильный огонь по позициям 16-го уланского полка в Щуровичах. Около 16.00 огонь усилился, причинив значительные потери подразделению майора Кмициц-Скшиньского. На помощь великопольским уланам поспешил 4-й эскадрон 1-го легкоконного полка, а эскадрон поручика Шлёнского огнем пулеметов сдерживал все попытки большевистской конницы перейти мост²². С наступлением темноты артиллерийский огонь прекратился, и полк, утомленный непрерывным боем, был сменен 1-м легкоконным, оставшимся до тех пор в резерве командира бригады²³.

Сменив 16-й уланский, 1-й легкоконный полк на следующий день около полудня подвергся сильной атаке в Завидче, одновременно его фланг был охвачен сильной большевистской конницей со стороны Батыева и Брандисовки. Командир полка развернул два эскадрона (1-й и 3-й) с частью пулеметов на огневых позициях на холме к северу от Завидче, а остальные силы оставил в селе, где они вели упорный бой. В то время когда технический эскадрон под натиском большевистской конницы оставил Завидче, а остальные силы противника, используя обходные пути, пытались отрезать шеволежерам путь отхода на Николаев, на помощь 1-му полку подошли 2-й легкоконный и 8-й уланский полки. 2-й легкоконный полк сосредоточился к западу около Брандисовки, а 8-й уланский — примерно в 1 км к северу от Завидче.

После ввода 8-го полка в бой положение 4-й бригады представлялось так: в центре действовал 16-й уланский полк, на его левом фланге под Смержовом — 2-й и 4-й эскадроны 1-го легкоконного полка, на пра-

вом — его 1-й и 3-й эскадроны. Затем, когда большевистская кавалерия от Завидче двинулась в атаку, командир 1-го легкоконного полка направил в контрнаступление дивизион (1-й и 3-й эскадроны) и 3-й эскадрон 8-го уланского полка, что позволило отбросить противника к югу²⁴. Советская конница предприняла, однако, обходной маневр, вынудив 1-й легкоконный полк отступить на исходные позиции.

Командир 8-го уланского полка контролировал ход событий и бросил против советской кавалерии сначала 5-й, а затем 2-й эскадрон. Когда это не дало результатов, он направил в бой одновременно 2-й, 3-й и 5-й эскадроны под командованием майора Карла Руммеля, брата командира 1-й кавалерийской дивизии. Большевики не выдержали польской атаки. Их начали преследовать, но внезапно с запада появилась сильная колонна кавалерии, которую польские командиры поначалу приняли за своих. Оказалось, однако, что это были свежие силы противника. В связи с этим возникло было замешательство, но энергичный подпоручик Станислав Старчевский сквозь расстроенные эскадроны доставил командирам подразделений приказы подполковника Бжезовского о необходимости 2-му и 1-му легкоконным полкам отступить²⁵.

²⁴ J. Karcz i W. Kryński. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów... S. 73–74; T. Śmigieński. Zarys historii wojennej 8-go Pułku Ułanów... S. 25; K. Krzeczunowicz. Ułani księcia Józefa... S. 149.

²⁵ Оказалось, что возникли дисциплинарные проблемы с солдатами резерва, ранее служившими в бывшей австрийской армии. Об этой проблеме пишет ротмистр Кшечунович: «В обозе ходили слухи, что во 2-м легкоконном полку, состоявшем в то время в основном из австрийских резервистов, в одном из эскадронов был случай отказа идти в атаку. В других эскадронах также были подобные настроения, и командир полка, чтобы не допустить бунта, предпочел в порядке оставить поле боя. Вслед за 2-м отступил также и 1-й легкоконный полк, оказавшийся с двух сторон под ударом. Ни один из них не счел нужным сообщить об этом в соседний 8-й уланский полк, который в результате был окружен неприятелем (2-й, 3-й и 5-й эскадроны) и с трудом пробился к своим». См. *Он же*. Ułani księcia Józefa... S. 150. По прошествии 10 лет Кшечунович уточнил свой рассказ: «Пассивность 2-го легкоконного полка с полудня 29 июля и позиция, занятая командиром бригады, требуют комментария. <...> Во 2-м легкоконном полку был не “бунт эскадрона”, а только одного взвода. Его командир, подпоручик Хенрик Добжаньский, не умел обращаться с людьми. Настроение резервистов в полку ухудшилось после четырех дней непрерывных кровавых боев (с 26 до полудня 29 июля), и ротмистр Рупп решил не рисковать “перетянуть струну” без доклада кому-либо о своих внутренних проблемах — что жестоко на нас отразилось. Полковник Бжезовский поступил по-честному — и получил неприятности. <...> В журнале 8-го полка неправильно отмечено, что 1-й легкоконный полк оставил поле боя, не уведомив нас. Я видел, как майор Глоговский разговаривал с полковником Бжезовским и считаю, что тогда он докладывал, что отходит с одним дивизионом на Смержов, а другой оставляет напротив Завидче (1-й и 2-й эскадроны ротмистра Рудольфа Дрешера). Этот дивизион был справа от нас, в долине, и мы его не видели.

²¹ K. Krzeczunowicz. Ostatnia kampania konna... S. 170–173; *Он же*. Ułani księcia Józefa... S. 148–149; T. Śmigieński. Zarys historii wojennej 8-go Pułku Ułanów... S. 24–25.

²² К. Косярский в «Очерке военной истории 16-го уланского полка» на стр. 11–12 указывает, что вечером 28 июля все попытки противника перейти мост были отражены эскадронами поручика Шлёнского, тогда как Т. Махальский пишет: «Противник вновь овладел переправой под Щуровичами». См.: T. Machalski. Ostatnia epopeja... S. 120; K. Krzeczunowicz. Ostatnia kampania konna... S. 175.

²³ K. Kosiarski. Zarys historii wojennej 16-go pułku ułanów... S. 11–12; J. Karcz i W. Kryński. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów... S. 73.

В связи с этим и вследствие усиленных атак противника, направленных в тыл 8-го уланского полка, подполковник Бжезовский приказал отвести эскадроны 8-го полка на Миколаев. Они отступали, ведя тяжелые бои, под огнем артиллерии и пулеметов с двух сторон. Несмотря на большие потери, они прорвались сквозь кольцо большевистской кавалерии. Ее остановили 1-й и 4-й эскадроны перед мостом на Сидоловке²⁶.

Учитывая то, что силы 4-й кавалерийской бригады прибыли в район Берестечка днем позже, ее боевые усилия 24–29 июля следует оценить положительно. Уже во второй половине дня 24 июля 8-й уланский полк, действуя в авангарде бригады, занял Берестечко и вытеснил противника на правый берег Стыри²⁷. Затем части бригады заняли участок Стыри от Мервы до Станиславчика, взяв под контроль переправы через реку, что обеспечило ОКГ возможность наступать на Броды. Спротивление польских полков заставило Буденного привлечь крупные силы, но это облегчило концентрацию ударной группы 2-й армии в районе к северу от Берестечка²⁸. Несмотря на потери, полки 4-й конной бригады не дали себя уничтожить, а организовано, следуя правилам военного искусства, отступили на рубеж рек Сидоловки и Безымянной. Подвела плохая координация боевого взаимодействия на уровне бригады. Поэтому командиры, практически предоставленные сами себе, не раз были вынуждены самостоятельно принимать решения и отдавать приказы, что помешало победить противника, имевшего численное превосходство. Так проходил, среди прочих, бой под Завидче, где в первую очередь подвело плохое командование полковника Орлич-Дрешера, который мало интересовался подчиненными ему частями и отсутствовал на поле боя²⁹.

В то время когда 4-я кавалерийская бригада вела тяжелые бои с частями советской 6-й кавалерийской дивизии в районе Смержова, Завидче

Он атаковал одновременно с нами, но по долине, занял село Завидче и был там, как и три наши эскадрона наверху, окружен. Как и 8-й уланский полк, 1-й легкоконный пробивался из окружения. Командир 1-го эскадрона шеволежеров поручик Юлиуш Дудзиньский записал важные подробности, как с тыла подошел какой-то полк в темных длинных шинелях. Шеволежеры решили, что это идет на помощь 8-й уланский полк, и только с близкого расстояния увидели, что это всадники в черкесах. Они едва успели в последний момент развернуться для атаки назад!». *Он же. Ostatnia kampania konna...* S. 349–350.

²⁶ *Он же. Ułani księcia Józefa...* S. 150.

²⁷ *T. Śmigieński. Zarys historii wojennej 8-go Pułku Ułanów...* S. 23–24.

²⁸ *P. Olstowski. General Gustaw Orlich-Dreszer (1889–1936). Dowódca wojskowy i działacz.* Toruń, 2002. S. 138.

²⁹ *K. Krzeczunowicz. Ułani księcia Józefa...* S. 150; «Мы уже 7 дней непрерывно сражаемся, а начальник бригады ни разу у нас не показался!». *Он же. Ostatnia kampania konna...* S. 177.

дче и Щуровичей, генерал Рыдз-Смиглый отдал очередной приказ подчиненным войскам, датированный 26 июля 1920 г.³⁰ В нем обстановка на фронте оценивалась так:

Силы Конной армии в составе четырех кавалерийских и 45-й стрелковой дивизий находятся в районе Берестечко — Броды и наступают в юго-западном направлении вдоль оси Броды — Красне и Берестечко — <...> Каменка-Струмилова, <...> стремясь овладеть железнодорожной линией Львов — Рава-Русская и переправами через Сан. После форсирования Збруча под Волочиском–Гусятином и Скалатом противник стремительно продвигается в западном направлении. Советская 25-я стрелковая дивизия при поддержке частей 58-й стрелковой дивизии продолжает атаки с целью форсирования <реки> Стырь в направлении на Брест-Литовск³¹.

Для непосредственного противодействия коннице Буденного ГКВП реорганизовало 2-ю армию. В состав этого соединения вошли

1-я <пехотная> дивизия легионов, 6-я пехотная дивизия, конная группа (1-я конная дивизия, 4-я конная бригада и 7-й уланский полк). Она должна была обеспечить линию Стыри от Боратина до Тарговицы, так что 1-я пехотная дивизия легионов предназначалась для занятия района Радомысль — Кальнятичи, 6-я пехотная дивизия — Боремель — Липа, а основные силы были направлены на Горохов. В задачи армии генерала К. Рашевского входил разгром конницы Буденного. Приказ устанавливал, что этого надо достичь, атакуя <...> в общем направлении на Радзивиллов — Броды, стараясь бить по флангам и тылам противника, прикрывая свой левый фланг слабыми отрядами конницы, сохраняя основную ее часть для решающего удара³².

В этой операции должны были участвовать 18-я пехотная дивизия и 10-я пехотная бригада из 6-й армии, которые, действуя из района Майдан — Подгорцы — Ожидов, должны были притянуть силы Буденного для защиты железнодорожной линии Красное — Золочев и установить тактическую связь с 4-й кавалерийской бригадой³³.

Длительный процесс реорганизации кавалерии заставил ГКВП отложить начало операции до 29 июля³⁴. Из соединений, которые вошли в состав 2-й армии, только 4-я кавалерийская бригада находилась в районе Берестечка и сражалась, согласно приказу, под Смержовом, Завидче,

³⁰ SAW. I. 310.7. Приказ командования Северо-Восточного фронта L. dz. 2021/III от 26 июля 1920 г.

³¹ Bitwa lwowska... S. 174.

³² Там же. S. 175; *F. A. Arciszewski. Studja taktyczne...* S. 151.

³³ Encyklopedia wojskowa. Red. O. Laskowski. T. 1. Warszawa, 1931. S. 266.

³⁴ Там же. S. 265.

Щуровицами. Главные силы ОКГ выдвигались на фронт³⁵, а 6-я пехотная дивизия находилась к северу от Берестечка в районе Боремель — Липа. Поэтому генерал Рашевский на основании распоряжений, полученных от генерала Рыдз-Смиглого, решил оставшиеся несколько дней (с 26 июля до 2 часов ночи 29 июля) использовать для перегруппировки подчиненных ему соединений. В связи с этим он отдал соответствующий приказ³⁶, согласно которому 1-я кавалерийская дивизия должна была занять район Мерва — Берестечко, 4-я кавалерийская бригада — Щуровицы — Леснев и двинуться на Коржову, местом дислокации штаба ОКГ было назначено Берестечко. 6-я пехотная дивизия с приданным 11-м уланским полком выдвигалась в район Боремель — Липа (штаб в Смыкове). 1-я пехотная дивизия легионов с приданным 7-м уланским полком по выделении на участок Тарговица — Боратин трех эскадронов с пулеметами и артиллерийской батареей должна была занять район Радомысль (штаб дивизии) — Кальнятичи — Бильче. Упомянутый участок Тарговица — Боратин должны были прикрывать 3-й батальон 3-го полка подгальских стрелков с пулеметным эскадроном 7-го уланского полка и две батареи артиллерии. 3-я пехотная дивизия легионов предназначалась в состав 3-й армии, «заняв ее правый фланг от Боратина»³⁷.

Генерал Рашевский по завершении сосредоточения войск в указанных районах намеревался силами ОКГ наступать двумя колоннами на Броды и Радзивиллов. Первой целью являлся разгром советской 6-й кавалерийской дивизии в районе Ляшков — Станиславчик — Руда-Бродская — Бордулаки. Следующая задача заключалась в очищении от противника района Каменка-Струмилова — Броды и дальнейшем его преследовании с целью установить связь с 18-й пехотной дивизией.

6-я пехотная дивизия с 11-м уланским полком должна была через Берестечко наступать на Броды и Радзивиллов, установить связь с 18-й пехотной дивизией или группой генерала Павла Шиманьского и совместно продвигаться на Дубно. 1-я пехотная дивизия легионов с 3-м уланским полком, двигаясь через Малеву на юг вдоль реки Пляшовки, должна была разбить 14-ю кавалерийскую дивизию (или другого встреченного противника) и достичь района Пляшова и Доброводки³⁸.

³⁵ САУ. I. 314.1.3. Приказом командования ОКГ Л. dz. 130/III 1-я конная дивизия должна была 27 июля выдвинуться в район Горохова. Оперативные документы командования 1-й кавдивизии. С. 40.

³⁶ САУ. I. 311.2. Оперативный приказ командования 2-й армии Л. dz. 4023/III от 26 июля 1920 г. в 12.00.

³⁷ Bitwa lwowska... S. 203–204.

³⁸ Там же. С. 204.

Бой под Бродами

Перегруппировка частей польской 2-й армии началась утром 27 июля и на следующий день «была в принципе завершена»³⁹. Генерал Рашевский 28 июля отдал приказ перейти в наступление⁴⁰. 1-й и 6-й полки легионов со 2-м дивизионом 1-го артиллерийского полка и 3-м уланским полком, прибывшие на автомобилях из Луцка в Радомышль, только в 8.00 29 июля начали форсировать Стырь⁴¹. Выяснилось, что один мост в Малеве сожжен дотла, а второй частично разобран и находится под огнем трех пулеметов. Однако батальон капитана Станислава Козицкого перешел реку вброд и ударил на Охматков и Перекалье. Около 16.30 поляки навели временный мост, используя сваи сожженного. В 17.00 продолжалась переправа по временному мосту, а вскоре также по основному мосту, и противник под огнем пулеметов был вынужден оставить Малеву. В 21.00 29 июля был занят Княгинин⁴², а советская 14-я кавалерийская дивизия была отброшена на восточный берег Стыри⁴³.

Так как полки конницы и дивизионы конной артиллерии, входившие в состав сил полковника Руммеля, были утомлены форсированным маршем из района Замостья и достигли полной боевой готовности лишь утром 29 июля, 1-я кавалерийская дивизия смогла перейти в наступление только около полудня⁴⁴. Полковник Руммель, ознакомившись с распоряжениями своего начальника, отдал оперативные приказы № 5 и 6⁴⁵. Они предусматривали нанесение поражения советской 6-й кавдивизии, сосредоточенной в районе Редков–Грималовка–Берестечко. Эту задачу начальник 1-й кавдивизии намеревался реализовать в два этапа. Сна-

³⁹ K. Raszewski. Wspomnienia z własnych przeżyć... S. 272.

⁴⁰ САУ. I. 311.2. Оперативный приказ командования 2-й армии Л. dz. 4058/III от 28 июля 1920 г.; K. Raszewski. Wspomnienia z własnych przeżyć... S. 272–274; Bitwa lwowska... S. 364–365.

⁴¹ Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками. С. 237.

⁴² A. Borkiewicz. Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legionów (1918–1920). Warszawa, 1929. S. 709–714; Мечислав Вжосек считает, что в этот момент началось сражение под Бродами: M. Wrzosek. Wojny o granice Polski Odrodzonej... S. 295.

⁴³ РГВА. Ф. 245 (управление 1-й Конной армии). Оп. 3. Д. 413 (оперативные сводки штабов 4-й, 11-й, 14-й кавдивизий и частей 1-й Конной армии, 20.05–17.09.1920 г.). Л. 281.

⁴⁴ W. Steblik. Bój 12. P. P. pod Leszniowem i Brodami w dniach 1. i 2. sierpnia 1920 roku // Przegląd piechoty. Т. 4. Z. 11. 1931. S. 43.

⁴⁵ САУ. I. 314.1.3. Оперативный приказ N 5 — Л. dz. 729/1 (1-я версия); Л. dz. 2807/9 (2-я версия) от 28 июля 1920 г. Dokumenty operacyjne dowództwa 1. Dywizji Jazdy (оригинальные документы трудночитаемы). S. 50; Bitwa lwowska... S. 369–371, 438–440. Оперативный приказ N 6 — Л. dz. 2907/10 от 29 июля 1920 г.

чала 3-й батальон 12-го пехотного полка, приданный 4-й кавбригаде, действовавшей вместе с 1-й дивизией, должен был форсировать Стырь и овладеть плацдармом в Берестечке. После переправы на восточный берег дивизия должна была наступать силами 6-й бригады в направлении Мытницы, а 3-й бригады — на Остров⁴⁶. На втором этапе наступления силы 1-й дивизии и 4-й бригады должны были совместно двигаться на Радзивилов — Броды⁴⁷.

В то время когда 3-му батальону 12-го пехотного полка удалось занять плацдарм в Берестечке, бой на восточном берегу начали полки 1-й кавалерийской дивизии за исключением 14-го уланского, который остался в резерве командира дивизии в фольварке Наренчин. Эскадроны атаковали в конном строю, а когда большевистские дозоры оказывали сопротивление, рассыпались в стрелковую цепь, чтобы выгнать из кустов подразделения противника⁴⁸. Днем в результате неверно понятого приказа 6-я кавбригада неожиданно вернулась в Берестечко. На мосту возникло замешательство, но энергичный полковник Руммель, оседлав своего Перуна, своевременно появился в Берестечке, навел порядок и сделал резкий выговор командирам конной батареи и конного полка, чьи части устроили беспорядок на мосту⁴⁹. Вечером началось запоздалое наступление на Мытницу, которую заняли уже в сумерках.

Ранее, около полудня, связной командира 14-го уланского полка сообщил полковнику Руммелю, что 4-я бригада оказалась в тяжелом положении. Полки Орлич-Дрешера столкнулись с советскими 4-й и 6-й кавалерийскими дивизиями, которые начали окружать польские войска. Это вынудило бригаду отступить за реку Сидоловку, а из резерва выдвинулся 14-й уланский полк, который усилил правый фланг соединения⁵⁰.

В целом наступление соединений 2-й армии 29 июля не привело к намеченным результатам⁵¹. Прежде всего, польские войска в установленный срок не достигли полной боевой готовности. Поэтому бой начался с опозданием и не был должным образом скоординирован. Отрицательное влияние на ход боевых действий оказало неверное решение

генерала Линде, который слишком долго ждал прибытия 1-й кавалерийской дивизии. Несмотря на это, 6-я пехотная дивизия в ходе тяжелого боя за плацдарм у Щуровичей причинила советским войскам значительные потери. 1-я кавдивизия, наступая из Берестечка на Мытницу и Остров, была остановлена бригадой советской 6-й кавдивизии⁵². Затем она была направлена вместе с 3-м батальоном 12-го пехотного полка на ночь в район Мытница–Королевка–Грималовка–Щуровичи. 4-я кавалерийская бригада, двигаясь из Щуровичей в направлении Мытница — Корсов, наткнулась под Лешневом на главные силы Буденного и отошла в район Мерва — Буркачи — Николаев — Скриговое⁵³.

Между тем Буденный на основании анализа прежних вооруженных действий в районе Берестечка понял, что имеет дело с сильной польской группировкой. Он усомнился в возможности занять Львов в назначенный срок и попросил перенести время наступления. Однако он не получил согласия Егорова, отдавшего очередной приказ. Егоров упрекнул Буденного в неуверенности, заявив, в частности:

Ваш ответ о невозможности выполнить к сроку задачу — занятие Львова — совершенно непонятен. Разгромив радзивиловскую группу противника, вы обязаны были преследовать ее неотступно. <...> Занятие Львова отношению на 30 июля⁵⁴.

Под давлением Егорова Буденный подчинил все действия своей армии цели овладеть Львовом, но не прекратил усилий по уничтожению польской 2-й армии, воспринимая это как первоочередную задачу. Для этого он намеревался силами 4-й кавдивизии овладеть 30 июля Гороховым, 6-й и 14-й дивизиями форсировать Буг и разрушить мост под Жовтанцами. Приданная 45-я стрелковая дивизия прикрывала главные силы Буденного с левого фланга, а 24-я стрелковая и 14-я кавалерийская дивизии — с правого⁵⁵.

Перегруппировка 1-й Конной армии на львовское направление привела к разделению ее сил на две группировки. В составе первой были 6-я и 14-я кавалерийские и 47-я стрелковая дивизии, а вторая группировка состояла из 4-й и 14-й кавалерийских дивизий, кавбригады Котовского и 45-й стрелковой дивизии. Первая группировка направлялась на север,

⁴⁶ *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym. Dziennik wojenny b. d-cy 1. Dywizji Kawalerii. Lwów, s. a. S. 20.*

⁴⁷ *J. Litewski i W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich. Warszawa, 1932. S. 337; K. Raszewski. Wspomnienia z własnych przeżyć... S. 244–276.*

⁴⁸ В это время в районе Берестечка начался ливень, который затруднил действия обеим сторонам. См.: *T. Machalski. Ostatnia epopeja... S. 122; J. Rómmel. Moje walki z Budiennym... S. 22.*

⁴⁹ *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym... S. 22–23.*

⁵⁰ *J. Litewski i W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich... S. 338.*

⁵¹ *W. Steblik. Bój 12. P. P. pod Leszniowem i Brodami... S. 43.*

⁵² *M. Wrzosek. Wojny o granice Polski Odrodzonej... S. 295–296.*

⁵³ *W. Steblik. Bój 12. P. P. pod Leszniowem i Brodami... S. 43–44.*

⁵⁴ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 3. С. 235. Приказ Егорова № 657 от 29 июля 1920 г. командованию 1-й Конной армии об овладении Львовом.

⁵⁵ РГВА. Ф. 245 (Управление 1-й Конной армии). Оп. 3. Д. 413 (оперативные сводки штабов 4-й, 11-й, 14-й кавдивизий и частей 1-й Конной армии, 20.05–17.09.1920 г.). Л. 283, 283а, 310, 316.

а другая — на юго-запад, действуя в расходящихся направлениях, что привело к разбросу сил армии Буденного⁵⁶.

В связи с тем, что 4-я кавалерийская бригада оказалась в районе Скригалов — Любачевка под сильным натиском советских 4-й и 6-й кавалерийских дивизий, командующий польской 1-й кавдивизией решил на рассвете 30 июля переправиться через Стырь под Грималовкой и ударить Буденному в тыл⁵⁷. 6-я кавбригада переправилась вместе с 2-м батальоном 20-го пехотного полка. На Грималовку наступал 1-й уланский полк, который вместе с 2-м батальоном отбросил советские 35-й и 36-й кавалерийские полки и взял пленных⁵⁸. Когда большевики начали наступление со стороны Лешнева, к операции присоединился 9-й уланский полк при огневой поддержке 2-й батареи 6-го конно-артиллерийского дивизиона. При овладении переправой через Стырь под Щуровичами эскадроны наступали стрелковыми цепями, а затем в конном строю преследовали противника на Завидче и Стремилче, оказавшись в тылу советской кавалерии, действовавшей против 4-й кавбригады⁵⁹. Однако этот успех использовать не удалось. Войска полковника Константина Плисовского стали испытывать нехватку боеприпасов, кроме того, долго ожидавшаяся 3-я кавбригада прибыла слишком поздно, чтобы принять участие в наступлении⁶⁰. Этим воспользовался противник, который, отбросив 1-й уланский полк за Стырь, начал угрожать войскам на восточном берегу реки. Полковник Руммель, осознав угрожающую опасность, отвел свои силы из Грималовки через Сушков в Берестечко, прикрывшись как арьергардом 3-й кавалерийской бригадой⁶¹.

После неудачи 1-й кавдивизии на западном берегу Стыри 30 июля полки 4-й бригады были отброшены еще дальше на север, в район Диковины — Смолява — Любачевка⁶². Наибольшее сопротивление оказал 14-й уланский полк, составлявший резерв 1-й кавалерийской дивизии.

⁵⁶ M. Wrzosek. Wojny o granice Polski Odrodzonej... S. 296–297.

⁵⁷ Bitwa lwowska... S. 502.

⁵⁸ SAW. I. 314.1.3. Донесение начальника штаба 1-й кавдивизии о бое 29 июля 1920 г. S. 56.

⁵⁹ T. Machalski. Ostatnia epopeja... S. 123.

⁶⁰ Похоже, претензии полковника Руммеля к полковнику Стременскому не были обоснованы. 3-я кавбригада задержалась, так как к полудню 30 июля 1920 г. была связана боем с противником под Островом, а при известии о неудачах 4-й кавбригады сосредоточилась в Смоляве. См.: Bitwa lwowska... S. 554–555; J. Rómmel. Moje walki z Budiennym... S. 24–28.

⁶¹ Подробнее о ходе боя под Грималовкой см.: T. Machalski. Ostatnia epopeja... S. 122–123; J. Rómmel. Moje walki z Budiennym... S. 24–31; J. Litewski i W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich... S. 338–339.

⁶² Ibid. S. 340.

Он сдерживал противника на рубеже Букачи — Диковины — Озирки, а 16-й уланский полк оборонялся на линии Выдумка — Цалчане. 1-й легкоконный остался в Смоляве, а 2-й легкоконный был отброшен к Новоставу за реку Безымьянную. 8-й уланский полк, отступавший на запад, около 11.00 был с трех сторон атакован сильной советской кавалерией в Миколаеве. В связи с тем, что Миколаев был расположен в узкой долине, а противник хорошо знал местность, полк имени князя Понятовского понес тяжелые потери от прицельного огня артиллерии и пулеметов⁶³. Полк спас спокойный и уверенный подполковник Бжезовский, не позволивший уланам поддаться панике⁶⁴. Полк отступил в Наренчин для восстановления боеспособности и обратился к полковнику Орлич-Дрешеру с просьбой разрешить отдых в течение половины суток⁶⁵.

1-я пехотная дивизия легионов, составлявшая левый фланг польской 2-й армии, нанесла 30 июля поражение советской 14-й кавдивизии под Демидовкой, в связи чем это соединение в дальнейшем не принимало участия в операции в районе Бродов⁶⁶. Южнее и юго-восточнее действовали польские 36-я пехотная бригада и 19-й пехотный полк из состава 6-й армии, также принявшие участие в наступлении. В ожесточенных боях под Топоровом и Полоничной они вынудили отступить советскую 11-ю кавалерийскую дивизию и заняли эти населенные пункты⁶⁷.

Отступление 4-й кавбригады за реку Безымьянную, а 1-й кавдивизии — к Берестечку привело к тому, что главные силы Буденного

⁶³ K. Krzeczunowicz. Ostatnia kampania konna... S. 181–182; *On же*. Ułani księcia Józefa... S. 151.

⁶⁴ Подробнее об этих проблемах в армиях мира с древности до наших дней писал эмигрировавший в Польшу русский генерал Пантелеймон Николаевич Симанский. См.: P. Simanskij. Panika w wojsku // Bellona. T. 21. Z. 2. 1926. S. 97–125; T. 22. Z. 1. 1926. S. 1–2; T. 24. Z. 1. 1926. S. 18–47; Z. 2. 1926. S. 137–166; T. 25. Z. 3. 1927. S. 264–307.

⁶⁵ Предложение командира 8-го уланского полка было отрицательно воспринято полковником Орлич-Дрешером: «Когда после повторных тяжелых потерь на следующий день под Миколаевом командир полка доложил начальнику бригады, что он должен остаток дня потратить на реорганизацию полка, начальник бригады расценил это как дезертирство с поля боя». Полковник Орлич-Дрешер приказал собрать вечером 30 июля в Смоляве совет командиров эскадронов 8-го полка. «Решение комбрига обескуражило офицеров полка. Только вмешательство высших командиров через 10 дней и назначение полковника Бжезовского командиром бригады с 8-м полком в ее составе дало нам полное удовлетворение». См.: K. Krzeczunowicz. Ułani księcia Józefa... S. 150; *On же*. Ostatnia kampania konna... S. 182–183, 350.

⁶⁶ Подробнее о бое под Демидовкой см.: A. Borkiewicz. Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legionów... S. 714–718.

⁶⁷ Подробнее о бое под Топоровом см.: F. A. Arciszewski. Studja taktyczne... S. 155–160; Bitwa lwowska... S. 550.

вклинились между польскими 2-й и 6-й армиями⁶⁸. Поэтому генерал Рыдз-Смиглый приказал командиру 2-й армии перегруппировать силы 31 июля, отложил начало наступления с целью нанесения поражения 1-й Конной армии на один день⁶⁹.

Генерал Рашевский, готовясь атаковать Буденного, приказал ОКГ удерживать переправы на реках Безымянной и Липе, заняв позиции: 4-я кавбригада — от Горишного до Холонова, 2-я кавалерийская дивизия — вдоль реки Безымянной в районе Марковичи — Холонов, 1-я кавдивизия — в районе Ковбань — Мыслини — Ольгин. 1-я пехотная дивизия легионов заняла район Плашов — Остров — Волковыи, а 6-я пехотная дивизия — Берестечко — Мерва — Горишнее⁷⁰.

Командующий 2-й армии, оценивая положение конницы Буденного в районе Скригалов — Николаев — Буркачи — Стремилече и принимая во внимание связанные с этим возможности, ранним утром 1 августа принял решение нанести силами ОКГ удар в южном направлении вдоль западного берега Стири, чтобы пересечь Сидоловку под Николаевом и Скригаловом и наступать на Щуровицы и Лешнев во фланг и тыл советской кавалерии. 6-я пехотная дивизия должна была прикрыть правый фланг 2-й армии ударом от Берестечка на Мытницу — Лешнев, а 1-й пехотной дивизии легионов следовало прикрыть левый фланг 6-й дивизии, которая в это время подверглась удару советской 24-й стрелковой дивизии под Княгининым⁷¹.

31 июля из Замостя на поле боя прибыл генерал Савицкий, командующий ОКГ⁷², которая должна была сыграть решающую роль в операции под Бродами. Вечером он отдал соответствующий приказ⁷³, намечавший разгром советской конницы на Сидоловке, сковав ее фронтальным наступлением 4-й кавбригады с севера и одновременно наступая 1-й кавдивизией на правый фланг армии противника из района Стремилече — Смержов. Для этого 4-я кавбригада наступала в направлении Смольява — Диковины — Скригалов и, форсировав Сидоловку, продвигалась на Завидче — Щуровицы. 1-я кавалерийская дивизия после переправы

в Николаеве наступала «на Щуровиче — Грималовку — Лешнев, воздействуя на северный фланг и тыл противника»⁷⁴. Командующий ОКГ оставил в резерве 2-ю кавалерийскую дивизию и 2-й легкоконный полк, которые, сосредоточившись в Диковинах, должны были выдвинуться через Николаев на Щуровичи⁷⁵.

Утром 1 августа польские войска начали широкомасштабное наступление. Действовавший в авангарде 3-й кавбригады 1-й эскадрон 11-го уланского полка отбросил большевистские дозоры и занял Мерву и Стремилече⁷⁶. Полковник Руммель распорядился, чтобы после перехода через Сидоловку 6-я кавалерийская бригада двигалась на Смержов, 3-я бригада — на Николаев, а 1-й уланский полк остался в резерве. Разъезды, отправленные на разведку, обнаружили, что Николаев и Щуровичи заняты частями советской 6-й кавалерийской дивизии. Начальник 1-й кавдивизии лично наблюдал с высоты 216 за продвижением 11-го уланского полка, которому предшествовал 3-й эскадрон. Он увидел, как это подразделение было застигнуто на высоте 226 несколькими эскадронами вражеской кавалерии. Командир 3-го эскадрона ротмистр Бронислав Сокульский повел свои взводы в контратаку, однако огонь большевистских пулеметов с тачанок и повторная атака причинили значительные потери подразделению. Командир эскадрона погиб, его судьбу разделили 15 улан, еще 30 были ранены⁷⁷.

Неподалеку находился 12-й уланский полк, однако два его подразделения (1-й и 2-й эскадроны) были направлены на помощь слишком поздно и не предотвратили разгром 3-го эскадрона 11-го полка. За пассивное поведение командир 12-го уланского полка подполковник Станислав Шантыр был отстранен полковником Роммелем от должности⁷⁸.

По-другому действовал начальник 6-й кавалерийской бригады полковник Константин Плисовский, на которого полковник Роммель всегда мог рассчитывать⁷⁹. Он проявил себя во главе бригады во время боев в районе Николаева. Когда он понял, что 11-й уланский полк находится

⁷⁴ CAW. I. 314.1.3. Оперативный приказ командования 1-й кавдивизии от 31 июля 1920 г. S. 72–73; *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...* S. 33; *J. Litewski i W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich...* S. 340–341.

⁷⁵ *T. Machalski. Ostatnia epopeja...* S. 125.

⁷⁶ CAW. I. 314.1.3, 1. Кавалерийская дивизия полковника Руммеля. Оперативные документы, август 1920 г. Донесение начштаба 1-й кавдивизии командованию 2-й армии и 6-й пехотной дивизии; *J. Sóniński. Zarys historii wojennej 11-go Pułku Ułanów Legionowych. Warszawa, 1928.* S. 23.

⁷⁷ *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...* S. 36.

⁷⁸ *On же.* S. 36; *Ułani podolscy. Dzieje Pułku Ułanów Podolskich 1809–1947. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1991.* S. 85.

⁷⁹ *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...* S. 37–38.

⁶⁸ *T. Machalski. Ostatnia epopeja...* S. 124; *F. A. Arciszewski. Studja taktyczne...*, схема № 18.

⁶⁹ *Bitwa lwowska...* S. 549–550.

⁷⁰ *K. Raszewski. Wspomnienia z własnych przeżyć...* S. 279–280.

⁷¹ *W. Steblik. Bój 12. P. P. pod Leszniowem i Brodami...* S. 45–46, 50.

⁷² Передача обязанностей начальника ОКГ произошла 1 августа 1920 г. См.: *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...* S. 38.

⁷³ Этот приказ был отдан полковником Роммелем. На практике написанием оперативных приказов занимался начальник штаба 1-й кавдивизии ротмистр Александр Прагловский. См.: Там же. S. 16–17, 38. Оперативный приказ командования 1-й кавдивизии N L. dz. 164/III от 31.07.1920 г. См.: *Bitwa lwowska...* S. 583–584.

под угрозой, он, не дожидаясь приказов начальства, сразу же направил на поле боя часть сил 9-го и 14-го уланских полков с двумя пулеметами на тачанках. Благодаря этому противник был отброшен и в панике бежал, оставив десятки убитых и раненых.

В то время когда 3-й эскадрон ротмистра Сокульского сражался с численно превосходящим противником, ближе к Николаеву шел бой 11-го уланского полка с главными силами советской 6-й кавдивизии. Командир полка вначале направил в бой три эскадрона, которые наступали на Николаев, отбросив советскую кавалерию. Однако противник имел многократное численное превосходство, и с юга 11-й полк атаковали крупные силы. Начался неравный бой, причем стороны неоднократно вступали даже в рукопашные схватки. Майор Яблонский направил в бой эскадроны из резерва, но это не помогло. Из-за холмистой местности бой изобиловал неожиданностями⁸⁰. Наибольшие потери, около 100 убитых и раненых, понес отряд майора Яблонского. Их причинил огонь пулеметов, скрытых в зарослях на склонах холмов. Несмотря на это, 11-й уланский полк сыграл важную роль, так как на полдня связал основные силы 6-й кавалерийской дивизии⁸¹.

1-й уланский полк, оставшийся во время боя в резерве под Николаевом, по приказу начальника 1-й кавдивизии был отправлен преследовать противника, отступающего на Скригалов⁸². В этом населенном пункте 1-й уланский полк присоединился к 4-й кавбригаде и совместно с ней преследовал советскую кавалерию на Лопатин для установления тактической связи с 18-й пехотной дивизией⁸³.

Из пехотных частей в этот день свои боевые задачи выполнили только 12-й пехотный полк и 1-я пехотная дивизия легионов. Они сломали сопротивление сильного противника западнее Корсова и занял Лешнев и Щуровичи⁸⁴. Наступление левого фланга 6-й пехотной дивизии было остановлено в районе Мытницы⁸⁵. К этому привело поражение, которое под Плашовом потерпел 65-й пехотный полк. Наступление 36-й пехотной бригады из Топорова на Лопатин остановила советская 11-я

кавалерийская дивизия⁸⁶. 1-я пехотная дивизия легионов, напротив, остановила наступление советских 14-й кавалерийской и 24-й стрелковой дивизий в районе Княгинин — Хрыники⁸⁷. В трудном положении оказался 3-й уланский полк, который в момент наступления 24-й стрелковой дивизии находился на левом фланге дивизии легионов. Но полковник Домб-Бернацкий усилил угрожаемый участок двумя батальонами и, сдерживая натиск советской пехоты, одновременно укрепил оборону дивизии на линии Теслухов — Рудка — Перекалье⁸⁸.

День 2 августа обещал стать решающим для всей операции под Бродами. Генерал Рашевский, согласно отданному приказу, намеревался «в котле под Бродами» окружить и уничтожить конницу Буденного. Для этого он приступил к реализации концепции, основанной на наступлении 18-й пехотной дивизии на Броды с юго-запада. На левом фланге этой дивизии, возглавляемой генералом Франтишеком Крайовским, должна была действовать 4-я кавбригада полковника Орлич-Дрешера, а с севера, из района Лешнева, 6-я пехотная дивизия генерала Линде. ОКГ генерала Савицкого поручалось выполнить глубокий обход с востока, из района Щуровичей, через Хотын — Баранье — Крупец на Радзивиллов. Операцию с северо-восточного направления должна была обеспечить 1-я пехотная дивизия легионов⁸⁹. Речь шла о прикрытии северного фланга сил генерала Савицкого и 6-й пехотной дивизии⁹⁰.

В соответствии с распоряжениями генерала Рашевского командир ОКГ приказал своим соединениям (1-я и 2-я кавалерийские дивизии) форсировать Стырь в Грималовке и двумя колоннами наступать на Радзивиллов. 1-я кавалерийская дивизия должна была направиться на Мытницу — Хотын — Баранье — Крупец, 2-я кавалерийская дивизия — на Корсов, а 4-я кавбригада была отправлена на Броды через Берлин⁹¹.

⁸⁶ F. A. Arciszewski. Studja taktyczne... S. 155–161.

⁸⁷ РГВА. Ф. 245 (Управление 1-й Конной армии). Оп. 3. Д. 413 (оперативные сводки штабов 4-й, 11-й, 14-й кавдивизий и частей 1-й Конной армии, 20.05–17.09.1920 г.). Л. 323.

⁸⁸ Подробнее о бое под Княгинином см.: A. Borkiewicz. Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legionów... S. 722–730; Bitwa lwowska... S. 699; Bitwa Warszawska. T. 1. Bitwa nad Bugiem 27 VII–7 VIII 1920. Cz. II. Warszawa, 1935. S. 358.

⁸⁹ Как позже выяснилось, взаимодействие 6-го пехотного полка легионов с 1-й кавдивизией оставляло желать лучшего. «Я на участке 6-го пехотного полка легионов, который сражается с 45-й советской пехотной дивизией. Ко мне подходит полковник Болеслав Попович с вопросом, что слышно. Отвечаю вопросом — будем ли мы действовать вместе? К сожалению, он ничего об этом не знает и никакого ответа дать мне не может. Одним словом — приятная координация действий». J. Rómmel. Moje walki z Budiennym... S. 41–42.

⁹⁰ Bitwa lwowska... S. 643–644.

⁹¹ Там же. S. 649, 742.

⁸⁰ T. Machalski. Ostatnia epopeja... S. 125–126.

⁸¹ J. Sowiński. Zarys historii wojennej 11-go Pułku Ułanów Legionowych... S. 23–24; J. Odziemkowski. Leksykon bitew polskich, 1914–1921. Pruszków, 1998. S. 96–97.

⁸² САУ. I. 314.1.3. Доклад начальника штаба 1-й кавалерийской дивизии командованию 2-й армии (1 августа 1920 г. в 12.40) об обходе Скригалова 1-м уланским полком для установления связи с 4-й кавбригадой, действовавшей севернее. S. 79.

⁸³ J. Litewski i W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich... S. 341.

⁸⁴ Подробнее о ходе наступления 12-го пехотного полка на Лешнев и Смержов — Щуровичи см.: W. Steblik. Bój 12. P. P. pod Leszniowem i Brodami... S. 53–59.

⁸⁵ K. Raszewski. Wspomnienia z własnych przeżyć... S. 284–287.

1-й легкоконный полк, действовавший в авангарде 4-й кавбригады, в сумерках вошел в Лопатин и захватил около 300 подвод, принадлежавших советской 11-й кавалерийской дивизии. Таким образом, 4-я бригада оказалась в тылу этого советского соединения, отрезав его от основных сил Буденного.

В ночь с 1 на 2 августа противник пытался контратаковать, стремясь вернуть утраченные обозы. Однако эти атаки были отражены огнем спешенных эскадронов. К этому времени захваченные подводы уже были отправлены в тыл, а силы полковника Орлич-Дрешера были вынуждены оставить Лопатин под натиском тех советских войск, которые были выбиты из Топорова 18-й пехотной дивизией⁹². Под Лопатином находился лишь дивизион 1-го уланского полка и 3-й эскадрон 1-го легкоконного полка, прикрывавшие 4-ю кавбригаду, которая сосредоточилась в районе Кустыни, где находился также 16-й уланский полк. Утром польские дозоры заметили стремительное отступление на восток войск советской 11-й кавалерийской дивизии. 4-я кавбригада была уведомена об этом в полдень 2 августа и атаковала отступающую советскую кавалерию, но успела догнать только тыловые подразделения.

Вскоре в Лопатин вошли части польской 18-й пехотной дивизии. Была установлена тактическая связь между польскими 2-й и 6-й армиями⁹³. 1-я пехотная дивизия легионов продвигалась на Дубно, а 6-я пехотная дивизия 2 августа подошла к Бродам и заночевала в районе Белявка — Шныров. Об этом успехе штаб генерала Линде не уведомил, однако, ни генерал-майора Крайовского, ни полковника Орлич-Дрешера⁹⁴.

Дальнейшее преследование отступавшего противника осуществляли две колонны: северную составляли 1-й уланский полк с 1-й батареей 4-го конно-артиллерийского дивизиона, которые переправилась в Монастырьке, а южную — 1-й легкоконный и 16-й уланский полки и остальные силы 4-го дивизиона конной артиллерии, которые переправились через Стырь в Станиславчике⁹⁵.

В Монастырек, где находился длинный деревянный мост через Стырь, был послан в качестве передового дозора 2-й взвод технического эскадрона 1-го уланского полка. Сначала через деревню к мосту подъе-

хал подпоручик Земовит Грабовский с четырьмя уланами и, обнаружив, что мост не разрушен и противника нет, решил переехать на другую сторону. Однако на середине моста дозор был обстрелян из пулемета со стороны села Бордуляки, причем подпоручик Грабовский был ранен. По приказу командира технического эскадрона поручика Януша Новачинского, видевшего все произошедшее, уланы спешили и двинулись цепями к мосту. Их поддержала 1-я батарея 4-го дивизиона конной артиллерии, открывшая огонь по Бордулякам.

Когда противник покинул обстреливаемое село, через мост прошел сначала технический эскадрон, а затем и остальные силы 1-го уланского полка. Командир полка выслал на разведку в соседний лес 1-й эскадрон. Не доходя леса он подвергся сильному обстрелу из пулемета, в связи с чем уланы спешили и вступили в бой. К 1-му эскадрону присоединились остальные, заняв холмы между Бордуляками и Копанями, а 4-й эскадрон организовал оборону на соседнем кладбище.

Большевики, располагавшие в этом районе сильной артиллерией, начали яростный обстрел позиций спешенных эскадронов и произвели контратаку из села Копани, причинив 1-му полку серьезные потери, особенно в 4-м эскадроне. Тяжело ранены были подхорунжий Станислав Чапский и 10 улан⁹⁶. Под натиском численно превосходящего противника 1-й уланский полк отступил к Подмонастырьку, но только что прибывший 1-й легкоконный полк при поддержке 2-й батареи 4-го конно-артиллерийского дивизиона вынудил большевиков отступить. Это позволило удержать переправу на Стыри⁹⁷.

В южной колонне 16-й уланский полк завязал тяжелый бой за переправу через Стырь в Станиславчике. Противник оказал сопротивление, при поддержке сильного артиллерийского огня заставил эскадроны вступить в пеший бой, но все же был вынужден оставить Станиславчик. В этом бою пал один из храбрейших — вахмистр Станислав Кучик⁹⁸.

Боевые действия ОКГ 2 августа начались с опозданием, как пишет Корнель Кшечунович, «из-за тщетного ожидания возвращения 4-й бригады»⁹⁹. Наступление началось около полудня. 1-я кавдивизия, образуя

⁹⁶ Там же. С. 343 (схема № 43).

⁹⁷ САУ. I. 400.1705–1733. *K. Woroniecki*. Epizod bojowy... S. 107–108.

⁹⁸ *K. Kosiarski*. Zarys historii wojennej 16-go pułku ułanów... S. 12.

⁹⁹ *K. Krzeczunowicz*. Ostatnia kampania konna... S. 190. 4-я кавбригада входила в структуру 2-й кавалерийской дивизии, но, как уже говорилось, после боя под Николаевом она совместно с 1-м уланским полком преследовала противника, который отступил из Завидче в сторону Лопатина, где вела ожесточенные бои. *K. Raszewski*. Wspomnienia z własnych przeżyć... S. 290; *J. Litewski i W. Dziewanowski*. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich... S. 341–343.

⁹² САУ. I. 400.1705–1733. *K. Woroniecki*. Epizod bojowy z własnych doświadczeń wojennych; САУ. I. 400.1731. Донесения (боевые) к истории 1-го уланского Креховецкого полка. Варшава, 1933. Машинопись из фондов САУ. S. 107; *T. Machalski*. Ostatnia epopeja... S. 126.

⁹³ *J. Litewski i W. Dziewanowski*. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich... S. 342. Ср.: *J. Karcz i W. Kryński*. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów... S. 75.

⁹⁴ Bitwa lwowska... S. 1010.

⁹⁵ *J. Litewski i W. Dziewanowski*. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich... S. 343.

левую колонну, продвигалась через Грималовку, Мытницу, Редков на Хотын. Наибольшее сопротивление противник оказал в районе Хотына. Тяжесть боя легла на 14-й уланский полк, который, будучи в авангарде дивизии, развернувшись в стрелковые цепи при поддержке взвода 6-го дивизиона конной артиллерии, овладел Хотыном¹⁰⁰. Со стороны противника здесь сражались части 45-й стрелковой дивизии¹⁰¹. Покинув село, противник организовал оборону на опушке леса, но и там язловецкие уланы во взаимодействии с батальоном 6-го пехотного полка при поддержке артиллерийской батареи капитана Францишека Фишера сломали сопротивление большевистской пехоты и продолжили наступление на Радзивиллов¹⁰². С наступлением темноты дивизия подошла к Сребно и Михайловке, а полковник Руммель отправил 9-й уланский полк занять Крупец¹⁰³.

2-я кавалерийская дивизия еще не располагала всеми запланированными для нее силами¹⁰⁴. Тем частям, которые успели войти в ее состав, предстояло преодолеть более короткий маршрут, чем 1-й кавдивизии. Перейдя по мосту в Грималовке около 12.00, она двинулась на Сестрятин — Баранье — Крупец, имея в авангарде 2-й легкоконный полк¹⁰⁵.

3-й эскадрон шеволежеров под командованием поручика Винченца Карского был отправлен на разведку к Радзивиллову. Обнаружив многочисленные обозы, он ворвался ночью в городок, посеяв в рядах противника панику. Ему удалось уничтожить или захватить немало средств военной техники и захватить несколько пулеметов на тачанках. Кроме того, было освобождено несколько десятков солдат из 20-го пехотного полка, ранее взятых в плен. Затем эскадрон отступил на Сестрятин¹⁰⁶.

Перед Крупцем была установлена тактическая связь 9-го уланского полка с остальными эскадронами 2-го легкоконного полка, и утром

3 августа объединенные силы заняли этот населенный пункт¹⁰⁷. Штаб ОКГ перебазировался из Хотына в Баранье, 9-й уланский полк остался в Крупце, 14-й уланский полк перед Михайловкой захватил большевистскую артиллерийскую батарею, а 3-я кавбригада (11-й и 12-й уланские полки) выдвинулись на восток от Бараньего¹⁰⁸.

Бой под Клекотовым

В результате успешных действий 2 августа штаб ОКГ намеревался ночью нанести удар по коннице Буденного, отступавшей от Станиславчика и Монастырька на Броды. Поэтому генерал Савицкий планировал перегруппировать свои войска севернее, в район Безодня—Белявцы. Утром 3 августа в Бараньем командование ОКГ отдало приказ о наступлении на Радзивиллов и в южном направлении на Суховоле с целью отрезать противнику путь отступления из Броды на Кременец¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Этот бой так описал один из его участников: «Мы выходим пешком из Бараньего, конноводы остались в деревне. Ночь ясная, легкий туман стелется по равнине перед нами. Вдалеке виднелись какие-то очертания деревни — это Крупец. Там должен быть враг. Равнина как стол, производит неприятное впечатление, как тут наступать по такому столу? Происшествия не оставляют времени на размышления. Раздается далекий и протяжный возглас «караул, стреляй», после чего сразу длинная пулеметная очередь. Мы разворачиваемся в цепь по обе стороны дороги и бежим вперед. Однако нас тут же кладет на землю вторая очередь. На этот раз метко — отчетливо видны прерывистые вспышки. Прносят раненого ротмистра Дулембу, адъютанта дивизии, который неизвестно зачем пошел с нами в наступление. Рядом стонет какой-то шеволежер, видно, тоже ранен. Думаю, что так мы далеко не пройдем! Раз за разом бьет по нам — встать трудно. Через минуту, однако, пойдём — я уже вижу, как артиллеристы выкатывают за спицы колес орудия на открытую позицию перед деревней. Узнаю подпоручика Ноэля, он сам целится, через мгновение гремит выстрел прямо над нашими головами. Раз, два, три — и все в порядке! Большевики видят, что это не шутки, и успокаиваются. Слышу голос майора Руппа: «Бегом вперед». Несемся изо всех сил, добегаем до построек Крупца, только кое-где раздаются выстрелы из винтовок. Наконец, все смолкло, противника нет и следа. Деревня наша. Неприятель отступил за железнодорожную линию, откуда часто стреляет, однако контратаковать не пытается». Цит. по.: *K. Rudnicki. 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich w boju pod Klekotowem...* S. 251–252.

¹⁰⁸ *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...* S. 45–48 (схема № 6).

¹⁰⁹ Содержание этого приказа таково: «Сосредоточив группу в районе Безодня, Шныров, Клекотов, выдвинуться после выяснения обстановки из указанного района на Броды или Берлин для атаки находящейся в этом районе большевистской конницы, а после выполнения этого приказа занять указанный участок на Стыри. <...> В связи с этим 2-я кав. див. должна пройти через Клекотов на Беловцы к 13.00, а 1-я кав. див. должна пройти в район Безодни к 15.00. О вышеуказанном в 9.30 отправлено уведомление в 6 див.». См.: *K. Rudnicki. 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich w boju pod Klekotowem...* S. 253; *F. A. Arciszewski. Studja taktyczne...* S. 165. Отдавая этот приказ, командование

¹⁰⁰ *W. Czajkowski. Zarys historii wojennej 14-go Pułku Ułanów Jazłowieckich, Warszawa, 1928.* S. 31.

¹⁰¹ См.: *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...* S. 42–43.

¹⁰² Полковник Руммель встретил здесь много знакомых по службе в 1-й пехотной дивизии легионов. См.: Там же. S. 41–43.

¹⁰³ SAW. I. 314.1.3. Доклад начальника штаба 1-й кавдивизии командованию ОКГ об итогах боев войск полковника Руммеля 2 августа 1920 г. S. 98; *K. Krzeczunowicz. Ostatnia kampania konna...* S. 190.

¹⁰⁴ В состав этого соединения фактически входила только 1-я кавбригада полковника Януша Глуховского (2-й легкоконный полк с батареями 4-го конно-артиллерийского дивизиона и 5-й и 17-й уланские полки). Там же. S. 188–190.

¹⁰⁵ *K. Rudnicki. 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich w boju pod Klekotowem dnia 3. VIII. 1920 r. // Przegląd Kawaleryjski. T. 11. N 9 (107). 1934.* S. 250.

¹⁰⁶ Там же. S. 250–251; *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym.* S. 45.

В связи с этим около 5.00 утра 3 августа 17-й уланский полк выделил эскадрон и 4 пулемета¹¹⁰. Оба подразделения были усилены 1-й батареей 5-го конно-артиллерийского дивизиона и выступили из Бараньего на Радзивиллов. Батарея, заняв позицию у рощи западнее деревни Сарнов, сосредоточила прицельный огонь по железнодорожной станции в Радзивиллове, вынудив ретироваться большевистский бронепоезд¹¹¹. Около 10.00 эскадроны выступили в пешем строю и заняли северную часть Радзивиллова. Ротмистр Влодзимеж Подгорский выслал дозор на запад от Бухаевки, чтобы установить связь с заставой 2-го легкоконного полка¹¹².

Командир 2-й кавдивизии решил отвести 5-й уланский полк в Баранье и поставить ему задачу отрезать путь отступления советской кавалерии, отступавшей от Радзивиллова. В связи с этим полковник Ожеховский отдал приказ¹¹³, чтобы 3-й эскадрон 5-го полка выдвинулся на Клекотов. На участке дороги между Бараньим и Сестрятиньим к нему присоединились остальные части. Во главе колонны 2-й кавдивизии двигался 5-й уланский полк с 1-м эскадром в передовом охранении, затем штабы дивизии и 1-й кавбригады, 1-я батарея 5-го конно-артиллерийского дивизиона, радиостанция, обозы, а в арьергарде — 2-й легкоконный полк¹¹⁴.

В течение двух часов 2-я кавдивизия должна была пройти участок в 16 км и занять Белявец. Не было времени отдавать приказы в пись-

ОКГ еще не знало содержания приказа l. dz. 4213/III генерала Рашевского об отступлении польских войск на линию Буга. См.: Bitwa lwowska... S. 1013–1014.

¹¹⁰ SAW. I. 314.1.3. Заметка ротмистра Прагловского о выделении эскадрона 17-го уланского полка для наступления на Радзивиллов. S. 104.

¹¹¹ *W. Plotnicki. Zarys historii wojennej 5-go dywizjonu artylerji konnej. Warszawa, 1929. S. 26.*

¹¹² Подробнее о действиях 17-го уланского полка 3 августа под Радзивилловым и Бараньим. См. допрос полковника Владимира Подгорского перед офицерским трибуналом по делу о поражении 2-й кавдивизии под Клекотовом, Бараньим и Сиротиньим. Bitwa lwowska... S. 796–802; *K. Raszewski. Wspomnienia z własnych przeżyć...* S. 349–357.

¹¹³ «5-й ул. п. немедленно направит один эскадрон через Сестрятин, где оставит дозор у выезда на юг на западной окраине Сестрятина, далее через Клекотов, где установит связь с 3-м эскадром 2-го легк. п. (поручик Карский) и далее через Язловчик с задачей безусловно пройти в Берлин через Болдурку и провести разведку до линии Станиславчика, затем по реке Стырь до Пониковцев и далее на Суховолю. Донесения слать на линию марша 2 кав. д. Баранье — Сестрятин — Клекотов вдоль северной опушки леса, расположенного к сев.-зап. от Клекотова на Белявцы. Отход немедленно. Разъезд, высланный на Пониковцы, установит связь с 18 пех. див.». *K. Rudnicki. 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich w boju pod Klekotowem...* S. 254.

¹¹⁴ Как сообщает Климент Рудницкий, эта батарея, «отправленная в 6 часов 17-м уланским полком на Радзивиллов, была возвращена <по приказу командира 17-го полка полковника Витольда Жихлинского — В. Н.> назад с дороги». Там же. S. 254–255; *W. Plotnicki. Zarys historii wojennej 5-go dywizjonu artylerji konnej...* S. 27.

менном виде, поэтому командиры полков не были знакомы с общей обстановкой¹¹⁵. Это привело к недоразумениям и нервозности среди них, в основном это касалось ротмистра Рудольфа Руппа, часть которого вызвана из Крупца по тревоге¹¹⁶. Около полудня 2-я кавдивизия достигла Сестрятина, затем повернула на юг и прошла вдоль заболоченной речки Солоновки по узкой дамбе, имеющей 3 км в длину. На последнем отрезке дамбы, на глубокой канаве прямо перед Клекотовым был временный мостик, который обрушился под тяжестью проходившей конницы. Его восстановление еще не закончилось, из-за чего колонна остановилась на дамбе. Разъезд, отправленный в Клекотов, заметил на высоте 226 кавалерию численностью около 2 эскадронов и взвод большевистской конницы южнее села. Уланы 1-го и 3-го эскадронов 5-го полка, которые успели пройти за мостик, по приказу командира полка спешили и заняли огневые позиции на западной и юго-западной окраинах Клекотова. 1-я батарея 5-го дивизиона, преодолев все трудности, связанные с переходом через гать и мост, находившийся под огнем, несмотря на отсутствие прикрытия заняла позицию к югу от дороги из Клекотова на Шнырев, недалеко от церкви, открыв меткий огонь прямой наводкой по наступающей советской коннице. 2-й эскадрон 5-го полка, который насчитывал всего 50 сабель, пытался атаковать, но безуспешно.

Неудача 2-го эскадрона, возвращавшегося группами, произвела удручающее впечатление на коноводов и обозных, среди которых возникли панические настроения. Они усилились, когда большевистская артиллерия открыла огонь по повозкам и лошадям, которые увязли в болотах по обе стороны дамбы. В особенно трудном положении оказалась батарея, которая находилась под перекрестным огнем двух пулеметов на тачанках, а затем была атакована с тыла. Польские артиллеристы до последнего момента огонь вели огонь из орудий и личного оружия, но в конце концов были вынуждены бросить пушки и бежать к реке¹¹⁷. Под большевистским натиском эскадроны 5-го полка, оборонявшего

¹¹⁵ См.: Bitwa lwowska... S. 798.

¹¹⁶ Эти события спустя годы так вспоминал их участник Климент Рудницкий: «Едва мы пристроились в хвост дивизии, тронулись с места рысью. Куда идем и зачем, никто не знает. Мы даже не знаем, какие части входят в нашу колонну. Некоторое время мы терпели в надежде, что кто-нибудь сообщит нам обо всем. <...> Командир полка в ярости на штаб <...> категорически требует уточнить положение. Происходит резкий обмен мнениями <...>. Об уточнении положения в этих условиях речи уже быть не может». См.: *K. Rudnicki. 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich w boju pod Klekotowem...* S. 255–256.

¹¹⁷ *W. Plotnicki. Zarys historii wojennej 5-go dywizjonu artylerji konnej...* S. 27–29.

Клекотов, стали отступать по грязи на Сестрятин, а вместе с ними через болота и трясины двинулось и командование 2-го дивизии¹¹⁸.

От полного разгрома 2-ю дивизию спас 2-й легкоконный полк, которым энергично и умело командовал ротмистр Рупп. Шеволежеры, перейдя мост и дав несколько очередей из пулемета, по приказу своего командира бросились в атаку на противника в направлении высоты 226¹¹⁹. Их решимость заставила большевиков оставить позиции и в панике бежать в западном направлении. Шеволежеры преследовали бегущих под огнем артиллерии вплоть до дороги от Шнырова до Дороцина. Там они перебили застигнутые врасплох расчеты большевистских орудий и пулеметов, отомстив таким образом за потерю 1-й батареи 5-го конно-артиллерийского дивизиона¹²⁰.

Командование советской конницы¹²¹ пыталось сдержать натиск польских подразделений и организовало контратаки со стороны леса на правый фланг 2-го легкоконного полка. Они, однако, были настолько вялыми, что ротмистр Рупп сумел подготовиться к дальнейшим действиям¹²². Противник, лишившись артиллерии, прекратил бой и отсту-

¹¹⁸ K. Rudnicki. 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich w boju pod Klekotowem... S. 258.

¹¹⁹ Ротмистр Рупп скомандовал: «Полк в атаку — налево, обойти строения — галопом марш!» Там же. S. 260.

¹²⁰ Там же. S. 260.

¹²¹ Януш Одемковский считает, что противником 2-й кавдивизии в бою под Клекотовом была советская 4-я кавалерийская дивизия. См.: Там же; Leksykon... S. 69. Авторы «Львовской битвы» считают, что это была 6-я кавдивизия (Bitwa lwowska... S. 1014). После изучения статьи «Конный бой под Радзивилловым», переведенной из советского «Сборника воспоминаний к 4-й годовщине РККА, 1918–1922», нет сомнений, что противником 2-й кавалерийской дивизии под Клекотовым была 6-я кавалерийская дивизия. См.: Bitwa lwowska... S. 806–807.

¹²² Большой вклад в отражение этой контратаки внесли братья поручики Андрей и Виктор Кунаховичи. Будучи отличными стрелками, своим исключительным метким огнем они заставили большевиков уважать себя и отказаться от решительной атаки. «А я неплохо вооружен — 3 револьвера, ручная граната, сабля и уверенность в своем оружии, ибо я научился уже уважать каждую пулю и верить, что на пару шагов она эффективна. <...> Я в упор сбиваю с коней трех всадников, которые с саблями в руках не скрывали своих намерений относительно нас <...> Мы несемся галопом. Большевики, получив урок, держат дистанцию около 50 шагов, крича только „Держи! Держи! Офицер удирает“. До деревни уже близко. Мы разделяем функции — брат смотрит направо, а я налево, палец на курке. У меня в обойме еще 5 патронов, еще один наготове. Вдруг брат кричит: „Стреляй!“ Оглядываясь, вижу всадника на красивом изгнеда карем со звездочкой коне. Какой-то высший чин, одетый в бархатную куртку с коллаком на голове и с обнаженной саблей. Он уже выпустил все патроны, ранив нашего коня Эрizona в ухо, ноздрю и бедро. Заезжает сзади справа. Обхватив левой рукой брата, правой направляю револьвер в его сторону. Он уходит влево! Я переносу свое оружие в левую — он снова вправо. Наконец, слева с криком „ура“ и поднятой саблей он уже

пил на Броды. Командир 1-й кавбригады полковник Януш Глуховский, находившийся рядом с полем боя, поблагодарил шеволежеров перед строем за проявленные доблесть и отвагу, а ротмистр Рупп отсалютовал окровавленной саблей, свидетельствующей о драматизме боя¹²³. Затем 2-й легкоконный полк отошел к Сестрятину, где находилась часть сил дивизии, а далее к Щуровичей, заняв переправу через Стырь¹²⁴.

В то время, когда кончился бой под Клекотовым, штабы ОКГ и 2-й кавдивизии не уведомили командира 17-го уланского полка, который ночью занял часть Радзивиллова, о намеченном отступлении на Щуровичи. Только когда около 14.00 в полк прибыл офицер связи и передал информацию, что 2-я кавдивизия разбита под Клекотовым и вся ОКГ отступает на Хотын, подполковник Витольд Жихлинский понял, что его часть окружена большевиками¹²⁵. Поэтому он решил вывести ее из Радзивиллова и пробиваться через Баранье на Хотын¹²⁶.

Отход начался около 17.00, причем два передовых эскадрона были прикрыты с юга 4-м эскадронам с пулеметами, а кухни и обозы находились в середине колонны. На лесной поляне перед Бараньем большевики встретили улан сильным огнем, и только отчаянный удар 4-го эскадрона поручика Эмиля Мацелинского позволил полку прорваться. Дальнейшее отступление 17-го уланского полка на Хотын шло через болото по дамбе времен Первой мировой войны, сложенной из сгнивших бревен. Эскадроны, отступавшие в панике под огнем артиллерии и пулеметов, понесли тяжелые потери в людях и лошадях, составившие соответственно 40 и 50%. Также были потеряны все обозы¹²⁷. В конце дамбы

готовится рубить, но опаздывает — я не дал ему времени опустить саблю. Красная точка на правом виске указывает, куда я попал. Он упал на шею коня. Я протягиваю руку, чтобы схватить его коня, но не успеваю, потому что его гнедой остановился, а наш конь, хотя и был ранен и стонал, понес нас дальше». См.: A. Kunachowicz. Szarża 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich pod Klekotowem 3 VIII 1920 r. // Przegląd Kawaleryjski. T. 11. N 9 (107). 1934. S. 306–307.

¹²³ Там же. S. 308; K. Rudnicki. 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich w boju pod Klekotowem... S. 261; J. Odziemkowski. Leksykon... S. 69.

¹²⁴ CAW. Kolekcja generałów i osobistości. Akta personalne J. Sawickiego. Sygn. 17901. S. 24. Атака 2-го полка под Клекотовым предотвратила полный разгром 2-й кавдивизии, но ГКВП признало, что в ходе боя и после его окончания было много халатности и плохой организации командования, особенно со стороны генерала Савицкого и полковника Ожеховского. В связи с этим был организован процесс в офицерском трибунале. Bitwa lwowska... S. 796–807.

¹²⁵ Там же. S. 795.

¹²⁶ J. Wasutyński. Zarys historii wojennej 17-go Pułku Ułanów Gnieźnieńskich. Warszawa, 1929. S. 16–17.

¹²⁷ Служивший в этом полку ротмистр Владимир Подгорский усмотрел следующие причины поражения 17-го уланского полка под Бараньем: «Полное отсутствие информации

бежавшие в панике эскадроны встретили дивизион 12-го уланского полка ротмистра Антона Шушкевича, выполнявший функции арьергарда 1-й кавдивизии, отступавшей на Хотын¹²⁸. Полковник Руммель приказал ему обеспечить отступление 17-го уланского полка из Радзивиллова, уцелевшие 200 сабель которого собрались близ Ситенки¹²⁹.

В соответствии с полученными приказами на рассвете 3 августа из района Лопатин — Станиславчик — Монастырек начала наступле-

рования командования полка о положении собственном и неприятеля и, в частности, о намерениях собственного командования <ОКГ>. После поражения <2-й конной дивизии> полк Ожеховского под Клекотовым штаб <дивизии> отступил в неизвестном направлении, бросив 17-й уланский полк на позиции. <Командование ОКГ>, находившееся в Бараньме и принимавшее в течение трех часов донесения от 17-го полка, отступая на Ситенку, забыло или, что то же самое, не сочло нужным уведомить об этом 17-й полк, предоставив его собственной судьбе на выдвинутом участке. <...> Такого поражения не было бы, если бы полк был обучен и находился под командованием своих офицеров. Но командиры эскадронов не знали своих людей и не могли общаться с ними иначе, как переводя, что им делать, так как они не понимали команд. Необученные солдаты с трудом сидели на конях, не зная боевых порядков. С такой частью еще можно сражаться в пешем строю или даже, объяснив им, в чем дело, атаковать в конном строю, но перестроить из колонны по двое в развернутой строй под плотным огнем противника невозможно. <...> Ошибкой командира 17-го полка было то, что, потеряв связь с командованием своей бригады и имея связь с командованием корпуса, он не послал в корпус офицера связи, который мог бы информировать полк об изменениях в ситуации». Допрос полковника Владимира Подгорского перед офицерским трибуналом. *Bitwa łwowska...* S. 801–802.

¹²⁸ Там же. S. 796–802.

¹²⁹ О паническом отступлении 17-го уланского полка под Радзивилловым так вспоминал полковник Руммель, тогда начальник 1-й кавалерийской дивизии: «В лесу происходило что-то невероятное. Шум все приближался, и через несколько минут оттуда диким галопом вылетела беспорядочная масса всадников. Это были перемешавшиеся эскадроны 17-го уланского полка, который, покинув Радзивиллов, не сумел организовать отступление, а, окруженный и атакованный большевиками, должен был прорываться. Командир полка потерял голову и без фуражки галопом мчался во главе бегущих. Только эскадрон поручика Эмиля Мацелинского с двумя тяжелыми пулеметами действовал толково, но был совершенно разбит, а командир пропал без вести. Вся эта беспорядочная масса обрушилась <...> на оставленный мной на первой тыловой позиции арьергард ротмистра Шушкевича, перевернула установленные пулеметы и увлекла за собой большую часть людей. <...> Мы начали приводить в порядок 17-й уланский полк. Командир и офицеры были совершенно беспомощны, уланы обезумели от ужаса — это было стадо, которое ничего не понимало. Мы со своими штабными офицерами даже револьверы достали. Ничего не помогало, ни крики, ни угрозы, ни даже удары тыльной стороной сабли. Такой паники я до сих пор не видел. Видя, что в этот день их использовать в бою нельзя, я дал им отдохнуть и приказал догонять отступавшую в порядке 1-й дивизию». *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...* S. 53–54.

ние на Броды через Берлин 4-й кавалерийская бригада¹³⁰. Ее главные силы составляли 1-й легкоконный и 16-й уланский полки с артиллерией, 1-й уланский полк прикрывал действия с северо-востока, а в резерве полковник Орлич-Дрешер располагал 8-м уланским полком. На рубеже реки Болдурки советская кавалерия заняла сильную позицию. Ее занимали те части, которые ранее теснила 6-я пехотная дивизия¹³¹. Против них был двинут 16-й уланский полк, который прорвал оборону большевиков и оттеснил их к холмам под Язловчиком. Противник, контратакуя, отбросил 16-й уланский полк к лесу западнее Язловчика. Атака 4-го эскадрона 1-го легкоконного полка позволила занять эту местность¹³². Один из эскадронов 16-й уланского полка неожиданно ворвался в Броды, подняв переполох среди большевиков. Однако в восточной части города он попал под сильный огонь пулеметов и броневиков, которые якобы охраняли самого Буденного. В результате поляки понесли значительные потери и отступили из города¹³³.

Вскоре противник перешел в контратаку. Он отбросил 16-й уланский полк с холма, но стрелковые цепи 2-го эскадрона 1-го легкоконного полка подпоручика Казимежа Машталежа заняли северную часть Бродов¹³⁴. В это время технический эскадрон шеволержеров также ворвался в город, но наткнулся на конвой Буденного. Командир польского эскадрона погиб, а его подразделение понесло тяжелые потери¹³⁵. Ночью 1-й уланский полк совершил вылазку на Конюшков, а 1-й легкоконный полк производил разведку в Язловчике. Сил противника там не обнаружилось — оказалось, что ранее 18-я пехотная дивизия овладела Бродами¹³⁶.

Общее положение польских войск к этому времени сильно осложнилось, так как ими был оставлен Брест¹³⁷. В связи с этим маршал Пилсудский, который еще недавно рассчитывал на полное уничтожение 1-й Конной армии Буденного, решил отказаться от своих планов. Успех зависел от того, продержится ли Брестская крепость до 3 августа. Исходя из этого, Пилсудский намеревался двинуть против Буденного с юга 17-ю пехотную дивизию и 4-й полк подгальских стрелков. Разбив Буденного, он хотел перебросить 2-ю армию и одну кавалерийскую дивизию

¹³⁰ *F. A. Arciszewski. Studja taktyczne...* См. схему № 20, положение с 3 до 5 августа 1920 г.

¹³¹ *J. Litewski i W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich...* S. 343–344; *J. Karcz i W. Kryński. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów...* S. 76.

¹³² *J. Karcz i W. Kryński. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów...* S. 76.

¹³³ *T. Machalski. Ostatnia epopeja...* S. 128.

¹³⁴ *J. Karcz i W. Kryński. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów...* S. 76–77.

¹³⁵ *T. Machalski. Ostatnia epopeja...* S. 128–129.

¹³⁶ *J. Litewski i W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich...* S. 344.

¹³⁷ *Bitwa warszawska. T. 2. Bitwa nad Wisłą 7 VIII — 12 VIII 1920. Warszawa, 1939.* S. 1–2.

зию по железной дороге под Брест. Распоряжения, основанные на этих расчетах, были даны генералу Рыдз-Смиглому. Поэтому он приказал отвести войска Юго-Восточного фронта на Буг, разгромить Буденного и направить отдельные соединения на север. В связи с этим Рыдз-Смиглый решил продолжить 2 августа наступление под Бродами, а «с 3 августа отход 2-й армии на линию Буга в связи с общей перегруппировкой фронта на линию Буг, Владимир-Волынский, Броды, Стрыпа»¹³⁸.

Поздним вечером 2 августа генерал Рашевский получил от командования фронта приказ, на основании которого отдал распоряжения подчиненным войскам. «Согласно приказа командования фронта <...> из-за изменения общей ситуации, то есть занятия Бреста неприятелем и общего отхода на линию реки Буг, 2-я армия получила приказ занять участок Владимир-Волынский (включительно) — Рава-Русская (включительно)»¹³⁹. Поэтому предполагавшееся ночью концентрическое наступление на Броды было отменено. Начальник 6-й пехотной дивизии генерал Линде на совещании с командирами полков принял поспешное решение отступить на Щуровичи уже рано утром 3 августа 1920 г.¹⁴⁰

В то время, когда штаб 2-й армии с помощью конных ординарцев рассылал приказы в подчиненные соединения, генерал Рыдз-Смиглый, посоветовавшись с маршалом Пилсудским, пришел к выводу, что операция прервана преждевременно. Он приостановил отвод войск на 24 часа. Командующий войсками Юго-Восточного фронта отдал очередной приказ¹⁴¹, а генерал Рашевский повторил его содержание, включив его в свои распоряжения, поступившие в войска утром 3 августа¹⁴².

В тот момент, когда выказавший много изобретательности и инициативы полковник Руммель уговаривал генерала Савицкого как можно скорее наступать на Радзивиллов, около полудня 3 августа пришел упомянутый приказ командования 2-й армии¹⁴³. В штабе группы возникло

замешательство, а затем началось многочасовое совещание командиров¹⁴⁴. С нетерпением ожидали прибытия 2-й кавалерийской дивизии, но только в ранние часы дня услышали грохот орудий со стороны Клекотова. Артиллерист разбитой батареи, оказавшийся неподалеку от штаба группы, подтвердил, «что вся дивизия разбита и рассеяна, утопив в клековских болотах всех своих лошадей»¹⁴⁵.

Разгром 2-й кавалерийской дивизии, а также отход 6-й пехотной дивизии на Щуровичи — Смержов осложнили положение основных сил ОКГ, оказавшихся в тылу Буденного в районе Радзивиллова¹⁴⁶. Поэтому генерал Савицкий окончательно отказался от удара на Радзивиллов и, выполняя приказ командования об отступлении на линию Стыри, а затем Буга, принял решение отходить через Хотын на Щуровичи. Отступление происходило под постоянным натиском советской 11-й ка-

на пороге победы, мы должны, невзирая на все это, идти назад, потому только, что где-то далеко на севере сдан Брест. Столько трудов и напрасно пролитой крови! Меня охватывает яростный гнев против людей, которые не хотят или не могут взять на себя ответственность и закончить эту операцию. Стыд и позор!» См.: *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...*, S. 46.

¹⁴⁴ Те трудные минуты вспоминал спустя годы Корнель Кшечунович. «Во время наступления <на Радзивиллов — В. Н.> как гром с ясного неба упал приказ об общем отступлении, который 6-я пех. див. без уведомления уже совершила, а оперативная группа должна была выполнить „после разгрома Буденного“. Было ясно, что следует немедленно воспользоваться успехом этой ночи, иначе будет упущена единственная возможность разгромить неприятеля. Об этом настойчиво просил полковник Руммель. Но дело не казалось таким ясным людям, не знающим рефлексов и настроений Конной армии. Французские советники и начальник штаба группы (подполковник Пшевлцкий) настаивали на том, что нельзя медлить с выполнением „формального“ приказа об отступлении. Всегда спокойной ген. Савицкий на этот раз проявил отсутствие нервов многочасовой задержкой с принятием решения, а когда его принял, ждал еще, чтобы начальник штаба письменно подготовил оперативный приказ: 2-й дивизии должна немедленно идти через Сестрятин — Клекотов, а 1-я через Радзивиллов на Берлин с целью перейти в соответствии с приказом командования фронта на западный берег Стыри утром 4 августа». См.: *K. Krzeczunowicz. Ostatnia kampania konna...* S. 191–192.

¹⁴⁵ *J. Rómmel. Moje walki z Budiennym...* S. 49.

¹⁴⁶ По словам авторов «Львовской битвы», советская 6-я кавдивизия, «которая в районе Бараньего, Сестрятин и Клекотова настигла польскую дивизию <2-ю кавдивизию — В. Н.> при переправе через заводы Слоновки, разбила (задержана по вине командира 2-й кав. див. полковника Ожеховского) 17-й ул. п. и взяла конную батарею. Оставленный Радзивиллов русские заняли при помощи бронепоездов, курсировавших по линии Дубно — Броды. 2-я кав. див. потеряла несколько сот лошадей, много раненых и погибших (в основном 5-й и 17-й ул. п.) в болотах и на старых позициях Первой мировой с их окопами и колючей проволокой». *Bitwa lwowska...* S. 1014; *J. Litewski i W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich...* S. 344.

¹³⁸ *M. Kukiel. Pierwsza wytyczna operacji warszawskiej // Bellona. T. 19. Z. 2. 1925. S. 119–120.*

¹³⁹ *SAW. I. 311.2. Оперативный приказ командования 2-й армии L. dz. 4213/III от 2 августа 1920 г.*

¹⁴⁰ *Bitwa lwowska...* S. 1012.

¹⁴¹ *SAW. I. 311.7. Оперативный приказ командования Юго-Восточного фронта L. dz. 2347/III от 2 августа 1920 г.*

¹⁴² *Ibid. I. 311.2. Оперативный приказ командования 2-й армии L. dz. 4214/III от 2 августа 1920 г.*

¹⁴³ *Bitwa lwowska...* S. 1014. Вот как воспринял этот приказ начальник 1-й кавдивизии полковник Руммель: «Этот приказ привел меня в отчаяние. Теперь, когда мы наконец-то преодолели прежнюю праздность, недисциплинированность, недоверие относительно целесообразности прилагаемых усилий, когда разбудили у солдата чувство долга защищать всеми силами бедную Родину, когда храбрость его дошла до высших пределов, когда мы уже в тылу бегущего в панике врага и когда, наконец, мы стоим

валерийской дивизии¹⁴⁷. Такое развитие событий полковник Руммель предвидел и, как уже отмечалось ранее, сформировал для отражения большевистских атак сильный аррьергард из состава 1-й кавалерийской дивизии — дивизион 12-го полка и эскадроны 9-го и 11-го уланских полков¹⁴⁸. Этими эскадронами, действовавшими в аррьергарде 1-й кавалерийской дивизии, командовал лично ее начальник полковник Руммель с помощью опытного ротмистра Антона Шушкевича.

В связи с тем, что советская кавалерия все сильнее давила на отступающие конные части, полковник Руммель выстроил аррьергард в два эшелона для организации взаимодействия отступающей штабной колонны Савицкого и 1-й кавдивизии: когда один эшелон совершал бросок вперед, второй прикрывал его, парируя атаки кавалерии противника. В тот момент, когда колонна ОКГ миновала большую лесную поляну, между Хотыном и Редковым с юга появилась сильная советская кавалерия. Тогда полковник Руммель, находившийся во главе сводного эскадрона, выхватил саблю и, скомандовав: «Коротким галопом марш», бросился в атаку.

Теперь у меня были люди, а главное, я взял себя в руки. Мы приближаемся к противнику все быстрее и быстрее, я различаю их пеструю одежду, еще немного, и нужно давать команду к атаке, но вот неприятельские всадники разлетаются, как стая воробьев, и бросаются налево к лесу. Я выдохнул. Дорога была свободна!¹⁴⁹

Вечером 3 августа часть ОКГ находилась в районе Берестечка — 11-й, 12-й и 17-й полки с двумя батареями конной артиллерии, а остальные части — к юго-западу от города¹⁵⁰. По приказу командования уже утром 3 августа началось отступление 6-й пехотной дивизии на Щуровичи — Смержов. Приказ генерала Рыдз-Смиглого, отменившего отход, застал дивизию в 8 часов утра за 25 км от Смержова. Генерал Линде отдал распоряжения своим частям «только 4 августа в два часа ночи, потому что он со всем своим штабом отправился спать»¹⁵¹.

Генерал Крайовский, напротив, не был проинформирован об отступлении частей 2-й армии за Стырь, но ему было известно, что ночью

со 2 на 3 августа 6-я пехотная дивизия должна была наступать на Броды одновременно с ОКГ, которой предстояло атаковать Радзивиллов. Поэтому ранним утром 3 августа 18-я пехотная дивизия перешла в наступление. Вечером 36-я пехотная бригада взяла Броды, 35-я бригада — Старобродские Роши, а 10-я бригада — Суховоло¹⁵².

Сражение в районе Берестечка и Бродов можно разделить на две фазы: предварительную, длившуюся с 27 по 31 июля, и главную — с 1 по 3 августа 1920 г. Предварительная фаза характеризовалась встречными боями (например, под Берестечком 27 июля, Гороховым 28 июля и Мытницей 29 июля), потому что 1-я Конная армия начала наступление на львовском направлении. Вторая фаза, то есть столкновение 2-й польской и 1-й Конной армий, и была собственно сражением, в ходе которого польская сторона добилась успеха и вынудила противника отступить, а затем организовала преследование советских частей¹⁵³.

Заключение

Бои под Берестечком и Бродами не увенчались полным успехом, так как польские войска прекратили преследование, что позволило противнику выйти из трудного положения, в котором он оказался, когда в ночь со 2 на 3 августа войска ОКГ, наступая восточнее Радзивилова (Крупец — Михайловка), вышли советской кавалерии в тыл. Однако шанс разгромить противника был упущен, в том числе по причине плохого взаимодействия польских пехотных и кавалерийских соединений и отсутствия связи между частями. Командир 6-й пехотной дивизии генерал Линде не проявил ни командирской, ни штабной находчивости, а на совещании с командирами полков принял, как представляется, поспешное решение, приказав своим войскам утром 3 августа отойти на Щуровичи. Кроме того, начальник 2-й кавалерийской дивизии полковник Владислав Окша-Ожеховский был малоэнергичен, ему не хватало решимости командовать, что негативно отразилось на работе его штаба¹⁵⁴.

¹⁵² W. Steblik. Bój 12. P. P. pod Leszniowem i Brodami... S. 75; J. Odziemkowski. Leksykon... S. 19–20.

¹⁵³ L. Wyszczelski. Polityczno-militarne uwarunkowania bitwy warszawskiej 1920 roku // Bitwa warszawska 1920 r. — aspekty militarne. Warszawa, 1995. S. 11.

¹⁵⁴ Положение польских войск после сражения описали полковники Руммель и Орлич-Дрешер. Первый из них, начальник 1-й кавдивизии, писал в своих мемуарах: «Вечером прибыл ко мне полковник Дрешер, такой же отчаявшийся, обескураженный и злой, как и я. Оказывается, и он тоже ничего не знал ни о взаимодействии 18-й дивизии с группой генерала Савицкого, ни о том, что она дошла до Радзивиллова, хотя ощущал наше давление с востока после необычных движений и эволюций большевиков под Бродами». См. J. Rómmel. Moje walki z Budiennym... S. 64; ср.: J. Litewski

¹⁴⁷ См.: Bitwa lwowska... S. 823; K. Krzeczunowicz. Ostatnia kampania konna... S. 192.

¹⁴⁸ J. Rómmel. Moje walki z Budiennym... S. 50.

¹⁴⁹ Ibid. S. 55–57 (схема № 8).

¹⁵⁰ САУ. I. 314.1.3. Части 1-й кавдивизии ночевали в районе Смержов — Грималовка. Полковник Руммель приказал начальнику 3-й кавбригады маршировать для соединения с основными силами 1-й кавдивизии. S. 112.

¹⁵¹ K. Raszewski. Wspomnienia z własnych przeżyć... S. 297; W. Steblik. Bój 12. P. P. pod Leszniowem i Brodami... S. 74–75.

Причины прекращения преследования следует рассматривать в контексте ситуации на белорусском участке польско-советского фронта, где противник овладел такой сильной крепостью, как Брест-Литовск. Битва под Бродами имела оперативное измерение с участием мобильных соединений, каковыми являлась кавалерия. Цель этого сражения состояла в том, чтобы остановить наступление 1-й Конной армии на Львов и разбить ее, что достигнуто не было. Битва, в которой столкнулись два соединения (польская 2-я и советская 1-я Конная армии), представляла собой конгломерат связанных в тактическом смысле наступательных и оборонительных действий, придавая последним активный характер с широким применением маневра. Ход сражения под Бродами, а также последующих боев польских войск доказал превосходство наступательных действий над оборонительными. Это способствовало изменениям в мышлении офицеров, сформированном Первой мировой войной, которое проявлялось в склонности переходить к позиционной обороне, растягивая свои силы в одну линию, если соединение самостоятельно обороняло определенный район.

Прекращение преследования, имевшего целью полный разгром 1-й Конной армии, свело на нет достижение главной цели боя и тем самым нарушило основной принцип военного искусства — принцип целесообразности.

Список литературы

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922). Т. 3. М., 1974.

и W. Dziewanowski. Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich... S. 344. В этом месте следует подчеркнуть, что эти необычные движения и эволюции большевиков под Бродами, упомянутые полковником Руммелем, подтверждают распоряжения штаба 1-й Конной армии. См.: РГВА. Ф. 245 (Управление 1-й Конной армии). Оп. 3. Д. 168 (Оперативные приказы войскам, приказание штаба 1-й Конной армии). Л. 1–7. С другой стороны, полковник Орлич-Дрешер после встречи с полковником Руммелем написал письмо (Берлин, 4/5 <августа — В. Н.> 1920 г.) напрямую маршалу Пилсудскому в обход непосредственного начальства. В этом письме он поделился, в частности, своими замечаниями о боях под Бродами и подтвердил мнение полковника Руммеля о плохом взаимодействии польских войск, что «отдельно действует 1-я пехотная дивизия легионов, отдельно 6-я пехотная, по-своему действует 1-я кавдивизия, которую я заставляю принять руководство 4-й кавбригадой. Командование ОКГ задерживает их и запоздало отдает неверные приказы, связи нет совсем. Вот уже два дня, например, мы посылаем офицеров и солдат в штаб ОКГ и не получаем никаких приказов. Каждая группа ведет бои отдельно. Нет руководства, нет той крепкой руки, которая могла бы координировать все наши усилия, чтобы привести Конную армию Буденного к полному и абсолютному поражению». См.: Archiwum Instytutu Józefa Piłsudskiego w Londynie. Kolekcja nr 169 gen. Orlicz-Dreszera.

- Какурин Н. Е., Меликов В. А.* Война с белополяками. 1920 г. М., 1925.
- F. A. Arciszewski.* Studja taktyczne z historii wojen polskich 1918–21. T. 2: Ostróg — Dubno — Brody. Walki 18 Dywizji Piechoty z konną armją Budiennego (1 lipca — 6 sierpnia 1920). Warszawa, 1923.
- Bitwa lwowska 25 VII–18 X 1920. Dokumenty operacyjne. Cz. I (25 VII–5 VIII). Red. M. Tarczyński. Warszawa, 2002.
- Bitwa warszawska. T. 1. Bitwa nad Bugiem 27 VII–7 VIII 1920. Cz. II. Warszawa, 1935; T. 2. Bitwa nad Wisłą 7 VIII — 12 VIII 1920. Warszawa, 1939.
- A. Borkiewicz.* Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legionów (1918–1920). Warszawa, 1929.
- W. Czaykowski.* Zarys historii wojennej 14-go Pułku Ułanów Jazłowieckich, Warszawa, 1928.
- Encyklopedia wojskowa. Red. O. Laskowski. T. 1. Warszawa, 1931.
- J. Grobicki.* Organizacja taktyczna polskiej kawalerii strategicznej w latach 1914–1920 // Przegląd kawaleryjski. 1934. T. 9. Nr 10 (108).
- J. Karcz i W. Kryński.* Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów Józefa Piłsudskiego. Warszawa, 1931.
- K. Kosiarski.* Zarys historii wojennej 16-go pułku ułanów. Warszawa, 1929.
- K. Krzczunowicz.* Ułani księcia Józefa. Historia 8 Pułku Ułanów ks. Józefa Poniatowskiego 1784–1945. Londyn, 1960.
- K. Krzczunowicz.* Ostatnia kampania konna. Działania jazdy polskiej przeciw Armii Konnej Budiennego w 1920 roku. Londyn, 1971.
- M. Kukiel.* Pierwsza wytyczna operacji warszawskiej // Bellona. T. 19. Z. 2. 1925.
- A. Kunachowicz.* Szarża 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich pod Klekotowem 3 VIII 1920 r. // Przegląd Kawaleryjski. T. 11. N 9 (107). 1934.
- J. Litewski i W. Dziewanowski.* Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich. Warszawa, 1932.
- J. Odziemkowski.* Leksykon bitew polskich, 1914–1921. Pruszków, 1998.
- T. Machalski.* Ostatnia epopeja. Działania kawalerii w 1920 roku. Londyn, 1969.
- P. Olstowski.* Generał Gustaw Orlicz-Dreszer (1889–1936). Dowódca wojskowy i działacz. Toruń, 2002.
- J. Piłsudski.* Pisma zbiorowe, Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. T. 7. Warszawa, 1937.
- W. Plotnicki.* Zarys historii wojennej 5-go dywizjonu artylerji konnej. Warszawa, 1929.
- K. Raszewski.* Wspomnienia z własnych przeżyć do końca roku 1920. Poznań, s. a.
- J. Römmel.* Moje walki z Budiennym. Dziennik wojenny b. d-cy 1. Dywizji Kawalerii. Lwów, s. a.
- K. Rudnicki.* 2 P. Szwoleżerów Rokitniańskich w boju pod Klekotowem dnia 3. VIII. 1920 r. // Przegląd Kawaleryjski. T. 11. N 9 (107). 1934.
- P. Simanski.* Panika w wojsku // Bellona. T. 21. Z. 2. 1926. S. 97–125; T. 22. Z. 1. 1926. S. 1–2; T. 24. Z. 1. 1926. S. 18–47; Z. 2. 1926. S. 137–166; T. 25. Z. 3. 1927. S. 264–307.
- J. Sowiński.* Zarys historii wojennej 11-go Pułku Ułanów Legionowych. Warszawa, 1928.
- W. Steblik.* Bój 12. P. P. pod Leszniowem i Brodami w dniach 1. i 2. sierpnia 1920 roku // Przegląd piechoty. T. 4. Z. 11. 1931.
- T. Śmigieński.* Zarys historii wojennej 8-go Pułku Ułanów ks. Józefa Poniatowskiego. Warszawa, 1929.
- Ułani podolscy. Dzieje Pułku Ułanów Podolskich 1809–1947. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1991.
- J. Wasiutyński.* Zarys historii wojennej 17-go Pułku Ułanów Gnieźnieńskich. Warszawa, 1929.
- M. Wrzosek.* Wojny o granice Polski Odrodzonej 1918–1921. Warszawa, 1992.
- L. Wyszczelski.* Kijów 1920. Warszawa, 1999.
- L. Wyszczelski.* Polityczno-militarne uwarunkowania bitwy warszawskiej 1920 roku // Bitwa warszawska 1920 r. — aspekty militarne. Warszawa, 1995.
- L. Wyszczelski.* Kampania ukraińska 1920 roku. Warszawa, 2009.

Włodzimierz NOWAK

Associate Professor of the Department of History of Security, Institute of Social Sciences and Security, Faculty of Humanities, University of Natural Sciences and Humanities in Siedlce (Siedlce, Poland)

E-mail: wlodzimierz.nowak@vp.pl

Battles of Polish troops of the South-Eastern front of General Rydz-Smigly against the 1st Cavalry army of Budyonny near Berestechko and Brody (July 29 — August 4, 1920)

The battle of Brody was one of the fiercest battles of the Polish-Soviet campaign of 1920, in which both sides suffered significant losses. The 1st Cavalry Army lost its combat capability for a few days and was sent for rehabilitation. Due to disagreements among the Red Army commanders the 1st Cavalry Army unsuccessfully stormed Lviv and Zamosc instead of rushing towards Warsaw to help the troops of Tukhachevsky. On July 31, 1920, the Soviet cavalry was defeated by the Polish 1st Cavalry division of Colonel J. Rommel.

Keywords: Polish Army, Red Army, Soviet-Polish war, 1st Cavalry Army, Ukrainian front, Ukraine, S. M. Budyonny, E. Rydz-Smigly, cavalry.

УДК 94 (47) 08

ББК 63.3 (2) 6

Владимир Викентьевич ЛАПИН

доктор исторических наук, профессор факультета истории
Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: lapin.ww@yandex.ru

ПОХОД ЮДЕНИЧА НА ПЕТРОГРАД В 1919 Г. И СОВЕТСКО-ЭСТОНСКАЯ ВОЙНА 1918–1920 ГГ. В ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В советской историографии Гражданской войны замалчивался факт прямого столкновения Эстонии и РСФСР, завершившийся подписанием Тартуского мирного договора в 1920 г. В статье предлагается объяснение причин этого явления в контексте развития советской исторической науки.

Ключевые слова: Гражданская война в СССР, Освободительная война в Эстонии 1918–1920 гг., Н. Н. Юденич, советская историография, политика памяти.

Стирание событий и имен из исторической памяти носит как спонтанный, так и целенаправленный характер. В первом случае они исчезают из фокуса общественного внимания естественным путем, под давлением непрерывного потока новой информации. Во втором случае мы видим целенаправленные действия различных акторов, приводящие к тому же результату. При этом специально «забываемое» событие получает шансы на актуализацию и «припоминание» только в случае изменения политической обстановки с соответствующими ревизиями списков героев и антигероев.

Для изучения действия механизмов исторической политики целесообразно рассмотреть приемы «целенаправленного забывания», одним из примеров которого является вытеснение из советского героического мифа Советско-эстонской войны 1918–1920 гг.

Самая распространенная (закрепленная в отечественных учебниках и массовой литературе) схема Гражданской войны 1917–1921 гг. в России представлена как борьба с интервентами и белогвардейцами. Главные события на Северо-Западе — отражение попыток генерала Н. Н. Юденича взять Петроград. При этом в нарративах всех жанров встречаются упоминания о «белоэстонцах», цели которых и роль которых в боевых действиях указаны как будто с нарочитой неясностью¹. «Обязательная» почти для всех советских работ о Гражданской войне

¹ Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. СПб., 2004. С. 225.

информация о заключении 2 февраля в Тарту мирного договора РСФСР с Эстонской республикой только усиливает недоумение, поскольку ранее не было ни слова о вооруженном масштабном столкновении, которое бы завершилось столь значительным межгосударственным соглашением.

Умолчание об этом конфликте становится еще более странным при взгляде «эстонскими глазами» на события 1918–1920 гг., которые в Эстонской республике называются Освободительной войной, играющей в истории этой страны роль «мифа-учредителя». Она занимает важное место в национальной истории. Ее герои — адмирал Й. Питка, лейтенант Ю. Куперьянов — занимают высшие позиции в военном пантеоне². В нескольких городах стоят монументы в память о павших в этой войне, мемориалы служат местом торжественных церемоний. Годовщина сражения 23 июня 1919 г. при Цесисе (*эст.* Вынну), когда эстонская армия разгромила ландсвер (ополчение немцев-остзейцев), является главным «победным» национальным праздником в стране, подобно 9 мая в России или 11 ноября во Франции.

Усиливает интригу то, что абсолютно все вышеуказанные памятники, поставленные в 1920–1930-е гг., в 1940 г. были снесены по распоряжению советских властей, в 1941–1944 гг. частично восстановлены эстонцами, в 1944 г. вновь снесены, а после 1991 г. опять восстановлены. Это обстоятельство окончательно отрицает возможность того, что полное исключение советско-эстонского столкновения 1918–1920 гг. из советского исторического нарратива можно объяснить случайным стечением обстоятельств.

В национальных версиях событий особо заметное место занимают тексты, касающиеся конфликтов, не просто завершившихся победой, но и оказавшихся удобными при конструировании исторической политики. Те войны, которые закончились поражением, включаются в коммеморативный процесс, если они позволяли сформировать мемориальный комплекс, посвященный «священным жертвам», или как-то иначе востребованы при конструировании национального исторического мифа. Основной вопрос статьи — как и почему подходы к изучению Гражданской войны и интервенции в России и описания борьбы с Белым движением в Северо-Западном регионе (с Юденичем) способствовали «забыванию» Советско-эстонской войны 1918–1920 гг.

История Гражданской войны 1918–1922 гг. (прямое следствие революции 1917 года) четверть века играла в СССР важнейшую роль в формировании советской идентичности: советские люди — победители помещиков и буржуазии, строители коммунизма, лидеры мирового освободительного движения. В 1945 г. канонизированный комплекс

² *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. Таллин, 2013. С. 54–62.

представлений о Гражданской войне как кровавой купели Советского государства был дополнен историей Великой Отечественной войны. Как известно, в Конституции СССР 1977 г. 6-я статья определяла право Коммунистической партии на руководящую и направляющую роль. При этом во множестве текстов эта право проистекало из объявления партии организатором и вдохновителем побед советского народа в указанных войнах.

Схемы, в соответствии с которыми изображались эти два грандиозных военных конфликта, строго соблюдались. Именно неприемлемые для России трактовки истории Второй мировой войны становились поводом для правительственных решений о противодействии «искажениям истории»³.

До конца 1918 г. в Прибалтике политические процессы были «заморожены» немецкой оккупацией. Когда германские войска стали покидать Эстонию, вслед за ними двинулась Красная армия, намереваясь установить на бывшей территории империи советскую власть. Противником таких намерений оказались национальные правительства Эстонии, Латвии и Литвы, а также силы, боровшиеся с большевиками под лозунгами возрождения «великой России». Их представлял сформированный немцами в период оккупации русскоязычный Северный корпус, состоявший из чинов бывшей императорской армии и ставший впоследствии опорой Белого движения в регионе (около 2000 чел.). Наконец, свою особую роль играли формирования немцев-остзейцев, не желавших утратить в Прибалтике свою доминирующую роль, что неминуемо произошло бы как при победе «буржуазных националистов», так и «коммунистических интернационалистов». Правительство в Ревеле рассматривало и остзейцев, и красных, и белых как противников национальной независимости. Последние с разной степенью категоричности отказывались признавать новые государства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи, враждебно относились к национальным движениям, даже имевшим антибольшевистский характер. В Кремле даже сетовали по поводу невозможности договориться с Ревелем о союзе против Юденича, что ясно видно из телеграммы В. И. Ленина Петроградскому комитету партии от 18 октября 1919 г.⁴

В боях 1919 г. участвовали отряды, сформированные из финнов-ингерманландцев, воодушевленных лозунгом автономии. Но, как пишет один из видных советских историков,

³ Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России // Российская газета <Электронный ресурс>. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html>. Дата: 11.11.2019

⁴ *Ленин В. И.* Военная переписка 1917–1920 г. М., 1943. С. 94.

обострение взаимоотношения с ингерманландским отрядом достигло своего кульминационного пункта тогда, когда генерал Родзянко в разговоре с одним из видных политических представителей ингерманландской буржуазии приказал ему под угрозой расстрела прекратить всякие дальнейшие разговоры о самоопределении нации. Неудивительно, что при такой «национальной» политике Северный корпус при движении на Петроград не создавал за собой достаточно обеспеченного тыла; последнее же могло в самый решающий момент повлиять на дальнейший характер боевых действий русских белогвардейцев⁵.

Ингерманландцы со стороны Эстонии получали в основном моральную поддержку, поскольку снаряжением и боеприпасами их обеспечивали финны. Кроме того, во время десантных операций на побережье они пользовались кораблями под эстонским флагом.

Еще одной силой в регионе стала английская эскадра, которая уже в декабре 1918 г. своим огнем поддерживала эстонскую оборону в прибрежных районах. Кроме того, британцы захватили два эсминца («Автроил» и «Спартак»), заставили советский Балтийский флот отказаться от походов западнее острова Гогланд.

Боевые действия между Эстонией и РСФСР начались 22 ноября 1918 г., когда часть сил советской 7-й армии, русской в своем большинстве, атаковала Нарву, но была отбита немцами и эстонскими отрядами. Следующее наступление 28 ноября было более успешным, что позволило провозгласить в Нарве Эстляндскую трудовую коммуну и выпустить Манифест о провозглашении независимой Советской Эстонской республики (30 ноября 1918 г.). 1–4 декабря 1918 г. корабли Красного Балтийского флота провели несколько операций у эстонского побережья. В тот же день Красная армия начала наступление, и в течение двух недель заняла Везенберг, Кунду, Тапс и Тарту. К началу января красные части приблизились к эстонской столице на расстояние 30–40 км, но затем были выбиты за пределы Эстляндии.

Правительство Эстонии при всей его неприязни к коммунистам не имело экспансионистских намерений. Ревель был заинтересован в появлении у Белого движения «своей» территории, поскольку пребывание антибольшевистских вооруженных сил к западу от линии Нарва–Печоры автоматически создавало *casus belli* с Советской Россией, столкновение с которой не сулило Эстонии ничего хорошего. Кроме того, эстонцы не без оснований опасались белых генералов и всеми способами старались выдавить их со своей земли.

13 мая 1919 г. Северный корпус под командованием генерала А. Родзянко начал наступление, которое без особых на то оснований в совет-

ской традиции называют походом на Петроград. План действий был довольно скромным — завоевание небольшого участка российской земли за Чудским озером. Даже в случае полного успеха самым дальним рубежом продвижения на восток указывалась узловая станция Веймарн в 40 верстах от Нарвы. О Петрограде в плане не было ни слова⁶.

В этом походе эстонские войска приняли непосредственное участие, поскольку, во-первых, были заинтересованы в успехе белогвардейцев, во-вторых, создавали условия для последующего перехода города Печоры в состав Эстонии. В этом районе значительную долю населения составляла народность сету, которую в Ревеле считали частью эстонского этноса. Эстонцы без особых усилий заняли Псков, сразу же передали власть в нем представителю Северо-Западной армии полковнику С. Н. Булак-Балаховичу и отошли на рубеж, где затем была установлена государственная граница.

Летом 1919 г. главные силы армии Эстонии действовали против немецких и прусских сил (т. н. ландесвера), а также против отрядов «красных латышей» на южных рубежах. Победа, одержанная при Вынну 23 июля 1919 года, оказалась переломной, важной как для подавления сопротивления остзейцев, так и для установления границы Эстонского государства, совпадающей с линией расселения эстонцев. Из 3800 погибших и 13 000 раненых эстонцев в 1918–1920 гг. 300 было убито и 800 ранено в боях с ландесвером.

Осенью наступление 1919 г. Северо-западной армии генерала Н. Н. Юденича на Петроград в оперативном отношении представляло собой рейд малочисленной группировки вглубь территории противника без обеспечения безопасности тыла и флангов при фактическом отсутствии существенных резервов и тыловых структур. Именно эти обстоятельства предопределили разгром Юденича, войска которого были вынуждены отойти на территорию Эстонии, где были интернированы. Эстонские войска в этом походе не участвовали. На балтийском побережье летом и осенью 1919 г. действовали не части эстонской армии, а отряды финнов-ингерманландцев, которых вдохновляла идея создания автономии на территории Петроградской губернии. Им помогали прежде всего финляндцы, хотя и в Ревеле мечты соседей, родственных по языку и культуре, воспринимались с большим сочувствием. 5 декабря 1919 г. начались мирные переговоры. Красная армия предприняла новое наступление в районе Нарвы, чтобы надавить на партнеров по переговорам, но потерпела поражение.

По Тартускому мирному договору, заключенному 2 февраля 1920 г., РСФСР уступила так называемую Эстонскую Ингерманландию площа-

⁵ Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 152–153.

⁶ Там же. С. 118–119.

дью 300 кв. км на восточном берегу Наровы и волость Коце на восточном побережье Чудского озера. Кроме того, к Эстонии отходил город Печоры с прилегающими районами. Последнее территориальное приращение диктовалось желанием финноязычной народности сету проживать в границах своего национального государства.

Таким образом, Эстония в Тарту закрепила юридически свой успех в борьбе за независимое национальное государство, которое на тот момент угрозу видело и в белогвардейцах, и в красновардейцах, и в немцах-остзейцах. РСФСР заключение Тартуского мира позволило усилить безопасность Петрограда с западного направления. Огромную важность этот договор представлял как первый международный акт советского правительства, означавший де-юре признание Москвы иностранной державой. В то же время необходимость сделать территориальные уступки и отдать 1100 кг золота только что народившемуся государству, да еще после тысячекратного повторения большевиками мантры «мир без аннексий и контрибуций», была крайне болезненно воспринята в Москве. Пришлось расстаться и с идеей перенести «пламя революции» на всю Прибалтику. Таким образом, был заложен своеобразный фундамент вышеуказанного несоответствия: память о мирном договоре Советской России была комплиментарна, а память о самой войне и ее результатах — травматична.

Отрицание самого факта Советско-эстонской войны объясняется не только проявлением политики памяти и идеологическими установками. Значительную роль в «умолчании» о ней играют имманентные свойства историографии вообще и отечественной историографии — в особенности.

Не требует комментариев то, какое влияние оказывало «прочтение» высказываний классиков марксизма-ленинизма для конструирования догматических схем в советских нарративах 1930–1980-х гг. В «основополагающем» тексте о гражданской войне в Эстонии на первой странице главы I («Историография») жирным шрифтом выделено: «В. И. Ленин — основоположник научной концепции истории Октябрьской революции и Гражданской войны»⁷.

В этой связи очень правдоподобным выглядит объяснение ясно видимого противоречия (войны нет, а мирный договор есть) тем, как В. И. Ленин отзывался о ситуации на Северо-Западе России в 1918–1920 гг. В его выступлениях по поводу войны на Северо-Западе обвинения в агрессии Эстонии не предъявлялись. В Политическом докладе ЦК 20 декабря 1919 г. на VIII всероссийской конференции ВКП(б) Ленин сказал:

⁷ Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917–1920). Таллин, 1988. С. 9.

Нет никакого сомнения, что самой небольшой помощи Финляндии или немного более — помощи Эстляндии было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда⁸.

Это же он повторил в докладе на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г.⁹ Употребляя в том и другом случае сослагательное наклонение, Ленин тем самым отрицал состояние войны между Эстонией и РСФСР. Другими своими высказываниями Ленин фактически санкционировал упоминание Тартуского мирного договора с Эстонией, поскольку многократно представлял его большой дипломатической победой большевиков над Антантой, которая толкала Ревель к войне с Москвой. В его «Докладе о работе ВЦИК и Совнаркома» говорится:

Мирный договор с Эстонией имеет громадное всемирно историческое значение... Когда мы завоевали мир с Эстляндией, мы доказали, что умеем идти вперед... Доказали наше умение своевременно и добросовестно отказаться от насилия для перехода к мирной политике, завоевав симпатии буржуазного правительства маленького государства, вопреки всей поддержке международного капитала¹⁰.

Таким образом, уже упоминавшееся противоречие в глазах советских историков таковым не становилось, поскольку было освящено непререкаемым авторитетом Ленина. Не было ни слова о войне с Эстонией и в книге, обязательной для прочтения всеми членами партии «Истории ВКП(б). Краткий курс». Пока этот труд являлся «руководством к действию», всякое отступление от него могло привести к тяжелым последствиям. Ничего не сказано о советско-эстонском конфликте в биографии Сталина¹¹.

В «Учебном пособии для университетов» 1960–1980-х гг., написанном академиком И. Б. Берхиным, бои в Эстонии в конце 1918 г. представлены исключительно боями с немцами¹². О дальнейших событиях в Балтийском регионе студенты узнавали, что

в Балтийское море был направлен английский флот для помощи контрреволюции в Прибалтике. Уже в январе 1919 г. объединенным силам интервентов и внутренней контрреволюции удалось свергнуть власть Советов в Эстонии... Чтобы отвлечь силы Красной армии с Восточного фронта и облегчить

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 348.

⁹ Там же. Т. 40. С. 175.

¹⁰ Там же. С. 90–92.

¹¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1952. С. 75.

¹² Берхин И. Б. История СССР (1917–1971). Издание второе, переработанное и дополненное. М., 1972. С. 113, 139–140.

положение Колчака, в мае 1919 г. империалисты бросили на Петроград белогвардейские войска Юденича¹³.

При этом в учебнике нет ни слова о «белоэстонцах», о взятии ими Пскова. Наступлению армии Юденича на Петроград осенью 1919 г. отведена 21 строка, причем почти все — о роли Ленина и о героизме питерского пролетариата. Как белогвардейцы оказались в Пулкове, Царском Селе и Колпине, почему разбитые войска Юденича были интернированы в Эстонии, читатель должен был догадываться¹⁴.

В отечественных энциклопедических изданиях мы видим ту же картину: войны не было, а мир после ее окончания был. В Большой советской энциклопедии (1-е изд.) в статье «Эстония» внимание акцентируется на походе Юденича 1919 г., который осуществлялся «при полной поддержке белоэстонцев». Победа Красной армии под Петроградом привела к тому, что «среди белоэстонских солдат начались волнения, и это заставило эстонское правительство вернуться к переговорам»¹⁵. В Советской военной энциклопедии в статье «Гражданская война и военная интервенция в России 1918–1920» говорится только о боях осени 1919 г. Статья заканчивается словами:

Остатки разбитой армии Юденича бежали на территорию Эстонии, где были разоружены. 5 декабря возобновились мирные переговоры Советской республики с Эстонией¹⁶.

В Советской исторической энциклопедии в статье «Советско-эстонские договоры» говорится, что Эстония получила из Москвы приглашение заключить мирный договор, поскольку

была вовлечена державами Антанты в борьбу против Советской России... Поражения Юденича и Деникина привели в декабре 1919 г. к возобновлению советско-эстонских переговоров¹⁷.

В Большой российской энциклопедии, где Гражданская война в России 1917–1922 гг. названа «цепью вооруженных конфликтов между различными политическими, социальными и этническими группами», сказано:

Летом–осенью 1919 г. последовало наступление на Петроград Северного корпуса под общим командованием генерала от инфантерии Н. Н. Юденича.

В октябре–ноябре оно было остановлено, Северо-западная армия разбита, а ее остатки отошли на территорию Эстонии¹⁸.

На приложенной к тексту карте особым значком отмечено «Заключение мирного договора между РСФСР и Эстонией в Тарту 2.2.1920». Таким же значком, только не красного, а синего цвета отмечены «Капитуляция войск ВСЮР в районе Одессы 13.2.1920 и Новороссийска 27.3.1920». Таким образом, авторский коллектив этого фундаментального издания не смутило упоминание мирного договора без упоминания вооруженного конфликта, породившего этот договор¹⁹. В статье «Петроградские операции Северо-Западной армии 1919» говорится, что тако-вые проводились

совместно с эстонскими войсками и силами британской эскадры в Гражданской войне 1917–1922 на северо-западе страны с целью захватить Петроград.

Кроме того, читатели энциклопедии узнавали об участии эстонских войск в боях на Псковском направлении и на побережье Финского залива. Свообразной данью прошлому являются слова о том, что

неудачный исход операции Северо-Западной армии привел к резкому сокращению помощи от эстонского правительства, которое начало поиск контактов с Советской Россией для заключения мирного договора.

На самом деле именно отказ от помощи «бело эстонцев» не оставил никаких шансов Юденичу на благополучный исход наступления на Петроград осенью 1919 г. Разгром Северо-Западной армии стал возможен из-за отказа Ревеля двинуть свои полки на восток и тем самым прикрыть фланги и тыл белых войск, прорвавшихся к Колпину и Пулкову²⁰.

В 1988 г. в свет вышла переведенная на русский язык коллективная монография «Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии», опубликованная на эстонском языке в 1977 и в 1982 г. под грифом Института истории партии при ЦК компартии Эстонии и Института истории АН Эстонской ССР. В самом начале этого издания сказано, что фундамент национальной государственности в Эстонии был заложен при «установлении и упрочении Советской власти в период с октября 1917 до немецкой оккупации в феврале 1918 г.»²¹. Разумеется, в дальнейшем этот тезис развивался согласно общим схемам истории установления Советской власти в России и защиты ее от контрреволю-

¹³ Там же. С. 121.

¹⁴ Там же. С. 145.

¹⁵ Большая советская энциклопедия. Т. 64. М., 1934. Стб. 703–704.

¹⁶ Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977. С. 12, 16.

¹⁷ Советская историческая энциклопедия. Т. 13. Стб. 184–185.

¹⁸ Большая российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 591, 595.

¹⁹ Большая российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 114.

²⁰ Там же. С. 114–116.

²¹ Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии. (1917–1920). Таллин, 1988. С. 5.

ционеров и интервентов. Выражение «эстонско-советская война» и, тем более, «освободительная война» не имело никаких шансов на появление в этой книге. Авторы виртуозно решают задачу построения текста таким образом, чтобы избежать формирования представлений о столкновениях на границах Эстонии и России как о конфликте межнациональном и, тем более, как о войне двух государств. При этом настойчиво говорится, что опорой национального правительства были сначала германские войска, затем — формирования немцев-остзейцев и русские белогвардейцы и, наконец, англичане, приславшие в Балтийское море свою эскадру²².

Далее, при описании боев конца 1918 — начала 1919 г., упоминаются только «белые» («буржуазные») и противостоящие им красные войска. Лишь однажды авторы при объяснении причин поражения 7-й армии фактически признают наличие межнационального конфликта в Прибалтике, неосторожно упомянув о том, что посылка подкреплений на эстонский участок фронта стала невозможна из-за напряженных боев с Деникиным²³. И чуть позже, при характеристике Тартуского мирного договора — еще одна проговорка: Эстония названа страной, «участвовавшей в антисоветской интервенции»²⁴. Но красных эстонцев на Южном фронте не было, и прислать могли только красных русских. Поскольку книга, фактически «итоговая» для советской историографии, была написана со всей строгостью соблюдения канонов, в ней достойное внимание уделено Тартускому мирному договору, представленному победой советской дипломатии²⁵.

Поскольку авторы советских популярных изданий строго следовали в фарватере авторов академических, было бы странно искать в их работах какие-то отклонения от генеральной линии. В позднесоветском популярном очерке «История Эстонской ССР» также нет ни слова о пребывании Эстонии и РСФСР в состоянии войны²⁶. В книге П. Е. Мельникова «Красногорский бастион», посвященной истории важного фортификационного сооружения на подступах к Санкт-Петербургу, мимоходом упомянуты белофинны и белоэстонцы, высадившие десанты в Лужской губе²⁷.

²² Там же. С. 471–475.

²³ Там же. С. 500.

²⁴ Там же. С. 699.

²⁵ Там же. С. 695–703.

²⁶ *Какх Ю., Сийливаск К.* История Эстонской ССР. Популярный очерк. Таллин, 1987. С. 122–130.

²⁷ *Мельников П. Е.* Красногорский бастион. Популярный исторический очерк. Л., 1982. С. 27–68.

В книге генерал-майора Г. Н. Караева «В боях за Петроград. Разгром Юденича в 1919 году», представляющей собой образец военно-исторического труда сталинской эпохи, столкновение с Эстонией выглядит следующим образом:

После освобождения Пскова части Красной Армии вышли к границам Эстонии. Одержанные нами победы заставили белоэстонское командование заключить с нами перемирие и начать переговоры о мире²⁸.

Караев не мог упомянуть ингерманландцев и написал: «Как и летом, белоэстонцы перешли в наступление вдоль южного побережья Финского залива»²⁹.

В постсоветское время слом идеологических барьеров позволил А. Б. Смолину предложить читателям книгу, которая по праву может считаться прорывом в изучении Гражданской войны на Северо-Западе. В ней много внимания уделено боям конца 1918–1919 г., что ранее оказывалось за пределами внимания историков. Не менее ясно было заявлено о принципиальных расхождениях между правительством Эстонии и руководством Северного корпуса.

Эстонские войска шли в бой, чтобы отстоять независимость своей страны, части Северного корпуса дрались за воссоздание единой и неделимой России, в которой Эстония могла рассчитывать только на автономию³⁰.

Смолин указал, что именно достижение эстонскими войсками этнографических границ в районе Нарвы и Пскова привело к прекращению активных боевых действий³¹.

Переключению внимания с эстонцев на армию Юденича безусловно способствовало то, что последняя угрожала Петрограду, который, утратив в 1918 г. статус столицы, в сознании россиян не сразу превратился в «губернский город». Более того, в те годы именно Петроград, а вовсе не Москва, являлся символом победоносной революции и местом, где началась «новая эра в истории человечества». Дополнительную сложность картине придавала борьба эстонцев с остзейским ландесвером. Внимание к столкновениям эстонских полков с немцами-остзейцами угрожало признанием РСФСР невольным союзником тех, кто боролся против права народов на самоопределение.

²⁸ *Караев Г. Н.* В боях за Петроград. Разгром Юденича в 1919 году. М., 1951. С. 140.

²⁹ Там же. С. 151.

³⁰ *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 58.

³¹ Там же. С. 127.

Сохранявшееся у советских вождей великодержавное сознание было уязвлено тем, что такой мир был заключен с маленьким и только что возникшим государством, «на отдельно взятой территории» которого антикоммунистические силы взяли верх над сторонниками советской власти. Наконец, некоторые положения договора находились в прямом противоречии с идеологией и практикой «экспорта революции». В Советской России были люди, считавшие Тартуский мир «позорным», имея в виду уступки, на которые пришлось пойти Москве³².

Поход Юденича на Петроград осенью 1919 г. из-за своей драматичности вытеснял бои с эстонцами более раннего периода, поскольку лидерам РСФСР пришлось трезво оценить ситуацию: забыть на время об экспорте революции и бросить все силы на удержание уже завоеванных позиций. Борьба с Юденичем стала важной составляющей общего мифа о Гражданской войне, а миф не терпит усложнений, тогда как включение в него «эстонского сюжета» создавало множество таковых. Внимание к столкновению РСФСР и Эстонии влекло за собой столкновение двух мифов-учредителей. При этом эстонский вариант имел националистический и политический характер. С русскими в 1918 г. эстонцы имели гораздо меньше счетов, чем с немцами. Не случайно главная битва Освободительной войны — 23 июня 1919 г., когда эстонская армия разбила ландесвер под Цесисом (Вынну). Именно этот день отмечался официально с 1934 г., а затем празднование было возобновлено в 1992 г. Для эстонцев важна и другая победа — прорыв обороны ландесвера 2 июля 1919 г. в районе Риги при участии латышских войск, что трактуется как освобождение Латвии от немцев.

Российской стороне, наоборот, важно было трактовать события 1918–1920 гг. на Северо-Западе исключительно как гражданскую войну, так как в противном случае РСФСР выглядела агрессором, потерпевшим поражение, а Красная армия становилась орудием подавления воли эстонского народа к образованию самостоятельного государства.

Советскую историографию и коммеморацию Гражданской войны можно условно разделить на три периода. Первый — до разгрома «троцкистско-зиновьевского блока», второй — до начала борьбы с культом личности Сталина, третий — до «ревизии истории» в эпоху перестройки. Все эти три периода объединяет отказ противоборствующей стороне в легитимности. Белые и красные считали друг друга вне закона, отвергали не только возможность примирения, но даже возможность каких-то переговоров. Столь же нелегитимными считались и правитель-

ства «буржуазных» государств, образовавшихся на окраинах бывшей империи. Этим во многом и объясняется решительный отказ от признания «самостоятельности» советско-эстонского конфликта, несмотря на очевидные факты существования в Эстонии правительства, на бои с армией, воевавшей под национальными знаменами, на ведение переговоров и последующее заключение мира с соблюдением всех дипломатических обрядов. Признание этого вооруженного конфликта столкновением двух государств создавало массу проблем с трактовкой событий 1918–1920 гг. как войны гражданской, где противоборствующие стороны разделяют политические взгляды и классовые интересы. Чтобы не считать бои конца 1918–1919 гг. борьбой красных и белых эстонцев, достаточно рассмотреть этнический состав противоборствующих сторон. В частях 7-й армии, дравшейся в декабре 1918 г. за Нарву, эстонцев была примерно половина, а вот в январе–мае 1919 г. в полках, дравшихся с белыми на фронте от Нарвы до Печор эстонцем был только каждый 10-й красноармеец³³. В советской историографии такие сведения немислимы, причем в текстах заметно стремление вообще обойти «национальный вопрос».

Упоминание о вооруженном конфликте между Эстонским и Советским государством создает неудобный фон для изложения последующих событий. После ликвидации независимых государств Прибалтики в 1939–1940 гг. появление исследований о двадцатилетнем периоде их истории — вещь совершенно невозможная, и тем более невозможен объективный рассказ о том, как Эстония, Латвия и Литва стали самостоятельными странами. Ведь эти нарративы вызывали естественный вопрос: почему же население этих бывших губерний Российской империи, по словам советской прессы, с таким воодушевлением голосовавшее за установление советской власти в 1940 г., не было столь разумно в 1919–1920 гг. и не подняло тогда красные флаги над своими столицами?

В постсоветский период сложность отношений России со странами Прибалтики способствовала консервации многих представлений о событиях того времени.

На неприятие конфликта на Северо-Западе как Эстонско-советской войны большое влияние оказала устойчивость имперских идей в советской и постсоветской России. Прибалтика, ставшая независимой и несоюзной (по крайней мере), воспринималась как территориальная утрата, как добыча «Запада». Представление о возможности независимости небольших стран до сих пор абсолютно не укладывается в головах россиян.

³² Рунцов А. И. Становление независимости Эстонии. Надежды и скепсис. 1905–1925 гг. // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей. М., 2018. С. 44.

³³ Валге Я. Фазы независимости Эстонии // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей. М., 2018. С. 59.

Список литературы

- Берхин И. Б.* История СССР. (1917–1971). М.: Высшая школа., 1972.
- Валге Я.* Фазы независимости Эстонии // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей. М., 2018.
- Зетттерберг С.* История Эстонской республики. Таллин: Издательство КПД, 2013.
- Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М.: Госполитиздат, 1952.
- Кахк Ю., Сийливааск К.* История Эстонской ССР. Популярный очерк. Таллин, 1987.
- Караев Г. Н.* В боях за Петроград. Разгром Юденича в 1919 году. М.: Издательство Министерства обороны Союза ССР, 1951.
- Корнатовский Н. А.* Борьба за красный Петроград. М.: Издательство АСТ, 2004.
- Ленин В. И.* Военная переписка 1917–1920 г. М.: Госполитиздат, 1943.
- Мельников П. Е.* Красногорский бастион. Популярный исторический очерк. Л., 1982.
- Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии. (1917–1920). Таллин, 1988.
- Рупасов А. И.* Становление независимости Эстонии. Надежды и скепсис. 1905–1925 гг. // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей. М., 2018.
- Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб.: Дмитрий Буланин. 1999.

Vladimir Vikentievich LAPIN

Doctor of historical Sciences, Professor of the faculty of history,
European University in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E-mail: lapin.vw@yandex.ru

Yudenich's March on Petrograd in 1919 and the Soviet-Estonian war of 1918–1920 in historiography and historical memory

The Yudenich's march into Petrograd on 1919 and The Estonian War of Independence 1918–1920 in historiography and historical memory. In Soviet Civil War historiography, the fact of a direct confrontation between Estonia and the RSFSR culminated in the signing of the Tartu peace treaty 1920 was diligently unreported. The Article implies to explain causes of this phenomenon in the context of development of soviet historical science.

Keywords: Civil War in the USSR, The Estonian War of Independence 1918–1920, N. N. Yudenich, soviet historiography, politics of memory.

УДК 94 (47). 084.3

ББК 63.3 (4). 612

Константин Игоревич ВАСИЛЬЕВ

библиотекарь, отдел газет, Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vitkov1420@yandex.ru

ОТ «БЕЛОБАНДИТА» ДО ГЕРОЯ: КАК МЕНЯЛСЯ ОБРАЗ ГЕНЕРАЛА Н. Н. ЮДЕНИЧА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ (1924–2019)

В статье на основе материалов советских и российских газет, вышедших после 1991 г., проанализировано отношение к личности и деятельности генерала Н. Н. Юденича. Рассмотрены оценки прессы, в каком контексте и в связи с какими событиями упоминалось имя генерала и как менялось отношение к его личности с течением времени. Автор устанавливает закономерности изменения интереса к Юденичу у журналистов в связи с политическими событиями и актуальности его личности для современников.

Ключевые слова: Юденич, Северо-Западная армия, газеты, Гражданская война в России.

Фигура Николая Николаевича Юденича (1862–1933), безусловно, знакома всем, кто интересовался историей Русской армии в Первую мировую войну, а также важнейшими событиями Гражданской войны в России. Герой Кавказского фронта Первой мировой войны и один из самых знаменитых руководителей Белого движения оставил о себе значительную память. Его успешное командование в таких операциях, как Сарыкамышское сражение, бои вокруг озера Ван, взятие Эрзурума и Трапезунда, было отмечено высокими наградами.

Несмотря на поддержку Февральской революции, Н. Н. Юденич вступил в конфликт с Временным правительством А. Ф. Керенского. Генерал поддержал корниловский мятеж, а после Октябрьского переворота стал ярким противником власти большевиков. Юденич нелегально проживал в Петрограде, а в январе 1919 г. по поддельному документу уехал с семьей в Финляндию, где участвовал в работе Русского политического комитета, который выбрал его вождем в борьбе с большевиками на Северо-Западе России¹.

Весной 1919 г. важным фактором в районе Петрограда стал Северный корпус (с 1 июля — Северо-Западная армия, СЗА). Под руководством Юденича СЗА осенью попыталась взять Петроград. На первых

¹ *Цветков В.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М. 2009. С. 309–310.

страницах петроградских газет появились угрожающие заголовки, занимавшие все первые полосы. Вот, например, что писала «Красная газета» 19 октября:

ВРАГ У ВОРОТ! Рабочие, красноармейцы, трудящееся население Петрограда все еще не вполне осознали опасность, нависшую над нами. Враг ничтожен по количеству, но он дерзок, ловок, действует напролом. Если мы не напряжем все силы, белые ворвутся в Питер, и если белые останутся в Питере хотя бы на один-два дня, они перережут сотни тысяч петроградских рабочих и работниц. Враг все еще находится в Гатчине, Красном Селе и стремится захватить Стрельну. Беспечности не может быть места! Надо бить в набат. Надо, чтобы все до единого поняли серьезность положения. ТОВАРИЩИ! Все призванные по мобилизации должны явиться немедленно. В заводские и районные отряды должны вступить все честные рабочие. Против сеятелей паники и ложных слухов должны принять меры беспощадного террора. Надо вооружаться. Надо, не откладывая дела ни на одну минуту, готовиться защищаться и в самом городе, если белым бандам удастся ворваться в стены города. За дело! Все в ряды! Бейте тревогу! Враг у ворот!

Троцкий, Зиновьев²

Подобные панические заголовки можно будет увидеть только спустя 22 года, когда осенью 1941 г. на пороге стоял уже другой враг... Действительно, силы красных в несколько раз превосходили силы наступающей СЗА, но, тем не менее, солдаты Юденича дошли до самых Пулковских высот, где прибытие свежих резервов и растянутость фронта белых позволило красным остановить наступление противника. Англичане и финны не оказали Юденичу содействия, эстонцы, чье правительство склонялось к миру с большевиками, также не горели желанием наступать и даже, снявшись с фронта, оголили левый фланг СЗА, чем не преминули воспользоваться красные. 21 октября большевики начали контрнаступление, которое после тяжелых боев привело к отступлению Белой армии до самой эстонской границы. Здесь войска Юденича вели бои в тяжелых погодных условиях без подкреплений и снабжения, пока, наконец, эстонское правительство не позволило им пересечь границу. В Эстонии армия была разоружена и интернирована, причем множество людей умерло от эпидемии тифа, голода и холода, многие дезертировали. 22 ноября Юденич подписал приказ о роспуске СЗА³.

В эмиграции Юденич поселился во Франции. В отличие от многих белых генералов, он отошел от всякой политической деятельности, возглавлял Общество ревнителей русской истории, участвовал в работе других просветительских организаций, скончался в Ницце в 1933 г. от туберкулеза легких.

² Троцкий Л., Зиновьев Г. Враг у ворот! // Красная газета. 1919. 19 октября. С. 1.

³ Шишов А. В. Генерал Юденич. М., 2002. С. 456–458.

Несмотря на то что в 1919 г. Юденич был одним из самых заметных деятелей Гражданской войны и всерьез угрожал «колыбели революции», его отказ от противостояния большевикам в дальнейшем и фактически самоустранение из политической жизни привели к тому, что его фигура несколько померкла на фоне других лидеров Белого движения, таких как Деникин, Врангель, Семенов. Поэтому неудивительно, что чем больше лет проходило после окончания Гражданской войны, тем реже советская пресса вспоминала о Юдениче. Так как тема героев Первой мировой войны или, как ее называли в СССР, «империалистической», по понятным причинам замалчивалась в советской прессе, то о подвигах Юденича на Кавказе, естественно, не писали, и в основном о нем вспоминали как о противнике в годы Гражданской войны. Причем нельзя сказать, что его личности уделялось много внимания. В конце концов, опасности для советской власти он уже не представлял, поэтому особых поводов, кроме очередной годовщины обороны Петрограда, обычно не было.

Условно упоминания о Юдениче в советской прессе можно разделить на три группы: 1) 20-е — первая половина 30-х гг., когда память о событиях была еще свежа и были живы многие их участники; 2) вторая половина 30-х — 50-е гг., когда резко усилился культ личности И. В. Сталина, события Гражданской войны померкли на фоне Великой Отечественной, а все успехи в Гражданской войне стали приписываться лично «отцу народов», и Юденич упоминался в числе белых генералов, в разгроме которых Сталин принял непосредственное участие; 3) 50–80-е гг., когда о Юдениче вспоминали в основном в годы юбилеев революции. Конечно же, в годы советской власти никакого другого отношения к личности Юденича, кроме негативного, быть не могло. При этом отношение к СЗА было даже несколько презрительным. Появившиеся еще в годы Гражданской войны выражения «белобандит», «белобандитские банды Юденича» прочно вошли в лексикон советских журналистов, создавая у читателя ощущение, что Юденич командовал неким интернациональным сбродом из бандитов, кулаков и дворян, который по какому-то недоразумению смог добраться до Петрограда исключительно благодаря помощи Антанты.

Интересно рассмотреть, как упоминался Юденич в довоенной прессе. В начале 1924 г. умер В. И. Ленин, поэтому в газетах печаталось много его директив и писем, в том числе посвященных обороне Петрограда. Например, в «Известиях» 20 февраля 1924 г. было опубликовано письмо Ленина красноармейцам, написанное 19 октября 1919 г.:

Товарищи красноармейцы! Царские генералы — Юденич на севере, Деникин на юге, — еще раз напрягают силы, чтобы победить советскую власть, чтобы восстановить власть царя, помещиков и капиталистов. Мы знаем, как кончилась подобная же попытка Колчака. Ненадолго обманул он уральских рабочих и сибирских крестьян. Увидев обман, испытав бесконечные

насилия, порку, грабежи от офицеров, сынков помещиков и капиталистов, уральские рабочие и сибирские крестьяне помогли нашей Красной армии побить Колчака. Оренбургские казаки перешли прямо на сторону советской власти. Вот почему мы твердо уверены в нашей победе над Юденичем и Деникиным. Не удастся им восстановить царской и помещичьей власти. Не бывать этому! Крестьяне восстанут уже в тылу Деникина. На Кавказе же горит ярким пламенем восстание против Деникина. Кубанские казаки ропщут и волнуются, недовольные деникинским насилием и грабежами в пользу помещиков и англичан. Будем же тверды, товарищи красноармейцы. Рабочие и крестьяне все более сплочены, все с большим сознанием все более решительно ставятся в пользу советской власти. Вперед, товарищи красноармейцы! На бой за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов, победа будет за нами!⁴

Юденича часто упоминали в статьях, посвящённых результатам Гражданской войны и деятельностью интервентов. В основном они касались разоблачения деятельности правительств стран Антанты, ущерба, которое понесло народное хозяйство в годы войны, а также успеха производства в преодолении постреволюционной разрухи. Так, в «Правде» 3 апреля 1924 г. появилась статья «Новые разоблачения об истории интервенции. Как Гувер и Черчилль помогали Юденичу. Роль фон дер Гольца. Французские интриги»:

Нью-Йорк, 1 апреля (Роста). В интервью корреспондентам Роста капитан Мартин сегодня сообщил дополнительные подробности об участии Америки, Англии и Франции в наступлении Юденича на Петроград. Мартин показал корреспонденту консоаменты, касающиеся погрузки газаolina, смазочного масла и автомобильных частей, отправленных из Франции в Ревель для комитета по снабжению Северо-Западной армии. Он также показал письмо, подписанное генералом Эрнстом Валем, в котором удостоверяется, что Валь действительно приехал из Франции в Ревель на пароходе капитана Мартина «Лек Фрей». По словам Мартина, генерал Валь, бывший при царском правительстве командующим Петроградского военного округа, являлся военным представителем Колчака, Деникина и Юденича в Париже. Мартин говорит, что у него имеются телеграммы от Гувера, в которых последний просит его перевести генерала Валя в Россию, на что Мартин сперва не соглашался ввиду нелегальности проезда военных лиц на нейтральном торговом судне. Гувер, однако, оказал давление на администрацию американского судоходного департамента, которая и предложила капитану Мартину разрешить Валью путешествие на его пароходе. По словам Мартина, генерал Валь сообщил ему, что план поддержки Юденича был выработан в Париже между Гувером в качестве представителя Америки и Черчиллем как представителем Англии. Гувер обязался поставлять Юденичу продовольствие, автомобильные части и газолин, а Франция и Англия брали на себя снабжение армии Юденича военным оборудованием, снарядами и тому подобными военными грузами. Ан-

глийский флот должен был ожидать падения Петрограда в ревельских водах, а финская армия — на границе. Балтийские бароны фон дер Гольц и Бермонд должны были поддержать операцию Юденича. Вследствие протеста английских рабочих Черчиллю не удалось прислать аэропланов и танков, а фон дер Гольц преждевременно начал кампанию в Латвии, вынудив этим Юденича выступить с недостаточными вооруженными силами. Тогда английский генерал Гофф обратился к Мартину с просьбой закупить для Юденича аэропланы и пулеметы в Германии. Мартин, опасаясь возможных последствий, обратился за советом к американскому комиссару в Гельсингфорсе Гэннесу, который телеграфировал по этому поводу американскому посольству в Париже. Не получив противоположных инструкций, Мартин заключил с начальником штаба по снабжению Северо-Западной армии генералом Яновым договор о покупке аэропланов и т. п. в Германии. Специальная комиссия, расследовавшая впоследствии образ действий Мартина в ноябре 1919 года, пришла к заключению, что Мартин не нарушал американских законов. Сенатор Бора, расследовавший показания Мартина, по всей вероятности, возбудит о них вопрос, когда будет снова созвана комиссия по русскому вопросу⁵.

В статье упомянута роль Бермондт-Авалова и фон дер Гольца в ходе осеннего наступления Юденича на Петроград. Ряд историков считает, что Бермондт-Авалов был тесно связан с немцами⁶, и его наступление было связано с германской политикой в Прибалтике, которая шла вразрез с планами Юденича, и в итоге Бермондт-Авалов так и не оказал никакой помощи Юденичу, что стало одной из причин провала наступления на Петроград.

Другая любопытная заметка за авторством будущего академика Академии медицинских наук СССР Н. А. Семашко «Счет кровью. Вниманию обществу содействия жертвам интервенции»⁷ была посвящена жертвам Первой мировой и Гражданской войн. Потери убитыми в Мировой войне оценивались в 672 086 чел., ранеными и пострадовавшими от газов — 3 803 827, пропавшими без вести — 2 333 375, заболевшими — 5 069 920 чел. Данных по Гражданской войне автор не имел, но указал на высокую убыль населения в годы конфликта. Так, в Петрограде средний общий коэффициент смертности во время наступления Юденича от всех причин составлял 72 на 1000 человек населения.

В первые годы после Гражданской войны в газетной хронике часто встречались описания процессов над бывшими белогвардейцами, в том числе бойцами СЗА. Так, 14 февраля 1924 г. в «Известиях» появилась объемная статья «Дело белогвардейца Чугунова»⁸. История его весьма

⁵ Новые разоблачения об истории интервенции. Как Гувер и Черчилль помогали Юденичу. Роль фон дер Гольца. Французские интриги // Правда. 1924. 3 апреля. С. 2.

⁶ Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М., 2004. С. 606.

⁷ Семашко Н. Счет кровью // Известия. 1924. 18 апреля. С. 2.

⁸ Дело белогвардейца Чугунова // Известия. 1924. 14 февраля. С. 7.

⁴ Ленин Н. К товарищам красноармейцам // Известия. 1924. 20 февраля. С. 1.

интересна и до некоторой степени типична для многих солдат армии Юденича, набранных из перебежчиков. Бывший офицер царской армии (сын крестьянина), мобилизованный в 1918 г., он был отправлен на фронт против Юденича и попал в гарнизон форта Красная Горка, где 13 июня 1919 г. принял участие в антибольшевистском восстании гарнизона. Он влился в ряды СЗА и участвовал в боях с большевиками, пока не был ранен 21 октября. Ему удалось благополучно перейти границу Эстонии, пережить все ужасы интернирования и устроиться помощником слесаря на Русско-Балтийский завод в Ревеле. Так как он не имел разрешения на проживание в городе, он был арестован полицией и выслан на работы на станцию Мыйзакула. Оттуда он смог перебраться на территорию Польши, где вступил в белогвардейскую 3-ю русскую армию генерала Б. С. Пермикина, сформированную с польской помощью. После отступления этой армии Чугунов опять был интернирован, на этот раз поляками. В 1921 г. он вступил в разведывательную организацию Б. В. Савинкова, получив задание перейти советскую границу и узнать численность приграничных гарнизонов. В районе реки Десны он в составе отряда полковника Леватина участвовал в нападении на погранзаставы и разорении совхозов. По возвращении в Польшу он был арестован властями и отправлен в концлагерь. В 1922 г. через русско-украинскую делегацию по репатриации от возбудил перед ВЦИК ходатайство о возвращении в РСФСР. В том же году он вернулся в Россию и был восстановлен в правах. Но уже в 1923 г. он был снова арестован и в 1924 г. приговорен (учитывая его чистосердечное раскаяние, добровольное возвращение на родину и классовое происхождение) к 10-летнему заключению, лишению имущества и поражению в правах на 5 лет. Вот такая судьба бывшего «северозападника», успешного повоевать за обе стороны конфликта.

Пожалуй, наиболее частых упоминаний в газетах удостоился Юденич в год десятилетней годовщины обороны Петрограда в 1929 г. В этот год годовщина обороны отмечалась, пожалуй, наиболее масштабно.

Очеркист Е. Южный (наст. имя — Ефим Маркович Окунь) подготовил целый цикл рассказов «Юденич под Петроградом», которые публиковались в «Смене» в начале октября 1929 г. Появились очерки «Огни Петрограда», «Оборванный провод», «Дезертиры на фронте», «Саван белопогонному Наполеону», «Комсомольская рота в бою», «Дни перелома», «Под натиском красных»⁹. Пожалуй, наиболее интересным тут является то, как описывается Юденич. «Белопогонный Тьер¹⁰ русской контрреволюции», опереточный вождь «христолюбивого воинства» уже

приготовил верёвки, чтобы вешать рабочих. Петроград сравнивается с Парижем времен Коммуны, а петроградские работницы — с коммунарками. Довольно забавно, что Юденич назван «опереточным лидером», но при этом «Наполеоном контрреволюции», который смотрит в бинокль с Пулковских высот на заполненные рабочей гвардией проспекты красной столицы. Буржуазия и духовенство под колокольный звон встречают Юденича, а белогвардейская пресса ликует. Любопытно, что войска красных описаны в этот момент не лучшим образом:

Лучшие командиры, чувствуя свое бессилие задержать выход врага к Петрограду, кончали жизнь самоубийством. Разумной распорядительности не было. На настроение войск действовала слякотная сырая погода и отсутствие кухонь, обозов, которые исчезли, удрав далеко в тыл. Подавленность настроения переплеталась с малоподготовленностью и неопытностью работников в штабах и отсутствием инициативного младшего командного состава. Неприятель, можно сказать, гнал расстроенные красные полки без остановки вплоть до Лигова и Пулковских высот. Он делал до Гатчины, Красного Села и Детского по 25–30 км в сутки¹¹.

Город готовился к обороне. Революционный энтузиазм рвался наружу, комсомольцы из тыловых батальонов старались попасть на фронт. Автор считал, что армия Юденича была бы непременно уничтожена на улицах столицы в городских боях, даже если бы большевики не смогли удержать Пулковские высоты. Описывается эпизод, как красные курсанты сражаются с танками Юденича и даже захватывают одну машину:

Курсанты показали, что если есть революционный подъем и сильная ненависть к буржуазии, то и танки не страшны. Буржуазная печать, ошеломленная этим фактом, этим беззаветным героизмом революционных солдат, тогда писала: «Петроградские курсанты, опьяненные кокаином, с голыми руками бросались под танки». Иначе не могла понять белогвардейская эмиграция героический поступок революционеров¹².

Приводится весьма любопытная история про комсомольцев, которые попали в плен к белым и, чтобы перебежать к красным, записались в белый полк¹³. При этом один из героев был ранен в бою, пролежал 5 месяцев в госпитале и был обменен на пленных белых и эстонцев, захваченных красными. С учетом того, что комсомольцы воевали на стороне врага, подобную историю вряд ли бы опубликовали 20 лет спустя, при этом с сочувствием к перебежчикам!

Тяжесть боев также не скрывалась от читателя:

¹¹ Южный Е. Оборванный провод // Смена. 1929. 2 октября. С. 4.

¹² Южный Е. Дезертиры на фронте // Смена. 1929. 3 октября. С. 4.

¹³ Южный Е. Комсомольская рота в бою // Смена. 1929. 5 октября. С. 4.

⁹ См. ниже.

¹⁰ Луи Адольф Тьер (1797–1877) — французский политический деятель, жестоко подавивший Парижскую коммуны.

Противник дрался упорно. Противник чувствовал, что наступили решающие дни. Кое-где противник пытался перейти в наступление. Но это ему не удавалось. И 25–26 октября полки Юденича начали в беспорядке отступать на правом фланге... Высотское несколько раз переходило из рук в руки. Со стороны белых действовали под Высотским отборные части: Семеновский и Талабский полки, ударный танковый батальон, 2 десантные роты, авиароты и первый конный полк Балаховича-младшего, всего до 3000 сабель и штыков. Но Высотское осталось в руках Красной армии, а в ночь на 3 ноября Родзянко без боя бросил Гатчину. Армия Юденича отступала по всему фронту¹⁴.

Цикл юбилейных статей Южного завершился большой тематической статьей «1919–Враг у ворот–1929», вышедшей 23 октября¹⁵. В качестве иллюстраций приведены фото времен обороны, знаменитый плакат «Грудью на защиту Петрограда», пересеченный крестом портрет Юденича и некоего странного «белогвардейца» в летном шлеме. Приводятся статьи 1919 года о переломе на фронте, а также воззвание интервентов, «друзей и хозяев Юденича», к петроградским рабочим с угрозой расправы в случае сопротивления. Вспоминается награждение Петросвета от имени 7-го Съезда Советов красным знаменем с орденом Красной Звезды — символом его заслуг перед революцией. Также в газетах сообщалось о большой выставке в Музее революции, посвященной дням обороны города¹⁶.

Вот что писала «Правда» о праздничных событиях:

В ознаменование исполнившегося десятилетия наступления Юденича на Петроград на фабриках и заводах, в рабочих клубах и красноармейских частях устраиваются доклады о героическом отражении питерскими рабочими банд Юденича. Рабочие организации выделяют специальные средства в фонд постройки танка «За красный Петроград». Объявлен сбор на постройку самолета «Петроград — красный борец». В Музее революции организована большая выставка «Оборона Петрограда» и, кроме того, устраиваются передвижные выставки по области и городу. В одном из домов культуры будет устроено торжественное заседание Ленинградского совета совместно с активными участниками обороны Петрограда¹⁷.

Также приводились воспоминания полковника Е. С. Грушко, начальника Ленинградского областного управления милиции, о его участии в боях по защите города.

«Ленинградская правда» перечислила праздничные события в городе: собрание Ленсовета, выход книг воспоминаний участников, тор-

жественные митинги и пр. «Совкино» выпустило фильм на эту тему — «Заговор мертвых». 17 октября вышла статья «Если Юденич прорвется в город... или За Питер умереть или в Питере жить, но Питера не отдавать!»¹⁸. В статье описывалось, как город готовился к бою. Возводили баррикады на улицах, устанавливали пулеметные гнезда и пушки — в течение 48 часов город был готов к бою. 23 октября вышла большая тематическая статья «Годовщина пролетарского героизма»¹⁹. В ней повторялись те же сюжеты, что и в других газетах — организация обороны, воспоминания участников, коварные планы Юденича по уничтожению пролетариата.

Жизнь самого Юденича за границей не интересовала советских журналистов, тем более, что он отказался от политической деятельности. О нем вспомнили лишь в 1933 г., когда поступило известие о его кончине. 8 октября газета «Правда» опубликовала короткий и довольно язвительный очерк на этот счет:

В Сен-Лорен-дю-Вар (вблизи Ниццы) умер бывший генерал царской армии Юденич, командовавший в период гражданской войны (1919 г.) Северо-Западной белогвардейской армией, сформированной в Эстонии. Белые банды Юденича, наймита английского империализма, были брошены к воротам красного Петрограда в острейший для молодой Советской республики момент, когда рабочие и крестьяне героически оборонялись от своры белогвардейских армий, окруживших страну цепью своих банд. На территории Эстонии, в Ревеле, английский генерал Марш и начальник антантовской прибалтийской миссии генерал Гоф, на территории Финляндии, в Гельсингфорсе, генерал Маннергейм благословил Юденича, дав ему задание — утопить красный Питер в потоках рабочей крови. Империалисты снабдили золотопогонников артиллерией, танками и самолётами. Они прикрывали фланги Юденича огнем своей морской эскадры, оперировавшей в Копорском заливе. Печать английских империалистов уже торжествовала победу. За несколько дней до разгрома Юденича она писала о взятии Петрограда. Так уверены были капиталистические хозяева в боеспособности своих золотопогонных холуёв! Но рано ликовали белые. Против откормленных, вооруженных до зубов золотопогонников выступили полуодетые, плохо вооруженные, измученные ожесточенными боями красные части. Красный Петроград напряг свои силы. Женщины, дети и старики шли на подмогу красным частям. Города и села Страны Советов лихорадочно бросали новые части на помощь Красному Петрограду. Полные энтузиазма и классовой ненависти, красные войска разбили белые части Юденича несмотря на английские танки, самолеты, пушки. Выброшенный вместе со всей прочей белогвардейской сволочью за пределы красных границ, золотопогонный антантовский наймит поплыл

¹⁴ Южный Е. Под натиском красных // Смена. 1929. 8 октября. С. 4.

¹⁵ 1919–Враг у ворот–1929 // Смена. 1929. 23 октября. С. 2.

¹⁶ Юденич под Петроградом // Смена. 1929. 20 октября. С. 4.

¹⁷ Десятилетие обороны Петрограда от Юденича // Правда. 1929. 11 октября. С. 6.

¹⁸ Ком В. Если Юденич прорвется в город // Смена. 1929. 17 октября. С. 4.

¹⁹ Геронимус А. Годовщина пролетарского героизма. Десять лет обороны Петрограда // Ленинградская правда. 1929. 23 октября. С. 2.

Ил. 1. Карикатура «Кукрыниксов»

по мутным волнам белой эмиграции, по кабацко-монархистским «штабам» и притонам. Собачьей смертью умер антантовский лакей, чьи белые банды 14 лет назад были разбиты и рассеяны под красным Питером²⁰.

Газета «Известия» отметилась более крупным очерком А. Гарри, в котором также не следовала традиции «о мертвом хорошо или нечего»:

Поздней осенью 1919 года генерал Юденич, одуревший от чада пряной лести, которую расточали ему приближенные, во главе превосходно обмундированной и вооруженной армии шел восстанавливать цивилизацию, низвергнутую большевиками. Весь мир наблюдал за походом Северо-Западной армии... Генерал Юденич, бывший нач-

альник штаба Кавказской армии, прибыл по поручению Колчака в Ревель и, найдя там готовый белогвардейский корпус, решил освобождать Россию на свой страх и риск. Из Ревеля было ближе до Питера, чем из Омска, добыча была заманчивой, у генерала потекли слюны. В то время в Ревеле болталось бесчисленное количество авторов самых разнообразных проектов освобождения России. Генерал Юденич распихал всю эту толпу локтями и стал во главе Северо-Западной армии. Генерал мнил себя самостоятельным, но это было лишь иллюзией: общим планом военных операций, имевшим целью ликвидировать большевизм, руководил центр интервенции, находившийся в Лондоне. Генерал был всего-навсего арлекином, веревочки, при помощи которых арлекин приводился в движение из-за Ламанша, дёргали из-за Ла-Манша чьи-то усеянные перстнями руки. Генерал Юденич думал, что он умнее и Колчака, и Деникина. Он хотел оставаться в хороших отношениях с населением завоеванной страны, бывшей своей родины. В архивах сохранился любопытнейший приказ, в котором генерал Юденич запрещал офицерам ношение золотых погон, ибо термин «золотопогонник» для населения является ненавистным. Генерал был тонким знатоком человеческих душ. Северо-Западное правительство издало целый ряд декретов, имевших целью сохранить в завоеванных районах РСФСР «статус-кво», в том числе и в вопросах о земельной собственности. В секретной переписке по поводу этих декретов неизменно указывалось, что все меры должны быть приняты, дабы «не возмущать населения». Генерал Юденич был предусмотрителен. Однако шила в мешке не удалось утаить. Белогвардейские генералы и ретивые администра-

²⁰ Смерть Юденича // Правда. 1933. 8 октября. С. 4.

торы, дорвавшиеся до гражданской власти, спешили награть все, что можно было, отомстить проклятой черни за Октябрь. Путь белой армии Юденича был усеян виселицами не в меньшей степени, чем путь армии Деникина... В полевой ставке главнокомандующего вывезенный из какого-то эстонского кабака художник писал маслом портрет завоевателя России. Генерал Юденич был в белом мундире при аксельбантах и орденах. Единственное затруднение заключалось в том, что трудно было достать белую лошадь, на которой генерал должен был выезжать в покоренный Питер: белых лошадей в армии не было, они давным-давно были по несколько раз перекрашены и перепроданы интендантству разносторонним генералом Яновым... После неудачного похода на Питер имя генерала Юденича перестало котироваться на биржах интервенции. Английские антрепренёры, вздохнув, посчитали убытки, северо-западные правители поделили между собой все, что осталось от казны. Они разбрелись по эмиграциям. Некоторые из них еще несколько раз фигурировали в различных мифических правительственных комбинациях, другие пребывали в неге. Но генерал Юденич уже не выплыл на поверхность политической жизни... Старый и не весьма доблестный генерал, неудачный «завоеватель» города Ленина угрюмо и одиноко доживал свой век в тени пальм Ривьеры. И использованный арлекин сразу оказался ненужным, нити, за которые его некогда дергали, оборвались... Физическая смерть генерала Юденича ни в какой степени не является историческим событием. Мы вспоминаем о нем сейчас потому, что разгром его армии является блестящим историческим доказательством непобедимости молодой еще тогда и наспех организованной Красной армии, непобедимости Октября. Судьба генерала Юденича должна послужить предостережением для всех, кто еще и сейчас бредит о том, чтобы въехать в пределы нашего социалистического отечества на белом коне завоевателя²¹.

Статья снабжена известной карикатурой Кукрыниксов, изображающей Юденича, скачущего на коне из-под стен Петрограда (ил. 1). Это не единственная карикатура знаменитого коллектива художников на генерала. В журнале «Крокодил» в 1937 г. вышла серия карикатур на белых генералов «Кого мы били», снабженная юмористическими стихами

²¹ Гарри А. Юденич // Известия. 1933. 10 октября. С. 2.

Ил. 2. Карикатура «Кукрыниксов»

Демьяна Бедного. Не обошли карикатуристы и Юденича, который на их рисунке отступал из-под Петрограда пешком, роняя по пути фуражку и награды (ил. 2). Дополнен рисунок виршами Демьяна Бедного:

Генерал Юденич бравый
Тоже был палач кровавый.
Прорывался в Ленинград,
Чтоб устроить там парад:
Не скупился на эффекты
Разукрасить все проспекты:
На оплечья фонарей
Понавесить бунтарей.
Получив под поясницу,
И Юденич за границу
Без оглядки тож подрал,
Где тринадцать лет хворал
И намедни помер в Ницце
В венерической больнице
Под военно-белый плач:
«Помер истинный палач!»

Ил. 3. Рисунок Н. Денисовского.
«Крокодил», 1927

Юденич неоднократно высмеивался в «Крокодиле». Например, еще в 1927 г. вышла серия карикатур Н. Денисовского «Враги Октября», где Юденич был представлен в компании Колчака, Врангеля, Корнилова, Краснова и Петлюры. Любопытно, что «Литературная газета» в 1972 г. перепечатала эти карикатуры в честь очередной годовщины революции²². Юденич, прикрывающийся планом Петрограда, изображен в форме с пояснением (ил. 3):

Генерал Юденич. Генерал как генерал. Отличается от Деникина тем, что желал взять не Москву, а Ленинград. Похож на Деникина тем, что остался только при желании.

Вообще в советской прессе Юденича традиционно показывали в комедийном виде, но при этом иногда вспоминали, что он действительно представлял большую угрозу для советской власти. Такой противоречивый образ Юденича вошел в советскую печать, так что некоторые авторы не совсем представляли, как выставить Юденича — смешным и безвольным ставленником Антанты, руководителем разношерстных банд, или опасным генералом-«золотопогонником» типа Деникина и Врангеля. Обычно все успехи Юденича сводились к выбору удачного момента для наступления и слабости красных на участке прорыва, а не к его военным

талантам. Об успехах генерала в Первую мировую войну писать не было принято. Исключением, пожалуй, стала статья Алексея Толстого «Аджарисцхали»²³, и то с изрядным количеством сомнительных фактов:

В 1916 году, в январе, представители английского правительства и печати чувствовали в Лондоне русских корреспондентов. Незадолго до этого армией генерала Юденича был взят Эрзурум. Англичане с восторгом пили за это событие, за Русскую армию и в особенности за русскую национальную культуру... Из интервью с генералом, командиром фронта выяснилось: аджарцы, в особенности курды, ненадежны. Чувство патриотизма им недоступно, как дикарям. Курды — природные разбойники и жулики... В дальнейшем я узнал, что высшее командование в лице генерала Юденича влияло по подозрению всех так называемых «инородцев». Генерал Юденич действовал с военной решительностью. Несколько сот человек было расстреляно. Великолепные земельные участки по Аджарисцхали, Чороху и морскому побережью конфискованы. Само собой, возникло общество по скупке и продаже этих очаровательных уголков. Генерал Юденич стал крупным земельным собственником. Зеленые волны Аджарисцхали, наверно, мерещились ему, когда он хмурой осенью, хмуро сидя в Гатчине, посылал на Пулковку отчаянную сволочь, прикрывшую русскую сложную душу английскими шинелями.

В 30-е годы в газетах также иногда мелькало имя Юденича. Например, на Пулковских высотах проводились экскурсии по местам боев. Участники событий делились воспоминаниями, которые транслировались по ленинградскому радио. Устанавливались памятные знаки и памятники, например, «Ленинградская правда» писала об установке близ станции Поповка шестиметрового обелиска на братской могиле павших красноармейцев²⁴. Другой памятник был установлен в ноябре 1940 г. на окраине Кингисеппа в «Роще пятисот» — месте расстрела 500 красноармейцев и гражданских лиц в 1919 г.

В 30-е годы пресса начала активно писать о роли Сталина в разгроме Юденича. Действительно, Сталин участвовал в организации обороны города и непосредственно в подавлении восстаний на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Но со временем практически все успехи в Гражданской войне стали связываться с именем Сталина. Если раньше его заслуги в основном ограничивались обороной Царицына, то к концу 30-х разгромы Юденича, Врангеля и Колчака связывали непосредственно с деятельностью Сталина. Например, статья от 20 октября 1939 г., посвященная разгрому Деникина и Юденича, скромно называлась «По плану

²³ Толстой А. Аджарисцхали // Известия. 1933. 1 января. С. 5.

²⁴ Памятник защитникам Петрограда // Ленинградская правда. 1939. 18 октября. С. 3.

товарища Сталина»²⁵. В статье «Разгром второго наступления Юденича на Петроград»²⁶ говорилось:

Для быстрого разгрома врага партией был направлен на фронт лучший организатор побед, величайший стратег революционной войны — товарищ Сталин.

В 1939 г., несмотря на бурные политические события в мире, 20-летие разгрома Юденича отмечалось не меньше, чем 10-летний юбилей. Бригада ленинградских художников-баталистов под руководством профессора Р. Р. Френца закончила панораму «Оборона Петрограда»²⁷, которая была выставлена в Музее революции. В газетах заранее вышел ряд статей: «В боях за красный Петроград. К 20 годовщине героической обороны Петрограда»²⁸, «Город навсегда советский», «Ленин и Сталин — руководители обороны Петрограда»²⁹ и др.

В «Смене» и «Ленинградской правде» 21 октября празднованию юбилея были посвящены по две полосы, на которых демонстрировались фрагменты законченной панорамы обороны города. Естественно, товарищ Сталин присутствовал и здесь³⁰. Интересно, что какой-то определенной даты празднования победы над Юденичем на существовало, юбилей отмечали между 19 и 25 октября — когда войска Красной армии перешли в наступление против СЗА. Но в 1939 г. все же основной датой праздника считалось 21 октября. Кроме праздничных статей, стихов, телеграмм Ленина, отправленных Петросовету, и воспоминаний участников боев, печатались также карикатуры. На одной из них был изображен Юденич, в мечтах въезжающий в Петроград на белом коне, где его, конечно же, встречают толстые кулаки, попы с хоругвями и капиталисты. На другой картинке он в ужасе скачет прочь от красноармейских штыков, роняя фуражку. Тот же сюжет обыгрывался в другой карикатуре — Юденич, сидя на лошади, смотрит на часы и думает: «Скоро я буду на Невском». На следующей картинке под названием «Обещание выполнено» рабочий держит чучело Юденича на палке на фоне скульптуры юноши и коня с Аничкова моста.

²⁵ Воробьев Б. Ф. По плану товарища Сталина // Комсомольская правда. 1939. 20 октября. С. 2.

²⁶ Залеская А. Разгром второго наступления Юденича на Петроград // Ленинградская правда. 1939. 18 октября. С. 2.

²⁷ К 20-летию обороны Петрограда // Ленинградская правда. 1939. 18 октября. С. 3.

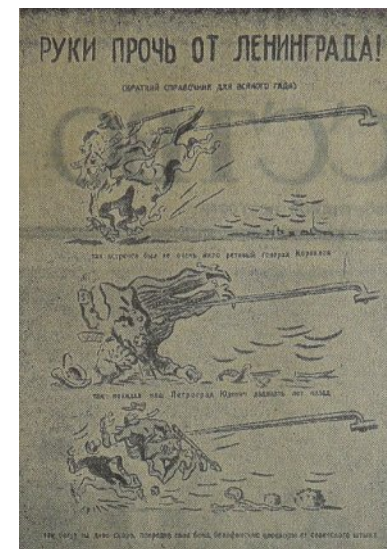
²⁸ Ростов Л. В боях за красный Петроград // Ленинградская правда. 1939. 20 октября. С. 2.

²⁹ Корнатовский Н. Ленин и Сталин — руководители обороны Петрограда // Ленинградская правда. 1939. 21 октября. С. 2.

³⁰ Там же.

Вот как описывала праздничные мероприятия в городе «Смена»:

Годовщина разгрома белогвардейских банд Юденича отмечается многочисленными вечерами в домах культуры, клубах, на предприятиях и в учреждениях Ленинграда. Устраиваются доклады, лекции, выставки, экскурсии по историческим местам и т. д. В Выборгском доме культуры 21 октября начинается цикл лекций об обороне Петрограда и роли товарища Сталина как руководителя исторических побед над армией Юденича. 24 октября в главном зале состоится вечер встречи стахановцев района с рабочими Выборгской стороны — участниками боев за красный Петроград. Дом культуры организует экскурсии трудящихся по местам разгрома банд Юденича. Юбилейные вечера организуют также в Василеостровском дворце культуры имени С. М. Кирова, доме культуры промкооперации, клубе имени Газа и др.³¹

Ил. 4. «Боевой карандаш»

В 1940 г. вышел фильм «Разгром Юденича» (другое название — «Оборона Петрограда») режиссера П. Петрова-Бытова. Выход фильма активно обсуждался в прессе.

В том же году Юденич снова появился на плакатах и карикатурах в связи с Советско-финляндской войной. Так, в статье «Боевой карандаш»³² в газете «Советское искусство» появилась карикатура «Руки прочь от Ленинграда! Краткий справочник для всякого гада», изображающая убегающих от красных штыков генералов Корнилова и Юденича, а также белофиннов, со стишками (ил. 4):

— Так встречен был не очень мило ретивый генерал Корнилов...
— Так покидал наш Петроград Юденич двадцать лет назад...
— Так бегут на диво скоро, повредив свои бока,
Белофинские шюцкеры от советского штыка...

³¹ Вечера, доклады, экскурсии // Смена. 1939. 18 октября. С. 3.

³² Боевой карандаш // Советское искусство. 1940. 23 февраля. С. 2.

Ил. 5. Плакат 1919–1941. Все на защиту Петрограда!

Через год политическая ситуация изменилась, и победа над Юденичем использовалась уже для поднятия духа защитников города. Особенно часто его вспоминали в августе–сентябре 1941 г., сравнивая оборону города с ситуацией 1919 г. Так, появился плакат, изображающий рабочего с винтовкой в 1919 г. и красноармейца 1941 г. со стихами (ил. 5):

Напрасно вражья свора напирала
На город в девятнадцатом году,
Народ прогнал лихого генерала
И золотопогонную орду.
И нынче также к городским воротам
Стремится враг. Но, помня давний год,
Встал весь народ. И смерть фашистским ротам!
Врагов сотрёт разгневанный народ.

В таком духе писались большинство статей того времени. Интересную мысль озвучили «Известия» 14 сентября 1941 г.:

Память прошлых побед, опыт героической обороны Петрограда учат ленинградцев предусмотрительности, зоркости, бдительности. Они знают, что Гитлер — не Юденич. На этот раз враг сильнее и опаснее. Но и Ленинград сейчас не тот, каким он был два десятилетия назад³³.

³³ Мужественные защитники великого города // Известия. 1941. 14 сентября. С. 1.

Все понимали, что положение города серьёзное, чем 20 лет назад, и ставки гораздо выше. В дни Сталинградской битвы, когда воспоминания об обороне Царицына снова стали актуальны, а ситуация под Ленинградом стабилизировалась, успешные бои против Юденича снова использовались в пропаганде:

С мыслью о Сталинграде встают к станкам ленинградцы, с именем вашего города, как с боевым кличем, идут в бой воины Ленинградского фронта. Сталинград — это теперь клятва на верность родине, пример стойкости, образец мужества. Боевая дружба давно и прочно связывает наши города. Не в первый раз под стенами наших городов решаются судьбы Родины. В первые годы революции банды Юденича пытались захватить Петроград. Они дошли до Пулковских высот. Смертельная опасность возникла над колыбелью революции. Но питерские рабочие под руководством товарища Сталина разгромили врага, отстояли родной город. Под Царицыным в тяжёлые годы гражданской войны решалась судьба молодой Республики советов. Под руководством товарища Сталина царицынские рабочие отстояли свой город. Боевые традиции тех лет, боевой дух той поры — жив! Он стократ умножен за месяцы Отечественной войны. Именем Ленина назван Петроград, именем Сталина — Царицын³⁴.

Любопытно, что в тылу образ Юденича использовался в развлекательных целях. «Советская культура» так писала³⁵ об антифашистском спектакле в Государственном центральном театре кукол:

...Сценка М. Коссовского «Штык» изображает бесславный путь белогвардейских генералов, немецких оккупантов и финских вояк. Слышится мелодия солдатской песни «Соловей, соловей, пташечка». За ширмой запевают: «Как Колчак в былые годы банду собирал, на Москву пошел походом белый адмирал...». При этих словах над ширмой показывается фигура адмирала Колчака. Одновременно появляется длинный красноармейский штык, и адмирал первым повисает на нём. Вслед за этим на штыке повисает и генерал Юденич, и барон Врангель.

Вот такие спектакли шли в театре кукол в июле 1941 года...

После Победы в Великой Отечественной войны интерес к событиям Гражданской войны в СССР значительно снизился. Масштаб и потери Великой Отечественной заслонили все ужасы Гражданской и интервенции, многие участники войны не пережили репрессий 30-х годов и Вторую мировую войну. Юденич, умерший в 1933 г., для советской прессы давно стал историей, поэтому вспоминали о нем в основном

³⁴ Кузнецов А. Бойцам, командирам, политработникам и трудящимся Сталинграда // Известия. 1942. 24 октября. С. 1.

³⁵ Войтинская З. Антифашистский спектакль театра кукол // Советское искусство. 1941. 13 июля. С. 5.

в годы юбилеев Октября. Юбилей обороны Петрограда в 1949 г. прошел практически незаметно. Ни о каких празднованиях на уровне городского праздника, подобных тем, что были в 1929 и 1939 гг., речи уже не шло.

Время от времени выходили отдельные статьи, посвященные юбилею боев за Петроград, особенно в годы 50-летия революции в 1969 г., правда, ничего нового там не говорилось. Последние свидетели событий рассказывали о своей жизни. Так, вышли статьи «Наркомюст Ямбургского уезда»³⁶ (воспоминания советского судьи о своей жизни и событиях 1919 г.), «Провал походов империалистов на Петроград в 1919 году»³⁷, «У стен Петрограда. К 50-летию окончательного разгрома Юденича»³⁸, «Победа будет за нами — к 50-летию воззвания В. И. Ленина к рабочим и красноармейцам Петрограда»³⁹, «Борцам за народное дело — к 50-летию открытия памятника на Марсовом поле»⁴⁰. Текст таких статей мало менялся по сравнению с 30-ми годами, как и образ генерала Юденича — английского наймита; правда, о Сталине уже не вспоминали.

В статье старшего научного сотрудника Музея истории Ленинграда Е. Перовского «Битва под Пулковом», опубликованной в «Вечернем Ленинграде» в 1989 г., события наступления Юденича уже рассматриваются в нейтральных тонах без оскорбительных эпитетов в адрес генерала⁴¹. В «Ленинградской правде» была помещена статья, в которой описывалось, как Юденич, испытывая финансовые проблемы перед началом наступления, вынужден был напечатать деньги, заверенные своей подписью и подписью управляющего отделом финансов С. Г. Лианозова. Деньги предполагалось использовать в захваченном Петрограде для обмена в петроградском отделении Государственного банка без ограничения суммы всем желающим на государственные кредитные билеты. Деньги были изготовлены в Швеции, но так и не пригодились. После отступления армии Юденича эти деньги превратились в цветные бумажки и использовались в качестве оберточной бумаги для конфет в Эстонии и на писчебумажной фабрике Иогансена⁴².

³⁶ Новолянский Д. Наркомюст Ямбургского уезда // Правда. 1967. 2 мая. С. 4.

³⁷ Азовцев Н., Данилов Ф., Селяничев А. Провал походов империалистов на Петроград // Правда. 1969. 10 октября. С. 3.

³⁸ Терехов С. У стен Петрограда. К 50-летию окончательного разгрома Юденича // Ленинградская правда. 1969. 14 ноября. С. 3.

³⁹ Фрейман А. Победа будет за нами — к 50-летию воззвания В. И. Ленина к рабочим и красноармейцам Петрограда // Ленинградская правда. 1969. 17 октября. С. 3.

⁴⁰ Сидоровский Л. Борцам за народное дело // Смена. № 261. 1969. 6 ноября. С. 3.

⁴¹ Перовский Е. Битва под Пулковом // Вечерний Ленинград. 1989. С. 3.

⁴² Николаев В. «Петроградки» генерала Юденича // Ленинградская правда. 1989. 14 ноября. С. 3.

В том же году в «Правде» появилась заметка «Судьба белых генералов», в которой в ответ на письма читателей кратко рассказаны послевоенные судьбы известных лидеров Белого движения, в том числе и Юденича.

Но по-настоящему изменение отношения к Юденичу и к Белому движению в целом началось только в 90-е годы. Характерными примерами служат две статьи в газете «Патриот» 1992 года. Первая статья В. Познахирева, вышедшая в феврале, называлась «Эрзурумский герой»⁴³:

«Среди белоэмигрантов активной роли не играл» — этой фразой все энциклопедические справочные издания стереотипно заканчивают свои статьи о генерале от инфантерии Николае Николаевиче Юдениче. На фоне основных вождей белого движения он выглядит не слишком заметной и даже заурядной фигурой. Однако, воссоздавая по крупницам многотрудную судьбу генерала, нельзя не увидеть в нем блестящего военачальника, чье имя составило некогда новую славу России и чьи прегрешения перед Родиной заключались лишь в том, что он был и до конца остался цельным человеком долга. — Далее в статье рассказывалось о биографии генерала, победе над турками под Эрзурумом, начале Гражданской войны. — Должность военного министра Н. Юденич принял без видимого энтузиазма. Возможно, что он уже тогда не очень-то верил в успех белого движения. Прекрасный боевой генерал, он всецело отдавал себе отчет и в том, что является никудя не годным политиком. Для этого ему не хватало ни кругозора, не умения, ни таланта. На заседаниях политического совета Юденич большей частью молчал. Его же собственная программа сводилась по существу к трем пунктам: созыв Всероссийского учредительного собрания, всеобщее избирательное право и немедленная передача земель крестьянам без всяких условий... Между тем Эстония и Финляндия отказали ему в вооруженной поддержке. Помощь Антанты оказалась парализованной движением солидарности пролетариата западных стран с Советской Россией. А обстоятельство требовали безотлагательного наступления. В начале октября, прорвав фронт, белые армии устремились к Петрограду. Н. Юденич мобилизует все свои способности и энергию... Однако время работало не на Белую армию. Из Петрограда, Москвы и других городов прибывали все новые и новые отряды красноармейцев, моряков, рабочих. Уже 24 октября, несмотря на отчаянные действия Юденича, белый фронт затрещал. В декабре 1919 года, после безуспешных переговоров с союзниками о передислокации остатков Белой армии на другие фронты, Юденич подал в отставку и подписал приказ о полной ликвидации Северо-Западной армии, прижатой к эстонской границе. 20 февраля Юденич навсегда покинул Россию. Честный, храбрый и безусловно талантливый военачальник, человек сильного и трезвого ума, он видел и оценивал многие явления в их истинном значении. Слабые попытки остаться в стороне от происходящих событий не имели для него успеха. Повинуясь долгу и приказу, генерал сделал свой выбор. Выбор, который лишил его лавров и на многие десятилетия сделал в глазах соотечественников одним

⁴³ Познахирев В. Эрзурумский герой // Патриот. 1992. Февраль. С. 10.

из главных виновников тех потрясений, которые выпали на долю его Родины. Он дожил свой век тихо и незаметно для русской эмиграции и скончался в 1933 году, став по существу еще одной из бесчисленных жертв братоубийственного гражданского раскола.

А спустя семь номеров, в этой же газете, вышла статья И. Курчавова «Надо же сочинить такое!»⁴⁴. Автор возмущался, почему статья про Юденича появилась в газете, да еще написана в позитивном ключе:

Встань из могилы, Николай Николаевич Юденич, раскрой номер 8 еженедельника «Патриот», удержи свой взгляд на 10 странице... Пришел бы он в полное недоумение! Да кто же это написал под рубрикой «Русский генералитет» «Эрзурумского героя»? Неужели из тех, кто сопровождал его в походе на Петроград летом 1919 года? Но и те, кто знал его и был под его началом, никогда так не величали: блестящий, талантливый военачальник, отмеченный высочайшими полководческими качествами... Или это насмешка, пародия? Нет, преподносится всерьез <...> Почему-то огорчен автор и тем, что Юденичу помешали взять Петроград. Он сетует, что-де Эстония и Финляндия отказали Юденичу в военной поддержке (какие же бяки!) — вот и случилась катастрофа. Это или полное невежество, или сознательное искажение истины. Помогали, еще как помогали, особенно Эстония!

Далее автор рассказывает о зверствах Булак-Балаховича во Пскове, планах Юденича покончить с петроградской чернью и его просьбах эстонцам помочь в боях с красными, а также конфликте с Булак-Балаховичем.

Зачем же Николаю Николаевичу было оставаться в Ревеле, где каждый мог бросить в него камень, ком грязи или запросто пристрелить? И он укатил в Париж, оставив на произвол судьбы своих бывших подчиненных. Я встретился с ними в Таллине. Бывшие поручики, штабс-капитаны и капитаны, проклиная Юденича, рассказывали, как их, больных и изнуренных, «эстонские соратники по борьбе с красными» послали на самые тяжёлые работы — лесозаготовки, где смерть косила людей сотнями. «Патриот», пожалуйста, оправдывай своё название и показывай настоящих сынов Отечества, его подлинных патриотов!

Тут же к тексту Курчавова военно-исторический отдел газеты оставил своё замечание⁴⁵:

Предлагая вниманию читателей материал писателя Ивана Курчавова «Надо же сочинить такое!», считаем необходимым сказать следующие. Еженедельник регулярно публикует на своих страницах очерки о генералах армии царской России. Как подбираются герои таких материалов? Как правило, это военачальники, деятельность которых оставила заметный след в истории

Отечества, сказала на судьбе народов, входящих в Российскую империю. Все генералы, о которых рассказывается в этих публикациях, преданно служили самодержавию, ревностно, энергично проводили в жизнь, в том числе и силой оружия, ту политику, которая диктовалась царями и их окружением. Да иначе бы они не были бы российскими генералами! Бесспорно и другое. В служении самодержавию они видели служение России, ее государственности. Даже те генералы, которые после 1917 года возглавляли белые полки, дивизии, армии, шли в бой с красными частями за Россию. Другое дело, что их видение, их понимание Родины было иным, чем у руководителей пришедшей к власти партии большевиков. Многие из тех военачальников храбро сражались за интересы русского государства и с Японией, и с Турцией, и с Германией... Один из таких генералов Н. Н. Юденич. Надо ли рассказывать о таких людях в еженедельнике? Писатель Иван Курчавов полагает, что не следует, что это не подлинные патриоты, не настоящие сыны Отечества. Раз «белый», выходит, вон из истории. Что ж, такой подход не нов. Мы помним, как в конце тридцатых годов вырезали из книг и учебников портреты и имена тех, кто совершил революцию. Они были, они творили, они жили. И самое главное — их деятельность так или иначе отражалась на жизни народа. И все-таки все делалось для того, чтобы их как бы вообще не существовало. <...> Еще одно соображение. Жизнь, боевые дела того или другого военачальника трудно полно показать на небольшой газетной площадке. Неизбежны скороговорка, односторонность. Но мы и не ставим перед собой целью всесторонне осветить деятельность того или иного персонажа отечественной истории. Наше стремление куда скромнее: вызвать интерес читателя к тому или иному военному человеку из российского прошлого, а значит, и к тому периоду истории, в котором он жил. Вызвать интерес и побудить больше узнать о прошлом Родины. О ее не только светлых, но и мрачных днях. Без знания вчерашнего трудно жить сегодня и еще труднее будет завтра.

Думаю, этот «бюкс по переписке» наглядно демонстрирует переосмысление отношения к Юденичу и вообще к белому движению в 90-е годы. Несмотря на то, что многие авторы все еще негативно относились к Юденичу, уже стало писать о нем нейтрально и даже в положительном ключе. Вообще в конце 80-х — 90-е гг. выходило много газетных статей, посвященных Гражданской войне. Много писалось о революции, Кронштадтском мятеже, Тамбовском восстании. На фоне таких до сих пор неоднозначных событий деятельность Юденича в годы Гражданской войны выглядела достаточно понятной и самой горячей темой по сравнению с другими деятелями Белой армии.

Любопытно взглянуть на статьи из газеты «Правда», которая осталась прибежищем для многих авторов, разделяющих большевистский взгляд на историю России. Например, в статье Н. Морозовой «Арутюнов бы в большевики пошел, да Панков не пускает»⁴⁶ автор опровергает статьи

⁴⁴ Курчавов И. Надо же сочинить такое! // Патриот. 1992. № 15. Апрель. С. 10.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Морозова Н. Арутюнов бы в большевики пошел, да Панков не пускает // Правда. 1993. 18 марта. С. 3.

о жестокости Ленина, в частности, по поводу письма Ленина Троцкому «Покончить с Юденичем», где Ленин предлагает арестовать 10 тысяч буржуев, пустить их перед войсками и расстрелять несколько сот:

...Со всех сторон прут колчаки, деникины, юденичи, вооружённые и оснащенные западными доброхотами, а Ленин что, должен запереться в кабинете и читать молитвы? Да и живую цепь не Ленин придумал. Во всех войнах подставляли уголовников, заложников, штрафников... Немцы то в Второй мировой войне — вот уж поистине звери! — ставили впереди детей, женщин, стариков! А здесь — буржуев. Так против них же и воевали! Война — вещь сама по себе жестокая.

Другой забавный пассаж можно найти в статье 1993 г. «Демонтаж истории. „Демократы“ верны сталинским традициям отношения к прошлому»⁴⁷ (ироничное название, с учетом положительного отношения редакции газеты к Сталину в наши дни):

Нынешние приверженцы капитализма безудержно восхваляют дореволюционную Россию, предлагают фактически вернуться к свергнутому народом реакционному, палаческому, деспотичному строю. Их героями все чаще провозглашаются Колчак и Корнилов, Деникин и Каледин, Врангель и Юденич...

Вообще, «Правда», пожалуй, чаще всего вспоминает Юденича, обычно в ряду с троицей Деникина–Врангель–Колчак, когда надо написать о победах Красной армии или пролить крокодиловы слезы по поводу того, что молодёжь не знает «героев» Гражданской войны, а знает только раскрученных «звезд».

Популярной темой, связанной с Юденичем, является тема интернирования Северо-Западной армии в Эстонии. Например, в 2008 г. в статье «Известий» «Великая тайна американской дипломатии» за авторством А. Фоменко написано:

В том же 1919 году эстонские власти сделали все, чтобы не дать армии Юденича взять Петроград, а затем эстонцы и латыши воспрепятствовали отправке ее частей на деникинский фронт. Эстонское правительство Тыннисона (бывшего депутата российской Государственной Думы) отдало приказ о полном разоружении белых русских воинов при переходе ими границы. Эстонцы не только захватили все оружие и все склады военного имущества, множество вагонов и паровозов, но и открыто грабили личное имущество российских офицеров при сдаче ими оружия. Согласно воспоминаниям очевидцев, «измученных, больных и голодных не впускали в жилые помещения, а загнали в лес и болота, где несчастные при морозе в 10 градусов должны были провести несколько ночей под открытым небом... множество людей замерзло, многие умерли от истощения». В январе 1920 и са-

⁴⁷ Петровский Л. Демонтаж истории // Правда. 1993. 11 августа. С. 4.

мого Юденича выслали в Советскую Россию (!). И только резкий демарш французской и английской военных миссий предотвратили худшее: поезд с Юденичем, уже направлявшийся к границе, был остановлен⁴⁸.

Об этом же писала «Литературная газета» в 2006 г.:

Сказывается, вероятно, и то обстоятельство, что Россия с мая 2006 г. стала страной-председателем Совета Европы и, очевидно, не в интересах прибалтов общеевропейское обсуждение дискриминации ими русского и русскоязычного населения. А ведь и Россия могла бы много чего предъявить прибалтам: например, требовать компенсации за гибель почти всей армии генерала Юденича — около 20 тысяч солдат и офицеров — в эстонских концлагерях от голода и болезней в 1920–1923 годах⁴⁹.

«Культура» в 2015 г. также вспоминала трагические события:

В 1919 году Советская Россия, оправившись от первых ран революции, попробовала вернуть территории империи Романовых. Началось наступление на Таллин и Ригу, однако на помощь прибалтам пришли части Северо-Западной армии генерала Юденича. Ленин был вынужден отказаться от планов. Белые оказались не нужны, и эстонцы рассадили их по концлагерям. Зимой 1920-го от голода, холода и болезней умерло несколько десятков тысяч военнослужащих и членов их семей, точной статистики жертв до сих пор нет. Так отблагодарили людей, которые обеспечили республике независимость⁵⁰.

В наше время, особенно в годы юбилея Первой мировой войны, в газетах много писали о службе Юденича на Кавказе, в частности, его помощи армянам. Так, в 2013 г. в статье, посвященной турецкому геноциду армян, напечатанной в «Литературной газете», приводятся воспоминания Юденича:

Утром 9 июня я прибыл в Адану. Вид разрушенных кварталов не поддается описанию; трех четвертей города не существует, уцелели лишь мусульманские кварталы, примыкающие к реке Джейхуну. Остальная часть города (до 5–6 тысяч домов) представляет груды развалин щебня, кирпича, кое-где стоящих обгорелых стен с выгорелыми окнами, провалившимися потолками и полами. В этой части города стоит мёртвая тишина, видны лишь голодные кошки, собаки и вороны и изредка несчастный армянин, разбирающий развалины своего дома в надежде найти какие-либо остатки своего имущества... Настоящие виновники и убийцы — власти и македонские <младотурецкие> войска — и не думают скрываться, им незачем, так как они же являются членами военных судов и следственных комиссий, и они же ныне охраняют порядок в стране, где ими же перебито до 25–30 тысяч человек христиан. То, что совершается в военных судах, особенно в Адане, под именем правосудия, является злейшей над ним насмешкой. Если бы военные суды хотели быть

⁴⁸ Фоменко А. Великая тайна американской демократии // Известия. 2008. 22 октября. С. 6.

⁴⁹ Чичкин А. Неужели дошло? // Литературная газета. 2006. 21–27 июня. С. 2.

⁵⁰ Иогансен Н. Три сестры, три темных повести // Культура. 2015. 24–30 июля. С. 3.

беспристрастными, им пришлось судить половину собственных солдат, многих членов аданского комитета «Единение и прогресс», мусульманских помещиков, ныне завладевших землёй убитых и бежавших сельчан-христиан...⁵¹

В той же газете в 2017 г. была напечатана статья Зория Балаяна, посвященная памятнику армянской истории — мушскому «Чарынтиру»:

Вторая святая сестра наша донесла свою ношу до Эрзурума (древнее армянское название Карин) и закопала её во дворе Каринского монастыря. Её следы также затерялись. Шла Первая мировая война. Командующий российской Кавказской армией генерал от инфантерии Н. Юденич именно в 1915–1916 годах разбил вдребезги 3-ю турецкую армию, освободив крепость Эрзурум. Так что рукопись нашли и откопали при Юдениче. Известный русский офицер отвез её в Тифлис, подарил армянской общине⁵².

Что касается боевых успехов против турок, то на эту тему писали многие газеты в последние годы. Например, ряд статей вышел в «Военно-промышленном курьере». Так, кандидат исторических наук И. Ходаков в 2016 г. писал:

Лучшими русскими военачальниками Первой мировой по праву считаются генералы Н. Н. Юденич и А. А. Брусилов, причем последний не окончил Академию Генштаба, что было редкостью для полководцев столь высокого ранга. Собственно, это все. Имена остальных малоизвестны неспециалистам, исключая генерала М. В. Алексеева, который, впрочем, стал по-настоящему знаменит как один из основателей Белого движения и создателей наряду с Л. Г. Корниловым Добровольческой армии. Тем не менее в 1915-м не они определяли российскую стратегию. Брусилов возглавлял 8-ю армию Юго-Западного фронта, Юденич командовал Кавказской армией, Алексеев — Северо-Западным фронтом. Он-то, конечно, мог влиять на принятие стратегических решений Ставкой, однако, по отзывам некоторых современников, не обладал твердой волей, необходимой крупному военачальнику (подобного мнения придерживался, в частности, генерал А. И. Деникин, соратник Алексеева по Белому движению)⁵³.

В 2017 г. он же написал большую статью «Разгром Турции под личную ответственность», в эпиграфе к которой говорилось:

В его облике не было ни рыцарской красоты и антуража, присущих генерал-лейтенанту барону Петру Врангелю, ни утонченной интеллигентности,

свойственной генералу от кавалерии Алексею Брусилову, ни романтичности и загадочности, которые виделись многим в адмирале Александре Колчаке. Однако именно Юденич останется в истории лучшим полководцем Императорской армии начала XX столетия.

Подробно описав боевой путь Юденича, автор завершил статью так:

Юденич начал преследование разгромленного противника. Впереди командарма ожидали новые успехи. Равно как и Россию в целом. Но наступил трагический 1917 год, кровавым хаосом революции и развалом армии перечеркнувший все победы русского оружия. Недаром Черчилль написал: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду». В круговороте Гражданской войны рушились судьбы, и Юденич не стал исключением... Деливший с солдатами — то есть с простым народом — тяготы и лишения войны, он был назван большевиками врагом⁵⁴.

Другие статьи в «Военно-промышленном курьере» были посвящены юбилеям побед Юденича. Так, в феврале 2016 г. вышла статья Д. Зыкина о взятии Эрзурума, заканчивающаяся такими словами:

На Кавказский фронт прислали самую современную технику тех времен: самолеты и грузовики. Авиатряд впоследствии добыл важнейшую информацию о расположении частей противника. На высоте была телефонная и телеграфная связь. Важная роль в реализации подготовительных мероприятий и в проведении самой операции принадлежит командующему — генералу Николаю Юденичу. Его действия во время сражения за Эрзурум тщательно изучали и в Красной армии, правда, на личности, осуществившей блестящее наступление русской армии, внимание не акцентировали⁵⁵.

В 2016 г. в «Военно-промышленном курьере» вышла статья В. Куличенко «Сто лет назад Трапезунд стал российским»⁵⁶, посвященная еще одной громкой победе Юденича, а в «Звезде» — статья «Я всегда принимаю на себя всю ответственность», в которой помещены высказывания Юденича о войне и армии:

«Мы будем вести решительный бой до конца, но можем или быть разбиты, или победить; т. е. в первом случае результат будет обязательно отрицательный; во втором может быть и положительный. Значит, наступать!», «Мой девиз прост: “Только тот достоин жизни этой, кто на смерть всегда готов”», «Мало отбросить врага. Мы можем и должны его совершенно уничтожить. Случаем должно воспользоваться, другой раз он не повторится. Штаб должен

⁵¹ Тунян Л. Их остановила женщина с флагом России // Литературная газета. 2013. 24–30 апреля. С. 9.

⁵² Балаян З. Искренне верю и глубоко надеюсь // Литературная газета. 2017. 25–31 октября. С. 18.

⁵³ Ходаков И. Без царя в голове // Военно-промышленный курьер. 2016. 7–13 сентября. С. 10.

⁵⁴ Ходаков И. Разгром Турции под личную ответственность // Военно-промышленный курьер. 2016. 18–24 мая. С. 11.

⁵⁵ Зыкин Д. 100 лет назад Кавказская армия генерала Юденича взяла Эрзурум // Военно-промышленный курьер. 2016. 10–16 февраля. С. 12.

⁵⁶ Куличенко В. Сто лет назад Трапезунд стал российским // Военно-промышленный курьер. 2016. 13–19 апреля. С. 12.

двигаться за фронтом, а не фронт прижиматься к штабу», «Политической программы у белой гвардии нет. Как военная организация она не интересуется вопросами политической партийности. Ее единственная программа — спасение Отечества», «Нижний чин — это твой брат. Обращайся с ним соответственно. Строго, взыскательно, но справедливо. Поддержи новобранца всякий раз, когда чувствуешь, что ему трудно. Не забывай, что тебе вместе с солдатом не только казарму в чистоте содержать, но и в бой идти рядом», «Да поможет Бог и впредь радовать боевыми успехами великую родину — Россию».

Стоит упомянуть и статью А. Олейникова «Русский сезон в турецких горах», посвященную победе при Сарыкамыше и разгрому турецкой армии в январе 1915 г.⁵⁷

Одним из последних упоминаний Юденича в прессе стала статья «Сорок пять километров памяти» в гатчинской газете «Уездные вести»⁵⁸. Статья посвящена молебну, прошедшему 13 октября 2019 г. в гатчинской Покровской церкви в честь воинов СЗА, павших в боях сто лет назад, и памятному 45-километровому походу, который совершили петербургские реконструкторы по местам боев СЗА.

Таким образом, в последние годы интерес к Юденичу значительно возрос по сравнению с советским периодом. Конечно, во многом это связано с юбилейными событиями, посвященными 100-летию Первой мировой и Гражданской войн, но, главное, авторы уже не скованы цензурой и политикой и могут открыто как ругать, так и восхвалять полководца. Анализируя доступные материалы, можно сделать вывод, что отношение к Юденичу сильно изменилось с советских времен у большинства авторов. Из рук водителя «белых банд», опереточного слуги англичан и довольно блеклой фигуры на фоне других врагов советской власти Юденич в последние десятилетия предстает одним из лучших русских полководцев Первой мировой войны, героем антибольшевистской борьбы и свидетелем трагических событий, развернувшихся в 1919 г. от стен Петрограда до эстонской границы. Интерес к деятельности Юденича не был непостоянным: так, например, в 20–30-е гг. юбилей обороны Петрограда широко отмечался в Ленинграде, а после Великой Отечественной войны интерес к этим событиям померк на фоне величия и трагедии ленинградской блокады. Переосмысление событий Гражданской войны в 90-х сменилось насущными событиями 2000-х.

Но сейчас имя Юденича, кажется, снова на слуху. Как было написано в заголовке одной из газет 90-х годов, «история — это то, что было». Вне зависимости от того, как расценивать позицию Юденича в Гражданской войне и его поход на Петроград, несомненным фактом является то, что

Николай Николаевич оставил яркий след в русской военной и политической истории. От глумливых стишков 30-х и «разоблачающих» очерков мы пришли к статьям о полководческих подвигах Юденича и памятных мероприятиях, посвященных его Северо-Западной армии.

В год столетнего юбилея петроградского похода Юденича хотелось бы увидеть новые подробные статьи об этих событиях, о которых даже большинство петербуржцев знает немного. Что уж говорить об остальных жителях России! Близится столетней юбилей официального окончания Гражданской войны в России. Вспомнит ли отечественная печать о такой значительной фигуре нашего прошлого, как Н. Н. Юденич, или он останется забытой фамилией из школьного учебника, покажет время.

Список литературы

- 1919—Враг у ворот—1929 // Смена. 1929. 23 октября. С. 2.
Азовцев Н., Данилов Ф., Селянчиков А. Провал походов империалистов на Петроград // Правда. 1969. 10 октября. С. 3.
Балаян З. Искренне верю и глубоко надеюсь // Литературная газета. 2017. 25–31 октября. С. 18.
Боевой карандаш // Советское искусство. 1940. 23 февраля. С. 2.
Войтинская З. Антифашистский спектакль театра кукол // Советское искусство. 1941. 13 июля. С. 5.
Враги Октября // Литературная газета. 1972. 5 ноября. С. 16.
Гарри А. Юденич // Известия. 1933. 10 октября. С. 2.
Геронимус А. Годовщина пролетарского героизма. Десять лет обороны Петрограда // Ленинградская правда. 1929. 23 октября. С. 2.
Дело белогвардейца Чугунова // Известия. 1924. 14 февраля. С. 7.
Десятилетие обороны Петрограда от Юденича // Правда. 1929. 11 октября. С. 6.
Иогансен Н. Три сестры, три темных повести // Культура. 2015. 24–30 июля. С. 3.
Залеская А. Разгром второго наступления Юденича на Петроград // Ленинградская правда. 1939. 18 октября. С. 2.
Зыкин Д. 100 лет назад Кавказская армия генерала Юденича взяла Эрзурум // Военно-промышленный курьер. 2016. № 5. 10–16 февраля. С. 12.
К 20-летию обороны Петрограда // Ленинградская правда. 1939. 18 октября. С. 3.
Ком В. Если Юденич прорвется в город // Смена. 1929. 17 октября. С. 4.
Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М., 2004. С. 606.
Корнатовский Н. А. Ленин и Сталин — руководители обороны Петрограда // Ленинградская правда. 1939. 21 октября. С. 2.
Кузнецов А. Бойцам, командирам, политработникам и трудящимся Сталинграда // Известия. 1942. 24 октября. С. 1.
Куличенко В. Сто лет назад Трапезунд стал российским // Военно-промышленный курьер. 2016. 13–19 апреля. С. 12.
Курчапов И. Надо же сочинить такое! // Патриот. 1992. Апрель. С. 10.
Ленин В. И. К товарищам красноармейцам // Известия. 1919. 20 февраля. С. 1.
Мужественные защитники великого города // Известия. 1941. 14 сентября. С. 1.
Морозова Н. Арутюнов бы в большевики пошел, да Панков не пускает // Правда. 1993. 18 марта. С. 3.
Николаев В. «Петроградки» генерала Юденича // Ленинградская правда. 1989. 14 ноября. С. 3.
Новоплянский Д. Наркомост Ямбургского уезда // Правда. 1967. 2 мая. С. 4.

⁵⁷ *Олейников А.* Русский сезон в турецких горах // Военно-промышленный курьер. 2018. 30 января — 5 февраля. С. 10.

⁵⁸ *Сорок пять километров памяти* // Уездные вести. 2019. 18–24 октября. С. 1.

Новые разоблачения об истории интервенции. Как Гувер и Черчилль помогли Юденичу. Роль фон дер Гольца. Французские интриги // Правда. 1924. 3 апреля. С. 2.

Олейников А. Русский сезон в турецких горах // Военно-промышленный курьер. 2018. № 4. 30 января–5 февраля. С. 10.

Памятник защитникам Петрограда // Ленинградская правда. 1939. 18 октября. С. 3.

Перовский Е. Битва под Пулковом. // Вечерний Ленинград. 1989. С. 3.

Петровский Л. Демонтаж истории // Правда. 1993. 11 августа. С. 4.

Познахирев В. Эрзурумский герой // Патриот. 1992. № 8. Февраль. С. 10.

Ростов Л. В боях за красный Петроград // Ленинградская правда. 1939. 20 октября. С. 2.

Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.

Семашко Н. Счет кровью // Известия. 1924. 18 апреля. С. 2.

Сидоровский Л. Борцам за народное дело // Смена. 1969. 6 ноября. С. 3.

Смерть Юденича // Правда. 1933. 8 октября. С. 4.

Сорок пять километров памяти // Уездные вести. № 39. 2019. 18–24 октября. С. 1.

Терехов С. У стен Петрограда. К 50-летию окончательного разгрома Юденича // Ленинградская правда. № 268. 1969. 14 ноября. С. 3.

Толстой А. Аджарисцхали // Известия. 1933. 1 января. С. 5.

Троцкий Л., Зиновьев Г. Враг у ворот! // Красная газета. 1919. 19 октября. С. 1.

Фрейман А. Победа будет за нами — к 50-летию возвания В. И. Ленина к рабочим и красноармейцам Петрограда // Ленинградская правда. № 245. 1969. 17 октября. С. 3.

Фоменко А. Великая тайна американской демократии // Известия. 2008. 22 октября. С. 6.

Ходаков И. Без царя в голове // Военно-промышленный курьер. 2016. 7–13 сентября. С. 10.

Ходаков И. Разгром Турции под личную ответственность // Военно-промышленный курьер. 2016. № 18. 18–24 мая. С. 11.

Цветков В. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М. 2009. С. 309–310.

Чичкин А. Неужели дошло? // Литературная газета. № 24. 2006. 21–27 июня. С. 2.

Шишов А. В. Генерал Юденич. М., 2002.

Юденич под Петроградом // Смена. 1929. 20 октября. С. 4.

Южный Е. Дезертиры на фронте // Смена. 1929. 3 октября. С. 4.

Южный Е. Комсомольская рота в бою // Смена. 5 октября. С. 4.

Южный Е. Оборванный провод // Смена. 1929. 2 октября. С. 4.

Южный Е. Под натиском красных // Смена. 8 октября. С. 4.

Konstantin Igorevich VASILIEV

librarian, Department of Newspapers, the National Library of Russia

E-mail: vitkov1420@yandex.ru

From 'white' bandit to a hero: image of General Yudenich in Russian and Soviet media (1924–2019)

The article is based on the information from the Soviet newspapers published after the Civil War, and on the Russian newspapers published after 1991. It reviews the references and attitudes to the personality and actions of General Yudenich. The article shows how the Soviet press evaluated Yudenich, describes the context and the events when the media were mentioning his name and how the attitude to this remarked personality had been changing over time. Comparing newspapers of different times, the author states an increase of interest to Yudenich last years.

Keywords: Yudenich, Northwest Army, newspapers, Civil War in Russia.

УДК 94 (47).084

ББК 63.3 (2) 611

Евгений Васильевич ЯКОВКИН

Преподаватель ГБПОУ «Колледж олимпийского резерва Пермского края» (Пермь, Россия)

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА КИСЛИЦЫНА

Владимир Александрович Кислицын — незаурядная фигура в истории российской эмиграции. Он последовательно прошел службу в корпусе пограничной стражи, борясь с контрабандистами, участвовал в Великой войне, проявляя невероятный героизм, участвовал в Гражданской войне в России от Севера до Дальнего Востока. Переходил линию фронта. Успел послужить в армии Украинской державы, у адмирала А. В. Колчака, а затем у атамана Г. М. Семенова. В Китае активно участвовал в общественно-политической жизни Русского Зарубежья. Сотрудничал с японскими военными. В статье предпринята попытка реконструкции его биографии на основе архивных материалов, его воспоминаний, а также периодической печати.

Ключевые слова: Русская армия, офицерский корпус, Русско-японская война, Корпус пограничной стражи, Первая мировая война, Гражданская война, русская эмиграция, Харбин, БРЭМ, Маньчжоу-Го, Кио-Ва-Кай, Вторая мировая война, японская военная миссия.

Личность Владимира Александровича Кислицына достаточно противоречива. Герой Русско-японской войны, участник Первой мировой войны, имел более 14 ранений. Служил в армии гетмана П. П. Скоропадского, затем в армии адмирала А. В. Колчака. Соратник атамана Г. М. Семенова, в эмиграции монархист-легитимист, сторонник сотрудничества с японскими военными. При этом он был горячим патриотом России, писал статьи и книги, проникнутые любовью и гордостью к прошлому родине, к истории Русской императорской армии. Попробуем проследить судьбу этого незаурядного русского офицера.

Вопрос о дате рождения Владимира Александровича Кислицына крайне запутан. Сам он в эмигрантских анкетах указывал датой рождения то 9 января 1883 г., то 9 января 1884 г. Точную дату можно найти в книге по составу Корпуса пограничной стражи от 1909 г. Там указано, что В. А. Кислицын родился 5 мая 1879 г. Происходил из дворян, сын капитана 2-го ранга¹. В 1889 г. он окончил Холмскую классическую гимназию, а в 1900 г. — Одесское военное училище. С 1902 г. в Корпусе

¹ Личный состав чинов Отдельного корпуса пограничной стражи по старшинству. Составлен по 01.01.1909 г. СПб., 1909. С. 448.

пограничной стражи. Был командиром сводного полка. Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 г. После войны В. А. Кислицын нес службу на границе в Сандомирской бригаде Отдельного корпуса пограничной стражи. 10 января 1906 г. в стычке с контрабандистами-революционерами Кислицын получил ранение. Во время службы на границе произошел разлив Вислы, и Кислицын участвовал в спасении тонущих женщин и детей. За этот подвиг он был награжден медалью «За спасение погибавших». 22 декабря 1909 г. В. А. Кислицын был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за пресечение перехода границы контрабандистами-революционерами¹.

В 1908 г. В. А. Кислицын окончил Офицерскую кавалерийскую школу. За время службы в Русской императорской армии был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, Георгиевским оружием с надписью «За храбрость», всеми степенями ордена Св. Анны, орденом Св. Владимира 4-й и 3-й степени, Св. Станислава 2-й и 3-й степени. Получил самое большое количество ранений — 14².

С начала Великой войны В. А. Кислицын служил в 11-м драгунском Рижском полку 11-й кавалерийской дивизии 3-й армии (ил. 1). Принимал участие в боях в Галиции в конце 1914 г. В начале 1915 г. дивизия вела бои в Карпатах против войск Австро-Венгрии. Здесь Кислицын был в подчинении начальника 4-й стрелковой «Железной» бригады генерала А. И. Деникина. В своих воспоминаниях о Деникине он писал:

Не могу не вспомнить с глубочайшим уважением этого выдающегося по хладнокровию и мужеству начальника, штаб которого располагался почти всегда на линии окопов. Кругом его штаба свистели пули, так что окна землянки, обращенные к противнику, приходилось закладывать³.

9 февраля 1915 г. в бою за высоту 900 у деревни Творильня Кислицын был ранен из пулемета в левую ступню. Несмотря на это, Кислицын остался в строю. Во время боя у деревни Лазы в Венгрии Кислицын получил тяжелое ранение в область сердца⁴. Вернулся в свой полк он только в октябре 1915 г. К этому времени 11-я кавалерийская дивизия входила в состав 5-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта

Л. Н. Вельяшева. Начальником 11-й кавалерийской дивизии был Генерального штаба генерал-майор Н. А. Дистерло⁵. Противник активно обстреливал позиции русских частей. В ходе одного из артиллерийских обстрелов Кислицын был снова ранен, на этот раз в голову. Несмотря на перенесенные операции, Кислицын уже в марте 1916 г. снова был в строю. С октября стрелковый дивизион Кислицына располагался у деревни Пустомыты Волынской губернии. Вместе с генерал-майором Дистерло Кислицын не раз ходил в разведку. Впоследствии Кислицын писал, что генерал Дистерло был «на редкость храбрый и знающий свое дело генерал. Он почти всегда старался находиться впереди на боевом участке»⁶.

Во время осенних боев противник не раз использовал ядовитые газы против частей Русской армии. Но, согласно воспоминаниям Кислицына, это не приносило никакой пользы. В конце октября 1916 г. корпус был перебросен в Румынию под командование генерала П. А. Лечицкого. Во время ноябрьских боев 1916 г. в Карпатах у хребта Тиховаш Кислицын одержал победу, захватив 4 пулемета и 87 пленных. Германские части повели контрнаступление, в ходе которого завязался тяжелый бой. Во время этого сражения Кислицын был тяжело ранен в голову, тем не менее, сумел отразить атаку. За эти подвиги Кислицын был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени⁷. На фронт Кислицын вернулся только в январе 1917 г., продолжив службу в стрелковом полку 11-й кавалерийской дивизии. К февралю 1917 г. части дивизии располагались в районе деревни Фунда (Молдова). Кислицын очень тяжело встретил отречение от престола императора Николая II. Революционные события привели к разложению русской армии. Кислицын пытался сохранить во вверенных ему частях дисциплину. В апреле 1917 г. его полк был перебросен в район Тарнополя. Во время боев полк показал боеспособность. Во время отступления 8 июля 1917 г. Кислицын получил очередное ранение в голову и покинул полк. В сентябре 1917 г. он вновь

Ил. 1. Портрет В. А. Кислицына в начале Великой войны. Газета «Армия и флот свободной России» (бывш. «Русский инвалид»). 13 августа 1917 г.

¹ Воин без страха и упрека. Ратные подвиги ген. от кав. В. А. Кислицына // Голос эмигрантов. 26 июля 1942. № 31 (219). С. 11.

² ГАХК. Ф. Р. 830. Оп. 3. Д. 20519. Л. 2; Кутцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011. С. 250–252.

³ Кислицын В. А. В огне Великой Мировой войны. Личные воспоминания. Харбин, 1938. С. 9.

⁴ Там же. С. 18–20.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 34–35.

вернулся в свой полк, который к тому времени располагался в районе Проскурова, а затем в районе Литина. В начале 1918 г. 11-я кавалерийская дивизия фактически распалась. Часть чинов ушла к большевикам. 10 февраля 1918 г. верные дивизии чины провели молебен, после чего дивизия была распущена. В. А. Кислицын, к тому времени полковник, отправился в Яссы, а затем оттуда в Киев⁸.

В Киеве Кислицын вступил в армию гетмана Украинской державы генерал-лейтенанта П. П. Скоропадского. Вместе с генералом Ф. А. Келлером формировал антибольшевистские части, получил чин генерал-майора. 15 июля 1918 г. В. А. Кислицын был назначен командиром 1-й конной бригады 3-й конной дивизии армии Украинской державы. Участвовал в обороне Киева от петлюровцев, оказался в плену. Вместе с другими офицерами был заключен в здании Киевского музея. Был вызволен из заключения германским караулом и отвезен в комендатуру. При содействии Кислицына германскими войсками были вызволены из плена многие русские офицеры, которых эвакуировали в Германию вместе с уходящими немецкими войсками⁹.

В Германии оказалось около 10 000 русских, покинувших Украину. Кислицын попал в небольшой городок Нейштадт недалеко от города Нордхаузен. Посетил Берлин, где участвовал в организации размещения русских беженцев. В Нейштадте Кислицын формировал отряд из офицеров и солдат для отправки в Россию и участия в борьбе с большевиками. Встречался В. А. Кислицын и с П. Р. Бермондт-Аваловым, который так же, как и он, формировал воинские отряды. Генерал Е. К. Миллер для своей Северной армии искал силы, и одной из них стал отряд Кислицына. Его отряд отправился в Копенгаген, а затем на пароходе «Великая княгиня Ксения Александровна» прибыл в Мурманск, а оттуда — в Архангельск¹⁰.

Кислицын со своим отрядом прибыл в Архангельск в июне 1919 г. и сразу же вступил в Северную армию генерала Е. К. Миллера. С июня 1919 г. — генерал для поручений при главнокомандующем. Получив разрешение от генерала Е. К. Миллера, совершил переход вместе с группой офицеров через Северный Урал. С июля 1919 г. в рядах Русской армии адмирала А. В. Колчака, командир 2-й бригады Уфимской кавалерийской дивизии, позже — начальник штаба этой же дивизии. В сентябре 1919 г. участвовал в Тобольской операции. 12 октября 1919 г. в ходе боя под деревней Крутихой Ялуторовского уезда Тобольской губернии был ранен, тем не менее остался в строю. Участник Сибирского

Ледяного похода, в ходе которого был начальником 1-й кавалерийской дивизии. Во время службы в Дальневосточной армии В. А. Кислицын в марте 1920 г. был назначен начальником 1-й отдельной кавалерийской бригады. С 8 мая по 2 сентября 1920 г. генерал В. А. Кислицын — начальник 1-й Маньчжурской сводной атамана Семенова дивизии (ил. 2). 2 сентября 1920 г. был отстранен от занимаемой должности и отправлен в распоряжение командира 2-го стрелкового корпуса, был генералом для поручений при командире корпуса¹¹.

С конца 1920 г. Кислицын в эмиграции. Переехав в Харбин, Кислицын окончил зубоврачебную школу, получив специальность зубного врача. Но, видимо, эта профессия его не устраивала, и в 1921 г. он поступил в железнодорожную полицию на должность надзирателя. С 1925 г. он перешел на должность счетовода, проработав в этом качестве до 1935 г.¹²

Одновременно Кислицын вел активную общественно-политическую деятельность. Будучи по своим взглядам монархистом, Кислицын создал в Харбине свою организацию — Монархический союз, а затем примкнул к монархистам-легитимистам, сторонникам великого князя Кирилла Владимировича, который провозгласил себя сначала блюстителем престола, а 31 августа 1924 г. — императором всероссийским. Для объединения военных вокруг себя великий князь Кирилл Владимирович 30 апреля 1924 г. создал Корпус императорской армии и флота (КИАФ). В Китае представителем великого князя был полковник Н. Л. Жадвойн. Своим указом от 24 мая 1930 г. Кирилл Владимирович назначил генерал-лейтенанта В. А. Кислицына своим представителем в Маньчжурии¹³. За свою службу приказом по КИАФ 24 мая 1931 г. Кислицын был повышен в чине до генерала от кавалерии¹⁴.

Во время советско-китайского вооруженного конфликта на КВЖД в 1929 г. Кислицын с ведома китайских властей принял участие в формировании антисоветских частей. Но из этой затеи ничего не вышло, более того, после поражения китайских войск антисоветские формирования из русских эмигрантов были китайскими властями интернированы¹⁵.

После японской оккупации Маньчжурии Кислицын сблизился со служащими японской военной миссии в Харбине (ЯВМ) и совместно с генерал-лейтенантом В. Д. Косьминым принял участие в разра-

¹¹ Куцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Указ. соч. С. 251.

¹² ГАХК. Ф. Р. 830. Оп 3. Д. 20519. Л. 5.

¹³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 8. Противостояние. 1927–1941 гг. М., 2016. С. 159.

¹⁴ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп 3. Д. 20519. Л. 3.

¹⁵ Кислицын В. А. В огне гражданской войны... С. 112.

⁸ Там же. С. 41–49.

⁹ Кислицын В. А. В огне гражданской войны. Харбин, 1936. С. 16–19.

¹⁰ Там же. С. 26–31.

Ил. 2. Генерал-лейтенант
В. А. Кислицын. Фото 1920 г.
Из книги В. А. Кислицына
«В огне Гражданской войны».
1938 г.

ботке планов создания русских воинских формирований¹⁶. Кислицын считал, что «японо-советское вооруженное столкновение породит бунт в Красной армии против коммунистических лидеров, что, с одной стороны, обеспечит победу Японии, а с другой — свержение советской власти в России». Это, в свою очередь, даст русским эмигрантам возможность освободить Россию от «советского ига»¹⁷.

Через Кислицына японские военные предложили великому князю Кириллу Владимировичу переехать в Маньчжурию. По японским планам, в случае захвата территории СССР можно было бы создать государство по типу Маньчжоу-Диго во главе с императором Кириллом. Великий князь ответил отказом¹⁸.

К 1935 г. численность легитимистов составляла 3500 человек¹⁹. С 1932 г. они издавали журнал «Грядущая Россия».

В журнале разоблачали «темные силы III Интернационала», призывали русскую эмиграцию объединиться вокруг великого князя Кирилла Владимировича, который «выведет русский народ на путь процветания духовного и материального»²⁰. Журнал не обошел стороной и возникшее в 1932 г. Маньчжоу-Го, преобразованное в 1934 г. в Маньчжоу-Диго во главе с императором Пу И (Кан Дэ). В одной из статей писалось:

Со слезами восторга и умиления приветствовали мы приход к власти законного правителя империи Маньчжоу-Диго, понимая, что укрепление здесь монархической власти даст населению новые неоткрытые еще возможности, мир, порядок и благоденствие. <...> Мы, нашедшие здесь приют во время горького беженства из родной страны, ласку и возможность трудиться для себя и блага ставшей для многих родной империи Маньчжоу-Диго, можем совместно с ее народом воскликнуть: «Да будет благословен час, когда родился император, да будет счастлив день его прихода сюда, да здрав-

ствует он на многие лета на благо, счастье и процветание своего народа! Да здравствует император Кан Дэ!» Не можем мы не отдать дань благодарности правительству рыцарского Ниппон, не оставившего своей помощью маньчжурское население, содействовавшее умиротворению края и теперь не оставляющего правительства этой громадной империи своей помощью, дружбой и добрыми советами²¹.

Прояпонская ориентация Кислицына не помогла легитимистам в Маньчжурии от разгрома части отделений японцами. Японское военное командование крайне отрицательно относилось к тому, что легитимисты во главе с Кислицыным подчиняются европейскому центру. Более того, сотрудник японских спецслужб Б. Н. Шепунов убедил японцев в том, что на КВЖД все организации легитимистов пронизаны советскими шпионами²².

Не зная о деятельности Шепунова, но столкнувшись с действиями японских спецслужб, Кислицын выступил с «оповещением» для русской эмиграции по поводу слухов о работе легитимистов на советскую разведку. В «оповещении» Кислицын писал о провокаторах, которые хотят поссорить русских эмигрантов с японскими властями:

Вам, провокаторы, хорошо известно, что делается здесь и там! Здесь мы благоденствуем — там люди гибнут, как мухи. Вы, провокаторы, протягиваете руку кровавым наемникам коминтерна, но этого никогда и ни при каких условиях не сделают легитимисты! Знайте все, что нет такого легитимиста на Дальнем Востоке, которого можно было бы удержать от принятия участия в боях с коминтерном. Работа провокаторов направлена сейчас на желание дискредитировать и замарать нас, легитимистов, в глазах рыцарского императорского Ниппон и императорского Маньчжоу-Ти-Го²³, приписывая нам, легитимистам, существование преступнейшей²⁴ связи с большевиками и какой-то тайной поддержки их. Получая неоднократные указания его императорского величества государя императора Кирилла Владимировича, я счастлив подтвердить, что государь император твердо указал нам путь теснейшего объединения с ниппонским народом, доказавшим нам свою дружбу в тяжкие дни Великой войны, русского лихолетья и ныне здесь в эмиграции²⁵.

Прояпонская ориентация генерала, а также многочисленные обвинения со стороны эмигрантов привели к тому, что Кирилл Владимирович в июле 1935 г. сместил его с поста своего главного представителя

¹⁶ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века... Т. 8. С. 370.

¹⁷ Там же. С. 542.

¹⁸ Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр „БЛИЦ“», 2004. С. 124.

¹⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века... Т. 8. С. 433–434.

²⁰ Грядущая Россия. 1935. № 3. С. 3.

²¹ Там же. С. 5.

²² Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сборник документов. Южно-Сахалинск, 1994. С. 36.

²³ Так в тексте.

²⁴ Так в тексте.

²⁵ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп 3. Д. 20519. Л. 371.

в Маньчжоу-Диго. В ноябре 1935 г. отдельным указом великий князь Кирилл Владимирович лишил Кислицына всех наград, которые он ему даровал²⁶. Как итог, легитимистское движение в Маньчжурии распалось: часть пошла за Кислицыным, другая часть объединилась вокруг подполковника Зорина, уйдя в подполье²⁷.

Дальнейшая жизнь Кислицына была связана с Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). В 1934 г. с ведома ЯВМ в Харбине было создано БРЭМ. Бюро представляло собой надэмигрантскую организацию, которая должна была помогать эмигрантам в Маньчжоу-Диго. Еще до создания БРЭМ в феврале 1934 г. японские военные предпринимали попытки создать другую организацию — Русское национальное объединение борьбы за правду. И уже тогда во главе этой организации в качестве председателя японцы видели Кислицына²⁸.

Замысел не удался, и японцы сделали ставку на БРЭМ. Оно должно было вести учет русских эмигрантов в Маньчжурии. Естественно, БРЭМ находилось под полным контролем ЯВМ. В 1934–1938 гг. во главе БРЭМ находились генерал В. В. Рычков (1934–1935), А. П. Бакшеев (1935–1938), К. В. Родзаевский (1938). 1 июля 1935 г. В. А. Кислицын стал руководителем русских полицейских чинов государственных железных дорог Маньчжоу-Диго²⁹. Со времени создания БРЭМ Кислицын состоял в Совете при Бюро, а с 1 ноября 1935 г. был назначен членом президиума БРЭМ, а также занял пост 7-го (военного) отдела этой организации.

Это неудивительно, так как он с 15 августа 1935 г. руководил Дальневосточным союзом военных (ДВСВ), в который вошли воинские объединения русских эмигрантов в Маньчжурии (ил. 3)³⁰. ДВСВ находился под непосредственным контролем японских властей. В организационном плане ДВСВ состоял из начальника, начальника штаба и трех военных округов: Харбинского, Мукденского и Северо-Китайского. Округа делились на отделы, те, в свою очередь, на районы. Для военной подготовки ДВСВ имел военно-учебные заведения в Харбине, на ст. Сунгари 2-я и на ст. Ханьдаохэцзы³¹.

Новый этап в карьере Кислицына начался 4 мая 1938 г., когда он был назначен начальником БРЭМ³² (ил. 4). К концу 1930-х гг. японские во-

енные в Маньчжурии активизировали диверсионно-разведывательную деятельность, в результате чего им потребовались воинские части из русских эмигрантов. Одной из первых таких частей стал отряд «Асано». Набор в отряд проводил БРЭМ. В 1939 г. несколько его военнослужащих приняли участие в боевых действиях против Красной армии на реке Халхин-Гол. В ходе боев 22 июля 1939 г. погиб асановец М. Наттаров. Генерал Кислицын организовал среди русских эмигрантов кампанию по его героизации. По его инициативе был возведен «памятник борцам, павшим в борьбе с коминтерном». Памятник в виде небольшой часовни был открыт 8 июня 1941 г. в торжественной обстановке в присутствии японских гостей во главе с начальником ЯВМ генералом Янагитой³³.

Несмотря на существование БРЭМ, преобразованного в 1940 г. в Главное бюро по делам российских эмигрантов (ГБРЭМ), единство в русской эмиграции отсутствовало. В связи с этим генерал Кислицын в конце 1940 г. выдвинул идею создания Совета объединения российских эмигрантов. 29 декабря 1940 г. Совет начал свою работу. Главным идеологическим принципом Совета была преданность православию, историческим заветам и национальной культуре. Задачами Совета являлись: 1. Сохранение в среде российских эмигрантов верности Православной Церкви, русским историческим заветам и национальной культуре и воспитание молодежи на этих основах. 2. Способствование Главному бюро по делам российских эмигрантов в деле устройства наилучшим образом жизни российских эмигрантов в полном содружестве с остальными народами Маньчжурской империи. 3. Сохранение имеющихся культурных деловых и и профессиональных кадров и подготовка новых. 4. Идеологическая борьба с антигосударственными и прочими течениями мысли³⁴.

Вокруг Кислицына стал создаваться образ вождя всей дальневосточной русской эмиграции. Писались восторженные статьи, посвященные годовщинам его пребывания на посту главы ГБРЭМ. Отмечались дни

Ил. 3. Генерал от кавалерии В. А. Кислицын, начальник Дальневосточного союза военных. Фото 1935 г. ГАХК. Публикуется впервые

²⁶ Там же. Л. 390.

²⁷ Там же. Л. 416; *Граф Г. К. Указ. соч.* С. 191.

²⁸ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 8. С. 401–402.

²⁹ *Кислицын В. А. В огне гражданской войны...* С. 113.

³⁰ *Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг.*: Хабаровск: Частная коллекция, 2008. С. 55; *Кислицын В. А. В огне гражданской войны...* С. 113.

³¹ Российская эмиграция в Маньчжурии... С. 42–43.

³² ГАХК. Ф. Р. 830. Оп 3. Д. 20519. Л. 6.

³³ Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 322–323.

³⁴ Единая организация эмиграции приступила к работе // *Заря*. 1 января 1941. № 1. С. 25.

Ил. 4. Генерал от кавалерии В. А. Кислицын, начальник Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Фото начала 1940-х гг. ГАХК

его имени, писались портреты (ил. 5). Хвалебные послания Кислицыну писал и атаман Г. М. Семенов:

Я весьма рад засвидетельствовать, что ваш авторитет боевого русского генерала и опытного администратора помог вам достичь полного объединения российских эмигрантов в Маньчжурии.

Иерархи РПЦЗ посылали свои приветствия главе ГБРЭМ, и так далее³⁵. Кислицын состоял в многочисленных эмигрантских организациях. Например, он был председателем Совета национальностей при Главном бюро, председателем Общества домовладельцев, был помощником начальника добровольческих дружин Кио-Ва, директором высших курсов Кио-Ва-Кай, членом штаба противовоздушной обороны³⁶.

После начала Тихоокеанской войны 7 декабря 1941 г. Кислицын отправился к начальнику ЯВМ генералу Янагита и заявил о полной поддержке российской эмиграции Японии в войне с Англией и Америкой³⁷. А 14 декабря 1941 г. орган ГБРЭМ «Голос эмигрантов» опубликовал заявление генерала Кислицына по поводу начавшейся войны:

Российская эмиграция, проживающая в пределах дружественной Ниппон Маньчжурской империи, где она нашла себе приют и защиту и где она пользуется равными правами с коренным населением края, не должна и не может оставаться только зрителем разворачивающихся событий. Горячо приветствуя в эти судьбоносные дни героическую армию и флот великой империи Ниппон и от души желая им скорой и решительной победы над врагами, российская эмиграция, возглавляемая мною как начальником Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, предоставляет себя целиком в распоряжение Ниппонского военного командования в лице

начальника Ниппонской военной миссии в Харбине генерала Янагита и друга, ибо враги Ниппон — наши враги³⁸.

С этого дня по случаю побед японского оружия начальник Главного бюро обязательно поздравлял военных Страны восходящего солнца.

В период пребывания на посту начальника ГБРЭМ Кислицын занимался также писательской деятельностью. Из-под его пера вышли две книги воспоминаний, «В огне Великой мировой войны. Личные воспоминания» (1936 г., ил. 6) и «В огне Гражданской войны. Мемуары» (1938 г.), а также историко-публицистические труды «Пантеон воинской доблести и чести» (1941 г., ил. 7) и «Пути русской молодежи» (1944 г.). На посту начальника Бюро Кислицын размышлял о путях русской молодежи. Еще до написания своей книги в одной из речей в 1942 г. он говорил:

Мы, старшее поколение эмиграции, желаем видеть нашу молодежь воспитанной в национальном духе, в духе преданности идеалам Святой Православной Руси, в духе сознания своего священного долга — борьбы с коминтерном и его союзниками — англосаксами, с которыми доблестные армии и флот великого императорского Ниппон ведут героическую борьбу за торжество светлого порядка мира³⁹.

Содержание этой речи кардинально расходилось с настроениями молодежи, которые с каждым месяцем, если не днем становились все более просоветскими. Японские военные не были довольны складывающейся обстановкой среди русских эмигрантов. После начала Великой Отечественной войны, которая в эмиграции называли советско-германской, увеличилось число советских патриотов. Антисоветская пропагандист-

Ил. 5. Генерал В. А. Кислицын. Портрет работы художника В. Попова. Репродукция из харбинской газеты «Заря» за 1941 г.

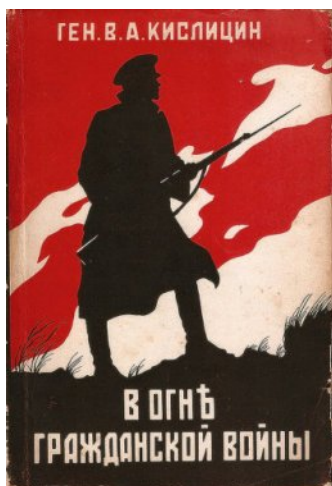
³⁵ 3 года во главе Российской эмиграции в Маньчжоу-Диго. Торжественное чествование начальника Гл. бюро ген. В. А. Кислицына // Заря. 12 мая 1941. № 123. С. 3.

³⁶ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп 3. Д. 20519. Л. 23.

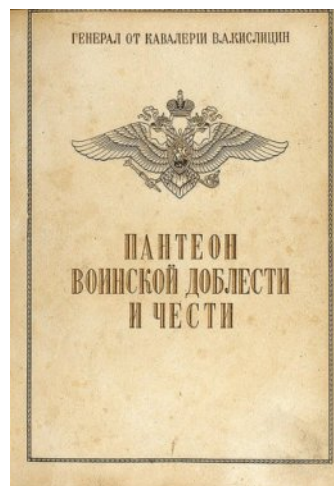
³⁷ Российская эмиграция в Маньчжурii... С. 42.

³⁸ Российская эмиграция выполнит свой долг благодарности. Заявление начальника Главного бюро эмигрантов генерала от кавалерии В. А. Кислицына // Голос эмигрантов. 14 декабря 1941 г. № 51 (186). С. 1.

³⁹ Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания. Речь начальника ниппонской военной миссии ген. Янагита на собеседовании о молодежи. Благодарственное слово начальника Гл. бюро эмигрантов ген. В. А. Кислицына // Голос эмигрантов. 26 июля 1942. № 31 (219). С. 7.

Ил. 6. Книга В. А. Кислицына «В огне Гражданской войны». 1936 г. Частная коллекция

Ил. 7. Книга В. А. Кислицына «Пантеон воинской доблести и чести». 1941 г. Частная коллекция

Ил. 8. Генерал от кавалерии В. А. Кислицын со своей супругой Ольгой Владимировной на банкете Дальневосточного союза казаков. Второй слева — генерал-майор А. В. Зувев, начальник Дальневосточного союза казаков. Вторая половина 1930-х гг. Из коллекции М. Блинова. Публикуется впервые

ская деятельность ГБРЭМ не помогала. В конце 1943 г. японские военные власти решили реорганизовать ГБРЭМ. Было решено назначить новых руководителей. Это отразилось и на судьбе самого Кислицына. 18 ноября 1943 г. его сняли с поста начальника ГБРЭМ⁴⁰. Вместо него новым руководителем был назначен генерал Л. Ф. Власьевский, сторонник атамана Г. М. Семенова⁴¹.

18 мая 1944 г. Владимир Александрович Кислицын скоропостижно скончался от болезни сердца. Похороны состоялись на Старом кладбище Харбина⁴².

В. А. Кислицын был женат на Ольге Владимировне Кислицыной (ил. 8). Имел сына и дочь. Как супруга начальника ГБРЭМ О. В. Кислицына занимала ответственные посты — в 1939–1943 г. возглавляла российский сектор женского общества обороны Маньчжоу-Диго⁴³.

Сын генерала Георгий Владимирович Кислицын (1923–1996) окончил медицинский институт в Харбине, аспирантуру в токийском уни-

верситете по хирургии. Выехал в СССР, где работал детским хирургом в г. Грозном Чечено-Ингушской АССР⁴⁴.

Список литературы

- 3 года во главе Российской эмиграции в Маньчжу-Ди-Го. Торжественное чествование н-ка Гл. бюро ген. В. А. Кислицына // Заря. 12 мая 1941. № 123.
- Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг.: Хабаровск: Частная коллекция, 2008.
- Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942.
- Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания. Речь начальника ниппонской военной миссии ген. Янагита на собеседовании о молодежи. Благодарственное слово начальника Гл. бюро эмигрантов ген. В. А. Кислицына // Голос эмигрантов. 26 июля 1942. № 31 (219).
- Воин без страха и упрека. Ратные подвиги ген. от кав. В. А. Кислицына // Голос эмигрантов. 26 июля 1942. № 31 (219).
- Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр „БЛИЦ“», 2004.
- Единая организация эмиграции приступила к работе // Заря. 1 января 1941. № 1.

⁴⁴ Косарева (Окулич) А. Е. Мои воспоминания о Юре Кислицыне // Русская Атлантида. 2019. № 73. С. 28–29.

⁴⁰ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп. 3. Д. 20519. Л. 23.

⁴¹ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп. 3. Д. 8204. Л. 34.

⁴² Скончался ген. от кав. В. А. Кислицын // Время. 20 мая 1944. № 135 (4137). С. 3.

⁴³ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп. 3. Д. 8204. Л. 96.

Кислицын В. А. В огне Великой мировой войны. Личные воспоминания. Харбин, 1938.
Кислицын В. А. В огне гражданской войны. Харбин, 1936.
Косарева (Окулич) А. Е. Мои воспоминания о Юре Кислицыне // Русская Атлантида. 2019. № 73.
Кутцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011.
Личный состав чинов Отдельного корпуса пограничной стражи по старшинству. Составлен по 01.01.1909. СПб., 1909.
Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сборник документов. Южно-Сахалинск, 1994.
Российская эмиграция выполнит свой долг благодарности. Заявление начальника Главного Бюро эмигрантов генерала от кавалерии В. А. Кислицына // Голос эмигрантов. 14 декабря 1941. № 51 (186).
Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Том 8. Противостояние. 1927–1941 гг. М., 2016.
Скончался ген. от кав. В. А. Кислицын // Время. 20 мая 1944. № 135 (4137).

YAKOWKIN Evgeniy Vasilievich

Teacher, College of the Olympic Reserve of Perm region (Perm, Russia)

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

Pages of life of the General from cavalry Vladimir Aleksandrovich Kislitsyn

Vladimir Alexandrovich Kislitsyn is an outstanding figure in the history of Russian emigration. He successively served in the border guard corps, fighting smugglers, participated in the great war, showing incredible heroism, participated in the Civil war in Russia from the North to the Far East. Crossing the front line. He managed to serve in the army of the Ukrainian state, the army of Admiral A. V. Kolchak, as well as in the units of ataman G. M. Semenov. During the years of emigration he actively participated in the social and political life of the Russian Diaspora in China. Worked with the Japanese military. The article attempts to reconstruct his biography. Biography recreated on the basis of archival materials, his memories, as well as periodicals.

Keywords: Russian army, officer corps, Russian-Japanese war, border guard corps, world war I, Great war, Civil war, Russian emigration, Harbin, BREM, Manchukuo, Kio-Wa-Kai, World war II, Japanese military mission.

УДК 930.26 (571.5+519.3)

ББК 63.3 (2) 6–4

Владимир Спартакович МИЛЬБАХ

доктор исторических наук, профессор кафедры,
Михайловская военная артиллерийская академия (Санкт-Петербург, Россия)

Андрей Анатольевич ТИТОВ

заместитель начальника по военно-политической работе,
Михайловская военная артиллерийская академия (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: v.milbach@yandex.ru

К ВОПРОСУ О «ВРЕДИТЕЛЬСКО-ДИВЕРСИОННОЙ РАБОТЕ» В СИСТЕМЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО СНАБЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ В 1937–1938 ГГ.

Статья посвящена сложному историческому периоду в истории нашей страны — массовым политическим репрессиям 1937–1938 гг. в Красной армии. Эти события предшествовали череде военных конфликтов 1938–1940 гг., которые, несмотря на их победоносное завершение советскими войсками, сопровождались значительными потерями личного состава, техники и вооружения. Военные конфликты продемонстрировали недостатки в управлении войсками и в их обеспечении, отсутствие организованности в частях, соединениях и профессионализма у командно-начальствующего состава. Во многом эти недостатки получили развитие именно в период массовых политических репрессий. Основываясь на архивных документах, авторы раскрывают несостоятельность обвинений в политических преступлениях, которые были предъявлены командирам (начальникам).

Ключевые слова: артиллерийское снабжение, военный склад, диверсия, арест, протокол допроса, судебное заседание, приговор, комплект начальствующего состава.

В начале лета 1937 г. Киевский военный округ (КВО) был охвачен арестами командно-начальствующего состава. По обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре» были арестованы бывший командующий войсками округа командарм 1-го ранга И. Э. Якир, начальник политуправления округа армейский комиссар 2 ранга М. П. Амелин, его заместитель корпусной комиссар Н. О. Орлов, начальник штаба округа комбриг Н. И. Подчуфаров, его заместитель комбриг А. Г. Лабас, комдивы С. И. Венцов-Кранц, Ф. Ф. Рогалев и другие представители красного генералитета¹.

8 июня 1937 г. 5-м отделом Управления госбезопасности НКВД УССР был арестован начальник артиллерийского снабжения КВО интендант 2 ранга Евгений Яковлевич Киселев. Он обвинялся в том, что

¹ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. С. 90.

являлся активным участником военно-фашистского заговора, в который был завербован в 1935 г. одним из участников заговора начальником отдела артбаз артуправления РККА Ф. И. Ольшевским, и

по его заданию завербовал Кириллова, Персиянова, Дьякова, а всего 34 человека, и на протяжении 1935–1937 гг. руководил их к/р вредительско-диверсионной работой в системе артиллерийского снабжения частей КВО, организовал диверсионные группы и разработал планы совершения взрывов складов и проинструктировал диверсантов о порядке проведения этих взрывов.

Кроме того, Е. Я. Киселев обвинялся в том, что

в 1936 году был завербован Ойгенштейном для шпионской деятельности в пользу германской разведки и передал германской разведке сведения о наличии на складах КВО артвооружения и другие секретные материалы².

Выездной сессией ВКВС 9 сентября 1937 г. Е. Я. Киселев был осужден по ст. 54–1 п. «б», 54–8 и 54–11 УК УССР к высшей мере наказания — расстрелу. Проверкой дела по обвинению Е. Я. Киселева, проведенной в 1956 г., установлено, что он был осужден совершенно необоснованно. В материалах дела были обнаружены явные несоответствия в показаниях подследственного. Например, на предварительном следствии на допросе 18–19 июня 1937 г. Киселев показал, что в военно-троцкистский заговор он был вовлечен в 1935 г. начальником артиллерии КВО Н. М. Бобровым. На допросе 27 июля 1937 г. Киселев изменил ранее данные им показания и заявил, что в заговор, но уже «военно-фашистский», он был вовлечен в июле 1935 г. начальником отдела артбаз артуправления РККА Ф. И. Ольшевским, а затем через месяц был перевербован Н. М. Бобровым и выполнял его указания по проведению вредительства в артснабжении КВО.

Приложенные к делу Е. Я. Киселева выписки из протоколов допроса Н. М. Боброва не могут служить доказательством виновности Киселева в связи с их несостоятельностью и противоречивостью. На допросе 30 июня 1937 г. Бобров показал, что он завербовал Киселева в конце 1935 г., но на допросе 9 июля 1937 г. изменил показания и заявил, что Киселев им завербован в начале 1935 г. или в конце 1934 г.

Показания Киселева о вербовке им в военно-фашистский заговор 34 человек также несостоятельны, носят надуманный характер и опровергаются материалами дополнительного расследования. Так, на допросе 18–19 июня 1937 г. он показал, что для проведения вредительства

² Архив управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Д. П-63883. Л. 158 (Заключение по делу Киселева Е. Я. по вновь открывшимся обстоятельствам).

и диверсий он в 1936 г. вовлек Курилова, Персиянова, Дьякова и Огейнштейна. На допросе 27 июля 1937 г. подследственный изменил ранее данные им показания и заявил, что помимо указанных ранее лиц он вовлек в заговор Кирсанова, Рисса, Мухаева и других (всего 30 человек). Изучением архивно-следственных дел по обвинению М. С. Кирсанова, Н. П. Царькова, В. А. Рисса и других (всего 9 человек)

установлено, что все они в суде отказались от данных показаний на предварительном следствии и заявили, что в к/р организации не состояли и вредительством в системе артснабжения и артвооружения не занимались³.

Что касается показаний П. В. Шибанова, Ф. С. Петрова, А. П. Шибалкина и остальных о вовлечении их в заговор Киселевым и показания самого Киселева, то они по этому поводу неубедительны и противоречивы, в связи с чем доказательством вины Е. Я. Киселева быть не могут.

Показания Е. Я. Киселева на допросе 26 июня 1937 г. о вербовке его интендантом 1 ранга Б. М. Ойгенштейном для шпионской деятельности в пользу германской разведки противоречивы. На допросе 17 июля 1937 г. Киселев не признал себя виновным в шпионской деятельности. Показания Б. М. Ойгенштейна о шпионской деятельности несостоятельны, носят надуманный характер и не могут служить доказательством вины Киселева. Проверкой в Главном архивном управлении МВД СССР материалов о принадлежности Киселева к агентуре иностранных разведок не обнаружено⁴. Архивно-следственное дело №П-411949 по обвинению Е. Я. Киселева вместе с материалами дополнительного расследования и заключением военной прокуратуры КВО от 1956 г. было направлено в ВКВС на предмет отмены приговора за отсутствием состава преступления.

Изучение содержания архивно-следственного дела одного из названных Е. Я. Киселевым в качестве завербованных — Петра Васильевича Шибанова — также свидетельствует о несостоятельности обвинений в политических преступлениях, выдвинутых против начсостава, занятого в области артиллерийского вооружения КВО. Начальник 1-го отдела военного склада № 64 КВО интендант 3 ранга П. В. Шибанов был арестован 13 июня 1937 г. и содержался под стражей в Киевской тюрьме. В конце августа ему было предъявлено обвинительное заключение в том,

что он является активным участником антисоветского фашистского заговора, по заданию Киселева проводил подготовку диверсионных актов на складе № 64, организовал вредительскую работу и распространял троцкистские

³ Там же. Л. 159.

⁴ Там же. Л. 160.

приказы в частях войск Киевского военного округа, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-16, 54-8 и 54-11 УК УССР⁵.

В обвинительном заключении, составленном врид начальника 1-го отделения 5-го отдела управления госбезопасности Киевской области лейтенантом госбезопасности Бибениным в августе 1937 г. (точная дата в документе отсутствует), указано, что Шибанов в августе 1936 г. был вовлечен в антисоветский заговор Е. Я. Киселевым, от которого получил задание

организовать вредительскую работу, обеспечив выход из строя материальной части стрелкового оружия и срыв нарядов на снабжение частей КВО стрелковым оружием и боеприпасами.

Кроме того, Шибанов получил задание вербовать в антисоветский заговор других лиц. Из обвинения следует, что Шибанов, не боясь неминуемого разоблачения,

проводил подготовку диверсионных актов на складе и организовал вредительскую работу, направленную на порчу стрелкового оружия, боеприпасов, военного имущества...⁶

Также в обвинительном заключении было указано, что Шибанов распространял троцкистские приказы в частях войск КВО⁷.

К делу были приобщены два акта. Один отражал технические недостатки состояния винтовок, запчастей и принадлежностей⁸, присланных из склада № 64 в 135-й стрелковый полк в феврале 1936 г. Другой акт датирован 27 июля 1937 г., т. е. был составлен после ареста П. В. Шибанова. Он изобилует орфографическими и синтаксическими ошибками, но по своему содержанию должен был служить дополнительным свидетельством вредительской деятельности Шибанова. Комиссия под председательством начальника клуба политрука Колесова обнаружила:

Винтовки хранились всех категорий вместе, т. е. были смешаны, новые, требующие ремонта и негодные. <Было установлено, что> оружие, принадлежащее НКВД и частям гарнизона, хранится очень плохо, т. е. в разных уголках, кроме того, в момент работы комиссии обнаружены односторонние маслянки с гербом двухглавого орла, смешанные с маслянками, на которых стоит советский герб. <Далее комиссией отмечалось:> Хранилище, пред-

назначенное для имущества вывозимого и ввозимого склад, фактически же на 50% этой площади использовано под хранение бумаги ПУ КВО, хранение бумаги в складе № 64 тормозит его работу по приему и выдаче артиллерийского имущества, а также является явно преступно в противопожарном отношении, имея ввиду, что рядом с бумагой за дверью на расстоянии полутора метров хранятся боевые патроны. <Вывод комиссии:> Учитывая преступность хранения руч. оружия, комиссия считает, что такое положение допущено с целью вредительских методов, влекущими за собой срыв в обеспечении выполнения задания боевого порядка⁹.

Наличие на складе запасов бумаги (старых приказов, наставлений и т. п.) определялось потребностью в обертывании промасленных деталей стрелкового оружия, но это было использовано против П. В. Шибанова: якобы

через завербованных им участников антисоветского заговора Шибанов организовал распространение в частях КВО архивных приказов врага народа Троцкого, используя их в качестве оберточной бумаги при высылке запасных частей стрелкового оружия¹⁰.

Закрытое судебное заседание выездной сессии ВКВС СССР под председательством диввоенюриста Орлова по рассмотрению дела по обвинению П. В. Шибанова 10 сентября 1937 г. продолжалось 20 минут. Было запроотоколировано, что обвиняемый

виновным себя признает, показания, данные им на предварительном следствии, подтверждает и заявляет, что дополнить их ему нечем¹¹. <В приговоре было указано, что> подсудимый Шибанов Петр являлся активным участником антисоветского военно-фашистского заговора, ставившего своей задачей свержение советской власти путем вооруженного переворота, совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства и организации поражения Красной армии в случае войны в целях реставрации капитализма в СССР¹².

Примечательно, что в документах дела П. В. Шибанова о терроризме речь не велась, но в приговоре это прозвучало. Нельзя назвать логичными выводы следствия и формулировку приговора, где выдвигались обвинения в подготовке вооруженного восстания (восставшим наверняка понадобятся стрелковое оружие и боеприпасы со склада) и одновременно во вредительстве на этом же складе. Тем не менее, был озвучен по заранее подготовленной схеме протокол, и П. В. Шибанов был

⁵ Там же. Л. 146–147 (Обвинительное заключение, точная дата составления и утверждения отсутствует).

⁶ Там же. Л. 146.

⁷ Там же. Л. 147.

⁸ Там же. Л. 129.

⁹ Там же. Л. 126.

¹⁰ Там же. Л. 146.

¹¹ Там же. Л. 150 и об.

¹² Там же. Л. 151 и об.

осужден к расстрелу, который был приведен в исполнение в тот же день, о чем свидетельствует приложенная к материалам дела справка¹³. понадобилось около 20 лет, чтобы восторжествовала справедливость и стало очевидным: П. В. Шибанов арестован и осужден безосновательно.

По подсчетам авторов, около двухсот специалистов по вооружению в КВО были охвачены репрессиями 1937–1938 гг., многие из них оказались в местах заключения, около шестидесяти уничтожены (расстреляны, погибли в лагерях). Подобное происходило и в других военных округах. Например, в Ленинградском военном округе в преддверии Советско-финляндской войны оказались репрессированными 29 представителей начсостава (из них 25 уничтожены) из 15 военных складов, а также 36 — из службы артвооружения¹⁴.

Проверка военных складов Среднеазиатского военного округа в октябре 1938 г. выявила, что из всех военных складов и баз военного округа относительно удовлетворительно функционировали только два, при этом на всех складах отмечался значительный некомплект начальствующего состава, образовавшийся после волны репрессий 1937–1938 гг.¹⁵

Имеющиеся недостатки в работе складов вооружения, нарушения мер безопасности и халатность работников складов зачастую расценивались как вредительство, что в 1937–1938 гг. влекло репрессивные меры. Однако целенаправленной работы по устранению причин, которыми были вызваны нарушения, не велось. Массовые аресты начальствующего состава, обезличивавшего учет, сохранность и сбережение вооружения и техники, не могли не повлиять на уровень и качество обеспечения войск техникой, вооружением, боеприпасами накануне Второй мировой войны.

Список литературы

Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. 423 с.

¹³ Там же. Л. 154.

¹⁴ Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. С. 217–281.

¹⁵ Мильбах В. С., Павлович С. Л., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. СПб.: Изд. Комплекс «Гангут», 2019. С. 206–207.

Мильбах В. С., Павлович С. Л., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. СПб.: Изд. Комплекс «Гангут», 2019. 340 с.

Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.

Vladimir MILBACH

doctor of historical sciences, Professor of the Department, Mikhailovskaya military artillery Academy (St. Petersburg, Russia)

Andrey TITOV

Deputy chief for military and political work, Mikhailovskaya military artillery Academy (St. Petersburg, Russia)

E-mail: v.milbach@yandex.ru

To the question of “wrecking and sabotage work” in the system of artillery supply of parts in 1937–1938

The article is devoted to a difficult historical period in the history of our country—the mass political repressions of 1937–1938 in the red army. These events preceded a series of military conflicts 1938–1940 involving, which, despite their victorious conclusion Soviet troops, were accompanied by significant losses personal the composition, technology and weaponry. Military conflicts have demonstrated shortcomings in the management of troops and in their provision, the lack of organization in units, formations and professionalism of the command and command staff. In many ways, these shortcomings were developed during the period of mass political repression. Based on archival documents, the authors reveal the inconsistency of the charges of political crimes that were brought against commanders (chiefs).

Keywords: artillery supply, military warehouse, sabotage, arrest, interrogation protocol, court session, sentence, shortage of commanding staff.

Михаил Игоревич ТЯГУР

экскурсовод, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: tiagur-mih@mail.ru

«БОЛЬШИЕ УЧЕБНЫЕ СБОРЫ» 1939 г.: СКРЫТАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ТРУДНОСТИ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена проведённой в сентябре 1939 г. скрытой мобилизации Красной армии. Выявлены трудности, возникшие в процессе мобилизационных мероприятий, их причины. Дана характеристика слухам, возникшим в связи с мобилизацией, а также настроениям призывавшихся, при этом уделено внимание и попыткам избежать службы. Затронут вопрос об осмыслении советским политическим и военным руководством итогов мобилизации.

Ключевые слова: мобилизация, 1939 год, Красная армия, военкоматы.

В сентябре 1939 г. советское руководство решило провести частичную мобилизацию Красной армии. Мобилизация проводилась как скрытая, в документах её именовали «большими учебными сборами» (далее БУС). Данный шаг был предпринят в условиях начавшейся в Европе войны. Пополнившиеся в ходе «сборов» запасниками части участвовали в Польском походе Красной армии, во вводе советских войск на территорию Прибалтики и в боевых действиях против Финляндии.

В посвящённых предвоенному периоду общих работах данным мобилизационным мероприятиям уделяется не слишком много внимания. Так, М. И. Мельтохов кратко описывает основные действия властей в рамках БУС и приводит данные о количестве призванных и поставленной в армию техники, отмечая, что мобилизационные мероприятия были проведены не совсем организованно, с опозданием на два-три дня, а воинский график железнодорожных перевозок оказался сорван. При этом историк не касается вопроса о причинах возникших затруднений¹. В то же время работы, специально посвящённые мобилизации

¹ Мельтохов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2008. С. 77–80; Мельтохов М. И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 339–345; Мельтохов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014. 14–19.

сентября 1939 г. — это, как правило, статьи об отдельных регионах. Так, С. А. Жуков изучает БУС на примере Ленинградского округа², А. Ю. Пузырёв — их ход в Тамбовской области³, а П. В. Петров исследует мобилизационные мероприятия Балтийского флота⁴.

Данная статья — попытка подробнее охарактеризовать ход мобилизации в целом, возникшие при этом трудности и их причины.

Первый шаг к мобилизации был сделан 3 сентября, когда Политбюро ЦК ВКП(б) постановило, во-первых, задержать на месяц подлежащих увольнению со службы красноармейцев и младших командиров шести военных округов (Ленинградский — ЛВО, Московский — МВО, Калининский — КалВО, Белорусской особый — БОВО, Киевский особый — КОВО, Харьковский — ХВО), всего 310 632 человека. Во-вторых, в четырёх округах (ЛВО, КалВО, БОВО и КОВО) «на учебные сборы сроком на один месяц» поднимался приписной состав частей воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), всего 8524 человека. В-третьих, в четырёх городах (Ленинград, Великие Луки, Минск, Киев) призывалась часть приписного состава зенитных и прожекторных частей, подлежала мобилизации часть приписанных к ним лошадей и транспорта, всего 17 490 человек, 186 лошадей, 147 автомашин и 41 трактор. В тот же день указания Политбюро были продублированы постановлением Совнаркома⁵.

6 сентября директиву наркома обороны о начале «больших учебных сборов» получили семь военных округов (упомянутые выше и Орловский)⁶. На следующее утро началась рассылка повесток запасникам. Сразу же стали сказываться недостатки мобилизационных планов, а также недочёты в предшествующей работе военкоматов.

Повестки запасникам могли рассылать как военные комиссариаты, так и части, к которым они были приписаны. Как выяснилось, между военкоматами и частями не было «чёткого разграничения» по оповеще-

² Жуков С. А. Мобилизация Ленинградского военного округа 1939 г. и её влияние на безопасность Северо-Западного региона СССР // Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в Северо-Западном регионе в условиях глобализации и формирования новой архитектуры мирового порядка в конце XX — начале XXI вв. Материалы работы круглого стола 17 мая 2007 г. СПб., 2007.

³ Пузырёв А. Ю. Большие учебные сборы 1939 г. в Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 6.

⁴ Петров П. В. Скрытая мобилизация на Балтийском флоте осенью 1939 г. // Вопросы истории. 2010. № 12.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 166–167; РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 4. Д. 15. Л. 113–114.

⁶ Мельтохов М. И. Упущенный шанс Сталина. С. 78; Мельтохов М. И. 17 сентября 1939. С. 339; Мельтохов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). С. 15.

нию начсостава запаса, приписанного к войскам местных гарнизонов. При этом военкоматы могли не знать (им просто не сообщали), сколько людей призвано непосредственно частями. В результате, как отмечалось в составленной в октябре (по-видимому, в ПУ РККА — Политическом управлении Красной армии) по материалам всех округов справке об итогах БУС,

имели место случаи, когда одному и тому же приписнику посылались по две, а иногда по три повестки: одна из части, одна из военкомата, или две из частей, одна из военкомата, с разными адресами явки⁷.

Кроме того, оказалось, что на учёте в военкоматах и частях состояло множество «мёртвых душ». Например, из числившихся за Солецким сельсоветом Солецкого района Ленинградской области 269 запасников таковыми оказались 67⁸. В Слуцком районе из 3223 повесток возвратили 924⁹. В докладе о мобилизации в Калининском округе отмечалось:

Приписка военнообязанных <...> не сверялась, части проводили вызов по повесткам, написанным ещё в 1938 году (138 сд), в результате чего 10% повесток оказались недействительными¹⁰.

Повестки отправлялись умершим, арестованным, переехавшим в другие районы¹¹. К тому же, как говорилось в докладе об итогах БУС в КалВО, во многих военкоматах при составлении мобпланов не учли, что часть сельского населения занимается отходничеством,

по планам на случай мобилизации РВК <райвоенкоматы> не имели соответствующего резерва. В результате в момент сборов не явилось по Ржевскому военкомату до 15%, по Нелидовскому и Оленинскому военкоматам до 10% военнообязанных.

Военкоматы должны были прямо в ходе мобилизации проводить дополнительную приписку, «что растягивало срок отмобилизования»¹². О значительном некомплекте, который «объясняется большим отходничеством сельского населения в города на сезонные работы», доносил 11 сентября наркому обороны К. Е. Ворошилову и командующий войсками МВО С. М. Буденный. Он особенно выделил Ивановскую,

Тульскую и Горьковскую области. В результате, указывал Буденный, призываются люди «в достаточной степени не изученные, не проходившие сборы и малообученные»¹³.

При отправке в войска не всегда учитывались военные специальности, образование и опыт работы запасников. В отчёте ПУ МВО сообщалось, что

в ряде частей на должности повозочных, санитаров и т. д. были приписаны научные и партийные работники, профессора, зав. военным отделом р<ай>к<ома> ВКП(б)¹⁴.

Аналогичным образом обстояли дела и в других округах. Выяснилось, что приписка к частям проходила без учёта специальностей. Артиллеристы и связисты отправлялись служить стрелками в пехоте. Рабочих, никогда не имевших дела с лошадьми, назначали повозочными¹⁵.

В ходе БУС было запрещено призывать трудящихся с предприятий, принадлежавших наркоматам авиационной промышленности, вооружения и боеприпасов¹⁶. Однако военкоматы и предприятия заранее не согласовали вопрос о бронировании рабочих и инженерно-технических сотрудников. Как зафиксировала упоминавшаяся выше «Справка об итогах проведения больших учебных сборов», в ряде городов (Москва, Ленинград, Харьков, Тула, Горький, Иваново) уже мобилизованных запасников приходилось прямо на сборных пунктах освобождать от службы. Так, в Харькове на оборонных предприятиях трудилось 60% приписного состава, «их освобождение понизило явку приписников в часть в первый день призыва». В Москве пришлось отпустить со «сборов» 14 500 человек, в Тульской области — 8 тысяч, в Горьковской — 6 462, в Ивановской — 3 422¹⁷. В Ленинграде и Харькове военкоматы успели отправить в войска рабочих с производивших бронетехнику заводов. Их использовали для комплектования танковых частей. Вскоре по распоряжению Генштаба этих мобилизованных пришлось освобождать от службы, на их место военкоматы отправили военнообязанных, совершенно не знакомых с танками¹⁸. Почти сразу же посылались распоряжения относительно работников предприятий других ведомств. С. М. Буденный уже 13 сентября жаловался К. Е. Ворошилову, что «от Генерального штаба идёт бесперывный

⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 174.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 131.

¹¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 72, 222; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3686. Л. 11; Оп. 12. Д. 2. Л. 13.

¹² РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 134.

¹³ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2338. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 20.

¹⁵ Там же. Л. 134–135; Примеры ошибок в приписке по военно-учётным специальностям также см.: Там же. Л. 8, 170–171, 257, 274–275, 284–286.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 23. Д. 195. Л. 193.

¹⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 176.

¹⁸ Там же. Л. 176–177.

поток письменных и телефонных указаний об освобождении». Особенно при этом страдали специальные части, где возникала существенная нехватка личного состава. Командующий МВО приводил как пример артиллерийские полки 17-й стрелковой дивизии: в результате освобождения от «сборов» рабочих и служащих автозавода имени Молотова (город Горький) они «оказались укомплектованными только на 55%»¹⁹.

Мобилизация в целом выявила отсутствие чётко установленного порядка бронирования рабочей силы²⁰. В сентябре — начале октября И. В. Сталину, председателю Совнаркома В. М. Молотову и заместителю председателя Комитета обороны при Совнаркоме Н. А. Вознесенскому поступил ряд обращений об освобождении от мобилизации или возвращении из армии уже призванных рабочих и служащих различных ведомств. Об этом просили нарком судостроительной промышленности И. Ф. Тевосян, нарком общего машиностроения П. И. Паршин, нарком финансов А. Г. Зверев, начальник Главного управления сульфитно-спиртовой и гидролизной промышленности В. С. Чуенков, руководство ВМФ (последнее хотело, чтобы от «сборов» освободили трудящихся предприятий, находившихся в подчинении Балтийского флота). Частично их запросы были удовлетворены²¹.

Путаница в работе военкоматов, ошибки в учёте запасников, срочные поиски дополнительных военнообязанных — всё это вело к задержкам в ходе мобилизации. Из Кингисеппского окружкома партии в ленинградский обком сообщали, что в Волосовском районе призыв запасных вместо запланированных двух-трёх дней продолжался с 7 по 12 сентября, то есть занял 6 суток²². В докладе бригадного комиссара Ф. А. Шаманина (на начало БУС — начальник политуправления КалВО, после — начальник политуправления 7-й армии) начальнику ГУПП РККА Л. З. Мехлису констатировалось, что в Калининском округе «люди прибыли в части с опозданием на 2–3 дня»²³. В Московском округе на третий день «сборов» части должны были получить 90% подлежавшего мобилизации начальствующего состава, в действительности явилось только 57%. На пятый день призыва Мосгорвоенкомат должен

был закончить призыв начсостава, фактически к этому моменту план выполнили только на 65%²⁴.

С трудом шла мобилизация техники: автомашин и тракторов. Их армия должна была получить из народного хозяйства. Как гласят документы, со стороны «отдельных» руководителей хозяйственных организаций «были случаи проявления антигосударственных тенденций»²⁵. Приведём несколько ярких примеров. Минская областная база «Рыбсбыта» обязана была предоставить два грузовика ЗИС-5. Заместитель директора базы Левин

потребовал постановления СНК о том, что райвоенкомат имеет право призывать автотранспорт, и без постановления отказался поставить машины.

Только после нажима со стороны райкома партии и городского прокурора руководство базы согласилось предоставить технику, однако из восьми имевшихся машин сознательно дало две «негодные для эксплуатации» (одну из них, по решению автоинспекции, запрещалось использовать как технически неисправную, «вторая была поставлена с негодной резиной, несмотря на то, что резина у них была») ²⁶. Председатель колхоза «Шлях Ленина» (Минская область, Копыльский район, Лехняновский сельсовет) Руднев загнал грузовик-полуполторку «в чашу сада, замаскировал». После того, как машину нашли, он «просил прощения, заверяя, что больше подобных фактов с его стороны не будет»²⁷. В Кингисеппе (Ленинградская область) заведующий автобазой окружного исполкома Герасимов снял с новой машины боковины и заменил новый аккумулятор на «плохой», а когда члены приёмной комиссии потребовали возвращения снятых частей, заявил:

Какую машину я сдаю, такую и принимайте, а если не хотите, то ничего не получите²⁸.

Руководители предприятий и учреждений старались оставить у себя новую технику, а на сдаточные пункты отправить старую и требующую ремонта²⁹, исправные машины и трактора прятали³⁰, под разными пред-

¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2338. Л. 7.

²⁰ Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от Ворошилова К. Е. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 198.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 507. Л. 72–73; Ф. Р-8418. Оп. 23. Д. 195. Л. 110–111, 128–130, 132–133, 191, 193–194, 201–202, 211–212, 267–268, 274; РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 4. Д. 15. Л. 141.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3645. Л. 27; Ф. 1638-Л. Оп. 2. Д. 112. Л. 4.

²³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 133.

²⁴ Там же. Л. 207.

²⁵ Там же. Л. 90.

²⁶ Там же. Л. 252.

²⁷ Там же. Л. 253.

²⁸ ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 162.

²⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 90, 135, 141, 178, 252; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 19; Д. 19. Л. 133–134; ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 161–162.

³⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 90; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 19; Д. 19. Л. 134; ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 161–162.

логами отправляли в другие районы и области³¹. Чтобы скрыть технику от поставки, её иногда даже разбирали³², с машин снимали хорошие покрышки, взамен ставили старые, негодные³³. Некоторые предприятия и учреждения просто отказывались дать автотранспорт³⁴.

Противодействие, которым хозяйственные работники встретили мобилизацию техники, объясняется просто. Изъятие машин и тракторов мешало им выполнять свои производственные планы. Иногда их даже поддерживало низовое партийное руководство. Директор Кубраковской МТС (Воронежская область, Вейделевский район) Гаммлист прислал негодную машину, на 12 часов задержал поставку тракторов. Когда райвоенкомат обратился за содействием к секретарю местного райкома партии Усакову, тот отказался помогать, заявив: «Вы срываете сельскохозяйственные работы»³⁵.

По фактам саботажа возбуждались уголовные дела, материалы на мешавших сбору техники для РККА работников передавались в прокуратуру³⁶. По партийной линии за плохое состояние машин могли объявить выговор, а за поставку негодных автомобилей — исключить из ВКП(б). Только в Москве в ходе БУС за помехи мобилизации транспорта или за его плохое состояние к партийной или судебной ответственности были привлечены руководители 70-ти учреждений, предприятий и автохозяйств³⁷.

Кроме того, мобилизация, как позднее (в апреле 1941 г.) отмечали заведующий военным отделом ленинградского обкома М. Ф. Алексеев и ленинградский областной военком Д. И. Люлин, «вскрыла исключительно тяжёлое состояние автотранспорта»³⁸. Масса машин требовала ремонта. Кое-где исправной техники было меньше, чем предполагалось отправить в армию по мобилизационному плану³⁹. В значительной части автохозяйств отсутствовали необходимые запчасти и инструменты. Не хватало покрышек: по словам тех же Алексеева и Люлина, в Ленин-

градской области «свыше 35 % годного к поставке автотранспорта... не было поставлено из-за плохой резины»⁴⁰.

Результат можно охарактеризовать цитатой из доклада об итогах БУС в Калининском округе: «Значительная часть мехтранспорта прибывала на сдаточные пункты неисправной и возвращалась в автохозяйства для производства ремонта, что задерживало прибытие на 1–2 дня»⁴¹. Существенную долю транспорта военные браковали. Так, в Курской области при приёмке отсеяли 55 % поставленных тракторов, в Воронежской — до 70⁴². Однако в итоге в части всё-таки прибыло немало непригодной для работы техники, иногда — в вопиюще большом количестве. Например, в Орловском округе 272-й артиллерийский полк 10-го стрелкового корпуса получил 40 тракторов, из которых полностью исправными оказались только 2, 8 — требовали мелкого ремонта, оставшиеся 30 — капитального⁴³.

К тому же при отправке автомобилей в армию хозяйственные организации часто не обеспечивали их достаточным запасом топлива. Как писал бригадный комиссар Ф. А. Шаманин в уже цитированном докладе Л. З. Мехлису, в МВО автохозяйства не дали горючего «даже на путь следования до сборного пункта». В результате значительная часть машин, отправлявшихся из МВО в КалВО, просто «не дошли до сдаточного пункта». Около 380 автомобилей остановились на дороге из Клина в Калинин, топливом пришлось доставлять из Калинина, часть машин — брать на буксир. Из-за отсутствия горючего Калининский облвоенкомат не мог отправить 26 машин в Ржев, а машины, которые пришли в части из различных районов области, попав в пункт назначения, «не могли сделать своим ходом 2–3 километров»⁴⁴. М. Ф. Алексеев и Д. И. Люлин писали, что бензина просто не хватало для отправки машин в воинские части⁴⁵. Нехватку бензина отмечал также и С. М. Буденный⁴⁶. Кроме того, возможно, что руководители предприятий и учреждений старались припрятать часть бензина (так же как и сами машины, покрышки и запчасти).

Некоторые ведомства добились сокращения или полной отмены обязательств по поставкам автотранспорта. 17 сентября Комитет обороны при СНК уменьшил наряды для предприятий наркоматов тяжёлой про-

³¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 141.

³² Там же. Л. 90, 141, 253.

³³ ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 161–162.; РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 178, 253.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3179. Л. 1–2; Оп. 12. Д. 2. Л. 19; Д. 19. Л. 133–134.

³⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 90.

³⁶ ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 22. Л. 163–164.

³⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 37.

³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2а. Д. 177. Л. 18; Оп. 12. Д. 2. Л. 36.

³⁹ Например — в Порховском районе Ленинградской области (Там же. Оп. 12. Д. 2. Л. 19).

⁴⁰ Там же. Оп. 2а. Д. 177. Л. 18–19; Оп. 12. Д. 2. Л. 36–37.

⁴¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 139.

⁴² Там же. Л. 89.

⁴³ Там же. Л. 177.

⁴⁴ Там же. Л. 139–140.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Оп. 2а. Д. 177. Л. 18; Оп. 12. Д. 2. Л. 36

⁴⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2338. Л. 2.

мышленности, лёгкой промышленности, машиностроения, пищевой промышленности, внутренней торговли, заготовок. Они получили право передать в армию лишь 20–30% автомобилей от предусмотренного планом⁴⁷. Взамен следовало мобилизовать до 20% автомашин, находившихся на балансе ранее освобождённых от поставок наркоматов авиапромышленности, боеприпасов, судостроения, вооружения, связи, а также Главного управления Гражданского воздушного флота и Главвоенстроя⁴⁸. Кроме того, часть предприятий и учреждений получали послабления по инициативе местных властей. Как писал заведующий военным отделом ленинградского горкома ВКП(б) И. А. Верхоглаз, изъятие автотранспорта у торговых и снабженческих организаций «ставило под прямую угрозу нормальную жизнь города»⁴⁹. Городское управление продторгами забило тревогу, в результате ленинградские торговые организации полностью были освобождены от мобилизации транспорта⁵⁰. Обязанности по поставкам машин были сняты и с торговых организаций Ленинградской области⁵¹.

Освобождение от мобилизации транспорта одних предприятий и учреждений вынуждало военкоматы забирать больше машин у других. У некоторых предприятий изымали все автомобили, независимо от мобплана и без учёта их потребностей⁵². На это накладывалась неразбериха в учёте. Где-то техники брали больше запланированного, где-то — меньше⁵³. Военкоматы могли потребовать машины от учреждений, которые вообще не имели автотранспорта⁵⁴.

В итоге задания по мобилизации автотранспорта не выполнили. Например, в КалВО автотранспортом войска были укомплектованы на 79% от плана, тракторами — на 76%⁵⁵. В Ленинградской области, по данным политуправления ЛВО, наряд по легковым машинам выполнили на 59%, по грузовым — на 68, по тракторам — на 70, а в самом Ленинграде по легковым машинам — на 76,1%, по грузовикам — на 63 %⁵⁶. М. Ф. Алексеев и Д. И. Люлин приводили чуть отличающиеся, но схо-

жие цифры. Согласно их записке, в Ленинградской области план по легковым машинам был исполнен на 57%, по грузовым — на 69, по тракторам — на 68,5 (непосредственно о самом Ленинграде они данных не привели)⁵⁷.

Неудовлетворительно шёл и процесс мобилизации лошадей. Главной причиной стало плачевное состояние значительной части лошадей или, как это формулировалось в документах, «низкое качество поставленного конского состава»⁵⁸. Доклад об итогах БУС в КалВО фиксировал

отсутствие заботливого и внимательного отношения к коню со стороны колхозов, совхозов, хозяйственных учреждений, а также слабое внимание к борьбе за улучшение конского поголовья со стороны местных советских и партийных организаций⁵⁹.

В том же документе подчёркивалось:

Уход за конем в колхозах и совхозах находится ещё на низком уровне, должной борьбы за улучшение и сбережение коня нет⁶⁰.

В остальных округах ситуация была аналогичной. Из лошадей, которых приводили на сдаточный пункт, многих отсеивали. Так, в селе Поддорье Ленинградской области из 1180 лошадей, считавшихся по документам годными для армии, забраковали почти всех. В части отправили всего 176. Животные браковались из-за побитости и потертости плеч, холка, из-за порчи копыт по причине плохой ковки. Чтобы выполнить план, работники местного военкомата в течение 13–14 сентября осмотрели всё оставшееся конское поголовье Поддорского района. Из изученных 2100 лошадей лишь 7 оказались пригодны для отправки в РККА⁶¹. По данным Лужского горкома, на сдаточных пунктах района отсеяли до 50% лошадей⁶². Курский областной военкомат собрал 2584 лошади, войсковые комиссии признали негодными 1193⁶³.

К тому же, как и с техникой, предприятия, колхозники и крестьяне-единоличники пытались укрыть лошадей, повозки и упряжь от поставки в армию; отправить в армию коней похуже, а себе оставить получше;

⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 4. Д. 24. Л. 578; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 26.

⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 4. Д. 24. Л. 578.

⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 639. Л. 34.

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3585. Л. 20–21.

⁵² Там же. Оп. 12. Д. 2. Л. 26.

⁵³ См.: Там же. Д. 2. Л. 20; Д. 8. Л. 51.

⁵⁴ Например: ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 22. Л. 131; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3645. Л. 26; Ф. 1638-Л. Оп. 2. Д. 112. Л. 3.

⁵⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 143.

⁵⁶ Там же. Л. 221.

⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2а. Д. 177. Л. 18; Оп. 12. Д. 2. Л. 36.

⁵⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 178 (в данном случае говорилось о ЛВО).

⁵⁹ Там же. Л. 138.

⁶⁰ Там же. Л. 143.

⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 19. Л. 131.

⁶² Там же. Оп. 2в. Д. 3719. Л. 2.

⁶³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 92.

отдать меньше, чем требовали военкоматы⁶⁴. Доходило до того, что животным наносили раны. В деревне Зеркальное (Минская область, Любаньский район, Реченский сельсовет) единоличник Засмужец, чтобы не передавать лошадь в РККА, порезал ей плечо⁶⁵.

Процесс БУС затягивался. В Парголово в районе Ленинградской области с отправкой лошадей в части опоздали на четыре дня⁶⁶. В КалВО 138-я, 48-я и 155-я стрелковые дивизии планировалось полностью укомплектовать на третий день мобилизации. К этому дню они получили конский состав: 138-я — лишь 39%, 48-я — только 35. На пятый день БУС эти три дивизии получили 70, 84 и 87% лошадей соответственно⁶⁷.

Полностью реализовать планы по поставкам конского состава также не удалось. Согласно записке М. Ф. Алексеева и Д. И. Люлина, Ленинградская область выполнила наряд по лошадям всего на 78%⁶⁸. В докладе ПУ ЛВО сообщалось, что в Ленинградской области план по мобилизации лошадей осуществлён на 77,8%, в Ленинграде — на 76,1%⁶⁹. В КалВО план реализовали на 99,3%⁷⁰. Судя по всему, для достижения этих цифр в армию пришлось отправить немало больных и истощённых животных. В докладе об итогах БУС в КалВО фиксировалось:

Приписанные артиллерийские лошади в большинстве своём низкорослые и слабосильные. Около 40% из них пригодны только в обоз. Артиллерийские лошади в частях признаны несоответствующими сортности до 80%, верховые до 50%. Из числа поступивших в соединения лошадей с неудовлетворительной упитанностью до 50%, в том числе до 20% худоконных⁷¹.

Сбор людей, техники и лошадей был лишь первой частью процесса мобилизации. Затем нужно было отправить их в части. Тут тоже возникали затруднения и проволочки. Не всегда призванных запасников сразу передавали в войска, на некоторых сборных пунктах они по несколько дней жили в сараях и питались только тем, что взяли из дома⁷². При этом армия оказалась не готова к приёму столько большого количества людей. Ситуация осложнялась тем, что вскоре после старта мобилизации —

⁶⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 135, 255–255а; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 4; Д. 19. Л. 132.

⁶⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 255.

⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3686. Л. 10.

⁶⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 136.

⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 36; Оп. 2а. Д. 177. Л. 18.

⁶⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 221.

⁷⁰ Там же. Л. 143.

⁷¹ Там же. Л. 138.

⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3645. Л. 29; Ф. 1638-Л. Оп. 2. Д. 112. Л. 6.

15 сентября — начался осенний призыв⁷³. Для бойцов не хватало помещений. Часть войск вынуждена была спать в лесу под открытым небом, иногда даже без палаток, на голой земле⁷⁴.

Размещение войсковых частей, развёрнутых по «БУС», — говорилось в «Справке об итогах проведения больших учебных сборов», — по всем округам было организовано плохо. Помещения в большинстве случаев отводили с запозданием, непригодными и необорудованными⁷⁵.

Иногда положение отягощалось из-за халатности и наплевательского отношения местных военных руководителей. При Полтавском горвоенкомате на месяц (с 9 сентября до 9 октября) разместили команду трактористов (154 человека), которых оставила убывшая на фронт 25-я стрелковая дивизия. Их поселили, как отмечалось той же «Справке»,

в необорудованном, холодном складском помещении, хуже, чем в свинарнике. Постельной принадлежностью не снабдили. Бойцы спали на грязной соломе. Красноармейцы обовшивели. Не было умывальника, стирка белья не организована.

Полтавский областной военком полковник Гаврилов и не пытался улучшить положение команды трактористов, заявив:

Сейчас военная обстановка, в окопах люди находятся в худших условиях⁷⁶.

Не хватало различного имущества (от обуви и ложек до полевых кухонь). После того как 14 сентября МВО получил план отправки частей на запад, С. М. Буденный 15 сентября доложил К. Е. Ворошилову, что ряд указанных в этом плане частей недостаточно оснащён. Помимо автомашин и тракторов были упомянуты прицепы, походно-полевые кухни, рации и обмундирование. По мнению Семёна Михайловича, отправлять эти войска пока было нельзя⁷⁷. Во всех округах ощущался острый недостаток обмундирования⁷⁸. Например, в 427-м стрелковом полку 192-й сд красноармейцы десять дней ходили в своей одежде, только 18 сентября они получили фуражки, брюки и нательное бельё. Больше чем три сотни бойцов в данном полку, как утверждает «Справка об итогах проведения больших учебных сборов», были «совершенно бось». В 149-й сд обмун-

⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3569. Л. 25; Д. 3699. Л. 30; *Мельтохов М. И.* 17 сентября 1939. С. 343; *Мельтохов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). С. 17.

⁷⁴ Примеры см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 152–153.

⁷⁵ Там же. Л. 179.

⁷⁶ Там же. Л. 183.

⁷⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2338. Л. 24–25.

⁷⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 184.

дирование получила только половина личного состава, формы не было даже для командиров и политработников⁷⁹. Начальник политуправления Орловского округа бригадный комиссар Пигунов сообщал в Москву:

Работа по обеспечению ободно-вещевым имуществом <...> протекала чрезвычайно напряжённо. Часть красноармейцев и командиров запаса не имели обуви. Это обстоятельство не могло не отразиться на боевой подготовке, ибо та часть красноармейцев, что пришла на сборы в рваной обуви... не получив её в частях, освобождалась от полевых тактических занятий⁸⁰.

Иногда такая ситуация объяснялась организационными трудностями и неудобным расположением складов. Так, у Орловского военного округа (ОрВО) не было собственного окружного ободно-вещевого склада, эту функцию должен был выполнять центральный склад соседнего БОВО⁸¹. В других случаях речь шла о нераспорядительности и ошибках со стороны командиров и политработников. Например, на складе 551-го стрелкового полка 147-й сд комиссар дивизии Ларин обнаружил 3000 годных к носке пар ботинок, 3000 шинелей. Как говорит всё та же «Справка», «многие красноармейцы из запаса ходили босыми», однако комиссар полка батальонный комиссар Урьев не выдал имевшиеся на складе запасы, так как считал их негодными. В 298-м сп 192-й сд 850 человек не получили обуви и не могли выходить на занятия. Только на 15-й день мобилизации на складах нашли

огромный запас ношеной обуви, которую можно было с первых дней починить и снабдить ими всех бойцов. К ремонту обуви приступили поздно. Многие бойцы до самого конца сборов ходили босыми⁸².

Впрочем, иногда положение красноармейцев было не таким уж бедственным, однако среди населения распространялись стужавшие краски слухи. В районе комплектования 136-й стрелковой дивизии в окрестностях Ярославля и Нерехты ходили разговоры о том,

что в Красной армии бойцов кормят плохо, морят голодом.

Как сообщал начальник политуправления МВО дивизионный комиссар А. Лобачёв, жёны бойцов из этих районов стали приходить в части и приносить свои мужьям хлеб, мясо и другие продукты.

⁷⁹ Там же. Л. 185.

⁸⁰ Там же. Л. 80.

⁸¹ Там же. Л. 79.

⁸² Там же. Л. 185.

К их удивлению красноармейцы брали только яблоки и арбузы, а остальное отправили обратно⁸³.

Так как количество красноармейцев существенно увеличилось, запасов военных просто не хватало для снабжения их всем необходимым. Приходилось привлекать ресурсы других ведомств⁸⁴. Местные власти спешно искали дополнительные резервы. 25 сентября в Ленинграде бюро обкома и горкома провели совместное совещание, специально посвящённое материальному обеспечению войск. Вначале руководители города и области выслушали сообщение представителя военного совета ЛВО. Во вновь формируемых частях и подразделениях не было сапожных мастерских, не хватало материалов для ремонта обуви и обмундирования (даже иголок)⁸⁵. Отсутствовали ложки и кружки, полевые кухни, котлы и кипятильники. Не хватало помещений и палаток, поэтому часть бойцов размещалась в домах колхозников⁸⁶. Недоставало кроватей и нар⁸⁷. Закончилось заседание принятием совместного постановления двух партбюро. Создавалась комиссия (кроме партийных работников, в неё вошли представители округа и флота), которая должна была «в двухдневный срок выявить ресурсы, имеющиеся в Ленинграде и области для снабжения войск ЛВО и личного состава КБФ недостающим материальным обеспечением»⁸⁸. В первую очередь речь шла о поиске ложек, кружек, котлов, гвоздей и бязи⁸⁹. Кроме того, нужно было усилить отгрузку сена и соломы для военных частей, увеличить выпуск кроватей для ЛВО, от нескольких предприятий требовалось ускорить выполнение заказов для армии⁹⁰.

Осуществление мобилизационных мероприятий требовало перемен в работе железных дорог. 8 сентября было принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК «Об изменении плана перевозок грузов и сокращении пассажирского движения по железным дорогам на сентябрь месяц 1939 года». С 10 сентября сокращались невоенные грузовые и пассажирские перевозки⁹¹. Например, Октябрьская дорога должна

⁸³ Там же. Л. 48.

⁸⁴ Жуков С. А. Организация материального снабжения Красной армии в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. СПб., 2010. С. 73; Жуков С. А. Мобилизация Ленинградского военного округа... С. 27.

⁸⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2а. Д. 136. Л. 10.

⁸⁶ Там же. Л. 11.

⁸⁷ Там же. Л. 12.

⁸⁸ Там же. Л. 7.

⁸⁹ Там же. Л. 20.

⁹⁰ Там же. Л. 7об.

⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 506. ЛЛ. 45–46.

была в среднем вместо 3886 вагонов общехозяйственных грузов в сутки перевозить 1271, а Кировская вместо 2852 — 1358⁹². Однако особого распоряжения о военном графике перевозок пока ещё не отдали. Ссылаясь на это, в КалВО управления Калининской и Ярославской железных дорог отказывались подавать эшелоны по требованию начальника военных сообщений округа⁹³. Лишь 12 сентября Комитет обороны утвердил постановление о введении с 13-го числа воинского графика перевозок⁹⁴. В тот же день соответствующий приказ подписал нарком путей сообщения Л. М. Каганович⁹⁵. Разные железные дороги показали себя по-разному. Лучше всего и без срывов графика работала Северо-Донецкая дорога. Вовремя осуществляла перевозки Южно-Донецкая дорога. Не вызывала особых нареканий Харьковская дорога. А вот Калининская, Октябрьская и Ярославские дороги проявили себя хуже, подвижный состав для воинских эшелонов подавали несвоевременно⁹⁶.

В Киевском округе части 96-й стрелковой дивизии в ожидании вагонов провели на станциях несколько дней — с 9 по 11 сентября⁹⁷. В Ленинградской области эшелоны также подавались с опозданием, необорудованными⁹⁸. Отправка военнообязанных, техники и лошадей в части задерживалась⁹⁹. В военном отделе ленинградского обкома констатировали:

Железные дороги мобилизацией были застигнуты врасплох¹⁰⁰.

С. М. Буденный отмечал опоздания в подаче вагонов в МВО¹⁰¹. Впрочем, иногда погрузка и отправка поездов задерживалась и по вине военных¹⁰². В целом с 8 по 16 сентября было погружено 2 888 воинских эшелонов, из которых 2 058 к концу данного срока прибыли в пункты назначения и были разгружены, а из 830 оставшихся 443 уже попали на железные дороги, где их должны были разгрузить. Хотя отдельные

дороги и продемонстрировали отличную работу, в целом, как отмечает М. И. Мельтохов, «воинский график был сорван»¹⁰³.

БУС начались без объявления в печати. Запасникам сообщали, что их призывают именно на «сборы». Запрещалось упоминать само слово «мобилизация»¹⁰⁴. Однако масштаб мероприятий сложно было скрыть. Любому наблюдателю невооружённым взглядом было видно, что происходящие события явно отличаются от рядовых учебных сборов, что налицо что-то более значительное и серьёзное. В Ленинграде повестки стали доставлять по ночам¹⁰⁵. М. М. Кубланов (в то время — студент истфака ЛГУ, позднее — археолог и специалист по истории раннего христианства) в своих записках рассказал:

Люди в штатском, главным образом по ночам, разносили мобилизационные повестки, в которых требовалась немедленная явка. Посыльный дожидался, пока поднятый с постели оденется, и сопровождал его в военкомат. По этой причине трамваи не прекращали работу ночью¹⁰⁶.

В Загорске (ныне — Сергиев Посад) районный военкомат, как отмечалось в докладе ПУ МВО,

не сумел чётко организовать вызов людей и работы сборного пункта. Для покрытия некомплекта он вызвал всех военнообязанных с 1918 по 1903 год рождения. На пункт явилось сразу 1700 человек военнообязанных и столько же, если не больше, провожающих родственников. Эта масса людей заполонила весь сборный пункт и даже близлежащую улицу¹⁰⁷.

Заметными мероприятия БУС были и в столице. 11 сентября латвийский посланник в СССР Ф. Коциньш сообщал в Ригу:

Уже 8 сентября вечером в Москве появились первые слухи о мобилизации; бросалась <в глаза> также регистрация легковых машин и грузовых авто. На другой день эти слухи подтвердились, ибо показались первые кучки мобилизованных, караваны реквизированных авто с закрашенными номерами, конские эшелоны и т. д.¹⁰⁸

⁹² Там же. Л. 47.

⁹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 156.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 23. Д. 214. ЛЛ. 1–2.

⁹⁵ Там же. Л. 24–25.

⁹⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 197–198.

⁹⁷ Там же. Л. 198.

⁹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 7–8; Д. 19. Л. 135.

⁹⁹ Там же. Д. 2. Л. 7.

¹⁰⁰ Там же. Л. 21.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2338. Л. 41.

¹⁰² Примеры см.: Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 199.

¹⁰³ Мельтохов М. И. 17 сентября 1939. С. 344.

¹⁰⁴ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 297. Л. 5.

¹⁰⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2143. Л. 33; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 297. Л. 26.

¹⁰⁶ Кубланов М. М. Апокрифы, ч. 1. Потаённые дневники советского служащего: Записки о событиях 1936–1975 гг. СПб., 2014. С. 25–26.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 36.

¹⁰⁸ Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939–1940 гг.: Сборник документов. М., 2019. С. 73.

Поэтому с первого же дня БУС многие советские граждане стали объяснять их как мобилизацию в связи с военной угрозой. На сборных пунктах запасники то и дело обсуждали, зачем их забирают в армию. Растерянность одних сочеталась с уверенными суждениями других. Кто-то полагал, что всех их собирают для войны с Германией, кто-то настаивал, что речь идёт только об учениях. В спецсообщении Кингисеппского окружного отдела НКВД (Ленинградская область) от 7 сентября приводятся реплики мобилизуемых: «Что, разве и нам объявил кто войну?»; «Наверно, начинается война, поэтому и нас берут»; «Какая может быть война, когда у нас с Германией заключён договор о ненападении?»; «Немцы своих договоров и раньше не выполняли. Германия возьмёт сейчас Польшу, потом и на нас пойдёт, не посмотрит на свои договора, поэтому и нас берут». Высказывалось мнение: немцы уже в 100 км от советской границы, «может с разгона и на нас пойдут»¹⁰⁹. «Некоторые женщины плакали», — добавляли к этому подписавшие документ капитан госбезопасности Половнев и старший лейтенант госбезопасности Варюхичев¹¹⁰. Повсеместно жители гадали, с кем именно придётся воевать. Кроме Германии, называли Японию¹¹¹. Опасения людей лишь укрепились, когда 10 сентября газеты сообщили, что призыв запасных производится «в связи с германо-польской войной, приобретающей всё более широкий и угрожающий характер»¹¹², а затем — после того, как советские войска 17 сентября перешли польскую границу. В какой-то момент появились слухи, что войну СССР объявили Англия и Франция¹¹³.

На фоне ожидания войны проявлялись как патриотические, так и уклонистские настроения. С одной стороны, фиксировались случаи явки в военкоматы и части добровольцев без вызова¹¹⁴. Например, в ОрВО в артиллерийский полк 19-й стрелковой дивизии без повесток прибыл 91 запасник. Люди из приписного состава этого полка, ранее отбывавшие сборы, приходили и спрашивали, «почему их не вызывают»¹¹⁵. После начала Польского похода в военкоматы стали поступать

заявления о добровольном призыве в РККА¹¹⁶. В частях ряд бойцы и командиры писали заявления с просьбой отправить их на фронт¹¹⁷.

С другой стороны, часть запасников пыталась избежать призыва. Так, в Ленинграде было отмечено 22 случая уклонения от явки, 16 уклонистов привлекли к судебной ответственности. Как сообщает доклад политуправления ЛВО, в Петроградском районе Ленинграда

военнообязанный Мышинский, пытаясь уклониться от сбора, явился на пункт с ребенком на руках и сказал, что у него нет жены и на сбор он пойти не может. Однако при выяснении оказалось, что жена у Мышинского имеется и что она принесла ребенка на пункт раньше явки его самого¹¹⁸.

В Стругокрасненском районе Ленинградской области 30% прибывших на сборные пункты назвали себя больными. Обследование показало, что действительно больных среди них было всего 4%¹¹⁹. В МВО за период БУС отказ от присяги был зафиксирован 6 раз, членовредительство — 4, дезертирство — 6, уклонение от воинской службы под разными предлогами — 14¹²⁰. В ОрВО военная прокуратура к 10 октября возбудила по отказам от приёма военной присяги 19 дел, по членовредительству и симуляции — 13, по побегам из части и уклонению от явки на «сборы» — 17 (всего — 49 дел)¹²¹. В КалВО с 7 по 30 сентября было отмечено 8 случаев отказа от присяги (два человека затем всё-таки приняли присягу), 5 случаев членовредительства и 19 случаев дезертирства, а кроме того, как отмечалось в докладе Ф. А. Шаманина (к сожалению, без цифр),

были отдельные попытки приписников освободиться от прохождения сбора путём предоставления разных справок (о многосемейности, переселении с хуторов и пр.)¹²².

В документах зафиксированы объяснения тех, кто не хотел давать присягу. Так, в Сталинской области Лиманский военкомат направил в часть Е. Д. Пересичкина (единоличник, 1907 года рождения), который ранее «систематически не являлся на сборы по вызову», а теперь отказался присягать, заявив:

¹¹⁶ Там же. Л. 255.

¹¹⁷ Там же. Л. 6, 106–107. Например, в 180-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в ОрВО, таких заявлений было 132 (Там же. Л. 107).

¹¹⁸ Там же. Л. 221.

¹¹⁹ Там же. Л. 220.

¹²⁰ Там же. Л. 59.

¹²¹ Там же. Л. 114.

¹²² Там же. Л. 159, 162.

¹⁰⁹ ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 22. Л. 132.

¹¹⁰ Там же. Л. 133.

¹¹¹ Относительно Германии кроме указанных выше примеров см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3645. Л. 30; Ф. 1638-Л. Оп. 2. Д. 112. Л. 7; ЛОГАВ, Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 22. ЛЛ. 137–138. Упоминания Японии: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3645. Л. 30; Ф. 1638-Л. Оп. 2. Д. 112. Л. 7; ЛОГАВ, Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 22. Л. 137.

¹¹² Правда. 1939. 10 сентября; Красная звезда. 1939. 10 сентября; Ленинградская правда. 1939. 10 сентября.

¹¹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 111.

¹¹⁴ Там же. Л. 55, 109–110, 218–219.

¹¹⁵ Там же. Л. 109.

Я своему ридному батькови не клявса, а вашому урядови подавно, так як я його не обирав, то я и не думаю присягати¹²³.

В ХВО военнообязанный А. П. Савлов (1904 г. р.) отказался от присяги, сказав:

У меня нет чего защищать, и для меня всё равно, что белые, что красные¹²⁴.

Запасник Кузнецов, вызванный в 82-ю стрелковую дивизию, говорил:

Я принимать присягу не буду, так как я не гражданин, а христианин. Я и раньше присягу не принимал, когда вслед за командиром красноармейцы повторяли слова присяги, я молчал¹²⁵ <до 1939 г. присягу принимали не в индивидуальном порядке, а хором повторяя её текст>.

Ссылка на религиозные убеждения звучала чаще всего. Как отмечалось в донесении об итогах БУС в ОрВО, все отказы от присяги

имели место по так называемым религиозным мотивам (баптисты, фёдоровцы и др.)¹²⁶.

Причины отказа главным образом по религиозным убеждениям, —

утверждалось в записке о результатах мобилизации в КалВО¹²⁷. Впрочем, представителей армии такие объяснения отказчиков не устраивали. Из ОрВО в Москву сообщали:

Анализ дел и изучения обстоятельств <...> в каждом отдельном случае показывают, что из всех отказавшихся от присяги не имели <так в тексте> ни одного искренне заблудившегося в дебрях сектантского учения. <...> Все эти «отказчики» приходили в части с Евангелием и при беседах с ними комиссаров, работников прокуратуры пытались оперировать «христовыми заповедями» («не убей» и т. д.), но дальше этой заповеди да двух-трёх затасканных фраз «теоретическое» обоснование отказчиков не шло, наоборот, устанавливалось, что в прошлом некоторые служили в РККА в переменном составе частей и вопроса о своей религиозности не поднимали¹²⁸.

Так, красноармеец Лебедько ранее неоднократно проходил учебные сборы, хорошо стрелял из винтовки. Он отказался от присяги, сославшись на религиозные убеждения, однако следствие пришло к выводу, что он сделал это «потому, что струсил» и не хотел попасть на фронт.

¹²³ Там же. Л. 172.

¹²⁴ Там же. Л. 173.

¹²⁵ Там же. Л. 172–173.

¹²⁶ Там же. Л. 114.

¹²⁷ Там же. Л. 159.

¹²⁸ Там же. Л. 114–115.

В итоге Лебедько приговорили к пяти годам лишения свободы с поражением в правах. Также апеллировавший к своей вере запасник Серёгин в ходе судебного разбирательства дал показания:

Я такой же верующий, как и вы, струсил, побоялся, как бы не отправили на фронт...

Ему дали пять лет лишения свободы с поражением в правах на два года¹²⁹. Политработники и сотрудники военной прокуратуры стремились уличить отказчиков и в других грехах. В докладной записке из ОрВО отмечалось, что не дававшие присягу мобилизованные Хандешин (Клинцы) и Сивцов (Белгород)

распускали среди бойцов провокационные слухи о войне и вели контрреволюционную агитацию.

«Характерным» был назван случай с отказником Артеменко (Белгород), который не только отказался от присяги, но и на всякий случай отрубил себе указательный палец на правой руке¹³⁰. Если говорить о членовредительстве, то оно, по словам начальника ПУ ОрВО бригадного комиссара Пигунова,

преимущественно выражалось в повреждении кистей рук и отрублении пальцев¹³¹.

В целом, как видно из приведённых выше количественных данных, случаев отказа от присяги и членовредительства было не так уж много. Тем не менее, они были наглядным проявлением страха скорой войны. Отказники и членовредители боялись, что действительно могут попасть на фронт.

Из-за ожиданий скорого вовлечения СССР в вооружённый конфликт значительно осложнилась ситуация на потребительском рынке. Уже 7–8 сентября у магазинов стали возникать очереди¹³². Население запасаилось крупой, сахаром, керосином, мылом, спичками, другими предметами первой необходимости¹³³. Сельские жители задумывались, что им делать с животными. Как отмечалось в донесении об итогах БУС в ОрВО, в некоторых районах

¹²⁹ Там же. Л. 113.

¹³⁰ Там же. Л. 115.

¹³¹ Там же. Л. 116.

¹³² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3645. Л. 30; Ф. 1638-Л. Оп. 2. Д. 112. Л. 7; ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 22. Л. 137.

¹³³ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 112; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3645. Л. 30; Ф. 1638-Л. Оп. 2. Д. 112. Л. 7; ЛОГАВ. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 22. Л. 137.

под действием провокационных слухов жёны группами являлись к мужьям <в воинские части — Т. М.> за советом, «резать ли им мелкий скот и молодняк, в районе многие уже режут, а то всё равно скот заберут кормить Красную армию»¹³⁴.

Всего в ходе БУС было призвано 2 610 136 резервистов, войска получили 634 тыс. лошадей, 117 439 автомашин и 18 974 трактора¹³⁵. С 29 сентября (то есть уже после Польского похода) численность Красной армии стали сокращать¹³⁶. 2 октября Политбюро приняло решение об увольнении в запас призванных по мобилизации¹³⁷. 4 октября появилось ещё одно постановление Политбюро, утверждавшее предложения К. Е. Ворошилова о сокращении войск Белорусского и Украинского фронтов и о частичном увольнении собранных в сентябре запасников¹³⁸. К 25 ноября из армии уволили 1 412 978 человек. В народное хозяйство вернули 38 780 автомашин и 5 727 тракторов¹³⁹. Таким образом, значительная часть мобилизованных оставалась в рядах РККА к началу Советско-финляндской войны (к тому же в конце октября в связи с подготовкой операции против Финляндии запасников вновь начали призывать¹⁴⁰).

«Большие учебные сборы» выявили серьёзные сбои в работе мобилизационного механизма. БУС, как отмечалось в докладе об их итогах в ОрВО, показали

нереальность мобпланов как войсковых частей, так и райвоенкоматов¹⁴¹.

Составленная в ПУ РККА «Справка об итогах проведения больших учебных сборах» констатировала:

Система мобилизационного планирования, построенная на расчётах «постепенности втягивания в войну и длительности её ведения», здесь показала свою несостоятельность. Отсутствовала гибкость в организации и выполнении оперативных заданий. Эту систему необходимо пересмотреть

снизу доверху и привести её в соответствие с современными требованиями ведения войны¹⁴².

Руководство страны попыталось учесть недостатки, осмыслить и устранить их причины. 15 октября Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О созыве совещания об итогах мобилизации». 25 октября при ЦК должно было пройти совещание «для обсуждения вопросов об итогах мобилизации <...> и уроках, вытекающих из этой мобилизации»¹⁴³.

Видимо, по итогам этого совещания Политбюро 28 октября приняло постановление «Об улучшении мобилизационной работы». Для «ликвидации вскрывшихся в период мобилизации ошибок и недостатков в работе военных и гражданских организаций», а также «для разработки необходимых мер по улучшению мобилизационной работы» создавалась комиссия из 38 человек. В её состав вошли К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, Н. А. Булганин, А. Я. Вышинский, Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис, Е. А. Щаденко, Н. Г. Кузнецов, С. М. Буденный, А. С. Щербаков и другие. Отвечал за созыв комиссии секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев¹⁴⁴.

В записных книжках и блокнотах А. А. Жданова можно обнаружить недатированные пометки, сделанные на каком-то заседании, посвящённом БУС. Среди выступающих был Л. З. Мехлис, который, как можно понять из зафиксированных Ждановым отрывочных фраз, говорил о плохой работе как наркомата обороны, так и районных военкоматов, затрагивал вопрос о качестве планов¹⁴⁵.

Ещё раз к оценке итогов сентябрьской мобилизации советское руководство вернулось в мае 1940 г., при составлении акта о передаче наркомата обороны из рук К. Е. Ворошилова в управление С. К. Тимошенко. В этом документе отмечалось, что события сентября 1939 г. выявили «отсутствие твёрдо установленного порядка в бронировании рабочей силы на военное время», «слабость и неналаженность работы военкоматов», крайнюю запущенность учёта запасников, «неотработанность плана снабжения обмундированием при мобилизации», «нереальность планов размещения войск при от мобилизации». Вместе с тем указывалось на «неравномерность подъёма по мобилизации военнообязанных, конского состава и автотранспорта», а также на то, что в мобилизации во-

¹³⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 112.

¹³⁵ Мельтохов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). С. 16.

¹³⁶ Мельтохов М. И. 17 сентября 1939. С. 343.

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 21.

¹³⁸ Там же. Л. 67.

¹³⁹ Мельтохов М. И. 17 сентября 1939. С. 343; Мельтохов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). С. 17.

¹⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 9379. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об; Александров Г. П. В награду — жизнь. (Автобиографическая повесть в двух частях). СПб., 2003. С. 144.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 165.

¹⁴² Там же. Л. 197.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1015. Л. 21.

¹⁴⁴ Там же. Л. 40.

¹⁴⁵ Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 159. Л. 137.

енных частей отсутствовала очередность. В результате военкоматы, сборные пункты и железные дороги были чересчур перегружены работой¹⁴⁶.

Таким образом, проведя осенью 1939 г. мобилизацию, высшее политическое и военное руководство СССР получило сигнал о серьёзной опасности. БУС выявил целый ряд недостатков в состоянии мобилизационном механизме, начиная от непродуманности мобпланов и заканчивая отсутствием отработанной и заранее оговорённой чёткой взаимной координации между разными ведомствами.

Список литературы

Жуков С. А. Мобилизация Ленинградского военного округа 1939 г. и её влияние на безопасность Северо-Западного региона СССР // Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в Северо-Западном регионе в условиях глобализации и формирования новой архитектуры мирового порядка в конце XX — начале XXI вв. Материалы работы круглого стола 17 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 27–31.

Жуков С. А. Организация материального снабжения Красной армии в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. СПб., 2010. 267 с.

Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014. 720 с.

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2008. 544 с.

Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. 624 с.

Петров П. В. Скрытая мобилизация на Балтийском флоте осенью 1939 г. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 131–135.

Пузырев А. Ю. Большие учебные сборы 1939 г. в Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 6. С. 367–370.

Michail Igorevich TIAGUR

Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: tiagur-mih@mail.ru

Big training sessions of 1939: the covert mobilization and its difficulties

The article deals with covert mobilization which was carried out in september of 1939. Difficulties which arose in the process of mobilization activities and their reasons are revealed. The author characterizes the rumors that arose in connection with the mobilization and sentiment of draftees, attention is paid to attempts to avoid service. The question raised about attempts by the Soviet political and military leadership to comprehend the results of mobilization.

Keywords: mobilization, 1939, Red army, military commissariats.

¹⁴⁶ Акт о приеме Наркомата обороны... С. 198.

УДК 94 (48)

ББК 63.3 (2) 611

Антон Викторович РЕШЕТОВ

ведущий библиотекарь, отдел газет Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: reszetow@gmail.com

ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе материалов советских газет последнего предвоенного года рассмотрен образ Финляндии и финнов. Анализ публикаций в крупнейших советских периодических изданиях позволяет сделать вывод, что в них формировался в целом нейтральный образ Финляндии. Особенно это бросается в глаза, если сравнить их со статьями, посвященными нацистской Германии и франкистской Испании. Финнов критиковали за сотрудничество с немцами и за «эксплуатацию» трудящихся. Но советские журналисты сами же указывали, что немало финнов (в том числе и политических деятелей) выступали против дружбы с Берлином, а что касается положения рабочих и крестьян — подобные сообщения в советских газетах можно найти практически о любой европейской стране.

Ключевые слова: Финляндия, Вторая мировая война, Финляндия в советских газетах.

Накануне Второй мировой войны отношения между СССР и Финляндией были весьма непростыми. В памяти ещё были живы события Гражданской войны — финны помнили о поддержке «красных» Суоми советской стороной, а в Москве не забывали о попытках Финляндии расширить свою территорию за счёт Восточной Карелии. 30-е гг. также были достаточно напряженными — запрет коммунистической партии в Финляндии, активное сотрудничество финнов с нацистами — эти и другие факторы способствовали тому, что Москва и Хельсинки рассматривали друг друга как вероятных противников¹. В этой связи интересным представляется обратиться к тому образу Финляндии, который создавался советскими пропагандистами накануне Второй мировой войны.

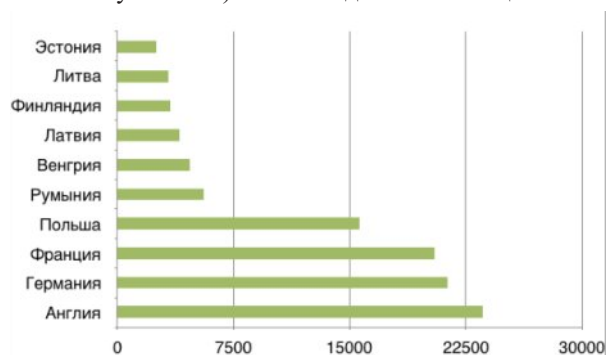
Несмотря на относительно небольшие население и армию, Финляндии было суждено сыграть свою роль на начальном этапе Второй мировой войны. Однако какое место на страницах советских газет эта страна

¹ Барышников В. Н. СССР и Финляндия: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия решения о начале «Зимней войны» // Вестник СПбГУ. 2016. Сер. 2, История. Вып. 2. С. 19. Рупасов А. И. Лапуаское движение и советско-финляндские отношения (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 125.

занимала в межвоенный период? На ил. 1 представлено количество публикаций о нескольких государствах в крупнейших советских газетах.

Несмотря на известные проблемы, которые существуют при работе с полнотекстовыми ресурсами периодики, эти цифры неплохо отражают общее соотношение.

На страницах советских газет в последний предвоенный год (в данной статье мы будем рассматривать публикации, которые увидели свет с 1 января по 31 августа 1939) о Финляндии писали в целом нейтрально.

Ил. 1. Количество статей в газетах «Правда» и «Известия» (01.01.1922–31.08.1939), подготовлено на базе полнотекстового ресурса Eastview

Часто это были короткие официальные сообщения ТАСС, например, в начале 1939 года было опубликовано несколько заметок о шведско-финских переговорах по поводу Аландских островов. «Правда» 5 января публикует следующее сообщение:

«Илта саномат» сообщает, что сегодня днем в Стокгольм выехала для переговоров по алданскому вопросу специальная делегация финляндского правительства, в состав которой вошли премьер-министр Финляндии Каяндер, министр иностранных дел Эркко, министр финансов Таннер, полковник Айиро, посланник Финляндии в Швеции Паасихиви, директор политического департамента министерства иностранных дел Пакаслахти и др.²

Через четыре дня «Правда» публикует (со ссылкой на ТАСС) сообщение о заключении соглашения между Швецией и Финляндией³. Как и заметка о начале переговоров, оно было составлено в нейтральных

² Делегация финляндского правительства в Швеции // Правда. 1939. 5 янв. С. 5.

³ Соглашение об укреплении Аландских островов // Правда. 1939. 9 янв. С. 5.

тонах и не содержало каких-либо оценок или комментариев советской стороны.

Вопрос об Аландских островах поднимался на страницах советских газет практически весь рассматриваемый период. Кроме небольших официальных сообщений ТАСС, публиковались и достаточно объемные материалы. 26 января «Известия» со ссылкой на шведскую газету «Гэтеборгс Хандельсок-Шефартс-Тиднинг» публикуют большую статью «Аландские острова и нейтралитет северных стран»:

Из достоверных источников мне сообщили, что немцы сделали несколько покупок земельных участков вдоль берега Финского залива и на островах вдоль него. Конечно, покупки эти, поскольку, согласно закону, финская земля не может быть продана иностранцам, производились через подставных лиц. Является, например, характерным, что немцы, якобы, приобрели таким образом один остров, находящийся около Котки, в большой финской глубоководной гавани между Хельсинки и Випури. Таким же образом, путем покупки земельных участков, они подготовили свое вступление в Бельгию в 1914 году. Финляндия является районом подступов к Ленинграду. Как известно, начиная с 1935 года, немцы строят большое количество миниатюрных подводных лодок типа в 250 тонн с сильным артиллерийским вооружением. Тут не может быть речи ни о чем ином, как о том, что они являются специальными конструкциями, предназначенными для Финского залива с его мелководьем и шхерами, с узкими проходами, протоками и проливами. Сами по себе подводные лодки не являются первостепенным видом средств нападения. Но в связи с базами они являются ужасающим оружием, особенно пригодным для того, чтобы парализовать коммуникационные пути неприятеля и т. д. Во время подготовки к гражданской войне 1918 года оружие из Германии в Финляндию перевозилось при помощи подводных лодок. В свете указанных выше военных приготовлений укрепления на Аландских островах, если они будут возведены, кажутся уже не такими невинными. Какие существуют тогда гарантии, что в настоящее время, когда в плане ближайшего будущего стоит сооружение этих укреплений, здесь не идет речь о фактическом отказе от нейтралитета северных стран при сохранении внешней формальности?⁴

Здесь необходимо отметить, что во многих рассмотренных публикациях, посвященных Финляндии, очень большое внимание уделялось именно нацистам. Причём сами статьи могли быть посвящены совершенно разным вопросам. Кроме того, большинство публикаций о Финляндии советские газеты давали со ссылкой на западные издания. Для прессы тех лет это была весьма распространённая практика. С одной стороны, это позволяло донести до читателя нужную позицию, подтвердить советскую точку зрения, с другой — снимало с редакции ответ-

⁴ Аландские острова и нейтралитет Северных стран // Известия. 1939. 26 янв. С. 2.

ственность за опубликованный материал. Весьма типичны следующие строки:

Газета «Суомен социалидемократти» (центральный орган социал-демократической партии) за последнее время неоднократно с большой тревогой пишет о все увеличивающейся германской пропаганде в Финляндии. Газета обращает особое внимание на деятельность германского общества пропаганды так называемого «Дейче Фихте-Бунд», которое весьма широко организовало распространение различных фашистских листовок и брошюр на финском языке. Газета разоблачает помощь, которую оказывает финляндская фашистская партия «Патриотическое народное движение» (лапуасцы) германской пропаганде⁵.

По информации советских журналистов, Финляндия особенно интересовала немецких моряков:

Германский фашизм проявляет повышенный «интерес» к базам на территории прибалтийских государств — Финляндии, Эстонии и Латвии. Проици германского фашизма сыграли немалую роль в известном аландском вопросе. Аландские острова представляют чрезвычайно важную стратегическую позицию в центральной части Балтийского бассейна. Германский фашизм, используя свои связи с военными кругами как Финляндии, так и Швеции, настойчиво добивался в течение ряда лет укрепления Аландских островов и создания на них опорных пунктов, которые, по его расчетам, могут быть использованы во время войны германскими морскими и воздушными силами... такой же «интерес» германский фашизм проявляет в вопросе о создании Финляндией военно-морской базы в порту Петсамо, на Баренцевом море. Наконец, германский флот весьма внимательно «изучает» порты как прибалтийских, так и скандинавских стран (Швеции, Норвегии, Дании), совершая постоянные заходы в эти порты, зачастую даже самовольные⁶.

Нужно отметить, что если в центральных газетах («Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др.) этим сюжетам были посвящены лишь небольшие заметки, то в специализированных изданиях публиковались целые циклы статей. Например, в начале 1939 г. на страницах «Красного флота» (орган Народного комиссариата ВМФ СССР) было опубликовано несколько больших статей о Финляндии. В одной из них подробно рассматривается шхерный район вокруг города Котка⁷. Автор анализирует особенности судоходства в этом регионе и его роль в возможном конфликте, также была опубликована карта района (см.

Ил. 2. Шхерный район Котка // Красный флот. 1939. 20 февр. С. 4

Ил. 3. Гельсинки // Красный флот. 1939. 14 апр. С. 4

ил. 2) При этом в очередной раз особо подчёркивается интерес нацистов к Финляндии:

Последние сообщения о деятельности германского фашизма в Прибалтийских странах показывают, что германский империализм все настойчивее стремится подчинить свою политическому и экономическому влиянию эти страны. Особое внимание уделяется Финляндии. В течении последних трех-четырёх лет германские инженеры построили в Финляндии сеть аэродромов, значительно превышающих потребности страны даже при самом быстром развитии воздушных сообщений. Германский империализм фактически добился ремилитаризации Аландского архипелага. Есть сведения, что Германия взяла на себя «оборону» Финляндии⁸.

Ещё одна статья в главной военно-морской советской газете была посвящена Хельсинки (или, как часто называли город в те годы, «Гель-

⁵ Усиление германской пропаганды в Финляндии // Правда. 1939. 28 марта. С. 5.

⁶ Иванов Л. Морские театры второй империалистической войны // Известия. 1939. 24 июля. С. 2.

⁷ Шавцев. Шхерный район Котка // Красный флот. 1939. 20 февр. С. 4.

⁸ Там же.

синки»⁹. Кроме истории города и подробного описания порта автор также обратил внимание на немецкие интересы в Финляндии:

Порт значительно расширяется и оборудуется, увеличиваются судоремонтные возможности, явно превосходящие потребности собственного флота Финляндии. Легко найти причину этих усиленных военных приговлений Финляндии. Фашистская Германия прекрасно учитывает стратегические возможности страны и всячески пытается закрепить свое влияние в Финляндии, чтобы превратить ее в плацдарм своих будущих военных авантур в северной части Балтийского моря¹⁰.

Также была опубликована небольшая карта района (см. ил. 3).

При этом советские журналисты старались создать у читателей представление, что в Финляндии немало людей, которые выступают за расширение сотрудничества с СССР:

Редактор левой социал-демократической шведской газеты «Фолы Виши» Г. Баклунд, выдвинутый в кандидаты в Вазовском южном избирательном округе, между прочим, заявил: «Ближайшая задача рабочего класса и истинных демократов и антифашистов — укрепление и усиление демократии, чистка государственных учреждений от фашистских элементов и ликвидация партии лапуасцев... Особенно важно добиться улучшения наших отношений с восточным соседом — Советским Союзом. При нынешнем беспокойном положении это представляло бы нам лучшую гарантию, чем миллиарды денег и укрепления. Следовательно: лучшие отношения с Советским Союзом и прочь из-под влияния Германии»¹¹.

Кроме того, многие финны, особенно рабочие, активно выступали против профашистских организаций:

Народные массы требуют уничтожения агентуры фашистской Германии в Финляндии. Весь ход предвыборной кампании показывает, что фашистская реакция встречает упорное сопротивление со стороны широких масс населения. В мае, например, лапуасцы несколько раз подряд пытались провести большой митинг в одном из рабочих районов Хельсинки. Каждый раз организаторов митинга постигали неудачи. Рабочие не хотели слушать фашистов, поднимали их на смех. Крики «долой фашистов», «гоните их прочь», «убирайтесь в Германию» ярко продемонстрировали настроение собравшихся. На двух митингах дело дошло до столкновения рабочих с фашистами и до вмешательства полиции. Этот провал обескуражил лапуасцев и вызвал злобные выпады их печати по адресу рабочего движения. Лидер социал-де-

мократической партии Таннер недавно прямо заявил, что лапуасцы — это «не политическая, а уголовная проблема в Финляндии»¹².

А первомайская демонстрация в 1939 г. прошла под лозунгами «Против войны и фашизма — за мир», «Объединяйтесь для защиты своих прав и улучшения жизненных условий» и т. д.¹³ При этом, по информации советских журналистов, только в Хельсинки в этом мероприятии приняло участие 20 000 человек¹⁴.

После начала советско-англо-французских переговоров весной 1939 г. на страницах советских газет подчеркивалось, что гарантии должны быть даны в том числе Финляндии и Прибалтийским государствам. В этом случае также цитировались западные СМИ. Например, в начале июня, цитируя Уинстона Черчилля, «Правда» пишет:

Требование русских, чтобы эти государства были бы включены в тройственную гарантию, хорошо обосновано. Нет никакого смысла в том, чтобы кессон мира имел трещину¹⁵.

Аналогичная позиция, по информации советских журналистов, высказывалась на страницах и других западных изданий:

Гарвин в консервативной газете «Обсервер» пишет, что свобода Латвии, Эстонии и Финляндии имеет «для СССР не меньшее значение, чем независимое существование Данцига для Польши. Было бы несерьезно не считаться с реальным положением вещей в этом вопросе, поскольку он затрагивает интересы СССР. Независимость Финляндии, Эстонии и Латвии имеет для безопасности СССР не меньшее значение, чем независимость Бельгии, Голландии и Швейцарии для существования западной демократии. Если германские войска под каким-либо предлогом вторглись бы в Финляндию, Эстонию или Латвию, то это было бы смертельной угрозой для СССР — более непосредственной угрозой, чем имело бы для западных держав вторжение германских войск в Польшу или Румынию»¹⁶.

Стоит отметить, что мероприятия финской стороны, которые были нацелены на укрепление обороноспособности, также получали нейтральную оценку. Так, 14 января «Известия» публикуют статью о строительстве новых аэродромов:

Газета «Ууси Суоми» печатает сообщение о программе строительства новых аэродромов в Финляндии. Как указывает газета, в течение этого года

⁹ Максимов С. Н. Гельсинки // Красный флот. 1939. 14 апр. С. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Внешняя политика Финляндии. Заявление кандидата в депутаты сейма // Правда. 1939. 22 июня. С. 5.

¹² Кууминен А. Перед выборами в финляндский сейм // Правда. 1939. 28 июня. С. 5.

¹³ Первомайские демонстрации за рубежом // Известия. 1939. 4 мая. С. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Статья Черчилля // Правда. 1939. 9 июня. С. 5.

¹⁶ Вопросы внешней политики (по столбцам иностранной печати) // Правда. 1939. 7 июня. С. 1.

будут строиться и расширяться 15 аэродромов и промежуточных посадочных площадок. Самым крупным аэродромом Финляндии будет аэродром в гор. Бьернеборге. Здесь сейчас ведутся строительные работы, на которые ассигновано 2,9 миллиона финских марок. Аэродром занимает площадь в 168 га, примерно в три раза больше, чем в Хельсинки. Перестраивается аэродром в г. Еехи. Он превращается в аэродром первого класса. На его реконструкцию ассигновано 2,5 млн марок. 10 миллионов марок ассигновано на сооружение аэродромов в Калии, Рованиеми, Соданкюля, Вуотсо, Ивало, Наутек и Сальмиярви. Строятся аэродромы в гг. Куопио, Оулу и Миккели. Проектируется также расширение аэродрома в Хельсинки. В связи с развертыванием строительства аэродромов намечается постройка радиостанции в Кемпи и расширение радиостанция в гг. Вааза, Тампере и Випури¹⁷.

Но в ряде публикаций подчеркивается роль «фашистских» организаций в финской армии:

Газета «Ууси Суоми» сообщает, что 6–9 марта на Карельском перешейке, в районе Уусикиркко и Куолемярви, состоятся маневры финляндской армии, на которых будут присутствовать военные атташе ряда стран «некоторые находящиеся в Финляндии иностранные офицеры». Между 14 и 19 марта в Куопиоской губернии состоятся военные учения, в которых будут участвовать шюцкоровские организации (фашистская военная организация) и пограничные части¹⁸.

А в некоторых публикациях отмечалось, что меры по повышению обороноспособности и обеспечению нейтралитета Финляндии вызвали недовольство «фашистов»:

Президент Финляндии передал сейму проект нового закона об охране республики. В законопроекте предусматривается предоставление сроком до 1942 года особых полномочий президенту и правительству на случай внешней угрозы государству. Согласно законопроекту, президент имеет право, невзирая на соответствующие параграфы конституции, издавать указы «о принятии любых мер для предотвращения опасности». Сейм подверг законопроект первому обсуждению. По сведениям газет, выступивший в прениях премьер-министр Кааяндер заявил, что правительство считает своей обязанностью «обеспечить нейтралитет государства и принять соответствующие меры на случай любых неожиданностей». Законопроект встретил резкое возражение со стороны представителей реакционно-фашистских партий¹⁹.

Обращаясь к Финляндии, советские журналисты касались не только политических сюжетов. Это были заметки и об участии советских и финских спортсменов в кроссе, организованном газетой «Юманите»

(самая крупная коммунистическая газета Франции), который должен был пройти в Париже 16 февраля 1939 г.²⁰, впоследствии «Правда» весьма лестно отзывалась о финнах:

Особенно хорошее впечатление оставляют финны, — видно, что это сильные спортсмены и они будут упорно бороться за первые места²¹.

Публиковались сообщения и о культурных связях между СССР и Финляндией, например, об издании на финском «Поднятой целины» Шолохова:

Издание романа М. Шолохова «Поднятая целина» на финском языке явилось большим событием в литературном мире Финляндии. Финская печать отмечает издание романа с особым удовлетворением. В рецензиях, помещенных в ряде газет, дается высокая оценка художественно-реалистическому мастерству автора. В то же время подчеркивается значение перевода советского романа на финский язык. Так, газета «Суомен пиэньвильелия» в своей рецензии указывает: «Поднятая целина» является, вероятно, первым советским романом, изданным на финском языке. Этот перевод поэтому следует считать особым событием в литературном мире Финляндии²².

А в августе 1939 г. жители Хельсинки могли познакомиться с творчеством советских кинематографистов:

2 августа в одном из кинотеатров Хельсинки (Финляндия) полпредство СССР устроило для финляндской общественности просмотр новых советских фильмов: «Первомайский парад в Москве» и «В людях». Обе картины были горячо встречены всеми присутствующими²³.

Кроме того, финны посетили Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве и остались очень довольны увиденным:

В Финляндию возвратились первые экскурсанты со Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. С восхищением они рассказывают об увиденном, отмечая выдающиеся достижения колхозного земледелия в Советском Союзе. Руководитель одной из групп экскурсантов заявил: «Нам казалось, что мы видели сказку из “Тысячи и одной ночи”. Многочисленные павильоны показывают, какими огромными богатствами располагает Советская страна»²⁴.

²⁰ Советские спортсмены едут в Париж // Правда. 1939. 2 февр. С. 6.

²¹ Сегодня — кросс «Юманите» // Правда. 1939. 19 февр. С. 6.

²² «Поднятая целина» на финском языке // Известия. 1939. 5 февр. С. 2.

²³ Иностранная хроника // Правда. 1939. 4 авг. С. 5.

²⁴ Финляндские экскурсанты о сельскохозяйственной выставке // Правда. 1939. 18 авг. С. 6.

¹⁷ Строительство аэродромов в Финляндии // Известия. 1939. 14 янв. С. 2.

¹⁸ Предстоящие маневры финляндской армии // Правда. 1939. 26 февр. С. 5.

¹⁹ Законопроект об охране республики в финляндском сейме // Правда. 1939. 21 апр. С. 5.

Через несколько дней эту же выставку посетил министр земледелия Финляндии Хейккинен²⁵.

При этом и советские люди могли познакомиться с произведениями финских авторов. Народный артист РСФСР Б. Бабочкин, художественный руководитель ленинградского театра имени Горького (ныне имени Товстоногова), писал в «Известиях»:

Мы располагаем прекрасной пьесой Хелла Вуолиоки «Женщины из Нискавуори»²⁶.

Также советские журналисты упоминали Финляндию в статьях, посвященных В. И. Ленину. Например, в статье о 125-летию Публичной библиотеки (сегодня Российская национальная библиотека) «Известия» цитировали первого главу Советского государства:

Публичная библиотека (бывшая Императорская) должна немедленно перейти к обмену книгами, как со всеми общественными и казенными библиотеками Питера и провинции, так и с заграничными библиотеками (Финляндии, Швеции и так далее)²⁷.

В другой статье отмечалось, что именно в Таммерфорсе (Тампере) на конференции большевиков состоялась первая встреча Ленина и Сталина²⁸. В биографических очерках о Ленине также неоднократно упоминалось его пребывание в Финляндии²⁹.

В 1939 г. в газетах весьма подробно освещали 20-ю годовщину обороны Петрограда от войск Юденича. Обращаясь к событиям Гражданской войны, советские журналисты вспоминали и о Финляндии, но подробно о сотрудничестве финнов и белогвардейцев не писали, как и не касались истории противостояния в Карелии:

Английское и германское правительства дали белогвардейцам несколько миноносцев, которые пытаются высаживать десанты. Финляндское правительство обратилось к Советскому правительству с лживой нотой, которая явно имеет целью подготовить общественное мнение Финляндии к открытому походу на Петроград³⁰.

²⁵ Прием в Воксе в честь министра земледелия Финляндии г-на Хейккинена // Известия. 1939. 22 авг. С. 4.

²⁶ Бабочкин Б. Заметки режиссера // Известия. 1939. 27 июня. С. 4.

²⁷ Майский П. 125 лет // Известия. 1939. 15 янв. С. 4.

²⁸ Накануне ленинских дней. Выставка, посвященная 15-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина // Известия. 1939. 20 янв. С. 1.

²⁹ Ленин в Петербурге // Известия. 1939. 26 янв. С. 3.

³⁰ Двадцатилетие обороны Петрограда. Исторические документы // Правда. 1939. 16 июня. С. 1.

Любопытно, что, описывая события 1919 года, советские журналисты ставили Эстонию и Финляндию в один ряд, хотя эти страны играли в противостоянии на Северо-Западе очень разную роль:

Противник был прогнан от Петрограда обратно в Финляндию и Эстонию³¹.

Несмотря на весьма нейтральные оценки Финляндии в советских газетах 1939 г., это была всё-таки страна «капиталистического» мира. Поэтому в плане экономического развития Суоми подвергалась критике в рассмотренных изданиях. Так, в статье, посвященной вводу в строй нового никелевого комбината в Мончегорске, «Известия» указывали:

В одной с нами географической параллели в тундрах Финляндии также разведаны за последние годы месторождения никеля. Но финские буржуа не смогли собственными силами поднять строительство комбината. Они отдали недра на откуп в концессию американским капиталистам, которые обещали дать первую плавку никеля через 8–10 лет. Таковы темпы в странах современного капитализма! У нас первый никель был дан через 9 месяцев после закладки стен металлургического завода³².

Вообще на страницах советских газет регулярно публиковались сообщения о тяжелой ситуации в экономиках капиталистических стран, в том числе и о Финляндии. Но по сравнению с другими они были весьма сдержанны (особенно по сравнению с публикациями конца 1939 г.):

Экономическая печать Финляндия все чаще и чаще выражает беспокойство по поводу ухудшающегося хозяйственного положения страны. Прошлый год закончился для хозяйства Финляндия весьма неудовлетворительными итогами. Внешняя торговля впервые с 1929 года дала пассивное сальдо в размере почти 20 млн марок. Это объясняется прежде всего неблагоприятным положением в промышленности, работающей на экспорт: ее продукция сократилась довольно значительно³³.

Кроме влияния Великой депрессии на финскую экономику, советские журналисты обращали внимание и на другие «болезни» капиталистических систем:

Исключительно тяжело положение трудящегося крестьянства. В 1938 году в стране был снят значительно более низкий урожай, чем в предыдущие годы. Крестьянство, жестоко эксплуатируемое помещиками и кулаками, не получает никакой помощи от государства. И без того непосильные для трудящихся крестьян налоги все время увеличиваются, равно как и стоимость аренды земли... Трудящиеся Финляндии выступают против фашистских погромщиков... В Хельсинки и других городах состоялись

³¹ Крушкоч Н. Героические дни // Известия 1939. 16 июня. С. 2.

³² Гаршин П. Комбинат меди и никеля // Известия. 1939. 15 мая. С. 2.

³³ Экономические затруднения Финляндии // Правда. 1939. 23 авг. С. 5.

массовые митинги, на которых ораторы клеймили изуверства гитлеровских канибалов и требовали оказания помощи жертвам фашистского террора в Германии³⁴.

При этом трудящиеся активно отстаивали свои права, в том числе и проводя забастовки:

Как сообщает «Суомен социал-демократти», забастовка рабочих крупнейшего судостроительного завода Финляндии «Крейтон-Вулкан» закончилась победой рабочих. Несмотря на противодействие профбюрократов, рабочие вели борьбу в течение пяти с половиной месяцев. Бастующие добились повышения заработной платы. Прежнее трудовое соглашение осталось в силе. Все участники забастовки вновь принимаются за работу³⁵.

На наш взгляд, представленные публикации позволяют сделать вывод, что на страницах советских газет формировался в целом нейтральный образ Финляндии. Особенно это бросается в глаза, если обратиться к публикациям, посвященным нацистской Германии или франкистской Испании. Финнов критиковали за сотрудничество с немцами и за «эксплуатацию» трудящихся. Но советские журналисты сами же указывали, что немало финнов (в том числе и политических деятелей) выступали против дружбы с Берлином, а что касается положения рабочих и крестьян — подобные сообщения в советских газетах можно найти практически о любой европейской стране.

Пройдет буквально два месяца, и советские пропагандисты будут создавать новый образ Финляндии и финнов. Так же как и в случае с Германией (после заключения пакта 23 августа), Польшей (после выступления РККА 17 сентября), этот переход был очень резким и для многих неожиданным.

Список литературы

- Аландские острова и нейтралитет Северных стран // Известия. 1939. 26 янв. С. 2.
Алексеев С. Положение в Финляндии // Советская Киргизия. 1939. 16 апр. С. 2.
Бабочкин Б. Заметки режиссера // Известия. 1939. 27 июня. С. 4.
Барышников В. Н. СССР и Финляндия: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия решения о начале «Зимней войны» // Вестник СПбГУ. 2016. Сер. 2. История. Вып. 2. С. 19.
Внешняя политика Финляндии. Заявление кандидата в депутаты сейма // Правда. 1939. 22 июня. С. 5.
Вопросы внешней политики (по столбцам иностранной печати) // Правда. 1939. 7 июня. С. 1.
Гаршин П. Комбинат меди и никеля // Известия. 1939. 15 мая. С. 2.
Двадцатилетие обороны Петрограда. Исторические документы // Правда. 1939. 16 июня. С. 1.
Делегация финляндского правительства в Швеции // Правда. 1939. 5 янв. С. 5.

³⁴ Алексеев С. Положение в Финляндии // Советская Киргизия. 1939. 16 апр. С. 2.

³⁵ Победа рабочих завода «Крейтон вулкан» в Финляндии // Известия. 1939. 28 авг. С. 5.

- Законопроект об охране республики в финляндском сейме // Правда. 1939. 21 апр. С. 5.
Иванов Л. Морские театры второй империалистической войны // Известия. 1939. 24 июля. С. 2.
Иностранная хроника // Правда. 1939. 4 авг. С. 5.
Крушкел Н. Героические дни // Известия. 1939. 16 июня. С. 2.
Кузмилен А. Перед выборами в финляндский сейм // Правда. 1939. 28 июня. С. 5.
Ленин в Петербурге // Известия. 1939. 26 янв. С. 3.
Майский П. 125 лет // Известия. 1939. 15 янв. С. 4.
Максимов С. Н. Гельсинки // Красный флот. 1939. 14 апр. С. 4.
Накануне ленинских дней. Выставка, посвященная 15-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина // Известия. 1939. 20 янв. С. 1.
Первомайские демонстрации за рубежом // Известия. 1939. 4 мая. С. 4.
Победа рабочих завода «Крейтон вулкан» в Финляндии // Известия. 1939. 28 авг. С. 5.
«Поднятая целина» на финском языке // Известия. 1939. 5 февр. С. 2.
Предстоящие маневры финляндской армии // Правда. 1939. 26 февр. С. 5.
Прием в ВОКС'е в честь министра земледелия Финляндии г-на Хейккинена // Известия. 1939. 22 авг. С. 4.
Рутасов А. И. Лапуаское движение и советско-финляндские отношения (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 125.
Сегодня — кросс «Юманите» // Правда. 1939. 19 февр. С. 6.
Советские спортсмены едут в Париж // Правда. 1939. 2 февр. С. 6.
Соглашение об укреплении Аландских островов // Правда. 1939. 9 янв. С. 5.
Статья Черчилля // Правда. 1939. 9 июня. С. 5.
Строительство аэродромов в Финляндии // Известия. 1939. 14 янв. С. 2.
Усиление германской пропаганды в Финляндии // Правда. 1939. 28 марта. С. 5.
Финляндские экскурсанты о сельскохозяйственной выставке // Правда. 1939. 18 авг. С. 6.
Шавцев. ШХерный район Котка // Красный флот. 1939. 20 февр. С. 4.
Экономические затруднения Финляндии // Правда. 1939. 23 авг. С. 5.

Anton RESHETOV

leading librarian, Department of newspapers, National Library of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: reszetow@gmail.com

Representation of Finland in the Soviet newspapers on the eve of World War II

Based on the materials from the Soviet newspapers of the last year before war, the article explores the image of Finland and the Finns. An analysis of publications in the largest Soviet periodicals allows us to conclude that they generally formed a neutral image of Finland. This is especially striking when compared with articles on Nazi Germany and Franco's Spain. The Finns were criticized for their cooperation with the Germans, and for the "exploitation" of the workers, however the Soviet journalists themselves pointed out that many Finns (including politicians) opposed the friendship with Berlin, and with regard to the situation of "workers and peasants", similar reports in Soviet newspapers can be found about almost any European country.

Keywords: Finland, World War II, Finland in Soviet newspapers.

УДК 94 (47) 084

ББК 63.3 (2) 62

Владимир Владимирович ЧАПЧАЕВ

специалист, СПб ГУП «Пассажиравтотранс» (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: chapchaev@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕГКОВОГО ТАКСОМОТОРНОГО ТРАНСПОРТА ЛЕНИНГРАДА В УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1942 гг.)

На основе анализа публикаций в ведомственной многотиражной газете «Автосигнал» (орган треста пассажирских перевозок «Ленавтотранс» Автомобильно-транспортного управления при исполкоме Ленгорсовета) и ряда документов из фондов ЦГА СПб выявлены и сопоставлены ключевые события деятельности таксомоторного транспорта, такие как организация движения и производства, произошедшие в них изменения под влиянием факторов военного времени. Особое внимание обращено на период Советско-финляндской войны и межвоенный период.

Ключевые слова: таксомоторный транспорт, Автомобильно-транспортное управление при Ленгорисполкоме (АТУЛ), Советско-финляндская война, блокада Ленинграда, «Автосигнал», М-1, ЗИС-101.

Впервые появившись на улицах Ленинграда 28 июля 1929 г.¹, государственный легковой таксомоторный транспорт (ЛТТ) с течением времени развивался вместе с городом, чутко реагируя не только на его потребности, но и на различные затрагивавшие его социальные, экономические и политические потрясения. Крупнейшим из них для города в XX в. явились события Второй мировой войны: Советско-финляндская война и, в первую очередь, блокада Ленинграда.

В течение первых десяти лет своего существования ЛТТ получил значительное развитие. Его подвижной состав расширился с 37 таксомоторов Форд А (ил. 1)² до 540 автомобилей, представленных моделями М-1 и ЗИС-101 (ил. 2)³. Производственно-техническая база, первоначально являвшая собой полуразрушенные казармы на перекрестке улиц Воинова (ныне — Шпалерной) и Потемкинской, непригодные не только

для размещения автотранспортного предприятия, но и вообще какого-либо производства⁴, к 1939 г. включала в себя уже три таксомоторных парка (см. табл. 1)⁵. Их оснащение позволяло проводить все виды ремонтов, включая капитальный. Кроме этого, ввиду острого дефицита запасных частей, в парках было налажено производство ряда наиболее востребованных деталей, их восстановление для дальнейшей эксплуатации, а также производство ручного инструмента⁶.

Табл. 1. Таксомоторные парки Ленинграда по состоянию на 30.11.1939 г.

№ парка	1	2	3
Адрес	Дивенская ул., д. 11	Потемкинская ул., д. 4	Конюшенная пл., д. 2
Дата ввода в эксплуатацию	1932 г.	18.12.1937 г.	05.06.1938 г.

К тому же периоду относится процесс подготовки СССР к некоей «большой войне»: пропаганда в кинематографе и СМИ, широкая военно-спортивная подготовка населения, ряд мер, направленных на подготовку предприятий к возможной мобилизации. Так, с 1936 г. в тогда еще единственном ленинградском таксомоторном парке под руководством одного из шоферов, тов. Штейна, начала свою деятельность секция ОСОАВИАХИМ (советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 гг., предшественник ДОСААФ). Наиболее популярным направлением подготовки оказалась авиация: по состоянию на конец 1936 г. 12 человек, преимущественно шоферов, проходили первую ступень овладения летным делом в планерном кружке секции. Рассматривался вопрос о приобретении собственного планера⁷. В 1938 г. результатом этого направления работы стало появление в рядах работников ЛТТ как минимум одного профессионального пилота — слесаря 1-го таксопарка А. Васильева⁸.

В 1939 г. сфера военной подготовки персонала ЛТТ еще более расширилась. Так, коллектив 3-го таксомоторного парка взял на себя

¹ Первый день работы таксомоторов // Вечерняя Красная газета. 1929. 29 июля. С. 3.

² Волков, Рудаков, Калинин. Поздравляем передовиков // Автосигнал. 1939. 17 июля. С. 1.

³ Войкин А. Приказ № 97 по Автотранспортному управлению Ленинградского совета РК и КД // Автосигнал. 1939. 17 июля. С. 1.

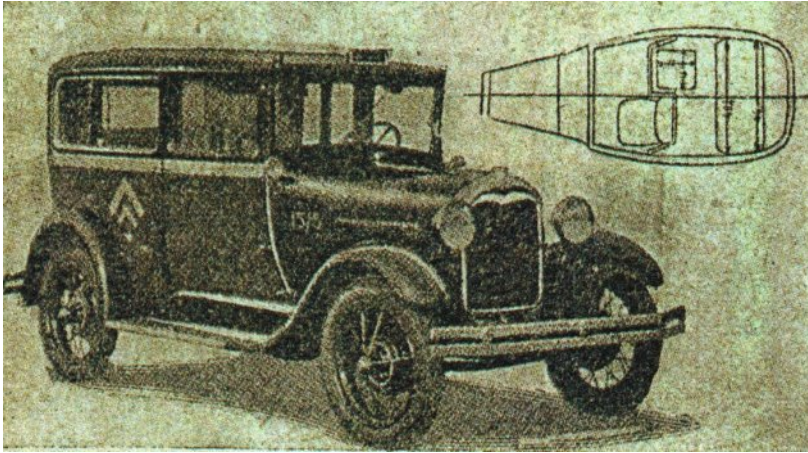
⁴ Шукейло. Десятилетие Первого таксомоторного парка // Автосигнал. 1939. 11 июля. С. 3.

⁵ Пономарев Я. и др. Огонек зеленый... С. 45; Автосигнал. 1938. 1 января. С. 1; 3-й таксомоторный парк // Автосигнал. 1938. 13 июня. С. 4.

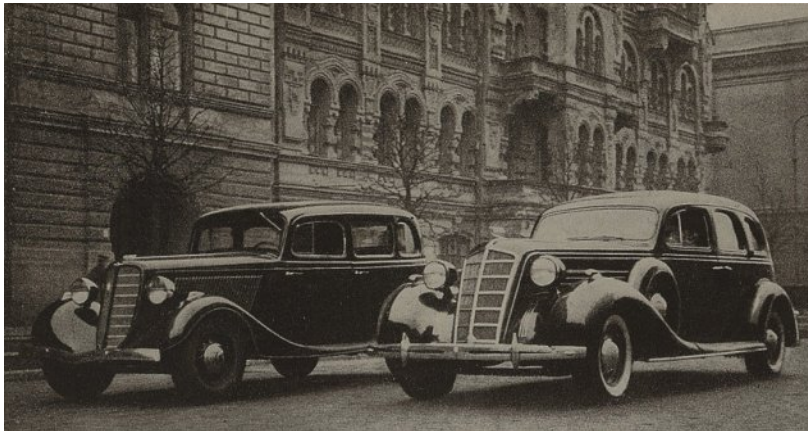
⁶ Иконников. Наши резервы и возможности // Автосигнал. 1939. 11 августа. С. 3.

⁷ Кириллов В. Стать летчиком — наша мечта // Автосигнал. 1936. 31 декабря. С. 4.

⁸ Васильев А. Получил звание пилота // Автосигнал. 1938. 19 августа. С. 2.

Илл. 1. Таксомотор Форд А. Вверху справа — схема расположения сидений. Чапчаев В., Черноусов Ф. Форд А в Стране Советов: 90-летию модели посвящается // *Автомобильный транспорт*. 2017. № 11. С. 52–58

Илл. 2. Автомобили ЗИС-101 (на первом плане) и М-1. Ленинград и Ленинградская область за XX лет Советской власти. Л., 1937

обязательство в течение 3-го квартала подготовить не менее 10 воршиловских стрелков, полностью освоить нормы по противовоздушной и химической обороне и провести военизированный поход на 25 км⁹ — довольно серьезная претензия для сугубо гражданской организации.

⁹ Наши социалистические обязательства // *Автосигнал*. 1939. 5 июля. С. 1.

Наряду с военной подготовкой персонала с 1938 г. во всех автотранспортных предприятиях Ленинграда началось накопление неприкосновенных запасов горюче-смазочных материалов, автомобильных шин и запасных частей¹⁰.

С началом Советско-финляндской войны 30 ноября 1939 г. количество таксомоторов в городе уменьшилось на 300 автомашин М-1, мобилизованных в РККА. При таком сокращении подвижного состава содержание трех таксомоторных парков в городе оказалось нерентабельным¹¹. В течение декабря 1939 г. 1-й и 2-й таксомоторные парки были ликвидированы¹². Предположительно тогда же свою работу прекратила действовавшая с 1936 г. диспетчерская служба такси — заказать таксомотор по телефону стало невозможно. Таким образом, в Ленинграде остался лишь один 3-й таксомоторный парк, где были сосредоточены все оставшиеся в городе таксомоторы¹³.

На предприятии было сформировано три автоколонны: в первую входили таксомоторы ЗИС-101, во вторую и третью — М-1¹⁴. Техническое состояние последних оставляло желать лучшего, так как прошедшая мобилизация затронула наиболее новые автомобили. Пробег большинства ЗИСов к 1940 г. уже превысил 100 тыс. км¹⁵, что при ресурсе легковых автомобилей 1930-х гг. считалось весьма значительным.

Вместе с автомобилями из предприятий пассажирского автотранспорта Ленинграда в армию было мобилизовано значительное количество шоферов — много больше, чем было закреплено за мобилизованным транспортом. В результате к дефициту подвижного состава в ЛТТ добавилась острая нехватка кадров. Для оставшихся шоферов такси сверхурочные часы работы на долгое время стали нормой¹⁶. Следствием мобилизации в армию молодых мужчин стало привлечение в отрасль

¹⁰ Я. И. Пономарев. Но баранку не бросал шофер: Автотранспортники Ленинграда в Великой Отечественной войне. Л., 1988. С. 10.

¹¹ Гловацкий А. М. Некоторые итоги за прошедший год // *Автосигнал*. 1941. 15 января. С. 2; Пономарёв Я., Гутцайт Р., Витушинская Е., Милантьева Р. Огонек зеленый: Краткая история пассажирского автотранспорта Ленинграда (конец XIX — 1945 г.) [Рукопись]. Л., 1990. С. 49 // Архив Автобусного парка № 1 — филиала СПб ГУП «Пассажиравтотранс».

¹² Гловацкий А. М. Некоторые итоги...

¹³ Там же.

¹⁴ Социалистические обязательства // *Автосигнал*. 1940. 1 мая. С. 1.

¹⁵ Гловацкий А. М. Некоторые итоги...

¹⁶ Безответственность в наборе водительских кадров // *Автосигнал*. 1940. 28 января. С. 4.

большого числа малоопытных шоферов¹⁷, а также увеличение среди шоферов такси числа женщин — с 7 до 69 человек¹⁸.

В таких условиях 3-му таксомоторному парку было поручено выполнение особых заданий, суть которых в открытых источниках того времени не раскрывается. В результате выпуск таксомоторов в свободный прокат — для обслуживания жителей города по найму — практически прекратился. Шоферы малочисленных автомобилей, выходявшие на линейную работу ночью, вплоть до 15 марта 1940 г. при движении обязаны были выполнять требования светомаскировки¹⁹. Таким образом, встреча никак не обозначенной машины-такси и пассажира в неосвещенном городе могла произойти только случайно на одной из 73 стоянок²⁰.

Нельзя не отметить, что одним из результатов прихода в ЛТТ малоопытных кадров явился всплеск аварийности. Так, в течение 1940 г. произошло 176 аварий и наездов²¹. Если в 1937 г. на два таксомотора в течение года приходилось одно происшествие, т. е. 0,5 условных происшествия на один автомобиль²², то в 1940 г. этот показатель вырос почти в 1,5 раза, составив 0,73²³.

Наряду с шоферами, мобилизация серьезно затронула ремонтных рабочих и обслуживающий персонал ЛТТ. Ее следствием стала развернувшаяся с начала 1940 г. кампания по совмещению одним работником двух, а иногда даже трех специальностей. Важно отметить, что в ведомственной прессе это декларировалось как естественное продолжение комплекса мер 1939 г. по сокращению расходов: экономии горюче-смазочных материалов, улучшению качества ремонта, производству запасных частей собственными силами, увеличению ходимости — пробега до списания резины, и пр. Уже в январе 1940 г. совмещались рабочие специальности жестянщика и слесаря-арматурщика, кузнеца и калильщика, моториста и обкатчика двигателя, кладовщиков шоферской кладовой и кладовой слесарного инструмента. На следующий месяц было запланировано совмещение должностей электромонтера и карбюраторщика, а также смазчика и крепежника. По предварительным расчетам, каждое такое совмещение должно было привести к экономии двух-трех тысяч рублей в год²⁴.

¹⁷ Гловацкий М. А. Некоторые итоги...

¹⁸ Рыбина З. И. Наши стахановки // Автосигнал. 1940. 7 марта. С. 1.

¹⁹ Маркович Г. Я. Работа пассажирского автотранспорта // Автосигнал. 1940. 1 августа. С. 3.

²⁰ Троллейбус, трамвай, автобус, такси: Справочник. Л., 1939. С. 115–118.

²¹ Гловацкий М. А. Некоторые итоги...

²² Чепраков Д. М. Позорное первенство // Автосигнал. 1938. 25 мая. С. 4.

²³ Гловацкий М. А. Некоторые итоги...

²⁴ Там же.

После окончания Советско-финляндской войны 13 марта 1940 г. началась демобилизация из рядов РККА. Из числа ранее мобилизованных работников ЛТТ шоферы И. М. Сметанин и И. Родионов были награждены медалью «За отвагу»²⁵, Горский и Лобанов — орденом Красной Звезды²⁶.

Отдельного упоминания заслуживает кочегар вулканизационных мастерских 3-го таксомоторного парка А. Цветков. В 1934 г., пройдя срочную службу в РККА, где он получил звание младшего командира и специальность сапера, А. Цветков пришел на работу в 1-й автобусный парк на Конюшенной площади. В 1938 г., после переезда автобусного парка, остался работать во вновь образованном 3-м таксопарке. В начале Советско-финляндской войны А. Цветков был мобилизован в инженерные войска. В ходе одного из боев принял командование взводом, видимо, после смерти или тяжелого ранения командира и, находясь под постоянным обстрелом противника, не только обеспечил выполнение задания командования, но и сохранил личный состав. За умелые действия А. Цветков 15 января 1940 г. был награжден медалью «За отвагу»²⁷. Позже А. Цветков сумел еще раз отличиться при выполнении задания командования, за что был награжден орденом Красной Звезды. После окончания боев герой был демобилизован и вернулся на работу в 3-й таксомоторный парк²⁸.

В относительно нормальных, мирных условиях ЛТТ продолжил свою работу со второй половины марта 1940 г. Вскоре 3-й таксомоторный парк получил первое после мобилизации автотранспорта пополнение — 9 ЗИС-101 и 8 М-1²⁹. «Эмки» были поддержанными — возвращенными из РККА или переданными с других предприятий (ил. 3). Новыми же в течение первого полугодия 1940 г. Ленинград для нужд такси получил 14 ЗИСов, включая 9 уже упомянутых, и 5 «эмков»³⁰.

На этом этапе в непростых для предприятия условиях директор парка А. М. Гловацкий поставил перед коллективом амбициозную задачу: «восстановление того образцово опрятного, культурного облика, который имеют наши советские автомобили, выходя из завода»³¹. На практике это, скорее, означало: довести до состояния, пригодного для нормальной эксплуатации, тех ветхих таксомоторов, которые находились

²⁵ Колесов И. Сметанин, Илья Михайлович // Автосигнал. 1940. 28 января. С. 3.

²⁶ Тимофеев В. Друзья // Автосигнал. 1940. 7 ноября. С. 2.

²⁷ Цветков А. С честью выполнил задание командования // Автосигнал. 1940. 16 апреля. С. 2.

²⁸ Цветков А. Всегда готов к грядущим боям // Автосигнал. 1940. 7 ноября. С. 2.

²⁹ Замяткин. Добиваться еще лучших успехов // Автосигнал. 1940. 1 августа. С. 3.

³⁰ Волков. Как работал трест в первом полугодии // Автосигнал. 1940. 16 августа. С. 3.

³¹ Гловацкий А. М. Некоторые итоги...

Ил. 3. Автомобиль М-1 после боев Советско-финляндской войны. *The Finnish Defence Forces*

в распоряжении парка. Для достижения поставленной цели директор полагал необходимым, во-первых, освоить собственными силами ремонт механической части машин и агрегатов, а также наладить восстановление и изготовление некоторых дефицитных запасных частей. Во-вторых, требовалось организовать ремонт кузовного хозяйства.

По мнению А. М. Гловацкого, с поставленной задачей коллектив работников парка успешно справился. Ремонт удалось охватить не только двигатели и мосты, восстановление которых на базе предприятия производилось и прежде, но и шасси таксомоторов ЗИС-101³² — процедура весьма трудоемкая, связанная с частичной или полной разборкой кузова. Сведений о проведении ремонтов такой сложности в таксомоторных парках Ленинграда на более ранних этапах не встречается.

Однако, втянувшись в продвижение кампании по развитию совместительства и в решение задач военного времени, руководители таксомоторного транспорта не смогли одновременно поддерживать и развивать достижения предыдущих мероприятий. В первую очередь, это коснулось вопроса экономии топлива. За предыдущий 1939 г. 3-й так-

сомоторный парк оказался единственным предприятием ЛТТ, которое вместо экономии смогло лишь сократить объемы перерасхода. Но и эти скромные результаты парк удержать не смог, превысив в 1940 г. аналогичный показатель прошлого года в три с половиной раза³³! Отдельные шоферы такси добивались значительной экономии топлива, перевыполняя при этом план выручки³⁴. Но ресурсов администрации не хватало, чтобы распространить их опыт на все предприятие.

Вследствие занятости руководства решением глобальных задач были упущены многие важные «мелочи», и пережог был лишь одной из них. Так, в 1940 г. резко снизилась производственная дисциплина: участились краткосрочные прогулы, увеличилось количество брака³⁵. Как неизбежное следствие — увеличение простоев таксомоторов на линии и в парке по техническим причинам, снижение выпуска³⁶.

Подобная картина была присуща не только одному лишь пассажирскому автотранспорту Ленинграда, но и всей советской промышленности. Меры государственного реагирования были неоднозначны: главными причинами низких темпов развития производства была названа слабая производственная дисциплина отдельных лиц — прогульщиков, лодырей и тунядцев, а также недостаточная продолжительность рабочего времени³⁷. Вопросы эффективности методов управления и организации производства при этом остались в стороне.

Воплощением этой государственной доктрины стал указ президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Этот указ для всех работников пассажирского автотранспорта страны, в том числе Ленинграда, имел двойное значение — прямое и косвенное. Во-первых, они полностью подпадали по действие указа как работники «государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях» со всей вытекающей из этого ответственностью. Во-вторых, на работников пассажирского транспорта была «возложена почетная и ответственная задача», как это было названо в прессе, «бесперебойно

³³ Важный участок производственной работы // Автосигнал. 1940. 16 апреля. С. 1.

³⁴ Гусаров И. Каждый водитель может экономить бензин // Автосигнал. 1940. 11 мая. С. 3; Систематически экономят горючее // Автосигнал. 1940. 17 июня. С. 1; Степанов. Лучшие водители экономят бензин // Автосигнал. 1940. 17 июля. С. 1.

³⁵ Романченко. Привлечь к ответственности дезорганизаторов производства // Автосигнал. 1940. 5 июля. С. 3.

³⁶ Волехрам. Дачное настроение у руководителей 3-го таксомоторного парка // Автосигнал. 1940. 25 июля. С. 3.

³⁷ Мар Н. На объединенном собрании // Автосигнал. 1940. 25 июля. С. 4.

³² Там же.

и своевременно доставлять трудящихся к месту работы»³⁸. Иными словами, на транспортников ложилась обязанность по обеспечению выполнения трудящимися 2-го абзаца 5-го пункта указа:

Установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие <...> предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами.

Находясь в суде, обвиняемый ни в коем случае не должен был иметь объективной возможности обосновать свой проступок низким качеством работы транспорта, будь то трамвай, автобус или такси. При этом нельзя не отметить, что положения указа по существу никак не способствовали решению ряда важных для ЛТТ задач, например, увеличения пропускной способности вновь созданного малярного цеха, составлявшей всего пять таксомоторов в месяц даже при условии отсутствия у работников предприятия прогулов и увольнений³⁹. Последних избежать было трудно, так как эффективной вытяжки в малярной камере не было — люди задыхались в смраде нитроокраски. Не мог указ обеспечить и своевременное укомплектование кладовой в 3-м таксомоторном парке хотя бы минимальным набором из наиболее востребованных запасных частей — без них автомобили или простаивали, или выходили на линию неисправными⁴⁰.

О сложившейся ситуации в Народный комиссариат автомобильного транспорта РСФСР главный инженер Автомобильно-транспортного управления при Ленгорисполкоме (в его ведение опосредованно входил ЛТТ города) М. А. Тер-Акопов докладывал:

Отсутствие снабжения по таким деталям, как сферические пальцы рулевого управления, вкладыши рулевых тяг, шкворни поворотных кулаков, заставляет нас при ремонтах изготавливать эти детали своими силами и, конечно, не из стандартного материала, а из любой стали, имеющейся в наличии, что вызывает заведомо более быстрый износ этих деталей, но позволяет выпускать автомобили в эксплуатацию. То же самое относится к баллонным шпилькам и гайкам, бронзовым втулкам поворотных кулаков, поршням «Крупн», которые отливаются у нас собственными силами из алюминия... Отсутствие медно-асбестовых прокладок заставляет во многих местах, в порядке «рационализации» заменить их клингеритными или просто асбестовыми... Аналогичное положение имеет место и в вопросе технологии ремонта деталей. Отсутствие запасных частей заставляет нас пользоваться в отдель-

ных случаях методами ремонта, не узаконенными какими либо стандартами или условиями...⁴¹

Указ от 26 июня 1940 г. «выстрелил из пушки по воробьям», переломав при этом несколько тысяч человеческих судеб по всей стране. А ведь именно его современники были вынуждены называть «решающим фактором», создавшим условия для, например, успешного освоения новых норм на ремонты и расход горючего, как это было на автомобильном транспорте⁴². У каждой отрасли были свои «успешные освоения», связанные с этим указом...

Не увидев положительного эффекта от действия указа, ответственные товарищи, говоря о плохом техническом состоянии таксомоторов, поспешили объявить его следствием слабой пропаганды марксистско-ленинского учения и недостаточно широкого политического кругозора отдельных лиц. Начался процесс поиска причинно-следственной связи между низкими производственными результатами на отдельных участках работы таксопарка и политической неграмотностью руководителей⁴³.

Результат — прежний. Так, в конце ноября 1940 г. при подготовке автотранспорта к ежегодному техосмотру был выявлен следующий набор недостатков: битые стекла, отсутствие подсветки приборов и освещения салонов, сломанные стеклоподъемники, порванная обивка, неисправные отопители, радиоприемники и часы, поврежденные кузова. И это только у таксомоторов ЗИС-101, находившихся на особом контроле. По М-1 проверяющие скромно сообщили, что у них неисправностей еще больше⁴⁴. Ремонт, как обычно в подобных случаях, пришлось проводить в авральном порядке⁴⁵ — работников парка массово привлекли к сверхурочным работам⁴⁶.

Особое внимание привлекает тон, с которым повествуют об этом мероприятии его непосредственные участники — хвалебно-восторженный! Создается впечатление, что ни у одного из них и мысли не возникает о том, что восстановление таксомоторов должно было происходить несколько иначе. Никто не возмущался тем, что автомашины массово довели до состояния, исключающего нормальную эксплуатацию. Никто не говорил о неправильной организации ремонта в целом. Никто не упрекал администрацию

⁴¹ Цит. по: ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14. Орфография подлинника сохранена.

⁴² Гловацкий А. М. Некоторые итоги...

⁴³ Васильев. Неустанно изучать науку большевизма // Автосигнал. 1940. 20 ноября. С. 2.

⁴⁴ Что показало обследование машин такси // Автосигнал. 1940. 20 ноября. С. 3.

⁴⁵ Сансевич В. И. Успешно выполнили ответственное задание // Автосигнал. 1940. 4 декабря. С. 3.

⁴⁶ Шекунов. Как цех готовился к техническому осмотру // Автосигнал. 1940. 11 декабря. С. 4.

³⁸ Маркович Г. Я. Работа...

³⁹ Турбович И. Я. Добиться высокой оценки // Автосигнал. 1940. 14 ноября. С. 3.

⁴⁰ Тажный С. Отсутствует забота об охране труда // Автосигнал. 1941. 15 января. С. 3.

в штурмовщине⁴⁷. То ли было три-четыре года назад, когда каждый номер отраслевой многоотиражной газеты «Автосигнал» пестрел колкими статьями, изобличающими неэффективные методы руководства! В 1939–1940 гг. критическая составляющая в публикациях практически исчезла.

Невольно возникает вопрос: а как же глобальный ремонт ветхих таксомоторов до состояния «образцово опрятного, культурного облика, который имеют наши советские автомобили, выходя из завода», проведенный на протяжении всего 1940 г., об успехе которого рапортовал директор 3-го таксомоторного парка А. М. Гловацкий?⁴⁸ Куда подевались его результаты?

Тем не менее, на совещании партийно-хозяйственного актива парка, посвященного итогам работы предприятия в 1940 г., было заявлено:

Работа ремонтной зоны значительно улучшилась; заявочный ремонт выполняется добросовестно; машины стали выходить на линию строго по графику; работники ремонтной зоны борются за высокое качество ремонта и за то, чтобы машина в ремонтной зоне простаивала минимальное количество времени⁴⁹.

К сожалению, за недостаточностью источников детально сопоставить приведенные противоречивые сведения практически невозможно.

К тому же этапу рубежа 1940–1941 гг. относятся невероятные успехи в выполнении ремонтниками плана индивидуальных производственных заданий: едва ли ни у каждого второго — более 200 %, у остальных — свыше 150 %⁵⁰, у отдельных передовиков — почти 300 %⁵¹. Столь высокие показатели могли быть достигнуты только в условиях, когда производство уже подверглось широкой модернизации, а план по неким бюрократическим причинам еще не скорректирован. Однако ни о каком внедрении нового передового оборудования на предприятиях пассажирского автотранспорта Ленинграда в это время ничего не известно. Таким образом, речь может идти лишь о фальсификации, как то: необоснованно заниженный план; перевыполнение задания за счет массового производства брака; подтасовка в отчетности о производительности труда,

когда продукция существует только «на бумаге», одна и та же продукция учтена несколько раз и т. п.

Косвенным подтверждением фальсификации показателей эффективности производства может служить инцидент на партийном собрании, прошедшем в 3-м таксомоторном парке 28 марта 1941 г. Докладчик «тов. Бахвалов привел ряд цифр, свидетельствующих об успехе борьбы, развернувшейся в автопарке за экономию бензина», после чего был уличен в подлоге. Правда, участники собрания — простые шоферы — быстро переключили свое внимание с «несоответствия цифр» на более важный для них вопрос: отсутствие на предприятии условий для реальной экономии топлива⁵². Только зачем администрации было создавать эти условия, когда можно было просто сфабриковать статистику? На этот вопрос таксисты, к сожалению, внимания не обратили...

Таким образом, общая картина в сфере организации производства на предприятии ЛТТ Ленинграда накануне Великой Отечественной войны выглядит скорее удручающе. Попытки отдельных руководителей из числа молодых специалистов реализовать на практике имеющиеся знания утонули в пучине советской бюрократии и формализма — план был превыше всего. «Вышестоящее руководство» предпочитало здесь и сейчас видеть в отчетности «нарисованные» высокие показатели, чем ждать, когда по-настоящему эффективные методы организации труда смогут дать свои результаты⁵³.

Тем не менее, к новым руководителям предъявлялись довольно высокие требования. Как заключил в одном из своих докладов начальник управления кадров Центрального комитета ВКП(б) Г. М. Маленков, «руководить — значит предвидеть, значит держать инициативу в своих руках». А для этого требовалось отчетливое понимание всего механизма предприятия, глубокое знание техники, экономики и финансов, планирования производства и многого другого. Даже программа высшего образования не включала в себя подробное изучение этих направлений⁵⁴.

Для организации помощи молодым руководителям и специалистам предприятий пассажирского автотранспорта в начале 1941 г. при тресте пассажирских перевозок «Ленавтотранс», в ведении которого непосредственно входил ЛТТ, были организованы специальные курсы. Занятия проводили высококвалифицированные преподаватели, большинство

⁴⁷ Шевкунов. Как цех готовился...; Сансевич. Из-за нераспорядительности произошла задержка // Автосигнал. 1940. 18 декабря. С. 4; Изюмкин П. Как цех добился успеха // Автосигнал. 1940. 31 декабря. С. 3.

⁴⁸ Гловацкий А. М. Некоторые итоги...

⁴⁹ Соколова. Поставленные задачи будут выполнены // Автосигнал. 1941. 5 февраля. С. 3.

⁵⁰ Берлинский. Выполним принятые обязательства // Автосигнал. 1941. 19 марта. С. 1; Завалкин И. В. К новым успехам // Автосигнал. 1941. 19 марта. С. 3; Завалкин И. В. Досрочно выполняют обязательства // Автосигнал. 1941. 9 апреля. С. 1.

⁵¹ Мохонько В. М. Сочетают трудовую жизнь с общественной // Автосигнал. 1941. 7 мая. С. 1.

⁵² Сив. Цифры, которые не привел докладчик // Автосигнал. 1941. 2 апреля. С. 2.

⁵³ Фишман М. Гриша Казаков // Автосигнал. 1938. 29 октября. С. 2; Повышать идейный и технический уровень инженерно-технических работников // Автосигнал. 1939. 3 марта. С. 3; Волоконский. Как мы осуществляем право контроля в парке // Автосигнал. 1939. 17 мая. С. 2.

⁵⁴ Смирнов. Глубоко изучать экономию производства // Автосигнал. 1941. 4 февраля. С. 2.

из которых были представителями ленинградских вузов. Рассматривались такие темы, как «социалистическое планирование», «роль автобусного и таксомоторного хозяйства в системе городского транспорта», «технико-экономические показатели плана», разбирались понятия среднесписочного состава, коэффициента использования парка, эксплуатационной скорости и многое другое⁵⁵.

С точки зрения качества обслуживания пассажиров, восстановление работы ЛТТ в Ленинграде после потрясений Советско-финляндской войны проходило небезуспешно. Так, вопреки острой нехватке подвижного состава, 15 апреля 1941 г. возобновила свою работу центральная диспетчерская станция — таксомотор вновь стало возможно вызывать прямо из дома, позвонив по номеру Ж-8-00-20. Правда, за первые два дня работы диспетчеры приняли всего 263 заказа⁵⁶; до ликвидации станции количество звонков за сутки превышало тысячу⁵⁷.

В целом в течение межвоенного периода подвижной состав 3-го таксопарка расширился незначительно: со 195 до 217 таксомоторов⁵⁸, из которых в исправном состоянии находилось 209⁵⁹.

В 12 час. 15 мин. воскресного дня 22 июня 1941 г. привычный ритм жизни Ленинграда был нарушен выступлением народного комиссара иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова. С плохо скрываемым волнением нарком сообщил, что советское правительство поручило ему сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории...⁶⁰

С этого момента в Ленинграде, как и на всей территории СССР, вступили в действие специальные мобилизационные планы. В соответствии с ними все автотранспортные предприятия города незамедлительно начали передачу Красной армии автомобильной техники. Так,

к октябрю 1941 г. из Ленинграда в вооружённые силы было передано более 1000 мотоциклов, 9460 грузовиков и 1930 легковых автомобилей⁶¹. В числе последних — большинство ленинградских таксомоторов.

На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 г., таксомоторное обслуживание жителей Ленинграда было полностью прекращено. На 9 июля 1941 г. в 3-м таксомоторном парке из 217 таксомоторов оставалось 24 автомобиля М-1 и 56 ЗИС-101⁶² — избежавшие мобилизации «эмки» не подлежали «призыву» по причине ветхости, а лимузины не представляли интереса для армии из-за низкой проходимости. Вместе с техникой Ленинград передал вооружённым силам сотни рабочих-ремонтников, инженеров, служащих и шоферов⁶³. Были среди них и работники таксомоторного транспорта. После проведенной мобилизации на предприятии ЛТТ осталось около 100 человек: мужчины, освобожденные от призыва по состоянию здоровья или возрасту, и женщины⁶⁴.

В связи с колоссальным сокращением шоферов и транспорта АТУЛ при поддержке Ленгорисполкома и госавтоинспекции в сентябре 1941 г. провело мобилизацию в свои ряды непризывных водителей и легковых автомобилей из ведомственных автохозяйств Ленинграда. Это позволило увеличить штат на 83 человека и столько же автомобилей⁶⁵. Месяцем позже управление аналогичным способом получило на свой баланс еще 9 легковых автомобилей, правда, уже без водителей⁶⁶.

Несмотря на колоссальное сокращение персонала и транспорта, а также свертывание в Ленинграде таксомоторного обслуживания, 3-й таксомоторный парк не был ликвидирован: его производственно-техническая база постепенно переориентировалась на выполнение задач военного времени⁶⁷. Первым заданием для коллектива парка в новых условиях стал ремонт оставшихся в парке «эмок» до состояния, позволяющего их нормальную эксплуатацию. После проведенных работ 18 автомобилей были переданы в действующую армию, а остальные привлечены к обслуживанию городских мобилизационных пунктов.

В августе 1941 г. по заданию Автобронетанкового управления Ленинградского фронта (АБТУ) таксомоторный парк приступил к постоянному ремонту штабных М-1 и легковых бронеавтомобилей: на место

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Центральная диспетчерская станция такси // Автосигнал. 1941. 23 апреля. С. 1.

⁵⁷ Васильева. Пора заглянуть в диспетчерскую // Автосигнал. 1937. 13 августа. С. 3.

⁵⁸ Пономарев Я. и др. Огонек зеленый... С. 49.

⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁶⁰ Цит. по: Выступление по радио заместителя председателя Совета Народных комиссаров Союза ССР и Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 года // Известия. 1941. 24 июня. С. 1

⁶¹ Пономарев Я. И. Но баранку не бросал шофер... С. 12.

⁶² ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁶³ Пономарев Я. И. Но баранку не бросал шофер... С. 12.

⁶⁴ Казаков Г. А. За рулем таксомотора. Л., 1977. С. 12.

⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

⁶⁶ Там же. Л. 48.

⁶⁷ Казаков Г. А. За рулём... С. 12.

отремонтированной и переданной АБТУ техники сразу поступала другая, требующая ремонта.

При выполнении этой задачи парк столкнулся с острой нехваткой запасных частей и персонала. В ответ на запрос АБТУ направило на Коношненную площадь 160 человек из числа мобилизованных, среди которых не было ни одного авторемонтника. Обучение пополнения коллективу таксомоторного парка пришлось проводить сразу же на практике.

Следующее задание, полученное предприятием, наглядно демонстрировало весь упадок ленинградского автомобильного хозяйства, в который оно был ввергнуто с началом войны. В таксомоторный парк для завершения ремонта было направлено 50 «полоторок» ГАЗ-АА. Собственно, все ремонтные работы были проделаны еще на 1-м авторемонтном заводе. Таксопарку же предстояло укомплектовать «полоторки» колесами — их на авторемонтном заводе не было, а АБТУ поставить не смогло. В распоряжении таксопарка колес для «полоторок» также не имелось, поэтому работникам пришлось объездить все действующие грузовые автохозяйства города и территории автопредприятий, ликвидированных с началом войны. В итоге удалось собрать 50 некондиционных комплектов дисков и шин, собственными силами провести их ремонт и установить на «полоторки». О том, каким образом в таксопарк изначально были доставлены 50 грузовиков без колес, источники умалчивают.

Одновременно с проведением авторемонтов, производственно-техническая база таксомоторного парка была приспособлена под производство деталей для боеприпасов и вооружения⁶⁸.

8 сентября 1941 г. Ленинград силами немецких и финских войск был заключен в кольцо военной блокады — снабжение города, в том числе продовольственное, оказалось подорвано. Недостаток продуктов ленинградцы непосредственно ощутили с октября 1941 г.⁶⁹

Стремясь хоть как-то поддержать своего «подрядчика», АБТУ обратилось к руководству «Ленглавресторана» с просьбой обеспечить работников 3-го таксомоторного парка питанием в столовых по нормам работников оборонных предприятий⁷⁰.

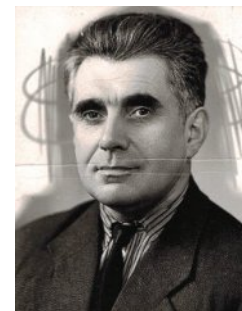
Месяцем позже таких мер было уже недостаточно — в ноябре в Ленинграде начался голод. Возникли перебои с подачей электроэнергии и тепла не только в жилые дома, но и на производства. В сложившихся условиях многие городские предприятия сворачивали свою деятель-

ность. Но таксомоторный парк к их числу не относился — его производственно-техническая база была нужна фронту⁷¹.

Работа продолжалась в невыносимых условиях даже тогда, когда норма выдачи хлеба рабочим сократилась до 250 г, а служащим, иждивенцам и детям — до 125 г в сутки. В промерзших помещениях рабочие, чтобы от бессилия не выронить из рук инструмент, привязывали его к себе. Многие были вынуждены привязывать к стульям и станкам себя, опасаясь, что, упав, сил подняться уже не будет⁷².

Директор таксомоторного парка Израиль Яковлевич Турбович (ил. 4), возглавивший предприятие с 1 августа 1941 г.⁷³, вспоминал об этом времени:

...В тяжелую годину, когда тысячи людей ежедневно умирали от голода и враг железным кольцом сжимал город, продолжало биться сердце нашего блокадного парка. В промерзших мастерских и боксах при тусклом свете коптилок трудились ремонтные рабочие. Голод, невзгоды до предела истощили их силы. Но они не покидали свои рабочие места. Изготавливали детали для снарядов. Ремонтировали штабные «эмки» и бронемшины, вкладывали в каждую из них всю силу ненависти к врагу, любовь к родным ленинградцам. Три дня и три ночи не выходил из цеха начальник мастерских Александр Иванович Степанов, пока не наладил выпуск специального заказа. Когда я рано утром вошел в цех, то увидел Степанова, как-то неуклюже сидевшего на стуле, прислонившись к шкафу. Я полагал, что он спит, и попытался его разбудить. Но было уже поздно. Александр Иванович, обессиленный от постоянного недоедания, умер... Рядом, на обитом железом верстаке, лежали первые образцы фронтového заказа. Несмотря на голод, крепко держали руль наши шоферы. Особенно Григорий Моисеевич Кришталь, Александр Никанорович Догаев, Татьяна Афанасьевна Никандрова-Конохова, Валентина Васильевна Лемещенко. По несколько рейсов делали они по Дороге жизни, спасая от смерти сотни женщин, стариков и детей. Однажды, когда фашистские стервятники бомбили Коношненную площадь и ближайшие улицы, осколками ранило четырех слесарей, от «зажигалок» загорелся материальный склад. Но блокадные таксисты не растерялись. Сандружинницы немедленно оказали помощь раненым и позднее эвакуировали их, добровольные пожарные и все стоящие на ногах быстро погасили огонь. Враг неоднократно бомбил и обстреливал нас... Но никакая

Ил. 4. И. Я. Турбович,
фото 1961 г.
Автобусный парк
№ 1 — филиал СПб ГУП
«Пассажиравтотранс»

⁷¹ Пономарев Я. И. Но баранку не бросал шофер... С. 30.

⁷² Там же.

⁷³ Таксомоторный парк № 3. Справка. 5.08.1941 // Архив Автобусного парка № 1 — филиала СПб ГУП «Пассажиравтотранс».

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Пономарев Я. И. Но баранку не бросал шофер... С. 30.

⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.

Ил. 5. Г. С. Клименко,
фото 1942 г.
Автобусный парк
№ 1 — филиал СПб ГУП
«Пассажиравтопарк»

сила не могла сорвать выполнение ответственных заданий фронта, ничто не могло прекратить нашу работу. В первую блокадную зиму люди все чаще начали выходить из строя. Одних ослабевших мы, по мере возможности, отправляли в оздоровительный профилакторий, других, не вышедших на работу, стали навещать председатель месткома Зинаида Ивановна Рыбина, счетовод Женя Баранова, диспетчер Лиза Петрова. Они помогали чем могли из продуктов, топили «буржуйки», грели воду. И люди оживали, вставали с постелей, приступали к работе...⁷⁴

Но, к сожалению, оживая, вставая с постели и приступая к работе, многие люди и их психика оказывались глубоко травмированы перенесенными испытаниями и лишениями. В их сознании сформировалась одна идея: выжить любой ценой. Она отодвигала человеческие качества и нравственность как бы на второй план.

Из множества опубликованных источников известно, что в блокадном Ленинграде когда-то добропорядочные граждане ради своего выживания и выживания близких могли пойти на преступление. К счастью, такие случаи не были массовыми. Множественный характер носили другие, пусть и менее опасные проявления. Так, даже в середине апреля 1942 г., когда первая блокадная зима уже отступила, но не сдавал свои позиции голод, одно из распоряжений начальника АТУЛ Георгия Степановича Клименко (ил. 5) в своей фабуле безжалостно констатировало:

...Со стороны потребителей автотранспорта имеются справедливые нарекания на имеющие место факты лодырничества, рвачества и грубости шоферов автомашин. Так, например, даже в помещении АТУЛа имело место вымогательство хлеба со стороны шофера 3-го таксомоторного парка. Требование кормить обедами без вырезки талонов до того, как приступить к работе, стало со стороны шоферов обыденным явлением. <Это> развито <...> в особенности у водителей грузотакси и 3-го таксомоторного парка. <...> Все эти факты позорят весь коллектив работников АТУЛа и явились результатом расхлябанности, распушенности и безответственности, допущенных руководством трестов и парков, а также отсутствием какой либо воспитательной работы с шоферами, предоставленными самим себе⁷⁵.

Ранее, 26 января 1942 г. Г. С. Клименко, стремясь оптимизировать структуру продолжавших свою деятельность автотранспортных предприятий, обратился в Ленгорисполком. В письме начальник АТУЛ обо-

Ил. 6. Автомобиль М-1 на Дороге жизни. ЦГАКФФД СПб

сновывал целесообразность перевода 3-го таксомоторного парка на Дивенскую улицу — в помещения ликвидированного еще в конце 1939 г. 1-го таксопарка. К этому времени там размещался 1-й грузовой таксомоторный парк Ленинграда. Ввиду малочисленности подвижного состава и штатов два предприятия друг друга бы не стеснили. Обращение было возвращено с визой «Согласен» за подписью заместителя председателя Ленгорисполкома В. М. Решкина⁷⁶. С этого времени по адресу «Конюшенная пл., 2» значится 2-й грузовой автопарк⁷⁷.

Одной из важных вех в работе таксомоторного транспорта Ленинграда в зимние месяцы 1942 г. стало участие в беспрецедентной героической эпопее обеспечения автотранспортных перевозок на Ладожской ледовой трассе «Дорога жизни». Туда, на Военно-автомобильную дорогу № 102, как в официальных документах называлась трасса, из 3-го таксомоторного парка было направлено некоторое количество легковых автомобилей. К сожалению, об этих событиях в документах АТУЛ сохранились лишь косвенные данные, что в данный момент не позволяет осветить работу ленинградских таксистов на Ладоге более подробно (ил. 6)⁷⁸.

Что касается выхода автомашин на линию непосредственно в блокадном Ленинграде, то к середине апреля 1942 г. этот показатель удалось

⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.

⁷⁷ Там же. Д. 13. Л. 14.

⁷⁸ Там же. Д. 11. Л. 19.

⁷⁴ Цитата по: Г. А. Казаков. За рулём... С. 13–14.

⁷⁵ Цит. по: ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 7. Л. 39–40. Сохранена орфография подлинника.

поднять с восьми машиномен в сутки, как это было в зимние месяцы, до тридцати, что полностью соответствовало установленному плану⁷⁹. Если по состоянию на 1 января 1942 г. в 3-м таксомоторном парке насчитывалось всего 23 ходовых автомобиля, то к 1 июня удалось восстановить еще 14 таксомоторов⁸⁰. Важно отметить, что запасные части для легковых автомобилей в блокадный Ленинград не поставлялись⁸¹ — приходилось рассчитывать исключительно на собственные ресурсы.

Не позже 13 мая 1942 г. 3-й таксомоторный парк Ленинграда был переведен из подчинения треста «Ленавтотранс» в структуру треста грузовых перевозок «Ленавтогужтранс»⁸². Под новым руководством работники таксопарка продолжали свой труд до лета 1942 г. Тогда предприятие было ликвидировано⁸³. Сопоставление ряда архивных документов и изложенных в них фактов позволяет сделать вывод о том, что легковой таксопарк вместе со всем штатом был включен в состав 1-го грузового таксомоторного парка Ленинграда⁸⁴. Таким образом, и после ликвидации предприятия его работники продолжили свой труд наравне с другими автотранспортниками системы Ленгорисполкома.

Деятельность грузового таксомоторного транспорта Ленинграда выходит за рамки обозначенной темы и в данной статье не рассматривается.

Восстановление ЛТТ в Ленинграде произошло 1 февраля 1946 г. Тогда к обслуживанию населения были привлечены никогда ранее не эксплуатировавшиеся в городе трофейные автомобили немецкой марки DKW⁸⁵. В свете этого представляется уместным проследить судьбу довоенного подвижного состава ленинградского такси.

Как отмечалось ранее, в Ленинграде в структуре АТУЛ после мобилизации автотранспорта были оставлены лишь наиболее ветхие автомобили М-1. Их амортизационный срок эксплуатации, как можно предположить, истек еще до 1945 г. В свою очередь, мобилизованные таксомоторы оказались в условиях, когда их износ происходил гораздо быстрее установленных норм. Не говоря о том, что многие прежние автомобили-такси были физически уничтожены в ходе боевых действий (ил. 7). Таким образом, некоторые «эмки», возвращенные из армии после

окончания войны, по своему техническому состоянию к эксплуатации в такси оказались совершенно непригодны.

Что же касается таксомоторов ЗИС-101, то не позднее ноября 1942 г. на хранении в 1-м автобусном парке на Днепропетровской ул., д. 18 оказалось некоторое количество автомобилей этой модели, законсервированных в ожидании ремонта⁸⁶. Из них 69 ранее относились к 3-му таксопарку⁸⁷. Лишь в августе 1944 г. ленинградским заводам был направлен заказ на изготовление 16 наименований запасных частей на общую сумму почти 30 тыс. рублей⁸⁸. Тогда коллективу 1-го автобусного парка удалось до конца 1944 г. произвести собственными силами капитальный ремонт 16 автомобилей ЗИС-101⁸⁹. В течение 1945–1946 гг. ремонт прошли еще 27 автомобилей этой же марки. Все они по распоряжению Ленгорисполкома были переданы для дальнейшей эксплуатации в различные ведомственные гаражи Ленинграда и к работе в такси более никогда не привлекались⁹⁰.

Ил. 7. Автомобиль М-1 после боев Великой Отечественной войны. Из частной коллекции

Ленинграда и к работе в такси более никогда не привлекались⁹⁰.

Всего к ноябрю 1946 г. в 1-м автобусном парке оставалось 14 ЗИС-101. Все они относились к подвижному составу прежнего 3-го таксомоторного парка Ленинграда. Состояние этих автомобилей было плачевным, так как за предыдущие полтора года на капитальный ремонт последовательно направлялись наиболее уцелевшие автомобили, возвращение в строй которых требовало наименьших

усилий. По этой причине, а также в связи со снятием с производства модели ЗИС-101 и запасных частей к ней, специалисты АТУЛ посчитали целесообразным разобрать все оставшиеся ЗИС-101 на запчасти⁹¹. Прежде чем это решение было исполнено, последние пять ЗИС-101 были переданы службе скорой медицинской помощи Ленинграда. Там они прошли капитальный ремонт с одновременным переоборудованием

⁷⁹ Там же. Л. 90.

⁸⁰ Там же. Л. 123.

⁸¹ Там же. Л. 87.

⁸² Там же. Д. 13. Л. 23.

⁸³ Г. А. Казаков. За рулём... С. 13.

⁸⁴ ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 10. Л. 24, 87, 100; Там же. Д. 13. Л. 43.

⁸⁵ Чапчаев В. В. Зеленый огонек Ленинграда: К 90-летию государственного таксомоторного транспорта города (краткий исторический очерк). СПб., 2019. С. 13.

⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 9838. Оп. 1. Д. 7. Л. 59.

⁸⁷ Там же. Д. 39. Л. 26.

⁸⁸ Там же. Д. 22. Л. 91.

⁸⁹ Там же. Д. 25. Л. 25.

⁹⁰ Там же. Д. 39. Л. 102.

⁹¹ Там же. Д. 39. Л. 102; Там же. Д. 40. Л. 302-304а.

в санитарные автомобили⁹². В этом качестве прежние таксомоторы еще некоторое время оставались на службе у жителей города.

Самоотверженным трудом работники таксомоторного транспорта Ленинграда, как и все жители города-фронта, внесли свой вклад в общее дело победы в Великой Отечественной войне. И по заслугам их деятельность еще осенью 1941 г. была приравнена к ратному подвигу бойцов и командиров Красной армии⁹³.

К сожалению, раскрыть вопрос деятельности ЛТТ, его предприятия и тружеников в период Великой Отечественной войны в рамках данной работы автору удалось лишь поверхностно. Практически все исследователи, занимавшиеся темой автомобильного транспорта, сосредотачивают свое внимание на соответствующих подразделениях Красной армии, оставляя за рамками исследования работу автопредприятий гражданского подчинения. Исключение составляют работы Я. И. Пономарева и Г. А. Казакова. Но и эти исследователи о деятельности ЛТТ в блокадном Ленинграде пишут крайне скупо: Я. И. Пономарев отдает приоритет автобусному и грузовому автотранспорту; работа Г. А. Казакова, опубликованная в 1977 г., носит публицистический характер, поэтому история ЛТТ вплоть до 1970-х гг. освещается им лишь для справки.

Издание ведомственной многотиражной газеты «Автосигнал» — основного источника сведений о работе пассажирского автотранспорта Ленинграда во второй половине 1930-х гг. — прекратилось сразу после 22 июня 1941 г. Большой потенциал несут в себе делопроизводственные и иные документы. Однако эта категория источников рассредоточена по различным архивным фондам. Выявление и изучение этих документов, а также обобщение содержащейся в них информации требует кропотливой работы, которую автор намерен произвести в будущем в рамках изучения темы гражданского автомобильного транспорта блокадного Ленинграда.

Список литературы

Казаков Г. А. За рулем таксомотора. Л., 1977. — 135 с.

Пономарев Я. И. Но баранку не бросал шофер: Автотранспортники Ленинграда в Великой Отечественной войне. Л., 1988. — 191 с.

Чапчаев В. В. Зеленый огонек Ленинграда: К 90-летию государственного таксомоторного транспорта города (краткий исторический очерк). СПб., 2019. — 40 с.

Vladimir Vladimirovich CHAPCHAEV

Researcher (*spetsialist*), St. Petersburg state unitary enterprise of passenger road transport (St. Petersburg, Russia)

E-mail: chapchaev@mail.ru

The work of taxi in Leningrad during the Second World War (1939–1942)

The article is dedicated to the work of passenger taxi transport in Leningrad during the Second World War in the period of 1939–1942. Key events related to the topic of the article are identified and compared based on an analysis of publications in the departmental multi-circulation newspaper *Avtosignal* (Lenavtotrans Passenger Traffic Authority of the Automobile and Transport Administration under the Executive Committee of the Leningrad City Council of Working People's Deputies) and a number of documents from the funds of the Central State Archive of St. Petersburg. Thanks to this, it became possible to illuminate such areas of taxi transport activity as the movement and production organization, the changes that occurred in them under the wartime factors influence. Particular attention is paid to the period of the Soviet-Finnish War and the interwar period.

Keywords: taxi, Automobile and Transport Administration of the Executive Committee of the Leningrad City Council of Working People's Deputies, Soviet-Finnish War, Blockade of Leningrad, *Avtosignal* newspaper, M-1, ZIS-101.

⁹² Там же. Д. 40. Л. 244–245.

⁹³ Пономарев Я. И. Но баранку не бросал шофер... С. 20.

Вячеслав Вячеславович НИКИТИН

кандидат технических наук, независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vnickitin@mail.ru

ФИНСКАЯ РАДИОРАЗВЕДКА В ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ

В статье на основе архивных документов и публикаций раскрывается деятельность радиоразведки Финляндии против СССР в 1927–1940 гг. Благодаря иностранной помощи финской спецслужбе удалось создать эффективную систему перехвата и дешифровки радиogramм РККА, ВМС и ВВС. В результате командование финской армии имело доступ к секретной советской информации оперативно-тактического характера. Этот факт во многом способствовал срыву первоначальных военных планов СССР.

Ключевые слова: СССР, Финляндия, радиоразведка, перехват, криптоанализ, Советско-финляндская война, Зимняя война.

Неудачи СССР в военной кампании против Финляндии зимой 1939–1940 гг. до сих пор являются предметом многочисленных дискуссий. Красная армия, обладая гигантскими возможностями по сравнению с противником, не смогла разгромить финские вооруженные силы и потеряла ряд чувствительных поражений. Сегодня исследователи сходятся во мнении, что одной из причин, повлиявших на ход Зимней войны, стала высокая эффективность финской радиоразведки¹.

В то же время в отечественной историографии практически отсутствует информация об этой спецслужбе, а опубликованные материалы содержат неточности и заведомо ложные сведения, причины появления которых лежат в идеологической плоскости. Незнание вопроса явилась определяющим фактором при выборе темы данной работы.

История радиоразведки Финляндии неразрывно связана с именем Рейно Халламаа, родившегося 12 марта 1899 г. в Тампере в семье строителя. В 17-летнем возрасте он окончил курсы телеграфистов, после чего работал на узле связи железнодорожной станции Хельсинки². В январе 1918 г. Халламаа присоединился к белой гвардии и стал пулеметчиком в драгунском полку «Уусимаа», в ходе боев был легко ранен, принял участие в параде победителей 16 мая 1918 г. в Хельсинки³. После

окончания Гражданской войны Халламаа продолжил службу в армии и поступил добровольцем в одно из подразделений связи сил береговой обороны. В октябре 1918 г. он был повышен в звании до младшего сержанта, в мае 1919 г. во главе группы из пяти военнослужащих был направлен на остров Суурсаари (Гогланд) для визуального наблюдения за советскими кораблями.

На острове находились две искровые радиостанции фирмы «Marconi» мощностью 25 и 1 кВт, ранее принадлежавшие российскому Балтийскому флоту. Электропитание радиостанций осуществлялось от бензиновых генераторов, потреблявших значительное количество топлива. Поэтому капрал Рангвальд Линд (позднее — Лауткари), ставший впоследствии заметной фигурой в финской радиоразведке, отремонтировал только маломощную радиостанцию и наладил связь со столицей Финляндии.

Осенью условия для визуального наблюдения начали ухудшаться. В инициативном порядке Халламаа и Линд зимой 1919–1920 гг. начали вести наблюдение за радиообменом в районе Кронштадта. Им сопутствовала удача — радист одного из кораблей передал рутинное сообщение открытым текстом, но по требованию принимающей стороны вторично транслировал его в зашифрованном виде. Использовался простейший шифр Цезаря, в котором каждый символ в открытом тексте заменяется символом, находящимся на некотором постоянном числе позиций левее или правее него в алфавите. Так в руках финских специалистов оказался первый ключ к советским военным шифрам⁴.

О результатах своей работы Халламаа доложил по команде и вскоре был вызван в Хельсинки для доклада в генеральном штабе. В качестве награды за успешную работу он был повышен в звании и направлен в Школу офицеров запаса, по окончании которых получил назначение на должность офицера-преподавателя в радиобатальоне, дислоцированном в Сантахамине. К этому времени Халламаа с группой единомышленников в инициативном порядке регулярно занимался перехватом и дешифровкой советских радиogramм. С начала 1925 г. Халламаа читал лекции по криптографии высшим офицерам генерального штаба, в конце года получил чин лейтенанта запаса, после чего был направлен в Высшее военное училище.

Окончив в 1927 г. училище, Халламаа стал кадровым офицером и был откомандирован в распоряжение генерального штаба. В мае 1927 г. под его руководством была проведена демонстрация возможностей радиоперехвата на радиостанции в Куопио⁵. С учетом положительных результатов, полученных в процессе перехвата, 14 июня 1927 г.

¹ См. например, Барышников В. Н. Радиоразведка Финляндии и Зимняя война 1939–1940 годов // Защита информации. Инсайт. 2018. № 5. С. 86–91.

² Pale, E. Suomen radiotiedustelu 1927–1944. Helsinki, 1997. S. 9–10.

³ Brantberg, R. Tiedustelueversti Hallamaa. Tampere, 2014. S. 16–19.

⁴ Ibid. S. 34–39.

⁵ Kronlund, J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. PorvooHelsinki-Juva, 1988. S. 228.

в составе статистического и иностранного отдела (армейской разведки) была образована служба радиоразведки. Рейно Халламаа стал ее первым руководителем.

В июне 1927 г. по просьбе финского генштаба для организации службы радиоразведки руководство абвера направило в Финляндию начальника секции криптоанализа Вильгельма Феннера и обер-лейтенанта Вальтера Зейферта, будущего руководителя аналитического департамента исследовательского бюро имперского министерства авиации⁶. Прибыв в Финляндию, германские специалисты убедились в том, что им придется начать свою деятельность практически с нуля. По свидетельству самого Феннера, в этот момент в Финляндии не было развернуто ни одного пункта перехвата, отсутствовали обученные операторы, специализированная радиоаппаратура и профессиональные криптоаналитики⁷. Прочитав цикл лекций трем сотрудникам радиоразведки, германские специалисты убыли обратно, а на смену им прибыл майор Эрих Фельгибель, с именем которого через несколько лет стали отождествляться все радиотехнические войска вермахта. Благодаря организаторским способностям Фельгібеля, руководившего шифровальным отделением абвера с 1928 г. и в этой должности совершившего несколько поездок в Финляндию, финская радиоразведка быстро стала равноправным партнером своих германских коллег.

Осенью 1928 г. Халламаа был направлен в трехмесячную зарубежную командировку для обучения основам радиоразведки и криптоанализа по маршруту Германия — Италия — Австрия — Польша⁸. В Берлине Халламаа прослушал курс криптоанализа и посетил стационарный и мобильный пункты перехвата, в Италии для нужд радиоразведки были приобретены два длинноволновых радиопеленгатора Эдкока фирмы «Magconi». Позднее пеленгаторы были развернуты в военном городке Валкъярви под Кивиниеми (в настоящее время — Мичуринское) и Котке⁹. В Австрии учителем Халламаа был один из лучших криптоаналитиков своего времени Андреас Фигль, в Польше — сотрудники бюро шифров.

⁶ TICOM DF-187: The Career of Wilhelm Fenner with Special Regard to His Activity in the Field of Cryptography and Cryptanalysis. National Security Agency. Freedom of Information Act. 1949. P. 10.

⁷ TICOM DF-187D. Relations of OKW=Chi with foreign cryptologic bureaux. W. Fenner. Army Security Agency. National Security Agency. Freedom of Information Act. 1949. P. 3.

⁸ Lehtonen, L. (et al.). Sanomansieppaajia ja koodinmurtajia: Suomen radiotiedustelu sodassa. Jyväskylä, 2018. S. 32.

⁹ Heiskanen, R. Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki, 1989. S. 23.

Осенью 1930 г. финский генеральный штаб в одностороннем порядке прекратил обмен разведанными с немецкой военной разведкой вследствие четко обозначившегося советско-германского военного сотрудничества. В это же время начались интенсивные контакты финнов с представителями разведслужб государств-лимитрофов. Особенно тесным было сотрудничество разведслужб Финляндии и Эстонии. В середине ноября 1930 г. была установлена прямая связь между генеральными штабами двух армий по радиоканалу и выделенному проводному каналу связи¹⁰. Весной 1931 г. посты радиомониторинга двух стран приступили к совместному наблюдению за советскими кораблями в Финском заливе и обмену полученной информацией.

Дополнительное ускорение сотрудничеству спецслужб граничащих с СССР государств дало совещание высших должностных лиц армий Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши, состоявшееся в начале 1932 г.¹¹ В 1933 г. был развернут пункт радиоперехвата в Петсамо, специализировавшийся в основном на мониторинге широкоэмиттерных радиостанций, затем был открыт аналогичный пункт в Каяни¹². Отношения с Германией были нормализованы весной 1935 г., в этом же году, пункт радиоперехвата был перенесен из Валкъярви в Лахденпохью. К лету 1936 г. в Финляндию было поставлено новейшее коротковолновое связное и пеленгационное оборудование производства компании «Telefunken». После закупок оборудования финская разведка приступила к развертыванию временных пунктов перехвата на побережье Финского залива¹³. В 1938 г. сотрудничество радиоразведок Финляндии и Германии было окончательно закреплено: во время поездки германской правительственной делегации по Финляндии руководитель абвера адмирал В. Канарис, сославшись на усталость, остался в Хямеэнлинне и провел несколько дней в обществе руководителя финской радиоразведки Рейно Халламаа (ил. 1)¹⁴.

В первой половине 1939 г. в распоряжении финской радиоразведки имелось два стационарных пункта радиоперехвата — в Лахденпохье (перехват трафика РККА) и Терийоки (перехват трафика Балтийского флота)¹⁵. Штаб радиоразведки составлял 42 человека¹⁶. Определенных

¹⁰ Leskinen, J. Vaiettu Suomen silta: Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta Neuvostoliiton varalta vuosina 1930–1939. Helsinki, 1997. S. 162.

¹¹ Ibid. S. 129–130.

¹² Heiskanen, R. Op. cit. S. 23.

¹³ Kronlund, J. Op. cit. S. 460.

¹⁴ Lehtonen, L. (et al.). Op. cit. S. 56–57.

¹⁵ Ibid. S. 58.

¹⁶ Heiskanen, R. Op. cit. S. 29.

Ил. 1. Руководитель радиоразведки Финляндии майор Рейно Халламаа. Хельсинки, март 1940 г. Фотобанк Оборонительных сил Финляндии SA-kuva, № 7781

успехов добилась финская крипто-аналитическая служба. Согласно информации, предоставленной финнами представителям шведской разведки, им удалось взломать несколько четырехзначных кодов, используемых советскими ВВС и ВМС, а также органами НКВД. Финская радиоразведка к этому времени существовала независимо от войск связи и была превосходно оснащена оборудованием германского и американского производства. Тактика мониторинга основывалась на постоянном отслеживании конкретных советских радиостанций; сплошной контроль определенного диапазона частот или заданного географического района не производился¹⁷.

Незадолго до начала военных действий с СССР Рейно Халламаа предложил шведской разведке вы-

годную сделку — результаты взлома советских кодов в обмен на оборудование для радиоперехвата. В результате финнам удалось получить со складов шведской армии от 70 до 80 (по различным источникам) американских радиоприемников «National NC-100», что полностью закрыло их потребности в высококачественном приемном оборудовании на время Зимней войны¹⁸. Информация, предоставленная Халламаа шведской разведке, имела высокую ценность. 20 августа 1939 г. майор Халламаа «за помощь, которую он оказывал в течение года вооруженным силам Швеции», был возведен в рыцарское достоинство 1-го класса ордена Меча — государственной награды, присуждаемой исключительно за военные заслуги¹⁹. В этот же день в Суоменлинне начал свою работу специализированный пункт радиосвязи с дружественными радиоразведками²⁰. Менее чем через две недели началась Вторая мировая война.

5 октября 1939 г. финляндские представители были приглашены в Москву, где им были озвучены советские требования о переносе границы на Карельском перешейке. Через четыре дня финский военный атташе в Риге майор Эрки Халлакорпи дипломатическим кодом передал в Хельсинки информацию, полученную от латвийских разведчиков: два стрелковых и один бронетанковый корпус РККА перебрасываются с бывшей польской территории на советско-финляндскую границу. Председатель Совета обороны Г. Маннергейм был вынужден подписать приказ о начале 10 октября внеочередных маневров финской армии, на практике означавших скрытую мобилизацию²¹.

18 октября приказом министра обороны Юхо Ниукканена была образована ставка командования финской армии. Разведывательное управление ставки возглавил полковник Ларс Меландер. В управление вошли иностранное отделение (военные атташе), отделы разведки и надзора (ил. 2). Радиоразведка вошла в состав отдела разведки как самостоятельное отделение (Tied. 2), которое возглавил майор Р. Халламаа²². Его главной задачей во время внеочередных маневров стала передислокация подразделений радиоразведки из приграничных районов вглубь Финляндии. Центр радиоперехвата из Лахденпохья был перебазирован в местечко Туусула в 25 км севернее Хельсинки, туда же были перенесены центр связи с иностранными радиоразведками, инженерно-техническое подразделение и пост мониторинга из Каяни (четыре человека). Центр радиоперехвата из Терийоки был перемещен в деревню Сяяминки под Савонлинной, пост радиоперехвата из Петсамо (три человека) был перенесен в Ивало²³. Сразу после начала военных действий с СССР из офицеров запаса была сформирована группа контроля иностранных широкоэмиттерных радиостанций численностью около 20 человек, которая первоначально дислоцировалась в Суоменлинне, а затем была переведена в здание офицерского клуба в хельсинкском районе Катаянокка²⁴.

Центр радиоперехвата в Сяяминки (Tied. 2/SI) насчитывал пять постов контроля эфира, которые обслуживали 30 операторов и три криптоаналитика. Его главной задачей был контроль радиотрафика РККА. Центр радиоперехвата в Туусула (Tied. 2/Me) вел наблюдение за военноморским радиотрафиком и имел четыре поста контроля, 20 операторов и трех криптоаналитиков. Позднее сюда были переведены еще не-

¹⁷ Beckman Bengt, McKay C. G. Swedish Signal Intelligence 1900–1945. 2002. P. 84.

¹⁸ Pale E. Op. cit. S. 237.

¹⁹ Lehtonen, L. (et al.). Op. cit. S. 59.

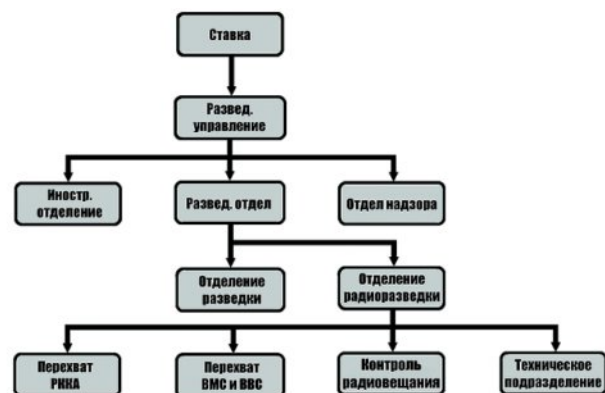
²⁰ Pale E. Op. cit. S. 157–158.

²¹ Kansallisarkisto. Sotapäiväkirjat-kokoelma. Talvisodan sotapäiväkirjat. Päämaja. Operatiivinen osasto. Maavoimatoimisto 1939–1939 (SPK 2787). S. 4.

²² Heiskanen, R. Op. cit. S. 86–87.

²³ Lehtonen, L. (et al.). Op. cit. S. 70–71.

²⁴ Heiskanen, R. Op. cit. S. 110.

Ил. 2. Радиоразведка в структуре разведорганов финской Ставки. По материалам: Heiskanen, R. *Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945*. Helsinki, 1989. S. 86–87

сколько специалистов по дешифровке во главе с выдающимся финским математиком Рольфом Неванлинна²⁵. Общая численность персонала радиоразведки перед началом Зимней войны составляла 79 человек, включая секретаря и десять работников канцелярии²⁶. Отечественные исследователи ставят эту цифру под сомнение, но никаких документальных доказательств своей теории не приводят²⁷.

Исследование эффективности работы финской радиоразведки во время военных действий 1939–1940 гг. представляется достаточно сложной задачей, поскольку почти все документы этой спецслужбы в сентябре 1944 г. были вывезены в Швецию и через два года уничтожены²⁸. В Финляндии первое упоминание об использовании радиоперехвата во время Зимней войны появилось только спустя 28 лет после ее окончания²⁹. В то же время в Национальном архиве Финляндии имеются сведения о более чем 2000 перехваченных радиোগрамм частей РККА, советских

²⁵ Heiskanen, R. Op. cit. S. 87.

²⁶ Ibid. S. 23.

²⁷ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2013. С. 123.

²⁸ Heiskanen, R. Salainen Stella Polaris. Helsinki, 1994. S. 66.

²⁹ Lehtonen, L. (et al.). Op. cit. S. 22.

ВМС и ВВС³⁰. Указанные документы относятся к результатам контроля эфира в районе Карельского перешейка и акватории Финского залива и наглядно свидетельствуют о том, что деятельность финской радиоразведки стала главным источником информации, раскрывающим деятельность советских войск.

Автор проанализировал 1905 сообщений, перехваченных в период с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. включительно. Из них 714 сообщений являются дешифрованными радиограммами частей РККА, 584 сообщения — радиограммы Балтийского флота, включая его береговые части (гарнизоны островов, Береговой отряд сопровождения и т. д.), 607 сообщений — радиограммы ВВС КБФ, включая части, дислоцированные в Прибалтике. В ходе боевых действий общий объем перехваченной информации постоянно возрастал от месяца к месяцу за исключением января. Это объясняется наступлением периода позиционной войны на Карельском перешейке и окончанием навигации в восточной части Финского залива (ил. 3).

Изученные документы наглядно свидетельствуют о том, что финской радиоразведке удавалось перехватывать информацию по цепочке штаб ЛВО — 7-я армия — корпус — дивизия — бригада, причем подавляющее число перехваченных радиограмм пришлось на танковые части. Это объясняется тем, что в условиях Карельского перешейка стрелковые части РККА максимально использовали проводную связь. Дешифрованные данные содержали информацию о боевом порядке 7-й армии, а затем и 13-й армии (с 28 декабря), дислокации частей и соединений, их вооружении, боеприпасах, состоянии материальной части, оперативных задачах, потерях и т. д. Например, в ночь на 5 декабря 1939 г. был перехвачен приказ командующего 7-й армией командиру 10-го танкового корпуса:

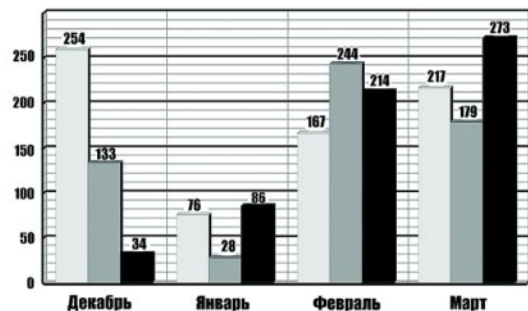
Требую, чтобы утром 5.12 началось наступление на Кивиниеми.

18 декабря командир 10-го танкового корпуса сообщал в штаб 7-й армии:

10-й танковый корпус — лагерь Бобошино, 18.12.1939 в 01.00, карта 1:100 000. Расположение частей корпуса: 13-я танковая бригада ушла в район 63138, 1-я танковая бригада — 63317 и 15-я мотострелковая бригада — 62066.

Весьма любопытной представляется радиограмма за подписью начальника политотдела 35-й легкой танковой бригады батальонного ко-

³⁰ Kansallisarkisto. Sotapäiväkirjat-kokoelma. Talvisodan sotapäiväkirjat. Päämaja. Tiedusteluosasto 1939–1940 (SPK 3444).

Ил. 3. Количество перехваченных радиোগрам в полосе наступления 7-й и 13-й армий. По материалам Национального архива Финляндии (Kansallisarkisto)

миссара Я. Е. Агароника, направленная в штаб 105-й танковой бригады 8 марта 1940 г.:

В день 50-летия В. И. Молотова напоминаем о необходимости взятия Выборга сегодня! Мобилизовать весь личный состав для выполнения требований военного совета³¹.

В радиосети КБФ перехвачено и дешифровано как минимум 584 радиোগраммы (штаб флота, линейные корабли, отряд легких сил, бригады подводных лодок, части береговой обороны и т. д.). В результате изучения перехваченных сообщений удалось получить информацию о местах базирования кораблей флота и частей береговой обороны, о готовящихся боевых операциях и их результатах, авариях, тралении минных полей и т. д. Например, 10 декабря в 03.30 по финскому времени (на час меньше московского) перехвачено сообщение подводной лодки Щ-323 о потоплении эстонского судна «Kassari», следовавшего порожняком из Швеции в Таллин. В 16.00 перехвачено сообщение подводной лодки С-1 о потоплении германского судна «Bollheim», перевозившего целлюлозу из Финляндии. Заметим, что в обоих случаях речь шла о судах нейтральных государств, причем пароход «Kassari» был потоплен вне зоны блокады, о которой советское правительство объявило 8 декабря. 17 декабря в 06.30 перехвачено донесение бригады линейных кораблей в штаб КБФ о готовности к боевому походу, в 23.20 перехвачен запрос линкора «Октябрьская революция» на выделение самолета-корректировщика для обеспечения стрельб по береговой

³¹ Ibid. S. 4, 20, 122.

батареи Сааренпяя. Интересно, что 13 марта 1940 г. в 6.00, т. е. спустя всего два часа после подписания в Москве договора о мире с Финляндией, было перехвачено сообщение об этом начальника штаба КБФ контр-адмирала Ю. А. Пантелеева. Аналогичное сообщение начальника штаба сил береговой обороны КБФ было перехвачено в 7.00.

В радиосетях ВВС КБФ за время военных действий перехвачено и дешифровано 607 радиোগрамм различного содержания. Приведем некоторые из них. Утром 9 декабря 1939 г. командование ВВС КБФ передало:

Летчикам запрещается брать в полет документы и эстонские деньги.

25 февраля 1940 г. начальник штаба ВВС КБФ сообщил оперативному дежурному 10-й авиабригады:

Сводка погоды на 8.00 в районе Петергоф — Липово: снегопад, видимость от 100 м до 4 км, ветер север, северо-восток, 6–12 м/с, температура от 8 до 12 градусов мороза.

2 марта 1940 г. в 22.45 было перехвачено донесение начальника штаба 15-й отдельной морской разведывательной авиаэскадрильи в штаб 10-й авиабригады ВВС КБФ в Таллине:

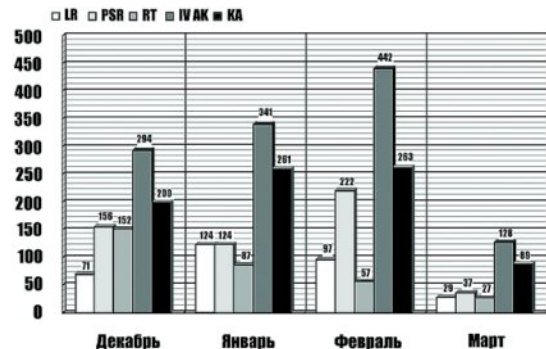
Задание по бомбардировке острова Утё не выполнено. Самолеты вернулись вследствие неблагоприятных погодных условий. Один самолет бомбардировал Руссарё, бомбы разорвались в центре острова. Самолет обстрелян зенитной артиллерией. Израсходовано 640 кг топлива, 40 кг масла, 5 бомб весом 70 кг и 6 бомб весом 50 кг³².

Результаты радиоперехвата легли в основу 4096 разведдонесений, переданных из разведотдела в оперативный отдел ставки. По районам боевых действий донесения распределены следующим образом: армия «Перешек» — 813 донесений, IV корпус — 1205 донесений, группа Талвела — 323 донесения, группа «Северная Финляндия» — 539 донесений, группа «Лапландия» — 312 донесений. В штаб ПВО за время боевых действий было направлено 273 разведдонесения, в другие структуры — 557 донесений³³. Распределение разведдонесений во времени соответствует интенсивности боев на том или ином участке фронта (ил. 4).

Наибольшее количество разведанных получено в зоне ответственности IV армейского корпуса. Объясняется этот факт достаточно просто — 6 января 1940 г. в районе Леметти были блокированы штаб 18-й стрелковой дивизии и ряд ее подразделений, 10 января были окончательно перерезаны коммуникации 168-й стрелковой дивизии в районе Кити-

³² Ibid. S. 9–103.

³³ Heiskanen R. Op. cit. 1989. S. 89.

Ил. 4. Распределение данных радиоразведки по оперативным направлениям. LR — группа «Лапландия», PSR — группа «Северная Финляндия», RT — группа Талвела, IVAK — IV армейский корпус, KA — армия «Переиеек». По материалам: Heiskanen, R. Saadun tiedon mukaan... Päätäjän johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki, 1989. S. 89

ля. Окруженные подразделения были вынуждены поддерживать связь по радио, выдавая тем самым противнику огромное количество информации. Наиболее тяжелая обстановка сложилась на участке окружения 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкой танковой бригады. Эти соединения были блокированы финнами в двенадцати разобщенных «котлах», из которых десять были ликвидированы к концу февраля. Хорошо зная положение внутри «котлов», финская армия блокировала окруженные части РККА подразделениями, значительно уступавшими им в огневой мощи. Например, охранение района окружения «Леметти Восточное» в некоторые дни несло всего 27 финских лыжников³⁴. После ликвидации этого «котла» 29 февраля трофеями финской армии стали 71 танк и 12 броневедомостей³⁵. Всего в боях под Питкярантой безвозвратные потери 18-й дивизии составили 6483 человека и стали самыми большими среди всех соединений РККА, принимавших участие в боевых действиях. В числе трофеев, захваченных финнами, оказалось знамя 18-й дивизии. 168-я стрелковая дивизия потеряла 6742 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Потери 34-й танковой бригады составили 902 человека убитыми, 414 — ранеными, 291 — пропавшими без вести³⁶.

³⁴ Jokinen, P. Suomen radiotiedustelu talvisodassa. Esitelmä Ruutiukkojen lounaskokouksessa 02.04.2012.

³⁵ Talvisodan historia 3. Sotatoimet Laatokan ja Jäämeren välillä. Sotatieteen laitos. Sotahistorian toimisto. Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1991. S. 92.

³⁶ Раунио, А., Кулин Ю. Сражения Зимней войны. Петрозаводск, 2014. С. 206, 207.

Финская радиоразведка сыграла важную роль в окружении частей 9-й армии в районах Суомуссалми — Раате (163-я и 44-я дивизии) и Кухмо (54-я дивизия). Штаб группы «Северная Финляндия» получил 493 разведдонесения, непосредственно связанных с радиообменом частей РККА в указанных районах. От перехвата сообщения до появления его на столе командующего группой полковника Х. Сииласвуо проходило не более шести часов³⁷. Результаты боев хорошо известны — в январе 1940 г. под Суомуссалми финская армия одержала самую известную победу Зимней войны. Факт расстрела командира 44-й стрелковой дивизии А. И. Виноградова по решению трибунала 9-й армии сразу же стал известен финнам и был использован ими в пропагандистских целях³⁸. Следует отметить, что под Суомуссалми трофеем финской армии стало описание общевоинского четырехзначного кода ОКК-5, сыгравшее впоследствии важную роль в истории радиоразведок Великобритании и США³⁹.

54-я стрелковая дивизия, окруженная в конце января, понесла тяжелые потери и была деблокирована только после прекращения боевых действий в марте 1940 г., а пытавшаяся прорвать кольцо окружения извне лыжная бригада под командованием полковника В. Д. Долина была полностью уничтожена⁴⁰.

Значительный объем информации своим финским коллегам предоставила радиоразведка Эстонии (26 человек по состоянию на июнь 1940 г.). Во время польской кампании РККА в сентябре 1939 г. капитан Олев Ыун сумел взломать новейший общевоинской пятизначный код «ОК40», используемый в корпусном и дивизионном звене⁴¹. Эстонцам удалось перехватить множество сообщений, передаваемых в радиосетях Особой авиационной группы под командованием комбрига Г. П. Кравченко, базировавшейся на островах Сааремаа, Хийумаа и в континентальной части Эстонии. Майор Рейно Халламаа ежедневно связывался по телефону со своим эстонским коллегой капитаном Андресом Калмусом и получал от него дешифрованные сообщения по фототелеграфу. Летом 1940 г. Калмус и Ыун перебрались в Финляндию. Ыун был зачис-

³⁷ Lehtonen, L. (et al.). Op. cit. S. 89.

³⁸ Kansallisarkisto. Sotapäiväkirjat-kokoelma. Talvisodan sotapäiväkirjat. IV Armeijakunnan esikunta 1940–1940 (SPK 123). S. 130.

³⁹ Aldrich, R. GCHQ. The Uncensored Story of Britain's Most Secret Intelligence Agency. London, 2010. P. 32. R. Johnson, Thomas. American Cryptology During the Cold War, Vol. 1 p. 160–168.

⁴⁰ Раунио, А., Кулин Ю. Указ. соч. С. 164–169.

⁴¹ Juurvee, Ivo. Estonian Interwar Radio-Intelligence. Baltic Defence Review. 2003. № 10. Vol. 2. P. 131.

лен на службу в финскую радиоразведку, а Калмус стал офицером связи подразделения абвера «Kriegsorganisation Finnland» при генеральном штабе финской армии⁴².

Важным союзником финнов по «войне в эфире» стала радиоразведка Латвии (штат — около 30 человек). Инициатором активизации латвийско-финского сотрудничества стал командующий латвийской армией генерал Кришьянис Беркис. Благодаря Беркису латвийская радиоразведка приступила к перехвату радиogramм советских воинских частей, ведущих боевые действия севернее Ладожского озера. Вся информация передавалась по дипломатическим каналам, расшифровывалась в финском МИДе и только после этого поступала в распоряжение армии. Первое сообщение от латвийской радиоразведки датировано 5 декабря 1939 г., последнее — 13 марта 1940 г.; всего за время военных действий с СССР в Финляндию было отправлено 56 сводок о перемещениях войск РККА, их вооружении, задачах, а также о положении окруженных частей и их снабжении⁴³.

Руководитель латвийского департамента радиоразведки Карлис По-риетис впоследствии отмечал, что еще до Советско-финляндской войны благодаря сотрудничеству с польскими коллегами его службе удалось взломать несколько кодов НКВД, а также общеармейской код Красной армии ОКК-5, который с разными ключами применялся всеми родами войск. После начала Зимней войны выяснилось, что части РККА на финском фронте используют коды, применявшиеся в мирное время, поэтому департамент радиоразведки смог оказать финнам существенную информационную поддержку⁴⁴.

Существует мнение о том, что «в период ожесточенных боев финнов с русскими зимой 1939/40 г. Швеция передавала своему соседу разведывательные данные, полученные путем чтения советской шифрпереписки»⁴⁵. Это утверждение абсолютно не соответствует действительности. По мнению самих шведских военных, перед началом Второй мировой войны государства Балтийского региона (Польша, Финляндия, Эстония) значительно опережали Швецию в развитии радиоразведки. В январе 1940 г. в шведском центре радиоразведки несли службу всего 18 человек, ориентированных на перехват трафика КБФ. Первых серьезных успехов шведские криптоаналитики достигли только после визита профессора Арне Бёрлина и руководителя департамента криптоанализа Оке Россбю

в финский центр радиоперехвата Tied. 2/Me в январе 1940 г.: через три месяца им удалось взломать четырех- и пятизначный коды советских ВМС⁴⁶.

Таким образом, к началу Второй мировой войны финскому военному командованию удалось создать эффективную спецслужбу, ориентированную на перехват информации оперативного и тактического характера в радиосетях РККА, ВМС, ВВС и НКВД. В результате оно смогло правильно определять текущие замыслы советских военачальников. Это во многом обусловило неудачное развитие наступления частей Красной армии на ряде направлений и срыв основных первоначальных военных планов СССР.

Список литературы

- Барышников В. Н. Радиоразведка Финляндии и Зимняя война 1939–1940 годов. / Защита информации. Инсайт. — 2018. — № 5. — С. 86–91.
- Кан, Д. Взломщики кодов. М.: Центрполиграф, 2000. 471 с.
- Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск: Версо, 2013. 295 с.
- Раунио, А., Кулин Ю. Сражения Зимней войны. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ГУ, 2014. 320 с.
- Aldrich, R. GCHQ. The Uncensored Story of Britain's Most Secret Intelligence Agency. London: Harper Press, 2010, 634 p.
- Brantberg, R. Tiedustelueversti Hallamaa. Tampere: Revontuli, 2014. 224 s.
- Heiskanen, R. Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki: Otava, 1989. 333 s.
- Heiskanen, R. Salainen Stella Polaris. Helsinki: Otava, 1994. 96 s.
- Johnson, T. American Cryptology During the Cold War: The Complete Declassified Official Four-Volume History of the NSA. Vol. 1. St Petersburg, Florida: Red and Black Publishers, 2017. 247 p.
- Jokinen, Pertti. Suomen radiotiedustelu talvisodassa. Esitelma Ruutiukkojen Iouaskokouksessa 02.04.2012. Интернет-сайт «Финского клуба Тампере» <http://www.tampereensuomalainenklubi.fi/>
- Juurvee, Ivo. Estonian Interwar Radio-Intelligence. Baltic Defence Review № 10, Vol. 2 (2003). PP. 123–137.
- Kronlund, J. Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1988. 615 s.
- Lehtonen, L., Liene, T., Manninen, O. Sanomansieppaajia ja koodinmurtajia: Suomen radiotiedustelu sodassa. Jyväskylä: Docendo, 2018. 448 s.
- Leskinen, J. Vaiettu Suomen silta: Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta Neuvostoliiton varalta vuosina 1930–1939. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997. 462 s.
- Pale, E. Suomen radiotiedustelu 1927–1944. Helsinki: Viestikoelaitoksen kilta, 1997. 261 s.
- Ščerbinskis, V. Somija Latvijas ārpolitikā 1918–1940: promocijas darba kopsavilkums. Riga: Latvijas Vēstures Institūta Apgāds, 2003. 220 s.
- Talvisodan historia 3. Sotatoimet Laatokan ja Jäämeren välillä. Sotatieteen laitos. Sotahistorian toimisto. Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1991. 349 s.

⁴⁶ Beckman Bengt, McKay C. Op. cit. PP. 94–95, 111, 120–121.

⁴² Pale, E. Op. cit. S. 235.

⁴³ Lehtonen, L. (et al.). Op. cit. S. 79.

⁴⁴ Ščerbinskis, V. Somija Latvijas ārpolitikā 1918–1940: promocijas darba kopsavilkums. Riga, 2003. S. 134–136.

⁴⁵ Кан, Д. Взломщики кодов. М., 2000. С. 220.

Viacheslav NIKITIN

Ph. D. in Radio Engineering (*kandidat tehnikeskikh nauk*), independent researcher (St. Petersburg)

E-mail: vnickitin@mail.ru

FINNISH SIGNAL INTELLIGENCE IN WINTER WAR

The article reveals the activities of Finnish signal intelligence against the USSR in 1927–1940. Thanks to foreign assistance, the Finnish SIGINT created an effective system for intercepting and decoding of the Red Army, Navy and Air Force messages. Finnish army's HQ had access to classified Soviet information as a result of SIGINT activity. This fact largely contributed to the disruption of the initial military plans of the USSR.

Keywords: USSR, Finland, signal intelligence, interception, codebreaking, Soviet-Finnish war, Winter war.

УДК 94 (47).084.6

ББК 63.3 (2) 621

Павел Николаевич ЕРМОЛАЕВ

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: paulermo@mail.ru

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ФОРТА ХУМАЛЙОКИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 гг.¹

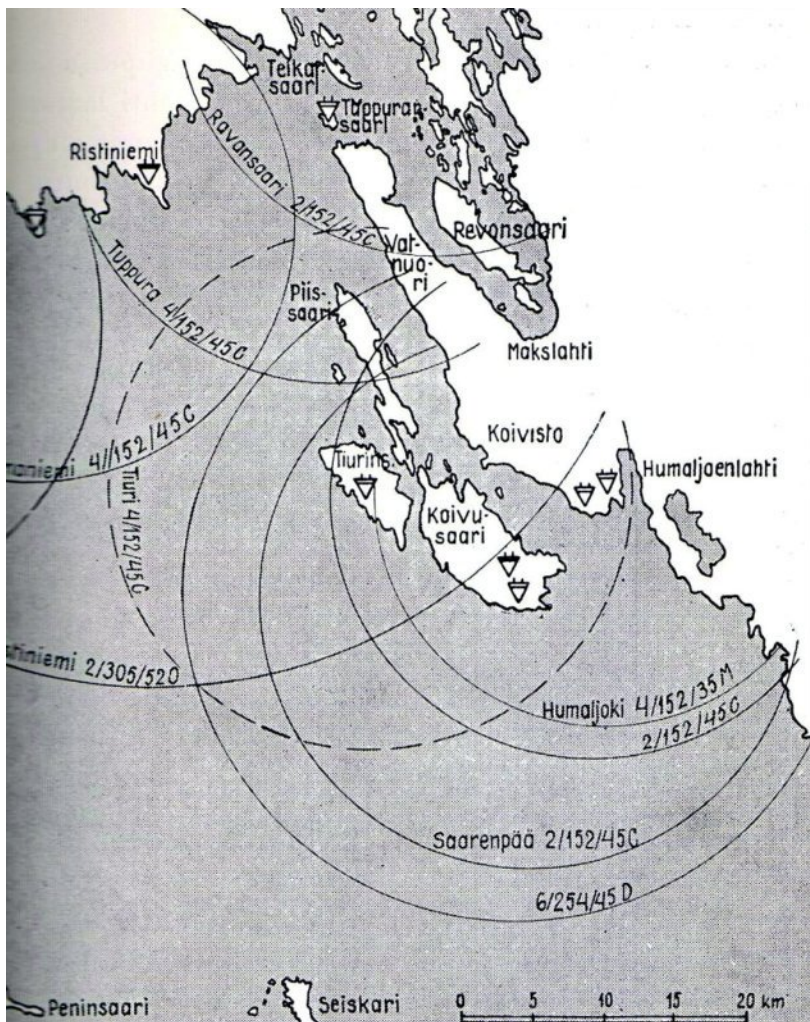
Статья посвящена малоизвестным эпизодам Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) на Карельском перешейке, в частности, боевым действиям форта береговой обороны Хумалйоки, входившего в систему финской обороны побережья Финского залива на правом фланге линии Маннергейма в районе Койвисто (Приморск). Батареи форта Хумалйоки, наряду с батареями береговой обороны на о. Бьёрке, являлась одним из ключевых факторов приостановки советского наступления в декабре 1939 г. на этом участке фронта. В статье также приводится история строительства батарей Хумалйоки в период Первой мировой войны. В работе использованы данные журнала боевых действий форта Хумалйоки из Национального архива Финляндии и других малоизвестных финских и отечественных источников.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Зимняя война, линия Маннергейма, Койвисто, Хумалйоки, 2-й полк береговой обороны, RTR 2, оборона Выборгского залива, Березовые острова, Сааренпяя, Муурилла, финские батареи, орудия Канэ, С. Хяуринен.

При описании событий Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. на Карельском перешейке, как правило, основное внимание уделяется наступательным действиям советских войск по прорыву линии Маннергейма на центральном участке линии фронта, что вполне объяснимо. При этом боевые действия на других направлениях, в частности на приморском участке, зачастую остаются «за кадром». К малоизученным в отечественной историографии темам можно отнести описание боев Советско-финской войны на побережье на подступах к Выборгскому заливу и в районе архипелага Березовых островов (старое название — Бьёркский архипелаг). Исключение составляют несколько статей П. В. Петрова, посвященные операциям КБФ против финских батарей на о. Бьёрке (ныне Большой Березовый)² и действиям Берегового отряда сопровождения на этом участке. При этом практически не упоминается

¹ Автор выражает большую признательность Вячеславу Никитину за предоставленную литературу по теме и помощь в работе над статьей.

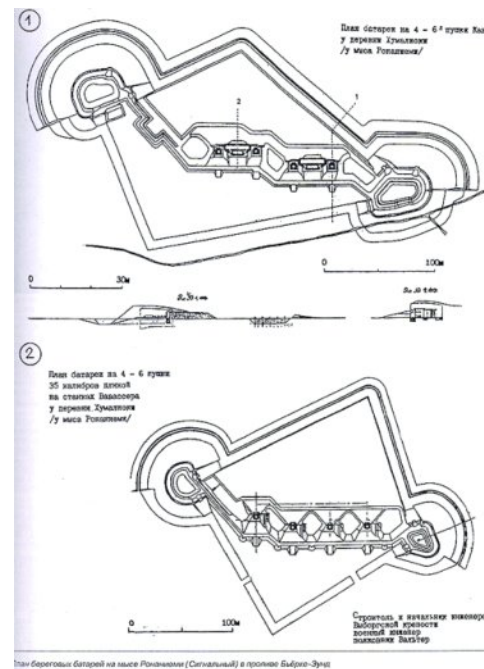
² Бьёрке — шведоязычное название, в финской топонимике остров именуется Койвистонсаари.

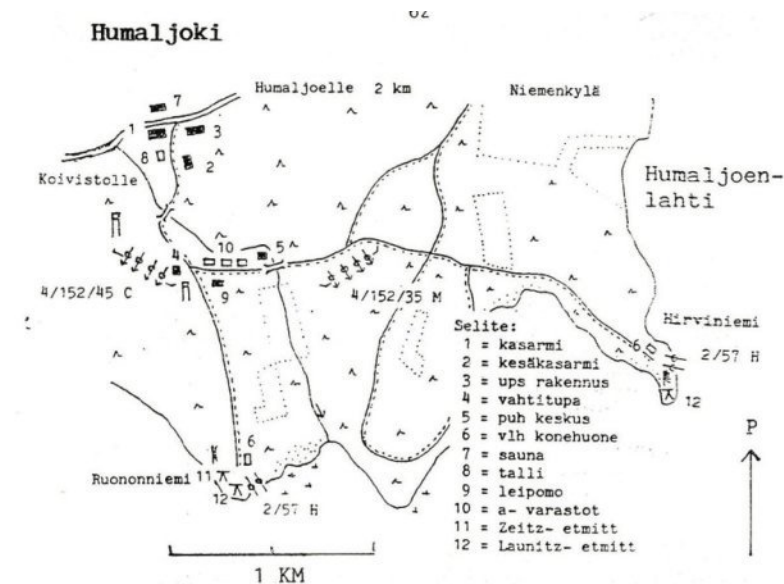
Ил. 1 Схема расположения финских батарей сектора обороны Коивисто

роль батарей форта Хумалиоки³ в организации финской обороны правого фланга укреплений линии Маннергейма на побережье Финского залива. Между тем форт Хумалиоки наряду с батареями береговой обо-

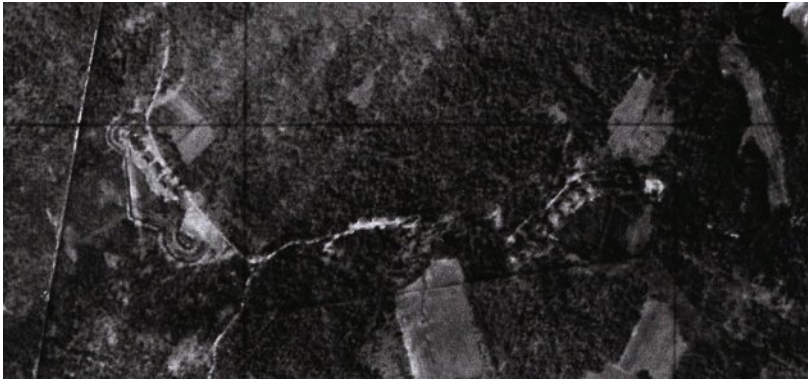
³ Финн. Humaljoki. Другие варианты написания — Хумалиоки, Хумальёки.

Ил. 2. Российский чертеж береговых батарей у д. Хумалиоки. Изображение из статьи С. Прямыцкого «Приморская крепость Выборг (1710–1918)»

Ил. 3. Финская схема расположения сооружений форта Хумалиоки. Изображение из книги Rannikkotyökirjasto 2. 1918–1940.

Ил. 4 Фрагмент финского аэрофотоснимка 1939 г. батарей форта Хумалйоки

роны на о. Бьёрке являлся одним из ключевых факторов приостановки советского наступления в декабре 1939 г. на этом участке фронта (ил. 1).

История строительства форта Хумалйоки связана с проектом модернизации и усиления приморской позиции крепости Выборг, принятым в 1913 году Военным министерством Российской империи. Наряду со строительством целого ряда батарей береговой обороны, на островах Выборгского залива предусматривалось создание минно-артиллерийской позиции при входе в пролив Бьёркезунд. Помимо тяжелой батареи на о. Бьёрке, было запланировано строительство береговых батарей на материке в 3 км от деревни Хумалйоки (ныне п. Ермилово Выборгского района Ленинградской области)⁴.

Проект строительства включал в себя две батареи, разнесенные друг от друга на расстояние около 800 м: правофланговую 4-орудийную батарею 152-мм орудий Канэ, развернутую фронтом на запад в сторону пролива Бьёркезунд, и левофланговую 4-орудийную батарею 152-мм орудий образца 1877 г. на лафете системы Вавассера, направленную фронтом на юго-запад, в сторону открытого моря. Сами орудия в Хумалйоки были доставлены из Кронштадтской крепости, в частности с фортов «Милютин» и «Демидов»⁵ (ил. 2).

Руководил строительством форта начальник инженеров Выборгской крепости полковник Н. Г. Вальтер (1870–?). В Национальном архиве Фин-

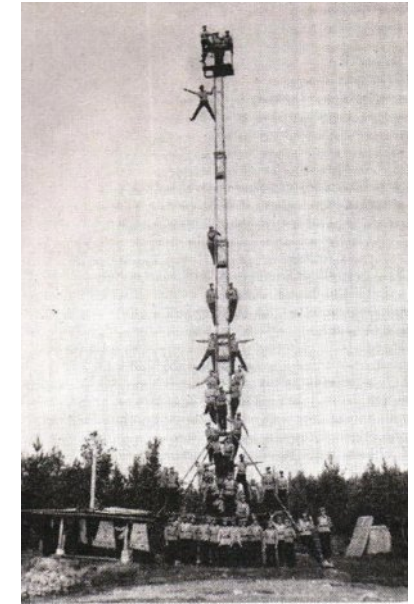
⁴ Прямицкий С. Д. Приморская крепость Выборг (1710–1918) // Цитадель. 2004 № 11.

⁵ Ткаченко В. Ф. К вопросу о перемещении орудий крепости Кронштадт. 1914–1944 годы // Цитадель. 2008. № 14.

Ил. 5. Орудие 152-мм образца 1877 г. на лафете системы Вавассера левофланговой батареи форта Хумалйоки. Первоначальный вид оружейного двора. Фото 1920-х годов из книги «Koivisto ja Viipurinlahti 1939–44»

Ил. 6 Солдаты гарнизона форта Хумалйоки на наблюдательной вышке. Фото 1920-х годов из книги «Koivisto ja Viipurinlahti 1939–44»

Ил. 7. Командир участка обороны Койвисто майор Н. Кесямя. Фото из книги «Koivisto ja Viipurinlahti 1939–44»

Ил. 8. Командир форта Хумалйоки капитан С. Хярүрinen. Фото из книги «Rannikotykisorykmentti 2. 1918–1940»

ляндии (Kansallisarkisto) содержится большое количество русских чертежей, относящихся к периоду строительства различных сооружений форта.

К концу 1916 г. строительство батарей Хумалйоки было завершено и они были введены в штат передовой позиции Выборгской крепости. Был построен военный городок, включавший казармы, офицерские дома, оружейные погреба, гауптвахту, конюшню, телефонную станцию и другие подсобные строения.

Ближе к берегу, на оконечности мысов Руонанниеми (Ронаниеми) и Хирвиниеми были размещены противодесантные позиции из двух двух-орудийных батарей с 57-мм орудиями Норденфельда. Там же располагались прожекторные станции и дальномерные посты, оборудованные новейшими на тот момент дальномерами Цейсса и Лауница (ил. 3).

После обретения Финляндией независимости форт Хумалйоки был включен в состав сформированного 2-го полка береговой артиллерии (Rannikotykisorykmentti 2, сокращенно RTR2) (ил. 4).

В 20-х гг. батареи Хумалйоки были подвергнуты некоторой модернизации. На батарее Канэ взамен временных земляных были построены бетонные орудийные дворики. Правофланговая батарея была оборудована бетонными погребами для хранения боекомплекта и укрытия личного состава, была построена бетонная наблюдательная вышка, дальномерные посты были переоборудованы в бетонные. Орудия на станках Вавассера были модернизированы, что позволило увеличить дальность боя до 15 км. В 30-х годах форт Хумалйоки служил учебной базой школы унтер-офицеров резерва (RUK-RTR2), располагавшейся на о. Бьёрке в районе батареи Сааренпяя (в 5 км от одноименной деревни). В 1936 г. два орудия Канэ были сняты с правофланговой батареи форта и направлены на оборудование 152-мм батареи Сааренпяя⁶ (ил. 5, 6).

Перед Зимней войной форт Хумалйоки вместе с батареями на островах Бьёрке и Тиуринсаари (Торсаари) входил в состав боевого участка (сектора) Койвисто (Koiviston alalohko) Выборгского укрепленного района (Viipurin lohko) 2-го полка береговой артиллерии. Полком с 1922 г. командовал полковник, бывший офицер Русской армии и участник Первой мировой войны Арво Лютинен. Он же был командующим Выборгского укрепленного района. Командиром участка обороны Койвисто был майор Н. Кесьяма. Форт Сааренпяя на о. Бьёрке, включавшем 6-орудийную батарею 254-мм орудий системы Дурляхера (командир капитан Кютёпура) и 2-орудийную 152-мм батарею (командир ст. лейтенант Хулма), командовал майор Миеттинен. Форт Тиуринсаари (о. Торсаари, совр. о. Зап. Березовый) включал 4-орудийную 152-мм батарею и 3 легких орудия под командованием капитана Лааконена. В состав сектора Кой-

висто был включен также пехотный батальон береговой охраны и пулеметная рота. Предполагалось, что батареи Хумалйоки будут находиться в тесном боевом взаимодействии с батареями Сааренпяя⁷ (ил. 7, 8).

Уже 12 сентября 1939 г. в Финляндии объявили сборы резервистов, и в гарнизон форта прибыло пополнение, в основном жители Выборгского уезда, городов Койвисто (ныне Приморск), Йоханнес (ныне Советский) и др. Гарнизон форта Хумалйоки насчитывал порядка 350 человек. Его командиром с 12 октября 1939 г. был призванный из запаса капитан С. Хяуринен, ранее служивший на артиллерийской батарее о. Равансаари⁸.

В фондах цифрового архива Национального архива Финляндии (Kansallisarkiston digitaaliarkisto) в открытом доступе находится журнал ежедневных боевых донесений форта Хумалйоки периода Зимней войны (Humaljoen Linnake. Taistelukertomuksia), являющийся, по сути, журналом боевых действий, выдержки из которого использованы в настоящей статье. Журнал боевых донесений форта Хумалйоки (далее ЖБД) насчитывает 60 страниц машинописного текста и охватывает период с 14 декабря 1939 г. по 16 февраля 1940 г. Каждая из страниц заверена подписью командира форта капитана Хяуринена. Стоит отметить, что по финским документам батарея Канэ имеет № 70, левофланговая батарея (на станках Вавассера) имеет № 71 либо именуется «батареей морских орудий»⁹.

Первыми в бой вступили батареи Сааренпяя, 8 декабря они обстреляли «крупный корабль» и звено истребителей. На следующий день батарея орудий Канэ форта Хумалйоки произвела свои первые 10 выстрелов по участку южнее оз. Куолемаярви в поддержку обороняющегося 12-го пехотного полка¹⁰. В этот же день два бомбардировщика СБ и четыре Р-5 произвели ночной налет на о. Бьёрке и г. Койвисто¹¹. 11 декабря форт Хумалйоки успешно обстрелял районы сосредоточения советских войск на линии фронта.

12 декабря продвигавшиеся вдоль Приморского шоссе при поддержке танков советские подразделения левого фланга отряда КаУРа вышли к укрепленному узлу «Инкиля» линии Маннергей-

⁷ Петров П. В. Финские береговые батареи на о-ве Бьёрке в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Выборгский район Ленинградской области. Краеведческий сборник. СПб., 2009.

⁸ Koivisto ja Viipurinlahti 1939–44. Poorvo. Helsinki, 1958.

⁹ Humaljoen Linnake. Taistelukertomuksia // Kansallisarkisto <Электронный ресурс>. Режим доступа: <http://digi.narc.fi/digi/slistaus.ka?ay=38832> (дата обращения 3.11.2019).

¹⁰ Koivisto ja Viipurinlahti 1939–44. Poorvo. Helsinki, 1958.

¹¹ Туркельтауб С. В., Стенаков В. Н. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб.: Б&К, 2000.

⁶ Ronkkonen T. Rannikotykisorykmentti 2. 1918–1940. Historiikki. 1988.

Ил. 9. Береговая полоса укрепузла Муурила в районе мыса Кюрениеми. Фото 1939 г. из журнала «Kansa Taisteli»

ма. Здесь на рубеже ручья Ахвеноя они были встречены огнем дотов Ink-6 и Ink-7 и стрелками 7-го отдельного батальона местного щюцкора. Предпринятая 13 декабря попытка пройти дальше не удалась. Финнами было подбито два танка Т-28, а третий танк подорвался на фугасе¹². Атакующие советские части обстреливались огнем фортов Сааренпя и Хумаййоки 12 декабря, причем последний вел огонь левофланговой батареей (Вавассера). На этом месте линия фронта стабилизировалась вплоть до середины февраля 1940 г. (ил. 9).

В 2,5 км за линией дотов Инкиля находилась расположенная на возвышенном узком перешейке между берегом залива и озером Кипиноланярви деревня Муурила (ныне урочище Высокое), превращенная финнами в опорный пункт. 14 декабря деревня Муурила, батареи Сааренпя и о. Тиуринсаари были обстреляны советскими кораблями. Финские батареи огонь не открывали, поскольку корабли были вне пределов досягаемости. На тот момент финское командование уже знало, что в районе Бьёркского архипелага проводится крупная операция кораблей Балтийского флота. Данная операция довольно подробно освещена в статьях П. В. Петрова¹³. В походе участвовали линкор «Октябрьская революция», лидеры «Ленинград» и «Минск», эсминцы «Стерегущий», «Володарский» и «Энгельс».

¹² Ирицеев Б. Оболганная победа Сталина. Штурм линии Маннергейма. М.: Яуза 2009.

¹³ Петров П. В. Линкоры против батарей: операции эскадры КБФ в Бьеркском архипелаге // Тайфун, № 5 (15) 1999; Петров П. В. Финские береговые батареи...

В задачу эскадры было поставлено провести операцию по поддержке левого фланга 123-й стрелковой дивизии в районе Бьёрке с одновременным подавлением батарей Сааренпя и Торсаари (другое название Тиуринсаари). Следует добавить, что советское командование не располагало сведениями о точном расположении батарей противника и поэтому корабли вели огонь по площадям. А о существовании батарей Хумаййоки оно на тот момент даже не подозревало. Эскадра КБФ вела огонь по батареям Сааренпя и Тиуринсаари 10, 13, 14 и 18 декабря, а 19 декабря на подавление финских батарей был направлен линкор «Марат», эсминцы «Карл Маркс», «Артем» и «Энгельс». Ранее наблюдателям удалось засечь координаты батареи по вспышкам орудий. Однако и на этот раз задача оказалась невыполнена. Несмотря на то, что корабли эскадры за весь период в общей сложности выпустили более 200 т боеприпасов (402 305-мм снаряда и 176 130-мм), результаты операции были минимальны. Осколком снаряда было выведено из строя одно орудие батареи Сааренпя (10 декабря), разрушены несколько вспомогательных построек на территории форта, повреждена наблюдательная вышка командного пункта и близким разрывом временно засыпано одно из орудий (убит 1 и ранено 3 человека)¹⁴. Финские батареи также вели ответный огонь по кораблям, зачастую на пределах дальности, но непосредственных попаданий не было.

Наряду с кораблями в операции в районе Бьёрке участвовала морская авиация КБФ. Особенно мощные налеты на батареи произошли 18, 19 и 21 декабря. Согласно ежедневным сводкам авиации КБФ, 18 декабря 44 истребителя и 22 бомбардировщика наносили бомбоштурмовые удары по о. Бьёрке. Один И-15 был сбит, упал и сгорел на юго-западном берегу о. Бьёрке. Несколько истребителей и бомбардировщиков получили повреждения от зенитного огня. На следующий день авиация также осуществляла прикрытие и корректировку огня линкора «Марат» и бомбардировку финских батарей. В налетах участвовало 52 истребителя и 35 бомбардировщиков, которые произвели 33 атаки на батареи Сааренпя¹⁵.

В ЖБД форта Хумаййоки за 19 декабря отмечено:

В 9.00 началась бомбардировка Сааренпя. В течение дня наблюдалось в общей сложности 236 самолетов.

9.10 — со стороны Муурила над фортом пролетела эскадрилья из 8 самолетов. Батарея № 70 выпустила 8 снарядов, из них два достигли цели. Самолеты развернулись в сторону Сааренпя. По сообщению из Муурилы, со стороны Хумаййоки виден пылающий самолет, который упал в море, на воде от него горящее пятно.

¹⁴ 19 декабря 1939 г.

¹⁵ Тиркельтауб С. В., Степаков В. Н. Указ. соч.

9.25 — батарея 70 выпустила 3 шрапнельных снаряда по двум приближающимся самолетам и продолжила огонь по воздушным целям с 10.00 до 13.35. В 10.15, 10.45, 11.13, 11.40 на деревню Хумалйоки были сброшены бомбы.

10.45 — с русского корабля был поднят привязной аэростат на высоту 950 м с расстоянием до него 20 500 м. В 10.55 аэростат опущен.

11.40 — наблюдали «Марат» и 8 более мелких кораблей плюс 2 истребителя и 4 самолета в направлении 447.

11.45 — «Марат» начал обстрел Сааренпя и сделал около 100 выстрелов. Примерно в 13.00 «Марат» развернулся и ушел.

12.13 — в направлении Куолемаярви наблюдали горящий самолет, который вскоре взорвался.

12.50 — на севере о. Койвистонсаари большие пожары.

14.35 — горит деревня Сааренпя. Из Койвисто попросили прислать пожарную команду.

По результатам стрельбы по воздушным целям в ЖБД было сделано пояснение, что стрельба из крупного калибра по быстро движущимся целям показала свою низкую эффективность, поскольку самолеты очень быстро уходили из сектора обстрела.

По советским сводкам, ночью 20 декабря 8 СБ, 7 МБР-2 и 4 Р-5 сбросили на батарею Сааренпя большое количество зажигательных и фугасных бомб, но все группы самолетов батареи не видели, а бросали бомбы в районе цели, ориентируясь по береговой черте острова и пожарам в деревне Сааренпя, что «сильно действовало морально, изнурило личный состав обороны, но не приносило противнику серьезного материального ущерба». Примерно такая же картина наблюдалась и на следующий день¹⁶.

25 декабря гарнизон форта Хумалйоки собирался праздновать Рождество, однако война внесла свои коррективы. Вот как этот день отражен в ЖБД форта:

Всю ночь продолжалась артиллерийская канонада в направлении Сумма. В 8.25 батарея 70 произвела 8 выстрелов по цели «Пушка». Результат — вражеская батарея замолчала. В течение дня наблюдателями было замечено 55 групп самолетов, общей численностью 327 шт. Непрерывно шла бомбардировка Сааренпя. Одновременно на море между Муурилой и отмелью Сарки было замечено 64 падения бомб. Совершенно непонятно, какую цель они бомбят. В 10.52 одним из бомбардировщиков на деревню Хумалйоки и окрестности форта были сброшены листовки. В 11.05 начала стрелять 1-я автоматическая пушка. Стрелок рядовой резерва Юрьо Лююттикийнен открыл огонь по звену из трех бомбардировщиков типа СБ, которые про-

летали над фортом с юга на север на высоте 2500 м. Одна из машин сразу загорелась, начала разваливаться и упала в 500 м севернее мысы Хирвиниеми на залив Хумалйоки. Один из летчиков выпрыгнул с парашютом, но его стало относить в сторону пляжа Муурилы, он сел на открытую воду и через минуту утонул. Остальные пилоты разбились вместе с машиной. Некоторые части самолета были доставлены в форт. С одним из летчиков были найдены документы на имя капитан-лейтенанта Николая Долича. Завтра летчики будут похоронены на территории форта. 12.40 — на юге, вероятно, идет воздушный бой. Семь самолетов вращаются друг за другом. 12.45 — Муурилу атакуют 11 самолетов.

Последняя запись за этот день произведена в 18.40. Сообщение из Муурилы — в районе Сяйвястэ¹⁷ замечена автоколонна из 15 машин, направляющаяся к северу. По советским данным, в этом районе потери самолетов на эту дату не зафиксированы. Отмечено, что 25 декабря велось патрулирование, разведка района Бьерке-Хумалйоки и корректировка огня канонерской лодки «Красное знамя» по батарее Сааренпя. 12 И-16 пушечным и пулеметным огнем подавляли зенитные точки на о. Бьерке, 37 ДБ-3 и 44 СБ нанесли удар по батарее Сааренпя, сбросив 31 ФАБ-500, 12 ФАБ-250 и 54 ФАБ-100¹⁸. Существуют, однако, несколько свидетельств с финской стороны об этом событии. Например, по воспоминаниям Антона Скютта, опубликованным в 1970 г., это действительно произошло на Рождество 25 декабря¹⁹:

В 11 часов, когда командир орудия младший сержант Е. Ратиа пошел обедать, мы заметили приближающееся звено бомбардировщиков. Орудие было двухствольным. Никого из командиров или офицеров поблизости не оказалось, поэтому стрелок Ю. Лююттикийнен и заряжающий Л. Тервахартила стали действовать самостоятельно. Они оба были парни из Койвисто. Когда самолеты пролетали прямо над нами, на высоте 4000 м, пушка начала стрелять: клонк, клонк. После 10 выстрелов один из самолетов задымился. Все вокруг закричали: Попал! Горящий самолет стал разваливаться и упал на лед у берега залива. Одним из пилотов самолета, согласно найденным документам, оказался капитан-лейтенант Николай Долич²⁰. Мы похоронили их недалеко на холме. Еще один летчик выбросился с парашютом, но его судьба была также трагична. Ветром его стало относить в открытое море, он опустился в ледяную воду залива и очень быстро утонул.

На следующий день над о. Бьёрке был сбит еще один бомбардировщик. Согласно советским сводкам за 26 декабря, велось патрулирование, разведка батарей Хумалйоки, Торсаари, Ристиниеми и поиск подводных

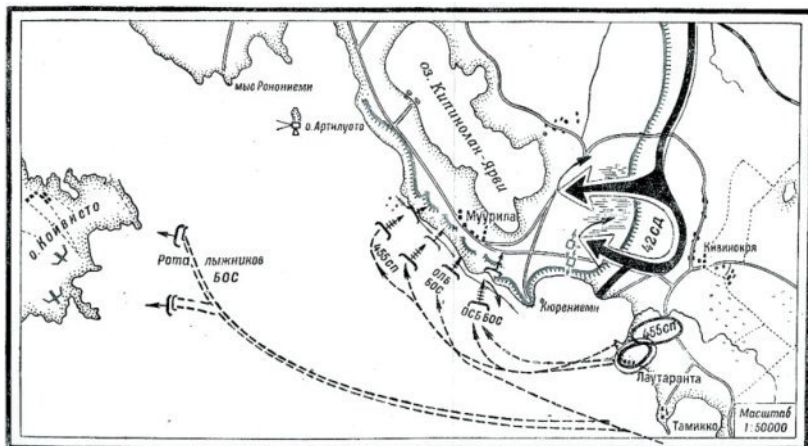
¹⁷ Ныне поселок Озерки Выборгского района Ленинградской области.

¹⁸ *Туркельтауб С. В., Степаков В. Н.* Указ. соч.

¹⁹ *Skyyta A.* Joulupaivan taysosuma // *Kansa Taisteli.* 1970. № 1.

²⁰ В финском тексте воспоминаний фамилия искажена и передается как Nikolai Dollisiksi.

¹⁶ *Туркельтауб С. В., Степаков В. Н.* Указ. соч.

Ил. 10. Схема наступления БОС на укреп. узел Муурилла 13.02–15.02.1940 г.

лодок противника. При бомбежке мелкими авиабомбами о. Бьёрке 1 СБ получил повреждение от взрыва АО-8 под самолетом. Один ДБ-3 не вернулся с задания²¹. Согласно финским источникам, он был сбит зенитчиками батареи Сааренпяя из 40-мм орудия Бофорса²².

В течение января 1940 г. авиация КБФ регулярно производила бомбардировку острова Бьёрке, г. Койвисто и района Хумалйоки в случае летной погоды. Так, например, налеты на Койвисто продолжались ежедневно с 12 по 21 января.

К концу года советское командование убедилось в невозможности прорыва укреп. узлов Инкеля и Муурилла и дальнейшего продвижения на приморском участке имеющимися средствами. В январе 1940 г. в Ораниенбауме из добровольцев с кораблей и частей флота был сформирован Береговой отряд сопровождения (БОС), обеспечивающий действия войск на приморском направлении. На вооружении отряда имелось 13 танков Т-38, четыре 152-мм и четыре 122-мм гаубицы, четыре 76-мм и четыре 45-мм пушки, 4 миномета и 114 станковых и ручных пулеметов. Командиром отряда стал комбриг Н. Ю. Денисевич. В его задачу входило непосредственное обеспечение приморского фланга 7-й армии при наступлении и закреплении его после овладения Бьёркским архи-

²¹ Туркельтауб С. В., Степаков В. Н. Указ. соч.

²² Koivisto ja Viipurinlahti 1939–44. Poorvo. Helsinki, 1958.

пелагом. В конце января 1940 г. БОС прибыл к месту дислокации, в д. Сяйвястэ²³.

Отряду предстояло провести разведку системы обороны противника в районе Бьёркского архипелага, побережья бухты Хумалйоки и атаковать укрепленный узел Муурилла по льду со стороны залива, благо толщина льда к этому времени достигла 50 см и продолжала увеличиваться, что позволяло применять танки. В результате проведенных с 1 по 6 февраля разведочных рейдов краснофлотцами была вскрыта система обороны и расположения огневых точек в районе Муурильско-го укрепленного узла и острова Бьёрке, были установлены заминированные участки на побережье и на льду залива. Разведка вскрыла систему световой и огневой обороны этого побережья от мыса Кюрюниема до острова Артилуото и обнаружила несение дозорной службы при помощи аэросаней на подступах к острову Бьёрке, в проливе Бьеркезунд, а также выявила наличие дотов в системе обороны восточного и южного берегов этого острова²⁴ (ил. 10).

Через несколько дней особому стрелковому батальону БОС был отдан приказ совместно с 455-м стрелковым полком 13 февраля овладеть укреп. узлом Муурилла с юго-запада, в дальнейшем наступать в направлении перекрестка дорог, 1,5 км севернее Кюрюниема.

С наступлением рассвета после продолжительной артиллерийской подготовки советские части атаковали береговые укрепления финнов. Глубокий снег и торосистая местность препятствовали быстрому продвижению. Противник открыл сильный пулеметный и артиллерийский огонь, поддержанный батареями Бьёрке и Хумалйоки. В 9 утра на форте Хумалйоки получили сообщение из Муурилы от лейтенанта Хуовилайна: «Кюрюниема атакуют около 2000 русских», после чего батареи открыли заградительный и контр-

Ил. 11. Н. Ю. Денисевич (1893–1965), командир Берегового отряда сопровождения в 1940 г.

²³ Петров П. В. Советская морская пехота на льду Финского залива // Russika.ru <электронный ресурс> Режим доступа: <http://russika.ru/sa.php?s=675> (дата обращения: 10.11.2019 г.).

²⁴ Доклад командира БОС командующему Балтийским флотом о результатах боевых действий по овладению укрепленным пунктом Муурилла 25 февраля 1940 г. // Окрестности Петербурга <электронный ресурс> Режим доступа: aroundspb.ru/finnish/docs/dir0_muurila.php (дата обращения: 10.11.2019 г.).

батарейный огонь фугасными и шрапнельными снарядами, который с небольшими перерывами вели до 21.00.

В течение дня 13 февраля бойцы особого стрелкового батальона несколько раз бросались в атаку, но преодолеть проволочные заграждения перед огневыми точками на берегу не смогли. Взвод танков Т-38 застрял в торосах и вынужден был откатиться назад. До наступления темноты наступавшие медленно продвигались под сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. 455-й стрелковый полк несколько раз пытался переходить в атаку, но каждый раз огонь противника заставлял его залечь. На ночь батальон был отведен на исходные позиции в район Лаутаранты. На следующий день наступление продолжалось, поддержанное бомбоштурмовыми ударами авиации КБФ по батареям на о. Бьёрке, форту Хумаййоки и укрепилу Муурилла. Однако после нескольких предпринятых в течение дня попыток атаковать советские части перешли к обороне²⁵ (ил. 11).

В ЖБД форта за 14 февраля зафиксировано:

7.30 — батарея 70 сделала 4 выстрела по цели А57 (прямой наводкой). В 7.55 батарея 70 произвела 3 выстрела по группе пехоты. В 8.50 шесть самолетов сбросили 12 бомб на форт. Первому оружию 71-й батареи нанесены повреждения (ночью будет отремонтировано) и засыпало 5 ящиков боеприпасов. Часовой остался невредим. Одна из бомб попала в крышу блиндажа. Все, кто там находился, сразу погибли. Спасательные работы продолжались до вечера. Из-под обломков было извлечено два тела — младшего сержанта Рапо Яаке, родом из Выборга, и рядового Эйно Саловиуса. Под руинами должно находиться, по крайней мере, еще одно тело. Утром работы будут продолжены.

12.12 — истребители продолжают налет на форт. Между Руонаниеми и заливом появилась эскадрилья из нескольких самолетов, по которой был открыт огонь из автоматической пушки и зенитных пулеметов. С другой стороны по самолетам над заливом стрелял спаренный пулемет на башне (расстояние 700 м), вызывая на себя ответный огонь истребителей. Один из самолетов загорелся и взорвался в воздухе. Обломки упали частично на землю, частично на лед. Второй истребитель вспыхнул, начал снижаться и упал в лесу. Третий самолет начал резкий разворот налево, был подбит и спикировал вниз, пробив лед. О времени падения четвертого истребителя информации нет, но, видимо это произошло сразу после предыдущего. Реальную картину этого боя описать затруднительно, поскольку самолеты налетели со стороны солнца, и все события произошли очень быстро, в течение 1–2 минут.

Ил. 12. Советский истребитель, сбитый 14 февраля 1940 г. над фортом Хумаййоки. Фото из финского фотоархива <https://www.sotasampo.fi>

В ежедневных сводках авиации КБФ эти события отражены следующим образом:

Над Руонаниеми 14 февраля зенитным огнем противника сбито 4 И-15, принадлежавших 5-му авиаполку. Капитан Артемьев был сбит прямым попаданием зенитного снаряда при бомбометании в момент пикирования на цель с высоты 800 м и погиб. Летчик Костра получил поражение от огня зенитной артиллерии во время захода на цель на высоте 2 тыс. м и был убит. Та же участь постигла летчиков Багеева и Афонина (последний летел на высоте 1 тыс. 200 м)²⁶. Из группы в 8 самолетов на аэродром вернулось 4²⁷ (ил. 12).

Далее в ЖБД за 14 февраля отмечено:

12.30 — батарея 70 выпустила 6 шрапнельных снарядов. 13.35 — на форт упало 6 бомб, повреждения незначительны. 13.40 — сильный артиллерийский обстрел форта. 13.50 — 15 истребителей атаковали форт. Горит сарай для сена. Капрал пулеметного расчета получил пу-

²⁶ Тиркельтауб С. В., Степаков В. Н. Указ. соч.

²⁷ Согласно списку командного, начальствующего и рядового состава авиации ВМФ частей ВВС КБФ, погибших в период с 3.11.39 по 12.03.40, приведенного в книге Тиркельтауба и Степакова, это были: Петр Григорьевич Артемьев, капитан, пом. командира авиаэскадрильи, Владимир Михайлович Костра, ст. лейтенант, начальник штаба авиаэскадрильи, Михаил Арсеньевич Багеев, мл. лейтенант, Николай Филиппович Афонин, мл. лейтенант, флаг-штурман авиаэскадрильи. Все они за несколько дней до гибели были переведены из 32-го авиаполка Черноморского флота.

²⁵ Там же.

Ил. 13. Горящие дома д. Хумалйоки, февраль 1940 г. Фото из финского фотоархива <https://www.sotasampo.fi>

левое ранение. 14.15 — батарея № 70 выпустила 4 фугасных снаряда. 14.48 — сильный артиллерийский обстрел форта. 15.15–16.15: батарея № 71 выпустила 14 фугасных снарядов, батарея № 70 — 12 фугасных снарядов по вражеской группировке. Результат — два прямых попадания. 17.40–18.35: батарея № 71 выпустила 28 фугасных снарядов по той же цели в районе Лаутаранты. 18.50–21.15: батарея № 70 произвела 10 выстрелов по двум атакующим батальонам, которые в результате были остановлены. 22.15 — самолетами со стороны пролива обстреляны пулеметы. Выслан патруль и 20 наблюдателей на юго-восток для разведки (ил. 13).

На следующий день с рассветом после артподготовки и при поддержке двух танков Т-38 краснофлотцы совместно с 455-м полком возобновили атаки на Муурилу. После артподготовки лыжный батальон бросился в атаку, овладел прибрежной чертой, а часть подразделений преодолела проволочное ограждение. Сосед слева — 455-й стрелковый полк, несмотря на пример командира и комиссара, в атаку не пошел, а залег под проволокой. С наступлением темноты батальон перешел к обороне на достигнутом рубеже²⁸.

В течение всего дня 15 февраля батареи форта продолжали вести огонь по атакующей советской пехоте. Воздушный налет произошел в 10.55. В район расположения батареи 70 было сброшено 10 бомб. По-

вреждений нет. В 11.45 бомбардировке подверглась 71 батарея. На нее было сброшено 24 бомбы. Одна из бомб повредила офицерский блиндаж, обломками были сломаны ноги у фенрика²⁹ Савандера, который был направлен в госпиталь в Койвисто. В 12.00 двумя эскадрильями было сброшено 12 бомб. Четверо ранены, из них самый тяжелый — капрал Торккелли, у которого поврежден позвоночник³⁰. Некоторым орудиям были причинены повреждения, однако они были отремонтированы ночью. В течение последующих часов бомбардировки продолжались, причем бомбы ложились примерно в одном месте. На этот счет в ЖБД было специально отмечено, что «точность бомбометания, по сравнению с началом войны, существенно возросла и вызывает удивление». В 16.25 от 30 до 40 истребителей обстреливали форт и оборону финнов на берегу. Последние выстрелы в этот день 71-я батарея произвела в 21.36.

Не имея успеха на левом фланге 42-й стрелковой дивизии, командование 34-го стрелкового корпуса приняло решение об отводе частей БОС и 42-й стрелковой дивизии на исходные позиции. К утру 16.02 части БОС отошли в район Сейвясте, забрав с поля боя раненых и убитых бойцов³¹.

В середине февраля советским частям 7-й армии удалось прорвать финскую оборону в центре Карельского перешейка на участке Муоляярви — Сумма (Хотинен). Одновременно в период 11–16 февраля войска 10-го и 34-го стрелковых корпусов перешли в наступление от северо-западной оконечности озера Куолемяярви в направлении Выборгского залива. Финское командование было вынуждено отвести части 4-й дивизии на приморском участке на линию Хумалйоки—Макслаhti и освободить укрепленные Муурилу, занятый без боя частями 43-й стрелковой дивизии и БОС 18 февраля (ил. 14).

17 февраля на форте Хумалйоки начался демонтаж батареи Канэ. Оба орудия были сняты и отправлены в район Сяккиярви на западный берег Выборгского залива.

Последние часы форта Хумалйоки описаны в воспоминаниях фенрика Сарлио, приведенных в сборнике под редакцией полковника А. Люттинена о боях в Койвисто и Выборгском заливе³².

Батарея № 71 продолжала вести огонь вдоль линии Муурилу — Хумалйоки — Макслаhti в течение 19 февраля. В середине дня штаб участка Койвисто получил донесение, что к 24.00 боеприпасы на форте

²⁹ Младшее офицерское звание финской армии, соответствующее чину прапорщика Русской армии.

³⁰ Умер в госпитале в Койвисто 16 февраля.

³¹ Доклад командира БОС командующему Балтийским флотом...

³² Koivisto ja Viipurinlahti 1939–44. Poorvo. Helsinki, 1958.

²⁸ Доклад командира БОС командующему Балтийским флотом ...

Ил. 14. Лыжники БОС вступают на о. Койвистонсаари 24 февраля 1940 г. Почтовая карточка

Ил. 15. Памятный крест «Койвисто»

должны закончиться. Примерно в 23.30, когда советские войска уже занимали деревню Хумалйоки, батарея № 71 выпустила последние 17 снарядов, после чего в стволы орудий был засыпан песок и были произведены выстрелы, что привело к разрыву стволов. Примерно в это же время под руководством начальника пожарной охраны форта шло его уничтожение. Были взорваны бетонные казематы батареи № 70 Канэ, бетонная вышка управления огнем, а все деревянные строения сожжены. Личный состав ночью на лыжах перешел на о. Койвистонсаари, где из гарнизона форта был сформирован отдельный лыжный батальон под командованием его командира — капитана Хяуринена.

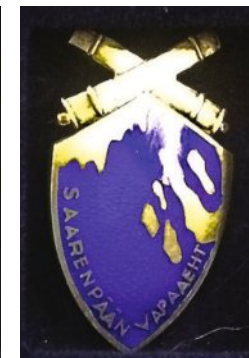
20 февраля частями 43-й стрелковой дивизии был занят Койвисто. К этому времени 70-я стрелковая дивизия вышла к заливу Макслахти и продвинулась к северу на рубеж реки Рокаланйоки. 24 февраля БОС получил приказ начать совместно с 42-й стрелковой дивизией наступление на остров Бьёрке. Финское командование не было готово к длительной обороне островов Бьёркского архипелага и отдало приказ об эвакуации на западный берег Выборгского залива. Сама эвакуация была проведена исключительно организованно. К вечеру 23 февраля на о. Тиуринсаари собрались все отступающие финские части. Батареи Сааренпяя и Тиуринсаари были предварительно подорваны. Прикрывать

Ил. 16. Нагрудный знак 2-го полка береговой артиллерии за бои 1939–1940 гг. в районе Койвисто. Из частной коллекции

Ил. 17. Нагрудный знак гарнизона форта Хумалйоки. Из частной коллекции

Ил. 18. Нагрудный знак батареи Сааренпяя. Из частной коллекции

отход гарнизонов Бьёрке и Тиуринсаари остался отдельный батальон капитана Хяуринена. Позже из района Виланиemi он будет переброшен на о. Туппурансаари (о. Вихревой), откуда в течение нескольких дней будет совершать разведывательные рейды на полуостров Киперорт и о. Ревонсаари (Лисий)³³.

После захвата о. Туппурансаари советскими частями 2 марта батальон Хяуринена отошел на о. Тейкарсаари (о. Игривый). Здесь в течение двух дней шли кровопролитные бои, после чего батальон был вынужден оставить остров и переправиться на западный берег Выборгского залива в район Виланиemi, где вошел в состав 10-го пехотного полка. В эти дни батальон Хяуринена понес самые тяжелые потери с начала войны. К вечеру 4 марта части советской 86-й мотострелковой дивизии прорвали оборону финнов на побережье и захватили плацдарм в районе Харенпяяниemi. На следующий день после массовой артподготовки при поддержке танков был захвачен полуостров Питканиеми. В этом бою капитан Хяуринен получил смертельное ранение, был доставлен в госпиталь в Выборг, где умер на следующий день³⁴. После его гибели

³³ Seppinen A. Odota joku minuutti! // Kansa Taisteli. 1970. № 5.

³⁴ Соломон Герман Вальдемар Хяуринен (Salomon Herman Vald. Häyrinen) родился в 1908 г. в Санкт-Петербурге, закончил среднюю школу в Выборге, кадетское училище в Хельсинки в 1931 г., военное училище в 1933 г. Служил во 2-м полку береговой обороны, умер от ран 6 марта 1940 г., похоронен в Хельсинки на кладбище Хиегалахти. См.: Salu Häyrinen // Geni <электронный ресурс>. Режим доступа: <https://www.geni>.

Ил. 19, 20. Современное состояние оружейных двориков левофланговой батареи 152-мм батареи на лафетах Вавассера. Фото 2019 г. Е. Балашова

ли батальон возглавил лейтенант А. Хельминен³⁵. До окончания войны оставалось еще 7 дней...

com/people/Salu-H%C3%A4yrinen/600000083038798821 (дата обращения: 10.11.2019 г.)

³⁵ Koivisto ja Viipurinlahti 1939–1944. Poorvo. Helsinki, 1958.

После окончания боевых действий оставшиеся в живых военнослужащие форта Хумалйоки были награждены медалями «За Зимнюю войну» с планкой «Койвисто». Был учрежден также памятный «Крест Койвисто» (Koiviston Risti). Наряду с ним, личному составу 2-го полка береговой обороны, участвовавшему в обороне сектора Койвисто, вручался специальный нагрудный знак. Отдельные знаки были выпущены для гарнизона форта Хумалйоки и военнослужащих батарей Сааренпя (ил. 15–18).

В период Второй мировой войны в районе бывшего форта Хумалйоки финские части 2-го полка береговой обороны вели оборонительные бои 17–18 июня 1944 г. Сюда были стянуты 1-я тяжелая и 2-я легкая батареи полка и отряд капитана Фриделла в составе трех рот. В книге известного советского журналиста Павла Лукницкого «Ленинград действует» есть страницы, рассказывающие о действиях 176-го стрелкового полка 46-й стрелковой дивизии по овладению д. Хумалйоки:

Здесь полк Семенова преодолел сильнейшее сопротивление, здесь минометный полк Шабля выпустил больше тысячи мин, прежде чем вместе с Семеновым достиг Хумалйоки... Опять лес, сосна, слева — мыс, длинный, лесистый. Сплошь россыпью в мелком лесу — стрелковые ячейки, оставшиеся от вчерашнего боя. Всюду в лесу, куда ни обратить взор, видны богатые, взятые нами в бою трофеи. Идут пэтээровцы. Высота 39. Внизу — пляж. Мы — в бухте Хумалйоки.³⁶

За годы, прошедшие с момента окончания последней войны, территория форта сильно заросла лесом и стала труднодоступной. В 2000-х годах часть его территории попала под застройку второй очереди Приморского нефтеналивного порта. Тем не менее, большая часть укреплений сохранилась. До сих пор можно увидеть внушительные рвы и валы батарей, бетонные дворики левофланговой батареи 152-мм орудий, позиции береговой противодесантной обороны, дальномерные посты, фундаменты зданий. Все это позволяет отнести оставшиеся сооружения к памятникам фортификации (ил. 19, 20).

В настоящее время сохранившиеся сооружения форта Хумалйоки находятся под угрозой уничтожения в связи с планируемым строительством Приморского универсально-перегрузочного комплекса. В связи с этим следует обратить внимание, что, как мы видим из приведенных в статье сведений, на территории бывшего форта Хумалйоки находятся незарегистрированные воинские захоронения не только финских военнослужащих, но и советских летчиков, погибших в период Советско-финляндской войны. Все это требует проведения дополнительных исследований с участием специалистов.

³⁶ Лукницкий П. Н. Ленинград действует. Л., 1976.

Список литературы

- Иринчеев Б. Оболганная победа Сталина. Штурм Линии Маннергейма. М.: Яуза, 2009.
- Лужницкий П. Н. Ленинград действует. Л., 1976.
- Петров П. В. Линкоры против батарей: операции эскадры КБФ в Бьеркском архипелаге // Тайфун. 1999. № 5 (15).
- Петров П. В. Финские береговые батареи на острове Бьёрке в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Выборгский район Ленинградской области. Краеведческий сборник. СПб., 2009.
- Петров П. В. Советская морская пехота на льду Финского залива. СПб., 2012 http://www.russika.ru/userfiles/adm_1331417039.pdf.
- Прямыцкий С. Д. Приморская крепость Выборг (1710–1918) // Цитадель. 2004. № 11.
- Туркельтауб С. В., Степаков В. Н. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб.: Б&К, 2000.
- Ткаченко В. Ф. К вопросу о перемещении орудий крепости Кронштадт. 1914–1944 годы // Цитадель. 2008. № 14.
- Koivisto ja Viipurinlahti 1939–1944. Poorvo. Helsinki, 1958.
- Ronkkonen T. Rannikkotyökisorykmentti 2. 1918–1940. Historiikki, 1988.
- Seppinen A. Odota joku minuutti! // Kansa Taisteli. 1970. № 5.
- Skutta A. Joulupaivan taysosuma // Kansa Taisteli. 1970. № 1.

Pavel Nikolaevich ERMOLAEV

Independent researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: paulermo@mail.ru

Fighting at Fort Humaljoki during Soviet-Finnish war (1939–1940)

The article deals with little-known episodes of the Soviet-Finnish War (1939–1940) on the Karelian Isthmus, the fighting of the fort Humaljoki, which was part of the Finnish coastal defense system of the Gulf of Finland on the right flank of the Mannerheim Line in the Koivisto area. The batteries of Fort Humaljoki, along with the coastal defense batteries on Bierke Island, were among the key factors in suspending the Soviet offensive in December 1939. The article gives the history of the construction of Humaljoki batteries during the First World War. The work uses data from the military journal of Fort Humaljoki from the National Archives of Finland and other little-known Finnish and Russian sources.

Keywords: Soviet-Finnish War, Talvisota, Mannerheim Line, Koivisto, Humaljoki, 2nd Coast Defense Regiment, Vyborg Bay Defense, Beryozovye Islands, Saarenpää, Muurila, Finnish batteries, Canet guns, S. Häyrinen, Viipurin lohko.

УДК 94 (47) 084.6

ББК 63.3 (2) 621

Сергей Анатольевич ПИЩУЛИН

командир поискового отряда «Заслон-2»,
начальник отдела патриотического воспитания СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ»,
аспирант РХГА (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: piterpatriot.pishulin@yandex.ru

СОБЫТИЯ В РАЙОНЕ ВЫСОТЫ 65,5 В ДЕКАБРЕ 1939 г. — ФЕВРАЛЕ 1940 г.

В статье рассматриваются боевые действия в ходе прорыва линии Маннергейма во время Советско-финляндской войны.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, линия Маннергейма, Красная армия.

30 ноября 2019 г. исполняется 80 лет со дня начала Советско-финляндской войны. Данная война крайне мало отражена как в советской историографии, так и в зарубежной. В последние годы начали появляться новые исследования, открываться архивы, публиковаться документы. Долгое время единственным доступным источником об этой войне являлся двухтомник «Бои в Финляндии», созданный на основе воспоминаний участников и изданный в 1941 г. военным издательством НКО СССР. Позднее события конца 1939 — начала 1940 г. крайне мало исследовались в советской исторической науке. Небольшой всплеск публикаций по данной тематике отмечается к 40-й и 50-й годовщинам окончания войны и пикового состояния достигает в наше время, когда стали доступны архивы нашего государства и появился доступ к архивам Финляндии. Затруднен был доступ к документам, поскольку Центральный архив Наркомата обороны СССР был создан только в 1941 г., а все документы сдавались либо в местные архивы, либо в Центральный государственный архив Советской армии (ныне Российский государственный военный архив).

Территория, отошедшая СССР в 1940 г., находилась под оккупацией с 1941 по 1944 г. Огромный массив документов не был эвакуирован и подвергся либо уничтожению, либо отправке в архивы Финляндии. Это повлияло на слабую изученность и односторонность изучения данной проблемы. В данный момент публикуется достаточное количество исследований и книг мемуарного характера, посвященных Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Наша статья будет носить скорее описательный характер и являться определением вектора изучения данной проблемы.

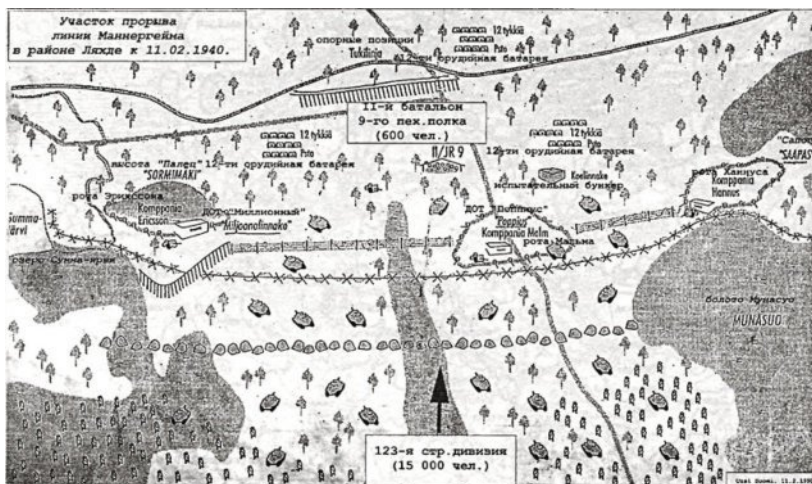

Рис. 1. Карта участка прорыва линии Маннергейма

Для описания мы решили взять бои за высоту 65,5, находящуюся на территории современного Выборгского района Ленинградской области. Выбор был осознанный, поскольку бои за эту высоту хорошо характеризуют все этапы Советско-финляндской войны в целом. Именно после прорыва линии Энкеля/Маннергейма в феврале 1940 г. и началось победное наступление в описываемой войне.

После начала боевых действий 30 ноября 1939 г. части РККА достаточно быстро достигли укреплений линии Маннергейма. На интересующий нас участок вышла 123-я стрелковая дивизия. По воспоминаниям бригадного инженера И. Кусакина, советское командование на 16 декабря 1939 г. не располагало точными разведанными на этот участок¹. Противостояли им на тот момент части 1-й пехотной дивизии, 1-й пехотной бригады, 5-я пехотной дивизии, позднее штабом армии «Перешеек» были переброшены 3-я пехотная бригада и была направлена из резерва Главной ставки 6-я пехотная дивизия².

Подразделения 123-й дивизии, заняв поселок Бобошино, начали разведку местности, применяя метод «разведка боем». Части финской армии, расположенные в долговременных подземных укреплениях,

Ил. 2. Уничтоженные советские танки у высоты 65,5

не вступали в огневой контакт. Согласно воспоминаний политрука П. Матюшина³, в момент генерального наступления по направлению на станцию Кямьяр 17 декабря о наличии дотов на высотах 65,5, «Язык», «Молоток» советское командование не имело разведывательных данных, и артиллерийская подготовка была произведена не на уничтожение укреплений, а в основном для проделывания проходов в надолбах и обработки визуально видимых фортификационных сооружений — траншей. Дорога проходила по ложбине, полностью контролируемой пулеметами дотов. В момент втягивания частей дивизии на дорогу пулеметы открыли огонь. Обочины дорог были заминированы и перекрыты искусственными завалами, что затрудняло разворот и отступление. Некоторые части были отсечены от своих подразделений и вынуждены были занять круговую оборону на срок до пяти дней⁴.

После прекращения атаки части дивизии вернулись на исходные позиции, и война приобрела позиционный характер. До февраля 1940 г. РККА и армия Финляндии предпринимали только разведывательные вылазки, разведку боем огневых точек и расположение артиллерии и дотов. Артиллерийский огонь велся таким образом, чтобы уничтожить земляную маскировку дотов и оголить бетонные стены⁵. Силы РККА

¹ Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1. М.: Военное издательство НКО СССР, 1941. 169 с.

² Ари Раунио, Юрий Кулин. Сражения Зимней войны. Издательство «Военный музей Карельского перешейка». 2018. С. 50.

³ Бои в Финляндии... С. 257–261.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Там же. С. 303.

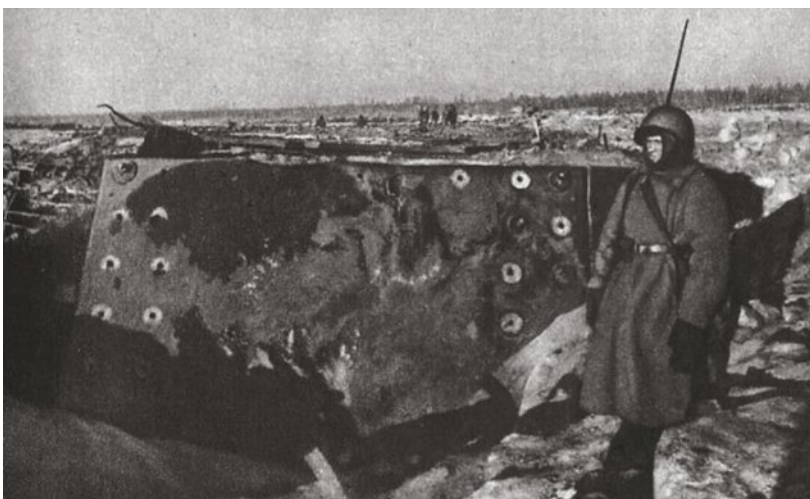
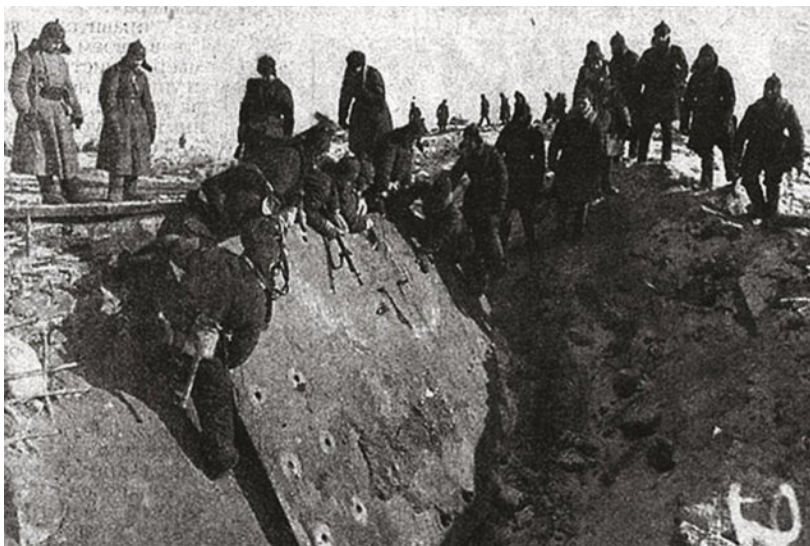

Рис. 3, 4, 5. Дот на высоте 65,5 после взятия

вели подготовку к штурму линии Маннергейма. Помимо теоретической подготовки и изучения тактики финских подразделений⁶, велись и практические занятия на макетах и отработка действий непосредственно

⁶ Там же. С. 270.

на линии фронта по уничтожению дотов противника⁷. На фронт доставлялись свежие части, велась работа по переобмундированию личного состава для действий в условиях пониженных температур. Финские подразделения не имели возможности замены или реформирования частей и были измотаны постоянными беспокоящими обстрелами, после которых они вынуждены были ремонтировать фортификационные сооружения⁸.

11 февраля 1940 г. началось генеральное наступление на высоту 65,5, рошу «Фигурная» и рошу «Молоток»⁹. 13 февраля линия Маннергейма была окончательно прорвана, и наступление стало развиваться в Выборгском направлении с целью захвата г. Выборга (Виипури) и выхода на оперативный простор для атаки на столицу Финляндии — город Хельсинки.

Описываемые события абсолютно точно характеризуют все этапы Советско-финляндской войны:

— наступление без наличия разведывательной информации и информации о фортификационных сооружениях противника и обороняющихся подразделениях. Отсутствие необходимого обмундирования,

⁷ Там же.

⁸ Ари Раунио, Юрий Килин. Указ. соч. С. 229.

⁹ Бои в Финляндии... Ч. 2. С. 21.

Рис. 6. Дот на высоте 65,5. Современный вид

согласно погодным условиям. Отсутствие необходимого опыта ведения боевых действий в условиях современной войны;

— этап исправления допущенных ошибок, тщательной подготовки к предстоящему наступлению. Накопление необходимого перевеса в живой силе и технике. Подготовка личного состава к предстоящим действиям в условиях незнакомой местности;

— генеральное наступление с длительной артиллерийской подготовкой. Прорыв обороны противника в наиболее уязвимых местах, расширение прорыва и организация дальнейшего наступления.

По такому сценарию проходила вся война. Неподготовленность войск и командования привела к невосполнимым и неоправданным потерям в личном составе, помимо огневого контакта, от погодных условий из-за неподготовленности обмундирования. Далее следовала остановка наступления, исправление допущенных ошибок и успешное развитие последующего наступления.

В последние годы очень сильно преобладают прозападные направления в историографии описываемого периода. Снимаются научно-популярные фильмы, не отражающие действительного положения дел (в качестве примера можно привести сериалы В. Правдюка «Зимняя

война»¹⁰). К сожалению, данные псевдоисторические опусы имеют право на жизнь в современном обществе, в связи с неконтролируемым потоком информации в глобальной сети Интернет. Автор надеется, что данная статья подвигнет будущих исследователей на более беспристрастное описание событий без какой-либо политической окраски, как, к сожалению, это любят делать некоторые современные петербургские ученые-историки.

Список литературы

Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1, 2. М.: Военное издательство НКО СССР. 1941. 169 с.

Ари Раунио, Юрий Килин. Сражения Зимней войны. Издательство «Военный музей Карельского перешейка», 2018.

Sergey Anatolyevich PISHCHULIN

commander of search group «Zaslon-2»,
head of Department of Patriotic education of SPb GBU DM «FORPOST»,
postgraduate student, Russian Christian Humanities Academy

In the vicinity of the height of 65.5 in December-February, 1939–1940

The article discusses an episode of the breakthrough of the Mannerheim Line during the Soviet-Finnish war.

Keywords: Soviet-Finnish war, Mannerheim line, Red Army.

¹⁰ В. Правдюк. «Зимняя война». https://www.youtube.com/watch?v=XLSBoZ3KgwA&list=PLa-NI6RYkyGj-75TROsc_1cGZ26sV2JmE.

УДК. 94 (47).084.6
ББК. 63.3 (2).621

Вячеслав Олегович ТЕРЕНТЬЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры ОИПС,
Государственный университет морского и речного флота им. адмирала
С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: terehv@mail.ru

БОИ ЗА ПРЕДПОЛЬЕ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА. 1939 г. УЧАСТОК L-RYHMÄ

Несмотря на пристальный интерес современного общества к Советско-финляндской войне 1939–1940 гг., в ее истории остается много неизвестных и спорных вопросов. В представленной статье подробно рассматривается один из важных эпизодов борьбы за предполье линии Маннергейма. Комплексный беспристрастный анализ финских и российских источников позволил сформировать новый взгляд на первые дни войны на примере событий на локальном участке фронта.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Зимняя война, Липола, 90-я стрелковая дивизия, РККА, Финляндия, линия Маннергейма.

Предполье — полоса местности перед оборонительным рубежом или укрепленным районом, включающая несколько позиций и инженерные заграждения. Оно создается с целью задержания наступления противника и обеспечения выгодных условий для ведения боя за главную полосу или укрепленный район. Появилось на западном фронте Первой мировой войны в виде «эластичной обороны», слабо занятой живой силой, но хорошо оборудованной пулемётами и другими огневыми средствами. Оно имело целью обмануть противника и скрыть расположение главных укрепленных линий, к которым своевременно отходили защитники предполья.

Изучению борьбы в предполье мощных укрепленных линий в западной и, в частности, в финской литературе посвящено немало работ, особенно в 1960–1970-е гг.¹ В советской и российской литературе исследований, посвященных борьбе за предполье, практически нет, чаще всего данный вопрос косвенно рассматривается при исследовании «серьезных вопросов» по прорыву главной линии обороны. Это, в целом, показывает отношение как военных специалистов, так и военных историков к борьбе за предполье. Зачастую временные задержки и высокие

потери рассматриваются как досадные недоразумения или оплошности, связанные с выходом ударных войск к главной оборонительной полосе. Тем не менее, борьба за предполье крайне важна и, как показывает опыт двух мировых войн, да и послевоенного периода, может обеспечить изматывание ударных войск противника малыми силами до степени неспособности его к штурму главной полосы без развертывания дополнительных сил.

Так, одной из главных причин успеха финской обороны командующий 7-й армией К. А. Мерецков в своем докладе на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии (14–17 апреля 1940 г.) в Москве определил наличие хорошо развитой в инженерном отношении полосы обеспечения (предполья), которое «по своей глубине, фортификационной развитости и силе автоматического огня являлось как бы самостоятельной полосой обороны».

Мерецков вообще уделял много внимания предполью, в т. ч. и на других совещаниях накануне Великой Отечественной войны. Важно, что вопросы предполья рассматривали две категории военачальников — самого высшего эшелона РККА (генерал-инспектор пехоты А. К. Смирнов и начальник Управления боевой подготовки Красной армии В. Н. Курдюмов, широко и всесторонне) и дивизионного звена (узко и неверно). Например, Любовцев планировал выделять для обороны предполья разведывательный батальон дивизии, имеющий совершенно иные задачи по наставлениям того времени. При этом генералы-танкисты и генералы-артиллеристы полностью обошли своим вниманием полосу предполья². В результате, несмотря на опыт Зимней войны, «линия Сталина» возводилась практически на границе, без учета ландшафта и с крайне узкой полосой предполья или вовсе без нее.

Финны при постройке линии Маннергейма на основе опыта Первой мировой войны и собственных разработок уделяли особое внимание созданию насыщенной полосы предполья. Особенно это стало актуально после превращения СССР в сильное индустриальное государство с мощной моторизованной армией. Участок предполья Липола (Котово) — Вуоттаа (Кировское) начал обустраиваться в 1931–1933 гг. Здесь были возведены 7-я и 9-я полевые позиции. 7-я полевая линия (пулеметные точки, траншеи, полевые укрепления, заграждения, минные поля, завалы и засеки) протянулись по северному берегу ручья Юксеноя (Тальник) от Айриккала (Семашко) до Виннойя (оз. Удобное). Ее линия инженерных заграждений пролегла по западным берегам болот, по высотам

¹ Напр.: *Kilikki P.* Talvisodan Suojajoukkotaistelut Karjalan Kannaksella. // Tiede ja Ase. 1969. № 27.

² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993. С. 14–23, 302–304, 318–320, 336–337.

Ил. 1. Деревня Липола накануне войны

западнее Корпикюля (г. Ветрянка) — Вехмяйен (Кривко). 9-я полевая линия была построена на высотах западнее Липола (Котово) и г. Поклонная. 9-я линия инженерных сооружений прошла через оз. Корпярви (Былинное), Вайттилу и Липолу, достигая Кирьясальского выступа СССР у реки Сайяййоки (Волчья)³. Необходимо указать, что деревня Вайттила на северо-западе, как и Юхала на юге и Валимаа на севере, после войны составляли единое поселение с Котово (Липолой), что нередко вызывает у современных исследователей ряд ошибок, т. к. они полагают под Липолой только центральную часть поселения (ил. 1.)

Участок Липола представлял собой узловой компонент укрепленной линии предполья. Он ближе всех подходил к советской границе и обеспечивал взаимодействие флангов предполья. По финскому плану VK-1 (1934 г.) на удержании Липолы и последующем контрнаступлении двух дивизий на Кирьясало строилась основная идея обороны⁴.

С учетом развития танковых войск, в полосе обеспечения линии Маннергейма финнам потребовалось обустроить противотанковые участки — рвы и эскарпы. Такие участки были созданы в 1935–1936 гг. и в районе Липола: перед 7-й линией, на южном берегу р. Тальник; юж-

нее и восточнее Липолы; а также перегорожен участок дороги от Липолы к границе⁵.

28 августа 1936 г. в связи с оперативной важностью участка узел обороны Липола посетил генерал-инспектор (командующий) финской армии А. Сихво с немецкими офицерами, которые в течение суток осматривали военные укрытия⁶.

В 1936–1938 гг. в полосе обеспечения были построены дополнительные полевые укрепления вокруг Липолы, что превратило поселок в оборонительный узел, а также полевые защитные укрепления вдоль дорог Липола — Вуоттаа и Нирккойла (Казанково) — Илянтеля (так в советских документах именовалась Западная Юлянтеля — Былинное). Противотанковые препятствия были возведены в районе Антилла (Баскаково), (Заволочи), Кауксамо (Раскаты), р. Харькййоки (Волочаевка) и перед старыми позициями.

Перед главной оборонительной линией располагались войска прикрытия (группы Уусикиркко, Муола, Липола и Рауту), в которых имелось 21,6 тыс. человек, 74 орудия, 26 минометов. Они представляли собой кадровые войска армии мирного времени, усиленные за счет резервистов приграничных районов и рот пограничников, т. е. являлись в целом обученными и надежными частями⁷.

Накануне войны все укрепления предполья линии Маннергейма от Вуоксы до советской границы в районе Липола были заняты подразделениями L-Ryhmä (тактическая полковая группа прикрытия «Липола»), подчинявшейся 11-й пехотной дивизии. Ответственность группы L-Ryhmä лежала от Орьянсари (Крутая Гора) до Кауксамо с опорой на узел обороны Липола. В составе участка прикрытия было создано три батальонных узла обороны — Липола, Кауксамо, Валкъярви. Основная линия укреплений состояла из полевых траншей с укрытиями блиндированного типа, основных, запасных и вспомогательных огневых точек, артиллерийских и минометных позиций, минных полей и линий, проволочных заграждений в 2–4 линии, эскарпов и контрэскарпов, противотанкового рва, каменных противотанковых надолбов в 2–8 рядов, заминированных лесных завалов. Она проходила от опорного пункта Пулкала по северному берегу ручья Юксеноя (Тальник) с опорным пунктом «высота 127,1» до Липолы, где было создано три опорных пункта — Вайттила (высота 150,8), Юхола (высота 163,1), Липола, и дальше по западной стороне шоссе Липола — Орьянсари с опорным пунктом

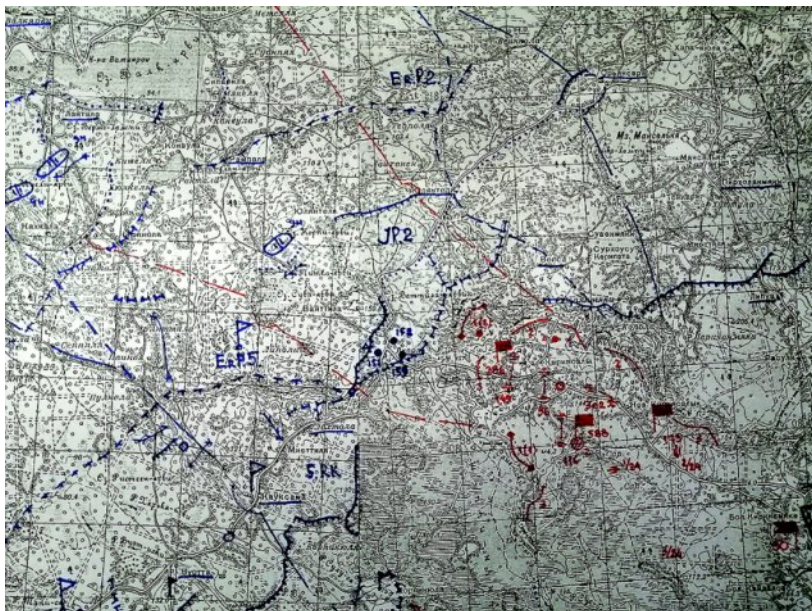
⁵ Сейдин И. И. Указ. соч. С. 65–66.

⁶ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. / Сост.: П. В. Петров, В. Н. Степаков. СПб.: Полигон, 2003. С. 147.

⁷ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1999. С. 150.

³ Сейдин И. И. Линия Маннергейма и Красная армия. СПб.: Гийоль, 2012. С. 61–62.

⁴ Kilkki P. P. Op. cit. S. 104–106.

Ил. 2. Состав и положение противоборствующих сторон 29.11.1939 г.

«высота 129,3». В Липоле имелось 3 дота (№ 157–159 по советской нумерации). 157-й прикрывал подход к Юхоле, 158-й представлял центр обороны деревни Липола, 159-й представлял собой каменное основание таможенного здания на южной окраине Липолы. Передовая (вспомогательная) линия укреплений опиралась на опорный пункт Кауксамо и проходила восточнее основной, по берегу болота Круунунпуйсто, высотам восточнее Липолы и ручью западнее Вепся. Вперед был вынесен опорный пункт Корпикюля. Кроме того, было обустроено две тыловые линии — опорный пункт Нирккола и линия укреплений по северному берегу реки Валкъярви. Существовал целый ряд отсечных позиций, призванных задержать продвижение противника по основным и второстепенным дорогам. Каменные дома, включая кирху, по северному берегу озера Валкъярви и подготовленные к обороне межозерные перешейки являлись последним узлом обороны Валкъярви. Отход группы подразумевался на участок главной линии от Пуннусъярви до Вуоксы⁸ (ил. 2).

⁸ Kilkki P. P. Op. cit. S. 104–105.

Группа была сформирована 6–7 октября 1939 г⁹. В состав группы входили 2-й егерский, 2-й и 5-й отдельные батальоны, 5-я отдельная погранрота, артиллерийский дивизион 4-й артбригады в составе 4 122-мм гаубицы обр. 1910 г., 8 76-мм пушек обр. 1902 г., два взвода противотанковой обороны, взвод 27-й инженерной роты. Основные позиции артиллерии находились в районе Кахкала — Лайтала (гора Молодец). Одна из батарей была предназначена для непосредственной поддержки узла обороны Липола и сосредоточена севернее озера Питкяярви (Долгуша). Командный пункт группы был обустроен на высоте 108,3 у Валкиаматка (Светлое). Общая численность составляла 3550 человек, в т. ч. 150 офицеров¹⁰. Командовал группой брат бывшего командующего армией Финляндии подполковник Ю. Сихво, ранее командовавший 2-м егерским батальоном, участник Первой мировой войны в составе 27-го прусского егерского батальона, затем Гражданской войны и экспедиций в Советскую Россию¹¹. 2-й егерский батальон дислоцировался в Валкъярви (Мичуринское) и был предназначен для обороны Липолы. Пограничная рота должна была удерживать узел Кауксамо. Отдельные резервные батальоны были сформированы из местных жителей «Гражданской гвардии» и предназначались для обороны тыловых позиций и узла Валкъярви¹². Все части хорошо ориентировались на знакомой местности и были отлично подготовлены к скрытным и мобильным действиям.

8 октября в Финляндии началась мобилизация и подготовка к войне с СССР¹³. С утра 9 октября в районе Липола развернулись работы по установке дополнительных проволочных заграждений, сооружению противотанковых препятствий и завалов. Были обновлены доты, дзоты, выдвинуты на передовые позиции станковые пулеметы¹⁴.

В послевоенной литературе и современных блогах появлялись публикации о погибших от внезапного советского артобстрела мирных жителей Липолы¹⁵. Это не соответствует действительности. Из Липолы уже в ночь

⁹ Arkistonmuodostaja: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma / Sarja: Talvisodan sotapäiväkirjat / Arkistoyksikkö: Lipolan suojeluskunta 1939–1940 (SPK 3466).

¹⁰ Kilkki P. P. Op. cit. S. 110–113.

¹¹ Сейдин И. И. Указ. соч. С. 196–197.

¹² Kilkki P. P. Op. cit. S. 112.

¹³ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 76. Л. 12.

¹⁴ Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. СПб.: Издательство Полигон, 2000. С. 47.

¹⁵ Lipolan kansakoululla 1939 // OLIPA KERRAN KARJALA <Электронный ресурс>. Режим доступа: <https://olipakerrankarjala.blogspot.com/2019/07/lipolan-kansakoululla-1939.html> (дата обращения 3.11.2019).

с 9 на 10 октября местное население частично было вывезено на машинах, а вместо него начата переброска егерского батальона¹⁶. 12 октября население Липолы было полностью эвакуировано¹⁷. 21 октября во всей погранзоне Карельского перешейка эвакуация финского гражданского населения была завершена. 16–20 октября в зону предполья прибыли резервисты группы L-Ryhmä 11-й пехотной дивизии¹⁸. На позициях была установлена артиллерия¹⁹. Оборонительные работы продолжались. С началом советского наступления в районе Липолы на шоссе были взорваны все мосты и активированы минные заграждения.

Советская разведка выявила вокруг Липолы четыре дота. Они ошибочно расценивались как наиболее опасная угроза для частей прорыва. Были определены линии инженерных заграждений и противотанковые полосы²⁰. Таким образом, была вскрыта структура опорного пункта Липола и ее магистралей, но совершенно отсутствовали сведения о соседних укреплениях, тыловых линиях и оборонительных структурах. Не было известно об опорных пунктах Вайттила (высота 150,8) и Юхола (высота 163,1).

На оперативное направление на Валкъярви (Мичуринское) предназначалась 90-я стрелковая дивизия 50-го стрелкового корпуса, занявшая позиции к началу войны в Кирьяльском выступе. Она была сформирована в сентябре 1936 г. как 90-я стрелковая дивизия Карельского укрепрайона в Осельках (штаб дивизии), Ленинграде (96-й артиллерийский полк из 2-й артбригады), Гарболово (268-й стрелковый полк из 17-го ОПАБ КаУР), Куйвози (269-й стрелковый полк из 17-го ОПАБ КаУР) и Лемболово (270-й стрелковый полк из 1-го ОПАБ КаУР)²¹. Вскоре в Осельки прибыли артполк дивизии²². 7 сентября в дивизию прибыл вновь сформированный 149-й гаубичный артполк.

17 сентября 1939 г. 70-я и 90-я дивизии заняли позиции на передовом рубеже КаУРа²³. Полки получили новые мобилизационные номера: 268-й стрелковый полк был переименован в 19-й, а 269-й — в 173-й,

270-й — в 286-й²⁴. 24–25 октября 90-я дивизия была переформирована: 19-й стрелковый полк был придан 142-й стрелковой дивизии, а 588-й полк принят из ее состава. Смысл преобразований состоял в дезинформации финской разведки.

Командовал дивизией комбриг П. А. Зайцев (1898 г. р.), участник Первой мировой (прапорщик) и Гражданской войн (завхоз полка, командир роты), с 1936 г. командир полка, начштаба дивизии; командовал 90-й сд с октября 1938 г.). 173-м стрелковым полком командовал майор Бондарев, 286-м — майор Н. Н. Тауканец, 588-м стрелковым полком — майор А. В. Богданов (1903 г. р.; в РККА с 1920; комполка с января 1938 г.).

По штату военного времени № 04/20 в стрелковой дивизии должно было состоять 18,9 тыс. чел., 746 автомашин, 92 тракторов, 18 бронетракторов «Комсомолец», 12 бронемашин, 16 плавающих танков, 40 гаубиц, 38 полевых пушек, 54 противотанковых пушек, 12 зенитных пушек, 48 средних минометов и 81 50-мм миномет. В стрелковом полку числилось 4035 чел., 6 полевых и 12 противотанковых пушек²⁵.

Укомплектованность 90-й стрелковой дивизии по окончании мобилизации 15 сентября составляла: комначсостава — 69%; младшего командного и рядового состава — 89%; конского состава — 76%; автомобильного состава — 55%. Недоставало 10 886 пар теплых портянок, 2289 шаровар, 3541 теплых рубаш, 5879 подшлемников и 10 походных кухонь²⁶. Опытных кадровых военнослужащих в дивизии было всего 600 человек, основную массу личного состава составляли приписники²⁷. Кроме стрелковых, в 90-й дивизии было еще несколько бронетанковых частей, собственных и приданных.

44-й отдельный разведывательный батальон 90-й дивизии состоял из 12 бронемашин и 16 легких плавающих танков Т-37. Предназначался для проведения разведки. Командир — майор А. А. Власов (1905 г. р.; в РККА с 1924 г.)²⁸.

339-й отдельный танковый батальон 90-й дивизии состоял из 12 легких танков Т-26, 20 легких плавающих танков Т-37 и 2 Т-38. В ряде работ показан на фронте с 29 февраля 1940 г., что является ошибкой. Батальон воевал с первых же дней войны. Командир — старший лейтенант Кокка.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 176. Л. 2,28; Д. 281. Л. 197.

²⁵ Ленский А. Г., Цыбин М. М. Первая сотня. Стрелковые, горнострелковые, мотострелковые, моторизованные дивизии РККА. Справочник. СПб., 2003. С. 13–14, 18, 28–30.

²⁶ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 157, 591.

²⁷ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М.: Наука, 1999. С. 86.

²⁸ РГВИА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 670.

¹⁶ Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. С. 48.

¹⁷ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию Советско-финляндской войны / Отв. редакторы Сахаров А. Н., Христофоров В. С., Вихавайнен Т. М.: Академкнига, 2009. С. 164.

¹⁸ Talvisodan historia. Osa 1. Sotatieteen laitos. Suojajoukkojen perustaminen ja keskittäminen. Porvoo: WSOY, 1977. S. 115.

¹⁹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 76. Л. 22.

²⁰ Сейдин И. И. Указ. соч. С. 146.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 86. Л. 347.

²² ЦАМО РФ. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 638. Л. 197.

²³ Аптекарь П. Советско-финские войны. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 42.

Также ряд исследователей показывает действующую на фронте 90-й дивизии 35-ю легкотанковую бригаду. К 30 ноября она имела в своем составе 105-й, 108-й, 112-й танковые батальоны, а также ряд вспомогательных и обеспечивающих частей. Командир — полковник Кошуба. В ноябре, перед началом боев, из бригады был изъят 111-й танковый батальон, который действовал в полосе 8-й армии²⁹. Бригада практически не имела средств эвакуации. переброска бригады на фронт прошла незамеченной финской разведкой³⁰. В действительности вместе с 90-й стрелковой дивизией действовали всего две роты 105-го отдельного танкового батальона (34 танка). Командир батальона — майор Бунтман-Дорошкевич В. А. (1904 г. р.; в РККА с 1919 г.).

В совокупности на участке 90-й дивизии действовало 46 легких танков Т-26 и 38 плавающих танков Т-37 и Т-38.

Поскольку Липола была центральным узлом полосы предполья, то здесь была собрана внушительная артиллерийская группировка.

Прежде всего, самый «старый» 96-й легкий артиллерийский полк 90-й стрелковой дивизии. Он имел на вооружении 4 122-мм гаубицы (обр. 10/30) и 20 76-мм пушек (обр. 02/30). Он поддивизионно придавался стрелковым полкам для поддержки пехоты на поле боя. Командир — майор Пискунов.

149-й гаубичный артполк 90-й стрелковой дивизии был сформирован 7 сентября 1939 г. и имел на вооружении 24 122-мм гаубицы (обр. 10/30), 12 152-мм гаубиц (обр. 10/30). После отмотелизации полк имел большой некомплект ремонтных и специальных подразделений, 50% тракторов, 75% прицепов, а значит, был ограниченно подвижен³¹. Полк был выставлен на главном, липоловском направлении и должен был поддерживать огнем основную ударную группу. Командир — майор П. Н. Осмоловский (1900 г. р., в РККА с 1919 г., участник Гражданской войны, окончил Военную академию РККА)³².

24-й артиллерийский полк был сформирован еще в 1918 г. как «Первая советская батарея», развернут затем в дивизион, а с 1927 г. — в тяжелый (корпусной) полк. В 1939 г. стал корпусным для 50-го стрелкового корпуса. В сентябре был отмотелизован и сосредоточен в Левашово. С 8 октября — в Бол. Киркиамьяках³³. Он представлял собой артиллерию дальнего действия, предназначенную в основном для подавления враже-

ской артиллерии, и имел на вооружении 12 107-мм пушек (обр. 10/30), 24 152-мм гаубицы-пушки (обр. 37). Командир — майор И. И. Толстопятов.

116-й гаубичный артиллерийский полк Ставки Главного командования состоял из 48 152-мм гаубиц и обеспечивал 588-й стрелковый полк. Командир майор Турбин Д. И. (1903 г. р., в РККА с 1922 г., участник Гражданской войны, окончил Военно-техническую академию РККА). 12 декабря полк был переведен в состав группы Грендаля.

302-й гаубичный артполк Ставки Главного командования состоял из 48 152-мм гаубиц и был придан 173-му стрелковому полку.

Всего на участке наступления 90-й стрелковой дивизии было сосредоточено 132 152-мм, 28 122-мм, 12 107-мм и 20 76-мм орудий.

Слева от 90-й через Вуотту должна была наступать 43-я стрелковая дивизия 19-го стрелкового корпуса полковника В. В. Кирпичникова. Дивизии был придан 161-й отдельный батальон легких танков Т-26 из состава 40-й танковой бригады под командованием капитана Н. В. Лебедева³⁴. Правофланговый 181-й стрелковый полк 43-й дивизии был сформирован 7 сентября 1939 г.³⁵ Командир полка — майор В. Т. Гноевой (1904 г. р.; в РККА с 1926 г.).

Учитывая важность направления, 26 ноября на участок ударного 286-го стрелкового полка 90-й дивизии прибыл начальник ПУ РККА Л. З. Мехлис³⁶. Вместе с ним прибыла инспекция 7-й армии — член военного совета Т. Ф. Штыков и начальник политотдела П. И. Горохов.

Артподготовку в 8.00 30 ноября на участке Липола начали 24-й корпусной и 149-й гаубичный полки. 24-й корпусной полк вел огонь по Липоле, Вепсе, Рампале и Валкъярви³⁷. Артиллерийский огонь по местам дислокации охраняемых частей не причинил больших потерь противнику, потому что финские войска успели уже занять боевые позиции минувшей ночью³⁸. После 30-минутной артиллерийской подготовки 7-я армия перешла в наступление и, по сводкам, через 2 часа заняла Корпикюля — Липола. Было заявлено, что наступление идет без серьезных препятствий³⁹.

В 8.30 30 ноября 1939 г. передовые отряды 181-го стрелкового полка 43-й дивизии начали выдвигание через реку и болото от Стекланного на Корпикюлю. Саперы еще при артподготовке под прикрытием огня

³⁴ Сейдин И. И. Указ. соч. С. 197.

³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 237. Оп. 2410. Д. 45. Л. 843.

³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 176. Л. 28.

³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 11109. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

³⁸ Talvisodan historia. Osa 2. Sotatiiteen laitos. Suojajoukkotaistelut. Porvoo: WSOY, 1978. S. 34–35.

³⁹ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 206.

²⁹ Коломиец М. В. Зимняя война. «Ломят танки широкие просеки» (Военная летопись России). М., 2014.

³⁰ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 197, 415.

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 10943. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³² РГВИА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 670.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 11109. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

орудий приступили к строительству гатей и настилов. Первыми под звуки «Интернационала» из репродукторов по проложенным переправам двинулись танки, за ними разведбат⁴⁰. Уже к обеду они оттеснили 5-ю финскую погранроту из Корпикюли к шоссе Липола — Вуоттаа, где на укрепленной позиции вступили в бой с 5-м отдельным батальоном⁴¹. При форсировании реки Суойоки вышли из строя 2 Т-37 из состава 369-го отдельного танкового батальона 43-й дивизии⁴². К 17.00 43-я дивизия с боями заняла Корпикюля, Вехмайнен.

В полосе 90-й дивизии в 8.30 173-й стрелковый полк при поддержке 302-го гап форсировал реку Тунгельманйоки (Смородинка). 1-й батальон полка встретил незначительное сопротивление и к 13.00 овладел финским пограничным кордоном Вепся (Полуденное). 2-й батальон с приданной ротой Т-26 339-го отдельного танкового батальона без сопротивления вошел на другой финский кодон Кярсяля (Смородино). При форсировании реки подорвался на mine один Т-26. 3-й батальон занял приграничные высоты между Кярсяля и Расули⁴³.

286-й стрелковый полк форсировал реку Сайяньйоки (Волчья). 149-й гап, обеспечивавший продвижение 286-го полка, огнем с закрытых и открытых позиций уничтожил пограничные укрепления⁴⁴. 1-й батальон при поддержке танковой роты 105-го отдельного танкового батальона преодолел болотистую долину верховьев Сайяньйоки и выдвинулся на Липолу. После короткого боя за высоту 117,0 (северо-восточнее Липолы) он с 4 танками Т-26 (остальные застряли в болоте) к 13.00 вышел к Валимаа (северная часть Котово) и перерезал шоссе на Рауту. У озера Ваттиланярви (Котовское) батальон натолкнулся на укрепления, прикрытые огнем с высоты 150,8 (деревня Вайттила). 2-й батальон вслед за ним после прохождения высоты 117,0 продвигался на Юлянтелю (Каменка). К 13.00 он занял высоту 137,4 (дом отдыха Котово). Здесь проходила основная линия укреплений, и с полной уверенностью можно сказать, что она была прорвана благодаря эффекту внезапности. Дальнейшее продвижение передового отряда натолкнулось на огонь с высоты 150,8. 3-й батальон при поддержке танковой роты 105-го танкового батальона наступал вдоль дороги Кириясалы — Липола. В 9.00 был захвачен и разминирован мост, к 10.30, не встречая сопротивления,

батальон взял таможенный пост (дот № 159). К 13.00 батальон с 5 танками Т-26 овладел деревней Липола и занял центральный дот (№ 158). К западу от Липолы батальон наткнулся на линию укреплений, прикрываемую дотом № 157 на высоте 148,7. В ходе боя высота 148,7 с дотом была взята. Однако огонь противника с командной высоты 163,1, не отмеченной на карте, остановил дальнейшее продвижение советских войск на линии укреплений.

588-му стрелковому полку для достижения финской оборонительной линии необходимо было преодолеть реку Сайяньйоки и 4-километровое болото Круунунпуйсто (Залесное). В 10.30 1-й батальон по просеке подошел с юга к Юхола (юж. Котово) и занял высоту 127,4 (Морошка), перерезав шоссе Липола — Вуоттаа. 2-й батальон выдвигался на дистанции в 1 км за ним. Здесь оба батальона приступили к разминированию шоссе и подходов к линии укреплений. 3-й батальон, пройдя при поддержке саперного батальона дивизии болото, в 11.00 вышел к Лехтола, где вступил в бой с ротой 5-го отдельного батальона. Так без боевых столкновений и потерь полк Красной армии обошел вспомогательные укрепления L-Ryhmä и вышел в тыл опорному пункту Кауксамо (Раскаты), где располагался штаб 5-го финского батальона. Он был срочно выведен в район высоты 127,1, за основную линию укреплений.

Так к 15.00 90-я стрелковая дивизия, не встречая особого сопротивления, тремя передовыми отрядами заняла Вепся, Липола, Миетилля (Верховье). К этому времени финны определили направление основных ударов Красной армии, перегруппировали силы и подтянули резервы.

173-й полк 1-м батальоном свернул из Вепся в лес на просеку и вско-ре вступил в бой за высоту 99,3 на подступах к Юлянтеля. Ему вслед вступил 2-й батальон, за ним танковая рота Т-26. В район Вепся выдвинулись приданные части — 302-й гаубичный полк и два взвода истребительного противотанкового дивизиона. У небольшого ручья при подходе к высоте 99,3 полк попал на минное поле. Подорвался еще один Т-26. К работам по разминированию приступили саперы полка и взвод саперного батальона дивизии. К ночи полк расположился у минного поля. Общие потери полка за день составили 6 убитых (в т. ч. 1 комсостава) и 11 ранено (в т. ч. 3 комполитсостава)⁴⁵.

286-й полк при поддержке батареи истребительного противотанкового дивизиона, саперного взвода дивизии, 149-го гаубичного полка и двух рот 105-го танкового батальона приступил к штурму опорных пунктов 150,8 и 163,1. Без серьезной артиллерийской подготовки он попытались овладеть районом Липола с ходу. 1-й батальон при поддержке 4 танков Т-26 безуспешно атаковал позиции в Вайттиле в лоб, 3-й при поддержке

⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 6578. Оп. 69136. Д. 1. Л. 68–70.

⁴¹ Сейдин И. И. Указ. соч. С. 198.

⁴² Иринчев Б. Танки в Зимней войне. М.: Тактикал Пресс, 2013. С. 221, 241.

⁴³ Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии 30.11.39–12.12.39 в районе Кириясалы–Липола–оз. Валкярви–Кивиниеми // 588 стрелковый полк <Электронный ресурс>. Режим доступа: <https://588polk.jimdo.com> (дата обращения 5.11.2019 г.)

⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 10943. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴⁵ Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии...

5 танков Т-26 и взвода полевых пушек — высоту 163,1. Подразделения 2-го батальона занимали прорванный участок на высоте 137,4, кроме 4-й роты, которая вышла к Илянтеля. Это был серьезный тактический прорыв. Под угрозой оказались позиции финской батареи к западу от озера Корпиярви (Былинное). К ночи 5-я рота перешла в Илянтеля, а 6-я была выведена в резерв полка. Потери полка — убито 12, ранено 30 человек⁴⁶. В первый же день дивизия потеряла подбитыми 12 танков, 5 из которых застряли в болоте, 10 тракторов «Комсомолец» и 2 вышедших из строя орудия⁴⁷. Наступление приказом Мехлиса было приостановлено.

В первый день наступления из частей 90-й стрелковой дивизии наибольших успехов достиг 588-й полк. Еще в 16.00 его 1-й батальон после разминирования полосы укреплений в районе Юхала, воспользовавшись тем, что основные силы 2-го егерского батальона финнов были втянуты в бой, форсировал каньон ручья Юксеноя (Тальник) и захватил хутор Липола (Липола-Западная, Святлячки). Это был второй прорыв основной линии передовых укреплений L-Ryhmä. Сюда были переброшены дополнительные силы 5-го финского батальона, снятые с других участков обороны⁴⁸. К вечеру 3-й батальон 588-го полка с боем овладел деревней Миеттиля (Верховье). Под угрозой оказалась вся линия вспомогательных укреплений L-Ryhmä. 2-й батальон составил резерв полка, штаб которого перешел в район высоты 127,4. Примерные потери — около 40 человек ранеными.

Всего в дивизии показаны потери за день 27 убитых, 105 раненых⁴⁹. По данным 50-го стрелкового корпуса за первый день войны составили всего 9 убитых и 58 раненых. На минах подорвалось 6 танков и 1 бронемашин⁵⁰.

К 18.30 части дивизии вели бои за Юлянтеля (Каменка), Юхала (Южное Котово), Миеттиля (Верховье)⁵¹.

В первый день войны не обошлось без происшествий: во время наступления беспартийный красноармеец 90-й стрелковой дивизии Михайлов бросил винтовку и попытался перейти на сторону противника. Он был арестован и после короткого следствия дело было передано в во-

енный трибунал. Воен трибуналом 50-го стрелкового корпуса Михайлов был осужден к 10 годам лишения свободы и поражением в правах на 5 лет⁵².

В атаках на д. Липола лично принимал участие Мехлис, а также все управление дивизии: командир, комиссар, начальник политотдела, редактор дивизионной газеты. Все они словом и делом подбадривали бойцов идти на штурм финских укреплений⁵³. По мнению командующих 7-й армией В. Ф. Яковлева и К. А. Мерецкова, это не только усложняло процесс управления войсками, но даже мешало этому.

<Командующий 50-м ск>. В первые же дни после перехода границы была выявлена подготовка наших войск. Несмотря на то, что 142-я стрелковая дивизия была развернута из тройчатки, она имела успех, в то время как 90-я кадровая дивизия топталась на месте. Пришлось выезжать лично в 90-ю стрелковую дивизию и изучить причины слабости действий. Основная причина — недоработка взаимодействия частей. Меня в этом часто обвинял командующий 7-й армии. Он говорил, что вам надо командовать не корпусом, а взводом. ГОЛОС. Вот вы так и делали с товарищем Мехлисом, шли в этом направлении. МЕХЛИС. Я добивался, чтобы артиллерия прошла⁵⁴.

Тем не менее, при подведении итогов действий дивизии за первый день боев Мехлис констатировал:

Дивизия не выполнила боевого приказа. Руководство дивизией во время боя со стороны командования было формальное, бумажное. Не было постоянной связи во время боя с действующими частями. Артиллерия действовала только утром в артподготовку, а в течение всего дня молчала. Было плохо организовано питание бойцов на переднем крае. Очень много раненых из-за отсутствия связи. Нет совершенно пленных, хотя с нашей стороны много раненых и убитых.

Начальник ГлавПУРа приказал исправить положение и выполнить боевую задачу на следующий день⁵⁵.

Несмотря на негативные оценки советским командованием и современными исследователями первых дней наступления, необходимо констатировать достаточно серьезные успехи 90-й стрелковой дивизии на главном направлении. В первый же день советского наступления финские позиции на стыке L-Ryhmä и M-Ryhmä были прорваны, 5-я пограничная рота оттеснена в район Вуотты. Действия советских войск на стыке L-Ryhmä и M-Ryhmä вызвали обеспокоенность финского

⁴⁶ Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии...

⁴⁷ РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1591. Л. 4, 6; *Аптекарь П.* Советско-финские войны. С. 77–78.

⁴⁸ Arkistonmuodostaja: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma / Sarja: Talvisodan sotapäiväkirjat / Arkistoyksikkö: Erillinen pataljoona 5. 2. komppania 1939–1940 (SPK 430).

⁴⁹ Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии...

⁵⁰ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. С. 199; Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 216.

⁵¹ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. С. 198–199.

⁵² Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию Советско-финляндской войны. С. 218, 301.

⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 176. Л. 28; РГВИА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 670.

⁵⁴ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. С. 86.

⁵⁵ Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии...

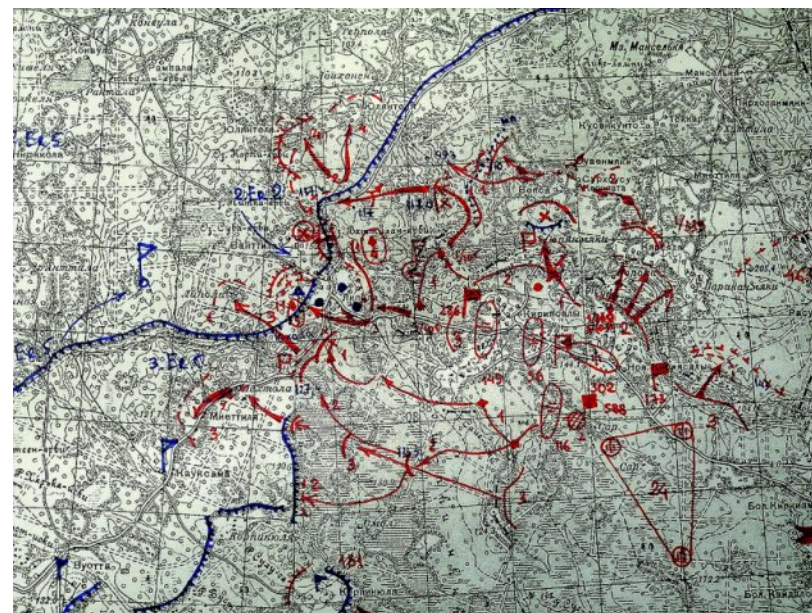
командования. Предполагался возможный отход L- и M-Ryhmä на Валкъярви. Сюда были направлены резервы — легкий разведывательный отряд (КевОс. 11) и батальон 32-го пехотного полка (JR. 32)⁵⁶. На участок Вуоттаа был переброшен 4-й отдельный батальон (Er. P. 4)⁵⁷. Основной узел обороны Липола оказался частично захвачен, частично окружен. Главная полоса предполья была прорвана в направлении Илянтеля и Липола-Западная. Однако советское командование, вместо того, чтобы развивать успех, чего опасались финны, начало бессмысленный штурм двух опорных пунктов совершенно недостаточными силами (ил. 3).

Ночью на 1 декабря финны провели ряд вылазок, заставив подразделения 286-го полка оставить некоторые важные позиции. Так, в ходе контрудара 2-го отдельного батальона 4-я и 5-я роты были выбиты из Илянтеля и вынуждены были с утра штурмовать деревню. 2-й егерский батальон контратаковал 3-й советский батальон на высоте 148,7, заставил его покинуть высоту, но затем был вновь отеснен на высоту 163,1.

1 декабря 90-я стрелковая дивизия вела бои за обладание опорным пунктом Вайтилья, обороняемым 2-м егерским батальоном финнов⁵⁸. В связи с выходом из строя значительного числа танков Т-26 стрелкам в помощь была придана 3-я рота 339-го танкового батальона на танках Т-37. 1-й батальон 286-го полка при поддержке танковой роты в 10.50 атаковал высоту 150,8. Танкисты уничтожили 6 из 9 пулеметных точек противника, но атака все равно захлебнулась⁵⁹. После убийства «большого начальства» командование дивизии «забыло» о своих солдатах. В районе действия 286-го полка в деревне Липола раненые бойцы пехотных частей лежали на снегу с 10 до 18 часов, пока не были подобраны медперсоналом 105-го отдельного танкового батальона 35-й танковой бригады⁶⁰.

173-й стрелковый полк с ротой Т-26, преодолев, наконец, минное поле, вышел к шоссе у деревни Юлянтеля (Каменка), где попал под сильный огонь с высоты 129,3. В течение дня взять высоту не удалось⁶¹.

Наибольших успехов во второй день наступления добился опять 588-й стрелковый полк. Утром его 1-й батальон из Липолы безуспешно попытался овладеть опорным пунктом высота 127,1, занятым 5-м отдельным батальоном финнов. В связи с взятием Кауксамо соседним 181-м стрелковым полком высвободился 3-й батальон 588-го полка,

Ил. 3. Боевые действия 30.11.1939

который вместе с 2-м прорвал основную линию укреплений по ручью Юксеноя и атаковал высоту 127,1. Несмотря на привлеченные силы, полк не смог овладеть ею, но стянул на себя основные силы финского батальона, в связи с чем соседний 181-й полк смог без особых усилий прорвать оборону 5-й погранроты, занять Пулкала и Антилла-Западная (Васильево) на 4 км вглубь основной укрепленной линии. 588-й полк понес потери 7 убитых, 17 раненых⁶². Батальоны 588-го стрелкового полка, в отличие от 286-го, действовали по-суворовски — «двигаться порознь, атаковать вместе». Несмотря на то, что Липола была важнейшим узлом предполья, против серьезных укреплений были выставлены незначительные силы в два батальона. 588-й полк не только разорвал основную линию вражеских укреплений, но и смог сосредоточиться на взятии неосновного опорного пункта, что вызвало необходимость усиления и переброски сил с других направлений.

При рассмотрении действий дивизии на тактическом уровне в более ранних исследованиях проявляется ряд ошибок. Так, в фундаментальной работе «Советско-финляндская война 1939–1940» с опорой на архивные

⁶² Там же.

⁵⁶ Kilkki P. P. Op. cit. 115–116.

⁵⁷ Talvisodan historia. Osa 2. Sotatieteen laitos. S. 35.

⁵⁸ Сейдин И. И. Указ. соч. С. 198.

⁵⁹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1591. Л. 4, 6.

⁶⁰ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 225.

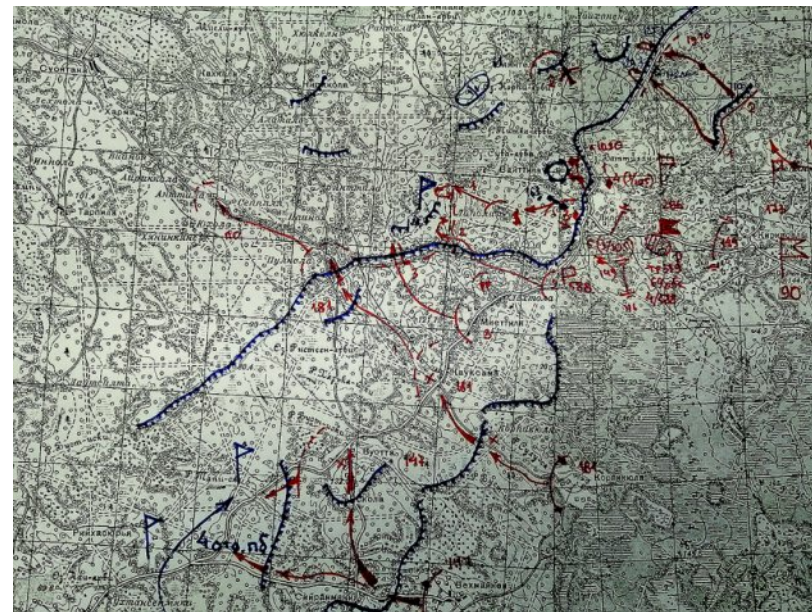
⁶¹ Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии...

документы говорится, что 90-я дивизия в течение дня овладела опорными пунктами Юлянтеля, Вайттила, и вышла на южный берег р. Суонтакайоки в районе высоты 121,7 в 2,5 км. северо-западнее Миеттиля⁶³. В действительности дивизия смогла взять Юлянтеля и Вайттила только 2 декабря, а ручей, на который вышел 588-й полк, именовался Юксеноя (Тальник).

43-я стрелковая дивизия в течение дня штурмом взяла Кауксамо, Вуотту и Сиранмяки. На минах подорвалось 3 танка 40-й танковой бригады⁶⁴. К вечеру 1 декабря после трехчасового боя с 5-м отдельным батальоном финнов правофланговый 181-й стрелковый полк овладел д. Кауксамо, 147-й полк занял Вуоттаа, а 65-й полк, имея локтевую связь с 24-й стрелковой дивизией, вышел к развилке дорог в полутора километрах юго-восточнее Риихи-Сюръя (выс. 111)⁶⁵. Батальон 181-го полка к 15.00 вышел к Пулкала (юж. Баскаково) и после подхода других батальонов, несмотря на огонь финской артиллерии, овладел деревней. Передовой отряд выдвинулся вперед и вскоре занял Анттилу западную (Васильево)⁶⁶. Авангард 147-го полка овладел высотой 92,1 в 2 км западнее Вуоттаа⁶⁷. В ночь на 2 декабря в районе Вуотты и Кауксамо 43-я стрелковая дивизия прорвала оборону 4-го и 5-го отдельных финских батальонов и выдвинулась к главной полосе линии Маннергейма⁶⁸. В результате сложившейся ситуации остальные части L-Ryhmä также стали с боями отходить.

По официальным данным, в течение дня потери в корпусе составили 17 убитых и 35 раненых. В ходе боев были захвачены в плен 2 офицера и 3 солдата противника⁶⁹.

В течение дня основные позиции линии прикрытия 2-го егерского батальона были прорваны советскими войсками. На участке Юлянтеля и Вайттила в бой вступил 2-й отдельный батальон, а на участке Лехтола — Миеттиля — 5-й отдельный батальон. 2-й егерский, оставив подразделения в Вайтилле, отошел в резерв группы⁷⁰. 2-я рота 2-го финского отдельного батальона была выведена в Рампалу⁷¹ (ил. 4).

Ил. 4. Боевые действия 1.12.1939

В ночь на 2 декабря финские лыжники проникли в тыл 173-го полка и напали на хозяйственные подразделения в лесу северо-западнее Вепся.

2 декабря 90-я стрелковая дивизия прорвала линию обороны противника на флангах основного узла обороны Липола. 173-й стрелковый полк двумя батальонами с ротой Т-26 в ходе тяжелого штурма к 22.00 овладел высотой 129,3 и деревней Юлянтеля (Каменка)⁷².

2-й батальон 286-го полка при поддержке выставленного на прямую наводку орудий 1-го дивизиона 149-го гаубичного полка штурмом взял деревню Илянтелля. Наблюдательный пункт дивизиона был выдвинут на 1 км вперед пехоты, чем обеспечил огневое подавление противника и взятие деревни⁷³.

Основные силы 286-го полка при поддержке пулеметных, артиллерийских и огнеметных танков 105-го и 339-го батальонов неоднократно атаковали укрепленные позиции в Вайтилле (150,8) и Юхола (163,1). Несмотря на отвод главных сил, финские отряды прикрытия не оставили укреплений даже после того, как 588-й стрелковый полк вышел

⁶³ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. С. 200.

⁶⁴ Иринчев Б. Танки в Зимней войне. М.: Тактикал Пресс, 2013. С. 241.

⁶⁵ РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 553. Л. 3.

⁶⁶ ЦАМО РФ. Ф. 6578. Оп. 69136. Д. 1. Л. 68–70.

⁶⁷ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. С. 200.

⁶⁸ Сейдин И. И. Указ. соч. С. 198.

⁶⁹ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. С. 200.

⁷⁰ Kilkki P. P. Op. cit. S. 116; Talvisodan historia. osa. 2. Sotatieteen laitos. S. 37.

⁷¹ Arkistonmuodostaja: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma / Sarja: Talvisodan sotapäiväkirjat / Arkistoyksikkö: Erillinen pataljoona 2. 2. komppania 1939–1940 (SPK 400)

⁷² Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии...

⁷³ ЦАМО РФ. Ф. 10943. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

в тыл обороняющимся. Только к концу дня 2 декабря командование 90-й дивизии приняло решение выкатить для ведения огня прямой наводкой по опорным пунктам противника 152-мм орудия, огонь которых заставил их гарнизоны сдаться⁷⁴. Так к вечеру 2 декабря 286-й полк при поддержке тяжелой артиллерии овладел опорными пунктами Вайттиля и Юхола.

При выполнении боевых заданий бойцы и командиры проявили героизм, смелость и инициативу. Так, в 15.00 химвроты 35-й отдельной танковой бригады под командой воентехника 1-го ранга Леонтьева вышла по заданию на уничтожение долговременных огневых точек противника. Прибыв к месту, воентехник Леонтьев, видя, что наступающие части 90-й дивизии задерживаются, передал командование ротой младшему командиру, сам же возглавил действия пехоты. Умелой организацией взаимодействия химических танков с пехотой укрепленный узел противника был ликвидирован⁷⁵.

Механик-водитель танка ХТ-26 (БХМ-3) роты боевого обеспечения 35-й легкой танковой бригады младший командир Ф. Кротов, уроженец Няндомского района Архангельской области, охраняя подорванный танк у деревни Липола, огнем из пулемета подавил вражеские огневые точки. Вместе с командиром танка он разминировал дорогу, обезвредив 28 мин.

Заместитель политрука Панфилов и командир отделения связи 286-го стрелкового полка младший командир Василий Галахов, уроженец деревни Лисицы Калининской области, отличились в бою при штурме Липола. Они забросали гранатами дом, превращенный в огневую точку, уничтожили трех ведущих огонь солдат противника и заняли его, способствовав занятию деревни⁷⁶. В ходе боя Галахов остался в строю несмотря на ранение. Позже за этот и другие подвиги Кротов и Галахов были представлены к званию Героев Советского Союза. Панфилов был награжден орденом Красного Знамени.

При скоплении значительных бронетанковых сил в районе Липола из-за отсутствия между ними взаимодействия произошло чрезвычайное происшествие. В 13.00 танки Т-26 105-го батальона 35-й танковой бригады открыли огонь по плавающим танкам 3-й роты 339-го батальона 90-й стрелковой дивизии, расстреляв 3 Т-37 и выведя из строя 5 человек, из которых 3 погибли⁷⁷.

2 декабря 588-й стрелковый полк вновь подтвердил свои умения и успешность. Утром батальоны вновь безуспешно попытались штур-

мовать высоту 127,1. Для обхода укреплений был выделен 3-й батальон, который успешно достиг Пайноя (юж. Баскаково), где вышел на дорогу Вуоттаа — Валкъярви. Избегая окружения, 5-й финский батальон оставил высоту 127,1 и стал отходить. Два батальона 588-го полка, преследуя его, наткнулись в Нирккола (Казанково) на промежуточную линию обороны, где были встречены артиллерийским огнем финского дивизиона, стоявшего на позициях у Лайталы (Крайнее). Сюда же финнами временно на смену 5-му был переброшен 3-й батальон 32-го пехотного полка с противотанковой ротой⁷⁸. В ходе боя был ранен начштаба полка капитан Ф. С. Тунев, а командир передового отряда погиб. 18 человек были ранены⁷⁹. Попытка штурма Ниркколы не удалась.

К вечеру 2 декабря части 43-й дивизии вышли на рубеж Вайноя, Лаутсилта (сз. Кировского), Пяствяринта⁸⁰. 2 декабря 181-й стрелковый полк овладел Вайноя (юж. Васильево)⁸¹. Рота 5-го финского батальона оказалась в полуокружении⁸². На помощь финским резервистам был брошен 3-й егерский батальон.

2 декабря на участке L-Ryhmä шли ожесточенные бои, в ходе которых, по мнению финнов, удалось задержать советские войска для успешного отвода соседних групп. Тем не менее, части L-Ryhmä также стали готовиться к отходу⁸³. В 15.20 финским войскам M-Ryhmä была дана команда на отход из-за отсутствия поддержки артиллерии вследствие прорыва советских войска. 32-й пехотный полк выдвинулся для подготовки и обеспечения эвакуации частей и учреждений L-Ryhmä. К концу дня 2 декабря финны удерживали рубеж Нирккола (Казанково), 3-й батальон 32-го полка — хр. Белоканы (5-й отдельный батальон) — оз. Корпийярви (Былинное), 2-й отдельный батальон) — Ориансаари⁸⁴ (ил. 5).

В ночь на **3 декабря** из-за раскола полосы предполья на две части и дезинформации о советском десанте в Сормула подразделения L-Ryhmä получила приказ об отходе и начала движение на главную полосу линии Маннергейма. На помощь измотанным в боях батальонам L-Ryhmä был выдвинут 32-й пехотный полк и две гаубичные батареи 11-го тяжелого

⁷⁸ Arkistonmuodostaja: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma / Sarja: Talvisodan sotapäiväkirjat / Arkistoyksikkö: Erillinen pataljoona 5. 1939–1940 (SPK 428).

⁷⁹ Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии...

⁸⁰ РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 553. Л. 4–6.

⁸¹ ЦАМО РФ. Ф. 6578. Оп. 69136. Д. 1. Л. 68–70.

⁸² Arkistonmuodostaja: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma / Sarja: Talvisodan sotapäiväkirjat / Arkistoyksikkö: Erillinen pataljoona 5. 2. komppania 1939–1940 (SPK 430).

⁸³ Talvisodan historia. Osa 2. Sotatieteen laitos. S. 39–41.

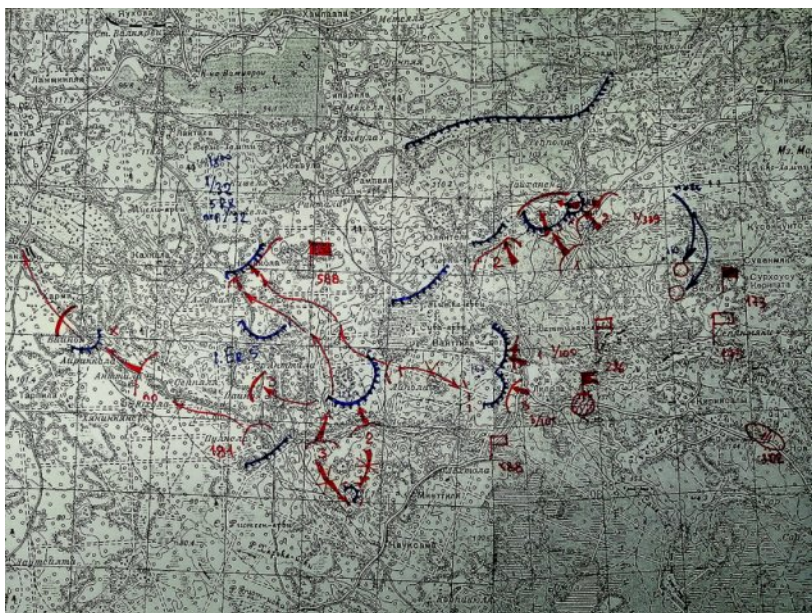
⁸⁴ Сейдин И. И. Указ. соч. С. 198–200.

⁷⁴ РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1591. Л. 4,6.

⁷⁵ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 238–239.

⁷⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 176. Л. 28.

⁷⁷ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 238; *Коломиец М.* Танки в Зимней войне 1939–1940 // Фронтная иллюстрация. 2001. № 3. С. 29.

Ил. 5. Боевые действия 2.12.1939

артполка из состава 11-й пехотной дивизии. Общие силы L-Ryhmä составили 5,6 тысяч человек и 16 тяжелых орудий. На западном участке Валкъярви оставались для обороны 1-й батальон 32-го полка и погранроты, на восточном — 3-й батальон 32-го полка. 2-й егерский батальон был выведен в резерв, а 2-й и 5-й приступили к отходу за Пуннусярви⁸⁵. Некоторые подразделения продолжили борьбу, но без поддержки основных сил и при штабной неразберихе вынуждены были также отходить. Советские войска активно преследовали врага. Подготовка контрудара силами подошедшего 32-го полка не состоялась, и все силы L-Ryhmä 4 декабря стали отходить к главной линии обороны⁸⁶.

Днем 90-я стрелковая дивизия, преследуя отходящие финские войска, заняла Валкъярви (Мичуринское). Полоса обеспечения была занята советскими войсками⁸⁷. 173-й стрелковый полк с ротой Т-26 339-го танкового батальона был свернут в маршевую колонну и стал продвигаться на Хампаала (вост. Мичуринское). В течение дня ему пришлось разми-

нировать промежуточную линию укреплений на реке Валкйоки, поэтому к исходу дня полк остановился на подходах к Сипариля (Бережок)⁸⁸.

286-й стрелковый полк с 105-м танковым батальоном преследовали противника по шоссе Липола — Хампаала. После прохождения Рампалы 2-й батальон был направлен по восточному берегу озера Валкъярви (Мичуринское), а остальные по южному. Первые же дни боев показали неподготовленность бойцов и командиров к действиям в лесисто-болотистой местности, а также неумение ориентироваться на ней. Вечером 1-й и 3-й батальоны потеряли ориентировку у оз. Валкъярви и всю ночь кружили в районе Миккола, Вейкола, Хоттала (все — юж. берег Мичуринского). К утру 2-й батальон занял Сипариля, а 1-й и 3-й — Лайтала⁸⁹.

588-й полк обнаружил отход противника с позиций в Нирккола и в ходе преследования захватил Нирккола и Койвула (Медведевское)⁹⁰. В этот же день полк потерял 3-й батальон, который был обнаружен в тылу дивизии, в Пайноя, только 4 декабря⁹¹. На следующий день два батальона 588-го стрелкового полка, наступая на Хоттала, Миэттила, ранее занятые подразделениями 286-го стрелкового полка, вступили с ним в перестрелку⁹². Общее количество потерь 588-го полка за 30 ноября — 4 декабря составили 33 убитыми, 98 ранеными, 225 обмороженными (ноги).

44-й разведывательный батальон к концу дня достиг Лехтомяки.

В 43-й стрелковой дивизии весь день 3 декабря ушел на подтягивание отставших артиллерии и обозов. Стрелковые подразделения готовились к новому наступлению⁹³. 181-й стрелковый полк овладел Харма, Илмола, Пентилля (Васильево, Коробицыно)⁹⁴ (ил. 6).

4 декабря успешное продвижение войск в полосе предполья и выход к пограничной реке Тайпаленйоки укрепило советское командование в намерении ударом в направлении Кексгольма попытаться прорвать здесь укрепленный район и в дальнейшем развивать прорыв во фланг и тыл оборонительной полосы. С этой целью 4 декабря была создана оперативная группа комкора В. Д. Гренделя. Группе Гренделя с липоловского участка были переданы два дивизиона 116-го гаубичного полка Резерва Главного командования и 3-й дивизион 96-го артиллерийского полка (90-й дивизии)⁹⁵.

⁸⁸ Начало войны. Бои 90-й стрелковой дивизии...

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. С. 201.

⁹¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 1591. Л. 9.

⁹² Аптекарь П. Советско-финские войны. С. 77–78.

⁹³ РГВА. Ф. 34980. Оп. 10. Д. 553. Л. 4–6.

⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 6578. Оп. 69136. Д. 1. Л. 68–70.

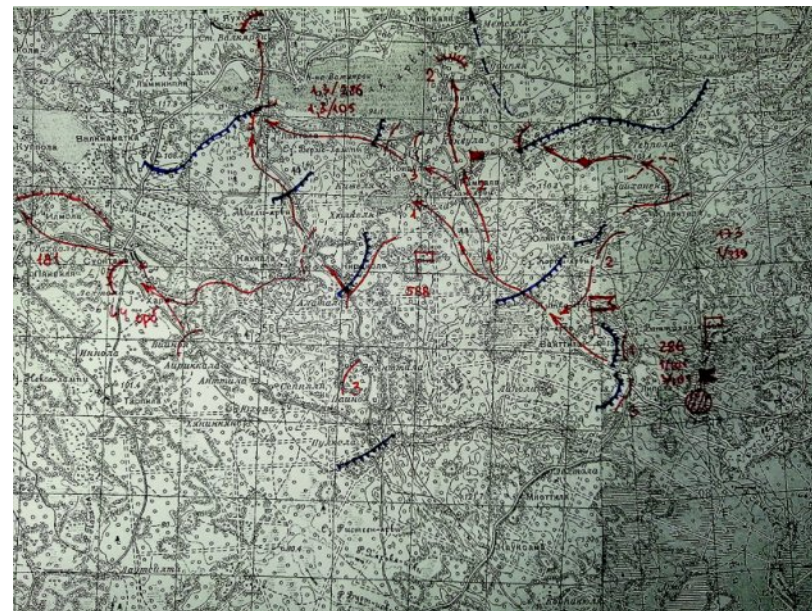
⁹⁵ Широкопад А. Б. Северные войны России. М.: АСТ, 2001. С. 622.

Общие потери финнов L-Ryhmä за 30 ноября — 4 декабря составили 98 человек (в т. ч. 12 офицеров), что составляет 2,7% от общего количества группы⁹⁶. Группа потеряла столько же офицеров, сколько все остальные группы предполья вместе взятые (ил. 7).

Таким образом, в течение трех дней финские силы полосы обеспечения сдерживали превосходящие силы Красной армии, усиленные танками и авиацией. Основной причиной этого послужили плохая разведка, отсутствие взаимодействия между частями и родами войск РККА, слабое маневрирование, грамотное использование пересеченной местности финскими войсками. Среди общих причин были и частные. Так, например, в 90-й стрелковой дивизии не использовали 50-мм минометы. Командиры стрелковых полков отказались получать их для частей, а комбриг Зайцев не только не принял мер, но сам согласился с командирами полков, заявляя, что минометы не нужны, так как в подразделениях с ними никто не умеет обращаться. 24-й корпусной артополк, приданный 90-й дивизии, не получая информации от командования, не знал местонахождения стрелковых частей и выполняемые ими боевые задачи, в то время, когда пехотные части на озере Валкъярви несли большие потери, батареи 24-го кап бездействовали⁹⁷. По неудовлетворительным результатам преодоления линии предполья командующий 7-й армией В. Ф. Яковлев был заменен на К. А. Мерецкова.

Финны сосредоточили довольно сильную и мобильную боевую группу в предполье мощной фортификационной линии. Опыт Второй мировой войны показывает, что при дополнении подобных групп мотопехотой и штурмовыми противотанковыми самоходными артиллерийскими установками при поддержке авиацией они способны не только сдерживать превосходящие силы противника, но и вынуждают его концентрировать крупные ударные группировки, уязвимые для артиллерии и воздушных ударов. Отсутствие в финляндской армии 1939 г. подобных средств, а также пренебрежение ими в ходе войны 1941–1944 гг. привели ее к поражению.

Действия советских войск в оперативном аспекте выглядят вполне достойно, в духе времени. Однако отсутствие опыта и умения в вопросах снабжения, взаимодействия частей и родов войск, инженерной подготовки, низкий технологический уровень боевой техники, а также слабое профессиональное техническое и боевое мастерство привели к пониженной эффективности и большим потерям в тактическом аспекте. Для полного понимания условий и хода боевых действий в начале Советско-финляндской войны необходимо учитывать исключительную

Ил. 6. Боевые действия 3 декабря 1939 г.

Ил. 7. Бой за Липолу

сложность оперативной и тактической разведки при некомплектном милитаризованном населении, высокую боевую подготовку егерских и резервных частей, сложно-пересеченный рельеф местности театра военных действий, ограничивший применение тяжелой техники, нестандартную диверсионно-партизанскую тактику противника. Тем не менее, советские войска, действуя в рамках оперативно-тактических взглядов того времени, успешно прорвали заблаговременно подготовленную и занятую линию обороны противника, создали угрозу окру-

⁹⁶ Kilkki P. P. Op. cit. S. 128.

⁹⁷ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 569, 571.

жения и разгрома его частей, овладели ключевым узлом обороны центральной части предполья линии Маннергейма.

Qui potest facere melius?

Список литературы

- Аптекарь П.* Советско-финские войны. М: Эксмо, Яуза, 2004.
- Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны. / отв. редакторы Сахаров А. Н., Христофоров В. С., Вихавainen Т. М.: Академкнига, 2009.
- Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1999.
- Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М.: Наука, 1999.
- Ириичев Б.* Танки в Зимней войне. М.: Тактикал Пресс, 2013.
- Коломиец М. В.* Зимняя война. «Ломят танки широкие просеки». М., 2014.
- Коломиец М. В.* Танки в Зимней войне 1939–1940. // Фронтовая иллюстрация. 2001. № 3. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993.
- Сейдин И. И.* Линия Маннергейма и Красная Армия. СПб.: Гийоль, 2012.
- Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. / сост.: П. В. Петров, В. Н. Степаков. СПб.: Полигон, 2003.
- Широкорад А. Б.* Северные войны России. М.: АСТ, 2001.
- Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. СПб.: Издательство Полигон, 2000.
- Kilkki P.* Talvisodan Suojajoukkotaistelut Karjalan Kannaksella. Tiede ja Ase. 1969. № 27. P. 100–157.
- Talvisodan historia. Sotatieteen laitos. Porvoo: WSOY, 1978.

Viacheslav Olegovitch TERENCEV

Ph. D. in History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Associate Professor of the Department of National history, political science and sociology, Head of the University Museum, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia)

E-mail: terehv@mail.ru

Combat for the border & outpost point line of the Mannerheim Line in 1939: L-Ryhmä

Though the Winter War has for a long time stayed in the focus of the historical and political studies, still a number of obscure and disputable issues concerned with it are left. The present article analyzes one of the major episodes of the struggle for the border & outpost point line of the Mannerheim Line. Based on the complex analysis of Finnish and Russian historical sources, a new view of the first days of the conflict is given on the example of a local episode.

Keywords: Winter War, Talvisota, Lipola, 90th Rifle division, Red Army, Finland, Mannerheim Line.

УДК. 94 (47) 084.6

ББК 63.3 (2) 621

Дмитрий Петрович ГРУШЕВСКИЙ

старший преподаватель военного факультета
в Учреждении образования «Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы» (Гродно, Беларусь)

E-mail: dparmy@mail.ru

КУКУШКИ

В боях с финнами бойцы и офицеры Красной армии встретились с новой тактикой ведения боя — применением снайперов с заранее подготовленных позиций. Однако многие современные историки не могут с уверенностью сказать и сегодня о том, были ли вообще снайперы. В данной статье проводится краткий анализ тактики действий специально обученных финских стрелков в ходе Советско-финляндской войны и способов борьбы Красной армии с ними.

Ключевые слова: снайпер, стрелок, «кукушка», Советско-финляндская война, поиск.

Приближается знаменательная дата — 80 лет со дня начала Советско-финляндской войны. В 8 часов утра 30 ноября 1939 г. войска Ленинградского военного округа пересекли границу с Финляндией, началась война, о которой большая часть современной молодежи практически ничего не знает. А ведь в той войне РККА понесла достаточно тяжелые потери. Командование Финляндии на высоком уровне подготовилось к этой войне. В боях с финнами бойцы и офицеры Красной армии встретились с новой тактикой ведения боя — применением снайперов. Однако многие современные историки не могут с уверенностью сказать и сегодня, были ли вообще снайперские группы. Может быть, Красную армию обстреливали отлично подготовленные стрелки? Ясно только одно — Красная армия несла большие потери, в том числе и при встрече с таким противником.

Прежде чем раскрыть боевое применение финских снайперов, рассмотрим военное определение этого термина. В соответствии с Военным энциклопедическим словарем снайпер (в переводе с английского — стреляющий из укрытия) — специальный обученный стрелок, в совершенстве владеющий искусством меткой стрельбы, маскировки и наблюдения. Поражает цель, как правило, с первого выстрела. Опираясь на это определение, можно утверждать, что любой стрелок финской армии, стреляющий из укрытия и с первого раза попадающий в цель, являлся снайпером¹.

¹ Военный энциклопедический словарь / Под ред. Н. В. Огаркова. М.: Воениздат, 1984. С. 682.

Боевое применение снайперов-«кукушек» было непонятно своим отсутствием шаблонности и стандартности. Финские снайперы никогда не повторялись. Именно они показали, что снайпер может применять любые приемы для достижения поставленной задачи. Приемам этим не было числа, и они мало повторяли друг друга.

«Кукушками» их называли за то, что они размещали свои огневые позиции на деревьях и для связи между собой использовали птичьи голоса. Позиция была расположена с таким расчетом, чтобы снайпер после своего выстрела мог быстро по веревке покинуть ее, а для обмана вывешивалось чучело в маскхалате с винтовкой, которое очень красиво падало, переваливаясь с ветви на ветку, или застревало между ветвями в самой неестественной позе. Бойцы Красной армии открывали огонь по дереву, а с другой позиции такой же снайпер под шум стрельбы расстреливал всех, кто находился за стрелками, а затем принимался и за них.

Финские снайперы, сменяя друг друга, обеспечивали круглосуточное дежурство. Один снайпер был на дереве, второй отсыпался в блиндаже под землей. Такое дежурство препятствовало проникновению советских разведдиверсионных групп за линию фронта. Финские снайперы действовали как на своей, так и на сопредельной территории. Их укрытия позволяли переждать наступление Красной армии, а затем появиться около стратегических объектов.

Подразделения, которые занимались поиском снайперов, подрывались на минах, которыми заблаговременно окружали позицию. Но даже оставшиеся в живых возвращались ни с чем. Финский снайпер вставал на лыжи и уходил к своим. Лыжная подготовка солдат финской армии была на очень высоком уровне. Пройти зимой 100–120 км на лыжах и заночевать в снегу при температуре –40° было обычным делом. Все финские стрелки состояли из местного населения. Они хорошо знали местность, с раннего детства промышляли охотой. Их стрелковая подготовка позволяла вести огонь с расстояния 300–500 метров².

В некоторых источниках утверждается, что финская армия имела всего лишь 200 снайперских винтовок, а количество оптических прицелов было мизерным. Но если разобраться с физической составляющей, то оптику на сильных морозах финские стрелки могли и не использовать. Она быстро покрывалась инеем и становилась бесполезной. Кроме того, малые дистанции — до 400 м — позволяли вести огонь через открытый прицел, тем самым увеличивая скорострельность снайпера.

² Кукушка: финский снайпер-смертник // HISTORICAL PUB <Электронный ресурс>. Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/historcal_pub/kukushka-finskii-snaipersmertnik-5cc3c7a815df6000b3c1ff7 (дата доступа: 30.09.2019).

Советское руководство начало уделять внимание тактике финских снайперов после расстрелов нескольких штабных автомашин с представителями командования вместе с сопровождающими. Причем засады располагались на разных направлениях и не по одному сценарию. Потери среди командирского состава были очень велики. В январе 1940 г. офицеры отказались от полушубков и стали появляться на боевых позициях только в маскировочных халатах. Ношение полушубка на позиции отличало офицера от солдата.

Советский разведчик, Герой Советского Союза, полковник С. А. Ваупшасов в своих мемуарах вспоминал, что наибольшую опасность представляли одиночные финские автоматчики и снайперы, засевшие на деревьях в белых маскировочных халатах и совершенно сливавшиеся со стволом и ветками, запорошенными снегом. Советские бойцы прозвали их «кукушками», видимо, за одиночество и «древесный» образ жизни. «Кукушки» имели задачу выводить из строя командный состав. Наши командиры и политработники очень скоро перестали носить далеко видные знаки различия, но «кукушки» все же ухитрились узнавать начальников по кобуре пистолета, португее, командирским полушубкам и стреляли без промаха. Ни на минуту нельзя было снять маскхалат, чтобы не выделиться из среды бойцов³.

Характерно, что, по сути, финны применили против Красной Армии ту самую тактику «малой войны», которая в 1920-е гг. была разработана советскими военачальниками — М. В. Фрунзе, И. П. Уборевичем, А. И. Егоровым, В. М. Примаковым⁴.

Для борьбы с «кукушками» в Красную армию были срочно мобилизованы сибирские охотники-профессионалы со своими лайками, с которыми они промышляли белку и соболя⁵.

Пограничные батальоны и другие войска НКВД, размещаясь в тылу Красной армии, охраняли подъездные пути, линии связи, тыловые учреждения, выслеживали, вылавливали и уничтожали финских стрелков. С. А. Ваупшасов вспоминал, что ему неоднократно случалось поднимать батальон в атаку, и тогда белофинны, как правило, бежали, бросая оружие, снаряжение и не принимая рукопашного боя. Видимо, они хорошо усвоили, что страшнее русского штыкового удара ничего не бывает.

³ Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста. 3-е изд. М.: Политиздат, 1988. С. 38.

⁴ Прошаков, А. П. Финская война / А. Прошаков // Livejournal <Электронный ресурс>. 2015. Режим доступа: <https://proshakov.livejournal.com/333398.html> (дата доступа: 6.10.2019).

⁵ Правдин, А. Финские кукушки / А. Правдин // Проза.ру <Электронный ресурс>. Режим доступа: <https://www.proza.ru/2011/11/15/949> (дата доступа: 6.10.2019).

Действия финских снайперов-диверсантов были настолько успешными и показательными, что многие их приемы были взяты на вооружение советскими военными. Для снайперского применения были разработаны новые образцы снайперского оружия — винтовка СВТ и универсальный оптический прицел ПУ. В то же время была пересмотрена общевойсковая снайперская тактика и разработана новая методика стрелковых тренировок. «Боевой устав пехоты 1942 года» определял задачи снайпера так:

Уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, оружейных и пулеметных расчетов (особенно фланкирующих и кинжальных), экипажей остановившихся танков, низко летящих самолетов противника и вообще всех важных появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей.

Снайпер был самостоятелен в выборе огневой позиции, целей и ведении огня. Были рассмотрены действия снайпера в бою при особых условиях.

Война Советского Союза с Финляндией была непродолжительной. Она длилась 100 дней. Красная Армия за это время получила горький опыт. Финские стрелки и их тактика действий научили Красную армию очень многому. И в первую очередь — действиям снайперов с заранее подготовленных позиций. В результате РККА оказалась готовой к широкому использованию снайперов в составе подразделений в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. Комиссии Н. В. Огарков. М.: Воениздат, 1984. С. 682.
Ваушасов С. А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста. 3-е изд. М.: Политиздат, 1988. С. 38.

Dmitry Petrovich GRUSHEVSKY

senior lecturer of the military faculty in the educational Institution “Grodno state University named after Y. Kupala” (Grodno, Belarus)

E-mail: dparmy@mail.ru

Cuckoos

In battles against Finns fighters and officers of Red Army met with a new tactics of battle, using snipers shooting from in advance prepared positions, presumably on trees. However, many modern historians can not say with certainty that Finns used snipers at all. This article provides a brief analysis of the tactics of specially trained Finnish shooters during the Soviet-Finnish war and ways of fighting the Red Army with them.

Keywords: sniper, shooter, *Cuckoos*, Soviet-Finnish war, search.

УДК 94 (47).084.6

ББК 63.3 (2) 621

Евгений Анатольевич БОЧКОВ

доктор исторических наук, профессор,
член совета Межрегиональной общественной
организации «Академия военно-исторических наук»
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: be57@yandex.ru

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 гг. ГЛАЗАМИ АРТИЛЛЕРИСТА. БОИ ЗА ВИИПУРИ (ВЫБОРГ)

В статье освещаются боевые действия артиллерийского подразделения при прорыве линии Маннергейма в период Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Публикация подготовлена на основе дневника командира артиллерийского дивизиона 24-го корпусного артиллерийского полка Героя Советского Союза капитана В. К. Лаптева, которой он вёл с 5 февраля по 12 марта 1940 г.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Карельский перешеек, Красная армия, финляндская армия, артиллерийский полк, артиллерийский дивизион, артиллерийская батарея, линия Маннергейма, укрепленный район, дот, дзот, огневые позиции, артиллерийская подготовка атаки.

В 2018 г. на военно-исторической конференции «Военная история России XIX–XX веков» автор рассказывал о дневнике командира 3-го артиллерийского дивизиона 24-го корпусного артиллерийского полка (24-го КАП) 50-го стрелкового корпуса (50-го СК) 7-й армии Северо-Западного фронта капитана Лаптева Всеволода Константиновича (*ил. 1*), который он вёл во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.¹.

Регламент конференции и ограниченный объём сборника материалов не позволили осветить все события, запечатлённые Всеволодом Константиновичем в дневнике. Пользуясь представившейся дополнительной возможностью, продолжим знакомить читателей с событиями войны, о 80-летию начала которой будем вспоминать через несколько дней.

В. К. Лаптев начал вести свой дневник 5 февраля 1940 г. Фактически он состоит из двух частей: первая часть — это воспоминания (рекон-

¹ См.: Бочков Е. А. Советско-финляндская война глазами артиллериста (дневник Героя Советского Союза капитана В. К. Лаптева) // Материалы XI Международной военно-исторической конференции, 23–24 ноября 2018 г. Сборник научных статей. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 532–544.

струкция событий с 7 сентября по 30 ноября 1939 г.); вторая часть — ежедневные записи с 10 февраля по 12 марта 1940 г. К большому сожалению, Всеволод Константинович не успел написать о том, как воевал дивизион в период с 1 декабря 1939 года по 9 февраля 1940 г.

Своё решение вести военный дневник капитан В. К. Лаптев объяснил на его первых страницах:

Сегодня <5 февраля 1940 г.> — 2 месяца и 5 дней, как мы воюем с маннергеймовской бандой. Вести дневник у меня зародилась мысль с начала военных действий, вернее, за 30 минут до начала артиллерийской подготовки. То нет времени писать дневник, то считал, что это, пожалуй, незачем (а времени, действительно, очень мало, порой совершенно нет). Но вот всё же решил писать. А писать есть о чём — велики наши дела. И вот решил писать. Не знаю, что получится, ведь надо восстановить на бумаге всё более чем за 2 месяца. Надо описать свои чувства и настроения в столь великие времена в моей жизни².

Первая запись второй части дневника датируется 10 февраля 1940 г. О предыдущих событиях В. К. Лаптев сообщает скупо:

На этом месте мы просидели, вернее не сидели, а усиленно работали около 2-х месяцев (с 16 дек<абря> 39 г. по сей день). За весь этот период вели тщательную разведку укреплений п<ротивни>ка, а главное — деятельности артиллерии п<ротивни>ка. Разведка была очень затруднена: леса, ничего не видно. Местонахождение батарей определяли ночью по вспышкам, по звуку. Результаты разведки хорошие. Много уничтожили артиллерии, жел<езнодорожных> узлов, уничтожали доты³.

Первые дни февраля 1940 г. на фронте были насыщены событиями. 1 февраля Красная армия, подтянув резервы, возобновила наступление на Карельском перешейке. Главный удар наносился в направлении

Ил. 1. Герой Советского Союза полковник В. К. Лаптев⁴

посёлка Сумма (финское название *Суммакюля*, фин. *Summakylä*). Советская артиллерия методично взламывала оборону финской армии. Ежедневно пушки и гаубицы большой и особой мощности обрушивали на позиции финнов по 12 тыс. снарядов, разрушая долговременные огневые точки и инженерные заграждения. 6 февраля 1940 г. началось наступление советских войск на мощный узел обороны главной линии Маннергейма в районе Суммы. 9 февраля командующий войсками Северо-Западного фронта командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко подписал директиву № 04606, в соответствии с которой советские войска должны были перейти в наступление 11 февраля. Именно об этом и пишет В. К. Лаптев в своём дневнике 10 февраля 1940 г.:

В 22 часа был вызван к командиру полка. Получен приказ на прорыв у<крепленного> р<айон>, последнего оплота финской белогвардейщины, банды Маннергейма, последнего оплота Англии и Франции⁴.

Запись от 11 февраля 1940 г.:

Всю ночь не спали... В 9.25 сверили часы и ровно в 9.30 начали усиленную и продолжительную артподготовку, после которой танки и пехота пошли в атаку. Дрогнул укрепленный район Финляндии, полетели в воздух укрепления, летит бетон, сталь⁵.

Однако советские войска не смогли прорвать оборону противника в районе Суммы, поэтому главный удар был перенесён восточнее, в район населённого пункта Ляхде (фин. *Lähde*), где наметился успех. Здесь находился укрепленный узел «Ляхде» (фин. *Lähde*), или, как он стал называться позднее, «Суммаярви» (фин. *Summajärvi*), который прикрывал дорогу, соединяющую два крупных населённых пункта и важных транспортных узла: Каукъярви (Каменка) и Кямьяря (Гаврилово).

В 1940 г. узел обороны состоял из трёх опорных пунктов. Его основу составляли пять долговременных (железобетонных) огневых точек (Sj-1, Sj-2, Sj-3, Sj-4, Sj-5), два бетонированных бункера с пехотной позицией (Sj-7, Sj-8), три бетонированных бункера для укрытия личного состава (Sj-9, Sj-10, Sj-10а), заглубленный батальонный командный пункт (Sj-6)⁶. В состав узла обороны также входили несколько деревоземляных огневых точек (дзотов), окопы и траншеи полного профиля, бетонные укрытия для личного состава, противотанковые препятствия (надолбы в четыре ряда, рвы, контрэскарпы), минно-взрывные и проволочные

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 19 об.

⁶ Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения / Авт.-сост. Е. А. Балашов. СПб.: Карелико, 2009. С. 105–111.

² ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 1.

³ Там же. Л. 19.

заграждения в три-пять кольев. По финским данным, в узле сопротивления «Sj» в общей сложности было оборудовано 18 дзотов и 16 блиндажей⁷. С запада позицию узла обороны замыкали озеро Суммаярви и река Майяйоки с зонами искусственного подтопления, а с востока — незамерзающее болото Мунасуо.

Из пяти долговременных огневых точек только две (Sj-4 и Sj-5) были построены в 1937 и 1939 г. соответственно и учитывали современные тенденции развития военно-инженерного дела. Они имели казематы фланкирующего огня, бронеколпаки для наблюдения и управления огнём. Дот Sj-4, располагавшийся на высоте 65,5, был вооружён двумя 7,62-мм станковыми пулемётами. Дот Sj-5, оборудованный на высоте «Палец» (фин. *Sormi*), имел один ручной и три станковых пулемёта. Остальные доты, построенные в 1920-е и модернизированные в 1930-е гг., представляли собой бетонные бункеры с амбразурами фронтального огня.

Узел сопротивления «Суммаярви» (Sj) оборонял 8-й пехотный полк 3-й пехотной дивизии финляндской армии и приданная рота 3-го отдельного (шюцкоровского) батальона. Их поддерживали три полевых артиллерийских дивизиона, а также 1-й и 2-й отдельные тяжёлые артиллерийские дивизионы. Всего 60 орудий, в том числе 36 пушек калибра 76–107 мм и 24 гаубицы калибров 122–152 мм⁸. В сочетании с труднопроходимой местностью (наличие большого количества рек, озёр и болот) узел обороны «Sj» представлял серьёзное препятствие для наступающих частей Красной армии.

11 февраля 1940 г. после мощной артиллерийской подготовки части Красной армии перешли в наступление. К середине дня дот Sj-4 был подавлен, а высота 65,5 взята. Через сутки пал дот Sj-5. Главная полоса обороны финской армии была практически прорвана. Советское командование для развития успеха ввело в прорыв танковые части.

Ведут пленных группами в 5, 10, 20, 30 человек, — вспоминает В. К. Лаптев. — При виде стоящих кругом танков (этих громад), артиллерии и множества других войск у них растерянный вид. Да! Действительно, растеряешься. Офицеры одеты более или менее прилично, а солдаты очень бедно: короткие куртки (не знаю, на вате ли они), рваные сапоги. Валенки нет ни у кого. Многие обмороженные. Солдаты смеются, с радостью берут папиросы, булку, галеты, которыми их угощают бойцы⁹.

⁷ Сейдин И. И. Линия Маннергейма и Красная армия (30 ноября 1939–22 июня 1940). СПб.: Гёль, 2012. С. 265.

⁸ Там же. С. 250.

⁹ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 19 об. — 20.

Пленные финские военнослужащие выглядят не только физически изможденными, но и морально подавленными:

Не знаем, куда деваться от огня вашей артиллерии, везде громит, не знаем, где укрыться, блиндажи не спасают, их ваши снаряды пробивают. Бежать некуда, везде громит артиллерия и авиация. Очень много убитых. В армии паника¹⁰.

Орудия большой и особой мощности (152-мм гаубицы-пушки МЛ-20, 152-мм пушки Бр-5, 203-мм гаубицы Б-4, 280-мм мортиры Бр-2) финны называли «сталинскими кувалдами». Запись от 15 февраля 1940 г.:

Продолжаем громить укрепления противника, в воздух летят укрепления — бетон и сталь. Интересно знать, что теперь поют эти международные проститутки — Франция и Англия. Наверно, жалеют, что их миллионы, вложенные в финские укрепления, летят на воздух под ударами Красной армии. Интересно, что теперь «поет» агентство «Гавас». О чём теперь будет трепаться финский «Егорка» (так мы зовём какого то идиота, который часто агитирует по радио и призывает наших бойцов повернуть оружие против командиров и комиссаров. Жалкое существо испускает предсмертные вздохи. Как мы все смеемся над этими идиотами)¹¹.

Данная запись В. К. Лаптева представляет для исследователей определённый интерес, так как в ней упоминается о двух важных событиях, связанных с начавшейся Второй мировой войной (1939–1945 гг.).

Во-первых, офицер не случайно упоминает об информационном агентстве «Гавас» (в настоящее время агентство «Франс-Пресс»). За два дня до начала Советско-финляндской войны (28 ноября 1939 г.) агентство «Гавас» распространило сообщение о речи И. В. Сталина, которая якобы была произнесена им 19 августа 1939 г. на секретном объединённом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и руководства Коминтерна. В ней руководитель Советского государства, по утверждению агентства, обосновывал необходимость сближения с гитлеровской Германией и выступал за развязывание войны, которая должна привести к установлению коммунистических режимов в европейских странах. Информацию об этом немедленно перепечатали и ведущие французские газеты — «Le Figaro», «Le Petit Journal», «Le Journal», «Le Temps», «L'Acton Française». 30 ноября 1939 г. в газете «Правда» было напечатано опровержение о проведении такого заседания, а опубликованные выдержки из «речи И. В. Сталина» были названы фальшивкой.

Подлинность «речи» И. В. Сталина 19 августа 1939 г. ставится под сомнение большинством отечественных историков. Документов,

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ Там же. Л. 22 об. — 23.

подтверждающих факт секретного заседания Политбюро ЦК ВКП(б) и произнесения такой речи, до сих пор не обнаружено. Западные исследователи рассматривают «текст речи», опубликованной агентством «Гавас» в 1939 г., как подлинный документ, свидетельствующий о тайных планах советского руководства накануне Второй мировой войны (1939–1945 гг.). При этом вся аргументация строится ими на источниках сомнительного происхождения.

Во-вторых, в дневнике идёт речь о некоем «Егорке», который вещает по финскому радио на советские войска с целью их политико-морального разложения. Как мы предполагаем, финский «Егорка» — это Пётр Петрович Соколов (1891–1971 гг.), бывший подданный Российской империи. В 1917 г. окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. После победы Великой Октябрьской социалистической революции (1917 г.) вёл активную борьбу с советской властью. В 1918 г. переехал в Хельсинки, где установил контакт с британской разведывательной службой Mi1C (переименованная позднее в SIS). Неоднократно переходил финляндско-советскую границу, выполняя разведывательные задания британских спецслужб. В начале 1920-х гг. П. П. Соколов был назначен помощником британского резидента в Финляндии Н. Бунакова. Одновременно на него было возложено руководство нелегальным разведывательным пунктом в Терийоки (фин. *Terijoki*).

Знания и практический опыт П. П. Соколова в сфере разведывательной и подрывной деятельности против СССР оказались востребованы финскими спецслужбами. В 1920–1930-е гг. он готовил и направлял в Советский Союз агентов финской разведки.

П. П. Соколов проявил себя и на идеологическом фронте. В 1940 г. он занимал руководящие должности в отделе пропаганды Главного штаба финской армии, одновременно работал диктором на радиостанции «Лахти».

Обладая хорошо поставленным басом, Пётр Соколов считался в эмигрантских кругах лучшим русскоязычным радиокомментатором в Европе и мог составить конкуренцию своему сопернику по информационно-пропагандистской войне Юрию Левитану, — пишет петрозаводский историк С. Г. Веригин¹².

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) П. П. Соколов сотрудничал с абвером. В 1941 г. его включили в состав зондеркоманды «Ленинград», которой была поставлена задача войти в город вместе с частями немецких войск и захватить архивы областного комитета

¹² Веригин С. Г. Противостояние. Борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 101.

ВКП(б) и управления НКВД Ленинградской области. Позже он работал преподавателем финской разведшколы в Петрозаводске, активно участвовал во власовском движении, возглавлял северное отделение «Русской освободительной армии».

В 1942 г. советские органы безопасности объявили П. П. Соколова во всесоюзный розыск как особо опасного государственного преступника. В сентябре 1944 г., предчувствуя расплату за содеянное, он бежал в Швецию. Повторно женился. Некоторые исследователи утверждают, что он сотрудничал со шведской военной разведкой. Умер в 1971 г. Похоронен на кладбище в небольшом городке Энчёпинге (швед. *Enköping*) в 77 км от Стокгольма. На его могильной плите вместо настоящих имени и фамилии «Петр Соколов» выбита шведская фамилия — «Peter Sahlin». Даже уходя в мир иной, он позаботился о конспирации¹³.

16 февраля 1940 г. дивизион капитана В. К. Лаптева получил приказ на передислокацию. В 15.00 подразделение проходит через первую полосу линии Маннергейма. Командир записал в своём дневнике:

Я тщательно разглядел несколько дотов — жуткие укрепления, но, тем не менее, мы их разбили, и здорово. Глубина дотов на несколько десятков метров. Сплошной железобетон и сталь. Стены и крыша дота, кроме железобетона, защищены стальными плитами, 5–6 штук, толщина каждой 5–7 см. И все эти крепости рухнули под ударами нашей могучей техники¹⁴.

На фотографии хорошо видно, как выглядели финские укрепления после огневых ударов советской артиллерии (ил. 2).

В новом районе артиллеристам пришлось столкнуться с «сюрпризами», оставленными финнами — фугасами и минами. При занятии огневой позиции на фугасе подорвался трактор ЧТЗ-65 (9-я батарея).

Я в жизни не представлял, что так может изуродовать такую громадину мина. Трактор в длину разорвало на части и отбросило на 15–20 м, один башмак от гусеницы улетел на 200–250 м на о<гневые> п<озиции> 8-й бат<арей> <...> При взрыве были тяжело ранены механик Соловьёв и водитель Осипов¹⁵.

Необходимо отметить, что при отступлении финны взрывали мосты, минировали дороги и здания. При этом, как свидетельствует дневник, минирование производилось профессионально, заряды устанавливались группами для достижения большего эффекта при подрыве. Один из фугасов устанавливался «демонстративно» с таким расчётом, чтобы об-

¹³ Там же. С. 101–102.

¹⁴ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 24.

¹⁵ Там же. Л. 24 об.

Ил. 2. Финский дот после обстрела советской артиллерией. Карельский перешеек. Февраль 1940 г.

наружив его, противник утратил бдительность и подорвался на других (поставленных на неизвлекаемость). В качестве подтверждения этого приведу выдержку из дневника В. К. Лаптева.

Я вел дивизион по заранее намеченному маршруту. Впереди шла передовая разведка и разведка пути. Получил донесение: «Путь свободен, за исключением одной автомашины, которая стоит на дороге, разорвана миной. Через 15 минут подошли к этому месту. Перед дивизионом небольшой сан<итарный> транспорт. Я вышел вперёд, вызвал 15 чел<овек> бойцов, и машину убрали с дороги. После того, как машину убрали, я заметил на дороге под снегом крышку от ящика (белая, под цвет снега). У меня в руках была лыжная палка, которой я стал слегка постукивать по дороге и по глухому звуку ударов палки обнаружил ещё два фугаса, это кроме видимого. Итого три. Вызвал красноармейца т<оварища> Алексева с миноулавливателем <миноискателем — Е. Б.>, и пока думал, как провести дивизион через минированный участок дороги, подошли два к<расноармей>ца и один мл<адший> командир. Один из них бесцеремонно поддел лопатой фугас и выкинул его. Другой вынул из него капсулю, открыл крышку, выдернул шнур, всё выбросил в сторону. Фугас был вынут и обезврежен. Видя такую операцию с фугасами и не зная, кто эти бойцы, я закричал на них: «Что вы делаете?» Уж больно бесцеремонно они оперировали лопатой. Тогда мл<адший> командир говорит мне: «Мы сапёры, это наш хлеб». Тогда думаю — хорошо, они нам помогут разминировать дорогу, и мы пройдем. Не успел я подумать, как раздался оглушительный взрыв.

Что было сразу после взрыва, я не помню. Очевидно, на некоторое время было потеряно сознание. Очнулся, глаз не открываю, лицо закрыто руками... Чувствую сильную боль в голове, в ушах, особенно в левом, а главное, не чувствую правой ноги. Ну, думаю, очевидно, ранение в голову, а нога, может быть, даже оторвана. Сознание возвратилось. Открыл глаза, освободив от рук, всё кружится, в глазах плывут жёлтые круги, падает чёрный снег. Это падают остатки от разрыва фугаса (их, как выяснилось потом, разорвалось сразу два). Кругом лежит человек 13–15. Слышны стоны. Особенно сильно стонет (пожалуй, кричит) боец, лежащий рядом со мной. Потянул правую ногу, оказывается цела. А не чувствовал я её, так как на неё упал боец, который кричит. Ощупал голову — цела, только на затылке приличная «шишка» (я упал, вернее, меня <взрывом> отбросило на спину). Но сильно болит ухо левое, идёт немного кровь. Встал, кружится голова, но это ерунда. Главное, что остался цел и невредим. А почему я остался жив и даже не ранен? Не знаю. Счастливая случайность. Боец, который лежал на моей ноге и кричал, был сильно ранен — оторвана нижняя челюсть (через 2–3 часа запишут — убит). А он находился от места взрыва на таком же удалении, как и я.

П<омощник> к<омандира> в<звода> Богданов и к<расноармее>ц Хотюшин, <из> моего дивизиона, оба ранены. А они нах<одились> от <места> взрыва дальше меня на метров 8–10. Ранена левая часть лица и глаз у старшины Герасимова. Он был рядом со мной. Смотрю дальше: на четвереньках ползёт политрук Мифтяхтдинов, с лица и рта идёт кровь. Бегло осмотрел его — ничего страшного нет, просто незначительные царапины на лице и губах, а их 30–40, и они слегка кровоточат. Подбежал лекпом¹⁶ т<оварищ> Михайлов и начал перевязывать раненых.

Одному бойцу, сапёру, железной ручкой от фугасного ящика, пробило шею около горла (очевидно, пробило артерию). Крючок засел в мясе и торчит, из горла фонтаном хлещет кровь. Я выхватил из его противогАЗа индивидуальный сан<итарный> пакет, разорвав его, подушкой приложил к ране, зажал рукой. Кровь идёт гораздо меньше. Но в горле торчит крючок, его надо вытаскивать.

По другую сторону дороги, за разорвавшимися фугасами, стоят два врача из сан<итарного> батальона, который шёл впереди дивизиона, и не двигаются с места, объясняя мне, что они не могут перейти через место, где разорвались фугасы — это опасно. Я подзвал к себе к<расноармее>ца и приказал ему держать бинт у горла бойца. А сам, вынув револьвер, подбежал к врачам и приказал: «Немедленно оказывать помощь раненым. В противном случае я вас заставлю это сделать револьвером». Они выполнили мой приказ. Врачи трусили перейти через минированную дорогу. Правда, это опасно. Но они не имели права трусить. Они обязаны немедленно оказывать помощь... Через 30 мин<ут> все раненые (9 человек) были перевязаны (из числа раненых 3 человека, это через 2–4 часа — покойники). 8 человек были эвакуированы. Политрук Мифтяхтдинов не эвакуирован, незначительное ранение. Из моего

¹⁶ Лекпом — лекарский помощник, помощник врача — должность в Красной армии в 1920–1930-е годы, как правило, в штате медицинского пункта батальона (дивизиона) или полка; в дальнейшем данный термин был заменён на термин «фельдшер».

дивизиона эвакуировано 3 чел<овека>, из них 2, я думаю, скоро поправятся, а у третьего дело посложнее¹⁷.

Мы приносим извинения читателям за столь подробное цитирование. Вряд ли кому-нибудь из них пришлось побывать на войне и ощутить рядом дыхание смерти. В мемуарах участников военных конфликтов редко встретишь такие подробности. Всеволод Константинович, чудом избежавший смерти от взрыва финского фугаса, рисует нам жестокую правду войны, передаёт чувства, которые испытывает человек в стрессовой ситуации:

Как я остался жив, и даже не ранен? Случайность, счастливая случайность. Я много видел разрывов фугасов, мин. Много видел жертв после этих разрывов: разорванных на куски людей, лошадей, изуродованные танки, машины и пр. И всегда это воспринималось как должное, ничего особенного. Но сегодняшний разрыв фугасов произвёл на меня сильное впечатление. Смерть была рядом, она хваталась за меня, но сорвалась. Смерть никогда не ждёшь, о ней никогда не думаешь. И я уверен, что завтра об этом случае останется такое же воспоминание, как о многих других. Но помирать-то всё-таки не хочется¹⁸.

С фугасами и минами советским бойцам пришлось ещё неоднократно столкнуться во время марша. Пройдя 2 км, дивизион был вынужден остановиться. Впереди вновь оказался заминированный участок.

Справа от дороги в расстоянии 1,5 м от колонны стоит кол, на нём красная тряпочка — опасность. Внизу виднеется мина. Вызвали к<расноармей>ца Алексева с миноулавливателем. И вот, в течение 30 мин<ут> он отыскал и разрядил 23 мины, которые были расставлены на уч<астке> 18–20 кв<адратных> метров шахматным порядком. Четыре из этих мин были на самой дороге¹⁹.

Ещё один «сюрприз» ожидал советских бойцов в районе населённого пункта Кямеря (фин. *Kämärä*). В. К. Лаптев так описывает этот эпизод:

В одном месте, где было сложено много боеприпасов и другого снаряжения, моё внимание привлёк очень аккуратный ящик. Нужно сказать, что все вещи, приборы, у финнов сделаны очень аккуратно. Главное, поражает своей аккуратностью и красотой всевозможные укупорки и упаковка... Отперев замысловатые замочки, открыл ящик. В ящике оказался мышьяк в пакетиках грамм по 15–25. Общий вес ящика был 3–4 кг²⁰.

¹⁷ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 39 об. — 41 об.

¹⁸ Там же. Л. 41 об. — 42.

¹⁹ Там же. Л. 42 об.

²⁰ Там же. Л. 30 об. — 31.

Это свидетельствовало о том, что финские войска были готовы применить против Красной армии отравляющие вещества.

В записях, относящихся к первым числам марта, В. К. Лаптев описал ситуацию на фронте и боевую деятельность дивизиона. В дневнике он отметил упорное сопротивление финляндской армии на подступах к Виипури (Выборгу):

Наши части продвигаются вперёд, но медленно, встречая сильное сопротивление пр<отивни>ка. Иногда 1–2 роты финнов задерживают наступление целого полка²¹.

Текст дневника показывает, что Всеволод Константинович объективно оценивал события войны, отдавая должное боевой выучке противника. Так, например, он отмечает умелое применение финнами миномётов в бою²². Высоко оценил В. К. Лаптев и организацию маскировки финских войск:

Маскируются они хорошо. С первых дней войны они маскировались гораздо хуже. Очевидно, наша авиация приучила их к маскировке. Когда рассматриваем фотоснимки с самолета, то фортификационные сооружения находим с трудом, а большинство, очевидно, совсем не находим. Дорог наезженных очень мало. Даже лыжники ходят очень дисциплинированно, по одной лыжне²³.

В подтверждение этому Всеволод Константинович привел пример, когда дивизион вёл контрбатареиную борьбу с противником. Артиллерийской разведкой был установлен примерный район, где располагалась финская батарея. Однако все попытки определить её точные координаты (в том числе и с использованием разведывательной авиации) закончились безрезультатно.

Самолет смог бы обнаружить эту батарею только в том случае, если бы она вела огонь. Это самый благоприятный момент для обнаружения батареи. Но когда в воздухе наш корректировщик, батарея молчит²⁴.

Предположения командира дивизиона подтвердились после прорыва позиций противника. Когда дивизион проходил мимо того места, где (как предполагалось) должна находиться финская батарея, капитан В. К. Лаптев вместе с разведчиками отклонился от маршрута и заехал в лес. Действительно, там находилась трёхорудийная батарея 105-мм

²¹ Там же. Л. 45 об. — 46.

²² Там же. Л. 46 и об.

²³ Там же. Л. 46 об.

²⁴ Там же. Л. 47.

пушек Шнейдера (образца 1913 г.) 105 К/13, уже захваченная советской пехотой.

Маскировка батареи была действительно отличная. Батарея была значительно вкопана в землю, кроме того, над ней была крыша из брёвен, которая была засыпана снегом с поставленными в него ёлочками. Расчёт батареи передвигался по глубоким щелям, которые сверху были закрыты маскировочными сетями. Задульные конуса²⁵, когда батарея не вела огонь, закрывались белым материалом²⁶.

Для того, чтобы не демаскировать огневые позиции артиллерии, финны даже тропинку (300–400 м), по которой перемещался личный состав, перекрыли маскировочной сетью, натянутой на колья. Обнаружить такую батарею с помощью авиационной разведки было практически невозможно (ил. 3). Однако капитан В. К. Лаптев всё таки «вычислил» финскую батарею. Он пишет:

Я туда «бросил» около 100 снарядов. Батарея хоть и не была уничтожена, но значительно повреждена²⁷.

В своём дневнике В. К. Лаптев привел интересную статистику. За период боевых действий с 30 ноября 1939 г. по 29 февраля 1940 г. его дивизион выпустил по финским позициям 16 601 снаряд, что составило 7 221 435 кг (15 эшелонов по 30 вагонов в каждом)²⁸ (ил. 4). Такова экономика войны.

Дневниковые записи заканчиваются 12 марта 1940 г. Для капитана В. К. Лаптева это знаменательный день — день рождения сына Юры и три года «беспредельно счастливой жизни с Катюшей». Делая эти записи, Всеволод Константинович не знал, что два этих важных события дополнит ещё одно — конец войне.

За период военных действий дивизион капитана В. К. Лаптева подавил три артиллерийские батареи, разрушил несколько десятков долговременных сооружений (заглубленных командных пунктов, дотов, укрытий для личного состава), большое количество техники и живой силы противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные

Ил. 3. Финское 105-мм орудие на огневой позиции. Карельский перешейк. 4 марта 1940 г.

при этом отвагу и героизм» капитану Всеволоду Константиновичу Лаптеву было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (ил. 5, 6, 7).

Всеволод Константинович прошёл всю Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.), как говорится, «от звонка до звонка». Командовал 24-м дважды Краснознамённым артиллерийским полком Резерва Главного командования, 233-м гвардейским артиллерийским полком, 10-й гвардейской гаубичной артиллерийской бригадой и 193-й гаубичной артиллерийской бригадой. Уволился в запас в звании полковника в 1957 г. Жил в Ленинграде.

Готовя публикацию о Герое Советского Союза Всеволоде Константиновиче Лаптеве, мы ставили себе цель сохранить память о человеке, который с оружием в руках отстаивал интересы СССР в Советско-финляндской войне (1939–1940 гг.), защищал Родину от немецко-фашист-

²⁵ *Задульный конус* — конусообразный след, остающийся на поверхности земли (снега) от пороховых газов после выстрела орудия. Является одним из демаскирующих признаков огневой позиции артиллерийского орудия.

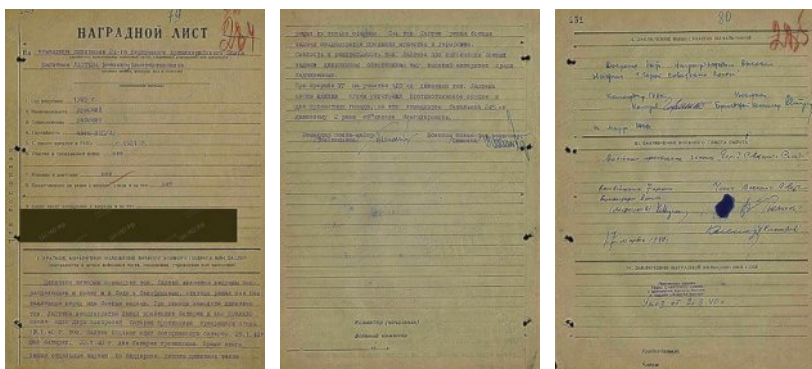
²⁶ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 47 и об.

²⁷ Там же. Л. 47 об.

²⁸ Там же. Л. 39.

Ил. 4. Батарея 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 ведёт огонь по позициям финских войск на Карельском перешейке. Декабрь 1939 г.

Ил. 5, 6, 7. Наградной лист капитана В. К. Лаптева для присвоения звания Героя Советского Союза (1940 г.)

ских агрессоров и их союзников в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), в послевоенные годы обеспечивал мирный труд советских граждан.

Список литературы

- Бочков Е. А. Советско-финляндская война глазами артиллериста (дневник Героя Советского Союза капитана В. К. Лаптева) // Материалы XI Международной военно-исторической конференции, 23–24 ноября 2018 г. Сборник научных статей. СПб.: СПбГУПТД, 2018.
- Веригин С. Г. Противостояние. Борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018.
- Сейдин И. И. Линия Маннергейма и Красная армия (30 ноября 1939–22 июня 1940). СПб.: Гйоль, 2012.

Eugene A. BOCHKOV

Doctor of Historical sciences, Professor,
Member of the Council of Interregional public organization
«The Academy of Military-historical sciences»
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: be57@yandex.ru

The Soviet-Finnish war 1939–1940 as seen by an artilleryman. The battle for Viipuri (Vyborg)

The article tells about combat operations of artillery unit during the breach of the Mannerheim Line in the Soviet-Finnish war (1939–1940). The publication is based on the records diarized from February 5 till March 12, 1940, by the captain Laptev V. K., the Hero of Soviet Union, the artillery battalion commander of the 24th Corps artillery regiment.

Keywords: Soviet-Finnish war, Karelian Isthmus, Red Army, Finnish Army, artillery regiment, artillery battalion, artillery battery, Mannerheim Line, fortified area, dug-in guard post, earth and timber emplacement, weapons site, artillery preparation of attack.

УДК 94 (47) 084.8
ББК 63.3 (2) 622.12

Вячеслав Леонидович КОКИН

Руководитель историко-литературного музея «Вася Теркин»
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: slawa231270@mail.ru

ВАСЯ ТЕРКИН — БОЕЦ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА. К 80-ЛЕТИЮ ПОЯВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НА СТРАЖЕ РОДИНЫ»

Зимой 1939 г., во время Советско-финляндской войны, на страницах газеты «На страже родины» появился новый литературный герой — отважный и ловкий боец Вася Теркин. Его имя звучало по всему фронту от Ленинграда до Мурманска. Авторами первых публикаций о Васе Теркине были поэты А. Твардовский и Н. Щербаков, художники В. Брискин и В. Фомичев. В годы Великой Отечественной войны сержант-разведчик Вася Теркин вновь занял видное место в газете и быстро завоевал популярность среди бойцов и командиров Ленинградского фронта.

Ключевые слова: газета «На страже Родины», Вася Теркин, писатели на фронте.

С началом Великой Отечественной войны Вася Теркин, герой Советско-финляндской войны, не сразу вернулся на страницы газеты Ленинградского фронта «На страже Родины».

В июле 1941 г. газета «На защиту Ленинграда»¹ сообщала о выходе нового оборонного короткометражного художественного фильма²:

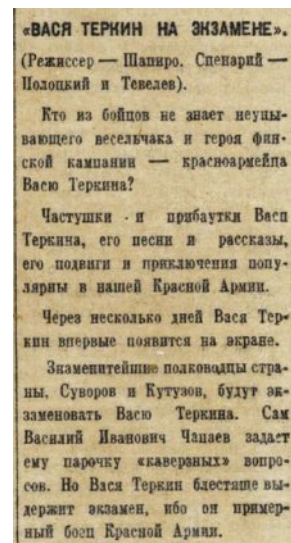
Кто из бойцов не знает неунывающего весельчака и героя финской кампании красноармейца Васю Теркина? Частушки и прибаутки Васи Теркина, его песни и рассказы, его подвиги и приключения популярны в нашей Красной армии. Через несколько дней Вася Теркин впервые появится на экране. Знаменитейшие полководцы страны Суворов и Кутузов будут экзаменовывать Васю Теркина. Сам Василий Иванович Чапаев задаст ему парочку каверзных вопросов. Но Вася Теркин блестяще выдержит экзамен, ибо он прекрасный боец Красной армии³.

А газета «Кино» добавляла:

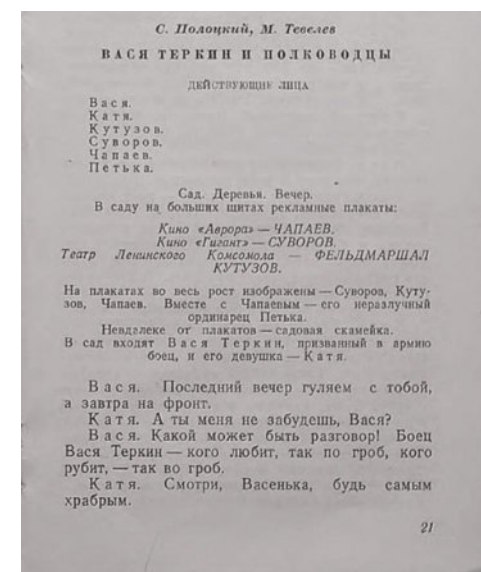
¹ Газета Ленинградской армии народного ополчения, ответственный редактор Н. Д. Коновалов.

² Фильм «Вася Теркин на экзамене». Режиссер М. Шапиро, авторы сценария С. Полоцкий и М. Тевелев.

³ Новые оборонные фильмы // На защиту Ленинграда. 1941. 12 июля. № 6.

Ил. 1. Заметка «Вася Теркин на экзамене». Газета «На защиту Ленинграда». 1941. 12 июля. № 6. РНБ

Ил. 2. Полоцкий С., Тевелев М. «Вася Теркин и полководцы». Из книги «Эстрада для фронта». 1941. РНБ

Боец Вася Теркин был популярным героем у бойцов и командиров Красной армии в дни войны с белофиннами. Стихи о Васе Теркине изо дня в день печатались во фронтовой прессе в период боев на Карельском перешейке. Сейчас образ Васи Теркина оживает на экране в исполнении артиста Б. Тенина. В веселой шуточной форме короткометражный фильм «Экзамен Васи Теркина» покажет, как Теркин встречается с великими русскими полководцами Суворовым, Кутузовым и Чапаевым. Сценарий этого фильма написан С. Полоцким и М. Тевелевым. Постановку осуществляет в студии Ленфильм режиссер М. Шапиро, оператор — М. Магид. В роли Суворова снимался артист О. Жаков, в роли Кутузова — засл. артист республики Ю. Толубеев, в роли Чапаева — нар. артист республики Б. Бабочкин. Съёмочный коллектив обязался сдать картину 23 июля⁴.

Судьба этого короткометражного фильма в данный момент неизвестна, найти его в архивах пока не удалось. Но сохранился сценарий к нему, напечатанный в сборнике «Эстрада для фронта»⁵, вышедшем в авгу-

⁴ Новые военные фильмы // Кино. 1941. 18 июля. № 29.

⁵ Полоцкий С., Тевелев М. Вася Теркин и полководцы // Эстрада для фронта. Л.-М., 1941. С. 21–29.

сте 1941 г. Этот сценарий, в частности, использовал для выступлений А. Д. Бениаминов, руководивший в годы войны Фронтным театром миниатюр. Он вспоминал:

Официально наш театр миниатюр числился при политуправлении Балтийского флота, но фактически мы обслуживали всех — все рода войск... Программа строилась так:

1. Пролог — передовица, дающая понять, в чем суть войны.
2. Рассказ о полководцах: Суворов, Кутузов, Чапаев. О рядовом бойце — Васе Теркине. Выступление строилось на контрасте — великие полководцы и современный солдат...⁶

Это кто в армейском шлеме,
В полной форме боевой?
Это он, любимый всеми
Вася Теркин — наш герой...

Такими строчками начинались стихотворные подписи к плакату «Как Вася Теркин фашистов замаскировал», выпущенному издательством «Искусство» в августе 1941 г. Художник Вениамин Брискин и автор стихов Самуил Маршак вновь обратились к образу Васи Теркина, над которым работали еще в годы Советско-финляндской войны. Это стихотворение, а также «Как Вася Теркин фашистов пивом напоил», поэт включил в сборник «Стихи о войне»⁷ с рисунками Алексея Потехина, вышедший в конце декабря 1941 г. В июне 1942 г. подвиги нашего героя были опубликованы и в сатирическом сборнике «Народ смеется»⁸.

В середине августа 1941 г. газета «Кино» рассказала о новых боевых подвигах «Васи Теркина»:

Поэты А. Гитович, В. Лившиц и А. Чивилихин написали сценарии первых трех выпусков короткометражек под названием «Боевые похождения красноармейца Васи Теркина». Каждая лента расскажет о подвиге этого находчивого бойца. Первый фильм «Как Вася Теркин призываться шел»⁹ уже заканчивается мультфильмом студии Ленфильм. Второй — «Как Вася Теркин языка привел» — пущен в производство. Постановку осуществляют режиссеры В. Сюмкин и П. Шмидт. Музыка пишет композитор В. Пушков. Над рисунками работает известный ленинградский художник В. Лебедев¹⁰.

⁶ Бениаминов А. Артист без грима. СПб.: Худ. лит., 1996. С. 83.

⁷ Маршак С. Стихи о войне. Слободской: Детгиз, 1941. С. 15–20.

⁸ Как Вася Теркин фашистов пивом напоил // Народ смеется: Сборник сатиры и юмора. Нальчик: Каббалгосиздат, 1942. С. 57–58.

⁹ Мультфильм «Как Вася Теркин призываться шел». Режиссеры В. Сюмкин и П. Шмидт, авторы сценария В. Лифшиц, А. Гитович и А. Чивилихин, художник В. Лебедев, композитор В. Пушков.

¹⁰ Новые фильмы // Кино. 1941. 15 августа. № 33.

Ил. 3. Плакат «Как Вася Теркин фашистов замаскировал», 1941. Коллекция Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны

Ил. 4. Фотография рабочих одного из оборонных заводов, 1942. На заднем плане плакат «Как Вася Теркин фашистов замаскировал». Из частной коллекции

И только с первыми раскатами весеннего грома под аккомпанемент артиллерийских ударов 1 мая 1942 г. неунывающий герой, мастерски владеющий как личным оружием, так и разящим искусством смеха, Вася Теркин появился на страницах газеты Ленинградского фронта «На страже Родины»¹¹. С легкой руки Александра Прокофьева и художника Бориса Лео Теркин вновь занял видное место в газете и быстро завоевал популярность среди бойцов и командиров Красной армии.

В рассказах о Васе Теркине часто можно было встретить народные пословицы и поговорки: «Не так страшен черт, как его малюют», «Мо-

¹¹ Вася Теркин на Ленинградском фронте // На страже Родины. 1942. 1 мая. № 107.

Ил. 5. «Вася Теркин на Ленинградском фронте». Газета «На страже Родины». 1942. 1 мая. № 107. Архив газеты «На страже Родины»

Ил. 6. «Как Вася Теркин немца в овцу превратил». Газета «На страже Родины». 1942. 13 мая. № 117. Архив газеты «На страже Родины»

лодец против овец, а против молодца сам овца». Умело использовал их в стихах о похождениях разведчика Теркина в тылу противника Виссарион Саянов. В основу этого рассказа положен реальный случай, происшедший в партизанском крае: один фашист пытался бежать, переодевшись в женское платье, но был пойман нашими разведчиками¹².

Веселые стихотворные рассказы о подвигах бывшего солдата, иллюстрированные художником Борисом Лео и стихами Александра Флита, хорошо были приняты и в окопах у Колпина, и на батареях Пулкова, и в блиндажах Ораниенбаума. В жестоких боях наши люди не разучились смеяться, шутить, ценить остроумную шутку. Подбодрить, разве-селить бойцов — вот что было первоначальной целью Васи Теркина.

Сатирой били по врагам —
Ходил отдел «Прямой наводкой»
В тылу, на фронте по рукам.
В любой поход без оговорки
Несли с оружием бойцы
Те байки, шутки, поговорки,
С которыми впервые Теркин
Шагнул с четвертой полосы...¹³

Но спустя некоторое время Теркин стал меняться. Стихотворные рассказы о его приключениях, по-прежнему занимательные, веселые, все больше и больше приобретали военно-прикладной характер. Бывалый воин стал учить солдат, как надо действовать в боевых условиях.

Под псевдонимом «боец Иван Муха» в газете Ленинградского фронта «На страже Родины» выступал ленинградский поэт-сатирик Владимир Иванов. Ему принадлежит стихотворный рассказ «Как Вася Теркин лопаткой действовал»¹⁴, призванный обучать солдат правильным действиям в боевых условиях. Он был написан по рекомендации командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова, который предложил вложить в уста Теркина вместе с острым словцом и полезные для бойцов советы. Вася Теркин выступал в ролях разведчика, сапера, снайпера, минометчика. Он учил солдат воинскому умению, воинской хитрости. Иные его четверостишия представляли собой наставления по стрельбе или правилам маскировки, содержали советы по действиям лесисто-болотистой местности. Вместе с тем Вася Теркин воспитывал у бойцов чувство ненависти к врагу и крепкую веру в наше оружие.

¹² Как Вася Теркин немца в овцу превратил // На страже Родины. 1942. 13 мая. № 117.

¹³ Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознаменной газеты «На страже Родины» ордена Ленина ЛВО. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. С. 170.

¹⁴ Как Вася Теркин лопаткой действовал // На страже Родины. 1942. 28 мая. № 130.

Ил. 7. «Как Вася Теркин лопаткой действовал». Газета «На страже Родины». 1942. 28 мая. № 130. Архив газеты «На страже Родины»

Ил. 8. Писатели, сотрудничавшие в годы войны в газете «На страже Родины». Архив фотокорреспондента Н. Хандогина

Кроме писателей Александра Прокофьева, Бориса Лихарева, Виссариона Саянова, Александра Флита, Владимира Иванова, а затем и прибывшего «на пополнение» Михаила Дудина, над приключениями бывшего воина работал широкий авторский актив. В газете были напечатаны стихи о Теркине, написанные сержантом Н. Соколовым, капитаном В. Зотовым, старшим лейтенантом Н. Худяковым, красноармейцами Н. Глейзаровым и В. Кедринским, старшим сержантом К. Смирновым и многими другими нештатными авторами.

Художник Борис Семенов, работавший в газете «Боевая красноармейская»¹⁵, в марте 1944 г. заменил тяжело заболевшего художника газеты «На страже Родины» Бориса Лео. На страницах этой газеты он стал участникам походов лихого бойца Васи Теркина:

Часто тему для очередной серии рисунков приносило солдатское письмо. Рассказывая, к примеру, подлинный боевой эпизод о нашем разведчике, пробравшемся через боевое охранение гитлеровцев, к их штабной землянке. Боец бросал парочку гранат в дымоход... а уж остальное заканчивала наша фантазия. Я изображал этот сюжет в картинках, а наш сатирик «папа Флит», как мы называли старого поэта Александра Матвеевича Флита, в нескольких четверостишиях излагал суть дела¹⁶.

Так появилась в газете «На страже Родины» серия рисунков «Как Вася Теркин в пункте П. немецких автоматчиков выкуривал»¹⁷.

В сентябре 1942 г. в газете Западного фронта «Красноармейская правда» начали публиковаться первые главы поэмы Твардовского «Василий Теркин». Ответственный редактор газеты «На страже Родины» М. Гордон вспоминал:

В истории печати, пожалуй, не было еще такого «раздвоения личности» литературного героя. Главу за главой писал поэму «Василий Теркин» Александр Твардовский, ее читали на всех фронтах, по всей стране. Но и на страницах газеты «На страже Родины» всю войну был свой Теркин, принадлежащий перу многих авторов и очень популярный среди наших читателей. Редакция газеты дважды прекращала публикации о Теркине, но после многочисленных просьб и писем приходилось возобновлять полюбившуюся серию. Авторы этих писем просили, а некоторые даже требовали возобновить печатание рассказов о Теркине. Иные читатели наивно спрашивали,

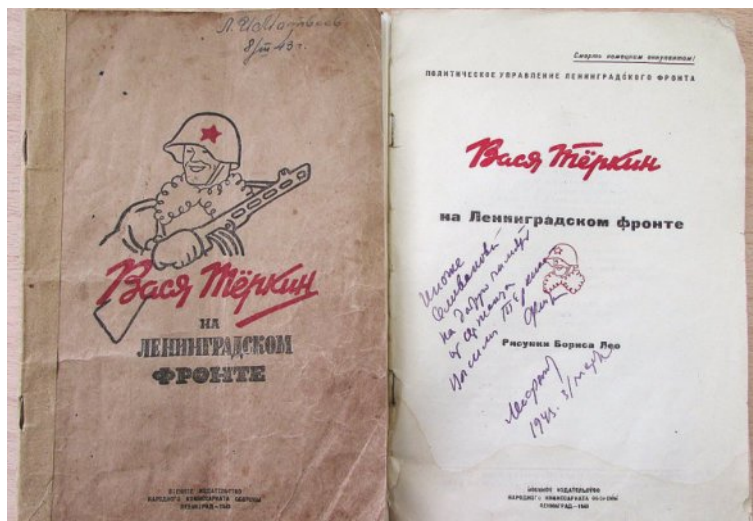
¹⁵ Красноармейская газета 55-й армии Ленинградского фронта, ответственный редактор Л. Л. Досковский.

¹⁶ Семенов Б. Художники были бойцами // С пером и автоматом. Писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады. Л.: Лениздат, 1964. С. 374–375.

¹⁷ Как Вася Теркин в пункте П. немецких автоматчиков выкуривал // На страже Родины. 1944. 3 марта. № 58.

Ил. 9. «Как Вася Теркин в пункте П. немецких автоматчиков выкуривал». Газета «На страже Родины». 1944. 3 марта. № 58. Архив газеты «На страже Родины»

Ил. 10. Обложка книги «Вася Теркин на Ленинградском фронте», 1943. Коллекция Народного музея «А музы не молчали...» школы № 235 им. Д. Д. Шостаковича

где, на каком участке воюет Вася, нельзя ли организовать встречу с ним, беспокоились, не погиб ли он¹⁸.

И веселые похождения Васи Теркина продолжили печататься на страницах газеты вплоть до конца апреля 1944 г. После прорыва блокады Ленинграда, в которой Теркин принимал самое активное участие, в феврале 1943 г. вышел сборник «Вася Теркин на Ленинградском фронте»¹⁹, включивший в себя лучшие публикации со страниц фронтовой газеты «На страже Родины». Стихи о Теркине, написанные А. Прокофьевым под рубрикой «Говорит Вася Теркин», вошли в его сборник «Атака»²⁰, вышедший в марте 1943 г. Упоминание об этом литературном герое — «Вася Теркин из разведки нам принес один дневник» — мы находим и в стихотворении «Герр обер-фриц» из сатирического сборника «Битые козыри»²¹, подписанного в печать в сентябре 1943 г.

Создатели образа Васи Теркина воплотили в нем фольклорные, отчасти лубочные, издавна бытовавшие в народе представления о русском солдате. Традиционные свойства — смелость, находчивость, веселый нрав, простота, общительность — помножены на качества советского бойца. Это не просто балагур и шутник, потешающий товарищей в свободную минуту, а прежде всего гордая и свободолюбивая личность, унаследовавшая от народа черты его бесстрашия, творческого отношения к нелегкому труду-подвигу и неизменную удачливость.

Конечно, сравнивать нашего Теркина с одноименным героем «Книги про бойца» было бы нелепо. Теркин Твардовского будет вечно жить как образ истинного народного героя, воплотившего в себе лучшие черты русского воина. Наш же литературный персонаж, выполнявший куда более скромную роль, ушел в «запас» вместе с многочисленными «братьями-близнецами», служившими на других фронтах и известными под именами Гриши Танкина, Вани Штыка, Фомы Смыслова, Захара Авралова, Максима Зениткина, Ивана Щукаря и других. Что же, они свое дело сделали!²²

Вася Теркин и его создатели учат ненавидеть врагов, карают их насмешкой, беспощадно издеваются. Противник не только обличается словесно, а посрамляется на практике. Причем совершается это хитроумно, весело, с юмором, казалось бы, без всяких усилий. Враг, который еще окружал Ленинград, оказывался в схватках с Теркиным неизменно поверженным. Юмор Теркина выражал спокойную уверенность сильного и правого в своем деле человека, несокрушимый оптимизм советского

¹⁸ Гордон М. Невский, 2. Записки редактора фронтовой газеты. Л.: Лениздат, 1978. С. 136.

¹⁹ Вася Теркин на Ленинградском фронте. Л.: Воен. изд-во Нар. ком. обороны, 1943. 34 с.

²⁰ Прокофьев А. Атака. Л.: Гослитиздат, 1943. С. 40–59.

²¹ Флит А., Дудин М. Битые козыри. Л.: Воен. изд-во НКО. С. 15–17.

²² Гордон М. Указ. соч. С. 138.

Ил. 11. «Как Вася Теркин за “кукушкой” охотился». Газета «На страже Родины». 1942. 20 мая. № 123. Архив газеты «На страже Родины»

бойца. Вася Теркин настолько полюбился солдатам, что многие даже во фронтовых условиях начали коллекционировать вырезки с похождениями прославленного бойца. Многие посылали вырезки детям, находившимся в глубоком тылу. Так Вася Теркин стал популярным не только на Ленинградском фронте, но и на Урале, в Сибири, в Средней Азии.

Снайпер Яков Кириллович Углов вспоминал:

Наши снайперы нередко подлавливали вражеских солдат на различные приманки — на чучела, на шлемы, водруженные на палки, появлявшиеся над окопами и т. п. Фашисты начинали стрелять и тем самым открывали свое местоположение. Таких случаев было превеликое множество, и один из них использовали для приключения Васи Теркина работавшие в редакции «На страже Родины» поэты Борис Лихарев и Александр Флит. И хотя тут сказано «Как Вася Теркин за “кукушкой” охотился»²³, но именно такая охота у меня и была. Когда газету принесли в наше подразделение, ребята

кричат: «Углов, погляди-ка, Теркин по твоему способу сработал». Вот тогда я и вырезал эти картинки и до конца войны сохранил²⁴.

Приведенный случай — это еще одно свидетельство того, что боевые приключения Васи Теркина — не абстрактные выдумки поэтов, а сама злоба дня, отражение того, что действительно имело место в боевой жизни воинов Ленинградского фронта.

Одна из особенностей упомянутых выше образов Васи Теркина, Гриши Танкина, Ивана Гвоздева и их многочисленных собратьев как раз и заключается в том, что они в целом удачно объединили в себе различные, хотя и близкие, традиции русского народного творчества — петрушки, вертепа, раешника, лубка, но, разумеется, на новой основе... Рассказы о приключениях этих героев вобрали не только традиционные комедийные формы народного искусства, о которых говорилось выше, но и такие жанры, как фельетон, частушка, сказка, прибаутка и даже песня. И это придало образам известную гибкость и большую художественную полноту по сравнению с предшественниками²⁵.

Эти образы служили и гибким средством поэтического осмысления текущей фронтовой жизни, и средством формирования настроений солдатских масс в направлении, необходимом для ускорения победы.

Список литературы

- Бениаминов А. Артист без грима. СПб.: Худ. лит., 1996. 296 с.
Вася Теркин на Ленинградском фронте. Л.: Воен. изд-во Нар. ком. обороны, 1943. 34 с.
Выходцев П. С. Русская советская поэзия и народное творчество. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 550 с.
Гордон М. Невский, 2. Записки редактора фронтовой газеты. Л.: Лениздат, 1978. 368 с.
Литературный Ленинград в дни блокады. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 292 с.
Маршак С. Стихи о войне. Слободской: Детгиз, 1941. 30 с.
Народ смеется: Сборник сатиры и юмора. Нальчик: Каббалгосиздат, 1942. 116 с.
Прокофьев А. Атака. Л.: Гослитиздат, 1943. 60 с.
Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газеты «На страже Родины» ордена Ленина Ленинградского военного округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. 264 с.
Самойленко Г. В. Стихотворная сатира и юмор периода Великой Отечественной войны. Киев: Вища школа, 1977. 158 с.
С пером и автоматом. Писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады. Л.: Лениздат, 1964. 532 с.
Флит А., Дудин М. Битые козыри. Л.: Воен. изд-во НКО. 80 с.
Эстрада для фронта. Л.; М.: 1941. 44 с.

²⁴ Аренин Э. Теркин собственной персоной // Смена. 1973. 22 июня. № 143.

²⁵ Выходцев П. С. Русская советская поэзия и народное творчество. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 421.

²³ Как Вася Теркин за «кукушкой» охотился // На страже Родины. 1942. 20 мая. № 123.

Vyacheslav Leonidovich KOKIN

Director of the Historical Literature Museum «Vasya Terkin»
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: slawa231270@mail.ru

Vasya Terkin as a fighter of the Leningrad front. To the 80th anniversary of the appearance of the literary hero on the pages of the newspaper «On guard of the Motherland»

In the winter of 1939, during the Soviet-Finnish war, a new literary hero appeared on the pages of the newspaper *Na strazhe Rodiny* — a brave and dexterous fighter Vasya Terkin. His name boomed all over the front from Leningrad to Murmansk. The authors of the first publications about Vasya Terkin were poets A. Tvardovsky and N. Shcherbakov, artists V. Briskin and V. Fomichev. During the great Patriotic war, Sergeant-scout Vasya Terkin again took a prominent place in the newspaper and quickly gained popularity among the soldiers and commanders of the Leningrad front.

Keywords: newspaper *Na strazhe Rodiny*, Vasya Terkin, writers at war.

УДК 94 (47) 084.8

ББК 63.3 (2) 622

Вадим Михайлович КУСТОВ

культуролог, директор Историко-литературного музея «Вася Тёркин»
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: posta813@rambler.ru

ИЗДАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ И КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

Актуализация данного исследования обусловлена обращением к малоизученной теме издания и распространения религиозной литературы в контексте религиозной и повседневной жизни во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, религиозная литература, издательская деятельность, оккупированные территории, Финляндия, миссионерская деятельность.

Несмотря на то, что изучение истории Великой Отечественной войны является одним из приоритетных научных направлений ещё с советских времён и имеет обширную историографию, самый широкий спектр вопросов, связанных с оккупацией, исследовался мало. Это относится, в частности, к социальной, общественной, культурной, религиозной жизни, всему комплексу повседневной жизни населения.

Даже в 1990–2000-х гг., когда были сняты идеологические запреты и стали доступны новые источники, тема распространения религиозной литературы на оккупированных территориях не получила должного развития. Основное внимание исследователей связано с чисто политическими вопросами, в частности, взаимодействием Православной Церкви на оккупированной территории с Русской Православной Церковью Московского патриархата с одной стороны и оккупационными властями с другой стороны. Но при изучении и религиозной жизни на оккупированных территориях, и миссионерской деятельности, в том числе Псковской православной миссии, тема распространения религиозной литературы остается малоисследуемой областью.

Из печатных изданий хорошо исследованы газеты, выходившие на оккупированных территориях. В дискурсе религиозных изданий наиболее изучена издательская деятельность Русской Православной Церкви, Псковской православной миссии и Православной румынской

миссии. Однако информация о книгоиздании занимает в соответствующих исследованиях незначительное место, ее приходится собирать там буквально по крупицам. Это же касается и опубликованных в эмиграции воспоминаний деятелей Псковской миссии¹.

Одним из наиболее авторитетных и полных исследований истории Псковской православной миссии является диссертация К. П. Обозного, которая легла в основу изданной в 2008 г. книги. В ней в небольшой по размеру главе «Издательская деятельность миссии» он отметил, что

одним из активных направлений практической деятельности Псковской миссии стала издательская работа. На печатные издания миссии у населения был огромный спрос. К сожалению, сведений об издательской деятельности миссии совсем немного, и потому невозможно установить, что еще было выпущено для нужд христианского просвещения. Несомненно, что миссионерское служение и евангелизацию невозможно представить без Св. Писания. Именно его издание и обеспечение им верующих христиан должно было стать одной из главных забот Псковской миссии, как это было всегда

¹ *Балевиц З. В.* Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944 гг.). Рига, 1967. 356 с.; *Шкаровский М. В.* Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. СПб.: Сатисъ, 2005. 622 с.; *Шкаровский М. В., Соловьев И., свящ.* Церковь против большевизма. М.: Материалы по истории Церкви, 2013. 416 с.; *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.; *Шкаровский М. В.* Православная Церковь Румынии в 1918–1950-х годах // Вестник церковной истории. 2011. № 1/2 (21/22). С. 173–223; *Шкаровский М. В.* Деятельность Румынской Духовной Миссии на Юго-Западе Украины и в Приднестровье в 1941–1944 гг. <Электронный ресурс>. Режим доступа: <https://ava.md/2012/06/11/deyatelnost-rumynskoy-duhovnoy-missii/> (дата обращения 6.10.2018); *Петров И. В.* Идеологические и национальные аспекты деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России (1940–1945 гг.): диссертация... канд. ист. наук. СПб., 2014. 329 с.; *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., АСТ, 2004. 483 с.; *Ковалев Б. Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 656 с.; *Бернев С. К., Рунасов А. И.* Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944. Сборник документов. СПб. Арт-экспресс, 2016. 552 с.; *Иеромонах Платон (Рожек), Романова С. Н.* История Псковской православной миссии в документах. Ч. 1. Оптина Пустынь, 2017. 592 с.; Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. № 26–27 (номер целиком посвящён 60-летию начала действия Псковской православной миссии, один из разделов посвящен воспоминаниям членов миссии, написанных ими в эмиграции): *Архимандрит Кирилл (Начис).* Народ жаждал молиться, жаждал покаяния. С. 192–203; *Священник Алексей Ионов.* Записки миссионера. С. 228–236; *Протоиерей Георгий Бенгиссен.* Христос победитель. С. 237–242; *Прот. Георгий Тайлов.* Воспоминания. С. 243–250; *Р. В. Полчанинов.* Псковское содружество молодежи при православной миссии. С. 251–253.

во внешней миссии, обращенной к нехристианскому населению окраин России или действующей в других нехристианских странах².

Среди трудов, непосредственно посвящённых религиозной литературе, можно отметить работу И. В. Грибкова «Издательская деятельность Православной Церкви на оккупированных территориях в 1941–1945 гг.» и ряд исследований Б. Равдина³.

Настоящая статья затрагивает издательскую деятельность, осуществляющуюся на территории Финляндии и Карельского перешейка бывшей Выборгской губернии. Необходимо учитывать отличие ситуации здесь от других оккупированных территорий. И в данном случае рассматривается миссионерская деятельность инославных миссий, остающаяся за рамками подобных исследований, сосредоточенных на религиозной деятельности и жизни Православной Церкви.

В настоящее время по-прежнему актуальным остается исторический опыт миссионерской и просветительской деятельности Церкви, в том числе в экстремальных и неблагоприятных условиях, в условиях целенаправленного противодействия. Одним из таких периодов был период церковного возрождения на оккупированных территориях СССР в годы Второй мировой войны. Независимо от юрисдикции и довоенных взаимоотношений, различные церковные структуры предприняли широкие усилия по православному просвещению населения, в том числе путем активной издательской деятельности. В этот период существовало несколько крупных издательских центров, некоторые из которых были созданы в период Второй мировой войны специально для православной миссионерской деятельности среди населения на оккупированных Германией и ее союзниками территориях, — констатировал И. В. Грибков⁴.

² *Обозный К. П.* История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крут. патр. подворья; Об-во любителей церк. ист-и, 2008. 607 с.

³ *Грибков И. В.* Издательская деятельность Православной Церкви на оккупированных территориях в 1941–1945 гг. // *Studia Humanitatis*. 2013. № 1. <Электронный ресурс>. Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/gribkov-iv-izdatelskaya-deyatelnost-pravoslavnoy-cerkvi-na-okkupirovannyh-territoriyah-v> (дата обращения 6.10.2018); *Равдин Б.* Предварительный список русской религиозной литературы, изданной на оккупированных территориях СССР, в Германии и некоторых сопредельных странах в 1941–1945 годах // *Vienna Slavic Yearbook*. 2014. № 2. С. 176–221; *Равдин Б.* Предварительный список русских календарей, изданных на оккупированной территории СССР, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1942–1944 гг. Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): Сб. науч. тр. / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Институт российской истории РАН (Доклад на конференции в Доме русского зарубежья, Ограниченный тираж). М., 2017; *Равдин Б.* Мама мыла пилораму? Стабильный учебник времен оккупации 1941–1945. // *Русские Латвии* <Электронный ресурс>. Режим доступа: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/ravdin-pilorama/> (дата обращения 6.10.2018)

⁴ *Грибков И. В.* Издательская деятельность Православной Церкви...

Б. Равдин дал общую характеристику издания религиозной литературы на оккупированных территориях:

Национал-социализм, как и советский агитпроп второй половины войны, преследовал свои цели во взаимоотношениях с религией и церковью, неохотно и вынужденно уступая церкви часть идейно-нравственной оккупации. Одним из показателей этой борьбы можно считать издание на оккупированных территориях религиозной литературы для русского населения. Для захваченных областей Российской Федерации, как правило, максимум дозволенного — издание молитвословов и церковных календарей. Для Прибалтики, точнее, для Латвии и Эстонии со значительным числом православного населения, — ситуация иная, здесь, при допущении свободного отправления религиозного культа для коренного населения, в основном лютеран (кроме Латгалии, т. е. Восточной Латвии), политически недопустимо было ограничивать в религиозном отношении православное население (в среде которого — значительное число латышей и эстонцев). Такая ситуация отчасти отразилась и на объеме религиозных изданий, выходивших в Эстонии и в особенности в Латвии, в Риге, ставшей центром религиозной печати в Прибалтике и на Северо-Западе. В религиозной литературе нуждались как на оккупированных территориях СССР, так и в других занятых Германией странах, где, в частности, находились лагеря военнопленных, да и в самой Германии, где постоянно увеличивалось число остарбайтеров и беженцев. Потребность в литературе в разные годы и на разных территориях была неравномерной. Так, например, в газете «Псковский вестник» за 1 августа 1942 г. (№ 28) находим заметку «Священные книги», где отмечено, что желающие могут приобрести в Псковской миссии «библии, новые заветы, евангелия, псалтыри, молитвенники». Но такое благоприятное положение было далеко не всюду⁵.

Д. Фролов, исследовавший повседневную жизнь на землях, оккупированных финнами, отмечал:

Несколько иначе складывалась ситуация в лагерях для пленных, возникших после Советско-финляндской войны. Финские власти не чинили Церкви, обществу никаких препятствий для доставки литературы в лагерь советских военнопленных. Но при изобилии религиозной литературы выяснилось, что «большинство пленных не проявляли интереса к религии»⁶.

В собранной автором коллекции религиозной литературы времён Великой Отечественной войны имеются издания, которые в списке Б. Равдина указаны под № 84 и 101:

№ 84. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В русском переводе с параллельными местами. Стокгольм—Stockholm: Общество для распространения Евангелия в России, 1942. 412+105 с. Место хранения: Дом русского зарубежья, Национальная библиотека Финляндии.

№ 101. Священная история Ветхого и Нового завета. Стокгольм: Общество для распространения Евангелия в России (отпечатано в Хельсинки). 125 с. Место хранения: Национальная библиотека Финляндии, библиотека Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле⁷.

В выходных данных местом издания указан Стокгольм, где базировалось Общество для распространения Евангелия в России. Первая книга печаталась в Финляндии, в городе Тампере (Hämeen Kirjain Oy, Tampere). «Священная история» была издана в 1943 г. в Хельсинки, напечатана в типографии акционерного общества К. Ф. Пуромиес. То, что обе книги печатались в Финляндии, хотя само общество базировалось в Швеции, обусловлено несколькими факторами. Во-первых, осуществлявший миссионерскую и издательскую деятельность Константин Кох (подробнее о нем см. ниже), как было установлено, проживал и работал в Финляндии. Во-вторых, Финляндия обладала соответствующей издательской базой, полиграфическими возможностями, в том числе русскими шрифтами, и богатой традицией книгоиздания на русском языке, что делало возможным издание кириллицей для русских военнопленных.

В «Новом завете» издания 1942 г. указано, что текст печатался по синодальному изданию по орфографии, принятой после 1917 г. Об этом писал в своём исследовании Б. Равдин:

Подавляющее большинство церковных изданий печаталось по старой орфографии. Переход на новую орфографию объяснялся разными причинами. Простейшая — техническими условиями; так, например, вышедшую в Сортавала (Финляндия) брошюру «Аскетизм и монашество» на титульном листе сопровождала следующая надпись: «За неимением в типографии прежнего русского шрифта напечатано по новой орфографии». Отметим, что большинство известных нам церковных изданий, вышедших в Финляндии в эти годы, напечатаны по новой орфографии. Важнейшая причина для перехода на новую орфографию — предназначение части церковных изданий для распространения на оккупированных территориях СССР или среди военнопленных и остарбайтеров. Предполагалось, что для этих территорий и категорий пользователей печать старой орфографией может вызвать трудности как технического, так и психологического порядка.

В списке Б. Равдина найдено только одно подобное издание:

⁵ Равдин Б. Предварительный список русской религиозной литературы...

⁶ Фролов Д. По разные стороны колючей проволоки // Советско-финляндская война 1939–1940. Составители Петров П., Степаков В. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. С. 279.

⁷ Равдин Б. Предварительный список русской религиозной литературы...

№ 78. Нафанаил (Львов В.), архимандрит. Краткая священная история. Руководство для учащихся. Владимирова: [Типографское Братство преп. Иова Почаевского], 1941. Второй титул: Священная история. Сост. Архимандрит Нафанаил (по прот. О. Рудакову, И. Богоявленскому, Г. Геровскому)⁸.

Но, как следует из аннотации, оно было предназначено для учебных целей.

На книгах из коллекции автора указано общество, осуществлявшее их издание. Удалось найти следующую информацию о нем:

25 октября 2003 г. в г. Стокгольме состоялось торжество, посвященное столетнему юбилею миссии, которая первоначально была названа Русской миссией, затем переименована в Славянскую миссию, а в настоящее время называется «Свет для народов». Её основал в г. Стокгольме 27 октября 1903 г. шведский миссионер Нильс Фредерик Хейер (1857–1925) как Комитет для евангельской миссии в России. Нильс в возрасте 25 лет впервые приехал в Кронштадт как миссионер в 1880 г., затем работал в Петербурге, совершил поездки на Кавказ, в Тифлис, Персию и Китай. В 1902 г. он основывает миссионерский Комитет в г. Киеве и Всероссийский миссионерский союз в Москве (1905). В Астрахани им была основана первая в России евангельская библейская школа (1907–1911). В 1920 г. Нильс совершает исследовательскую поездку на Аляску, а в 1921 г. переплывает Берингов пролив и путешествует по Сибири. На шхуне «Нью-Йорк» он совершает две поездки в Сибирь Северным морским путём, ища возможности с Севера, когда западные границы для Евангелия были уже закрыты. С приходом советской власти Хейеру пришлось перенести свою деятельность за пределы России. Но начатая им миссия не прекращала своей работы по распространению книг Библии в Советском Союзе на протяжении всего времени его существования. Собирались средства, печатались Библии и нелегально переправлялись в атеистическое государство, где в них была огромная нужда. К началу перестройки на складах в Швеции и Финляндии накопилось огромное количество не только Библий и Евангелий, но и прекрасно изданной духовной литературы, в том числе справочной, детской и на разных языках. Находилось много самоотверженных шведских миссионеров, которые, рискуя свободой, нелегально ввозили Библии, пользуясь туристическими визами. Среди них имена многих мужчин и женщин, которые все же провозили Библии в Советский Союз⁹.

Информация об этом обществе попала в «Атеистический словарь» — статья «Славянская миссия»:

Международный религиозно-пропагандистский центр, одно из звеньев в системе клерикального антикоммунизма. Возникло в нач. XX в., общество

⁸ Равдин Б. Предварительный список русской религиозной литературы...

⁹ Столетний юбилей Славянской миссии «Свет для народов» // Домостроитель <Электронный ресурс>. Режим доступа: <http://domostroitel.org.ru/page/khronika-protshkve-2-2004> (дата обращения 5.11.2018).

по распространению Евангелия в России, ставившее целью распространение протестантизма на русской земле. После Октябрьской революции используется империалистической реакцией и церковной эмиграцией в антисоветских целях. Штаб-квартира находится в Стокгольме. Издаёт значительное количество религиозно-пропагандистской литературы, которая нелегально засылается в социалистические страны¹⁰.

Б. Равдин считал необходимым отметить и роль личности в истории, в частности, Н. Виеглайса:

Значительная часть рижских православных изданий на русском и латышском языках — очевидная заслуга протоиерея Николая Виеглайса, подвижника религиозной печати¹¹.

Благодаря предисловию к «Священной истории» мы также знаем имя составителя, как выяснилось, и издателя, под ним стоит подпись автора: К. Кох. В Финляндии было опубликовано интервью с его 100-летней дочерью, из которого стали известны подробности его биографии и деятельности.

Род Кохов берет свое начало из курессаарских эстонских крепостных, обретших свободу от немецких помещиков в 1805 году. В дальнейшем многие из них посвятили себя службе в царской армии, как и отец Константина. Константин фон Кох, родившийся в 1890 году в г. Проскуров (впосл. Хмельницкий) на Украине, провел свое детство и юность в русской культурной среде и воспитывался в русских и право славных культурных традициях. Его отец, полковник Леопольд Кох, был эстонцем, уроженцем острова Сааремаа, входившего то же время в состав Ливонской губернии Российской империи. После детства, проведенного на Украине, Константин поступил в кадетский корпус в Санкт-Петербурге и окончил Морской корпус в 1912 году. В том же году начался «финский период» в жизни Константина: по словам Лидии, отец был отличником курса и мог сам выбрать, куда ему отправиться служить. Константин выбрал Финляндию, и так он за несколько лет до начала Первой мировой войны оказался в Гельсингфорсе. Во время Первой мировой войны Константин служил адъютантом адмирала и командиром миноносца, а после Февральской революции его по собственному заявлению перевели на Аландские острова, где он служил начальником отдела связи Балтийского флота, как раз в это время стал посещать религиозные собрания евангелического толка, участие в которых было строго запрещено для офицеров и православных. После того как Константин пришел к вере, он более не считал возможной дальнейшую службу в армии и написал рапорт об увольнении по собственному желанию. На пике антирусской кампании семья переехала в Таллин. В середине августа 1920 года семья решила вер-

¹⁰ Атеистический словарь / Абдусамедов А. И., Алиев, А. и др. Под общ. ред. М. П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1986. С. 411–412.

¹¹ Равдин Б. Предварительный список русской религиозной литературы...

нуться в Финляндию, на этот раз в качестве беженцев. В 1923 году Константину на основании Женевской конвенции был выдан временный вид на жительство, то есть нансеновский паспорт, а в 1927 году семья получила гражданство Финляндии. Константин, перешедший из православия в протестантскую церковь, находил поддержку у шведской евангелической организации Slaviska Missionen (впоследствии Ljus i Öster), занимающейся миссионерской и гуманитарной деятельностью среди славянских народов. С 1921 года Константин стал сам работать в этой организации и проповедовать Слово Божие среди русских эмигрантов. Поскольку особенно много эмигрантов из России в то время проживало на Карельском перешейке, Константина в 1924 году направили в Терийоки, где семья Кохов жила до начала Зимней войны в 1939 году. Работа заключалась и в обслуживании духовных потребностей эмигрантов, и в оказании им материальной помощи, которая в большом количестве поступала из Швеции. Во время войны Константин проповедовал среди советских военнопленных в чине армейского священника. Местом его работы был лагерь для военнопленных в Ханко. По словам внучки Константина, Хелки Ахава, финские органы госбезопасности, Государственная полиция Valpo не вполне доверяли его лояльности и пытались снять его с этой работы. Документы, обнаруженные старшей дочерью Юлией в архивах Valpo, показывают, что Константина подозревали в связях с американскими большевиками или в подобной нелояльности. Причиной для таких подозрений служило «слишком» человеческое отношение Константина к пленным. Лидия вспоминает, что отец забирал из лагеря нескольких пленных, сажал их в сарай, время от времени подходил к сараю и спрашивал: «Вы еще там?», и таким образом давал им возможность чуть-чуть отдохнуть и прийти в себя от лагерной жизни. Еще он, по словам Лидии, поил их настоем из трав, сделанным собственными руками. Так или иначе, после войны Константин принял решение переехать в Данию (семья при этом осталась в Финляндии), где он продолжил миссионерскую и гуманитарную работу среди беженцев из Восточной Европы. В 1949 году он был рукоположен в сан пастора лютеранской церкви епископом Ноаком, и ему была поручена работа миссионера среди «славянских беженцев» из стран, оставшихся за «железным занавесом». В 1956 году Константин совместно со своими шведскими и датскими соратниками основал миссионерскую организацию Nordiska östmission, которая существует по сей день¹².

Как отмечает в своём исследовании Равдин,

издания, не просмотренные de visu или сведения о которых извлечены из источников, нуждающихся в дополнительной проверке, однако избавиться от такого рода ошибок можно только ознакомившись с этими изда-

ниями de visu, что при разбросе хранилищ и утраченности многих изданий затруднительно. Мы не преследовали цели указать места хранения издания. Важнее было найти доказательство реального существования того или иного издания. В сомнительных случаях для нас таким доказательством служило наличие издания на библиотечном хранении. Но в наших розысках попутно мы все же время от времени отмечали и места хранения того или иного издания¹³.

Имеющиеся в коллекции автора издания позволяют дополнить список Б. Равдина. Рассмотренное выше издание Нового Завета 1942 г. хотя и редкое, но его экземпляры встречаются, в частности, в коллекции автора имеются два подобных. А вот издание Нового Завета 1945 г. в его списке отсутствует, и, судя по указанию места хранения, можно предположить, что его нет и в собрании Финской национальной библиотеки.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Псалтирь. В русском переводе с параллельными местами. Стокгольм: Общество для распространения Евангелия в России, 1945. 412+106 с.

Б. Равдин считал, что «поддержать литературой нуждающихся были готовы поместные православные церкви, библейские и миссионерские общества разных стран, но и здесь все упиралось в разрешение германских инстанций»¹⁴. Но, как уже отмечалось, в Финляндии была другая ситуация.

Интерес представляет ещё одно издание из коллекции автора:

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В русском переводе с параллельными местами. Комиссия Вселенского христианского движения для духовного обслуживания военнопленных Швейцария / Женева, 1942 г. 412 с.

В этом издании опубликован канонический текст Нового Завета и Псалтири в синодальном переводе по дореволюционной орфографии. Эта книга является интересным памятником времен Второй мировой войны: очевидно, она была предназначена для русских военнопленных, рассеянных по странам Западной Европы. Это издание свидетельствует, что и другие протестантские организации в Европе занимались изданием и распространением религиозной литературы, преимущественно Священного писания — Евангелия и Библии, причем не только среди военнопленных и остарбайтеров, но после окончания войны и в лагерях для перемещённых лиц (ДиПи). Эти религиозные издания доходили и до оккупированных территорий, в частности, до северо-западного региона. Это подтверждают издания из списка Равдина, в том числе

¹³ Равдин Б. Предварительный список русской религиозной литературы...

¹⁴ Там же.

¹² Ровесница века, дочь царского офицера Лидия фон Кох-Хааксало пережила войны и революции, посвятив себя служению другим людям и родине // Новости Yle <Электронный ресурс>. Режим доступа: [https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/rovesnitsa_veka_doch_tsarskogo_ofitsera_lidiya_fon_kokh-\(khaaksalo_perezhila_voiny_i_revolutsii_posvyativ_sebya_sluzheniyu_drugim_lyudyam_i_rodine/9797627](https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/rovesnitsa_veka_doch_tsarskogo_ofitsera_lidiya_fon_kokh-(khaaksalo_perezhila_voiny_i_revolutsii_posvyativ_sebya_sluzheniyu_drugim_lyudyam_i_rodine/9797627) (дата обращения 5.11.2018).

и сохранившиеся в собрании Национальной библиотеки Финляндии. Традиция подобных изданий берёт своё начало от Российского библейского общества, она оставалась актуальной в начале XX в. и особенно в период антирелигиозной борьбы в 1920-е гг. до постановления 11 марта 1931 г. «О запрещении продажи и ввоза Библии». Примеры подобных изданий из списка Равдина:

№ 32. Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея. Лондон: Миссия распространения Священного Писания, 1944. 57 с. — КVK.

№ 83. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа (Обложка: Новый завет и Псалтирь). Лондон: Издание Британского и иностранного библейского об-ва, 1942. 298 с. — ДРЗ, РГБ¹⁵.

Приведу ещё одно издание из своего собрания:

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В русском переводе с параллельными местами. Тираж печаталась в Женеве в 1942 г. Комиссией вселенского христианского движения для духовного обслуживания военнопленных.

Это издание интересно владельческой отметкой, которая позволяет установить, что книга попала в Финляндию. На форзаце чернильный оттиск военной поры:

Благословение Коневского Рождество-Богородичного мужского монастыря.

После 1917 г. монастырь оказался на территории независимой Финляндии в юрисдикции Финской православной церкви, перешедшей в 1920 г. под омофор Константинопольского Патриарха. В 1939 г. в связи с началом Советско-финляндской войны братия эвакуировалась вглубь Финляндии. Во время Великой Отечественной войны, когда Карельский перешеек был оккупирован финскими войсками, часть братии вернулась в монастырь и пробыла там до октября 1942 г. Сомнительно, что монахи распространяли подобные издания в миссионерских целях, поскольку к тому времени уже несколько десятилетий не было притока иноков, братия не увеличивалась, а естественным путём убывала¹⁶. Можно пред-

¹⁵ Равдин Б. Предварительный список русской религиозной литературы...

¹⁶ Кустов В. М. Религиозная ситуация в Ленинградской области в период антирелигиозной борьбы в 1920–1930 годы. Ленинградская область: страницы истории. VII Межрегиональные губернские чтения, посвящённые 90-летию Ленинградской области / Правительство Ленинградской области, Ком. по культуре Ленингр. обл. Ленигр. обл. универ. науч. б-ка [Л. К. Блюдова и др.] СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 76. Также подобные издания для военнопленных выпускались в США и Швейцарии такой организацией, как УМСА (Христианский союз молодёжи), но это были издания русской классической литературы, в отличие их деятельности во время

положить, что книга, вероятнее всего, досталась кому-то из паломников. К тому же приведённое издание Нового Завета отсутствует в списке Равдина.

Обратим внимание на издания из списка Равдина, которые попали в фонды Национальной библиотеки Финляндии, в первую очередь — изданные в этой стране:

№ 38. Евангелие от Луки. I послание ап<остола> Петра. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapaino, 1941. 87+251 с. — НБ Финляндии, РГБ.

№ 54. Краткое изложение истин христианской веры. Стокгольм: Издание О-ва для распространения евангелия в России, 1944. 63 с. — НБ Финляндии.

№ 55. Краткое изложение истин христианской веры. Чтение для военнопленных. Гельсинки: Типография Финского литературного общества, 1942. 16 с. — НБ Финляндии.

№ 69. <Молитвенник. Финляндия: Общество распространения Библии в России. 5000 экз.>. См.: Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь, с. 398 (с отсылкой к газете *Församlingsbladet*. 1941. 18 сентября). Вероятнее: Об-во для распространения Евангелия в России (Стокгольм).

№ 70. Молитвенник. Helsinki: Otava. Kirja, 1944. 93 с. На с. <2>: Kustannus-osakeyhtiö Otavan Kirjapaino Helsingissä <т. е. Типография книгоиздательства Otava в Хельсинки>. — НБ Финляндии.

№ 96. Рождественская весть. <Финляндия>: Б. и., 1943. 12 с. — НБ Финляндии.

№ 152. Духовное пробуждение = Hengellinen herätys. Свободный христианский журнал. <Helsinki>, 1944. № 1–10. Издатель К. Koch (на 1945 г.?). — НБ Финляндии. Это периодическое издание обращает на себя внимание тем, что его издателем был вышеупомянутый Константин Кох. Это ещё один штрих к его биографии и деятельности.

№ 31. Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие. <Второй титул: Святое Евангелие>. Рим: Ватиканская типография, 1944. 357 с. — СТДС

Первой мировой войны, когда они распространяли религиозную литературу среди военнопленных. Напр.: *Н. В. Гоголь*. Мертвые души. New York, s. a.; *А. С. Пушкин*. Евгений Онегин. Женева, 1944. Оба издания имеют надпечатку: «Напечатано Отделом помощи военнопленным Христианским союзом молодых людей (У.М.С.А.) для исключительного пользования военнопленных». История Коневского монастыря // Коневский Рождество-Богородичный мужской монастырь <Электронный ресурс>. Режим доступа: <http://konevets.ru/istoria/> (дата обращения: 6.11.2018).

Библиотека Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле; National Repository Library, Финляндия.

№ 34. Демидов В., протоиерей, Идеиня борьба за Святую Русь. Сборник статей «Книга въ защиту неправды». Критическое обозрѣние большевицкой книги «Правда о религии въ Россіи». Б. м.: Б. и., <1943? 1944?>. 72 с. — НБ Финляндии.

№ 145. Богословская мысль. <Православная мысль. Вып. 4>. Труды Православнаго богословскаго ин-та в Парижѣ. Париж: Изданіе Православнаго богословскаго ин-та. Парижъ 1942. 154 с. — ВГБИЛ, НБ Австрии, НБ Финляндии, РГБ, СФПХИ.

Таким образом, из 188 изданий, обнаруженных Б. Равдиным (стоит учесть, что часть изданий им приводится по материалам других исследователей без указания места их хранения, а в последний раздел входят периодика, продолжающие издания и листовки (№ 145–188)¹⁷, в Национальной библиотеке Финляндии сохранилось 12, из них 9 изданы в Финляндии, включая два журнала. Если учесть издание Нового Завета 1945 г., то всего получается 12.

Из этого мы можем заключить, что религиозная литература издавалась и распространялась в основном в самой Финляндии. Спектр религиозной литературы был разнообразным, издательская деятельность осуществлялась разными религиозными и культурными обществами не только Финляндии, но и европейскими. Основной целевой аудиторией были советские военнопленные. Это обусловлено ситуацией военных действий на данном фронте, позиционным ходом военных действий по обе стороны финского и советского фронтов, за которым были пригороды блокадного Ленинграда с зоной действия пропускного режима и не было мирного населения, что исключало контакты и ведение миссионерской деятельности, в частности, условий для распространения религиозной литературы.

Сам факт наличия данных источников религиозной литературы малоизвестен, поскольку, если проанализировать места их хранения, то это крупнейшие библиотечные собрания в основном Европы, частные собрания, и лишь малая их часть находится в фондах российских библиотек, находящихся в Москве: Российская государственная библиотека, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Библиотека Свято-Филаретовского православного христианского института. Только порядка 20 изданий по списку Равдина находится в России. Из финских изданий нет ни одного, а из находящихся в фондах Национальной би-

блиотеки Финляндии — одна книга, изданная в Париже (№ 145 по списку Равдина). В этот список можно ещё добавить Псковскую областную универсальную научную библиотеку, получившую дар от одного из участников Псковской миссии, Р. В. Полчанинова, и экспозицию в Псковском государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, в котором также находятся издания, подаренные Р. В. Полчаниновым¹⁸.

Таким образом, введены в научный оборот ранее неизвестные издания религиозной литературы периода Великой Отечественной войны. Исследованные издания представляют собой несомненный интерес как с точки зрения истории религиозной литературы, так и как источник по истории Второй мировой войны.

Список литературы

- Атеистический словарь / Абдусамедов А. И., Алиев, А. и др. Под общ. ред. М. П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1986. 512 с.
- Бернев С. К., Рупасов А. И. Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944. Сборник документов. СПб.: Арт-экспресс, 2016. 552 с.
- Грибков И. В. Издательская деятельность Православной Церкви на оккупированных территориях в 1941–1945 гг. // Studia Humanitatis. 2013. № 1.
- Кустов В. М. Религиозная ситуация в Ленинградской области в период антирелигиозной борьбы в 1920–1930 гг. // Ленинградская область: страницы истории. VII Межрегиональные губернские чтения, посвященные 90-летию Ленинградской области / Правительство Ленинградской области, Ком. по культуре Ленингр. обл. Ленигр. обл. универ. науч. б-ка / Л. К. Блюдова и др. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. 258 с.
- Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В русском переводе с параллельными местами. Стокгольм–Stockholm: Об-во для распространения Евангелия в России, Хельсинки, 1942. 412+105 с.
- Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В русском переводе с параллельными местами. Швейцария, Женева: Комиссия Вселенского христианского движения для духовного обслуживания военнопленных, 1942. 412 с.
- Обозный К. П. История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. М.: Изд-во Круг. патр. подворья; Об-во любителей церк. ист-и, 2008. 607 с.
- Равдин Б. Предварительный список русской религиозной литературы, изданной на оккупированных территориях СССР, в Германии и некоторых сопредельных странах в 1941–1945 // Vienna Slavic Yearbook. 2014. № 2. С. 176–221.
- Священная история Ветхого и Нового Завета; Стокгольм: Издание Общества для распространения Евангелия в России, 1943. 125 с.
- Фролов Д. По разные стороны колючей проволоки // Советско-финляндская война 1939–1940. Составители Петров П., Степаков В. Т. 2. СПб.: Полигон, 2003. 137 с.

¹⁸ Библиотека Ростислава Владимировича Полчанинова // Официальный сайт Псковской областной универсальной научной библиотеки <Электронный ресурс>. Режим доступа: <http://pskovlib.ru/oldsitecategory/catid487/> (дата обращения 5.11.2018).

¹⁷ Равдин Б. Предварительный список русской религиозной литературы...

Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. СПб.: Сатисъ, 2005. 622 с.

Vadim Mikhailovich KUSTOV

culturologist, Director of the Historical Literature Museum «Vasya Terkin»
(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: posta813@rambler.ru

Publication and distribution of Russian religious literature on the territory of Finland on the Karelian isthmus during the Great Patriotic war

The actualization of this study is due to the appeal to the little-studied topic of publishing and distributing religious literature in the context of religious and everyday life during the Great Patriotic war in the occupied territories.

Keywords: Great Patriotic war, religious literature, publishing, occupied territories, Finland, missionary activity.

УДК 94 (47).084.8

ББК 63.3 (2) 622.11

Павел Александрович ГАВРИЛОВ

Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: pavgavr@gmail.com

«ПИШУ С АППЕТИТОМ, КАК БУДТО ГОВОРЮ»: ПИСЬМА КОМИССАРА 90-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ А. С. СНЕГИРЕВА В ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБКОМ ВКП(б) ОТ СЕНТЯБРЯ 1941 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье публикуются письма секретаря райкома А. С. Снегирева в обком ВКП(б) от сентября 1941 г. Выделены черты, позволяющие использовать текст как источник по истории советской идентичности и представлениях советского функционера о войне.

Ключевые слова: Битва за Ленинград, 90-я стрелковая дивизия, Лужский рубеж, А. С. Снегирев, советская идентичность.

В последние годы исследователи Великой Отечественной войны и обороны Ленинграда обращают особое внимание на эго-документы. Дневники и письма участников войны, равно как и интервью с ними, взятые в 40-х и 50-х гг., особо ценны и как первичный источник, и как непосредственные впечатления, записанные по горячим следам¹.

Соблазн видеть в эго-документах настоящую, неприукрашенную, в отличие от официальных источников, историю, велик, но на деле личные записи являются сложной и многослойной конструкцией. На наш взгляд, наибольшие перспективы открывает подход, использованный Й. Хелльбеком в монографии, посвященной дневникам сталинской эпохи «Революция от первого лица». Мы хотим обратить внимание на более простой по своей сути текст: официальные письма, направленные в кон-

¹ Назовем наиболее яркие примеры: письма ленинградцев в продовольственную комиссию военного совета Ленинградского фронта, опубликованные Н. А. Ломагиным (*Н. А. Ломагин. В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД.* СПб.: Европейский дом, 2000); исследование на базе дневников ленинградцев (*Alexis Peri. The war within.* Harvard University Press, 2017); воспоминания командиров Красной армии о начале войны, собранные в 1949–1957 гг.: («Пишу исключительно по памяти...» Командиры Красной армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. Составитель С. Л. Чекунов. М., 2017); воспоминания о Сталинградской битве (*Хелльбек Йохен. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев.* М., 2015).

це сентября 1941 г. партийному руководству города одним из низовых партработников области.

В июле 1941 г. после взятия Пскова руководство Карамышевского района оказалось под Лугой — при довольно странных обстоятельствах. Секретарь Псковского райкома В. А. Акатов считал, что они «убежали из района»². Тем не менее, затем 32-летний Алексей Сергеевич Снегирев, 1-й секретарь Карамышевского райкома, активно включился в работу Лужского участка обороны. Он почти явочным порядком стал комиссаром 286-го стрелкового полка 90-й стрелковой дивизии, прошел с ним от Лужского рубежа до Пушкина и попытался подытожить 40 дней, в которые для него, его дивизии, фронта и города несколько раз менялось абсолютно всё.

Ценность этого свидетельства прежде всего в том, что это, как постоянно подчеркивает сам автор, взгляд гражданского человека и члена партии на то, как идет и как должна идти война. Причем это классический случай «обычного человека в необычных условиях»: рядовой функционер Алексей Снегирев окунулся в совершенно новый для него мир военного дела, который, однако, он, как коммунист, должен был себе представлять. Военная подготовка была одной из задач партии с 1939 г., и Снегирев, например, вспоминает военные сборы партийного актива, на которых был в Пушкине с заведующим военным отделом обкома М. Ф. Алексеевым. Все это позволяет увидеть, во-первых, те представления о войне, с которыми вступали в нее те, кого можно назвать опорой режима. Во-вторых, увидеть, как из обломков этих представлений рождались новые, которые воспринимала и, в свою очередь насаждала высшая власть. В конце концов, представители именно того слоя, к которому принадлежал Снегирев — советские и партийные работники низового звена — через 20 лет после войны стали ветеранами, создавшими основу позднесоветского нарратива Великой Отечественной. А он актуален и по сей день.

События, о которых пишет Снегирев, достаточно известны и изучены³. Обратим внимание лишь на то, что публикуемый текст хорошо показывает, до какой степени действия советского командования являлись импровизацией. В июле 1941 г. 90-я дивизия, ветеран Финской войны, фактически была уничтожена. На Лужском рубеже ее создавали заново, в том числе, как пишет Снегирев, из «драпунов», «разбежавшихся красноармейцев разных дивизий». Затем за месяц с небольшим

отступления дивизия пережила две смены командования, дважды — под Сусанино и Пушкиным — ее собирали заново из прорывавшихся отдельно полков. Можно сказать, что она мало отличалась от своих соседей, дивизий народного ополчения, которые должны были по замыслу политического руководства восполнять недостаток элементарной выучки революционным порывом⁴.

Именно на этом и стоит остановиться подробнее. Практики Гражданской войны были для советского руководства близким и ценным историческим опытом, к ним обращались естественным образом. То, что описывает Снегирев, заставляет вспомнить прежде всего это. Отношение к «драпунам» и их расстрелам, апелляция к историческим анекдотам о Суворове и Чапаеве, акцент на личном участии командира в бою, размышления о пропаганде — все это общие черты того, что можно назвать образом идеального комиссара. Судя по военной биографии Снегирева, он искренне старался ему соответствовать. Однако гражданская война — не романтизированная Гражданская 1918 и 1919 гг., а явление как таковое, предполагает внутренний конфликт в обществе. Несомненно, война и оккупация обнажили серьезные внутренние противоречия в советском обществе, но в официальном нарративе народ оставался единым, «внутреннего врага» описывали в категориях, отчуждавших его и отделявших от общества. Снегирев объясняет бегство красноармейцев тем, что «среди них была масса неустойчивых как по классовому составу, так и морально-политическому суждению, сыны бывших кулаков, репрессированных», а далее упоминает, что «финны встречали с вином немцев и показали, где жили коммунисты и советские работники». Сам Снегирев отреагировал на это вполне в духе Гражданской войны: приказал сжечь дома финнов, что имеет довольно мрачные параллели — в это же время там же военнослужащие 8-й танковой дивизии вермахта сжигают деревни, в которых партизаны напали на ее солдат⁵.

Финское население действительно не имело симпатий к советской власти и, по отчетам партизан, охотно шло на сотрудничество с нем-

⁴ Начальник политотдела Ленинградской армии народного ополчения М. А. Верхоглаз считал, что «если командир части <...> считает, что он сначала укомплектует часть, затем будет обучать, затем доложит о готовности, то он глубоко ошибается. Воюя, надо учиться, учась, надо воевать. <...> Сейчас у нас все представления о системе боевой подготовки должны быть отброшены в сторону. Это одна из краеугольных особенностей нашей армии» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 15. С. 5). Сам Михаил Аронович Верхоглаз, бывший начальник военного отдела обкома ВКП(б), уже 8 августа оказался там же, где Снегирев — на Лужском рубеже в должности комиссара 177-й стрелковой дивизии. Погиб при выходе из окружения в сентябре.

⁵ NARA. T 315 R 483 fr. 824.

² Акатов В. А. Первые дни Великой Отечественной войны в Пскове (из воспоминаний) // Псков. 2014. № 40.

³ О боевом пути 90-й стрелковой дивизии: Девяностая, Ропшинская. Сост. Н. А. Пантелеев. СПб., 2006; И. Хомяков. Лужский рубеж. Хроника героических дней. СПб., 2014.

цами⁶. Этому, к сожалению, способствовало и то, что ленинградских финнов и эстонцев считали неблагонадежными еще до войны и применяли к ним соответствующие меры, а немцы, в свою очередь, изначально относились к национальным меньшинствам как к союзникам. Однако нельзя не заметить, что количество коллаборационистов даже в районе Сусанино–Вырица одними финнами не ограничивалось, и проблема стояла гораздо шире. Объяснить ее наличием недобитых кулаков и нерусского населения оказалось очень удобно. В декабре 1942 г. сам начальник Ленинградского штаба партизанского движения Никитин в плане исторического описания партизанской войны первым пунктом указал как особенности «наличие <...> эстонско-финского населения, репрессированных элементов» и «самозвакуацию русского населения осенью 1941 г.»⁷. Это давало возможность представить любых коллаборационистов как маргиналов, чуждых «нормальному человеку» изначально — национально и даже социально. Этот прием, сам по себе крайне популярный во всех гражданских войнах, переключал в позднесоветскую и постсоветскую литературу.

Отметим, что публикуемые письма крайне интересны с точки зрения стиля, в них можно видеть сочетание живой непосредственной речи и штампов официального языка. Второе письмо, обращенное к М. Ф. Алексееву, заканчивается настоящей клятвой верности конкретным людям — И. В. Сталину и А. А. Жданову. Можно сказать, что автор так закрепляет свою советскую идентичность, которую он по мере сил отстаивал с оружием в руках.

В заключение стоит сказать пару слов о дальнейшей судьбе А. С. Снегирева. Переписку с обкомом он начал, попав в госпиталь — как он сам пишет, с гриппом. Судя по наградным документам, до апреля 1942 г. он числился в составе политуправления Ленфронта, затем попал на фронт уже в чине майора и полкового комиссара в марте 1943 г. Попал в 7-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, за бои на Ловати был представлен к ордену Ленина, получил орден Красного Знамени. Второй орден получил в той же дивизии на Воронежском фронте в августе 1943 г., был при этом тяжело ранен. Закончил войну начальником политотдела 107-й (бывшей 8-й воздушно-десантной) гвардейской стрелковой дивизии.⁸

Письма отложились в фонде Ленинградского штаба партизанского движения ЦГАИПД СПб. Особенности стиля сохранены, явные опечатки и описки исправлены.

⁶ Напр. см. отчеты Слуцких отрядов, действовавших осенью 1941 г. в районе Вырицы: ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 1. Д. 1009, 1008, 777.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3225. Л. 4.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. № записи 19871906; Оп. 682526. № записи 17938606.

Тов. НИКИТИНУ или АЛЕКСЕЕВУ.

Написал секретарям обкома письмо, на первый взгляд, кажется очень большое, но прошу, если будет время, его прочесть. Стилистики я не придерживался и грамматики, писал так, как я понимаю и как было. Прошу тов. Алексеева дать ответ. Я Ваше письмо получил, за которое большое спасибо.

С приветом

комиссар 286 сп батальонный комиссар —
Снегирев

21.09.1941

Мой адрес — ППС 856 286 СП

Комиссару Снегиреву.

СЕКРЕТАРЯМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
т. т. ЖДАНОВУ, ШТЫКОВУ, НИКИТИНУ, БУМАГИНУ
И ДОМОКУРОВОЙ.

Зам. Военным отделом ОК ВКП(б) т. АЛЕКСЕЕВУ.

От бывшего секретаря Карамышевского РК ВКП(б),
сейчас комиссара 286 СП 90 кед.

батальонного комиссара Снегирева А. С.

ЛИЧНОЕ ПИСЬМО

Целью своего письма считаю поделиться опытом своей работы, показать наши ошибки, на мой взгляд (т. к. я еще военный специалист молодой, могут быть и неправильные выводы) и подвести некоторые итоги борьбы с фашистскими бандами нашим полком, а также действия партизан, с которыми я имел связь.

Как я в армию попал, об этом известно секретарям обкома ВКП(б). Мы были направлены с т. Потониным — секретарем Новосельского РК ВКП(б), который работал инструктором политотдела 90 сд и 24 августа 1941 г. северо-восточнее 4-х километров Каушта около развилки дорог на Слуцк и Тосно был убит авиабомбой прямым попаданием, разрубило обе ноги и грудную клетку. Живым был только 10 минут, кричал: «Товарищи, спасите, истекаю кровью», но помощь была бесполезна, тогда погибло лучших 8 командиров и политработников и 4 ранено. Потонин похоронен на кладбище в деревне Каушта Слуцкого района. Потонин был лучший не только мой товарищ, мы, конечно, с ним и работали в Псковщине вместе и в армию пошли вместе, причем просились хотя бы рядовыми бойцами, но злостью отомстить хотелось <так в тексте — П. Г>. Потонина любили все в дивизии, его знали и чувствовали его помощь в полках, он не боялся ходить на переднюю линию боя, всегда с винтовкой шел к бойцам и там с ними вместе проводил партийно-массовую работу. Накануне он был в моем 286-м полку, помогал мне восстанавливать полк, который входил с боем из окружения, причем мы в течение 2-х дней с ним полностью восстановили боеспособность полка. Он тогда у меня просился, чтобы я взял его работать к себе в полк, хотя бы инструктором полка. Мне, — говорил он, — надоело работать на побегушках. Но я не мог взять батальонного комиссара инструктором по пропаганде. Он все обещался проситься в полк работать, но желание его было прервано вражеской бомбой, за которую фашистские псы поплотятся сотнями своих собачьих фашистских голов.

14 июля мы работали с Потониным заместителями начальника формирований Лужского гарнизона. В нашу обязанность входило собирать всех разбежавшихся красноармейцев разных дивизий. Меня прежде всего заинтересовало, что это за красноармейцы и почему это получается. Причем, вообще для меня как для гражданского человека вся эта обстановка была полной неожиданностью. Я никогда не давал себе права даже предполагать, что наш красноармеец победит. И вот когда мы с т. Потониным стали догадываться, почему все это случилось, и мы сделали вывод следующий, что это красноармейцы в большинстве не обученные, в армии раньше не служили до мобилизации, даже не стреляли из винтовок, хотя были на фронте. Большинство женатых, имеющих 3–4 детей, живущих в колхозах, где жизнь для них была замечательной. К этому надо добавить, что среди них была масса неустойчивых как по классовому составу, так и морально-политическому суждению, сыны бывших кулаков, репрессированных, причем первый раз им было прощено бегство. Они делали это второй раз, а затем третий раз, и в Луге масса были по 5-му разу. Таким образом это были люди-профессионалы по «драпу», если так можно выразиться.

Вот мы этой работой занимались 5 дней, которая нас ни в какой мере не удовлетворяла, потому что мы практически не ощущали войны с фашизмом. Поэтому мы поставили задачу, как угодно, а попасть непосредственно на поле боя. Но это не так легко было сделать, надо было много дистанций <так в тексте — П. Г> пройти. Тогда я набрал группу этих драпунов в количестве 900 человек и маршем повел их из Луги в Долговку в 90-ю дивизию по назначению. Конечно, это была не первая и не последняя партия для 90-й дивизии. Когда я прибыл в Долговку, узнал, что дивизия комплектуется и нужны кадры. Я стал проситься — нельзя ли попасть к вам в дивизию на любую должность вплоть до рядового бойца, причем рассказал, что у меня есть товарищ Потонин, тоже хотел бы непосредственно на фронт. Тогда командир дивизии полковник Пленкин написал отношение генерал-майору Адамовичу, чтобы наспустили, который дал согласие, и 19 июля мы с т. Потониным были в 90-й стрелковой дивизии, которая комплектовалась, правда, всего 3 дня и в 25-х числах июля нашей дивизии был дан район обороны Б. Сабск до Хотнежи. Надо сказать, что район в 30 километров очень велик был для недоукомплектованной и вооруженной на 50% дивизии, причем такими людьми, о которых я пишу выше. Я работал заместителем начальника политотдела, а т. Потонин инструктором политотдела, но работали мы, несмотря на разные должности, вместе, быстро познакомились с полками, батальонами, ротами, главное, с политруками и парторганами. Работу надо было заново восстанавливать, начиная от подбора кадров как командиров, так и политработников, причем делать это надо было на рубеже обороны⁹.

По данным разведки и пленных немцев, сил у противника было очень мало на этом участке. Если бы был выполнен приказ наступления 25 июля в районе Б. Сабск, мы бы выиграли тогда на этом участке, но приказ был отложен по неизвестным для меня причинам, а 28 июля противник получил подкрепление и 1-го, 2-го перешел в наступление, прорвал правый фланг в районе Пелеши 173 полка и пошел на Ганьково, на Извоз с одной стороны и на Слепино, Волну и Извоз с другой стороны, и наш 286 полк оказался в окружении. Это наступление не было осуществлено в 1-2 дня, оно шло в течение 7–8 дней, ибо наша дивизия все же контрударами его отбрасывала несколько дней.

7 августа был убит комиссар 286 сп ст. политрук т. Московских. Это был замечательный, смелый, бесстрашный большевик. Когда мы узнали об этом, сообщили комиссар дивизии т. Семолин. Я подхожу к землянке и вижу отпечатанное срочное сообщение о смерти комиссара Московских и тут же сообщается, что комиссаром назначен батальонный комиссар Снегирев А. С. — 1-й секретарь Карамышевского РК ВКП(б). Я сильно обрадовался этому, причем тут же позавидовал мне Потонин. Плохо было одно, что мы уже были не вместе с т. Потониным, ибо полк от штабдива всегда находился километров 6–8.

С 9 августа на сегодняшний день — 21 сентября полк выходил боем 4 раза из окружения. Конечно, это слово окружение — оно даже нам, военным, стало противным, ибо оно очень распространилось как какая-то зараза, даже партизаны заразились этим окружением. Недавно я встретил партизан, спрашиваю — откуда идете? Вид такой незаурядный, оборванный, без оружия, грызут капусту. Отвечают, что идут из окружения. Когда я стал с ними беседовать, что они и должны находиться в окружении, вооружаться и питаться за счет противника, причем хорошо питаться и хорошо быть вооружены, делать налеты, громить штабы, склады, средства связи и т. д., то они заявляют, что «мы остались одни, командиры нас бросили». После того, когда я узнал, что это за люди, то выяснилось, что это небольшая группа высевок, если можно так сказать, т. е. люди, которые думали записаться в партизанские отряды и немного там побаловаться, а когда надоеет, вернуться домой. Они не имели ничего общего с настоящими партизанами¹⁰. Эти люди, по сути дела, имеют общее с теми драпунами, о которых я выше писал. Причем, характерно, общее у них одно, кто бы ни спросил — почему вы одни и не на фронте, они, как правило, отвечают — командиры разбежались, нас оставили одних, а на самом деле удрали, да причем не первый раз. Правда,

уставов, проверенные опытом войн на протяжении столетий». ЦАМО РФ. Ф. 10827. Оп. 000001. Д. 0011. Л. 44.

¹⁰ Планы снабжения и вооружения партизан за счет противника были абсолютно нереальны и стали причиной многих проблем, так как единственным источником питания стали ресурсы местных жителей. Тем не менее, Ленинградский штаб партизанского движения и в 1942, и в 1943 г. смотрел на вещи именно так, как Снегирев. Отряды получали паек на 10–15 дней, которого обычно хватало до момента перехода линии фронта, а затем были предоставлены сами себе.

⁹ Итогом этого стал боевое распоряжение командира 90-й дивизии: «Проведенный период с боями с 5 по 27.7.41 показал, что большинство нач. состава дивизии действует совершенно в отрыве от требований устава Красной армии, вносит полную отсебятину, ничем не обоснованную. В результате таких действий теряется организованное лицо командира, нарушаются боевые порядки и элементарные требования

надо сказать, есть доля вины в этом и командиров, которые в трудную минуту теряют руководство подразделением, оказываются в плену этих бегунов.

Мы в полку за 41 день из этих драпунов сделали сравнительно неплохих бойцов, что же мы сделали с ними:

Во-первых, самых заядлых драпунов расстреляли перед строем, разъяснили бойцам, что лучше одного драпуна уничтожить, чем погубить целое подразделение. Рассказали, что рабочие Ленинграда заявили так: «Немцы будут подходить, рабочие будут стрелять, наши красноармейцы побегут в Ленинград, тоже будут стрелять». Дальше широко разъяснили закон о тех, кто сдается в плен и какие меры принимаются к их семьям. Дали права самим красноармейцам расстреливать тех, кто первый побежал¹¹. Дальше организовали обучение бойцов использованию оружия в бою и тактике ведения боя с противником непосредственно в окопах, когда непосредственно не ведется стрельба. В результате сейчас в полку уже иное положение. Если кто отошел без приказа — это явление является происшествием в полку.

Что сделано полком за эти сорок дней, как я работаю комиссаром?

Полк имеет винтовки, 3 станковых пулемета, 6 ручных пулеметов, и в последнее время отремонтировали минометную батарею, одну пушку 76 мм и одну пушку 45 мм.

1. Под Язвищем подбили гранатами 5 танков противника, сбили зенитной пулеметной установкой 3 немецких самолета под командованием командира взвода ПВО т. Бублик. Взяли 3 немецких автомашины, причем одна с полным запасом имущества связи, другая с различными документами, в том числе железный крест гитлеровский сняли с убитого офицера-фашиста. Очень большое количество положили их живой силы. Это вообще трудно учесть, но иногда прямо ярусами клали немцев в пьяном виде, а они все лезли и лезли, а мы не плошали, били их, как обалделых баранов.

2. У Большого Заречья. Я уже писал тов. Алексееву по разведке волосовских партизан. Был уничтожен минометным огнем немецкий штаб вместе с помещением и автомашинами, которые находились возле него.

3. 23 августа в 7 часов вечера на ст. Вырица, это к кирпичному заводу (я рассказывал т. Данилину¹² об этом случае), немцы с тремя танками объявили населению, что ст. Вырица и этот поселок заняты немцами и что жители должны подчиняться только законам немецкой власти. Причем угощали население сигарами, конфетами. А у меня полк выходил из окружения из-под Выры. Но уже в это время со стороны Куровиц собрал 200 штыков и в 23.00 я с бойцами занял этот поселок, где были немцы, причем собрал обратно это население в 24 часа ночи (правда, его немного и было) и заявил, что отныне здесь советская власть, а не фашистская. Население очень обрадовалось, некоторые даже заплакали, причем надо отметить, что я никого не угощал ни сигарами, ни конфетами¹³.

4. 24 августа мы послали разведку на кирпичный завод (это у Вырицы), а в это время противник подошел к нашему переднему краю в 300 метрах. С двумя танками, тремя бронемашинами и грузовой машиной с автоматчиками¹⁴, а у нас было только эти 200 красноармейцев и придали нам одну гаубицу-пушку. Мы ее поставили (может, и неграмотно с точки зрения военной тактики) на уровне с передним краем обороны. Противник открыл огонь по нашему переднему краю и наши открыли ответный огонь из винтовок, а также командир этой гаубичной пушки т. Садовников прямой наводкой как начал плевать в эту группу, вооруженную, сравнительно с нашей, лучше, причем сделал несколько выстрелов. Сразу танки, бронемашины и автоматчики, какие остались, повернули обратно и два дня больше не приезжали, а потом числа 27 августа мы у них разбили два штаба: один у кирпичного завода, потом он перешел в дом лесника, там его остатки добили с большой группой автомашин. Все это наблюдал агентурный разведчик т. Бублик и 29 августа ночью (уже полк собрался) вторым батальоном почти без боя полностью поселок Ново-Сиверское¹⁵. Эту деревню мы брали вместе с 19 сп. Он действовал справа, а мой второй батальон, которым я руководил непосредственно, действовал слева. Там много трофеев добыли, пленных, вина немецкого, автомашины, гармонь, что-то больше баяна (забыл, как называется). Там удачно застали офицеров в одном домике сонных. Один красноармеец с пулеметчиком зашли в этот дом, а там полно офицеров. Тогда он закрыл дверь и приказал пулеметчику прорешетить (прострелять) этот дом. Когда прорешетили, этот красноармеец открыл дверь и бросил 3 гранаты так, что оттуда никто не вышел. Я тогда беседовал с тремя немецкими ефрейторами-пленными. Они заявили одно, что нам не страшна война, когда бои идут днем, но главная опасность для нас, они говорят, это ночные атаки русских. Во-первых, поднимается сильная паника, офицеры бегут куда поало, все кричат, что «рус стреляет» кругом, карт у нас нет, ну и бежим кто куда. Помним, откуда входили, туда примерно и удираем». Поэтому я считаю, надо больше готовить ночных атак, от этого мы выиграем, а противник проиграет, ибо мы местность знаем, и потом вообще мы находимся на правах хозяев, а противник на правах вора. Я, правда, не был вором, но в малолетстве ходил за яблоками в чужой сад. И, бывало, кошка спрыгнет с крыши, так сразу думаешь, что хозяин услышал и через забор, и драла. Если вдуматься (правда, это сравнение мое личное и, может, оно мало) немец находится на правах вора. И к этому надо добавить такой момент, что танки ночью слепые и оружие слепое. Для того, чтобы вести огонь в ночных условиях, нужно или все время освещать, но это невозможно, или заранее пристрелять цели, иначе стрельба будет впустую. А тут — смелость и вперед только, и победа будет

¹¹ «Широкое разъяснение» приказа № 270 от 16 августа проходило во всех частях.

¹² Первый секретарь Слуцкого РК ВКП(б).

¹³ В ЖБД 8 тд отмечено, что 23 августа 1 рота 59 саперного батальона с приданным танковым взводом вела разведку от Ново-Сиверской до южных окраин Вырицы, где и находился кирпичный завод (NARA. T 315 R 483 826–827).

¹⁴ 24.08 разведка 8 тд проехала от Куровиц до западного въезда в Вырицу и оценила силы противника в южной части поселка как «около 150-ти русских» (NARA. T 315 R 483 829).

¹⁵ По немецким данным, в 4 часа утра 29.08 противник силой около 1000 человек атаковал Ново-Сиверскую, прорвавшись до центра поселка. В 9.00 туда был переброшен батальон 10-го танкового полка с двумя пехотными ротами, и немцы восстановили положение (там же, fr. 841).

за нами. Правда, для этого надо хорошую организацию подразделения, совершенно секретную подготовку, ни в коем случае не по телефону, потому что телефон наш, он способен только продавать и выдавать наши планы.

Причем я должен сказать, что мы этот метод дважды организовали, и в результате ни одного провала. Ночью мы взяли Ново-Сиверскую, а это от фронта было 7 километров. Мы взяли Сусанино ночью¹⁶, наш отряд по вырубению останинцев (41 корпус), которым руководил капитан Бойко и я¹⁷, взяли совхоз «Фундамент» и, если бы не это последнее по счету за мой период 4-е окружение и не было бы приказа на выход из окружения, мы пошли бы дальше таким же методом. И я уверен, что результат был бы на 100%. Поэтому я считаю, что проработать и смелее применять ночные атаки¹⁸.

Я вчера послал небольшое письмо т. Жданову и свой проект листовки для немецких солдат, не знаю, получил он или нет, но я его писал из выводов бесед с немецкими солдатами. Последние, с которыми я беседовал, ефрейторами, они заявили, что «нам говорили, что красные комиссары проходят только через трупы немцев» (они отчасти может правы), но когда я им сказал, что я комиссар и не иду же я через ваши трупы, причем дал им закурить, накормил, рассказал, что такое советская власть и кто у власти, сказал, что такое евреи, которых они называют жидами, и что с ними делало царское правительство, чтобы это было громоотводом от революционного движения, рассказал о немцах, которые имеют свою собственную советскую республику, рассказал о Гитлере, его цели. Показал на примерах, как шантажиста, обманщика, лгуна высшей категории, рассказал о том, что Гитлер издал закон, по которому женщины прикрепляются к оставшимся мужчинам-арийцам, в виде случайных пунктов с тем, чтобы не вывести арийское племя. Рассказал, что они отдают свою жизнь и находят на русской земле себе могилу ради того, чтобы вернуться в Россию помещики и капиталисты, прогнанные рабочими и крестьянами в 1917 году, что это значит отнять от русских рабочих фабрики, заводы, жилища, от крестьян землю и их зажиточную жизнь, от интеллигенции права и их передовую роль в культурном строительстве социалистического общества и т. д.

Тогда эти пленные горько заплакали, рыдая, говорили, что «как хитро нас обманывали», причем плакали они не ради слез, а от души, ибо хитрые слезы можно легко отличить от настоящих. Поэтому я сделал вывод о такой листовке, проект которой я послал. И ряд других моментов, для меня интересных, можно было бы рассказать, но в письме это трудно.

Сейчас такую работу проводим среди бойцов, заключаем обязательства по убою фашистов в штуках. Считаются те, которых сам личными глазами видел, что они убиты. Правда, я второй день в полку не нахожусь, за меня работает инструктор политотдела т. Калачев в связи с тем, что я заболел гриппом и распухли ноги от большой ходьбы, а сапоги были очень тесные. Все время был здоров, ранило только один раз, причем рана была небольшая, но под смертью находился несколько раз, уже бойцы стали говорить, что «у нас комиссар бронированный».

Я думаю, что эта работа, она также дает свои результаты. Когда я ехал в армию, у нас с т. Потониным было обязательство убить не меньше <чем> по 15 штук фашистов. Потонину не удалось, а я на сегодняшний день забил 9 штук, из них двух автоматчиков поднял на воздух вместе с автомашиной противотанковой гранатой и 3-х простых с винтовками, в которых запустил 26 патронов в упор, причем в два раза, боялся, чтоб не ожили. Это во время выхода из окружения в районе Манино–Устья¹⁹. Теперь четырех убил во время атак, когда ходил с отрядом на выручку 41-го корпуса, из них две кукушки и два простых. Интересно, что в этом бою меня обогнал политрук Арсентьев, он убил 3 кукушки, не ел два дня, а после этого пришел к себе на командный пункт и есть неохота, как с охоты иногда приходишь после того, <как> хотя одного зайчика убьешь, так и здесь.

Здесь у совхоза «Фундамент» есть надпись на карте «Сар.» около Красниц. Мы вели бой в 250 метров расстояние противника до нас. Такое положение дал нам возможность построенный ленинградскими рабочими дзот, который немцы били в течение двух суток прямой наводкой, ходили атакой на него, но были они отбиты. Мы этот дзот тоже взяли у немцев ночью. А мы с т. Бойко<вым> и еще группой красноармейцев и командиров 8 роты сидели в этом дзоте²⁰. На случай нам принесли с одного подразделения два пулемета, один станковый не стрелял, второй ручной, тоже не стрелял (Алексеев знает, не зря учили пулеметы и др. оружие в Пушкине). Мы их разобрали и смазали, не было соединительного винта в станковом пулемете, взяли штык, надели и по очереди из них стрелял, один нагреется, за другой берусь. Тогда очень много положили немцев. Правда, имели и мы потери, в войне не без этого, но немцев в несколько раз убили больше. Тогда и меня ранило осколком, правда небольшим, но сильно раскаленным, сейчас уже заживает, и все же при беседе с командиром 41 корпуса они нам заявили,

¹⁶ Сусанино было захвачено частями Полицейской дивизии СС 6.09.41. Потеря станции была расценена как позорный провал, и 173 сп получил задачу в ночь с 7 на 8 сентября восстановить положение неожиданной атакой. Атака имела успех, в Сусанино остался лишь небольшой заслон, основные усилия L армейского корпуса были направлены на северо-запад, к Гатчине (ЦАМО РФ. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 27. Л. 4; Ф. 1253. Оп. 1. Д. 62. Л. 127–128; NARA. T 315 R 483 fr 861).

¹⁷ 11 сентября для соединения с прорывавшимися частями Лужской оперативной группы ген. Астанина от 286 полка была выделена группа в 250 человек (две стрелковых роты с истребительной группой полка и одним орудием ПТО), возглавил ее командир 3 батальона. Отряд захватил совхоз на северном берегу р. Суйда, смог пробиться до д. Красные Луга, но наступление на Мину не удалось.

¹⁸ Командование дивизии во время боев на р. Суйда оценивало усилия Снегирева по-своему: «Ряд политработников вместо своей работы чрезмерно увлекается командованием (бат. комиссар Снегирев), что в большинстве своем вместо помощи командиру является лишь помехой». Приказ по 90 сд от 08.09.1941. ЦАМО. Ф. 1253. Оп. 0000001. Д. 0041. Л. 6.

¹⁹ Т. е. прорыв из первого окружения 90 сд на р. Луге у Б. Сабска.

²⁰ 15.09.41 дивизия начала отходить на Антропшино вдоль железной дороги, группа капитана Бойко осталась прикрывать отход на участке вдоль р. Суйда — от железной дороги до отметки «сарай» у поворота реки на юг. Группа действительно двое суток пробыла в окружении, ожидая выхода группы Астанина и приказа на отход (ЦАМО РФ. Ф. 10827. Оп. 0000001. Д. 0011. Л. 57).

что мы большую помощь им оказали, так как основную силу противника оттянули на себя и таким образом им облегчили выход из окружения. Правда, на второй день сами оказались в окружении. Но полк все же обратно наступает на г. Пушкин, в данную минуту немного задержка, но с вечера есть данные, что Пушкин будет взят.

Хочу еще один момент отметить. Я о нем писал т. Данилину и просил, чтобы он передал в обком ВКП(б). Это насчет сволочей, которые отпустили свои отростки. В Сусанино, например, когда наш полк отходил на новый рубеж, то была стрельба из чердаков по нашим частям, и когда пришли немцы, то финны встречали с вином немцев и показали, где жили коммунисты и советские работники. В этих квартирах все было немцами разгромлено вплоть до того, что подушки перерезали ножами. Когда я входил со своим полком в это Сусанино и немцы бежали за исключением некоторой группы, которая была убита и часть в плен взята, тогда у нас сперва был отряд в 300 человек, 150 нашего полка и 150 173 сп, а потом шли в Сусанино остальные батальоны. Мной был отдан приказ зажечь эти постройки, но когда начали жечь, то получилась неразбериха. Русские подумали, что жечь будут весь поселок, а, знаешь, как отдать приказ, а потом его быстро отменить — это не так легко. Но все же пришлось сжигание остановить, ибо постройки не виноваты и одновременно послал нарочного к т. Данилину, чтобы он выслал спецотряд для очищения от всякой мрази этого поселка. Были данные, что этот отряд работал, результаты неизвестны. Это было и в Вырице.

Какие, я считаю, у нас ошибки и недостатки, которые я сделал вывод из практики своего полка и других полков, ибо связь и информация, они дают эти данные, причем я работал заместителем начальника политотдела, бывал в других полках сам лично.

1. Крайне, дальше нетерпимо, работает артиллерия, решает <работает?> она в большинстве не по-военному, кустарно и неграмотно с точки зрения боевых действий. Для меня известно, что снарядов ограниченное количество мы пока имеем из-за сложившейся обстановки, и каждый снаряд должен быть выпущен только в цель, причем в требуемую цель, для подавления огневых средств противника, а в практике получилось так. Артиллерия наблюдательных пунктов не имела, так как не было средств связи, стреляла по площади, прицел брала по теоретическим расчетам, который иногда не совпадал, ибо 100% исправности пушек мало было и много случаев, когда снаряды попадали по своим. Бойцы даже стали бояться своей артиллерии больше, чем противника. Никакого централизованного управления не было, поэтому с артиллерией нужно что-то предпринять. На мой взгляд, нужно ее снабдить связью и дать ей централизованное управление под руководством какого-то хорошего полководца, и на батарее дать хороших, грамотных в военном отношении, дисциплинированных комиссаров, причем бить только по видимой цели огневых точек противника²¹.

2. У нас подчас кадрами и их подбором занимаются формально по бумагам, не подходят с политической и, главное, с деловой в военном отношении стороны. Иногда прямо про себя думаешь и делаешь вывод — честный человек, может, готов отдать жизнь за родину, но ума, хитрости нет. Простяк.

Ведь для того, чтобы выиграть ту или иную операцию, надо с умом все продумать, все варианты предвидеть противника и обязательно быть хитрее противника. Причем, обязательно командир должен быть уверен в свою задачу или решении ее <так в тексте — П. Г>. При трудных моментах, чтоб голос не дрожал и поджилка не тряслась, ибо это как магнит передается на младшего командира и бойца.

А у нас все делалось по-простецки (я еще говорю, что это мое личное мнение). Берут карту, берут карандаш, красный, конечно, и чертят. Полк туда, полк сюда, командный пункт там (причем в окопе, в лесу, километров 6 от поля боя). Хочу сказать, что настолько привыкли к лесу и землянке, так хлебом не корми, а дай землянку и обязательно толстый лес.

Вот так просто решали задачу, даже в большинстве не придерживаясь условий РККА отдачи приказов²².

Я помню, когда мы были у Большой Александровки²³, в один день мы получили 5 приказов, и вот мотали людей по болоту с одного места на другое, или когда делали атаку на Ново-Сиверскую. Приказ получили за два часа до действий, и за эти два часа 3 приказа, и все разные. Фактов для подтверждения очень много, причем, как правило, все с угрозами — за невыполнение под суд, до расстрела и т. д. Я в своем полку вообще запретил наганом командовать, и толку получается больше. Причем напомнил полководца Суворова, Чапаева, который не командовал угрозами. Пример привел, когда Чапаев приехал, а один стоял и кричал, что «довольно воевать». Чапаев пристрелил его, потом, когда Чапаев отъехал, еще один выстрел получился, все думали, что это в Чапаева. Тогда Чапаев обернулся и крикнул — кто стрелял? — Красноармейцы заявили, что «мы сами одного прикокнули». И так же Суворов говорил своему интенданту, что «я тебя люблю и жалею, а если еще раз так сделаешь, на первой березе повешу». Вообще вроде этого. А наган и страдание — оно не на всякого действует положительно. Уж если заявить, что расстреляю, так это действительно человек заслуживает этого, такого мнения даже бойцы. Когда мы расстреливали перед строем одного драпуна, то бойцы сами просили его расстрелять и они сами и расстреляли, ибо это был предатель, или самострелов было два человека. Я один раз сказал командиру дивизии и комиссару — что ты пишешь угрозы, неужели я пришел воевать за угрозы, причем несколько раз был под таким огнем, что просто щупал себя, жив я или нет, или не ранен. Когда почувствовал себя

²¹ Частично это совпадает с выводами, сделанными 90 сд в справке по учету опыта боев 11.12.1941, например, описано распыление противотанкового дивизиона для борьбы с отдельными огневыми точками на переднем крае, слабость артразведки и т. д. ЦАМО. Ф. 1253. Оп. 0000001. Д. 0169. Л. 97–98.

²² См. примечание 1. ЦАМО РФ. Ф. 10827. Оп. 0000001. Д. 0011. Л. 44.

²³ Несуществующая ныне деревня под Бол. Сабском, севернее дороги Слепино–Извоз. Около нее 8.08.41 286 полк был окружен (ЦАМО РФ. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 63а. Лист начала документа в деле: 73).

здоровым, то ответа найти не мог, почему жив, а ты стращаешь. Это дело было при том руководстве, которое у нас снято — в 90 дивизии²⁴.

3. Третий недостаток — это отсутствие правильной информации, которая отрицала действительное положение. Каждый старается дать такую информацию, которая подтверждала бы его работу (без труда); такое услужничество. Каждый старается нажать себе авторитет (правда, надо сказать, всякий авторитет тот хорош, когда он зарабатывается своим горбом, а другой авторитет — дешевый, он тает перед действительностью, как весенний снег), но тем не менее, он мешает работе, заслоняет действительность, скрывает правду. Это такое зло, которое мешает принять правильное решение. Я об этом написал три письма в политотдел комиссару и командиру дивизии, но следов нет. Не знаю, как сейчас будет дело обстоять.

4. Четвертый недостаток — это командиры. Я имею в виду полк, дивизии, разные начальники спецслужб боятся прийти на передовую во время боя. Я за все время пребывания в полку, 41 день, ни разу не видел на поле боя даже командира полка, не говоря о дивизии или других работниках. Такая теория. Я считаю, она подобна враждебной, что командиров надо беречь, спасать и т. д, чуть ли не в подвалы за бронированными листами хранить. Я за сохранение кадров, но не злоупотреблять этим. Должен признаться, что сначала у меня был такой случай, когда я чуть помощника нач. штаба т. Фадеева не застрелил. Дело в том, пошел я на передовую и вот дошел до переднего края, мне нужно было проверить одно мероприятие, и вот он меня физически не пускает и тянет за рукав обратно под предлогом: «Я, товарищ комиссар, за вашу жизнь отвечаю, я вас не пускаю». Когда я почувствовал его физические действия в этом вопросе, я схватил пистолет, тогда он испугался и в сторону. Это большое зло.

5. Недостаток — это не стреляют залпом по самолетам, говорят так, что выдашь себя. Я, правда, сейчас решительно принял по этому вопросу меры. Но беда вся в том, что каждый вопрос исходит прежде всего от командиров. Противник отлично знает, где мы находимся, нет, все же боится, как бы не выдать себя противнику. Когда скажешь о приказе тов. Сталина, то тут деваться некуда, выполняют.

6. Шестое. Надо сказать, сильная распушенность среди командного состава. Устава нет. То, что учили в мирных условиях, в большинстве не применяют, разболтанность исключительная, и это не может не передаваться на красноармейца. Беспечность, инженерное дело запущено. Связь работает плохо. И, главное, не можем наладить дело хорошо с разведкой. Это узкое место. Правда, мы здесь заимели хороших разведчиков, но послали для связи в 41 корпус, обратно не вернулись. Агентурная разведка есть тут, Данилин помог, дал паспорт, как тюремщику, Бублику, тот работает хорошо. Я его даже один раз поцеловал за то, что он мне принес немецкого кабеля, а у нас не хватало.

Можно сказать, когда я пришел в полк и стал наводить порядок, вплоть до командира полка, который отдал приказ — без ведома моего на отход

батальоном в случае неустойки. Я его взял в оборот и заявил, что если через час не восстановишь положения, понесешь ответственность. Так многим не понравилось мое комиссарство, пошли разговоры, что я не военный человек и т. д., мало разбираюсь. Я настоял на том, чтобы сняли, понизили по должности начальника инженерной службы, начальника ПФС (прод. фур. снаб.), комбата-1 и других некоторых штабных работников. Штадив, новый состав, меня поддержал и сейчас такие товарищи стали, лучше не может быть. Когда узнали, что я заболел, так спокойно не дают, причем те, которых в порядок приводил.

Конечно, 40 дней, а жизни много прошло, причем интересно для меня как работника гражданского, может, Вам будет читать неинтересно, но я пишу с аппетитом, как будто говорю, и прошу найти время меня понять и прочитать.

С коммунистическим приветом — А. Снегирев.
21.9.41.

Зав. Отделом Лен. Обкома ВКП(б)

Тов. Алексееву

От батальона комиссара

Быв. секретаря Карамышевского РК ВКП(б) Снегирева А. С.

С 26.9.41 нахожусь в политотделе 55 армии. Со мной произошел следующий случай: Вы помните, когда я приезжал к Вам, потом ходил к тов. Никитину, звонили тов. Бумагину с тем, чтобы разрешили мне остаться с тов. Потониным в армии, и тогда было дано Ваше согласие. Но когда я пошел к полковому комиссару начальнику политотдела Леноблвоенкомата тов. Дмитриеву, он меня послал в политуправление Севзапфронта тов. Иванову.

Я ходил несколько раз от одного к другому, но своего личного дела дойти для отдела кадров Севзапфронта не мог. Заявляли оба, что мы не можем, да нет приказа, есть приказ о секретарях и т. д. В общем, я конца (да или нет) тогда не мог найти, и в то же время я имел ограничение в днях, командировку из дивизии, срок, который истек. Наконец стар. батальонный комиссар начальник отдела кадров Севзапфронта тов. Иванов сказал: «Поезжай и работай, а мы здесь разберемся». И с того времени я работал зам. начальника политотдела 90 сд, а после смерти комиссара 286 сп. тов. Московских поставили комиссаром, где я работал с 9 августа по 17 сентября с. г. И после выхода частей 90 сд из окружения из района Антропшино я заболел, после 3-дневной болезни явился в политотдел 90 сд, где мне сказали, что вы работаете у нас без утверждения и об этом никто не знал, а сейчас отдел кадров армии, зная вакантное место в 286 сп, прислал нам военкома в 286 сп, поэтому вы должны поехать в распоряжение отдела кадров 55 армии. Таким образом, я нахожусь сейчас здесь, очевидно, сегодня или завтра получу назначение и поеду обратно на фронт. Я во время болезни написал на имя тов. Жданова, Штыкова, Бумагина, тов. Никитина, Домокуровой и Вам письмо, по объему очень большое, по содержанию, может быть, пустяковое, но я в нем писал и был удовлетворен, как будто я с Вами поговорил, может, с точки зрения стилистики, грамматики и выводов оно имело и должно иметь много недостатков, ибо ты меня знаешь, т. к. я был

²⁴ Первый командир дивизии погиб под Шяуляем, второй — 13 августа при прорыве из окружения, третьим стал полковник И. Ф. Абрамов, 9 сентября снятый с должности вместе с комиссаром дивизии И. А. Семагиным.

в твоём подчинении на курсах в гор. Пушкин и должен меня изучить и положительно, и отрицательно. Поэтому я так просто и писал.

Потом я хотел узнать, получил ли тов. Жданов или его секретарь мое письмо и проект листовки к немецким солдатам или нет, я хотел бы, чтобы ты ответил мне небольшим письмом. Я сейчас чувствую очень хорошо, вчера вытащили небольшой кусок осколка от миномета, который сидел в нижней челюсти. Ношу просто как память в кошельке.

Конечно, откровенно говоря, хотелось бы, как и другим, быть свидетелями результатов этой Отечественной войны. Посмотреть, как эта шальная стая фашистских собак будет сдыхать от огня наших советских воинов-большевиков. Но война есть война, все может быть и бывает, и есть раненые, убитые и живые, кто продолжает войну. И если случится со мной, что придется погибнуть от злой пули противника, то хочу одного, чтобы знал и ты и передал тем, которые меня знают, что я жизнь отдал только за прекрасный город Ленина, за нашего рулевого Сталина, за лучшего сталинского полководца, который не первый раз разбивает псов-фашистов план ликвидировать социалистическую жизнь ленинградцев, за тов. Жданова.

С приветом, А. Снегирев.

ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 1. Д. 33. Л. 18–31, 49.

Список литературы

Акатов В. А. Первые дни Великой Отечественной войны в Пскове (из воспоминаний) // Псков. 2014. № 40.

Ломачин Н. А. В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб.: Европейский дом, 2000.

Пантелеев А. В. Девяностая, Ропшинская. СПб., 2006.

«Пишу исключительно по памяти...» Командиры Красной армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. Составитель С. Л. Чекунов. М., 2017.

Хельбек, Йохен. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. М., 2015.

Хомяков И. М. Лужский рубеж. Хроника героических дней. СПб., 2014.

Peri, Alexis. The war within. Harvard University Press, 2017.

Pavel Aleksandrovitch GAVRILOV

Independent researcher (St. Petersburg)

E-mail: pavgavr@gmail.com

«Writing with gusto, feels like I'm talking». Two letters by A. S. Snegiryov, 90th Infantry division's regiment commissar, sent to Leningrad Regional Party Committee in September 1941

The article presents letters of A. S. Snegiryov, 1st Secretary of Karamyshevo District party Committee and 90th Infantry division's regiment commissar, sent to Leningrad Regional Party Committee in September 1941. In introduction are described the traits, which mark the text as soviet identity representation and Communist Party functionary's vision of war.

Keywords: The Siege of Leningrad, Luga Line, 90th Infantry division, A. S. Snegiryov, Soviet identity.

УДК 94 (47) 084.8

ББК 63.3 (2) 622.11

Станислав Геннадьевич СОПОВ

независимый исследователь (Москва, Россия)

E-mail: sopov.stanislav@gmail.com

ЗАХВАТ ОРЛА 3 ОКТЯБРЯ 1941 г.

В статье рассмотрены малоизвестные эпизоды боев за Орел осенью 1941 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, вермахт, Брянский фронт, оборона Орла.

Прорыв немцев в Орел 3 октября 1941 г. широко описан в краеведческой литературе; о подвиге орловского десанта написаны статьи и книги; в память об этих событиях построены часовни и возведены памятники, однако некоторые факты первых дней октября до сих пор не прояснены. Остановимся на малоизвестных страницах обороны города в течение последнего дня перед оккупацией.

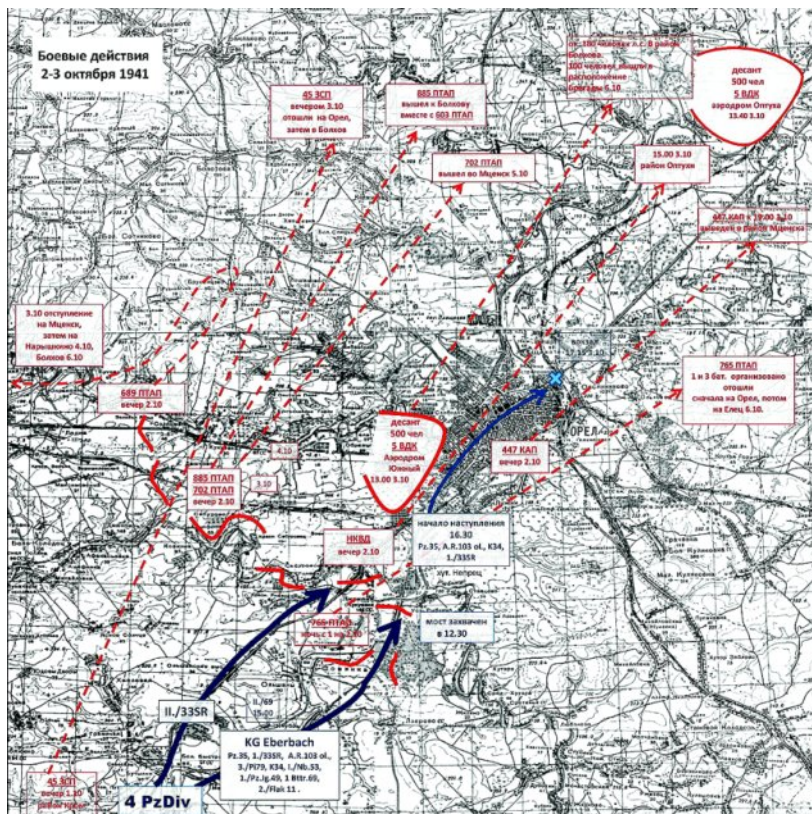
30 сентября в 06.30 утра 2-я танковая группа Г. Гудериана (2. Panzergruppe Guderian) направляется на восток. Перед 24-м моторизованным корпусом (XXIV. Armeekorps (mot.)) была поставлена задача прорвать линию обороны и, нарачивая усилия, захватить Севск, Дмитровск-Орловский, Кромы, Орел.

К концу 2.10.24 МК достиг значительного успеха, 4 тд взяла Севск, таким образом она не только вклинилась во фронт противника на 130 км, но и разделила русскую 13 А¹ (*ил. 1*).

Вечером 1 октября основные силы 4-й танковой дивизии (далее 4 тд) вошли в Дмитровск-Орловский, а уже в 13.30² 2 октября был получен приказ выдвигаться на Кромы. По пути следования были захвачены склады ГСМ в Лубянках и Кутафино. С наступлением темноты передовой отряд 4 тд ворвался в Кромы, застигнув врасплох батальон, занятый фортификационными работами. Наступление было настолько стремительным, что в Кромах немцы встретили рейсовый автобус. На почте в Кромах переводчик 4 тд, связавшись по телефону с орловским по-

¹ *Щекотихин Е. Е.* Первый воин — Первая танковая гвардия: рождение, слава, память. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2011. С. 64.

² В немецких документах указано берлинское время.

Ил. 1. Карта обороны Орла 2–3 октября 1941 г.

чтамтом, передал дезинформацию, что в городе немцев нет³. Согласно немецким источникам, на всем маршруте дивизию бомбили и обстреливали советские самолеты⁴ (предположительно из 299-го штурмового авиационного полка и 42-го истребительного авиационного полка⁵).

³ Neumann J. Die 4. Panzer-Division 1938–1943. Bericht und Betrachtungen zu zwei Blitzfeldzügen und zwei Jahren Krieg in Rußland. Selbstverlag, Bonn-Duisdorf, 1985. S. 308.

⁴ Schäufler H. So lebten und so starben sie. Das Buch vom Panzer-Regiment 35. Bamberg, 1968. S. 79.

⁵ 42-й ИАП со 2 октября 1941 г. атаковал колонны противника в районе Кром, Орла и Мценска. См.: 42-й истребительный авиационный полк // Авиаторы Второй мировой <Электронный ресурс>. Режим доступа: <http://www.allaces.ru/cgi-bin/s2.cgi/sssr/struct/piap42.dat> [Дата обращения: 15.09.2019].

Таким образом, к вечеру Кромы были заняты врагом, запасы топлива, крайне необходимого для танков, захвачены, вокруг города выставлено охранение. На 21.00 2 октября на данном участке 4 тд занимала следующие позиции:

Кромы — П./35, 3./35 (2-й батальон и 3-я рота 35-го танкового полка), К. 34 (34 мотоциклетный батальон), П/103 о. 1 (1-й дивизион 103-го артиллерийского полка без 1-й батареи), I Btr. Nb. 53 (одна батарея 53-го полка реактивных установок «Небельвефер»), I Btr. 69 (одна батарея 2-го дивизиона 69-го артиллерийского полка), 3./Pi. 79 (3-я рота 79-го саперного батальона), 2./Flak II (2-я батарея 11-го зенитного дивизиона). Дмитровск — дивизионный командный пункт. Деревня Дерюгино — П./33 (2-й батальон 33-го стрелкового полка (мот.)).

В это же самое время командование Орловского военного округа принимает экстренные меры:

Серия «Г»
 БОЕВОЙ ПРИКАЗ
 № 01 ОП 2.10.41 г. 5.00 г. Орел
 Карта: 126.000 и 500.000.

1. Мотомехчасти противника заняли Севск, его передовая разведка КОМАРИЧИ. С тенденцией дальнейших действий в с<северо->в<осточном> направлении.

2. Брянский фронт, имея разрыв на участке ОРЛОВКА, ЭСМАНЬ, обороняет ранее занимаемые позиции по линии ФРОЛОВКА, РЕКОВИЧИ, ПОЧЕП, КАЛАЧЕВА, ГРЯЗИВЕЦ, ГЛЫБОЧКА, БОРОВИЧИ, ЯМПОЛЬ.

3. В целях содействия фронту и обороны гор. Орел ПРИКАЗЫВАЮ силами гарнизона г. Орел занять оборону рубежа с передним краем ВОЛОБОЕВА, СОЛНЦЕВО, САБУРОВО, по р. ЦОН, ЛИСНЯКОВА, РУДНЯ с задачей прикрыть г. Орел с запада и юго-запада:

а) 45 ЗСП — (1/45, 2/45 средствами усиления) 689, 702, 885, 765, 603 АП ПТО к 6.00 2.10–41 г. занять и оборонять рубеж СОЛНЦЕВО, САБУРОВО, КУКУЕВКА, лес зап. Новоселки. Основное направление арт. огня шоссе ОРЕЛ–БРЯНСК, ОРЕЛ–КРОМЫ.

б) Остальным частям, учреждениям, заведениям гарнизона под командованием начальника гарнизона областного военного комиссара полковника ВОЛКОЕДОВА организовать охрану и оборону внутри города путем создания отрядов и кругового баррикадирования окраин города и создания опорных пунктов внутри г. Орел. Для чего, кроме войск, через горисполком использовать местные средства и население.

в) Начальнику областного Управления НКВД т. ФИРСАНОВУ из истребительных отрядов создать одну группу в районе ЛЕПЕШКИНА, вторую в районе Гражданского аэродрома с задачей борьбы в случае выброски десантов противника. Из отряда милиции и батальона охраны НКВД создать подвижный резерв на автомашинах и конных. Сосредоточить его в районе городского парка против областного управления милиции.

г) Командующему ПВО полковнику Артемьеву имеющимися средствами прикрыть г. Орел и части на оборонительном рубеже.

д) Командующему ВВС с рассветом 2. X-41 г. организовать разведку противника в направлениях:

- 1) Орел-Дмитровск Орловский, Комаричи-Севск,
- 2) Орел-Дмитриев Льговский,
- 3) Орел-Шаблыкино.

При обнаружении группировки противника имеющимися самолетами бомбить, не допуская подхода к основному оборонительному рубежу.

е) Командиру 447АП БМ из вооруженных частей 447 АП, 222 АП, 472 АП, 691 АП сформировать отряд, которому занять и оборонять рубеж р. ИЦК на участке (иск) КАМЕНЕЦ, ПАХОВО. Материальную часть 447 АП сосредоточить лагерь Осоавиахима, где быть готовым к ведению огня вдоль шоссе Орел-Нарышкино, Орел-Кромы.

4. Нач. инж. подготовить мосты к взрыву на основных направлениях к г. Орел.

5. Начальнику связи организовать связь со всеми частями, находящимися в обороне, и оборудовать запасной командный пункт.

6. Штаб округа — Орел. Запасной командный пункт в районе 2-й Курской улицы.

Командующий войсками ОРВО генерал-лейтенант (ТЮРИН) /Подпись/
За Члена Военного Совета ст. бат. комиссар (ДЕРГУНОВ) /Подпись/
Начштаба ОРВО генерал- майор (ГЛИНСКИЙ) /Подпись/.

Указанные части после получения приказа начали выдвигаться на рубежи.

Вечером 2 октября 1941 года в составе вооруженного отряда чекистов⁷ Василий Тихонович <Слюнин>⁸ выехал в Кромы для ликвидации немецкого десанта. Но, как оказалось потом, там был не десант, а регулярные немецкие войска численностью 7009 бронированных единиц. В два часа ночи пришел приказ сменить позиции и перебраться поближе к Орлу. На рассвете мы уже окапывались по реке Цон, создавая оборонительный рубеж¹⁰.

⁶ NARA. Т. 314, Roll 1460: XXIV. Panzerkorps Ic F. 17–18.

⁷ Сводный отряд, сформированный из добровольцев и бойцов 146-го отдельного конвойного батальона. Состав 146-го окб, дислоцировавшегося в Орле (командир — капитан А. А. Лобачев), из ведомости штатной положенности конвойных частей ВВ НКВД по состоянию на 1.10.41 г.: штат — 570, лошадей — 19, собак — 10. РГВА. Ф. 38621 Оп. 1. Д. 255 Л. 221–223, заверенная копия. Героико-патриотический форум России <Электронный ресурс>. Режим доступа: <http://voenspez.ru/index.php?topic=9878.0> (Дата обращения: 20.09.2019).

⁸ Василий Тихонович Слюнин (09 (22).04.1911–05.01.1994) — заведующий военным отделом Орловского обкома КПСС, комиссар отряда особого назначения.

⁹ Количественная оценка вызывает сомнения.

¹⁰ Овчинников А. И. Десант в Орле. Орел: Орелиздат, 1998. 263 с.

На следующий день именно по этому отряду придется главный удар 2-го батальона 33-го сп и боевой группы Эбербаха. Но чекисты были не одни, имелись и «знаменитые» пять полков пто, указанные в донесении командования ОрВО И. В. Сталину от 4 октября 1941 г. 765-й ап пто под командованием командира полка капитана Сергеева, согласно приказа, занял оборону двумя батареями в южном направлении, в районе деревни Фоменки ночью 2 октября¹¹.

702-й и 885-й полки пто на 37- и 85-мм зенитках заняли оборону в районе д. Сабурово и Красный Сабуровец (885-й ап пто формировался в районе ипподрома, 702-й ап — на территории бронетанкового училища). По воспоминаниям С. Родионова, который стал командовать батареей только днем 2 октября, личный состав не был знаком с техникой (матчасть была получена 02.10 в 14.00), не сделал ни единого выстрела, не умел даже перевести орудия из походного состояния в боевое. Позднее при пробной стрельбе выяснилось, что в противооткатных устройствах отсутствует глицерин, и орудия после первого залпа остались в заднем положении¹².

Ближе к Орлу занял позиции 447-й КАП, имеющий на вооружении 152-мм гаубицы и 122-мм пушки.

689-й ап пто, также не успев сформироваться, в 02.00 2 октября занял позиции в районе Солнцево, прикрывая дорогу из Нарышкино. Только вечером 02.10 он получил восемь 37-мм зениток и начал тренировку личного состава (689-й ап пто должен был закончить формирование 3 октября, однако в связи с критической ситуацией был вынужден выйти на оборону Орла. Полк не получил 210 винтовок, 34 автомашины, ЗиС-5, 12 спецмашин и т. д.¹³, положенных по штату)¹⁴.

Согласно немецким документам, силам вермахта встречались достаточно крупные (не менее роты) группы красноармейцев, оставленные для охраны мостов или выставленные в качестве заслонов, однако их принадлежность до сих пор неизвестна. Возможно, они принадлежали к 45-му запасному стрелковому полку, в ночь с 2 на 3 октября срочно покинувшему Орел. Согласно историческому формуляру, отряд, состоявший из стрелкового и двух учебных батальонов под командованием

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 765. Оп. 146825. Д. 4. Л. 18.

¹² Родионов С. П. Воспоминания ветеранов 50 А. Приложение к альбому истории боевого пути 50 А. Брянск, 1992. С. 13.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 77.

¹⁴ Легкие полки имели 364 человека личного состава, восемь 37-мм, восемь 85-мм зенитных орудий, четыре ручных пулемета, 46 автомашин, 12 тракторов и четыре прицепа. Подробнее см.: Гланц Д. М. Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной армии. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.

ст. лейтенанта Исаева, занял оборону в районе Кром 1 октября, однако под натиском превосходящих сил противника, несмотря на проявленные мужество и храбрость, ему пришлось отойти к Орлу, а после боев за город в сторону Болхова (ил. 2)¹⁵.

3 октября

В 6.30 утра головная 6-я рота 4-й тд выдвигается на Орел. Рота является передовым отрядом боевой группы Эбербаха, состоящей из: Pz. 35 (35-й тп), A. R. 103 ol. (103-й ап без первого дивизиона), 3./Pi79 (3-я рота 79-го сап. бат.), K34 (34-й мотоцикл. бат.), I./Nb. 53 (1-й дивизион 53-го полка реактивных установок «Небельвефер»), 1./Pz. Jg. 49 (1-я рота 49-го пт дивизиона), 1./33 (1-я рота 33-го сп), 1 Btr. 69 (одна батарея 2-го дивизиона 69-го ап), 2./Flak 11 (2-я батарея 11-го зенитного дивизиона) (ил. 2а).

В 10.00 получен приказ: «Как только появится топливо — на Орел!»

В 11.00 танки выдвигаются вперед. Шестью танками, далеко впереди от основных сил, идет командир 6-й роты, обер-лейтенант Артур Вольшлегер — именно его танки первыми в тот день дойдут до вокзала. Молниеносным ударом захвачен мост в Шахово, приготовленный к подрыву¹⁶.

В 12.30 захвачен мост через р. Оку в трех километрах за хутором Фоминка, предотвращено его уничтожение. Возле хутора Непрец¹⁷ (район Ипподрома) 4-й тд приходится затормозить из-за сильного огня советской артиллерии (вероятней всего, 765 ап), что стоило ей трех потерянных танков. В бинокли они видели, как на аэродроме садятся тяжелые самолеты, высаживают бойцов 5-го воздушно-десантного корпуса, после чего взлетают. Вспоминает С. Родионов:

Часов в 12 дня 3 октября со стороны Кром я увидел плотное движение танков противника. Когда головные танки противника стали подходить к р. Ока, что вблизи нашего переднего края, в воздухе появились эшелоны авиации. В эшелон авиации противника входило от 6 до 10 самолетов Ю-87 и Ю-88¹⁸.

2 часа продолжалась непрерывная авиабомбардировка позиций. Таким образом, 4-я тд практически подходит к южным окраинам города в 12.30, где встречает сильное сопротивление и притормаживает:

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 8324. ап о. 345318с. Д. 1. Л. 4.

¹⁶ Schäufler H. Op. cit.

¹⁷ Карта Стрельбицкого, 1871; Орел и окрестности на карте Шуберта, 1879. Стоит отметить, что в 4-й тд пользовались именно такими, на тот момент уже устаревшими, картами.

¹⁸ Родионов С. П. Указ. соч. С. 17.

Ил. 2. Колонна техники входит в Орел. Фото из коллекции автора

Die nun unter Oberst Eberbach gebildete Kampfgruppe besteht aus

Pz.35	A.R.103 o.I.	3./Pi.79
K.34	I./Nb.53	1./Pz.Jg.49
I./33	1 Btr.69	2./Flak 11

Ил. 2а. Выделение сил для захвата города. Источник: Neumann J. Die 4. Panzer-Division 1938–1943

Тем временем сопротивление противника усиливается, из-за мощного огня в обороне продвижение вперед останавливается на высоте под хутором Непрец¹⁹.

В. Т. Слюнин не совсем точен по времени:

Атаку немцы начали утром 3 октября небольшим отрядом пехоты и легких танков. Чекисты встретили их дружным огнем и на протяжении нескольких часов не давали перейти Цон... И в полдень немецкие танки стали обходить нас со стороны Гати. И вот в этот момент я заметил посадку самолетов на орловском аэродроме²⁰.

Согласно С. Родионову:

После 2-часовой авиационной обработки нашей обороны началось движение танков противника. Танковый бой продолжал поддерживаться авианалетами... Бой с двух сторон был очень жестким. Наши зенитные орудия непрерывно вели огневой бой...²¹

¹⁹ Neumann J. Op. cit. S. 309.

²⁰ Овчинников А. И. Указ. соч.

²¹ Родионов С. П. Указ. соч. С. 17.

В истории 35-го полка говорится:

2 головных танка уже достигли первых деревьев, когда внезапно обрушится огонь. Два танка получают прямые попадания и начинают гореть... Начинается перестрелка. Мотоциклисты шаг за шагом продвигаются к лесу. Они выводят из строя одно орудие противника за другим. Захватчен еще один важный мост, тем временем русская авиация атакует нас снова и снова²².

Согласно историческому формуляру 765-го ап пто, в районе Гати в тяжелом бою орудиями и гранатами были подбиты два танка противника²³. В отчете 5-й танковой бригады отмечается:

Столкнувшись с сильным огнем со стороны военного аэродрома, наступление остановилось. В бригаде, проведя консультации с находящимся на передовой командиром дивизии, стали ждать подхода артиллерии для огневого обеспечения²⁴.

Десант

Итак, пока чекисты, артиллеристы и пехотинцы сдерживают вражеский напор на южных окраинах города, на аэродроме идет высадка десанта, который сразу же вступает в бой. Цитируем А. В. Исаева, подробно описавшего его роль:

По распоряжению Ставки в район городов Орел и Мценск по воздуху перебрасывается 5-й воздушно-десантный корпус в составе 10-й и 201-й воздушно-десантных бригад. В 5 часов 10 минут 3 октября командир корпуса полковник С. С. Гурьев получил приказ осуществить посадочный десант на аэродроме Орел, задержать продвижение танков противника по шоссе на Тулу и обеспечить сосредоточение 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Пусть не удивляет, что десантников планировалось использовать против танков. Воздушно-десантные бригады имели на вооружении огнеметы РОКС, которые можно было использовать и использовали реально против танков. Таким образом, удалось перебросить на дальность до 500 км более 6 тыс. десантников с вооружением, боевой техникой и двумя боекомплектами боеприпасов²⁵.

В 15.00 подходит батарея 10-см орудий sK18 из П./69 и из района д. Кнурьбь начинает обстреливать аэродром (12 км по прямой):

В это время командир дивизии генерал фон Лангерманн находится при боевой группе. Он поддерживает план Эбербаха: продолжить наступление

только после перегруппировки войск и приведения их в полную боевую готовность, после того как подтянувшаяся артиллерия займет позиции на высотах, с которых хорошо просматривается не только город, но и его оборона, и начнет поражение противника огнем. <...> Испытывая неслыханный наступательный порыв после массовой огневой подготовки 103-го артиллерийского полка, в 16 часов 30 минут пошли в наступление танкисты 35-го танкового полка и мотоциклисты 34-го мотоциклетного батальона. Тесно взаимодействуя и прикрывая друг друга, они очищали местность по обе стороны дороги, ведущей на Орел. Слева и чуть сзади от них продвигается 1-й батальон 33-го моторизованного стрелкового полка. Противник, только что сброшенная воздушно-десантная бригада, насчитывающая порядка 450 человек, сражается с большим упорством. Наши передовые танки подверглись застрелу из противотанковых орудий, а также их забросали бутылками с зажигательной смесью, два танка загорелись. Почти все танкисты, которым удалось выбраться, ранены. И лишь благодаря образцовому взаимодействию между танками и мотопехотой наступление шаг за шагом удалось продолжить²⁶.

Огонь тяжелой артиллерии противника вывел из строя практически все орудия 765 ап пто. В ходе боя личный состав полка понес большие потери в технике и личном составе, погиб командир полка капитан М. И. Сергеев²⁷. По сложившейся боевой обстановке полк был вынужден отступить, согласно устному приказу начальника штаба ОрВО²⁸. Вражеские танки вклинились в наспех оборудованные позиции десантников 5 вдк. К сожалению, о примерах героизма наших солдат мы в данном случае можем узнать только из немецких документов. Вспоминает Г. Шёффель, ефрейтор 2-го батальона 35-го тп 4-й тд:

Мы сделали короткую остановку в перелеске. Перед нами лежало 500 метров открытого поля, за которым шли деревья, а далее виднелись первые дома города Орла. На открытом поле перед собой мы увидели несколько странных куч грязи. По радио поступил приказ выступать. Мы выстроились в боевой порядок углом назад и пошли в атаку. Неожиданно ожили кучи грязи перед нами. Со всех сторон загрохотало. В заблаговременно оборудованных стрелковых ячейках за вывернутой вверх землей сидели русские. Мы открыли огонь из пулеметов и медленно подошли к окраине города. Я включил вентилятор, чтобы вытянуть пороховой дым. В противном случае в тесной башне можно просто задохнуться. Русский солдат бросил в нашу машину бутылку с зажигательной смесью; на броне вспыхнул огонь.

— Все из танка! — приказал фон Юнгенфельд. Несмотря на солидную комплектацию, ему удалось быстро выскочить из люка башни. Я также распахнул люк и выпрыгнул. За мной сидел начальник связи, лейтенант Бюркнер.

²² Schäufler H. Op. cit. S. 79–80.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 765. ап о. 325784с. Д. 1. Л. 5об.

²⁴ Schäufler H. Op. cit. S. 80.

²⁵ Исаев А. В. Котлы 41-го. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 264.

²⁶ Щекотихин Е. Е. Указ. соч. С. 86.

²⁷ ЦАМО РФ ф. 765 ап о. 325784с д. 1 л. 5об

²⁸ ЦАМО РФ ф. 765 ап о. 146825 д. 4 л. 18

Лейтенант Ойлер и механик-водитель унтер-офицер Бредель эвакуировались с другого борта. Для танкиста это странное чувство — спрыгивать на землю в разгар атаки. Мы поползли за нашу горящую машину. Русские открыли огонь из своих стрелковых ячеек со всех сторон. Мы отстреливались из пистолетов, как только могли. Несколько оказавшихся поблизости наших пехотинцев оказали нам товарищескую огневую поддержку. Несмотря на это, лейтенант Бюркнер, лейтенант Ойлер и унтер-офицер Бредель были ранены, поскольку русские сосредоточили огонь на нас. Когда я выпустил последний патрон из личного оружия, за нашими спинами раздался оглушительный грохот. Обер-фельдфебель Габриель, заметивший наше трудное положение, привел с собой 5 танков и открыл огонь из всех имеющихся видов оружия...²⁹

С. Родионов:

После того, как в неравном бою противник уничтожил много живой силы и боевой техники наших двух артольков, 4-я танковая дивизия противника окончательно сломала сопротивление батарей, примыкавших к дороге Кромы — Орел, начала движение к Орлу. Отсутствие глубины противотанковой обороны, да еще отсутствие нашей пехоты в боевых порядках привели к тому, что 4-я танковая дивизия после овладения рубежом Сабурово — Кр. Сабуровец <...> сравнительно быстро достигла города³⁰.

Прорвав оборону в районе аэродрома, танкисты 4-й тд врываются в Орел, встречая стоящие по городу трамваи, испуганные лица жителей.

В 17 часов 15 минут командир 6-й роты 35-го танкового полка Вольшлегер лишь с двумя танками врывается в Орел и доезжает до самого центра города. Вслед за ним прорывается в город с пятью танками штаба бригады полковник Эбербах и отдает 35-му танковому полку приказ: подходить всем частям, кроме тех, которые осуществляют прикрытие стрелкомотоциклов. Между тем рота танков Вольшлегера продолжает наступление уже в городе. На улицах Орла он уничтожает 20 противотанковых орудий, причем некоторые из них даже раньше, чем они успевают открыть огонь³¹. В 18 часов 30 минут от головного танка пришло сообщение: взят главный мост через Оку и вокзал. Железнодорожное сообщение с Москвой и Курском прервано. Предотвращена эвакуация весьма ценной техники, в том числе 15 бронетранспортеров и запчастей к самолетам³².

Вспоминает командир 6-й роты 35-го танкового полка Вольшлегер (получивший за эту операцию титул «Wolli — первый завоеватель Орла»):

²⁹ Шойфлер Ганс. Танковые асы вермахта. Воспоминания офицеров 35-го танкового полка. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2015. С. 131–132.

³⁰ Родионов С. П. Указ. соч. С. 18.

³¹ Необходимо отметить, что документально зафиксирована только одна 85-мм зенитная пушка на пересечении ул. Гостинной и Гагарина.

³² Щекотихин Е. Е. Указ. соч. С. 93.

Кроме того, наша боевая мощь составляла всего 4 танка... Широкая дорога, ведущая в Орел, лежала прямо перед нами. Мы на всех парах устремились вперед. Городская жизнь была в полном разгаре. Когда жители Орла увидели нас, они побежали в здания и переулки, белые как привидения... 2 наших танка, следовавшие один за другим на дистанции 300 метров, не позволяли никому и ничему их остановить. И таким образом мы стремительно вышли к большому железнодорожному мосту. Здесь сделали короткую остановку и обыскали мост на наличие взрывчатки, но ничего не обнаружили. После этого мы оставили один танк охранять мост. Затем рванули к вокзалу, чтобы остановить железнодорожное сообщение. Еще один танк был оставлен там. После этого я попытался силами оставшихся боевых машин захватить большой мост через Оку. Моей главной боевой задачей была также и защита этого моста. Поскольку карты города у меня не было, я рискнул поехать по трамвайным путям, которые действительно привели меня к мосту. Мы полностью осмотрели его и определили, что его не подготовили к подрыву. Мы охраняли этот важный объект вплоть до подхода остальных частей батальона и других подразделений 4-й танковой дивизии. Наши танки до подхода других подразделений в течение трех часов находились в большом городе одни³³.

В своих мемуарах Гудериан отмечал:

3 октября 4-я танковая дивизия захватила Орел. Это дало нам возможность получить хорошую шоссеюную дорогу и овладеть важным железнодорожным узлом и узлом шоссеюных дорог, который должен был стать базой для наших дальнейших действий. Захват города произошел для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки вступили в Орел, в городе еще ходили трамваи. Эвакуация промышленных предприятий, которая обычно тщательно подготавливалась русскими, не могла быть осуществлена. Начиная от фабрик и заводов и до самой железнодорожной станции на улицах повсюду лежали станки и ящики с заводским оборудованием и сырьем³⁴.

Здесь Гудериан привычно преувеличивает — подстанцию взорвали за несколько часов до прорыва немцев:

3 октября 1941 г. отходившими из города были подожжены и взорваны многие заводы, фабрики, элеватор. Били зенитки. В тот день с утра на улицы города в последний раз вышли трамваи. Но вскоре подрывники взорвали городскую электростанцию, подача тока прекратилась, и все трамваи, находящиеся на линии, застыли в тех местах, где их застал взрыв. <...> О. П. Верецкая вывела свой трамвай №10 на линию. Вот и последняя остановка у кинотеатра «Родина». А дальше ехать нельзя, в город вошли немцы. Так и остался стоять трамвай посреди ул. Московской...³⁵

³³ Шойфлер Ганс. Указ. соч. С. 130.

³⁴ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999. С. 314.

³⁵ Орловский комсомолец. 1974. 18 декабря.

Ил. 3. Трамвай на улице города. Фото из коллекции автора

В 18.30 от головного танка пришло сообщение: взят главный мост через Оку и вокзал. Железнодорожное сообщение с Москвой и Курском прервано. Орел пал (ил. 3).

Отход

С. Родионов:

Вскоре из уст в уста стало передаваться сообщение: «Мы в окружении. Выход из окружения через станцию Саханская»³⁶.

Для эвакуации орудий С. Родионов с трудом находит 4 трактора «Фордзон», прицепы, бочки с горючим. Собрав остатки своей батареи, он начинает отступать к станции:

Когда мы подъехали к переезду через железную дорогу, а это было уже к вечеру, то увидели большую пробку, образованную автомобилями окруженных. Каждый хотел проехать переезд через железную дорогу быстрее. Страшную картину беззакония пришлось видеть вечером и ночью с 3 на 4 октября. Эти беззакония проявились в том, что каждый подъехавший командир со своими транспортными средствами и людьми, держа в руках пистолеты и за поясом гранаты, для освобождения себе проезда через железную дорогу, рассасывал пробку опрокидыванием чужих автомобилей своими людьми. Страшно и жутко было смотреть на озверевших этих беззаконников. Подъезжать близко к переезду со своими слабыми «Фордзонами» было бессмыс-

³⁶ Родионов С. П. Указ. соч. С. 18.

ленно. Решил дождаться того времени, когда будет свободный путь. Начал движение через переезд утром 4 октября. Но куда ехать? Один со стихией. Кругом никого нет, посоветоваться не с кем. Достал карту. На карте по-церковнославянски написаны деревни. Но они на местности не совпадают с написанным. Прочитал на ней только: Орёл, Болхов, вот и всё...³⁷

В. Т. Слюнин вспоминает:

Из Орла мы ушли в четыре часа дня. Одна группа чекистов пошла по Новосильскому шоссе, другая — по Московскому. По дороге я вновь видел посадку самолетов, но уже у реки Оптуха. Издали нельзя было понять, кто высаживался и что выгружали, но уже во Мценске я услышал, что на оптушанский аэродром были переброшены на самолетах пушки и противотанковые ружья³⁸.

К 19.00 3 октября года 447-й корпусной артполк без трех орудий вышел и сосредоточился в 10 км южнее Мценска. 689-й ап пто, не вступив в соприкосновение с противником и не имея связи со штабом ОрВО, чтобы избежать окружения, 3 октября начал отходить в сторону Мценска. Однако по пути, встретив старшего помощника начальника оперотдела и представителя политуправления Брянского фронта, получил приказ направляться на ст. Нарышкино в распоряжение полковника Козыря для взаимодействия с 409-м сп (прибыл на место 4 октября)³⁹.

Относительно обороны аэродрома в истории 4-й тд указано:

4 октября в предрассветных сумерках боевые действия возобновляются. В бой вступает 12-й мотострелковый полк. К северу от реки Цон он вместе со вторым батальоном 33-го мотострелкового полка помогает оттеснить противника... В 10 часов 12-й мотострелковый полк пересекает аэродром, и оттуда очищает от противника оставшуюся часть города⁴⁰.

В заключение приведем несколько документов, которые говорят сами за себя:

ЖБД 5 вдк. 3.10. вылет 9.00. Конец вылета 13.40. Переброшено 1000 чел. 201 вдбр. Посадка была произведена на 3-х аэродромах: Орел — 500 чел., Оптуха — 500 чел., Мценск — 75 чел.⁴¹

11.00 ЖБД 201 вдбр. 1-й бат-н и разведроты на транспортных самолетах высажена в г. Орел. 15.00. 3-й б-н, рота связи вылетели на самолетах

³⁷ Родионов С. П. Указ. соч. С. 19.

³⁸ Овчинников А. И. Указ. соч.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 077.

⁴⁰ Neumann J. Op. cit. S. 310.

⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 1035 Оп. 1. Д. 1 (ЖБД 5 ВДК).

и высадились на аэродроме Оптуха. 18.00. Противник силою до 40 танков и до двух б-нов пехоты ворвался в г. Орел. 1-й б-н и разведрота, выполняющая задачу обороны на южн. окраине Орел, удерживали оборону до 19.00, но, не имея артиллерии и средств пто, отошли, имея потери⁴².

6.10.1941 23.15 ЖБД 5 вдк. Военком 201 вдбр по радио сообщил, что 100 чел. под командой комиссара 1 бат-на присоединились к бригаде. Где остальной состав 1 бат-на и две роты 3 бат-на 201 вдбр, неизвестно⁴³.

4 октября 4-я танковая дивизия отчиталась о результатах наступления: с 30.09 по 3.10 пройдено от Глухова до Орла 240 км; потери: 41 убит, 120 ранено, потеряно пять PzIII, один PzIV, на ходу 59 танков. Враг (оценочно): 630 убиты, 1570 пленных захвачены, 4 самолета на земле, 16 танков, 23 тягача, 24 орудия, 29 зениток, 362 машины⁴⁴ (ил. 4).

Таким образом, в Орле и под Орлом погибли и пропали без вести, согласно документам, не менее 300 десантников. Не имея серьезного вооружения и артиллерии, они сутки удерживали орловский аэродром против реально превосходящего — во всех отношениях — противника.

Известные пять полков пто оказались недоукомплектованными людьми и вооружением. Не хватало матчасти, а личный состав практически не имел опыта обращения с сверенной ему техникой и первые стрельбы произвел только накануне боя. В результате пто не смогли оказать серьезного сопротивления и можно считать чудом, что им удалось выйти из окружения с относительно небольшими потерями. Несмотря на все проблемы, 765-й ап пто, стоявший на острие вражеского удара, с честью выдержал первый удар. Только под воздействием превосходящих сил артиллерии, авиации и танков, когда матчасть была разбита и выведена из строя артиллерийско-минометным огнем противника, понеся потери, отошел в г. Орел, а затем в Елец, в составе 8 37-мм орудий и 300 человек⁴⁵.

К сожалению, еще меньше информации доступно об остальных участниках обороны Орла. 689 ап, после прорыва немцев ушел сначала на Мценск, затем на Нарышкино, где 4 октября занял оборону фронтом на Орел, перекрыв Карачевское шоссе, в итоге вышел в район Болхова и соединился с основными силами⁴⁶. 603, 702 и 885 ап смогли также выйти из города. Согласно ведомости боевого и численного состава Болховского боевого участка на вечер 7 октября⁴⁷, из Орла вырвались:

Ил. 4. Потерянное 85-мм зенитное орудие в городе. Фото из коллекции автора

702 ап — 400 человек и 6 85-мм орудий; 603 ап — 200 человек и 5 85-мм орудий; 885 ап — 400 человек, 4 37-мм и 8 85-мм зенитных орудий; истребительный батальон Орла — 65 человек; 45 зсп — 1300 человек; 201 вдбр — 2-я и 3-я роты 1-го батальона в количестве 180 человек.

Список источников

- Гланц Д. М. Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии. М.: Яуза, Эксмо, 2008.
- Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999.
- Исаев А. В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
- Овчинников А. И. Десант в Орле. Орел: Орелиздат, 1998.
- Родионов С. П. Воспоминания ветеранов 50 А. Приложение к альбому истории боевого пути 50 А. Брянск, 1992.
- Шойфлер Ханс. Танковые асы вермахта. Воспоминания офицеров 35-го танкового полка. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2015.
- Щекотихин Е. Е. Первый Воин — Первая танковая гвардия: рождение, слава, память. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2011.
- Neumann J. Die 4. Panzer-Division 1938–1943. Bericht und Betrachtungen zu zwei Blitzfeldzügen und zwei Jahren Krieg in Rußland. Selbstverlag, Bonn-Duisdorf, 1985.
- Schäufli H. So lebten und so starben sie. Das Buch vom Panzer-Regiment 35. Bamberg, 1968.

⁴² ЦАМО РФ. Ф. 2184. Оп. 1. Д. 1 (ЖБД 5 ВДК).

⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 1035. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 (ЖБД 5 ВДК).

⁴⁴ NARA. T-315 R-195; T-315 R-0205.

⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 765 ап о. 325784с. Д. 1. Л. 6.

⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 77. Л. 32.

⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 31. Л. 108.

Stanislav SOPOV

independent scholar (Moscow, Russia)

E-mail: sopov.stanislav@gmail.com

The fall of Oryol, 3 October 1941

The article deals with little known episodes of the battles for Oryol in the autumn of 1941.

Keywords: Great Patriotic war, Red army, Wehrmacht, Bryansk front, battle for Oryol.

УДК 94 (47) 084.8

ББК 63.3 (2) 622

**Сергей Валентинович МАЛАХОВ,
Максим Борисович МОСЕНЖНИК**

независимые исследователи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mail@kraevedspb.ru

ФЛАГМАНСКИЙ КОМАНДНЫЙ ПУНКТ КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА¹

Впервые в исторической литературе рассмотрены строительство и конструктивные особенности уникального оборонного объекта времен Великой Отечественной войны — флагманского командного пункта Краснознаменного Балтийского флота, располагавшегося в Ленинграде.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Ленинград, блокада Ленинграда, Краснознаменный Балтийский флот, оборонительные сооружения, Петроградская сторона.

Битва за Ленинград и блокада Ленинграда являются одними из центральных событий в истории нашего города. Несмотря на это, есть много неизученного в истории сооружений, построенных для обороны города на Неве. Среди них особое место занимает штаб Краснознаменного Балтийского флота (КБФ). Интерес вызывает не только важность объекта в ленте истории, но и необычные технологии возведения. К счастью для нас, найденные материалы позволяют максимально ярко восстановить картину.

Еще до начала Великой Отечественной войны руководство военно-морского флота указывало на необходимость на всех флотах иметь достаточное количество охранительных сооружений, обеспечивающих личный состав командования и штабов от поражения огнем противника.

С потерей в 1941 г. военно-морских баз в Прибалтике КБФ базировался на Кронштадт и Ленинград. Руководство флотом осуществлял командующий и подчиненный ему военный совет. До начала Великой

¹ Авторы благодарят за оказанную помощь исполнявшего в 2015 г. обязанности начальника Архива Военно-морского флота в Гатчине полковника Николая Викторовича Гущина, заведующую (до мая 2016 г.) читальным залом архива Аллу Андреевну Лучко, заведующую читальным залом Ольгу Николаевну Руденко, М. А. Шмутинского (Калининградская обл.) за предоставление сборника материалов, а также Константина Евтеева, Станислава Воробьева, Павла Сапунова и Полину Жасминову.

Флагманский командный пункт

ФКП представляет собой сборную конструкцию из взятых с морского артиллерийского полигона (НИМАП) броневых элементов (тюбинги, срубы² и бронеплиты) и железобетонной конструкции.

Начальником строительства по постройке КПВС, узла связи и ФКП был военинженер 2 ранга Иван Андреевич Квасов, который в условиях блокады Ленинграда, недостатка сил и материалов справился с работами в достаточно короткие сроки. Его заместителем был военинженер 2 ранга Григорий Никифорович Цырин³, помощником начальника строительства по материальному обеспечению — интендант 3 ранга Борис Аронович Краскин⁴. Главным инженером был назначен военинженер 2 ранга Илья Борисович Плавник, известный как автор предложения по применению не используемых на артполигоне бронезащитных элементов в условиях недостаточного наличия цемента и других материалов для производства бетонных работ.

По расчетам расход дефицитных на то время основных строительных материалов (цемент, песок, щебень, арматура) уменьшился в четыре раза. Фактическая защищенность командного пункта превысила проектную (от попадания 1000 кг авиабомбы) в 1,5 раза.

Строительство велось с 27 апреля по 1 июля 1942 г.

По конструктивным элементам ФКП может быть разбит на два контура: наружный и внутренний. Наружный контур предназначен для восприятия ударного действия авиабомбы. Внутренний контур рассчитан на восприятие усилий от взрыва авиабомбы на поверхности наружного контура. Промежуток между контурами, равный 1,5 м, засыпан песком для равномерной передачи давления, как через упругую среду. Исходя из работы внутреннего контура, конструктивные элементы его приняты из 4 тюбингов, 10 срубов и 9 бронеплит толщиной 50–75 мм. Тюбинги представляют собой стальные четырёхугольные трубы с толщиной стенок 120 мм. Основное назначение тюбингов — это создание опор внутреннего контура воспринимающего давление от вышележащих элементов. Срубы состоят из стальных плит толщиной 40 мм, высотой 3000 мм и длиной 4600 мм. К плитам прикреплены шпангоуты (контрфорсы), расположенные через 600 мм. Броневые плиты внутреннего контура уложены по покрытию, толщина плит 50–75 мм. Тюбинги и срубы установлены на железобетонную плиту толщиной 1000 мм. Для создания монолитности всего контура, кроме сварки срубов между со-

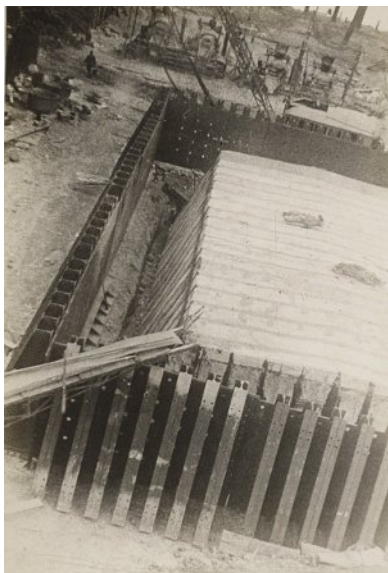
Ил. 4. На фото представлено сооружение после окончания работ по внутреннему контуру. Установлены семишпангоутные срубы внешнего контура. Дверной проём, ведущий к помещениям, в них ещё не прорезан. Забетонирован внутренний контур сооружения, сделана гидроизоляция крыши. В левом нижнем и правом верхнем углах видны ленточные транспортёры подачи материалов для засыпки внутреннего пространства песком. Интересно, что на крыше запечатлены два краснофлотца, отдыхающие после работы, рядом с одним из них лежит метла

бой, устроена железобетонная толща размерами стенок от 1600 до 800 мм и боевого покрытия 800 мм. Таким образом, элементы внутреннего контура соединены между собой на сварке и окружены железобетонной толщей, чем обеспечивается монолитность работы всех элементов. Наружный контур состоит из 18 семишпангоутных срубов, соединённых между собой на сварке, и 38 бронеплит толщиной 150, 175 и 200 мм. Срубы установлены на бутовые фундаменты и прикреплены к ним анкерами. Наверху срубы соединены тягами из швеллеров №14. Пространство между контурами засыпано песком, по которому уложены броневые плиты верхнего тыфяка, связанные между собой швеллерами №36 посредством гужонов, т. е. болтов Ø 50 мм. Стены и верхний тыфяк покрыты прессованным хлопком в тюках, назначение которых — уменьшить звукопроводность металлических элементов сооружения. Для предохранения хлопка от атмосферных осадков над сооружением устроена кровля, кроме того, стены обшиты брезентом. Предохранение фундаментной плиты от действия взрыва при попадании авиабомбы у сооружения достигнуто устройством нижнего тыфяка из броневых плит толщиной 75–200 мм. Плиты уложены на подсыпке из грунта на уровне

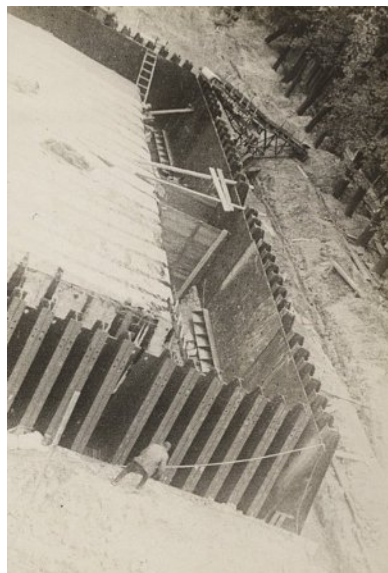
² Специальный металлический элемент толщиной стенки 40 мм со шпангоутами, расположенными через 0,6 метра, для установки броневой плиты при отстреле ее на испытаниях полигона.

³ После завершения строительства награжден орденом Красной Звезды.

⁴ После завершения строительства награжден орденом Красной Звезды.

Ил. 5. Засыпка грунта между внутренним и наружным каркасами. Вдали виден бетонный завод и 7,5-тонный кран

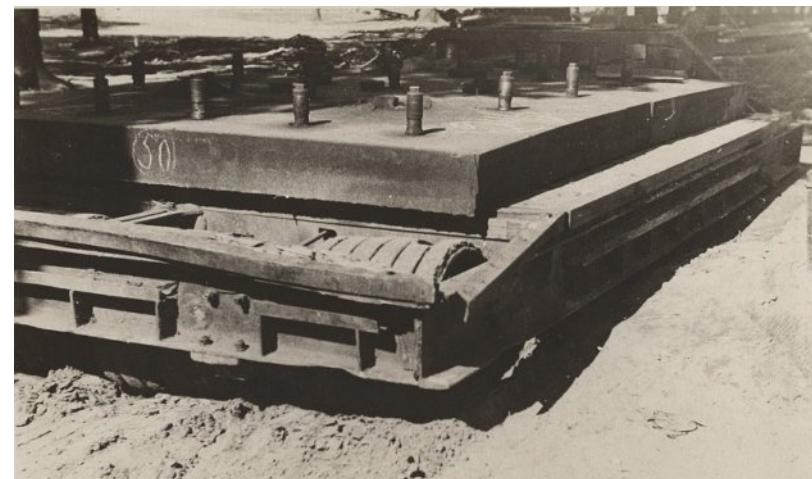
Ил. 6. Разметка и сварка срубов наружного каркаса

отметки бутовых фундаментов⁵. Все бронезащитные элементы ФКП были подобраны на НИМАПе из отстрелянных срубов, броневых плит и неиспользованных тьюбингов. Общий вес металлоконструкций 1232 т (табл. 1).

Таблица 1. Бронезащитные элементы и их вес

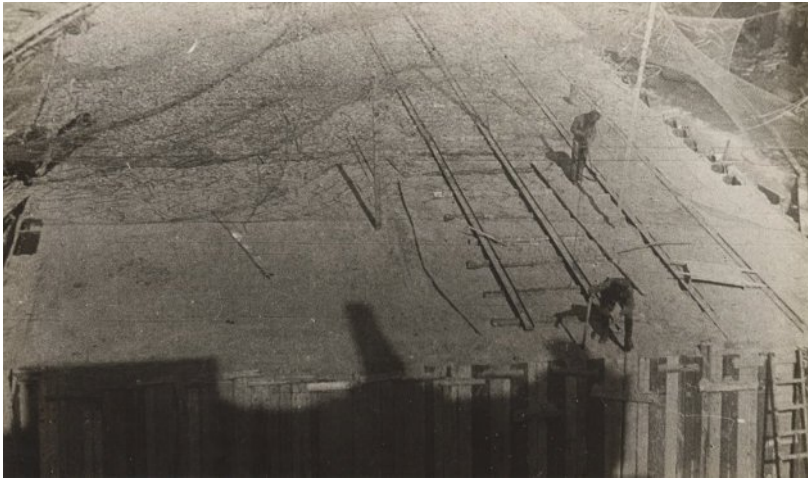
Наименование элементов	Количество	Вес, т	
		Одного элемента	Всего
Тьюбинги	4	30	120
Срубы 5-ти шпангоутные	10	9	90
Срубы 7-ми шпангоутные	18	12	216
Бронеплиты толщиной 50–75 мм	14	8	112
Бронеплиты толщиной 150 мм	18	12	216
Бронеплиты толщиной 175 мм	17	14	238
Бронеплиты толщиной 200 мм	15	16	240
			1232

⁵ Филиал ЦАМО — Архив ВМФ в г. Гатчина (бывший ЦВМА). Ф. 161. Оп. 44. Д. 88 Альбом фотоснимков строительства ФКП).

Ил. 7. Доставка 15-тонной бронеплиты на трейлере

Транспортировка элементов производилась железной дорогой от НИМАПа до ст. Ленинград-Товарная Финляндского вокзала и от станции до строительства — автомашинами и тракторами. Погрузочно-разгрузочные операции производились: на НИМАПе — 75-тонным краном, на ст. Финляндская-товарная — 45-тонным железнодорожным краном, на строительной площадке — 7,5-тонными кранами на гусеничном ходу. Тьюбинги были установлены на трейлерах и непосредственно к месту установки на фундаментную плиту доставлялись тракторами. Снятие тьюбингов с трейлеров и точная установка их по проекту производилась двумя бутылочными и четырьмя реечными домкратами грузоподъемностью соответственно 16 и 6 т. Срубы наружного и внутреннего контуров и плиты толщиной от 50 до 75 мм монтировались одним гусеничным краном, который работал с перегрузкой в 1,5 раза. Наиболее сложным оказался вопрос монтажа плит верхнего тьюфика. При наличии на строительстве двух гусеничных кранов грузоподъемностью по 7,5 тонн с вылетом стрелы 4,5 м возможно было организовать только подъем плит на покрытие. Перемещение плит вдоль сооружения и точная их укладка производились по рельсовым путям на катках. Перевозка плит весом от 12 до 16 т с Финляндского вокзала на строительство тракторами, при длительности одного рейса 10–12 часов, потребовала бы не менее 20 суток. Для ускорения перевозки плит было решено доставку производить на пятитонных автомашинах с прицепами. Небольшое приспособление автомашин к перевозке тяжеловесов, превышающих в 2 раза грузоподъемность машин, дало возможность сократить срок перевозки плит до 5 суток. Таким образом, практика показала, что технически обдуманный риск по увеличению норм грузоподъемности кранового оборудования и автомашин полно-

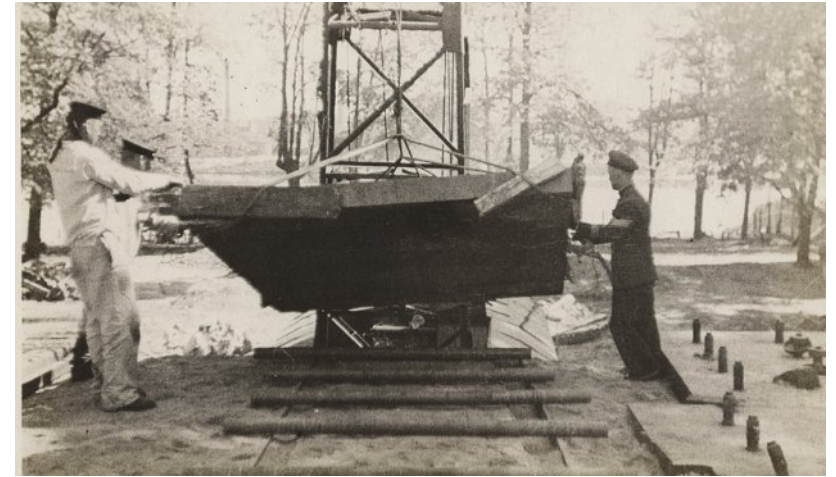

Ил. 8. Укладка монтажных путей по перекрытию сооружения для перемещения бронеплит. Над местом проведения работ растянута маскировочная сеть. На переднем плане хорошо видны доски, при помощи которых заделаны промежутки между шпангоутами срубов. Это сделано для того, чтобы тюки с хлопком, которыми обкладывалось сооружение, не проваливались внутрь

стью себя оправдал и позволил сократить до минимума сроки монтажа металлоконструкций как внутреннего, так и наружного контуров в сооружении.

Командный пункт оборудован системой отопления, водопроводом, канализацией (коммуникации проложены по потерне от котельной КП отделов флота после его постройки). В КП смонтирована вентиляционная установка с тремя фильтрами-поглотителями ФПУ-50 и приводом электромотором вентилятора КП-4а, воздух при этом может подогреваться от калорифера. Воздухозаборы и выпуски защищены от воздействий взрывной волны сквозником, решеткой и герметичными клапанами. Источником электроснабжения ФКП являлась городская электросеть, силовой кабель от которой проложен по потерне от КП отделов флота. Подведены две линии телефонной связи (дублирующие на случай повреждения одной из них).

ФКП использовался для целей гражданской обороны как убежище и до недавнего времени поддерживался в хорошем состоянии (периодическая замена фильтров и т. п.). Сооружение до сих пор является убежищем гражданской обороны с мобилизационным имуществом казны Российской Федерации. После передачи в 2006 г. епархии здания Спасо-Преображенской церкви стали разрабатываться планы по приданию

Ил. 9. Момент подъёма краном бронеплиты на металлические катки. Как видно на фотографии, в качестве рельсового пути использовались двутавровые балки, уложенные на шпалы. После монтажа всей поверхности покрытия сооружения они так и остались на своих местах. Плиту придерживают краснофлотцы, одетые в рабочие робы

прилегающей территории исторического облика, что подразумевало, в том числе, демонтаж сооружения ФКП. Но после проведения в 2014 г. историко-культурной экспертизы командному пункту КБФ был присвоен статус памятника истории и культуры. Согласно распоряжению КГИОП от 7 мая 2015 года за № 10–192, сооружение «Запасной командный пункт КБФ» вошло в состав объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс фортификационных и оборонительных сооружений Ленинграда 1920-х — 1940-х годов».

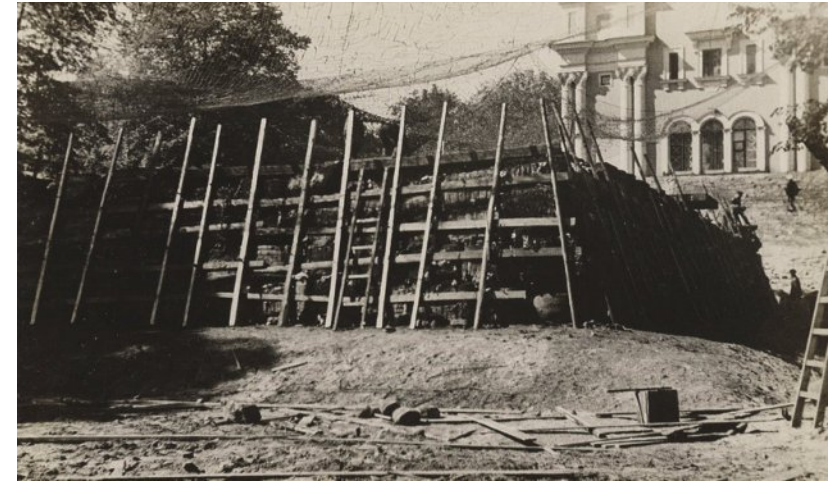
Командный пункт военного совета флота

При строительстве перепланировке подверглись два этажа и подвал. Перекрытие первого этажа было усилено сплошным настилом из двутавровых балок № 30 и № 36 общим весом около 300 т. Подвал и первый этаж имели внутреннее подкрепление (подпоры). Вокруг здания до высоты перекрытия первого этажа была возведена защитная стена толщиной 2,4 м с объёмом каменной кладки 2500 м³. Периметр над подвалом усилен стойками и прогонами. К сожалению, по КПВС в нашем распоряжении имеется только план узла связи, расположенного в подвале здания. Но он позволяет оценить и размеры основных помещений

Ил. 10. Общий вид верхнего покрытия из бронеплит. Часть гаек и шайб снята с гужонов¹ перед стяжкой плит между собой от сдвигов. На заднем плане за КП — трейлер для перевозки бронеплит

¹ Специальных болтов, которыми плиты крепились при отстреле.

Ил. 12. Крепление кип хлопка на стенах

Ил. 11. В левой части снимка видны полосы, которыми во избежание сдвигов броневые плиты скреплялись друг с другом. Идёт работа по укладке мешков с хлопком. Установлена часть деревянного каркаса крыши. Все работы ведутся под маскировочной сетью

Ил. 13. Общий вид сооружения КПВС после устройства хлопкового тюфяка. На командном пункте установлена крыша

Ил. 14. Земляные работы по устройству потерны между ФКП и КП ВС. На снимке видны срубы, установленные перед входом в сооружение и образующие сквозник. На заднем плане видна обваловка первого этажа КПВС

Ил. 15. Вид здания ФКП со стороны главного входа. Вход в командный пункт Военного совета

КПВС, расположенных этажом выше. Вход осуществлялся со стороны западного фасада. Общая стоимость работ составила около 300 тыс. рублей. Строительство велось с 27 апреля до 18 мая 1942 г.

Конструкции в здании церкви и кладка вокруг нее после войны были разобраны, и до 2006 г. здесь размещалась лаборатория физической акустики. После передачи церкви институту в 1930 г. и последующей ее перестройки она утратила купола, была произведена перепланировка в трехэтажное здание. Интересно отметить, что при этом были сделаны карнизы под окнами, на крыше установлены декоративные элементы в виде геометрических фигур⁶. Также по сравнению с первоначальной постройкой на восточном и западном фасадах добавлены пары пилястров, а на двух оставшихся фасадах перестроены окна. Когда это было сделано, до революции или при перестройке, данных нет.

КП отделов флота

КП с размещением отделов флота располагался в полуподвальных помещениях с кирпичными стенами толщиной 1 м и сводчатыми перекрытиями с наибольшей высотой 2,2–2,3 м. По проекту защитная толща не менее 2,5–3 м, где снизу уложены два ряда двутавровых балок, сверху них грунт, а на нем уложен железобетон или броня. Наружная стена со стороны Песочной ул. обсыпана и усилена бутовой кладкой высотой 4 м и толщиной 2,5–3 м.

Основные работы в нем были закончены только к середине 1943 г., но проект был изменен. Обследования помещений радиолоборатории, в которых располагался КП, показали, что укладка двутавровых балок потребует демонтажа оборудования и нарушит коммуникационные сети. Учитывая особую научную ценность радиолобораторий, уполномоченный дирекции ЛЭТИ инженер В. В. Пасынков по указанию Наркомата судостроительной промышленности не разрешил демонтаж оборудования. После осмотра комиссия инженерного отдела КБФ посчитала возможным отказаться от укладки балок, допуская тем самым неполную защиту от 250 кг авиабомб.

В КП размещалась котельная с двумя водогрейными котлами Стреля и резервная электростанция, смонтирована вентиляционная установка для работы с фильтром-поглотителем (привод электромотором от вентилятора КП-4а⁷) и без него (привод электромотором от вентилятора

⁶ До настоящего времени не сохранились.

⁷ Вентилятор завода «Красная Пресня» — основной тип для оборонительных сооружений 1930–1940-х гг.

Ил. 16. Фасад здания ФКП до маскировочной покраски

Ил. 17. Фасад здания ФКП после маскировочной покраски

«сирокко»). В обоих случаях воздух мог подогреться в вентиляционной камере калорифера.

В послевоенный период КП отделов флота был разобран, и его помещения по-прежнему используются как радиолaborатория ЛЭТИ.

Список литературы

Малахов С. Флагманский командный пункт КБФ на Петроградской стороне в Ленинграде. 1942 г. // Фортговед. № 5. СПб.: Гангут. 2012. С. 71–75.

Сборник материалов по опыту боевой деятельности Военно-морского флота Союза ССР №28. Опыт строительства и организации работы на береговых флагманских командных пунктах командующих флотами и флотилиями ВМФ. Управление военно-морского издательства НКВМФ Союза ССР. М.-Л., 1946.

Sergey V. MALAKHOV, Maxim B. MOSENZHNIK

independent researchers (St. Petersburg, Russia)

E-mail: mail@kraevedspb.ru

For the first time in the historical literature, the construction and design features of the flagship command post of the red banner Baltic Fleet, which was a unique defense object of the Great Patriotic war, located in Leningrad, are considered.

Keywords: Great Patriotic war, Battle for Leningrad, siege of Leningrad, Baltic fleet, fortifications, Petrogradsky island.

Евгений Васильевич ИЛЬИН

кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: civi@mail.ru

ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ ЛОМОНОСОВ

В статье рассказывается об истории создания Ораниенбаума, его роли в оснащении армии и флота новыми видами оружия, техники, подготовки кадров. Отмечается исключительно важная роль Ораниенбаумского плацдарма в годы Великой Отечественной войны, который прикрывал Кронштадт — главную базу Балтийского флота. Его корабельной и береговой артиллерии принадлежит видное место в срыве планов врага по захвату Ленинграда. Ораниенбаум стал в годы войны городом-фронтом. Вместе с армией и флотом его защищали и жители, которые вынесли блокаду, выстояли и победили.

Ключевые слова: Ораниенбаум, Офицерская стрелковая школа, Ломоносов, Приморский плацдарм, Ораниенбаумский плацдарм, блокада, Балтийский флот, береговая артиллерия, «Малая Дорога жизни».

Земли южного побережья Финского залива долгие столетия являлись ареной борьбы Великого Новгорода, а потом Московского государства с Ливонским орденом и Швецией. В 1583 г. в результате поражения в Ливонской войне эта территория была утеряна, и Россия полностью лишилась выхода к Балтийскому морю. В 1595 г. по итогам очередной войны с Швецией Борису Годунову удалось вернуть эти земли с крепостями Копорье, Ям, Ивангород.

Смута на Руси, кроме разорения страны, привела к тяжелым территориальным потерям. По Столбовскому мирному договору (1617) приневские земли, а также южное побережье Финского залива отошли к Швеции. На этих территориях новые хозяева образовали провинцию, получившую название Ингерманландия. Начался отток православного населения, которое уходило на территорию Московского государства. На смену им пришли угро-финны, которые образовали здесь новую этническую группу — ингерманландских финнов. В ходе Северной войны (1700–1721) русские войска под командованием Б. П. Шереметева в 1703–1704 гг. отвоевали эти территории.

Один из участков на южном побережье Финского залива Петр I подарил светлейшему князю Ижорскому А. Д. Меншикову. Здесь, на высокой гряде, спускавшейся террасами к заливу, стояла небольшая рыбацкая деревушка. Именно здесь А. Д. Меншиков решил построить свою лет-

нюю резиденцию. В 1712–1720 гг. по проекту Г. Шеделя и Д. Фонтана был построен дворец, ныне известный как Большой дворец. В архитектуре здания отразились, в соответствии с духом времени, характерные черты петровского барокко. Близ него разбили парк с фонтанами, статуями, оранжереями, зверинцем. Дворец с заливом соединял канал длиной 500 м. По легенде А. Меншиков, желая угодить Петру I, согнал на его строительство 9000 крепостных, которые за три дня выполнили эту тяжелую работу. Речи о строительстве города не шло.

Вокруг дворца постепенно разрастался усадебный комплекс, который получил название Ораниенбаум. Такое необычное название загородной резиденции светлейшего князя исследователи объясняют по-разному. Одни из них утверждают, что это слово означает «померанцево дерево», поскольку в парке светлейшего стояло много померанцевых деревьев в кадках. Другие говорят, что в переводе с голландского это слово означает «дерево Оранских», дают следующую расшифровку: с конца XVII в. в Голландии у власти находилась Оранская династия, а в 1689 г. она воцарилась и на английском престоле. Петр I учился морскому делу в этих двух странах, претендовал на то, чтобы перехватить у них господство на Балтийском море и Мировом океане. Это труднопроизносимое слово, часто сокращаемое в обиходе, дошло и до нас: Рамбов, Ранбов.

Арест, конфискация всего имущества, включая Ораниенбаум, ссылка А. Д. Меншикова со всем семейством в Березово привели к тому, что у Рамбова появился новый хозяин. Им стала Адмиралтейская коллегия, по решению которой здесь был развернут морской госпиталь. Императрица Елизавета Петровна подарила дворец наследнику престола цесаревичу Петру Федоровичу (Петру III), потом его хозяйкой стала Екатерина II, впрочем, это не является главной темой нашей работы. Отметим только, что каждая из царственных особ обустроивала Ораниенбаум в соответствии со своими вкусами. Мы отсылаем любознательного читателя к отлично изданному альбому «Ораниенбаум. Образы минувших столетий»¹, добавив только, что дворцово-парковый ансамбль — единственный из всех императорских резиденций в окрестностях Петербурга, который не был разрушен в годы Великой Отечественной войны. Этим мы обязаны защитникам Ораниенбаума.

В январе 1780 г. Екатерина II дворцовую слободу Ораниенбаум повелела называть городом. В связи с этим, а также из-за пожара был разработан новый генеральный план города, в основу которого была положена строгая геометрия улиц, пересекающихся под прямым углом. Утрата Ораниенбаумом статуса царской резиденции отчасти была ком-

¹ Ораниенбаум. Образы минувших столетий. СПб., 2011.

пенсирована увеличением значения города в качестве базы снабжения Кронштадта. Здесь стали селиться и снимать жилье семьи офицеров.

При Павле I делаются первые шаги по превращению его в армейский город, что нашло отражение в названиях — Военная гора, Военная улица. Город был переведен в разряд заштатных (т. е. не имеющий уезда) и подарен сыну Александру. При Павле Петровиче в Ораниенбауме был размещен лейб-гвардии Гарнизонный батальон, который подчинялся Дворцовому ведомству. С этого времени в городе стали постоянно размещаться воинские части. В это же время перестраивается морской госпиталь, который теперь имел 12 флигелей, что оказалось весьма кстати. Во время войны 1812 г. палаты госпиталя оказались переполнены ранеными и больными. Их было так много, что под госпитали пришлось отдать все дворцовые постройки Ораниенбаума.

Жители города и округа приняли и прямое участие в войне с Наполеоном: 1500 человек вступили в ополчение, половина из них была награждена медалями. Отличился и 4-й Копорский полк, одна из рот которого состояла из жителей города и окрестностей. Об их подвигах свидетельствуют мемориальные доски во Владимирском зале Московского Кремля и на стенах Смоленского кремля. По указу Александра I в память участия жителей Ораниенбаума в войне 1812 г. в городе была установлена триумфальная арка.

При Николае I усиливается стиль «милитари», как во внешнем виде, так и повседневной жизни. В город переводятся полки, батальоны, военные учебные заведения. В разные годы численность гарнизона достигала 20 тыс. человек.

В 1827 г. сюда был переведен Образцовый пехотный полк, задачей которого являлась подготовка инструкторов для армии и гвардии в деле обучения рекрутов и формирования пехотных батальонов. На базе этой части происходило испытание новых образцов оружия, обмундирования, снаряжения. Служить в полку было тяжело, но это частично компенсировалось двойными окладами для офицеров, усиленным питанием для солдат. На смотрах, парадах этот полк блистал, полностью оправдывая свое название. Его сменил лейб-гвардии Литовский полк, на смену ему пришел лейб-гвардии Волынский полк, потом 147-й Самарский пехотный. Все это вело к перестройке некоторых зданий и строительству новых.

Во время Крымской войны (1853–1856) Ораниенбаум снова принимал раненых. Здесь работал Н. И. Пирогов, впервые применивший эфир в качестве наркоза во время операций. Здесь же была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия, члены которой проявили героизм и высокое профессиональное мастерство.

В середине XIX в. Ораниенбаум выглядел тихим и запустевшим городком: одна улица, несколько переулков, ведущих к заливу. Большое жилищное строительство началось здесь в 60-е гг. XIX в., а в 1870-е гг. — обустройство центра города: мощение мостовой, посадка деревьев. В конце века здесь проживало 4786 человек. Самым важным событием в жизни его жителей стало строительство железной дороги, которая пришла в город в июне 1864 г., сделала Ораниенбаум доступным для петербуржцев.

Относительная близость к столице, обилие воды (залив, реки, озера), сосновые леса превратили Ораниенбаум и его окрестности в одно из оживленных дачных мест. В зависимости от достатка здесь либо строили дачи, либо снимали на сезон дом, комнату. Дачный сезон начинался в мае, когда становилось тепло, и завершался с наступлением осени. Основная масса отдыхающих оседала в окрестностях Ораниенбаума — поселках Мордвиново, Ольгино, Мартышкино, вследствие их более «демократических» цен на жилье. Жители Ораниенбаума, а их в начале XX в. насчитывалось более 7 тыс., также готовились к приезду дачников. Старались заработать на них на всем, на чем только было можно. В городе насчитывалось около 20 питейных заведений, работал летний театр, синематограф, для широкой публики были доступны парки дворца. Городской рынок славился широким выбором качественных продуктов: грибы, ягоды, свежие рыба, мясо... «Погулять» сюда приезжали матросы, рабочие доков Кронштадта. В Ораниенбауме и его окрестностях бывали и жили А. С. Пушкин, его лицейский товарищ А. А. Дельвиг, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, П. А. Вяземский, хирург Н. И. Пирогов, композитор М. П. Мусоргский...

Краткий экскурс в историю города позволяет увидеть его жизнь до начала 80-х годов XIX в. Более подробно любознательный читатель может ознакомиться с ней на страницах изданий, вышедших в последние годы².

Поражение в Крымской войне остро поставило вопрос подготовки офицерских и унтер-офицерских кадров. В 1857 г. в Царском Селе была организована стрелковая школа (с 1859 г. — Офицерская стрелковая школа), а Ораниенбауме — Учебный фехтовально-гимнастический кадр. В 1863 г. был образован Учебный пехотный батальон, созданный на базе расформированного Образцового полка, царскосельской Офицерской стрелковой школы и ораниенбаумского Учебного фехтовально-гимнастического кадра. В 1882 г. он был преобразован в Офицерскую стрелковую школу.

² См. например: *Журавлёв В., Митюрин Д., Сакса К.* Форпост Петербурга: Три века ратной истории Ораниенбаума — Ломоносова. СПб., 2011; *Гусаров А. Ю.* Ораниенбаум. Три века истории. СПб., 2011.

С образованием этой школы Ораниенбаум стал своеобразной кузницей офицерских кадров, через которую прошли многие известные военачальники конца XIX — начала XX в. Школа была призвана повысить знания офицеров в области стрелкового дела. Комплектовалась она из офицеров армии и гвардии, которые готовились стать командирами батальонов. На учебу зачислялись 160 офицеров, командовавшие ротами не менее двух лет, в возрасте не выше 45 лет. Учебный курс составлял 7 месяцев: 3 месяца — классные занятия, 3 месяца — стрелковые и практические полевые учения, 1 месяц — практика командования войсками. Изучались тактика, теория стрельбы и оружия, правило его осмотра, чтение карт и планов. Тренировки включали тактические ротные учения и боевые стрельбы. Для занятий в школе была создана необходимая материально-техническая база: специальные кабинеты, оружейная мастерская, баллистический кабинет, фехтовально-гимнастический зал, музей оружия, тир, стрельбище. Для получения практики командования к школе регулярно прикрепляли два пехотных батальона, кавалерийский эскадрон, артиллерийскую батарею. Более детально с деятельностью школы можно ознакомиться в исследовании В. Журавлёва³.

Авторитет школы со временем рос, все больше офицеров стремились пройти в ней обучение. В 1883 г. Военное министерство приняло решение назначать на должность командиров батальонов только тех офицеров, кто прошел обучение в школе. За 1882–1907 гг. школа подготовила 3850 офицеров, в том числе 23 флотских.

Школа стала стрелково-методическим центром русской армии, где разрабатывались, испытывались, осваивались практически все системы ручного огнестрельного оружия, проводилась научно-исследовательская и конструкторская работа. Отметим, в 1890 г. здесь была испытана винтовка трехлинейного калибра. По итогам испытаний на вооружение Русской армии была принята «трехлинейная винтовка образца 1891 г.» полковника С. И. Мосина. При этом важно заметить, что все винтовки, вплоть до «трехлинейки», были иностранного происхождения, что не шло на пользу боеспособности русской армии. Эта легендарная винтовка отличалась высокой надежностью, точностью, простотой и удобством эксплуатации и, что немаловажно, высокой технологичностью. Только в годы Великой Отечественной войны промышленность выпустила более 12 млн винтовок и созданных на ее базе карабинов. На вооружении армии винтовка находилась до 1944 г., а с учетом созданного на ее базе карабина — до 1950 г.

³ Журавлёв В. Ораниенбаум. Хронограф Офицерской стрелковой школы. Ораниенбаум, 2013.

В 1904 г. приказом Военного министерства вместо опытной комиссии был учрежден постоянно действующий ружейный полигон, начальником которого стал полковник Н. М. Филатов. Полигон стал единственным в России научно-исследовательским учреждением по оружейно-стрелковому делу. Русско-японская война обнаружила актуальность создания автоматического стрелкового оружия. Главное артиллерийское управление создало специальную комиссию в составе начальника Ружейного полигона офицерской стрелковой школы полковника Н. М. Филатова, капитана В. Г. Фёдорова, генерал-лейтенанта Н. Ф. Роговцева и др., которой было поручено переделать винтовку Мосина в автоматическую. Создателем её стал Я. У. Рощепей, солдат-оружейник крепостного полка крепости Зегрж. Это была трёхлинейная винтовка С. Мосина, переделанная в 10-зарядную автоматическую. Автоматическая винтовка была доставлена в 1905 г. в Ораниенбаум в Офицерскую стрелковую школу, сюда же был переведён талантливый солдат-самоучка, продолживший здесь свою работу. Начавшаяся мировая война прервала работу в этом направлении⁴. В 1908 г. образец автоматической винтовки представил Ф. В. Токарев, испытанная на полигоне в Ораниенбауме, она дала хорошие результаты. Талантливый конструктор был направлен на Сестрорецкий завод для совершенствования изделия. Весной 1914 г. было заказано 12 образцов для проведения испытаний, но помешала начавшаяся война, работы в том направлении были свёрнуты⁵. В 1913 г. свой образец представил и «отец русского автоматического оружия» В. Г. Фёдоров. Его автоматическая винтовка успешно прошла испытания, но начавшаяся война, с одной стороны, затруднила, а с другой — стимулировала работу над автоматическим оружием. Талантливый конструктор создаёт автомат, испытания его тоже прошли успешно. Летом 1916 г. команда 189-го Измаильского полка (158 солдат, 4 офицера), вооружённая его автоматической винтовкой и автоматом, отправились на фронт⁶. Из школы Филатова вышли многие создатели отечественного стрелкового оружия: В. Г. Федоров, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев, И. Н. Колесников, Я. У. Рощепей и др.

Пулемёты Максим, изготовленные и закупленные в Англии, испытывали на полигоне Офицерской стрелковой школы. В условиях войны с Японией здесь открываются курсы подготовки пулемётных команд. В октябре–ноябре 1904 г. проведён курс обучения для офицеров и унтер-офицеров. Разработаны инструкции по действию пулемётных команд

⁴ Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л., 1984. С. 101–103.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 110.

в бою⁷. По инициативе Филатова здесь создается первая в России школа оружейных мастеров и пулеметчиков, где готовились мастера-оружейники, обучались команды пулеметчиков и броневиков.

С конца 1904 г. в Офицерской стрелковой школе стали готовить команды пулеметных рот и конных пулеметных команд. В 1905 г. было подготовлено 35 пулеметных команд для кавалерии, 21 пулеметная рота (495 офицеров, 2390 солдат). С 1911 г. здесь стали готовить для войск инструкторов пулемётного дела⁸.

Здесь зарождаются и новые рода войск — бронетанковые и авиационные. В 1906 г. в Ораниенбауме проводятся первые в России испытания броневедомоцикла (броневика). Машина была куплена на свои средства подвесаулом 9-го Сибирского казачьего полка князем Никашидзе и привезена в Россию. Испытания прошли успешно. Предполагалось после некоторой модернизации запустить его производство на Ижорском заводе. Военное министерство решило иначе, разместив заказ на их производство во Франции. В 1906–1911 гг. в Россию поступило 11 броневедомоциклов. В ноябре 1916 г. здесь же прошел испытания и бронированный трактор, автором проекта которого был полковник Гулькевич. Испытания прошли успешно. В войска передали два таких «танка», первый получил название «Илья Муромец», а второй — «Ахтырец».

С началом Первой мировой войны Офицерская стрелковая школа была закрыта, но уже в ноябре 1914 г. восстановлена. По инициативе Н. М. Филатова для обеспечения действующей армии пулеметными командами в Ораниенбауме находились 1-й пулеметный полк, а в Стрельне — 2-й пулеметный полк. По мере готовности команд пулеметчиков их направляли на фронт.

В это время не прерывались связи Ораниенбаума с флотом. Здесь в разные годы над проектами морского ведомства трудились многие специалисты. В 1834 г. француз Пьер Шато проложил для нужд флота семафорный телеграф, который связал между собой Петербург, Ораниенбаум и Кронштадт. В Ораниенбауме морской офицер А. С. Попов проводил первые опыты «телеграфирования без проводов». В 1899 г. из Ораниенбаума в Кронштадт совершил свой первый рейс ледокол «Ермак». Здесь имелась и школа гидроавиации с соответствующей инфраструктурой: летное поле, ангары, склады. Осенью 1917 г. город становится главной базой морской авиации Балтийского флота. Война непрерывно требовала все новых и новых пополнений. Летом 1916 г. в Ораниенбауме создается школа прапорщиков по Адмиралтейству. Это было специальное военно-морское учебное заведение, которое готовило

кадры по сокращенной 4-месячной программе. Комплектовалось училище за счет студентов и проштрафившихся гардемарин. Всего было сделано 2 выпуска по 150 человек каждый.

Солдаты 1-го пулеметного полка приняли участие в революционных событиях 1917 г. в Петрограде, прибыв рано утром 28 февраля в восставшую столицу. Участвовали они и в событиях 3–5 июля в Петрограде, за что часть его подразделений была расформирована и отправлена на фронт.

После прихода большевиков к власти Офицерская стрелковая школа вместе с образцами вооружений, производством, оружием была переведена (1918) в Подмоскowie. Здесь она получила и новое название: «Высшая стрелковая школа комсостава “Выстрел”» (ныне: «Высшие офицерские курсы “Выстрел”»). В Ораниенбауме остались пулеметные курсы (пулеметные курсы РККА), которые продолжали готовить пулеметчиков. Курсанты приняли участие в подавлении восстания в форту Красная Горка (июнь 1919 г.), боях с войсками генерала Н. Н. Юденича (октябрь 1919 г.), боях с войсками П. Н. Врангеля (осень 1920 г.), Н. И. Махно (1921), подавления восстания в Кронштадте (март 1921 г.).

Городу повезло, в годы революционных потрясений и Гражданской войны он не понес тяжелых разрушений, хотя жителям его пришлось пережить голодные времена. Со временем были восстановлены лесопильный и кирпичный заводы, наладилась ритмичная работа железнодорожного транспорта, в 1933 г. железная дорога на Ораниенбаум была электрифицирована. Несмотря на тяжелейшее положение: острую нехватку учебников, бумаги, чернил, — в городе работали 4 школы, а в 1919 г. открылись лесное и сельскохозяйственное училища. Был отремонтирован и открыт кинотеатр. Музыкальные, театральные, хоровые, радиодела и др. кружки стали ведущими формами самообразования и досуга горожан. Бесспорным лидером оставался спорт и спортивные секции, в которых с увлечением занималась молодежь. В 1930-е гг. продолжала развиваться и городская инфраструктура, в это время открываются шесть детских садов, поликлиника, хлебозавод, дом отдыха, санаторий...

Мирную жизнь прервала война. Ораниенбаумский плацдарм, «Ораниенбаумский пятачок», Приморский плацдарм — под этими и другими названиями вошла в историю 29-месячная эпопея воинов армии и флота, жителей города в битве за Ленинград. В планах германского военно-политического руководства захват Ленинграда являлся перво степенной стратегической задачей, которая обеспечивала уничтожение Балтийского флота и установление господства флота противника на Балтике, а также свободу маневра сухопутных сил на советско-германском фронте.

Ораниенбаумский плацдарм образовался во второй половине дня 16 сентября 1941 г. в результате прорыва немецких войск между Стрель-

⁷ Федосеев С. Л. Пулемёты русской армии в бою. М., 2008. С. 62.

⁸ Там же. С. 106.

ной и Петергофом, что позволило противнику выйти к Финскому заливу, перерезать шоссе Ленинград — Петродворец. 10-я стрелковая дивизия и 1-я бригада морской пехоты отошли на новый рубеж обороны, прикрыли Стрельну. Но удержать её не удалось. 23 сентября после тяжёлых боёв был оставлен и Новый Петергоф. 10-я стрелковая дивизия заняла удобный рубеж на его окраине, проходившую по берегу Троицкого ручья. В последний момент сапёрам удалось взорвать Нижний мост, что не позволило противнику использовать танки. Фронт на этом участке стабилизировался и оставался без изменений до января 1944 г. Боевые действия приняли здесь позиционный характер. Эти драматические события привели к тому, что часть советских войск была отсечена от основных сил Ленинградского фронта. Линия фронта проходила от южного берега Финского залива (Старый Петергоф) — река Воронка — Большое Горлово. Длина плацдарма по фронту, который немцы называли «котлом», составляла 50 км, глубина — 25–35 км. Здесь оборонялись понесшие тяжёлые потери соединения 8-й армии (10-я, 281-я, 48-я, 191-я, 125-я, 268-я, 118-я, 261-я стрелковые дивизии), а также 1-я гвардейская и 2-я дивизии народного ополчения, 5-я и 2-я отдельные бригады морской пехоты, танковый полк 1-й танковой дивизии.

Кажется просто чудом, что ей (8-й армии. — *Е. И.*) и Краснознамённому Балтийскому флоту удалось отстоять при таком безграничном превосходстве противника эту небольшую полосу побережья... Трудно сказать, как протекала бы оборона города Ленина и Кронштадта, не будь Малой земли⁹, — писал маршал артиллерии Г. Ф. Одинцов.

Остановить врага было бы невозможно без поддержки береговых батарей, корабельной артиллерии флота. Так, 341-я батарея, поддерживавшая 8-ю армию, провела 67 стрельб, полностью расстреляла лейнеры — сменные трубы стволов. Каждое из 4-х орудий батареи 100 мм калибра произвело свыше 900 выстрелов¹⁰. В ходе боёв обнаружилось и немало недостатков. Прежде всего, использование артиллерии крупных калибров. Общеармейские командиры стреляли крупными калибрами (305 мм) по отдельным оборонительным сооружениям — дот, дзот, отдельным хозяйственным постройкам, мелким группам пехоты... Имелись и более серьёзные проблемы, которые преодолевались в ходе непрерывной учёбы и практики: прежде всего, стрельба по целям, которые не видишь, ведение наблюдения, корректировка огня и многие другие. Противник, пытаясь парализовать артиллерию флота и фортов,

⁹ Непокорённый плацдарм: Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма, 1941–1944. Л., 1987. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 29.

наносил по ним массированные удары авиации. 21–23 сентября в них участвовало до 400 вражеских самолетов. Но подавить огневую мощь советской артиллерии противник не смог. Одновременно с этим немецкое командование решило прорваться к Ораниенбауму, который находился в 5–7 км от линии фронта, нанеся удар через Петергоф. В ходе ожесточенных боев 10-я и 11-я стрелковые дивизии устояли под ударами врага. Неудачей завершилась и попытка прорыва советской обороны южнее Петергофа, где оборону держали 1-я гвардейская и 2-я дивизии народного ополчения, 48-я и 281-я стрелковые дивизии.

24–26 сентября немецкие войска снова попытались наступать на Петергоф и Ораниенбаум, но их атаки были отражены мощным огнем артиллерии флота и фортов. В это же время советские войска пытались наступать, чтобы восстановить прямую связь с Ленинградом. В начале октября 10-я и 11-я стрелковые дивизии перешли в наступление, 10-я стрелковая дивизия наступала на Петродворец, 11-я — вдоль Ораниенбаумского шоссе. Наступление не увенчалось успехом, но это заставило немецкое командование перебросить сюда дополнительные силы, которые были необходимы на других участках фронта.

Мужество, стойкость, героизм, готовность к самопожертвованию стали важным фактором срыва планов врага. Бориса Потапова, тяжело раненого бойца 264-го отдельного пулемётно-артиллерийского батальона, немцы хотели взять живым. Когда вражеские солдаты приблизились к нему, он взорвал себя и врагов гранатой; военфельдшеры 281-й стрелковой дивизии Александра Никитина и Анна Захаренко вынесли с поля боя свыше сотни раненых с оружием в руках. За свой подвиг первыми в дивизии девушки были награждены орденами Красного Знамени¹¹.

Стабилизация фронта на Приморском направлении позволила перебросить в Ленинград управление 8-й армии и семи дивизий. Оставшиеся войска — 48-я стрелковая дивизия, 2-я и 5-я бригады морской пехоты, 3-й полк морской пехоты, 287-й танковый батальон — были преобразованы в Приморскую оперативную группу под командованием генерала А. Н. Астанина.

В обороне города самое активное участие принимали его жители. Здесь был создан истребительный батальон, служба МПВО. Население активно участвовало в возведении оборонительных сооружений. Женщины ухаживали за ранеными шили и ремонтировали обмундирование, занимались подледным ловом рыбы. Все это происходило под постоянными обстрелами и налетами немецкой авиации. Только за сентябрь — декабрь 1941 г. на территории города разорвалось свыше 17 тыс. вражеских снарядов. В результате этого была выведена из строя городская

¹¹ Непокорённый плацдарм... С. 19, 71.

инфраструктура: отсутствовало электричество, не работал водопровод, транспорт. Но жители города, прежде всего женщины, сумели обеспечить в этих труднейших условиях функционирование учреждений, предприятий, школ, подачу воды...

К этим лишениям добавился голод. Население Ораниенбаума, как и жители Ленинграда, оказались в сухопутной блокаде. Только у жителей Ораниенбаума эта блокада была двойной, поскольку они оказались отрезаны и от «Большой земли», и от Ленинграда. Здесь была и своя «Дорога жизни», получившая название «Малой дороги жизни». Она шла от Ораниенбаума на о. Котлин и далее на Лисий Нос или станцию Горская, расположенные на северном берегу Финского залива.

Самым тяжелым периодом для жителей стал ноябрь 1941 — март 1942 г., когда от голода погибло свыше 5 тыс. человек. В первую очередь спасали детей, для которых создали детскую столовую, а в школах организовали горячие завтраки. С приходом лета смертность резко пошла на убыль, а большую часть населения к этому времени сумели эвакуировать. К осени 1942 г. из довоенного 40-тысячного населения города в нем осталось не более 2,5 тыс. человек.

Голод коснулся не только жителей города, но и его защитников. Условия блокадной зимы, особенно первой зимы 1941/42 гг., были очень трудными. Командир 330-й батареи капитан В. Ф. Горелик вспоминал позднее: «Как-то случайно опрокинулся ящик со снарядами. Раньше один человек поднимал снаряд, теперь на каждый встало семеро...»¹²

Осенью 1943 г. советское командование начало подготовку операции на северо-западном стратегическом направлении, целью которой являлось полное снятие осады Ленинграда и разгром группы армий «Север». Для решения ближайшей задачи — снятия осады Ленинграда — на Ораниенбаумский плацдарм началась переброска 2-й ударной армии под командованием генерала И. И. Федюнинского. Она проводилась в исключительно сложных условиях — необходимо было перебросить армию вначале в Ленинград, а потом, фактически под дулами вражеских орудий, перевезти на плацдарм. Эта операция началась 5 ноября и с перерывами продолжалась до 21 января. За это время на плацдарм были переброшены 5 стрелковых дивизий, 13 артиллерийских полков, 2 танковых полка, полк САУ, бригада танков, свыше 700 вагонов боеприпасов, других грузов. Немецкая разведка не сумела на этом этапе раскрыть перегруппировку войск Ленинградского фронта. Скрытность, строжайшая секретность, дезинформация противника носили всеобъемлющий характер. Так, командование 2-й ударной армии демонстрировало сосредоточение пехоты, артиллерии и танков в направлении Кот-

лы — Кингисепп. Эти меры дали положительный результат: в конце декабря — начале января на этом участке фронта оборону заняли наиболее боеспособные дивизии противника — моторизованная дивизия СС «Нордланд» и моторизованная бригада СС «Нидерланды».

Командующий 2-й ударной армией, обороняясь частью сил на флангах, главный удар решил нанести на фронте 10,5 км силами двух корпусов в направлении Ропши, где была запланирована встреча с 42-й армией Ленинградского фронта. В полосе прорыва обороны противника стрелковая дивизия наступала на фронте 1,2 км. Плотность артиллерии на 1 км составляла 123 орудия и миномета без учета реактивной артиллерии, 18 танков и САУ. Глубина наступления составляла 17–21 км. Это расстояние генерал И. И. Федюнинский предполагал пройти за 5–6 суток.

14 января 1944 г. артиллерия 2-й ударной армии начала ураганную артиллерийскую подготовку, в которой также участвовали батареи Кронштадта, корабельная артиллерия, форты «Серая лошадь» и «Красная горка». За 65 минут по противнику было выпущено свыше 104 тыс. снарядов и мин. Одновременно с этим открыла огонь и артиллерия 42-й и 67-й армий. Командование врага было введено в заблуждение, не знало, где будет нанесен главный удар. Через 65 минут стало ясно, удар наносится с Ораниенбаумского плацдарма. Артиллерийская подготовка атаки оказалась весьма эффективной, вражеская артиллерия в течение 40 минут не могла открыть огонь. В ходе первого дня наступления советские войска прорвали первую полосу вражеской обороны в районе селений Порожки и Гостилицы, вклинились во вторую полосу, а 90-я стрелковая дивизия полковника Н. Г. Лященко прорвала и ее. Противник, несмотря на потрясение, контратаковал советские войска, но остановить наступавших не мог.

15 января началась еще более мощная артиллерийская подготовка в полосе наступления 42-й армии, которая наносила удар с Пулковских высот навстречу армии И. И. Федюнинского. В ночь 19 на 20 января армии соединились в районе населенных пунктов Русско-Высоцкое и Ропша. Петергофско-Стрельнинская группировка врага была разбита. В ходе последующих боев враг был отброшен от Ленинграда на 65–100 км. 27 января 1944 г. в честь одержанной победы — полным освобождением Ленинграда от вражеской блокады и от артиллерийских обстрелов — в Ленинграде был произведен 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Сразу после снятия осады Ленинграда в Ораниенбауме начались работы по ликвидации разрушений, причиненных обстрелами и бомбардировками. В ходе этих работ, которые заняли около 10 лет, раны, нанесенные войной, удалось в основном ликвидировать. Одним и наиболее острых вопросов этого времени являлся вопрос о строительных мате-

¹² Там же. С. 34.

риалах. Пуск лесопильного завода позволил наладить выпуск дверей, окон, лестниц, что сразу же отразилось на темпах восстановительных работ. Люди стали перебираться из подвалов и землянок в восстановленные дома. Были восстановлены больница, открыта школа, заработал хлебозавод. Пуск кирпичного завода в Мартышкино в 1947 г. позволил частично снять острейшую нехватку кирпича.

На волне борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством» перед Западом город потерял свое историческое имя и был переименован в честь М. В. Ломоносова. Произошло это 28 февраля 1948 г. Историческое название сохранилось только в названии железнодорожной станции.

В последующие десятилетия город стремительно разрастался. За 20 послевоенных лет здесь появилось более 40 новых улиц. Эта тенденция сохранилась и в 70–80 годы прошлого столетия. В городскую черту вошли некогда самостоятельные поселки и деревни — Мартышкино, Немецкая колония и др.

Военные по-прежнему составляют заметную часть населения города. Город продолжает сохранять связь с флотом. Здесь находятся не менее 10 научно-исследовательских институтов военно-промышленного комплекса, а также ряд предприятий военного назначения.

Практически сразу же после освобождения Ораниенбаума от вражеской осады в его дворцах и парках начались восстановительные работы. Это позволило уже в июне 1946 г. открыть парки для посещения горожанами, в июле 1947 г. для экскурсий открывается Китайский дворец, через два года — Каталная горка и дворец Петра III. В Большом дворце в 1948 г. разместился один из филиалов Военного института, специалисты которого вместе с интернированными немецкими специалистами работали над созданием новых видов торпедного оружия. В 1953–1954 гг. все немецкие специалисты с семьями вернулись на родину. В настоящее время Государственный музей-заповедник «Ораниенбаум» является филиалом Петергофского дворца-музея.

Подвиг защитников Ораниенбаумского плацдарма хранят 81 памятное место, 19 братских могил, 6 мемориалов, а также 13 улиц города. В 1981 г. город Ломоносов за подвиги защитников Ораниенбаумского плацдарма в годы Великой Отечественной войны был награжден орденом Отечественной войны I степени.

3 ноября 2011 г. последовал указ № 1457 президента Российской Федерации, в котором говорилось:

За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, присвоить Ломоносову почётное звание Российской Федерации «Город воинской славы».

Список литературы

- Гусаров А. Ю. Ораниенбаум. Три века истории. СПб., 2011. 366 с.
Журавлёв В. Ораниенбаум. Хронограф Офицерской стрелковой школы. Ораниенбаум, 2013. 382 с.
Журавлёв В., Митюрин Д., Сакса К. Форпост Петербурга: Три века ратной истории Ораниенбаума — Ломоносова. СПб., 2011. 270 с.
Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л., 1984. 168 с.
Непокорённый плацдарм: Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма, 1941–1944. Л., 1987. 300 с.
Ораниенбаум. Образы минувших столетий. СПб., 2011. 166 с.
Федосеев С. Л. Пулемёты русской армии в бою. М., 2008. 364 с.

Evgenij Vasil'evich IL'IN

Ph. D. in History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Assistant Professor (*docent*), Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: civi@mail.ru

City of Military Glory Lomonosov

The article tells about the history of the creation of Oranienbaum, its role in equipping the army and navy with new weapons, equipment, training. Extremely important role played the Oranienbaum bridgehead during the World War II, it covered Kronstadt — the main base of the Baltic fleet. His naval and coastal artillery played a prominent role in thwarting the enemy's plans to capture Leningrad. Oranienbaum became a front city during the war. Together with the army and navy, it was defended by the inhabitants, who endured the blockade, survived and won.

Keywords: Oranienbaum, Officer rifle school, Lomonosov, Primorsky bridgehead, Oranienbaum bridgehead, blockade, Baltic fleet, coastal artillery, «Small Road of Life».

Владимир Александрович НОСОВ

специалист СПбГБУ ДМ «ФОРПОСТ»;

научный сотрудник «Центра этнорелигиозных исследований»

(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: troghil@yandex.ru

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ И СОВЕТСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена различным аспектам советского военного присутствия на Ближнем Востоке, успехам и неудачам различных применявшихся подходов.

Ключевые слова: советское военное присутствие, Йемен, Сирия, Египет, Ближний Восток.

В конце 60-х годов у СССР на Ближнем Востоке оказалось три полноценных союзника, а именно Египет, Сирия и НДРЙ, и два ситуативных, а именно ЙАР и Ирак, но эти два последних никогда не размещали на своей территории советские войска. Наибольший интерес из первой группы представляет, несомненно, Египет, как единственная из первой тройцы страна, по ходу Холодной войны отчетливо сменившая внешнеполитическую ориентацию.

Египет был основным союзником СССР на Ближнем Востоке к середине 1960-х. Советский Союз деятельно поддерживал его во всех конфликтах с Израилем, и если в ходе событий 1956 г. ограничился в основном дипломатическими мерами¹, то к 1967 г. держал уже 2,5 тыс. советников². С 1967 г. египтяне после катастрофического поражения в очередной войне стали все основательнее полагаться на СССР в военной сфере, к концу десятилетия тот держал контингент численностью 10–15 тыс. чел., наладил работу систем ПВО, и советские пилоты летали на боевые задания против израильтян³. Видимо, участвовали в самих стычках вооруженных сил Египта и Израиля не слишком интенсивно: всего за время работы миссии, действовавшей, подчеркнем, в прифрон-

¹ См. Egypt. A Country Study (5th ed.). Washington, 1990. P. 63.

² World Armies (ed. Keegan J.). London, 1979.

³ Egypt. A Country Study. P. 72.

товой полосе, где постоянно велись боевые действия, в ее составе всего 41 погибший, 1 умерший от ран и 10 от болезней⁴.

Анвар Садат после своего прихода к власти ездил в Москву за новыми траншами оружия и, по отзывам самих египтян, остался очень недоволен тем, что ему не были предоставлены те оружейные системы, которые он считал необходимым приобрести, на тех условиях, которые ему представлялись наиболее удобными, тогда как индийцам для войны против Пакистана поставили все, что запрашивалось⁵. В конце мая 1971 г. страны подписали договор о дружбе и сотрудничестве, видимо, намереваясь успокоить советское руководство в момент, когда велась активная борьба между Садатом и считавшейся просоветской группой во главе с Али Сабри⁶, и больше года отношения с Советским Союзом оставались вполне сердечными. Только летом 1972 г. был предпринят следующий шаг, явно давно спланированный: 17 июля большая часть советской миссии была выпровождена из страны, а оставшиеся военнослужащие поставлены под командование египетских военных чинов. Морская база, стратегически важная для советской активности, все же осталась, но общая численность контингента сократилась в результате действий египетского руководства с 20 тыс. до 1000 чел.⁷

Обычно дальше в литературе проводят прямую линию между этими событиями и окончательным разрывом в 1976 г., однако процесс был явно нелинейным — очевидным указанием на то, что это так, является улучшение отношений в период событий вокруг мюнхенской Олимпиады⁸, пусть даже напрямую с ней и не связанное. Причиной этих маневров специалисты считают желание получить максимальную свободу в на определенных этапах подготовки к новой войне с Израилем⁹, поскольку СССР имел свое собственное видение, как арабским странам следовало бы выстраивать отношения со своим соседом, и мог благодаря системе советников влиять на происходящие в египетских войсках процессы.

Окончательный разрыв с СССР у садатовского Египта состоялся в марте 1976 г. Обычно в литературе связывают этот ход с укреплением Садата у власти, но вряд ли имеет смысл говорить об укреплении в момент, когда президент находился на своем посту уже пять лет, располагая широчайшими полномочиями и уже два года не встречая вообще

⁴ Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 531.

⁵ Brief History of Egypt. New York. 2008. P. 189.

⁶ Egypt. A Country Study. P. 77.

⁷ Brief History of Egypt. P. 190.

⁸ Ibid.

⁹ Egypt. A Country Study. P. 78.

никакого сопротивления в аппаратной борьбе. Скорее уж стоит указать на результаты реализации экономической программы «инфитах» («открытых дверей»), которая к тому времени реализовывалась уже почти два года и явно буксовала без внешнего финансирования, которое на тот момент могли в потребном объеме предоставить разве что США, активно занятые поиском союзников на Ближнем Востоке. Как известно, весной 1976 г. Садаг в одностороннем порядке расторг советско-египетский договор и отказался платить по счетам на сумму \$ 1,5 млрд¹⁰, формально поскольку ему отказались согласовать перенос выплаты прежних долгов на другие сроки¹¹. Решительный переход в лагерь союзников США затем был закреплен и дальнейшими шагами и в финале закрытием советского посольства под смехотворным предлогом, будто бы оно финансирует исламских фундаменталистов¹², и это в тот момент, когда сам Египет как раз и занимался спонсированием таковых в Афганистане, что позднее имело самые пагубные для Египта последствия.

Руководители Советского Союза не показали себя в случае с Египтом гибкими и прозорливыми политиками, полностью упустив нити событий из рук и оказавшись их заложниками. Примечательно, что СССР так и не предпринял вообще никаких шагов в поддержку Али Сабри и его соратников и вообще никак не отреагировал на борьбу за власть, не смог повлиять на резкий проамериканский поворот руководства Египта и применить хотя бы какие-то ответные репрессивные меры. Благодаря этому Советский Союз лишился позиций в стратегически важном регионе и всех своих активов и вложений.

Только в середине 80-х уже новое руководство Египта, стоявшее на прагматичных позициях, вернулось к вопросу о сотрудничестве, урегулировало вопрос о долгах и военных контрактах¹³, и в дальнейшем отношения СССР, а потом России всегда строились на взаимовыгодной основе и не привязывались к идеологическим концепциям. По-видимому, именно поэтому на них так мало сказывалась серьезная турбулентность египетской политической жизни 2010-х гг.

Вторым, а с некоторых пор и первым по важности союзником СССР в регионе была Сирия. К концу 60-х баасистское руководство страны пребывало в состоянии серьезной междоусобной борьбы, осложнявшей и ситуацию во всем регионе, не давая никому из игроков выстроить долговременную стратегию как решения межарабских проблем, так и урегулирования арабо-израильского кризиса. Во внутрибаасистском

конфликте СССР поддерживал обе крупные группировки, причем в большой степени ту, что в итоге проиграла борьбу, хотя победивший Хафез Асад не стал делать выводы и активно налаживал отношения¹⁴. Сирия, правда, не подписала с СССР договора о дружбе, как Ирак и Египет, и осенью 1973 г. поговаривали про нужду разорвать и имеющиеся отношения, как поступили к тому времени египтяне¹⁵. Имел место серьезный раздор с Советским Союзом в связи с сирийской интервенцией в Ливане¹⁶. Тем не менее в 1980 г., т. е. уже после Кэмп-Дэвидского соглашения, оставившего Сирию фактически один на один с Израилем, она подписала 20-летний договор о дружбе и сотрудничестве с СССР¹⁷. Именно благодаря этому договору сирийцы смогли быстро восстановить свои ВВС после страшных поражений в ливанском небе. Для геополитики региона серьезное значение имели интенсивно циркулировавшие слухи, что имеется секретный протокол к договору, определяющий точно, чем СССР должен помочь и как, утверждалось, что в нем был и пункт о военной помощи в случае конфликта с Израилем, в т. ч. и прямой¹⁸.

Сведений о таком протоколе не обнародовано, но известно, что Сирию снабжали оружием, редко встречавшимся за пределами соцлагеря¹⁹. В 1973–1986 гг. Сирия получила примерно \$ 12–13 млрд военной помощи²⁰, помимо того, брались займы и на гражданские нужды под 2,5% годовых²¹, и только при М. С. Горбачеве стали выдвигать условия при выдаче займов²². Помогала осваивать технику и финансы большая делегация советников: к сентябрю 1973 г. тут 1200 гражданских и 1800 военных советников²³, 2,5 тыс. в 1976²⁴, в 1980 — 4 тыс. чел., а в 1983 г. в связи с постановкой на боевое дежурство систем ПВО следующего уровня миссию нарастили до 6 тыс. чел.²⁵, в 1984 — 5,3²⁶, во второй половине 80-х от 2 до 5 тыс.²⁷ Примерно 6 тыс. сирийских специалистов

¹⁴ Weinberger N. Syrian Intervention in Lebanon. New York, Oxford, 1986. P. 306.

¹⁵ The Middle East and North Africa. 1974–75. London, 1976. P. 659.

¹⁶ См. Weinberger N. Op. cit. P. 309–312; Political Handbook of the World. 1979. P. 448.

¹⁷ The Europa Year Book. 1988. V. 2. P. 2553.

¹⁸ Syria. A Country Study (3rd ed.). Washington, 1988. P. 227–228.

¹⁹ Defence and foreign affairs Handbook. 1990. P. 931.

²⁰ The Europa Year Book. 1988. V. 2. P. 2553.

²¹ The Middle East and North Africa. 1968–69. P. 673.

²² Syria. A Country Study. P. 228.

²³ The Middle East and North Africa. 1974–75. P. 659.

²⁴ Syria. A Country Study. P. 267.

²⁵ The Middle East and North Africa. 1989. P. 787.

²⁶ Syria. A Country Study. P. 267.

²⁷ Ibid. P. 227.

¹⁰ Brief History of Egypt. P. 200.

¹¹ Egypt. A Country Study. P. 81.

¹² Political Handbook of the World. 1997. P. 244–245.

¹³ Egypt. A Country Study. P. 333.

обучили в СССР²⁸. Практика щедро и без условий выдавать кредиты и поставлять военное снаряжение не принесла советскому руководству больших дивидендов: к началу 1990-х сирийцы отказывались платить по долгам, утверждая, что сумма завышена, ссылаясь на то, что, дескать, Сирия была стратегическим союзником СССР и проводником его политики, а потому ничего не должна, и эти пререкательства тянулись довольно долго, служа блоком на дороге к покупке С-300, Су-27, МиГ-29 и новейших танков, которые желала приобрести Сирия²⁹.

Только в 2000-е эту проблему удалось решить, российские власти списали \$ 10 млрд долгов и согласились продавать новые оружейные системы, но только за наличные, сирийцы позволили создать опорный пункт в Латакии и принять около 2 тыс. советников³⁰. И в этом случае наиболее эффективной показала себя прагматичная политика без оглядок на идеологические соображения, обратный подход и здесь повлек серьезные осложнения.

Южный Йемен (НДРЙ) стал третьим полноценным стратегическим союзником СССР в регионе. Эта страна с самого момента деколонизации активно сотрудничала с Советским Союзом, извлекая из этого сотрудничества конкретные стратегические преимущества — базы на территории НДРЙ вкуче с военным присутствием на Африканском Роге ставили под его полный контроль весь транспортный поток через Баб-эль-Мандебский пролив, позволяли осуществлять эффективное наблюдение за проливом Ормуз и демонстрировать флаг в Индийском океане. В результате сложных коллизий, приведших к уходу СССР из Сомали и закрытию Суэцкого канала, стратегическая ценность этих активов несколько снизилась, но продолжала оставаться значительной. В НДРЙ также размещались значительные запасы военной техники³¹ на случай нужды в ней у одного из союзных СССР государств в регионе. Хотя никто не сомневался, что Южный Йемен — «клиент» Советского Союза, и влияние других стран региона и игроков мирового уровня было совершенно ничтожным³², отмечалась очень серьезная внутривосточная борьба между фракциями, в январе 1986 г. вылившаяся в открытые формы: очередной лидер страны попытался с помощью своих трибальных союзников решить спор силой, его оппоненты применяли такие же методы, и сообщалось о перестрелке охранников членов правящего триумвирата. Жертвами всего инцидента

стало, по разным оценкам, от 2 до 13 тыс. чел.³³, причем все эти события стали полной неожиданностью для советских специалистов и советников. Примечательно, что и здесь, как в сирийском случае, никакого влияния на внешнюю политику произошедшие события не оказали — новое руководство проводило ту же линию сотрудничества с СССР, что и прежде.

По-видимому, наиболее результативным при работе в регионе надо признать сугубо прагматичный подход, поскольку, как показала практика, довольно трудно своевременно обнаружить подводные течения местной политики и адекватно на них реагировать, не говоря уже про купирование или стимуляцию тех или иных тенденций и влияний.

Список литературы

- Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. М., 2001.
Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001.
Brief History of Egypt. New York. 2008.
Clodfelter M. Warfare and armed conflict. V. 2. Jefferson, 1992.
Defence and foreign affairs Handbook. Washington, 1990.
Egypt. A Country Study (5th ed.). Washington, 1990.
The Europa Year Book. 1988. V. 2.
Jane's World Armies. V. 11. London, 2001.
The Middle East and North Africa. 1968–69. London, 1970.
The Middle East and North Africa. 1974–75. London, 1976.
The Middle East and North Africa. 1989. London, 1990.
The Middle East and North Africa. 1992. London, 1993.
Political Handbook of the World. 1979. Washington, 1980.
Political Handbook of the World. 1997. Washington, 1998.
Rubin B. The Truth About Syria. New York, 2007.
Soviet Union: A Country Study (2nd ed.). Washington, 1991.
Syria. A Country Study (3rd ed.). Washington, 1988.
Weinberger N. Syrian Intervention in Lebanon. New York-Oxford, 1986.
World Armies (ed. Keegan J.). London, 1979.

Vladimir Aleksandrovich NOSOV

SPb GBU DM «FORPOST»; Center of Ethno-Religious Studies (St. Petersburg, Russia)
E-mail: troghil@yandex.ru

The Soviet Army and Soviet Geopolitics in the Middle East: Approaches and Results of Their Application

The article is devoted to various aspects of the Soviet military presence in the Middle East, the successes and failures of the various approaches used.

Keywords: Soviet military presence, Yemen, Syria, Egypt, the Middle East.

³³ The Middle East and North Africa. 1989. P. 935; Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. Ч. 3. С. 147; Clodfelter M. Warfare and armed conflict. V. 2. P. 1077.

²⁸ Ibid. P. 267.

²⁹ Jane's World Armies. V. 11. P. 750.

³⁰ Rubin B. The Truth About Syria. New York, 2007. P. 55.

³¹ Soviet Union: A Country Study (2nd ed.). Washington, 1991. P. 685.

³² The Middle East and North Africa. 1992. London, 1993. P. 994.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2) 6–4

Сергей Геннадьевич ЗИРИН

редактор журнала исторической России «Михайлов день» (Ямбург, Россия)

E-mail: szirin@mail.ru

Николай Владимирович ЛАВРЕНТЬЕВ

вице-президент Национального научного комитета по историческим некрополям НК ИКОМОС, Россия (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: forestiercorps@gmail.com

Илья Васильевич ПОПОВ

заместитель председателя Санкт-Петербургского Митрофаниевского союза (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: ilija.popov.spb@gmail.com

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ГЕРОЕВ БЕЛОЙ БОРЬБЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ*

Усилиями организации «Белое Дело», С. Г. Зирина, И. В. Попова, Ю. П. Мальцева и других в Гатчине, Санкт-Петербурге, Кингисепе (Ямбурге), Ополье, Красном Селе, Ивангороде и в других местах на территории Эстонии, Ленинградской и Псковской областей установлены мемориальные доски, памятные плиты, таблички с именами погибших северозападников, которые удалось установить по архивным источникам. Однако несмотря на проводимую энтузиастами работу, на Северо-Западе России увековеченных имен большевиков несколько сотен, а памятники белым воинам мы всё еще можем пересчитать по пальцам.

Ключевые слова: Северо-Западная армия, Ливенская дивизия, Гражданская война на Северо-Западе России, Белая борьба, захоронения.

Введение

В 2019 г. исполняется 100 лет событиям Гражданской войны на территории исторической Санкт-Петербургской губернии, когда небольшая героическая Северо-Западная армия (СЗА) генерала Н. Н. Юденича по-

* Текст статьи приводится в авторской редакции.

пыталась освободить Санкт-Петербург/Петроград от власти большевиков. История создания и военных действий этой армии мало изучена, имена и могилы белых героев забыты.

К написанию данной статьи нас подтолкнула дискуссия, развернувшаяся между Н. В. Лаврентьевым, Андреем Владиславовичем Ганиным и несколькими другими участниками группы «Русская военная и политическая эмиграция» в социальной сети Facebook в связи с открытием мемориальной доски вольноопределяющемуся Ливенской дивизии СЗА Андрею Александровичу Ландшевскому¹.

Собственно, тема дискуссии со стороны А. В. Ганина сводилась к вопросу: «И чем этот юноша заслужил памятную доску?», и, как мы поняли основную мысль Ганина, заслуги А. А. Ландшевского настолько малы, что мемориальной доски он не заслуживает. Мы не согласны с таким утверждением хотя бы на том основании, что за годы советской власти в СССР, в том числе в Ленинградской области, было увековечено огромное количество имён большевиков, заслуги и известность которых намного меньше заслуг и известности Ландшевского. Имена большевиков, о которых почти ничего не известно, увековечены в памятниках, мемориальных досках и топонимах, например, Вингиссар (центральный проспект в Волосово носит его имя), большевики Жуков и Афанасьев (их именами названы улицы в Волосово), Сойту и Хохлов (их именами названы улицы в Гатчине, также имеется и мемориальная доска).

Заслуги таких рядовых большевиков, как правило, заключаются либо в том, что они были «зверски замучены антантовскими наймитами», либо сами активно участвовали в репрессиях против местного наследия, духовенства и белых воинов. К примеру, «более масштабные личности», такие большевики, как Кингисепп, Вакманн, Анвельт (его родной внук Андрес Анвельт сейчас министр внутренних дел Эстонии), Пегельман и др. несут ответственность за террор против местных жителей, а также духовенства, который был организован в Дерпте (Юрьеве, Тарту), Везенберге (Раквере), Валге, Нарве, когда были без суда и следствия расстреляны протоиерей Димитрий Чистосердов и священник Александр Волков, епископ Ревельский Платон (Кульбуш), протоиереи Николай Бежаницкий и Михаил Блейве, протоиерей Сергей Флоринский (в Везенберге) и священник Иоанн Петтай (в Валге) и множество местных жителей, бывших представителями также лютеранского духовенства

¹ *Лаврентьев Н.* Ещё несколько слов об открытии доски северозападнику, вольноопределяющемуся Ливенской дивизии СЗА А. А. Ландшевскому. 15 февраля 2019 г. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/1398497566845632/permalink/2526070150755029/>

(пастор Ган), других сословий: дворянства, купечества, крестьянства, среди них были военные, учёные, учащиеся (гимназисты, реалисты).

Вместе с этим, до сих пор старинный русский город Ямбург носит имя большевика Кингисеппа, и только в Эстонии переименованные в честь большевиков улицы вновь получили в 1990-е гг. свои исторические наименования. В Санкт-Петербурге и окрестностях возвращение исторических наименований в 1990–2010-х гг. было осуществлено лишь частично.

В этой связи чистые намерения участники СЗА, каким был А. А. Ландшевский, выступают теперь антагонистами тем многочисленным большевикам с сомнительной репутацией (больше близкой к палачам и преступникам, чем к народным заступникам), имена которых превратились в топонимы на территории бывш. Санкт-Петербургской губернии. В связи с этим авторы настоящей статьи решили составить небольшой обзор памятных знаков белым воинам, которые или сохранились в годы советской власти, или были созданы в последние 30 лет. В данном случае акцент сделан на лицах, имевших небольшие чины и звания.

Белые герои

Прапорщик по Адмиралтейству **Николай Александрович Меркулов** родился 6 февраля 1903 г. в г. Газенпот Курляндской губернии (ныне Айзпуте, Латвия). В 1913–1916 гг. учился в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии. С началом Первой Мировой войны Меркулов не захотел продолжать учиться и поступил в Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича кадетский корпус в Севастополе, где обучался с сентября 1916 г. по июнь 1917 г. С осени 1917 г. в Петрограде, куда переведён кадетом 5-го класса 6-й роты Морского училища. После закрытия корпуса большевиками в марте 1918 г. Н. А. Меркулов пробрался через фронт к Белым и принял участие в Белой борьбе.

В 1919 г. шестнадцатилетний юноша поступил в СЗА. За то, что Н. А. Меркулов первым прорвался на мост через Лугу в Ямбурге, он был произведен в прапорщички по Адмиралтейству. 23 октября 1919 г. прапорщик Николай Меркулов был смертельно ранен в бою под Царским Селом². Адмирал В. К. Пилкин записал в своём дневнике:

² *Зирин С.* Мальчики новой Вандеи. История жизни одного белогвардейца. // Православное информационное агентство «Русская линия» от 15.04.2010. Режим доступа: <https://rusk.ru/st.php?idar=41051>

Ил. 1. Памятная гранитная доска прапорщику по Адмиралтейству Н. А. Меркулову. Фото Н. В. Лаврентьева. 19 сентября 2015 г.

28 октября. Убит молодой офицер Меркулов, который первым перебежал мост под Ямбургом. Жалко! Жалко!... 1 ноября. Холодный день, ветер, крупа. Я на отпевании и похоронах Меркулова. Грустная картина: сегодня Родительская суббота, долгая служба... Меркулова в простом дощатом гробу вносили на руках. Юденич прислал эскорт, военно-морское управление наняло музыку. Кладбище недалеко, но мы все замерзли, пока до него добрались... Оставался на кладбище, пока не засыпали могилу³.

Н. А. Меркулов был похоронен в отдельной могиле на Знаменском кладбище в Ивангороде, которая, к сожалению, не сохранилась. 13 ноября 2011 г. была отслужена панихида, а также совершен чин освящения памятной гранитной плиты прапорщику СЗА Николаю Александровичу Меркулову. Мемориальная доска с портретом юноши была установлена по инициативе Ямбургского воинского братства во имя Святого Божия Архистратига Михаила и историко-мемориального движения «Белое Дело» при участии Российского Имперского Союза-Ордена. Доска установлена на единственной сохранившейся братской могиле северо-западников, которая была устроена у южной ограды кладбища⁴.

³ *Пилкин В. К.* Дневник 1918–1920. В Белой Борьбе на Северо-Западе России. М.: «Русский Путь», 2005. С. 201, 204–205.

⁴ *Зирин С.* Нарвское Знаменское кладбище. Краткий исторический очерк // Православное информационное агентство «Русская линия» от 03.08.2010. Режим доступа: <https://rusk.ru/st.php?idar=41051>

Ил. 2. Памятная гранитная доска поручику В. Н. Быкову.
Фото Н. В. Лаврентьева. 14 ноября 2014 г.

Владимир Николаевич Быков родился 20 сентября 1895 г. Он является родным правнуком А. С. Пушкина по матери, Марии Александровне Пушкиной (1862–1939), внучатым племянником Н. В. Гоголя по отцу, Николаю Владимировичу Быкову (1856–1916). В 1916 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Поступил 13-й гусарский Нарвский полк. Дослужился до поручика конной артиллерии. 29 октября 1919 г. вступил в СЗА и зачислен в состав 3-й батареи 2-го отдельного лёгкого артиллерийского дивизиона. С 1 ноября в Конно-егерском полку. Принимал участие в боях на Нарвском фронте. Скончался 24 декабря в головном эвакуационном пункте № 2. Погребён в братской могиле 30 декабря на Знаменском кладбище Ивангорода⁵.

Мемориальная доска с портретом поручика В. Н. Быкова была установлена в ноябре 2011 г. по инициативе С. Г. Зирина и организации «Белое Дело» (О. А. Шевцов), изготовлена в мастерских Николая Литвинова в Ямбурге. Доска установлена на братской могиле северо-западников на Знаменском кладбище Ивангорода, в которой был похоронен поручик В. Н. Быков.

rusk.ru/st.php?idar=43295

⁵ *Бойков В.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009. С. 60–61.

Ил. 3. Беломраморный памятник поручику графу П. П. Шувалова и подпоручику Г. Л. Навроцкому. Фото И. В. Попова. 22 июля 2016 г.

18 сентября 2016 г. в Гатчине в ограде Павловского собора состоялось открытие памятника воинам СЗА поручику графу **Павлу Павловичу Шувалову** и подпоручику **Георгию Львовичу Навроцкому**.

Граф П. П. Шувалов родился 4 февраля 1891 г. Его отец, граф П. П. Шувалов (1859–1905), русский военный и государственный деятель, московский и одесский градоначальник, генерал-майор, был убит революционерами в Москве в 1905 г. Его сын граф Шувалов страдал туберкулезом берцовой кости, отчего нога его была всегда в железной шине. Несмотря на болезнь, поступил добровольцем в Русскую армию. Поступил вольноопределяющимся в 15-й Сибирский стрелковый полк (служба связи). 27 июля 1915 г. возведён в чин ефрейтора, с 5 августа — младший унтер-офицер, 27 августа награждён Георгиевским крестом 4-й степени. 4 декабря отбыл в командировку в партизанский отряд с по-

ручником Нехаевским. 15 июля 1916 г. переведён на Кавказский фронт в 489-й пехотный Рыбинский полк, 24 октября произведён в прапорщики. Переведен 4 марта 1917 г. в 150-й пехотный Таманский полк, стоявший к весне 1917 г. около местечка Бултишки (ныне — Булдишки) Курляндской губернии на Западной Двине близ Двинска (послужной список графа П. П. Шувалова обнаружен в РГВИА Кириллом Андреевичем Селезнёвым, Москва).

Граф Шувалов был членом тайной офицерской организации в Петрограде, созданной весной 1917 г. генералом бароном П. Н. Врангелем и полковником А. П. фон дер Паленом. В июле 1917 г. вместе с генералом Врангелем посетил генерала Л. Г. Корнилова в Ставке (местечко Коломыя) в Галиции. При встрече генералов Врангеля и Корнилова был назначен курьером организации между Петроградом и Ставкой Корнилова и зачислен ординарцем последнего. В 1918–1919 гг. из Финляндии дважды ходил секретным курьером в Петроград, где посещал казармы, штабы и даже заседания большевиков, доставляя ценные сведения. Вывез в Финляндию княгиню Палей, супругу убитого большевиками Великого Князя Павла Александровича. Благодаря своему близкому знакомству с генералом бароном К. Г. Маннергеймом (с которым был на «Ты»), оказывал помощь генералу Н. Н. Юденичу в деле создания Северо-Западного фронта.

К августу 1919 г. — адъютант командира Талабского полка СЗА генерала Б. С. Пермикина. Участник разоружения в Пскове штаба и личной сотни генерала С. Н. Булак-Балаховича. Будучи назначен дежурным офицером для присмотра за Булак-Балаховичем, находившимся под домашним арестом, был введён в заблуждение Булак-Балаховичем, скрывшимся в расположении эстонских войск. Участник осеннего Петроградского похода.

Поручик граф Павел Шувалов был смертельно ранен шальной шрапнелью в полость живота под Царским Селом. Вместе с ним был убит находившийся всегда рядом с ним, удивительно преданный ему, боготворивший его за храбрость однофамилец доброволец Шувалов. Прах графа Шувалова был погребён 23 октября в ограде Свято-Павловского собора в Гатчине.

Подпоручик Георгий Львович Навроцкий родился 17 ноября 1899 г. в селе Грибаново Михайловской волости Великолуцкого уезда Псковской губернии. Сын ротмистра лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка Льва Михайловича Навроцкого, служившего в Старом Петергофе. Окончил Николаевский кадетский корпус, 23 апреля 1917 г. поступил во Владимирское пехотное училище. В 1918 г. в составе бывшего лейб-гвардии Семеновского резервного полка при большевиках исполнял функции по охране объектов Петрограда. Являлся членом

монархической организации полковника Генерального штаба П. П. Дурново в Петрограде, переправлявшей офицеров к генералу Юденичу в Финляндию и готовившей восстановление законной власти в столице. Большевики, побоявшись арестовывать Навроцкого в казармах полка, захватили его в городе. По пути в ЧК Навроцкий, воспользовавшись отлучкой комиссара в табачную лавку, ударом портсигара по голове оглушил конвойного и скрылся в казармах родного полка. Через три дня вместе с членом организации офицером В. К. Неведомским (ум. 1920) перебрался в Финляндию, откуда в мае 1919 г. прибыл в СЗА.

В Осеннем походе — командир команды пеших разведчиков 8-го Семеновского полка. Погиб 10/23 октября 1919 г. в бою под Царским Селом, прах погребен в тот же день рядом с могилой поручика графа П. П. Шувалова, погибшего двумя днями ранее.

Беломраморный памятник на могиле белых героев, украшенный родовыми гербами графов Шуваловых и Навроцких, был установлен в ограде Петропавловского собора Гатчины по инициативе редактора журнала исторической России «Михайлов День» С. Г. Зирина и заместителя председателя Санкт-Петербургского Митрофаниевского союза И. В. Попова⁶.

Имя *Андрея Александровича Ландшевского* впервые упоминается в книге А. В. Смолина «Белое движение на Северо-Западе России»⁷. Смолин упоминает Ландшевского в связи с цитатами из его дневника, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

В дальнейшем судьбой этого юноши заинтересовались исследователи СЗА И. В. Попов и С. Г. Зирин. Их усилиями биография А. А. Ландшевского обросла многими новыми сведениями. Эти новые данные вошли в подготовленную Поповым и Зириным брошюру «Памяти Андрея Александровича Ландшевского. Участника Белого Движения на Северо-Западе России, воина Ливенской дивизии Северо-Западной Армии ген. Н. Н. Юденича», которая была напечатана к открытию мемориальной доски⁸. Эпиграфом к брошюре об А. А. Ландшевском взяты слова Антона Туркула из книги «Дроздовцы в огне», глава «Баклажки»:

⁶ Открытие памятника воинам Северо-Западной Армии поручику графу Павлу Павловичу Шувалову и подпоручику Георгию Львовичу Навроцкому в Гатчине. Б. м., 2016. 2 с.

⁷ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1998. С. 157–158.

⁸ Памяти Андрея Александровича Ландшевского. Участника Белого Движения на Северо-Западе России, воина Ливенской дивизии Северо-Западной Армии ген. Н. Н. Юденича (К 100-летию создания Северо-Западной Армии генерала Н. Н. Юденича). СПб., 2019. 12 с.

Ил. 4. Проект мемориальной доски А. А. Ландшевскому. И. В. Попов, С. Г. Зирин. 2018 г.

Русское юношество, без сомнения, отдало Белой армии всю свою любовь, и сама Добровольческая армия есть прекрасный образ русской юности, восставшей за Россию...

Приведём некоторые данные о биографии А. А. Ландшевского. Родился 26 августа 1898 г. Был крещён в храме Преображения Господня при 1-й Санкт-Петербургской мужской гимназии, рядом с которой проживала семья. До начала Первой Мировой войны проживал и учился в Рогачёве (Могилёвской губернии), где закончил Рогачёвское реальное училище. Близ Рогачёва находилось имение матери Дедное, где обычно семья проводила летние месяцы. В 1915–1917 гг. Ландшевский учился на юридическом факультете Императорского Петроградского университета. В 1916–1917 гг., очевидя трудности Русской армии на фронтах Первой мировой войны, Ландшевский пытался поступить в Константиновское артиллерийское училище и в школу прапорщиков в Ораниенбауме, куда его, однако, не приняли.

К весне 1919 г. семья Ландшевских оказалась в Польше, где проживала в пригороде Варшавы Сулеюевке. В мае 1919 г. А. А. Ландшевский вступил добровольцем в отряд Светлейшего князя А. П. Ливена, где прошел короткую строевую подготовку, а затем в составе отряда был переброшен на Нарвский фронт.

Существует две версии дальнейшей судьбы А. А. Ландшевского. Одна из них была записана бывшим главным контролёром Северо-Западного правительства В. Л. Горном в дневнике Ландшевского, который Горн передал в пражский Русский исторический архив. Он указал, что автор дневника был убит к концу июля 1919 г.⁹ Последняя запись в дневнике сделана Ландшевским 22 июля 1919 г., а сам дневник залит кровью.

По второй версии, А. А. Ландшевский был ранен, а после окончания Гражданской войны оказался в Париже, где прожил долгую жизнь и скончался в 1982 г. У Андрея Ландшевского было два брата: Сергей (1903–?) и Михаил (1900–1920).

Сергей Александрович Ландшевский — кадет Киевского кадетского, затем Одесского кадетского корпусов. В Гражданскую войну — в Вооружённых силах Юга России. В 1920 г. в Югославии окончил 1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус (в Сараеве). После 1920 г. о его судьбе ничего не известно.

И. В. Попов и С. Г. Зирин высказывают предположения, что тот Андрей Ландшевский, который в 1930 г. появился в Париже, возможно, на самом деле являлся Сергеем, родным братом нашего героя. А. А. Ландшевский упоминался в связи с деятельностью Русского лаун-теннис¹⁰ клуба в Париже, проживал на бульваре Вольтера, д. 136. Скончался Ландшевский 4 января 1982 г.

По инициативе Санкт-Петербургского Митрофаньевского союза, Ямбургского воинского Братства Архистратига Михаила и редакции журнала «Михайлов День», центра «Белое Дело», администрации и педагогов 321-й школы была установлена мемориальная доска Андрею Александровичу Ландшевскому в перестроенных помещениях церкви Преображения Господня при бывшей 1-й Санкт-Петербургской мужской гимназии, где ныне размещается 321-я школа. Мраморная доска исполнена в каминных мастерских «Александрия» и камнерезных мастерских «Гранит» (Санкт-Петербург).

Открытие мемориальной доски состоялось 15 февраля 2019 г. На открытии учениками 321-й школы для гостей был дан концерт камерной музыки. С белогвардейскими романсами выступил бард Сергей Мазуренко, который также исполнил романс на стихи самого Ландшевского, которые были опубликованы в газете «Либавское Русское Слово» от 8 июля 1919 г. О биографии А. А. Ландшевского рассказал И. В. По-

⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 728.

¹⁰ Лаун-теннис — теннис на открытом воздухе, в отличие от реал-тенниса, в который играют в закрытых помещениях.

пов, заместитель председателя Санкт-Петербургского Митрофаньевского союза. Присутствующие получили печатную брошюру о Ландшевском, которую мы частично цитируем в настоящей статье¹¹.

На мемориальной доске помещена фотография А. А. Ландшевского, найденная в архивах Г. М. Степановой. Слева от фото помещено изображение наруканного шеврона СЗА, справа «Нагрудный знак в память похода против большевиков на Северо-Западном фронте», учрежденный Светлейшим князем А. П. Ливеном в начале 1920-х гг. для награждения им бывших чинов своего отряда¹². Текст доски, написанный по правилам старой русской орфографии, гласит: «Здесь / в стенах храма / Преображения Господня / при 1-й мужской гимназии / крещен родившийся 26 августа 1898 года / АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАНДШЕВСКИЙ / участник Белого Движения на Северо-Западе России / вольноопределяющийся 5-й Ливенской дивизии / Северо-Западной Армии генерала Н. Н. Юденича».

Заключение

Личности и судьбы Белых героев, о которых мы рассказали, примечательны тем, что у них была возможность остаться жить в безопасности или же эмигрировать из России со своими родными. Тем не менее, они пошли добровольцами, при том, что некоторые из них не имели никакого военного опыта, чтобы сражаться за свои убеждения, за ту Россию, которую они помнили, за столицу своей Родины, в которой хозяйничала новая преступная власть. Они отправились в самое пекло, стремились попасть именно на фронт, не оставаться в тылу.

О таких солдатах и офицерах писатель А. И. Куприн написал в своей повести «Купол Святого Исаакя Далматского»:

Эти изумительные офицеры Северо-Западной армии боялись штабных и гарнизонных должностей гораздо больше, чем люди, заевшиеся и распустившиеся в тылу, боятся назначения в боевые части. Таков уж был их военный порок. Бои были для них ежедневным привычным делом, а стремительное движение вперёд стало душевной привычкой и неисправимой необходимостью... Страшная стремительность, с которой Северо-Западная армия ринулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве что легендарные суворовские марши... каждый

стрелок в ней <Северо-Западной армии>, каждый конник, каждый наводчик, каждый автомобилист шёл освобождать сознательно свою родину¹³.

Согласно статье 1 Закона Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292–1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»,

увековечению подлежит память: погибших в ходе военных действий, при выполнении других боевых задач или при выполнении служебных обязанностей по защите Отечества; погибших при выполнении воинского долга на территориях других государств; умерших от ран, контузий, увечий или заболеваний, полученных при защите Отечества, независимо от времени наступления указанных последствий, а также пропавших без вести в ходе военных действий, при выполнении других боевых задач или при выполнении служебных обязанностей; погибших, умерших в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утративших своей чести и достоинства, не изменивших Родине. Дань памяти воздается и иностранным гражданам, погибшим при защите России. Кроме того, увековечивается память объединений, соединений и учреждений, отличившихся при защите Отечества, а также увековечиваются места боевых действий, вошедшие в историю как символы героизма, мужества и стойкости народов нашего Отечества.

При этом указанный закон не даёт определения понятиям Отечества, Родины или России, которые используются в этом законе, принятом ещё до Конституции Российской Федерации. Формально по этому закону подлежит увековечению память как погибших в Ледовом побоище или Куликовской битве, так и участников Отечественной войны 1812 г. или Первой Мировой войны. Более того, получается, что под действие этого закона попадают и все участники Гражданской войны и даже военные интервенты Германии, Франции, Великобритании, США и др., которые в той или иной степени участвовали в Белой борьбе, поскольку они защищали именно Россию и именно под тем самым трёхцветным флагом, который в настоящее время является государственным флагом Российской Федерации.

Несмотря на такое формальное отнесение Белых к защитникам Отечества по современным российским законам, к сожалению, вопросы увековечения памяти противников большевиков, за редким исключением, поднимают только энтузиасты и любители истории. Они издают книги, проводят различные мероприятия, от конференций до исторических реконструкций, снимают документальные фильмы, ведут уход за захоронениями погибших, восстанавливают памятники на месте их погребений, устанавливают памятные знаки и мемориальные доски. И хорошо,

¹¹ Долинин С. Доброволец шёл на Петроград. Памяти поэта Андрея Ландшевского // Санкт-Петербургские ведомости. № 031 (6384). 20.02.2019.

¹² Николаев К. Награды балтийского ландесвера. Б/м, 2015. С. 211–221.

¹³ Куприн А. Купол Святого Исаакя Далматского // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 608, 623–624.

если на них просто не обращают внимание, но иногда им мешают и даже борются с ними, как, например, произошло с мемориальной доской адмиралу А. В. Колчаку в Санкт-Петербурге, которая была установлена усилиями организации «Белое Дело», но через суд «ортодоксальные» коммунисты добились её демонтажа.

Непосредственно увековечением памяти СЗА никто систематически не занимается. Чтобы не обидеть энтузиастов, которые занимаются этой работой, отметим, что под непосредственным систематическим увековечением мы понимаем всё же государственную политику в этой области, а не усилия группы неравнодушных людей. Собственно, эта группа неравнодушных людей из России, Эстонии, Латвии, других стран и занимается этим делом.

Усилиями организации «Белое Дело», С. Г. Зирина, И. В. Попова, Ю. П. Мальцева и других в Гатчине, Санкт-Петербурге, Кингисепе (Ямбурге), Ополе, Красном Селе, Ивангороде и в других местах на территории Эстонии, Ленинградской и Псковской областей установлены мемориальные доски, памятные плиты, таблички с именами погибших северо-западников, которые удаётся установить по архивным источникам. При этом по-настоящему подлинных могил северо-западников с аутентичными памятниками остались в России считанные единицы. Единственная на территории России братская могила с подлинным памятником северо-западникам сохранилась в Ивангороде на Знаменском кладбище (которое сейчас часто называют Петропавловским), которая каким-то чудом сохранилась в советское время, но она не состоит ни на какой формальной государственной охране. Несколько братских могил сохранилось в Эстонии, в частности, отреставрированы и благоустроены могилы в Нарве и в Пюхтицком монастыре.

Перечисленные выше персоналии не единственные, которым в наше время установлены персональные надгробия или мемориальные доски. В Александро-Невской церкви Красного Села существует деревянный крест, посвящённый погибшему северо-западнику генерал-майору барону Фердинанду фон Радену. Сохранились памятники на могилах северо-западников, сохранившиеся с 1920–1930-х гг.: подполковника СЗА Николая Васильевича Рудакова (1890–1920) на кладбище дер. Тайлово Печорского района Псковской области; генерал-майора В. А. фон Геннинга в дер. Кондуши Сланцевского района Ленинградской области и некоторые другие.

В Эстонии сохранилось больше памятников на могилах северо-западников, чем в России. Однако здесь нужно пояснить, что эти памятники были созданы не Эстонским государством. К сожалению, в официальной эстонской историографии, музейных экспозициях, книгах об истории Освободительной войны мы практически не встретим ника-

кого упоминания об участии СЗА в борьбе с большевиками в Эстонии (есть лишь одна из немногих достаточно обширных эстонских работ на эту тему, вышедшая в 2012 г.¹⁴, ещё есть несколько скорее пропагандистских изданий для русскоязычных призывников в Эстонскую армию, созданных, очевидно, по заказу минобороны Эстонии¹⁵). И такое положение вещей началось давно, сразу после окончания военных действий в 1920 г. Поэтому могилы северо-западников благоустраивались в 1920–1930-х гг. исключительно за счёт частных пожертвований ветеранов, которые были весьма скудными. Это продолжается и в настоящее время, те памятники, которые были благоустроены в Эстонии после восстановления независимости в 1991 г., были отремонтированы в основном за частные пожертвования лишь с самым минимальным участием Российской Федерации, которая выделяет средства только на некоторые мемориалы на могилах советских воинов в Эстонии, погибших во Второй Мировой войне.

Примечательным является пример могилы одного из первых командующих СЗА генерал-майора А. Е. Вандама (1867–1933), который похоронен в Таллине на Александро-Невском православном кладбище. На его могиле был поставлен памятник из красного гранита в виде креста. Он уцелел и в советское время, однако, как сообщил Ю. П. Мальцев (председатель Общества охраны памятников русской культуры в Эстонии), был повреждён: крест был разбит, и одна из его частей до сих пор лежит за основным памятником. Позднее эта часть креста была «приватизирована» на одну из могил советского периода и приспособлена под надгробный памятник. К сожалению, официальным властям, как российским, так и эстонским нет никакого дела до могилы бывшего военного агента Российской империи, о её сохранности беспокоятся только малочисленные поклонники и исследователи СЗА и её боевого пути.

Существуют инициативы и в Латвии, после восстановления независимости был установлен энтузиастами памятник балтийским немцам, русским и латышам в Инчукалнсе под Ригой в память боя с большевиками 31 декабря 1918 г. В бывшей Митаве (современная Елгава) на православном кладбище в 1919 г. был похоронен полковник Ливенской дивизии Владимир (Эрвин) Фёдорович Пар (1880–1919). По инициативе ко-

¹⁴ Розенталь Р. Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений. 1918–1920 годы. Таллин, 2012. 696 с.

¹⁵ Копытин И. Русские в эстонской Освободительной войне. Таллин, 2010. 61 с. (в книге рассказывается о СЗА); Копытин И. Очерки об истории Эстонской армии. 1918–1940 гг. Для призывников и военнослужащих. Таллин, 2011. 64 с. (в книге СЗА упоминается вскользь); Копытин И. Русские офицеры Эстонской армии. 1918–1940 гг. Таллин, 2012. 63 с.

ординатора Цесисского отделения общества «Объединение латышских стрелков» полковника в отставке Эвалдса Криевиньша, при поддержке историка Андриса Томашунса проводились поиски могилы полковника Рара. Было найдено условное место его могилы, на котором в 2019 г. установлена памятная табличка, написанная по правилам старой русской орфографии.

Однако несмотря на проводимую энтузиастами работу увековеченных имён большевиков самой разной степени известности на Северо-Западе России несколько сотен, а памятники Белым воинам мы всё ещё можем пересчитать по пальцам.

Приложение

В 1990–2010-х гг. в Санкт-Петербурге и окрестностях установлен ряд памятников, поклонных крестов и мемориальных досок в честь белых воинов. Перечислим те из них, которые были установлены нами и нашими единомышленниками в память христолюбивого Белого воинства за эти годы.

В это же время в Эстонии трудами Ю. П. Мальцева, потомка офицера северо-западника, под эгидой возглавляемого Ю. П. Мальцевым Общества сохранения русских памятников в Эстонии восстановлены и отреставрированы или установлены вновь более пятнадцати памятников на братских могилах Белых воинов в Таллине, Нарве, Кунде, Ийзаку, Азери и других местах Эстонии.

1. 1991. Поклонный крест воинам СЗА на Пулковской горе в июле 1991 г. (Русское Знамя, Д. К. Матлин, И. Б. Иванов). Недоброжелатели ломали крест 11 раз (в очередной раз восстановлен в октябре 2019 г., в этот раз — представителями РИС-О в Санкт-Петербурге).

2. 1998. Поклонный крест в урочище Свиноежа между селом Ложголово и дер. Загорье Сланцевского района (бывший Гдовский уезд) на братской могиле белых воинов, пленённых и расстрелянных в ноябре 1919 г. (24.06.1998) — с него и начался «Крестный марш» по установке памятников белым воинам на территории исторических Санкт-Петербургской и Псковской губерний. Ямбургское воинское братство во имя Св. Архистратига Божия Михаила, Ямбург, С. Г. Зирин, А. Н. Белобородов.

3. 1999. Крест-голубец воинам СЗА с копией иконы Собора Святых Новомучеников Российских от безбожников убиенных, погибшим на льду при слиянии Чудского озера и реки Нарова в 1919–1920 гг. в селе Скамья бывшего Гдовского уезда (С. Г. Зирин, Ю. Н. Гуляев, 22.06.1999).

4. 1999–2000. Крест убиенному в марте 1917 г. мичману Георгию Биттенбиндеру на его могиле на православном кладбище в Хельсинки (А. П. Порокара, И. В. Попов).

5. 2002. Крест-голубец (с иконой Св. Серафима Саровского) Юрочке Дыдорову, сыну командира Ливенской дивизии СЗА полковника К. И. Дыдорова

на Сиверсгаузенском кладбище в Нарве (С. Г. Зирин, Ю. А. Мазанов, Нарва, Г. К. Феофилова, ур. Дыдорова, Сан-Паулу, Бразилия, 02.03.2002).

6. 2003. Мемориальная доска СЗА во Пскове в Св. Блгв. Князя Александра-Невском храме (О. А. Калкин, 1943–2007, участники чтений из Пскова, Санкт-Петербурга, Эстонии, 11.10.2003), открытие и освящение в дни чтений.

7. 2005. Поклонный Крест Талабскому полку СЗА на острове Талабск (О. А. Калкин, Н. А. Горбачев, участники чтений из Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Эстонии, Латвии).

8. 2005. Мемориал Белым воинам СЗА, попавшим в плен и казненным красными. Псков, Любатово (протоиерей Владимир Попов, 2005?).

9. 2006. Крест барону Ф. В. Радену и ливенцам (СЗА) в Красном Селе в правом приделе храма св. Александра Невского, С. Г. Зирин, Ямбургское воинское братство Архистратига Михаила, И. В. Попов, август 2006 г.

10. 2005? Крест на месте Покровского собора в Нежадово (могилы погибших в 1919 г. юношей В. В. Половцова и его друзей, из числа местных крестьян, сохранились) (В. П. Лукьянчиков, жители села Нежадова, И. В. Попов, до 2006 г.).

11. 2006. Мемориальная доска игумении Евфросинии (Арсеньевой), сестре генерала Е. К. Арсеньева, в Нижнем Новгороде на месте её могилы после расстрела, на Бугровском кладбище (И. В. Попов, В. П. Лукьянчиков, до 2007 г.).

12. 2008. Памятник воинам СЗА в селе Ополе б. Ямбургского уезда, С. Г. Зирин, Н. Литвинов, Ямбургское воинское братство Архистратига Михаила, Белое Дело, 18.10.2008.

13. 2011. Мемориал СЗА в Нарве (кладбище Сиверсгаузен, шесть серых больших гранитных мемориальных плит) с именами более 700 северозападников, С. Г. Зирин, Ю. П. Мальцев (Таллин), А. Н. Макаров — благодетель из Москвы, Эстонский военный мемориал — руководитель Андрес Вяльме, а также потомки воинов СЗА из Нарвы, приходы Нарвы, Таллинская епархия (Эстония).

14. 2009–2011. Черные гранитные доски прапорщику по Адмиралтейству Н. А. Меркулову (1903–1919) и поручику В. Н. Быкову (1895–1919), доска со стихами 09.2009, 11.2011 (С. Г. Зирин, Николай Литвинов, Ямбург, Белое Дело, О. А. Шевцов, СПб).

15. 2010–2012. Установка креста (ноябрь 2010 г.) и плиты (окончательное оформление надгробия — лето 2012 г.) на могиле К. И. Дыдорова в Риге на Покровском кладбище, С. Г. Зирин, Н. И. Горбаня, В. Смирнов, С. Видякина (Рига), Владимир Никонов — глава старообрядческой общины и старообрядцы из Режицы (латв. Резекне), Г. К. Феофилова, ур. Дыдорова (Сан-Паулу, Бразилия). Освящение — протоиерей Олег Пелевин.

16. 2013. Памятник воинам СЗА в селе Ложголово б. Гдовского уезда (5.10.2013). С. Г. Зирин, Белое Дело.

17. 2015. Мемориальные доски чинам СЗА, погребённым на Ямбургском городском кладбище, Ямбург (на стене кладбищенского храма Божией Матери Всех Скорбящих Радосте, ноябрь 2015 г.), С. Г. Зирин, Ямбургское воинское братство Архистратига Михаила.

18. 2015. Плита генерал-майору Борису Сергеевичу Пермикину (04.04.1890–11.03.1971) и его супруге Софии Сергеевне, рожд. Ковалевской (1895 — не позже 1979) в Зальцбурге, Австрия; (проект 2012–2014, изготовление доски 21.02.2015 и отправка в Австрию 3.03.2015. Освящение, кладбище Грёдиг, 22.09.2015). А. С. Громов, С. Г. Зирин, О. А. Шевцов и Белое Дело (Иван Петров, Олег Саленко, Дарья Тимохина, С.-Петербург, Алексей Мельников, Москва), Ольга фон Бреверн, Екатерина Томпсон, отделение Чёрного Креста в Грёдиге, куратор военного кладбища Зепп Хаслауэр.

19. 2016. Памятник на могиле поручика графа П. П. Шувалова и подпор. Г. Л. Навроцкого в ограде собора св. ап. Павла в Гатчине (18.09.2016). С. Г. Зирин, И. В. Попов, М. А. Сорокин, О. А. Шевцов, Белое Дело, приход Св. Павловского собора Гатчины. Освящение: протоиерей Владимир Феер и причт Павловского собора Гатчины.

20. 2017. Образ Спаса Нерукотворного в терновом венце в память чинов СЗА, Ивангород, Успенская церковь в крепости, освящен 27.08.2017. С. Г. Зирин, И. В. Попов, Белое Дело.

27 августа 2017 года в канун престольного праздника, в храме Успения Пресвятой Богородицы в Ивангородской крепости после Божественной литургии состоялась освящение образа Спасителя (Нерукотворный Образ Спаса) в терновом венце, сооруженного в память христолюбивого Белого воинства СЗА генерала Н. Н. Юденича.

Образ сооружен в точную меру и подобие образа Спасителя из часовни в домике императора Петра Великого (ныне находящегося в Спасо-Преображенском соборе), — главной святыни С.-Петербурга, освободить который от большевиков в 1919 г. стремилась СЗА. Крохотная бесстрашная армия, в основном состоявшая из добровольцев, героической русской молодежи, начав свое наступление 13 мая 1919 г. в Принаровье, к ноябрю 1919 года вынуждена была отступить к Нарве (Ивангороду), прикрывая отступление гражданских беженцев из пригородов Петрограда, и здесь вошла на свою Голгофу.

Бои под Нарвой продолжались до января 1920 г., здесь же войны СЗА и гражданские беженцы претерпели многие лишения и многие из них встретили смерть во время страшной эпидемии тифа, продолжавшейся с осени 1919 до весны 1920 г.

Поэтому именно Успенский храм в Ивангородской крепости принял в свои стены список петербургской святыни, написанный в память воинов СЗА. В будущем планируется соорудить к образу киот.

Икона написана по инициативе редактора журнала исторической России «Михайлов День» С. Г. Зирин (Ямбург), воинского братства Архистратига Михаила (Ямбург) и Санкт-Петербургского Митрофаньевского союза, петербургским иконописцем Сергеем Хайгора. Образ украшен сусальным золотом и чеканкой. Множество цветных эмалей помещены на тех местах, где на оригинальном образе Спаса Нерукотворного в окладе расположены драгоценные камни.

После Божественной литургии настоятель храма Успения Пресвятой Богородицы в Ивангородской крепости игумен Довмонт (Беляев) совершил чин освящения образа. Затем собравшиеся на торжество и прихожане храма, жители Ивангорода проследовали на Ивангородское кладбище к могиле новомученика ивангородского-нарвского иерея Александра Волкова (вместе с нарвским-ивангородским протоиереем Димитрием Чистосердовым пострадал за Веру, память 25.12.1918/8.01.1919), а также к братским захоронениям воинов СЗА, скончавшихся в 1919–1920 гг. и погребенных на Петропавловском (Знаменском) кладбище в Ивангороде.

21. 2018. Крест графу Г. Г. Менгдену, полковнику Н. Н. Эгерштруму и графу В. К. Клейнмихелю в Луге (2018) посвящен памяти погибших 1/14 марта 1917 г. оставшихся верными Государю офицеров (приход Лужского собора, протоиерей Николай Денисенко; сбор материалов и инициатива увековечения И. В. Попов).

22. 2018–2019. Беломраморная мемориальная доска вольноопределяющемуся Ливенской дивизии СЗА А. А. Ландшевскому (С.-Петербург, бывш. 1-я гимназия). Открыта 14.02.2019. И. В. Попов, М. А. Сорокин, Белое Дело, администрация школы.

23. 2019. Памятник СЗА в Ивангороде (установлен в 1936 г.), реставрация центральной части, освящен игуменом Довмонтом (Беляевым) 01.06.2019 (С. Г. Зирин, Белое Дело, И. В. Попов, М. А. Сорокин, Н. В. Шаршутин, обмеры и проект реставрации: И. А. Килина, Н. А. Демченко, Н. В. Лаврентьев).

Список литературы

- Бойков В. Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллинн, 2009. С. 60–61.
- Долинин С. Доброволец шёл на Петроград. Памяти поэта Андрея Ландшевского // Санкт-Петербургские ведомости. № 031 (6384) от 20.02.2019.
- Зирин С. Мальчики новой Вандеи. История жизни одного белогвардейца. // Православное информационное агентство «Русская линия» от 15.04.2010. Режим доступа: <https://rusk.ru/st.php?idar=41051>
- Зирин С. Нарвское Знаменское кладбище. Краткий исторический очерк // Православное информационное агентство «Русская линия» от 03.08.2010. Режим доступа: <https://rusk.ru/st.php?idar=43295>
- Копьтин И. Русские в эстонской Освободительной войне. Таллин, 2010. 61 с.
- Копьтин И. Очерки об истории Эстонской армии. 1918–1940 гг. Для призывников и военнослужащих. Таллин, 2011. 64 с.
- Копьтин И. Русские офицеры Эстонской армии. 1918–1940 гг. Таллин, 2012. 63 с.
- Куприн А. Купол Святого Исаакя Далматского // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 608, 623–624.
- Лаврентьев Н. Ещё несколько слов об открытии доски северо-западнику, вольноопределяющемуся Ливенской дивизии СЗА А. А. Ландшевскому. 15 февраля 2019 г. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/1398497566845632/permalink/2526070150755029/>
- Николаев К. Награды Балтийского Ландесвера. Б/м, 2015. 242 с.
- Открытие памятника воинам Северо-Западной Армии поручику графу Павлу Павловичу Шувалову и подпоручику Георгию Львовичу Навроцкому в Гатчине. Б/м, 2016. 2 с.

Пилкин В. К. Дневник 1918–1920. В Белой Борьбе на Северо-Западе России. М., Русский путь, 2005. С. 201, 204–205.

[И. В. Попов]. Памяти Андрея Александровича Ландшевского. Участника Белого Движения на Северо-Западе России, воина Ливенской дивизии Северо-Западной Армии ген. Н. Н. Юденича (К 100-летию создания Северо-Западной Армии генерала Н. Н. Юденича). СПб., 2019. 12 с.

Розенталь Р. Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений. 1918–1920 годы. Таллин, 2012. 696 с.

Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1998. 439 с.

Sergy Gennadievich ZIRIN

Editor of the Mikhailov Day, a Magazine of Historical Russia (Yamburg, Russia)

E-mail: szirin@mail.ru

Nikolay Vladimirovich LAVRENTYEV

Vice-President of the National Scientific Committee on Historical Necropolises of ICOMOS Russia (St. Petersburg, Russia)

E-mail: forestiercorps@gmail.com

Илья Васильевич ПОПОВ

Deputy Chairman of the St. Petersburg Mitrofanievsky Union (St. Petersburg, Russia)

E-mail: ilja.popov.spb@gmail.com

Perpetuating the Memory of the Heroes of the White Movement in the Northwest of Russia

Through the efforts of the Beloe Delo (White Cause) organization, of Sergey G. Zirin, Ilya V. Popov, Yuri P. Maltsev and others, memorial plaques, memorial plates, plaques bearing the names of the fallen North-Westerners that could be uncovered thanks to archival sources were installed in Gatchina, St. Petersburg, Kingisepp (Yamburg), Opolye, Krasnoye Selo, Ivangorod and other places in Estonia, Leningrad and Pskov regions. However, notwithstanding the work carried out by enthusiasts, there are still very few monuments to White soldiers in comparison to several hundred immortalized names of Bolsheviks of various prominence in the Northwest of Russia.

Keywords: North-Western Army, Prince Lieven's Division, Civil War in the Northwest of Russia, White Movement, diaries.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБТУ — Автобронетанковое управление Ленинградского фронта
АВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
АИМ — Артиллерийский исторический музей (название ВИМАИВиВС до 1965 г.)
АДД — артиллерия дальнего действия
ап — артиллерийский полк
АТУЛ — Автомобильно-транспортное управление при Ленгорисполкоме
АУФСБ по СПб и ЛО — Архив управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
БОВО — Белорусский особый военный округ
БОС — Береговой отряд сопровождения
БССР — Белорусская советская социалистическая республика
БРЭМ — Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи
БУС — большие учебные сборы
ВВС — военно-воздушные силы
вдк — воздушно-десантный корпус
ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВКВС — Военная коллегия Верховного Суда
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМФ — военно-морской флот
ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь
ВПК — военно-промышленный комплекс
ГАРО — Государственный архив Ростовской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАУ — Главное артиллерийское управление
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
ГБРЭМ — Главное бюро по делам российских эмигрантов
ГКВП — главное командование Войска Польского
ГСМ — горюче-смазочные материалы
ГУПП — Главное управление политической пропаганды
ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии, авиации, флоту
ЖБД — журнал боевых действий
КалВО — Калининский военный округ
КаУР — Карельский укрепленный район
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
КВО — Киевский военный округ
КИАФ — Корпус императорской армии и флота

КОВО — Киевский особый военный округ
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛОГАВ — Ленинградский областной государственный архив в г. Выборг
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛТТ — легковой таксомоторный транспорт
ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт
МВД — Министерство внутренних дел
МВО — Московский военный округ
МВУА — Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба
МОИРВИО — Московское отделение Императорского русского военно-исторического общества
МПВО — местная противовоздушная оборона
МТС — машинно-тракторная станция
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НПК — Народно-промышленный комитет
ОКГ — Отдельная конная группа
ОПАБ — отдельный пулеметно-артиллерийский батальон
ОрВО — Орловский военный округ
ОР ИРЛИ РАН — отдел рукописей Института русской литературы Российской Академии наук
ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ОСОГ — Особое совещание по обороне государства
ПВО — противовоздушная оборона
ПОЗиФ — Петроградское общество заводчиков и фабрикантов
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
пто — противотанковое орудие
ПУ — политическое управление
РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РЗИА — Русский заграничный исторический архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РНБ — Российская национальная библиотека
РПЦЗ — Русская Православная Церковь за границей
СИМ — Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии

СНК — Совет народных комиссаров
СССР — Союз Советских Социалистических республик
УК — уголовный кодекс
УССР — Украинская советская социалистическая республика
ХВО — Харьковский военный округ
ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦК — центральный комитет
ЧСУФЗП — Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда
ЯВМ — японская военная миссия в Харбине
CAW — Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie
NARA — National Archives and Records Administration

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Татьяна Николаевна ИЛЬИНА</i> За службу и храбрость. К 250-летию Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия	3
<i>Александр Иванович САПОЖНИКОВ</i> Действия донских казачьих полков в Старой Пруссии в 1812–1813 гг. От Кёнигсберга до Данцига.....	23
<i>Алексей Николаевич ГРЕБЕНКИН</i> Особенности обучения и воспитания малолетних горцев в кадетских корпусах Российской империи в XIX в.	74
<i>Ксения Владимировна ДОНИК</i> К. И. Опперман и князь А. С. Меншиков у истоков создания Строительного департамента в Морском ведомстве (1826–1831)	95
<i>Ирина Владимировна ОЛИМПЬЕВА</i> Роль военных кадров в подготовке юристов в Императорском училище правоведения (1835–1918)	113
<i>Сергей Сергеевич МИГУНОВ</i> Дмитрий Петрович Минквиц — командир Виленского артиллерийского гарнизона в последние годы николаевского царствования.....	119
<i>Владимир Игоревич ХОЗИКОВ</i> Частные предприятия и предприниматели в комплексе военной промышленности Санкт-Петербурга (1861–1881 гг.)	122
<i>Андрей Владимирович ГРОМОВ</i> Судьба старинной корейской пушки из собрания ВИМАИВиВС. Памяти выдающегося российского дипломата К. И. Вебера	166
<i>Николай Равильевич СЛАВНИТСКИЙ</i> Повседневная жизнь гарнизона Санкт-Петербургской крепости в 1904–1905 гг.	179
<i>Александр Владимирович ЛЫСЁВ</i> Интернирование русских судов в Шанхае (1904–1905): некоторые аспекты повседневной жизни.....	185
<i>Михаил Романович ИВАНЧЕНКО</i> Источники личного происхождения моряков крейсера «Жемчуг» о Русско-японской войне (1904–1905 гг.).....	196
<i>Анатолий Евгеньевич САФАЕВ</i> Начало российской авиации. Вторая половина 1911 года. Хроника событий по материалам газетных публикаций	209
<i>Антон Юрьевич ФОМИН</i> К вопросу о контактах А. И. Гучкова с представителями военной среды: по материалам департамента полиции	252
<i>Николай Юрьевич НИКОЛАЕВ</i> «Война отвратительна, но неизбежна...»: М. И. Драгомиров о войне и вечном мире	262
<i>Алексей Павлович ПАВЛЕНКО</i> Военные и государственные символы на Черноморском флоте зимой 1917–1918 гг.: казусы истории революционного флота	273
<i>Дарья Ивановна БОЛОТИНА</i> Судьба русского офицера и его архива. Николай Раевский: новые находки	279
<i>Константин Андреевич ТАРАСОВ</i> Полковник П. И. Назимов. Биография семеновца-изгоя	299
<i>Андрей Владиславович ГАНИН</i> Сопровождал ли подполковник М. С. Свечников В. И. Ленина через Финляндию в апреле 1917 г.?	317
<i>Алексей Викторович ОРЛОВ</i> Экономика войны, промышленность и революционная Россия в 1917 г.: можно ли было избежать мира?.....	327
<i>Кирилл Борисович НАЗАРЕНКО</i> Мятеж Минной дивизии в Петрограде в мае–июне 1918 г. в контексте начала Гражданской войны в России.....	345
<i>Антон Викторович ПОСАДСКИЙ</i> Антибольшевистские формирования Саратовского Поволжья на Востоке: потенциал и судьба	385
<i>Олеся Витальевна АЛЕКСЕЕВА</i> 1919 год в Берлине: по страницам дневника эмигранта	395
<i>Петр Юрьевич МАЖАРА</i> Профессор А. Н. Быков и его «правительство»: К вопросу о политических альтернативах Петрограда в 1919 году	404
<i>Владимеж НОВАК</i> Бои польских войск Юго-Восточного фронта генерала Э. Рьдз-Смиглого с 1-й конной армией С. М. Буденного под Берестечком и Бродами (29 июля — 4 августа 1920 г.).....	415
<i>Владимир Викентьевич ЛАПИН</i> Поход Юденича на Петроград в 1919 г. и Советско-Эстонская война 1918–1920 гг. в историографии и исторической памяти	453
<i>Константин Игоревич ВАСИЛЬЕВ</i> От «белобандита» до героя: как менялся образ генерала Н. Н. Юденича в отечественной прессе (1924–2019)	467

<i>Евгений Васильевич ЯКОВКИН</i> Страницы жизни генерала от кавалерии Владимира Александровича Кислицына	495
<i>Владимир Спартакovich МИЛЬБАХ, Андрей Анатольевич ТИТОВ</i> К вопросу о «вредительско-диверсионной работе» в системе артиллерийского снабжения частей в 1937–1938 гг.	509
<i>Михаил Игоревич ТЯГУР</i> «Большие учебные сборы» 1939 г.: скрытая мобилизация и трудности ее проведения	516
<i>Антон Викторович РЕШЕТОВ</i> Образ Финляндии на страницах советских газет накануне Второй мировой войны	539
<i>Владимир Владимирович ЧАПЧАЕВ</i> Функционирование легкового таксомоторного транспорта Ленинграда в условиях Второй мировой войны (1939–1942 гг.).....	552
<i>Вячеслав Вячеславович НИКИТИН</i> Финская радиоразведка в Зимней войне	574
<i>Павел Николаевич ЕРМОЛАЕВ</i> Боевые действия форта Хумалйоки в период Советско-Финляндской войны 1939–1940 гг.....	589
<i>Сергей Анатольевич ПИЦУЛИН</i> События в районе высоты 65,5 в декабре 1939 г. — феврале 1940 г.....	611
<i>Вячеслав Олегович ТЕРЕНТЬЕВ</i> Бои за предполье Линии Маннергейма. 1939 г. Участок L-Ryhmä.....	618
<i>Дмитрий Петрович ГРУШЕВСКИЙ</i> Кукушки	643
<i>Евгений Анатольевич БОЧКОВ</i> Советско-финляндская война 1939–1940 гг. глазами артиллериста. Бои за Виипури (Выборг)	647
<i>Вячеслав Леонидович КОКИН</i> Вася Теркин — боец Ленинградского фронта. К 80-летию появления литературного героя на страницах газеты «На страже Родины»	662
<i>Вадим Михайлович КУСТОВ</i> Издание и распространение религиозной литературы во время Великой Отечественной войны на территории Финляндии и Карельского перешейка.....	675

<i>Павел Александрович ГАВРИЛОВ</i> «Пишу с аппетитом, как будто говорю»: Письма комиссара 90-й стрелковой дивизии А. С. Снегирева в Ленинградский обком ВКП(б) от сентября 1941 г. как исторический источник	689
<i>Станислав Геннадьевич СОПОВ</i> Захват Орла 3 октября 1941 г.	705
<i>Сергей Валентинович МАЛАХОВ, Максим Борисович МОСЕНЖНИК</i> Флагманский командный пункт Краснознаменного Балтийского флота	721
<i>Евгений Васильевич ИЛЬИН</i> Город воинской славы Ломоносов	736
<i>Владимир Александрович НОСОВ</i> Советская армия и советская геополитика на Ближнем Востоке: подходы и результаты их применения.....	750
<i>Сергей Геннадьевич ЗИРИН, Николай Владимирович ЛАВРЕНТЬЕВ, Илья Васильевич ПОПОВ</i> Увековечение памяти героев Белой борьбы на Северо-Западе России	756
Список сокращений	775

**ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
XIX–XX ВЕКОВ**

**Материалы
XII Международной военно-исторической конференции
22–23 ноября 2019 г.**

Под редакцией *А. В. Арановича, Д. Ю. Алексеева, В. А. Мосунова*
Корректурa *Ю. Л. Минутинной-Лобановой*
Вёрстка *О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать 19.11.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆
Печать цифровая. Усл. печ. л. 45,45
Тираж 1000 экз. Заказ № 51

Отпечатано в типографии ФГБОУВО «СПбГУПТД»
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26